

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО

*СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ*

В ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ

Том III

Проза 2001 – 2016 гг.

Санкт-Петербург

ББК 84(Рос=рус)

Ю 83

Юрченко Станислав Георгиевич

Член Союза писателей России

Юрченко С. Г.

Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3. Проза 2001 – 2016 гг. Рассказы и повести.

СПБ «Контраст», 2022.

ISBN

ISBN

© Юрченко С. Г. 2022 г.

Сука

Сука была старой, она уже не помнила, сколько прожила. Последнее время ее мучили боли в суставах, и она чувствовала, что скоро умрет: вкус пищи, которую приносил хозяин, уже не радовал ее, а щенок, вертевшийся рядом, даже раздражал. Когда он особенно нагелел, она хрипло рыкала на него, иногда покусывала легонышко, после чего он притихал на какое-то время. А потом все начиналось сначала. И чего ему не лежит, тем более что будка свободна? Ей не хотелось заползть туда: на свежем воздухе легче дышалось, ветерок щекотал ноздри, а запах цветущей яблони-дичка отбивал запах умирающей плоти. Утром хозяйка вынесла ей теплого молока, и она с благодарностью лизнула хозяйкину руку. Молоко напомнило ей о том времени, когда ее, маленьким, дрожащим комочком, впервые принесли в этот дом. И, первое, что ей запомнилось из всех событий того дня – это вкус молока, которое она лакала из голубого блюдца, торопясь и захлебываясь. Сейчас молоко унимало тягучие, изнуряющие до дрожи в мышцах усталость и боль, давно поселившиеся в ее теле, и давало короткую возможность хоть немного поспать. Наконец щенок убежал в огород, тревожить заросли лопухов, где занимались своими непонятными делами вечно озабоченные куры, и сука задремала...

...Ей приснилось, что она снова молода, и хозяин, вняв ее настойчивым просьбам, выразившимся в оглушительном лае и прыжках возле машины, сжалился и взял ее с собой на озеро. Часа два, пока они добивались до цели, она терпеливо лежала под задним сидением, глотая пыль и получая синяки от подпрыгивающего на ухабах металлического пола драндулета. Но все эти мучения стоили того, что ее ожидало, когда, наконец, хозяин заглушил машину и выпустил ее на волю. Огромное, голубое, отражавшее легкие барашки облаков, зеркало воды лежало, окаймленное чистыми, сосновыми борами. Беломошник под соснами терпко пах смолой опавшей коры и незнакомыми запахами каких-то местных обитателей. Озеро у песчаных берегов было мелким, и она с удовольствием носилась по теплой, прогретой солнцем воде, поднимая фонтаны брызг, сверкающих, как бриллианты.

- Ну, хватит, хватит, чего носишься, как оглашенная? – через какое-то время остановил ее хозяин, спускавший с товарищем на воду надувную лодку. – Ты пока, давай, караул машину, а мы поплывем, сети поставим.

Она все поняла, легла возле машины, и, положив голову на передние лапы, долго смотрела в их сторону, пока они не скрылись за поросшим

березняком мысом. Легкий ветерок трепал ей шерсть на загривке, и состояние полнейшего блаженства переполняло ее. Примерно через час хозяин с приятелем вернулись с ведром пойманной рыбы, и она радостным лаем приветствовала их. А потом, наевшись свежей ухи, она лежала возле потрескивающего и приятно согревающего бок костра, чутко прислушиваясь к неторопливому разговору, который вели рыбаки, и к тем незнакомым звукам, которые рождал ночной, притихший лес. Мерцающие звезды подмигивали ей с темного бархата небес, и она счастливая и полная сил мечтала о том, что когда-нибудь снова вернется сюда...

...Возвратившийся с листом лопуха в зубах щенок разбудил ее своей бестолковой возней, возвратив из состояния приятной полудремы к реальности. Она вновь рыкнула на него, и он отпрыгнул в сторону, радостно попискивая. «Натаскал всякой гадости, - подумала она. – И чего ему неймется?» Она вспомнила, как хозяин принес его на прошлой неделе и сунул к ней в будку.

- Смотри, не обижай! – пригрозил он ей тогда, и она, поворчав немало, потеснилась, освобождая место сопливному и скулящему комочку шерсти. Ночью он затих, прижавшись к ней, и она даже почувствовала некоторую приязнь к этому беспокойному, вечно суеющемуся созданию. Но днем, когда вытягивающие силу боли в конечностях становились невыносимыми, а в душе селилась тоска, она старалась прогнать его и остаться наедине со своими болячками. Скрипнула калитка. Вернувшаяся из школы дочка хозяина подошла к ней и присела рядом.

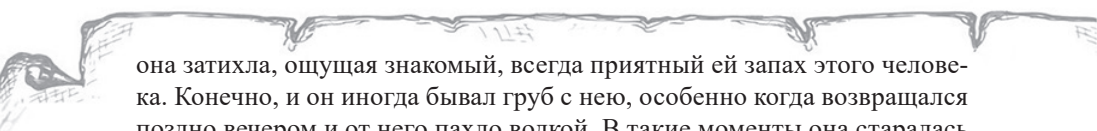
- Ну, как ты? – теплая ладонь погладила ее, и сука с благодарностью приподняла голову, взглянув в печальные глаза девочки. – Лежи, лежи. Я тебе сейчас кашки сварю.

Девочка поднялась, подхватила портфель и скрылась за дверь в доме. Сука вспомнила, как однажды она отбила дочку хозяина от напавшего на ту рыжего, лохматого кобеля. Кобель был гораздо крупнее, но она не уступила ему, собрав воедино все свои силы и природную хитрость. В конце концов, кабель отступил, а, увидев вышедшего из дома хозяина, и вовсе пустился наутек.

Кровь капала у нее из разорванного уха, но она не чувствовала боли. А когда хозяин перевязал ее, да еще и дал в награду за смелость огромную кость с остатками мяса, гордость переполнила ее. С тех пор она не давала спуска ни одному обидчику, а девочка в знак особой признательности всегда приносила ей разные вкусности, оставшиеся от обеда.

Дверь открылась, на крыльцо вышел хозяин и, присев на ступеньку, закурил. Преодолевая боль, сука поднялась и, с трудом переставляя лапы, поднялась по ступеням. Свернувшись калачиком у ног хозяина,

она затихла, ощущая знакомый, всегда приятный ей запах этого человека. Конечно, и он иногда бывал груб с нею, особенно когда возвращался поздно вечером и от него пахло водкой. В такие моменты она старалась спрятаться куда-нибудь в угол и стать, как можно незаметнее. Но он был самым главным в этом доме, вожаком, и она прощала ему любую грубость, тем более, что он ни разу за всю ее долгую жизнь не забыл накормить ее, а в самые холодные, зимние ночи пускал погреться в теплые сени. Хозяин погасил окурок и внимательно посмотрел ей в глаза.

- Что, собака, совсем худо? – он почесал у нее за ухом. – Крепись, хозяйка обещала достать лекарство, попьешь, глядишь, – и полегчает.

Сука приподняла голову и благодарно посмотрела хозяину в глаза. Если бы она могла говорить.

- Ничего, потерпи, старушка, - хозяин вновь погладил ее по шерсти на загривке. – Ну, отдыхай.

Он поднялся и пошел к сараю, а сука, опустив голову, закрыла глаза и почувствовала, как ее качают невидимые волны лесного озера, убаюкивая на своих упругих, почти неощутимых гребнях. Она снова увидела себя молодой и сильной, несущейся по зеленому, цветущему лугу, а впереди, над пригорком сверкал и переливался всеми цветами радуги огненный шар, в котором угадывались черты лица ее хозяина. Так во сне она и умерла.

Вернувшийся через час хозяин обнаружил ее еще теплой. Горько вздохнув, он прикрыл ей глаза и пошел в дом сообщить, что суки не стало. Щенок, забившись в угол между будкой и забором, отчаянно скулил и никак не хотел покидать своего убежища, даже когда его попытались оттуда вытащить. Хозяйка с дочкой горько рыдали, глядя шерсть застывшей калачиком собаки. Хозяин потоптался рядом, не зная, как их успокоить, а потом взял лопату и отправился в лесополосу рыть могилу. Он выбрал небольшую, заросшую травой полянку на пригорке и долго рыл яму, пробиваясь через густо сплетенные корневища, пока не дошел до чистого, желтого песка. «Сухо, кажется, - подумал он. – Здесь ей будет хорошо».

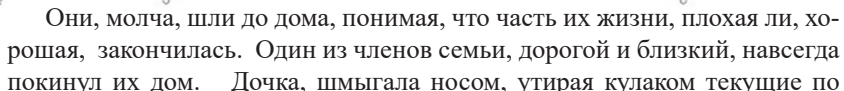
Возвратившись на подворье, он застал своих женщин все там же, горько плачущими. Прикрикнув на них, он попросил принести старое одеяло и, завернув в него собаку, понес ее на руках через дорогу к поляне. Жена и дочь поспешили за ним, пытаясь помочь, но он донес уже застывшее тело до вырытой ямы один.

- Прощайтесь, - глухо сказал хозяин, положив сверток на край ямы, и женщины снова заплакали.

Когда над могилой образовался невысокий, аккуратный холмик, дочка принесла зеленую, пушистую ветку сосны и воткнула в рыхлую землю.

- Ну, вот и все, пошли, - мужчина повернулся и, чиркнув спичкой, снова закурил.

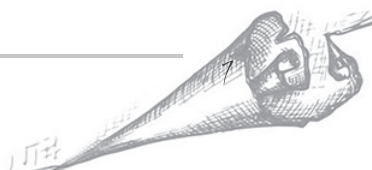

Они, молча, шли до дома, понимая, что часть их жизни, плохая ли, хорошая, закончилась. Один из членов семьи, дорогой и близкий, навсегда покинул их дом. Дочка, шмыгала носом, утирая кулаком текущие по щекам слезы, а мать, обняв, прижимала ее к себе, успокаивала и гладила теплой ладонью по русской головке. Говорить не хотелось, каждый думал о чем-то своем, глубоко потаенном в душе. У калитки, повиливая хвостом, их встретил выбравшийся из своего угла щенок. Он вопросительно смотрел на хозяев, не издавая ни звука, как-то сразу повзрослев...

А неожиданно налетевший порыв ветра качнул сосновую ветку на свежем холмике земли и, растревожив траву на поляне, так же внезапно стих.

2 – 4 декабря 2004 г.

Небезуха

В жизни Витьки наступила черная полоса. Третий час, то и дело, поглядывая на светящийся циферблат, он сидел возле подъезда на лавочке и ждал. Ждал свою Татьяну, Танечку, Танюшу. Обычно она прибегала из своего гастронома уже к половине восьмого. Но сегодня, когда он подъехал к восьми, как условились, дома ее не оказалось. Не знала, где бы она могла быть, и мать. На немой Витькин вопрос она развела руками:

- Не звонила. Садись, чаем напою, глядишь, и появится наша красавица.

Но Витька вежливо отказался, решив дожидаться на улице, благо уже стало достаточно тепло, всю цвела сирень, да и комары еще не успели обнаглеть. Время тянулось медленно, в голову лезла всякая белиберда. Что же могло случиться? Магазин давным-давно закрылся, да Татьяна, как правило, никогда и не опаздывала. Томительное ожидание начинало тревожить. «Одно к одному, - невесело подвел итог Витька, - если не везет, то и на родной жене, как говорится...»

...Все началось с прошлой пятницы, когда тренер, Владимир Васильевич, пригласил их всей командой к себе на дачу. Отдохнуть, порыбачить, а заодно, как он выразился «для разминки», вскопать огород под картошку. Дело плевое для шестнадцати здоровенных мужиков, не знающих, куда применить молодые силы. Все радостно согласилось, потому что просыпающийся после зимней спячки серый и грязный город надоел до чертиков. А тут, какое-никакое разнообразие. Захотелось глотнуть чистого, сельского воздуха, почувствовать запах просыпающейся земли, похлебать ухи с дымком и, вообще, сменить обстановку.

На левобережье Амура, где располагалась дача В.В., так за глаза пацаны звали Владимира Васильевича, добирались речным трамвайчиком часа полтора. Плыли весело, с песнями под гитару, анекдотами и молодым, здоровым гоголом, сотрясавшим теплоходик, и заставлявшим оглядываться, закутанных в цветастые платки и бархатные жакетки, теток, возвращавшихся в свои деревеньки, разбросанные по берегам многочисленных проток.

Отдохнули прекрасно. Огород перелопатили за какие-то два часа. Да и что такое десять соток чернозема для сборной Хабаровского края по легкой атлетике. Тьфу! Мастера и кандидаты, как никак. Потом проверили поставленные загодя сети и натрясли с полведра белорыбицы и окушков. Уха получилась, что надо! Наваристая, запашистая, какая бывает только тогда, когда ее готовят на костре. В.В. даже плеснул граммов по пятьдесят водки ради такого случая. Как было многозначительно сказано: «для

снятия стресса и спокойного сна». Ночевали в просторной летней кухне, прямо на полу. Сквозь оконное стекло был виден кусочек звездного неба четкий и яркий, какого никогда не увидишь в городе, а в открытую форточку лился аромат зацветающих трав. А рано утром тем же речным трамвайчиком с теми же тетками полные незабываемых впечатлений, отдохнувшие душой и телом возвратились домой.

Неприятности начались в воскресенье, когда мозоль на правой ладони, на которую Витька даже не обратил внимания, вздулась и налилась зловещей синевой.

- Слушай, в санчасть надо, - посоветовал Олег, осмотревший ладонь.
- Там сегодня Пал Петрович дежурит. Я видел, как он утром на службу топал. Смотри, не шути! А он тебя в три секунды обслужит.

Павел Петрович, хирург военного гарнизона, в котором до отъезда родителей на новое место службы отца проживал и Витька, осмотрев руку, многозначительно хмыкнул:

- Флегмона. Будем резать!
- Как резать? – растерялся Витька.
- Молча, - отрезал врач. – Ты, что хочешь, заражение получить? Снимай свою хламиду, вон на вешалку повесь. А ты иди, подожди в коридоре, - приказал он Олегу, - или погуляй часок на свежем воздухе. Маша, готовь инструмент!

Маша, молоденькая сестричка со стройными ножками и веселыми ямочками на щеках, бодро загремела никелированными посудинами со всяким блестящим барахлом, то и дело, одергивая не в меру короткий халатик. В другой раз Витька не упустил бы случая позубоскалить в присутствии красивой девчонки, но при виде всего этого сверкающего, холодного железа, готового рвать его плоть, шутить расхотелось. Руку Витьке намазали почти до локтя йодом, вкатали в ладонь новокаин, и он с содроганием почувствовал, как, потрескивая, рвется натянутая кожа под лезвием скальпеля. Боли не было, но он до конца операции так и не осмелился повернуть голову и посмотреть, что там с ладонью. А через полчаса он уже прыгал, подвывая и тряся забинтованной кистью, в скверике возле санчасти: начала отходить анестезия.

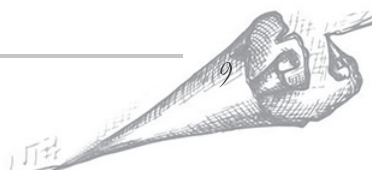
В понедельник Витька с утра явился в деканат, дабы получить законную отсрочку сдачи двух курсовых работ. Допуск к сессии без этих курсовых был призрачен, как замки Фага-Морганы в пустыне, но и чертить с забинтованной клешней не было никакой возможности.

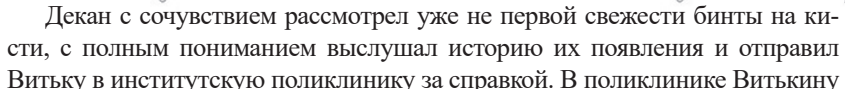
- Как там шеф? – спросил он худенькую, неопределенных лет деканатскую секретаршу, которую все за глаза почему-то звали Зюзя.

- Как обычно, - она с любопытством взглянула на озабоченного Витьку.

- Ну, так я войду?

- Ну, так иди.

Декан с сочувствием рассмотрел уже не первой свежести бинты на кисти, с полным пониманием выслушал историю их появления и отправил Витьку в институтскую поликлинику за справкой. В поликлинике Витькину руку разбинтовали, осмотрели рану, смазали ее какой-то вонючей мазью, но справку давать категорически отказались: не мы резали не нам и справки давать! Витька попытался объяснить, что санчасть – военное подразделение и потому никаких справок не дает, на что его мягко, но решительно выставили за дверь. Напрасно он пытался протестовать, слушать его никто и не думал.

«Во, блин, влип! – почесал затылок Витька. – Система, мать ее!» Он опять поплелся в деканат. Декан вторично, с нетерпением поглядывая на часы, выслушал Витьку, но остался непреклонен: будет справка – будет и отсрочка! А на нет – и суда нет!

- Пошли на пляж, Витек, косточки погреем, - пригласили его с собой выходящие из общежития однокурсники, но он только отмахнулся в ответ. Какой уж тут пляж, надо думать, как из этого положения выкручиваться. Не сданные в положенные сроки экзамены грозили потерей стипендии, которая ох как не была лишней.

Дальше – больше! Наутро на правой скуле вздулся огромный фурункул, который нестерпимо зудел и не давал притронуться к щеке. Пришлось снова тащиться в институтскую поликлинику, где вчерашний доктор этот фурункул вскрыл и заклеил Витьке марлевой повязкой добрую половину физиономии. Поскольку эта новая напасть на справку никак не тянула: голова – не рука и ей чертить не надо, настроение упало до нуля. Увидев себя в зеркале, Витька вовсе скис: ну и морда! А тут еще и рука. В четверг начиналась спартакиада вузов города по легкой атлетике, и Витка, заявленный в метании диска, пролетал, как фанера над Парижем. Он собрался и мрачно поплелся на стадион предупредить В.В., что на него рассчитывать не стоит и нужно менять заявку, а то команда потеряет очки. «Вот непраха! Ну, прям, хоть удавись!» - крутились в голове невеселые мысли. Будущее представлялось беспросветно серым. А завтра у него было свидание с Тагтяной, и он не представлял, как явится к ней в таком виде.

- Нормальный вид, - ухмыльнулся сокурсник и сосед по комнате Сашка. - Обычные бандитские пули.

- Да, иди ты, и так выть хочется!

- А ты еще повой! Кончай ныть! Любит – примет всяким, а не любит, ну и черт с ней! – беспечно махнул рукой приятель.

С Тагтяной Витька познакомился в прошлом году на вечеринке у Олега. Оказалось, что учились они в одной школе, только она на два класса позже. В тот день, когда он ее провожал, проговорили в темном подъезде ее дома чуть не до утра. Но вот поцеловать себя она так и не позволила. А спустя неделю после этого дня он вдруг понял, что страшно соскучился по этой симпатичной, белокурой девчонке. В тот же вечер он позвонил ей.

Потом были новые свидания и долгие проводы с бесконечными поцелуями и признаниями, поездки на левобережные пляжи, веселые вечеринки у общих знакомых. Однажды, месяца через три, она пригласила его к себе домой и познакомила со своей мамой, женщиной простой и приветливой. Жизнь у Витьки стала радостной и наполненной. Если раньше случались вечера, или выходные, когда он не знал, куда себя деть, то сейчас он все свое свободное время посвящал любимой. И она отвечала ему взаимностью. Всегда веселая и обаятельная, она была рада видеть Витьку у себя в любое время дня и ночи. А потом была та осенняя, прохладная ночь в палатке под шепот громадных кедров, обступивших поляну и уходящих своими кронами под облака, и прерывистый звон водопада на прозрачном таежном ручейке, где днем резвились стайки юрких, серебристых гальянов. Его руки скользили по ее обнаженным бедрам, а губы искали затвердевшие соски налившихся грудей. Прогибаясь и постанывая, она горячо дышала ему в щеку, бормоча что-то нежное. Усталые, они лежали, прижавшись друг к другу, оглушенные нахлынувшими на них чувствами, и молчали. За брезентовыми стенами палатки звенел ручей, поскрипывали стволы деревьев, а в голове у Витьки звучали скрипки.

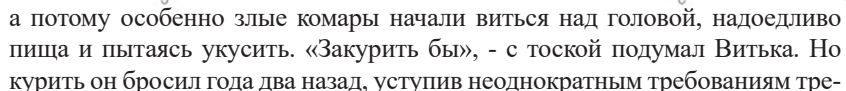
- Ты меня любишь?

- Люблю!

- И я тебя!

За один поцелуй этой ставшей для него бесконечно дорогой женщины Витька был готов обнять весь мир. Да что там мир – вселенную!

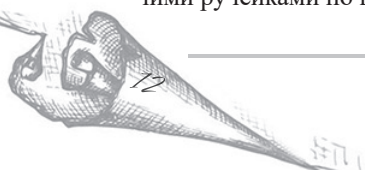
...Похолодало. Звезды, рассыпанные по темному небосклону, помаргивали, как светлячки. Над стриженными кустами между стволов тополей в сквере потянулись невесомые, белесые мазки тумана. Чтобы согреться, Витька несколько раз пробежался по тротуару вдоль домов, не выпуская, однако, из вида освещенного кусочка асфальта со скамейкой около ее подъезда. Успокоив дыхание, он подпрыгнул и несколько раз подтянулся на ветке тополя, нависшей над тротуаром, а потом, подойдя к скамейке, вновь угнездился на ней. От нечего делать Витька запрокинул голову и стал искать на небе знакомые созвездия, которые помнил еще со школы. Но таковых оказалось не слишком много. Ожидание становилось все тягостнее и мучительнее. В сознание одна за другой возникали апокалипсические картины, и чем дальше, тем ужаснее: то авария автобуса, в который врезался многотонный грузовик, то наглое приставание хулиганов в темном переулке с истошными криками жертвы, которые никто не слышал. Витька тряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, но мрачные мысли не исчезали. Ждать становилось совсем невмочь. Еще хуже он чувствовал себя от бессилия, что-либо изменить, предпринять что-то, прийти на помощь. Бездействие угнетало. А тут еще проснувшиеся, первые в этом году, редкие,

а потому особенно злые комары начали виться над головой, надоедливо пища и пытаясь укусить. «Закурить бы», - с тоской подумал Витька. Но курить он бросил года два назад, уступив неоднократным требованиям тренера и реально возникшей перспективой быть выгнанным из спортивной школы. Поэтому единственной надоедливо крутившейся в голове мыслью было: где бы стрельнуть? Но двор и прилегающая дорога с редкими фонарями по обочинам оставались пустынными. Почему-то пришло на память, как прошлым летом они всей своей дружной компанией с курса, вместе с девчонками отправились на несколько дней отдохнуть к Петропавловскому озеру, где расположилась геодезическая база института. Как голыми руками ловили в теплой воде обмелевшего от зноя озера полусонных карасей, а потом жарили их на огромном противне из столовки, выпрошенном на время у сторожа базы. Как пели у ночного костра на берегу песни Окуджавы и Визбора, а потом сквозь треск помех слушали запрещенный «Голос Америки», представляя себя такими витийствующими диссидентами.

Витька очнулся и вновь вернулся в действительность. Ночной холодок все глубже проникал под застегнутую наглухо болоньевую куртку. Он поднялся, сжал кулаки и несколько раз энергично ударил в воздух перед собой. Стало теплее. Рассуждая про себя о превратностях жизни, Витька отвлекся, но через секунду очнулся от резкого визга тормозов и блеска фар остановившегося на обочине такси. «О, вот сейчас и стрельнем закурить», - Витька, было, двинулся в сторону машины, но что-то удержало его на месте. Широко распахнулась задняя дверь, и, выскочивший первым офицер, насколько разглядел в темноте Витька, помог выбраться из такси своей даме. Две фигуры слились вместе, а когда женщина отпрянула, Витька отшатнулся, как от удара, разглядев на фоне вспыхнувшего в салоне света знакомый силуэт. Внутри что-то оборвалось и больно заныло. Офицер еще раз поцеловал даму и, попрощавшись, захлопнул дверь. Такси развернулось на пустынной дороге, и свет его фар исчез за поворотом, а по асфальту, приближаясь, застучали женские каблучки. Словно оглушенный, Витька, как сомнамбула, двинулся навстречу. Глаза подошедшей ближе и узнавшей его Татьяны округлились, и она остановилась, как вкопанная, будто налетев на стену. Онемев, она испуганно глядела на Витьку. Возникший в горле ком не давал ему произнести ни слова. Он попытался что-то сказать, но послышалось только сдавленное сипение. Неожиданно для самого себя он ударил ее по щеке здоровой рукой и сам испугался содеянного. Татьяна не отшатнулась, не закрыла лицо ладонями, а только как-то сжалась, все так же глядя на Витьку широко распахнутыми, испуганными глазами. Ничего не соображая и не видя перед собой, Витька резко повернулся, стремительно шагнул в темноту и помчался, не разбирая дороги, размазывая на бегу забинтованной рукой, неожиданно наполнившие глаза и побежавшие горячими ручейками по щекам, злые, беззвучные слезы.

октябрь-ноябрь 2001 г.

Яшка

Приближался новый, тысяча девятьсот шестьдесят шестой год, а с ним и зимние каникулы. Накануне Стас заболел ангиной и тридцать первого декабря, вечером остался дома в полном одиночестве. Хуже не придумаешь! Родители ушли праздновать к своим приятелям, оставив ему, чтобы не скучал, бутылку сладкого вина «Рымникское» и полную миску любовно нажаренных мамой до хрустящей корочки, как он любил, рябчиков. Рябчиков на неделе добыл отец, военный летчик, облетая на «вертушке» разбросанные по тайге точки. Что это были за точки, Стас точно не знал, но догадывался, поскольку отец служил в авиации обслуживания ракетных войск стратегического назначения.

- Не скучай, - потрепала его по щеке мать, и заглянула в глаза. - А, может, с нами пойдешь?

- Спасибо, - ему совсем не светило сидеть в компании подвыпивших старпёров и слушать назидательные речи о том, как надо жить.

- Ну, мы пошли, - мать чмокнула его в щеку, обдав густым ароматом парфюма, и они с отцом ушли.

Проклиная судьбу и не вовремя подхваченную ангину, Стас внутренне приготовился к скучному и долгому сидению у телевизора. Хорошо еще, что мать уговорила родителя, который этого вовсе не одобрил, оставить ему бутылку вина. А чего тут такого? Не мальчик уже: одиннадцатый класс! И все это, когда остальные одноклассники, более удачливые, чем он, уже усаживались за праздничные столы. Обидно! По телевизору же, как обычно, шла ежегодная предпраздничная галиматья, смотреть которую не хотелось, и Стасу стало вовсе одиноко и тошно.

Часов около одиннадцати раздался телефонный звонок. Звонил Вова Акулов, одноклассник и закадычный друг:

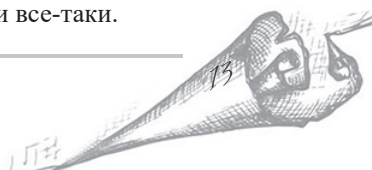
- Здорово, Стася! Ну, как ты там, не помер еще?

- Привет, Вовчик! Не помер, конечно. Голос вот только сел, чувствуешь? Ангина проклятая!

- Вполне прилично изъясняешься, я-то думал, что ты вообще только шепчешь. Давай, собирайся, нечего там киснуть в гордом одиночестве.

- Да, я не знаю, стоит ли?

- А, чего тут знать? Ничего с тобой не случится. Двести метров по улице пробежишься, свежим воздухом продышишься, только на пользу здоровью. Собирайся и быстро плыви ко мне. Ребята из десятого «б» у меня собрались, посидим, потанцуем с девочками. Нечего скорбеть! Глядишь, быстрее оклемаешься, положительные эмоции все-таки.

Почему у Володьки, учившегося вместе с ним в одиннадцатом, оказались десятиклассники, было понятно для посвященных: там училась его давнишняя симпатия Светлана. Хотя он всячески скрывал это. А так, чего бы он с мелюзгой связался, своих одноклассников нет, что ли? Стас подумал несколько мгновений, и, решив, что хуже, чем есть, не станет, согласился:

- Заметано, через полчаса буду!

- Вот и ладненько!

Без четверти двенадцать, надушенный, с так и не откупоренной бутылкой «Рымникского», завернутой в газету, он уже звонил в двери Вовкиной квартиры. Дверь широко распахнулась, и на пороге возник Володька.

- Заходи скорее! Что-то ты не торопишься, уже по первой приняли за уходящий.

Стас протянул вино приятелю, и бросил пальто на журнальный столик, так как вешалка уже трещала от навешенной на нее одежды.

- Красавец! – констатировал Володька, оглядев его.

- А, чего это ты вдруг с молодежью-то гуляешь? – подколол приятеля Стас, но тот, потянув его за рукав в комнату, ушел от ответа.

Они с Вовкой учились в одиннадцатом классе: эксперимент, начатый три года назад Хрущевым, и, хотя, выпускались вместе с десятиклассниками, считали себя куда взрослее, и уж, несомненно, интеллектуальнее. С последним можно было бы, и поспорить, но мнение о себе любимых – штука тонкая! Однако Стас решил не отставать от хитреца, чтобы добиться правды, и вновь повторил вопрос. Но Вовка вновь вывернулся, как налим:

- Ты же знаешь, наши организовали поход на турбазу, там решили отмечать. А у меня мама в больницу попала, завтра навесить надо, вот и остался. А тут, как раз, Витька из десятого «б», сосед, в гости напросился. Квартира-то у меня свободная, отец в плаванье, сам знаешь. Ребята, конечно, молодые, но веселые, а для тебя я тут подарочек припас.

И, чтобы не продлевать беседу, Вовка настойчиво потащил Стаса через полумрак комнаты к дивану. Каково же было удивление Стаса, когда на диване он разглядел одиноко скучающую Наталью Помпухину из параллельного одиннадцатого «а».

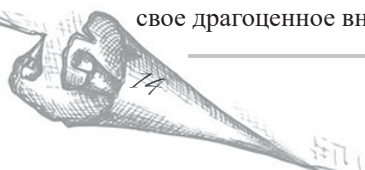
- Ба, какие люди! Натаха, а ты-то тут какими судьбами?

Воспользовавшись тем, что до него больше не докапываются, Володька тут же слинял на кухню.

- Да, видимо, теми же ветрами занесло, что и тебя, Стасик! А ты, говорили, заболел, вроде бы?

- Соврали, - отмахнулся Стас. – А ты, гляжу, все хорошеешь, смотреть приятно.

- Спасибо! В кои-то веки Стас Великолепный обратил на нас грешных свое драгоценное внимание! – съязвила Наталья.

- Хорош, господа, языки чесать, - подошел к ним, появившийся из кухни Володя, - у вас вся ночь впереди, поберегите свое красноречие. К столу, дорогие гости, к столу! Уж полночь близится, а Ленского все нет! - пропел он, фальшивя. - Витя, ребята, открывайте шампанское, сейчас куранты начнут бить! Света, иди сюда, здесь стул свободен. Ну, с Новым Годом, ребята, с новым счастьем!

После двух, трех тостов прервались, и Стас пошел танцевать с Натальей танго. Плотно обхватив рукой ее талию, он крепко прижал к себе девушку, а она, откинув голову назад, заразительно смеялась в ответ на каждую его глупость. Остальные девочки как-то стеснялись и сторонились его, предпочитая своих ухажеров. Да и еще бы: чемпион города, известный всей школе зубоскал, рубаха парень, было чего опасаться. Так что все танцы, какие он умел, Стас протанцевал только с Наташей. Праздник прошел, как и положено: компания разогретая шампанским и портвейном, разгулялась, застенчивость потихоньку исчезла, стало приятно, весело и уютно. В три часа ночи, когда веселье начало потихоньку угасать, Стас пошел провожать Наталью, благо жила она в соседнем доме и нанести ущерб своему драгоценному здоровью он никак не смог бы, даже если захотел.

- Приходи ко мне третьего, - пригласила его Наталья, когда они прощались в подъезде, - все равно – каникулы. Да и ребята наши вернутся с турбазы.

- А мы с командой пятого в Саратов улетаем на первенство России, по идее порежимить бы надо. Хотя... Э, да ладно, а кто будет?

- Коля придет Солодовников, Володя Акулов со Светланой, еще кое-кто. Нормальная компания. Так, что, часов в восемь прошу поблагодизволить навестить мое скромное жилище.

- А родителей куда денешь?

- Так они к бабушке во Владивосток на три дня укатили.

- Ну, тогда, обязательно придется навестить, - и Стас предпринял попытку обнять девушку, но она ловко увернулась, и, смеясь, растворилась в полумраке лестницы. В приподнятом настроении Стас отправился домой. Родителей еще не было и он, посмотрев с полчаса телевизор, лег спать и вскоре безмятежно уснул. А утром проснулся свежим и бодрым. Ангина исчезла бесследно.

Вечером третьего он с упоением шпарил анекдоты и распевал под гитару песни всех известных ему бардов в уютной Наташкиной квартире на третьем этаже в окружении знакомых и малознакомых людей. В знакомых числился Коля Солодовников, мастер спорта по стендовой стрельбе, закончивший в прошлом году их же школу и учившийся в настоящее время в

железнодорожном институте. Коля года два состоял в тайных Наташкиных вздыхателях, правда, без особых успехов. Это было видно уже и потому, как он преданно и с обожанием смотрел на нее с момента своего появления в квартире. Рядом за столом сидел Володя со своей преданной Светочкой. А малознакомыми были только две молодежонькие девчонки девятиклассницы: одна черненькая, другая беленькая, которых, как понял Стас, Наталья пригласила по просьбе своего младшего брата, для него и его друга. «Видно, нам с Колькой мудрая Наталья уготовила роли друзей-соперников, - хмыкнул про себя Стас. – Запасливая дама и, что характерно, не дура». До сих пор Наталья не решила для себя окончательно на ком остановить выбор, и, поэтому, всегда имела около себя определенный запас поклонников. Колька занимал в этом ряду не самое последнее место: во-первых, он уже определился в жизни, учился на инженера, во-вторых, будущая карьера его была обеспечена генеральскими погонами папаши, начхима воздушной армии, и броневой характером мамыши, бессменного председателя женсовета гарнизона, в котором все они проживали. Что касается Стаса, то его статус слабо тянул на лидерство: ну, и, что из того, что кандидат в мастера, стихи пишет, да еще рисует неплохо? В той взрослой жизни, к которой готовилась Наталья, все эти способности мало чего стоили. «Да, - вновь подумал Стас, - умная все-таки у Наташки головка. Ну, да ладно. Мы тоже не лыком шиты, дуэли, дорогая не дожدهшься!» За час застолья он огляделся и понял, что друг Наташиного брата, не вызывает ни малейшего отклика чувств у черненькой. Подождав еще немного, Стас отбросил последние сомнения и бросился в атаку на маленькую, темноволосую, с огромными, широко открытыми, карими глазами Наташку Яковлеву, больше известную в определенных школьных кругах, как Яшка. Сократили фамилию, и прилипло прозвище. Стас был в ударе и уже через полчаса они с Яшкой яростно целовались на кухне, не обращая внимания на шутки и подковырки в их адрес, доносившиеся из комнаты, то и дело сопровождавшиеся взрывами хохота разгулявшейся компании. Наталья поняла, что на Стаса рассчитывать нечего и все свои чары направила на вконец ошалевшего от внезапно свалившегося на него счастья Кольку. А Стас вошел во вкус, да так, что прощаться с девчонкой не хотелось вовсе. Но, как и все на свете, и этот замечательный вечер подошел к концу.

А пятого Стас улетел на соревнования в Саратов, и новые события и дела окончательно вытеснили из памяти перипетии всех этих новогодних приключений.

Они столкнулись с Яшкой нос к носу на танцах в гарнизонном Доме офицеров. Стас сразу почувствовал ее смущение и радость от этой неожиданной встречи, и это его странно почему-то взволновало.

- Здравствуй! – проворковала Наташа. – Ну, как слетали?

- Нормально! Третье командное место по России.
- А, что же не первое?
- Не доросли, видно. Но, вообще-то из двадцати команд не так уж и плохо.

- Красивый город Саратов?
- Старинный, как в кино показывают в дореволюционные времена. А Волга, почти, как наш Амур.

- Хорошо вам: новые города часто видите, людей новых. А я дальше Биробиджана нигде и не была.

- Какие твои годы, еще везде побываешь! Ну, а какие у нас тут, на родине дела? Как рождество прошло?

- Скучно, - и Яшка долгим, внимательным взглядом посмотрела на Стаса.

В глубине ее темных глаз мерцали разноцветные искорки, и он вдруг понял, что соскучился по этой девчонке. Изящная, с густым румянцем на щеках и почти черными завитками у висков она смотрела на него открыто и доверчиво.

- Пойдем, потанцуем? – пересохшим вдруг голосом пригласил он.

- Пойдем, просто ответила она и положила ладони ему на плечи.

Потом были другие встречи, долгие ночные расставания в темных подъездах, бесконечные поцелуи и разговоры о будущем. Они были молоды и искренни в своих чувствах: весь мир казался добрым и прекрасным. Их отношения не остались незамеченными в школе. Одноклассники, а особенно одноклассницы, подтрунивали над ним:

- Ну, что ты в ней нашел? Малогулька сопливая!

Он же старался все разговоры на эту тему перевести в шутку, а особенно настырных жестко пресекал: сил-то немеряно!

- Ишь, любовь развели! – выговаривала ему после занятий классня.

Марью, как ее звали между собой пацаны, в школе побаивались все, а не только дети. Еще бы: муж – заместитель командующего гарнизона, и при случае, обратная связь между школой и семьей осуществлялась непосредственно через подчиненных. А подчиненными были отцы недорослей. Ресурс этот в случае необходимости классная использовала без стеснения. За глаза все ее называли Рыжей. Она действительно была огненно рыжей, да к тому же обожала все оттенки этого цвета. Как правило, и туфли, и платье, и даже пальто на ней имели огненно красный цвет, ну, в крайнем случае – бардовый.

- Не пара она тебе! – выговаривала Стасу Рыжая. – У тебя впереди институт, а ей еще в школе учиться. Ты, вон, опять тройку по физике схлопотал! Не доведет она тебя до добра! Только хвостом крутить и может, не понимаешь, что ли? Подумай головой-то!

Не останавливаясь на рывоучениях, она переговорила с матерью, а та

незамедлительно сообщила отцу. Отец похмыкал и философски подытожил: «Не влезай – убьет!»

- Что ты к парню пристала, не маленький, восемнадцать скоро? Сам разберется, не дурак, поди! – урезонил он мать.

И хотя мать до конца так и не успокоилась, тема была исчерпана.

Даже спустя год, уже учась в институте, Стас каждое утро, какая бы не стояла погода, встречал Яшку у подъезда и провожал до школы. Друзья и знакомые долгое время, кто в глаза, а кто за глаза, подсмеивались над ним, но не зло: высокие чувства вызывают уважение. Он не обращал внимания, и, постепенно, все насмешки сошли на нет, впрочем, как и любые, набившие оскомину сплетни. Правда, вечерами встречались они теперь гораздо реже: учеба и тренировки отнимали массу времени. На втором курсе он начал замечать, что его присутствие в доме любимой не всегда желательно, а частенько начало и угнетать ее. Это было заметно по тому, как она хмурится, выслушивая его новости, и раздражается по всякому поводу. Все реже ее можно было застать дома, и часто он возвращался домой не солоно хлебавши. А на вопросы, где ее можно найти, Наташкина мама только пожимала плечами:

- Да не знаю я, Стасик! Бешеная какая-то стала, молчит все больше.

Наташка становилась скучной, когда Стас рассказывал ей об институтской жизни, а на вопросы о своей новой работе просто отмахивалась рукой. В кино, или на танцы они теперь почти не ходили. Все это страшно обижало его, и часто он расстроенный топал ночью в общагу, где жил после отъезда родителей к новому месту службы отца, через весь город с надеждой, что со временем все устаканится.

Наступил канун нового тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Настроение у Стаса было аховое: второй день он не мог поймать Наташку по телефону, чтобы решить, где отмечать праздник. Мать ее, ссылаясь на свалившиеся внеурочные дежурства, тоже ничего не могла ему пояснить, даже если бы и хотела:

- Дура она, Станислав, - в сердцах отвечала мать. – Брось ты ее к бесам! У нее сейчас одни офицеры на уме, а тебе учиться надо!

- Какие еще офицеры? – сердце у Стаса заныло так, что он даже испугался.

- Да не знаю я ничего! От этой верхивостки слова доброго не добьешься. Ты парень с умом, на что она тебе?

Оглушенный этой новостью, Стас не спал почти всю ночь, ворочаясь под простыней. Как же так, офицеры! А утром, тридцать первого, часов в восемь он позвонил из автомата еще раз.

- Алло, я вас слушаю, - раздался из трубки знакомый голос.

- Наташа, здравствуй, это я! Ты где попала?

- Почему ты решил, что я пропала, - после короткого, но выразительного молчания ответила Яшка. - Никуда я не пропала. - И уже с раздражением в голосе, - Ты, что, меня контролируешь, что ли?

- Да не контролирую я тебя, с чего ты взяла? Просто не мог разыскать тебя почти три дня. Волнуюсь, где будем Новый год встречать.

Трубка молчала.

- Так, ты что, еще не решила где? - снова спросил Стас. - Хочешь, давай у нас в общежитии, ребята классную концертную программу подготовили, да и стол будет, как у людей. Ну, так как?

Пауза затягивалась, и у Стаса противно заныло под ложечкой от нехорошего предчувствия. Наконец трубка ожила:

- Ты меня извини, Стас, но я не пойду.

- Почему? - осевшим голосом спросил он.

- Меня в другое место друзья пригласили. Ты не звони больше, а то мама расстраивается. - И пока Стас, оглушенный этим известием, молчал, добавила. - Прости, но лучше нам больше не встречаться.

Пронзительные короткие гудки в трубке оборвали разговор, но он еще долго стоял и отрешенно слушал их, глядя сквозь замызанное стекло на мелькающие мимо силуэты прохожих и падающие с неба пушистые хлопья снега.

Уже на четвертом курсе он случайно встретил Яшку на квартире у одной старой знакомой, где они иногда собирались компанией поболтать о жизни, попить хорошего вина, потанцевать и, вообще, пообщаться. Яшка пришла не одна. Парень учился в их же институте, правда, курсом ниже, но Стас частенько видел его в спортзале, когда на смену легкоатлетам приходили волейболисты. Всем своим видом Яшка хотела показать, что безмерно счастлива рядом с таким видным парнем. Глядите, люди, какая мы прекрасная пара! Но Стасу по большому счету все это было до лампочки: чувства к Наталье давным-давно перегорели, а золу развеяло ветром. Тем более что он тоже пришел не один. Они спокойно поздоровались, как незнакомые люди, ничем не выдав окружающим, что когда-то были близки.

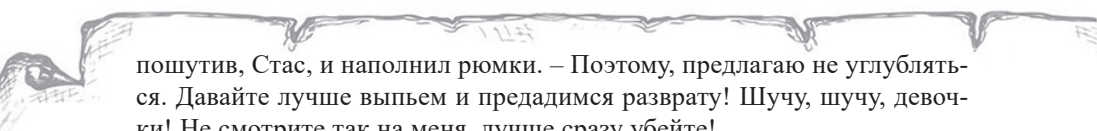
- Присаживайтесь! - хозяйка квартиры Вера пригласила гостей за стол, достав из серванта две чистых тарелки и рюмки.

- О чем беседуем? - спросила Яшка, устраиваясь на стул, галантно пододвинутый кавалером.

- О жизни, - коротко ответила Татьяна, новая девушка Стаса.

Она была знакома с Яшкой раньше, так как была ее ровесницей, и тоже училась в их родной школе, только в параллельном классе. Знала она и о их прошлом и поэтому Яшку не жаловала.

- Обширная и многообразная тема, особенно для кретинов! - попытался разрядить возникшее в воздухе напряжение, не совсем складно

пошутив, Стас, и наполнил рюмки. – Поэтому, предлагаю не углубляться. Давайте лучше выпьем и предадимся разврату! Шучу, шучу, девочки! Не смотрите так на меня, лучше сразу убейте!

В остальном застолье прошло, как обычно, и ничего выдающегося больше не произошло.

Проводив Татьяну домой, а жила она в том же в гарнизоне, где и он когда-то, Стас отправился ночевать к себе в берлогу. Берлогой был вполне прилично оборудованный сарайчик, здесь же, недалеко от Татьяниного дома. Сарайчик не тек, в нем не дуло, и в летнее время Стас частенько оставался здесь, когда уже не успевал на последний автобус. Проходя мимо Яшкиного дома, он к своему величайшему удивлению увидел ее сидящей в беседке напротив. Ухажера рядом не было, видимо, отправился восвояси.

- А ты чего здесь сидишь? – спросил он. – Спать давно пора.

- Воздухом дышу.

- А где приятель-то твой, чего он тебя так рано покинул? Оставил, понимаешь, девушку скучать в одиночестве.

- На последний автобус убежал только что.

- А, ну тогда ладненько, а я бай-бай, - и он направился в сторону сараев.

- Стас, - неожиданно остановила его Яшка, - а ты не хочешь спросить, как я живу?

Она поднялась с лавочки и медленно подошла к нему. Он остановился, сразу и не сообразив, что нужно ответить.

- Да, ты знаешь, как-то неинтересно.

- А ты спроси, может, что-нибудь интересное для себя обнаружишь, - она приблизилась вплотную и неожиданно положила руки ему на плечи. – Спроси, или боишься!

- Чего ради пугаться-то! – рассмеялся Стас, чувствуя, что она все плотнее прижимается к его груди. – Не твоего же мальчика. Слава Богу, мы тоже здоровьем не обижены, не столкнулись!

- Тогда поцелуй меня! – почти шепотом произнесла она и потянулась губами к его губам.

От нее, как обычно, пахло жасмином и еще чем-то давным-давно знакомым Стасу, знакомым еще с тех времен, когда они встречались. Эти забытые запахи и ощущения неожиданно взволновали его, и он сам не заметил, как ответил на ее поцелуй. Голова закружилась, а в горле пересохло. Все забытое и вычеркнутое из памяти за эти годы нахлынуло на него горячей волной. Охваченный дрожью, он подхватил ее невесомое тело на руки и понес в темноту, толком не соображая, что делает.

- Не сломай ребра, чемпион, - шептала ему на ухо Яшка, но он уже ничего не слышал.

Два года спустя он приехал в Хабаровск на несколько дней из Сибири.

В далеких тасжных краях он провел больше года, в составе желдорбата возводя мосты будущей дороги к Оби. Причина была более, чем уважительная: наконец-то решил жениться Вовка Акулов. Женился он, как выяснилось, не на своей Светлане, а на другой, из Владивостока, где Вовка учился в военно-морском училище, и которое с успехом закончил. Вот уж точно: фамилия определила жизненный путь. Как его не отговаривали родители, да и все друзья, Вовка стал военным моряком, о чем мечтал с детства. На свадьбу подъехали еще кое-кто из старых друзей, и собрались почти все те, кто волею судеб остался жить в родном городе. Невеста была под стать Вовке: высокая, полногрудая, пышноволосяя. Вовкина мамаша прямо сияла, лицезрея своего любимого сына в белом парадном кителе и с кортиком у бедра. На второй день гуляли у Вовки дома.

- Стас, иди сюда, гляди, кто пришел! – завопил из прихожей Вовка, вышедший на звонок.

В дверном проеме с букетом цветов в руках, одетая в яркое летнее платье и туфли на высоком каблучке, стояла смущенная Яшка, зацелованная радостным Володькой.

- Здравствуй, Станислав!

Стас был тоже рад увидеть знакомое лицо через столько лет.

- Здравствуй, Наташа! Проходи, - он чмокнул девушку в щеку. Садись рядом. Ну, как ты?

- Нормально.

- Замужем?

- Дочке почти год. Машей назвали.

- Муж служит, конечно?

- Летчик, старший лейтенант. Вот недавно квартиру получили. А ты сейчас где?

- Забрили на два года. На севере Тюменской области. В общем-то нормально, не хуже других.

- Так с Тагьяной и живете?

- Разошлись, как с полгода, но это уже не интересно.

В подъезде, под лестницей, когда он провожал ее, она плакала, уткнувшись в его плечо, и все просила ее простить, хотя он так и не понял, за что. Она без конца вспоминала и вспоминала, то, что связывало их когда-то. И, хотя эти образы уже потускнели в памяти и потеряли свою привлекательность, он согласно кивал головой, то и дело, смахивая губами слезы с ее щек. Они договорились встретиться на следующий день, но он, закрутившись с друзьями, не пошел на это свидание, не почувствовав никаких угрызений совести.

Много лет спустя, вспоминая все эти события, он испытывал не то чтобы горечь, или обиду, а какую-то странную неловкость, так и не излеченную временем.

Один день

Утром Александр проснулся от громкого и веселого чириканья воробьев за окном. Солнце встало где-то за кромкой леса и небо наливалось той особенной, чистой и густой синевой, которую можно увидеть только в начале лета, когда она еще не поблекла и не выцвела от жары и пыли. Утренней свежестью и запахом просыпающейся тайги тянуло из открытой форточки. Александр взглянул на часы – половина шестого. Можно было бы поспать еще, но спать не хотелось вовсе. «Красота! – лениво подумал Александр. – Никуда торопиться не надо, лежи сколько захочется. Красота!»

Последняя рота батальона погрузилась вчера на платформы и отбыла на базу в Советский: начиналась летняя учебка. Пелым разлился, строительство моста приостановили до лучших времен. Для охраны имущества и объекта остался взвод, командование которым временно поручили ему, лейтенанту Савченко Александру Владимировичу, двадцати трех лет отроду. Бремя это возложили на Александра до выхода из очередного отпуска постоянного командира взвода, старшего лейтенанта Ворошнина. Пребывание здесь, в поселке, с таким же, как и река, названием Пелым, в этот период считалось в батальоне почетной ссылкой: скука несусветная, но и делать ничего особенно не надо. Поселок был несусветной дырой, какую трудно отыскать без определенного везения и настойчивости.

Александр сладко потянулся, повернулся на бок и закрыл глаза. Состояние расслабленности и безмятежного покоя переполняло его. В уме он начал перебирать приятные моменты своего пребывания в Советском до отправки в эту «Тмутаракань»: веселых девчонок на танцах, общежитские пирушки по субботам, обязательный вечерний преферанс. Неожиданно, но настойчиво, откуда-то из подсознания возникло, что сегодня они вместе с его новым приятелем Виктором Поповым, работающим здесь же дежурным по станции, договорились покататься по Пелыму на моторной лодке. Кроме всего прочего, тот обещал пригласить на прогулку двух подруг, учительок из местной школы.

- Нормальные девочки, симпатичные и не выкобенистые, - пояснил он. – То, что надо!

Александр повернулся на спину и резко открыл глаза. «Надо бы чистый подворотничок пришить», - неожиданно пришло в голову. Эта мысль показалась ему разумной, он поднялся и начал, не спеша, одеваться. Солнце к этому часу уже выкатило свой огненный шар в голубизну, и неподвижный воздух начал наполняться теплом и запахом первоцветов. За поселком, где-то над рекой, поднимался и полз по балке вдоль

железной дороги легкий туман, обещаая безветренный, по-настоящему летний день.

- Разрешите, товарищ лейтенант, - в комнату, не постучав предварительно, ввалился, как всегда слегка помятый и взъерошенный, младший сержант Соловьев. Александр хотел, было, рявкнуть на нахала, что нужно стучать, когдаходишь в помещение, но, увидев в руках у сержанта поднос с расставленными на нем тарелками, передумал.

- Завтрак, товарищ лейтенант! – доложил Соловьев.

- Что там у тебя? – поинтересовался Александр.

- Макароны по-флотски, селедочка и кофе.

- Поставь на табурет. Спасибо, Соловьев.

- Да не за что, товарищ лейтенант, - заулыбался младший сержант. – Продуктов оставили тьму, так, что, живем.

- Ладно, свободен. Да, согрей еще, пожалуйста, воды, побриться.

Он умылся из рукомойника, причесал волосы, пододвинул к кровати табурет с подносом и начал с аппетитом завтракать. «Тьфу ты, не побрился, - мелькнула запоздалая мысль. – Нехорошо». Но мысль эта была не четкой, какой-то расплывчатой и далекой. Ощущение беспричинной, взявшейся из неоткуда радости переполняло его, а разгорающийся июньский день только усиливал это состояние. Закончив завтрак, Александр отнес пустую посуду на кухню. Там как раз завтракали бойцы освободившейся караульной смены. При его появлении все встали.

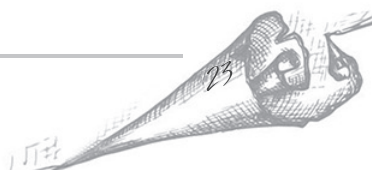
- Садитесь, садитесь. Как дела? – поинтересовался он у старшего по караулу.

- Все нормально, товарищ лейтенант. Смену караула произвели. Никаких происшествий за ночь не случилось.

«Смена караула», - усмехнулся про себя Александр. Вся эта так называемая смена состояла в том, что одни, обоспавшиеся и наигравшиеся до блевоты во все настольные игры, от бестолковой «мандавощки» до шахмат, бойцы меняли других, таких же. Меняли для того, чтобы продолжить прерванный сон или новую игру в палатке, возле которой в ряд стояла техника. Технику вывезли с моста на время половодья и оставили отдыхать до тех пор, пока река не войдет в свои берега и можно будет снова продолжить работы. «Книжки хоть бы, что ли, читали, - раздраженно подумал Александр. – Как же, скорее нажрутса, черти!» Маленький, полупустой поселок не мог представлять сколь-нибудь серьезной угрозы для оставленного на станции технического вооружения батальона и посягать на его сохранность и невредимость не собирался. И уж совсем нелепо было предположить, что кто-то попытается умыкнуть бетонную опору моста. Но, чем черт не шутит! Береженого - Бог бережет! Для того они все и находились здесь.

- Соловьев, едрёна феня! Где горячая вода?

- Ой, извините, товарищ лейтенант, закрутился!

- Ты, я чувствую, допрыгаешься! Ладно, не суетись, сам согрею. Где тут у вас чистая кастрюля имеется.

- Сей момент, товарищ лейтенант!

- Я тут отбуду на некоторое время, - сообщил он сержанту, - чтобы все было тип-топ, как говорится. Ясно?

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, не маленькие.

Через полчаса побритый, наодеколоненный, с подшитым новым подворотничком и начищенной услужливым Соловьевым пряжкой португали, Александр бодро шагнул к железнодорожной станции, рядом с которой в домике на двух хозяев жил его приятель Виктор. Брехливый, но безобидный пес неопределенного ржавого окраса по кличке Мерин нехотя облаял его, информируя хозяина о прибытии гостя. Александр не стал заходить в дом, а присел на завалинку у крыльца и закурил, подставив лицо ласковым утренним лучам. Через минуту, от силы две, заскрипели входные двери в сени, и на крыльцо вывалился, почесывая голый живот и громко сморкаясь, еще не совсем проснувшийся приятель.

- Привет! – прохрипел он и протянул руку. – А чего не заходишь? Я-то думаю, чего это Мерин разлаялся?

- Ты, что, забыл, что ли? – вместо ответа спросил Александр.

- Да нет, не забыл. Просто девочки подойдут попозже, у них там какие-то с утра дела в школе. Вот я и лежу, не тороплюсь, о жизни думаю.

- Ну, и чего надумал?

- Да, вот, думаю, что не грех было бы опохмелиться.

- Что, гулеванили вчера?

- А, что, заметно?

- Больно морда у тебя помятая, - Александр поднялся и притоптал окурок.

- Было дело под Полтавой! У Генки жена к теще в гости уехала, ну, и посидели на радостях.

- А, чего меня не свистнули?

- Так твой сержант сказал, что ты спишь, ну и решили не будить.

- Ох, заботливые вы мои! Водки, что ли жалко стало? Лодка-то как, в порядке?

- А, что с ней сделается? Канистру я еще вчера у твоих архаровцев нацедил, так что все о-кей! Проходи в хату, чайку пошвыркаем. Девчата через час, полтора должны нарисоваться. Пошли, пошли, сейчас известия по телеку начнутся.

- А-а... Я и забыл, что ты член.

- При чем тут – член? Просто нужно быть в курсе, не в лесу живем.

- Ладно, пошли, политически подкованный ты наш. Чайку и вправду можно испить.

Через час с небольшим раздался радостный лай Мерина и в дверь постучали.

- Войдите! – крикнул в сторону двери Виктор и убавил звук.

К этому времени он уже успел привести себя в порядок и даже напоил Александра чаем. В комнату вошли две девушки: одна – светленькая, воздушная, в пестром сарафанчике до колен, другая – темноволосая, плотно сбитая, одетая в яркую кофточку и джинсы.

- Здравствуйте!

- Привет, девчонки! Что-то долго вас мучили в вашем учреждении. Прощу знакомится, Александр! Мой хороший приятель, между прочим, а в настоящее время командир части. Так-то вот!

- Да, брось ты! – Александр привстал со стула и кивнул головой. - Лейтенант Савченко к вашим услугам!

- Оля, - светловолосая протянула Александру маленькую, теплую ладошку, и улыбнулась, обозначив на пухлых щечках едва заметные, озорные ямочки.

- Очень приятно, - осторожно пожал ей руку Александр, и непонятно от чего смутился.

- А, это – Надя, - представил голубоглазую Виктор, - девушка во всех отношениях замечательная и необыкновенная.

Неожиданно он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

- Да, ну тебя, Витя, прекрати! - запротестовала смущенная Надежда, колотя его сжатыми кулачками в грудь. – Сейчас же поставь меня на пол, охальник!

Виктор бесцеремонно чмокнул Надю прямо в губы, чем еще больше смутил ее, и бережно посадил свою барышню на край кровати. По тому, как озорно заблестели глаза девушки, Александр понял, что все происходящее доставляет ей немалое удовольствие.

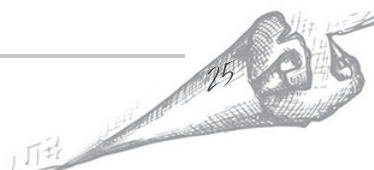
- Ладно, девчонки, - сменил тон Виктор, - вы покомандуйте пока на кухне. Оля, там, в холодильнике кое-что есть. Гребите все подряд! Картошку найдете в снях, Надя знает где. А мы с Александром пойдем, займемся нашим крейсером. Дверь не забудьте закрыть. И не задерживайтесь долго, мы вас на берегу ждем. Да, заскочите еще в магазин за хлебом, у меня кончился.

Вслед за Виктором Александр вышел из дома, и через двор приятели направились к сараю. Подхватив за ручки сорокалитровую канистру с бензином, они двинулись по шпалам заброшенного леспромхозовского тупика в сторону реки. Во второй руке Виктор тащил прихваченную из сеней синюю, болоньевую сумку, в которой время от времени мелодично позвякивало бутылочное стекло.

- Порядок, - подмигнул он Александру, затарились в лучшем виде! Вечером даже пива в вагоне-ресторане удалось стрельнуть.

- И как же вы такое богатство еще вчера не оприходовали?

- А я еще до того всё в сарай снес. Ну и забыл на время. Где бы мы с утра сейчас отоварились? Кстати, как тебе Ольга?

- Симпатичная девчонка.

- И к тому же умная, стихи пишет. Только не говори, что я тебе об этом сказал, не любит она, когда ее почитать просят, смущается.

По узкой тропинке они спустились к реке, где в металлическом гараже было припаркована Витькина «казанка». Когда они уже заправили бачок и опробовали двигатель, на берегу появились Ольга и Надежда. Ольга несла гитару и небольшой кассетный магнитофон, а более крепкая подруга – объемистую сумку с припасами.

- Во, теперь жить можно! – подхватив сумку, Виктор попробовал ее на вес. Думаю, до вечера протянем. Садитесь, дамочки, на нос, - указал он в сторону лодки, - да плащом прикройтесь, а то, продует. Он там, в рундуке. Не смотрите, что лето началось, на воде простыть – раз плюнуть!

Александр помог девушкам устроиться на переднем сиденье, и сам забрался в лодку. Мотор взревел, и «казанка», направляемая твердой рукой рулевого, плавно двинулась против течения, вдоль поросших тальником и березами берегов. Бурлила, рассыпаясь брызгами, вода за бортами. А мимо проплывали то живописные луга, уже в эту пору покрытые сочным травостоем, то береговые поляны в перелесках, покрытые яркими, многоцветными кляксами цветущих растений, то каменные осыпи невысоких холмов, окраинных посланцев Урала. Через час пути судно причалило к песчаной косе, упирающейся своим основанием в срезанный, скалистый склон сопки. Здесь, на скатившихся с кручи валунах они и устроили бивак, приспособив камень, что побольше, под стол, а более мелкие расположив вокруг, как табуреты. Пришлось попотеть: небольшие на вид валуны весили по сотне килограмм, а то и больше.

Вскоре весело затрещал костер, над котелком за клубился пар и над рекой поплыл аппетитный запах тушенки и специй. Девушки весело щебетали о чем-то своем, занимаясь столом. Притащив охапку сухих веток, Александр свалил их у очага, и отошел, чтобы не мешать, к берегу. Он присел на камень возле воды и стал разглядывать резвящихся на мелководье мальков. Струящаяся у ног вода, игра солнечных бликов на волнах напомнили ему о далекой и прекрасной реке его детства. Она была такой же негромкой и ласковой, как эта. Воспоминания унесли его в те далекие края, где он вырос, познавая мир, а мама была еще молодой и здоровой. Громкие звуки магнитофона вернули его в действительность. Неугомонный приятель врубил аппарат на всю мощность и загорланил вместе с Высоцким: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал!»

- Заканчивай, альпинист, а то охрипнешь! – прервала его Надежда. – Саша, идите сюда! Ничего, что я вас Сашей назвала?

- Конечно, - смутился Александр.

- Вот и хорошо. Присаживайтесь, мальчики, завтрак готов.

Александр примостился на камень рядом с Ольгой, так как Виктор еще у моста пояснил ему в приватной беседе, что лучше на Надежду глаза не пялить, бесполезно.

- Жениться, что ли, собрался? – поинтересовался у приятеля лейтенант.

- Ну, жениться, не жениться, а все же, - многозначительно изрек Виктор.

Надежда разлила по тарелкам суп, а Виктор пошел за спиртным, охлаждающимся в заливчике.

- Саша, а вы давно служите? – спросила Ольга.

- Второй год.

- Ты его спроси не, сколько служит, а, сколько осталось, - хохотнул вернувшийся Виктор.

Ольга вопросительно взглянула на Александра.

- Да, я двухгодичник, после института, - пояснил Александр, - три месяца до дембеля осталось.

- А, куда потом, после службы?

- Не знаю, не задумывался как-то. Может быть, в Советском года три поработаю, там строители нужны.

- Хорош болтать, граждане! Соловья баснями не кормят, приготовьте ваши бокалы! – скомандовал Виктор.

- Не мешай, пусть люди познакомятся поближе, - попыталась урезонить его Надя, но Виктора было уже не остановить.

- Успеют еще познакомиться. Пьем за здоровье присутствующих дам! Ну, и отсутствующих тоже! Гусары пьют стоя!

- Это ты еще, за каких дам пить собрался? – нахмурилась, было, Надежда, но Виктор лихо выкрутился.

- За мам, естественно!

- То-то же! – погрозила ему пальчиком подруга.

Они чокнулись, выпили и принялись с аппетитом поглощать нехитрую снедь, разложенную на невесть откуда взявшейся скатерти. «Наверное, девчата прихватили, - мелькнуло у Александра, - у Виктора даже клеенки на кухне и то отродясь не было». После застолья все вместе пели под гитару Визбора и Галича, купались в еще до мурашек холодной пельмской воде и загорали, нежась на горячем, нагретом солнцем, белом песке речной косы. Виктор с Надеждой куда-то незаметно уединились, и Александр, как мог, блистал своим красноречием перед Ольгой, вытаскивая из памяти разные забавные истории и старые анекдоты, которые можно было рассказывать девушкам. Ольга заразительно смеялась в ответ на каждую его глупость, а поворачиваясь, как бы невзначай, касалась его то плечом, то тугим, еще не покрытым загаром бедром. Он чувствовал эти прикосновения, вдыхал волнующий запах ее молодого женского тела, и от всего этого кровь молотками стучала в висках. Голова плыла, во рту сохло, но он продолжал усердствовать в своем, прямо

надо сказать, идиотском словоблудии, неловко скрывая за ним возникшую интерес. Не дай Бог, девушка заметит его состояние!

Часа через полтора появились Надежда и Виктор. Довольная физиономия начальника станции указывала на то, что все у них с Надеждой было в порядке. Он тут же налил в рюмки, и, не дожидаясь остальных, выпил.

- Не скучали, молодежь?

- Да ничего, не умерли.

- Ну, и прекрасненько! Видишь. Надя, как Ольга-то пунцовеет?

- С чего это ты взял? – возмутилась и впрямь покрасневшая Ольга.

- Выдают глаза красну девицу, - продолжал ерничать Виктор.

- Виктор, прекрати сейчас же! - одернула его подруга. – Ну, чего пристал к людям? Не обращайтесь на него внимания, Саша, он, когда выпьет, дурее.

- Да, пусть повыпендривается! Мели Емеля – твоя неделя!

Далеко за полдень, когда солнце оседлало макушки леса на том берегу, стали собираться домой. Виктор к этому времени проспался и начал додумывать Надежду, что бы та налила ему хоть чуть-чуть.

- Нехорошо мучить человека, дорогая!

- А ты вон, пивка хлебни, тебе и полегчает.

- Да, налей ему, Надя! – попросил за приятеля Александр. – Видишь, как человек страдает.

- А как домой поплывем?

- Доплывем, я-то на что. Тем более, вниз по течению.

- Ты настоящий друг, Саша! – заулыбался довольный Виктор. - Ну, что, господа офицеры, на посошок?

- Давайте, девочки, поддержим болезного, да будем домой собираться.

К поселку подплыли, когда начало смеркаться. Кое-где в домах уже загорелись редкие окна. На северо-западе, над зубчатой линией лесистого горизонта пожаром багровел закат. Лодку затащили в гараж и отправились по домам.

- Погода сменится, - глубокомысленно протянул вновь протрезвевший Виктор, когда пришла пора прощаться. – Ну, что, до завтра!

- До завтра, - ответил на рукопожатие Александр. - Я вас провожу, Ольга?

Виктор опять попытался сморозить какую-нибудь глупость, но Надежда хлопнула его по затылку и решительно потащила в темноту. Александр вопросительно посмотрел на стоящую рядом девушку. Она, молча, кивнула. Разбитыми, кривыми улочками, осторожно выбирая дорогу, они вышли к небольшому домику на окраине, темные окна которого отражали вспыхнувшие на ночном небе звезды.

- Мама уже спит, она сегодня с дежурства, - почему-то шепотом сообщила Ольга.

- А, вы одни с мамой живете? – так же шепотом спросил Александр.
- Одни. Папа умер, уже три года как.
- Понятно, - Александр вздохнул и полез в карман за сигаретой.

На пару минут в воздухе повисла густая, вязкая тишина, потревоженная только чуть слышным дыханием девушки. Звезды мерцали, как будто подмигивали лейтенанту: ну что же ты? «А, была, не была!» - Александр отбросил сигарету, и осторожно, но решительно обнял девушку, прервав ее глухой возглас долгим, захватывающим дух поцелуем. Она попыталась вырваться, прогнулась, но тут же обмякла и отяжелела у него в руках. Он начал жадно целовать ее в глаза, в губы, в шею, чувствуя, как усиливаются толчки густой, горячей крови в набухшей жилке на виске. Пальцы левой руки стали торопливо искать и неумело расстегивать непослушные пуговицы сарафана, а губы, скользнув вниз по теплой и упругой коже груди, сразу же отыскивали затвердевший розовый сосок. Она вздрогнула и прерывисто вздохнула.

- Тише, дурачок, тише, - едва расслышал Александр из полуоткрытых губ, - мама услышит.

Ольгу била нервная дрожь, но она все крепче и плотнее прижималась к Александру, как будто пыталась унять ее. Эта дрожь передалась и ему, обволакивая тело и сознание жарким туманом.

- Пойдем, - осевшим вдруг голосом позвала она и настойчиво потянула его за руку в темноту. – Осторожно, тут дверь низкая.

В топленной накануне и уже высохшей бане Александр на ощупь отыскал широкий полук, на доски которого разбросил, переданный ему еще в предбаннике полшубок.

- Ты где?

Он шагнул навстречу голосу и ладони Ольги уперлись ему в грудь. Охваченный страстью, нежностью и необъяснимым восторгом он подхватил и поднял ее легкое тело. Руки, ставшие вдруг чужими и неловкими, гладили и ласкали шелковистую кожу живота, прерывисто поднимающуюся грудь, едва касаясь, скользили по изгибам бедер, повторяя все это снова и снова, словно хотели навсегда запомнить эти прикосновения. Безграничное, всепоглощающее чувство к этой, ставшей вдруг такой дорогой, маленькой, юной женщине растворило его сознание целиком, без остатка.

- Ну, что же ты, милый? Ну, иди ко мне! – застонала Ольга.

И Александр, охваченный огнем ее и своего желания, ставших единым целым, полетел, как в пропасть, в распахнувшуюся перед ним раскаленную пустоту.

Прощаясь, они долго не могли оторваться друг от друга, и он все целовал и целовал ее в припухшие, податливые губы.

- Все, милый, все, - шептала она. – Тебе пора, милый, мама не спит, беспокоится.

А он все никак не мог заставить себя шагнуть в открытую калитку.

Потом он пошел проверить караул, а на обратном пути зашел поку-
рить на огонек к еще не спавшему Виктору.

- Ну, и как? – хитро подмигнул ему приятель.

- Что, как?

- Да, брось ты, праведник! Сам знаешь что?

- Не знаю о чем это ты, - затянувшись в последний раз, отрезал Алек-
сандр. – Не о чем рассказывать.

- Ну, не хочешь, как хочешь! – обиделся Виктор.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – встретил его сияющий, как
начищенный медный таз, Соловьев. – Ужинать будете?

В воздухе явственно присутствовал запах свежего выпитого самогона.

- Не буду. А ты, Соловьев, дуй-ка спать, пока я добрый. Ясно?

- Так точно! – слегка покачнулся сержант, но лихо развернулся и исчез
за дверью.

«Чёрты что! Скоро все от безделья сопыются», - как-то безучастно по-
думал Александр. Он, не раздеваясь, лег на кровать, закрыл глаза и перед
ним начали мелькать, как кадры киноленты, все эпизоды и подробности
этого бесконечного дня. Потом все пространство заполнили собой широ-
ко открытые, серые глаза Ольги, и он начал проваливаться в них, не пуга-
ясь этого падения, а наоборот, испытывая необычные чувства от свободы
полета. Волосы Ольги щекотали ему лицо, и он смеялся, подставляя свои
губы навстречу её поцелуям.

...Его разбудил долгий телефонный звонок. Звонил дежурный по ба-
тальону, командир первой роты, Коля Кривякин.

- Здорово! Как дела, Сашок?

- Привет, Коля! А, что в этой дыре может случиться?

- А у нас тут сегодня летний бал в доме культуры. Мужики перья на-
чистили и улетели.

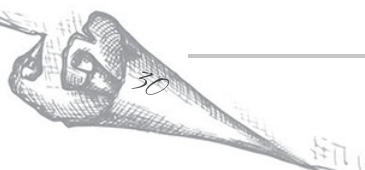
- Вам легче, цивилизация, как-никак. У нас здесь тихо, как в гробу,
никаких событий.

- Ну, и радуйся! Солдат спит – служба идет. Ладно, бывай, мне в бри-
гаду пора докладывать.

- Будь.

Сашка положил трубку. «Закончился день», - зевнув, подумал он,
проваливаясь в сон. А ночью ему снова приснилась Ольга, бегущая на-
встречу по залитому солнцем цветущему лугу, в распахнушемся на бегу,
ситцевом сарафане.

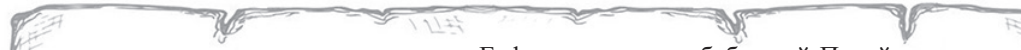
Декабрь 2001 г.

Деревня

Мне исполнилось лет четырнадцать, когда родители, уехав в очередной отпуск к южным морям, оставили меня в Твери у бабушки. Бабушка, Пелагея Дмитриевна, всю жизнь безвыездно прожила в этом старинном русском городе, ютясь в половинке маленького, вросшего в землю, деревянного домишки. Дом стоял среди точно таких же, в Пролетарском районе города, за метровой толщины, полуразрушенными кирпичными стенами бывшего женского монастыря. На взлобке, заросшем высокой полынью, возвышался полуразрушенный храм из матёрого, красного кирпича, глядевший на дома вокруг него пустыми глазницами затянутых ржавыми решетками высоких узких окон. В те времена в храме располагался склад какой-то конторы, а рядом в ларьке, сделанном из металлического листа и выкрашенном в ядовитый, зеленый цвет, старый еврей торговал керосином. Готовили пищу на керосинках и около ларька почти всегда топтались люди с бидонами и банками. Хотя с храма давным-давно сняли кресты, приходившие за керосином древние старушки непременно кланялись в сторону голых, когда-то крашенных в голубой цвет облезлых куполов и, что-то бормоча, крестились. Надо сказать, что я любил оставаться у бабушки без родителей, когда они уезжали в отпуск: женщина она была спокойная, уравновешенная, просьбами что-то выполнить по хозяйству почти не беспокоила, и я был практически свободен, как птица, появляясь дома только покушать и поспать. В однокомнатной половинке бабушкиного дома, через тамбур жила бывшая монашка ликвидированного после революции монастыря, старушка лет девяноста. Звали ее как-то чудно: не то Евфимия, не то Ефросинья. Носила она всегда черное: на голове платок, повязанный наглухо, до бровей, жеваное платье до пяток, украшенное многочисленными оборками, и поэтому напоминала мне взъерошенную ворону, такую же, как те, что собирались огромными галдящими стаями на мусорной свалке за пустырем. Крошечная комнатка ее была увешана многочисленными, потемневшими от времени иконами, чудом сохранившимися с тех далеких пор, когда большевики разогнали монастырь, поселив в нем рабочих Морозовской мануфактуры. Ну, а в церкви устроили склад. Дед с бабушкой пожалели уже в те времена пожилую женщину, у которой на свете не было ни одной родимой души и которой некуда было идти, и выделили в доме крохотную каморку, где она и доживала свой век. В углу под образом Спаса, глядевшего печально на убогую, почти аскетическую обстановку жилища, всегда теплилась лампада, наполняя воздух сладковатым запахом ладана. Когда мне

исполнилось около года, эта самая Евфимия вместе с бабушкой Полей, втихоря, пока родители были где-то в отъезде, окрестили меня в единственной, действующей на тот момент в городе, церкви Святой Троицы. Бабушка звала монашку крестной, ругая меня, когда я по молодости лет и глупости обзывал старушку вороной. А та считала, что обязана воспитывать и наставлять меня, чего я категорически не желал терпеть. Крестили меня, конечно, в тайне, и сообщили родителям об этом событии, когда мне исполнилось уже лет шесть. Мать, как и всякая женщина, была не против, а отец, военный летчик и ярый коммунист, обозвав все это бабьей блажью, приказал женской половине семейства помалкивать в тряпочку. Медный крестик, который мне подарила монашка, хранился в маминых безделушках, и я, уже учась в первом классе, случайно обнаружил его. Не долго думая, я тут же обменял его с кем-то из одноклассников на горсть новеньких патронов для автомата, которые, в конечном итоге, отобрал отец, надавав подзатыльников, но это уже другая история.

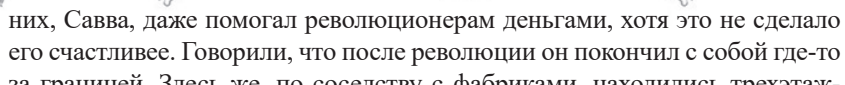
Целыми днями мы с ребятами гоняли по пыльным пустырям, окружавшим монастырь, ели черные, терпкие ягоды паслена, густо покрывшего склоны у развалин стен, или убегали на Волгу купаться и ловить уклейку. Рыба в реке ловилась неважно, была мелкой, с мизинец, не то, что в Амуре. Дело в том, что я с родителями в те времена жил на Дальнем Востоке, в Ворошилове, ныне Уссурийске. А здесь приходилось нести домой то, что есть, а при особом умении и терпении, на уху хватало почти всегда. Бабушка непременно хвалила меня за улов, называя добытчиком, а тарелку ухи всегда относила монашке.

- Обиженная она жизнью, да и людьми, - говорила бабушка, вздыхая, - жалеть ее надо, внучек!

Деда в ту пору я видел только на фотографии: лысый, улыбающийся мужчина с круглым и голым, как бильярдный шар черепом, стоял рядом с еще молодой бабулей, заложив одну руку за лацкан пиджака, а другой, обнимая ее за плечи. Дед был поляком, в Россию попал еще до революции, начал работать обычным слесарем на Пролетарке, где и познакомился с молодой ткачихой Полей. Фамилия его была Кнапчик, а родом он был откуда-то из-под Кракова. В семье потомственных польских сапожников было десять сыновей. Когда в России начались революционные бури, а в Польше тоже стало не сладко, девять из десяти подались за лучшей долей в Англию, а один дурак залетел почему-то в Тверь. Хотя, с другой стороны, не попади он сюда, не родилась бы моя мама со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Бывший женский монастырь, где жила бабушка, расположен был на правом берегу волги, на Пролетарке. Пролетарка – это район Твери, где располагалось несколько текстильных производств, возведенных еще промышленниками Морозовыми лет за сто до моего рождения. Последний из

них, Савва, даже помогал революционерам деньгами, хотя это не сделало его счастливей. Говорили, что после революции он покончил с собой где-то за границей. Здесь же, по соседству с фабриками, находились трехэтажные, выстроенные из добротного, почти сиреневого цвета кирпича, так называемые казармы – общежития для рабочих и их семей. Лестницы, соединяющие этажи внутри этих казарм, были металлическими, коваными громадными заклепками величиной с кулак и выкрашенными шаровой, корабельной краской. Поднявшись на этаж, ты сразу попадад в широченный коридор величиной почти с футбольное поле, по обеим сторонам которого были расположены жилые комнаты, общие кухни и прочие блага цивилизации. Здесь, словно по мостовой сновали разные люди, катались на велосипедах ребятишки, а из кухонь, по обе стороны этого проспекта, доносилась ругань повздоривших женщин и пьяных мужиков. Больше всего меня удивляло, что, простояв почти век, эти здания нисколько не пострадали ни от времени, ни от революционных потрясений, ни от бомбежек военной поры. При ближайшем рассмотрении на кирпиче стен не обнаруживалось ни трещин, ни сколов, ни других дефектов. Умели люди строить.

В сорок втором, задолго до моего рождения, дед исчез из дома, и увидел я его впервые уже лет в двенадцать. Родители, да и бабушка, особенно не распространялись, где он находится, отделяясь от моих вопросов пространном: где-то в командировке и скоро приедет. Но я уже лет пять, как приезжал к бабуле, а дед так и не возвращался. Вместо него в смежной комнате изредка жили какие-то старики, необходимые, как мне поясняла мать, для хозяйства и всяких домашних дел. Ну, и как я понял позднее, повзрослев, не только для этого. Дед все эти годы, оказывается, трубил десятку на Соловках. Подобное в те времена было привычно для всей страны, и ни кого не удивляло. Однако, говорить об этом старались вполголоса, оглядываясь по сторонам. Обычная, пятьдесят восьмая статья – враг народа, вредитель. На самом деле этот враг народа, когда немцы в сорок первом на недолгое время вошли в Калинин, не дал растащить фабричное добро какому-то прыткому администратору. А по возвращению наших войск был неожиданно арестован по доносу того же самого администратора. На следствии выяснилось, что у деда нет российского гражданства, забыл своевременно оформить после того, как Польша стала самостоятельной державой. А это значило, что он – иностранец, априори враг! Тогда долго не разбирались, и уже через неделю дед трясся в пересыльном вагоне на север. После лагеря – поселение. Это – еще лет пять. Вернулся он окончательно в пятьдесят седьмом больным человеком с нарушенным вестибулярным аппаратом, отчего постоянно и в неподходящий момент терял равновесие и падал, иной раз, до крови разбивая лицо. Лагеря никого не щадили, но, что характерно, ни разу не слышал я от деда жалоб на жизнь. Утерев кровь, он беззубо смеялся в ответ на причитания испуганной, бестолково суетящейся бабушки:

- Что ты старуха кудахчешь? Дальше земли падать некуда, а земля она вот, под ногами.

О лагерях дед помалкивал, а я не спрашивал, подсознательно понимая, что молчание – золото. Да и прожил он после этого не дольше трех лет.

Обо всех этих подробностях социалистического реализма, о которых взрослые старались не говорить всуе, видимо, помня про Павлика Морозова, я узнаю много позднее, а пока стояло золотое, волжское лето, на полянах зрела земляника, и всякие странные и непонятные моменты жизни не тревожили головы счастливого пионера.

В один из дней бабушка неожиданно сообщила мне, взволновавшее в некотором роде мое юное, восприимчивое воображение, известие:

- Собирайся, внучек! – сказала она, протягивая мне темную, стёганую фуфайку.

- А, зачем это, бабушка? – недоуменно спросил я.

- Ночами, да и по утрам, в лесу прохладно, так что примерь!

- Мы что, в лес пойдем?

- В лес, не в лес, а поедем в деревню к моей старинной подруге. А деревня недалеко от Торжка, леса там знатные, нетронутые. Черника поспела, да и тебе нужно свежим воздухом подышать. А то вы с пацанами целыми днями носитесь по городу в такую жару, пыль глотаете.

Счастливый и возбужденный я вылетел во двор, торопясь сообщить эту потрясающую новость своим новым друзьям, а после обеда, взяв корзинки и котомку с провизией и подарками для бабушкиной подруги и ее родни, мы отправились на платформу, где погрузились в набитую битком электричку, идущую в сторону Ленинграда.

За окном проносились пейзажи среднерусской равнины: стайки белых берез, окруженные темным, опустившим густые лапы до самой земли, ельником, солнечные косогоры, покрытые ковром цветущих растений, речушки, вьющиеся между полей колосющегося овса, и исчезающие в мареве, где-то за чертой горизонта. Воздух, бьющий в приоткрытые форточки окон, пах медом, запахом скошенного сена, и той неповторимой смесью ароматов, которые присущи только сельской местности. Города, обычно пахнут бензиновой гарью, ржавым металлом и нечистотами, а этот воздух хотелось пить. Пассажиры, в основном не городские, судя по одежде, люди, дремали под стук колес, жевали нехитрую снедь, взятую в дорогу, да азартно играли в подкидного дурака, бросая карты на поставленный между скамеек вместо стола чемодан или какой-нибудь баул. Бабушка, утомленная жарой и вынужденным бездельем, уснула, прислонив голову к дребезжащей стенке вагона, а я с интересом наблюдал за меняющимися картинами ландшафта этих мест, которые для меня были ну если не в диковинку, то совершенно не походили на знакомую мне дальневосточную тайгу. Краски Приморья были куда как пестрее и богаче, но в неброской, спокойной кра-

соте, которая проносилась за окном, в пастельных цветах пейзажей было что-то, что притягивало к себе и волновало сердце. Россия, она прекрасна везде: и в болотах Тюменщины, и в гористых, бескрайних степях Забайкалья, ну и конечно здесь, где лежит ее сердце, откуда начинается Волга. Раньше, это были удельные земли тверских князей, независимых и гордых, готовых всегда поспорить с Москвой о первородстве. Но после гибели последнего, Михаила, отравленного в Золотой Орде по навету Московского князя Юрия, кстати, как и основатель Москвы, тоже имевшего прозвище Долгорукий, вопрос разрешился не в пользу Твери. А то, еще неизвестно, как бы величалась, в конце концов, столица нашей бескрайней Родины.

Часа через два с половиной мы с бабушкой сошли с электрички на неприметной остановке «Платформа 225 км», прямо на щебеночный откос насыпи, так как платформы, как таковой, не было вовсе. Грунтовая дорога, почти заросшая травой оттого, что по ней давным-давно никто не ездил, уходила куда-то через поле в лес; вот по ней мы и отправились с бабулей, подхватив свою поклажу. Дорога, то почти скрывалась под нависающими кронами желтобокого сосняка и корявого осинника, то вдруг вырывалась на простор продуваемых ласковым, июльским ветром полян с яркими, желтыми цветами куриной слепоты на плотном, умытым прошедшим недавно дождем ковре травы и голубоватыми пятнами цветущего мышиного горошка вдоль лесных опушек.

- Привал! – сказала бабушка через час пути, присаживаясь на поваленный ствол сосны и распаковывая котомку с едой. – Садись, Коленька, перекусим: шагать нам с тобой еще не меньше пяти верст.

- Далековато, - приуныл я, но делать было нечего. Не топать же назад. - А как деревня-то называется?

- Змеёво, - ответила бабушка, подавая мне кусок хлеба и яйцо, отваренное вкрутую. – Бери огурец-то, а то сухо будет.

- Ну и названьице! Там что – змей много?

- Змеи, конечно, есть, потому как болота, хотя болот и торфяников тут везде хватает. А почему так назвали, никто и не помнит: Змеёво – и Змеёво.

- А люди то чем там занимаются? – промычал я набитым ртом.

- Торфяные разработки там, торф добывают. Ну и хозяйство у каждого: коровы там, гуси, живность всякая. Тоже немало сил и времени требует.

- Понятно.

Понятного мне, городскому жителю, было мало. Какого дьявола людям жить в такой дыре, откуда даже до электрички надо топать часа полтора, и то, если бодренько?

Перекусив и отдохнув, мы вновь тронулись в путь и через час пересекли громадное, осушенное водосборными канавами торфяное болото, на дальнем конце которого были разбросаны на пригорке потемневшие срубыв изб. Вечерело. Легкий, березовый дымок из печных труб стелил-

ся низко над землей, по болотной кромке вдоль чернеющего ельника.

Встретившая нас у калитки высокая, сухопарая женщина в глухо повязанном платке и оказалась бабушкиной подругой Верой. Они долго обнимались, радуясь встрече, а я стоял рядом, настороженно разглядывая стайку высыпавших во двор ребятишек во главе с парнишкой примерно моих же лет. Наконец, бабушка оторвалась от подруги:

- Ну, что стоишь, знакомьтесь! Это – Женя, внук бабушки Веры, - она указала мне на ровесника. - А это – наш Николай. Помнишь, Вер, какой маленький был, когда ты к нам с Валею приезжала?

- Помню, как не помнить! Растут детишки, как грибы. Ну, что мы стоим-то, пошли в избу, вечерять пора. А вы никуда далеко не убегайте, - наказала она, молча наблюдавшим за всем происходящим, детям, - кушать скоро! Пошли, Пелагея!

Бабушка потрепала меня по голове, улыбнулась и шагнула вслед за бабой Верой в избу. Мальчишка, которого звали Женей, подошел ко мне и, неожиданно широко улыбнувшись, протянул руку:

- Женя!

- Николай! – ответил я на рукопожатие.

- А это сестры мои: Танька и Манька, близняшки, - представил мой новый приятель двух девчушек лет двенадцати, одетых в одинаковые ситцевые платьица. – Это – Витька, наш сосед, - он ткнул пальцем в сторону белобрысого мальчишки с облупленным от солнца носом, - А это – Клава, тетки Прасковей дочь. А ты сам-то откуда?

- Как откуда, из Калинина!

- Это-то – понятно! А, вообще-то, откуда?

- С Дальнего Востока, из Приморья.

- Ух, ты, куда тебя занесло! А я дальше Калинина нигде не был, даже в Москве. Дед, правда, обещал свозить, но ему пока все недосуг. Вы за ягодой приехали, или за грибами?

- За черникой.

- А я не люблю ягоду собирать - медленно и мучительно. Щиплешь, щиплешь, а в корзине пшик! Грибы сподручнее, если еще места хорошие знаешь. А у вас там, на Дальнем Востоке грибы растут?

- Не знаю, ни разу не собирал.

- А вы что там, и в лес не ходите?

- Почему не ходим – ходим. Шишки кедровые бьем, лимонник собираем.

- Что это за лимонник такой?

- Ягода такая желтая, на лозе, как виноград растет. Полезная – страсть! Нанайцы ее жуют, чтобы в темноте лучше видеть.

- Да, ну!

- Вот тебе и ну! Кстати, виноград у нас тоже в тайге растет. Правда рот, когда ешь, вяжет здорово, – признался я.

В это время дверь в дом распахнулась, и нас позвали ужинать. За просторными сенями, застеленными самоткаными половиками, открывалась широкая горница с длинным, из тяжелых, деревянных плах столом, накрытым цветастой клеенкой, и такими же потемневшими скамьями вдоль стола. Электричества в доме, как, впрочем, и во всей деревне, не было, и комнату освещала единственная керосиновая лампа, стоящая посередине стола. В углу горницы, на стене, рядом с мерцающей лампадой, как и у нашей монашки, был развешен целый иконостас потемневших от времени и копоти икон святых, украшенных вышитыми полотенцами. Рушниками, как мне объяснила позже бабушка.

- Помолимся, чада! – бабка Вера, кряхтя, опустила на колени перед иконостасом.

К моему удивлению и величайшему изумлению все многочисленное семейство вслед за хозяйкой брякнулось на колени тоже и стало усердно повторять слова какой-то молитвы, которую произносила, то и дело, крестясь и отбивая поклоны, баба Вера.

- Прости нас грешных, Господи! Не дай погибнуть в геенне огненной! – закончила молитву старуха.

В нашей семье никто в Бога не верил, да и бабушка особой набожностью не отличалась, а дед, так тот и вовсе насмеялся над монашкой, когда та крестилась на облезлые купола. А тут, я живую увидел, как все, от мала до велика, бьют поклоны в сторону нарисованных ликов. Да еще, что-то бормочут про себя. Мне все происходящее показалось какой-то средневековой дичью, и я тихонько забился в угол, стараясь не показать, как мне, пионеру и убежденному атеисту по настоящему странно и страшно, а временами даже жутковато наблюдать за всем этим действием. Я, городской мальчик, просто не мог себе представить, что в век спутника и гагаринского полета есть в России такие медвежьи углы. Учителя в школе накрепко вдолбили в наши юные головы, что всякая вера суть мифы и мракобесие, а попы – пьяницы и развратники. Когда заходила речь о церкви, мне всегда почему-то чудились костры средневековой инквизиции. Впрочем, в среде моих одноклассников никто о таких вещах не вспоминал сроду. Какая к дьяволу вера, когда каждый второй в те времена мечтал стать космонавтом.

Наконец, молитва закончилась, и всех пригласили к столу. Угощали свежей, отварной картошкой, заправленной растительным маслом и бесподобными, солеными в бочонке, рыжиками. Таких вкусных грибов я никогда раньше не пробовал. Мать, конечно, мариновала маслята и всякие там подосиновики, но таких вот грибов, есть мне, не доводилось. Пахли они вишневым листом, укропом и еще каким-то непередаваемым, чисто лесным запахом трав и мхов. Наскоро поужинав, мы с детьми всей компанией высыпали во двор. Деревня погрузилась в темноту, ни огонька на

улице, только в небе мерцали, подсвечивая контуры построек, особенно яркие и чистые, каких мне никогда не приходилось видеть в городах, звезды. Да еще светились тусклым, красноватым цветом окна некоторых изб.

- А что, у вас и электричества нет? – спросил я своего нового приятеля.

- Не-а!

- А как вы в школе учитесь, при свечках что ли?

- У нас здесь и школы нет, мы с Клавкой в интернате учимся, на Луговой. Это – две остановки на электричке в сторону Бологое.

- А живете где?

- Как где, - Женька посмотрел на меня, как на дурачка, - в интернате общежитие, и столовая, и спортзал есть, там и живем. Каждый день не наездишься, да и билеты денег стоят. Летом мамане помогать по хозяйству надо, вот и живем на каникулах здесь. А в Луговой нас и в кино водят, и кукольный театр приезжал прошлой зимой. Ты не смотри, тут не скучно. Знаешь, какие караси на озере ловятся? Кило – не меньше!

- Брось ты, кило!

- Точно тебе говорю. А, когда новый мамкин ухажер приезжает, мы с ним на зайцев ходим, я даже два раза из ружья стрелял, вот!

С минуту я помолчал, переваривая сказанное. Интернат, караси, охота. Я, конечно, слышал про интернаты, но всю свою сознательную жизнь предполагал, что там учатся дети, не имеющие родителей или родственников, детдомовские. А тут!

- Жень, - потихоньку, чтобы другие не слышали, спросил я своего нового приятеля, - а ты что, в Бога веришь?

- Не, я что, дурак, что ли? Это бабушка всех заставляет поклонны бить. А я так, чтобы маманю не расстраивать, а то бабка жалуется. Когда батя умер, она все плакала, а бабка ей – помолись, легче станет, вот и привыкла. Хотя они и раньше молились, дед у нас на это дело строгий.

- А отец у тебя, где погиб?

- Да не погиб он, а спился, и помер в больнице. Мамка говорила отчего, только я не запомнил.

- Слушай, Жень, а ты – пионер?

- Конечно. У нас в классе все пионеры, а через год обещали в комсомол принять. Я бабке галстук не показываю, зачем лишний раз старуху расстраивать, а мамка знает.

- А я подумал!

- А ты не думай. Пошли лучше на сеновал, там – весело.

Часов до одиннадцати мы всей компанией бесились на сеновале в полнейшей темноте, рыли в пахучем сене ходы, и гонялись друг за другом, бесстрашно ныряя в нарытые отверстия. Сено лезло под одежду, кололось, но не слишком, зато веселья было - хоть отбавляй. Наконец, появилась баба Вера и погнала нас всех спать:

- Быстро на полати, завтра вставать раным-рано! Все сено взьерошили, негодники. Вот дед из города вернется – он вам покажет, как на сеновале безобразничать!

- Не ругайся бабуль, мы шас, - Женька дернул меня за рукав, - Пошли в сарай спать, в избе жарко. У меня там кровать широкая, места хватит.

- Пошли.

- Бабуль, мы с Колей в сарае спать будем, ладно?

- А он-то как, не против?

- Не, я против.

- Бог с вами, спите. Только сначала в избу зайдите, молока выпейте.

Крынка и кружки – на столе.

Попив молока, мы расположились в сарае на огромной двуспальной кровати, застеленной ватными матрасами с цветными простынями. У нас дома, да и у бабушки, все простыни были белыми, а тут почему-то цветными. Вместо одеял мы накрылись громадным овчинным тулупом.

- Жень, а что у вас дед в городе делает?

- Они с маманей мясо на продажу повезли, завтра вечером приедут. В Калинине тетка моя, Ирина, материна сестра, живет. Она на рынке торгует. Вот мы и возим ей разные овощи, соленья-варенья, а когда дед живность режет – мясо. Давай спать, а то бабка ни свет, ни заря разбудит, у нее не заржавеет.

Туманным утром нас с Женькой растолкала баба Вера:

- Одевайтесь потихоньку и живо завтракать, шесть часов уже. Малых только не разбудите, пусть еще поспят, набегались вчера досыта.

Мы поднялись, сходили в сени, умылись ледяной водой из-под громадного, медного рукомойника, и окончательно проснулись.

- Быстро садитесь, чай пить, да не забудьте рот перекрестить, - баба Вера повернулась к образам и размашисто перекрестилась.

Сидевшая за столом бабушка сделала то же, Женька махнул рукой между прочим, а я, несмотря на укоризненный взгляд бабушки, так и не смог себя пересилить. Поэтому молча сел за стол, поймав неодобрительный взгляд бабы Веры. Но вслух она ничего не произнесла. Конечно, как говаривала монашка Евфимия, нечего со своим уставом в чужой монастырь лезть. Но пионеру креститься – да ни за что! Правда я слышал потом, как баба Вера выговаривала моей бабушке:

- Нехристя растишь, Полина!

А та оправдывалась:

- Так они у меня раз в три года на месяц появляются. Да и жизнь у них теперь совсем другая, не то, что у нас.

Быстро попив чая с привезенной нами из города колбасой, мы оделись, вооружились корзинами и бидонами, и гуськом вышли за ограду,

направляясь в сторону чернеющего за болотом леса. Впереди шагала баба Вера, за ней следом моя бабушка, а мы с Женькой, весело болтая о том, о сём, замыкали процессию. Через четверть часа почти совсем рассвело, туман подняло от земли к вершинам елей, и, наконец, в его разрывах мелькнул огненный шар восходящего солнца. Заблестела бриллиантами роса на траве и ветвях деревьев, а от полян и прогалин в лесу начал подниматься пар. Стало очень тепло, почти жарко.

- Ну, вот и пришли, - махнула рукой в сторону расстилавшегося перед нами мелкоколосья остановившаяся, наконец, баба Вера - здесь будем ягоду брать.

Старухи сняли телогрейки, сложили вещи под куст и, подхватив корзинки и кружки, начали собирать чернеющую в траве и на мхах ягоду. Женька потянулся, прилег под куст, а я, не долго думая, пристроился рядом.

- На фиг эта ягода нужна! Вот ты, что, без нее жить не сможешь? - спросил Женька.

- Не знаю. Бабушка из нее варенье варит. Вкусное.

- Джем вишневый вкуснее. Нам дед из Калинина привозил - пальчики оближешь! А еще, говорят, есть такой ананас, так тот вообще!

- Я пробовал консервированный, отец из Китая привозил.

- Вкусно?

- Да ничего, бывает и вкуснее.

- А че у тебя батя в Китае делает?

- Ничего он там не делает. В командировке был, вертолеты перегонял для китайцев.

- Он у тебя летчик что ли?

- Летчик.

- Я тоже летчиком хочу стать, - Женька откинул голову и мечтательно взглянул куда-то вверх, - Летчикам хорошо.

- Чего хорошего-то? Работа - как работа. Мать у меня постоянно отцу говорит, чтобы на землю работать переходил. Боится, что разобьется. Знаешь, сколько на моей памяти папаниных сослуживцев шмякнулось?

- А форма! Видел на параде? Кортики там, кокарды всякие. Красота.

- Эй, а вы что филоните?! - грозно разогнулась баба Вера. - Давайте, давайте, поднимайтесь, нечего ворон считать!

Полчаса я усердно собирал ягоду в бидончик, но потом заныла спина, и стало скучно. Солнце светило все жарче, пот начал попадать в глаза и я решил, что пора кончать с этим неблагоприятным делом. Оглядевшись, я увидел, что бабушки углубились в березняк, а Женька, как лежал, так и лежит на ватнике между кочек, созерцая небеса. Вот дает!

- Женька, а Женька! - вполголоса окликнул я приятеля.

Тот приподнялся над травой и, повернув голову в мою сторону, призывно махнул рукой.

- А ты чего ягоду не собираешь? – подошел я к нему, - Бабки ругаться будут.

- Да ну их! Мы два дня назад ведер десять собрали, солить что ли? Пошли лучше за грибами сходим.

- Далеко?

- Рядом, вон за тем березняком.

- Пошли, а то мне тоже надоело. Была бы эта ягода с яблоко величиной, тогда можно было, и собирать, а так, рвешь, рвешь, а все никак дна у бидона не закроешь.

- Бери корзинку и - потопали!

Я подхватил лукошко и бросился вслед за Женькой, который решительно направился по краю болота через березняк к густому ельнику. Почти у самого леса мы вышли на изумрудный торфяник. Женька остановился, и я, внимательно посмотрев под ноги, вдруг, к своему удивлению, разглядел во мху многочисленные, разноцветные, масляно блестящие головки сыроежек. Таких сыроежек я никогда не видел. Эти были плотными, тяжелыми, со шляпками, скрученными в тугой шар, и всевозможных, всех цветов радуги расцветок. Те, что росли у второй моей бабушки из Забайкалья по сопкам, были разлапистыми, хрупкими и бледными, их никто никогда и не брал, потому, что донести до дома удавалось только грибную труху. А у этих даже ножки были как у подберезовиков. Я тут же, не мешкая, опустился на колени и, азартно ползая по мху, минут за тридцать - сорок набил грибами полную корзинку. Вполне довольный собой я с гордостью оглядел свою добычу и, уселся на здоровую, поросшую ключей, рыжей щетиной кочку. Надрав сырого мха, прикрыл им собранные грибы. Потом подумал, расстелил у кочки телогрейку и улегся на нее, глядя в голубое небо, с плывущими по нему редкими, пушистыми облаками, похожими то на пасущихся белых барашков, то на сказочные замки. Незаметно я уснул. Мне снилось что-то приятное, когда я внезапно проснулся, услышав голос Женьки:

- Ну, ты здоров спать! А я чуть мимо не прошел, хорошо, заметил. Вставай, бабки кричали, нас ищут.

Я окончательно проснулся и сел на кочку.

- Погоди пять минут, дай глаза протереть!

- А чего ты со мной не пошел? Я тебе кричал, кричал – не докричался!

- Я не слышал. Да, собственно, куда идти – и тут грибов полно!

- Да, ну?

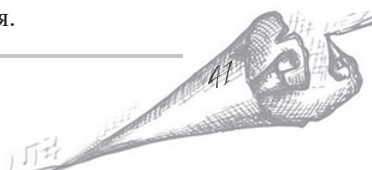
- Смотри, - я небрежно пододвинул ногой корзинку.

Женька приподнял мох и, осмотрев мое богатство, ухмыльнулся:

- Не, у нас их не берут, возни с ними много. Попробуй-ка, почисти каждый от шкурки.

- А, зачем их чистить?

- А, я почем знаю, бабка всегда чистит, и ругается.

Он снял прикрывающие его лукошко еловые лапки, и я увидел великолепные, плотно уложенные, красноголовые боровички, между которыми блестели коричневыми, почти черными головками белые. Я аж слюну сглотнул от зависти. Это ж надо, а я тут с этими погаными сыроежками возился! Настроение, конечно, упало.

- Да не расстраивайся ты, лучше соленых сыроежек грибов нет, - пожалел меня Женька, - Во-первых – не темнеют, как грузди, всегда белые, а во-вторых – запах у них, никакой гриб так не пахнет!

Я только махнул рукой, опустив голову, и в этот момент заметил у ног, в густой растительности, ползущий, колючий шарик с узкой мордочкой.

- Ёжик! Женька, гляди, ёжик!

- Где?

- Да вон, у кочки.

- Детёныш, - посмотрел Женька.

Я попытался взять ежика на ладонь, но тот мгновенно свернулся, и начал пырскать колючками, стараясь уколоть надоедливую приставалу.

- Ты ладонь-то снизу подведи, - посоветовал Женька, что я незамедлительно и сделал.

Ёжик с минуту полежал на ладони неподвижно, а потом, решив, что опасность миновала, развернулся, обнажив теплое розовое брюшко. Нос его смешно задвигался, пытаясь определить, где это он находится.

- Ух, ты! А в город его можно с собой взять?

- Возьми, конечно, он маленький еще, быстро привыкнет.

- А чем его кормят?

- Да, они все едят. А этот малой, ему пока и молока хватит. Ну, ладно, собирайся, а то бабки ругаться будут, полчаса уже, как кричат.

Мы поднялись и, не останавливаясь, двинулись в сторону березняка, где наши упорные старушки корпели над черникой.

- Вас куда черт унес? – начала, было, баба Вера.

- Брось, Вер, видишь, ребятки по грибы ходили, и не с пустыми руками вернулись. А это что?

- А это – ёжик! - гордо ответил я.

- Ну, и зачем он тебе?

- Как зачем, дома жить будет. А что, нельзя, что ли, ежиков дома держать?

- Ну, почему, можно. Только твоя мама, боюсь, воспротивится. Ёжик – скотинка ночная, беспокойная, будет по дому бегать, цокать ножками, спать не давать.

- Ничего, я его в своей комнате держать буду.

- Ну, смотри. Что, Вера, собираться пора, а то нам еще до станции топтать и топтать.

- А, может, Полина, еще останешься?

- Нет, Вер, послезавтра Валя с Гошей приезжают, а у меня в доме не убрано, да и готовить к приезду что-нибудь надо.

- Ну, смотри, тогда пошли, а то опоздаете.

Мы быстро собрались и тронулись в обратный путь. Баба Вера никак не хотела отпускать нас без обеда, и пришлось сесть за стол. Ёжика я уснул в один из стоящих у порога валенок, чтобы не сбежал. Но после обеда обнаружилось, что валенок лежит на полу, а ёжика и след простыл. Я, было, совсем расстроился, но бабушка сказала, что все к лучшему, зверь должен жить на свободе, а не в квартире на пятом этаже. Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы двинулись по знакомой дороге к платформе электрички, а к вечеру уже были дома.

После ужина бабушка с монашкой сели чистить мои сыроежки, а я пошел смотреть телевизор, где незаметно уснул, перебирая в памяти события этих двух дней. А на следующий день приехали мама с папой, привезли с собой из Крыма полную корзину фруктов и другой вкуснятины, и жизнь начала свой новый виток. После возвращения в Усурийск, дней через сорок, мама к ужину открыла одну из банок с собранными мной сыроежками, и я почувствовал их неповторимый грибной запах, запах тех полян и болот, где я их собирал, о котором мне еще тогда говорил Женька. А вкус был и вовсе великолепен.

Более сорока лет минуло с той поры. Нет уже в живых ни бабушки, ни ее соседки-монашки. Мама тоже не надолго пережила бабушку. Новое тысячелетие ворвалось в нашу жизнь, наполнив ее бесконечными войнами внутри страны и по всему миру, кровавыми жертвами ни в чем не повинных людей и ужасами природных катаклизмов. Той страны, где прошло мое незабываемое, иногда трудное, но все равно счастливое детство, давно нет, как нет уже на свете и многих дорогих мне людей, встреченных мною на этом жизненном пути. История до сих пор не разобралась со многими загадками и тайнами нелепых, беспощадных лет перестроек и переломов, походя калечивших судьбы людей и целых народов. Время, не успев воздать всем по заслугам, породило новые, нередко вовсе нелепые, а порою постыдные в приличном обществе цели и идеалы. А деревня Змеёвка, утонувшая в торфяных болотах валдайских просторов, так и осталась в девятнадцатом веке, без электричества, без всех, привычных для нас удобств цивилизации, с коптящими лампадами под угрюмыми образами, не помышляя о переменах, и не замечая стремительного бега времени. И все так же, как и сорок лет назад, в семи километрах к востоку от нее, гремя колесами, проносятся комфортабельные, скоростные составы по стальной железнодорожной магистрали из Москвы в Санкт-Петербург, и обратно. Все мимо и мимо...

Затмение

- Перекур десять минут, - скомандовал Славка, и бойцы, облепившие опору номер два, весело загомонили, прикуривая от шикарной пистолета-зажигалки, приобретенной этим днем здесь же у зеков, работающих под мостом на сплаве леса.

- Прикури папироску, Эдик, - попросил Славка, которому надоело каждый раз спускаться с опоры вниз и полоскать в бензине замасленные солидолом руки.

Лейтенант Эльгердас Лошакс, латыш по национальности, которого для простоты все звали просто Эдиком, сунул дымящуюся беломорину Славке в зубы. Тот глубоко и с удовольствием затянулся и выпустил дым через ноздри. Взвод производил работы по разгонке пролета строящегося железнодорожного моста через речку с красивым и непонятным названием Лозьва. Река была спокойной, с покрытыми густым лесом берегами и глубокими омутами, в которых ловились вполне приличные налимы. Старожилы говорили, хотя в это с трудом верилось, что лет двадцать назад здесь водилась нельма и даже попадалась стерлядь. За эти двадцать лет реку изрядно загадили: почти на каждом плесе из воды торчали почерневшие стволы топляков, результат бестолкового молевого сплава. Справа и слева от моста расположились биржи номер один и два, рабочие зоны Ивдельлага. Результатом их бурной деятельности по заготовке и переработке леса для нужд огромной страны и были многочисленные ежеобразные завалы стволов на мелководьях. Разгонка пролетов – работа тонкая, требующая специальной технической подготовки и неимоверного терпения. А его-то как раз и не хватало. Семидесятиметровый пролет нужно было растянуть на опорных частях с точностью до миллиметров, чтобы при проходе состава горизонтальные усилия не скололи бетонные оголовки. По этой простой причине почти с самого утра бойцы качали рычаги восьмидесятитонных гидравлических домкратов, то, поднимая, то, опуская пролет, одновременно производя растяжку конструкции специальными струбцинами. Сделав очередной замер микрометром, Славка коротко матерился, плевал под ноги, и все начиналось сначала. «Непруха, она и есть непруха! – мрачно размышлял Славка. – Вчера за три часа управились, а сегодня – фиг вам!»

- Давай, зови своих оболдуев, - Славка отбросил догоревший окурок. – Пахать пора. Я шкурой чувствую, что сегодня толку не будет.

Лошакс поднялся с ящика с болтами и позвал отдыхающих бойцов. Работу закончили затемно, так и не добившись желаемых результатов.

- Ну, что, Слав, глухо? – спросил Эдик, пакуя микрометр.
- Не сводится ни хрена, миллиметра два больше нормы. Да, черт с ним, завтра закончим, темно уже. Иванов! – окликнул Славка сержанта. – Собирайте людей и поезжайте.
- А вы, товарищ лейтенант?
- А мы пешком прогуляемся, правда, Эдик?
- Давай! Хоть продышимся. Погода шепчет. На-ка, возьми мыло, а то от тебя за версту бензином разит.
- Выветрится, пока топаем, - ответил Славка, однако спустился к реке и долго тер руки песком и мылом.

До поселка было километра два по шпалам вдоль колючей проволоки лагерных зон и производственных корпусов нестерпимо воняющего гидролизного завода. Они неторопливо шли по протоптанной возле железнодорожного полотна, хорошо заметной даже в темноте тропинке, покачивая на ходу и болтая ни о чем.

- Мужики, поди, уже в «Лозье» заседают, черти.
- Ничего, успеем, всего-то восемь.

«Лозья» - ресторан, если можно так назвать это заведение, в небольшом, тысяч на пять жителей, населенном пункте Першино, на краю Свердловской области. Поселок возник еще в тридцатые годы рядом с многочисленными и многолюдными зонами Ивдельлага: где-то должны были жить служивые из НКВД и их семьи. Позже поселок разросся за счет «химиков» и освобожденных, для которых после выхода на волю определялось место поселения. Так что для части населения это был тот же лагерь, правда без колючей проволоки и вертухаев на вышках, но покидать который без особого на то разрешения они не имели права. В начале пятидесятых построили гидролизный завод для переработки многолетних терриконов опила, где в основном и работали местные аборигены. Когда на заводе начиналась очистка перегонных колонн, то от заводского забора к поселку и назад, как тараканье воинство, мельтешило озабоченное население с разнообразной по объему и виду тарой. Видимо поэтому спирт в поселке водился в избытке, хотя нередко пах скипидаром, муравьиной кислотой, или еще какой-нибудь гадостью. Потом народ начинал пьянствовать и буйнить, а нередко дело заканчивалось поножовщиной. Особо буйные вновь переселялись за колючку, благо зона рядом. По России таких поселков в глухомани – каждый третий.

Так, вот, о «Лозье». Зимой, например, туда можно было зайти в валенках и почерневшем от дыма костров полушубке. Не снимая последнего и заказав официантке двести граммов «Перцовки», посетитель мог отдохнуть часа два-три, отрешившись за столиком от суеты жизни. Ну, а чтобы пробрало, полировали «Перцовку» пивом. Правда,

шапки господ офицеры, надо сказать, снимали всегда, в отличие от местных. Белая кость, как-никак.

В половине девятого друзья открыли дверь и вошли в наполненный негромким гомоном и густым табачным дымом зал.

- А, инженерá пожаловали! – приветствовал их сидящий за столиком в окружении каких-то мятых личностей, командир роты мехбата старший лейтенант Огнев. – Присаживайтесь, мужики, составьте компанию.

- Спасибо, Шура, но нам уже заказано, - Славка заметил одиноко сидящего за столиком в углу Юрку Гомянина, командира второго взвода.

- Было бы предложено, а то – давайте!

- В другой раз, Шура, извиняй, нас Юрка ждет.

Славке вовсе не улыбалось провести вечер в компании местных бомжей, и он, кивнув Эдику, решительно двинулся к Юркиному столику, по пути захватив стул, так как возле Гомянина значился только один.

- Здорово, Юра! Что, один скучаешь?

- Так мужиков замполит в батальоне мурыжит: какие-то занятия, не то лекцию придумал. А я с дежурства освободился и смылся потихоньку. Согласно уставу имею полное право на отдых.

- Имеешь, имеешь! Только ты об этом замполиту не рассказывай, а то обидеться может.

- А и Бог с ним, пусть обижается. Вы с моста что ли?

- С него, родимого.

- Бутылочку водки, два пива и бифштексы, - заказал подошедшей официантке Эдик. – И пачку «Беломора», пожалуйста.

Через минуту на столе появились водка и пиво.

- Наливайте, я сейчас, - и Славка скрылся за ширмой, отделяющей зал от кухни. – Мариночка, золото, - донесся до приятелей его голос, люди умирают от голода. Давай, я тебе помогу.

Еще через две минуты он появился с подносом, на котором расположились салат и селедочка с картошкой на двух больших блюдах, и три закусовых тарелки с вилками. Селедка была густо завалена белыми кольцами репчатого лука.

- Бифштексы попозже, готовят пока. Ну, что, приступим?

Они чокнулись, выпили, закусив принесенной селедкой, оказавшейся на удивление малосолой и вкусной до одурения, и закурили.

- Давно тут сидишь? – спросил Гомянина Эдик.

- Да, часа два, пожалуй. Скучно одному.

- Ты бы с Шуриком спарился.

- Да ну его к дьяволу! Контингент с ним рядом видел? А вы-то чего так поздно?

- Заработались, - отмахнулся Славка. – Слышь, Эдик, правильно я тебе сказал: пошли пешком, а то бы сейчас не здесь, а на лекции парились.

- Это точно. У нашего замполита средю мозгов не хватало. Люди целый день на работе пластаются, комаров кормят, а вместо культурного отдыха, нате вам, слушайте разную хрень перед сном.

- Мариночка, а что это у вас сегодня так безлюдно, пол зала пустых? – спросил Эдик подошедшую к столику официантку. – Мор напал, или землетрясение случилось?

- Милиция тут часов в шесть шмон наводила, «химиков» повычистила. И правильно: воздух чище. Нажрались, устроили потасовку, посуду переколотили, помоишники сраные. Да ты, Эдик, не волнуйся, часам к десяти, как магазины закроют, народу будет, пушкой не прошибешь.

- Марина, попроси Леху, пусть музыку включит, а то надоела эта пьяная хреновина, - Славка кивнул головой в сторону стола Огнева, где разговор уже переходил на повышенные тона. – Это кто там со старлеем пристроился, может помочь очистить помещение?

- С обеда жорики квасят. Ты сиди. Сейчас я их сама шугну. Они все равно человеческого языка не понимают.

- Старлея не тронь, наш человек. Юрка, ты куда собрался? – спросил Славка поднимающегося со стула Гомянина.

- Устал я что-то, ребята, потопая потихоньку спать. Ночью начальник штаба две проверки устроил: комиссия какая-то из бригады прибыла. Только в сушилке покемарить пристроюсь, начальник караула бежит: тревога! Так всю ночь и прошарахался.

- Шуру Огнева прихвати, а то не дойдет до части, бедолага.

- Ладно, доставим честь по чести. Отдыхайте.

- А, что это он сегодня так набрался?

- Так, у него день рождения, вот и празднует.

- Пойти поздравить, что ли?

- Не стоит. Придется потом мне его на себе тащить. Завтра поздравите.

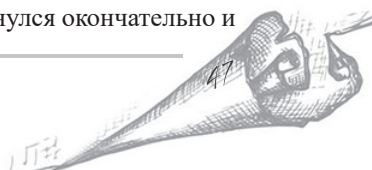
Юрка поднялся и пошел к выходу, прихватив по дороге пьяненького старлея, который тут же полез к нему целоваться.

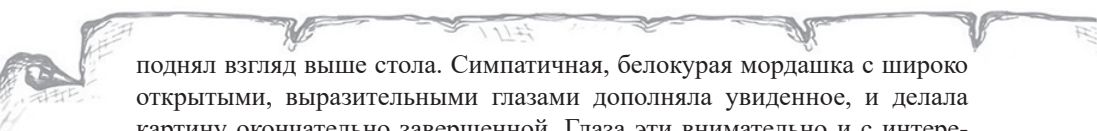
- Пошли, пошли, Шура, петушок пропел давно. Ну, давай, дорогой, шагай потверже. И раз, и раз, - они скрылись за захлопнувшейся дверью.

- Давай, что ли, по маленькой, - предложил Славка Эдику. - Леха, включи что-нибудь приятное, будь другом, - обратился он к завзалом.

Водка закончилась, они заказали еще, и долго сидели молча, слушая задушевную Анну Герман. Покой и умиротворение навевали эти грустные, неторопливые мелодии. Славка закрыл глаза и задремал...

Первое, что он увидел, проснувшись, были две стройные женские ножки с круглыми, приятными во всех отношениях коленками под столиком напротив. Ножки были обуты в открытые белые босоножки на каблучках шпильках. Выглядывающие из босоножек ноготки розовели перламутровым лаком. Хмыкнув про себя, Славка проснулся окончательно и

поднял взгляд выше стола. Симпатичная, белокурая мордашка с широко открытыми, выразительными глазами дополняла увиденное, и делала картину окончательно завершённой. Глаза эти внимательно и с интересом смотрели на Славку. «Красивая девочка», - почему-то смутившись, подумал он, и перевел взгляд на сидящего рядом приятеля.

- Что, обратили внимание, поручик? – голос Эдика окончательно вывел Славку из состояния прострации.

- Однако! – только и произнес Славка.

- На, держи, - Эдик протянул наполненную рюмку. – Взбодрись, а то я вижу, тебя труды праведные вконец измотали.

Они чокнулись и выпили. Славка снова взглянул на соседний столик и вновь наткнулся на внимательный, теплый взгляд карих, как он теперь рассмотрел, глаз. В глубине этих глаз искрились смешинки, он ясно это видел.

- Слышь, Лошакс, а не пора ли нам в атаку?

- Еще как пора! – подтвердил Эдик.

- Думаешь?

- Давай, давай Кирк Дуглас, работай!

- Ну, я пошел.

Славка наполнил рюмки, не закусывая, залпом проглотил водку, поднялся и двинулся к соседнему столику.

- Сударыня, добрый вечер! – он галантно раскланялся. – Почему такая необыкновенная девушка одна и скучает? Может быть, составите компанию двум одиноким холостякам? Разрешите вас пригласить к нашему шалашу?

- Я не одна, у меня сейчас подруга должна подойти, - улыбнулась в ответ девушка, и на душе у Славки стало светлее от этой очаровательной улыбки.

- Подруга – это прекрасно! В таком случае приглашаем вас с подругой. Разрешите вас проводить к нашему столу?

- Как-то неудобно, мальчики. Да, и потом Катя может не согласиться.

- Катю я беру на себя. И потом, чего здесь неудобного: посидим, поговорим о погоде, о жизни. Сударыня, не откажите украсить своим присутствием серое мужское общество, - в голосе Славки появились медовые нотки, и, смело подхватив под локоток слабо сопротивляющуюся девушку, он ее к своему столику.

- Разрешите представить моего боевого товарища, это – Эдик.

- Наташа, - назвала себя девушка, присаживаясь на услужливо представленный Эдиком стул.

- Ну, а я, Вячеслав Константинович, - отрекомендовался, расправив плечи и щелкнув каблуками, Славка. – Человек, прямо надо сказать, положительный и многогранно талантливый.

Наташа вопросительно посмотрела на Эдика.

- Слава у нас вундеркинд: и поет, и пишет, и пляшет, - подтвердил приятель.

- Господа, а не пора ли нам отметить счастливый случай нашего знакомства? Эдик, подай даме бокал!

- Катя, Катя, я здесь! – Наташа помахала рукой вошедшей в двери ресторана женщине.

- Эльгердас, пригласите даму к нашему столу, - обратился Славка к закусывающему лейтенанту. - Проявите галантность.

Когда Лошакс подвел женщину к столику, Славка чуть не поперхнулся. Даме было далеко за тридцать, и для их почти младенческих двадцати четырех это было, как бы помягче выразиться, многовато. Кроме всего прочего, прошлая и, по-видимому, бурно прожитая жизнь оставила неизгладимые следы на ее лице. Физиономия Эдика ярко выражала всю гамму чувств, нахлынувших на него. Надо было срочно спасать положение.

- Присаживайтесь, Катя, - Славка пододвинул женщине стул. – Мариша, пожалуйста, приборы для дам и закуску. И принеси еще бутылочку винца. Что будем кушать, сударыни?

- Я ничего не хочу, - сказала Наташа и вопросительно посмотрела на подругу.

- Так не годиться, кто же пьет без закуски? – замахал руками Славка. – Мариша, два заливных.

- Тогда мне лучше салат, - попросила Наташа.

Официантка поджала губы, странно усмехнулась, но, ничего не сказав, пошла выполнять заказ. К двенадцати, изрядно повеселев, приятели вызвались проводить подруг до дома. Идти пришлось недалеко, метров двести, до первой пятиэтажки, в которой разместилось общежитие «химиков».

- Зайдете, мальчики? – пригласила их, придерживающая Лошакса в вертикальном положении, Екатерина. – Посидим, Славик на гитаре поиграет. Ведь ты же умеешь, - обратилась она к Славке. – У нас и спирт есть.

Напоминание про спирт оживило Лошакса. Славка вопросительно посмотрел на Наташу.

- Правда, мальчики, пойдемте, - она взяла Славку под руку.

- А женихи возражать не будут? – пошутил Славка.

- Нет никаких женихов, - успокоила его Наталья. – Пошли.

- Вперед! – очнулся Эдик и, опираясь на Катерину, двинулся к подъезду.

- В гости, так в гости, - коротко подвел итог Славка, посчитав, что если что, смыться никогда не поздно.

Квартира, в которую они вошли, представляла из себя типичную со-

вдеповскую малосемейку. Слева у входа находилась встроенная раздевалка, справа – туалет. Далее следовала собственно комната площадью квадратов десять - двенадцать. По обеим стенам, друг против друга, стояли две кровати, заправленные серыми солдатскими одеялами. Между ними, впритык, едва уместился небольшой стол, со стоящей около него деревянной табуреткой. У изголовья одной кровати стоял стул с развешенными на его спинке предметами женского туалета, у изголовья другой – какие-то картонные ящики. Все это дополняли закрывающие стены прикроватные коврики, такие после войны в изобилии продавались на блошиных рынках. Славка точно такие же видел в кино. На ковриках были изображены лебеди, русалки и прочая мура. Но, надо отдать должное, комнатка в целом была чистенькой и пахла какой-то душистой травкой. Поставив табуретку между коек, они расположили на ней стаканы и закуску, предусмотрительно прихваченную из ресторана Екатериной: чего добру пропадать. Она же достала из-за занавески на окне бутылку спирта и разлила.

- Запивать будете, мальчики?

Славка понюхал налитое и понял, что без воды это пойло не осилить. Спирт отдавал уксусной эссенцией и еще чем-то непередаваемым.

- Не померем? – спросил Славка.

- Еще никто не помер, - Екатерина разбавила спирт и подняла стакан.

- Сомневаюсь.

- А я вот нет, - сказал Лошакс, и выпил.

Когда выпили по второй, Эдик полез целовать Катю.

- Ну, что ты, миленький, - шутливо отбивалась она. – Ох, какой nastyрный!

Славка, было, решил, что пора и честь знать, но тут произошло то, чего он в глубине души ждал все это время.

- Может, останешься? – тихонько, так, чтобы слышал только он, прошептала на ухо сидящая рядом Наташа.

Славка посмотрел на тискающего Катерину Эдика, который уже ничего не видел, кроме нее и подумал: «А, была – не была, к утреннему разводу успеем». Он вновь взглянул на улыбнувшуюся ему в ответ Наташу и решил взять инициативу на себя:

- Не пора ли бай-бай, граждане, время позднее?

Решительно поднявшись, он выключил свет и начал торопливо раздеваться, бросая амуницию на спинку стула. В темноте он слышал, как возбужденно сопит Лошакс и тихонько хихикает Катерина.

- Иди сюда, не ударься, - позвала Наташа и он, шагнув в сторону головы, нырнул под колючее одеяло навстречу ее протянутым рукам. Жаркое, ждущее тело плотно прижалось к его телу, а губы отыскивали его губы. Пальцами он ощутил гладкую упругость женской кожи и легкое подраги-

вание мягкого животика. Рука его скользнула ниже, а губы нашли, сразу отвердевший от их прикосновения сосок. Дыхание Наташи стало прерывистым и частым, как будто ей не хватало воздуха, а всю ее начала сотрясать дрожь давно не утоленного желания. Девушка обхватила его голову, крепко прижав к себе.

- Ну, иди же ко мне, дурачок, - простонала она. - Скорее же, скорей! Ох, не могу!

Молодое, переполненное возбуждением тело напряглось, и она торопливо начала помогать ему. Сильные, стройные бедра обхватили его и понесли по волнам восторга.

- Еще, еще, - шептала она, горячо дыша и изгибаясь. - Милый, еще!

И Славкино сознание окончательно растворилось в охватившей все его существо жаркой истоме, утонуло в рассыпанных по подушке золотистых локонах, источающих запах жасмина и еще чего-то неуловимо знакомого...

Под утро, тихонько поднявшись, чтобы не разбудить любимую, Славка вышел в туалет. Возвратившись назад, в тусклом свете лившегося из окна утра он разинул от неожиданности рот, увидев картину, мгновенно отрезвившую его. Сползшее на пол одеяло обнажило раскинувшуюся во сне Наташу, и он разглядел, что все ее красивое, идеальное по формам тело от бедер до груди было разрисовано цветными наколками. Здесь было все: от милых детских головок, до непристойных выражений лагерного лексикона. А в центре живота упиралось в лобок профессионально выполненное изображение фаллоса. «У-тю-тю! – очнулся от потрясения увиденным Славка. – Пора делать ноги!»

- Эдик, - шепотом позвал он Лошакса, для верности крепко толкнув в плечо, - поднимайся, дружище, в часть топать пора.

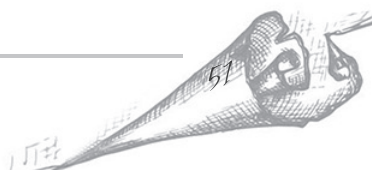
Он бережно как можно осторожнее, чтобы не разбудить, накрыл Наталью одеялом, и она, повернувшись лицом к стене, зачмокала во сне губами.

- Давай, собирайся в темпе! – поторопил он поднявшегося Эдика. – И тихо, не топай, а то разбудишь, не дай Бог.

Одевшись, они, не обувая сапог, на цыпочках вышли в коридор, бесшумно прикрыв за собой дверь. Прохладный, утренний воздух ворвался в легкие, когда они полностью экипированные, затянутые портупейми, вышли на улицу.

- Ну, и дела! – только и произнес Славка, направляясь по переулку в сторону карьера, за которым располагались наскоро собранные из щитов казармы их родного батальона. – Давай быстрее, а то на развод опоздаем!

Уже на подходе к части он неожиданно расхохотался, подняв с рябины стайку спящих в ее ветвях синиц.

- Ты, что, тронулся? – не понимая, вытаращился на него измятый после бурной ночи Эдик.

А Славка все ржал и никак не мог остановиться. Он воочию представил себе, как Лошакс всегда подтянутый, стройный и красивый идет по улице поселка с Катериной под ручку. Вот это картина! Умора, да и только! Мужики бы просто ошалели. Особенно если учесть, что жена у Эдика была такого типа женщиной, о которых говорят: ни один мужик на улице мимо не пропустит. Красавица. А тут мамаша, да еще с потертой мордой, сдохнуть от смеха можно. Все это он и высказал помрачневшему сразу лейтенанту.

- Затмение нашло, - буркнул в ответ насупившийся Эдик. – С кем не бывает? Бог увидит, лучше даст! А, вообще-то, пить меньше надо.

- Это точно.

- Ты смотри, мужикам не ляпни!

- Не бойсь, могила!

И лишь, когда Эдик выслушал рассказ Славки об увиденных им художествах на Наташкином животе, настроение у него улучшилось.

- Не все коту масленица! – ехидно хихикнул он. – И на старуху бывает проруха!

К плацу, где проходил утренний развод батальона, они подходили, уже весело болтая и хохоча над каждой остротой. Бурно проведенная ночь почти забылась, да и на кой ее вспоминать? Мало ли таких ночей было и будет еще. Но, вот, история на этом не закончилась.

По субботам, утренним поездом из Советского приезжали жены офицеров и прапорщиков, навестить своих благоверных. Шла подготовка к сдаче моста, начальство лютовало, и выезды на побывку домой стали редкостью. Но, поскольку без женской ласки мужчины дуреют, на приезды эти командование закрывало глаза. Славка любил эти субботы: можно было вдоволь отведать домашних разносолов и всяческих вкусностей, которыми его, как холостяка, потчевали сердобольные матери семейств. Кроме того, от них можно было узнать самые последние новости о жизни в Советском: что, где, кто, когда и почему.

После обеда они с Лошаком и его женой Эммой отправились прогуляться по Першино и заодно посетить местные магазины. Шопинг так сказать. Эмма, яркая, высокая, светловолосая латышка с огромными голубыми глазами, обрамленными такими густыми и длинными ресницами, что их хотелось потрогать, шла под руку со своим Эдиком, всем своим видом показывая встречным: глядите, какая я и какой у меня красивый муж! Поднимаясь на ступени очередного продмага, Славка вдруг четко услышал доносившийся откуда-то издали женский крик: Эдик, Эдик! Оглянувшись, он увидел бегущую в их сторону по середине примыкаю-

шей к площади улице Катерину. Ее изрядно мотало от кювета к кювету, а в руке у нее красовалась бутылка краснухи. Незаметно толкнув Эдика в бок, Славка показал ему глазами вдоль улицы. Лошакс коротко оглянулся и побледнел. Эмма, занятая неоконченным разговором с мужем, продолжала что-то говорить, ничего не замечая по сторонам.

- Вы идите, а я вас догоню, - громко объявил Славка супругам, открывая перед Эммой дверь, и едва слышно Лошаксу, - не рисуйся в поселке.

Как только дверь магазина захлопнулась, Славка решительно шагнул навстречу запыхавшейся Катерине.

- Катя, какими судьбами! – лейтенант распахнул объятия, сграбастал ничего не соображающую, полупьяную женщину и почти понес ее к ближайшему переулку. – Пошли, дорогая, выпьем! Да не упирайся ты так!

- А где Эдик? – захныкала женщина, пытаясь вырваться из Славкиных объятий.

- Какой Эдик? – сделал удивленный вид Славка.

- Ну, это ведь он с тобой только что был!

- Ты, Катя, что-то путаешь. Эдик сейчас в части, скоро подойти должен. Пошли, пошли, никуда он не денется, - Славка потянул Катерину за рукав, увлекая ее подальше.

Поминутно оглядываясь назад, женщина подчинилась его решительному напору и, уже успокоившись окончательно, заулыбалась:

- А в гости к нам пойдем?

- А, как же! Обязательно, только Эдьку дождемся.

Вечером, когда поезд в сторону Советского едва успел отойти от перрона, Славка сказал испуганно озирающемуся по сторонам Эдику:

- Ну, старик, с тебя поллитра! А, вообще-то, тут поллитра маловато будет.

- О чем речь, - ответил приходящий в себя Лошакс, - когда ставить?

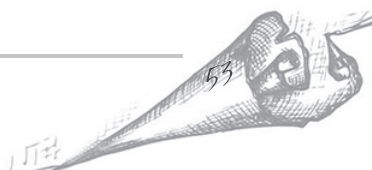
- Да хоть сейчас. Пошли в «Лозьву».

- Пошли.

И они бодро зашагали по пыльной дороге в сторону загорающихся в сумраке окон домов. Стояло лето, воздух был наполнен пьянящим запахом цветущего в палисадниках табака и ожиданием чего-то волнующего и прекрасного.

А что еще нужно человеку в двадцать с небольшим лет?

31 января 2002 г.

Пальто

История эта случилась в конце далеких пятидесятых прошлого века. Я жил тогда вместе с родителями в маленьком, захолустном городке на юге Амурской области, куда мы попали по долгу службы отца, и учился не то в третьем, не то в четвертом классе. Городок был серый и пыльный, почти без зелени, окруженный со всех сторон степью, с редкими, окаймленными густым тальником озерами. В городке, в те далекие времена, располагался большой военный гарнизон, обосновавшийся после войны. Позже, вокруг него, как грибы, начали строиться дома и домишки, объединяясь со временем в, так называемые, «нахаловки». В нахаловках проживал самый разнообразный люд: от обслуживающего персонала воинских частей, до вышедших на свободу из сталинских лагерей зеков. Зеки тоже в свою очередь делились на бандюганов и политиков, и в «нахаловках» жили группами, обособленно друг от друга. Вот из такой семьи «врага народа» происходил, например, мой самый закадычный друг Витька, с которым мы учились в одном классе. Впрочем, и мой дед по материнской линии тоже был этим самым «врагом», отсидев «десятку», где-то на Соловках. В семье об этом вспоминать не любили, да и кто в то время болтал лишнее?

Мы троим, отец, мама и я, ютились в однокомнатной квартире трехэтажного кирпичного дома, где проживали точно такие же семьи военных летчиков и служащих частей. Школа, где мы с друзьями учились, находилась в одном квартале от дома, и утром, выскочив из дома, я успевал за пять минут покрыть это расстояние. Дорога пролегла мимо импровизированного базарчика, расположившегося прямо на обочине, где тетки из «нахаловок» бойко торговали семечками, кедровыми орешками, парным молоком и всякой всячиной, а зимой мама покупала здесь свежую, еще не остывшую свинину, которую мы потом жарили на большой сковороде с картошкой к ужину. Зимой молоко замораживали в мисочках, и, когда оно замерзало, на поверхности образовывался бугорок из масла, отгрызть который очень хотелось, но было опасно, могли наказать, хотя это и считалось особым шиком. Еще здесь продавали так называемую серу, которую варили из сосновой живицы. Когда ее начинаешь жевать, во рту появляется особая горечь с терпким хвойным запахом, которая со временем пропадает, а сама сера, изначально бежевого, мутного цвета, становится перламутровой. Сера считалась любимым лакомством детворы, после отваренных лесных яблочек-дичков по пять копеек за стакан. Школа наша была деревянной, одноэтажной, рубленной из круглого леса и почернев-

шей от времени и непогоды. Только двери и окна с резными наличниками голубели свежей краской на сером фоне. Внутри был один длинный и широкий коридор, окна которого выходили во внутренний двор. А по другую сторону коридора располагались классы, где мы, собственно, и занимались. Отапливалась школа огромными, до потолка круглыми печами обтянутыми листовым железом и крашенными черным, лоснящимся лаком. С утра в школе пахло березовыми дымком, в печах еще атели рубиновые угли, а истопник дядя Вася, то, открыв дверцу печи, шевелил их, чтобы быстрее прогорели, то манипулировал печными заслонками, стараясь не выпустить накопившееся тепло. А тепло в школе, как я помню, было всегда, даже в самые лютые морозы, чего не скажешь о нынешнем времени, судя по телевизионным передачам.

В тот осенний день я, как всегда, вернулся из школы после обеда. Перекусив оставленными мамой котлетами с мятой картошкой, дожидавшимися меня на кухне завернутыми в телогрейку, у батареи, и, набросив на плечи выдавшее виды пальто из шинельного сукна, полученного отцом для пошива формы, я вылетел во двор, где меня давно ждали Витька и Генка. Генка жил в соседнем подъезде, учился в параллельном классе, отец у него тоже где-то служил.

- Что делать будем? – спросил Генка, больше для порядка, так как мы еще в школе договорились идти на пустырь, играть в «чику» с нахаловскими ребятами. – Деньги достали?

Я вытащил из кармана пригоршню мелких монет, накопленную за неделю, а Витька достал целый бумажный трояк. Подсчитав наши общие ресурсы и оставшие ими вполне довольными, мы бодро отправились на пустырь, где уже вовсю шла игра. Человек шесть пацанов примерно одного с нами возраста азартно швыряли битую черту, проведенной на земле, и под громкие возгласы играющих колотили ей по стопке мятых пятаков и гривенников, рассыпанных в пыли. Заправлял всем процессом Жора из шестого «б» по прозвищу Бендера. Откуда у тринадцатилетнего мальчишки было такое странное прозвище, никто не знал, да особо и не интересовался. Бендера – и Бендера! Мы подошли степенно, не спеша, как и полагалось опытным игрокам.

- Почему играем? – спросил Генка, сплюнув для солидности под ноги.

- По десять копеек, - ответил Жора, доставая пачку шикарных папирос «Люкс», от одного вида которой мы просто обалдели. Папиросы имели длиннющий мундштук, лежали в коробке зеленого, переливающегося цвета, да еще под золотистой фольгой. После «Беломора», который в основном курили наши отцы, папиросы, конечно, производили впечатление.

Такие папиросы позволял себе курить только комэска, Иван Ники-

форович, по нашим представлениям начальник недостижимой величины. Жора щелчком выбил из коробки папиросу, щелкнул зажигалкой из винтовочной гильзы, и закурил, пуская дым в небо:

- Играть будете, или как?

Мы переглянулись и молча поставили на кон три мятых гривенника. Жора на правах победителя предыдущего розыгрыша отошел к проведенной на песке черте, обозначающей базу, и бросил свинцовую биту, которая прилипла, как приклеенная, к земле, не долетев до сложенных в стопку монет сантиметров десять-пятнадцать. Жора победно улыбнулся и с гордым видом подошел к кону:

- Ну, кто будет бросать?

Мы переглянулись, Генка поднял биту и протянул мне:

- Давай, Женя!

Я подошел к рубежу, прицелился и бросил, проговорив про себя заклинание, обращенное неизвестно к кому, но действующее безотказно. Бита упала рядом с отметкой Жоры. Он коршуном подлетел к бите и, подняв ее, закричал:

- Я бью!

- Это почему? – вмешался Генка, указывая на отпечаток в пыли. – Пусть Женька бьет!

Жора набычился и попер на Генку грудью:

- Ты чего, сопляк, у меня ближе!

- У тебя, что, куриная слепота? – Генка нагнулся и ткнул пальцем в отпечаток. - Очки купи! Давай биту, пусть Женька начинает.

Жора в полной растерянности от такой наглости плюгавой мелкоты, за которую он нас считал с высоты своих тринадцати лет, повертел головой, ища поддержки у своих приближенных, испуганно сбившихся в кучку от предчувствия неминуемой драки, и, видимо, найдя ее, пнул наклонившегося Генку ногой под зад. Генка кувыркнулся носом в пыль.

- Ах, ты так! – завопил Витька, и, не долго думая, треснул Жору прямо по носу.

Они схватились, повалившись на землю, и я бросился помогать Витьке, не обращая внимания на то, что мне сзади кто-то уже вцепился в воротник. Через пять минут возни в пыли обе наши компании разбежались в разные стороны и с почтительного расстояния начали угрожать друг другу всевозможными, страшными карами.

- Погодите, гады, вот я скажу брату, – кричал Жора, - он с вами разберется!

-А я отцу! – вторил ему Витька.

Наконец, нам все это надоело, и мы направились к себе во двор, зализывать полученные раны. Раны незначительные, надо сказать – пара царапин, да легкие повреждения одежды.

- От матери попадет, - мрачно высказался Генка, рассматривая оторванный карман и лопнувшую брючину.

- Да, ладно, не убьет, - успокоил я.

Моими личными потерями был надорванный воротник пальто и расцарапанная от подбородка до уха щека.

- Может, домой пойдем? - предложил Витька. - А то у меня отец с работы вернуться должен, выпорет, если увидит.

Под глазом у Витьки багровела приличная ссадина, обещавшая вскоре превратиться в хороший синяк. Распрощавшись, мы невесело, но с внутренним удовлетворением распозлились по домам.

- Так, - только и вымолвила мама, разглядев мой потрепанный, диковатый вид, - раздевайся, Аника-воин. Иди в ванну, умойся, а то скоро отец вернется, что мы ему скажем? Давай пальто-то, приберу пока. А ты, милый, садись-ка за уроки, шесть часов почти.

Через полчаса вернулся со службы отец, и мы сели ужинать, а после ужина мама вдруг позвала меня в комнату, служившую одновременно и спальней. Раскрыв дверцу шифоньера, она поставила меня перед зеркалом и достала изнутри новое, светлое, в крупный рубчик демисезонное пальто.

- Примерь, пожалуйста. Хотела сделать тебе сюрприз, но раз так получилось, носи на здоровье.

Я просто остолбенел от такого поворота дел.

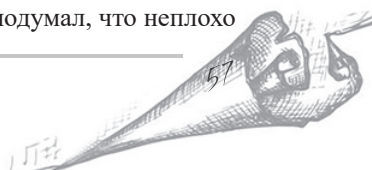
- А, ничего, - оглядев меня, сказал папа, - солидно!

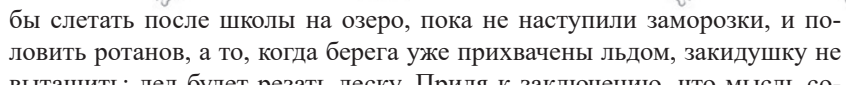
Мама рассмеялась и поцеловала папу, а я с восхищением крутился туда-сюда перед зеркалом, не веря своим глазам. Такое пальто я видел только раз в Благовещенске, куда мы с мамой ездили однажды за продуктами на медицинском пикапе, который выделило командование части для семей военнослужащих перед каким-то праздником.

- Ну, хватит крутиться перед зеркалом, как девчонка, - наконец сказала мама. - Пойдем, поможешь убрать мне посуду, и ложись спать: утром рано вставать, в школу опоздаешь.

Вполне счастливый от того, что все прошло благополучно, и что все мои подвиги не были оценены по достоинству, я отправился на кухню, помогать маме мыть посуду. Уже засыпая, я представлял себе, как завтра появлюсь в школе в таком шикарном наряде, и как выгаращит от удивления глаза Верка Симонова, моя тайная и безответная любовь.

Утром я до зеркального блеска начистил свои кирзачи, и, наскоро позавтракав, вылетел на улицу, выслушав на прощание утренние наставления мамы: как я должен себя вести в школе, и чего не должен делать никогда. Ветер гонял по улице опавшие листья, и я подумал, что неплохо

бы слетать после школы на озеро, пока не наступили заморозки, и половить ротанов, а то, когда берега уже прихвачены льдом, закидушку не вытащить: лед будет резать леску. Придя к заключению, что мысль совсем не плоха, я бодро зашагал в сторону школы вдоль длинного забора и цепи дощатых туалетов, неизвестно почему не спрятанных в глубине дворов, а выходящих фасадной стороной прямо на улицу. Хотя и в этом было определенное удобство. Если в тетради появлялась, как всегда нежеланная и неожиданная двойка, на пути домой я безо всякого зазрения совести заходил в одно из таких сооружений, и недрогнувшей рукой опускал злополучную тетрадь прямо в очко, полагая, что лишний раз нервировать родителей ни к чему. И, действительно, это проходило до поры, до времени, пока на очередном родительском собрании мама не узнавала подробности моих школьных успехов. После этого я дня три оставался без гулянья, и усиленно зубрил предметы, в которых, по мнению отца, не преуспел. Но родительские собрания случались раза три-четыре в год, а двойки появлялись гораздо чаще, поэтому, цель, как всегда, оправдывала средства.

- Здорово! – приветствовал меня встретившийся у школы Витька, под глазом у которого уже проявился густо припудренный старшей сестрой сигнал.

- Здорово! Ну, как ты?

- Нормально. У матери с сеструхой какие-то дела были, а пока они вернулись, я спать завалился. Тебя с обновой, что ли?

- Да, вот, мать купила пальто новое.

- Ничего фасончик.

- Привет, мужики! – подскочил запыхавшийся Генка. – Чего стоите, пять минут до звонка осталось.

- Успеем. – Витька потрогал синяк. – Не здорово заметно?

- Почти не видно. Пошли после уроков на озеро, порыбачим? – обратился я к приятелям.

- Давайте.

- Тогда в три встречаемся у бревен. Червей накопай, - сказал я Витьке, который единственный из нас имел какой-никакой огород.

День в школе прошел, как обычно, а Верка, та и вовсе не обратила на меня никакого внимания, чему я не особенно расстроился, предвкушая вечернюю рыбалку.

Озеро находилось километрах в двух от городка, на краю полевого аэродрома, где в подковообразных, грунтовых, поросших густой травой капонирах стояли зеленые ЛИ-2 и серебристые летающие крепости, бомбардировщики ТУ-4, охраняемые часовыми. Но стояли они на противоположной стороне летного поля и ходить туда нам строго воспре-

шалось. Запрет этот выполнялся всеми беспрекословно, его нарушение грозило страшными карами: это тебе не двойка в тетради. А, потом, как дети военных, мы понимали, что с часовыми шутить опасно. Возле озера, почти на берегу тоже были капониры, но самолеты тут уже давно не ставили, и местные жители здесь купались и ловили весной карасей, а в остальное время года ротанов, пресноводных бычков. Летом на капонирах густо произрастали бледно-розовые шампиньоны, которые мама жарила почти до хрустящей корочки, а я с удовольствием поглощал, тем более, что это был мой непосредственный прибыток в семью. Озеро было мелководным, разделенным на две части камышовой полосой, в которой при нересте шуршали и плескались довольно приличные карасики. А по первому, еще прозрачному льду мы с пацанами пробивали лунки и, лежа на льду, наблюдали, как в глубине, между водорослей прятались бычки, ожидая подходящей добычи. Они никогда сразу не бросались на кусочек сала, одетого на крючок, а, выждав некоторое время, выскакивали из зарослей, и, быстро схватив подрагивающую добычу, тут же ее выплевывали, возвращаясь на прежнее место. Так могло продолжаться до нескольких раз. Наконец, самый смелый ротан хватал приманку и, замерев на месте, начинал ее заглатывать. Когда белый кусочек исчезал из вида окончательно, можно было вытаскивать рыбку на лед. Рыбалка в это время года была особенно любима. Подводный мир, открывавшийся во всей своей красе в окошке лунки, будоражил воображение, пробуждая в памяти картины, описанные в романах Жуля Верна и Александра Беляева. В темных провалах между неподвижными водорослями чудились жутковатые обитатели тропических морей, и скользящая над самым дном подводная лодка «Наутилус», ведомая капитаном Немо.

В три часа, возле огромного штабеля леса, выгруженного рядом с железнодорожным тупиком, я встретился с приятелями. Весело болтая о том, о сем, мы бодро направились по шпалам к цели нашего предприятия.

- Червей накопал? – спросил я, семенящего рядом, Витьку.

- А то! Конечно, накопал.

- Я тут Бендери видел, - сообщил Генка, - злой, как собака, и морда опухла. Видно здорово ты ему, Вить, приложился.

- А, пусть не мухлюет, хмырь болотный!

- Надо, мужики, вместе сейчас походить, а то подкараулят где-нибудь, я этих нахаловских знаю.

- Не трись!

- Пацаны, гляньте, что я приобрел, - Витька протянул руку.

На ладони у нашего товарища лежал тридцати двух миллиметровый снаряд от авиационной пушки, правда, без гильзы, но с виду совершенно новый, с красным, нарисованным колечком вокруг юбки.

- Ух, ты! – восхищенно выдохнул Генка. – Где взял?

- Возле авиа мастерских на свалке наши пацаны нашли, а я у них выменял за три патрона от автомата.

- Здорово! Вот, наверно, бабахнет, если в костер бросить?

- Наверно, - Витька аккуратно завернул драгоценный снаряд в тряпицу и спрятал в карман.

Часа через два, наловив десятка по два некрупных рыбешек, мы порядком продрогли на сыром, пронизывающем насквозь осеннем ветру и собрались у разведенного Генкой загодя маленького костерка. Подбросив пару тут же найденных досок в огонь, мы с жаром начали обсуждать достоинства и недостатки улова каждого.

- Не, у меня самый крупный, - горячася, доказывал Генка, - размером может и такой же, но гораздо толще, нечего и говорить! Были бы весы, тогда и спорить было не о чем.

- Ладно, не спорьте, все равно мелочь, - подвел я черту под их перепалкой.

- Нет, Жень, посмотри, мой как-то крупнее выглядит, - Витька протянул мне ротана. – Смотри, ну чем не красавец?

- А, давайте, лучше испытаем патрончик, посмотрим, что получится, - предложил я. – Не жмоться, Вить, на что он тебе сдался.

- Приделаю бикфордов шнур, да возле школы бабахну!

- Где ты, во-первых, шнур возьмешь, а, во-вторых, ты знаешь, как его шнуром взорвать? И, вообще, у школы рвать опасно, по головке не поглядят. Да и отец не пощадит, выпорет. А здесь, и нет никого, и в костре он обязательно сработает, когда накалится.

Витька с недоверием посмотрел сначала на меня, потом на Гену, и нехотя, борясь с охватившим его сожалением, достал снаряд и развернул тряпицу. Осмотревшись по сторонам и никого поблизости не заметив, мы подбросили дров в огонь, и, сунув снаряд в костер, укрылись за бруствером ближайшего капонира. Как ни странно, ничего не произошло. Выждав еще минут пять, мы покинули свое убежище и осторожно, останавливаясь через каждые два-три метра, вновь приблизились к костру.

- А, может, еще подождем? – опасливо предложил Генка.

- Он, наверно, испорченный, - сказал я, - а то бы давно рванул.

- Сам ты испорченный, - обиделся Витька, я же за него три патрона от «калаша» выложил.

- А, чего же он тогда?

Витька поднял с земли тополиную ветку, обломал лишние сучки и тонким концом пошуровал в углях. Снова ничего не произошло.

- Точно, испорченный! – подытожил Генка.

В этот момент угли в костре разбросало коротким и звонким хлопком.

Снаряд подпрыгнул и завертелся на месте, разбрызгивая во все стороны белые, отливающие голубым, капли. Генка заорал благим матом, пытаясь смахнуть одну такую каплю, попавшую ему на щеку, чуть пониже глаза. То же самое пытался проделать и я: десятка два таких же капель попали мне на новое пальто. Невредимым остался только Витька. Он не сразу сообразил, что надо делать, а потом схватил корчащегося от боли Генку и потащил его к воде.

- В воду, давай, в воду! – заорал он мне.

Я сбросил пальто с плеч и принялся пригоршнями плескать на него воду из озера, толком ничего не соображая. Когда я кое-как справился с тушением своей обновы, Витьке удалось смыть горящий фосфор с Генкиной щеки. Тот сидел на пустом ящике возле воды, куда его посадил Витька, и, покачиваясь из стороны в сторону, тихонько подвывал в такт покачиваниям. Горючая смесь почти до кости прожгла ему кожу на щеке. Я поднял пальто с земли и увидел, что все оно светится мелкими, прожженными дырами, как решето.

- Трассирующий был, – утвердительно сказал Витька.

Я промолчал в ответ, только сейчас с ужасом осознав, что произошло. Воображение рисовало в голове страшные картины расплаты. Генка, переставший выть, осторожно трогал пальцем опухшую кожу вокруг ожога, не переставая поминутно всхлипывать и шмурыгать носом.

- Не трогай, - остановил его Витька, один, не потерявший чувства реальности, - а то еще инфекцию занесешь. На, - он протянул Генке тряпицу от снаряда, - прижми!

Генка попытался прижать, но тут же отбросил:

- Больно!

- Лучше не трогай, - сказал я, наконец-то пришедший в себя, - ожоги надо жиром смазывать. Я один раз ладонь обварил, так мне бабушка гусиным салом смазывала, на второй день уже почти и не болело.

- Тут сало не поможет, - глубокомысленно промолвил Витька, осмотрев Генкин ожог. – В санчасть его надо, до кости прожгло.

- Собирайтесь быстро, пошли в санчасть! – я набросил на плечи грязное, дырявое пальто и начал собирать снасти и улов.

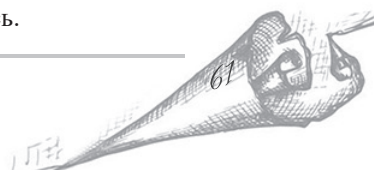
Через час мы уже выходили из гарнизонной санчасти, у Генки на щеке красовался белый тампон, перехваченный крест накрест полосками пластыря.

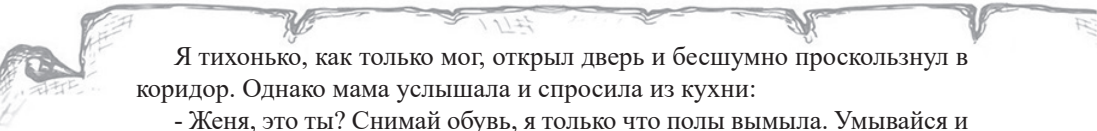
- Ну, что, по домам? – невесело спросил Витька.

- Ох, и влетит мне дома! – запричитал Генка. – Мать убьет!

- Ты ей сразу все не рассказывай, - посоветовал я, - скажи, что порезался, а потом видно будет.

Мы попрощались и понуро разбрелись по домам, поклявшись не говорить в школе ни слова, про все, что с нами случилось.

Я тихонько, как только мог, открыл дверь и бесшумно проскользнул в коридор. Однако мама услышала и спросила из кухни:

- Женя, это ты? Снимай обувь, я только что полы вымыла. Умывайся и иди сюда, я тебе пончики из столовой принесла.

- Хорошо, мама, - ответил я, как можно бодрей, чем, видимо, и насторожил ее.

Она вышла из кухни с тарелкой в руках и перекинутым через плечо полотенцем. Я увидел, как округлились ее глаза, когда она увидела меня, съездившегося от недобрых предчувствий у двери. Тарелка выскользнула у нее из рук и рассыпалась осколками по полу. Я втянул голову в плечи и тихонько заскулил.

- А, ну рассказывай, паршивец, что произошло!?! – наконец вымолвила мама и глаза ее загорелись недобрый блеском.

Она отвесила мне подзатыльник и я заскулил еще жалобней.

- Вот придет отец, он с тобой разберется! Рассказывай, кому сказала! – повысила голос мама.

И мне пришлось во всех подробностях рассказать о нашей злополучной рыбалке. Когда я дошел до того, как Генке прожгло щеку, мама всплеснула руками и прижала их к груди, как будто защищаясь от чего-то. Понуро опустив голову, я, наконец, закончил. В воздухе повисла тягостная тишина, и вдруг я неожиданно понял, что мама плачет. Я поднял глаза, и, увидев, что из ее широко открытых глаз бегут крупные, беззвучные слезы, испугался еще больше.

- Что ты, мамочка, что ты? – захныкал я сам, целуя ее в мокрые щеки.

Ну, не надо, мамочка!

Но она продолжала молчать, и только крепко прижала меня к своей груди, погладив ладонью по голове. Наконец, мы оба успокоились, и мама, вытерев передником лицо, сказала ровным голосом, в котором прозвучало что-то такое, от чего мне захотелось заплакать снова:

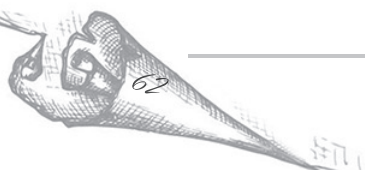
- А, если бы с тобой что серьезное случилось, как бы я отцу в глаза посмотрела?

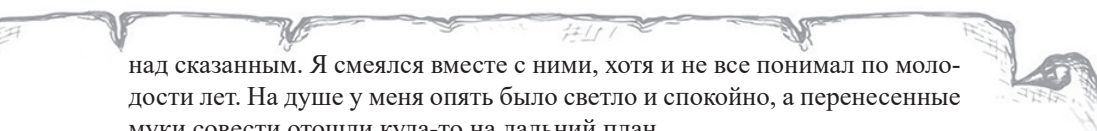
Она помолчала, вопросительно глядя на меня, и продолжила:

- Снимай пальто, давай спрячу. И смотри, отцу не проболтайся, он – не я, выпорет так, что долго на одно место не сядешь. Ступай, умойся и иди делать уроки, а я закончу блины настряпать. Если здорово хочешь кушать, возьми на кухне пончики.

- А, может, уху сварим? – я показал на свой улов, но мама только горестно махнула рукой и ушла на кухню.

Через час со службы вернулся отец, и мы, все вместе, ужинали на кухне. Они с мамой говорили о чем-то своем, и, то и дело, громко хохотали

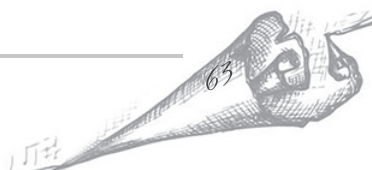

над сказанным. Я смеялся вместе с ними, хотя и не все понимал по молодости лет. На душе у меня опять было светло и спокойно, а перенесенные муки совести отошли куда-то на дальний план.

С тех пор прошло почти пятьдесят лет. Временами я плохо помню, что случилось со мной несколько дней назад, а события тех далеких дней, когда мама была еще живой, молодой и красивой, а папа высоким и сильным, нет да нет, отчетливыми картинками с малейшими подробностями возникают в памяти. И я иду звонить папе на другой конец страны, чтобы справиться о его здоровье, и напомнить, прежде всего, себе о том, что есть еще кто-то на этом свете, кто все так же считает меня маленьким мальчиком и готов взвалить все мои невзгоды и заботы на себя. А мир, еще вчера серый и тусклый, после этого звонка снова становится добрым и цветным.

1-16 декабря 2003 г.

Махнем, не глядя!

Стояло настоящее бабье лето. Тайга, раскинувшаяся вокруг поселка, окрасила окрестности во все цвета радуги. Пурпурно-алые листья осин пробивались яркими мазками на фоне почти фиолетовых елей, а желтые, с розовыми вкраплениями кроны манжурского ореха парили в голубом небе над одетыми в красную медь кленами. Густой подлесок из маленьких дубков и фундука не пропускал любопытных в загадочную глубину уссурийского разнолесья, где ежедневное существование всего живого протекало по своим, установленным природой, законам.

Пекарня, куда я каждый день бегал за хлебом, располагалась метрах в пятистах от окраины, и дорога туда пролегла в самом настоящем заповедном лесу. Ветви деревьев смыкались над ней, где-то в недосыгаемой вышине, и сквозь листья почти не просвечивало по-осеннему белесоголубое небо. Возвратившись из школы, я наскоро кушал и, получив от мамы талон на хлеб вместе с напутствием не потерять его, отправлялся выполнять мою домашнюю обязанность. Нельзя сказать, что она слишком меня тяготила: прогулка по свежему воздуху еще никому не вредила, а к тому же появлялась возможность проверить, что там делается в лесу. А в лесу каждый день происходили чудеса. Огромный белый пион, который я обнаружил на спрятавшейся за густым орешником полянке, открыл свой второй бутон, а под его тенью, как по волшебству, проклюнулся крепкий, круглоголовый боровичок, росший не по дням, а по часам. Маленькие, величиной с копеечную монету плоды яблони-дичка, стоявшей на краю поляны, с каждым днем становились все краснее и краснее, хотя и оставались такими же кислыми и вязущими рот. Длинные лозы лимонника, обвившие старый клен, были обвешаны мелкими гроздьями с желто-оранжевыми, полупрозрачными ягодами терпкими на вкус и пахнущими каким-то лекарством. Когда было время, можно было тихо посидеть на упавшем стволе кедра и, если повезет, увидеть, как спешит куда-то ежик, или суетятся маленькие мышки, заготавливающие что-то на зиму. А иногда на поляну прилетал здоровенный филин. Он беззвучно сидел на ветке и вертел головой из стороны в сторону почти на триста шестьдесят градусов, моргая своими круглыми, желтыми глазами. Навестив свои заповедные места и удостоверившись, что там все в порядке, я топал на пекарню.

Хлеб мы получали по карточкам прямо здесь, где его пекли, магазинов в поселке никаких не было. Хлеб всегда был горячим, и огромное удовольствие доставляла съеденная тут же лоснящаяся корочка, оторванная

от буханки. Мама, конечно, ворчала, когда видела объеденные углы, но не очень. Когда я отламывал ломоть, от буханки поднимался пар, и лишь одно было не совсем приятным: примешивающийся запах дуста, которым обрабатывали муку при перевозке, чтобы не завелся клещ.

В этот день я, как всегда, навестил свою поляну, получил хлеб, и уже выходил к поселку, когда заметил что-то в воде, на краю глинистого кювета. Засунув руку в коричневую жижу и изнывая от любопытства, я извлек из канавы совершенно целую, резиновую маску от армейского противогаза. «Вот это – да!» - восторженно закрутилось в голове. Такой штуки ни у кого во всем нашем первом «а» не было. Ополоснув находку тут же, в канаве я скорехонько направился домой. Увидев меня с грязным куском резины в одной руке и хлебом в другой, мама, естественно, возмутилась и приказала немедленно выбросить эту дрянь, но, увидев у меня в глазах слезы, смилостивилась и отправила в ванную мыть руки:

- Ты, прежде чем натягивать это на лицо, вымой-ка, как следует, противогаз с мылом. Да, желателно не один раз!

Счастливый, что все обошлось, я отправился в ванную комнату и там почти полчаса драил маску щеткой, проявив ее нежный, светло-зеленый цвет. После обеда я отправился гулять во двор, где беззастенчиво начал хвастать перед ребятами своей находкой.

- Подумаешь! – высказался с завистью, явно уязвленный, Витька, мой сосед по парте. – Зато, у меня патроны к автомату есть!

И он, раскрыв ладонь, предъявил на обозрение десяток новеньких, отливающих медным блеском патронов.

- Ух, ты! Где взял?

- Много будешь знать – быстро состаришься! – спрятав патроны в карман, многозначительно ответил Витька.

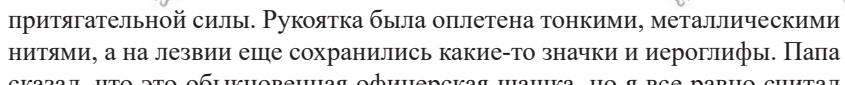
- Ну и ладно, - обиделся я, - не хочешь говорить, не надо. Обойдемся и без тебя!

Я, было, повернулся, чтобы с гордостью удалиться, но Витька перехватил меня за рукав курточки:

- Не обижайся! Это мы вчера с ребятами возле японского склада нашли, там еще избушка была заколоченная. Колька через окошко лазил, достал какие-то приборы в чемоданчиках все в увеличительных стеклах. Сказал, что когда разберется, что к чему, принесет показать.

В тайге, действительно, находилось множество плохо зарытых японских складов и дотов, оставшихся еще с времен оккупации этих мест самураями, и мы, рыская по лесу, частенько находили такие захоронения. Здесь можно было раскопать все, что угодно: от противопехотной мины, до снарядов среднего калибра. У меня лично в коллекции был самурайский меч, правда, обломанный ровно наполовину, но не утративший своей

притягательной силы. Рукоятка была оплетена тонкими, металлическими нитями, а на лезвии еще сохранились какие-то значки и иероглифы. Папа сказал, что это обыкновенная офицерская шашка, но я все равно считал ее про себя мечом. У Витьки имелся проржавевший пистолет типа «парабеллум», который мы целую неделю отмачивали в керосине, но так и не сумели отделить деталь от детали. Поэтому, неработающий пистолет служил реквизитом для игры в войну, и его до сих пор не отобрали взрослые.

- Махнем, не глядя! – предложил Витька, протягивая горсть боеприпасов.

Надо сказать, что школу этой осенью поразила эпидемия неизвестной болезни, поразившей всех без исключения: от мала, до велика. Меняли все подряд: шило на мыло, котят на попугаев, а английские булавки на гербарии, собранные летом.

- Не, - поразмыслив, ответил я, не без основания полагая, что за такое богатство, какое имелось у меня на руках, можно выменять у ребят что-нибудь посущественнее.

В это время мама позвала меня домой, делать уроки, и мы распрощались с Витькой до завтра.

Утром вместе с учебниками и тетрадями я упаковал в портфель и противогаз. В школе все, кто только мог и кому я позволил, мерили резиновую маску и давали советы, как ее использовать впоследствии.

- Надо будет шлангов достать и летом на озере под водой плавать, – предложил самый умный из нас, Саша Быков, круглый отличник и рассудительный товарищ. – Здорово! Можно посмотреть, как рыбы плавают и вообще.

- Не, - возразил Витька, - она великовата: воду пропускать будет.

- А, нужно это место бинтом притянуть, и нормально будет.

- Бинтом не получится, он же тряпочный – промокнет! Надо из шарпилота резиновых полос нарезать, тогда, может быть, получится.

- Быстро в класс! – скомандовала подошедшая Анна Васильевна, наша классная мама. – Сейчас звонок будет! А, ты, Степанов, спрячь подальше свою игрушку, а то старшие отберут. Дома играть будете.

После уроков я быстро пообедал и, схватив свою драгоценность, отправился во двор, где меня уже дожидался Витька.

- Ну, что, не надумал? – он снова потряс передо мной желтой россыпью сверкающих гильз.

Я пока не надумал, и мы отправились на пустырь, где должен был появиться Колька со своим таинственным прибором, который он добыл из заброшенного склада. На пустыре малышня играла в классики, а ребята постарше в ножички, азартно втыкая лезвие в землю и отрезая куски отвоеванной территории. Заметив у меня маску, Семен из пятого «б» сделал

попытку произвести реквизицию. На что мы с Витькой благо разумно отодвинулись под защиту, играющих в домино за грубо сколоченном из строганных досок столом, свободных от службы летчиков. Наконец появился Колька и, махнув рукой, позвал нас за собой.

- Ну, что? – спросил нетерпеливо Витька, когда мы остановились на опушке. – Разобрался с прибором?

- А, то! – гордо ответил Колька.

- Ну, и для чего он?

- Сейчас расскажу, - Колька извлек из-под куста зеленый, фанерный чемоданчик и щелкнул замками. – Глядите.

Прибор состоял из пары оптических труб, соединенных друг с другом под углом двумя пластинами с массой призм и колесиков, и расположенных между ними нескольких верньер сбоку, которые вращались во все стороны. Колька заглянул в окуляр одной из труб, покрутил верньеры и протянул аппарат мне:

- На, гляди!

Я заглянул в трубу и увидел плывущие по голубому небу белые облака.

- Ну, как, видел?

- Видел... облака... ну, и что?

- Держи, Вить, может, ты поймешь?

Витька взял прибор и, прижав окуляр к глазу, покрутился из стороны в сторону:

- Здорово! – он передал оптику Кольке.

- Что здорово? – я смотрел, не понимая, то на Кольку, то на Витьку.

Витька с сожалением, как на тупицу, посмотрел на меня и пояснил:

- Им же из-за угла смотреть можно!

Только теперь до меня дошло, что, поставив трубы под прямым углом, можно было действительно видеть, что твориться за углом здания, не обнаруживая при этом себя. «Вот это вещь! - промелькнуло в голове. – Это, конечно, не просто резина, а прибор! И прибор – что надо!»

- Махнем, не глядя! – я протянул Кольке маску от противогаза.

Колька неторопливо сложил аппарат в чемоданчик, застегнул защелки и неожиданно сказал:

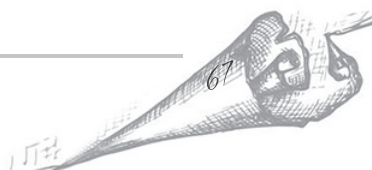
- Давай!

Я прямо таки ошалел от неожиданности. «Вот это повезло», - мелькнуло в голове.

- Чего это он? – спросил я Витьку, когда Колька усакал по своим делам.

- Так они их штук восемь из склада достали, - пояснил мне приятель.

- А! – только теперь до меня дошло, почему так легко совершился этот обмен.

Стало немножко грустно и обидно: можно было и поторговаться. Но, что вышло, то вышло, и мы, покрутив, пока не надоело, прибор, пошли в сторону двора, где уже начался футбольный матч смешанных команд из взрослых ребят и отдыхающих от службы летчиков.

- Что это у тебя? – спросил мой сосед по квартире, Саша Моисеев.

- На, погляди! – протянул я чемоданчик.

Вокруг тут же собралась кучка ребят. Покрутив верньеры и поглазев в окуляр Саша сложил все на место и предложил:

- Махнем, не глядя?

- А, что дашь?

- Я сейчас, - Саша убежал и через пару минут вернулся. – Вот, держи.

Он протянул мне тяжелый кусок ленты от авиационной пушки в которой масляно блестели штук двадцать новеньких снарядов. Не показывая вида, что ошарашен этим великолепием, я неторопливо разглядывал предмет обмена, прикидывая, как бы повыгоднее обменять прибор.

- Ну, что, меняем? – нетерпеливо спросил Саша.

- Давай! – махнул я рукой, протягивая чемоданчик.

Витька с завистью смотрел, как я второй раз за день ухитрился не прогореть с этими обменами. Засунув ленту под курточку за пазуху, пока никто не видел, мы с приятелем удрали в ближайшие кусты, чтобы поближе разглядеть мое новое приобретение.

- Ух, ты! – только и смог произнести Витька, прикинув руками вес снарядов. – Это – вещь! А если в костер засунуть, то вообще.

- Завтра рванем штуки три, - согласился я, прилаживая ленту через плечо, наподобие партизан, которых видел в каком-то фильме о войне. – Ладно, до завтра! Мне домой пора, а то мать ругаться будет, я еще уроки не делал.

- Бывай!

Мы попрощались с Витькой, и я вприпрыжку побежал домой, вполне довольный прожитым днем. Открыв тяжелую дверь подъезда, я вошел в полутемный вестибюль и тут же был оглушен громким криком:

- Стоять!

Напуганный, не совсем соображая, что происходит, я замер на месте. Со второго этажа по лестнице спускался адъютант командира дивизии лейтенант Кольшкин, а за ним и сам командир, наш сосед по площадке, Василий Иванович Белов.

- Стоять, мальчик, стоять! – уже спокойнее повторил лейтенант, осторожно приближаясь ко мне.

- Кольшкин, сними с него потихоньку снаряды. Только потихоньку, - командир нервно провел ладонью по лицу. – Ты где это взял?

- Нашел, - занял я жалостливо, уже ясно понимая, что через секунду лишусь своей драгоценности.

- Опять полигон после стрельб не зачистили, олухи! – начал закипать Василий Иванович. - Напомни мне, я дежурному вместе с руководителем кое-что оторву, - повернулся он к адъютанту.

- Так точно! – лейтенант свернул снятую с меня ленту и бросился открывать дверь.

Мрачный, с тяжелыми предчувствиями я поднялся домой и сел молча за уроки, чем несказанно удивил маму.

- Учись, учись, сынок, - погладила она меня по голове, - а я тебе пирожков с капустой напеку, проголодался, поди?

Но даже любимое лакомство в этот час не обрадовало меня. Как же так, такой удачный день и так нелепо закончился?! А вечером вернулся отец и выпорол меня.

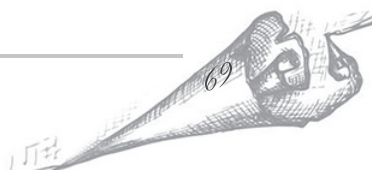
- Этот стервец комдива напугал, а тот мне выговорил. И где он только снаряды нашел? – пояснил он маме. – Два дня дома сидеть, а свежим воздухом пусть на балконе дышит! И чтобы больше никаких боеприпасов!

Я забился за шкаф в угол и молча плакал. Слезы горячими струйками стекали по щекам, а от обиды и несправедливости судьбы в горле стоял ком. Здесь мама и нашла меня.

- Ну, ничего, ничего, - обняла она меня, успокаивая, - отец не со зла. Пойдем, я тебя покормлю, да и поздно уже.

Я молчал, прижавшись к ее теплой груди, и постепенно приходил в себя, защищенный от неожиданных превратностей мира этими объятьями. Ничего, ничего, у меня есть прекрасный перочинный нож, купленный отцом, завтра поторгуюсь и махну, не глядя, на маску. Маска, все-таки, лучше ножа! И решив это, я окончательно повеселел.

2 января 2004 г.

Пачка «Беломора»

Славка любил дежурство по части. Как говорили сослуживцы – парадцевать ночным комбатом. Ночью, когда батальон засыпал, и никто не мог помешать, можно было спокойно, не торопясь, поразмыслить о том, о сем. Например – о красивых девушках, или о предстоящем отпуске, или, в конце концов, заняться в красном уголке своим любимым делом – рисованием. Рисовал он в основном портреты знакомых подружек, или детишек друзей-офицеров, с которыми вместе тянул лямку в этих забытых богом местах. Портреты получались вполне сносными, и, в знак благодарности, мамы изображенной малышни подкармливали Славку всяческой домашней вкуснятиной, такой восхитительной и неповторимой после надоевшего и довольно однообразного меню офицерской столовки. Ко всему прочему после дежурства полагался дневной отдых, можно было всласть выспаться на горячих, стальных трубах регистра в сушилке комендантского взвода, а вечером, отдохнувшим и бодрым, сходить в поселковый клуб на танцы, погулять, как водится, на полную катушку, пообщаться с девчатами, и, вообще, провести время, как полагается. Вот и сегодня, приняв в семнадцать ноль ноль дежурство по батальону от командира первой роты Саши Иванова, Славка прогулялся с начальником караула по складам техники, проверил часовых, и направился на КПП, где его ожидали бойцы, получившие в этот день увольнительные. Осмотрев их внешний вид и проинструктировав увольняющихся, что пить много вредно, а задирать местных аборигенов и вовсе нельзя, он попросил статного, холеного сержанта третьей роты Соловьева купить для него в увольнении пачку «Беломора».

- Ночь длинная, понимаешь, а у меня курево на исходе, - пояснил он, подавая деньги. – Сдачи не надо: возьмите конфет, или еще чего-нибудь. Меня по возвращению не ищите, оставьте папиросы на КПП.

- Все сделаем как надо, товарищ лейтенант, не беспокойтесь.

- Спасибо.

- Разрешите идти?

- Давайте, давайте! Только, Бога ради, без опозданий: не подводите ни себя, ни меня.

Отправив бойцов, Вячеслав для приличия прошелся по ротам, оглядел каптерки и прочие гадюшники, а затем направился в техчасть, где, разложив на столе половину ватмана, приступил к знакомому и любимому делу. Набросав контур портрета, и прорисовав глаза, Славка решил прерваться и выйти подышать на улицу. Весна в этом году пришла рано,

лужи по ночам примораживало, но в воздухе уже пахло оттаявшей хвоей сосен, окружавших подковой часть, и прелой, прошлогодней травой, плотным ковром накрывшей песок вокруг плаца для строевых занятий. Звезды на небе мерцали ярко, как бывает только весной, когда небо умыто первыми утренними туманами и очищено ночными заморозками. За плотным железной дороги, где-то в центре поселке играла музыка, и Славка с грустью продумал о том, что ребята сейчас отплясывают с девчонками на танцах, им хорошо, а он тут один, как сыч, шарахается ночью по расположению части. Но, поразмыслив, решил, что все не так уж и плохо, а завтра он свое наверстает. В штабе его радостно приветствовал, сияя неизвестно по какой причине начищенным пятакон, помощник дежурного по «хате» младший лейтенант Степанов. Он недавно появился в части, пришел служить после ускоренных курсов, на которых из вчерашних солдат и сержантов штамповали крайне необходимых войскам офицеров, и поэтому смущался, где надо и где не надо.

- Как дела, Вася? – спросил вскочившего со стула помощника Славка.

- Все спокойно, товарищ лейтенант! – отрапортовал порозовевший от усердия младшой, и Славка махнул рукой, приказав ему садиться.

- Никто не звонил?

- Никак нет! – привстал со стула младший лейтенант.

- Сядь ты, не мельтеши, набегаешься еще, целая ночь впереди.

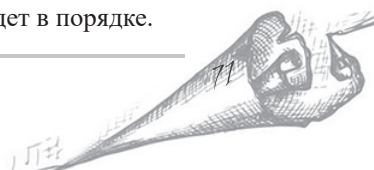
Младшой присел, готовый, как пес, броситься по первому слову, или даже взгляду командира в огонь и воду. Славка полистал журнал регистрации телефонных звонков, спросил, не звонили ли из бригады, и, получив отрицательный ответ, посмотрел в темное окно на освещенный тусклым фонарем плац для строевых занятий, будто пытаясь там что-то увидеть.

- Давай-ка, вот что, - обратился Славка к младшему лейтенанту, - чтобы нам скучно не было, да и дежурному караулу, сыграй-ка, дружок, тревогу, проверим, как комендантский взвод себя чувствует!

Комендантский взвод не дремал, и на сигнал «нападение на знамя части» через две минуты ворвался в штаб с оружием в руках во главе с запыхавшимся сержантом, заместителем командира взвода. Объявив, что это только учебная тревога, Славка поблагодарил ребят за добросовестное несение службы и отпустил. Василек восторженно глядел на командира, он-то такое видел впервые.

- Ну, в общем, вот что, – Славка понял, что делать дальше нечего и глубокомысленно посмотрел на потолок, как будто пытаясь там что-то разглядеть или прочитать. – Ты тут, Вася, командуй, а я в techчасти буду. Если что, звони.

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, - вновь порозовел Вася, осознав высокое доверие, которое ему оказали, - все будет в порядке.

- Да я и не беспокоюсь. Ты главное ненужной инициативы не проявляй, и все будет хорошо. Как говорится: солдат спит – служба идет!

Он посмотрел на застывшего у знамени часового, перевел взгляд на вытянувшегося младшего лейтенанта и, круто повернувшись, направился в техчасть, где вновь взял в руки карандаш с резинкой. К полуночи он, наконец, закончил очередной шедевр. Полюбовавшись собственным творением и так, и этак, Славка остался им, вполне, доволен. Потянувшись так, что хрустнули кости, он вновь направился в дежурку, где утомленный тяготами службы, сложив голову на кисти рук, прямо за столом, поспывал спящий Василек.

Славка с минуту постоял молча, глядя на это безобразие, а потом решил, что нужно разруливать ситуацию:

- Подъем! – рявкнул он так, что часовой у знамени от неожиданности вздрогнул и закрутил головой из стороны в сторону, тщетно пытаясь понять, что произошло и не пора ли спасать честь батальона.

Шум получился немалый, даже стекла в окне звякнули. Но младший лейтенант только повернулся к столу другой щекой, и, почмокав губами, продолжил спать, как ни в чем не бывало. Славка постоял еще несколько секунд, бросил взгляд на часового, с интересом наблюдавшим за всем происходящим, и, безнадежно махнув рукой, вышел из штаба на свежий воздух. Захотелось курить, да так сильно, что рот наполнился липкой слюной, и пришлось сплюнуть прямо под ноги. Он вспомнил, что на КПШ ему должны были оставить пачку папирос, и, окинув коротким взглядом темный, безмолвный плац, пошел по дощатому тротуару в сторону проходной. Когда, открыв дверь, он вошел в помещение дежурного по КПШ, читавший какую-то книгу младший сержант поднялся с табурета и начал громко рапортовать:

- Товарищ лейтенант...

Славка остановил его жестом:

- Не ори! Садись. Никто не звонил?

- Никак нет, товарищ лейтенант, все спокойно.

- Из увольнения все вернулись?

- Так точно, - дежурный протянул журнал регистрации.

- Не надо! Все – значит все. Тут мне Соловьев из третьей роты должен был папиросы оставить.

Сержант замялся.

- Ну, так, что? Где папиросы-то?

- Были папиросы, товарищ лейтенант, - сержант опустил голову.

- Как это так: были? – не понял Славка. – Они что сбежали, что ли, или улетели? Поясни!

- Никак нет! Я их на столе оставил, товарищ лейтенант, - глаза у сержанта сделались вовсе виноватыми, - на минуту отлучился по нужде, а вернулся – их нет!

- Что ты мне, сержант, голову морочишь, куда они могли деться-то?

- Я так думаю, товарищ лейтенант, что их хоззвзодовские ребята спёрли. Они как раз в это время из увольнения возвращались. Я вашему помощнику доложил сразу же, а он сказал, что разберется.

- Понятно! - настроение у Славки упало до нуля, вновь невыносимо захотелось закурить. - Ладно, дежурь, я в штаб.

Новость совершенно выбила его из колеи, и он даже не знал в первый момент, что предпринять и как отреагировать на подобную наглость. Искать курево в полночь, когда батальон крепко спит и видит дембельские сны, было делом неблагоприятным и бесперспективным. Тем более в конце месяца, когда полученное личным составом денежное довольствие давно превратилось в пшик. Славка вышел на улицу. Ночь по-прежнему была тихой и почти по-летнему ласковой. Где-то, в стороне железнодорожного депо, раздавались короткие гудки маневрового паровоза и лязг вагонных сцепок, а спящий батальон оставался все так же безмолвен и тих. «Вот, гадёныши! - чертыхнулся пришедший, наконец, в себя Славка, сглатывая вновь набравшую слюну и наливаясь праведным гневом. - Ну, я вам устрою, блин, Варфоломеевскую ночь!» Он решительным шагом, почти бегом, так, что взвизгнули гвозди в досках тротуара, рванул в сторону штаба. В сердцах с грохотом захлопнул тяжелую входную дверь, так, что от этих его действий здание штаба слегка вздрогнуло, а спавший сном ангела помощник дежурного тут же проснулся.

- Что случилось, товарищ лейтенант? - младшой вытянулся по стойке смирно, подскочив со стула и вперив в Славку полусонные, слегка обалдевшие глаза.

- Тебе дежурный с КПП докладывал про папиросы?

- Так точно!

- И что ты предпринял?

Василек виновато отвел глаза и промолчал.

- Ну и что мне с тобой делать? - Славка грозно взглянул на помощника, и, увидев на лице Василька неподдельный испуг, добавил уже помягче, - Да ты садись, чего вскочил. Садись, кому говорят!

- Я, товарищ лейтенант, сразу вызвал замкомвзвода тыловиков и сказал, чтобы тот немедленно разобрался с этим безобразием.

- Ну, и что?

- Он мне позвонил через полчаса и доложил, что папирос не нашел.

- Ну, и что дальше?

- Ничего, - Вася вновь опустил глаза.

Славка с минуту помолчал, переваривая услышанное, выдержал паузу, соответствующую моменту, и, оглядев виноватую физиономию Васечки, вздохнул. Ну, и чего он набросился на мальчишку, который служил без году неделю? Чего с него взять? Тот еще толком не понял, в

чем, собственно, заключается служба, а в данной ситуации надо было принимать решительные и суровые меры. Славка снова вздохнул и поднял телефонную трубку:

- Начальника караула, - рыкнул он связисту. – А ты, - он грозно взглянул на помощника, - поднимай батальон. Тревога!

Эту шатию-братию из хозвзвода он недолюбливал всегда. По батальону они не ходили, а ползали. Вечно расхристанные, замызганные, в мешковато сидящей форме бойцы хозвзвода вызывали у Славки сложные чувства не то жалости, не то брезгливости. Когда в ротах шла обычная войсковая жизнь, эти, с позволения сказать солдаты, отирались где-нибудь в свинарнике, или на кухне, брякая по раскрашенной фанере костями восточной игры, или перебрасываясь в картишки. Отбой для них законом не являлся, и после того, как личный состав засыпал, контингент расплозлся по всяким гадюшникам и занимался черти чем. В основном это были выходцы из южных республик, и каким образом они попадали в этот самый хозвзвод, вместо того, чтобы пахать на строительстве мостов, оставалось для Славки загадкой. Капитан Шишкин, зам по тылу, на ворчание начальника штаба и попытки подтянуть дисциплину отвечал одно и то же: а кто будет во всем этом дерьме, товарищ майор, ковыряться? Вы что ли? Свиной-то кормить нужно, да и говно из-под них выгребать! А наших фиг заставишь с дерьмом возиться! И все опять шло своим чередом. Вот, например, когда прибывали новобранцы, они мгновенно, какими-то путями узнавали, что в санчасти командует их земляк, старший лейтенант Нигматулин и с первых дней службы начинали осаждать лазарет.

- Ну, что у вас? – спрашивал очередного заболевшего сердобольный доктор.

Прослушав земляка, помяв ему живот, и постучав его по коленкам молоточком, доктор что-то долго писал в журнале приема и затем, как правило, отправлял земляка отдыхать в лазарет. Доходило до того, что мест в санчасти просто не хватало. Тогда в битву за здоровье подчиненных вступал начальник штаба майор Стешенков. Он шел на кухню, брал там самый здоровенный нож, которым в обычное время резали хлеб, и отправлялся в санчасть к Нигматулину.

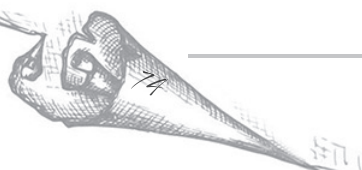
- Давай следующего!

Очередной пациент начинал слезливо жаловаться на многочисленные недуги.

- Раздевайся! – приказывал майор. – Ложись на кушетку! Где болит?

- Доктор, дай таблетки, живот болит!

- Нет, таблетками тут не поможешь, - делал глубокомысленное лицо майор, - резать нужно! Живо на кушетку!

И доставал хлеборезный нож, начиная протирать его ватным тампоном и пробуя пальцем лезвие:

- Нигматулин, неси ремни, а то дрыгаться сильно будет!

Испуганного до смерти пациента сдувало, как ветром, и очередь у лазарета заметно редела, а то и вовсе исчезала. Правда, до прибытия следующей группы новобранцев...

...К часу ночи батальон в полном составе, кроме караула, был построен на плацу. Заместитель командира комендантского взвода доложил, что на момент проверки в батальоне отсутствует тринадцать человек.

- Чьи люди? – спросил Славка.

- Двенадцать человек из хозвзвода и один из первой роты, товарищ лейтенант!

- Вася, - обратился Славка к помощнику, - возьми три человека из комендантского и гони по всем балкам и свинофермам! Кого где обнаружишь, хватай и отправляй на губу.

- А если кого не найдем?

- Искать будем, товарищ младший лейтенант, искать!

- А что личному составу-то делать, товарищ лейтенант? – спросил замкомвзвода.

Славка грозно взглянул на построенные вдоль плаца, злые, ежившиеся от легкого морозца роты и громко скомандовал, так, чтобы все слышали:

- Кружок строевым, и – по койкам! Ясно?! Я – в штабе. О поисках докладывать каждые пятнадцать минут! – он резко повернулся и пошел провожаемый угрюмыми взглядами бойцов, до которых, наконец, начало доходить по какой причине их подняли с постели среди ночи. В штабе Славка пошарил по кабинетам, и в столе главного инженера обнаружил початую пачку сигарет, откуда без зазрения совести позаимствовал добрую половину. Он зашел в дежурку, сел на стул и с наслаждением закурил. Зазвонил телефон. Вася докладывал, что на данный момент обнаружено шесть человек на свинарнике и один в душевой.

- А, какого черта они там делали?

- Эти, которые у свиней – в карты дулись, товарищ лейтенант, а в душевой, который – пьяный спал!

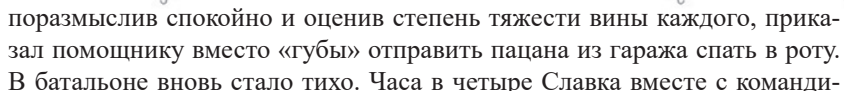
- Посадил на губу?

- Так точно!

- Давай, Вася, действуй дальше, только докладывать не забывай!

К трем часам ночи отыскали всех пропавших, забив гарнизонную гауптвахту до отказа. Долше всего искали бойца из первой роты, который, как оказалось, преспокойно спал в гараже, обустроив под кровать сиденье камаза. Решил, видишь ты, после ремонта в роту не возвращаться, на месте выспаться! Но, в отличие от всех остальных арестованных, Славка,

поразмыслив спокойно и оценив степень тяжести вины каждого, приказал помощнику вместо «губы» отправить пацана из гаража спать в роту. В батальоне вновь стало тихо. Часа в четыре Славка вместе с командиром караула проверил посты и отправился подремать в санчасть, поручив Васе, если что, поднять его незамедлительно.

Вообще-то отдыхать лучше всего было в караулке, на регистре для сушки обмундирования, особенно зимой. Там, раскинутые поперек труб отопления, постоянно сохли тулупы часовых и, когда Славка после утреннего доклада комбату и завтрака ложился на них отдыхать, ему казалось, что он снова маленький мальчик, а под ним бабушкина печка. Бабушка, Мария Ильинична жила далеко, в Забайкалье. В одноэтажном, рубленном из листвяка, старинном, еще дореволюционном доме ее, конечно, никакого центрального отопления не было и в помине, как, впрочем и остальных удобств, но зато половину избы занимала огромная русская печь, где Славка и любил понежиться в детстве, лузгая щедро насыпанные бабушкиной рукой в глиняную плошку жареные семечки. Еще за печкой по ночам трещал сверчок, но, сколько Славка не старался поймать его, или даже просто увидеть, это ему никак не удавалось.

В санчасти, конечно, все было гораздо проще и аскетичнее. Не растегивая портупее, прямо в сапогах и шинели, а вдруг – тревога, Славка устраивался в процедурной на топчане, обтянутом серым дерматином, и, направив на себя огромную лампу для каких-то прогреваний, тут же проваливался в сон под ее теплыми, ласковыми лучами. В любой момент, при любых внезапно возникших обстоятельствах, можно было за секунды подняться и незамедлительно бросится выполнять свой воинский долг. Правда, Нигматулин все время ругался, что после ночных дежурств приходится драить процедурную от грязи:

- Устроили тут, понимаешь, ночлежку! Доложу начштаба, что вы по ночам, вместо того чтобы дежурить, дрыхните, как сурки, мало не покажется!

Конечно, спать на дежурстве по уставу не положено, но молодой организм требовал своего, и подремать часик другой на скорую руку где-нибудь в закутке большим грехом не считалось. А Славка закутков не любил и продолжал отдыхать в санчасти, не обращая внимания на постоянное ворчание доктора. Не пойман – не вор!

Около шести зазвонил телефон и Василек доложил, что в батальоне все спокойно и уже пора просыпаться. Славка поднялся с жесткого топчана, сделал несколько энергичных приседаний и очнулся окончательно. Над плацем висел густой туман, предвещающая ясную, солнечную погоду. Поживаясь, Славка отправился на КПП, где выслушал доклад сержан-

та, щеки которого подозрительно розовели, а глаза бегали из стороны в сторону. Славке было лень разбираться в причинах столь странного вида подчиненного, да он и так все знал. Сержант через месяц демобилизовывался, и какая-то красавица из поселка прилагала отчаянные усилия заковать парня в цепи Гименея, атакуя денно и ночью, не страшась ни темноты, ни дорожной грязи вокруг части.

- Опять? – спросил Славка, но сержант только виновато пожал плечами.

Славка понял, что воспитывать парня бесполезно, да и не к чему. Молодость, ну, как тут устоишь?

- Я в штаб.

В штабе все было по-прежнему. Часовой из караульного взвода стоял возле знамени на тумбочке, а Василек читал какой-то потрепанный детектив. При появлении Славки он вскочил со стула и бодро начал докладывать, что за время, в которое Славка отсутствовал, ничего особо примечательного не случилось.

- Опять у тебя на КПП девки ошиваются, Вася!

- Так у Смирнова дембель на носу, товарищ лейтенант, - помявшись мгновение, ответил помощник, - да и не мешают они никому.

- А если проверяющие объявятся? Да не дай бог из бригады? Поезд из Серова в половине шестого приходит.

- А чего они, товарищ лейтенант, в такую рань в часть попрутся? Они обычно в гостиницу топают, досыпать, кто ж их сюда повезет? А по нашим грязям ночью к части не добраться.

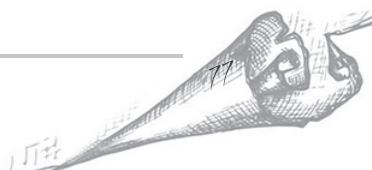
- Кое-кто без труда добирается! Ладно, дежурь, я в техчасти буду. Подъем не проспй только.

- Как можно, товарищ лейтенант! Я самолично сейчас по ротам пройду, все будет о-кей, не беспокойтесь.

- А я и не беспокоюсь. На кухню не забудь забежать, а то я как-то за ночь не удосужился.

- Обязательно.

В техчасти Славка вновь развернул ватман с рисунком и, внимательно оглядев его, сделал несколько последних штрихов карандашом. «Ничего, однако!» - мысленно оценил он свое творение. И тут зазвонил телефон. Взволнованный Василек докладывал, что по причине отсутствия необходимого количества поваров, а также кладовщиков, своевременная готовность завтрака для личного состава находится под угрозой. Осознав, что батальон может остаться без завтрака, Славка стрелой полетел на кухню. Удрученный повар, младший сержант Белебеев, как мог, объяснил ему, что каша почти готова, но мяса нет и сварить его за оставшиеся сорок минут тоже нет никакой возможности. Славка, не сдерживая эмоций, обложил его отборным матом, да таким, что у стоявшего рядом Василька порозовели не только щеки, но и уши:

- Ты где два часа назад был, засранец! Почему не доложил мне или помощнику? И почему мяса нет, в конце-концов.

- Так вы всех кладовщиков на губу отправили, товарищ лейтенант.

- Ну и что, нельзя было ничего решить, что ли? Я тебя русским языком спрашиваю, болван, почему своевременно не доложил?

Славку прямо затрясло от гнева. Младший сержант остался стоять молча, виновато опустив глаза.

- Побоялся он вас, товарищ лейтенант, - пояснил, стоявший рядом и молчавший до сих пор Василек.

- Мудак он, вот и все? – окончательно разозлился Славка. – Ну, меня он боялся, а тебе что, не мог позвонить? Давай, лети, звони! Быстро команду караулу – притащить сюда этих кладовщиков!

Через десять минут трое арестованных, конвоируемых начальником караула, стояли посередине кухни перед Славкой. На часах была половина седьмого. Славка исподлобья окинул взглядом заспанную троицу:

- Короче так, господа! Даю пятнадцать минут, но чтобы завтрак был готов! Меня не интересуют ваши проблемы и самочувствие! Единственное, что я вам обещаю, так это то, что, если вовремя завтрака не будет, вы у меня на губе сгниете. Ясно?! – рявкнул Славка. – Мухой туда сюда!

- Товарищ лейтенант, прикажите им тушенку из НЗ выдать, а то никак не успеем, - вмешался пришедший в себя повар.

- Вася, бери этих вахлаков и действуй! Будут кочевряжиться, расстреляй к чертовой матери!

- Ясно, товарищ лейтенант! – повеселел расстроенный помощник, и, грозно взглянув на арестованных, скомандовал. - Пошли, орлы!

- Тушенку доставите, этих назад, на гауптвахту! Я с ними потом разберусь. А ты, гляди! – Славка помахал перед носом повара сжатым так, что побелели костяшки пальцев, кулаком. – Если что не так, я с тебя шкуру живьем спущу!

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, с тушенкой успеем!

- Ладно, воюйте! – Славка повернулся и пошел к выходу. – В семь приду, проверю.

Он вышел на воздух, закурил последнюю сигарету и немного успокоился. Оставить батальон без завтрака – это ни хрена себе! Тут никакие хорошие отношения с начальством не помогут. Он представил себе лицо начальника штаба, случись такое ЧП! Славка машинально посмотрел на часы. Без пятнадцати семь. Батальон оживал. Роты заканчивали утренний туалет и, не спеша, выходили строиться. Подбежавший Василек доложил, что тушенка на кухню доставлена, а арестованные водворены на место.

- Ты меня чуть седым не сделал, Вася! – Славка с укоризной взглянул на удрученного помощника и, увидев его виноватое лицо, уже мягче

продолжил. – Ладно, не расстраивайся! Все хорошо, что хорошо кончается! Пошли в штаб, тут уже и без нас разберутся.

В половине девятого на службу, как обычно, подъехал комбат. Славка, как и положено, строевым шагом встретил у ворот прибывшего подполковника и отрапортовал, что за время его дежурства никаких серьезных происшествий не произошло, добавив при этом, что отправил на гауптвахту двенадцать человек.

- Сколько, сколько? – поинтересовался комбат. - За что это ты их так?

- Самоволка, товарищ подполковник!

- Ну и правильно! Пресекать это безобразие нужно. Ладно, иди, завтракай, а после построения можешь отдыхать.

- Есть! Разрешите идти?

- Давай, давай, топай! Если в столовой Нигматулина встретишь, передай, чтобы зашел, а то язва опять пошаливать начала проклятая. Всю ночь не спал.

- Передам, товарищ подполковник!

- Ну, иди, иди, а то построение скоро.

Ровно в девять начался развод и, отмаршировав на плацу перед командованием, под музыку, гремящую из репродуктора, роты разошлись по своим делам. Начинался обычный рабочий день. Славка уже собрался в караулку, чтобы поспать, как следует, но тут его разыскал запыхавшийся помощник и сообщил, что дежурного по части требует комбат.

- А что стряслось-то? – недовольно спросил Славка.

- Да, зам по тылу, Шишкин, пожаловался на вас, что вы всех его людей пересажали и работать некому.

Славка чертыхнулся про себя и отправился в штаб.

- Разрешите, товарищ подполковник? – Славка закрыл за собой дверь кабинета командира батальона и подошел к столу, где уже сидели начальник штаба и Шишкин. «Почему все тыловики толстеют, как только на большие должности попадают? - мелькнуло ни к тому, ни к сему в голове у Славки. – И главное не скажешь, что жизнь у них шибко спокойная».

- Вот, товарищ подполковник, полюбуйтеесь на него! – повернулся к Славке заместитель по тылу.

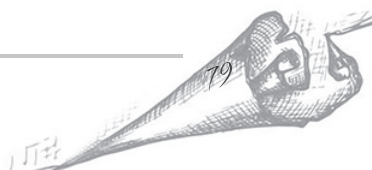
- А чего на меня любоваться! – огрызнулся Славка.

- Чуть не оставил батальон без завтрака, а еще кочевряжится! – начал вскипать Шишкин, но комбат жестом успокоил его.

«Доложила уже какая-то сволочь», - Славка не стал отвечать и молча взглянул на комбата.

- Ты давай, лейтенант, не молчи, докладывай, что стряслось ночью?

Славка подробно изложил события последней ночи, умолчав естественно, что первопричиной всего случившегося была обыкновенная украденная пачка «Беломора».

- Вот, собственно, и все, товарищ подполковник, - закончил он свой доклад.

В глазах у комбата заиграли веселые искорки. Исподтишка, с лукавой усмешкой он взглянул на заместителя по тылу, и перевел взгляд на начштаба:

- Так что делать будем, Николай Матвеевич?

- Отпускать людей надо, - вмешался Шишкин.

- Ты помолчи пока! Вон, проси лейтенанта, может, отпустит, - комбат отвернулся, пряча улыбку. - Ты как, Сидоров, не возражаешь? - обратился он к Славке.

- Возражаю, товарищ подполковник! Мы строевых и за меньшие провинности наказываем, а хоззвод, чем лучше? Так, что я категорически возражаю!

- Ты теперь помолчи, лейтенант! - вмешался начальник штаба. - Я так думаю, товарищ подполковник: людей нужно отпустить. Батальон должен быть накормлен и обстиран, да и свиней кто-то тоже накормить должен. А тебе Шишкин в твоём хозяйстве дисциплинку поднимать нужно, тогда и на губе твои люди сидеть не будут. Короче: днем пусть работают, а ночью - сидят!

- А я что, ничего не делаю! - закипятился Шишкин, но комбат вновь жестом остановил его.

- Все, лейтенант, иди, отдыхай, а мы тут сами разберемся в грехах наших тяжких. Скомандуй начальнику гауптвахты, чтобы на день этих, твоих архаровцев отпустил, а после отбоя - назад. Все ясно?

- Так точно!

Через пятнадцать минут Славка уже устраивался на раскинутом тулупе в сушилке караульного помещения. Накрывшись шинелью, он почти мгновенно провалился в сон, утомленный всеми этими, свалившимися на него голову неприятностями и треволениями. В последнее мгновение в затухающем сознании мелькнуло, что вечером в клубе будут танцы, а на танцах он встретится с Ленкой, и тут же медленные, ласковые воды далекой, знакомой с детства реки, понесли его невесомое тело куда-то вдаль, покачивая, как в колыбели.

7 апреля 2007 г.

Рикошет

Николай окончательно разругался с женой. И это в канун Нового года! Жена, не долго думая, приоделась, накрутилась и ушла к маме, оставив мужа отмечать праздник в гордом одиночестве. Они были женаты второй год, детей у них не было и что-то постоянно не клеилось в их семейной жизни. Жена была из семьи военного моряка, единственная дочь, и в характере ее было слишком много от отца командира, а терпеть постоянное давление на свою личность Николай не желал. Поэтому размолвки и споры возникали постоянно, неизвестно из-за чего, и по самым незначительным пустякам. Махнув рукой на все и смирившись с тем, что праздник испорчен окончательно, Николай приготовился одиноко коротать время у телевизора. Он достал из серванта купленную неделю назад бутылку армянского коньяка, нарезал лимон, колбасу, и, разложив все на журнальном столике, развалился в глубоком кресле.

Звонок в дверь раздался неожиданно. «Кого, это, черт принес?» - лениво подумал Николай, медленно поднялся и вышел в коридор. Он сбросил дверную цепочку, пристегнутую для предотвращения внезапного появления жены, и открыл дверь. На пороге стоял Сашка, бывший одноклассник, и его хороший приятель, которого он не видел, пожалуй, больше года. Рядом с Сашкой стояла улыбающаяся, миловидная особа в короткой лисьей шубе, из-под которой торчали вполне приличные ножки в длинных, выше колен, белых сапогах.

- Здорово, Николай! – полез с поцелуями Сашка. – Сколько лет, сколько зим! Чего встал, как столб, приглашай!

Он ввалился в прихожую, втаскивая за собой Николая:

- Да, ты чего, как не живой? Знакомся, это – жена моя, Наташа. Наташа, поцелуй друга, а то он какой-то застывший!

Шикарная особа на мгновение прижалась к Николаю и чмокнула его в щеку, обдав запахом модных в последнее время духов.

- Проходите, - очнувшись, наконец, от Сашкиного напора, пригласил гостей Николай.

- А, ты, что, один? – спросил приятель, заглядывая в комнату.

Николай ничего не ответил, неопределенно пожал плечами, и вытащил из серванта еще две рюмки:

- Давайте, за наступающий что ли? Присаживайтесь в кресло, Наташа.

- А, где у вас супруга, Коля? – спросила девушка.

- Волной смыло! – хохотнул Сашка, по виду товарища понявший, что

в квартире недавно пронеслась гроза. – Кончай кваситься, Никола, баба с воза, кобыле легче. У него супруга военная, - пояснил он жене, - с придурью, как батальонный старшина.

- Кончай зубоскалить, - сказал Николай, разливая в рюмки. – Вам, Наташа, дать что-нибудь запить?

- Спасибо, не надо.

- Ну, тогда - с праздником! Давай, Александр Петрович, как в старые, добрые времена!

- Будь здоров! Ты вот что, собирайся, и поехали.

- Куда?

- Есть одно место, где тепло и весело!

- Не, неудобно без приглашения.

- Поехали, Николай, кончай кочевряжиться, что ты тут, как сыч, сидеть будешь. Наташа, подключайся!

- Правда, Коля, поехали! – сказала Наташа и улыбнулась. - Там у ребят хорошо, а, где десять человек гуляют, одиннадцатый не помешает.

Николай еще несколько мгновений пытался сопротивляться, но вскоре сдался и ушел в ванную переодеваться.

Через час компания вышла из трамвая на другом конце города. Было около одиннадцати, и улицы заметно опустели: все хорошие люди давно уже сидели за праздничными столами.

- Здесь рядом, - пояснил Сашка, и через пять минут они вошли в полутемный подъезд, а еще через минуту открывали дверь в квартиру.

Шумная, уже порядком разогревшаяся компания встретила их веселыми возгласами и обычной праздничной атмосферой. Николая усадили между двумя симпатичными девчонками, и через мгновение он уже знал, что одну зовут Лена, а другую Света, и что они работают вместе с Наташей на центральном городском переговорном пункте.

- А вы откуда Наташу знаете? – поинтересовалась Лена.

- Я Сашу знаю, учились вместе в одном классе. А с Наташей только сегодня познакомился.

- Вон, значит, как. А пойдете танцевать!

К двенадцати Николай уже перезнакомился со всеми, а с Леной даже пил на брудершафт и целовался. После двенадцати все высыпали во двор кататься с горки, и, в очередной раз, кувыркнувшись в сугроб с Наташей, Николай неожиданно почувствовал на своих губах ее прижавшиеся, жаркие губы. Поцелуй обжег его, и он воровато оглянулся по сторонам, не видел ли кто. Но все веселились, ничего не замечая, а Сашка, вообще, скрылся куда-то с хозяйкой дома, пухлой Тамарой, подругой его жены. Сделав вид, что ничего не произошло, Николай отошел в сторону и закурил, наблюдая за играющими, как дети, гостями. К нему подошла запы-

хавшаяся Наталья и, лукаво посмотрев в глаза, спросила прямо и дерзко:

- Что, испугался, Коля?

- А чего мне пугаться? – Николай пожал плечами, прикинувшись, что не понял вопроса.

- Меня, Коля, меня! – засмеялась Наталья и, швырнув ему в лицо горсть снега, хохоча, вновь побежала к горке.

Николай докурил сигарету, никак не решив окончательно, как себя вести дальше с этой заполошной особой, но тут позвали назад, к столу, и праздник покатился дальше под веселые песни и звон хрустала. Часам к пяти компания угомонилась и разбрелась спать, кто, куда сумел приткнуться. Николай свернулся калачиком на паре стульев возле батареи и кое-как дотянул до того времени, как гости начали оживать вновь. Откуда-то появился пьяный Сашка и, выслушав раздраженные упреки Натальи, исчез вновь. Снова пили и играли в бутылочку, а часам к пяти опившаяся, утомленная компания начала таять. Николай засобирился домой, но Сашка никак не возвращался, а уехать одному, бросив приятелей, было как-то не по-людски. Попив предложенного кем-то из женщин чая с лимоном и почувствовав себя бодрее, Николай отправился на кухню, и присев на подоконник у открытой форточки, закурил, не заметив, как рядом оказалась Наташа. В глазах ее прыгали чертики, и, вообще, вид был какой-то шальный.

- Дай затынуться, - девушка решительно забрала сигарету у Николая и, глубоко затаившись, закашлялась.

Он попытался похлопать ее по спине, но она вдруг вновь на мгновение прижалась к нему тугим и горячим телом, от чего его снова бросило в жар. Он хотел что-то сказать, но Наталья уже отпрянула от него и, как ни в чем не бывало, поправляла прическу, чему-то, улыбаясь про себя. На кухне повисло молчание.

- Осуждаешь? – вдруг произнесла Наташа, скорее утвердительно, чем спрашивая. – Вижу, осуждаешь! А, что прикажешь делать, если собственный муж гуляет, как мартовский кот? Милуется где-то с Тамаркой, кобель пьяный, устроил себе праздник. Так, что делать-то, Коленька?

Николай промычал что-то не членораздельное и положил руку Наталье на плечо, пытаясь успокоить и как-то ободрить девушку, а та снова прижалась к нему и горячо зашептала на ухо:

- Ты не осуждай меня, Коля, так уж получилось. Поцелуй меня лучше, если не противно.

Николай прикоснулся к Наташиным губам, и горячая волна прокатилась по всему телу, сжигая остатки неловкости перед товарищем, жену которого он сейчас целовал. Кто-то зашевелился у кухонной двери, и они отпрянули друг от друга, тяжело дыша. Наталья достала пудреницу, деловито припудрилась и подкрасила помадой губы.

- Домой пора ехать, - ровным голосом сказала она, поразив Николая мгновенным превращением распаленной красоти в уравновешенную матрону, - в гостях хорошо, но пора и честь знать! Поедемте, Коля, Саша позже, видимо вернется.

Она улыбнулась Николаю одними глазами, кивнув в сторону двери, и у него отлегло от сердца. «Все не так уж и плохо», - подумал он позже, одеваясь в прихожей. Но чувство вины и раскаяния за все, что случилось не оставляло его до конца. Нехорошо как-то.

Дня через три ему на работу позвонила Наталья - откуда только узнала телефон? - и пригласила на новогодний вечер к себе на работу.

- А Саша будет? - спросил Николай, надеясь получить утвердительный ответ и развеять все, вновь возникшие сомнения, но не дождался.

- Саша занят! Мы с его сестрой Валей будем, вы ведь с ней знакомы. Ну, так как, придете?

- Конечно! - только и смог выдать из себя Николай.

- Ну, тогда мы вас ждем на остановке ровно в восемь, не опаздывайте, а то придется полчаса следующего автобуса ждать.

Дома Николай тщательно и долго брился и гладил брюки с рубашкой, чем явно вызвал раздражение вернувшейся с работы жены.

- Куда это ты, на ночь, глядя, Дон Жуан недоделанный? - язвительно спросила жена, но Николай промолчал, решив не скандалить и не портить себе настроения.

- Ну-ну! - только и промолвила супруга, когда он обувал начищенные ботинки в прихожей. - Смотри, ключ не потеряй, а то на улице ночевать будешь!

Николай молча вышел, тихо, с облегчением закрыл входную дверь, и шумно выдохнул воздух из легких. Отношения с женой в эти дни стали вовсе никакими и, видимо надо было принимать какое-то решение, а он все тянул, надеясь на что-то. Жена почти каждый день уходила к теще, или еще куда, и продолжать жить в таком унижительном положении, не было ни какого смысла.

На остановку он пришел минут за пять до срока и успел перекурить до прихода девушек.

- Какой вы красивый! - поздоровавшись и чмокнув его в щеку по старому знакомству, защелбетала Валентина, которую он едва узнал - так повзрослела за год.

Они сели в подошедший автобус и почти час ехали до центра, где и находился телеграф, и где работали Наташа с Валей. Раздевшись в раздевалке, они поднялись на второй этаж, и сразу попали в атмосферу праздничного бала. Зал пестрел от ярких нарядов девушек, кружившихся по

паркету, гремел оркестр, а посередине стояла огромная, метров в пять елка и переливалась всеми огнями радуги. В буфете продавали шампанское и коньяк, на закуску – бутерброды с икрой, и уже через полчаса, кружась с Натальей в вальсе, Николай начисто позабыл все свои угрызения совести. Он беспрерывно шутил, рассказывал анекдоты и флиртовал с многочисленными знакомыми своих спутниц. Потом они играли в какие-то детские игры вместе с полупьяненьким Дедом Морозом и усталой от вина и непрерывных знаков внимания многочисленных ухажеров Снегурочкой. Где-то в темном закутке огромного здания они долго и страстно целовались с Наташей, плотно прижимаясь друг к другу и чувствуя, что последние проблески благоразумия покидают их. А потом она сказала:

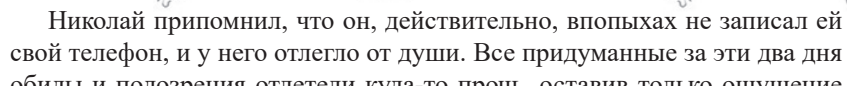
- Пойдем ко мне домой, мама на дежурстве!

Он давно ждал этих слов, но, услышав их, вздрогнул от неожиданности. И они долго шли, смеясь и целуясь, по ночному, засыпанному сугробами городу, пугая случайных прохожих и собак, которые провожали их долгим, недоуменным лаем. А потом все произошло, как во сне, о котором он вспоминал весь следующий день и никак не мог вспомнить всех деталей в точности: картина вчерашнего дня виделась каждый раз какой-то смазанной и не реальной.

Она обещала позвонить, но он, прождав почти целый день, так и не дождался ее звонка. Мучаясь и переживая, что ничего, что с ним случилось в ту ночь, уже не будет никогда, он, наконец, решился и позвонил Наталье на работу, но на другом конце телефона ответили, что Наталья Александровна в отгуле и будет дежурить только завтра во вторую смену. Выяснив, что смена заканчивается в двенадцать, Николай решил, что завтра встретится с Наташей, а там будь, что будет, он уже не представлял своей дальнейшей жизни без этой женщины. Сердце его билось громко и часто, когда он вспоминал ее теплые, пухлые губы и слова: «Дурачок, ну куда ты торопишься? У нас еще все впереди!»

На следующий день, около двенадцати он прохаживался около служебного подъезда телеграфа, нервно оглядываясь на каждый скрип открывающейся двери и боясь ненароком пропустить предмет своих ожиданий. Наконец, на крыльцо выпорхнула стайка смеющихся девушек, в одной из которых Николай узнал Наташу. Он окликнул ее из темноты, и она подошла неуверенно, не сразу узнав его со света. А, узнав, обрадовалась и, громко попрощавшись с подругами, подхватила Николая под руку, и почти потащила за собой по темной аллее, вдоль набережной.

- Как хорошо, что ты меня встретил! Я, так по тебе соскучилась! Ну, не хмурься, любимый, я не могла позвонить – ты же мне не оставил своего рабочего телефона! А домой я позвонить постеснялась, вдруг жена трубку поднимет.

Николай припомнил, что он, действительно, впопыхах не записал ей свой телефон, и у него отлегло от души. Все придуманные за эти два дня обиды и подозрения отлетели куда-то прочь, оставив только ощущение счастья и покоя от близости дорогого существа и возможности видеть его вновь. На такси они доехали до микрорайона, где жила Наташина мама, и долго целовались в темном подъезде, ожидая, когда погаснет свет в ее окне, горящий даже в этот поздний час. А потом осторожно, стараясь не скрипнуть половицей, пробрались в Наташину комнату. Но мать услышала и спросила, кто пришел, на что Наталья ответила, что это - она. Не удовлетворенная таким коротким ответом мать вышла на кухню и недовольно загремела посудой:

- И что это за дело: при живом муже каждый раз у матери ночевать? И, когда все это кончится?

Наталья шепотом приказала Николаю затаиться и не беспокоиться, и, набросив на плечи халат, вышла к матери.

- Ну, что ты, мама все ругаешься, знаешь ведь, что в это время до нас не добраться!

- Все я знаю! Вот увидишь, все эти ночные отлучки плохо кончатся! Замужняя женщина, а так себя ведешь!

- Ну, хватит, мама, иди спать, завтра тебе на работу. И я устала, пойду отдыхать.

- Отдыхай, отдыхай! Только помни, что я тебе сказала.

- Хорошо, мама, спокойной ночи!

Вернувшись в комнату, Наталья закрыла дверь на шпингалет и нырнула под одеяло:

- Соскучился, милый? Мама беспокоится о моей нравственности, а зять, как всегда прав!

Николай молча обнял замерзшую женщину, и начал ласкать ее сразу отяжелевшее тело, опять взлетая куда-то высоко и безоглядно, выбросив из головы все посторонние, нет-нет, да беспокоящие совесть мысли.

- Поцелуй меня покрепче, милый! Вот так!..

Дома у Николая становилось все невыносимей. Супруга демонстративно не замечала его, да и он лишний раз старался не попадаться Дарье на глаза. Она все чаще и чаще оставалась ночевать у своей мамы, а он по-прежнему равнодушно воспринимал эти отлучки, позволявшие ему оставаться наедине с мечтами о новой любви, так неожиданно и волшеббно свалившейся ему прямо в руки.

- Ты бы хоть полы когда вымыл, скотина, надоело за тебя грязь вывозить! – выговаривала ему жена, но он не обращал никакого внимания на эти раздраженные тирады.

Свои обязанности по дому он всегда выполнял вовремя и в полном

объеме, и все эти претензии воспринимал не более, чем вспышки уязвленного женского самолюбия. Полы, как полы, ничего особенного, у некоторых бывает и похуже. Все чаще у Николая мелькала мысль о разводе, но он старательно гнал ее прочь, считая себя в какой-то мере ответственным за этот, не совсем сложившийся брак. И, чем черт не шутит, а вдруг все наладится? Да, и Наташа, как не обидно, не совсем свободна. Он как-то пытался завести с ней речь о переходе к каким-то новым, более прочным взаимоотношениям, но она только рассмеялась, постаравшись тут же перевести разговор на что-то более приятное. Хотя, и не убила в нем эту, беспокоящую его мысль насовсем, до конца, оставляя призрачную надежду.

Как-то, возвращаясь с работы, он зашел в кафе «Глобус», выпить в баре рюмку коньяка, но тут же был вынужден незаметно удалиться, заметив в глубине зала собственную супругу, танцевавшую со своим банковским начальником и весело болтающую с ним о чем-то. «Слава Богу, не заметила!» - подумал он, и в его душе ничего не шевельнулось. В другой раз он случайно выяснил, что теща на две недели уезжала в гости к Дарьиной сестре, в Питер, но при очередном появлении жены в доме ни словом не обмолвился, что все знает, хотя жена вполне искренне и правдоподобно передала ему привет от мамы.

- Спасибо! – только и произнес он.

- Хам ты! – высказалась на это жена. – Даже не поздравил маму с Новым Годом! Гад и хам!

Николай не стал возражать, так как торопился на свидание к Наташе и был в приподнятом настроении, которое не хотел портить...

Незадолго до дня Советской Армии неожиданно позвонил Сашка и пригласил к себе домой:

- Выпьем, посидим, кое-кто из ребят будет.

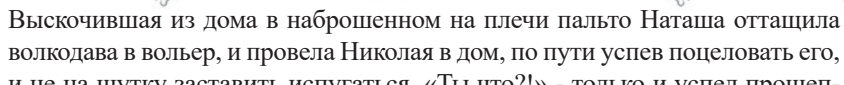
Николай попытался отказаться, не представляя себе, что он должен делать и как себя вести в подобной ситуации, но Сашка был непреклонен:

- Приходи, а то обижусь! И Наталья просила передать, чтобы обязательно приходил.

- У меня и дамы нет, что я там делать буду?

- За Валентиной ухаживать, она уже выросла! – засмеялся Сашка. – Не дрейфь, я Наталью попрошу, она кого-нибудь из подруг пригласит. Короче, к семи жду!

Двадцать третьего, ровно в семь Николай нажал кнопку звонка у калитки частного дома с флигелем и громадной верандой, где жил с родителями и сестрой его одноклассник. Огромный волкодав, выскочив из будки, залаял на него, что было силы, как будто почувствовал, что этому нечестному человеку не место в этом солидном и вполне уважаемом доме.

Выскочившая из дома в наброшенном на плечи пальто Наташа оттащила волкодава в вольер, и провела Николая в дом, по пути успев поцеловать его, и не на шутку заставить испугаться. «Ты что?!» - только и успел прошептать он, но она лишь беззаботно махнула рукой, пропуская его вперед. В гостиной, за празднично накрытым столом уже сидели несколько человек во главе с Сашкой и, похоже, не дожидаясь остальных, причащались.

- Здорово, Коля! Давай к нам. Налей, Дима!

- Как-то неудобно без хозяев, - пытался возразить Николай, но его никто не слушал.

- За тех, кто в море и на суше! - поднял рюмку, пришедший с кухни Сашин отец, Петр Васильевич.

Мужчины поднялись со стульев, и выпили, стоя. Женщины, наконец, закончившие воевать на кухне с закуской, чинно устроились за столом и все пошло своим чередом. Через час начали танцевать, а через два - горланить песни. В разгар веселья, когда все уже достаточно набрались, Наталья вытащила Николая на веранду и, прижав его к каким-то стоящим за дверью ящикам, горячо зашептала:

- Что так долго не звонил, Коля? Забыл что ли? Истосковалась я! - она поцеловала Николая долгим, захватывающим дух поцелуем и тут же, отпрянув, продолжила. - Приходи завтра меня встречать, мама в больнице, дома никого нет.

- Хорошо! - только и смог выдохнуть из себя Николай.

Наташа улыбнулась и в этот момент скрипнула входная дверь. Девушка успела отступить на пол шага, и на веранду вышел Петр Васильевич с большой эмалированной миской в руке:

- Кто тут?

- Это - я, папа, и Николай. Курим, - нашлась Наталья.

Николай внутренне попытался собраться и принять беззаботный вид, но это не слишком получилось.

- Сходила бы, дочка, в подпол, за капусткой, а то закончилась, - сказал Петр Васильевич.

- Хорошо, папа! - Наталья взяла миску и выскочила за дверь.

Напряженное молчание повисло в воздухе.

- Не ожидал я от тебя этого, Николай, - глухо произнес Петр Васильевич, - не по-людски это.

Он помолчал еще минуту и, махнув рукой, как будто отрубая что-то, вошел в дом и громко хлопнул дверью. Николай готов был сгореть от стыда. Он незаметно пробрался к вешалке, схватил в охапку одежду, и выскочил на улицу, проклиная все на свете. У калитки его перехватила Наташа:

- Ты куда?

Николай, сбивчиво объяснил девушке, что произошло, и, выслушав ее совет на все плюнувшись, шагнул со двора.

- Позвони завтра, не забудь! – услышал он вслед.

«Вот, блин, не было печали, - размышлял Николай, шагая по тропинке к остановке, - влип, как кур в ощи! Как теперь Сашке в глаза смотреть?» Лицо горело так, что впору было прикладывать снег...

Жены дома, как обычно, не было, и он обрадовался этому: не хватало, чтобы Дарья увидела его в таком виде. «Вот бы, позлобствовала», - промелькнула мысль. Он быстро юркнул в кровать и долго не мог заснуть, переваривая все случившееся. Но, вскоре, организм взял свое, и он былся беспокойным сном до утра.

На следующий день он, проклиная себя, снова позвонил Наташе, и шальная, непредсказуемая жизнь полетела дальше, грозя перевернуть состав, где-то на повороте. Сашка, видимо, узнав кое-что от отца, перестал звонить окончательно, а Наталья с каждой встречей становилась все мрачнее и задумчивей.

- Что с тобой, дорогая? – пытался выяснить при каждом коротком свидании Николай, - но Наталья все больше отмахивалась от этих вопросов, или переводила разговор на шутки. И однажды это случилось:

- Знаешь, Коля, не звони мне больше!

Николай стоял оглушенный этой короткой фразой, не зная, что делать с трубкой телефона, а Наташа, помолчав, продолжила:

- Саша все знает, но обещал забыть, если мы больше не будем встречаться... любит он меня... прости, если можешь...

- А, как же я? - обрел дар речи Николай.

- Не знаю. Прости! - Наталья положила трубку.

Николай долго слушал короткие гудки, пытаясь собраться с мыслями, потом положил трубку и направился в кабинет, к кульману. Вид у него был, видимо, не ахти. Лаборантка Верочка всплеснула руками и только и сумела вымолвить:

- Что с вами, Николай Сергеевич, может валидолу?

- Спасибо, не надо.

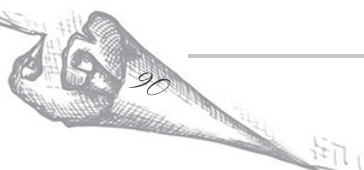
Он кое-как доработал до конца дня и, выпив рюмочку, которая слегка успокоила его, с ребятами из соседнего отдела, отправился домой. На улице уже стояла настоящая весна. Лужицы растаявшего снега не замерзали даже ночью, а набухшие почки тополей вот-вот были готовы выстрелить первыми, клейкими от смолы листочками. Возле «Глобуса» он снова заметил свою жену, садящуюся в такси с каким-то наглаженным, солидным мужчиной, но в душе его оставалось так же пусто и безразлично, как в тот момент, когда он услышал из телефонной трубки это самое, тихое «прости!» Навстречу ему шли люди, они смеялись, переговаривались, торопились куда-то по своим делам, а он шел, вдыхая терпкий, весенний воздух и ни о чем не волновался. В душе все умерло: и горькая до слез

обида, и боль новой потери, и абсолютная неопределенность будущего. Осталась только пустота.

Открыв дверь в дом, он первым делом вынес и вывалил в мусоропровод кухонное ведро, потом помыл, оставленную с утра посуду, налил в стакан минералки и включил своих любимых «Битлз». Затем подошел к окну и поглядел на загорающуюся первыми ночными огнями улицу. «Почему так бывает, – подумал Николай, – когда в жизни появляется что-то хорошее и светлое, ему на смену тут же спешит темное и гадкое? Или, так уж устроен человек, что не может по-другому?» Так и не получив ответа на свои вопросы, он задернул на окне занавески, поправил сползшую со стола скатерть, выключил магнитофон, и, продернув в пряжку, привязал к батарее тонкий, кожаный пояс, оставленный случайно в пустом шкафу женой.

5 января 2004 г.

Зинаида

Единственной бедой Зинки Петровой, однокурсницы Славки, было то, что она не умела отказывать. Её многочисленные романы, протекавшие бурно, а порой драматично, с надрывом, были известны всему институту, а число их к пятому курсу перевалило за десяток. Девка она была красивая, видная: точеная фигура с узкой талией, высокая грудь, которая так и рвалась из-под широко распахнутой блузки, шальные, голубые глаза и копна великолепных русых волос, спадающих на плечи мерцающей шелковой волной. Славка влюбился в нее с первого взгляда еще на первом курсе, когда увидел впервые, но, трезво оценивая свои шансы, даже не пытался приблизиться к предмету своей страсти, наблюдая издали за очередным адюльтером Зинки. Своего неудачливого поклонника она оставляла без раздумий и сожаления, как только ее душой и сердцем овладевало новое, возвышенное чувство. Ее не останавливало, был ли предмет обожания занят на этот момент или нет, женат или холост, испытывал ли он к ней что-нибудь или оставался холоден, как лед. Почувствовав зов плоти, Зинка, словно надкусив яблоко из райского сада, предложенное змеем-искусителем, бросалась в атаку и, как правило, добивалась всего, чего хотела. Пролог обычно был бурным, иногда со скандалами и даже рукоприкладством, роман протекал энергично и страстно, а эпилог выглядел, увы, бледновато. Покинутые влюбленные лили горькие слезы, и, если приглядеться, было по чему, писали отчаянные письма, но потом успокаивались, осознав, что предмет их страсти не переделать. Самым странным было то, что отвергнутые кавалеры и после расставания защищали Зинку от нападков и зависти женской половины института и нелюбимых оценок мужской. Виноватой она себя никогда не считала, да, впрочем, и никого никогда не винила, если, раньше времени поумневший поклонник, сам уходил от нее. Иногда и ей самой доставалось на орехи. «Дура, ты, Зинка, беспутная, и когда только угомонишься!», - увещевали ее близкие подруги, но та только беспечно улыбалась, отмахиваясь от них, как от назойливых мух.

- Сами поймите, девочки, ну кто их бедных еще пожалеет? – смеялась она, и сама же себе отвечала, - Никто! Да и молодость проходит, крути не крути!

Последний из известных Славке ухажеров, к которому Зинка бросилась в объятия, был разведенный аспирант с кафедры химии. Чего она в нем нашла, никто не понял. Мужик он был не видный, хилый и блеклый, да и к тому же скоропалительный развод его, с только что родившей дочь

женой, казался окружающим несерьезным. Так что, все девчонки жалели Зинку, предвещая быстрый крах любовной идиллии по причине неизбежного возвращения блудного сына к семейному очагу. Ну, а пока, Славка в очередной раз страдал, вызывая своим видом язвительные ухмылки беззаботных сокурников и жалеющие взгляды женской половины курса.

Как-то вечером, возвращаясь с занятий и проходя мимо комнаты Зинки, он услышал громкие рыдания и голос Клавы Смолиной, комсорга курса, успокаивающей кого-то. Славка огляделся, но в коридоре было пусто, и он замер, прислушиваясь к происходящему в комнате. И, хотя подслушивать было стыдно и неловко, он не мог себя заставить двинуться дальше.

- Ну, не плачь, Зин, - уговаривала Клава рыдающую подругу, - не стоит он твоих переживаний!

- А я его так любила, Клава, так любила! – сквозь слезы стонала Зинка. – А он, что же, не человек?

- Все мужики – сволочи! Ты успокойся, Зинаида, хватит рыдать, на, попей водички, а я пойду, что-нибудь покушать принесу.

- Не хочу я ничего! – пуще прежнего зашлась Зинка. – Сдохнуть бы! – неожиданно выпалила она и смолкла.

- Ты, это, кончай! – Клава погладила лежащую подругу по голове. - Не дождутся они. Ишь, чего выдумала – сдохнуть! Не стоит этот подлец и мизинца твоего! Ты посмотри на себя: красавица, скоро диплом получишь, да такие мозгляки, как этот, сотнями у твоих ног валяться будут. Ну, успокойся, успокойся! Давай я тебя прикрою, поспи немного. Вот так, давай, давай! Проснешься, и все будет хорошо. Не реви, спи, а я к тебе через часик загляну: у меня лабораторная сейчас, а пропускать не хочется, профессор и так косится.

Славка услышал, как в комнате скрипнула кровать. Клавдия, видимо, поднялась и направилась к двери. Славка бросился к ближайшей лестничной клетке и, взлетев пролетом выше, замер, дожидаясь, пока каблук тупель комсорга не простучат вниз по ступеням. Подождав минуту, он спустился на свой этаж, постоял, раздумывая, что предпринять, и решительно направился по коридору к Зинкиной комнате. Постучав в дверь, он вошел, и остановился у порога, не решаясь подойти к девушке, и не понимая толком, что предпринять дальше. Смелость, минуту назад толкнувшая его на этот почти героический поступок, куда-то исчезла, испарилась без следа. Зинка лежала на кровати до подбородка прикрытая одеялом, неподвижным, пустым взглядом уставившись в потолок. Глаза ее были полны слез, золотистые волосы рассыпались по подушке, и сердце Славки почти остановилось от щемящей жалости к этой непутевой девчонке, которая тревожила по ночам его сны. Потоптавшись у порога еще мгнов-

вение, он прокашлялся, и только тогда глаза у Зинки ожили. Она перевела взгляд с потолка на стоящего у дверей Славку, с минуту, молча, рассматривала его, а потом вдруг отвернулась к стене и снова зарыдала в голос. Славку будто ударили, он бросился к кровати и, опустившись рядом на колени, начал гладить девушку по голове, приговаривая, как маленькой: «Не плачь, девочка моя! Ну, не плачь, успокойся, я – с тобой!» Зинка постепенно притихла и, наконец, глубоко вздохнув, глухо произнесла:

- Принеси платок. Там, - она показала пальцем, - в тумбочке.

Славка бросился к тумбочке. Он бы не испытал большего счастья, если бы этот, самый дорогой ему на свете человек, послал его на край света, где ему пришлось бы принять любые лишения, и даже - смерть. Да, что там смерть! Мысль о том, что он делает все это для нее, придала бы ему и сил, и мужества, которых в обычной, повседневной жизни, увы, так ему не хватало. Он готов был служить ей бескорыстно, с радостью, за теплый взгляд огромных, голубых глаз, или просто за ласковое слово, произнесенное низким, грудным голосом, волнующим его до глубины души. Да так, что сердце начинало, бешено колотиться, отдаваясь в висках.

Зинка вытерла мокрое лицо, громко высморкалась, и, повернувшись на другой бок, уже с нескрываемым интересом посмотрела на Славку, стоящего рядом. Слезы у нее высохли, и о том, что она только что рыдала, напоминали слегка покрасневший прелестный носик и растрепанная прическа. Поймав ее взгляд, Славка почувствовал, как ноги его сделались ватными, а грудь охватил нестерпимый жар. Он даже слегка вспотел.

- Спасибо тебе, Слава! – проворковала Зинка, томно взмахнув длинными, густыми ресницами. – Ты мне очень помог.

Славка сглотнул комок, застрявший в горле, и только кивнул головой, не в состоянии ответить.

- Ты садись, Слава, - девушка показала глазами на табурет, где пять минут назад сидела Клавдия, и вновь глубоко вздохнула. – Не смотри на меня, я сейчас страшная и противная.

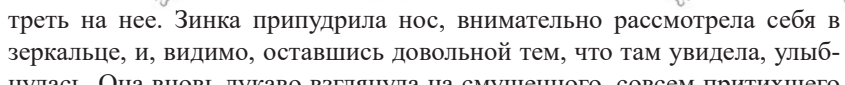
Славка возмущенно запротестовал, делая непонятные движения головой и булькая что-то невнятное.

- Некрасивая, некрасивая! Принеси, пожалуйста, пудру, она вон там, в сумочке. – Зинка выбралась из-под одеяла и села, привалившись к спинке кровати.

Халатик у неё как бы невзначай распахнулся, и слегка обнажил высокую, белую грудь с ярким, как вишня соском. В горле у Славки совсем пересохло и он, пылая всыхнувшими щеками, отвел взгляд.

- Ой, что это я! – стыдливо вскрикнула Зинка, запахнула халатик и уже спокойным, обволакивающим сознание голосом вновь попросила Славку принести пудру.

Славка достал пудру из сумочки и подал девушке, стараясь не смо-

треть на нее. Зинка припудрила нос, внимательно рассмотрела себя в зеркальце, и, видимо, оставшись довольной тем, что там увидела, улыбнулась. Она вновь лукаво взглянула на смущенного, совсем притихшего героя, сладко, как кошка, потянулась, и, отбросив одеяло, села, опустив ноги на пол. Круглые колени, обтянутые модными, ажурными чулками почти уперлись в колени Славки, сидящего на табурете.

- Дурная я, да, Слав? И глупая? Ну, скажи! – она затормошила его за плечи, отчего халатик вновь распахнулся, в этот раз почти до пояса. – Да, что это с ним? – Зинка вновь запахнула халатик. – Ага, пуговка оторвалась. Ну, что ты молчишь, Слава?

- Нет, не глупая, – хрипло ответил Славка, пытаясь отодвинуться от взбалмошной девчонки, которая уже забыла о своих недавних слезах и не прочь была поиздеваться над слабой, безобидной жертвой.

- Правда, Слав? Ну, посмотри на меня, неужели – не глупая? – Зинка охватила ладонями горящие Славкины щеки и повернула его голову к себе. – Ну, посмотри, не бойся!

- Не глупая, - Славка вновь отвернулся, не в силах видеть обнаженное девичье тело, матово мерцающее в распахнутом вороте пестрого халата.

- Ой, Славочка, спасибо тебе, родной! А то все меня только и знают, что ругать, да поучать. Ты ведь не будешь? – она вновь повернула его голову, притянула его пылающее лицо к своему, и, неожиданно, чмокнула прямо в губы. – Спасибо еще раз, один ты меня понимаешь!

Он почувствовал волнующий запах ее кожи, волос, тепло упругого тела, и почти потерял сознание. Сердце неистово билось готовое выпрыгнуть из груди, а комната покачивалась в каком-то сиреневом тумане, неведь откуда взявшемся. Зинка, как ни в чем не бывало, поднялась, взяла со столика расческу и, что-то мурлыкая про себя, принялась чесать золотистую гриву.

- Один ты меня жалеешь, Слава, - ворковала лукавая Зинка, - потому, как – настоящий мужчина!

Она, как кошка, снова потянулась вверх своим крепким, стройным телом, чувствуя на себе его взволнованный взгляд. И Славка, наконец, решился, так как понял, что если он не скажет того, что хотел, сейчас, то не скажет этого уже никогда.

- Зина, - он сделал секундную паузу и, как будто ему не хватало воздуха, глубоко вздохнул полной грудью. – Зина, выходи за меня замуж!

В комнате повисла тишина. Она была вязкой, как кисель, не давая дышать, и Славка понял, что если она еще минуту ничего ему не ответит, он просто-напросто задохнется и умрет прямо тут. Зинка изумленно посмотрела на Славку, наглухо запахнула халатик у горла, и, сделав несколько шагов, отошла к окну. Молчание становилось тягостным и невыносимым, оно повисло в воздухе, как угар, невидимое, но смертельно ядовитое. Не

дождавшись ответа, Славка поднялся и, сгорбив плечи, как будто на него взвалили тяжеленный груз, молча побрел к двери. Он уже взялся за ручку, когда услышал ее осевший вдруг голос:

- Спасибо тебе, Слава!

Он замер на месте, как вкопанный, оглушенный этими словами, и, не совсем понимая, что же такое творится у него в душе. Она тихо подошла к нему сзади, положила руки на плечи и, прижавшись щекой к его спине, тихо и как-то устало, промолвила:

- Можно, я подумаю?

Он, молча, кивнул головой, не поворачиваясь, постоял еще несколько секунд, чувствуя у себя на плечах тепло ее ладоней, и, резко дернув за ручку, шагнул за дверь. Только теперь до него, наконец, дошло, что случилось. Какая-то щенячья, неудержимая радость захлестнула его, захотелось орать и петь. Он едва сдержался, и, глупо улыбаясь неизвестно кому, а, скорее всего, всему белому свету, почти бегом полетел по коридору, не видя и не слыша ничего, кроме этих, сказанных так обыденно и просто слов: «Можно, я подумаю?» Да он был готов ждать хоть сто лет.

Свадьбу назначили на конец сентября. Все каникулы, которые Славка провел дома, в Егорьевске, он ни на минуту не переставал думать и мечтать о свалившемся на него счастье. Мать сразу заметила, что он стал каким-то блаженным. Уж не влюбился ли парень?

- Слава, ты что, оглох? Сходи, пожалуйста, в магазин, соль кончилась, да и хлеба надо.

- Что, мама?

- Да, что с тобой такое, сынок? Не заболел ли?

- Все нормально, мама, не волнуйся.

- Какое там нормально! Кричу ему, кричу – как в стену глухую! Сходил бы вечером куда, что дома сидеть-то сычом. Давеча Вера забегала, это когда вы с отцом на рыбалке были, тебя спрашивала, как, мол, и что. Сходил бы к ней, одноклассники все же.

- Ладно, мама! – Славка чмокнул мать в щеку. – Я побежал в магазин. Вечером к Верке схожу, не расстраивайся попусту.

- Иди, уж! – махнула рукой мать. – Лаврового листа еще пачки две прихвати.

Он не стал предвосхищать событий и сообщать родителям о предстоящей свадьбе: придет время скажет. А пока, купил в областном центре, куда специально ездил, два обручальных кольца и белую рубашку с ярким, полосатым галстуком. Галстуков он обычно не носил, но такое торжественное мероприятие, как бракосочетание, предполагало определенный этикет. Об этом ему поведал со знанием дела, так как был женат уже два года и кое-что повидал в жизни, его школьный приятель Генка,

работающий на местном металлообрабатывающем заводе, и с которым он поделился предстоящими изменениями в его холостяцкой жизни.

- Невеста-то хорошая? – спросил его Генка.

Славка не ответил, а просто протянул фотографию, которую бесстыдным образом утащил у Зинаиды из школьного альбома. Альбом она хранила в тумбочке и редко извлекала оттуда. Но Славке как-то показала. Были в нем и институтские фотографии, вот одну из них Славка и увел. Генка долго разглядывал карточку, а Славка напряженно ждал, какую оценку его девушке даст старый приятель. Наглядевшись, Генка, наконец, протянул фотографию и сказал:

- Красивая!

- И добрая, - добавил Славка.

- Ну, это, допустим, пожить вместе надо, чтобы разобраться, - рассудительно начал Генка, но счастливый Славка только махнул рукой, витая где-то в облаках.

- А где жить-то будете? Квартиру снимать?

- Декан обещал комнату на преподавательском этаже.

- Ты, первым делом, на шею себе сесть не позволяй. А то, если сядет, не слезет. Моя, вон, попыталась. Сделай то, да сходи туда, да это нельзя, а это – можно!

- Ну и что?

- А ничего. Помогать, конечно, нужно, особенно когда дети появятся, но и самих к работе приучать надо. А то, вон, у Петьки Панкратова баба только у зеркала сидеть может, брови щипать, а мужику рубашку погладить – лень. В итоге – напряга в семействе.

Петька был еще одним из однокашников, который, как и Генка, почти сразу после школы женился на их однокласснице Ларисе Величко. Лариса была дочерью заместителя председателя горисполкома, одевалась всегда красиво и модно, да и сама была довольно симпатичной девчонкой. А, вот, черточка отлынивать от их общих школьных дел в ее характере присутствовала. Старалась девчонка увильнуть от поручений. Конечно, это влияло на отношение к ней остальных ребят, только Петька, влюбленный уже тогда в Ларису по уши, ничего не желал замечать. Он бродил за ней повсюду, как преданная собака, ограждая свою любимую от малейшей критики и нападок. И однажды, неразделенные чувства Петьки возымели-таки на девчонку влияние. Сразу после школы они и поженились и сейчас жили в отдельной однокомнатной квартире, которую им выбил папаша. Судя по реакции Генки, жили не слишком дружно. Но сейчас Славке думать обо всем этом не хотелось, его волновали абсолютно другие проблемы.

Первым, кого он встретил в институтской общаге, когда вернулся после каникул, была Клавдия, их бессменный комсомольский бог.

- Здравствуй, Клавдия! – сияя, как начищенный пятак, приветствовал ее Славка. – Ну, как вы тут поживаете?

- Здравствуй, Слава! – приветливо поздоровалась с ним Зинкина подруга, протягивая ладонь. – Давно приехал?

- Только что с поезда. – Славке показалось, что Клавдия какая-то не такая, не в себе что ли: она постоянно вертела головой, как будто кого-то искала, ладонь у нее была влажной, а глаза бегали по сторонам и смотрели все время куда-то мимо него. – Ты чего такая взъерошенная? – спросил он.

- Ничего. – Клавдия одернула кофту. – Показалось тебе. Ты извини – мне пора, у нас комитет в пять.

- А где Зина? – крикнул Славка вслед стремительно удаляющемуся комсоргу, но Клавдия как будто не услышала и, выскочив на лестничную клетку, застучала, как пулемет, каблуками по ступеням вниз.

Славка только недоуменно пожал плечами, и пошел к себе в комнату переодеться и умыться с дороги. Когда он уже умытый и причесанный стоял возле зеркала, поправляя ворот рубахи, в комнату влетел Николай, его сосед по этажу и сокурсник. Увидев Славку, он почему-то замешкался и застыл у двери, широко раскрыв глаза, как будто видел приятеля впервые, но потом, справившись с минутным замешательством, широко улыбнулся и раскинул руки для объятий:

- Здорово, оглоед! Когда появился?

- Да с час назад.

- А я тут уже два дня отираюсь.

- Кто еще приехал?

- Витьку Павлова видел, Женьку с Лёхой, ну, и еще Клавдию.

- Ну, Клавдию, допустим, я уже сегодня тоже видел.

- Она тебе ничего не сказала? – Николай как-то странно посмотрел на Славку.

- А что она мне должна была сказать? – внутренне напрягся от нехорошего предчувствия Славка, уловив в голосе товарища непонятные нотки.

Николай, как-то сразу, посерьёзней, прошел к столу, налил из чайника в стакан воды и залпом выпил.

- Ты присядь, – он вытер тыльной стороной ладони губы и внимательно поглядел Славке прямо в глаза. – Присядь, присядь. Тут, понимаешь, какое дело...

Из сбивчивого рассказа Николая, который доносился до Славки, как будто откуда-то издалека, он понял, что на практике, которую Зинаида проходила в городе Ирбите, на фармзаводе, у нее случился очередной роман с главным инженером, да такой бурный, что последний собрался разводиться. У инженера было двое почти взрослых детей и положение, поэтому жена побежала в партком, ну а партком восстановил попорченные моральные устои, объявив восплававшему страстью руководителю стро-

гача и отправив Зинку с практики досрочно. Никто бы не узнал об этой истории, если бы она сама не разболтала подружкам, ну а те за два дня разнесли по всему институту.

- Так, что, смотри сам, - посоветовал Генка, помрачневшему и застывшему, как столб, Славке. - Может быть, брешут бабы, а, может быть, она все это придумала, ты же ее знаешь? Короче, не руби с плеча, подумай сначала.

Он немного помолчал, отхлебнул воды из стакана и протянул его Славке:

- На, попей!

Славка стоял перед зеркалом, словно сомнамбула, не представляя себе, что ему делать дальше. Николай мялся рядом, не зная, как помочь другу в этой скользкой, неприятной ситуации.

- Ну, я пойду, Слав. Мы с Веркой в кабак собрались в семь, не хочешь составить компанию?

Славка с трудом сглотнул неожиданно наполнившую рот вязкую слюну. Затем шевельнулся, приходя в себя и, как кукла, резко мотнул головой, отказываясь от предложения товарища. Поправив загнутый ворот рубахи, он решительно затянул ремень и глухо спросил:

- Где ее можно найти?

- Да, они вместе с Клавдией после комитета в кино вроде бы собирались. Ну, я побежал. Ты подумай насчет ресторана, чего тебе тут одному вечером скучать?

- Ладно, Коля, спасибо тебе, я подумаю. Ты иди, тебя Вера ждет.

- Пока.

- Давай, давай!

Славка еще минут двадцать, молча, сидел в комнате, уставившись в одну точку, потом накинул пиджак, смахнул щеткой пыль со штиблет и вышел за дверь, намереваясь идти в административный корпус, где, по словам Генки, уже с полчаса шло заседание комитета комсомола института. Не успел он пересечь вестибюль и миновать стеклянную будку дежурной, как входная дверь общаги распахнулась, и знакомая, стройная фигурка в легком, летнем сарафане стремительно бросилась ему навстречу, издавая нечленораздельные, радостные звуки. Через секунду Зинка уже висела у Славки на шее, осыпая его ошалевшее от неожиданности лицо поцелуями.

- Почему не нашел меня сразу, противный? Я так по тебе соскучилась, так соскучилась! - Зинка прижалась щекой к его щеке, и он почувствовал знакомый, неповторимый запах ее волос.

Она откинула голову назад, рассматривая его, как будто впервые, а глаза ее сияли точно так же, как тогда, когда она, заставив его изрядно пострадать и помучиться ожиданием, наконец, сказала «да». Все то мрач-

ное и злое, что зрело в душе Славки в эти последние минуты, мгновенно улетучилось, исчезло без остатка, и он понял, что никогда не решится сказать ей о том, что ему пришлось случайно узнать от Николая. На душе у Славки постепенно посветлело, а жаркие поцелуи и веселый щебет сияющей Зинаиды вовсе развеяли остатки тех туч, что еще полчаса назад застилали все его сознание.

- Ну, что ты такой скучный? – она вновь затормошила его и крепко поцеловала. – Проснитесь, граф, рассвет уже полощется! Пошли в кино. Какую-то новую картину показывают в «Современнике», Клавдия приглашала.

- А может быть в ресторан? – окончательно пришел в себя Славка. – Никола с Верой в семь часов идут, звали с собой.

- Можно и в ресторан. – Зинаида откинула с лица непослушные пряди и вновь поцеловала его. – Ну, обними меня, чурбан бесчувственный, я же по тебе так соскучилась!

- И я тоже.

- Что-то не похоже, скукоженный весь какой-то.

- Устал, наверное, четыре часа в автобусе по жаре, - наконец-то широко и с облегчением улыбнулся Славка.

- Ну, вот, так-то лучше. Пошли, что ли, я хоть сарафан сменю, а то как-то неудобно в ресторан в таком виде идти.

- Пошли.

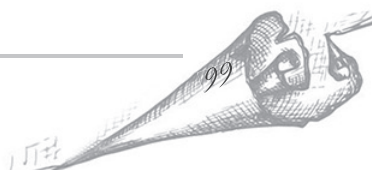
И, взявшись за руки, они начали подниматься по лестнице. Славка был на седьмом небе, решив для себя окончательно и бесповоротно, что все предыдущее ему просто привиделось. Завидуют девчата, вот и сплетничают.

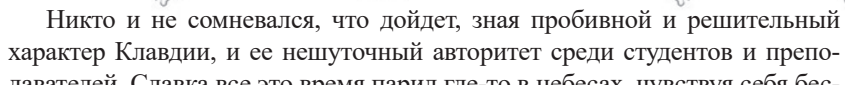
Сентябрь пролетел в хлопотах по подготовке свадьбы. Зинка настояла на покупке в салоне для новобрачных темного, строгого костюма, хотя Славка долго упирался, объясняя, что костюмов он не любит и не носит, а предпочитает джинсы и куртки. К тому же в пиджаке жарко, а погода, несмотря на осень, стояла на удивление сухая и теплая.

- Ты не прав, миленький, - уговаривала его невеста, - такой день бывает раз в жизни: только темный костюм, и только с белой рубашкой! Тем более ты и галстук приобрел.

И Славка согласился. Потом долго, в течение нескольких дней, рыскали по городу, разыскивая подходящие туфли для невесты. На окраине города, в каком-то сельмаге отыскали, наконец, то, что нужно. Клавдия обещала окончательно утрясти вопрос с отдельной комнатой в общежитии.

- Никуда он не денется! - имея в виду коменданта, заявляла она. – Все-таки пятый курс и с деканом согласованно заранее. Если надо, я и до ректора дойду.

Никто и не сомневался, что дойдет, зная пробивной и решительный характер Клавдии, и ее нешуточный авторитет среди студентов и преподавателей. Славка все это время парил где-то в небесах, чувствуя себя бесконечно счастливым и просветленным. Его душа пела: еще бы – любимая девушка становится его женой, с которой ему предстояло прожить долгую и прекрасную жизнь. Бог даст, будут и детишки: хотелось бы двоих – мальчика и девочку. Он как-то попытался говорить об этом с Зинаидой, но она свела разговор к шутке, сказав, что не торопится вешать себе на шею хомут. Он помрачнел тогда и даже пытался обидеться, услышав такие слова от любимой. Но Зинка, видимо, почувствовав, что задела его самолюбие, поцелуями и дурашливыми просьбами о прощении маленькой, неразумной девочки, развеяла легкие тучки, возникшие в их отношениях.

В ЗАГС было назначено двадцать девятого, а накануне, в актовом зале деканат фармацевтического факультета проводил встречу пятого курса с представителями комитета здравоохранения, и руководителями предприятий и аптечной сети. Ожидая Зинаиду, Славка лежал в комнате на кровати и читал какой-то унылый детектив, то и дело, поглядывая на часы и чертыхаясь про себя на медленно бегущие минуты. Но время тянулось, как резина, а его любимая и желанная все не появлялась. Когда ждать стало совсем нелегко, Славка собрался и пошел в учебный корпус, где в актовом зале и проходила встреча. К его удивлению зал оказался пустым. Обеспокоенный и удивленный он двинулся назад в общагу, и тут на аллее наткнулся на группу спешащих куда-то девчат с фармфака. На вопрос: не видели ли они Зину, одна из девочек сказала, что Зинаида и еще несколько человек вместе с представителями работодателей и преподавателями отправились поужинать, кажется в ресторан или в кафе. Расстроенный, обиженный и ничего не понимающий Славка вернулся к себе в комнату, где лег одетым на кровать и, не зажигая света, предался мрачным размышлениям. Воспаленное воображение рисовало картины, разрывающие в клочья и сердце, и самолюбие. Появившийся к ночи Николай поинтересовался, чего он такой кислый и угрюмый, уж не заболел ли? Славка ответил, что здоров, но, видимо, видок у него был еще тот, и Николай, достав откуда-то из-под кровати припрятанную бутылку «Столичной», бодрым голосом предложил тянуть в последний раз за холостяцкую жизнь.

- Когда еще придется? Женишься – поймешь потом, что такое свобода!
- Еще, может, не женюсь!
- Ба! Опять буря в счастливом семействе. Ну, рассказывай, что случилось?

Выслушав Славку, Николай подвел итог:

- Дурь - все это! Чего ты на девчонку наговариваешь? Сам посуди, скоро институт кончать, где-то трудиться надо, а тут директора предприятий

приехали. Ты бы что, не пошел пообщаться с будущим начальством в неформальной обстановке? Пошел бы! Вот и девочки правильно сделали, что пошли. Давай, разливай, Отелло!

Выпили, закусив салом, привезенным Николаем из дома. Когда бутылка закончилась, Николай сбежал куда-то и, хотя было около одиннадцати, приволок вторую. Славка попытался было отказаться, все порываясь идти искать Зинаиду, но потом махнул рукой, и они за разговорами допили все до конца.

Утром Славка проснулся часов в пять. Голова крепко трещала от вчерашнего застолья, но он быстро поднялся и сбежал в душ. Горячие струи воды, хлеставшие по телу, постепенно привели его в чувство. Еще через пятнадцать минут, сжевав кусок Колькиного сала с хлебом и запив его молоком из пакета, купленным накануне, Славка отправился разбираться с Зинаидой. Необходимость – есть, конечно, необходимость, но поступать так с ним негоже. Могла бы и предупредить. Решительно постучав в дверь, он вошел в ее комнату. Зинаида лежала, отвернувшись к стене, и, похоже, спала, соседки ее не было: уехала на выходные к родителям. Славка присел рядом и осторожно, куда только делась его решительность, тронул ее за плечо.

- Зин, а Зин, ты спишь?

- Сплю! – буркнула, не поворачиваясь, Зинаида, и дернула плечом, стяхивая его ладонь. – Чего это ты, мой дорогой, вчера надрался так? Я даже добудиться тебя не смогла. Да еще бормотал что-то непотребное, ругался!

- А ты где была? Я весь институт оббегал, тебя разыскивая, – огрызнулся в ответ Славка и, помолчав секунду, ядовито продолжил, - Ну, как там кабак, шумит родимый?

Зинка резко повернулась и посмотрела ему в лицо, сверкая глазами.

- Чего глядишь, мне ваши девчонки вчера доложили, куда и с кем вы отправились после такой интересной встречи.

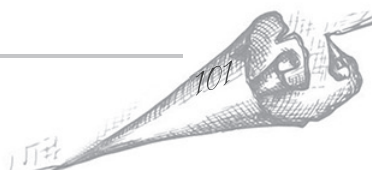
Зинка промолчала, потом резко отвернулась к стене и сказала, как выстрелила:

- Уходи!

Славка сначала не понял, до него не сразу дошли ее слова, потом внезапно догадался, что очень сильно обидел ее своими гнусными подозрениями, и сам напугался того, что произошло. Он долго молчал, а потом, наконец, выдал из себя:

- Зин, ну, ты что? Я же так. Ты тоже понять должна. Мне ведь обидно: завтра регистрация, а тебя нет. Ну, Зин, - он потряс ее за плечо, - ну, прости! Ну, хватит дуться!

Зинка полежала еще с минуту, отвернувшись к стене, а затем медленно повернулась к нему:

- Дурак ты! Люди приехали работу предлагать после института, разве это – плохо? Ну, поужинали вместе, пообщались, чего тут такого. А ты, нажрался, как свинья, да еще какие-то нелепые претензии выставляешь.

- Зин, не надо! Бывает. Ты уж прости меня, затмение нашло. Давай, забудем все. Ну, прости!

- Вот именно, что затмение. Пусти, я встану.

Славка поднялся, и Зинаида выскользнула из-под одеяла. Увидев ее точеную фигуру, обтянутую шелком комбинации, Славка потянулся к ней, чувствуя себя последней сволочью, и она позволила обнять себя. Все сомнения, обиды и приступы ревности через секунду куда-то улетучились, бесследно испарились, и Славка вновь был счастлив.

- Ну, что, дурачок, будешь еще ревновать? – спросила Зинка, ероша ему волосы на голове. – Будешь?

- Не, - блаженно улыбаясь, зажмурился Славка, - не буду!

- Ладно, не приставай! Ну, кому говорю, не приставай, собираться надо, дел много. Какой ты все-таки настырный! погоди, я сама... Ну, что же ты так торопишься...

Спустя полчаса, усталые и помирившиеся окончательно, они договорились, кто, чем займется до предстоящей регистрации, еще раз обсудили меню свадебного вечера и прочие другие, не менее важные вещи. Потом появилась Клавдия и решительно отправила Славку к себе, чтобы не мешал заниматься делами, условившись, что они с невестой подойдут к половине второго в вестибюль Дома бракосочетаний, а он их будет ожидать там вместе со свидетелями.

- Топай, топай, не задерживайся!

- Только не опаздывайте, - попросил повеселевший Славка.

- Не бойсь, на такие мероприятия не опаздывают, - сказала Клавдия и вытолкала его за дверь

Уже в начале второго Славка, обряженный в костюм и белую рубашку с купленным еще у родителей галстуком, потел на крыльце дома регистраций браков, рождений и смертей. В руках он держал букет красных роз, чувствуя себя на глазах у прохожих ну если не полным идиотом, то слегка тронутым. Смущенный их повышенным вниманием к своей персоне, он безуспешно пытался спрятать цветы за спину, так, чтобы не было видно. Люди, однако, все происходящее у них на глазах понимали и воспринимали по-доброму. И, догадываясь, что перед ними самый, что ни на есть, настоящий жених, улыбались, кто открыто, кто с завистью, а возрастом постарше и с потаенной печалью немало повидавших на свете людей. Собиралась гроза, редкая в такое время года. Черные, рваные тучи потихоньку затягивали небо. Николай и еще пара ребят с курса сидели в стороне, на лавочке под тополями, покуривая сигареты и наслаждаясь от-

носителем прохлады набирающего силу ветерка, а он, как заведенный, ходил из стороны в сторону, пытаясь унять волнение и какую-то неясную тревогу. Подходили приглашенные, здоровались, поздравляли. Славка улыбался в ответ, рассеянно отвечал на приветствия и все вертел головой, пытаясь определить, откуда же появится невеста. К половине второго волнение Славки усилилось до нервной дрожи, а недобрые предчувствия сжали сердце, будто тисками, мешая дышать. Подошедший Николай попытался как-то успокоить товарища:

- Чего ты мельтешишь, придут, никуда не денутся!

Славка в ответ промолчал, глядя незрячими глазами куда-то в пространство, и отвернулся от друга, ссутулив плечи. Ударил гром. Первые капли влаги упали на горячий бетон крыльца, и уже через минуту небеса разверзлись холодными струями воды, смывая пыль с асфальта и наполняя воздух озоновой свежестью. Гости попрятались в вестибюль, а они с Николаем остались на крыльце, под бетонным козырьком. В два появилась сотрудница ЗАГСА, но ее попросили подождать: ливень же хлещет – поэтому невеста опаздывает. Та начала было возмущаться, что у них очередь, но ее быстро уговорили молодые и веселые студенты. Сотрудница махнула рукой, строго предупредив, что ждать будет не более пятнадцати минут, и скрылась в зале бракосочетаний, решив, что до окончания грозы следующие пары вряд ли появятся.

Выбежавшая внезапно из-за угла здания Клавдия под огромным, цветастым зонтом, не сбавляя хода, влетела на крыльцо. Она страхнула с намокшего подола болоньевого плаща воду, и на какое-то мгновение застыла перед Славкой, не зная, видимо, с чего начать. Она молчала, подняв к нему лицо, а дождевые капли слезами стекали по ее горящим пламенем щекам. Славка мгновенно все понял: никакой свадьбы не будет, как не будет и той жизни, о которой они вместе с Зинкой мечтали долгими вечерами. Не будет никаких детей, и теплого семейного гнездышка, а дальше жить придется с этой болью и стыдом, которые постепенно охватывали все его существо, больно сжимая горло и почти отключая реальность. Глаза против его воли наполнились непрощенными, злыми слезами, и он резко тряхнул головой, сжимая зубы и пытаясь сдержать рыдания. Стоявший рядом Николай тронул его за плечо и виновато произнес:

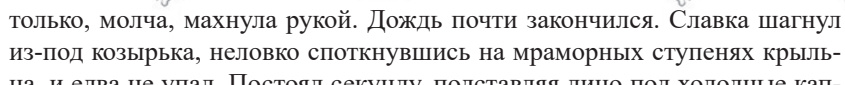
- Ты, это, извини, старик, я тебе вчера не успел сказать. Замотался, понимаешь.

Славка поднял мокрое то ли от слез, то ли от дождя лицо и посмотрел товарищу в глаза.

- Там один из директоров, ну, которые приезжали, был тем самым инженером из Ирбита. Ну, помнишь, слухи ходили. – Николай сделал паузу. - Скажи, Клавдия, ты же в курсе!

Николай повернулся к комсоргу за поддержкой, но та отвернулась и

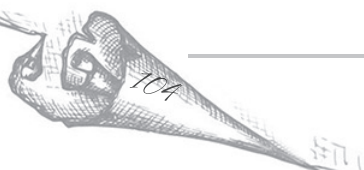

только, молча, махнула рукой. Дождь почти закончился. Славка шагнул из-под козырька, неловко споткнувшись на мраморных ступенях крыльца, и едва не упал. Постоял секунду, подставляя лицо под холодные капли, срываемые ветром с карнизных сливов. Потом глубоко вздохнул и, не оборачиваясь назад, быстро пошел прочь, прямо по проезжей части дороги, не обращая никакого внимания на пролетающие мимо в фонтанах брызг и резко сигналившие автомобили.

- Куда ты, Слава, зонт возьми! – закричала вслед ему Клавдия, но Славка не остановился. Он брезгливо отшвырнул в сторону розы, и почти бегом скрылся за белой завесой, поднимающегося от нагретого солнцем асфальта, тумана.

Бурлящий и пенный поток воды из оцинкованной, водосточной трубы подхватил букет и потащил его поперек тротуара, обрывая с бутонов алые лепестки. За дорожным бордюром мятые цветы подхватил, уже набравший силу, мутный и полноводный ручей и, протаскив их метров десять, бросил на чугунную решетку водоприемного колодца, где их окончательно растерло колесо промчавшегося мимо такси.

2 марта 2005 г.

Баня

Март удивил внезапно наступившей оттепелью. Снег на обочинах дорог потемнел, стал рыхлым и ноздреватым, а после ночных заморозков хрустел под сапогами, рассыпаясь мелкими осколками. Влажный, повесенному ласковый, ветерок уже не обжигал лица, и шелушащаяся, обмороженная кожа Женькиных щек с благодарностью принимала его нежные прикосновения. Чувствовалось, что скоро наступит настоящая весна, зажурчат ручьи, набухнут почки на березах, и батальон, наконец-то, отправится к месту постоянной дислокации, так как в половодье на строительстве моста практически делать нечего. В это время года желдорбат учится, а учиться положено в классах, стрелять - на стрельбище, и жить в нормальных казармах. Армия – все-таки, а не просто стройбат. По утрам, как положено – построение и развод, сапоги, как требует устав – начищены, и крылатая эмблема на петлицах располагает к этакой народной философии. По совести сказать, на петлицах не крылышки, а рессоры, но девушкам на танцах обладатель таких петлиц всегда будет рассказывать, что служит не где-то там, в Тмутаракани, в задрипанном мостовом железнодорожном батальоне, а, как минимум, в секретной части подводной авиации главного командования. Благо якорь в эмблеме тоже имеется. Женька шел и отдыхал, никакие мысли не тревожили утомленное сознание, и только стриженный затылок с удовольствием воспринимал тепло ласковых солнечных лучей. Наконец-то можно было не ежиться, не прятать голову в воротник шинели, и не бояться, что отморозишь уши.

Нынче была суббота, и после еженедельного, вечернего собрания офицеров, которое по уставу проводил комбат или кто-то из заместителей, можно было расслабиться, сходить в баню, попариться и попотеть, а потом посидеть в компании за преферансом, и, как водится, не в сухую. Собственно, Женька и шел туда, на собрание, а попросту - на «брехаловку», по дороге вдоль железнодорожной насыпи, скользя по раскисшей каше из грязного снега и глины, и чувствуя, как в сапогах противно прилипли к ступням намокшие носки и портянки. После обеда он отстрелял по отметкам оголовки забитых за день свай, сделал запись в журнале геодезического контроля, поболтал, выкурив по паре сигарет, с приятелем Сашкой Ворошниним, командиром копрового взвода, и сейчас с чувством выполненного долга возвращался в расположение батальона, на станцию Пельым. Миновал ряды двадцатиместных, с дощатыми, утепленными опилками завалинками палаток, в которых квартировали роты, он подошел к стоящему чуть поодаль, за железнодорожными путями,

двухэтажному брусчатому домику, оставшемуся батальону в наследство от бесследно исчезнувших в небытие жителей, когда-то довольно многолюдного поселка. Дом подновили, вставили стекла в рамы, поправили печи, и получилось вполне пригодное для вахты жилье. Постояв, минут пять у подъезда, и, выкурив еще одну «Яву», он поднялся по скрипучей, деревянной лестнице на площадку второго этажа, и, решительно открыв дверь, шагнул внутрь. Командный состав родного батальона был почти в сборе. Женька ответил кивком головы на приветствия сослуживцев, скинул шинель на ободранную, железную спинку кровати, и, привалившись к стене, закрыл глаза. Спать ему хотелось всегда, но почему-то не ночью. Ночью приходили воспоминания о прошлой, городской жизни, о друзьях, с которыми прожил почти всю сознательную жизнь, и о подругах, которых так и не удалось приласкать, как следует. Усталость после дневной беготни сморила его, перед глазами замелькали цветные пятна, руки и ноги начали приятно тяжелеть. Он почти отключился, но, прозвучавшая неожиданно и громко, команда замполита: «Товарищи офицеры!» заставила его очнуться, не открывая глаз, подняться на ноги и встать по стойке смирно. Вошедший комбат, молча, махнул рукой, предлагая всем сесть, и, сняв шинель, повесил ее на вешалку возле двери. Вешалки, как таковой, не было, но мужики повесили кусок ватмана, чтобы не пачкать шинели о побелку, и забили десяток гвоздей на двести. На них не то, чтобы шинели нельзя было повесить, но и самому при желании можно было повеситься. Не открывая глаз, Женька вновь удобно расположился на кровати, готовясь подремать под скучные разговоры о плане, и показателях. Начатый начальником штаба Стешенковым разговор о том, что в ротах упала дисциплина, и участились самоволки, был для Женьки пустым звуком: он работал в штабе и подчиненные его, двое ребят, окончивших институт и призванных на год, пользовались самыми широкими правами и льготами, не привлекающими пристального внимания штабных начальников. Занимались они чисто инженерной работой: готовили месячные графики, сметы и, вообще, были на подхвате, так как дел у производственного отдела в мостовом батальоне хватало. Особенно, когда наезжал главный инженер бригады полковник Кривякин. «Кравченко! – орал он с порога. – Где график монтажа пролетов? Опять в батальоне полнейший бардак!» «Никак нет, товарищ полковник! График у вас за спиной». Женька указывал на противоположную стенку и с удовольствием наблюдал, как багровая физиономия главного инженера, наконец-то приобретала нормальный оттенок. К тому же, ребята в настоящий момент находились на центральной базе, в Советском, и быть предметом разборок начштаба не могли. Женька пригрелся, ощущая спиной, как приятно проникает в него тепло натопленной печки, и опять незаметно уснул. Ему снилось жаркое, в полном разгаре лето, река, на которой он вырос, и кареглазая, быстро-

ногая девочка Маша, за которой он безуспешно пытался ухаживать еще с девятого класса. Взаимностью, на его возвышенные чувства, эта симпатичная и гордая особа не ответила, и сразу же, после школы выскочила замуж за другого, оставив в юной душе легкую досаду, и надолго породив некоторую опасливость в обращении со слабым полом. В прошлом году, когда ему удалось съездить в отпуск на родину, он встретил ее, гуляющую по скверу с детской коляской, в которой спал прекрасный, розовощекий малыш, с не менее красивым именем Аркадий. Поболтали о том, о сём, о знакомых ребятах: кто, где, и чем занимается, вспомнили классную руководительницу их одиннадцатого «а», огненно рыжую и властную женщину и разошлись. Глаза у Маши были уже не такими озорными, как в их далеком детстве, а подернулись какой-то дымкой, за которой угадывались заботы Женьке абсолютно не понятные. К его удивлению, вопреки ожиданию, в душе ничего не дрогнуло, сердце продолжало биться ровно, и через час, в компании приятелей он и вовсе забыл об этой встрече, которой так долго ожидал...

...Сквозь сон Женька внезапно почувствовал, что кто-то довольно бесцеремонно трясет его за плечо. Он открыл глаза и приготовился дать достойный отпор нарушителю покоя, но почти мгновенно пришел в себя, услышав:

- Выспались, товарищ лейтенант? – голос комбата был как всегда зычен, но угрозы в себе не нёс.

- Да, я не спал, товарищ майор, - начал бормотать, оправдываясь, еще не проснувшийся окончательно Женька, но комбат только махнул рукой, приказывая примолкнуть.

- Осталось решить один вопрос, господа офицеры. Докладывайте, капитан, - комбат уселся на табурет и достал папиросы.

Поднявшийся начальник штаба доложил, что согласно разнарядке, поступившей из отдела кадров бригады, необходимо направить на учебу в город Ленинград, на центральные офицерские курсы железнодорожных войск одного, но во всех отношениях достойного, офицера. Срок обучения – два месяца. Командование части надеется на сознательность и серьезное отношение кандидатов к данному вопросу. Ну, а, в общем – кто желает? Вместо восторженных криков и выросшего леса рук желающих, в комнате повисла гробовая тишина, такая, что стало слышно, как тикает будильник на тумбочке у зампотеха. Молчание явно затягивалось, но желающих ехать так и не объявлялось. Да и то сказать: зимой люди месяцами не бывали в семьях, не видели ни жен, ни детей, большинство времени, проводя на трассе. Шла горячая пора строительства моста через Пелым. А тут нужно было снова уезжать на целых два долгих месяца. От такой кочевой жизни у господ офицеров частенько случались крутые

разборки с умирающими от скуки и почти поголовно бездельничающими, в связи с отсутствием в поселке работы, женами. Замполит то и дело воспитывал кого-то из подчиненных за учиненные скандалы, но куда деваться. Бабы, оставаясь надолго без мужиков, сатанели и пускались во все тяжкие. Даже дети не останавливали. Так что, предстоящая поездка в город-герой Ленинград мало кого прельщала. Тем более что через две недели, батальон на период летней учебы передислоцировался к месту постоянной службы, на базу, в Советский.

Комбат оглядел присутствующих, закурил, прокашлялся, вновь крепко затянулся, но вопрос так и остался висеть в воздухе:

- Так, что, нет желающих? – снова надсадно прокашлялся, комбат. Все, затаившись, молчали, пряча глаза и стараясь не встретиться взглядом с командиром. – Ну, что же, товарищи офицеры, тогда я принимаю решение сам, - он сделал паузу, затушил в пепельнице папиросу и, остановив взгляд все прекрасно понимающего в ситуации человека на Женьке, продолжил. – Поедет... поедет лейтенант Кравченко!

Женька от неожиданности чуть не брякнулся с кровати на пол. Напряжение, возникшее минуты назад в комнате спало, все, облегченно выдохнув, загомонили, с ухмылками поглядывая на Женьку, но тут вновь поднялся начальник штаба.

- Товарищ майор, лейтенант Кравченко через пять месяцев демобилизуется, и я не считаю целесообразным посылать его на учебу.

- Это еще почему? – недовольно спросил комбат, и с интересом посмотрел на капитана.

- Я считаю, что учить надо кадровых офицеров, тех которые будут служить и дальше, а Кравченко – двухгодичник, да к тому же в службе за эти полтора года ничем себя особенно не проявил. И дисциплина у него – не того, - пояснил начальник штаба, намекая на случай, произошедший прошлым летом на Северной ветке. А произошло там следующее. Два взвода третьей роты производили облицовку береговых опор моста на пятьдесят втором километре трассы, когда у командира одного из взводов Бори Панкратова родился сын, и о чем ему тут же радостно доложил связист, получивший известие из Советского. Захотелось, естественно, отметить, но – где взять, тайга вокруг? И тут Женьке, который вел на стройке геодезический контроль, пришла идея, как кардинально и быстро решить эту проблему. Вместе с Борисом, вооружившись двумя автоматами Калашникова, кроме уже висевших на ремнях портупей кобурах с пистолетами – тактико-специальные учения все-таки, оружие должно находиться на руках – рванули на вездеходе в только что развернувшийся леспромхоз в крошечном поселке Агириш, километрах в двадцати к северу. Там отыскивали начальника ОРСа этого самого леспромхоза и бесцеремонно

подняли его с кровати. Наговорив последнему кучу всяких ужасов, что, мол, боец случайно ранен в ходе учений, нужно срочно оперировать, и так далее, потребовали две бутылки спирта. Тот сначала отказывался – ночь на дворе, мол, склады опечатаны – но потом сдался под напором обвешанных оружием балбесов, поднял с постели недовольную кладовщицу, и выдал-таки со склада испрашиваемый товар. Вооруженные до зубов вояки, довольные результатом стремительно проведенной операции, к полночи вернулись в вахтовый поселок и почти до утра отмечали рождение нового гражданина нашей необъятной Родины. Потом этот случай как-то дошел до командования, может, начальник ОРСа или кладовщица проболтались где-то, и виновников ночного марш-броска незамедлительно вычислили.

- Вы бы еще на танке в поселок приехали! - орал начштаба, - Додумались, господа офицеры, мать вашу! Что о нас гражданское население думать будет? Бандиты!

В итоге, они на пару с Борисом получили по пять суток от командования и сомнительную, но широкую популярность среди сослуживцев, да и простого, мирного населения. При встречах, ребята из соседних частей не раз просили пересказать обросшее слухами и подробностями приключение, что, надо признать, тешило самолюбие героев. Вот сейчас начштаба и вспомнил о том подвиге, казалось бы, давно канувшим в вечность. В душной, прокуренной комнате вновь повисла тревожная тишина ожидания. На кого укажет перст судьбы?

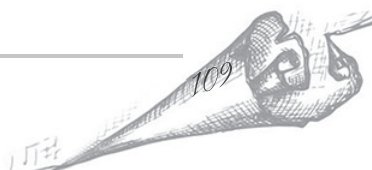
- А чем он себя таким особенным должен был проявить? – раздался голос комбата, в котором явственно звучали ехидные нотки.

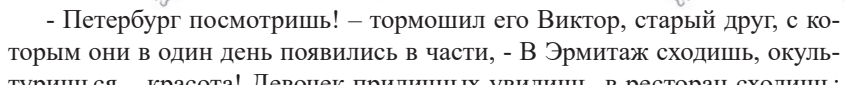
Надо сказать, что он не особенно жаловал начштаба, человека чересчур усердно следующего всем буквам и параграфам в армейских уставах.

- Все мы тут себя, в чем можем, проявляем, - продолжил комбат, - только начальство, почему-то, награждать не спешит. Людям к семьям надо, Николай Павлович, да и летнюю учебу в батальоне налаживать не за горами. Кто этим заниматься станет, если мы командиров взводов и рот от подчиненных освободим? А Евгений Александрович – человек молодой, ему в жизни все пригодится. А, потом, кто его знает, может быть и армейскую лямку когда-то тянуть придется, не дай, конечно, бог. Так, что, вопрос решен! Собирайся Евгений, ночным поездом поедешь на базу, документы тебе замначштаба приготовит.

Комбат поднялся, показывая, что собрание окончено. Вновь прозвучала команда: «Товарищи офицеры!», и приятели обступили Женьку, высказывая, кто слова соболезнования, а кто – скрытой зависти. Ну, понятно, Питер – это все-таки не Советский.

- Да, ладно! – отбивался Женька. – Сами, черти, не хотели! Я, ведь, не напрашивался!

- Петербург посмотришь! – тормошил его Виктор, старый друг, с которым они в один день появились в части, - В Эрмитаж сходишь, окультируешься – красота! Девочек приличных увидишь, в ресторан сходишь: завидую я тебе.

- А, чё, сам-то не поехал?

Виктор только отмахнулся от товарища. Он за эти полтора года женился, и Женька прекрасно знал, что у него месяц назад родилась дочь, которую тот толком и не видел, и уезжать от молодой жены с малым дитем на руках было, естественно, бессовестным преступлением: печку надо топить, воду – таскать, да и по хозяйству где-то помочь. Щитовые домишки, прозванные в народе щелевыми за постоянно гулявший внутри помещений холодный ветер и в которых проживали семейные, никаких удобств не имели, даже воду подвозили водовозкой, которую иной раз приходилось довольно долго дожидаться. И отлучиться нельзя – без воды останешься.

После ужина Женька собрал свои немногочисленные пожитки в рюкзак, посмотрел, как друзья, расчертив на столе ватман, азартно играют в преферанс, и отправился к ночному подкидышу, так называли местный поезд Свердловск - Приобье. В темном и холодном общем вагоне он устроился на верхней полке, чтобы лишний раз не тревожили. Не снимая шинели и сапог, бросил под голову рюкзак, и уже через минуту крепко спал. Ему вновь приснилось лето и юная девочка Маша в светлом, пестром сарафане. Потом во сне странным образом появился чем-то недовольный начштаба, и начал выговаривать Женьке за то, что тот ведет себя недостойно и что пора браться за ум, а затем все кануло в темноту до того момента, как он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

- Кто? Что? – сел на полке Женька, больно треснувшись головой обо что-то, и ничего не соображая спросонья.

- Советский, касатик, выходить пора, - проводница двинулась по вагону дальше поднимать таких же, скрючившихся во сне от холода, бедолаг.

Утром, досмотрев уже в собственной кровати прерванный проводницей сон и приведя себя в порядок, он явился в часть, где, плотно позавтракав в офицерской столовой, направился в штабную канцелярию.

- Привет, Жень! – приветливо протянул руку сидевший за письменным столом помощник начальника штаба старший лейтенант Суровцев. – Какими судьбами? Да, ты садись!

- А ты, будто, не знаешь?

Суровцев знал все, или почти все, по долгу службы, но знаниями этими дорожил, как зеницей ока и никогда не торопился делиться ими с другими. И то сказать: секретка была в его полном подчинении. А хранить

секреты у нас всегда умели, сболтнешь лишнее – и в лагерь! Работающие в части жены некоторых офицеров давно хотели открыть для себя личные дела мужей, где хранились интимные и прочие подробности их службы, но Коля Суровцев стоял на страже армейских секретов, как Цербер на страже ворот в Аид, и добиться от него чего-нибудь определенного было практически невозможно. Личностью он был, можно сказать, легендарной. Однажды, после очередных тактико-специальных учений, которые проводили в Советском, остался ящик не использованных взрывпакетов, по пятьдесят граммов тротила в заряде. Обычно, руководители учений бросали эти самые шашки в гущу учебного боя, для придания игре правдоподобия, ну, и для воспитания в бойцах привычки не реагировать на всяческие взрывы, а выполнять поставленные задачи. Так вот, Коля Суровцев взялся уничтожить этот ящик, тем более он всегда подчеркивал в разговоре свои недюжинные познания в области взрывного дела. Комбат согласился безо всяких сомнений: человек подкованный, учился на специальных курсах. Коля быстренько сел за расчеты, что-то там долго рисовал в тетради, а потом приказал бойцам тащить ящик за ближайший бугор, неподалеку от главного корпуса строящегося депо. Воткнули в шашку детонатор, протащили провода, сами спрятались за деревянную градирню компрессорной и бабахнули. Видно Коля чего-то не досчитал, потому что все стекла со стороны взрыва в окнах депо вылетели. Что тут началось! Комбат матерился так, что даже у бывалых служак уши вяли. На носу была сдача объекта, а тут! Пришлось всем составом батальона в кратчайшие сроки заново стеклить окна, а Коля приобрел огромную популярность среди сослуживцев. Правда, уничтожать оставшиеся от стрельб и других занятий боеприпасы ему уже не доверяли...

- Да, знаю. Повезло тебе!

- Что вы все заладили: повезло, да повезло! Я что напрашивался, что ли? Сам бы вот и ехал!

- Я в позапрошлом году был, - мечтательно закатил глаза старлей, - красота! Ты не кипятись Женька, а послушай старшего и опытного товарища.

- А что мне тебя слушать, Вова, не комбат, чать! Гони, давай, документы – некогда мне с тобой лясы точить! Дел еще по горло!

- Фу, какой вы грубый, товарищ лейтенант и не сдержанный! Нет в вас должного уважения к старшим товарищам – обиделся, было, Коля, но, подумав, вновь мечтательно улыбнулся чему-то своему, и приказал старшине выписать Женьке командировочное предписание и выдать проездные документы.

Потом Женька отправился в бухгалтерию, где получил огромную сумму, аж восемьсот рублей. Таких огромных денег он не держал в руках с

тех далеких пор, как трудился на благо нашей необъятной страны в северном магаданском крае, на берегу студеного Охотского моря, в составе доблестного студотряда, в те незабываемые времена, когда еще учился в строительном институте.

- Не посеи! – предупредил его главбух. – В дороге всякое бывает. А лучше в трусы зашей. Подальше положишь – поближе возьмешь!

- Что, вы все меня сегодня учить взялись? Некого что ли больше? И учат, и учат! Деться некуда! – вскипел Женька, но Виктор Матвеевич махнул рукой, указывая на стул: сядь мол.

- Во-первых: старшим грубить нельзя, а во-вторых, примолкни, послушай ветерана!

Полчаса он рассказывал Женьке про Питер, и про то, что нужно делать, когда тебя остановит столичный патруль, а ты одет не по форме.

- Это тебе не наша деревня: зазевался – получи! Денек на плацу у коменданта промаршируешь, сразу все уставы и наставления припомнишь. Не гляди, что в патруле лейтенант старшим – они там все борзые, основное в жизни – следующую звездочку к погону прицепить. Так что держи уши на макушке! Фуражку захвати, весна там ранняя! Но и теплое белье не забудь. Это у нас при морозе тихо, а там ветерок – гнусный и злой: так, бывает, прохватит, что только держись!

Женька едва отбился от главбуха. В.techчасти он передал проездные документы служившему у него в подчинении младшему сержанту и, вызвав дежурную машину, приказал тому срочно гнать в аэропорт за билетами. Ехать нужно было через Свердловск, потом – самолётом..

- Билеты пусть в общагу принесут. Я пойду собираться, а то и так тут без толку полдня отираюсь!

- Будет сделано, товарищ лейтенант, не сомневайтесь!

- Ладно, поезжай, а то скоро обед, касса закроется.

На обеде Женька выпросил для своей поездки вполне приличный, кожаный чемодан у Жоры Гуглии, веселого грузина из Кутаиси, парадную форму у замполита первой роты Лёвы Шварцера, и, аккуратно сложив в чемодан все это добро вместе с фуражкой и теплым бельем, успокоился. «Спасибо Лёве, не в полевой же форме по городу шарахаться!» Полученные вначале службы отрезки на парадные шинель и костюм он по совету старых вояк своевременно загнал по дешевке служившим в части женщинам: и то – материал был добротным, а на детях, как обычно, все горело огнем. Деньги давно канули в вечность, но и парадная форма в тайге не понадобилась до нынешней okazji. Лёва хоть и был евреем, но на еврея не походил ни внешностью, ни приписываемыми этому древнему народу пороками. Жадность, по крайней мере, была ему абсолютно неприущей чертой. Женька бы, вообще, никогда не узнал, что он – еврей, если бы не одно партсоборание! Красивый, статный, розовощекий парень, Лёва всег-

да был душой их компании. А тут замполит, читая списочный состав парторганизации, обмолвился, что среди прочих национальностей в ее рядах есть и один еврей. Женька, сидевший в клубе рядом с Лёвой, по простоте душевной спросил, а кто это? И, услышав ответ внезапно покрасневшего Лёвчика, удивился несказанно, и почувствовал себя как-то неловко, короче, последним болваном. Вот, поди ж, ты, интернациональная держава, а как въелся в мозги через многие поколения дух черных сотен. Да и то: Бабеля в школе не преподавали, и о Мандельштаме мало кто слышал, как, впрочем, и о Капустном Яре. И стыд еще долго шевелился червячком в душе Женьки.

Лететь нужно было завтра рано утром, времени впереди была прорва, и он, накинув на плечи шинель, отправился в поселковую парикмахерскую, где работала его девушка, Люда Свиридова, тем более, что рабочий день заканчивался и других неотложных дел не намечалось. С Людой он был знаком уже больше полугода, и уехать просто так, не попрощавшись, считал верхом неприличия. Познакомились они в одной компании в марте, и с тех пор, как только выдавались свободные минуты, Женька старался сбежать из общаги от шумной и почти всегда развесёлой компании своих приятелей к тихой и рассудительной Людмиле. С ней можно было поговорить о чем угодно, девчонка она была неглупая и начитанная, и отдохнуть, наконец, от надоевших до чертиков армейских будней, попивая чай у телевизора в компании ее мамы. Но такие минуты случались крайне редко. Они даже не сами и познакомились, а их познакомил Матвеевич, бывший клинья под старшую сестру Людмилиной подруги Гали. Раньше за Людмилой пытался ухаживать служивший на должности Женьки, но уже уволившийся к его приезду со службы москвич Валера Пангаев. Даже женится предлагал. Но, что-то у них там не сложилось, и москвич уехал к себе в Москву один.

- Так, что, Жень, передаем тебе девушку по акту! – ёрничал Матвейчик.
– Да ты не сомневайся, девочка что надо! Пойдем на восьмое марта в гости – познакомишься. А то Пангаев удул в столицу, а девчонка без кавалера осталась. Придется тебе честь офицерского корпуса поддержать! Не дрейфь, самое главное! Девчонка она на язык острая, но ты не тушуйся – в атаку, и все будет нормально...

С тех пор прошло больше года, и Женька по настоящему влюбился, да и Людмила, кажется, отвечала ему взаимностью. Сначала у них все складывалось ох, как не просто. Не понравился он, видимо, сразу девушке. То ли физиономией, то ли характером, а может быть и всем вместе. Попытки Женьки шутить и заигрывать с девушкой пресекались на корню. Месяца два он мучился, и уже было решил прекратить бесперспективные отношения, но тут, на каком-то очередном свидании все изменилось. То

ли его настойчивость сделала свое дело, то ли ей надоело одиночество, но появилась между ними какая-то искорка. А дальше, как обычно: встречи – расставания, слезы – поцелуи! Оставалась между ними какая-то недосказанность, но Женька надеялся, что со временем все придет в норму. Тем более, что после службы он решил остаться в Советском на пару лет, и подзаработать. Как раз, прошлым летом в поселке началось строительство деревообрабатывающего комбината, и работы было, хоть отбавляй.

Напрямую, через дворы он подошел к деревянному зданию гостиницы, где находилась парикмахерская, и открыл скрипучую дверь, оббитую обшарпанным коричневым дерматином.

- Здравствуй, Женечка! Проходи! - весело приветствовала его огненно рыжая, всегда улыбчивая толстушка Нина Еремина, напарница Людмилы, а та, занятая клиентом только кивнула, едва улыбнувшись уголками губ. – Садись, обслужу по первому разряду! Пошли, пошли, - потянула она Женьку к креслу, - не упирайся!

Женька, начал было отнекиваться, но потом подумал, что в столичный град нужно ехать, имея приличный вид, и согласился. Пока Нина трудилась над его головой, Людмила закончила работу и присела рядом на жалобно скрипнувший разохшимися ножками табурет.

- Привет! Ну, как ты? Давно приехал?

- Ночью.

- А чего с утра не позвонил?

- Да закрутился, дел было много. Спасибо, Нин! – он поднялся, оглядел себя в зеркале и, оставшись вполне довольным увиденным, подошел к Людмиле. – В командировку меня отправляют, на два месяца, такие вот дела.

- Куда это тебя, Женечка, засылают? – заинтересовалась Нинка.

- В Питер, на курсы.

- Вот, красота-то! Из нашей дыры и – в Питер! Везет же некоторым: в театр сходишь, в Эрмитаж, в музей восковых фигур. Невский увидишь, Неву. Я вот всю жизнь мечтаю в Петродворце побывать, на фонтанах, да все никак не удастся.

Женька не ответил и посмотрел на Людмилу. Услышав такие новости, она, конечно, расстроилась, но не показала вида, хотя глаза ее и затянуло тучками. Еще бы, и так они виделись не чаще раза, двух в месяц: все трасса, да трасса, а тут поклонник исчезал и вовсе надолго.

- Приказ – есть приказ! – виновато пожал плечами Женька. – А ты, Нин, не горюй, какие твои годы, еще увидишь и Петродворец, и Эрмитаж. И в этом, как его, музее мадам Тиссо побываешь.

- Когда это еще будет? А музей мадам Тиссо, Женечка – в Париже, а не в Ленинграде. Ну, ладно, ребята, я побежала! – уже одетая Нина направилась к двери. – Счастливо тебе, Жень, до встречи!

- До свидания! – Женька снова повернулся к Людмиле. – Ты не злись, пожалуйста, и не раскисай, пока то, да сё, я уже назад вернусь.

- Когда летишь?

- Завтра. Да ты не расстраивайся так.

- А я и не расстраиваюсь! – обиженно отвернулась девушка, но Женька решил, что пора действовать, подошел, обнял Людмилу за плечи, повернул к себе и поцеловал.

- Ну, что ты, моя маленькая, - он крепко прижал к себе тоненькую фигурку, пахнущую так знакомо и всегда волнующе, - ну, прекрати, я же тебя люблю!

- Да, люблю! А сам уезжаешь, - вздохнув облегченно, улыбнулась девушка сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы. – Писать-то хоть будешь?

- Конечно, буду, - он снова поцеловал ее, - и скучать тоже.

- Знаем мы вас мужиков: только за порог и уже за чужой юбкой волочитесь!

Женька возмущенно запротестовал, но Людмила, взерошив ему волосы, и поцеловав в лоб, выскользнула из объятий, и пошла одеваться в каморку, где хранилась всякая всячина, и где они с Нинкой пили чай в свободные от работы минуты.

- Побежали скорее! Я и забыла: мама звонила, сказала, чтобы не задерживалась, она пирог рыбный приготовила. Побежали, а то остынет!

Они вышли из парикмахерской, заперли двери, и, взявшись за руки, двинулись в сторону железнодорожного вокзала, где в деревянном ларьке на привокзальной площади можно было купить вполне приличное, сухое болгарское вино...

Аэропорт Пулково встретил Женьку мокрым снегом и ледящим ветром, который, прямо-таки, гулял под шинелью. Хотя на улице было больше минус пяти, через несколько минут ожидания на остановке он окончательно продрог, и еще долгое время, трясясь в рейсовом автобусе по пути в город, не мог согреться. Час пути на электричке с Варшавского вокзала, две остановки маршруткой до нужного адреса в Новом Петергофе, и вот – он уже перед КПП учебного центра железнодорожных войск. Территория центральных курсов, огороженная высоченным деревянным забором, окрашенным в грязно-зеленый цвет, видимо, для маскировки, занимала гектаров десять. Несколько красных, кирпичных пятиэтажек и корпусов поменьше были разбросаны тут и там, разделенные заснеженными аллеями и площадками для строевых занятий.

- Вам туда, товарищ лейтенант, - показал рукой в окно дежурный, просмотрев предъявленные документы, - на второй этаж, в канцелярию.

Женька подхватил чемодан и направился в указанную сторону. В канцелярии низенький, лысоватый подполковник приказал молодцеватому

старшине, видимо сверхсрочнику, оформить Женьке ордер на поселение, и выдать продовольственный аттестат в столовую.

- Самое главное, лейтенант, не пропускать занятий и не напиваться до соплей! А все остальное приложится, - напутствовал майор на прощанье, рассказав, где находится офицерское общежитие. – Там пол здания для прапоров, ну, а во второй половине такие же, как ты, бедолаги. Подъем – в семь, отбой – в одиннадцать, ночевать желательно у себя в комнате, а не в городе у баб. Все понятно?

- Так точно!

- Ну, если все понял, лети, голубь!

Еще через полчаса, окончательно устроившись в общежитии, Женька отправился в столовую на обед, где, с аппетитом потребляя борщ и котлеты, за столиком познакомился с двумя молодыми лейтенантами из Харьковского корпуса, прибывшими накануне. Одного звали Виктором, а другого – Володей. Узнав, в какой группе он будет учиться, они наперебой начали делиться с Женькой разведанными за сутки подробностями будущей учебы и жителя-бытья.

- Тебе после обеда нужно в учебную часть сходить, доложить. Занятия начнутся завтра, а сегодня нужно это дело отметить. Тут в Старом Петергофе, возле фонтанов, есть пивной бар, вполне приличный, как ребята рассказывают, посидим вечером для знакомства, так сказать.

- Это можно, заодно и оглядимся, что за народ тут обретается.

- Народ – как народ! Культурный, вежливый, особенно пожилые, - пояснил Владимир. – Блокадники, они жизнь ценят и тишину, все вежливые такие, не то, что в Москве. Там тебе на ногу наступят, и фиг, кто извинится. А тут адрес спросишь, так тебя чуть не за руку отведут.

- Ты давай, долго не задерживайся, – сказал Виктор – как вернешься из учебки, приходи к нам, комната двести восемь. А после ужина часов в семь и поедем.

Но Женька, поблагодарив новых знакомых за гостеприимство, отказался, и сделал по-другому: сходил в учебную часть, а потом, вернувшись в общежитие, лег спать. Дорога была долгой и утомительной. Сначала – почти сутки поездом. Потом пол суток он проторчал в аэропорту Кольцово города Свердловска, не было погоды. Аэропорт был набит битком, негде присесть, и он провел почти все время на ногах, и, хотя поспал в самолете часа полтора, усталость брала свое. Договорились встретиться на ужине.

Разбудил его раскатистый голос соседа по комнате, полного майора штабиста из Приморья:

- Подъем, молодой человек, вечер уже! Да и ужин скоро. Давайте знакомиться: Сергей Павлович, прошу любить и жаловать! А вы, лейтенант, откуда прибыли?

- Евгений, - протянул руку Женька, не совсем соображая, где он находится, но через мгновение очнулся и сел на кровати. - Из Тюменской области, товарищ майор, с севера.

- Поднимайся Евгений, на ужин пора! И брось это чинопочитание, все мы здесь сейчас в одной должности: ученики.

От майора крепко пахло одеколоном и свежим запахом алкоголя, а тугие, круглые щеки горели ярким румянцем. Женька окончательно проснулся и пошел умываться в душевую. Через десять минут они с майором уже шагали в сторону столовой.

- Так откуда ты, говоришь, приехал, лейтенант? - поинтересовался по дороге майор.

Женька рассказал поподробнее, а в ответ узнал, что майор живет в Уссурийске, что у него двое взрослых сыновей, а здесь он уже почти две недели: жить можно, но деньги летят, как в трубу.

- Ты начфину в часть почаще звони, а то скучно может стать, - посоветовал он Женьке.

Возле столовой они столкнулись нос в нос с Виктором и Володей, и Женька радостно приветствовал своих новых знакомых, как-никак единственные, кроме майора, люди, которых он здесь знал.

- Ну, как, устроился?

- Полный порядок.

- Тогда пошли, поужинаем по быстрому, и поедем.

Женька припомнил, что при знакомстве на обеде они договаривались побывать в каком-то старом Петергофе, где имелся, по словам новых приятелей, замечательный пивбар. Наскоро поужинав, они выскочили за ворота учебной части, нырнув прямо под шлагбаум и отмахнувшись от возмущенных криков дежурного по пропускному пункту. Еще через пять минут подошедший автобус поглотил их чревом своего салона. Весело болтая о том, о сем, они поехали по серой, тряской, густо посыпанной солью дороге, тянувшейся вдоль железнодорожного полотна с одной стороны и таких же серых, как дорога, безликих трёхэтажек - с другой.

- До Ломоносова дорога, - пояснил, как коренной ленинградец, Володя, указывая на железнодорожные пути, - бывший Ораниенбаум.

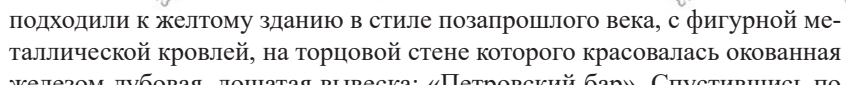
Женька попытался повторить незнакомое название города, но безуспешно:

- Язык сломать можно!

- Ничего, привыкнешь. А позже, можно и съездить - красивейшие места! Дворцы царские и всякое такое.

Наконец водитель объявил нужную остановку, и они вышли возле чугунной ограды, тянувшейся вдоль улицы, за которой чернели раскоряченные, безлистые липы.

- Нам - в ту сторону, - указал Володя, и через пару минут они уже

подходили к желтому зданию в стиле позапрошлого века, с фигурной металлической кровлей, на торцовой стене которого красовалась окованная железом дубовая, дощатая вывеска: «Петровский бар». Спустившись по широкой лестнице, ведущей в полуподвал, они открыли тяжелые, выполненные из цельных плах двери, и на них пахло густым запахом пива, соленой рыбы и дымом сигарет. Женька непроизвольно сглотнул слюну: пиво, в местах, где он служил, было в большом дефиците. Единственно, где его можно было приобрести, так это в вагоне-ресторане проходящего по железке и мимо Пельма, и мимо Советского по территории района поезда «Приобье-Свердловск». Состав прибывал на станцию Пелым как раз вначале обеденного перерыва, и они гурьбой набивались в ресторан, где частенько оставалось, не реализованное в обмен на редкую обскую рыбу, приличное чешское пиво. Полчаса, до следующей остановки со странным названием Кершаль, где состав встречался со встречным поездом, они наслаждались терпким, горьковатым напитком, а потом, пересев в обратное направление, обсуждали его достоинства до своей станции. На пути к Оби прижимистые директора ресторанов пиво в продажу никогда не пускали, зная, что в Сергино его сбыть гораздо выгоднее, да потом еще и на обской рыбке в Свердловске подзаработать. Подобные путешествия стали почти ритуалом, к крайнему неодобрению начальника штаба капитана Стешенкова и полному пониманию комбата:

- Что ты, майор, на пацанов собачишься, пусть порадуются хоть этой малости!

- Так ведь часть покидают, товарищ подполковник! Не положено в полевых условиях! – пытался отстоять свою точку зрения начштаба, но комбат только отмахивался, оставаясь при своем мнении:

- Ничего с частью за час не случиться, тем более что обеденный перерыв, да и старшины на местах. Кстати, капитан, поручи-ка начпроду ящик пивка добыть, он мужик изворотистый, сумеет.

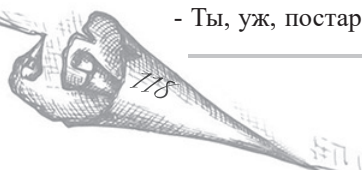
Избавившись в гардеробе от шинелей, новые приятели вошли под сводчатые арки, тянувшегося под зданием, огромного полуподвала и, выбрав зал, где было поменьше народа, присели на деревянные скамьи за длинный, массивный стол, только что убранный официантом.

- А, тут ничего, - сказал Женька, оглядевшись.

- И пиво, говорят, неплохое, а креветки – просто класс! – Виктор жестом позвал официанта, суесящегося у соседнего стола. – Нам два графинчика, шеф, и три двойных порции креветок. И если можно, попроси повара выбрать покрупнее.

- Это, какой замес получится, - многозначительно поднял глаза к потолку официант и начал записывать заказ.

- Ты, уж, постарайся, шеф! – Виктор положил на поднос официанту

пять рублей и тот, мгновенно смахнув деньги в карман и понимающе кивнув головой, умчался по коридору, повеселев на глазах.

- Ребята наши с курсов тут не один раз бывали, проинструктировали, - пояснил друзьям Володя, - не подмажешь, притащит такой мелочи, что шелухи будет больше чем мяса.

- Ну, это не только здесь, вот в субботу пойдём в «стекляшку» – там без рубчика и внутрь не попадешь, - Виктор достал сигареты и протянул пачку Женьке. – Закуривай!

- А, что это за «стекляшка»? – спросил Женька, прикуривая от горячей спички.

- Кафе. В субботу в те края в баню пойдём – увидишь. Там наши ребята обычно по субботам отдыхают. Место, говорят, спокойное, никаких нежелательных эксцессов не случается, кругом одни свои. Да и дамский контингент понятливый, не первый год замужем, - засмеялся Виктор. – Короче, приписанное к ЦОКу заведение. Да и цены не особенно кусаются: осетринка заливная – полтинничек всего.

Появился официант с подносом, на котором красовались два полуторалитровых графина с пивом и три огромных блюда с горячими, дымящимися креветками.

- Вот спасибо, дорогой, уважил, - пододвинул к себе блюдо Володя и шумно втянул ноздрями душистый пар. – Красотища! Налетай, ребята.

Креветки действительно были чудесными: крупные, с большой палец руки, сваренные с укропом и еще какими-то специями. Женька сроду таких отменных не видел. В одном из магазинов поселка продавались свежемороженые, но они были мелкими, невзрачными и спросом жителей совершенно не пользовались. Там, если привозили бочковое пиво в железнодорожную столовую, что случалось крайне редко, и обычно к праздникам, закуской служила, как правило, вяленая плотва, по-местному – чебак. Ну, а, когда кто-то добывал в Нягани или Приобье муксуна, это была сказка. В такие дни гонца, чтобы занять очередь, отправляли загодя, с наказом ждать, пока не откроют новую бочку. Пиво из вновь открытой бочки считалось лучше и вкуснее, правда, непонятно по какой причине. Женьке пришлось попробовать и то, и другое, но никаких вкусовых различий он так и не понял.

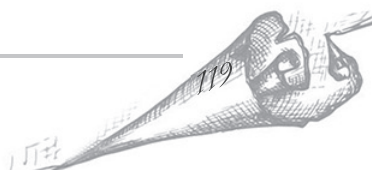
Выпив по кружке пива и распотрошив по полблюда креветок, приятели снова закурили, болтая о том, о сем:

- Ты, Жень, на сколько сюда?

- На два месяца.

- Здорово! Мы – тоже. Как с погодой в ваших краях?

- То же подтаивало, когда я уезжал, а сейчас не знаю. Один черт, листья на деревьях раньше июня не распускаются. Да и приморозить еще крепко может, март всего лишь.

- А у нас в Молдавии уже сады зацветают, аромат такой стоит, закачаешься!

- У вас здесь свободно? – спросил подошедший к столу мужчина лет сорока в сером пиджаке и галстукe лилового цвета. – Разрешите?

- Присаживайтесь, пожалуйста, - радушно махнул рукой Володя, - места много.

- Спасибо! Как пиво сегодня, господа лейтенанты? – спросил мужчина, пристраиваясь на скамье.

- Нормальное пиво. Свежее, похоже.

- Это хорошо. А то вчера, как на грех, завоза не было, пришлось позавчерашнее пить. А это, как вы понимаете, не есть хорошо!

- Угощайтесь, - предложил Женька, указывая на графин - А то, пока принесут!

- Спасибо! Я подожду. Вон, кажется, официант сюда топает.

- Его Сеня зовут, - переглянулся с приятелями Володя, - вы с ним поделкатнее, и тогда он к вам всей душой!

- Что будете заказывать? – спросил подошедший официант.

- А то же, что и у ребят.

Женька поднялся из-за стола.

- Ты куда? – спросил Виктор.

- Куда-куда? Куда король пешком ходит.

-А... Тогда и я с тобой. Володя, а ты не желаешь?

- Не, спасибо, пока не переполнился.

Когда они вернулись из туалета, официант уже разгружал свой поднос.

- Дорогой, а что это креветки такие мелкие? – возмущенно спросил мужчина, указывая на блюдо

- Замес такой, - потупил взор официант, пряча ехидную улыбку, а затем гордо задрал подбородок и направился в сторону кухни.

- Что это еще за замес такой? – попытался возмутиться ему вслед мужчина, но тот даже не повернул головы.

- Ты, мужик, зря воздух сотрясаешь! – заметил Володя. – Нужно было ему рублик сунуть, тогда и замес какой надо получился бы.

- Ага! Не дождется: этому – рублик, тому – рублик, без штанов останешься!

- Тебе виднее, - сказал Володя и начал чистить креветку величиной чуть ли не с ладонь, - только в нашей дорогой державе по-другому не бывает.

- То-то и плохо, что по-другому не бывает, заворовались все кругом. При Иосифе Виссарионовиче он, поди, не посмел бы так себя вести, быстро бы приструнили.

- Да, бросьте вы! И при Сталине торгаши и рестораторы перли все,

что могли. В России и при царе Горохе воровали, и при всех остальных властях. Так что, за красивую жизнь платить надо. Дефицит – он всегда дефицит, без дефицита у нас все бы давно к чертям собачьим развалилось. Да и торгашам жрать хочется, так что не рассказывайте сказок, дорогой товарищ.

В это время в зал ввалилась большая, веселая компания: десяток полупьяненьких девиц и с ними, почему-то, всего один парень с торчащей во все стороны всклокоченными кудрями причёской. Они с шумом и гамом устроились за столиком в углу и тут же потребовали пива. Подсочивший официант поприветствовал их с улыбкой, как старых знакомых, и немедленно притащил огромный поднос, уставленный кружками и графинами с янтарным напитком.

- Только, ребята, здорово не шумите, а то мне прошлый раз шею намылили, - попросил он парня, восседавшего между девиц, – Прогрессивки лишат. Ладно, Юра?

- Не бойсь, Сеня, - похлопал его по плечу парень, - все будет тип-топ! И на кой она тебе прогрессивка-то? Ты и так тут хорошо имеешь! За смелу, небось, рублей тридцать сшибаешь, не меньше?

Компания заржала, разбирая кружки.

- Хорошо-то, хорошо, Юра, но и прогрессивка не помешает! – официант смахнул полотенцем со стола невидимые крошки. – Закуску, какую будете?

- Ладно, Сеня, не гони волну, все будет нормально! Принеси-ка нам селедочки с луком. Иди, тебя клиенты заждались.

Парень, которого официант назвал Юрой, вновь повернулся к столу, обнял за плечи, сидевшую рядом с ним девицу, и сделал знак рукой другой, постарше остальных, сидевшей напротив. Она немедленно извлекла из сумки бутылку красного вермута, так называемую «бомбу» емкостью ноль восемь литра, и ловко разлила ее содержимое в наполовину опорожненные кружки с пивом. Женька внутренне содрогнулся, представив себе вкус этого коктейля. Как-то, еще во времена учебы в институте, ему пришлось попробовать «ерша»: пиво с водкой. А дело было так. По понедельникам, вместо того, чтобы сидеть два часа на общественных мероприятиях, регулярно проводимых ректоратом, они с сокурсниками сбегали в пивной бар, благо расположен был он почти рядом, на соседней улице, метрах в трехстах вниз под гору. Ритуал этот соблюдался студентами неукоснительно, и только чрезвычайные обстоятельства могли его нарушить. Вот там, кто-то из ребят и предложил для крепости плеснуть в пиво водки. Тут же нашлась откуда-то чекушка. Итога Женька не запомнил, так как окосел и вырубился. Но водка была горькой и пиво горьким, так что некоторое соответствие вкусов имелось. Но вермут – сладкий, и мешать его с терпким, солодовым напитком...Б-ррр!

- Что смотришь? – Володя ошелушил очередную креветку и прихлебнул пива.

- Видел, какую бурду люди хлещут?

- Хорошо, что не ацетон для дури льют, не обращай внимания. Здесь это в порядке вещей. Водка дорогая, а бормотуха – полтора рубля за «бомбу». А эффект – абсолютно такой же.

- Хочешь накачаться – легко и дешево! – пояснил Виктор. – Сеня! – позвал он официанта.

- Сей момент!

- Сеня, еще графинчик принеси!

- Всенепременно, господа офицеры!

Тем временем шум и смех за соседним столом после выпитого коктейля явно усилился. Девушки закурили, а парень начал настраивать принесенную с собой гитару. Лицо его показалось Женьке знакомым, как будто он где-то уже его видел, но, вот, где и когда, не припоминалось.

- Сень, - спросил он подошедшего официанта, - а что это за компания гуляет?

- Где?

- Да вон, в углу сидят.

- А, это! Это Юра Кукин гуляет, видно деньги за что-то получил. Ну, а девочки местные.

- Какай Юра Кукин, тот самый? Бард?

- Тот самый, не сомневайтесь!

И тут Женька ясно припомнил шестьдесят четвертый год, когда ему, сопливому мальчишке, случилось побывать на фестивале самодеятельной песни в Новосибирске и даже участвовать в нем, хотя, по большому счету, какое это участие в присутствии таких зубров, как Галич, или Клячкин.

- Это не тот, который поет «За туманом»? – вмешался в разговор Виктор.

- Тот, – официант убрал со стола пустые графины из-под пива. – Пить вот только стал без просыху! А, когда человек пьет, вокруг него всякая шваль начинает виться. – Он неодобрительно посмотрел на галдящих девиц. – Раньше частенько по телевизору выступал, а теперь почти не видно. Саша Дулов с Клячкиным нет-нет, да появляются, а Юрку не показывают.

- Я пойду, познакомлюсь, - сказал Женька, поднимаясь из-за стола.

- И я с тобой! - подскочил Виктор. – Когда-то еще с живым бардом общаешься? Пойдешь, Володь?

- Нет, ребята, я посижу. И, потом, я Кукина не очень люблю. У нас в Питере Саша Дулов больше среди молодежи популярен, так, что идите, а то потом поздно будет.

- Чего поздно? – не понял Женька.
- Чего, чего? Видишь, опять вермут в пиво льют!
- Раньше за такие дела махом бы вышибли на улицу! В приличный пивбар, да со спиртным! – вмешался репликой сидевший рядом мужчина, но Володя не отреагировал на это восклицание:

- Давайте, давайте, топайте! Только долго не задерживайтесь, а то мне шибко скучно станет, – он неодобрительно взглянул на сидящего рядом, пьющего пиво мужчину. - А я пока схожу куда надо.

Женька взял бокал и направился в угол зала к столу, где расположилась дамская компания. Володя последовал за ним.

- Разрешите присоединиться, - спросил он у растрепанного парня, возившегося с гитарными струнами, но тот не ответил и даже не повернул головы, занятый своим делом.

- Присаживайтесь, молодые люди! – сделала широкий, приветливый жест дама, та самая, что смотрелась постарше остальных.

- Ведь вы Юрий Кукин? – начал, было, Женька, обращаясь к парню, который наконец-то обратил на него внимание.

- Ну, и что? – парень отвернулся и вновь занялся своей гитарой.

- Разрешите представиться. Кравченко Евгений! А это Виктор. Вы меня, конечно не помните? Мы с вами встречались однажды, в шестьдесят четвертом в Новосибирске.

Парень оторвался от гитары и с некоторым интересом взглянул на Женьку. Без вуали сигаретного дыма, висящего в воздухе, на его лице стали заметны глубокие морщины, прорезавшие щеки и мешки под усталями, с потухшим взглядом глазами. Парню оказалось далеко за сорок.

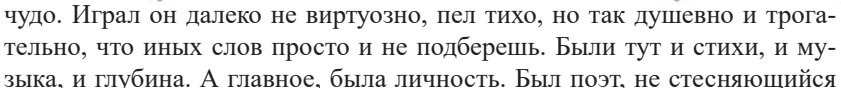
- Интересно, интересно, - Кукин, прислушиваясь, попробовал аккорд, - а ты-то, что там делал?

- Выступал, - слегка обиделся такому откровенному невниманию Женька.

- Что-то не припоминаю.- Кукин отставил гитару. - Лиза, - обратился он к старшенькой, - плесни-ка мне малость! Не желаете, господа офицеры? – он указал на «бомбу» с темным содержимым.

- Спасибо, не надо! – сказал Женька, внутренне передернувшись, когда представил, что придется пить такую бурду, а Виктор только отрицательно мотнул головой.

Перед ними сидел повидавший жизнь и, видимо, крепко пьющий человек, а совсем не тот, веселый, кудрявый парень, которого Женька видел за кулисами Дворца железнодорожников семь лет назад. Тогда, в пестрой компании таких же молодых и жизнерадостных людей, тот всю травил достаточно соленые анекдоты, а на его лице отсутствовало всякое присутствие волнения, какое обычно бывает у человека перед выходом на сцену. Но, когда он взял в руки гитару и вышел к зрителям, случилось

чудо. Играл он далеко не виртуозно, пел тихо, но так душевно и трогательно, что иных слов просто и не подберешь. Были тут и стихи, и музыка, и глубина. А главное, была личность. Был поэт, не стесняющийся негромким голосом петь свою музыку. А сейчас...

- Ну, не хотите, как хотите, - и Кукин наполовину опорожнил мутное содержимое кружки.

Вновь взяв гитару и ласково потрогав пальцами струны, он прокашлялся и запел:

- Мой маленький гном, надень колпачок, и брось, не сердись, разожми кулачок...

И вновь, как и тогда, Женька увидел чудо, но вместе с тем в его душе возникло щемящее чувство жалости к этому человеку и стыда за то, что ничего нельзя поправить. Да и какое право он имел вмешиваться в чужую жизнь. Не сват, не брат, все-таки.

- Молодой человек! - к Женьке пододвинулась, навалившись грудью на плечо, полупьяненькая, улыбающаяся девица с татуировкой на правом запястье. - Не желаете развлечься с девушкой?

Женька недоуменно посмотрел на нее и на всякий случай отодвинулся. Девица хихикнула и вновь прилипла к рукаву его кителя, вопросительно заглядывая в глаза.

- Марина, отстань от лейтенанта! - Кукин отставил гитару и вновь приложился к кружке. - Видишь, молодой человек смущается.

- А мне такие, как раз, и нравятся! - девица явно приготовилась чмокнуть Женьку в губы, и ему пришлось подняться, чтобы этого не случилось:

- Спасибо за песню! Но, мы, наверно, пойдем, нас товарищ дожидается, неудобно. Пошли, Витя, - он тронул за плечо, увлеченного беседой с соседкой приятеля.

Видимо, в его взгляде Кукин уловил те сложные, противоречивые чувства, которые тот испытывал ко всему происходящему. Бард усмехнулся и подмигнул Женьке:

- Не дрейфь, лейтенант, пробьемся! Ты еще меня услышишь.

- До свидания, спасибо за компанию! Пошли Вить!

- Ты что меня бросаешь, миленький! - притворно захныкала татуированная девица, но Женька решительно перешагнул через скамью и направился к своему столу.

- Ну, как, познакомился? - спросил Володя, сидевший в гордом одиночестве. Мужик уже, видимо, отчалил.

- Познакомился! - ответил Женька. - Жалко человека.

- Чего его жалеть? Все они, артисты одинаковы: чуть только хлебнул славы, начинают без меры за воротник закладывать. Не он первый - не он последний!

- Все равно жалко. Мы под его песни в институтских компаниях всегда гуляли, и на природе тоже. Помнишь, как там: говоришь, чтоб остался я, чтоб опять не скитался я, чтоб рассветы с закатами наблюдал из окна...

- Ну, как вы тут? – плюхнулся на стул вернувшийся, наконец, Виктор.

- А ты, чего там застрял?

- Да так, девочка интересная попалась, студентка.

- Как она в такую компанию затесалась, бедная?

- А, дьявол ее знает! Девчонка приятная и не глупая, да и, похоже, не пьет вовсе.

- Ладно, ребята! Заканчивать, что ли будем, а? – и, получив утвердительный ответ приятелей, Володя махнул официанту. - Сеня, счет! А ты Витя, если девчонка понравилась, телефончик ей свой напиши и оставь.

- Это мысль! – и Виктор тут же записал на бумажной салфетке телефон вахты общежития.

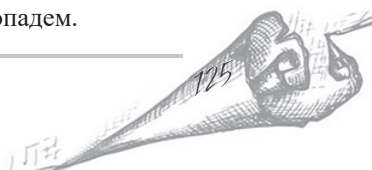
Потекли учебные будни. День, как и в любой воинской части, начинался с общего построения и развода. Дежурный докладывал генерал-лейтенанту, начальнику курсов, что за прошедшие сутки происшествий не случилось, и после приветствия и короткого марша под музыку духового оркестра все дружно топали в столовую. Кормили, правда, хорошо, не хуже, чем в родном и далеком батальоне. После завтрака, как правило, слушали лекции, а иногда, не чаще раза в неделю, ездили на полигон пострелять, или в Академию тыла и транспорта на практические занятия. Вечерами обычно ходили в кино, благо до кинотеатра было две остановки автобусом, или глазели в телевизор: как раз проходил чемпионат мира по хоккею. Там, в Европе, наши драли противников так, что только перья летели. Тесный холл общежития на время трансляции превращался в бушующий ледовый дворец, где страсти кипели нешуточные. По субботам, перед обедом, в одиннадцать, проходило офицерское собрание – подводили итоги за неделю, и замполит курсов, или еще кто-нибудь, приглашенный со стороны, читали какую-нибудь политическую нудятину, как прораб на стройке из фильма про Шурика. А потом все были свободны до понедельника. В первую же субботу, вечером собрались, как и обещали его новые друзья, в баню, попариться. Женька здорово удивился, когда они появились в его комнате уже одетыми в шинели, но безо всяких вещей и предметов, с которыми обычно ходят мыться.

- А мочалки с мылом где?

- Соберайся, там все есть!

- погодите, дайте хоть трусы с рубашкой сложу!

- Не надо, тебе говорят, там все постирают и погладят, пока мы намываться будем, - Витя снял с вешалки и протянул ему шинель. – На, одевайся побыстрее, а то потом в «стекляшку» не попадем.

- Какую еще «стекляшку»? – спросил Женька, смутно припоминая, что уже слышал где-то это слово.

- Кафе рядом с баней. Я же тебе рассказывал. Там все наши обычно обретаются.

- И девочки приписанные, - ухмыльнувшись, добавил Володя, - постоянные, проверенные. Короче – рай, если бы не черти с рожками.

- Хорош, трепаться! Пошли мужики, шесть почти.

Банно-прачечный комбинат располагался километрах в двух от части, остановки четыре автобусом. Можно было добраться и пешком, но наступила короткая оттепель и, вместо белых тропинок между сугробами, образовались грязные канавы с черной жижей на дне. После такой прогулки приходилось чиститься не меньше часа, тем более что грязь здесь была какой-то жирной и въедливой, не то, что песок в родном Советском. Женьку сразила наповал почти стерильная, как в больнице, чистота внутри бани. Плиточные полы, начиная с холла, блестели как зеркала, отражая потолочные светильники. На лавках, в раздевальных, были постелены свежие, наглаженные, хрустящие простыни. А на столике у банщика, на пластиковом цветном подносе, в два яруса стояли, блистающие гранями, пивные кружки. Все вокруг было солидно и основательно, как в настоящих Сандунах, которые Женька видел однажды в каком-то кино. Не то, что в замызанной поселковой бане Советского, где и присесть-то в парной было противно. Осклизлые доски полка и размазанная шваброй по выщербленному полу грязь в холодном предбаннике – вот, собственно, и весь сервис. Поэтому, обычно, Женька ходил в вагон-душевую, рядом с подсобным хозяйством батальона, где экономный зам по тылу разводил свиней для пополнения рациона служивых людей. Во-первых – рядом, во-вторых – быстро. Ну, а в-третьих, душ – он и есть душ, где ты один на один с летящей горячими струями водой. Да и бойцы поддерживали в душевой чистоту и порядок под зорким и неусыпным оком ротного старшины. Новая баня в поселке строилась, но до ее открытия было, как до Африки пешком. А здесь, в этом почти сказочном дворце, сразу покорившем сердце Женьки, находились и парикмахерская, и буфет, в котором продавалось почти все, что человеку нужно после бани, и ларек, где можно было приобрести шампунь, или разовую мочалку с мылом. Оставив шинели в раздевалке, они прошли по коридору в мужское отделение. Раздевшись, сдали белье приемщику на стирку и, не теряя времени, забрались на отдраенный до желтизны дощатый полоч в парной, где вместо привычной каменной печи из стены торчал накаленный докрасна бок огромной, круглой и рогатой морской мины.

- Газ там внутри горит, - пояснил Витя. – Тут, если плеснуть, сварись-ся сразу, как в хорошей сауне.

Мужики, видимо постоянные клиенты заведения, парились долго, не торопясь, по полчаса, а то и больше, размахивая и нанося по телу хлесткие удары березовыми или дубовыми вениками. Экипировка была соответственной: на голове суконные шапочки, а на руках – рукавицы. Женька минут пятнадцать терпел это пекло, но потом не выдержал и выскочил отдышаться в предбанник, не обращая внимания на насмешливые реплики товарищей. Затем с наслаждением он дважды терся жесткой, пахнущей свежим лубом мочалкой, а потом минут двадцать стоял под теплыми, покалывающими струйками воды в душевой. Вся процедура помывки заняла почти час, и вот, наконец, розовые и расслабленные, они устроились на широких скамьях, закутавшись в крахмальные простыни. Банщик по их просьбе, не мешкая, принес три кружки охлажденного пива и корзиночку густо посыпанных солью сушек.

- Ну, как? – спросил Володя. – Понравилось?

- Нормально! – Женька отхлебнул из кружки. – У нас сейчас в поселке тоже баня строится, только боюсь, что сервисом таким нас там вряд ли побалуют, да и пиво в дефиците, только по большим праздникам.

- Не, ребята, - Виктор расслабленно привалился к высокой спинке скамьи и с хрустом потянулся, - все-таки после хорошей бани себя другим человеком чувствуешь.

- Ну, это понятно! Под душем только пот смыть можно, а вот, чтобы кожа задышала, без парной не обойтись. А вон, похоже, и наше бельишко прибыло.

Постиранное, уже высохшее и выглаженное белье пахло морозной свежестью и чистотой. Вот только пуговицы на форменных рубашках оказались слегка подплавленными.

- Они прессом гладят, - пояснил Володя, - вот пуговицы и плавятся. Не обращай внимания: до конца не расплавятся. Зато ничего с собой таскать не надо, да и стирать – тоже.

- Ну, что, мужики, начнем потихоньку собираться, а то в стекляшке мест не будет.

- А который час?

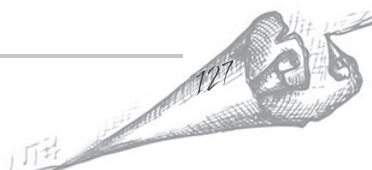
- Без четверти восемь, - взглянул на часы Женька.

- Тогда быстро, а то пролетим, как фанера над Парижем. Хорошо, если дядя Ваня на страже ворот стоит, а то и внутрь не попадем.

- Что, так много желающих попасть в эту кафешку?

- А куда тут еще податься в субботу вечером? Не центр, все-таки. Есть еще кинотеатр, да музей какой-то, но музей в это время уже закрыт. А кино, как ты сам понимаешь – на любителей.

- Ладно, хорош, болтать, - Виктор уже натянул китель и начал причесываться, - собирайтесь и пошли!

Через десять минут они уже подходили к двухэтажному, кирпичному зданию с застекленным верхним этажом, где, собственно, и находилось кафе.

Внизу располагались какие-то магазины, а наверх вела лестница отдельного входа, около которой топталась, ожидая, очередь из десятка молодых людей и девушек.

- Короче, мужики, ждите меня здесь, на расстоянии слуховой связи. Я сейчас, моментом, - и Володя решительно направился к дверям, за которыми проглядывала фигура в ливрее, бесцеремонно, локтями раздвигая очередь.

Требовательно и решительно постучав кулаком по стеклу, он исчез за приоткрывшейся створкой двери, а минут через десять, они еще даже не успели перекурить, высунулся оттуда, махая рукой:

- Господа, у нас заказано! – отбивался он от возмущенной очереди. – Мужики, давайте, не задерживайте! А вы пропустите воинов – защитников Отечества. Не смотрите на меня так, девушка, а то дырку просверлите! Спокойно, спокойно, молодой человек! Дядя Ваня, подтвердите, что у нас заказано.

Но рослый, с окладистой бородой швейцар не осчастливил ропшущую толпу вниманием. Женька нырнул в приоткрытую дверь, за ним протиснулся Виктор, и дверь тут же захлопнулась, отсекая и этот ропот, и нелецеприятные выражения возмущенных такой наглостью людей.

- Спасибо, дядя Ваня! – Володя поблагодарил мужичка в ливрее, стоящего на страже райских врат – Пошли, мужики!

Они сдали шинели в раздевалке и поднялись по лестнице на второй этаж, где их ожидал столик рядом с окном, недалеко от эстрады. Зал к удивлению Женьки оказался полупустым. Поймав его удивленный взгляд, Володя широким жестом пригласил друзей к столу и, устроившись в кресле, пояснил:

- Все, Женья, заработать хотят! До восьми – дядя Ваня, после восьми – лабухи. Ну, и, наконец – официант.

- И всем хватает, - добавил Виктор, разливая в фужеры минералку.

- А как ты думал? Попробуй-ка на одну пенсию прожить, когда у тебя большая жена на руках, а сынок – алкаш. Дядя Ваня всю войну прошел, а жена в блокаде маялась, таким не жалко.

- Откуда ты все это знаешь?

- От верблюда! Не в лесу живем, все-таки. А дядя Ваня мужик добрый. Тебе рубль, как мертвому припарка, а ему, можно сказать, спасение. Так что – не возмущайся особо. Да, что это мы все о грустном.

- Добрый вечер! – появившийся у столика официант быстро расставил закуски, открыл бутылку «Столичной», и тут же исчез, пожелав приятного аппетита.

- Ну, что, господа, вздрогнем по маленькой! – Виктор поднял рюмку, - С легким паром, что ли!

- На здоровье! – присоединился к тосту Володя, и они выпили, закусив заливной осетриной. – Как закуска? – поинтересовался он у Женьки.

- Ничего! Слышь, а, сколько она стоит?

- К вашему сведению, копейки! Я тоже сначала был удивлен местными ценами, - пояснил Виктор, - у нас это в Кишиневе раза в три дороже в кабаке стоит. Может, тут, прямо на Балтике осетра ловят, потому и дешевле?

- Держи карман шире! Тут, отродясь, осетры не водились, - налил по второй Володя. – В Москве, кстати, заливное тоже полтинник.

- Гляньте, мужики! – показал глазами Виктор. – Какие девочки!

В зал вошла живописная группа из четырех улыбающихся и о чем-то весело щебечущих девушек и устроилась у столика возле эстрады, в противоположном конце зала.

- Так это же – Галина! Я ее знаю. – сказал Володя.

- Какая Галина? – спросил Женька, разглядывая девчат.

- А, вон та, чернявая. Она здесь видимо постоянный клиент.

- А девчонки?

- Шут их знает, подружки, похоже.

- И откуда ты все знаешь, Вова?

- Да, я здесь бывал пару раз. Нас на ЦОК присылали на семинары по технике безопасности.

- Будем брать, мужики! – вмешался в разговор оживившийся Виктор, - Чур, вон та, рыженькая моя!

- Так оркестр только с восьми заиграет. Еще минут пятнадцать до начала, так, что предлагаю повторить! Не возражаете?

Никто не возражал.

После первой песни, которые с трио гитаристов и ударником исполнила накрашенная до невозможности певица, Женька решительно поднялся из-за стола:

- Ну, я пошел, ребята!

- Я тоже! – подскочил Виктор.

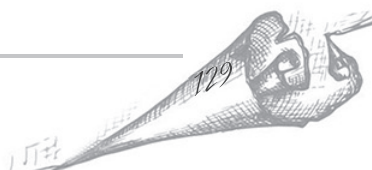
- Давайте! – махнул рукой жующий Володя, - Я вас сейчас догоню.

Виктор обогнал Женьку и, подскочив к столику, где сидели девушки, галантно склонился к рыженькой.

- Разрешите? – Женька остановился возле светловолосой, в темном брючном костюме с белозубой улыбкой, девушки.

Та подняла глаза, взглянула на Женьку и, кивнув головой в знак согласия, поднялась, опираясь на протянутую руку.

- Я пошла, девочки!

Девчонки засмеялись и отпустили подругу:

- Гляди, не влюбись в лейтенанта!

- Лейтенантик-то, ничего, можно и влюбиться!

- А, как вас зовут? – спросил после первых па Женька, - Меня – Евгений.

- Лена, - подняла к нему лицо девушка, и сердце у Женьки екнуло, он сразу же утонул в ее бездонных, мерцающих искрами серых глазах. – Ваша фамилия, лейтенант, случайно не Онегин? – она улыбнулась, показав прелестные ямочки на щеках, и Женька понял, что окончательно пропал.

- Кравченко, - выдавил из себя Женька и почувствовал, что ему стало нестерпимо жарко.

Он не любил много болтать, но поддержать разговор, как ему казалось, умел всегда, а тут язык вроде бы одеревенел, и в горле обсохло. Девушка с интересом взглянула на него и, видимо, почувствовав его состояние, вновь приветливо улыбнулась:

- А я думала, Онегин! У вас вид такой задумчивый, как у поэта.

- Тоже скажете!

- Наверняка вы стихи пишете? – чувствуя его смущение, продолжала издеваться девчонка, но тут танец закончился, и Женька отвел партнершу на место.

- Спасибо!

- Не за что, - девушка снова подняла на Женьку свои глазки, и весело рассмеялась, отчего ему вдруг стало легко и свободно, - Приходите еще!

- Ну, как? – спросил его так и оставшийся сидеть за столом Володя.

- Нормально. – Женька плюхнулся в кресло и отдышался.

- Ты что такой красный, как помидор? Девочка укачала?

- Жарко просто, - Женька расстегнул пуговицу на вороте рубашки, - Давай нальем что ли? А где Витя?

- А он со своей рыжей пассией покурить в фойе вышел.

- Я, пожалуй, тоже пойду, остыну, - поднялся Женька.

В фойе Витька налегал на свою рыженькую, не жалея сил. Она, бедная, от восхищения красноречием своего нового знакомого, видимо, просто ошалела и безуспешно пыталась выбраться из угла, куда ее, как шар в лузу, загнал Витька.

- Вить, дай закурить! – Женька взял протянутую приятелем сигарету. – Отпусти девушку-то, а то она скоро стенку опрокинет от твоей настойчивости.

- Это – Надя, - представил свою подружку Виктор.

- Очень приятно! Жень.

- Ладно, мальчики, я побегу, а то меня девчонки потеряли, наверное! – и Витькина симпатия, поправив прическу, быстро упорхнула в зал.

- А Вова где? – спросил Виктор, прикуривая сигарету.
- Да, что-то не танцует, девочки, видно, не подходят.
- Не обращай внимания, он всегда такой. Ленинградец, все-таки, не хухры-мухры!

- Пошли, танго началось.
- А как тебе твоя?
- Нормально, - и Женька решительно направился в сторону стола, где сидела его язвительная партнерша по предыдущему танцу, отбиваясь от очередного поклонника.

- Разрешите?
- Молодой человек, я первый девушку пригласил, - попытался выказать недовольство парнишка в свитере, но Женька так глянул на него, что того, словно ветром сдуло.

- Разрешите? – еще раз спросил Женька, и девушка, бросив на него внимательный взгляд, поднялась и молча пошла к пятачку около эстрады.

Потом они танцевали еще. Женька оправился от смущения и трепался обо всем, что можно было поведать незнакомому человеку. А еще через полчаса он провожал Лену домой и долго целовался с ней в подъезде, прижимая к груди ее упругое податливое тело, пока она решительно не отправила его в общагу спать:

- Ну, иди же! Тебе завтра на службу.

Женька счастливый и окрыленный прилетел в общагу, и, не ответив ничего на вопросительный взгляд соседа-майора, читающего что-то, лежа на кровати, брякнулся спать. Во сне ему почему-то приснилась не Лена, а Людмила, и, когда он проснулся поутру, легкое чувство досады в душе еще долго не оставляло его. На следующий день, ближе к вечеру он снова позвонил Елене, а дальше все понеслось как обычно: свидания, поцелуи, слезы, цветы и снова, по очерченному жизнью кругу. Жила Лена в коммунальной квартире с маленьким сыном Пашкой, человеком во всех отношениях прекрасным и до невозможности любознательным. Женька сразу же с ним подружился. Да, и как не полюбить такого симпатичного ребенка, это было попросту невозможно.

- Дядя Жень, а где это – Север?

- На севере, Паш.

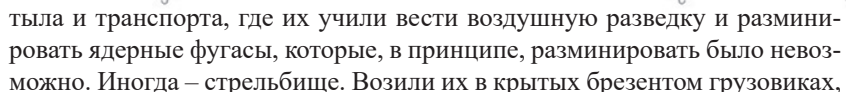
- Это я понимаю, но где?

- Пойдем к окошку, я покажу! – и Женька долго рассказывал маленькому человечку про Полярную звезду, Большую Медведицу и созвездие Кассиопеи.

Соседка Лены, бабушка Зина, сначала отнеслась к нему с некоторым недоверием, но постепенно привыкла, видя, как он возится с Пашкой, а тот, счастливый хохочет во все горло.

Служба шла, как положено: учеба, поездки на практику в Академию

тыла и транспорта, где их учили вести воздушную разведку и разминировать ядерные фугасы, которые, в принципе, разминировать было невозможно. Иногда – стрельбище. Возили их в крытых брезентом грузовиках, которые по первому требованию пассажиров в погонах делали остановку у придорожных пивных ларьков, которых в городе было великое множество. В них, на удивление Женьки, зимой продавалось даже подогретое в специальном танке пиво. Не то, что в далеком Советском, где пиво, вообще-то, практически не бывало. Удалось ему побывать и в Эрмитаже, где он долго и с удивлением рассматривал картину Леонардо «Мадонна с цветком». Женька и сам баловался рисованием: еще в детстве отец научил обращаться с карандашом и кистью. Но такое, как у да Винчи, воочию видел впервые. Каждый волос в прическе героини портрета был прописан с такой тщательностью, что казался абсолютно живым, а упавшая на висок тонкая прядь почти прозрачной и невесомой. Заметив его неподдельное восхищение произведением великого маэстро, подошедшая работница музея долго рассказывала ему о жизни титана эпохи возрождения, о его метаниях по свету и удивительных изобретениях. Потом он попал в галерею героев войны 1812 года, где на него с великолепных портретов в позолоченных багетах смотрели легендарные, опаленные дымом сражений генералы, о которых ему приходилось читать только в учебниках, да редких, хороших книжках. Он, захлебываясь, с восторгом рассказывал Елене обо всем увиденном в посещениях знаменитого дворца, а та только по-доброму, понимающе улыбалась: она там бывала раз десять.

- А еще где были? – спрашивала она Женьку, прижавшись теплой щекой к его плечу.

- Еще в музее восковых фигур, на Невском.

- Это там, где все цари наши находятся?

- Цари находятся там, где им положено: в гробницах! А здесь просто восковые статуи, но впечатление такое, что лепили их с оригиналов недавно: словно живые стоят. Потом в кафе пообедали с ребятами и вернулись.

- А я вот всю жизнь в Ленинграде прожила, а в этом музее так и не была. Нас учителя все по картинным галереям водили, да в кунст-камеру Петровскую.

- Слушай, а давай в следующий выходной сходим куда-нибудь, да и Пашку с собой возьмем.

- Давай, – и они начинали целоваться так, как будто не виделись целую вечность и это были их последние минуты свидания, а Пашка прыгал около дивана и хохотал, как оглашенный.

Начало апреля в Питере выдалось на удивление морозным, до минус двадцати, что вообще-то было редкостью. Ночи были ясными и звезд-

ными, а дни солнечными и безветренными, но мороз не спадал даже днем. На две короткие весточки Людмилы Женька так и не удосужился ответить, убедив себя, что слишком занят, а по существу чувствуя свою вину перед ней. Она писала, что скучает, что в поселке ничего нового не произошло, если, конечно, не считать происшествием очередную драку парней на танцах. Женька прочел эти два письма, полученных почему-то одновременно, и тут же забыл о них, закрутившись на службе, а когда решил что надо бы ответить, неудобно как-то, другие, не менее значительные и драматические события не дали исполнить задуманное доброе дело.

Двенадцатого апреля в Петродворце власти устроили праздник проводов русской зимы. Они с Еленой и Пашкой почти целый день провели на фонтанах, катаясь на невесть откуда взявшихся тройках, кушая горячие блины и глаза на многочисленные выступления артистов и веселящийся от души народ. В Советском тоже отмечали этот праздник. Были и ряженые, и самовары с водкой, и розовошекские, веселые девчонки, но тут размах был куда как шире. Весь парк был уставлен лотками со всяческой снедью, кругом плясали и играли на дудках и рожках скоморохи и прочие персонажи легенд и сказок, а, запыхавшая к обеду, Масленица оказалась величиной почти с двухэтажный дом. Счастливые и слегка утомленные часам к четырем пополудни они вернулись домой. В коридоре их встретила чем-то встревоженная баба Зина, и пока они с Пашкой мыли руки в ванной, о чем-то долго, вполголоса разговаривала с Еленой на кухне.

- Что случилось? – спросил Женька, увидев в глазах любимой набрежвавшие тучки, но та, встряхнув головой, словно отгоняя от себя наваждение, только махнула рукой и улыбнулась:

- Ерунда! Дай-ка я тебя лучше поцелую.

Пашка вскоре уснул, а они еще долго сидели, обнявшись, смотрели телевизор и без конца целовались. Наступившая ночь была такой знойной и бурной, что Женька просто ошалел от переполнявших его чувств и ненасытности подруги. Такой страстной, а временами почти бессовестной, он ее раньше никогда не видел. Где-то в глубине сознания зашевелился червячок предчувствия, что все это похоже на прощание, но Женька тут же отбросил прочь эти мысли, и постарался забыть возникшее смутное ощущение тревоги. В четыре часа Елена выпроводила его восвояси и, вернувшись в общежитие, он еще долго перебирал в памяти эти счастливые минуты, подаренные ему открыто, и бескорыстно, пока не уснул окончательно.

- Подъем! – проснулся Женька от зычного голоса майора-соседа, - Ну, ты и спать! Поди, под утро заявился? Вставай, вставай, пол седьмого уже, на развод опоздаешь. Тут тебя вчера приятели твои целый день разыскивали, куда, дескать, пропал?

- На проводах русской зимы в Петродворце был, - поднялся с кровати и начал одеваться, не открывая глаз, не до конца проснувшийся Женька.

- Ну, и как провода?

- Нормально, мне понравилось. На тройках прокатились, блинов поели и вообще.

- Со своей пассией был-то?

- С ней. А, что?

- Да ничего. Давай, чеши умыться, Казанова хренов, труба зовет! – усмехнулся майор. – Пятнадцать минут осталось, без завтрака останешься.

И Женька, проснувшись окончательно, пулей полетел в душевую, вспомнив, что сегодня они едут в местную действующую часть на учения, и опаздывать никак нельзя. Через час с небольшим их взвод уже грузился на машины, а еще через пять минут они выехали за КПП и ходко понеслись по грязному асфальту в сторону Ораниенбаума. Началась новая учебная неделя, а с ней пришли и новые заботы.

В пятницу, к обеду они вернулись назад, а в субботу, как обычно, втроем решили отправиться в баню. Почти целую неделю их таскали по полигонам и стрельбищам, и пора было смыть ввевшуюся в поры грязь и стряхнуть накопившуюся усталость.

- Мужики, сколько у кого есть? – спросил приятелей Виктор, пересчитывая смятые рубли и мелочь, извлеченные из заднего кармана брюк. – У меня чуть больше червонца.

- У меня пятнадцать! – Володя протянул деньги Виктору.

Женька нырнул под кровать и достал чемодан, где у него хранился неприкосновенный запас. Он грустно пересчитал остатки былой роскоши. Набралось рублей около тридцати.

- Чего загрузили, ханурики? – Володя пересчитал деньги заново. – Почти шестьдесят рублей, живем, мужики!

- Завтра должны переводы прийти, рассчитаемся, - сказал Виктор Женьке.

- Да, брось, ты! На том свете угольками рассчитаемся. Сам знаешь: что пропито и про..., то в дело произведёно. Я уже домой звонил, обещали к понедельнику перевести довольствие, так что не помрем, думаю. Потопали, что ли, а то уже темнеет.

У «Стекляшки» все так же, как и всегда, клубилась приличная очередь. Когда они устроились за столом и огляделись, ресторан был еще достаточно пуст. Через четверть часа начали появляться постоянные посетители, и, нбаконец, прибыли девчонки во главе с преподобной Галиной, но Лены с ними почему-то не было.

- Ты прости Женечка, - сказала Надя, - заболела она.

И Женька вдруг шкурой почувствовал, что что-то не так. Он вопросительно посмотрел на Галину, но та отвела глаза.

- Не журишь, хлопец! – треснул помрачневшего приятеля ладонью по плечу Виктор. – Встряхнись-ка, друже! Все образуется, давай-ка, лучше дернем по маленькой!

Пить Женьке, почему-то, расхотелось, но вечер продолжался, и его переживания мало кого волновали. Часам к одиннадцати разгоряченная спиртным и танцами публика начала расходиться. Прихватив с собой пару бутылок крепленого вина и девчонок, они пошли на квартиру к Галине, благо та жила рядом с курсами, до которых от ее дома было рукой подать. Первыми покинули компанию Надежда с подругой, которых вызвались провожать Витька и Володя, а потом собрался и Женька, дремавший до этого в кресле, и разбуженный зычным голосом Галины, провожавшей гостей.

- Спасибо, Галя, я потопаю! Пойду, Лену навещу, а то как-то неудобно.

- Ты бы лучше завтра сходил, Жень, - вновь отвела глаза в сторону Галина, и у Женьки снова тревожно всколыхнулось в душе. – Она просила передать, чтобы ты в понедельник пришел, а лучше во вторник.

Женька вопросительно посмотрел в глаза хозяйке дома, но та засутилась с посудой, явно не желая отвечать на его невысказанные вопросы.

- Ладно, я пошел! – попрощался Женька и выскочил из подъезда на морозный воздух.

Постояв с минуту в раздумье, он решительно двинулся в сторону Петроградской, к Елене. Ночные улицы были безлюдны, лишь изредка навстречу попадались подвыпившие компании: суббота все же. Вбежав в знакомый подъезд, Женька отдышался и долго растирал прихваченные легким морозцем уши. Поднявшись на второй этаж, он решительно позвонил в обитую коричневым дерматином, тяжелую входную дверь. Тишина. Женька подождал и вновь придавил кнопку звонка. Прижав ухо к замочной скважине, он услышал отдаленный скрип половиц и шлепанье тапочек.

- Кто там? – прохрипел из-за двери сонный голос бабы Зины. – Кого еще чёрт принес?

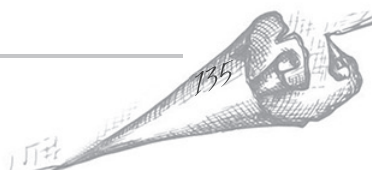
- Да, я это! – матюгнулся про себя Женька. – Открывай, баба Зин!

За дверью стихло, а через пару секунд она приоткрылась, и из-за цепочки показалась заспанная физиономия бабы Зины с испуганными, как у кролика, глазами:

- Ты, что ль, Жень?

- Я! Ты чо, баб Зин, отрупела совсем, не узнаешь? Открывай, давай, а то задрыг до безобразия, зуб на зуб не попадает!

- Шел бы ты домой, милоч! – неожиданно твердым голосом заявила соседка, и он понял, что старуха и не собирается пускать его в квартиру. – Спят уже все, иди, иди!

Женька прямо-таки онемел от такой наглости.

- Зинаида Васильевна, откройте, пожалуйста! Да, что это с вами в конце-концов?

- Не открою! Сказала – иди домой, значит, иди! – и дверь захлопнулась перед Женькиным носом, шелкнув замком, словно выстрелив.

Женька растерялся, но через мгновение пришел в себя и начал настойчиво давить на кнопку звонка. Дверь приоткрылась вновь, и оттуда слышалось:

- А, ну, прекрати хулиганить! Живо уходи, а то милицию вызову! Кому сказала!

- Теть Зин, что случилось-то, где Лена? – ничего не соображая во всем этом спектакле, спросил Женька.

- Спит Елена, и сынок спит. Ночь на дворе. Так, что не буди их, пусть люди отдыхают, да и тебе тоже отдыхать пора. Поди, и так всех соседей на ноги поднял.

В это время за спиной старухи в темноте коридора послышались осторожные шаги, и голос Елены спросил:

- Что случилось, Зинаида Васильевна?

- Ничего не случилось, пьяный какой-то адресом ошибся, – и старуха вновь захлопнула дверь.

- Лена, это – я! – Женька заколотил по двери. – Открой, чертова перечница!

Дверь распахнулась, и Елена в знакомом пестром халатике, поеживаясь от холода, вышла на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь с ворчащей за ней бабой Зиной.

- Наконец-то! – Женька обнял Елену, чмокнув в губы. – Что это с бабкой-то приключилось, белены объелась что ли?

Но Елена вместо ответа как-то внутренне сжалась и окаменела, не отвечая на его поцелуи.

- Да, что с тобой, Лен? Заболела, что ли? Да не молчи ты, в конце концов! Что случилось-то?

Елена подняла на Женьку полные слез глаза, и сердце у него екнуло, предчувствуя какую-то неясную, но давно предсказанную сердцем беду. Она помолчала секунду, глубоко вздохнула и произнесла осевшим, глухим голосом:

- Муж вернулся.

- Какой муж? – не сразу дошло до Женьки.

Елена вновь вздохнула и уже твердым голосом произнесла:

- Какой, какой – мой! Пашкин папа. – Она решительно и резко освободилась от Женькиных объятий. – Ничего не поделаешь, Женечка, раз так случилось.

Она протянула руку и погладила Женьку по щеке:

- Иди домой, Жень! Я замерзла уже, простыну еще. Ну, иди же! И не звони, пожалуйста, дай мне время самой во всем разобраться, – она шагнула в темную прихожую и вновь, как выстрел, щелкнул дверной замок.

Ошеломленный и подавленный Женька еще с минуту постоял на площадке, приходя в себя, а потом решительно повернулся и бросился по лестнице вниз.

Майор, несмотря на позднее время, еще не спал, читая в кровати какую-то книгу. Он внимательно посмотрел на влетевшего в комнату, взъерошенного, задыхающегося от бега по ночным улицам Женьку:

- Привет! Что это опять с тобой приключилось? Ну, и видок у тебя! Как будто черти за тобой гонятся. Так, что случилось, Евгений?

- Ничего! – невежливо буркнул в ответ Женька, снимая шинель.

- Ну, ничего, так ничего, – поднялся с постели майор и налил в стакан воды из графина. - На, попей-ка лучше!

И тут Женька вдруг рассказал ему все без утайки: желание поделиться с кем-нибудь своей болью, переполнявшей его, было просто непереносимым. Майор внимательно выслушал Женьку, чиркнул спичкой, прикуривая, и глубокомысленно высказался, как Киса Воробьянинов в «Двенадцати стульях»:

- Да, уж!

В комнате повисло молчание. Майор протянул Женьке пачку сигарет, сел на кровать и тоном все поvidaвшего в жизни человека продолжил:

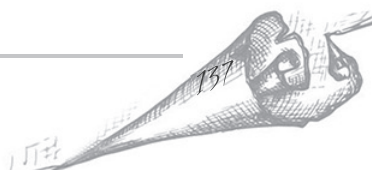
- Бывает. Кстати, бывает и хуже. Ты – парень молодой, перемелется. Да и девушку твою понять можно – ребенку отец нужен. Ты же на ней жениться не собираешься, или я что-то не так понял? Так, что, давай-ка, докурим, да будем спать ложиться. Утро вечера мудренее!

- Спасибо за сочувствие.

- А я не сочувствую, я итог подвожу. Сам посуди, ну, кто ты такой, чтобы решать за нее? Да и не одна она. Тут почти пол жизни с женой прожил, а и то не всегда знаешь, как поступить. Давай-ка спать ложиться!

Утром, после завтрака, на занятиях по строевой подготовке кто-то из сокурсников принес взбудоражившую все курсы новость. Женьку, правда, еще раньше удивило то, что ни Виктора, ни Володи на построении утром не оказалось. Такого с ними раньше никогда не случалось. И, вообще, отсутствие на разводе – ЧП.

- Так вот, мужики, – рассказывал возбужденный лейтенантик из их группы, – эти два красавца притащили в общагу баб, и нет, что бы их выставить до подъема, прокувыркались с ними до половины седьмого. Ну и дежурный по хате заметил, как две девахи через нашу дырку спешно покидали территорию.

Надо сказать, что идти до автобусной остановки через КПП было больше километра, поэтому ребята оторвали в заборе пару досок и ходили напрямую. Начальство пыталось бороться с этим, заколачивало доски заново, но все очень быстро приходило к своему логическому итогу: кому охота лишние километры мотать! Вот у этой дыры дежурным по курсам и были замечены две нарушительницы.

- Ну, и что дальше?

- А дальше этот гусь, вместо того, чтобы держать язык за зубами, доложил прибывшему командующему, что, дескать, за время моего дежурства никаких происшествий не случилось, но, только вот, две женщины были замечены пролезающими через дыру в заборе. Генерал прямо взбесился от такой наглости.

- И?

- Приказал дыру заколотить и колючкой обтянуть, а у прапоров провести дознание. Наверное, потому, что их спальный корпус ближе всего к этой самой дыре. Но, поскольку баб там ночью, естественно, не было, все эти разборки ни к чему не привели. А, когда пошли заколачивать забор, нашли записную книжку одного из этих лохов.

- Ну и что, там половина курсов ползает – любой мог потерять.

- Да, это понятно! Но они накануне в бане были, - Женька наострил уши, - а потом из «стекляшки» к бабам на хату подались. Но что-то у них там не заладилось, кинули их подруги. Делать нечего, собрались ехать домой. На автобусной остановке, возле кинотеатра, смотрят – три штатских жлоба к девчонкам пристают, те, бедные, не знают куда деться. Вступились, естественно, драка началась. А тут, как раз, фильм закончился. Морячки из кинотеатра вышли, видят: армия бьется – надо помочь. Помогли. А те, вместо того, чтобы домой убираться, закадрировали красоток. Как же – герои! Ну и приперли подруг в общагу. На вахте дежурного чуть Кондрат не хватил от такой наглости. Видимо, когда через забор пробирались, Володька-то книжку свою и потерял.

- Откуда ты все это узнал?

- Штабисты разболтали, они-то всегда в курсе, когда особенно жареным пахнет.

- А дальше что?

- А что дальше: дыру забили, а книжку записную командующему отнесли. Тот, не долго думая, поручил замполиту разобраться – что к чему. Вытащили Володьку еще до завтрака в штаб. Так, мол, и так: где вы, дорогой наш книжечку-то потеряли? А тот, вместо того, чтобы держать язык за зубами да в несознанку играть, все и выложил, болван! Подумал, что про драку доложили, мало ли кто видеть мог. Ну, а потом и про девок спасенных вытянули! Короче, обгадился сам по самое не хочу, и дружка

своего подставил. Кстати, Жень, тебя там с ними не было? Вы же всегда вместе отдыхаете?

- Не было, я дома спал. Вон майор подтвердить может!

- Да, мне-то, что твои подтверждения. А вот когда к замполиту потянут – пригодятся.

- А с чего это меня потянут? Я, вроде, не дрался и баб на курсы не водил.

- Э, Евгений, - вмешался сосед-майор, - пути Господни – неисповедимы. Особенно, когда их планирует начальство. Так что не зарекайся!

В душе у Женьки поселилось легкое беспокойство, но началось следующее занятие, и беспокойство это растворилось в воздухе, как утренний туман. В самом деле, чего ему опасаться, спал он в общежитии на собственной кровати, да и мордобоев не устраивал. Ближе к обеду в аудитории появился мрачный, как туча, Виктор.

- Ну, что там Витя, рассказывай? – сбились вокруг Виктора сокурсники, но тот только обреченно махнул рукой:

- Дал Бог дружка! Замполит нажал слегка – он и поплыл!

- А ты?

- А меня позже, после Володьки словили. Я, как Камо, знать, мол, ничего не знаю, а мне очную ставку с этим болваном устроили. Приперли, короче, к стенке. Замполит-то, что глаголет: товарищ ваш в отличие от вас все осознал и раскаялся, а вы, значит, вот как! Мы, говорит, прочитали, какие мысли лейтенант Горохов записывал в свою книжку, и поняли, что человек он в основном правильный и проступок свой осуждает искренне, а вот вы, товарищ лейтенант, видимо, нет! Я, значит, дерьмо, потому, как молчал, а Володька, почти, что – ангел!

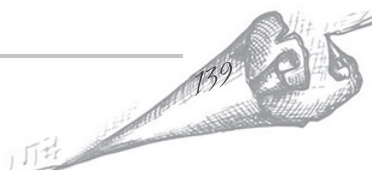
- Не понимаешь, ты начальства, Виктор! – хохотнул майор. – Не считаешь, аки отца родного! А дружок ваш – скотина порядочная. Я так понимаю: сам погибай, а товарища не подставляй! – перефразировал известное изречение майор.

- Это точно! – совсем скис Виктор.

- Да не расстраивайся ты так! Меньше взвода – не дадут, дальше Кушки – не пошлют! Ну, еще суток пять припадают. Только от этого пока никто не умер. Отдохнешь, газетки свежие почитаешь. Не все же свободное время по девкам шастать! – вновь захохотал майор.

«Ну, и Володька, ну и козел! - подумал Женька, - действительно, и сам влип, и Виктора за собой потянул». Тут прозвенел звонок, перекур закончился и начался урок.

После обеда взвод отправился в тир сдавать стрельбу, и Женька успокоился окончательно: его пока никто не потревожил. Однако, часам к трем появился вестовой с приказом прибыть в штаб к генерал-майору.

- Ты шибко не тушуйся, - напутствовал Женьку майор, - к тебе-то не за что прицепиться! Но и не наглей.

В штабе он поднялся на второй этаж в приемную, где его кивком головы, не отрываясь от бумаг, поприветствовал адъютант замполита:

- Вызывали? – оторвался, наконец, от бумаг старший лейтенант.

- Вызывали. – Женька присел на стул.

- Сейчас доложу! – он нажал на кнопку селектора. – Товарищ генерал-майор, лейтенант Кравченко прибыл. Заходи, ждут! – адъютант сделал широкий жест рукой в сторону, оббитых зеленой винилкожей, дверей, и в глазах его мелькнула неуместная в такой момент искра веселья. - Давай, давай, не задерживай!

Женька толкнул тяжелую дверь и оказался в просторном кабинете с огромным столом и бесконечным рядом стульев вдоль стены:

- Товарищ генерал-майор, лейтенант Кравченко по вашему приказанию явился!

- Являются привидения, лейтенант, а подчиненные прибывают, - поднялся из-за стола замполит, молодежавый, импозантный мужчина в генеральском мундире. – Присаживайтесь, лейтенант.

Женька пристроился на кончике стула и вопросительно посмотрел на прогуливающегося туда-сюда вдоль стола замполита.

- Ну, что, Кравченко, рассказывайте!

- А что рассказывать, товарищ генерал?

- Рассказывайте, где вчера были, что делали?

Памятуя о том, что генералу и так все известно, Женька бодро доложил, что вчера они с ребятами были в бане, а потом в «стекляшке». Ну, а потом пошли провожать девушек, где и расстались, и больше он своих приятелей до сегодняшнего дня не видел.

- А вы где прошедшей ночью находились, товарищ лейтенант?

- Спал в общежитии, товарищ генерал!

- И, что, кто-то может подтвердить?

- Так точно, мой сосед, майор Кривцов!

Замполит снова, молча, заходил по кабинету, переваривая Женькин рассказ.

- А кто в ресторане расплачивался за ужин?

- Сбросились, товарищ генерал.

- Понятно. И по сколько?

- У ребят рублей около двадцати было, ну и у меня столько же.

- Ясно! – замполит с минуту помолчал, а потом продолжил. - А как вы, лейтенант на курсы попали, вы же не кадровый офицер, и, как я поглядел в вашем личном деле, через три месяца службу заканчиваете?

- Не могу знать! Приказали – я и поехал.

- Мудаки на местах сидят, ох и мудаки! - подвел итог беседе замполит. -

Нет, чтобы своих учить уму разуму, так они двухгодичников суют! Ладно, лейтенант, идите! – отпустил он Женьку. – Пусть ко мне адъютант зайдет.

Повеселевший Женька направился в общежитие, так как уже было половина пятого, и идти на полчаса в тир не было никакой охоты, а до ужина еще далековато.

- Ну, что, орел, рассказывай? – вернувшийся майор, не снимая шинели, брякнулся на стул. – Как дела?

- Да все нормально, поговорили и разошлись, - и Женька в подробностях пересказал беседу с замполитом.

- Я бы на твоём месте не шибко радовался, выводов-то еще никто не сделал.

- Какие выводы? – махнул рукой Женька. – Я же ни в чем не виноват, прицепиться не к чему.

- Ну, ну, дай-то Бог! – произнес странно и как-то загадочно майор, и начал раздеваться.

Учеба продолжалась, и все уже почти забыли о досадном и неприятном происшествии, пока в субботу, на очередном собрании офицерского состава не прогремел гром. Собрание началось, как обычно, с подведения итогов учебы за неделю, рутинно и буднично. Потом какой-то приглашенный лектор долго и занудливо читал о положении в мире и стране. От его монотонного голоса зал осоловел, а кое-где даже раздавалось явное похрапывание. На перекуре Женька встретил Володю и, подавив в себе чувство презрения, нехотя и холодно поздоровался с ним. Вид у того был убитый: Виктор не разговаривал с ним почти неделю, да и другие поглядывали косо. «Так тебе, в общем-то, и надо, - подумал Женька, в душе все же жалея приятеля. – Поделом, соображать головой нужно, а не только задницей!», но не стал ничего говорить. После объявлений и задач на неделю в зале неожиданно появился сам командующий и прошел в президиум.

- Товарищи офицеры!

Все встали, приветствуя высокое начальство.

- Прошу садиться! – кивнул головой генерал полковник. – В нашей части произошло ЧП, - продолжил он, не прерываясь, - два офицера грубейшим образом нарушили дисциплину и совершили выходящий из ряда вон проступок, которому я просто не могу подобрать названия. Это же нужно додуматься до такого! Стыд и позор! Хорошо, что среди нас женщины не присутствуют.

И командующий подробным образом изложил всю историю, начиная с бани и кончая возмутительным поведением лейтенанта Шевардина.

- Если Горохов сразу осознал свою вину и раскаялся, то Шевардин, как мне показалось, ничего не понял, иначе, как расценить его нежелание

все рассказать сразу, правдиво и честно? А организовал все это безобразия лейтенант Кравченко. Если бы не его деньги, которые как я понимаю, жгли карман, не было бы ни пьянки в ресторане, ни всех последующих, печальных событий.

Женька чуть не подпрыгнул на стуле: во, дает! Он поднялся и попытался обратиться к генералу:

- Товарищ генерал полковник! Позвольте объясниться!

- Молчать! – сорвался на крик командующий. – Сядьте на место лейтенант, вам никто не давал слова! Вот, пожалуйста, вместо того, чтобы стореть от стыда, он еще и пререкался вздумал. Развели тут, понимаешь, бардак, не армия, а черти что! Дисциплина, товарищи офицеры, никудышная, пора обратить внимание и сделать выводы. Читайте приказ, замполит!

Командующий тяжело опустился на стул, а поднявшийся замполит начал читать приказ:

- За поведение, недостойное высокого звания советского офицера, лейтенанту Горохову объявить пять суток ареста с отбытием наказания на городской гауптвахте, лейтенантам Шевардину и Кравченко объявить по десять суток ареста и отчислить с курсов. Отбыть арест по месту постоянной службы, - едва дошло до сознания Женьки. Мелькнуло: «Как же так?»

- Козлом отпущения тебя сделали, Евгений, - донесся, как сквозь туман, до него голос майора.

- Точно, - сочувственно добавил, сидевший рядом капитан, - оно и понятно – двухгодичнику терять нечего, кроме своих погон.

- Однако – противно! – подвел резюме майор. – Хотя у нас и не такое случается. Не расстраивайся больно-то, Евгений, домой скоро поедешь, а это тоже неплохо. Мне, по правде сказать, так уже принадоела вся эта жизнь, аж плевать тянет. Да, и по дому соскучился. Полтора месяца ляжку тянем, и лето не за горами – хозяйство ждет.

- Да, я и не расстраиваюсь особо, - пришел, наконец, в себя Женька. – Пошли они все подальше!

- Вот и правильно! Вон, к тебе товарищ твой по несчастью топают, ему куда как хуже: очередное звание отложить могут, или продвижение по службе. У нас это запросто, был бы повод, а он ведь кадровый! Хорошо, если комбат с головой, а не с тыквой.

Подошел, тяжело дыша, Виктор. Лицо у него было пунцовым, чувствовалось, что человек в расстроенных чувствах.

- Не думал, что все так обернется. А тебя-то за что, Женька?

- Его-то? А, ни за что! Чтобы другим неповадно было, - сказал майор. – Пошли мужики, концерт окончен, самое время расслабиться после встряски. Не горюйте, ребятишки, перемелется – мука будет!

Когда они подошли с Виктором к общежитию, намереваясь накапать граммов по двести для снятия стресса, то к своему удивлению встретили у входа дождавшегося их Владимира.

- Мужики, ну, простите! Сам не знаю, как все получилось. Заклинило мозги в кабинете у генерала. – Он виновато, почти просительно посмотрел на приятелей. – Поехали в город, я угощаю. У меня там знакомых полно, отдохнем, как положено. Мне все равно на губу только в понедельник, а сегодня суббота – посетителей не принимают, да и вас только на той неделе в лучшем случае отправят: билеты, то да сё.

- Шел бы ты, Володька, куда подальше! – начал, было, Женька, но его прервал Виктор:

- А что? Это – мысль. Пусть проставляется, коли напакостил!

- Без вопросов, мужики! – повеселел Володя. – Девочки знакомые в городе – что надо! И хата есть. Не пожалеете.

- Мало вам девочек, дьявол их дерит! – чертыхнулся Женька, внезапно вспомнив, как сам неделю назад чуть не плакал от обиды, получив от ворот поворот. – Не было бы баб, и всего этого бардака не было бы!

- Кончай, Жень! Что случилось, то – случилось! Чего после драки кулаками махать? Да и денег не густо, хорошо, если в понедельник переводы придут.

- Значит, договорились, мужики? – засуетился Володя. – У меня денег хватит, бабушка с оказией передала.

- Договорились! Но, гляди, если опять мордой в грязь – не сетуй!

- Короча, встречается через час здесь. Форма одежды – парадная.

- Пошли, Жень, хоть душ примем, а то его столичные знакомые носы воротить будут.

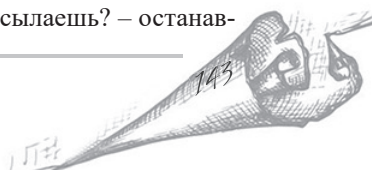
- Флакон одеколону вылей, будешь, как куст розовый пахнуть!

Они разошлись, а уже часа через полтора сидели в вагоне гремющей электрички, которая несла их к Варшавскому вокзалу.

Володька не обманул: его знакомые и впрямь оказались приятными, и не только на внешность, девчатами. Огромная, четырехкомнатная квартира на Петроградской стороне приняла их гостеприимно, с поистине русским хлебосольством. Здесь постоянно царил атмосфера какого-то праздника: приходили ниоткуда и уходили в никуда какие-то хозяйские знакомые, бесконечно кипел на плите чайник, а чайные кружки и стаканы наполнялись не только кипятком для кофе, но и чем покрепче. Хозяев, как таковых не было: работали где-то за границей, и домом безраздельно правила их дочь Вика, особа красивая и слегка капризная.

- Женечка, сходите, будьте добры за шампанским. Куда? А я сейчас вам покажу. Видите универсам, там, за дорогой.

- Вика, куда ты человека в незнакомом городе посылаешь? – остано-

ливал девушку на правах старого друга дома Владимир. – Давай лучше я сбегаю, а ты покажи Жене папину коллекцию, да позови подруг, что бы ребята не скучали. Позвони Кате с Женей. Кстати – тезка твоя!

- А, и, правда, Володенька, слетай-ка ты. Только проходным двором не ходи, там улицу перекопали, грязища непролазная. А девочки скоро подойдут, я им звонила. Пойдемте, Женя, я вам папину коллекцию монет покажу, там даже золотая какая-то, времен Екатерины есть. Вы любите нумизматику?

- Не знаю, - неуверенно отвечал Женька, слегка оглушенный напором и неумной энергией этой симпатичной, но беспокойной особы.

- Пойдемте, пойдемте! Вам обязательно понравится. А вы, Витя, не хотите с нами?

- Нет, - отвечал развалившийся в кресле перед телевизором Виктор. – Можно, я на балконе пока покурю?

- Курите здесь, вон пепельница.

- Не, я лучше на балконе, тем более погода сегодня вполне располагает.

На дворе в этот день наконец-то запахло настоящей весной. Умытое, весеннее солнышко грело почти по-летнему, а с мокрых, потемневших проталинами в снежном покрове скатов крыш зазвенели первые капли. На карнизах сустились вечно озабоченные чем-то своим, шумные, растрепанные воробьи, и город как будто вытаивал из своей зимней спячки, заново открывая измученным надоевшим до чертиков морозом и снегом прохожим свои великолепные фасады зданий и брусчатку мостовых. Даже лица у людей стали как-то светлее и радостнее, а стайки юных, скинувших шубы и пальто особ женского пола пестрели всеми цветами радуги вынутой наконец-то из пыльных гардеробов сезонной, легкой одежды.

Женька смотрел коллекцию, слушал неумолкающую Вику, и как-то постепенно забывал о тех неприятностях, которые так неожиданно, а главное несправедливо, свалились ему на голову. Через полчаса появились еще три девчонки, Викины подруги, а вскоре и Володька принес из универсама шампанское, водку и прочую снедь. Вечер встречи и прощания удался на славу: пили, пели под гитару, танцевали, кто, как умел, и целовались с девчонками по темным углам и закоулкам огромной, как стадион, квартиры. Утром всей компанией отправились гулять на Васильевский остров, потом – на Невский, посидели в кафе. Все было прекрасно, но день перевалил за свою половину, и пришлось прощаться с гостеприимными аборигенами, что бы вовремя добраться до расположения гарнизона. Тем более, что командующий распорядился пропускать курсантов на территорию части после одиннадцати только с разрешения дежурного офицера, а каждый случай фиксировать в специальном журнале, пообещав в придачу особо ретивым, как он выразился, полный абзац.

Пока добрались до вокзала, пока тряслись более часа в электричке, как раз подошло время ужина.

- Никто не искал? – спросил он майора, вернувшись в общежитие.

- А что, кто-то должен был искать?

- Нет, но вдруг?

- Начальство точно не искало, не беспокойся. Кто-то, вроде, вчера звонил тебе на вахту, пойди, спроси у ребят из двадцатой, они, кажется, номер записали.

Женька бросился в двадцатую. Звонила Лена. Первым порывом души обиженного Женьки было – не звонить! Но, немного приостыв от внезапно вцепившейся в горло, почти уже забытой обиды, он подумал и пошел на вахту. Набрал знакомый номер, долго вслушивался в длинные гудки, и, уже было, решил бросить трубку, когда в ней раздался знакомый, слегка хрипловатый голос бабы Зины:

- Алло! Я слушаю. Говорите!

- Зинаида Васильевна, это я, Евгений! Извините, что беспокою, позовите, пожалуйста, Елену.

- Какой такой еще Евгений?

- Да Женя я, баб Зин! Не узнала, что ли?

- А, это ты, милоч! Чего звонишь-то, на ночь глядя?

- Лену позовите, пожалуйста!

- Не могу я Лену позвать, милоч.

- Почему?

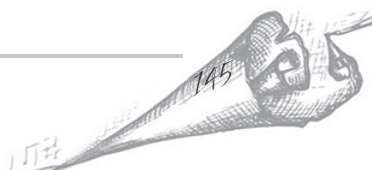
- А Лена уехала!

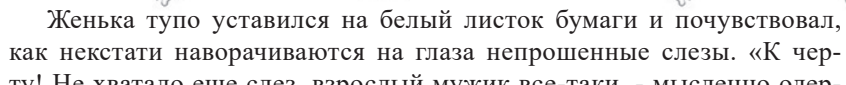
- Как уехала? Она мне вчера звонила, но меня просто на месте не было. Уезжал я.

- Вот, как ты уезжал, так и она уехала, собрала вещички, и утром тютю! И сына с собой прихватила. К мужу ейному поехали, в Воркуту. Она мне тут на прощанье сказала, что если звонить будешь, передать, что бы зла на нее не держал, а еще письмо оставила.

- Баб Зин, вы спать пока не ложитесь, я минут через пятнадцать буду у вас! – И Женька рванул в комнату одевать шинель.

« Милый Женя, - писала Елена, - прости меня родной! Я долго думала, когда уехал Петр, и решила, что так будет лучше для нас всех, а особенно – для Пашки. Ты еще молод, и найдешь своё счастье, а мне уже почти двадцать шесть – возраст, можно сказать, критический. Петр сказал, что нужно начать все с начала: мальчик нуждается в отце, да и Пашка к нему тоже всей душой. Вот сидим, ждем такси, а на душе так муторно и противно. Что поделаешь – жизнь есть жизнь! Прости еще раз и не поминай лихом. Жалко, что не повидались, я бы тебе все объяснила подробнее. Целую. Твоя бывшая знакомая, Лена».

Женька туго уставился на белый листок бумаги и почувствовал, как некстати наворачиваются на глаза непрошенные слезы. «К черту! Не хватало еще слез, взрослый мужик все-таки, - мысленно одернул он себя. – Возьми себя в руки, пацан, нечего слюни распускать!» Женька еще раз взглянул на письмо, и, решительно смяв бумажный листок, швырнул его в ближайшую урну. Глубоко вздохнув, он достал из кармана сигареты, закурил и двинулся в сторону дома, постепенно успокаиваясь. Несмотря на то, что было около десяти, гуляющих на улице не убавлялось. Появившиеся на асфальте лужицы даже в это время не покрылись ледком, а влажный воздух пах морем и вытаявшей прошлогодней листвой.

- Молодой человек, угостите сигареткой? – девчушка лет семнадцати с подругой явно хотели поиграть во взрослую жизнь.

- А не рано, девочки?

- Сам ты девочка! – обиделись подружки и дружно зацокали каблукками по тротуару, исчезая в темноте.

Женьку совершенно не возмутила наглость симпатичных малолеток. Ему, внезапно, стало как-то необыкновенно легко, как будто он вдруг избавился от постоянно гнетущего, тяжелого недуга. Усмехнувшись про себя и примяв сигарету каблуком, Женька бодрым шагом двинулся в сторону родного КПП.

Утром, после завтрака, он направился в канцелярию за проездными документами. По дороге заглянул на почту и получил, наконец, долгожданный перевод из Советского. Наличие капитала придало Женьке уверенность в том, что все не так уж и плохо. Ему уже хотелось назад, в часть к ребятам, хотелось сменить эту многонедельную рутину на другую, более подходящую его характеру и привычкам обстановку. Представившись подполковнику, начальнику канцелярии, он попросил выдать ему командировочное предписание и проездные:

- Поскольку, отчислен с курсов, - пояснил Женька.

- Нашел, чем хвастаться, лейтенант! С какой рожей ты в часть свою появишься? Слушай, а ты устав-то когда-нибудь читал, что за вид у тебя? Старшина, не выдавай ему документов, пока не пострижется.

«Ах ты, старый хрен!» - возмутился про себя Женька и, схибно улыбувшись, полез подполковнику под шкуру:

- Я, собственно, товарищ подполковник никуда и не тороплюсь. Еще не все достопримечательности в славном городе Питере посетил. А что касается моей прически, то, как ни странно, товарищ подполковник, деvушкам нравится. Документики-то все-таки прикажите выдать.

Морда у подполковника стала багровой, как переспелый помидор, но Женька с ядовитой ухмылкой на губах невозмутимо смотрел в его глаза:

- Ну, дак, как, товарищ подполковник, выдадите документики, или я пошел?

Остолбеневший от такой наглости подполковник, как рыба, открыл рот, беззвучно глотая воздух, а потом с хрипом едва выдавил из себя:

- Старшина!

- Слушаю, Василий Петрович, - улыбнулся из-под усов старшина, отворачивая лицо, чтобы подполковник не заметил этой улыбки.

- Немедленно выдай этому типу документы, и, чтобы завтра же духа его в Питере не было! Не зря тебе, Кравченко, десять суток влепили, я бы больше дал.

- А билеты, товарищ подполковник? У меня здесь блата нет, могу и не купить, - продолжал измываться Женька.

- И билеты ему достань через Сидоровича! – едва пришедший в себя полковник вышел из канцелярии, громко хлопнув за собою дверью.

- Ну, ты даешь, лейтенант! Он же мог тебе еще суток пять прилепить, хорошо, что отходчив.

- Какая разница старшина: что десять, что пятнадцать, все равно не сидеть.

- Не понял.

- Так у нас в поселке офицерской губы нет, а в Свердловск давно не посылают. Года два назад пытались. Но ребята попались ушлые, а областная губа всегда переполнена, вот и вышли из положения. Начальнику гауптвахты пол ящика коньяка, и – домой, к маме, а на обратном пути – отметку в командировочное, что отсидел, дескать, голубок. Рисково, конечно, но работало, и не раз. Начальство расчихало, перестало отправлять.

Короче, сидеть мне старшина не придется.

- Вашим легче! На, держи документы, а за билетами зайди часам к трем. Деньги-то на дорогу есть?

- Есть. Только что перевод получил. Чего мне там, в командировочном предписании накатали?

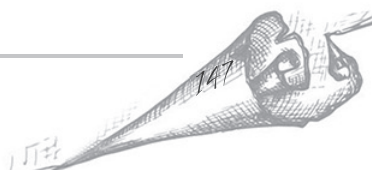
- Не обращай внимания.

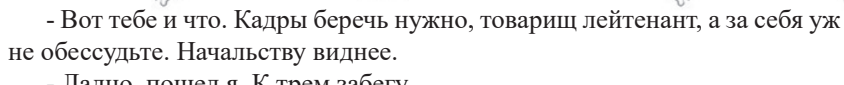
В предписании значилось: « За организацию коллективной пьянки и систематическое аморальное поведение лейтенанту Кравченко Е.Г. объявить десять суток ареста с отбыванием наказания на гарнизонной гауптвахте по месту постоянной службы и отчислить с Центральных офицерских курсов железнодорожных войск».

- Ну, блин, и насочиняли господ генералы!

- А ты что хотел, разруливать как-то положение надо. Тебе что – в августе на гражданку, а ребятам дальше лямку тянуть, им лишние пятна в служебной биографии ни к чему. Кстати, Виктору высылку заменили отсидкой здесь, на месте.

- Да ты что!

-
- Вот тебе и что. Кадры беречь нужно, товарищ лейтенант, а за себя уж не обессудьте. Начальству виднее.
 - Ладно, пошел я. К трем забегу.
 - Давай.

Рейс на Тюмень задержали по неизвестной причине почти на два часа. Женька несколько раз выходил из аэропорта покурить, но погода была препротивной. С неба сыпал не то мелкий дождь, не то туман, а ветер с Балтики пронизывал шинель насквозь. Втянув голову в поднятый воротник, Женька затягивался пару тройку раз и бросал сигарету, спеша укрыться в душное тепло зала ожидания. Время тянулось медленно и томительно. Старшина не подвел – билеты достал. Вчера вечером они с мужиками слегка отметили его отъезд прямо в общежитии, а рано утром он сел на электричку до города, откуда уже на автобусе добрался до Пулково. Наконец объявили посадку, и снова пришлось выйти под морозящий дождь и пронзительный ветер к самолету. Женька настолько продрог, что когда самолет поднялся в воздух, и в салоне стало тепло, он тут же задремал и проснулся только тогда, когда снова заложило уши. Самолет шел на посадку. «Товарищи пассажиры! Наш самолет совершает посадку в аэропорту Рошино города Тюмени, - объявила усталая стюардесса. – Прошу всех застегнуть привязные ремни! Температура в городе Тюмени плюс двадцать один градус». «Ни фиги себе! - подумал Женька. – В Питере колотун, а здесь лето уже. В шинели спаришься, однако». Когда, наконец, подали трап и он, попрощавшись со стюардессами, шагнул на него, то сразу же почувствовал на щеке жгучие лучи не по-весеннему палящего солнца. Еще через пару минут на лбу выступили крупные капли пота, и пришлось снять шинель и шапку. Вещи, в том числе и фуражка, которую ему не пришлось ни разу надеть в Питере, находились в чемодане, а чемодан, как обычно, пришлось ждать почти час. К своему неудовольствию он обнаружил, что один из погон на кителе отпоролся и безобразно торчит вверх, портя весь внешний вид. Набросив на это плечо шинель, он подхватил наконец-то полученный чемодан, и направился через привокзальную площадь к гостинице. Мест в ней тоже, как обычно, не было. Но Женька применил проверенную тактику, заболтал, разжалобив, дежурных и получил-таки место в двуспальном номере. Пожалев его, девочки даже аккуратно пришили оторвавшийся от кителя погон. Приведя себя в порядок, Женька направился в ресторан аэропорта, где плотно поужинал, а в девять часов утра следующего дня АН-24 унес его в Советский, по которому он уже порядком соскучился.

В офицерском общежитии на улице Советской жизнь шла, как обычно. Поскольку была среда и все ребята находились на службе, то в помещении Женька встретил только истопника, рядового Боговича.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – радостно поприветствовал Женьку истопник.

- Здорово, Богович! Комната моя прибрана?

- Айн момент, товарищ лейтенант! – засуетился солдат. – Тут, пока вас не было, командировочные жили. Пять минут, и все будет о кей!

- Я тебе уши, Богович, отгрызу, как Матвеич говорит, если что пропало!

- Что вы, товарищ лейтенант, я все ваши вещи в каптерку прибрал. Сейчас все по местам разложу.

- Какие новости в части, а, Богович? Что в городе делается?

- В городе не знаю, товарищ лейтенант, а в батальоне комбат дела передает. Уходит он от нас.

- Не понял. Как уходит?

- Переводят его в управление бригады, товарищ лейтенант, нового комбата прислали. Чебрава его фамилия, грузин. Глаза черные, злющие, как будто тебя насквозь сверлят, не то, что майор Гук.

- А ты-то его, где видел, ты же в части почти не бываешь?

- А они с комбатом сюда приходили, смотрели, как офицеры живут, по комнатам ходили.

- Ну, ты меня обрадовал, Богович! Вот это – новость так новость! Ладно, ты тут марафет наводи, а я пошел в батальон докладываться.

Выскочив на улицу, Женька нос к носу столкнулся с Сашкой Ворошиным.

- Здорово, Сань! Сколько лет, сколько зим, дружище!

- Во, а ты откуда взялся? Витька говорил, что только к концу месяца появишься.

- Сегодня прилетел. Ты куда топаешь-то?

- Да в батальон. Ночью из Пельма приехал, ну, и проспал маленько. А, ты то, как?

- Нормально. Правда, с курсов выперли.

- Да, ну! Давай рассказывай!

- Вечером, Сань, а то долго рассказывать. Пошли, что ли?

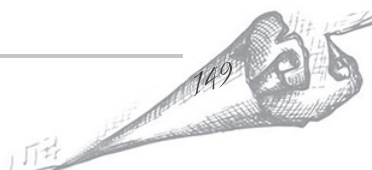
- Ну, пошли. Гляжу, поправился ты от безделья в столицах-то. Щеки того и гляди лопнут. Да, самое главное забыл: комбата в штаб бригады забирают, нового прислали из Тюмени, у Бахирева служил.

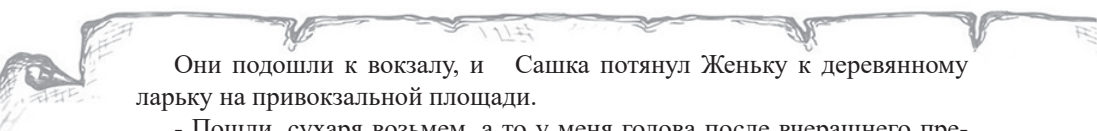
- Богович уже доложил. Ну, и, что за фрукт?

- Замом командира батальона под Сургутом служил, грамотный вроде, дело, похоже, знает.

- А у тебя, откуда такие сведения?

- Так они с комбатом у нас на мосту уже побывали. Нормальный мужик, с виду, правда, малость грозен, но это потому, что черный, как уголь. Грузин все же.

Они подошли к вокзалу, и Сашка потянул Женьку к деревянному ларьку на привокзальной площади.

- Пошли, сухаря возьмем, а то у меня голова после вчерашнего преферанса трещит. Заодно и встречу отметим.

- Не, я не буду, мне еще начальству докладываться надо.

- Брось! Ни фига тебе со стакана сухого не будет. Пошли. Там теперь продавщица новенькая, Верой зовут, симпатичная девочка и приветливая.

- Смотри, жена узнает, морду раздерет.

- Так это я так, чисто платонически.

- Ага, знаю я тебя! Ладно, давай по быстрому, да потопаем. Время – к обеду.

В штабе, после многочисленных приветствий и объятий с сослуживцами, Женька заскочил в секретку к Суровцеву.

- А ты как тут оказался? – удивился старлей. – Ты, вроде, еще в Питере должен быть.

Женька вкратце обрисовал сложившуюся ситуацию и сдал командировочное предписание.

- Ну, ты гигант! – вытаращил глаза Суровцев, прочитав написанное.

- Ладно, я к комбату на разборку пошел, вечером поговорим.

Проходя мимо знамени батальона, охраняемого часовым, Женька машинально отдал честь и, сделав по коридору еще несколько шагов, оказался перед дверью командира части. Секунду поколебавшись, он громко постучал и вошел в кабинет.

- Разрешите! Товарищ майор, лейтенант Кравченко после прохождения курсов в городе Ленинграде прибыл для дальнейшего прохождения службы!

В кабинете комбата находилось три человека: незнакомый майор-грузин, как понял Женька, новый командир части, начальник штаба майор Стешенков и сам комбат. «Ба, а начштаба-то наш уже майора отхватил! – подумал Женька. – Ну, теперь держись, братва!»

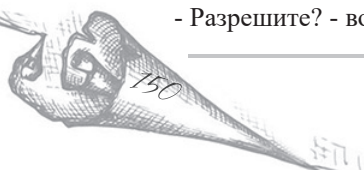
- Заходи, заходи, Кравченко! Шота Иванович, разрешите представить, лейтенант Кравченко, начальник техчасти, находился на курсах, квалификацию, так сказать, повышал. Что так рано вернулся? Случилось что?

- Так точно! Отчислен с курсов досрочно, приказом командующего назначено десять суток ареста с отбытием наказания по месту постоянной службы!

У комбата чуть не отвисла челюсть, а грузин с интересом взглянул на Женьку, сверкнув белками глаз из-под смоляных бровей.

- Суровцев, зайти к комбату с документами Кравченко, - прервал повисшее в воздухе молчание звонком в секретку начштаба.

- Разрешите? - вошедший в кабинет Суровцев положил Женькино ко-

мандировочное предписание на стол перед начальником штаба. – Разрешите идти?

- Идите!

Начальник штаба внимательно прочитал принесенные старшим лейтенантом бумаги и молча передал их комбату.

- Ну, ты даешь, лейтенант! – вернул предписание майор.

- Жене бы твоей все это показать, - начал, было, начштаба.

- А я не женат, товарищ майор!

- Слава богу, что не женат.

- Разрешите объясниться, товарищ майор, - вновь обратился к комбату Женька.

- Ну, давай, давай, объясняйся, гусь лапчатый!

Женька в течение пяти минут рассказал все, как было на самом деле, ничего не утаивая.

- Когда прикажете отбыть в Свердловск на гауптвахту, товарищ майор?

- Ага, сейчас, держи карман шире! Нашли тут, понимаешь, лазейку, думают, что начальство – дураки! – обратился он к новому комбату. – Давай, топай отсюда, тунаец! Работать некому. Иди, иди, чего столбом встал! А ты, майор, потом с ним разберешься.

Женька выскочил из кабинета и отдышался: «Пронесло, кажись!»

- Ты чего, Женечка, такой распаренный? – поинтересовалась проходившая мимо заместитель главного бухгалтера Вера Сергеевна.

- Жарковато что-то, Вера Сергеевна, - ответил, срываясь с места, Женька.

Гроза пролетела, тучи рассеялись, жизнь начиналась сначала. Расспросив о текущих делах своих подчиненных и дав несколько распоряжений, Женька отправился в столовую. Утром, еще в аэропорту, он перекусить не успел, а бутылка сухого, выпитая вместе с Сашкой, между составами, только прибавила ему аппетита.

- Привет, Боря! – подсел он за столик лейтенанта Панкратова.

После рождения ребенка Борис отправил жену к матери и переселился жить в общежитие. Естественно, пришлось забыть о здоровой и вкусной домашней пище и начать питаться в офицерской столовке. Да и кто видел мужиков, готовых проводить у плиты за готовкой обеда драгоценное время. Конечно, по субботам на ужин в части почти никто не оставался. Все торопились домой, чтобы успеть почистить перышки перед танцами и посидеть дружной компанией за столом. Вот тут у многих просыпались недюжинные кулинарные способности. Жарилась яичница с колбасой на огромной сковороде, хранившейся до поры до времени, где то в глубине каптерки, у запасливого Боговича. Нарезались лимоны, выставлялось спиртное и за разговором время летело незаметно, а часов в

девять вечера все спешили в местный дом культуры, на танцы, кто к давним возлюбленным, а кто в надежде на счастливую встречу. Ну, а после танцев, вернувшиеся живыми на базу, дулись почти до утра в преферанс. Конечно, на интерес: с зарплаты лейтенантов проигрывать было особенно нечего...

- Здорово, Жень! Как там Питер поживает? Слышал – залетел ты прилично!

- Суровцев уже растрепал?

- Земля слухами полнится. В Эрмитаже-то хоть побывал.

- Дался вам этот Эрмитаж! Был, конечно. Ты лучше расскажи, что тут в поселке делается? Людмилу давно видел?

Борис как-то странно взглянул на него и уставился в тарелку с супом, усердно работая ложкой.

- Ты чего молчишь-то?

- Я? Я не молчу, - Борис, наконец, закончил с супом и облизал по прищечке ложку. – Какие новости? От Сашки Ворошнина Алина сбежала окончательно. Подалась, куда-то на юга, искать лучшей доли.

- Да ты что! А ведь ничего гад не сказал! Хотя, это – не новость! Саньке давно было пора ей под зад коленкой дать, гуляла ведь, зараза, без стыда и совести.

- А сын?

- Ну, а что сын! Сын, он сыном и останется. Думаешь лучше в таком бедламе жить и видеть, как папка с мамкой друг другу морды бьют? Кстати, а сын-то с кем остался?

- Сашкина мамаша пока к себе забрала.

- Надо бы к нему зайти вечером, навестить, тяжело, поди, одному.

- Так его сейчас в Советском нет, он на Пельме отирается. Технику с зампотехом с моста вытаскивают: половодье скоро начнется. Эй, вестовой, компот неси!

- Приехал он вчера. Я с ним только что пузырь на станции раздавил.

- Приехал, значит. Это – хорошо! – принял за компот Борис.

- Боря, да брось ты свой компот, наконец! Ты Людмилу-то мою видал, или нет?

- Да, видел однажды на улице, - Борис вновь как-то странно взглянул на Женьку, - поздоровались издали и разбежались. Я же все больше на мосту ишачил. Это сейчас только все начали собираться, к летней учебе готовиться. Давай, обедай, а то все болтаешь и болтаешь, голодным останешься. Ладно, я пошел, мне еще на почту зайти надо. Вечером в общаге встретимся, поговорим.

- Куда побежал, оглашенный? Как твои-то поживают?

- Нормально! До вечера!

После ужина Женька прибыл в родные пенаты и долго гладил свое штатское в предвкушении предстоящей встречи с Людмилой.

- Куда намыливаешься, Жень? – спросил зашедший к нему в комнату главбух Виктор Матвеевич. – Пошли ко мне, мать леща вяленного при-слала. Настоящего, гурьевского, с Волги. Сейчас ребята пива принесут: в железнодорожную столовую вагон в обед разгрузили.

- Не, Матвеевич, мне кое-куда сходить надо.

Главбух, как и Борька накануне, взглянул на Женьку, как-то странно, жалеючи, и, немного помявшись, спросил:

- Ты чего, Жень, ничего не слышал?

- Нет, - продолжил гладить брюки Женька, - а чего я должен был услы-шать?

- Да так, болтают разное.

- Ты не темни, Матвейч, выкладывай все на чистоту. А то Борька с какими-то намеками разговаривал, теперь – ты.

- Говорят, Людмила твоя с каким-то хахалем заезжим схлестнулась, даже, вроде, уезжать с ним собралась. Ты не волнуйся чересчур-то, - уви-дев, как потемнело Женькино лицо, положил ему на плечо ладонь глав-бух, - может быть болтовня все это. Сам знаешь, несут людишки иногда черти что. Ладно, я пошел. Подходи ко мне, если надумаешь.

Оглушенный внезапной новостью Женька вначале оцепенел, но по-том достал сигареты и, сделав несколько глубоких затяжек, оправился и пришел в себя. «Вот, значит, как, Людмила Петровна! – Женька начал то-ропливо переодеваться. – Так, значит, вы со мной поступаете!» В комнату заглянул Борис:

- Ну, ты что? Пошли скорей, мужики пиво притащили, - но, увидев, что друг не в себе, быстро ретировался за дверь.

Женька посидел еще с минуту на кровати, сжимая кулаки, а потом решительно поднялся и пошел в комнату к Матвеевичу.

- О, Женька прибыл! – затискали его те, кто с ним еще сегодня не встречался. – Как жизнь, Жень? Как Питер поживает?

- А что ему сделается, Питеру-то? Стоит там же.

- На фонтанах был?

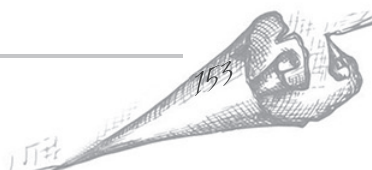
- В парке был, но фонтанов не видел. Их на зиму досками забивают, а вот на тройке там покатался.

- Садись, держи пиво!

- Спасибо!

Лещ и вправду оказался великолепным, но услышанная от друзей но-вость не давала покоя, царапая где-то изнутри острыми коготками.

- Пойду я, пожалуй, - шепнул Женька на ухо Борису и постарался не-заметно выскользнуть за дверь.

Минут через двадцать он уже стоял перед знакомым зданием гостиницы. Раздавив подошвой окурочек, Женька, поколебавшись, взялся за дверную ручку и вошел в парикмахерскую. Нина сидела у зеркала и старательно выщипывала брови. Увидев отражение вошедшего в помещение Женьки в зеркале, она удивленно подняла оставшиеся от ее трудов тонкие ниточки и округлила глаза:

- Ой, Женечка приехал!

- Здорово, мать! – качнулся, слегка захмелевший от пива и принятых ста грамм, Женька. – Как живете-можете?

- Садись Женечка. Чаю хочешь?

Женька отрицательно мотнул головой и плюхнулся в кресло:

- Людмила где?

- Так она неделю, как в отпуске, Женечка. Дома, наверное, где ей еще быть, - затараторила Нина. – Ты бы рассказал лучше, как съездил, как там, в столицах наших?

- Кончай, Нин, трепаться! Рассказывай лучше, что тут случилось?

- А, что тут случилось? Ничего не случилось!

- Да, что это вы все, в конце концов! В прятки, что ли, играет? В обшлагае мужики глаза прячут, молчат, и ты тут тоже лапшу на уши вешаешь! Рассказывай, лучше, по хорошему, а то, я к тебе меры дисциплинарного воздействия применю.

Женька сделал страшное лицо и начал медленно подниматься из кресла. Нина посмотрела на него, устало махнула рукой и опустила на скрипнувший под ней стул:

- Сядь, Женечка. Успокойся. Тут такое дело. Приехал однокашник Людмили из Свердловска, на три года раньше ее их школу закончил, родители его здесь живут. Встречу школьных товарищей организовал, ну, все, как полагается. Потом второй раз приехал. Ты же не писал, Женечка, - Нина подняла глаза и посмотрела на Женьку, - мне Людмила говорила. А этот каждый выходной начал приезжать. То цветы, то шампанское, да и сам из себя парень видный, самостоятельный, то ли начальником управления какого-то работает, то ли еще кем, не знаю точно. Предложил, так сказать, руку и сердце. Люблю, мол, со школьной скамьи. Людмила, конечно, отказала, но тут мамаша ее обрабатывать начала. Сам знаешь, как она к тебе в качестве потенциального зятя относится.

- Ну, и?

- Да не знаю я точно ничего, Женечка. Людка все больше отмалчивалась, ничего не рассказывала. А неделю назад отпуск взяла и куда-то поехала. Обещала к субботе вернуться, клиентки ее ждут.

- Понятно, - Женька тяжело поднялся из кресла. – Бывай, мать, попопал я.

- Ты здорово-то не огорчайся, Жень, может еще образуется все? –

участливо посмотрела на него Нина. – Приедет, поговорите, глядишь – все по-старому пойдет!

Женька поднял глаза, окинул взглядом помещение парикмахерской, и, повернувшись лицом к Нинке, показал ей кукиш. Потом, молча, развернулся и вышел. Прохладный, северный ветерок слегка остудил его пылающее лицо, и он побрел, дымя сигаретой, назад в общежитие, где и напился окончательно под советы старых друзей: как быть и что делать в данном случае.

С пятницы на субботу Женька попал в наряд дежурным по части, и к пяти часам вечера в субботу, передав дежурство сменявшему его Сашке Ворошнину, стал свободен, как птица.

- Гони трешку, Женя! – у штабного крыльца Борис пересчитывал смятые рубли и трешки, собранные у ребят. – И пошли в магазин, мне одному не утащить.

- Держи, Борь! – выскочил на крыльцо раздетый Виктор Матвеевич. – Лимончиков не забудьте купить.

- Не забудем. Сухое брать?

- Да, кто его пить-то будет?

- Кто, кто? Доктор, естественно, он у нас человек утонченный.

- Хрен с ним! Возьмите пузырь, пусть человек радуется.

- Ну, мы пошли, вы тут шибко не задерживайтесь, а то слюной захлебнемся!

- Комбат с новым на Северной ветке, а Стешенков долго на работе не задержится: жена убьет. Так, что скоро будем. Дуйте, мужики.

Приятель вышел через КПП за ворота и через железнодорожные пути двинулись к центру поселка. Весна уже всюю вступала в свои права. Снега почти не осталось, только с северной стороны за домами и заборами еще виднелись подтаявшие, почерневшие под солнечными лучами сугробы. У железнодорожной столовой толпились и галдели мужики из леспромхоза. Видимо, опять привезли пиво, или просто не успели допить предыдущий вагон.

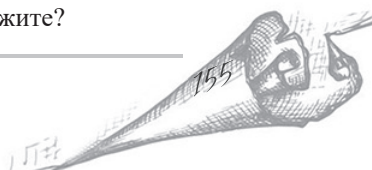
- Может, постоим? – спросил у Женьки Борис.

- Не, здесь и за час не управиться, – оглядел толпу Женька. – Пошли, а то мужики убьют. Завтра за пивом сходим, весь вагон, поди, выжрать не успеют.

- Кто его знает.

Бетонным, полуразрушенным тротуаром они дошли до магазина «Елочка», где купили водки, колбасы, а для доктора бутылку сухого «Ркацителю». Сложив все это хозяйство в две коробки, они, не мешкая, двинулись по улице Ленина в сторону улицы Титова.

- Привет, мальчики! – выкатилась навстречу друзьям из проулка сияющая, как начищенный пятак, Нинка. – Куда путь держите?

- Разлагаться идем, Ниночка! – Борис поставил коробку к забору на прошлогоднюю траву, чтобы не испачкалась. – Пойдемте с нами девушка, не обидим! Да поставь ты коробку-то, Жень, перекурим малость. Вечером-то Ниночка на танцы придешь?

- Всенепременнейше, Борис Николаевич!

- Тогда я вас, Ниночка, заранее ангажирую на танго.

Женька стоял и курил, молча, слушая эту безобидную пикировку, и с нарастающим внутри него волнением ждал, что скажет Нинка дальше.

- Кстати, - Нина повернулась к Женьке, - Людмила вчера вечером приехала.

- Ах, как вы женщины коварны, Ниночка! Самую важную новость всегда про запас держите. – Борис посмотрел на помрачневшего друга, - Мы пойдем, пожалуй, нас ждут, но я с вами не прощаюсь и надеюсь на вашу благосклонность.

- До вечера, ребята! – и каблучки туфель Ниночки застучали, как пулемет, по бетону подсохшего на солнце тротуара.

Через десять минут, которые им понадобились на преодоление грязных канав и разбитых лесовозами улиц, они разгрузили все припасы на кухне общежития, а еще через пять по коридору разнесся запах жареной яичницы с колбасой и громкий голос Матвеича объявил:

- Трубить полный сбор! Богович, тащи яичницу ко мне в комнату, да открой пару банок тушенки. Мухой, а то уши обстригу!

- Сей момент, товарищ капитан, все будет исполнено! – засуетился вестовой, предвкушая обязательную в таких случаях выпивку.

Пить на службе, конечно, воспрещалось. Но это в части, хотя и там случались ЧП, а тут, в поселке Боговичу нет-нет да перепадало.

- Подъем, скотина! – пинали Боговича под утро задубевшие в кроватях от холода господа офицеры, когда тот по причине ночного распития не успевал вовремя подбросить в котел дров.

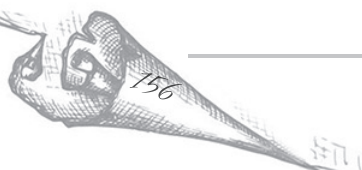
Несколько раз Матвеич грозился вытурить Боговича назад в роту, но каждый раз тот оставался при своей должности, потому, что был безотказным человеком и главное умел держать язык за зубами. А помалкивать было о чем: в мужском общежитии жили отнюдь не святые.

Застолье продолжилось до десяти, а потом все дружно поднялись и двинулись в сторону поселкового дома культуры.

- Богович, - приказал, одеваясь, главбух, - прибери тут мало-мало! Тушенку можешь жрать, а водку – гляди мне! Наведи полный марафет. Вернемся, будем в преферанс играть. Понял?

- Так точно, товарищ капитан!

- Ну, гляди, если что не так! – Матвеич помахал перед носом ефрейтор- кулаком и пошел вслед за остальными.

Танцы были в самом разгаре. В вестибюле дома культуры, где проходили танцы, стояли жара и духота от тесноты и скученности разгоряченных человеческих тел.

- Привет, мужики! – с улыбкой приветствовал появившихся в зале офицеров ударник, а по совместительству и руководитель оркестра, путевой мастер с железной дороги, громко исполнив на барабане туш. – Что прикажите сыграть для дорогих гостей?

- Давай, Женя, танго! Душа требует возвышенного и тонкого, - Матвеевич окинул орлиным взглядом теснившихся вдоль стен девушек. – Работы, мужики – непочатый край!

- Дамское танго! – объявил в микрофон Женькин тезка. – Приглашают только девушки!

Женька внимательно оглядел зал и увидел в углу напротив Нину, болтающую о чем-то с незнакомыми ему девчонками. Поймав его взгляд, Нина широко улыбнулась в ответ и, сказав что-то на прощание подругам, двинулась в его сторону:

- Пошли, Женечка, потанцуем! Ты чего такой невеселый, ну, улыбнись! – Нинка почти повисла у него на плечах, плотно прижимаясь к Женьке тугим, горячим телом. – Обними девушку-то, медведь! И веди – ты же кавалер, а не я!

- Нин, ты Людмилу не видела случайно? – Женька продолжал вертеть головой, осматривая гудящий, как улей, зал.

Он вопросительно посмотрел Нине в глаза, а та, не ответив, только крепче прижалась к нему, улыбаясь чему-то своему.

- Ты чего молчишь-то, Нин?

- Не видела, Женечка! Наверное, с новым ухажером гуляет, где ж ей еще быть.

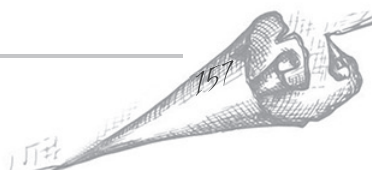
Танец закончился, и Евгений проводил девушку на ее место:

- Спасибо! - он повернулся и в этот момент увидел входящую в двери Людмилу с сопровождающим ее высоким, черноволосым парнем.

Черноволосый поддерживал девушку под локоть, и, наклонившись к ее уху, что-то говорил, едва шевеля губами, то и дело, улыбаясь, когда та отвечала. Кровь бросилась в голову Женьки, и он едва сдержал себя, что бы ни броситься к ним навстречу. Бог знает, что бы могло случиться в этот момент. Но Женька совладал с собой, сжал, что было силы, кулаки, так, что побелели суставы, и отправился на противоположный край площадки к ребятам. Увидев его посеревшее, застывшее лицо Матвеевич только хмыкнул про себя и безнадежно махнул рукой.

- Ты чего расстроился? - затормошил друга Борис. - Проснись, Отелло! Кончай сопли распускать!

- Это точно! – Матвеевич крепко хлопнул Женьку по плечу. – Давай-

ка, не раскисай, лейтенант! Я бы на твоём месте пригласил её и обо всём поговорил. Чего тянуть-то? А на парня глазами не стреляй, он тут совершенно ни при чём. Как там, у Шолохова: сучка не захочет – кобель не вскочит! Женя, – обратился он к ударнику, – давай ещё раз танго, тут молодому человеку ох, как надо!

Ударник кивнул в ответ и подал знак оркестру. Как только зазвучали первые аккорды, Матвеевич подтолкнул Женьку в спину и тот, не замечая ничего вокруг, пошел через зал, провожаемый любопытными взглядами присутствующих. Поселок был маленький, и все новости разносились быстро.

– Разрешите вашу даму на танец? – Женька коротко взглянул на Людмилу и перевел взгляд на её спутника.

– Девушка уже приглашена, молодой человек! – парень попытался обнять Людмилу за талию и увести к центру площадки, но та высвободилась и осталась на месте.

– Знакомьтесь! – обернулась она к своему спутнику. – Это – Евгений, мой старинный приятель.

– Алексей! – кивнул головой парень, явно недовольный таким поворотом событий.

– Алексей, ты извини, пожалуйста, но нам нужно с Евгением поговорить! – Людмила решительно взяла Женьку за руку и почти потащила его за собой в гущу танцующих пар, оставив ошарашенного кавалера дожидаться у стены. – Так я тебя слушаю, Женя! – Людмила положила ладони ему на плечи.

Но Женька молчал, не зная с чего начать, и какими словами высказать все то, что он чувствовал: обиду и боль оскорбленной души, и одновременную нежность к этому дорогому ему человеку. Молчала и Людмила. Наконец он выдал из себя:

– Как ты могла, Люд? Я ведь тебя люблю.

– А ты? За два месяца – ни одного словечка! А теперь – люблю! Скотина ты порядочная, Жень! И, вообще, я думаю, все что было – прошло! Жалко, конечно, но, что поделаешь.

– Неужто? Так скоро? Вот, значит, как!

– Да, уж извини, дорогой! Алексей на мне женится предлагает, а от тебя я что-то таких предложений не слышала. Правду мама говорит: не серьезный ты человек.

– Уже и мама в наши дела влезла! А как же любовь? Поманили пальчиком – ты и побежала!

– Ну, я думаю, что в Питере ты тоже не скучал. А мама – на то она и мама, чтобы о ребенке беспокоиться. Кстати, мы с Алексеем подольше, чем с тобой знакомы. А, в общем, пустой это разговор, отгорело все, Женя. Ты больше меня не приглашай, пожалуйста, нечего человека без причины расстраивать. Понял?

Людмила убрала руки с Женькиных плеч и решительно двинулась по залу в сторону своего нового ухажёра. Женька, замерев на секунду посередине зала, рванулся к выходу, и пулей выскочил через тамбур на улицу. Здесь его и нашли друзья.

- На-ка! – протянул ему бутылку невесть откуда взявшейся водки Виктор Матвеевич. – Хлебни, легче станет!

- Давай, давай, не задерживай, дружище! – Борис подставил стакан. – Держи хлеб, занюхай, больше нет ничего.

Женька с благодарностью посмотрел на друзей и опрокинул залпом целый стакан водки, закусив кусочком черствой корочки, протянутой Борисом

- На, закури! – чиркнул зажигалкой Матвеевич. – Давай Боря, не задерживай, твоя очередь.

- Ну, будем живы! – выпил Борис. – Крепка советская власть! – крикнул он, шумно выдохнув. - Дай хлебушка куснуть, оглоед!

Приятное, умиротворяющее тепло разлилось по Женькиному телу и все невзгоды, свалившиеся на его голову за это время, показались не такими уж и непоправимыми.

- Ну, что, пошли домой, или еще попляшем? – выбросил окурок Матвеевич.

- Давай еще полчасика попрыгаем и пойдем. Ты, как, Жень?

- Да мне все равно, – снова погрузился Женька. – Водки нет больше?

- Кончай сопли размазывать, мужик ты, или не мужик! И хватит пить – не мировая трагедия, в конце концов! Пошли-ка, встряхнемся, нечего киснуть. Мало этих баб, что ли, на свете? – Борис обнял Женьку за плечи и встряхнул.

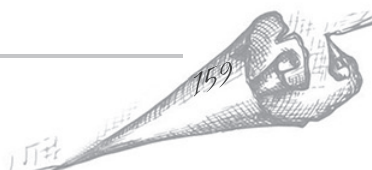
- Пошли, ребята, а то скоро и танцы закончатся, - Матвеевич двинулся к крыльцу, и друзья неспеша последовали за ним.

Еще через пять минут Женька танцевал с налетевшей на него, как коршун, Нинкой, чувствуя себя не то, чтобы несчастным, а так слегка расстроенным. Людмилы с ее парнем в зале уже не оказалось, видимо ушли, пока они прохладжались на воздухе, и от этого Женька почувствовал себя увереннее и немного спокойнее. Тем более что один, без визави и назревающего скандала, он местную публику не интересовал.

- Ой, Женечка, следующий вальс мой! – щebetала Нина, повиснув у него на шее, а он только глупо улыбался и кивал в ответ, воспринимая все окружающее в каком то розоватом, туманном цвете.

- Мальчики, вы нас проводите? – спросила у Матвееча Нинка, кивнув в сторону сбившихся в стайку у окна подруг.

- Без вопросов, Ниночка! – галантно поцеловал ей руку Матвеевич. – Да за вашу огненную гриву, которая мне постоянно снится по ночам, я даже горы могу свернуть, а не то, что девчонок до дому проводить. Девушки, идите к нам!

- Да, ну, вас, Виктор Матвеевич, смущаете вы меня! Идите сюда, девчонки! – махнула подругам Нинка.

- Познакомимся! – представился мгновенно оживившийся Борис. – Какие подруги у тебя, Нина, симпатичные.

- А ты, как думал! Девочки, это – Женя, а это – Виктор Матвеевич, знакомьтесь!

- Люба!

- Мария! – протянула тонкую ладонь рыжеватая блондинка, не сводя заинтересованного взгляда с подернутых благородной сединой висков Матвеевича. - Мы вас мальчики немного знаем, встречались на улицах.

- Это точно, мир – тесен! – Борис пригласил на танец чернявую и тоненькую Любу, а Нинка вновь повисла на шее у Женьки.

- Разрешите? – шаркнул ножкой по полу очарованный цветом медных волос новой знакомой Матвеевич, и Мария, как светская дама, величаво подала ему руку, лукаво улыбаясь чему-то своему.

- Что за девчата? – спросил у Нины слегка протрезвевший Женька.

- На нижнем складе в леспромхозе диспетчерами работают, а Мария еще и в институте заочно учится. В экономическом.

- Молодец, девушка! А чем еще замечательны эти прекрасные создания?

- А еще они в нашем хоре обе поют, вот так! А что это тебя мои подруги заинтересовали? – ущипнула его за плечо Нинка. – Ты, вроде, только что по Людмиле убивался, или уже забыл любовь свою ненаглядную? Хотя, все вы мужики такие.

- Она уже не моя! – вновь помрачнел Женька. – И ты не лезь в эти дела лучше, и так тошно.

- Ой, Женечка, извини, я больше не буду! – Нина чмокнула его в щеку, и тут объявили последний танец.

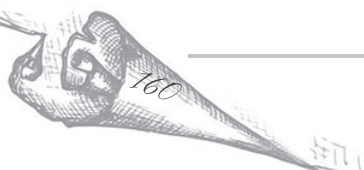
Веселой, галдящей компанией они вывалились из клуба под темное, звездное небо. На лужицах вновь появился хрустящий под ногами ледок, и остывший воздух приятно охлаждал разгоряченные лица. На углу Ленина и Гастелло Борис и Матвеевич с Любой и Марией свернули. Девчата жили где-то на улице Мира, а они с Ниной пошли прямо.

- Не задерживайся, Жень! Девчат проводим – пульку распишем! – крикнул на прощание Борис.

- Не задержу я вашего друга, господа картежники, - Нина подхватила Женю под руку и плотно прижалась к нему. – Пошли, что ли?

- Пошли!

Они, молча, шли по тёмной улице, где редкие фонари выхватывали из темноты фрагменты покосившегося штaketника, брусчатых, потем-

невших от времени и непогоды углов домов, и корявые ветви голых то-
полей. Над поселком стояла мертвая тишина, и только далекие, редкие
звуки лязгающего металла доносились от железнодорожного депо. Ста-
рательно обходя лужи и выбоины, они, наконец, добрались до Нинкиного
жилья. Свет в доме был потушен, а фонарь на столбе, видимо, перегорел,
поэтому во дворе стояла беспросветная темень.

- Осторожно, - открыла калитку Нина, - здесь порог. Тише, - вдруг за-
шептала она, взяв Женьку за руку, - родителей не разбуди!

Женька хотел, было, попрощаться с девушкой и рвануть в общежитие,
но вместо этого почему-то последовал за ней во двор. По узкому, доща-
тому тротуару, ступая след в след, они сделали еще десяток шагов, и он
услышал, как девушка возится со щеколдой на двери, едва виднеющейся
в свете звезд баньки.

- Иди сюда! – он почувствовал на щеке ее дыхание, и, повернув голову,
наткнулся на ее горячие, приоткрытые для поцелуя губы.

Неожиданно для себя Женька стиснул в объятьях обмякшее тело де-
вушки и поцеловал ее, чувствуя, как кровь ударила в голову и бешено
застучала в висках. Потеряв равновесие, он оступился с тропинки, и стол-
кнул стоящее у дверей бани пустое оцинкованное ведро, которое, упав с
крылечка, покатилося к кустам, звонко брякая дужкой. За дорогой залая-
ли проснувшиеся от шума собаки.

- Тихо! – почти беззвучно выдохнула, обнимая его за шею, Нина, -
Тихо! Сейчас всю деревню с кроватей поднимем! Осторожно, медведь,
раздавишь!

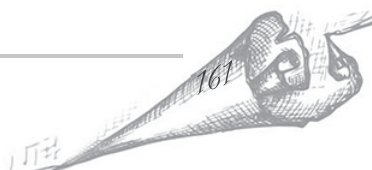
Женька слегка ослабил хватку, и глубоко вдохнул прохладный воздух,
стараясь не издавать никаких звуков. Нина легонько высвободилась из
его объятий и, взяв за руку, потянула за собой:

- Ну, пошли, что ли! Голову наклони пониже, а то ударишься! Да не
бойся ты!

«Снова баня! – мелькнула запоздалая мысль. – Черт бы ее побрал!»

Женька на секунду замялся, сплюнул куда-то в темноту и, наконец,
решив – будь, что будет, шагнул в черный провал двери, в сухие и горячие
объятия еще не остывшей бани.

июнь 2006 г. – март 2007 г.

Свадьба

Витька решил жениться, решил окончательно и бесповоротно. С Ленкой они хороводились почти два года, еще с армейских времен. Почти ежедневно, если не случалось второй смены на стройке, он гостевал в их уютном, хлебосольном доме. Ленкина мать, женщина гостеприимная и приветливая, обязательно потчевала его ужином с домашними разносолами и ее любимой наливкой на рябине. Пирожки с капустой прямо-таки ошеломляли Витьку своим неповторимым вкусом и ароматом, будили воспоминания о счастливых днях детства, особенно после еды из столовой передвижной механизированной колонны номер два, где он обычно и завтракал, и обедал, и ужинал. Отношения между Витькой и Ленкиными родителями были вполне доброжелательными и доверительными. Мать любила поговорить за ужином о семейных проблемах, о видах на урожай тепличных огурцов и помидоров, а отец всегда был не прочь сыграть партию, другую в шахматы, нередко под рюмочку. Они уже свыклились с мыслью, что не сегодня, так завтра Витька станет одним из членов их дружной семьи, и относились к нему, как к сыну. А он с удовольствием и внутренней радостью приходил в этот дом, напоминавший ему свой собственный, который в настоящее время был далеко-далеко и по которому он скучал всегда.

Когда из Ханты-Мансийска прилетал старший брат Лены Юрий, работающий там борттехником на АН-2, в доме воцарялась атмосфера праздника. Ольга Анатольевна доставала из закровов домашнее вино из черной смородины, традиционную наливку, а отец, хотя с этим делом в поселке была напряжёнка, выставлял на стол «Столичную». Вся семья лепила пельмени. И начинался пир. Все это действо, увиденное и прочувствованное, повергало Витьку в священный трепет и наводило на раздумья о бренности и быстротечности жизни одинокого мужчины, не вкусившего вполне всех её радостей.

К свадьбе они с Еленой приготовились быстро и решительно. Впервые, сообщили родителям невесты, на что тотчас получили отеческое благословение. Да и то сказать, столь длительный срок ухаживаний сам по себе предполагал серьезность намерений. Прошлая Витькина жизнь оставалась позади, о чем свидетельствовал штамп о разводе в соответствующей графе паспорта жениха, и причин, препятствующих принятому решению фактически не существовало. Ленку он любил давно, она его тоже. Так, что: вперед, господа! Своих Витька решил лишний раз не беспокоить: что зря волновать, сообщим позже, перед отпуском, объяснил

он Ленке. И хотя она попыталась обидеться на такой поворот событий, настоял на своем. Зачем травмировать психику родителей, так до конца и не простивших ему развода с Татьяной, и в который раз выслушивать длинные, неприятные, но уже бесполезные нравоучения. А на немой вопрос будущей тещи ответил, мать больна, что, в общем-то, соответствовало действительности, и отец не может оставить ее одну.

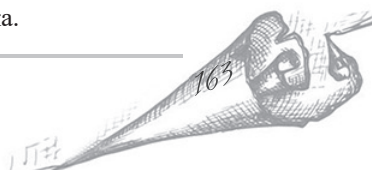
Ну, а во-вторых, купили кольца и в рекордные сроки сшили подвенечное платье в местном комбинате бытового обслуживания. Еще бы: отец суженой был все-таки заведующим орготдела райкома партии, а мать в этом самом комбинате работала. Заказать ресторан на нужный день – плевое дело.

День свадьбы выдался теплым и солнечным, какими и бывают осенние дни в разгар бабьего лета. В нагретом воздухе летали паутинки, небо светилось яркой лазурью, и весь мир, как бы покоился в приятной истоме. В ЗАГС договорились ехать на «жигулях» второго секретаря райкома Ушакова Павла Егоровича, которого невеста называла просто дядей Пашей. Много лет они с ее отцом работали в этих северных краях вместе, и дядя Паша нянчил и баловал ее с самого дня рождения. К слову сказать, «жигули» эти были в поселке единственным легковым автомобилем, если не считать, конечно, «уазиков» директоров и начальников соответствующего калибра, да еще «Волги» первого секретаря. Но вот ЛИЧНЫЕ «жигули» лилового цвета присутствовали на территории только в единственном экземпляре.

Свидетелями со стороны жениха Витька пригласил своего старого армейского друга Сашку Ворошнина, и соседа по комнате в общежитии, длинного и худого прораба третьего участка Валеру Подолинского, которого за глаза, да и в глаза тоже, все звали Феликсом. Прозвище это пристало к нему намертво, потому что внешность Валеры разительно походила на внешность пламенного Робеспьера нашей революции. Почти круглый год он носил длинное, до пят, кожаное пальто, доставшееся в наследство от отца, служившего когда-то в Монголии, а своей бородкой клинышком дополнял это сходство. Чекист, да и только! Почему Витька пригласил двоих свидетелей, а не одного? Да потому, что был мудр. Каждый из этих двух его приятелей мог в любой момент выпасть из колоды. Такое он видел не однажды и поэтому решил не рисковать...

Сашка подошел к дому невесты пешком: он жил неподалеку, а их с Валеркой подбросил до центра самосвал Советской ПМК-2, который они перехватили на дороге у общаги.

- Как настроение женишок? – протянул руку Сашка.
- Цветем и пахнем! – в тон ему ответил Витька.
- Что пахнешь – это точно! Небось, целиком флакон на себя выплеснул.
- Не, половину вовнутрь принял, чтобы наверняка.

- Во-во! Теперь неделю будешь благоухать. А, что без галстука, свадьба как-никак?

- В кармане, завязать некогда было.

- Давай, замотаю, а то как-то несолидно.

- Потом.

- Привет, Сань! – вставил, наконец, Валерка. – Как дела? Как Алина поживает?

- Слава Богу! А вы как?

- Да не выперли еще поганой метлой, значит дышим. Жарковато что-то сегодня.

- Бабье лето, бабье лето! – пропел Сашка. – Хуже, если бы пришлось грязь месить. А так, самая, что ни на есть, погода для мероприятия. Надоест еще зима.

- А ты кожан-то скинь, остынешь, - посоветовал Валере Витька, но тот только недовольно повел шей.

- Прибыли? – скорее констатировал, чем спросил, выскочивший из подъезда брат невесты. – Пошли в дом, что ли?

- Погоди, Юра. Давай покурим, пока суд да дело, - Валерка достал из кармана сигареты. – Угощайтесь, американские, маманя из дома прислала.

- А, и, правда, Юра, через пятнадцать минут ехать, чего зря топтать, - заметил Витька.

- Ну, как хотите, - уступил Юрий, - ждите здесь.

Он опять скрылся в подъезде, громко хлопнув дверью.

- Мужики, у меня тут кое-что есть, - хитро улыбаясь, Сашка достал из заднего кармана брюк свою знаменитую охотничью фляжку, приобретенную еще во время службы у зеков в Ивделе. – Давайте для смелости грамм по пятьдесят.

- Неудобно как-то, - запротестовал, было, Витька. – Да и пахнуть будет винищем.

- Неудобно штаны через голову надевать! Давай, не кочевряжься, сразу мандраж пройдет. Я же вижу, какой ты зажатый, скажи, Валера?

- Есть маленько. А и, правда, Витек, выпей! Жениться дело долгое и хлопотное, когда еще за стол. Жрать уже хочется.

- Тебе бы все хавать, - отмахнулся Сашка, - только не в коня корм! Худой, как щепка.

- Зато у тебя пузо на нос лезет, - огрызнулся Валера.

- Кончайте, мужики, не на базаре! - оборвал их Витька. – Давай, наливай, что ли.

- На, держи.

- Не унюхали бы, а то некрасиво получится.

- Брось, не комплексуй, у меня жвачка есть.

- Хрен с вами, будьте!

Появившаяся из дверей невеста была ослепительна, впрочем, как и всякая женщина в день своей свадьбы. Обалдевший Витка шагнул к ней навстречу, не узнавая в этой улыбающейся красавице под белоснежной фатой своей Елены. Довольная произведенным впечатлением, Ленка величаво протянула жениху руку в белой перчатке, и он подхватил ее.

- Красивая пара, - высказался Сашка.

Они и, правда, подходили друг другу. Она, вся такая тонкая и воздушная, едва доходившая Витьке до плеча, дышала восторженной юностью и тем, неизрасходованным женским естеством, которое при случайной встрече невольно заставляет мужчин еще раз оглянуться вслед. Он, широкоплечий и сильный, всем своим видом дополнял и оттенял ее прелесть. Гости расселись по машинам, и кортеж «уазиков», возглавляемый лиловыми «жигулями», тронулся по направлению к ЗАГСу. Заведующая ЗАГС, Евгения Васильевна, та же, что и разводила Витьку с предыдущей женой, прочитала положенный текст, предложила вместе со свидетелями поставить свои подписи в книгу регистрации, после чего они с Еленой обменялись кольцами. «Горько!» - радостно завопили приглашенные. Раздались выстрелы шампанского, и Витька, поцеловав невесту долгим и страстным поцелуем, снова стал женатым человеком.

Столы в поселковом ресторане «Тайга» были расставлены по залу буквой «П», на короткой перекладине которой восседали жених с невестой и свидетели. «А, почему, собственно, жених с невестой? – почему-то некстати пришло Витьке на ум. – Скорее муж с женой, не зря же расписали уже». Он посмотрел на Ленку и улыбнулся. Лезет же всякая дурь в голову. Заметив его взгляд, она улыбнулась в ответ. Сашка с Валеркой уже накатили и навалились на закуски.

Гости и родственники расположились за столами слева и справа. Звучали громкие тосты, сыпались многочисленные поздравления и крики «горько!» после каждой выпитой рюмки.

- Ты, что, уснул? - больно ткнул Витьку локтем в бок Сашка. – Оглох, что ли? Танец жениха и невесты.

Витька вывел Елену на середину зала, оркестр заиграл вальс, и они закружились вдоль столов, стараясь не сбиться с такта и не оконфузиться перед многочисленными гостями. Но все к счастью закончилось благополучно, и, слегка разгоряченные, они вернулись на свои стулья. Зал шумел, как морской прибой: то громче, то глуше, и в этом, начинающем набирать силу шторме, порой уже невозможно было расслышать и понять соседа.

- Слышь, Вить! Кончай хлебать это пойло! – Сашка решительно и быстро, чтобы не заметила Елена, заменил Витькин фужер с шампанским фужером с водкой. – Что мы, не офицеры что ли? Пусть девочки пьют эту газировку, а мы за твою новую жизнь выпьем что покрепче. Давай, Валера!

- За жениха и невесту! – произнес тост, поднявшийся со стула Валерка. - Все пьют до дна!

Зал весело зашумел, зазвенели бокалы. Витка поднялся, и, не поморщившись, как воду, выпил залпом полный фужер под «горько!», расцеловал Елену и повеселел. Весь этот бесконечно длинный и суматошный день ему порядком надоел. Но нужно было держаться, улыбаться и показывать всем, что ты просто счастлив от их присутствия. Что, собственно, он и делал. «Жить стало легче, жить стало веселей», - мелькнуло в голове, когда жар от выпитого растёкся от желудка по всему телу.

- Мужики, пошли, перекурим, - предложил Сашка.

- Лен, я с ребятами выйду? – спросил разрешения Славка.

- Конечно, иди. Только долго не задерживайтесь, а то гости могут не понять, - она погрозила Сашке пальчиком. – Это тебя в первую очередь касается, Саша.

- А, что, всегда я, да я? – в шутку обиделся Ворошнин. - Ты своего благоверного теперь караул, чтобы цел был.

- Кончай, Сашка! – Валерка потянул приятеля за рукав вслед за уже отошедшим от стола Витькой.

Они вышли под звездное небо, уселись на лавочку в сквере напротив и закурили. Воздух посвежел, пахло опавшей листвой.

- Вот и кончилась твоя холостяцкая жизнь, - глубокомысленно протянул Валерка. – Теперь пойдут пеленки, распашонки.

- Много ты понимаешь! – Сашка снова извлек свою фляжку. – Я уже скоро, как три года женат, и ничего, не помер!

- Это точно, даже в весе прибавил.

- А тебе завидно?

- Нисколько. Свобода дороже!

- Ну и ходи неприбранным. Давайте лучше выпьем! За все хорошее, и счастья вам с Еленой! На, Вить, держи.

- Ух, ты, крепка советская власть!

- А, ты как думал, я туда рому долил! На мандаринку, закуси!

- Пошли, мужики, невеста, поди, волнуется! – позвал приятелей отошедший на минуту по нужде Валера.

Они вернулись за стол.

- Леночка, разрешите Вас пригласить? – подскочил бывший Ленкин одноклассник, а ныне студент, Колька Иванов.

- Ты, что, невежда, не знаешь, у кого разрешения спрашивать? – зарычал, было, Сашка, но Витька благодушно кивнул.

- Я пойду? – Елена вопросительно посмотрела на Витьку, и, получив согласие, поцеловала в щеку.

Вместе с кавалером они смешалась с толпой танцующих и галящихся людей.

- Ну, что, ребята, за прошлую холостяцкую жизнь? Пусть земля ей будет пухом! – пригласил Валера.

- Мне уже лишка будет, - попробовал отказаться Витька.

- Брось! Помнишь, как на трассе веселились: бутылка – до танцев, бутылка – перед преферансом! – высказался Сашка.

- Молодые были, борзые.

- И, когда это ты только состариться успел? Глянь, какой еще сокол, - он подмигнул Валере.

- Вы, что тут, в одиночку глушите? – подошел Юрий.

- Не в одиночку, а в тесном, дружеском кругу. Присоединяйся.

- Ну, тогда за счастье молодых!

- Ура!!!

В этот момент в зале возник посторонний шум. Раздался громкий возглас: «Невесту украли!» Сашка поднялся, потирая руки и шевеля губами.

- Валера, вперед, невесту спасать!

Они вдвоем рванулись к выходу. Витка поднялся и, плохо соображая, что делать дальше, тоже хотел двинуться через затемненный зал в сторону дверей.

- Готовь лучше выкуп, жених! – смеясь, остановил его Юрий. – Деньги-то хоть есть?

- Да, есть.

- Ну, тогда не мельтеши, парни сами отобьют любимую твою.

Действительно, минут через десять Сашка с Валерой привели, отбиваясь по дороге от толпы Ленкиных одноклассников, раскрасневшуюся, в слегка помятой фате, невесту.

- На, держи жену!

- А выкуп? – загалдела молодежь.

- Фиг вам! - Сашка был непреклонен. - Крепче держать надо было. А, вот, если муж угостит, это - пожалуйста!

Зазвенели рюмки и бокалы, раздалась хлопки пробок. Все: и похитители, и спасатели выпили за благополучное возвращение новобрачной в лоно семьи, и вечер, шумный и веселый, продолжился своим чередом с плясками, песнями и бесконечными тостами.

Примерно в десять вечера Витька почувствовал себя не слишком хорошо. Выпитая водка, мелькающие перед глазами силуэты и оглушительно гремящая музыка изрядно утомили его. В какой-то момент он внезапно почувствовал себя обиженным и лишним на этом празднике жизни. Елена с подругами отправилась поболтать о своем, о женском в дамскую комнату, и Витька окончательно загрустил. Сашка, зараза, тоже куда-то исчез некстати.

- Валер, а, Валер, который час?

Валерка долго разглядывал светящийся циферблат своих «Командир-

ских», то, приближая их к свету, то, уводя в тень, пока, наконец, не изрек:

- Десять сорок.

- Слышь, Валер, а не пора ли нам бай-бай? – спросил Витька. – Комендантша опять лаяться будет. Когда еще до общаги дотопаем?

- Я, Вить, думаю – пора! - подумав несколько секунд, глубокомысленно изрек Валерка. – Давай, на посошок, что ли, и тронулись?

...Витька очнулся от сильнейшей тряски. Голова его моталась из стороны в сторону, и, казалось, что-то в ней булькало.

- Просыпайся, гад ползучий! - окончательного вывел его из состояния невесомости громкий Юркин голос.

- Ты чего орешь? – прохрипел ничего не соображающий Витька.

- Морду бы тебе набить, скотина!

- Ты, что, ошалел? – сквозь туман, клубящийся в голове, Витька попытался оценить реальность происходящего. – А, где это мы?

- В раю, мать твою! Поднимайся, хрен собачий!

- Ты чего ругаешься? – попытался оттолкнуть разъяренного Юрку, все еще не пришедший в себя до конца Витька.

- Тащите его, ребята, в умывальник, а так все без пользы! Потащили!

Струя ледяной воды из-под крана, пущенная ему на голову, окончательно привела Витьку в сознание.

- Пусти! Ты, что гад делаешь? – он наконец-то вывернулся из Юркиной мертвой хватки.

- На полотенце, утрись! И в темпе, машина ждет! – вместо ответа рявкнул Юрий.

Только теперь Витька понял, что находится в родной общаге. Но долго раздумывать, как это получилось, ему не дали.

Уже через двадцать минут умытый и причесанный, в свежей белой рубашке Витька вновь восседал во главе стола в ресторане. На этот раз справа от него сидел сумрачный Юрка, и на все просьбы жениха насчет «опохмелиться» показывал ему из-под стола кулак, подливая в фужер минералку. Невеста, так до конца ничего и не понявшая, нежно прижималась к Витьке, держа его за руку.

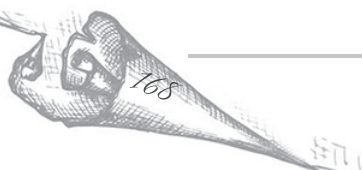
- Любимый, не пей столько, тебе плохо будет.

Слегка ошалевший от недавней встряски и протрезвевший, любимый не сводил с нее восторженных глаз, все сильнее ощущая, как она ему дорога и близка. Теплая волна нежности захлестнула его до края, и только теперь он с ужасом осознал, что натворил.

- Ладно, держи, - Юрка поставил перед ним наполненную рюмку.

- Горько! – заорали гости.

Свадьба вновь набирала обороты. Все были счастливы.

Турист

Стоял конец июня, теплого и грозового. На тополях начали созревать и лопаться почки, и тополиный пух гоняло ветром по асфальту, сбивая в плотные шары и колбасы у бордюров тротуаров и в углах дворов. Я закончил одиннадцатый класс, позади – надоевшие до чертиков занятия, зачеты, экзамены и проевшая печёнку классная. Как я понял много позже – огненно рыжая и красивая женщина, до безумия любившая своих болванов, в которых вкладывала всю свою душу. Ребята разъехались кто куда: до вступительных экзаменов – почти месяц. А, мы с Витькой, чтобы совсем не отупеть от безделья, нанялись грузчиками на какую-то базу.

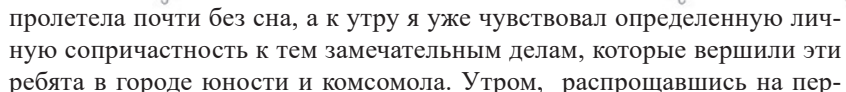
- Десять рублей в день можно закалымить! – убеждал меня Витька, - А, то и больше. И ездить недалеко.

Ребята мы были крепкие, за плечами лет пять спортивных секций, и в отделе кадров этой самой базы, недолго сомневаясь, оформили нас на работу. Первый день мы разгружали и складывали доски, которые подвозили грузовики, и всего за день так наломались, что на следующее утро трудового энтузиазма у нас явно поубавилось. Мышцы с непривычки ломило, шея не поворачивалась, и, вообще, не хотелось шевелиться. Но мы мужественно отправились на работу, резонно рассудив, что матери нас не поймут: только устроились и сразу – в кусты. Следующий рабочий день выдался как раз спокойным, и, кроме того, что мы подмели двор, да сложили в кучу какие-то железяки, делать было нечего. Через неделю нам закрыли наряды, в которых значилось, что мы трудами и потом заработали аж по двадцать два рублика.

- Слышь, Вить, не получается по десятке, - пересчитав деньги, констатировал я,

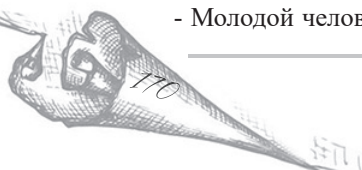
Витька угрюмо смолчал, переваривая печальный итог шестидневной работы, и больше мы на этой базе не появлялись...

В июле я успешно сдал вступительные экзамены в железнодорожный институт на строительный факультет. Решив, что мне нечего болтаться без дела в опустившем городе, мама купила мне двухнедельную путевку на туристическую базу, где-то под Комсомольском-на-Амуре. Я не особенно упирался, тем более что Витька уехал к бабке в деревню, а подпирать от безделья и скуки ворота нашего двора в одиночку, мне совершенно не светило. Через пару дней я уже слушал перестук вагонных колес поезда Хабаровск-Комсомольск, и пил чай с попутчиками, веселой и шумной компанией молодых ребят строителей, возвращавшихся с какой-то молодежной конференции, где их отметили наградами. Ночь

пролетела почти без сна, а к утру я уже чувствовал определенную личную сопричастность к тем замечательным делам, которые вершили эти ребята в городе юности и комсомола. Утром, распрощавшись на перроне вокзала с моими новыми друзьями и узнав у них, как добраться до пристани, я забросил новый, только что купленный мамой рюкзак на плечо и потопал в указанную сторону. Комсомольск конца шестидесятых был не слишком большим городом, точнее: большим по площади и маленьким по числу населения. Пятна микрорайонов пятиэтажек были разбросаны среди громадных пустырей, заваленных кучами бытового мусора и строительных отходов, между которыми извивались протоптанные в зарослях полыни и чертополоха тропинки - транспортные пути аборигенов. Через полчаса я был уже на пристани, если так можно назвать причаленный, и привязанный стальными канатами к мертвякам на берегу плашкоут. Выяснив, что следующий речной трамвайчик будет только через час, я отправился к ближайшим строениям, и, отыскав там, в деревянном бараке столовую, с удовольствием позавтракал, так как кроме стакана чая, выпитого еще в вагоне, у меня во рту не было и маковой росинки. Полеживая на берегу, поросшем густой и сочной травой, я, надвинув кепку на глаза, чтобы не слепило солнце, разглядывал раскинувшийся передо мной пейзаж и двух девушек, примерно моего возраста, болтающих о чем-то оживленно на скамеечке возле плашкоута. Девчушки то и дело, стреляли глазками в мою сторону, и весело чему-то смеялись. Наконец подошел долгожданный транспорт, речной трамвайчик с игривым названием «Ляля», мы погрузились на борт и отчалили. Берега, проплывавшие по обе стороны реки, удивляли своей привычной для этих мест и необычной для тех, кто видел их в первый раз, красотой, резко отличаясь от хабаровского левобережья: песчаных дюн, поросших ивняком и изрезанных протоками, где мы с одноклассниками обычно отдыхали, когда собирались ближе к осени вместе. Сопки, поросшие густым, почти черным ельником со светло-зелеными пятнами амурского кедрача, стояли плотно, нависая над рекой обрушивающимися в воду скальными срезами и камнеломами. Река на этих прижимах, доселе спокойная и гладкая, неожиданно вскипала, начиная вращаться бурунами и водоворотами и выбрасывая на каменистые берега клочья белой пены. В таких местах обычно хорошо ловятся налимы, иногда килограмма по три и более. На утесе, в Хабаровске из таких же точно водоворотов мужики вытаскивали рыбин весом и по десять кило. Иногда между сопки открывались пологие увалы, покрытые цветущими травами, запах которых доносился и сюда на палубу. По ложбинам в Амур впадали хрустальными лентами ручейки и речушки с деревеньками на их берегах, и огромными подсолнухами над заборами.

- Молодой человек, - обратилась ко мне одна из девушек, тех самых,

на которых я глазел на берегу, в широко открытых, карих очах ее прыгали веселые чертенята, - вы не знаете, сколько еще ехать до турбазы?

- Нет. А вы, что, тоже туда?

- Что значит – тоже? У нас путевки.

- Так и у меня путевка! Давайте познакомимся. Я – Михаил, а вы?

- Наташа. А это – Катя, - представила она свою спутницу, девушку лет семнадцати, застенчивую и розовощекую.

Надо сказать, что Катя произвела на меня впечатление еще там, на берегу. Хрупкая шатенка с почти черными бровями и голубыми глазами, заполненными огромными, бездонными зрачками, на первый взгляд слабая и изнеженная, на поверку оказалась мастером спорта по плаванию. Как, впрочем, и ее подруга. Неожиданно, даже для себя, я прихвастнул перед девушками, и свой первый разряд по легкой атлетике мгновенно произвел в кандидаты. Подумал, видимо, дурак, что так солидной будет, но ушам стало жарко. Хотя, чего греха таить, умение побрякать мускулами грело юношеское самолюбие. Слава Богу, девчонки ничего не заметили, и, как я понял, все эти звания, и спортивные достижения их не особенно интересовали.

- А ты, Миша, откуда? – решительно перетащив подругу на мою скамеечку, начала допрашивать меня Наташа.

- Из Хабаровска.

- А мы – из Уссурийска.

- Это, который раньше Ворошиловым был? Так я там первый класс заканчивал.

- Вот, здорово, земляки – значит!

- Поковыряться – еще и родня!

- Посмотрите, ребята, как красиво, - махнула рукой в сторону берега Катя, - Я сто лет такой красоты не видела.

На пологом, песчаном берегу плескались с криком и хохотом голопузые ребяткишки, а выше, в поросшей березняком ложбине, стояли аккуратные белые домики с такими же белыми заборами, за которыми красовались уже покрасневшие яблони-дички.

- Немцы! – почему-то неодобрительно сказал проходивший мимо шкипер.

Батя мой - тоже прошел войну, был ранен, но ненависти к немецкой нации не испытывал, да и мне не привил. Я до сих пор с опаской отношусь к таким людям, а в те времена был куда категоричней. Видимо, недоумение по поводу сказанного выразившееся на моем лице было заметно со стороны.

- Дурак! – резюмировала Наташа.

- Как красиво! – опять сказала Катя и, смахнув рукой с лица, отливающую потемневшей бронзой, прядь волос, села на скамейку.

А Наташка продолжила меня допрашивать:

- Скажи, Миша, а кто ты?

- Человек.

- Я понимаю, что человек, но все-таки, кто ты, где работаешь?

- Студент, - не без гордости заявил я, и дня не пробывший в своем новом качестве.

- Вот, здорово! Мы – тоже студенты. А, ты, в каком?

- В железнодорожном.

- А я – в университете, на журналистике. А Катя – в медицинском.

- Во Владивостоке?

- Да.

Она улыбнулась, и я с удовольствием отметил, какие белые и ровные зубы у этой приставшей ко мне девчонки. В тот момент меня больше интересовала и притягивала к себе Катя, не обращавшая на меня абсолютно никакого внимания. Пароходик гудел встречным посудинам и, покачиваясь на невысокой амурской волне, плыл дальше. Я, исподтишка, поглядывал на Катю, но та никак не реагировала на оказываемые ей знаки внимания, и я, укаченный усталостью и трамвайчиком, незаметно заснул.

Проснулся я внезапно: Наташка трясла меня за плечи и хлопала по щекам.

- Миша, приехали! Смотри! – на берегу, в распадке и по его склонам были рассыпаны цветные, игрушечные домики из фанеры.

Прямо у воды, на двух столбах красовался внушительный транспарант, гласивший, что мы прибыли на турбазу «Факел». Трамвайчик причалил к пологому, галечному откосу. Я подхватил рюкзак и сумку девчонок, и мы сошли на этот незнакомый берег по дощатому трапу, сброшенному шкипером.

На построении, следующим утром, девица, как я понял, главная по распорядку, зычным голосом спросила у вновь прибывших, кто имеет спортивные разряды. Из строя вышло человек десять, я увидел в этом десятке Катю, и не раздумывая, но как позже понял – сдуру, шагнул тоже. Нам отвели под жильем два отдельных коттеджа, стоящих поодаль от остальных, и начали гонять, проверяя, за кого мы себя выдаем. Утро начиналось зарядкой, после завтрака тренировались, как быстро поставить палатку, а вечером зычная девица, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении вполне привлекательной женщиной с милой улыбкой, рассказывала нам, как не заблудиться в тайге.

- Деточки, главное – не паниковать! А все остальное вы и так знаете, местные почти, не мне вас учить. И еще: если что-то заболит, или еще что – не молчите. Тайга – не город, неотложки не ходят.

В столовой, куда мы ходили кушать вместе со всей турбазой, на нас

смотрели, как на героев, приближенных к богам: кормили на отдельных столах, добавляя к обычному рациону яйца и сметану. Нос сам, без особых усилий поднимался вверх, и мы ощущали свое высокое положение и недоступность даже кожей, которую жгли любопытные взгляды остального контингента. Пару раз я пытался привлечь внимание Кати к своей теперь вполне значительной, по моим понятиям персоне, но безрезультатно. Видимо, ее больше интересовал высокий, красивый баскетболист Слава. Или мне это просто казалось. Но завтракали они всегда вместе за одним столом. Зато, Наташка, нахрапом, в последний момент затесавшаяся в отряд, когда мест уже не было, не давала мне прохода.

- Миша, хочешь компотика? – протягивала она свой стакан в столовой.
– На, я не хочу.

- Я – тоже.

- Попей! Тебе сил надо набираться.

- Это еще зачем? – с подозрением поглядывая на девчонку, спрашивал я.

- Поход-то трехдневный, тяжело будет.

- Ничего, справимся, - пытался я улизнуть в ближайшую палатку, но тут же находилась какая-либо причина, по которой от меня требовалась срочная, прямо-таки экстренная, помощь.

- Помоги мне рюкзак до палатки донести. Тяжелый – ужас!

И я, проклиная себя за покладистость и мягкий хребет, тащил Наташкин рюкзак на склон сопки, где располагались девчата, чем вызывал у окружающих понимающие, иногда сочувственные, но чаще язвительные улыбки. Делать нечего, раз такой слабохарактерный.

Спустя дня три, турбаза пришла в движение. К берегу пришвартовался вполне солидный пароход, на который погрузили палатки, продовольствие и прочую амуницию. После прочувствованной речи, которую перед общим строем произнес директор, весь личный состав, кроме, естественно, нашего отряда, погрузился на судно и отбыл вверх по течению километров за пятьдесят, где должен был расположиться лагерем на берегу, неподалеку от деревушки со смешным названием Пятка. А сама деревушка расположилась возле озера, связанного с Амуром протокой. Мы же, спортивные герои, должны были попасть в этот же пункт назначения пешим порядком, сделав крюк километров в девяносто, за что нас обещали принять в настоящие туристы и присвоить какие-то разряды. «Вот, вляпался, дурак!» - только тогда дошло до меня, но делать было нечего. Назвался груздем – полезай в кузов! Сборы были недолгими, и минут через сорок, нагрузившись двадцати килограммовыми рюкзаками, цепочка потенциальных героев двинулась на запад по заросшей польнюю и можжевельником ложбине между сопки, простирившейся так далеко, что конец ее терялся за горизонтом, подернутым дымкой. Солнце в эту

пору стояло еще довольно высоко, и к двум часам пополудни температура поднялась градусов до двадцати пяти. Было заметно, что отряд приустал после пятичасового марш-броска. Одежда под рюкзаками промокла насквозь, ноги в кроссовках горели огнем, страшно хотелось пить. Особенно трудно пришлось с непривычки девушкам. Я уже часа полтора тащил Наташкин рюкзак, повесив его на грудь, как запасной парашют.

- Миша, тебе не очень тяжело? – то и дело, заглядывая мне в глаза, спрашивала Наташа, тяжело дыша и смахивая ладонью капли пота со лба.

- Ничего.

- Давай, я сама понесу!

- Шагай, нечего под ногами вертеться!

Шея у меня затекла, но я ни за что не признался бы, что чертовски устал, ведь впереди меня шагала, согнувшись под тяжестью рюкзака Кати, баскетболист Слава.

Еще через час монотонная ходьба привела к полнейшему отключению мозгов и чувств, и, даже, как-то, притупила усталость. Знай себе – шагай и не о чем не думай! Наконец, зычная девица, которой по виду было все нипочем, объявила привал:

- Слава и Миша занимаются костром, Николай с Володей – к ручью за водой, а девочки достают провиант – будем готовить похлебку из тушенки.

- Наталья Александровна, зачем такие сложности, тушенку можно и так съесть? – оторвался от фляги Слава.

- А, вот тут ты не прав, Слава! Супчику похлебаешь, меньше пить будешь, а меньше будешь пить – силы сохранишь. Так, что, не особенно на флягу налегай.

Мы со Славкой отправились к ближайшей рощице собирать сучья. И уже минут через двадцать веселый костерок постреливал искрами в голубое, выцветшее небо, а запах, из подвешенного над костром ведра, напомнил, что со времени завтрака прошло не меньше шести часов. Розовощекая, крепенькая гимнастка Вера разулась, и, сморщившись от боли, рассматривала ступни ног.

- А, ну, покажи-ка, что там у тебя? – решительно шагнула к ней Наталья Александровна.

- Пустяки, до свадьбы заживет!

- Миша, достань-ка йод и бинт из аптечки, - осмотрев Верины ноги, приказала Наталья. – Все Вера: твой поход закончился!

- Да, что вы, пустяки все это, я тапочки потуже зашнурую и пойду.

- Деточка, нам шагать еще минимум суток двое, а у тебя уже сейчас мозоли лопнули. Короче, никаких возражений. Всем после обеда осмотреть обувь и убрать любые складки, если нужно – намотать портянки, как раньше крестьяне мотали. Всем ясно? Ну и хорошо!

После обеда, прошедшего в молчании: все, наконец, поняли, что находятся не на прогулке. Наталья Александровна поднялась, и, прицепив флягу с водой к поясу, сказала:

- Тут, километра два к северу, поселок геологов. Собирайся, Вера! Миша, а ты мне поможешь проводить девочку. Если не можешь – отдыхай!

- Конечно, помогу, Наталья Александровна, я вовсе не устал.

- А мне с вами можно? – Наташа умоляюще посмотрела мне в глаза и перевела взгляд на командиршу.

Та внимательно посмотрела на Наталью, и, ничего не ответив, кивнула головой.

- Всем отдыхать! За старшего – Слава! Мы вернемся часа через полтора. Поднимайся, Вера, давай я тебе помогу.

Минут через сорок, сорок пять, поддерживая расстроенную Веру под руки, мы добрались до поселка в два десятка щитовых домишек. Пока Наталья Александровна договаривалась с начальником партии о машине для Веры, мы с Натальей, напившись ледяной воды из колодца, отдохали на травке в тени одиноко стоящего кедра.

- Миша, а ты сильно устал?

- Нет, терпимо, еще денек и втянемся окончательно. А, ты-то как себя чувствуешь?

- Нормально! – улыбнулась Наташа. – Спасибо тебе!

- Это еще за что?

- За рюкзак и вообще, - Наталья улыбнулась еще раз и неожиданно чмокнула меня в щеку, окончательно вогнав в краску.

Таким взъерошенным и краснолицым и застала меня под кедром вернувшаяся Наталья Александровна:

- Ну, что, отдохнули? Собирайтесь, пора! Веру отвезут в лагерь к Пятке, а нам еще километров десять топать, а уже скоро смеркаться начнет, так что – веселей, ребятки!

Я уже успокоился, мы поднялись и налегке потопали к отряду, отдыхавшему у березовой рощи за сопкой.

На ночевку мы остановились почти затемно на берегу небольшой речушки, скорее ручейка, берега которого поросли столетней, уссурийской сосной и орешником. Место, видимо не раз использовали для привалов: кострище было оборудовано рогатками и перекладной под котелок, а рыжие пятна пожелтевшего лапника указывали, где раньше стояли палатки. Через полчаса, установив свой временный приют, мы расположились на живописном берегу у весело потрескивающего огня. Первые звезды помаргивали с темнеющего прямо на глазах небосклона, а от воды тянуло свежей прохладой и запахом ночных цветов, еще не успевших увянуть.

- Ну, что, ребята, - спросила после ужина Наталья Александровна, - получше стало, или как?

- А, нам, туристам, все – нипочем! – сонным голосом проворковала Наталья, пытаюсь прижаться ко мне поплотнее, и устроить свою головку у меня на плече.

Я недовольно поднялся с поваленной лесины, служившей нам скамьей, и, стрельнув сигарету у Николая, светловолосого, молчаливого парня из Благовещенска, прикурил, отойдя на несколько шагов. Присев на теплый еще валун, я исподтишка наблюдал за мило ведущими о чем-то беседу Славой и Катей. «И чего я такой невезучий, - уныло думал я, - понравилась девчонка, а она на тебя ноль внимания». Глубоко затянувшись, я закашлялся до слез, чем привлек внимание Натальи Александровны:

- Ты бы не курил, Миша! Зачем легкие портить? Чувствуете, какой здесь воздух особенный, целебный, - обратилась она к остальным. – Только, когда будете ложиться, закутывайтесь потеплее: ночью будет прохладно – горы рядом.

- Да, я не курю, так – балуюсь! – я выбросил окурочек, притоптав его ногой, и вернулся на место.

- А, ты и не балуйся. Ну, ладно, ребята, я пошла, спать. Не засиживайтесь долго, завтра – трудный день. Подъем – в шесть! Костер – за Мишей, чай – за Катей. Слава и Коля, вы парни крепкие, вот эти три бревна - в огонь на ночь, пусть шают потихоньку, – командирша отправилась в палатку.

- Да, никто ей не нужен, - негромко произнесла у меня за плечом, неслышно подошедшая Наташа. – Никто.

- Ты это о чем? – спросил я, повернувшись к девушке и пытаюсь изобразить и лицом, и голосом крайнее недоумение.

- Сам знаешь о чем! – обиженно ответила Наташа, заметившая, как я внимательно наблюдаю за воркующей у костра парочкой.

Я помолчал, пытаюсь разобраться, что меня не устраивает в этой милой, привлекательной девчужке, так ко мне расположенной, но ничего не надумав, махнул рукой и тоже отправился в палатку.

- Катя, я вместо тебя подежурю утром, не возражаешь? – услышал я Наташкин голос, забираясь в спальник.

- Да, пожалуйста, я лучше посплю.

- Наталья к Мише неровно дышит! – хохотнул Славка – Она вокруг него круглые сутки готова порхать.

- Дурак ты, Слава, и не лечишься! А, впрочем, думай, что хочешь!

- А, чего тут думать, у тебя на лице всё написано.

- Кончайте! – пробасил из соседней палатки Николай. – Тебе-то Славка, что за дело?

Я почувствовал благодарность, к этому здоровому, похожему на молодого медведя, широкогрудому парню, не любившему лишний раз открывать рот. Прикрыв глаза, я увидел качающиеся верхушки сосен с мерцающими между ветвями звездами, мелькнувшее, почему-то заплаканное, лицо Наташи, улыбающуюся Катю и, глубоко вздохнув, провалился в сон.

- Вставай, Миша! – открыв глаза, я вновь увидел над собой лицо Наташки. – Костер потух!

Чувствуя, как после вчерашнего перехода трещат кости, а мускулы наполнены болью, я окончательно проснулся и выполз из палатки. Над речкою стелился густой туман, растекаясь белесыми языками между сосен. Костер едва дымил, и мне пришлось изрядно потрудиться, пытаясь оживить чуть тлеющие угли. Наконец лапник вспыхнул, огонь весело заплясал по иголкам, и я, подбросив сучьев в костер, зачерпнул ведром воды из ручья и повесил ведро над огнем. Хрустнула ветка, я поднял голову, к костру из-за ближайших кустов на берегу подходила Наташа. Лицо девушки после студеной воды стало розовым, а чистые и ясные глаза светились каким-то внутренним восторгом.

- Как здорово! Правда, Миша. – Она сделала широкий жест рукой, указывая и на туманный ручей, и на вековой лес, затянутый дымкой, и на наш палаточный городок. - Ой, ты уже и воду поставил, а я болтаю! Иди, умывайся, я сейчас быстренько чай вскипачу, а ты мне поможешь тушенку открыть, сделаем макароны по-флотски.

Я отправился на каменистый плес, где долго плескал в лицо хрустальной, ледяной водой, громко фыркая и отплевываясь. Утерев лицо жестким вафельным полотенцем, я вновь почувствовал себя свежим и бодрым. Наталья к этому времени всюю колдовала над ведрами, из которых шел пар. Я открыл топором несколько банок тушенки для заправки и посмотрел на часы.

- Пора подъем трубить!

- Подожди немного, у меня еще не готово, - Наташа смахнула со лба упавшую прядь и улыбнулась. – Как тихо, как будто никого больше нет!

Что-то теплое шевельнулось у меня в груди, но я постарался, чтобы девушка ничего не заметила. «Скотина я порядочная!»- мелькнула мысль, а вслух я произнес неопределенно:

- Да.

- Правда, живем в городах, бегаем по улицам, вечно заняты чем-то. Вот ты когда последний раз на природу выезжал?

- Ну, почему, мы с ребятами частенько на рыбалку выезжаем.

- Счастливые! – мечтательно протянула Наташа.

- Шесть десять! – Я решительно поднялся и заорал, задрвав голову вверх, так что лес долго дробился затухающим эхо. – Подъем!!!

- Напугаешь ребят, соловей-разбойник! – звонко засмеялась Наташа, и мне снова сделалось тепло и хорошо.

- Ты чего орешь, как недорезанный, - из палатки появилась заспанная голова Славки, - так и кондрашка хватить может!

- Подъем, господа! Завтракать подано!

- Вот это – дело! – пробасил, протирая спросонья глаза, подошедший Николай. – А, то у меня после вчерашнего марш броска аппетит, как у волка, разыгрался.

- Пять минут, мальчики! Идите пока умойтесь, - Наташа сняла с перекладины ведро с макаронами. – Миша, помоги мне слить воду!

И я в первый раз не почувствовал никакого раздражения от того, что она попросила меня о чем-то.

Второй день марш-броска с утра не предвещал никаких катаклизмов. Погода стояла великолепная, тянул легкий, освежающий ветерок, и первые десять километров мы, шутя, преодолели за два часа. Но потом началось. Равнина, поросшая травой почти до плеч, на поверку оказалась высохшим болотом с невидимыми под травой кочками. Девчонки вообще тонули с головой в этом море не скошенного сена и постоянно падали, спотыкаясь на невидимых бугорках и ямах. Да и парни, подхватившие, как и днём раньше, поклажу девочек, через час дышали, как выкинутая на берег рыба. Пот катился ручьями, ел глаза и так уже толком ничего не видящие. Но беда, как говорится, не приходит одна: на втором часу ходьбы по этому проклятому месту подвернула лодыжку Катя.

- Ой! – только и успела пискнуть она, проваливаясь между кочек.

- Что случилось? – испуганно бросилась к ней Наталья Александровна, и, увидев, как девушка со стоном держится за правую ступню, все поняла. – Привал! – скомандовала она.

Кто, где стоял, там и повалился на хрустящие стебли осоки, прикладываясь к флягам.

- Н-да! – мрачно подвела итог Наталья Александровна, осмотрев и туго перебинтовав Катину лодыжку. – Кажется, приехали!

Все смотрели на командиршу, ожидая, что она скажет дальше.

- Значит так, - немного помолчав, продолжила Наталья Александровна, - здесь в двух километрах к востоку большак. Идти Катя не может, придется нести. Пойдем все вместе, так будет длиннее, но безопаснее. Остаться в болоте нельзя, всякое может случиться, да и отыскать оставшихся будет трудно. На большаке поймем транспорт. Николай, возьми топор, свали вон там пару березок для носилок.

- Наталья Александровна, я сама пойду, - заявила Катя, пытаюсь подняться с земли.

- Сама будешь дома у мамы командовать! Девочки, возьмите у маль-

чиков рюкзаки. Да, знаю, тяжело будет, но носилки тащить еще тяжелее!

Эти полтора часа мне показались вечностью. Мы двигались медленно, нащупывая почву под ногами, идти с носилками было практически невозможно. Меняясь и подбадривая друг друга, наша живописная группа, наконец, выползла на обочину щебеночной дороги. Парни и девочки попадали на траву, пытались отдышаться. Только у Натальи Александровны, казалось, остались какие-то силы.

- Ждем машину и приводим себя в порядок. Вон там, у рожицы озерко, быстро всем умыться. Миша, прихвати ведра – воды принесешь. А ты, Слава, сучьев для костра посмотри, возьми с собой девочек, пусть помогут. Девочки, не раскисать, все будет хорошо! Держите хвостики пистолетом!

- Да, уж чего хорошего, - пробурчал Слава.

- Мальчики, вы еще не заплачете, - фыркнула Наталья Александровна и расшнуровала кеды. – Может вам сопельки подтереть? Советую всем разуться, пусть ноги отдохнут, только ходите осторожно, не наколитесь. Вперед, вперед, шевелитесь – нечего киснуть!

- Давай я тебе помогу, - подошла ко мне Наташа.

За эти пол дня она осунулась, но глаза блестели по-прежнему, а улыбка то и дело блуждала на ее губах, когда она смотрела на меня.

- Ничего, я сам. Пошли, умоемся.

- Пошли, - Наташка на секунду прижалась щекой к моему плечу и, подпрыгивая, полетела вперед, размахивая над головой снятой энцефалиткой.

- Голубки, - снова пробурчал Славка, но, увидев суровый взгляд Николая и осуждение в глазах Натальи Александровны, смешался и замолчал.

Через полчаса, подкрепившись похлебкой, мы почувствовали себя куда как лучше. Только Катя наотрез отказалась принимать пищу и лежала на расстеленной палатке, закрыв глаза. Лодыжка у нее опухла, и было видно, что девушке больно. Наконец на дороге появился армейский грузовик, и мы радостно повскакивали с обочины. После недолгих переговоров с молодым лейтенантом Катю устроили в кабине. Пока шофер с лейтенантом курили, Наталья Александровна предложила желающим ехать в часть, откуда позвонят в Пятку, и за ребятами прибудет транспорт.

- Кто устал, и не может больше идти, или у кого другие проблемы, прошу не стесняться. Быть потом обузой для товарищей – хуже!

Николай, стрельнув у лейтенанта сигарету, отошел в сторону и присел на рюкзак. Все молчали. Будь я один, меня бы не мучили сомнения, но бросить друзей! Я присоединился к Николаю. Подхватив рюкзак, к нам подошла Наташа.

- А, может, ты поедешь, все-таки? - начал я.

Но Наталья, поставив рюкзак на землю, села и, бросив на меня испе-

пеляющий взгляд, сердито засопела. В кузов забрались только две девушки и Славка, на прощание обозвавший нас кретинами.

- Значит – так! – осмотрев свою армию, сказала Наталья Александровна. – Всем подобраться, проверить обувь, до ночлега еще пятнадцать с гаком. Вперед!

Я почти силой отобрал рюкзак у Натальи, то же сделали и другие ребята, и мы двинулись по дороге, огибая болото. Ближе к вечеру я почувствовал, что в кроссовках у меня почти хлюпает, а подошвы горят огнем. Когда мы остановились для ночлега на берегу вполне приличного с кристальной водой озера и пошли купаться, я чуть не заорал благим матом, когда вода коснулась моих раскаленных пяток.

- Что с тобой, Миша? – испуганно подбежала ко мне Наташа, и охнула, когда увидела, как я отдираю с подошв куски кожи.

- Смотри, Наталье не скажи!

Я перебинтовал ступни и направился к костру. А потом, сразу после ужина, сломленный усталостью, пристроился на брезенте не разобранный палатки, где уже храпел Николай.

- Можно я с вами? – спросила подошедшая Наташа, и, не дожидаясь ответа, легла рядом со мной, закинув руки за голову.

Мы, молча, лежали, глядя на мерцающие в небе звезды, на тающие между ними искры костра, пока не уснули.

Утром наша изрядно поредевшая группа снова двинулась в путь, и через полчаса хода саднящая подошвы ступней боль утихла. Несмотря на все мои уговоры, рюкзак свой Наталья мне так и не отдала. К обеду мы вышли к деревне, а еще через полчаса были в лагере у Амура, встреченные восторженными криками остальных обитателей турбазы, отдохавших, как и положено нормальным отдыхающим.

- Ребята, пошли на озеро рыбу ловить, – предложил Николай. – Я тут с дедом в деревне договорился насчет бредня.

Компания наша, с которой мы начинали свой поход, распалась. Славка и Катя игнорировали наше веселое братство, видимо из чувства вины людей, оставивших друзей в трудный час. Не знаю, почему Катя перестала с нами общаться, а вот Славка – точно по этой причине. А потом я заметил, что он, как это по-русски сказать, бросил что ли, и Катю. Девушка ходила мрачной. А баскетболист успел завязать отношения с взбалмошной, рыжей девчонкой из соседнего отряда. По крайней мере, я их частенько видел вместе в столовой. Наши отношения с Натальей развивались не шатко – не валко, на все ее знаки внимания я старался ответить, ну, если не равнодушием, так обычными, ровными отношениями. Так относятся не к любимым, а к приятелям, с которыми дружат уже много лет. Но мы

виделись ежедневно, и большинство времени проводили вместе, в одной компании.

- На рыбалку! – захлопала в ладоши Наташа. – Как здорово! Пойдемте, ребята!

- Возьмем спальники, котелок, уху сварганим, - продолжал Николай.

- И правда, пойдем, - поддержала Николая Света, девочка с которой он сдружился еще в походе.

- Можно.

Сидение в лагере порядком надоело. Забавы, типа ловли неядовитых полозов и подбрасывание их в палатки к девочкам – наскучили, однообразная жизнь по распорядку – опротивела.

- Давай, Миша, в сельпо, а я амуницию пошел добывать.

- А в сельпо зачем? - сердито посмотрела на Николая Света. – Можно и без этого.

- Ну, что за уха без ста граммов? Нонсенс!

- Вам бы лишь причина была.

- Кончай, Свет! От ста грамм, да еще под уху, никому ещё худо не бывало, - я собрался и отправился к пристани, где один предприимчивый мужик, получивший с легкой руки потребителей прозвище «Сельпо», приторговывал из-под полы винцом и водкой.

Через час мы собрались вместе, и, проверив, все ли собрано, отправились через деревню к озеру, расположенному километрах в двух от Амура. Озеро почти пересохло, вода нагрелась, и рыба была сонной, что обещало без особого труда неплохой улов. Прибыв на место, мы выбрали берег покруче, чтобы продувало и было поменьше комаров. Пока девочки разбирали поклажу, мы с Николаем натаскали дров для костра и нарубили лапника для ночлега.

- Вы тут командуйте пока, а мы с Мишей рыбу ловить, - распутал бредень Николай. – Пошли, Миш.

- А где у нас картошка, я пока почищу, - предложила Наташа.

- В пакете, - отозвалась Света, неумело занимавшаяся разведением костра.

- Да, погоди ты, кто же так костер разводит? – налетел на Светку Николай. – Дай, я!

- Шагай, шагай, специалист, вон тебя Миша заждался!

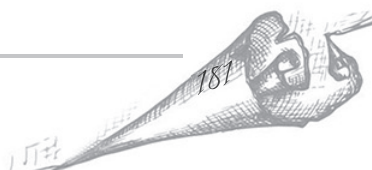
Мы опустились к озеру. Вода была теплой, а гнус еще не появился.

- Ну, что, с богом!

Забредя вдоль берега раза четыре, мы поймали приличную щуку на килограмм и с десятков чебаков.

- Пожалуй, хватит на уху, - закурил, присев на камень Николай, - Будешь?

Он протянул мне пачку сигарет.

- Не, не тянет.

- Тогда сматывай невод, девчонки, поди, заждались.

Когда мы вернулись на берег, костерок уже весело потрескивал, а в котелке булькала вода. На расстеленной газете лежал нарезанный хлеб и огурцы, приобретенные у хозяина невода.

- Пойду рыбу почищу, - сказал я и направился к воде.

- Я помогу, - поднялась с бревна Наташья.

- Не стоит, чего руки всем марать.

- Ну, не стоит, так не стоит, - погрустнела Наташа.

- Стоп, господа! – произнес лежащий у костра Николай. – Долой обиды, будем взаимно вежливы. Иди, иди Наташенька, помоги этому чурбану! Девушка ему помочь решила, а он кочевряжится!

- Да, не кочевряжусь я!

- Вот и хорошо, бери девушку и быстро чистить рыбу!

Наташья взглянула снизу вверх, и я почувствовал себя последней свиньей. Нехорошо, даже скверно!

- Пошли, Наташа! – как можно мягче позвал я девушку.

Она поднялась и молча пошла впереди меня к озеру. Я виновато поплелся следом.

- Не обижайся, Наташа, - попытался я начать разговор, когда мы чистили рыбу.

- Не надо, Миша! – мягко остановила меня она и вновь внимательно посмотрела мне в глаза. – Ребенок ты еще, Миша.

Я попытался было возразить, но она вновь прервала мои путанные доводы. Спустя некоторое время мы всей компанией хлебали свежую, с дымком, уху, и, перебивая друг друга, болтали ни о чем. Гнус так и не появился, видно – время вышло, и сидеть у живого огня было одно удовольствие. Потом Николай со Светой куда-то пропали, а мы отправились на берег, где на озерной воде подрагивала лунная дорожка, и дробились неясные тени, стоящих на берегу, трех сосен. Я бросил на песок спальный мешок, и мы, молча, стали смотреть на расстилающуюся перед нами вязкую гладь озера, тревожимую только редкими всплесками шук, охотящихся за мальками.

- Как Лукоморье, - сказала тихо, почти прошептала Наташа.

- Только русалки не хватает, - я посмотрел на девушку.

Глаза у Наташи были закрыты, а сама она замерла, подавшись вперед и как будто к чему-то прислушиваясь.

- Поцелуй меня, - неожиданно попросила девушка и повернула лицо, подставляя губы.

Не понимая, что со мной происходит, я притянул ее к себе и прижался губами к пылающим губам Наташи. Голова закружилась, и дальше я почти ничего не помнил: ни горячего шепота, ни впившихся мне в плечи

ногтей, ничего. Ночь промелькнула, как одно мгновение, спалив меня без остатка. Уже под утро, когда мы лежали обессиленные, прижавшись друг к другу, она неожиданно сказала:

- Ты, меня осуждаешь, да?

Я горячо начал уверять ее, что это совсем не так, а наоборот, но она прикрыла мне теплой, пахнувшей хвоей ладошкой рот:

- Ну и пусть, мне все равно! - и добавила, - Ведь я же люблю тебя, дурачок!

Потом мы еще долго целовались, заглядывая друг другу в глаза, и пытаясь отыскать в них искру того чувства, которое бросило нас в водоворот, затягивающий все глубже и глубже.

- Пошли купаться, соня, - разбудила меня, неожиданно ещё раз уснувшего, смеющаяся Наташка. - Сколько можно спать, смотри какое утро!

Солнце поднималось из-за леса на дальнем берегу, легкий туман стелился над водой, а над озером уже кричали чайки, занимаясь своими неотложными делами. Природа просыпалась, предвещая прекрасный, солнечный, и, несомненно, счастливый день. Наскоро искупавшись, мы поспешили к костру, где застали спящую в спальнике Свету и разогревающего на огне чай Николая.

- А я уже думал, что вы в лагерь вернулись! - он посмотрел на нас и, видимо, что-то заметив в наших лицах, расхохотался. - Слава богу, а я уж думал, что вы никогда ни на что не решитесь! Дураки вы оба, давно бы так!

Наташа смутилась, но тут же справилась с собой и, сделав независимый вид, который не скрывал счастливого выражения лица, принялась тормошить спящую Свету.

- Просыпайся, лежебока, чай вскипел!

- Что случилось? - открыла заспанные глаза Светлана, - Пожар, что ли?

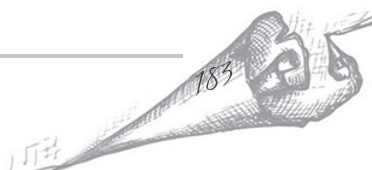
- Вставай, вставай, красавица, завтракать пора, - пробасил Николай, снимая с огня котелок.

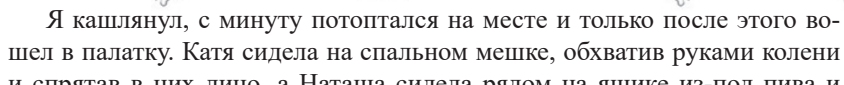
До вечера я проспал в палатке, как убитый, а перед ужином пошел к девочкам в их обитель. Я уже соскучился по Наташе, как будто не видел ее целый год. Подойдя к палатке, где жили девочки, я услышал плачь и какие-то несвязные слова, доносившиеся сквозь серый брезент. Прислушавшись, я узнал голос Кати, дрожащий от обиды:

- Отвяжись от меня, это мое дело!

- Ну, как же, Катя, он же над тобой посмеялся, - Наташа пыталась в чем-то убедить свою приятельницу. - Таких гадов вешать надо!

- Отвяжись! Ты вон от счастья сияешь, ну, и радуйся! А он пусть с этой кривоногой гуляет, мне все равно.

Я кашлянул, с минуту потоптался на месте и только после этого вошел в палатку. Катя сидела на спальном мешке, обхватив руками колени и спрятав в них лицо, а Наташа сидела рядом на ящике из-под пива и гладила ее по голове. Я еще раз прокашлялся:

- Добрый вечер!

Катя оторвала от коленей заплаканную мордашку, так мне нравившуюся недавно, и гневно спросила:

- Тебе еще, что надо? Вали отсюда, турист!

От неожиданности я не сразу понял, что делать, а, сообразив, круто развернулся и вышел вон.

- Миша, подожди меня! – крикнула вслед Наташа. – А ты неправа, зачем срывать злость на постороннем человеке?

- То-то этот посторонний с меня глаз не сводил, облизывался как кот на сметану.

- Зря ты так, - сказала, поднимаясь, Наташа, - совсем одна останешься.

- Пошли вы все к черту, жалельщики!

- Ну, смотри, тебе виднее, я пошла.

- Катись, катись к своему ненаглядному! Кому они нужны эти туристы: сегодня есть, а завтра – нет!

- Что это с ней? – спросил я Наташу, когда мы отошли от палатки метров тридцать.

- Тебе это ни к чему знать, Миша, - ответила она, но, помолчав немного, рассказала кое-что.

Оказывается, Славка не только бросил Катю, но еще и разболтал своей новой пассии об их отношениях. Та язык за зубами держала не долго, и вскоре уже половина лагеря показывала на девушку пальцем. Та не выдержала, и пошла выяснять отношения, но нарвалась на такое неприкрытое хамство со стороны бывшего возлюбленного, да еще при народе, что вынуждена была собраться в дорогу досрочно.

- Ну, и гад он! – только и вымолвил я. – Надо пойти морду ему начистить!

- А, вот этого – не нужно!

Но после ужина я поделился услышанным с Николаем. Он помрачнел и исчез куда-то до танцев. Появился он снова, когда Света начала тревожиться о его пропаже.

- Ты где был?

- Так, - неопределенно махнул рукой Николай

На следующий день Славка из лагеря исчез. Говорили, что ему срочно понадобилось домой, и он, не дожидаясь возвращения на турбазу, уплыл на проходящем трамвайчике в город. Еще через день уехала и Катя.

Потом нас повезли на автобусах назад, а желающим предложили по-

сидеть день в тайге: начинались соревнования по спортивному ориентированию и понадобились контролеры на точках. Я и Наташа с радостью согласились: кому не захочется побыть день наедине, тем более, что единственная обязанность контролеров заключалась в фиксировании времени участников при прохождении маршрута.

Точка, где нас оставили, находилась в кедровом бору, на поляне. Посередине поляны возвышалась огромная, как шалаш, куча шелухи от кедровых шишек, а под кедрами протекал прозрачный ручей, на песчаном дне которого резвились стайки серебристых гальянов. Нас снабдили двумя банками тушенки и оставили одних. Лес негромко шумел вершинами, скрывающимися где-то в недоступной вышине, ручей звенел своими песнями, а неугомонные кедровки кричали в кронах, занимаясь заготовками на зиму. Мы были счастливы.

- Я бы здесь на всю жизнь осталась, - мечтательно говорила моя любимая, а я согласно кивал головой, глядя на ее, озаренное внутренним светом, лицо.

- А тебе бы не стало скучно?

- Ну, что ты, красота-то, какая!

- Поцелуй меня.

- Ах ты, шалунишка, уже соскучился!

К вечеру нас забрали, не забыв напоить молоком в деревне. Хлеб, который мы запивали молоком, был горячий и необыкновенно вкусный.

Утром, на турбазе, после завтрака, на который Наташа не появилась, я узнал, что к ней приехали мама и папа. Мне почему-то стало неловко, и я постарался скрыться подальше, забравшись на сопку, где мы тренировались три недели назад ставить палатки, разжигать огонь и готовить похлебку. Здесь меня и нашла Наташа.

- Ну, куда же ты пропал? Пошли скорее, я тебя с мамой и папой познакомлю. Они, знаешь, какие у меня! Пошли!

- Неудобно, - заупрямился, было, я, но Наташка решительно потащила меня за рукав, и я подчинился, проклиная свою бесхарактерность.

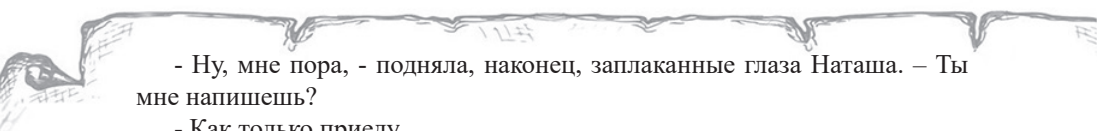
- Знакомьтесь! Это – Миша, мой самый лучший друг, а это – мои папа и мама.

Я пожал протянутую ладонь Наташиного отца, и что-то нечленораздельное пробормотал матери, мучительно потея и краснея.

- Что-то друг у тебя дочь больно стеснительный, - заметил отец.

- Не приставай к молодым людям, Алексей! А ты дочка собирайся, пароход через два часа.

- Я успею, мама! – и Наташа потащила меня на сопку, где мы долго прощались, молча обняв друг друга. Я вдыхал теплый запах ее волос и комок подступал к горлу.

- Ну, мне пора, - подняла, наконец, заплаканные глаза Наташа. – Ты мне напишешь?

- Как только приеду.

Она еще раз поцеловала меня и, резко повернувшись, пошла в сторону базы. А я долго смотрел вслед тоненькой девичьей фигурке, пока она не скрылась в распадке, и сердцем понимал, что что-то в моей жизни закончилось и уже больше таким же, как сейчас, не будет.

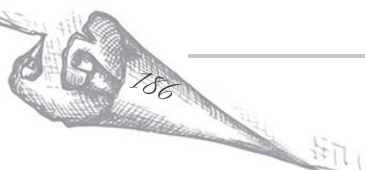
Через час пароход отчалил, и я никак не мог оторвать взгляда от светлого пятнышка на корме, махавшего мне платком.

- Напиши! – донеслось до меня эхом по реке, и я поднял руку, согласно кивая головой, хотя это вряд ли можно было увидеть с такого расстояния.

Я так и не написал письма. Новые заботы и новые друзья стерли в моей памяти дорогой и прекрасный образ девчонки по имени Наташа. Но еще долго по ночам ко мне приходили светлые сны о тех незабываемых днях на далекой таежной турбазе, где я был счастлив и любим.

Зачем я все это вспомнил? Наверное, потому, что жизнь подарила мне одну из самых своих прекрасных страниц, которую я беззаботно перелистнул, так и не осознав до конца, что прочитать ее еще раз мне не удастся никогда.

5 января 2005 г.

Рита

Он смял случайно обнаруженный в столе листок бумаги и вышел на крыльцо. Присев на теплый, нагретый полуденным солнцем бетон ступени, закурил, и вдруг четко, как наяву, увидел летящую ему навстречу тонкую девичью фигурку в джинсах и распахнутой зеленой курточке с яркими нашивками студенческого отряда на рукаве. Сияющие, темно синего, почти черного цвета глаза закрыли пол неба, и он снова, как двадцать лет назад, почувствовал ее горячее дыхание на своей щеке и услышал счастливый голос, с едва заметной картавинкой: «Славка, я тебя люблю!»...

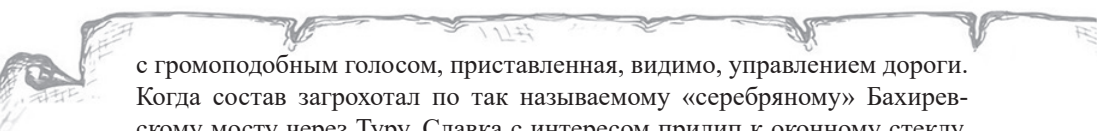
...Она плакала у него на груди, он гладил ее по спине, пытаясь успокоить, а сам, уткнувшись носом в рассыпанные по плечам густые, каштановые волосы, вдыхал их волнующий, мятный запах. Потом, сколько было возможно, он шел по перрону рядом с тронувшимся вагоном, и все смотрел, и смотрел в ее заплаканное лицо. Он запомнил его до последней черточки: огромные глаза с дрожащими на кончиках ресниц хрусталиками слезинок, опухшие от поцелуев губы, и темный румянец покрытых нежным, едва заметным пушком щек. Когда состав скрылся из вида, Славка резко повернулся и зашагал в сторону стоящего на привокзальной площади автобуса.

- А, вот и наш Дон Жуан, - язвительно приветствовала его Жанна. - Долгонько вы что-то.

У Славки не было никакого настроения собачиться с раздраженной женщиной, он, молча, плюхнулся на сиденье и закрыл глаза. Воротник его куртки до сих пор сохранил теплый запах девичьего тела и мяты. Автобус тронулся, и через двадцать минут они уже устраивались в гостиницу, бронированную заранее. Ночью, после ресторана, пришедшая к нему в номер Жанна, попыталась вновь вернуться к событиям последних дней и вызвать его на откровенность, но Славка закрыл ей рот ладонью и посоветовал спать, так как самолет улетал довольно рано, а время было позднее. И зачем он вообще пустил ее? Не надо было...

Совещание по качеству трест решил провести в далеком, северном, только начавшем строиться, поселке. Ехать до него на поезде от областного центра было больше суток, и, прикупив припасов и горючего, делегаты с шумом и шутками погрузились в купейный вагон. Обслуживал состав студенческий отряд из Свердловска, состоявший в основном из молоденьких девочек, возглавляла которых, рослая, уже в годах женщина

с громоподобным голосом, приставленная, видимо, управлением дороги. Когда состав загрохотал по так называемому «серебряному» Бахиревскому мосту через Туру, Славка с интересом прилип к оконному стеклу, пытаясь в проносившемся мимо пейзаже узнать знакомые места. Лет восемь назад, когда он служил в армии, ему уже приходилось бывать здесь. Тогда его командировали сюда за крепежными болтами, необходимыми для другого Моста через другую Реку, который строился их батальоном в бескрайней, сибирской тайге. Здесь он и увидел случайно знаменитого комбрига Бахирева, построившего первый капитальный мост на дороге Тюмень-Сургут, а в тот момент распекавшего за какую-то провинность толстопузого майора снабженца. Воспоминания Славки прервал голос вошедшего в купе главного инженера из Нягани Миши Солодовцева:

- Ты чего тут скучаешь? Пошли к нам. Там такие девочки веселые, пальчики оближешь! Хозяйки наши из студотряда.

Из соседнего купе доносились взрывы хохота, а в паузах между ними голос известного балагура и анекдотиста, начальника одного из отделов треста Павла Васильевича Лебедева.

- Я сейчас, - махнул рукой Славка. - Иди, я догоню.

Он снял пиджак, повесил его на плечики, достал из пакета бутылку коньяка и вышел в коридор. Подняв глаза, он как будто споткнулся, натолкнувшись взглядом на смуглое, розовощекое девичье лицо, с огромными глазами, смотревшими на него.

- Здравствуйте, - неожиданно для себя произнес остолбеневший Славка.

- Здравствуйте, - голос девушки, едва заметно картавившей, прозвучал, как музыка.

Славка неуклюже потоптался на месте, не зная, что говорить и делать дальше и посторонился, пропуская улыбнувшуюся ему девушку. Она прошла в служебное купе, обдав его ароматом мяты и еще чего-то неуловимого, волнующего. Он тряхнул головой, сбрасывая охватившее его наваждение, повернулся и шагнул в раскаты хохота и шум, заполненного до отказа друзьями и сослуживцами купе.

Обедать они пошли вместе с Мишкой в ресторан. Свободными оказались только места за столиком, где кушали две студентки, в одной из которых Славка тут же узнал встреченную накануне незнакомку.

- Девочки, к вам можно? – галантно расшаркался Мишка.

- Пожалуйста.

Славка снова натолкнулся на внимательный взгляд из-под темных бровей, и неожиданно для себя покраснел. А Мишка сразу же затрещал, как пулемет, переходя с анекдотов на побасенки, и сопровождая свою болтовню отчаянной жестикуляцией:

- А как вас зовут, девочки? Меня Михаилом, а этот скромный молодой человек Вячеслав.

- Рита, - представилась незнакомка, - а это – Катя.
- Тогда, как говориться, за знакомство!
- Что вы, нам нельзя, сухой закон. А, если Марья учует – совсем беда!
- Марья, это не та огромная мадам, гудящая, как иерихонская труба?
- Она.
- Да, девочки, я вам не завидую.
- Она, вообще-то добрая, только с виду такая грозная. Но ей другому и нельзя: целых двадцать пять человек на руках.
- Значит, по чуть-чуть можно. Ты чего, Слав, молчишь, поддержи товарища.
- А, правда, девочки, по капельке, - очнулся Славка.
- Только, чтобы никто не увидел, - Рита подняла глаза на Славку, улыbnувшись уголками губ. – По чуть-чуть!
- Это мы можем, комар носу не подточит, - хохотнул Мишка. – Слав, прикрой. С богом, девочки! А теперь давай и мы с тобой, Слава, за здоровье девчонок. Пусть у вас, красавицы, все хорошо будет!
- Спасибо.
- У вас, когда смена кончается?
- В восемь.
- Приходите к нам вечером, поболтаем, чайку поьем. Вы не смотрите, что друг мой на буку похож, это он от смущения. А, вообще-то, он парень веселый, а как поет – заслушаешься!
- Брось ты, Миша!
- А, чего – брось. Я, девочки, ничего не сочиняю. Что это ты у нас таким скромным стал? – Мишка подозрительно взглянул на меня и, заметив, как я смотрю на Риту, расхохотался. – Все ясно! Это он, Риточка, вашей красотой сражен наповал, даже дар речи растерял.
- Лицо девушки стало пунцовым, а Славка грозно засопел, сдвинув брови:
- Ты, это – кончай!
- Что, правда глаза колет. Так мы вас ждем, девочки, приходите, не пожалеете.
- А что, и придем! – Рита дерзко взглянула на Мишку. – Только не обманите насчет песен.
- Никогда! Я тут в соседнем вагоне у ваших девчат гитару видел, просите на вечерок, да и девочки пусть подходят: в компании веселей. Вы нас послушаете, мы – вас.

Вечером в набившемся слушателями купе Славке пришлось потрудиться на славу, чтобы заслужить одобрение публики. А потом они слушали песни в исполнении студенток, болтали о том, о сем, и угощали девочек бананами, которые ухитрился добыть на каком-то полустанке

Мишка. Ближе к полуночи Славка вышел покурить в тамбур. За окном горел малиновым незатухающий закат белой ночи, да мелькали корявые сосны на бесконечных болотах, заросших по краям багульников. Хлопнула дверь, вошедшая в тамбур Рита, встала рядом со Славкой и прижалась носом к оконному стеклу:

- Правда, красиво!

- Правда. Сколько лет живу в этих местах, а никак не могу привыкнуть, что ночи нет.

Взгляды их встретились, и Славка неожиданно притянул Риту к себе, стараясь не быть грубым. Девушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и потянулась губами к Славкиным губам. Они проговорили, целуясь, до восхода, стремительно наступившего часа через два, а утром Славка вместе с делегатами сошел с поезда на станции назначения, мучимый сомнениями: увидит ли он Риту опять. Но то, что в его душе произошло что-то необычное, прекрасное, он знал точно. Они обязательно увидятся, иначе и быть не может, он в это верил.

Совещание свернули к обеду (кому было охота слушать всякую галиматью о стандартах и прочих, набивших оскомину, вещах), и приступили к неофициальной части в столовой местного управления. Угощали с размахом, по-сибирски. Играл местный самодельный ансамбль, пары кружили без устали. Старые друзья и знакомые, в общем-то, и встречались изредка на таких вот совещаниях. Славкина делегация спать не собиралась, так как в два часа ночи отъезжала назад, в Тюмень, и, после того, как из столовой все гости разошлись по местам ночлега, продолжила пирушку у местного начальника пожарной охраны Алексея, парня заводного и веселого. На прощание гостеприимные хозяева снабдили их припасами в дорогу, не забыв нескольких бутылок спирта, благо тот был в свободной продаже. В половине второго ночи шумная компания отправилась на вокзал, где и расположилась на скамеечках в ожидании поезда. Поезд пришел по расписанию, не опоздав ни на минуту. Двери вагонов открылись, и в проеме одного из них Славка к своему изумлению увидел знакомое лицо. Рита! И хотя он произнес ее имя вполголоса, она услышала, прыгнула на щебень перрона и повисла у него на шее, смеясь и целуя одновременно.

- Да, как ты тут оказалась, Рита? – никак не приходя в себя, спрашивал он ее. – Вы же еще на север должны ехать.

- А я на встречный пересела, - отвечала она между поцелуями, - с девчонкой знакомой поменялась из другого отряда. А, ты, что – не рад?

- Рад, конечно, еще как рад! – Славка чувствовал, как его переполняет нежность к этой хрупкой, с открытым нараспашку сердцем девушке. «А еще говорят, что нет на свете любви с первого взгляда, - мелькнуло где-то в подсознании. – Глупости, конечно – есть!»

- Ты – в каком вагоне?

- В пятом.

- А я – в шестом. Как тронемся, приходи, я одна, без напарницы. У них девочка заболела, а заменить некем.

Я только вещи брошу и сразу – к тебе, - Славка поймал на себе внимательный взгляд Жанны Васильевой, нормировщицы из соседнего стройуправления, давно равнодушной к нему, но разбираться в ее интересе к их с Ритой взаимоотношениям ему было некогда: объявили отправление. Да и не собирався он перед ней отчитываться, не жена. Ну, было дело, так что с того, она тоже, Слава Богу, не святая.

Позже, лежа на узкой полке и прижимая к себе невесомое, горячее тело Риты, он поймал себя на мысли, что не стоило так форсировать события. Он-то – старый болван! – почти тридцать, а ей от силы – двадцать. Ну, увлеклась героем пятилетки, с кем в юности не бывает, а он и воспользовался. Старый дурак! Рита пошевелилась в его объятьях, глубоко вздохнула и открыла глаза:

- Ты, что, не спишь, любимый, утро скоро?

Все его сомнения развеялись, как дым.

- Не хочется, целый день впереди – успею подремать! – бодро ответил он, поймав себя на мысли, что хочет покрасоваться перед этой девочкой, доверившей ему самое себя.

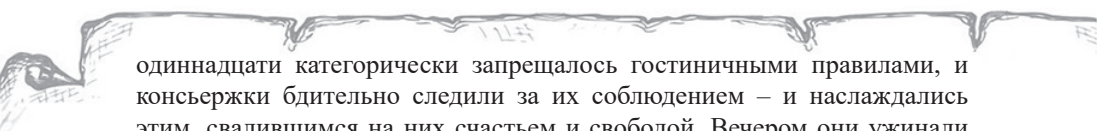
- Поцелуй меня, - она подставила для поцелуя припухшие губы, и он, выбросив из головы все, о чем только что думал, растворился в душном полумраке купе, погружаясь в блаженную истому и теряя последние остатки ощущения реальности.

А потом было долгое прощание на вокзале, заверения в вечной любви и обещание встречи в самое ближайшее время, как только позволят дела.

...Привычные дела на стройке полностью поглотили его. Шла рутинная, каждодневная работа: подготовка к сдаче объекта, и свободное время оставалось только на то, чтобы поесть и поспать. Он никак не мог найти времени, чтобы ответить на письмо Риты, полученное им еще неделю назад. Она писала, что в институте началась учеба, что она ужасно соскучилась по Славке, и ждет его приезда, ну, хотя бы на один денек. «И не ленись писать письма, дорогой, без них совсем плохо», - он будто слышал ее голос, и горячая волна стыда захлестывала его. Он написал заявление на три дня за свой счет, и начальник, скрепя сердце, бурча что-то про баб и особо озабоченных, подписал его, заодно надавав заданий, что привезти из Свердловска. Славка вечером упал на вагонную полку и проснулся только за час до прибытия.

А дальше были два бесконечных, светлых дня. Они сняли два номера в гостинице – в те далекие времена приводить к себе девушку после

одиннадцати категорически запрещалось гостиничными правилами, и консьержки бдительно следили за их соблюдением – и наслаждались этим, свалившимся на них счастьем и свободой. Вечером они ужинали с ее друзьями по институту в шикарной и очень дорогой пельменной, а потом гуляли по ночному городу, вдыхая чистый, прохладный воздух ранней осени. Прощаясь у вагона, она крепко держала его за руку, боясь отпустить, и все повторяла шепотом, прижимаясь губами к его щеке: «Приезжай скорее, только приезжай!»

Потом была продолжавшаяся почти год переписка, с жаркими признаниями в каждой строчке, стихами, написанными неумело, но искренне, и всякой милой чепухой. Но жизнь брала свое, и образ дорогой, но такой далекой и недоступной девчонки постепенно тускнел и забывался, теряясь среди других, встреченных и узанных позднее. Никогда, какое безысходное слово – НИКОГДА, он уже не увидит ее. В это же время он познакомится со своей будущей женой, и это новое, зарождающееся в душе чувство постепенно поглотит его целиком, заслоняя собой все предыдущие истории и события. Он еще будет по привычке писать короткие ответы на ее послания, но слова в них станут суше, а эмоции – сдержаннее. Недоумение и обида, зазвучавшие между строчек ее писем, сначала начнут вызывать у него легкую досаду, а потом и вовсе покажутся пустыми и докучливыми. Он станет писать все реже и реже, испытывая, конечно, некий дискомфорт внутреннего состояния, когда приходится сочинять то, чему нет отклика ни в сердце, ни в душе.

И было это, последнее письмо. Она писала, что чувствует, как он охладел к ней за последнее время, но обиды на него не держит: жизнь – есть жизнь. А она по-прежнему любит и скучает, и ждет от него хоть какой-нибудь весточки. Пусть он только напишет, ведь ей так плохо. Он не ответил тогда на это письмо, а сегодня, спустя почти четверть века, случайно обнаружил его среди своих бумаг.

Славка докурил сигарету, затушил окурочек, и почувствовал, как жгучий стыд за проявленное тогда малодушие, а, скорее всего трусость, прожигает ему сердце. Чего уж тут лукавить перед собой – он боялся тогда развития их дальнейших отношений, а сказать об этом прямо – не посмел. «Не хватало еще, чтобы жена увидела это письмо, чего попусту человека тревожить», - подумал он и чиркнул спичкой. Наблюдая, как съезживается комочек бумаги, превращаясь в пепел, в пляшущих язычках огня он снова увидел летящий ему навстречу, знакомый силуэт. Вновь последним приветом из той далекой, но такой незабываемой юности, прозвучал в его сознании, воркующий по голубиному и до сих пор волнующий душу голос: «Дорогой, я сильно-сильно тебя люблю!»

А ветер еще долго гонял по двору кусочки черной сажи.

29 ноября 2004 г.

Четыре дня прораба Паши Овечкина

День первый. Осень.

Когда я выбрался из кабины самосвала, подбросившего меня до комбината, Юра Сверчков, наш шофер, обеспечивающий бригады раствором и бетоном, сразу обратил внимание на шумную толпу рабочих возле прорабки третьего участка.

- Что это там, Андреич?

Уже отсюда были слышны дружные раскаты хохота. Подойдя поближе, я протиснулся к вагончику и увидел на стене белый кусок ватмана, разрисованный цветной тушью. На ватмане было написано: «Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, за выдающиеся трудовые успехи, достигнутые при выполнении заданий десятой пятилетки, награждены...» Далее следовал список рабочих и служащих стройуправления и наград, которыми их отметили.

- Чего ржем? – спросил я у Николая Власова, бригадира монтажников с четвертого участка.

- А ты посмотри.

- Не понял.

- Ниже.

Я заглянул через плечо стоящего впереди работяги. Внизу листа, на оставшемся свободном месте, красовалась расплывшаяся надпись, сделанная химическим карандашом: «Шааб Иосиф Антонович – Орден Святого Ибукерия.» В особенностях надписи, закорючках и хвостиках безошибочно угадывался почерк Васи Бражаева, прораба нашего третьего участка. Вася, или, как его называла нормировщик Анечка, Василий Николаевич, парень был веселый, роста саженного, почти два метра, за что среди друзей носил ласковое прозвище – дядя Степочка. Еще Вася не ладил с начальником участка, немцем из-под Нижнего Тагила, Иосифом Антоновичем Шаабом. Немцем он был, конечно, только по происхождению. А, вот, род свой вел еще с тех времен, когда Екатерина Великая завала его предков в Россию, чем особенно гордился. Отчего они все время грызлись между собой, никто точно не знал, но что перепалка могла возникнуть на пустом месте, из-за случайно оброненного слова, этому я сам был неоднократным свидетелем. В остальном, Вася был нормальным мужиком, не глупым строителем и среди рабочих пользовался вполне заслуженным авторитетом. Когда я еще начинал работать в управлении в

качестве инженера ПТО, меня как-то послали на участок сделать освидетельствование железобетонной балки, якобы замороженной по его недосмотру. Балка как раз оказалась вполне нормальной, но Шааб так рьяно требовал наказать Василия, что я сразу понял: что-то тут неладное происходит. Заключение по балке я дал положительное. Но главный инженер еще некоторое время подозрительно поглядывал на меня, видимо, науськанный начальником участка.

Покрутившись возле объявления и позубоскалив с народом, я отправился в строящийся цех навестить бригады и выяснить, что кому нужно, а заодно проветриться: голова у меня раскалывалась после вчерашнего. Но об этом – позже.

Краснопаловские плотники уже крепили опалубку, готовясь к приемке бетона, и я не стал подходить к ним, поприветствовав издали взмахом руки, а сразу направился к каменщикам, как всегда восседавшим на трубе временного отопления, проложенной через весь цех.

- Чего сидим, голуби?

Бригадир Басиев лениво потянулся и, бросив окурок на пол, сплунул:

- Пока, вроде, делать нечего, начальник.

Я не очень жаловал этого хитроватого и ленивого мужичка, но терпел, потому что бригада почему-то слушалась его беспрекословно. Говорили, что он за что-то сидел, но, скорее всего это была болтовня, хотя, кто его знает. Заставить работать подчиненных он умел, а это на стройплощадке не последнее дело.

- Бой собрали бы, что ли, а то скоро не подойти, не подъехать будет.

- За это денег не платят, начальник.

- А, что, уборку рабочего места за отдельную плату будем делать? Короче, еще раз такой срач увижу – не взыщите. Лежите, хрен с вами, я найду, кто приберет, только оплату из ваших нарядов.

- Ладно, не кипятись, начальник, сейчас приберем. Подъем, орлы! Начальство приказало навести порядок.

- Кран пока устанавливайте, а я раствор подгоню. Белкина никто не видел?

- Они на крыше давно, еще с полчаса назад поднялись.

Когда минут через пятнадцать я вернулся к вагончику, возле него было пусто, а ветерок трепал на стене обрывки еще недавно висевшего на этом месте ватмана. Выпорхнувшая из вагона Анечка, наша нормировщица, увидев меня, округлила глазки и защебетала:

- Ой, Павел Андреевич, не ходите туда!

- Что, опять лаются?

Анечка кивнула белокурой головкой и горестно вздохнула. Я сглотнул липкую слюну, наполнившую рот, подавил подкативший позыв тошноты и, махнув рукой, решительно взялся за ручку двери. Она внезапно рас-

пахнулась, и мимо меня на всех парах пролетел дядя Степочка с красным, как помидор, лицом. Никого вокруг не замечая, он помчался в сторону проходной, крепко выражаясь на ходу. «Однако, похоже, беседа прошла в теплой, дружеской обстановке», - промелькнуло у меня. Хотя после вчерашнего любым, даже самым простым мыслям, мелькать в трещавшей голове было весьма затруднительно. Войдя в прорабку, я сразу направился к телефону.

- А ты где болтался? – заорал, еще не отошедший от разговора с Васей Шааб.

- Ты чо, Антоныч, белены объелся? Кидашься, как собака, на всех! – отмахнулся я от него. - Шуток не понимаешь, что ли?

В дверь тихонько проскользнула Анечка и спряталась за горой нарядов у нее на столе.

- С вами точно собакой станешь,- слегка снизив тон, произнес начальник.- Я в контору поехал, без меня тут управляйтесь. Ишь, ты, шутки! Да за такие шутки кое-что отрывать нужно!

Он собрал в папку какие-то документы, с треском закрыл молнию и вышел, громко хлопнув дверью. Анечкина головка осторожно показалась над бумагами.

- Выползай, ушел! Кофе, что ли, заварила бы? – я взялся за телефон.

- Конечно, Павел Андреевич! – радостно засуетилась Анечка.

- Алло, РБУ? Валя, здравствуй! Забрось на ДСП полтора куба раствора Басиеву. Сейчас уйдет? Вот спасибочко, дорогая! И давай двадцать кубиков Краснопалову. Да, марки двести...через полчасаика...ну, бывай, – я положил трубку.

- Вам с сахаром, или без, Павел Андреевич?

- Без сахара, Аня, без сахара. Как говаривал незабвенный Василий Иванович: не до грибков Петька, не до грибков, - и я потер ноющие виски...

Вчера вечером мы крепко набрались дома у нашего уважаемого начальника участка, а потом еще продолжили в вагончике у Витьки Кочаренко, прораба дорожников и моего хорошего приятеля. Все началось с того, что во время обеда Витька сообщил новость: в магазине появился египетский бальзам «Абу Симбел».

- Я, мужики, подсчитал: дешевле водки процентов на двадцать будет, если помножить емкость на градусы. Во-первых, емкость ноль семь, во-вторых – тридцать пять градусов. И пьется, как вода.

- На фига пить, если, как вода?

- Ну, я это так, образно.

- Что-то во мне все эти импортные штучки доверия не вызывают, - высказал мнение начальник четвертого участка, Геннадий Николаевич.

- Брось, Геннадий, в жизни все надо испробовать, - хохотнул Шааб, - а то сравнивать не с чем будет. Давайте вечером, после планерки ко мне. Мне тут теща целую коробку помидор прислала, так что закусь организуем мировую.

-Я уже шесть штук взял на всякий случай, - скромно улыбнулся Виктор, - а то мужики ящиками хватали, могло и не достаться.

- Молоток. Ну, давайте, до вечера.

Вечером у таза нарезанных помидор, сдобренных репчатым луком и обильно политых подсолнечным маслом, мы дружно пробовали сладковатое и тягучее египетское пойло. И хотя закуска была действительно мировой, прикончив пятый флакон, мы порядком забурели. Видимо еще и потому, что, не надеясь на доброкачественность напитка, Геннадий прихватил пару бутылок «Столичной», и мы перемешали ингредиенты, чего делать, разумеется, нельзя никогда. Распрощавшись с честной компанией, часов в десять мы с Витькой двинулись к нему в вагончик, где, как он сообщил мне по секрету от остальной компании, у него имелась заправка в виде поллитры «Московской».

- А не до хрена нам будет?

- Не бойсь, пробьемся. А потом – завтра, это будет завтра!

- Ну, тогда – вперед! Броня крепка и танки наши быстры... - горланы патриотические песни, и другие, не вполне патриотические, мы двинулись по едва освещенной улице, пугая встречных прохожих.

Витька делил жилой вагончик на двоих с бригадиршей отделочниц Верой Якимовой. Она с пятилетней дочкой проживала в большой комнате, а он ютился в малюсенькой каморке, где едва размещались две кровати с крошечным столиком между ними. В каморке, как всегда царил бардак, а за стаканами пришлось осторожно сползть на кухню: после одиннадцати Вера шума не переносила.

- Верка, иди, выпьем! – едва только мы разделись, проверещал Витька.

- Кончай, Вить, девочка уже спит, наверное, - я опасно оглянулся. – А, то, будет нам и дудка, и свисток!

В дверях появилась Вера, красивая, крупная женщина, лет около тридцати:

- Явились, не запылились, голубчики! Где это вы так накушались?

- Вера, ты только не обижайся. Это мы импорта напробовались, - я попытался изобразить на лице нечто приветливое, - Абу... как его? Витя, как оно называлось-то?

- Что называлось?

- Да, пойло, что мы пили.

- Не помню, - пробубнил Витька.

- Да, голубчики, вижу, не мало вы выхлебали!

- Выпей, Вер, - я побаивался этой властной и громкоголосой женщины, с которой мне пришлось поработать еще мастером.

Характер у Веры был твердый и властный, а другого и не могло быть, иначе справиться с коллективом, в котором собралось одновременно тридцать озабоченных жизнью женщин, было бы просто невозможно. Я помнил, что могло случиться, если кто-то из них встал не с той ноги, или я недостаточно почтительно поприветствовал бригаду утром. Жуть!

- Ладно, давай. Только этому больше не наливай, он и так уже едва живой.

- Вот и не правда, - Витька попытался большим пальцем ноги, торчащим из дыры в носке пощекотать Веру, стоящей рядом со спинкой кровати, живот.

- Брысь, алкаш! А то я тебя быстро успокою.

- Ну, че ты, Верунь, ну иди сюда, - едва понятно забубнил глупо улыбающийся Витька.

- Тьфу ты, любовничек долбанный! - Вера взяла стакан. - Давай, Паша, выпьем, и спать ложитесь, завтра на работу.

Я никак не мог предположить, что эта гремучая смесь из бальзама и водки так подорвет мое драгоценное здоровье и утром голова будет готова взорваться...

...Я пил кофе, тупо глядя в окно, но долгожданного облегчения не наступало.

- Может быть еще, Паша? - подошедшая с чайником Анечка жалостливо смотрела на меня.

Благодарно улыбнувшись, я безнадежно махнул рукой, но Аня все-таки настояла на своем, и вновь наполнила мою чашку кипятком. «Спасибо тебе, небесное создание, - подумал я пространно, с трудом ворочая мозгами, - что бы мы без тебя делали, совсем передрались бы». Я, конечно, догадывался, что эта белокурая, тоненькая девушка была тайно и безнадежно в меня влюблена, но старался делать вид, будто ничего не замечаю. Зачем обнадеживать человека, если сам не питаешь к нему никаких особенных чувств. Анечка, конечно, притягивала к себе взгляды кукольной какой-то красотой, но других особенных достоинств не имела. Она была аккуратной, всегда тщательно причесанной, готовой всегда и везде помочь в любом деле. Но, чтобы влюбиться в женщину, требуется что-то большее...

...Летом, где-то в июле, Лев Иванович Солнушкин, наш председатель профкома, предложил организовать коллективный выезд на рыбалку. Идею приняли с энтузиазмом и всю неделю, до субботы обсуждали, куда ехать.

- Поедем на Арантур, - поставил точку в затянувшемся споре Лев. – Во-первых – места не тронутые, во-вторых – улов гарантирован: щуки завались, только бредень таскай, не ленись.

Все охотно согласились, хотя, до озера было более семидесяти километров по бездорожью. Многие просто там никогда не были и хотели посмотреть на расписываемые в частых разговорах бывалых рыбаков и охотников красоты, другие – просто, чтобы их увидеть снова. Наконец сборы были закончены и мы, человек двадцать мужчин и женщин, погружившись в кузов наскоро оборудованной машины, тронулись в путь. Первые тридцать километров проехали довольно бодро, какая-никакая, но дорога, хоть и лесовозная. У моста через Конду остановились размяться. Место было до удивления красивым: над крутым берегом стояли, теряясь кронами, где-то в поднебесье, столетние сосны, а под ними масляно струилась темная вода, с то и дело расходившимися по поверхности кругами от играющей в реке рыбы. Мужчины устроились покурить на упавшем стволе, а женщины под руководством неугомонного председателя по-быстрому соорудили нехитрую закуску. Не прошло и пятнадцати минут, как импровизированный стол на огромном срезе пня был накрыт.

- Граждане, кушать подано! – провозгласил Лев. – Давайте, не стесняйтесь, будьте, как дома. И прошу долго не тянуть: нам еще часа два с половиной пилить.

- За что пьем, профсоюз? – спросил Витька.

- За природу! – все выпили, закусили, и, вновь, галдя и восхищаясь раскинувшимися вокруг пейзажами, забрались в кузов.

После Конды приличная дорога кончилась. Часа полтора мы перебирались через большое болото, выстеленное лежневкой из целых хлыстов, даже не присыпанных песком. Пару раз пришлось выходить и всем мужским коллективом помогать вытаскивать колеса, провалившиеся между бревен. Было весело и шумно, все с нескрываемым интересом рассматривали открывающиеся по дороге картины дремучей тайги, тем более что большинство впервые отъехало от поселка так далеко. После болота дорога начала виться сосновыми борами, по гривам, покрытым белым мхом-ягельником. Не удержались, сделали остановку, чтобы набрать белых грибов на похлебку. Я впервые видел белые грибы в июле.

- Первый слой пошел, - пояснил Лев, считавшийся старожилом.

Было почти шесть часов вечера, когда, выскочив на очередную возвышенность, мы увидели Озеро. Оно открылось голубой полоской воды между хвойной зеленью и по мере приближения к нему становилось все шире и шире. Сосняк не давал возможности сразу оценить размеры водной глади, но, подъехав к берегу, мы поняли, что видим чудо. Озеро лежало опоясанное густым хвойным лесом, стоящим почти вплотную к воде, так, что волны, накатывающиеся на песчаный, с редким кустарни-

ком берег, оголили корни деревьев. Противоположный берег был виден сплошной темной полоской, на которой трудно было различить какие-либо детали, а вправо береговая линия сливалась с горизонтом. Место, где мы начали разгружаться, использовалось уже не раз, судя по углям кострища и торчащим из земли рогулькам.

- Женщины готовят стол, мужчины дрова, - скомандовал Лев, - ночью может быть прохладно. Кто таскал когда-нибудь бредень – со мной.

Мы с Витькой вызвались ловить рыбу. Вода в Арантуре была теплой и только в том месте, где впадал ручей, ноги почувствовали холод. Через полчаса, выцедив сеткой штук пять довольно крупных шук и прилично задубев даже в теплой по первым ощущениям воде, мы возвратились к месту нашего ночлега, где уже весело трещал костер и звучали смех и голоса.

- Во, уха прибыла! – громко объявил Геннадий Николаевич. – Замерзли, мужики? Анечка, где водка, надо ребят срочно спасать. На-ка, Паша, - он протянул мне чайную кружку, - выпей.

Я действительно замерз, да так, что зуб на зуб не попадал, и с удовольствием залпом выпил. Но из кружки после водки потекла какая-то тягучая субстанция, которая медленно растеклась по горлу и пищеводу, заполнив рот жгучей массой, так, что стало не просто погано, а очень. Пришлось долго отплеиваться возле кустов, сдерживая позывы рвоты.

- Да, что с тобой, Паша, не в то горло попало? – хлопая меня по спине, хохотал Геннадий. – Или водка больно крепкая?

Я только молча мотал головой, не в силах вымолвить слова в ответ.

- Что с вами, Павел Андреевич? – испуганно запричитала Анечка. – Может быть водички?

Я еле отдышался и, сплюнув последний раз, заорал:

- Что за гадость там была, мать вашу?!

- Где? – не понял Геннадий.

- Где, где – в Караганде! В кружке конечно.

- Водка, а что там еще может быть?

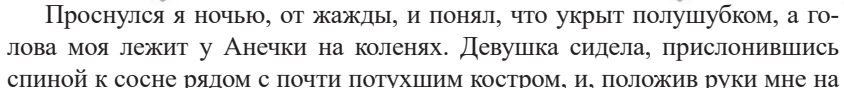
- А ты попробуй!

Геннадий Николаевич взял кружку, которую я протянул ему, осторожно попробовал и захохотал еще громче. Вытерев выступившие слезы, он спросил:

- Господа, кто в кружку сметаны налил? Чуть Пашу не уханькали на смерть. Ты, Паша, не расстраивайся особенно – тут тебе и выпивка, тут и закуска. Всосется – легче станет!

Мне и вправду стало лучше, тепло разлилось по всему телу, от костра несло смолистым жаром, а вокруг были друзья и просто хорошие знакомые. А что еще нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым? Потом мы пели хором под гитару и баян, рассказывали похабные анекдоты и веселились так, как давно не веселились: раскованно и открыто.

Проснулся я ночью, от жажды, и понял, что укрыт полушубком, а голова моя лежит у Анечки на коленях. Девушка сидела, прислонившись спиной к сосне рядом с почти потухшим костром, и, положив руки мне на плечи, дремала. Я, как можно осторожнее попытался выскользнуть из этого плена, но девушка, почувствовав мои телодвижения, сразу проснулась.

- Ой, куда вы, Павел Андреевич?

- Спи, Анечка, спи, рано еще, - я уложил девушку на лапник, свернув ей под голову свою куртку и накрыв полушубком.

Анечка благодарно улыбнулась мне и прикрыла глаза. Я подбросил в костер пару веток и повесил разогреваться, стоящий тут же, прокопченный чайник.

Пока чайник шумел над огнем, я вышел на берег, сделал несколько приседаний, разминая затекшие в сапогах ноги, и огляделся. Северо-восток уже горел от лучей поднимающегося солнца, над рекой, впадающей в Озеро, змеились ленты прозрачного тумана, сквозь которые просматривался, спускающийся к воде по гриве противоположного берега, сосновый лес. Поверхность воды была совершенно неподвижной, маслянистой, и на темной ее поверхности отражались еще не погасшие звезды. Тишина стояла такая, что слышно было только потрескивание костра и ничего более. Я налил в кружку вскипевший чай и вернулся к месту ночлега. Как только я присел к сосне, Анечка открыла глаза.

- Посидите со мной, Павел Андреевич.

- Я же, Анечка, и так рядом. Ты спи, день длинным будет, еще наговоримся.

- А, вы поближе ко мне сядьте.

Анечка выпростала руку из-под полушубка, положила ладонку мне на колено и, закрыв глаза, мерно задыхалась, чему-то улыбаясь про себя. Я сидел, стараясь не шелохнуться, и смотрел то на безмятежное лицо девушки, то на меняющиеся краски окружающего мира, на появившиеся невесть откуда легкие облака, окрашенные розовым, на зеркальную гладь Озера, уже потревоженную кое-где легким утренним ветерком, и душа моя потихонечку пела...

- Нет, Аня, спасибо, больше не хочу, - как можно приветливее выдавил я, отказываясь от очередной кружки кофе. - Пойду, пожалуй, посмотрю, что делается, да и проветрюсь заодно.

Выйдя на улицу, я глубоко вздохнул прохладный, осенний воздух, огляделся и неторопливо пошел в сторону цеха ДСП. «Надо на крышу подняться, посмотреть», - подумал я, поравнявшись с первыми воротами, и решительно взялся за перекладину пожарной лестницы. Через пару минут я уже шагал по рубероидному ковру кровли, стараясь не опираться на каблучки, чтобы не повредить его. Надо сказать, что, когда я впервые полз

по металлической лестнице на высоту четвертого этажа, душа моя была, как говорится, в пятках. Полз я тогда, как припоминается, с перекурами, то и дело, восстанавливая дыхание, а когда добрался до верха, долго не верил, что остался жив. Со временем, чувство страха перед высотой приутилось, ушло куда-то, и все эти каждодневные, рутинные подъемы уже нисколько не пугали. Правда, по настоянию начальства с обратной стороны цеха была выстроена деревянная лестничная клетка, но пользовались ей в основном конторские, когда их присылали на очередной субботник, да еще всякие многочисленные проверяющие. Пожарная лестница была предпочтительнее. Когда нужно было избежать нежелательной встречи с начальством, она здорово выручала. Стоило только подняться на цех и перейти на другую сторону, как ты оказывался вне досягаемости высоких персон, и в то же время, как бы при деле. Начальство в силу своего возраста и комплекции летать по пожарным лестницам не желало и это обстоятельство не раз выручало меня в критических ситуациях.

- День добрый, Пал Андреевич! – сидящий на поддонах из-под рубероида и курящий в нарушение всех противопожарных инструкций, Иван Иванович Белкин, бригадир кровельщиков приподнял кепку.

- Иван Иванович! Ну, когда это кончится? – начал, было, я.

- Все, все, Пал Андреевич, уже все погасил. Присаживайся, посидим, подышим, погода замечательная: бабье лето. Давай-ка я тебе спецовку подстелю, а то, не дай бог, уделаешься битумом.

Я присел рядом на заботливо расстеленную спецовку и огляделся:

- Как дела, Иван Иванович?

- Да все нормально, не беспокойся. Я тут подсчитал, если погода не подведет, к концу месяца закончим. Квадратов двести в день выходит, должны закончить.

- Твоими бы устами, бригадир, мед пить. Сплюнь через плечо.

- Что-то ты, Паша, шибко суеверным стал. Не в первый раз – пробьемся.

Погода действительно баловала. Почти две недели стояло ясно и относительно тепло. Лето выдалось не очень – прохладным и дождливым, зато осень была золотой, в прямом смысле этого слова. В прошлые выходные мы еще ухитрились собрать около поселка грибов на жареху.

Бригада Белкина появилась у нас в управлении с полгода назад. Человек десять «дедов» и молодая женщина с ребенком лет пяти. Женщину звали Настя, и погнала ее на Север с малым ребенком какая-то своя, личная, я думаю, беда. В бригаде «дедов» кто-то был ее родственником, вот и прихватил с собой девушку на новые места, подальше от греха. «Дедами» их прозвали потому, что в бригаде самому молодому было не меньше сорока. Прибыли они откуда-то из-под Полтавы, приехали заработать, и, надо сказать, мастерами были на все руки. Могли и отделку вести, и бетон

принять, и плотничать. За неполный месяц выложили всю керамическую плитку на пусковой котельной, потом поработали на четвертом участке, что-то бетонируя на очистных, а сейчас ремонтировали у меня кровлю на цехе ДСП. Кровля была закончена еще в прошлом году, но монтажники и вентиляционщики за год так ее изнахратили, что при хорошем дожде в цехе негде было спрятаться от водяных струй. Пришлось крыть дополнительный ковер, а заодно и стеклить побитые световые фонари.

- Здравствуйте!

Я поднял глаза и почувствовал, как горячая волна разливается по телу, а в горле застрял сухой, колючий ком. Неслышно подошедшая Настя смотрела на меня своими огромными глазами-сливами и улыбалась. Красавица с тугими бедрами и высокой грудью, она постоянно вгоняла меня в краску, что естественно не осталось незамеченным. Не знаю почему, но на меня она оказывала прямо какое-то гипнотическое воздействие. Парень я вообще-то не робкий, с девушками вел себя всегда свободно и непринужденно, а тут клинило: ноги становились ватными, а язык прилипал к гортани. Я старался избавиться от этого унижительного состояния, нарочито старался казаться грубым и равнодушным, но ничего толком не получалось. Как только она начинала смотреть мне в глаза, я немел и глупел. А девушка, словно чувствуя эту свою власть, нарочно насмеялась над моим жалким видом.

Настя облизнула пухлые губы, слегка улыбнулась, чувствуя свое превосходство, и, переведя взгляд на бригадира, продолжила:

- Иван Иванович, битум готов. Петя спрашивает качать, или на обед пойдем.

Вместо того чтобы ответить по делу, Белкин посмотрел на меня, хмыльнулся, и ни с того, ни с сего произнес:

- Хороша девушка! Как, Пал Андреевич?

Я готов был провалиться от стыда сквозь землю, но продолжал молчать, как пень, не зная, что предпринять и как ответить. Вновь бросив взгляд на мою растерянную физиономию, Белкин все понял, и, жалея мое мужское самолюбие, повернулся к Насте:

- Скажи, пусть малый огонь включит, минут через десять – на обед.

Настя еще раз ошпарила меня взглядом своих влажных глаз, развернулась на месте, обдав меня запахом недорогих духов, и ушла, покачивая бедрами. Я машинально достал сигарету, и закурил, забыв о всякой пожарной безопасности и прочей лабуде. Белкин с минуту помолчал, а потом, вздохнув, сказал:

- Хорошая девушка, ей богу, в самом соку. Ты бы пригрел ее, прораб. Дело молодое, чего маяться.

- Ну, ты даешь, Иван Иваныч! – я вытаращил глаза на бригадира. – Как это – пригрел бы?

- А молча. Ты что думаешь, она не живая, что ли? Одна баба, без мужской ласки пропадает. А женщина она хорошая, ласковая.

- А ты с чего взял, что я тот самый мужик и есть?

- А то по тебе не видно, да и ты ей нравишься. Не дурили бы вы, ребята, не мучили друг друга.

Я так растерялся от такой откровенности, что не нашелся с ответом, а просто поднялся, молча рубанул рукой воздух и направился обратно в прорабку. «Вот, блин, старый козел, чуть от стыда не заставил сгореть», - вертелось у меня в голове. В вагончике Анечка терпеливо дожидалась меня, чтобы ехать на обед.

- Сейчас машина подойдет, Павел Андреевич. Я предупредила: как только доску разгрузят – сразу сюда.

- Спасибо, дорогая! Никто не звонил?

- Звонил Виктор Петрович, спрашивал: будете ли на обеде? Я сказала, что будете.

- Молодец! Ну, собирайся, пошли.

В столовой от порога, до стойки раздачи уже всюду гудела разношерстная очередь. «Припозднились», - подумала я, - «придется по-нахалке лезть, а то и покурить некогда будет».

- Паша, давай сюда! – махнул мне рукой, сидевший за столиком в углу Виктор.

- Сейчас, - и я полез к стойке без очереди, не обращая внимания на недовольное ворчание желающих пообедать. – Анечка, принимай! Надюша, давай, как обычно, и пирожков с ливером. Чего шумим, голуби, успеете, начальство надо уважать.

- Здорово, Паша! – поздоровалась заведующая столовой Надежда Марченко. – Суп гороховый будете?

- Да, все равно. После вчерашнего, редьку бы с хреном лопать: полезно и, говорят, здорово помогает.

- Наслышаны о ваших геройствах.

- Откуда?

- Друг твой поделился, шибко, видимо, болеет.

- А чему болеть-то, кость – она и есть кость, - попытался пошутить я.

- Откинете копыта когда-нибудь от какой-нибудь дряни. У меня мужик ее тоже напился, так утром еле голову от подушки оторвал. В следующий раз сделаю вам редьку. А лучше ума наберитесь, да пейте поменьше!

Заведующей столовой Надя работала еще до той поры, как я начал вершить свои трудовые подвиги в нашей славной конторе. То ли она нас жалела, то ли мы были чем-то похожи на ее мужа, работающего шофером в нашей же артели, но из толпы она нас все-таки выделяла. Видимо за бесшабашность, зубоскальство и легкое отношение к жизни: ребята

молодые, веселые – приятно посмотреть. И жалела, как мать жалеет неразумных малолеток. Ну, и потом мы были каким-никаким, но все-таки начальством, хоть и мелким, и могли иногда помочь то машиной для подвоза продуктов, то мелким ремонтом, без которого было бы трудно содержать в порядке это беспокойное хозяйство.

- Кушайте, а то вас ветром скоро качать будет.

Анечка перетаскала тарелки, которые я подавал через головы страждущих, на Витькин стол и через минуту мы сидели вместе.

- Ну, ты как? – спросил первым делом мой приятель.

- Жив, как видишь. Но больше я эту гадость - ни в жизнь!

- Сейчас оживешь, - Витька взял пустой стакан и налил под столом граммов сто из, невесть откуда взявшейся, чекушки. - Давай, опохмелись, легче станет.

Анечка с ужасом посмотрела на Витьку, как будто увидела такое, чего молодым девушкам видеть было не положено.

- А, не заплохее? – я с трудом сглотнул заполнившую рот слюну.

- Все будет нормально! Я до обеда думал, что сдохну... Хорошо, Геннадий надоумил. Давай!

Я взглянул на брезгливо сморщившуюся Анечку, подмигнул ей нахально и залпом выпил.

- Во, если сейчас окочурится – считайте коммунистом! - хрюкнул в кулак Витька. - А если не окочурится – алкоголиком!

Я, молча, стиснув зубы, помотал головой, пытаюсь не нагадить прямо за столом, но уже через пару секунд почувствовал, как мой желудок успокаивается и в голове появляется легкий туман. Пару раз глубоко вздохнув я, наконец, почувствовал запах пищи.

- Павел Андреевич, зря вы это, - сказала Анечка, нахмутив брови.

- Ах, Анечка, как часто человек бывает не прав, а все равно делает дурные поступки, - начал, было, Витька.

- А вот от вас я никак этого не ожидала, Виктор Петрович, - решительно оборвала его девушка.

- Слаб человек, Анечка, слаб, - вздохнул удрученно Витька.

В распахнутую дверь чинно, без суеты просочилась бригада Белкина, продлив порядком укоротившуюся очередь. Я невольно задержал взгляд на стройной фигуре Насти и почувствовал, что опять непроизвольно краснею. Взглянув на меня, Анечка все сразу же поняла. Она давно заметила, что я неровно дышу от этой, неизвестно откуда появившейся женщины, и как-то внутренне напряглась. Тряхнув золотистыми кудрями, Анечка бросила испепеляющий взгляд в сторону Насти. Почувствовав на себе этот взгляд, Настя повернулась в нашу сторону и внимательно оглядела кипящую от плохо скрываемой ревности нормировщицу, а потом медленно перевела взгляд на меня и приветливо, будто подчеркивая,

что мы не совсем чужие друг другу, улыбнулась, обозначив на щеках симпатичные ямочки. Я прямо кожей почувствовал, как Анечка завибрировала от гнева.

- Битва титанов! – хихикнул Витька, молча наблюдавший за этим молчаливым поединком.

Я повернулся к нему и укоризненно свел брови, мол, кончай, видишь, девушка не в себе. Витка уткнулся в тарелку, едва сдерживая расправивший его смех. Я пнул его ногой под стол. Очнувшаяся Анечка негромко вздохнула, и, повернувшись в нашу сторону, сказала, ни к кому не обращаясь:

- Красивая! – и уже совсем приходя в себя. – Не стоит она вас, Павел Андреевич.

- Ты это о чем? – прикинулся я непонимающим.

- Не лукавьте, Павел Андреевич, я вижу, как вы глаз с этой дамы не сводите. Только не пара она вам.

- Да, с чего ты это взяла? У меня и в мыслях ничего такого не было.

- Было, было, - вмешался Витька. – Не обращай внимания, Анечка, все мы мужики такие: стоит смазливую мордочку увидеть, сразу слюни пускаем. Кобели шелудивые, одним словом. Ты, Паш, что вечером собираешься делать, – сменил он тему.

- Еще не знаю.

- Пошли в поселок, там сегодня танцы, осенний бал. Все равно завтра выходной, можно будет выспаться.

- Пошли. Только у нас завтра работают, придется тащиться на площадку, Шааб предупредил.

- Ой, мальчики, а можно я с вами! – защebetала, оправившись от недавних переживаний и сердечных мук, Анечка.

- Конечно, как можно такую чудную девушку оставить вечером одну, - галантно расшаркался Витька.

- Да ну вас, Виктор Петрович, все шутите! – смутилась девушка.

- А вот и нет, Анечка, я от чистого сердца, поверь. Это у нас только великий строитель ни фига вокруг не замечает, - мотнул он головой в мою сторону.

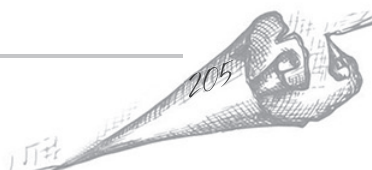
Я помахал кулаком у него под носом:

- Допросишься! Ну, что, заканчиваем, машина ждет. Допивай компот, Анечка, и пойдём.

После обеда я еще раз побывал в бригадах, получал нагоняй от главного инженера, и, наконец, отправился попить чайку к Геннадию Николаевичу на четвертый участок.

- Слышал, Вася Бражасев на увольнение подал, домой собирается? – огоршил меня Перченко.

- Шааб что ли допек? Ну, и дурак!

- Да прямо, Васю допечешь! Мать у него совсем плоха, а сестра замужем, где-то у черта на куличках живет, вот и собрался домой. Кто-то матери помочь должен.

- Как-то неожиданно.

- Человек предполагает, а жизнь располагает. Ты же тоже здесь не на всю жизнь.

- Наверное. Правда, мне особо и ехать-то некуда: кочуют родители с места на место.

- Военные?

- Точно. Ну, ладно, спасибо за чай, я пойду, пожалуй.

День до вечера прошел без особых приключений, но на планерке Николай Иванович, наш главный инженер, ошарашил меня:

- Принимай у Бражаева объекты.

Вася вел вспомогательные цеха: компрессорную, цех подготовки щепы и оборотную воду, а народу у него было человек под сто.

- Вы, что Николай Иванович, я не согласен! Мне бы со своими делами управиться. Я же не Фигаро, это тот везде успевал.

- Ничего, справишься. Оклад мы тебе повысим и мастера в помощь дадим. Больше Паша некому.

- Ну, Николай Иванович, - снова заныл я.

- Все решено, Павел Андреевич, - твердо повторил главный, - так что, принимайте дела.

- Поздравляю, - шепнул мне в ухо Геннадий Николаевич, - пинков будешь получать вдвое больше.

- Ага, а денег столько же.

- А ты этот вопрос подними, не стесняйся, мы, слава богу, еще не в коммунизме живем: чего задарма горбатиться?

Я не стал тут же дебатировать на эту тему с главным, решив попозже разобраться у начальника управления.

Вернувшись в общежитие, я умылся, погладил брюки, позубоскалил с дежурной и направился к Витьке. Тот, как всегда был не готов.

- Ты что, до ночи, что ли собираться будешь? Столовая скоро закроется.

- Да, отдал Верке штаны погладить и что-то не несет никак.

- Давай в темпе, а то голодными останемся. Вера, ты этому вахлаку погладила причандалы? – крикнул я.

- Давно в коридоре висят.

Я принёс Витькины брюки.

- На, одевай! Скажи девушке спасибо, и полетели.

- Куда это вас опять черт понес? – донеслось из кухни.

- К культуре тянется народ, Верунчик, отупел от беспросветных будней. На танцы потопали.

- Ну, счастливо, ведите только себя хорошо граждане, жаждущие просвещения.

В столовой к нам присоединилась Анечка и прямиком, через нижний склад леспромхоза мы потопали в поселковый дом культуры. Когда сквозь толпу мы протиснулись в ярко освещенный зал, танцы были в полном разгаре. Отыскав свободный кусочек пространства у стены, и утвердившись на нем, мы с Анечкой пошли танцевать, оставив Витьку изучать контингент слабого пола, присутствующего на этом мероприятии.

- Ну, что, выбрал пассиву? – спросил я, когда мы снова причадили к нашему пятачку.

- Он ту блондинку ждет, Паша. Ну, помнишь, что на прошлых танцах была? Небольшого росточка, светловолосая, помнишь? Что-то не видно ее сегодня.

- Так вон она! Да не туда смотришь, правее, в углу.

В окружении пяти-шести поклонников в углу, напротив нас улыбалась и кокетничала симпатичная, белокурая девочка невысокого роста, одетая в шикарное шелковое платье и туфли на умопомрачительных шпильках. Она слушала окруживших ее полукольцом молодых ребят, и то и дело, чувствуя внимание мужского пола, заразительно смеялась, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, и стреляя по сторонам глазками.

- Чего ждем, товарищ Дон Жуан, пора приглашать, - толкнул я Витьку в бок.

- Да, неудобно как-то. Видишь, человек занят.

- Он, Паш, боится. Она ему прошлый раз отказала, вот и опасается отказа, трусишка зайка серенький! – засмеялась Анечка.

Витька, насупившись, промолчал.

- Придется товарищам брать ответственность на себя, - сказал я. - Ты, Анечка потанцуй с этим героем, а я попробую штурмовать бастион, авось что получится? - И с первыми тактами зазвучавшей музыки я решительно направился в сторону блондинки. – Разрешите?

Не дожидаясь ответа, я подхватил растерявшуюся от неожиданности и моего нахальства девушку под руку, и, мимо ошарашенных от моей вызывающей наглости поклонников, повел к центру зала.

- Как вас зовут, прекрасная незнакомка? – незамедлительно начал я атаку, изображая из себя этакого паркетного ловеласа.

- Валя, - девушка с интересом посмотрела на меня, - а вас?

- Меня – Павел Андреевич. Прошу любить и жаловать. Можно просто - Андрейч.

Девушка засмеялась:

- Почему так официально? – она уже вполне оправилась и чувствовала себя в танце легко и свободно. – Вы еще совсем не старый!

- Спасибо, что вы это заметили. А то меня все больше стариком называют на работе.

- Ну, это зря, вы еще очень даже ничего. А где это – на работе?

- Начальство нужно знать в лицо, леди.

- Я знаю, вы в стройуправлении работаете.

- А откуда вам это известно?

- Земля слухами полнится. Сами видите, деревня маленькая, если кто чихнет, на другом конце слышно.

С последними прозвучавшими аккордами мы остановились рядом с нашей маленькой компанией.

- Разрешите представить моих друзей. Это - Анечка, наш ангел хранитель, а это – Виктор Петрович, большой человек, король таежных трасс. Кстати, безнадежно в вас влюбленный, - конец фразы я произнес шепотом, наклонившись к розовому ушку.

- Аня, - представилась Анечка, с интересом разглядывая нашу новую знакомую. – А вас как зовут?

- Валентина.

- Ну, а ты, что стоишь, как истукан, поцелуй девушке руку, - обратился я к одереvenевшему от неожиданности Витьке. - О, дамское танго объявили! Валечка, пригласите нашего друга, а то он робкий до невозможности. Бодрей, старик! – повернулся я к Витьке.

Витька на деревянных ногах подошел к протянувшей ему руку девушке и, поддерживая под локоток, повел в уже танцующий зал.

- Фу, ты, слава Богу! – шумно выдохнул я.

- А вы, Павел Андреевич, жох, – вымолвила Анечка. – Я даже предложить не могла, что вы такой сердцеед. И прыти от вас такой не ожидала.

- Да, что ты, Анюта, это я так! Чего для друга не сделаешь?

- Не отпирайтесь, я же видела, как она на вас смотрела.

- Чего это тебе казаться стало, что все дамы мной заинтересовались? А ну, сознавайся в чем дело? – и я шутливо попытался обнять девушку, но она неожиданно отстранилась, не принимая шутки.

- Вам бы все шутить да насмехаться.

- Ну, ты даешь! А чем еще на танцах заниматься? Кончай дуться, пойдем лучше потанцуем.

Но тут музыка окончилась и подошли слегка раскрасневшиеся Валентина и Виктор.

- А друг у вас прекрасно танцует, Павел, хотя уверял меня, что не умеет.

- Скромность украшает человека, Валечка. Но я же вас сразу предупредил, что это – человечиче: нераскрытые способности и высокий интеллект. Товарищи просто не знают, с каким великим соотечественником свела их судьба.

- Кончай трепаться! – Витька показал мне кулак.

Мы весело поболтали и протанцевали до конца вечера. Одно меня

беспокоило: косые, порой угрожающие взгляды так внезапно покинутых ухажеров Валентины.

- Ты здорово не отрываешься, а то могут и накостылять, - шепнул я Витьке.

- Прямо, чего я, этих пацанов испугался?

- Навалятся толпой – испугаешься! Так что провожать твою красавицу пойдем вместе.

- Что вы там секретничаете? – подошли уже подружившиеся Анечка и Валентина.

- Мужские тайны не для женских ушей, - отшутился я. – Валечка, мы вас проводим?

- Да, не стоит, я тут рядом живу.

- Это не имеет значения. Ты чего стоишь, кавалер? Возьми у дамы номерок и в раздевалку! Совсем поглупел от любви, - сказал я, когда Витька отошел.

- Ну, это вы уж слишком, Павел.

- Да, чего там слишком – он же с вас глаз не сводит.

- Давайте не будем об этом.

- Правильно, нельзя об этом вот так, прямо, - вмешалась Анечка. – Деликатности у вас, Павел Андреевич никакой!

Подошел Витька, они с Валентиной оделись.

- Подождите нас на улице, а то я гляжу – у тебя, друг мой, уши опухли. Покури пока, мы сейчас. Так вы Валя обязательно нас с Анечкой дождитесь, нам еще о многом поговорить надо.

Минут через десять мы с Анечкой вышли из раздевалки в прохладный сумрак осенней ночи. В тусклом свете фонаря я увидел, как четыре темных фигуры обступили моего друга и его новую знакомую. Разговор шел на повышенных тонах.

- Ты, Анечка, постой-ка тут, а я пойду, разберусь.

- Я с тобой, - Анечка решительно схватилась за рукав моего пальто.

- Ладно, только сзади, - я шагнул в сторону ссорящихся. – В чем дело, ребята?

- А тебе что нужно, мужик? – повернулся ко мне рыжий, плотно сбитый малый.

- Да вот, гляжу, друга моего обидеть хотите.

- Можем и тебя, если желание имеется.

- Конечно, можете, если хотелка выросла, - я внутренне напрягся, приготовившись к драке.

- Паша, помощь не нужна? – спросил внезапно подошедший Виктор Гурин, каменщик второго участка, которого я знал еще по службе в армии. – А то гляжу - силенки неравные. Что, пацаны, кровь играет?

- Бросьте, мужики, я тут сам как-нибудь, - подал голос Витька.

- Это Витя понятно, но вместе спокойнее будет, правильно Паша?

Почувствовав, что силы сравнялись, парни ретировались в темноту, пообещав на прощание разобраться в другой раз.

- Ну, что, все нормально? – спросил Гурин.

- Порядок, Витя, спасибо! С нас пузырь.

- Только не забудьте. Маша, - позвал он жену, - пошли! Бывайте, мужики!

- Ну, как вы тут? - спросил я Валентину, которую пыталась успокоить Анечка.

- Колька, дурак, мой сосед, решил разборку устроить. Я ему завтра выскажу все, сегодня с ним разговаривать бесполезно, где-то набраться успел.

- Это дело нехитрое, водка везде продается.

- Я вот отцу его расскажу, тот мужик крутой, быстро уму разуму научит.

- В какую сторону идем Валя? – прервал наш разговор Витька.

- Туда. Я, и, правда, рядом живу: метров двести по улице. Знаете, двухэтажные, брусовые дома возле колонки?

- Тогда – вперед! – и мы, весело болтая, пошли вдоль по улице в указанную Валентиной сторону.

Через час, распрощавшись с друзьями возле общаги, я пошел в свою келью. Живший со мной в одной комнате мастер снабжения Юра Головин отсутствовал по причине нахождения в очередном отпуске, разбудить своим поздним приходом я никого не мог и поэтому не слишком торопился. Правда, однажды, с полгода назад, примерно в такое же самое время я притопал с гулянки вовремя, в самый раз. Общага, нагулявшись, уже дрыхла без задних ног, а в коридоре висел сизый дымок с резким запахом горящего тряпья. Открыв дверь в комнату, я увидел следующую, неутешительную картину: на кровати спал безмятежным сном мой пьяный сосед, а под ним дымился загоревшийся от упавшей сигареты матрац. Залив тлеющую вату водой из чайника, я лег спать, а утром, уже умываясь, с удовольствием слушал громкую ругань комендантши, грозившей Юрке всеми небесными карами и подрывом материального положения в виде удержания из зарплаты за прогоревшее имущество. Сейчас было так же, как тогда тихо, и только из комнаты отделочниц Светы и Гали доносилась магнитофонная музыка и звуки застолья. Спать после всего, случившегося за вечер, не хотелось и я, переодевшись, направился навестить девчонок.

- О, Пашенька пришел! - пропела Галка. - Заходи, заходи, сокол ты наш.

В комнате находилось человек пять, и только один из двух парнишек был мне незнаком. Вторым был житель нашего отеля, бессменный сантехник ЖКО, вечно озабоченный, где бы опохмелиться, Захар. Третьей девочкой была дежурная по общаге Ольга.

- Добрый вечер, господа! Что празднуем?
- Садись рядышком, Пашенька. День рождения у Светы.
- Неудобно как-то без подарка.
- Ты сам подарок, Паша! Видишь, у нас не комплект, – засмеялась

Галка.

- Вижу. Минуточку, я к себе сбегая, у меня муксун малосольный есть, ребята из Нягани привезли.

- Муксун – это класс! – многозначительно произнес, уже порядком набравшийся, Захар.

- Выпей сначала за мое здоровье, - протянула стакан с водкой именинница, - успеешь за муксуном.

- Ну, Света, что тебе пожелать? Счастья и здоровья, а остальное сами добудем, - я выпил.

- Спасибо, Паша!

Я сбегал к себе, и притащил привезенного накануне моим хорошим знакомым, главным инженером Няганьского СМУ, килограммового муксуна.

Компания оживилась и повеселела.

- Давайте танцевать! – Галка потащила меня из-за стола.

На крошечном, свободном пространстве у двери она плотно прижалась ко мне своим жарким и упругим телом, и мы затоптались почти на месте под танго, зазвучавшее вполне кстати.

- Тесновато у нас, давайте в коридор что ли, - предложила Светлана, но я возразил:

- Поздно уже, перебудем народ.

- Так завтра же воскресенье.

- Не для всех. У меня бетонщики работают, да и командированные по воскресеньям пашут.

- Ну, как хотите. Тогда, давайте, выпьем что ли?

Через полчаса веселье начало угасать по причине большого количества выпитой водки и позднего времени.

- Пора, пожалуй, и честь знать, спасибо за угощение, девчата, - я поднялся и, попрощавшись, отправился к себе.

Не успел я снять одежду и угнездиться в постели, как дверь открылась и в комнату бесшумно впорхнула Галка. Она бесцеремонно откинула край одеяла и нырнула ко мне, обдав терпким запахом духов и алкоголя:

- Пашенька, - жарко задышала мне в щеку девушка, крепко обхватив меня руками и прижимаясь все плотнее и плотнее, - ну, поцелуй меня. Чего ты, как каменный?

- Поздно уже, Галка, шла бы ты к себе, устала наверно.

- Не устала, не устала, Пашенька, хочу тебя, сил нет! Ну, поцелуй меня, что ли, ну давай!

И я сдался. Через полчаса, когда Галка уснула, прижавшись щекой к моему плечу, я долго мучился, балансируя на краю кровати и чувствуя ледяной холод железяки, вылезшей из-под съехавшего матраса. Потом потихоньку выбрался из постели, поднял девушку на руки вместе с одеялом и отнес к ним в комнату. Отнес так тихо, что даже не разбудил уснувшую Светку. Вернувшись к себе, я еще долго лежал с открытыми глазами, перебирая в памяти минувшие события этого дня. «Завтра выходной, можно поспать подольше», - промелькнуло в последний момент, и с этой мыслью я провалился в сон.

День второй. Зима.

Третий день я сидел в военкомате и аккуратным шрифтом подписывал новенькие папки для разных секретных бумажек. Всякий раз, осмотрев мою работу, военком цокал языком от удовольствия и начинал нахваливать:

- Молоток ты, Паша, приятно посмотреть!
- Стараемся, товарищ майор.
- Может грамм по надцать?
- Это можно, только помаленьку. А то вчера через край получилось.
- А много и нет.
- Так я могу слетать.

- Не стоит, мне все равно в белый дом топать, на обратном пути прихватчу.

Минут через тридцать военком ушел. Я остался наедине со своими папками, закурил и неожиданно начал думать о том, что происходит там, в нашем дорогом управлении сегодня и сейчас?..

...В начале зимы на стройку прибыло очередное начальство и, осмотрев наше с изрядно загаженными углами хозяйство, в кратчайшие сроки приказало построить на подведомственной территории десяток новых cottages.

- Андрейч, давай сами состряпаем, - предложил Юра, недавно переведенный к нам на участок из снабжения, - это ж - гольные деньги! Возьмем еще Николаевича, дней за пять управимся. Я думаю, рублей по двести пятьдесят выйдет. Можно в склад готовой продукции доски забросить: там все-таки крыша над головой и не дует. А потом развезем по площадке и краном расставим.

- Мудро. Надо только с Иосифом согласовать, наряд-то ему подписывать.

- Я все согласую. Анечка, набросай нарядик, да погляди, чтобы пожирнее получилось.

- Тут, Юра, ничего нового не придумаешь, цена давно известна. Туалет на два очка - девяносто четыре рубля, - развела руками Анечка.

- А может быть, что-нибудь помаракуем?
- Нет, Юра, калькуляция еще в прошлом году утверждена.
- Жалко! Ну, да ничего, и это хлеб.
- Ладно, вы тут маракуйте, а я пошел.
- Куда вы, Павел Андреевич? – привстала Анечка.
- На котельную.
- Тогда я с вами. Мне нужно наряды Белкиным подписать.
- Минут через пятнадцать на четвертый участок подходи, мне еще к Геннадию Николаевичу зайти надо. А потом и на котельную.

На четвертом я Геннадия не застал. В вагончике находились только мастера. Я поздоровался и попросил:

- Мужики, передайте Геннадию Николаевичу, что я его искал.
- Присаживайся, Паша, чайку попьем, – пригласили меня.
- Да, нет, некогда. Не забудьте, пожалуйста, – пусть меня найдет.
- Не беспокойся, передадим.

Я решил не дожидаться Анечки и двинулся на котельную в одиночестве, подумав, что она не заблудится, дойдет и одна. На отметке три пятьдесят я лицом к лицу столкнулся с Настей, несущей куда-то ведро извести. От неожиданности она едва не оступилась и чуть не окатила меня из этого ведра.

- Ой, Павел Андреевич, простите, пожалуйста, вы так неожиданно появились, - и в глазах ее заиграли лукавые смешинки. - Вы к нам в бригаду?

Я, как истукан, молчал, как всегда ошарашенный внезапной, неожиданной и желанной для меня встречей, и любовался ярким, здоровым румянцем на щеках запыхавшейся девушки, которая занимала так много места в моей не слишком загруженной голове. Наконец я очнулся, вернулся к реальности и смог говорить:

- Добрый день! А где Иван Иванович?

- Он на третьем ярусе металлоконструкции красит. Пойдемте, я вас провожу, как раз туда собиралась.

Я посторонился, пропуская Настю к лестнице, и тронулся следом.

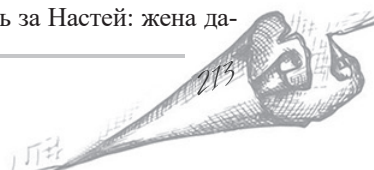
- Что-то вы редко у нас бываете, Павел Андреевич. – Настя обернулась, и в ее глазах снова заметались веселые искорки. – Уже и забыли, когда вас в последний раз видели.

- Да, я два дня назад с Иваном Ивановичем встречался, вроде в бригаде все в порядке, вопросов не было.

- Так-то оно так, но свежий глаз всегда бывает не лишним, особенно если это глаз начальства.

- Так у вас сам Шааб намедни гарцевал. Куда, уж, нам грешным до Иосифа!

Иосиф Антонович и сам был не прочь приударить за Настей: жена да-

леко, а женской ласки не хватает. Я незаметно посмотрел на девушку, пытаюсь определить ее реакцию на мои слова. Но Настя даже бровью не повела.

- Вы же знаете, какой он строгий: ни поговорить, ни новостей узнать.

- Да, какие у нас новости, опять очередного нашествия начальства ждут. Теперь из министерства.

- Теперь вас, наверное, и вовсе не увидишь? – она метнула на меня взгляд, полный смешинок.

- А, дьявол его знает! Сейчас пойдут всякие совещания, да заседания, только поворачивайся. Как у нас в армии говорили: если не дурак, держись подальше от начальства и поближе к кухне.

- А я по вас соскучилась, Павел Андреевич, - внезапно сказала Настя, вгоняя меня в краску в очередной раз. – Что, думаю, могло случиться с нашим начальником, все нет и нет, уж не заболел ли?

Не зная, что и ответить на такой недвусмысленный намек, я прикусил язык и замолчал, полагая, что так будет лучше. Мы поднялись на очередную площадку лестничной клетки, и Настя пошатнулась, едва успев поставить ведро на пол. Я подхватил ее, а она обвисла у меня на руках всем своим, ставшим вдруг тяжелым и податливым телом.

- Что с вами, Настя?

- Ох, Павел Андреевич, - жарко выдохнула она, повернув ко мне голову и заглянув в глаза, - что-то сердце зашлось!

Дверь на площадку распахнулась, и в проеме показались Иван Иванович, поддерживающий под локоток Анечку. Настя мгновенно напряглась и, слегка оттолкнув меня, выпрямилась, как ни в чем не бывало. «Вот, блин, попал», - подумал я, опять невольно краснея, как варёный рак.

- Добрый день, Иван Иванович! Вот, поднимались к вам, и Насте стало плохо. Надо бы в медпункт ее отвезти, – ничего не придумав, забормотал я, пытаюсь как-то объяснить происходящее.

- Спасибо, Павел Андреевич, мне уже лучше, - победно взглянув на ошарашенную Анечку, сказала Настя, подхватила ведро и, высоко подняв голову, скрылась за дверью.

Анечка, только и успела полоснуть ее презрительным взглядом в спину, а затем перевела глаза на меня, безмолвно вопрошая: что же это такое? Я уже пришел в себя и, сделав вид, что ничего не произошло, повернулся к Иван Ивановичу:

- Как дела? На днях министерское начальство пожалует. И я думаю, что начнет с котельной.

- Да, дела, вроде, ничего, - ответил бригадир, молча наблюдавший всю эту сцену, и опытным глазом сразу определивший, что к чему.

- У диараторных баков стяжку закончили?

- Вы же знаете, Павел Андреевич, второй день с раствором лихорадит. Мы бы еще вчера закончили, а так, видишь, железо красим, чтобы не стоять.

- Ладно, с раствором завтра будет порядок: вторую бетономешалку на заводе пустят. Ты уж, пожалуйста, не подведи, Иван Иванович. Опять, как видишь, какая-то комиссия, мать ее, летит. Сам понимаешь, котельная – сердце стройки! – я почти окончательно оправился от неожиданного конфуза.

- Не беспокойся, начальник, когда это мы тебя подводили?

- Ну, добро, тогда я пошел. Аня, ты на участок, или как?

- На участок, Павел Андреевич, - не глядя на меня, ответила Анечка и отвернулась.

- Заходите почаще, Анна Афанасьевна, всегда рады, - расшаркался перед нормировщицей дед. – А то редко бываете, некому и посоветовать. И вы, Павел Андреевич, нас не забывайте! – с ухмылкой глянул на меня Иван Иванович.

Сделав вид, что не заметил этой ухмылки, я повернулся и начал спускаться по лестнице. Следом за мной понуро двинулась Анечка. «Ишь, старый хрен, еще и насмеяется», - промелькнуло в голове. Выскочив из здания на свежий, морозный воздух, я отдышался и внезапно решил пойти не в прорабку, а на четвертый, известив об этом Анечку.

- А, вы, во сколько подойдете, Павел Андреевич? – поинтересовалась все еще обиженная, но уже успокоившаяся девушка. – Наряд-задания подписать бы нужно, у Шааба все руки не доходят, а бригады без нарядов работают.

- Если не вернусь – считайте коммунистом! – отшутился я. - Готовь кофе, Анечка, минут через двадцать подойду.

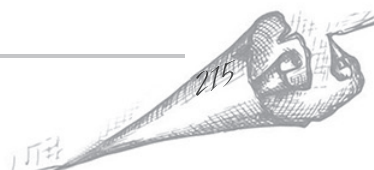
Круто повернувшись, я бодрым голопчиком запрыгал по тропинке, решив по дороге заскочить на кессон, где готовились к бетонированию днища. У кессона, бетонного кольца диаметром метров десять, накрытого брезентом, стоял кран, и копошились бетонщики.

- Ну, как, генератор подвезли?

- Уже опустили в колодец.

Теплогенератор мы выпросили в аэропорту за пять кубов бетона. Надо сказать, что без этого агрегата мысль забетонировать днище у опускного колодца станции оборотного водоснабжения была абсолютно абсурдной. На дворе стояла зима, и прогреть бетон, уложенный в водоносный слой с работающим постоянно водоотливом, например, электропрогревом, было крайне рискованно и даже опасно. Можно было запросто угробить кого-нибудь. Вот и пришлось выпрашивать генератор, который применяли для разогрева двигателей аэропланов в аэропорту. Правда, работал он на бензине, а не на солярке, что тоже было опасно, но механик из аэропорта проинструктировал мужиков, как с ним обращаться:

- Не боги горшки обжигают, не крути, чего не надо, не суйся, куда не надо, и все будет о,кей!

И сейчас я с бригадиром полез под брезент посмотреть: все ли готово. Убедившись, что все в порядке, мы выбрались наверх.

- Ну, лады, я пошел заказывать бетон, а ты колошу проверь, да смажь, а то намучаетесь.

- Скажи на бетонный, чтобы по кубу возили, не больше. А то будем к днищу примораживать. Пусть лучше самосвалов побольше поставят.

- Ладно, не волнуйся, организуем, - и я пошел к вагончику четвертого участка, где застал вернувшегося с объектов Геннадия. - Здорово, дело есть! Подожди только минуточку, позвоню. Алло, Валя, это я, давай, начинай! Только по кубу, а то прохладно, наморозим. Да, я все понимаю, что машин не хватает. Я тебе Юрку подошло, и у Николаевича самосвальчик стрельну. Давай, дорогая! До какого времени будем работать? До победы, пока не закончим, тут останавливаться нельзя. Выручай, Геннадий! Самосвал позарез нужен, - обратился я уже к начальнику четвертого участка.

- А куда тебе так срочно?

- Днище на оборотке бетонить начинаем.

- Поможем коллегам? - Геннадий повернулся к мастерам. - Коля, распорядись! А, что за дело-то у тебя?

Вот тут я вполголоса поведал о Юркиной идее насчет постройки туалетов:

- Организуем все в лучшем виде, да и деньги на дороге не валяются.

- А, что, можно! - загорелся Николаевич. - Я на четырехрамнике доворюсь насчет доски, чтобы сами подвезли, а ты бензопилу организуешь. А если Шааб заартачится, пропустим наряды через нас.

- А, чего ему артачиться? Деньги получим - вместе отметим!

- Это верно.

- Ну, так я пойду! Там Анечка кофе затеяла, пошвыркаю до бетона, а то потом некогда будет.

- Балует она тебя. Зря девке голову дуришь.

- Да, я, вроде, никаких надежд не подавал.

- Это, конечно, хорошо, но я на твоём месте как-то построже себя вел бы. Девчонка влюблена - обидеть ее не трудно.

- Ну, уж и влюблена!

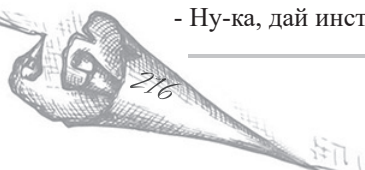
- Это невооруженным взглядом видно. Ладно, топай, сердцеед хренов!

Я прилетел в свой вагончик, где суетилась Анечка, попил горячего кофе и пошел встречать первую машину с бетоном. Уложив первые три машины в подготовку, мы бросили на свежий бетон пару поддонов из-под кирпича, установили краном генератор, и в ожидании нового подхода бетона накрыли кессон брезентом.

- Может, сейчас растопим? Пусть молотит, хуже не будет.

- В принципе можно. Все, какой никакой подогрев в перерывах.

- Ну-ка, дай инструкцию, еще раз прочитаем.

- Сколько ее читать можно! Открыть подачу топлива, зажечь бензин, включить вентилятор – и вся недолга.
- Так-то оно так, но все же.
- Да, мы уже раза три заводили и ничего.
- Ну, тогда полезли, - и мы с бригадиром нырнули под брезент.

Дальше я все помню так отчетливо, как будто все происходило в замедленной съемке. Я действовал строго по инструкции. Бензин загорелся, но по неизвестной причине вентилятор не включился, и через пять секунд пламя охватило весь агрегат. Видимо, сработал инстинкт самосохранения, и я завопил, останавливая бросившегося к лестнице бригадира:

- Стоять!!!

Прямо сквозь пламя я сунул руку к вентилю и перекрыл подачу топлива. Затем песком, насыщенным водой, попытался сбить огонь с бака:

- Чего стоишь? Давай помогай, мать твою!

Вдвоем мы погасили горящий бак. Остальной огонь затих сам: выгорел кислород под брезентом. Чертыхаясь, кашляя и матерясь, мы выбрались наверх, заставив своим видом вытаращить глаза всех присутствующих при этом. Наверно, выглядели мы не ахти. Рукав полушубка у меня подгорел и до сих пор дымился, крепко воняя паленой шерстью.

- Ну и видок у вас! Где это вы так прикопились? – спросил кто-то из работяг.

- В заднице! - буркнул пришедший в себя бригадир.

Я, молча, снял пахнувший бензином полушубок и притоптал рукав в ближайшем сугробе, а Краснопалов ещё раз смачно выmaterился, ни к кому конкретно не адресуясь. Уже потом, когда мы с бригадиром умытые и успокоившиеся сидели в балке, до нас дошло, что могло бы произойти. А, ну, как бы рванул бензобак? Дикое веселье навалилось на нас:

- Представляешь – два поджаренных поросенка! Ах-ха-ха!
- Это точно, осталось бы только яблоками обложить!
- Почему же, все-таки, вентилятор не сработал?
- Так рубильник вырубили, когда агрегат краном переставляли, а потом не включили. Не думали же, что до окончания заводить станем.
- Вот так, блин! Век живи – век учись!
- Один хрен – дураком помрёшь. Кому суждено утонуть – тот не сгорит!
- Ну, ладно, хорош, ржать, бетон пришел. Проверь, когда включать снова будете, да на подстраховку человека с верёвкой поставь. Бережного – бог бережет!

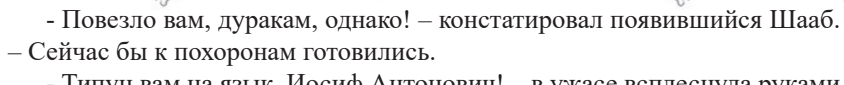
- Да, уж, это точно.

- Я на участке, если что.

В вагончике Анечка только ахала, когда я со смехом рассказывал, как мы чуть не поджарились.

- И, что характерно, даже руку не обжег! Полушубок, правда, жаль.

-
- Повезло вам, дуракам, однако! – констатировал появившийся Шааб.
– Сейчас бы к похоронам готовились.
- Типун вам на язык, Иосиф Антонович! – в ужасе всплеснула руками Анечка. – Разве можно такое говорить?
- Семь раз проверь – один раз отрежь! Тогда и говорить не о чем будет, и ахать. Хорошо то, что хорошо кончается.
- Ладно, Атоныч, кончай воспитывать! Пойду, проверю все, а то, как бы чего снова не случилось, - я поднялся из-за стола...

...Мои размышления прервал резкий телефонный звонок. Я потянулся, отложил перо и поднял трубку.

- Алло, это военкомат?
- Военкомат.
- А можно военкома?
- Его сейчас нет, он в белом доме. Часам к четырем обещал быть.
- А кто это говорит?
- Посторонний.
- Паша, это ты, что ли? – я, наконец, узнал Юркин голос.
- Ну, я. А ты что, соскучился что ли, или что случилось?
- Тут, понимаешь такое дело: Шааб в Тагил срочно уезжать собрался. Жена ему ультиматум поставила: или он домой возвращается, или пошел к черту, вот так!

- Ну а я тут причем?
- Так на тебя приказ в конторе готовят. В общем, бросай свой военкомат и принимай дела на участке. Ты слышишь меня, или от счастья оглох?

Я маленько помолчал, переваривая услышанное, и произнес совершенно спокойным голосом, так как новость меня, если подумать, не колыхнула ничуть:

- Это уж пусть начальство с военкомом договаривается, а так, мне еще неделю здесь париться. И, кстати, Юрок, тут не так уж и хреново: тепло, светло, и мухи не кусают. К тому же – работа не пыльная.

- Мы сейчас к тебе с Шаабом и Николаевичем подъедем, начальство им поручило с военкомом договориться. Так что жди гостей.

- Давайте, только закусь захватить не забудьте, а то тут – шаром покати.
- До встречи!
- Будь!

«Ишь, ты!» - подумал я. – «На повышение пошел. Оно конечно не плохо, да и зарплата повыше тоже. Но, правда, и забот побольше. Хотя, чего там, дело-то в общем знакомое». Я собрал папки, отнес их в сейф, туда же сунул пузырьки с цветной тушью и перья. За окном уже начинало смеркаться. «Зима», - мелькнуло у меня в голове, - «три часа только, а уже темнеет». Час пролетел незаметно, и вот с шумом и гамом в кабинет

ввалились трое моих коллег, позванивая бутылками в черной матерчатой сумке.

- Здорово, Паша, как жизнь молодая? – облапил меня Витька.

- А где Юрок? Он мне тут недавно названивал.

- На хозяйстве оставили, - пояснил Шааб, деловито раскладывая содержимое сумки прямо у военкома на столе.

- А, хозяин нас к черту не пошлет? – попытался я вмешаться.

- Аркадий – мой лучший друг! – возразил начальник участка. – Так что не гони пургу, Паша. А где он сам-то?

- Да, еще не вернулся. В белый дом утопал.

- А, к кому?

- В орготдел.

- Это мы его сейчас быстро вернем, - сказал Шааб, присаживаясь к телефону. – Давай, Геннадий, нарежь колбаску. А, ты, на, приказ почитай!

В приказе указывалось, что в связи с увольнением по собственному желанию Шааба Иосифа Антоновича, исполняющим обязанности начальника третьего участка назначить Овечкина Павла Андреевича.

- Не соглашайся, Паша, - оторвался от колбасы Геннадий Николаевич, - на кой фиг тебе всякие «ио»? Пускай приказ переделывают.

- Переделают! – забрал приказ Шааб. – Я, блин, сразу не заметил, а то бы сходу перепечатали.

- Ну, что, дозвонился?

- Бежит уже. Витя, доставай посуду, вон там, в тумбочке.

Через пару минут в кабинет влетел военком:

- Привет честной компании! Здорово, Иосиф! Сколько лет, сколько зим?

- Здравия желаю! Знакомься. Это - Геннадий, а это – Виктор.

- Аркадий! – военком по очереди пожал протянутые руки. – Какими судьбами, мужики?

- Да, вот, за Павлом приехали. Уезжаю я, Аркадий, до дому, до хаты, как говорится. Срок пришёл.

- Да, ну? А Паша-то при чем?

- Дела принимать будет.

- Э, нет, мужики! Он у меня тут хоть порядок навел, любо дорого смотреть. Так что извиняйте, мужики, только через неделю.

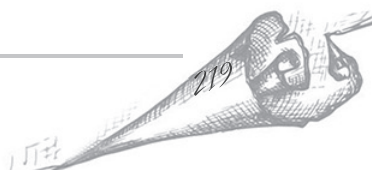
- Так я понимаю, Аркадий! Мы ведь не с пустыми руками, - Шааб кивнул в сторону стола, - да и замену нашли: настоящего художника, нашего, из управы.

- А допуск у него есть?

- Есть. В секретке служил.

- Ну, тогда ладно.

- Хотя, если честно, ну какие тут у тебя, Аркадий, к черту секреты, так, чепуха всякая.

- Ну, не скажи!

- А чего мы, мужики сидим-то, водка ведь стынет, - Геннадий разлил в стаканы.

- За встречу! – Шааб опрокинул стакан. – Закусывайте, ребята, а то окосеем. – Давай, давай, женишок, наваливайся. Вон, сырку возьми. Сыр – цемент для желудка. Слыхал, Паша, Витек-то наш жениться надумал.

- Ну, да!

- А что, мы - не люди что ли? – ухмыльнулся Витька.

- На Валюхе, надеюсь?

- А, то! Вчера заявление подали.

- И когда свадьба?

- Ну, еще не скоро: через два месяца.

- Молоток! Так и надо, человек без семьи, как ветер в поле, - Геннадий Николаевич разлил по второй. – Давайте-ка, мужики, за молодых! Пусть у них дом будет полной чашей!

- Ты, Геннадий, чего, свадебную речь готовишь что ли? Спешешь, однако. У них, у молодых, сейчас просто – как сошлись, так и разбежались!

- Ну, это ты зря, Антонович! За вас, Виктор! – и я поднял стакан. – За счастье!

- Антонович, только что бы без обмана, завтра же художника давай! У меня через неделю комиссия, - напомнил военком.

- Все будет в порядке, господа присяжные заседатели, как говаривал наш друг Остап! Не журись, Аркадий, не подведем.

- Я все, мужики, - поднялся Виктор, - мне пора!

- К ненаглядной торопится, - хохотнул Шааб. - А кто же все это допивать будет?

- Не трогай парня, Антоныч! Давайте-ка лучше за Пашу выпьем, - поднял стакан Геннадий, - у него сегодня день рождения, так сказать. Будь здоров Павел, а главное – не бойсь, если что, поможем!

- Ну, за это и я, пожалуй, - Витька выпил, попрощался со всеми и, набросив на плечи полушубок, выскочил за дверь.

- А, пошли-ка лучше ко мне, мужики, - предложил оставшимся Шааб. - У тебя Аркадий хорошо, но контора скоро закрывается, и нагрнуть кто-нибудь может. Давайте, пока при памяти, приберем. Присутственное место все-таки: с утра люди придут, да и бабам поменьше будет, о чем языки чесать.

Я стоял и никак не мог сообразить, что я делаю возле Настинного жилого вагончика. Свежий, морозный воздух почти привел меня в чувство. Зачерпнув пригоршню снега, я растер им лицо и почти отрезвел. «Ну, блин, козел ты, Паша! - звучало тревожно в светлеющей голове. - Хорошо, если никто не заметил!». Я резко повернулся, но, не успев сделать и

трех шагов по темному переулку, лицо в лицо столкнулся с идущей мне навстречу Настей. Девушка от неожиданности ойкнула, но, разглядев, кто перед ней, расцвела улыбкой и всплеснула руками:

- Павел Андреевич, вы откуда?

Я стоял, как истукан, молча, растерявшись от этой неожиданной встречи, и глупо тараторил на Настю.

- Ой, да что с вами, Павел Андреевич? Вы вроде не в себе, - затормозила меня Настя, и я очнулся.

- Э...да... вот, от Иосифа Антоновича иду... На работу вызвали...

- Так вам, вроде, не по дороге, Пал Андреевич, - лукаво, как тогда на котельной, взглянула на меня Настя. - Да, и какая сейчас работа? Поздно уже.

- Да? А где это я?

- На Садовой, а вам на Монтажников надо.

- Бывает! - я потоптался на месте, не зная, что говорить дальше в такой идиотской ситуации. - Пить меньше надо!

Девушка с улыбкой посмотрела на мою горящую огнем физиономию и, тронув за рукав полушубка, сказала негромко:

- А пойдёмте, Павел Андреевич, я вас чаем напою. С вареньем.

- Неудобно как-то, поздно, да и мальчика твоего разбудить можем.

- А его нет, он у бабушки гостит. Холодно стало, да и топят неважно, вот я его и отправила к нам домой, там и теплее и витаминов побольше. Пойдемте, Павел Андреевич, замерзли же совсем.

Я наконец-то осознал, что на меня совершенно неожиданно свалился подарок судьбы, и, не проронив ни слова, двинулся рядом с девушкой назад, в сторону ее дома, стараясь попадать в такт ее шагам. Настя ключом открыла входную дверь, и мы вошли.

- Раздевайтесь, Павел Андреевич, у меня, правда, не слишком тепло, но мы сейчас обогреватель включим. Я, когда ухожу, выключаю его от греха, а то и сгореть недолго. Раздевайтесь, давайте ваш полушубок. Проходите в комнату, не стесняйтесь, - и Настя упорхнула в крошечную кухню, где загремела посудой, что-то готовя.

Я прошел в комнату и огляделся. Вагончик был, как и все остальные в поселке ПМК, Точно в таких же балках жили и Шааб, и Виктор, и Геннадий Николаевич с семьей. Только Витька занимал в вагончике одну крошечную комнатку, деля его половину с Верой. Ну, а скажем, Шааб жил один, начальник как-никак! Ну, так на то он и начальник. Да, вот еще грязи у Витьки всегда было по колено, кроме тех дней, когда выведенная из себя бригадирша из-под палки заставляла красавца навести порядок. У Насти было чисто и уютно, как и везде, где чувствовалось присутствие женских рук. Я щелкнул кнопкой выключателя маленького «Рекорда», но передачи уже закончились и, вспыхнувший голубым светом, экран ниче-

го не показал. На журнальном столике, возле дивана лежала книга стихов Булата Окуджавы, заложённая клочком газеты. Я открыл и прочитал:

«Когда в прекрасный день Разносчица даров
вошла в мой тесный двор, бродя дворами,
я мог бы написать, себя переборов,
«Прогулки маляров», «Прогулки поваров»...
Но по пути мне вышло с фраерами».

«Однако!», - я перелистнул ещё несколько страниц, узнавая знакомые строки любимого барда.

- Павел Андреевич, помогите, пожалуйста! – раздалось из кухни.

На кухне Настя вручила мне две тарелки с нарезанной колбасой, сыром и маринованными огурчиками, она уже успела где-то переодеться в длинный, почти до пола, шелковый халат:

- Несите в комнату, ставьте на стол, Я сейчас чай принесу.

- Может быть, Настя, здесь посидим? Чего грязь разводить?

- Идите, идите! Здесь же повернуться негде, – она подхватила поднос с заварным чайником и чашками и решительно двинулась в комнату, пресекая все мои попытки вмешаться. – Павел Андреевич, вилочки ещё захватите, пожалуйста!

Я покорно двинулся следом. Настя открыла дверцу встроенной стенки и достала шикарную, с разукрашенной этикеткой бутылку украинской горилки. Такую же я видел только однажды, когда мы справляли день рождения у Иосифа с пол года назад. Видимо, из одного источника. Настя протянула бутылку:

- Откройте, Павел Андреевич.

- Нет проблем! Только я, Настя, наверно, не буду, - не слишком решительно произнес я.

- Чуть-чуть, вам сразу легче станет. Это наша водка, с Украины, она лечебная.

- Ну, если лечебная, то капли три можно. Настя, а где вы Окуджаву достали? Сейчас это редкость, мне вот никак не попадается.

- Случайно, проездом через Свердловск, в букинистическом. А вы, что любите его? Так я вам подарю. Да что это мы все «вы», да «вы». Давайте, на «ты»?

- Ну, тогда не давайте, а давай.

- Давай. Можно я вас, ой, прости, тебя, буду называть Пашей. Вы не беспокойтесь: это только здесь, между нами.

- Да, я и не беспокоюсь. А ты, Настя, как сюда, на север попала? Здесь жизнь людей не слишком балует, особенно женщин.

- Обыкновенно. Был муж, да сплыл. А тут дядька и предложил подзаработать, ну, я и поехала, деваться было некуда.

- Какой дядька?

- А вы не знаете? Белкин Иван Иванович – дядя мне. Вот он и предложил. Я подумала, подумала, да и согласилась. У нас там с работой, особенно для женщин, плохо, а с жильем и вообще глухо. А вы... да что я это, ты, как здесь оказался?

- По распределению. Вот уже второй год работаю, вроде ничего.

- А родные где?

- Сейчас в Куйбышеве. У меня только мать, да отец.

- И ни братьев, ни сестер нет?

- Увы!

- Ах, ты, бедненький, одному плохо! У меня только братьев трое, да еще две сестры. Давай, горяченького подолью. Может быть, еще капли по три?

- Даже и не знаю. А, впрочем, давай! Мне завтра в контору только к девяти.

Настя привстала со стула, наливая мне в рюмку, и в разрезе халатика я увидел оголившуюся матовую кожу ее напрягшегося, стройного бедра. В горле у меня пересохло, а сердце забилося, как бешеное. Стараясь не подать вида, я уткнулся в чашку с чаем и отвел глаза. Пора до хаты, а то, как бы чего не случилось! А впрочем...

- Закусывай, Паша! Мне эти огурчики Надежда в столовой презентовала по благу.

- Спасибо, Настя! Мне уже, наверно, пора?

- Ну, если вы так торопитесь, Пал Андреевич! – внезапно напряглась девушка, вновь переходя на «вы».

- Я думаю, ты уже устала. А, потом, незваный гость – хуже татарина!

- Почему же – незваный? Я же вас пригласила.

- Если б я не шарахался по улице в подпитии, вряд ли имел бы честь быть приглашенным.

- Какая разница, тебе что: чай не понравился, или хозяйка? – улыбнулась Настя и положила свою теплую ладонь мне на запястье. – Побудь еще немного, а то я все одна, да одна.

- Да, я понимаю, - смутился я, и в горле у меня пересохло. - Ты не обижайся, я что-то сегодня не в себе.

- А почему, Паша? – Настя наклонила голову набок и, снова улыбнулась, взглянув на меня.

Я покраснел, и почувствовал, что у меня загорелись даже уши, чего со мной отродясь не случалось. Девушка встала и вышла на кухню за чем-то, а я опять заметил мелькнувшее в разрезе халата белое очертание стройной ноги. «Гьфу ты, прямо, как в той присказке: я сегодня очень-очень сексуально озабочен», – вновь отвел я глаза.

- Паш, расскажи о себе, - попросила вернувшаяся Настя.

- Да, ничего интересного, все, как у всех: сначала школа, потом ин-

ститут. Студотряды, конечно, романтика и прочая мура. Хотели в армию призвать, но, что-то не сработало, а отсюда, с Севера, уже и не берут.

Девушка внезапно встала, подошла к креслу, в котором я расположился, и присела на подлокотник, касаясь моего плеча тугой грудью. Ее рука ласково взъерошила волосы у меня на голове:

- Какие волосы у тебя пушистые, как у котенка, – она прижалась лицом к моей голове, и я почувствовал макушкой ее горячее дыхание.

Не слишком уже соображая, я встал, обнял, сразу же отяжелевшее в моих руках тело, и наши губы слились в долгом, передающем все потаенные желания, поцелуе.

- Наконец-то, а то я думала, что ты никогда не решишься, дурачок! – прошептала она мне на ухо, когда мы перевели дыхание, и это было последним, что я запомнил, проваливаясь в огненную пропасть.

День третий. Весна.

Весна выдалась ранней и бурной. В апреле резко потеплело, побежали ручьи, упали дороги. Леспромхоз прекратил вывозку леса, а дорожный участок поставил технику в гараж, готовиться к техосмотру, так как продолжать работы по отсыпке не было никакой возможности. Я носился по участку, как взмыленная лошадь, Юрка болел, простудившись. Он ухитрился искупаться на подледной рыбалке и отлеживался дома с температурой под сорок. Анечка, невесть откуда узнавшая о том, что я хожу в гости к Насте, почти не разговаривала со мной, кроме как на темы, касающиеся работы. Впрочем, я подозревал, откуда почти вся контора была осведомлена о моих амурных делах. В соседках у Насти проживала Наталья, секретарь нашего начальника, дама во всех отношениях достойная, но на язык невоздержанная. Я уже пару раз намекал ей, держать язык за зубами, но как видно не вполне доходчиво. Ко всему прочему, в управление ожидалось очередное начальство, а туалеты, которые мы соорудили зимой, покосились, просели и имели довольно плачевный вид. Так что забот хватало, только успевай поворачиваться.

С утра я, как обычно, обежал бригады, повидался с Настей, которую не видел дня три, поругался по телефону с завскладом. Это же надо, отдала все полученные бензопилы на четвертый участок. Потом долго уговаривал Геннадия поделиться и, получив, все же, пару, вернулся на участок. Кофе, конечно, не было, да я бы и не решился попросить Анечку, сидевшую с неприступным видом у себя за столом, сварить его. Осведомившись о том, кто и когда звонил, я связался с приемной:

- Алло, Наталья? Привет! Соедини с шефом.

- Привет, Павел! Виктора Михайловича нет.

- А где он? Вчера на планерке сказали, из Москвы начальство приезжает, когда ждать-то?

- Он в аэропорт и поехал. Зам начальника главка Родин летит.
- Вот блин, только его и не хватало! – я даже плюнул под ноги, заслужив осуждающе-неприступный взгляд Анечки.

Антон Семенович Родина я знал еще с зимы, с тех самых дней, как принял у Шаабна наше беспокойное хозяйство. Шааб, под суматоху отъезда, сдал участок посередине месяца, и, когда месяц этот закончился, я обнаружил на своем подотчете невосполнимые прорехи. Не хватало, ни много, ни мало: около пяти тысяч квадратных метров стекла, кубов двести бетона, железнодорожного состава кирпича. Ну, с кирпичом, положим, все было понятно: его возили в самосвалах, разгружали, вываливая прямо на землю, так что горы кирпичного щебня имелись по всей стройплощадке. А, вот, куда делся вагон стекла, которым можно было все объекты остеклить раза три, было совершенно неясно. Самое смешное, что в конце списка недостачи красовались пять полушубков и три бензопилы «Дружба», что наводило на определенные размышления. Сначала я расстроился, но, поразмыслив, решил, что за две недели украсть такое количество материалов невозможно, а скандалы никому не нужны. Усевшись за стол, я бодро составил акт о списании и направился с ним к начальнику управления, Пшенскому Виктору Михайловичу, человеку беспокойному и всегда крайне занятому. Виктор Михайлович все вопросы решал быстро и размашисто. «А чего тут думать?» - частенько любил повторять наш начальник.

- Чего тебе, Павел? Давай, покороче, дел невпроворот! – сразу взял быка за рога начальник, когда я притащился к нему с моим актом.

- Да, вот, актик на списание, - скромно произнес я.

- Давай, подпишу, - и широкая подпись легла поперек бумаги. – Ты лучше расскажи, как дела на участке?

Я прибрал драгоценный листок в папку, и долго распинался о наших несомненных успехах на ниве отечественного строительства, чем и заслужил одобрительное похлопывание по плечу, шагающего по кабинету туда-сюда, начальника. Сложнее все эти дела было объяснить главбуху, женщине ответственной, и к тому же – секретарю партийной организации.

- Ну, ты, Паша, даешь!

- Это не я, Мария Анатольевна – это учет у нас такой.

- Особенно - бензопилы с полушубками! Ну, Шааб!

- Ну, так как, Мария Анатольевна, списываем?

- А куда же тебя, Емелю, девать? Не сажать же. Придется.

- Ну, тогда я пошел.

Вот в это непростое для меня время и прибыл из Москвы, как бы это выразиться, толкать сдачу второй очереди комбината Антон Семенович Родина. Рыжий, беспокойный старик, сразу же нарушил относительный

покой, царивший на стройплощадке. Планерки стали проходить трижды в день, притом последняя заканчивалась обычно часам к десяти вечера. Не знаю, как это влияло на производство, но нервы трепало постоянно. И вот сегодня, когда у Витьки в пять вечера должна была состояться свадьба с Валентиной, прибывал человек, способный нарушить размеренный ход событий. Особенно тогда, когда некем было подмениться и откосить.

Переосмыслив все это, я еще раз плюнул под ноги и заслужил второй, более яростный взгляд Анечки. Попив водички из бачка, я начал размышлять, как поинтереснее вывернуться из этой непростой ситуации. Раздавшийся телефонный звонок отвлек меня от моих невеселых раздумий.

- Алло, Паш, ты? – звонил Геннадий Николаевич. – Слышал, Родин прилетает, что делать будем?

- Слышал. Сейчас я подойду, помаракуем вместе.

- Ну, давай, жду! – в трубке раздались короткие гудки.

- Анечка, я на четвертый, а потом буду на ДСП, если кто спросит.

Удостоившись в ответ холодного кивка кудрявой головки, я вышел из вагончика. По-весеннему влажный ветер приятно щекотал лицо. Пахло набухающими почками вербы и вытаявшими отбросами долгого, зимнего периода нашей жизни. В балке четвёртого участка я застал только Геннадия.

- Ты же свидетель, - вместо приветствия начал он.

- То-то и оно! А как смоешься, если этот старый хрыч нарисуетя?

- Да...

- Слушай, Ген, а что если смотаться нагло, часов в пять, с Юркой на самосвале. Его загнать куда-нибудь подальше, чтобы в гараже не видели, а потом скажем: поехали, дескать, на очистные, застряли. Телефон там, сам знаешь, уже два месяца не работает.

- Может, конечно, сработать, но уж больно по детски.

- А куда деваться? Юрке скажем, чтобы нос в гараже часов до десяти не показывал, да, и, поди, не расстреляют, ежели что.

- Часов в одиннадцать нарисуются, я полагаю. Своят на завтрак после самолета и к нам, - вместо ответа, немного помолчав, сказал Геннадий. - Давай, попробуем!

- Ладно, Ген, пойду, посмотрю, что на ДСП делается, ко мне первому попрутся.

- Ну, давай, я тоже к своим слетаю, проверю что да как..

На цехе древесно-стружечной плиты трудилось шесть бригад человек по двадцать. Самой многочисленной была бригада каменщиков Василия Басиева, мужика склочного, готового пойти на любой конфликт. Я уже не раз лаялся с ним по разным поводам. То им не вовремя раствор подвезут, то у раствора не то качество, а то просто филонят, холодно, видишь ли.

Вот и сейчас бригада в полном составе восседала на той же отопительной трубе, которой обогревали цех зимой, хотя горячую воду уже как неделю отключили. Напротив Басиева стояла с опущенной головой Анечка и что-то выслушивала от разгоряченного, размахивающего руками, бригадира.

- Да, в гробу я видал твои наряды, сама за них работай! – донеслось до меня.

- Как вы можете, Василий Николаевич? – со слезами в голосе возражала Анечка.

- Ты еще воспитывать меня начни, пигалица!

- Что за базар, опять баклуши бьем? Чего снова бузу развели? – я, вмешавшись, повысил тон, так, чтобы в голосе зазвенел металл, и бригадир обратил на меня внимание.

- Павел Андреевич, он наряды порвал! – чуть не плача сообщила Анечка.

- Кто?! – я просто остолбенел от такой неслыханной наглости.

- Вот он, - и Анечка указала на бригадира.

Я прямо таки побелел от злости, чувствуя, как закипает в груди. Бригада настороженно следила за развитием событий, не вступая, однако, в конфликт, и не делая резких телодвижений. Стараясь оставаться спокойным, я глубоко вздохнул и произнес коротко, но, как можно тверже:

- Басиев, ступайте в прорабку, разговаривать будем там.

- Чего, чего?

- Вы отстраняетесь от работы, вот чего!

- А, кто ты такой, чтобы меня от работы отстранять? – сощурил глаза бригадир.

- Как вы, Басиев с начальником участка разговариваете? – попыталась вмешаться Анечка.

- О, заступница объявилась! – издевательски захохотал наглец. – Может, сопли ему подотрешь?

- Анечка, отойди! – я повернулся к бригадиру. – Басиев, я вам второй раз повторяю: ступайте в прорабку!

За развитием конфликта уже наблюдали все работающие, которые в этот момент могли слышать и видеть происходящее. Бригадир плотников Дима Краснопалов даже сделал несколько шагов в нашу сторону.

- Да, пошел ты! Забирай свою подстилку и шагай куда хочешь! Начальник вшивый нашелся.

Анечка вздрогнула, как от удара, закрыла лицо руками и бросилась прочь. Не помня себя, я резко повернулся и, как учили в секции бокса, где я в детстве занимался лет пять, нанес по ухмыляющейся, наглой физиономии удар, начиная от опорной ноги и вкладывая в него вес всего тела. Над трубой взлетели, обутые в калоши, валенки бригадира и в цехе повисла мертвая тишина. Я стоял, тяжело дыша, не зная, что предпринять

дальше. Пауза затягивалась, тишина становилась вязкой, прямо-таки осязаемой.

- Ну, что смотрите, поднимите его! – скомандовал окаменевшим каменщикам подошедший Дима. – Хороший удар, Паша! Расскажи, где научили.

Я встряхнул головой, пытаясь сбросить, как наваждение, стоящую перед глазами картинку, а Краснопалов, обняв меня за плечи, продолжил:

- Да, не расстраивайся, правильно ты ему врезал. Не педагогично, но правильно. Охамел он в последнее время.

- Да, чего уж правильного? – выдавил я, наконец. – Надо было, как-то по-другому, наверно.

- По-другому иногда не получается, командир.

- Пойду я, Дима, доложу начальству.

- Это – правильно! Если сам не доложишь – эти, - он кивнул в сторону притихшей бригады, - доложат обязательно. Неприятностей, конечно, не оберешься, но не робей! Если нужны будут свидетели, зови, не стесняйся.

- Спасибо, Дима! – я пожал крепкую ладонь бригадира плотников.

Пока я добрался до вагончика, поднявшись по дороге на кровлю к Белкину, весть о происшествии уже облетела стройплощадку. Встретившиеся по дороге, кто сочувствовал, высказывая поддержку, кто, молча, лишь кивнув головою, старался проскочить мимо, пряча глаза. Набрав номер управления, я попросил Наталью соединить меня с начальником, но, так как того не было на месте, меня соединили с главным. Главный выслушал мой сбивчивый рассказ, похмыкал и сказал:

- Я сейчас профком подключу, а ты в это дело больше не суйся, помалкивай лучше в тряпочку. Мне еще только мордобоя на площадке не хватало. Ты в курсе, что Родин приехал? Не дай бог, до него еще дойдет! Лучше проверь, чтобы исполнительная документация в порядке была, а то накрутят кое-что на кулак и орать не разрешат.

Я положил трубку. Анечка поставила передо мной чашку с кофе:

- Попейте, Павел Андреевич, сахар я положила.

- Спасибо, Анечка!

- Это все из-за меня! – снова всхлинула нормировщица. – Не надо было вам ничего говорить.

- А, ну, прекратить слезы! – нарочито бодрым голосом прикрикнул я. – Не бери в голову, Анечка, бог не выдаст – свинья не съест! Он давно напрашивался, вот и получил.

- Но неприятности-то теперь у вас будут.

- Не так страшен черт, как его малюют.

Раздался телефонный звонок. Звонил Геннадий:

- Наслышан уже! Ты, главное, не тушуйся! Я тут с Краснопаловым пе-

реговорил – не все так плохо. Постарайся только с разборками не тянуть: война войной, но главное – маневры! Свадьба не отменяется в конечном итоге. Ладно, давай, на обеде увидимся.

В столовой мы с Геннадием и Анечкой, тоже приглашенной на свадьбу, обсудили проблемы предстоящего вечера, стараясь не касаться темы утреннего происшествия, а сразу после обеда меня вызвали в управление к начальнику. Когда я вошел в кабинет, там сидел секретарь партийной организации и наш главный механик, Бурашов Павел Николаевич, и, прибывший из столицы, заместитель начальника главка, Антон Семенович Родин.

- Здорово, Овечкин! – поздоровался Родин и протянул руку.

- Здравствуйте, Антон Семенович, - я ответил на рукопожатие заместителя и скромно встал в углу, опустив глаза и выразив на лице искреннюю скорбь.

- Ну, рассказывай, как дошел до жизни такой?

Я поменял выражение лица на глупое, пытаясь всем своим видом показать, что не понимаю вопроса. Дверь открылась, и в кабинет вошел главный.

- Ты чего Ваньку валяешь?! – в резких тонах начал парторг. – Вот заявление – он помахал смятой бумагой, - вся бригада подписала!

- Ну, тогда вы все и так знаете, чего спрашивать, - огрызнулся я.

- Он еще и хамить пытается! – возвысил голос парторг. – Я, Виктор Михайлович, отказываюсь разговаривать с этим товарищем, - обратился он к начальнику управления.

- погоди, Павел Николаевич, не все тут так просто. Случай, конечно, вопиющий, но надо же разобраться.

- А чего тут разбираться, Виктор Михайлович, гнать его в шею надо, вот и все.

- Э, ребята, постойте, - вмешался Антон Семенович, - так мы всех мало-мальски грамотных мужиков разгоним! Участок у него работает и работает неплохо. Показатели не хуже других, а даже лучше, так что с плеча рубить не следует, разобраться надо.

- Не знаю, не знаю, Антон Семенович! – продолжил парторг. – Но и так этого дела оставлять нельзя.

- Это естественно, наказать нужно, но и разобраться тоже нужно.

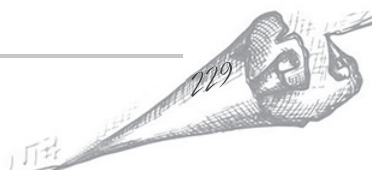
- Ты чего, Николай Иванович? – обратился начальник к вошедшему главному.

- Я тут акт профкома принес. Они проверку по этому случаю провели.

- Когда это они успели? – удивился парторг.

- А, как только Овечкин позвонил, так и выехали.

- Ты что, Овечкин, звонил в управление? – вопросительно взглянул на меня начальник.

- Звонил.

- Вот это ты – молодец! – похвалил Родин. – Не испугался ответственности, молодец!

- На, почитай, - протянул бумагу парторгу начальник управления. – Ты выйди-ка пока, Овечкин, мы подумаем тут, что с тобой делать.

Следом за мной в приемную вышел главный инженер и, подмигнув мне, улыбнулся. Наташка с любопытством смотрела на нас.

- Не журись, Анонас! – главный был родом из Симферополя и любил иногда блеснуть знанием украинского. – Считай, что Урал ты уже переплыл. Скажи спасибо Краснопалову, он комиссии кое-что поведал, так что выговорешником отделаешься, я думаю.

- Спасибо, Николай Иванович!

- Мне-то за что? Ты Солнушкину пузырь ставь, он же бумагу подписывал.

- Это – без вопросов!

- Только больше таких фортелей не выкидывай, есть и другие способы с говнюками разобратся. Понял?

- Понял!

- Ну, и ладненько. Наташа, я на площадке, если кто будет спрашивать.

- Николай Иванович, моим скажите: пусть самосвал за мной отправят.

А то, когда я еще доберусь, - попросил я главного.

- Передам. Ты тут больно долго не задерживайся, я там за твои засранки перед Родиным краснеть не собираюсь.

Главный вышел, а я присел на стул и громко выдохнул с облегчением.

- Что, пронесло? – спросила Наталья.

Я только кивнул в ответ. В этот момент раздался вызов из кабинета начальника.

- Тебя, - кивнула секретарша в сторону двери, и я вошел.

Парторг сидел с красным, почти багровым лицом и даже не повернулся в мою сторону. Родин что-то читал, не поднимая головы, один начальник как-то среагировал, когда я вошел:

- Ну, вот, что, Овечкин, мы тут посовещались и решили объявить тебе выговор с предупреждением за твое безобразное поведение. Кое-кто настаивал на твоём увольнении, но мы подумали, что человек ты еще молодой, и можешь исправиться. Так что, иди, работай и больше таких глупостей не делай. Все ясно?

- Так точно.

- Ну, тогда шагай, да скажи Наталье, пусть чайку нам занесет. Передай главному, что встречаемся у пакетформировки в половине третьего.

На улицу я выскочил вполне счастливым человеком. Порывисто выдохнув из легких, хлынувший в них, уже нагретый к обеду воздух, я перешел дорогу и залез в кабину ожидавшего меня самосвала.

- Ну, что? – спросил меня Юрка.
- Выговор... с предупреждением.
- А, хреновина все это, - повеселел водитель, - от выговора еще никто не умирал. Куда едем?
- На участок, гости скоро пожалуют.

Часам к четырем, обойдя наши с Генкой объекты, начальство направилось на встречу с заказчиком.

- Уф, ты, кажись, пронесло! Пошли Паша, чайку попьем.
- Пойдем, да и мотать уже скоро пора. Витька волноваться станет, если я к половине шестого не появлюсь, еще обидится.
- Юра без десяти пять подъедет, у нас еще минут двадцать пять есть.
- Пошли ко мне, своим позвонишь по телефону, а мне еще надо Анечку проинструктировать, чтобы чего лишнего не лянула.
- Ну, к тебе, так к тебе.

Спустя полчаса, напившись кофе у меня на участке, мы уже мчались по дороге в сторону поселка, и Юрка слушал инструктаж: что ему нужно делать сегодня вечером и где ему лучше не появляться.

Ровно в половине шестого я выскочил из машины у железнодорожного вокзала и зашагал в сторону загса, который находился метрах в двухстах. Возле маленького одноэтажного здания уже толпился народ.

- Ты где пропадал? – бросился ко мне Витька. – Я уже было хотел Виталика попросить в свидетели.
- Родин приехал, еле с Генкой смылись. Завтра еще саек получать, видимо, придется. Ну, что, пошли, что ли, с богом?
- Пошли! – и мы вместе вошли в распахнувшиеся двери.

Потом была торжественная процедура, при которой мы со свидетельницей, Валиной подругой, мне совершенно не знакомой, стояли позади жениха с невестой и сосредоточенно потели, так как в избушке нечем было дышать. Заведующая говорила долго и со знанием дела, а я, мечтая поскорее выскочить на свежий воздух, тупо смотрел, как у Витьки по шее стекает пот прямо под белоснежный ворот рубашки. После этого все пили шампанское и целовались друг с другом. Я тоже приложился к свидетельнице, которую звали Маша, отчего она сильно смутилась и стала пунцовой.

- Ты кончай мне смущать подруг жены, - на правах новоиспеченного мужа заявил Виктор. – Он, наверное, даже и не познакомился?
- А вот тут ты как раз и ошибся, правда, Маша?

Я выскочил отдышаться на улицу. Потом мы прокатились на двух «жигулях» по дороге до промплощадки и назад, поскольку другой приличной трассы в поселке не было, и я очень постарался, что бы меня никто не за-

метил через стекла машины, когда мы разворачивались у ворот стройки.

К семи часам машины доставили нас к ресторану с редким для этих мест названием «Тайга», где нас уже ожидали остальные гости и родственники.

- Ну, как там у нас? – спросил я Анечку, усаживаясь рядом с женихом.
- Не шибко пену гнали?

- Я сказала, что вы с Геннадием Николаевичем уехали на очистные. А больше меня никто ни о чем и не спрашивал.

- Вот и славненько! А, где Геннадий?

- Да, вон же он, рядом с Солнушкиным сидит.

- Теперь вижу. Давай, что ли выпьем, пока суд да дело, за дружбу. Или ты совсем со мной дружить не хочешь?

- Потерпите минуточку, Павел Андреевич, неудобно как-то, - укорила меня Анечка, - вон уже и тамада тост произносит!

- Так он же за молодых тост поднял, а я за нас предлагаю. Давай, Анечка!

- Вам бы все насмеяться над девушками, Павел Андреевич! А, мы ведь тоже люди.

- Ну, это ты что-то не то завела! Можно подумать, что я какой-то женоненавистник.

- А, вот в этом вас, как раз, никто упрекнуть и не может, - не преминула уколоть меня Анечка.

Все гости встали, и мы с Анечкой прервали нашу ни к чему не обязывающую пикировку.

- За молодых! Пусть дом их будет полной чашей! Совет, да любовь!

Выпили, и зал загомонил, как обычно, когда спадает первое напряжение, вызванное ответственностью момента. Присутствующие расслабились, стали проще и добрее.

- Витя, ну и как в новом качестве?

- Еще не понял!

- Валя, ты чувствуешь – он еще не понял! Пора мальчику объяснить, что к чему, а то, ишь ты, не понял.

- Паша, плесни жениху, а то он скис, вроде бы!

- Сам ты скис, сфинкс небритый!

- Это сейчас так модно.

Заиграла музыка. Жених и невеста вышли на вальс. Глядя на них, зашевелились и гости. Я пригласил на танец Машу, чем вызвал явное неудовольствие Анечки.

- Паша, а почему вы вашу девушку не пригласили? Видите, как она обиделась, так нельзя, высказалась свидетельница.

- Это, Маша, не девушка, а мой подчиненный. К тому же, как вы понимаете, на работе амурные дела не приветствуются.

- Так мы же сейчас не на работе. И девушка – она всегда девушка, подчиненная, или нет, какая разница. Вам должно быть стыдно за ваше поведение.

- Мне уже стыдно, обязуюсь со следующего танца исправиться!

Потом мы танцевали уже с Анечкой, она повеселела и раскраснелась. Через час все перезнакомились, и свадьба покатила по накатанной колее, тем более что тамада попался расторопный и неглупый. В разгар веселья мы с Витькой и председателем профкома Солнушкиным вышли покурить на улицу. Вернее, Витька просто вышел подышать и составить нам компанию, так как отродясь не курил.

- С меня бутылка, профсоюз! – я прикурил от протянутой зажигалки. – Если бы не ваш акт – кранты мне!

- А, ерунда, с кем бы они остались? Сейчас человек десять инженерно-технических работников недокомплект, а уж начальника участка и давно негде взять.

- Все равно спасибо!

- Мужики, кончайте о работе, вы же все-таки у меня на свадьбе!

- Ой, мальчики, а мы вас потеряли! – зататорили наперебой, выскочившие из дверей ресторана Валентина и Анечка. - Пойдемте танцевать, без вас скучно!

- Прошу, мадам! – я галантно подставил локоть Анечке.

- Не мадам, а мадмуазель, - ответила Анечка, беря меня под руку.

- Витя, не отставайте! – и мы ринулись в гремящий, танцующий зал.

Часам к девяти возбужденная и радостная Анечка, никогда так много не пившая, слегка захмелела.

- Я с вами, - заявила она, когда мы в очередной раз отправились курить, - я тоже хочу попробовать и узнать, что вы находите в этой гадости?

- Анечка, дорогая, я тебе плохого не посоветую, - сказал Солнушкин, доставая пачку «Столичных», - никогда не пробуй и проживешь счастливую жизнь.

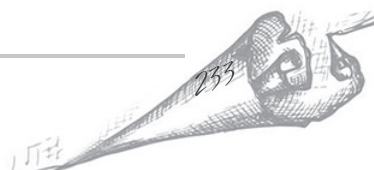
- Нет, я хочу попробовать! - закапризничала Анечка. - В жизни все нужно узнать.

- А вот с этим можно и поспорить! Иногда лучше ничего не знать и жизнь будет куда как спокойней. На, пробуй! – Я протянул девушке сигарету. - Но не обижайся, если станет плохо.

Анечка затынулась и зашлась долгим кашлем. Мне пришлось подхватить ее и усадить на скамейку рядом с рестораном. Глаза у нее вовсе помутнели, и прошло не меньше пяти минут, прежде чем она окончательно пришла в себя, выдохнув остатки никотина.

- Фу, как вам не противно! Это же такая гадость, я даже и не подозревала.

- Пошли в зал, а то нас, наверно, потеряли.

- Посиди со мной, Паша, ну, хотя бы пять минут, - Анечка взяла меня за руку и потянула к себе, - здесь так хорошо, весной пахнет.

Я присел рядом и вслушался в звуки ночного поселка. Где-то в районе депо подавал гудки тепловоз, а на нижнем складе лесспромхоза звенели пилы, кряжуха заготовленные хлысты. Звезды мерцали на темном бархате небосклона, едва подсвеченного у горизонта осветительными мачтами работающего комбината. Поселок жил своей особенной, ночной жизнью, и от привычного этого шума становилось теплей на душе.

- Поцелуй меня, - неожиданно повернув ко мне лицо, сказала Анечка, и закрыла глаза.

Недолго думая, я прижался губами к пухлой, прохладной от ночного воздуха щечке. Анечка широко открыла глаза и почти испуганно посмотрела на меня.

- Не так, - еле слышно произнесла она.

Но я ничего не мог с собой поделать.

- Ты же знаешь, Анечка, как я к тебе отношусь? Ты мой самый верный и самый лучший друг.

Не дослушав меня, девушка стремительно поднялась и почти бегом бросилась туда, где гремела музыка, и звенели голоса. Она чуть не сшибла с ног выходящего из дверей председателя профкома.

- Что это с ней? - удивленно спросил он меня.

- Просто - я скогина! - немного помолчав, ответил я, и, не отвечая на немой вопрос Левы, скрылся в раздевалке.

- Ты куда? - пытался остановить меня Виктор, когда я, одевшись, появился в вестибюле, но я, извинился и, сославшись на то, что завтра рано утром на работу, вышел под звездное небо и зашагал в сторону поселка ПМК.

В окнах у Насти не было света, но после моего стука она тотчас открыла дверь, как будто знала, что это я и никого другого просто не может быть. В темноте я нашел ее губы и поцеловал так, что сам чуть не задохнулся, чувствуя после всех этих свадебных страданий потребность в ласке любимой женщины, желание ощутить тепло ее большого, горячего тела, прильнувшего к моей груди.

- Дурачок! - едва слышно выдохнула Настя. - Я чуть не задохнулась, сумасшедший. Пойдем скорее, я тебя накормлю.

- Я же со свадьбы, глупенькая, и сыт до безобразия!

- Ну, пойдем, чего мы у порога-то.

Я снова облапил Настю, вдыхая лавандовый запах ее волос и пьянея от ощущения нежности к этой дорогой и любимой мною женщине.

- Пашенька, ну, погоди, любимый... ну, хоть разденься! Соскучился, мой маленький, давай я тебе помогу. Не торопись...ах!

Горя от нетерпения, я сбросил пальто прямо на пол, отшвырнул куда-то ботинки и, подхватив Настю на руки, понес в комнату. Обхватив меня за шею и прерывисто дыша, она зашептала мне в ухо:

- Тяжело ведь, давай я сама... ох, не могу!

Но я уже почти ничего не соображал и не слышал.

Мы лежали, укрывшись одной простыней, оглушенные и опустошенные тем безумством, которое только что пережили. Яркие звезды подмигивали нам сквозь квадрат незанавешенного окна с уже начинающего светлеть безоблачного неба.

- Может быть, чаю попьем, а то мне скоро идти, - я оперся на локоть и поцеловал Настю в прикрытые ресницами глаза. - Или лучше поспи, на работу скоро, а я дома попью.

- Полежи минуточку, я сейчас встану, - ответила Настя и, помолчав немного, неожиданно добавила. - А мне муж письмо прислал.

- Какой муж? - не сразу сообразил я.

- Обыкновенный, который груш объелся.

После этой фразы я, наконец, обрел способность адекватно воспринимать реальность. Муж! Я припомнил, что где-то в прошлой жизни у Насти был муж. И ребенок, который сейчас гостил у бабушки. Тишина в комнате была такой, что было слышно тиканье часов у соседки за стенкой. Мне показалось, что она была готова вот-вот взорваться. Но ничего не произошло и я, совершенно обескураженный, задал идиотский вопрос:

- Ну, и что?

- Да, ничего.

Напряжение повисло в комнате, оно было вязким, не давало дышать. Я судорожно откинул простыню.

- Куда ты, Пашенька, полежи, - Настя обняла меня, прижавшись к плечу горячей грудью. - Сейчас я поднимусь, попьем чаю и пойдешь. Ты что, обиделся? Ну, и зря! Я же не собираюсь ему отвечать.

- Да не, не обиделся, - промямлил я не слишком убедительно.

- Обиделся, обиделся, я же чувствую! - затормошила меня Настя, покрывая лицо поцелуями. - Глупенький, я же тебя люблю! Ну-ка, быстро улыбнись, хватит хмуриться!

Потом мы сидели на кухне, и пили чай, а получасом позже я уже летел по просыпающемуся городку строителей к общежитию, начиная жить уже другой, привычной и обыденной жизнью.

День четвертый. Лето.

Проснулся я рано и, не открывая глаз, лежал и прислушивался к тишине, наполнившей спящее общежитие. Слышно было лишь мерное брнчание куска окалина от сварки в отопительной трубе теплового пункта за стеной. Для душа нужна была горячая вода, и бойлер не отключали

даже на лето. На душе скребли кошки, будущее уже не казалось ясным и безоблачным. «Плевать! Сначала схожу в отпуск, а там будет видно», - проскользнула первая четкая мысль. Окончательно проснувшись, я начал перелистывать в уме события вчерашнего дня...

...Выскочив из столовки я бросился к дороге, голосуя, едущей со стороны гаража и поднимающей клубы пыли, машине. Она резко притормозила у обочины и я, забравшись в кабину, поздоровался с шофером и Геннадием, сидевшим рядом:

- Добросите?

- А, ты что, без транспорта?

- Да, нет, просто Юра в отпуске, а сменщика я забыл предупредить. Слышал, всех субподрядчиков собрали, из всех трестов. Видно, Родин на совещании разборки будет делать.

- Наслышан. Черного кобеля не отмыть добела, надоел – хуже горькой редьки. Во сколько совещание?

- В девять. Только тогда уж не черного, а рыжего кобеля.

- Один хрен! Хотя, надо отдать должное, снабжение наладилось.

- Это точно!

Развернувшись и высадив нас у ворот комбината, «зилек» лихо газанул, подняв пыль, и полетел на базу. На территории было тихо, пахло только что напильным тесом. Смена с четырехрамника уже уехала, а автобус с нашими рабочими мы обогнали по дороге.

- Хорошо! – произнес Геннадий Николаевич, подставляя лицо под лучи уже начинающего припекать солнца. – Сейчас бы, куда-нибудь на природу махнуть, с удочкой посидеть.

- Пошли, будет тебе и белка, будет и свисток, рыбачок! – и мы зашагали к пакетоформировочному цеху, где с недавнего времени в один ряд были выставлены вагончики всех участков, включая субподрядчиков.

- Чтобы не бегать и не искать каждого по отдельности! – заявил старик Родин. – И на охране, заодно, сэкономите.

Проходя мимо склада смол, мы одновременно услышали странные, заунывные звуки, доносящиеся, как будто из-под земли.

- Слышал? – спросил Геннадий.

- Угу, - кивнул я, - только не пойму, откуда это.

Новый, теперь уже с подвыванием звук раздался почти из-под ног. Переглянувшись, мы одновременно шагнули к открытой горловине ливневого колодца, крышка которого валялась рядом. На глубине почти шести метров в бетонной, центрифугированной трубе колодца сидела наша сторожиха с бутылкой красного в руке и, раскачиваясь, жалобно подвывала.

- Ух, ты! Как только шею не сломала, бедолага?

- Там песка конус насыпался – вот и амортизировала.

- Мягкая посадка, что и говорить, даже поллитра не разбилась. Услышав голоса, сторожика завывла еще громче, временами переходя на лай.

- Надо бы ее как-то достать, - Геннадий Николаевич оглянулся. - Дима, - окликнул он проходящего Краснопалова, - подойди сюда!

Подошедший бригадир заглянул в колодец и все понял:

- Как же ее оттуда, болезную, выволочь?

- Слушай, а может лесенку по-быстрому сколотить?

- Не, у нее ноги затекли сидючи, не подняться ей по лесенке, да и не в себе она.

- Вот что, - решительно предложил я, - возьми мужиков человека четыре и веревку у кладовщицы – одного спустите, ну, а потом по очереди поднимите.

- Вот это – вернее будет, - и Краснопалов отправился за веревкой.

- Я скорую вызову, вы ее погрузите, не бросайте, а то еще околочурится! - крикнул я ему вслед.

- Погрузим, не беспокойся.

- Ну, я пошел скорую вызывать, давай до обеда! – я хлопнул Геннадия по плечу и повернул к своей прорабке.

Позвонив по телефону, я вышел на воздух, решая, куда идти сначала. Поздоровавшись кивком головы, серой мышкой проשמгнула в вагончик Анечка. Она так и не простила мне равнодушия и вероломства с той самой Витькиной свадьбы, но, кажется, уже почти утешилась, переключив все свое внимание и нерастраченную нежность на нашего нового мастера Семена Яковлева. Ах, Сенечка такой, Сенечка этакой, а не хотите ли Сенечка кофию! Тьфу, нечистая! А, впрочем, уж не ревную ли я? Этого еще не хватало. Пусть у девчонки будут хоть какие-то радости, она этого заслужила. Я достал пачку сигарет, прикурил и направился к ДСП, где бригада Белкина заканчивала, начатую еще в прошлом году, кровлю. Взлетев по лестнице наверх, я тут же наткнулся на Настю, с которой не виделся дня четыре.

- Привет! – я улыбнулся, как можно шире. – Как дела? – и уже в полголоса, - Не соскучилась?

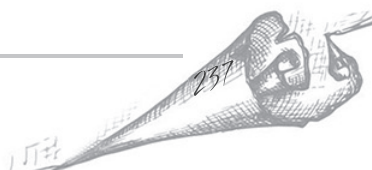
- Здравствуйте, Павел Андреевич! – Настя показала глазами на подходящего бригадира, но что-то такое, неестественное, промелькнувшее в ее голосе меня насторожило.

- Доброе утро, Иван Иванович!

- Доброе, доброе, Павел Андреевич! – бригадир протянул руку. – Ты бы, Настюха, слетала до кладовщицы – все рукавицы в битуме, возьми пар десять, - повернулся он к Насте.

- Хорошо, Иван Иваныч, и гвозди кончились.

- Не потащишь же ты гвозди, скажи Петру, пусть сам сходит. Перекурим, начальник?

- Только что выбросил.

- Ну, тогда так посиди, погода, видишь какая – петь хочется!

- Давай посидим, а то в десять опять шею мылить начнут.

- Родин что ли?

- Он самый. Ну, как тут у вас дела?

- Да, нормально, ты не волнуйся, когда мы тебя подводили? Через две недели можешь вести заказчика на приемку, - бригадир как-то странно посмотрел на меня, и я нутром почувствовал неладное.

- Вот за это спасибо, Иван Иванович! Только что-то ты глаза прячешь, давай, говори, что еще случилось?

Бригадир присел на поддон, приглашая меня сделать то же самое. Я устроился рядом.

- Тут, понимаешь, такое дело, - он мгновение помолчал, - у Насти муж приехал.

Он посмотрел на меня и, увидев мою растерянную физиономию, то-ропливо продолжил:

- Ты, Паша, только сгоряча дров не наломай. Я понимаю, что непросто все это, но и ее понять можно: отец имеет право видеть свое дитя.

- Где он раньше-то был? – откашлявшись, глухо спросил я.

- Чужие дела потемки, начальник. Что там у них было, и что будет – не нам решать. Ты главное не беспокой ее сейчас, глядишь, все само утрясется. Она – женщина правильная, не девчонка, вот пусть сама и решает. А как решит – так тому и быть. Я правильно мыслю?

Я сидел, молча, раздавленный свалившейся на меня новостью, не зная, что и отвечать. В голове крутились несвязные мысли, никак не желавшие выстраиваться в строгий логический ряд.

- Ну, ладно, ты тут посиди немного, а я пойду к бригаде, - поднялся Иван Иванович. – Не переживай, командир, все образуется.

Белкин ушел, а я еще минут десять сидел, переваривая в себе обиду, или еще что-то, и не мог решить, плакать мне, или смеяться. С одной стороны умом я понимал: бригадир прав, но, как говорится, сердцу не прикажешь, а оно подлое ныло не на шутку. Шум стройплощадки, наконец, привел меня в чувство, я поднялся и, спустившись вниз, продолжил обход бригад.

К десяти у штабного вагончика собралось все местное и прибывшее из других городов и весей начальство.

- Здорово, Паша! – ко мне подошел начальник управления монтажников Стас Рубцов, мой хороший приятель. – Сто лет тебя не видел.

- Привет! Ты когда приехал?

- Да вчера еще. Как тут у вас?

- Воюем, сейчас сам все увидишь. Вечером посидим?

- Обязательно. А Геннадий где, не в отпуске?

- Здесь, сейчас подойдет, да и кто ему отпуск летом даст, ты что, очумел.
- Анечка как себя чувствует?
- А что с ней делается, цветет.
- Ей тут наши девушки посылочку передали.
- После обеда передашь, она сейчас в управление поехала наряды сдавать.

К вагончику подъехал «уазик» из которого вышли Родин, начальник управления Виктор Михайлович и главный инженер нашего треста Степанян. Все приглашенные вслед за начальством втиснулись в вагончик. Мы с Геннадием устроились на скамейке возле самой двери.

- Товарищи! – начал Родин. – Мы пригласили вас, чтобы обсудить ход строительства и выявить причины сдерживающие его. Руководство главка не удовлетворяет положение дел по освоению выделенных капитальных вложений...

Под монотонную речь Родин я отключился и заново начал переваривать все, что сегодня так неожиданно свалилось на меня. Слова бригадира повергли меня в шок, и я все прикидывал, как же мне вести себя с Настей. Конечно, решать придется ей, но ведь и я в этой истории, как бы ни посторонний. Почему она мне сама ничего не сказала, не предполагала такого поворота, или решила не тревожить понапрасну. Хотя, чего тут думать, я же обо всем знал с самого начала.

- ...необходимо шире применять бригадный подряд. Овечкин, ты бы еще захрапел! Тебе что, не интересно?

- А я, что, я ничего.

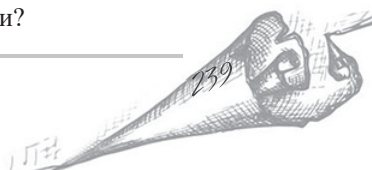
- Сиди и слушай, у тебя дела тоже не ахти, под шлифмашину фундамент запероли!

- Уже исправили.

- Вот-вот, а сразу сделать, как положено – тямю не хватает! Прошу всех руководителей подразделений высказаться по существу.

Начался рутинный разговор о несвоевременном снабжении, нехватке людей и прочей белиберде. Я скосил глаза и начал наблюдать в приоткрытую дверь за возней щенков недавно оценившейся суки нашей сторожихи, прижившейся прямо тут же, под вагончиком. Не сторожихи, естественно, а суки. Мне было не до тонкостей стилистики, а просто тошно. И грустно. И хотелось выпить. Фундамент под шлифовальную машину мы действительно чуть не запероли, хорошо, послушались совета Геннадия Николаевича, и верхний обрез залили чистой цементной смесью. Но, то ли она при твердении деформировалась, то ли еще что, а подгонять ее по высотным отметкам пришлось, строгоя топором, под схидные улыбки технадзора.

...а у Геннадия Николаевича, и вовсе бардак. Как вы можете объяснить, что распредкамера аэротенок треснула. Я даже знаю, что вы мне скажете: бетон фуфлю, мужики пьяные, а вы где были?

- Антон Семенович, я же вам вчера объяснял.

- Болтать, не работать, Геннадий Николаевич, пора и честь знать.

- А здесь вы не правы, Антон Семенович! Без вас тут тоже ничего не стояло, однако – стоит, – сорвался Геннадий.

- Вы мне кончайте эту демогогию разводить. Вы где вчера вечером были, когда мы тут сидели?

- А, когда вы тут сидели?

- Вы что, издеваетесь!? Или за придурков нас держите? Или считаете, что дисциплина не для вас?

- Да ничего я не считаю.

- Пить меньше надо!

Вот тут я встрепенулся и почувствовал, что сейчас что-то будет.

- А, причем тут пить? – понизив тон, спросил Геннадий.

- От вас с Овечиным и сегодня разит, Геннадий Николаевич!

- А, вы, что, нам наливали, Антон Семенович? Нет. Ну, тогда и засуньте язык в одно место!

- Вы как со мною разговариваете, Геннадий Николаевич?! Что вы себе позволяете?!

Я окончательно очнулся и приготовился к интересному кино. Геннадий был беспартийным, и сделать с ним, что-либо серьезное, было весьма непросто.

- А вы? Кто вам дал право так со мною разговаривать?

- Похмеляться с утра надо – настроение будет лучше!

- А вы налейте – я похмелюсь! Языком молоть – много ума не надо.

И тут Родин вдруг резко открыл тумбу стола, достал початую бутылку коньяка и стакан, так же, молча, налил его почти до краёв. Потом, пододвинув его к краю столешницы, сказал короче некуда:

- На!

Геннадий, как ни в чем не бывало, поднялся, подошел к столу и, не смущаясь, в полной тишине на глазах, очумевших от его нахальства присутствующих, выпил залпом. У меня аж слюна заполнила рот, и я невольно сглотнул ее, вызвав всеобщее веселье.

- Спасибо, Семен Антонович, давно коньяка не пробовал! – поблагодарил Геннадий начальство.

- Садись, садись, бедолага, а то, гляжу, вот-вот помрешь! – махнул рукой Родин и уже серьезно продолжил. – А порядок наведи, пожалуйста! Продолжим.

Я приготовился снова слушать, а на душе стало еще муторней. На улице пригревало солнышко, чирикали дерущиеся воробьи, а в сумраке штабного вагона до сих пор, казалось, пахло промозглой сыростью промороженных зимою стен. Все больше в душе нарастало желание бросить все к черту и удрать подальше, куда-нибудь в лес, чтобы забыться.

- ... Овечкин, ты что, издеваешься что ли? – пробился сквозь путаницу мыслей голос Родина. – Будь добр встать, когда с тобой начальник говорит! Совсем оборзел, дальше некуда!

И тут неожиданно для всех, а самое главное и для самого себя, я выдал такое:

- А, пошли вы все!

Хлопнув дверью, я стремглав выскочил на улицу. В меня словно бес вселился.

- Овечкин, вернитесь! – донеслось из вагончика, но я уже рванул, не разбирая дороги к цеху, размахивая руками вслед отъезжающему от него самосвалу. Уже в кабине, придя в себя, я понял, что мне остается делать.

- Серёга, ты меня у конторы высади.

В приемной я написал заявление на увольнение и вручил его под роспись, вытаращившей от изумления глаза, Наталье. Потом зашел в отдел труда, сказал Анечке, что Стас привез ей посылку и направился в столовую – неожиданно проснулся зверский аппетит. Когда я уже доедал второе, в дверях появился Витька.

- Ну, ты даешь, Паш! Родин аж позеленел от злости, говорят!

- А что, закончилось совещание?

- С пол часа назад. Что делать думаешь?

- В отпуск пойду, два года не был.

- А дальше?

- К соседям прорабом приглашали, может быть туда, а может быть совсем уеду, надоели до чертиков эти севера, пора обстановку менять.

- Ты, это, не руби с плеча! Обдумай все спокойно.

- Да, я уже спокоен, как слон, не суетись, садись лучше кушать.

Подошла с подносом Анечка.

- Здравствуйте, Виктор Петрович, Разрешите?

- Садись, дорогая, садись! Слышала, как наш Паша отличился?

- Нет, – насторожилась Анечка, - а что случилось?

- Да он в расстроенных чувствах дал начальству... как бы это покуль-турней сказать... продышаться!

- Кончай трепаться, иди обед бери!

- Аня, ты его пока покарауль, а то он возбужден больно, как бы чего еще не вышло.

- Что случилось, Павел Андреевич? – участливо заглянула мне в глаза Анечка, она прямо вся светилась желанием помочь мне.

«Эх, Анечка, святая душа», - подумал я, - «ударят по правой щеке – подставляет левую!», но вслух сказал другое:

- Не волнуйся, землетрясения не будет! Полаялся с начальством, так не в первый раз.

- А он не сказал, что заявление об уходе написал? – спросил вернувшийся Витька.

- Как заявление? – у Анечки округлились глаза. – А как же участок?

- Свято место - пусто не бывает!

- Это точно, - фыркнул Витька, - была бы шея – хомут всегда найдется!

Ладно, все перемелется – мука будет. Как говорится: утро вечера мудренее.

- Сейчас не вечер, – неожиданно серьезно сказала Анечка, - сейчас – обед!

- Хорошо хоронить-то меня! Ты лучше расскажи, как Валя?

- На сохранении лежит, вчера положили.

- Ой, Виктор Петрович, а в какой палате?

- В гинекологии, а в какой палате, еще и сам не знаю.

- Мальчики, вечером все идем к Вале! – безапелляционно заявила Анечка. – Вы знаете, в каком сейчас состоянии находится женщина, поддержка ей, как воздух нужна. Так что, ищите яблоки, апельсины и вперед. Когда у них часы посещений?

- После пяти.

- Значит, в шесть встречаемся у больницы!

Вернувшись после обеда на площадку, я постарался не встретиться до вечера ни с кем из власть предержащих персон и мне это удалось. Пару раз на горизонте маячил неугомонный Родин, но каждый раз мне удавалось улизнуть от него по спасительным пожарным лестницам через кровлю. Правда, по телефону меня выловил главный и обругал дураком:

- Ты, что, ничего лучше заявления об уходе не придумал. Какая блоха тебя укусила? Я понимаю, у всех нервы, но и сдерживаться надо!

Не мог же я ему объяснить, что у меня проблемы с любимой женщиной. Это было моим и никому не должно было быть до этого никакого дела. Правда, встретившись в шесть часов у больницы с Анечкой, я понял, что все мои страдания и прочая, бережно скрываемаемая информация – секрет полишенеля: в нашей деревне все тайное быстро становилось достоянием общественности.

- У Насти муж приехал, я слышала? – спросила Анечка и отвела взгляд в сторону.

- Ну и что?

- Ничего. – И после минутного молчания. – Паша, ты не расстраивайся, все образуется.

- Что вы все меня жалеете! – взорвался я. – Сам как-нибудь разберусь, без сопливых! – И понял, что смертельно обижу ее, если не извинюсь. - Извини, пожалуйста, нервы.

- Я понимаю.

- Что за базар, орешь, аж за километр слышно? – подошедший Виктор держал в руке букет незабудок.

- Ничего, - Анечка глубоко вздохнула. - Где это вы, Виктор Петрович, цветы такие интересные добыли?

- Из леса, вестимо, Анечка! Возле нашего места, где день строителя отмечаем, нарвал.

- Красивые. Только, наверно, не разрешат в палату, в гинекологии с этим строго.

- Ну, тогда - на, держи!

- Давайте сначала Вале покажем, ей приятно будет, а потом я их на участке поставлю, пахнут они замечательно.

- Ну, что, пошли? - я подхватил авоську с фруктами, висевшую на борю. - Глядеть бодрее, нечего Валю в дела наши грешные посвящать, ей сейчас волноваться вредно.

Вечером мы с Витькой выпили понемножку, но настроения не было, и я ушел часов в восемь. Вернувшись в общагу, я поторчал часа полтора у телевизора, отбил настойчивые, любовные наскоки Галки и, отправившись к себе в келью, попытался забыться с «Тремя мушкетерами», которых я обнаружил, забытыми кем-то, у телевизора. Заново переживая приключения бравых вояк, я и заснул...

...Лучи солнца, почти не заходящего за горизонт в это время года, отразились от зеркала, повешенного на двери, и, ослепив меня, вывели из состояния внутренней созерцательности, в которой я находился с момента пробуждения. Пора вставать, я взглянул на часы - половина седьмого. Быстро умывшись и побрившись, я надел свежую рубашку и, почистив туфли, отправился в столовую. Война войной, а обед по расписанию.

- Привет, Паша! - улыбнулась из-за стойки Надежда. - Ты чего это хулиганить вздумал?

- О чем ты, Надя? - я прикинулся, что ничего не понимаю.

- Да о вчерашнем.

- Вот, блин, ни фига в нашей деревне не скроешь. А что вчера-то случилось?

- Ты Ваньку-то не ломай! Все судачат, как ты Родина послал куда дальше.

- А, что я его ножиком пырнул, не говорят?

- Тебе бы все зубоскалить! Ешь, давай, а то на работу опоздаешь.

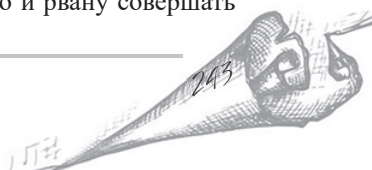
- А, я сейчас человек свободный, куда хочу, туда и лечу.

- Это, когда заявление подпишут, а раньше не рыпайся. Две недели отработать положено.

- Да, видал я их всех в гробу!

- Не кипятись, тебе, что, трудовую испохабить хочется? Работай спокойно, а там видно будет.

- Понял я все, понял, Надя! Сейчас позавтракаю и рвану совершать трудовые подвиги.

- Иду, уж, баламут! – Надежда махнула рукой.

Не успел я выйти из столовой и прикурить сигарету, как подъехала Юркина машина.

- Дуй на РБУ, грузи полкуба раствора и к каменщикам, - скомандовал я шоферу. – Потом на участок заскочи.

- А вы как доберетесь?

- Автобусом, как все.

Без пятнадцати восемь я уже подходил к участку, подъехав на попутной бортовой. В вагончике находился наш участковый мастер Юрий и еще какой-то незнакомый паренек.

- Здорово! Бригады обошел? – с порога спросил я.

- Да. Павел Андреевич, здравствуйте! А нам тут мастера прислали. Вот, Прохоров Павел Васильевич.

- Наконец-то. Ну, здорово, тезка! Откуда сам-то будешь?

- Из Тюмени.

- Родом оттуда, или как?

- Да.

- А, что закончил?

- Учился, в инженерно-строительном.

- А здесь как оказался?

- Брат в леспромхозе работает, механиком, к нему и приехал.

- Работал где-нибудь, или не пришлось.

- В НИИПЛесдреве с полгода.

- А, в проектном. Ладно, опыт дело наживное. Располагайся пока, а потом я тебя в курс дела введу. Юра, позвони на склад, там вчера контейнер с краской пришел, договорись с Валентиной, а то всю растащат, не успеем оглянуться. Потом пройдитесь с Павлом, покажи ему объекты.

Дверь открылась и в вагон впорхнула Анечка.

- Вы тут пока знакомьтесь, я скоро подойду, - я двинулся к дверям.

- А вы куда, Павел Андреевич? Вас там, у штаба Родин искал.

Вот уж с кем встречаться мне совсем не хотелось.

- На кудыкину гору, Анечка! Если появится здесь, скажите – уехал на базу. Да, если прозвонит Виктор Петрович, я – на котельной, пусть туда перезвонит.

Я вышел из вагончика и, оглядываясь, как воришка, быстро направился мимо цеха в сторону котельной. Навстречу проскочила стайка отделочниц из Веркиной бригады, поздоровавшись на ходу. У котельной я встретил Белкина и мы пошли смотреть, как продвигается отделка бытовых помещений. Переговорив с бригадиром и обсудив с ним все вопросы, требующие немедленного решения, я направился в цех ДСП к бетонщикам, намереваясь на самосвале, подвозящем бетон, добраться до управления и выяснить судьбу своего заявления. Выйдя из лестничной клетки

котельной на улицу, я лицом к лицу столкнулся с, открывающим дверь, Родиным. Посторонившись, я принял благообразный, но вполне независимый вид и поздоровался:

- Здравствуйте, Антон Семенович!

- Здорово, Овечкин! – как ни в чем не бывало, приветствовал меня Родин. - Вот ты где, оказывается.

- А где же мне еще быть?

- Ладно, ладно, не ерещенься! Разговор есть. Пойдем-ка, к Белкину, там и поговорим.

- Отчего не поговорить, пойдете.

Мы поднялись на третий ярус, где Белкин в одной из комнат бытовых устроил нечто вроде столовой. Сам бригадир сидел за столом и пил чай. При нашем появлении он встал, поздоровался с Родиным за руку и предложил присесть, выпить чаю.

- Чай – это хорошо! – сказал, усаживаясь, Родин. – Садись, Паша, в ногах правды нет. Плесни-ка кипяточку, Иваныч! Разговор у нас пойдет вот о чем, - повернулся он ко мне.

- Мне может выйти, Антон Семенович? – поднялся бригадир.

- Да нет, сиди, Иван Иванович, секретов особенных нет. Мы тут с руководством треста посоветовались и решили предложить Овечкину должность главного инженера у соседей.

Я чуть не захлебнулся чаем, закашлявшись, и бригадир пару раз крепко хлопнул меня по спине.

- А что, правильно, Антон Семенович! Он - парень молодой, злой, грамотный, работать умеет, я думаю, справится.

- Да я тоже не сомневаюсь, Иван Иванович. Ну, так что, Павел Андреевич, согласен? Или сомневаешься?

Я с трудом обрел дар речи:

- Даже не знаю, что и ответить. Потяну ли? Попробовать, конечно, можно.

- Вот и ладненько, а то я было в тебе сомневаться начал, - Родин поднялся из-за стола. - Я пошел, пожалуй, а ты после обеда зайди в управление, кое-какие детали уточнить надо. До свидания, Иван Иванович, я на тебя надеюсь, не подведи, - и он вышел из комнаты.

- Поздравляю, Паша! – обнял меня Белкин, когда Родин исчез за дверью. – Главный инженер – это уже кое-что!

- Н-да! Не было счастья, так несчастье помогло! Даже как-то не верится. Кто бы предложил, а то – Родин! Я его только вчера послал, куда подальше! Ты пока помалкивай об этом, Иван Иванович.

- Заметано! А ты, главное, не расслабляйся. Управление новое, люди другие, самое основное - не позволяй себе на шею сесть.

- Там видно будет. А Настя где? – мне хотелось поделиться неожи-

данно свалившейся на мою голову хорошей новостью с близким человеком.

Белкин внезапно нахмурился и нехотя выдал из себя:

- Она отпросилась на сегодня... Ты, Паша, не тревожил бы ее пока, ей и так нелегко.

- А мне?

- Ты – мужик, тебе проще.

- Ладно, пошел я. Ближе к вечеру зайди: наряды подписать надо.

- Зайду.

К обеду о моем предполагаемом назначении знало почти все управление. Я, как мог, скрывал радость, но глуповатая улыбка нет-нет да проскальзывала по лицу. Я даже на обед пошел попозже, чтобы не объясняться с каждым встречным и не кивать, как китайский болванчик, в ответ на поздравления. Но не тут-то было.

- Поздравляем, Паша! – вывернулись откуда-то Виктор и Геннадий Николаевич. – С тебя банкет!

- Какой банкет? Будет приказ – будет и банкет.

- Куда он денется, приказ-то? Кончай зажимать магарыч, Паша! Вечером у меня, - тоном, не терпящим возражений, заявил Геннадий, - жена пельмени готовит, а горячее с тебя.

- Вечером, так вечером. Ладно, ребята, идите, мне еще в контору надо.

- Ты нос только не задирай, а то мы его тебе быстро на место внедрим.

- Да, кончайте вы!

В управлении я быстро прошел в отдел кадров, стараясь никому не попадаться на глаза. Заполнив предложенные анкеты, я выскочил на улицу и тут же наткнулся на нашего начальника.

- Поздравляю, Овечкин! Смотри, не подведи! СМУ – управление старое, известное в министерстве, так что – не подкачай!

- Спасибо, Виктор Михайлович! Я постараюсь.

- Вот-вот, постарайся, не урони честь любимой ПМК!

- Ну, так я пойду, Виктор Михайлович?

- Иди. Ты не на площадку случайно? Передай Родину: его из главка разыскивали, а то по телефону никак его найти не могу.

- Хорошо, Виктор Михайлович! Я побежал.

- Беги, беги, - улыбнулся начальник.

Перед тем, как уехать, я забежал к Насте, но дома ее не застал. Соседский мальчишка лет шести пояснил мне, что тетя Настя куда-то ушла с незнакомым мужчиной, и тем самым погрузил меня в мрачные мысли. Картины рисовались одна, хуже другой. В рамках их сюжетов никакой перспективы для меня не было. Кончай, жестко сказал я себе, ты же мужчина. Круто развернувшись, я отправился на РБУ, и на первом попавшем-

ся самосвале уехал на участок. Видимо, вид у меня был не ахти, отчего Анечка вздохнула так горько, что я поневоле очнулся.

- Белкин не был?

- Звонил с котельной, сейчас подойдет.

- Ну, как осваиваешься? – спросил я, окончательно придя в себя, моего нового тезку. – Юра все показал?

- Почти все, Павел Андреевич, - вмешался Юрка, - только на водоочистке не были.

- И как впечатление?

- Нормально, - ответил новоиспеченный мастер.

- Ну, раз нормально – значит, все будет в порядке.

Вошедший Белкин еще раз со всеми поздоровался, и присел возле Анечки, разбираться с нарядами. Юрка принялся болтать по телефону с какой-то новой своей пассией, а я вышел на воздух, покурить. Пригревало, почти не заходящее за горизонт в это время года, солнышко, на четырехрамнике визжали пилы, вгрызаясь в стволы. Пахло древесной прелью и цементной пылью. Я сидел, тупо молчал, курил и думал. Появившийся из вагончика Белкин присел рядом. Через минуту рядом с нами, на скамейку пристроилась дожидаящаяся попутного транспорта Анечка. Все молчали, погруженные в собственные мысли. От цеха, в сторону проходной, громко смеясь и переговариваясь, торопливо шагала парочка, видимо, опаздывая на рейсовый автобус. Высокий, черноволосый мужчина в светлой куртке поддерживал под руку женщину, едва достающую ему до плеча, и в которой я еще издали с ужасом узнал Настю. Она смотрела на своего спутника снизу вверх, прижавшись щекою к плечу, и ничего не замечала вокруг. Каждое его слово вызывало у нее на лице широкую, открытую улыбку, а глаза светились неподдельной радостью. Они прошли мимо, не обратив никакого внимания на нас, занятые только собой. Земля покачнулась, и весь окружающий мир поплыл у меня перед глазами. Пытаясь что-то предпринять, я привстал, но тут же почувствовал, как на плечо мне легла тяжелая рука Ивана Ивановича, припечатав меня к скамейке.

- Спокойно, Паша! – негромко, но твердо, произнес бригадир. – Прежде, чем что-нибудь сделать, подумай, как это отразится на ней. Спокойно! Не рвись!

Боковым зрением я увидел, ставшие совершенно круглыми от удивления, наполненные неподдельной жалостью, испуганные глаза Анечки и горько усмехнулся про себя: «Дон Жуан грёбаный! Еще жалеть начнут, не дай бог». Шумно выдохнув, я отвернулся, не желая, чтобы меня видели таким растерянным и подавленным.

- Все в порядке, бригадир, не суетись!

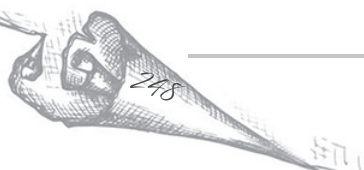
Я вновь достал сигареты, бригадир чиркнул зажигалкой, и мы замолчали, прислушиваясь к тому, что творится у нас внутри, в самой сердцевине-

не, жадно вдыхая горький табачный дым. И боль постепенно отступила. Легкий, предвечерний ветерок играл прядями волос непокрытой головы, перебирая их своими чуткими пальцами, природа затихала, готовясь к ночному отдыху, и только стройка гроыхала тут и там, нарушая гармонию простого и вечного. А может быть все и к лучшему? Я посмотрел на Анечку и почти осязаемо почувствовал, как душевное тепло и сопереживание, сидящих рядом со мною людей, начинает переполнять меня, вытесняя горечь потери и вызывая непреодолимое желание жить. Теплая Анечкина ладонь прикоснулась к моей руке, я вздрогнул и очнулся. Чего зажурился, хлопец? Жизнь еще не кончилась: бывает и хуже. Все пройдет, Пашка! И это – тоже.

Сентябрь-ноябрь 2003 г.

Практика

Чуть больше часа полета и “тушка” мягко приземлилась на бетонную полосу аэропорта Южно-Сахалинска. Спускаясь по трапу, Колька увидел внизу военных в форме пограничников, проверяющих документы, и чертыхнулся про себя, вспомнив, что оставил пропуск в чемодане, а чемодан сдал в багаж. Через минуту он уже объяснялся с лейтенантом, показывая то паспорт, то студенческий билет с направлением и подобоострастно заглядывая в суровые глаза пограничника. Последний терпеливо, как ребёнка, выслушал Кольку, еще раз внимательно оглядел его и, видимо, решив, что тот не представляет серьезной угрозы для безопасности государства, отпустил, напомним на прощание, что Сахалин — это все-таки пограничная зона и документы надо носить при себе.

Получив в багажном отделении чемодан, Колька вышел на площадь и отыскал остановку нужного ему автобуса. Еще через полчаса, сойдя на остановке со странным названием “Мутная”, он уже входил в двухэтажное здание треста “Сахалинстройпуть”. Оставив чемодан у вахтера, Колька поднялся на второй этаж в приемную управляющего, где выяснил у секретарши, что того нет, и не будет, а главный инженер появится минут через двадцать. Прошедший вскоре в кабинет мужчина лет тридцати пяти в светлом, спортивного покроя костюме и оказался тем самым главным инженером.

- Можешь зайти, - сказала секретарша.

Колька толкнул дверь, вошел в небольшой, но уютно обставленный кабинет, и, поздоровавшись, протянул институтское направление на практику.

- Из Хабаровска? - не высказал ни капли удивления главный. - Зовут-то как?

- Николай.

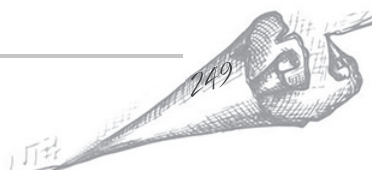
- Ну и ну! Ума вашим начальникам явно подзанять бы надо - не могли места на материке найти, что ли?

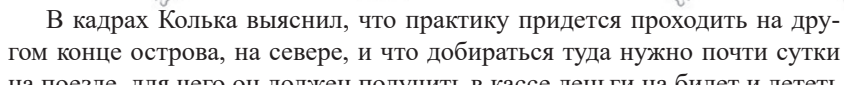
Колька, молча, пожал плечами и ничего не ответил.

- Ладно, куда деваться, не назад же тебя отправлять, — главный инженер поставил на направлении размашистую подпись. - Есть у нас одно место, где людей не хватает, далековато правда. Давай, дуй в отдел кадров, оформляйся, получай суточные с проездными и вперед.

- Спасибо, - Колька взял протянутую бумагу.

- Спасибо потом будешь говорить, - хохотнул главный. - Кадры на первом этаже.

В кадрах Колька выяснил, что практику придется проходить на другом конце острова, на севере, и что добираться туда нужно почти сутки на поезде, для чего он должен получить в кассе деньги на билет и лететь на вокзал: поезд отходит через три часа, а следующий будет только завтра. Еще через три часа, удачно приобретя у вокзальных “жучков” билет, Колька забросил чемодан на верхнюю полку купе игрушечного, как он определил, поезда и, покуривая в тамбуре, смотрел на проплывающие за окном предместья Южно-Сахалинска. Загорались первые звезды и он, чувствуя, как устал за этот длинный, начавшийся утром в аэропорту день, отправился устраиваться на ночлег.

В купе он обнаружил теплую, довольно шумную компанию молодых парней. Помидоры и нарезанная крупными ломтями колбаса, грудой наваленные на газету, заменявшую скатерть, говорили сами за себя.

- Привет, земля! - протянул руку худощавый блондин в выцветшей ковбойке. - Игорь.

- Николай, - ответил на рукопожатие Колька.

- Куда путь держим?

- В Тымовское, а там до Ныша.

- Это железку, что ли, строить?

- На два месяца, практика после четвертого курса.

- А, ну, тогда ничего. После Ныша до самых Ногликов тайга, да просека под дорогу, больше нет ни хрена. И, вообще, места гнусные — болота! Комарьё покормишь от души. Сам-то откуда? Из Хабаровска! Эж тебя занесло.

- А вы куда?

- Мы ближе — до Паранайска. Присаживайся, ужинать будем. Витя, найди Николаю посуду.

- Как-то неудобно, ребята: я совсем пустой.

- Брось ты! Неудобно, когда под одеялом в потёмках пьют. Со студента грех брать, да сейчас уже нигде и не достанешь. Разливай, - Игорь кивнул Виктору. - Будем здоровы!

Чокнулись, закусили колбасой.

- А вы зачем в Паранайск?

- Так путина же начинается, рыбку ловить. У вас на севере попозже подойдет, к августу, а здесь через недельку начнется ломота: только поворачивайся.

- А икры здесь можно прикупить?

- Тю, пойдет рыба — ложками будете наворачивать! Только остерегись поначалу — шибко слабит, меру знать надо. Ну, что, мужики, по второй? Давай, студент, чтобы все в ажуре было.

Уже укладываясь спать на верхнюю полку, Колька понял, что не ошибся, когда состав этот показался ему игрушечным: вытянуть ноги было не-

куда, хотя особым ростом он не отличался. Узкоколейка была построена еще японцами и явно не соответствовала конституции русского человека.

Утром, когда поезд подошел к Тымовскому, купе было пустым. Попутчики вышли где-то ночью, намаявшись за день, Колька спал так крепко, что ничего не услышал. Деревянный, потемневший от дождей и старости вокзал встретил Кольку тишиной и запахом жареной картошки. В зале ожидания не было ни души. Молодая женщина в окошке билетной кассы на вопрос Кольки о подкидыше до Ныша сообщила, что мотовоз пойдет часов в двенадцать, если ничего не случится, и посоветовала погулять по поселку или сходить в кино.

- Кино у нас целый день крутят, - пояснила она, - с восьми утра.

- А где у вас столовая? - спросил Колька, изрядно оголодавший после вчерашних возлияний.

- Да не далеко. Выйдешь, из дверей и прямо, через два квартала на правой стороне увидишь.

Колька сходил в столовую, позавтракал и до двенадцати побродил по поселку, напоминавшему большую одноэтажную деревню с заасфальтированной центральной улицей и поперечными переулками, обочины грунтовых дорог которых густо заросли огромными лопухами. В магазине Колька с удивлением обнаружил на полках бутылки со спиртом по шесть двадцать. «Ты глянь, - подумал он, - а у нас днем с огнем не сыщешь», и приобрел одну на всякий случай.

Мотовоз появился только к часу. С компанией подвыпивших мужиков и баб, одетых в бархатные жакетки и резиновые сапоги, Колька влез в единственный пассажирский вагон с разбитыми стеклами и мотовоз, пыхтя и подавая гудки у семафоров, двинулся на север, увозя его к неизвестному Нышу, последней точке на карте Сахалина, до которой дотянулась стальная колея.

Поселок строительно-монтажного поезда номер пятьсот сорок семь представлял собой два десятка установленных в две шеренги вагончиков, обшитых дощатыми цоколями. В стороне стояло несколько двухквартирных, рубленых домов с закопченными печными трубами. Все это великолепие венчала тренога деревянной вышки метров двадцати пяти высотой с закрепленной на ее макушке антенной. Контора находилась здесь же, в длинном бараке под вышкой. Над еще одним таким же баракком, видимо столовой, курился дымок. Колька уже битый час болтал о жизни с хорошенькой секретаршей по имени Наташа в приемной управления. Ожидая начальство, он выяснил, что после вчерашнего дня рождения у нормировщицы Клавдии Семеновны, продолжавшимся почти до утра, начальство задерживается.

- А как вашего начальника звать величать, Наташенька?

- Петр Сергеевич. Никак я не пойму наших мужиков, - продолжила она,

- что они в этой Клавке нашли, так и липнут, как мухи на мед. И было бы на что смотреть — волосы крашенные, на физиономии помады полкило. Так нет же: Клавдия Семеновна, Клавдия Семеновна! Противно смотреть.

- Неужели такая страшная?

- Сам увидишь.

- Верю на слово. Но и вам, мне кажется, Наташенька, невнимание мужчин не грозит, - пустил леща Колька, заставив девушку порозоветь, - зачем вы только свою красоту в этой глуши хороните. Сами ведь говорите — ни одного приличного мужчины.

- Ну, что вы, Коля, - окончателно смутилась секретарша, - я самая обыкновенная. На меня и в городе парни внимания не обращали. Здесь хоть жильё есть и платят прилично, а в городе кому я нужна? Что это ты со мной все вы да вы? Давай - на «ты».

- Можно. Только ты о городе так думаешь напрасно, там возможностей куда как больше и вообще...

- Образования у меня пока нет. Поступила в прошлом году в техникум заочно, первый курс окончила, - гордо приосанилась Наташка. - Получу образование, вот тогда можно и в город.

- Образование — это конечно.

Дверь в приемную распахнулась и красномордый, широкоплечий мужик в сером пиджаке и пузырящихся на коленях брюках шагнул через порог.

- Никто не звонил? - буркнул он угрюмо.

- Здравствуйте Петр Сергеевич, не звонили. Вот, студента на практику прислали, вас ждет.

Мужик, ничего не ответив, шагнул в дверь кабинета начальника и захлопнул ее за собой. Николай вопросительно посмотрел на секретаршу.

- Не бери в голову. Он, вообще-то, человек нормальный, только с виду грозный, и главное - не злопамятный. Болеет просто после вчерашнего.

- Тоже поклонник Клавдии Семеновны?

- Нет, что ты, он же женат и дети уже школьники. А вот остановиться, когда пьет, не может, поэтому и болеет.

- Рассольчика нужно, сразу полегчает.

В это время раздался звонок вызова, и Наталья шмыгнула в кабинет начальника. Через минуту она опять впорхнула в приемную.

- Ты посиди, подожди, а я в столовку за газводой слетаю.

Чтобы скоротать время Колька занялся чтением приказов и распоряжений, развешанных на стене приемной. Секретарша появилась минут через десять с бутылкой минеральной воды и еще чем-то, завернутым в газету. Выскочив из кабинета начальника, она заняла свое место и начала деловито перебирать бумаги в пухлой пачке.

- Сейчас поправится, пооберет.

Колька промолчал, наблюдая за ней, и она, почувствовав его внимание, кокетливо поправила прическу. Раздался звонок.

- Входи. И посмелее.

Колька вошел в кабинет и поздоровался. Бумаги из треста лежали перед начальником, и он задумчиво разглядывал их. Лицо у него разгладилось и из красно-бурого стало розовым. Подняв глаза на Кольку, он махнул рукой в сторону стула.

- Присаживайся. Из Хабаровска говоришь...

- Да.

- Ну, и как там Хабаровск?

- А что ему делается: строится, тополя пылят.

- Жил я там пять лет, - мечтательно произнес начальник, - а потом судьба сюда забросила.

Колька изобразил на лице неподдельный интерес. Начальник еще раз посмотрел на бумаги и продолжил.

- Направлю-ка я тебя мастером к студентам. Будешь полномочным представителем управления. Здесь, километров тридцать по насыпи, мы станцию строим: жильё и там всё прочее. Работают ребята из Москвы, четыре студенческих отряда. Есть у них, конечно, свое руководство — объединенный штаб, командиры и все такое прочее. А мой прораб давно в отпуск просится, вот ты его и заменишь. За пацанами нужно приглядывать, чтобы не особенно портачили, а у тебя все-таки как ни как четыре курса. Так что засучивай рукава и вперед. Оклад тебе — сто тридцать пять, ну, и северные восемьдесят процентов. Сейчас машина на базе материалами грузится, туда пойдет. Прораба зовут Федор Иванович. Зайди сейчас с бумагами в кадры, а потом в отдел труда, захвати бланки нарядов и сборники кое какие, там в курсе. Командир студентов вчера по рации просил. Виктор его зовут, аспирант из МГУ. В общем, парень толковый, не первый раз на стройке, есть чему поучиться, да, и не мальчик уже — около тридцати. Ты только там потверже с ними, а то на шею сядут. Коротче, забирай бумаги и на базу.

Начальник махнул рукою, отпуская Кольку, и начал куда-то звонить. Колька взял свои бумаги, сказал “до свидания” и вышел из кабинета.

- Ну, и куда тебя? - спросила секретарша.

- К студентам, мастером. Где у вас кадры?

- Второй кабинет по коридору. Повезло тебе: у них там весело, даже танцы устраивают.

- А ОТиЗ где?

- Рядом. А тебе он зачем? — насторожилась Наташка.

- Бланки какие-то забрать. База далеко у вас? Мне прораба найти надо.

- Он сейчас здесь будет, только что звонил. Ты иди, а я его предупрежу. Обрадуется Федор Иванович, давно в отпуск просится, три года не был.

Сдав документы в кадры, Колька направился в ОТиЗ. В маленькой комнатухе, где расположился отдел труда, за единственным столом сидела яркая блондинка лет двадцати восьми—тридцати в шелковой блузке бежевого цвета.

- Разрешите,— спросил вошедший Колька.

Блондинка подняла на Николая карие, опущенные густыми, темными ресницами глаза и он почти осязаемо почувствовал удар этого взгляда.

- Пожалуйста, чем могу помочь? – голос женщины звенел и переливался, как весенний ручеек.

Колька слегка оцепенел. Его поразила какая-то необычная, даже странная красота этой женщины. Красивой в привычном понимании этого слова назвать ее было трудно, но что-то такое в ее лице притягивало и неожиданно заставляло искать причину этого притяжения. И чем дольше Колька вглядывался в ее лицо, пытаясь понять, что же в нем необычного, тем больше его затягивало это занятие. Золотистые кудри, рассыпанные по плечам, тускло переливались в лучах солнца, падающих из-за штор, а сочные, влажные губы возбуждали такие мысли, от которых сердце падало куда-то вниз и становилось трудно дышать. Ошалевший вконец Колька застыл, как столб, и не сразу нашелся, что ответить.

- Тут меня... просили бланки нарядов получить и ценники.

- А. вы кто?

- Студент... На практику приехал... Назначили мастером в студотряды взамен Федора Ивановича...

- Вот хорошо-то,— блондинка бесцеремонно разглядывала Кольку. - А то человек замучился отпуска ждать. Жена с детьми давно на материке, а он все никак не уедет. Слишком покладистый мужик, я бы на его месте давно начальнику плешь проела. Тот все – подожди, да подожди, а чего ждать, осень скоро! Незаменимых людей не бывает.

Она поднялась из-за стола, и Колька смог воочию оценить высоко поднятую грудь и стройные бедра блондинки, обтянутые брюками невероятной расцветки: по лиловому в разводах фону были рассыпаны букеты желтых и алых роз. Ростом она была чуть выше его плеча, а фигурой могла поспорить с Танькой Гайзер, сокурсницей Кольки и мастером спорта по художественной гимнастике “Однако”, - в горле у Кольки запершило.

- Возьмите вон там, на полке бланки нарядов, - она указала рукой где. - Да-да там. А ценники я вам сейчас упакую, - и блондинка начала выкладывать на стол тоненькие книжечки ЕНиРов. Берите побольше. Там на станции сейчас бригад двадцать, нарядов придется писать много. Берите газету и бечевку, пакуйте, а то не донесете.

Увязывая толстенную пачку бумаг, Колька исподтишка бросал короткие взгляды в сторону блондинки. «Не зря, однако, мужики за ней тащат-

ся, - крутилось в голове у Кольки. - Такая один раз обнимет и умирать можно». Закончив с бланками, Колька, наконец, решил.

Простите, а как вас зовут?

- Меня? Клавдия Семеновна.

- А меня – Николай.

- Очень приятно! – улыбнулась женщина.

- Мне тоже, - чересчур серьезно произнес Николай.

Клавдия Семеновна как-то странно взглянула на Кольку и в глазах ее замелькали смешинки.

- И откуда вы Коля приехали? Можно я буду называть вас Колей, я все-таки намного старше вас?

- Вам больше двадцати пяти не дашь, а мне уже двадцать два, какие церемонии, Клавдия Семеновна.

- Вы мне льстите, Коля. Так откуда вы все-таки?

- Из хабаровского железнодорожного направления. Правда, направляли дублером, а тут сразу мастером, страшновато.

- Ничего, справитесь. Ребята там дисциплинированные, командир опытный, так что не пугайтесь. Городок они развернули прекрасный, уже начали рубить дома, единственная сложность — вовремя материалы. Вот тут вы не стесняйтесь, долбите Петра Сергеевича почаще и все будет нормально. Вы не обращайте внимания, когда он рычит, это у него напускное. Человек он добрый и дело знает хорошо. По запалу шашкой помашет, а потом разберется, поможет. Ну, вот и ваши ценники.

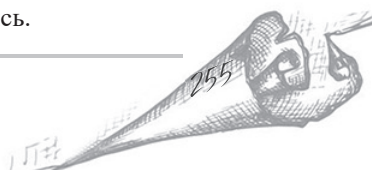
- Спасибо, - Колька подхватил два увесистых свертка. - До свидания!

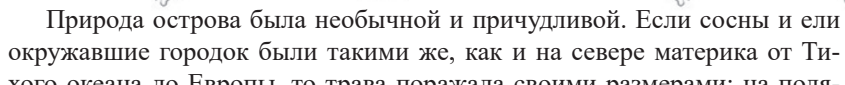
И хотя уходить ему не хотелось, веских причин задержаться не было.

- До свидания! Заходите, если что будет не понятно, а в конце месяца прошу с нарядами. Обычно мы наряды закрываем числа двадцать пятого, чтобы зарплату вовремя рассчитать, так что не тяните.

Колька кивнул, вывалился в коридор и только там отдышался. «Вот бабы,- вспомнил он секретаршу, - что-что, а успех у мужиков они друг другу сроду не простят». Он резко выдохнул, сказал протяжно вполголоса “сыр-р-р”, чтобы стереть глупую мину с лица, и направился в приемную, где Наташка сообщила ему, что прораб Федор Иванович дожидается его у главного механика.

Студенческий палаточный городок расположился на пологом склоне сопки, в двухстах метрах от насыпи, по которой должна была пройти железная дорога до города Ноглики. Сам этот город находился где-то в Тмутаракани, на северном побережье острова. Название это ничего не говорило Кольке, хотя позднее ему пришлось и там побывать. И даже завести в аэропорту безобидный роман со студенткой из его же института, который осенью тихо закончится, так и не развившись.

Природа острова была необычной и причудливой. Если сосны и ели окружавшие городок были такими же, как и на севере материка от Тихого океана до Европы, то трава поражала своими размерами: на полянах и вырубках она колосилась, скрывая с головой, а лопухи были такими громадными, что под ними можно было свободно прятаться от дождя. Колька сам видел картошку размером с небольшой арбуз. Река Ныш, протекавшая неподалеку, кипела окунями и чебаком, а на блесну ловились таймени килограммов до пятнадцати весом. Самому Кольке такие не попадались, но пару раз цеплялись пятикилограммовые рыбины. В ручьях сновала пятнистая форель, вот только поймать ее никак не удавалось, и сети ставили, и морды — бесполезно. Пугливая и быстрая рыба не торопилась на сковороду.

Колька устроился на постой в штабной палатке, где вместе с ним жили еще человек восемь: в основном начальство объединенного студенческого отряда, да кое-кто из командиров. Неделю шли дожди, палатка набухла, когда вечером затапливали буржуйку, воздух становился влажным и душным, как в предбаннике. Днем о прелестях палаточного уюта думать было некогда — работа. Студенты рубили двухквартирные брусчатые дома для будущих работников станции и строителей железки, строили котельную, забивали сваи под будущий вокзал. Работали по двенадцать часов и постоянные неурядицы, возникающие на стройке, напрочь отгоняли мысли о каких-то там неудобствах быта. То не хватало бруса, то кончались гвозди, и Колька по десять раз на день бегал к рации и надоедал снабженцам управления, а то и самому начальнику. Первоначальная робость прошла, он научился командовать, а когда случался брак, то и орать матом, так же витиевато, как выражался машинист автокрана, широко известный своими приколами, Степан Ничипурук. Несмотря на то, что почти через слово у него проскакивала ненормативная лексика, никто, даже девчонки, не обращали на это внимания, настолько вставки эти были у Степы естественными и не обидными.

Отношения с ребятами сложились дружеские. Все были практически одногодки, интересы общие, делить нечего. Командир объединенного студотряда, аспирант московского государственного университета, Витя Кнапик, поляк по национальности, отряды возил не первый год и умел поддерживать отношения и с местным начальством, и с подчиненными. Да и какой резон ссориться с теми, кто платит деньги, и с теми, кто их зарабатывает. Тем более, что зарплата командования напрямую зависит от заработка бойцов.

- Слушай, Витя! Ну, меня хоть из Хабаровска сюда забросили, а вы какого хрена через всю страну сюда летите, ближе, что ли, работы нет?

- Ближе все застолбили. Да и зарплата здесь не в пример матерiku. А билеты, один черт, управление оплачивает. Тем более самолетом не так уж и далеко.

- А наших ребят все больше по окрестным деревням: коровники строить, свинарники. Там и коэффициент другой, и заработок пожиже. Единственное – кормят на убой, да с собой кое-что съестное можно в общагу на зиму заготовить.

Завхоз объединенного отряда Дима Кочнев, которого все звали по имени-отчеству: Дмитрий Николаевич – двадцать восемь лет не шутка, ежедневно мотался то в Тымовское, то в Ныш за продуктами и стройматериалами.

- Мужики, гляньте, что я привез, — вернувшись в очередной раз, объявлял он, открывая сумку, в которой звякали бутылки с зеленоватыми этикетками.

- Спирт?

- Он самый!

- Только мужики, как договаривались, после ужина, чтобы бойцы не заметили.

После ужина поднимались своей компанией на склон ближайшей сопки и, расположившись под елями, чтобы не увидели из лагеря, пили обжигающий горло спирт, не разводя его водой.

- Ну, как?

- Крепок, зараза!

- Ничего, для здоровья хорошо, а то от сырости самому заплесневеть можно, не только сапогам.

- А вы, доктор, что скажете? – спрашивали отрядного эскулапа.

- Скажу, что все полезно в меру. Я тут наемни завхоза прослушивал, покашливать что-то стал, так у него от спины спиртом несет, как из бутылки: почки не успевают перерабатывать – через кожу выходит.

- Что делать, доктор: холод и сырость. Дома режимить будем.

После этого жить становилось веселее, и промозглая погода казалась уже не такой отвратительной. А за приятными разговорами о жизни время до отбоя пролетало незаметно.

По вечерам, если позволяла погода, на центральном пятачке палаточного городка, возле флаштока студенты устраивали костер с танцами под магнитофон, или пели под гитару песни уже тогда широко известных бардов. Здесь Колька в первый раз услышал новые стихи Булата Шалвовича: «...Ах, ничего, что всегда, как известно, наша судьба то гульба, то пальба. Не оставляйте стараний маэстро, не убирайте ладоней со лба». Пела худенькая, крючконосая девчонка в огромной клетчатой кепке, страшненькая, но с таким густым, грудным голосом, который завораживал и заставлял сжиматься сердце. Трещали сучья в костре, искры взлетали к звездам. «Всем нашим встречам разлуки увы суждены, - подхватывали голоса, и вот уже песня заполняла все пространство под небесным куполом, - тих и прозрачен ручей у янтарной сосны...» Колька любил бывать на этих

посиделках: можно было позубоскалить и пофлиртовать с девчатами, посмотреть, как играют в шахматы настоящие мастера, или просто посидеть и послушать. После напряжения и усталости рабочего дня душа оттаивала, а мысли уносились далеко на материк, к тополиным аллеям родного дома. Туда, где даже ночью было тепло от раскалившегося за день асфальта, а фланирующие на шпильках по бульвару Карла Маркса девчонки одеты не в зеленую робу, а в юбки и яркие блузки.

В конце июля Николай вместе с Виктором отправился в управление закрывать наряды.

- Дня на два, - пояснил Виктор, собирая в рюкзак кое-какие вещи, - быстрее не получится. А то и три просидим, пока докажем, что почём. Бритву прихвати. Полотенце? Не надо — там в заежке все есть.

- А горячее?

- Семеновна спирт не пьет, если понадобится, там винишка достанем, а нет, в Тымовское сгоняем.

В управление прибыли рано утром на машине завхоза, которая укатила дальше по своим делам, и сразу направились селиться в гостиницу — стоящий на отшибе жилой вагончик.

- Специально в сторонку поставили, чтобы командировочных не было слышно. Пошли к хозяйке за ключом, — Виктор решительно направился к одному из домиков.

- Баба Вера! - постучал он кулаком в дверь. - Гостей принимай!

- Кого там черт принес? - раздался через минуту прокуренный женский голос.

- Это мы, баба Вера!

- Витя, ты что ли?

- Да я, я, открывай дверь-то.

Дверь, заскрипев, отворилась и на крыльце появилась пожилая, заспанная женщина в халате и тапочках.

- И не спится вам, окаянные, - прокашлялась она.

- Кто рано встает — тому Бог дает, - Витька широко улыбнулся. - Давай

ключ, баба Вера, дня на три прибыли.

- Держи, охальник! Угловую занимайте. И смотрите у меня, чтобы порядок был!

- Не беспокойся, баба Вера, первый раз что ли.

- То-то, что не первый! Прошлый раз гору посуды пустой из-под водки выволокла, да еще полотенце прожгли. Поди, с Юркой спирт жрали?

- Не жрали, баб Вер, а культурно посидели.

- Ладно, топайте, - женщина что-то проворчала про себя и скрылась за дверью.

- А, кто это — Юрка?- спросил Колька.

- Юрий Семенович, снабженец местный. Хороший мужик и выпить не дурак. Только похмеляться нельзя давать — дня на три в аут уходит.

Оставив вещи в засжке, приятели двинулись в контору. Поселок уже проснулся, люди тут и там спешили на работу.

- Здравствуйте, мальчики!- приветствовала их секретарша. - Зайдите к начальнику, спрашивал.

- Здравствуй, Наташенька, радость наша! Все хорошеешь!— Витька чмокнул секретаршу в пухлую щечку. - Клавдия Семеновна на месте?

- А где ей быть, - скривила гримаску девчонка, - ждет вас красавица наша.

- Ты, Коля, заходи к шефу, а я бумаги в ОТиЗ стащу и следом.

Николай толкнул дверь в кабинет начальника и вошел.

- Здравствуйте, Петр Сергеевич!

- Привет, Николай! Садись, рассказывай.

- Сваи на котельной закончили, начали рубить стены. Вот только солярку вечно с перебоями привозят. Вы бы подействовали на главмеха, а то мне уже надоело с ним лаяться.

- Это мы поправим,— начальник нажал кнопку селектора.— Наталья, ты мне разыщи главного механика, пусть зайдет. А с противопожарной просекой как дела?

- Пару бензопил надо дополнительно, а то тремя еще месяц промаемся.

- Выписывай, я дам команду. Люди не болеют?

- Да нет, слава Богу, кроме насморка – ничего. С продуктами все нормально, ну и рыбку подлавливаем.

- Кета не пошла еще?

- Не попадалась.

В кабинет вошел Виктор.

- Добрый день! Петр Сергеевич, дайте команду отделу труда, чтобы нами занялся вне очереди, а то, сколько мы тут торчать будем? Клавдия говорит, что у нее свои участки нагрязнули, а у нас в тайге люди без пристрастия остались.

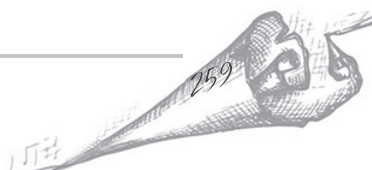
- Присаживайся, Виктор Антонович, сейчас все мигом поправим,— он включил селектор. - Клавдия Семеновна, ты уж голубушка займись студентами, отложи пока наших. Понимаю, что нужно и своих рассчитывать, но все-таки займись. Там двести человек без руководства остались, так что войди в положение. Ну, вот и спасибо, давай!

- Спасибо, Петр Сергеевич!

- При чем тут спасибо? Дело есть дело.

- Петр Сергеевич, вот еще что: у нас что-то сваебой барахлит, слесаря бы надо.

Начальник чиркнул ручкой в рабочей тетради.

- Механик подойдет, скомандую. Вы мне скажите, мужики, лежневку по Красному Болоту бросили?

- Уже и брус вывезли.

- Да, ну? удивился начальник. — Молодцы, премия с меня.

- Хорошо бы прямо сейчас, — подъехал к начальнику Витька, — а то совсем обезжирили.

- Сейчас, так сейчас, - ухмыльнулся начальник. - Наталья, вызови мне главного бухгалтера. По сто пятьдесят хватит?

- Вполне, - повеселел Витька.

- Шагайте в ОТиЗ работать, орлы, после обеда в кассе премию получите.

Премию получили не зря. Дело в том, что по зимнику завезли брус для строительства жилья, но кто-то попутал место выгрузки, и летом обнаружилось, что штабеля бруса объемом более пятисот кубов лежат посередине Красного Болота, топи шириной километров пять, и подобраться к нему представляется проблематичным. Требовалась лежневая дорога километра в два. Подумав, Колька предложил лежневку не строить, а спарить хлысты и трелевочниками вытащить брус на сухое место. Что и сделали, У лесников за ящик спирта выпросили две машины и в течение недели перебросили брус на стройплощадку, а несуществующую дорогу запроцентовали и выписали зарплату.

- Детишкам — на молочишко, - выразился главный инженер отряда.

Молочишко было довольно жирным.

- Как бы не усекли управленческие, - засомневался тогда Николай.

- Скажем, что утопла лежневка пока по ней ездили, если что, - сказал Витька. - Главное помалкивать. Брус-то все-таки вывезли.

До вечера они просидели в ОТиЗе, споря за каждый рубль.

- Вы что, Клавдия Семеновна, без зарплаты дорожников оставить хотите? - возмущался Витька, когда нормировщица пыталась оспорить объемы. - У меня люди задарма, что ли, комаров кормят, Бога побойтесь!

- Знаю я твоего Бога, Витя! Кто принимал лежневку?

- Так заказчик подписал, какие вопросы? И Николай все пересчитывал, скажи, Коля!

Заказчика, помнилось, пришлось поить дня два, да еще возить на рыбалку, после чего, грузеный присоленной рыбой и вполне довольный собой, он отбыл восвояси.

- Ну-ну, свежо предание, да верится с трудом, — подвела итог нормировщица, но наряд все-таки подписала.

Весь день Колька, стараясь остаться незамеченным, бросал короткие взгляды на Клавдию Семеновну и не переставал удивляться ее странной, притягивающей красоте. Иногда их взгляды встречались, и грудь Кольки

захлестывала жаркая волна. Он утыкался в бумаги на столе, а уши у него становились пунцовыми, как в детстве, когда их драл отец. Незримая ниточка протянулась от него к этой женщине, настолько тонкая и эфемерная, что посторонний никогда бы ее не заметил. Нормировщица иногда загадочно улыбалась про себя, видя Колькино смущение, но не подавала вида, разговаривая только по делу и вполне официально,

Днем накоротко перекусили в столовке и работали до самых звезд: бригад было много. Витька под вечер куда-то смылся, сказав, что у него срочные дела, чему Колька не очень поверил. «Поди к бабе какой подался, соколик», - подумал он.

- Хватит на сегодня, Коля, а то голова уже не варит, - сказала Клавдия Семеновна около восьми, поднимаясь из-за стола.

Она потянулась всем телом и у Кольки от увиденных прелестей кровь запульсировала в виске.

- Хватит, так хватит,— он сложил бумаги, стараясь казаться спокойным.

Они вышли из пустой конторы на свежий воздух, пахло хвоей и березовым дымком. Улица была безлюдной, все уже сидели у телевизоров, или занимались простыми, но такими нужными домашними делами.

- Ну, что, до завтра?

Колька выдохнул и решил. «Будь, что будет», - подумал он.

- Сейчас бы кофейку в самый раз, а то, что-то в горле пересохло.

Клавдия Семеновна внимательно и как-то странно посмотрела на Кольку и улыбнулась.

- Бедный. Ну, пошли ко мне, напою бедолагу.

В половинке вагончика, где жила Клавдия Семеновна, было светло и уютно, во всем чувствовалась женская рука. На маленькой кухоньке нормировщица усадила Кольку за стол, поставила на плиту чайник и вытащила из холодильника колбасу и сыр.

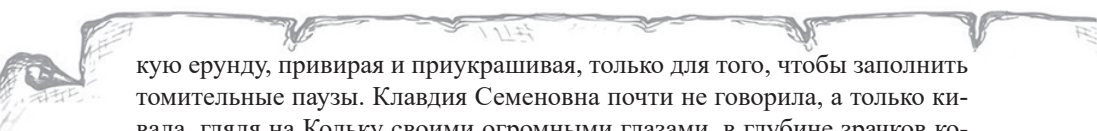
- Нарезь пока, тарелки на полке. Если хочешь курить, кури. — Клавдия Семеновна подала Кольке нож и вышла.

Колька начал резать колбасу и сыр, раскладывая все на большое блюдо, которое обнаружил в настенном шкафчике. Внутри у него все отпустилось, когда он увидел возвратившуюся на кухню Клавдию Семеновну. Короткий, шелковый халатик больше обнажал, чем скрывал, ее по-девичьи стройную фигуру. Низко открытая грудь так и притягивала взгляд. Она поставила на стол бутылку коньяка, две рюмки и банку растворимого кофе, после чего села рядом с Колькой.

- Давай по маленькой, что ли, день-то тяжелый был,— предложила она, на что ошарашенному Кольке только и оставалось, молча, кивнуть головой.

После выпитой рюмки он все же немного отошел и начал болтать вся-

кую ерунду, привирая и приукрашивая, только для того, чтобы заполнить томительные паузы. Клавдия Семеновна почти не говорила, а только кивала, глядя на Кольку своими огромными глазами, в глубине зрачков которых мерцали золотистые искры. После третьей она вышла в комнату и включила негромкую музыку, звуки которой как-то помалу разрядили напряжение, возникшее в атмосфере квартиры.

- Может быть потанцуем? - предложил слегка охмелевший и осмелевший Колька. - Музыка больно хорошая.

Клавдия Семеновна улыбнулась, кивнула в знак согласия, и, взяв его за руку, повела за собой. Колька послушно двинулся за ней, отрешаясь от смущения и груза сомнений. Ему стало легко и свободно, как будто он бывал в этом доме тысячу раз. Она положила руки Кольке на плечи, он плотно обнял ее за талию и они начали двигаться в такт музыке по серому, пушистому ковру. Кровь ударила Кольке в голову, когда он почувствовал упругие прикосновения ее груди и бедер. Он осторожно и нежно начал прижимать ее горячее тело к своей груди, ощущая его внутренний трепет и желание. Она не сопротивлялась, дыхание ее стало тяжелым и прерывистым, спина изогнулась аркой навстречу ему, а живот начал подрагивать. Медленно запрокинув голову, она закрыла глаза. Губы ее приоткрылись, и Колька сквозь клубящийся в его голове туман нашел их своими губами. Языком он раздвинул ее зубы и почувствовал ответное движение ее языка. Она отяжелела и почти повисла у него на плечах. Поцелуй длился бесконечно, пока Колька не осознал, что ему не хватает воздуха. Он оторвался от ее губ, хрипло дыша. Ее рука скользнула вниз, а пальцы начали торопливо растегивать пуговицы его рубашки и пряжку ремня.

- Погаси свет, - выдохнула она шепотом.

Колька на ощупь пошарил по стене рукой и щелкнул выключателем. Под халатиком у Клавдии Семеновны ничего не было. Подхватив обнаженную, почти падающую женщину на руки, Колька бережно, но решительно отнес и положил ее на диван. Он начал целовать ее тело сверху вниз, медленно спускаясь губами и языком по ее груди и животу, все ниже и ниже, одновременно едва прикасаясь пальцами правой руки к прохладной и гладкой коже на ее бедрах и тонким завиткам пуха на лобке. Она застонала и впилась ногтями в Колькины плечи. Тело ее начало конвульсивно изгибаться, упираясь пятками в шероховатую поверхность дивана. Пальцы Кольки скользнули чуть ниже живота и, найдя упругий узелок, начали ритмично массировать его. Женщина захрипела и впилась зубами Кольке в губу, прокусив ее. Он почувствовал вкус теплой, солоноватой крови.

- Ну, иди ко мне, дурачок. Скорее, скорее, давай я помогу!

Руки ее обхватили его ягодицы, подталкивая и прижимая их, раскинутые ноги переплелись с ногами Кольки, и он вошел в нее, теряя последние ощущения реальности. Она забилась под ним, как выкинутая

на берег рыба, бессвязно крича при каждом выдохе. Через минуту озноб пробежал по ее телу, и она затихла. Опустошенный Колька откинулся на спину, задыхаясь и глотая воздух широко открытым ртом. Немного полежав, она чмокнула его в щеку и, перевалившись через него, поднялась.

- Ты куда? – спросил Николай хриплым голосом.

- Коньячку выпьем? – как ни в чем не бывало, ответила она.

- Давай.

- Иди, наливай, а я пока простыню постелю.

Потом они пили коньяк, целовались, и все начиналось сначала. Ненасытность ее не знала границ. Колька то улетал в поднебесье, то вновь возвращался на землю, полностью покоровшись ее безумной страсти.

В два ночи Колька подошел к «заежке» и с удивлением увидел, что в окнах горит свет. В комнате находились Витька и какой-то незнакомый мужчина. Початая бутылка спирта и огрызки огурцов составляли натюрморт на импровизированном столе из двух сдвинутых вместе табуреток.

- Знакомся, Юрий Семенович, - Витька кивнул в сторону мужика, - зам по снабжению. А это - наш мастер.

- Николай, - Колька пожал протянутую руку.

- Ты где был, я тебя совсем потерял? – спросил Николая уже слегка пьяненький командир. - Куда, думаю, черти унесли?

- Да, тут с мужиками бражничали маненько, - неопределенно кивнув головой в сторону окна, ответил Колька, - засиделись.

- О, блин, а я тебя обыскался. Мы с Семоньчем стоношились, достали все, как положено, а тебя нет.

Колька изобразил на лице искреннее сожаление о потерянном попусту времени.

- Ладно, давай, садись, третьим будешь.

- За что пьем?

- Давай за знакомство, ты же с Семоньчем раньше не встречался.

- За знакомство, так за знакомство. Будем!

- Э, кончай косить, давай штрафную.

- Так я же уже.

- Это не с нами. Если уважаешь, то пей.

- Хрен с вами. Правда, завтра работы полно, как будем с большими головами париться?

- Работа не волк — в лес не убежит!

Проснувшийся часам к девяти Колька толком уже не помнил, чем закончилось застолье, и когда он уснул, сломленный усталостью и вином. На соседней кровати похрапывал Витька, не удосужившийся даже снять

сапоги. Обьедки и пустые бутылки так и красовались посередине комнаты. Колька поднялся, глотнул теплой минералки и толкнул спящего Витьку.

- А... что... - открыл мутные глаза командир.

- Подъем, на работу пора, — и Витька, собрав остатки вчерашнего пира, пошел в туалет.

Целый день они проверяли и правили оставшиеся наряды, изрядно очумев от бесконечных споров и цифр. Клавдия Семеновна вела себя непринужденно, на Кольку особого внимания не обращала, как будто ничего не было, и прошедшая ночь ему просто приснилась. «И правильно, кому нужны лишние пересуды», - размышляя о ее поведении, подвел итог Колька.

- Пойдем, перекурим, башка уже не соображает, - предложил Виктор Николаю.

Друзья вышли на улицу.

- Я вечером в Тымовское сгоняю, дела кое-какие есть, - сообщил приятелю Витька.

- А я?

- А ты тут подожди. Чего тебе сто верст мотаться?

Когда они, поужинав, вернулись в заежку, Витька побрился и сменил рубашку.

- К крале, что ли, едешь?

- Есть одна знакомая, приглашала.

- Местная?

- Нет, наша, москвичка, в зональном штабе доктором.

- Жениться, что ли, надумал?

- Кто его знает. Ну, ладно, будь, не скучай. Завтра утром подъеду, и рванем домой.

- А успеешь? Машина в десять отчаливает.

- Успею. Мы с Юрием Семеновичем на его персональном транспорте покатаем.

- Тогда счастливо.

- Сегодня в клубе танцульки, сбегай, а то вечер длинным покажется, - посоветовал на прощание Виктор.

- Не, прошлую ночь толком не спали, буду отдыхать.

- Ну, как знаешь. Захочешь дернуть — в рюкзаке есть.

- Лучше не вспоминай, и так полдня промучился.

Дождавшись, когда макушки сосен растворились в опустившихся сумерках, Колька надел куртку и не спеша двинулся в сторону знакомого вагончика, темные окна которого отражали свет единственного, горевшего в конце улицы фонаря. Он постучал и, услышав звуки шагов за дверью, внутренне подобрался.

- Кто там?

- Это я, Клава, - вполголоса ответил Колька.

Дверь бесшумно открылась, и он рассмотрел в темноте бледное пятно ночной рубашки.

- Заходи, только тихо, соседи услышат.

Он нырнул в тепло квартиры, мгновенно расслабляясь и забывая все, что осталось наружи. Снимая рубашку, Колька уже не ощущал той робости перед этой, теперь дорогой и желанной ему женщиной, которую она внушала ему еще вчера. Тихо звучащая музыка магнитофона заглушала ночные шорохи и скрипы, а терзающая его плоть женщина почти не удивляла своей изобретательностью и неумомимостью.

- Ты меня любишь? – спрашивал он.

- Конечно, люблю, дурачок! – смеялась она, откидывая голову.

- Поцелуй меня!

- Колька, прекрати, ты меня опять заводишь.

Утром они с Витькой на попутной машине уехали в лагерь.

Начало августа выдалось дождливым. Редко выпадал день-два солнечной погоды. В один из таких дней Витька предложил Николаю вместе с завхозом отряда сгонять за рыбой.

- Говорят, кета пошла. Я тут провел разведку среди местных: есть гиляцкая деревня, рыбхоз так называемый, километров тридцать в сторону от Тымовского.

- А, что, можно.

- Если будут звонить, искать, я тут что-нибудь придумаю.

- А транспорт где возьмем?

- Договорились с Лехой, он все равно в Тымовское завтра собирается.

Подъедет утром, часа в четыре. До места в общей сложности километров сто десять, думаю, к обеду доберетесь.

- Далековато.

- А ты, как хотел? Зато, говорят, места рыбные.

- Ладно, вечером обговорим поподробнее, - и Колька направился в сторону строящейся компрессорной, где шла забивка свай, и нужно было отстрелять нивелиром оголовки.

Вечером, когда появился завхоз Дима, уточнили, что брать с собой из провианта и вещей.

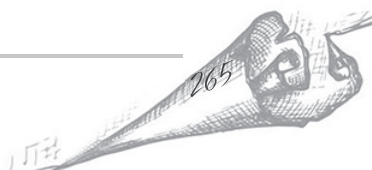
- Деньги там ни к чему. Берите ящик спирта, да сами поосторожнее, не нахрюкайтесь, а то еще утонете.

- Не учи, Витя, отца табуны пасти. Соображаем, что к чему.

- Да, не вздумайте там аборигенов гиляками называть. «Гиляк» японски — собака. Нивхи — народ гордый, ляпнете, что не так, фиг вам, а не рыба!

- Ясно все, учтем.

- Мешки есть под рыбу?

- Я из-под сахара опростал мешков шесть, - завхоз показал на рюкзак, - они с полиэтиленом внутри: течь не будут.

- Может перед сном за удачу, - задумчиво произнес доктор, - так сказать — посошок.

- Хорош, мужики, спать давайте укладываться — в четыре вставать. Посошок потом будет, когда с рыбой вернетесь.

Утром они загрузились в кузов битого-перебитого “зилка”, а кабину уступили двум девчонкам, ехавших в Тымовское на прием к зубному, больше всех таким раскладом был доволен Леха, водитель грузовика.

- Зубы там наверху не растеряйте, — Леха учтиво распахнул дверь в кабину. — Прошу вас девочки в салон.

В углу кузова, у кабины лежали четыре замызганных матраца, назначение которых Колька понял позднее. Сто километров щебеночной дороги были выщерблены ухабами, словно оспой, и через полчаса пути они с Димой распластались на ватных подстилках, так как позвоночник и кое-что еще не выдерживали непрерывных ударов скамейки. Лежа в кузове и разглядывая ослепительно белоснежные в утренних солнечных лучах облака, часа через четыре добрались до Тымовского. Девчат оставили в поликлинике, а в ближайшем магазине купили ящик спирта.

- Крепко, видать, гулять будете, мальчики! - скорее утвердительно, чем вопросительно, подытожила продавщица, отчитывая сдачу.

- Это — для дела, а сами мы, тетенька, не пьем, - Димка выглядел, как сама невинность, - нам родители не разрешают.

- Сколько ж тебе лет, ребенок, — продавщица с интересом взглянула на Димку.

- Пятнадцать, тетенька, съерничал завхоз.

- А выглядишь на все тридцать, - жалостливо покачала головой женщина.

- Жизнь у него тяжелая, - внутренне смеясь, вмешался в разговор Колька, показывая Димке кулак, - пошли, пацан, нечего людей от работы отрывать.

Забросив ящик в кузов, друзья, как культурные люди, угнездились в кабине.

- Ну, что Леха, тронулись?

- Поехали, еще часа два топать.

К обеду, петляя по лесной дороге, добрались до места. Поселок рыбхоза представлял собой два десятка щитовых домиков, расположенных одной улицей. Когда пыль, поднятая машиной, улеглась, Колька вышел из кабины и поразился тишине висевшей над поселком. Слышалось только воробьиное чириканье, да легкий шелест ветра в кронах сосен. На улице не было ни души. Даже рычание разворачивающейся машины, которую Леха загонял в тень,глохло в безмолвии.

- Слышь, Дим, похоже, тут мор прошел, — произнес Колька, бухая кулаком в дверь ближайшего домика.

От ударов не запертая дверь приоткрылась и Колька вошел в прихожую. Заглянув в комнаты он никого не обнаружил. Та же картина повторилась и в следующем жилище.

- Во, блин, куда же люди делись?— и они начали деловито осматривать все дома подряд.

Наконец, в одной из квартир, пропахшей сивушным запахом, (похоже, пили одеколон), они обнаружили две особи мужского пола, комплекцией больше схожих с детьми. Особи мирно похрапывали прямо на панцирных сетках ничем не застеленных кроватей. На столе красовались куски соленой рыбы, облепленные роем мух, и опорожненная посуда из-под водки и “Тройного”.

- Картина Репина “Не ждали”, - Димка начал расталкивать спящих мужичков даже не удосужившихся снять мятых пиджаков и ботинок.

Наконец, после продолжительных усилий, мужички начали подавать признаки жизни.

- Чего толкаешься, однако, - завершал один, протирая мутные глаза.

Второй сел на кровати и начал мотаться, как маятник, из стороны в сторону не открывая глаз вовсе.

- Подъем, мужики, петушок пропел давно!

- Зачем будил? - узкоглазый взгляд скользнул по Кольке и, остановившись на сородиче, вспыхнул злобой. - А, гад, ты все тут еще! - и низкорослый прыгнув через комнату, вцепился второму в волосы, пытаясь ударить головой о поручень кровати.

- Чего дерешься, урод!? - заорал собутыльник, обрабатывая кулаками живот противника.

Колька прямо оцепенел от такого поворота дел. И пока он размышлял, что предпринять, дело дошло до крови.

- Кончай, мужики! Вы что — белены объелись? - Колька с Димкой растащили бойцов по разным углам. - Успокойтесь, разве гостей так встречают? Хорош, хорош, не рыпайтесь.

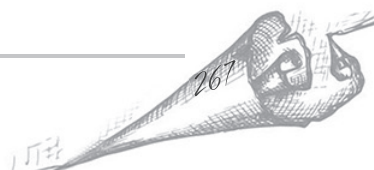
Мужички, тяжело дыша, уселись по обе стороны заваленного обедками стола, продолжая ворчать, и бросать друг на друга не сулящие ничего хорошего взгляды. Колька извлек из сумки бутылку спирта. В глазах мужичков загорелся неподдельный интерес. Явственно послышалось, как один из них сглотнул заполнившую рот слюну.

- Как вас звать-то, станичники?— спросил Димка, доставая пару банок тушенки. - Меня Дмитрий, а его — Николай. Как, насчет, поправиться?

На измятых, как их серые пиджаки, лицах аборигенов появилось подобие улыбок.

- Меня — Степан, - представился, как потом выяснилось, хозяин квартиры, - а его — Сашка.

Кадык у мужичка вновь звучно дернулся.

- Наливай, Никола, видишь, люди мучаются.

Колька плеснул спирта, бывшие враги выпили, не закусывая, глаза у них повлажнели и подобрели.

- Чего приехали-то? Однако, садитесь, - Степан смахнул с единственной табуретки крошки хлеба и пододвинул ее Кольке.

- Да, рыбки надо бы. Слышали, что кета пошла. А где у вас весь народ... рыбачит что ли?

- Рано за рыбкой приехали, однако, не пошла еще. А люди на сопку ушли, здесь гнуса много, а там продувает.

- Рано говоришь. Может, попробуем все же, вдруг появилась.

- Попробуем, отчего не попробовать.

- Повторим?

Выпили все вместе, закусив тушенкой. Достав "Беломор", Степан закурил, откинувшись на стену, и, пуская дым, глубокомысленно сморщил лоб.

- Рыбка, говоришь. Сашка, - обратился он к товарищу - найди Важенку, уважить мужиков надо, однако.

Сашка тотчас исчез за дверью. Лицо у Степана разгладилось, оживилось, и из темно-фиолетового превратилось в темно-багровое. Он явно обрел способность мыслить и действовать. Димка достал из сумки колбасу с помидорами и снова разлил на троих.

- Давайте, что ли, по маленькой?

- Ловись рыбка и мала, и велика, - Колька плеснул в рот обжигающую жидкость и закашлялся.

Степан захихикал.

- Однако, выдыхать нужно, а то подавишься!

- Закусывай, - сказал Димка, - а то быстро в голову долбанет. Где у тебя товарищ-то пропал? - повернулся он к аборигену.

- За бабкой пошел. Шибко старая бабка — все знает. Вы ее уважьте, когда придет. Важенка знает, где какая рыба гуляет. Лучше ее никто не знает, однако.

В эту минуту дверь со скрипом распахнулась, и в комнату ввалился Сашка вместе с черной, как будто подкопченной, худой и костлявой старухой, опирающейся на суковатую палку. «Ну, прямо, бабка Изергиль», - подумал Колька.

Старуха поздоровалась, обнажив темный, беззубый провал рта и бесцеремонно уселась за стол.

- Вот, бабка, люди за рыбой приехали, помочь надо, - сказал старухе Степан.

Старуха пожевала беззубым ртом, но ничего не сказала. Степан показал Кольке глазами на бутылку.

- Повторить надо, однако.

- А, не много будет, спирт все-таки?

- Нормально будет.

Николай разлил всем по немного, а бабке сразу полстакана. Бабка выпила, даже не поморщившись, и присосалась к помидору.

- Ладно, мужики, все это хорошо, - высказался завхоз, - а как насчет рыбки-то?

- Щас сети заберем и поедем.

Компания допила бутылку со спиртом, собрала закуску и двинулась по улице в сторону реки, блестящей за деревьями. Сашка сбегал куда-то и вскоре вернулся с мешком, набитым сетями. На берегу лежали две долбленки, которые нивхи живо столкнули на воду.

- Садитесь. Один сюда, а другой в ту.

Колька уселся на носовую доску и в ту же секунду почувствовал, как лодка неустойчиво зашаталась под ним, норовя опрокинуться. Судорожно вцепившись в борта, он сполз на дно. Сашка засмеялся. Бабка сноровисто забралась в лодку, Степан встал на корму с шестом, и посудина на удивление устойчиво заскользила по воде. Следом, горланя какую-то свою песню, гнал лодку, груженную сетями и Димкой, Сашка, ритмично работая шестом и раскачиваясь из стороны в сторону почти на грани возможного. Спустившись метров пятьсот по течению, лодки приткнулись к галечной косе.

- Вы здесь посидите, покурите, а мы с Сашкой пару плавов сделаем, - сказал Степан. - А ты, бабка, костер запали, однако, да чаю вскипяти.

Колька с Димкой вышли на берег, а Изергиль начала собирать вдоль воды плавник для костра. Нивхи разобрали сеть и уплыли за покрытый тальником остров рыбачить.

- Спички есть? - спросила бабка, соорудившая между двух больших камней очаг.

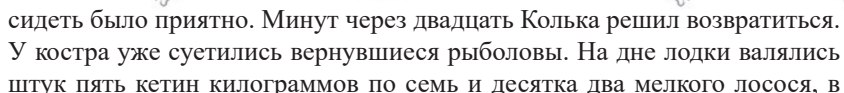
Димка протянул зажигалку. Пламя костра, почти без дыма, начало лизать котелок с водой, и через пять минут она закипела. Изергиль сыпанула в котелок почти полпачки чая и горсть собранных здесь же на берегу ягод шиповника, сняла его с огня и накрыла мешком из-под сетей.

- Покурим, однако?

Колька протянул ей пачку сигарет. Она выгребла из пачки сразу штуки три и, сунув одну в щербатый рот, с удовольствием затянулась, прикурив от глеющей ветки.

- Ждать надо, однако.

Ждать, так ждать. Колька решил прогуляться по берегу, но галечник метров через триста закончился, а берег исчез под нависшими кустами краснотала и наклонившимися стволами берез с подмытыми, узловатыми корнями. Он присел на валун, закурил и стал бесцельно глядеть на струящуюся у его ног, темную воду. По глади реки, то там, то тут расходились круги от играющей на закате рыбы. Прохладный ветерок сдувал гнус,

сидеть было приятно. Минут через двадцать Колька решил возвратиться. У костра уже сутились вернувшиеся рыболовы. На дне лодки валялись штук пять кетин килограммов по семь и десятка два мелкого лосося, в просторечии называемого «амуркой», размером чуть крупнее чебака.

- Рано, однако, не пошла еще рыба, - развел руками, оправдываясь, Сашка, - четыре плава сделали, а толку ни хрена. Недели через полторы пойдет, не раньше. Это еще только головы пошли.

Он деловито выпотрошил штук шесть «амурок», распластал их на камне, предварительно сняв чешую вместе со шкуркой, и присолил. Димка достал спирт.

- Ладно, что делать. Давайте за улов, да поплывем, а то уже смеркается.

Почти затемно они подплыли к деревне и к своему удивлению на берегу обнаружили толпу встречающих человек в пятьдесят. Нивхи были одеты, кто в национальные распашонки, кто в рабочую робу. Во главе, на поваленном стволе кедра восседал седой старик с длинной, жидкой бородкой и важно, не меняя позы, наблюдал за выгрузкой улова.

- Хозяин, - уважительно сказал Сашка, обращаясь к завхозу, - надо угостить.

Разочарованные уловом, Колька с Димкой спои́ли еще бутылки три спирта, по-видимому, самым уважаемым людям рыбхоза и, забравшись в кабину ожидавшей их полдня автомашины, выехали домой, провожаемые возбужденными криками детишек и своих новых друзей. К часу ночи добрались до Ныша, миновав Тымовское и срезав километров тридцать пути. Спину от тряски ломило, будто пришлось разгрузить вагон цемента. Колька попросил притормозить около заежки.

- Ты езжай, а я утром подъеду, - объявил он завхозу, не уточняя причины остановки.

Получив у заспанной и недовольно ворчащей бабы Веры ключ от гостиницы, он бросил в комнате сумку и направился в кромешной темноте к знакомому вагончику: единственный на улице фонарь и тот не горел. Колька тихонько постучал в дверь, и она открылась почти сразу, как будто его здесь ждали.

- Ты?

- Я.

- Проходи, только тихо.

Колька шагнул в темноту. Она посторонилась, пропуская его, и заперла дверь на щеколду.

- Раздевайся... Кушать хочешь?

- Нет, спасибо.

- Иди, умойся, а то от тебя рыбой несет. Ты откуда такой и в такое время?

- Гоняли с Димкой к гилякам за рыбой, правда, неудачно, — он попытался обнять ее.

- Иди, иди, умывайся, рыбачок, - оттолкнула женщина Кольку и, повернувшись, ушла в комнату.

А он заплескался у раковины, наполняясь тем светлым и пьянящим чувством радости, какое бывает только у счастливых и влюбленных людей. Присутствие этой женщины рядом, ее волнующий тёплый запах заставляли быстрее биться сердце. Предвкушая испытанные им доселе неизвестные, в чем-то даже стыдные ощущения, и, внутренне волнуясь, он утерся и шагнул навстречу судьбе.

К середине августа дожди закончились, и наступила несусветная жара. В тайге начались пожары. Каждый день новости приносили сообщения о тысячах сгоревших гектарах леса. Правда, их район Бог миловал. Работали круглосуточно, заканчивая противопожарную просеку и трелюя сваленный лес в штабеля. В суматохе дел Колька все никак не мог вырваться на базу управления. К тому же по Нышу пошла горбуша, и по вечерам они плавил сети, засаливая рыбу и закатывая в банки икру: нужно же было что-то привезти домой, а то был, мол, на рыбе, а вернулся пустой — нехорошо. Случилось и ЧП: загорелся строящийся двухквартирный дом, по разгильдяйству конечно. Ладно, вовремя заметили, потушили. Дом стоял почерневший от копоти и Колька, помяная всех чертей, подгонял командиров с обшивкой здания, чтобы, не дай Бог, не шокировать начальство, если оно вдруг неожиданно нагрянет.

На День студенческих строительных отрядов, а он совпадал с Днем строителя, выехали на автобусе целой командой в Тымовское, где провели день. Николай, как и все остальные, выступал в концертах, соревновался на заросшем травой стадионе в толкании ядра и отмечал неожиданные, радостные встречи со старыми друзьями из ХаБииЖТа. На обратном пути Колька планировал побывать у Клавдии Сергеевны, в Тымовском, но водила автобуса к вечеру набрался до соплей, и всем, прибывшим на праздник, пришлось ночевать в местной школе прямо на столах в старших классах: другого ночлега не нашли. Хорошо, что удалось договориться с директором школы, а то бы пришлось горевать на улице, у костра. Девчата, молодцы, где-то раздобыли огромный пирог с ягодой, а поскольку после девятнадцати ноль-ноль в магазинах по странному распоряжению местных властей продавали только спирт, то, несмотря на красноречие Димки, закатившего перед продавщицей целый концерт, пить пришлось его. Посидели, побренчали на гитаре, но усталость после длинного и утомительного дня вскоре свалила всех с ног. Утром разыскали очухавшегося водителя и, минув Ныш, уехали домой.

В конце месяца снова начались наряды и они с Витькой, собрав всю документацию, отправились в управление. Побывав у начальника и отчитавшись о проделанной работе, занялись зарплатой. В отделе труда к их

удивлению сидела незнакомая, молодая девушка и что-то сосредоточенно писала.

- Здравствуйте, а где Клавдия Семеновна?

- Здравствуйте! А ее сегодня не будет. Она подписала отгулы на неделю, но завтра, правда, обещала выйти. А, вы, наверное, от студентов. Меня прислали из треста подменить ее на эти дни. Но начальник просил ее закончить с вами, а бухгалтерии произвести расчет.

- А, как вас зовут?

- Зоя.

- Чайком не побалуете, Зоя, а то выехали рано, но завтракали.

- Сейчас, мальчики, вы пока располагаетесь.

Планы Кольки в какой-то мере рушились, но, в конце концов, не вечер, подумал он и принялся за работу.

Снова они до хрипа в горле доказывали объемы и расценки, выбивая отрядам деньги, теперь уже Зое. После обеда вышли покурить в тень, на скамеечку возле управления.

- С Семеновной потруднее было, - подвел промежуточный итог Витька.

- Так она все равно завтра перепроверять будет.

- Я думаю, особо копаться не станет: все-таки трестовский работник смотрел.

Они уже поднялись со скамейки, чтобы идти в ОТиЗ, когда Колька увидел показавшуюся из-за вагончиков шумную компанию: двух женщин, одной из которых оказалась Клавдия Семеновна, и сопровождавших их двух мужчин. Один, постарше — в плаще и шляпе, другой, лет тридцати — в модной джинсе. Громко смеясь, и перебивая друг друга, они прошествовали к вагончику нормировщицы и скрылись за дверью. До Кольки не сразу дошло, что он видел минуту назад, а когда дошло, ком подкатил к горлу, не давая дышать. Витька, заметив бледность в лице товарища, сплюнул.

- Ты что, Никола, брось! Все бабы — стервы, не бери в голову.

Колька промолчал, а Виктор продолжил мысль:

- Клавдия—дама аппетитная, простоя не терпит. Ты не первый и не последний, так что плюнь на нее, мало у нас, что ли, своих девах? Да, и на кой хрен тебе лишние проблемы? Баба с воза — кобыле легче.

Колька с усилием справился с собой.

- Это ты прав! Любовь — штука подлая! — мрачно произнес он.

- Какая к черту любовь! Ну, встретились мужик с бабой, ну, переспали, так на то и жизнь. Кончай хандрить, пошли, работать надо!

Часам к шести, после долгих и мучительных раздумий, Колька, наконец, решил про себя, что нужно делать.

- Витя, я на полчаса отлучусь, не теряй.

- Куда ты? — озабоченно взглянул на него Виктор.

- К шефу зайти надо, характеристику подписать и отчет.

- Давай! Только не задерживайся долго, надо сегодня успеть с нарядами закончить.

Колька вышел из конторы и решительно направился домой к Клавдии Семеновне. «Будь, что будет, - подумал он, - либо объяснимся – либо надо рубить концы». После продолжительного стука в дверях появилась слегка потрепанная и удивленная его приходом нормировщица.

- А, Коля, это ты! Чего тебе?

Колька даже не нашелся, что ответить.

- Ты знаешь, извини, у меня гости, - от нее пахло табаком и водкой, - поэтому не приглашаю. Ты не обижайся, приходи в другой раз.

Она коротко взглянула на побелевшего от негодования Николая, кивнула на прощание головой и захлопнула дверь. Колька, морально раздавленный таким приемом, еще с минуту постоял, не зная, что предпринять, потом быстро сбежал с крыльца вагончика и зашагал в сторону гаража.

- Семеныч!— открыв дверь в кабинет, приветствовал он снабженца. - Как жизнь? Не возражаешь?

Он прошел в помещение и присел на стул.

- Слава Богу! Конечно, не возражаю. Ты откуда такой взъерошенный, как воробей?

- У тебя, Семеныч, не найдется? – вместо ответа Колька выразительно пощелкал себя по кадыку.

- А, что за причина такая? Да еще в рабочее время. Может, вечера дождемся?

- Не спрашивай лучше, Семеныч, - ответил мрачно Николай, - Скажем — просто захотелось. Ну, так что, есть?

- Найдется.

- Пойдем к нам в заежку, посидим, а то одному тоскливо. Ну, так как?

- Это можно. Ты топай, закусь готовь, а я сейчас бумаги приберу и подойду.

- Добро.

Колька отправился в гостиницу, нарезал хлеба, колбасы, из холодильника достал банку соленых огурцов и шпроты. Перед глазами стояло бесстрастное лицо Клавдии: «Приходи в другой раз!» Фиг вам, мадам, нас тоже не на помойке нашли! Пропади все пропадом! Минут через пятнадцать нарисовался Семеныч.

- О, молодец! За что пить будем, - спросил он, разливая в стаканы.

- За любовь! Давай, Семеныч, за любовь, мать ее!

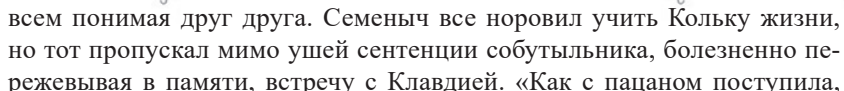
- А. . . - протянул снабженец, - понятно. Клавка что ли обидела? Ты не расстраивайся, Николай, лучше найдешь. А Клавка, она и есть Клавка!

- Да я и не расстраиваюсь, - Колька залпом выпил спиртное.

- То-то, а то, как в воду опущенный. Давай, наливай, легче станет.

Потом они пили, болтая о чем-то несерьезном, перебивая и не со-

всем понимая друг друга. Семеныч все норовил учить Кольку жизни, но тот пропускал мимо ушей сентенции собутыльника, болезненно пережевывая в памяти, встречу с Клавдией. «Как с пацаном поступила, стерва, - распаял он себя, подливая и подливая в стакан. - Ладно, сочтемся». Проснулся он от тряски, открыл глаза и увидел стоящего над ним Витьку.

- Ну, ты даешь! Когда успел набраться? Поехали, машина ждет.

- А наряды? - поднялся с койки, плохо соображая, Колька.

- Наряды закрыли, сдали в бухгалтерию. Послезавтра расчёт выдадут.

Собирайся, а то Леха скрипит, ему еще назад возвращаться.

- Без Клавдии, - удивился Николай. - И как это тебе удалось? А где Семеныч?

- Это ты с ним, что ли, налопался? Утопал, наверное, домой. Его чтобы свалить, ведро надо. Ну, что, пошли.

- Погоди, тут маленько осталось, а то я что-то соображаю плохо.

- Я пошел, давай в темпе.

Колька выпил, забрал сумку, вышел и запер дверь. Он последний раз взглянул на сигналивший окнами знакомый вагончик, прикурил сигарету, резко повернулся и полез в кабину “зила”.

Два дня прошли в суматошных сборах. Прибывший из отпуска про- раб принимал инструмент, заставлял складировать разбросанные по всей стройке материалы, и все грозился, что не подпишет обходной лист, пока на стройке не наведут должного порядка. В конце концов, все образумилось, и на прощальном ужине он уже целовался с Витькой, приглашая приезжать следующим летом.

- А ты, молоток, пацан, - хвалил он Кольку. - Получится из тебя строитель — не спасовал!

- Это ты правильно говоришь, Иваныч, - поддакивал ему Витька. - Ты, Коль, на следующий год сюда работать приезжай. Можно шефа попросить, он тебе вызов в институт пошлет. А то загонят по распределению к черту на кулички, а тут уже все свои.

Колька кивал головою, соглашаясь и с Федором Ивановичем, и с Витькой. Чем черт не шутит, может и вправду махнуть сюда. Но, вспомнив о Клавдии, тут же отбросил эту мысль.

Утром погрузили на машины вещи, и колонной двинулись в Ныш, где получили окончательный расчет. Вышло совсем неплохо. До обеда выдавали деньги отрядам. Клавдию Семеновну Колька видел только раз, мельком, издали, но намеренно отвернулся, как бы ни замечая.

- Уезжаете? - шмыгая покрасневшим носом, пискнула Наташка, которая завела быстротечный роман с командиром МВТУ, а сегодня роман этот так же стремительно заканчивался.

- Уезжаем, котик! Ты что такая смурная, ну-ка, давай, подберись, на ответственном посту все же.

- Все смеешься, Коля, - отмахнулась секретарша, но пудреницу достала.

- Шеф у себя?

- У себя... Заходи.

Колька толкнул дверь в кабинет начальника.

- Добрый день, Петр Сергеевич! Вот, зашел попрощаться.

- Здорово, Николай! Присаживайся. Деньги получили?

- Да, спасибо, все нормально.

- Ну, что тебе сказать на прощание? Поработал ты хорошо: и управление выручил, и сам опыта набрался. Так что отдыхай, а после института ждем.

- Спасибо на добром слове.

- Это тебе спасибо, - начальник поднялся из-за стола. - Давай пять, дорогой, счастливого тебе пути!

Они коротко, по-мужски обнялись, и Колька вышел. В приемной Наталья деловито наводила красоту.

- Ну, что, котик, давай поцелуемся, что ли, на прощанье? - Колька трижды расцеловал уже пришедшую в себя секретаршу, чмокнув ее напоследок в опухший от слез нос.

- Приезжай еще, Коля.

- Обязательно, дорогая, где еще таких красавиц сыщешь. Так что ждите!

Наташка не выдержала: женское любопытство взяло верх.

- А с ней попрощался?

- С кем это, дорогая?

- Как с кем, с пассией своей, — в голосе Наташки зазвучали язвительные нотки.

- С какой такой пассией?

- Да с Клавдией своей!

- Что было, то быдем поросло, — помрачнел Колька. - Жалко! Но за ошибки надо платить.

- Да, уж... — опять зашмыгала носом секретарша, вспомнив о своем.

- Ну-ну, слезы прекратить, - погрозил пальцем Колька, - а то любить не будут такую зареванную, - пошутил он. - Прощай, дорогая, но забывай!

Колька помахал рукой и шагнул за дверь. Выходя из управления, он почти налетел на крыльце на Клавдию Семеновну. Она посторонилась и подняла на Кольку свои бездонные глаза, всегда его завораживавшие, в которых в этот момент не было ни тени вины, или испуга, а только вселенская, женская грусть, извечная грусть русской женщины, провожающей своего мужчину. Колька едва справился с охватившим его столбняком.

- До свидания, Клавдия Семеновна! — он придал голосу бодрость. - Не поминайте лихом!

- Прощай, Коля! - она тронула его за рукав. - Удачи тебе и не держи на меня зла – другая у тебя дорога!

Опустив глаза, нормировщица быстро, не оглядываясь, шагнула в распахнутую дверь конторы. Колька постоял с минуту, приводя мысли и чувства в порядок, достал сигарету и двинулся в сторону машин, возле которых шла суета, сопровождающая отъезд.

- Ты что такой грустный?— спросил его затырканый суматохой и гвалтом Витька и, внимательно посмотрев на друга, все понял. - Садись в машину, отправляемся.

Отряды ехали железкой до Южно-Сахалинска, а оттуда самолетом до Москвы. Чтобы не терять суток, Колька решил остаться в Тымовском, и попытаться улететь из местного аэропортика, который имел сообщение с материком. Самолеты летали до Хабаровска, Совгавани, иногда до Петропавловска-Камчатского.

- Зря ты с нами не едешь, - Витька держал, не выпуская, Колькину ладонь, - билеты заказаны, в Хабаровске все равно посадка. Зря. Может, поедешь? А тут еще на воде вилами писано: улетишь, или не улетишь.

- Ничего, Витя, за сутки точно улечу. Счастливо вам, мужики, может, еще свидимся?

Он попрощался с каждым, глядя в их лица, с которыми свылся и почти сроднился за эти месяцы. Потом вскинул рюкзак на плечо и зашагал, не оборачиваясь, в сторону аэропорта, притулившись сразу за поселком, километрах в полутора от станции. Зелененькое, деревянное здание аэровокзала было битком забито пассажирами, пытающимися улететь куда-нибудь. Народ сидел и вокруг, на площади, кто на деревянных скамейках, а кто прямо на траве. «О-хо-хо! - вздохнул про себя Колька, - ситуация осложняется». Он огляделся вокруг и заметил стоящего поодаль, под деревом паренька в зеленой студенческой униформе с нашивками инженера отряда.

- Здорово! Давно тут паришься?— спросил, подойдя, Николай.

- С утра. Было два рейса, но все полнехоньки.

- Николай, - Колька протянул пареньку руку.

- Сергей, - ответил на рукопожатие студент.

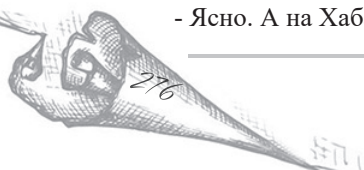
- Куда тебе лететь-то?

- Да, без разницы, все равно в Комсомольск отсюда не летают, так что поездом потом придется добираться.

- А что один?

- Телеграммой вызвали. Наши только послезавтра выезжают.

- Ясно. А на Хабаровск, что-нибудь намечается?

- Должно быть два рейса, часа через два, но их под отряды отдали: билетов нет.

- Утро — вечера мудренее, как говорится, - философски заметил Николай. - Пошли в кафешку, пожую пока, а то целый день маковой росинки во рту не было. Придумаем что-нибудь ближе к делу.

Они сходили в аэропортовское кафе, скушали по бифштексу, запив их вполне приличным сухим вином, и вернулись в аэровокзал. За время их отсутствия на площади обосновались два студотряда человек по тридцать. Свалив в одну кучу вещи, они живописно расположились вокруг: кто брэнчал на гитаре, кто курил, а кто просто лежал и смотрел в небо. Николай решительно направился в их сторону.

- Здорово, мужики, командира бы надо!

- Я командир, - высокий широкоплечий блондин поднялся с травы и шагнул навстречу.

- Откуда вы, ребята?

- Хабаровский политех.

- О, почти родня! А я из ХаБИИЖТа. Помогай, земля. Вещи надо в самолет протащить. С экипажем договоримся.

- А если не получится?

- Сдашь барахло в стол находок, заберем потом, не вечно же здесь торчать будем.

- Лады.

Через час, договорившись с экипажем, они сидели, ожидая взлета, закрытые в хвостовой части самолета, где уже ничего не было кроме дюралевых стенок и каких-то тросов. После того, как подняли трап, бортмеханик выпустил их в салон, приказав сидеть в проходе тихо и не болтаться по самолету. Трудяга ИЛ-14, начавший осваивать север еще до войны, разбежался по песку взлетного поля и, натужно ревя двигателями, начал набирать высоту. Полтора часа спустя он уже катился в густеющих сумерках по бетону Хабаровского аэропорта. Не дожидаясь штатного трапа, летуны спустили собственную алюминиевую лестницу и покинули машину, приказав на прощание дожидаться дежурную по вокзалу. Колька не стал дожидаться.

- Пошли, - сказал он Сергею, - а то тут еще час прождешь.

Они подхватили свои рюкзаки, попрощались с командиром отряда, поблагодарив его за помощь, и, спустившись на дышащий теплом дневного солнца бетон взлетного поля, бодро зашагали к горящему огнями зданию аэровокзала.

Предчувствие встречи с домом переполняло Кольку и все события этих двух долгих месяцев практики с каждым шагом становились призрачней, невесомей, бесследно исчезая до поры в укромных уголках его памяти.

Июль-август 2002 г.

Мост

*Моим друзьям, ветеранам железнодорожных
войск, бойцам и офицерам 224-го отдельного
мостостроительного батальона
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

На стене неказистого, облицованного силикатным кирпичом железнодорожного вокзала небольшого северного городка с названием, соответствующим незыблемому мироустройству нашей державы прошлого века, Советский, висит мемориальная доска. Доска сработана из когда-то белого, а теперь потемневшего от времени и непогоды, грязно-серого мрамора. С тех пор, как ее торжественно установили, никто ни разу не удосужился стереть въевшуюся с годами в камень креозотовую пыль. Не украсила ее и копоть от спящих мимо станции тепловозов, задыхающихся от тяжести грузовых составов.

Мало кому известно, да сейчас уже и почти невозможно без труда разобрать, что на доске написано. А тех, кому эти слова были дороги, у кого они вызывали неподдельную гордость, с каждым годом становится все меньше и меньше. Время летит стремительно, множа кресты на местном погосте. Оно отдаляет нас все дальше от тех шальных шестидесятых и семидесятых, оставивших неизгладимый след в жизни поколения задорных и бескомпромиссных молодых людей, которые пришли по зову сердца, осваивать эти дикие таежные края. Кто-то с умным видом, благо умничать и делать выводы по прошествии десятилетий легко и просто, вспоминает эти годы с брезгливой миной на лице, осуждая всё и вся. Дескать, брежневщина, годы застоя, о чем там можно вспоминать: совковая эпоха, короче. А для кого-то это время осталось временем главных в жизни свершений, молодого, комсомольского задора, временем любви, бескорыстной дружбы и безграничного счастья, наконец. Молодость – она неповторима, вне зависимости от того, какая на дворе стоит эпоха.

Пассажиры, сходящие на станции из прибывающих сюда поездов, не останавливаясь, сломя голову бегут на площадь у вокзала, чтобы захватить такси и не дожидаться, неизвестно сколько, рейсового автобуса. Им нет никакого дела до многочисленных рекламных плакатов, всевозможных объявлений и прочей яркой печатной мишуры, густо размещившейся на серых, в темных полосах от стекающей из проржавевших водосточков дождевой воды, кирпичных стенах. Особенно, когда на улице стоит зима. Когда мороз под тридцать, а то и круче, не дает возможности расслабиться, как летом, и покурить, где-нибудь на лавочке, в ожидании опаздывающего автотранспорта. И заметить в этом многообразии цветных форм и

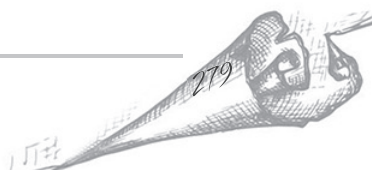

пятен что-то стоящее, что может заинтересовать любознательного человека, да еще на бегу, практически невозможно.

Отъезжая же куда-то: по делам, рыбачить на Обь, в командировку, или отдыхать на большую землю, местные жители, как правило, на привокзальной площади не бывают вовсе. Аборигены подходят и подъезжают к уже стоящему на перроне составу, и топают напрямик к своим вагонам, указанным в билетах. Благо стоянка длится более получаса, потому что на станции происходит смена локомотивов и локомотивных бригад из местного депо. После посадки времени хватает только на то, чтобы сбегать к вокзальному ларьку за бутылкой воды, или стаканом семечек, которыми рядом с тем же ларьком торгует одна и та же примелькавшаяся, а потому ставшая всем почти родной, старушка в пуховом полушалке. А особо отчаянные и озабоченные даже успевают за горячительным в магазин, расположенный через дорогу.

Прибывшие на очередную вахту нефтяники, как правило, сосредоточены и деловиты. На привокзальной площади их уже поджидают шикарные автобусы «Мерседесы» и опаздывать на них категорически не рекомендуется. Как не рекомендуется появляться в этих автобусах даже с легким запашком, не говоря уже о прочем. Боже упаси, дисциплина в нефтяной компании «Лукойл» железная. Шаг влево, шаг вправо – побег! И никто не станет разбираться, отчего ты сегодня не в себе: получи расчет и будь здоров! Этим людям тоже не до памятных досок, неизвестно когда и кем здесь установленных: предстоит неблизкий путь до таежных, вахтовых поселков на месторождениях и ежедневная, нелегкая работа на буровых и уже освоенных кустах. Туда, где, словно цапли, качаются вверх вниз противовесы скважинных насосов, выплевывая в проложенные трубопроводы горячую нефть, по двадцать четыре часа в сутки, без выходных и проходных.

Когда же вахта заканчивается, и автобусы вновь привозят на вокзал усталых, но довольных предстоящим многодневным отдыхом и свиданием с семьями людей, обрушившаяся на них свобода по самой своей сути не располагает к изучению местных, обычных для таких небольших городков достопримечательностей. Теперь можно отметить окончание трудовой вахты, как заведено издревле на Руси, и расслабиться до изнеможения, не беспокоясь о последствиях. Что, собственно, многие и предпочитают остальным занятиям в это оставшееся до отхода поезда время. Пассажиры стараются обходить стороной и держаться подальше от этих развеселых компаний подвыпивших, бородатых и слегка одичавших людей. Можно ни за что, ни про что наткнуться на неожиданные неприятности, которые никому не нужны. А серая, мраморная доска так и остается никем не прочитанной, темным, неприметным пятном на кирпичной стене.

И только, какой-нибудь, случайно оказавшийся на станции командированный, которому некуда девать время до отъезда и некуда податься, выйдя покурить из зала ожидания на свежий воздух, неожиданно наткнется удивленным взглядом на потускневшую, осыпавшуюся позолоту надписи, прочтет и удивится:

*Воинам-железнодорожникам и работникам Минтрансстроя
в честь пятнадцатилетия окончания строительства железнодорожной ветки Ивдель-Обь.*

А где-то ведь слышал, что в те времена это была одна из ударных, комсомольско-молодежных строек. Оказывается, и армия пахала! Хотя, если поразмыслить, в армии сплошная молодежь: призывают-то с восемнадцати. Потому и комсомольско-молодежная. Надо же! Даже памятной доской увековечили. Только, когда это было? Но, ведь, было же...

Глава 1

Осеннее октябрьское солнце скупо пригревало уже приготовившуюся к зимней спячке землю. Листва с берез почти облетела, и грязно-желтым, рваным ковром плыла по темной, ленивой воде реки с необычным для русского слуха названием Лозьва. Листья крутились в редких водоворотах, и то погружались в глубину, то снова всплывали, а местами сбивались мохнатой шапкой вместе с белой пеной у притопленных, лоснящихся черными боками стволов деревьев, рухнувших когда-то в воду на противоположном, заболоченном берегу. Корни их намертво вцепились в вязкую почву, не давая реке оторвать и унести останки бывшего леса вниз по течению. И все, что осталось бессильной воде, так это гнуть и трести их, злобно урча и взбивая клочья пены. Желтые свечки лиственниц и пятна красной меди, оставшейся на осыпавшихся осинах, слегка оживляли полинявшие краски лесного массива, простирившегося за рекой от боло-та до далекой, зубчатой и непривычно низкой линии горизонта.

Внизу, под нависшим косогором, бегая по дощатым мосткам, сооруженным вдоль узкой, галечной береговой полосы, зеки многочисленных местных лагерей баграми проталкивали сплавляемый по реке от биржи номер один к бирже номер два пиловочник. Биржи – это рабочие зоны лагерей, где сидельный люд раскряжевывал хлысты, пилил доску и грузил опилки для нужд своей необъятной страны, и где проводил все свое основное, назначенное судом для отсидки время, кроме сна, разумеется. Здесь, за колючкой, в цехах, балках, многочисленных кладовках и гадюшниках внутренний режим был много мягче, чем в жилых зонах. Можно было в короткие промежутки свободного времени что-то смастерить из дерева или металла, что широко практиковалось, а при известном фарте обменять у аборигенов на чай, сигареты, а то и водку. Талантов и светлых голов, как ни странно, водилось здесь превеликое множество. По специальному заказу умельцы

могли даже модные женские сапоги пошить не хуже импортных. А с сапогами в окрестных магазинах, да и везде, ну, разве, кроме Москвы, было туго, чего уж там. Как, впрочем, и со всем остальным.

По желтому песку и скрипящей под сапогами гальке, вдоль берега, неторопливо прохаживались вооруженные автоматами, одетые в серые шинели с красными петлицами солдаты охраны. Они лениво приглядывали за работающими, а их сержант, видимо начальник караула, присев поодаль на валун, задумчиво курил.

- Сейчас рыба должна хорошо клевать, - сказал Вячеслав, приподнимаясь с расстеленной на земле шинели и обращаясь к полноватому, рыжеволосому лейтенанту, который сидел рядом прямо на жухлой траве косогора и, запрокинув голову, подставлял солнцу покрытое густыми веснушками, обветренное лицо.

- А с чего ты взял? – повернулся к Славке лейтенант и с недавних пор его приятель Петя Панкратов.

- Осень. Самое время. У нас на Амуре у касатки осенью отменный жор, хватает, как бешеная, можно прямо с набережной ведро надергать. Мы всегда с отцом осенью в центральный парк рыбачить ездили.

- Так то – на Амуре...

- А какая разница?

- Фиг его знает! Может, здесь и рыбы-то нет. Видишь, всю реку топляками загадили, аж вода почернела. Соловьев! – крикнул лейтенант старшему из группы бойцов, отдыхающих недалеко в стороне у костерка с подвешенным над огнем чайником, - Погляди-ка, обед не везут?

Ефрейтор Соловьев лениво привстал, посмотрел на дорогу, ведущую в сторону поселка, и вновь уселся на бревно:

- Никак нет, товарищ лейтенант, не везут.

- Что-то Деряга запаздывает. Желудок уже совсем подвело.

- Часом раньше, часом позже, - Славка вновь прилег на шинель, - куда он денется?

- А вот тут ты не прав, Вячеслав! Война – войной, а обед – по расписанию.

- Тебе, Петя, диета не помешает.

- Ну, уж нет! Раз я отдаю долг Родине, то и Родина меня должна лелеять. Лучше быть толстым и здоровым, чем худым и больным, – Панкратов вновь взглянул на часы.

Дерягой офицеры прозвали меж собой командира взвода первой роты лейтенанта Евгения Деряжного, направленного сюда, в Першино, вместе со своими людьми для обустройства жилья и места будущего расположения техники и личного состава отдельного двести двадцать четвертого мостостроительного батальона железнодорожных войск. И первые роты батальона вот-вот должны были прибыть с места постоянной дислокации из

Советского, чтобы начать строительство нового, капитального моста через Лозьву взамен временного. А лейтенант Решетников Вячеслав Георгиевич вместе с лейтенантом Панкратовым прибыли сюда несколько позже и вот уже вторые сутки проводили рекогносцировку места будущего строительства, выносили оси сооружения и закрепляли на местности, рядом с объектом перенесенные с проектного репера высотные отметки. От бегов с теодолитом и нивелиром с утра до полудня по пересеченной местности оба прилично устали, а есть хотелось так, что сосало под ложечкой.

- Надо бы после обеда обетонить репера, а то до завтра не доживут: собьет какая-нибудь скотина ненароком.

- Обетоним. Тут еще и коровы бродят, будь они неладны, заразы, тоже могут затоптать.

- А с осью-то как? Что-то мне результат не нравится, постоянно ошибка секунды в три вылезает. Может, теодолит барахлит? Страхнули воины, поди, когда на машине везли.

- Осью завтра займемся, перепроверить еще раз придется. Завтра и закрепим. Надо только на базе обноски металлические сварить, а то я штырям этим арматурным не доверяю. Деряга придет, я ему нарисую. – Петя вновь подставил лицо солнышку.

Славка закрыл глаза, и уже было собрался задремать, как его тут же подняли возгласы повеселевших солдат. На дороге, ведущей от поселка, показался поднимающий густую пыль из-под колес ГАЗ-66 с кузовом, крытым брезентовым тентом. Еще через пару минут он взлетел на косогор и, лихо развернувшись, остановился. Из кабины выскочил среднего роста, молодцеватый офицер, перетянутый ремнями портупей, с сияющей улыбкой на лице.

- Привет, станичники! Не соскучились?

- Ты где пропал, орёлик? Тебе не икалось? А то мы тебя тут с Петей недавно поминали, – Вячеслав встал с шинели и протянул прибывшему руку. – Я тебя еще сегодня не видел, вроде бы? Здорово!

- Здоровее видели! – Женька крепко пожал протянутую ладонь. – Эй, бойцы, - обернулся он к солдатам до сих пор все еще топчущимся у костра, - быстро разгрузили термосы, обед приехал! Ну, как вы тут? – вновь обратился он к лейтенантам.

- Да у нас все нормально, - поднялся, отряхивая шинель от прилипшей к полам травы, Панкратов. – Тебя вот только заждались, голубок ты наш. Понимать должен – обед уже сорок минут, как начался!

- Ладно, Петя, тебе полезно. А то скоро в портупее дырку новую колоть придется.

- Чего вы меня со Славкой воспитываете оба? Требуется организм – значит надо!

- Да ладно, не бухти! Стешенков задержал. Повис на телефоне: что, да как? Почти целый час о жизни беседовали. Послезавтра третья рота с техникой прибывает, вот и беспокоится старик, что жилье подготовить не успеет.

- На то он и начальник штаба, - рассудительно заметил Панкратов, - ему по службе беспокоиться положено. Пошли обедать, Слав, бойцы вон уже трескают во всю, а у нас ни маковой росинки во рту до сих пор. Остынет все, холодное жрать придется.

- Фу, Петр! Как это вы некультурно – жрать! А еще высшее образование! Как там, в уставе написано: лаконично и совершенно точно – принимать пищу, - нравоучительно заметил Деряжный.

- В каком еще уставе? Я что-то не припоминаю, - спросил Вячеслав, режа хлеб.

- Не заговаривайте зубы, Женя, нас этим не проймешь, - Панкратов с миской борща в руках пристроился на лежащую в жухлой траве шпалу.

- Ты с нами? – спросил Славка Деряжного.

- Не, я в расположении подкрепился. А вы тут как, еще надолго застряли?

- На пару часов дел.

- Ладно, пообедайте, а я к зекам пока летаю.

- На кой они тебе?

- Нигматулин нож заказал с кнопкой. Даже чаю пять пачек прислал вместо двух. Спер со склада, поди. Пойду, поторгуюсь. Хочу своему отцу тоже охотничий нож заказать, три пачки как-никак имеем сверх таксы.

Старшина, сверхсрочник Нигматулин, заведовал в Советском складе продовольствия батальона и был человеком во всех отношениях уважаемым и полезным. Весь офицерский молодняк, скоренько прикончив выдаваемый ежемесячно доппаек, крутился затем вокруг ушедшего старшины. Тушенка со сгущенкой – они и в Африке тушенка со сгущенкой. Так что, постараться стоило. Славка с Панкратовым продолжили обед, а Женька спустился к реке вести предварительные переговоры по поводу приобретения вышеупомянутого колющего и режущего оружия сначала с сержантом, а потом и с зеками.

Пообедав, лейтенанты вновь вернулись на косогор, и Славка с удовольствием затянулся беломориной. Петя Панкратов не курил принципиально, хотя, в не полных тридцать лет у него над ремнем начал проявляться и расти солидный такой животик. Но, в общем и целом, при его росте в сто восемьдесят сантиметров вид он имел вполне солидный, вызывающий у окружающих заслуженное уважение. Призвался на службу Петр почти на год раньше Вячеслава, из Ленинграда, где уже работал лет пять после окончания института в каком-то приличном КБ, был женат и даже имел чудненькую дочку трех лет. Поэтому

в их паре он чувствовал себя старшим, хотя оба состояли при штабе, а точнее при техническом отделе, инженерами-мостовиками. Военкомат призвал Панкратова, когда ему оставалось пару, тройку месяцев до того срока, после которого лейтенантов запаса в армию уже не берут. Поэтому он до сих пор с удивлением и некоторым недоумением воспринимал крутые изменения в своей уже налаженной и размеренной жизни, и материл про себя, да и не про себя тоже, не в меру рьяного и исполнительного военкома. Мог бы и забыть еще на полгода, что есть такой Петр Панкратов. А что теперь? Карьерный рост приостановился, жена с дочерью остались в Питере, а он, перспективный работник известного конструкторского бюро, месит грязь и глотает пыль в какой-то Тмутаракани за Уральским хребтом. Да, ладно, все это можно еще пережить, но вот без семьи тоскливо.

- Тоска, - говаривал он, особенно по вечерам, когда делать было нечего, а податься в этой дыре, практически, и некуда. - Это вам не Питер, господа офицеры!

- Не ной ты, Петя! - останавливал приятеля никогда не унывающий Деряга. - Больше пол срока отмотал, чего нить? Вызови жену, в конце-концов, веселее станет.

- Не может она пока, - мрачнел Петя, - да и дочка болеет часто. А в нашем Мухосранске, сам понимаешь - ни витаминов, ни врачей толковых!

- Как это, нет витаминов? Вы что-то Петр путаете, - не унимался Женька. - А брусника? А клюква? Я уже про грибы молчу.

- Я их не сажал, и рвать не собираюсь! А в грибах, по-моему, никаких витаминов и нет, насколько мне известно.

Вячеславу всего этого было не понять. Не было у него ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Он привык к переменам в жизни. Отец у него служил военным летчиком, и пока семья моталась по стране, обживая то один, то другой гарнизон, Славка вырос, окончил одиннадцать классов и поступил в институт. Родители переехали в очередной город, а он остался доучиваться с третьего курса в Хабаровске. Окончив институт, он с группой приятелей незамедлительно рванул на заработки под Магадан, на берег Охотского моря, подзаработать денег на первое время. Здесь и нашла его повестка из военкомата, шедшая в эти благословенные края почти месяц. Дней десять он добирался до Хабаровска: не было ни погоды, ни транспорта. Кое-как удалось пристроиться на какую-то грузопассажирающую шаланду до Николаевска, а там, подкормив билетерш шоколадом, купить билет на самолет.

- Посажу! - попытался орать потерявший его военком. - За уклонение от исполнения воинского долга!

Но Славка сунул ему под нос справку о вынужденной задержке в связи с отсутствием транспорта, которой мудро запасся в поссовете Аяна,

где ожидал судна до Николоевска-на-Амуре, и тот, еще попыхтев, как вскипевший, но уже выключенный на плите чайник, успокоился:

- Выдай ему направление и требование на билеты, - скомандовал он миловидной девице, сидевшей за столом в третьем отделе, - пусть катится к чертовой матери! А ты, - повернулся он к Славке, - покупай билеты и дуи в Свердловск, там тебя заждались!

Выскочив из военкомата со всеми сопроводительными бумагами, Славка успокоился и, покумекав немного, решил, что на поезде пятеро суток станет мучиться только кретин, а, если доплатить немного, можно улететь и на самолете. Четыре дня в родном городе лишние что ли? Можно, ох как хорошо, провести время! Благо, деньги у него после Аяна водились и немалые. Он тогда так и поступил: покуролесил маленько, пивка попил, с девочками погулял. А потом, распрощавшись со всеми, за пять часов без забот и хлопот долетел до Свердловска. В итоге всех этих случившихся с ним перипетий Вячеслав и появился в части позднее всех таких же, как он, двухгодичников месяца на два...

Славка отбросил потухший окурок в сторону. По косогору от реки поднимался лейтенант Деряжный.

- Ну, как, договорился?

- А то! Все в лучшем виде. Пять пачек чая, и завтра к трем часам товар будет доставлен, можно получать.

- Интересно, как они с охраной договариваются? – задал вопрос Панкратов, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Дьявол их знает, - присел рядом на траву Женька. – Это их дело. Наверное, охрана тоже что-то имеет от этого, а то фиг бы к ним сунулся просто так. А потом, они же фактически вместе сидят, только по разные стороны забора. Сроднились, поди.

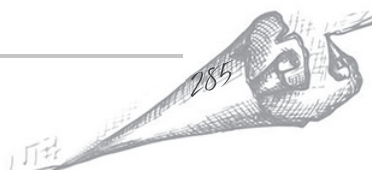
- Это точно, – поднялся с травы Вячеслав. – Ну, будем заканчивать перекур? Часам к пяти закругляться надо.

- А куда торопиться, - зевнул Петя, - успеем.

- Хорош расслабляться, бетон на реперах прихватиться еще должен. А то вся работа – козе под хвост! Бойцы! – рявкнул Славка в сторону солдат. – Подъем! Быстро рою ямы и бетоним репера!

Солдаты во главе с ефрейтором неторопливо поднялись, разобрали инструмент, носилки и отправились выполнять приказание, вбетонивать в грунт чуть в стороне от оси будущего моста полутораметровые обрезки рельсов.

- Ладно, - поднялся Панкратов, - давай от переезда еще раз пробежимся, перепроверим отметки. Женя, держи! Я тебе тут эскиз обноски набросал. Надо будет сварщикам скомандовать, чтобы к завтрашнему дню изготовили. Пару кусков уголка найдешь?

- Найду, конечно.

- Вот и ладненько. Пошли, Слава!

- Ну, я тогда поехал, мужики. Что начальству доложить, если будет названивать? – Женька надел фуражку и тоже поднялся, отряхиваясь.

- Доложи, что работа идет полным ходом, - Славка закинул на плечо рейку и, взяв нивелир, двинулся в сторону поселка к видневшемуся в километре переезду. – Петя, треногу не забудь.

- Опять мне самое тяжелое досталось, - заворчал Панкратов, но все же подхватил треногу и тронулся вслед за Славкой.

- Не задерживайтесь долго, вечером в «Лозьву» сходим, – крикнул вслед им Деряжный, забираясь в кабину «газона»...

«Лозьва» - одна из местных достопримечательностей поселка Першино, ресторан на центральной улице, расположенный в одноэтажном, каменном здании. Женька, который находился здесь почти три недели, отзывался об этом заведении весьма положительно:

- Лоска, конечно, маловато, но кормят довольно прилично, есть что выпить и чем закусить. Вот с дамами – хуже, контингент тут в основном из-за забора: не слишком целомудренный и довольно потрепанный. Половина населения – бывшие зеки, которых выпустить-то выпустили, но вот далеко отъезжать не разрешили.

Один раз, накануне, они все же сходили вместе сюда поужинать, выпили поллитра, и Женька познакомил их с официантками, как уже бывалый завсегдатай ресторана:

- Кстати, в кредит обслуживают, - доверительно сообщил он.

- Зоя, - представилась светловолосая женщина лет тридцати в белом передничке.

- А это Клава, - Женька взмахом руки поприветствовал полноватую, маленькую брюнетку, обслуживающую соседний стол, которой, по меньшей мере, как на глаз определил Славка, было под сорок.

Та в ответ приветливо кивнула Женьке головой. В двадцать три года, которые исполнились Славке в июне, дамы показались ему не то чтобы старыми, но достаточно перезрелыми. После тридцати все люди представлялись ему пожившими уже вполне, чтобы не видеть для себя в жизни никакой перспективы. Что дальше? Старость и пенсия. Конечно, это никоим образом не касалось Пети Панкратова. Хотя тому и было около тридцати, Славка ощущал его, как равного, приятеля и соратника по общему делу. К тому же лейтенант Панкратов был человеком высокого воспитания, и никогда не давал повода, чтобы офицеры, которым было гораздо меньше лет, чем ему, чувствовали себя перед ним сопликами, не нюхавшими пороха.

- Староваты у тебя приятельницы, - подколот тогда Славка Женьку, - нафталином отдаст!

- Дурак ты! Какие они мне приятельницы, - обиделся Деряжный. – Только вот, когда здесь мест не будет, ко мне не обращайтесь.

- Ладно, не обижайся, - примирительно хлопнул товарища по плечу Вячеслав, - вполне приличные женщины. Будем дружить!

- А блондинка – вполне! – заметил Панкратов.

- Ба, а где же, Петр, ваши высокие моральные принципы? Да и жена, как я понимаю, обидеться может, - подколот приятеля Деряга.

- Балаболы вы! – отмахнулся смущенный Петр. – Балаболы и кобели!

...Часа два они вместе с Петром шли от переезда до моста, представляя нивелир примерно через каждые сто метров. Местность была холмистой, с уклоном в сторону реки, и сделать нивелировку длинными плечами не представлялось возможным. Панкратов что-то сосредоточенно писал карандашом в тетрадке в клетку, хмыкая под нос каждый раз, когда расчеты не совпадали с предыдущими:

- Не прет сантиметра на четыре.

- Да бог с ними, с четырьмя сантиметрами, не четыре же метра. Что тому мосту делается. Ну, будет на четыре сантиметра выше, или ниже, паводком все равно не смоег.

- Так-то оно так, но точность – вежливость королей! Мост – это сооружение солидное и уважаемое: капитальный ремонт раз в сто лет! – поднял палец вверх Панкратов, и снова углубился в расчеты, что-то сосредоточенно чиркая карандашом в тетрадке. – Поэтому, относиться к нему надо серьезно. Ладно, - подхватил он нивелир. - Потопали дальше. Давай, ты с рейкой дуй на вон тот бугорок, а я на соседний.

Когда они добрались до реки, бойцы уже закончили работу, забетонировали в стороне от оси будущего моста, там, где указал Славка, метрах в двадцати друг от друга, два обрезка железнодорожных рельс, и вновь сидели у костерка, попивая чай.

- Все сделали в лучшем виде, товарищ лейтенант! – отрапортовал, привстав, ефрейтор.

- Молодцы! – Славка установил рейку сначала на один репер, а когда Панкратов снял отсчет по нивелиру, на другой.

Петька закончил чиркать по бумаге, жирно обвел карандашом полученные высотные отметки и сунул тетрадь в карман:

- Шабаш на сегодня.

Солнце уже клонилось к закату. У самого горизонта полоса неба приобретала переходящую в фиолетовую окраску, предвещая завтра ветер и дождь. Славка начал складывать нивелир в футляр, а бойцы – инструмент и носилки в будку, сваренную из выкрашенного в зеленый цвет листового металла и поставленную специально рядом с маленьким, беленым домиком охраны временного моста, для пригляда за имуществом. Временный мост был сооружен параллельно оси будущего, капитального, на пологой

кривой. Сделано это было для того, чтобы в процессе предстоящего строительства не препятствовать передвижению железнодорожных составов с грузами, идущими в сторону Приобья и обратно.

Мост стоял на деревянных сваях, а в качестве опор использовались брусчатые, пропитанные креозотом рамы, стянутые стальными болтами. Пролеты были выполнены из стальных решетчатых балок, являющихся инвентарным имуществом железнодорожных войск, о чем гласили надписи, выполненные по металлу светлой краской. Поезда шли по мосту со скоростью черепахи, не более пяти километров в час. Мост скрипел и охал под тяжестью составов, везущих в одну сторону лес, а в другую строительные материалы, щебень, дорожные плиты и черные, изолированные полиэтиленовой пленкой трубы почти метрового диаметра для будущих магистральных газо- и нефтепроводов.

Обходчики ежедневно осматривали мост, а при необходимости и латали, подтягивая ослабевшие болтовые соединения. Временный, он на то и временный, чтобы служить до какого-то положенного ему срока. Видимо, срок этот подошел, вот кто-то там, наверху и отдал распоряжение о начале нового строительства. Потому все они, и Вячеслав в том числе, волею судьбы и командования оказались сегодня здесь, за сто восемьдесят километров от расположения батальона, мельтеша и суетясь туда-сюда между рекой и поселком. Хотя, работа – есть работа! Для того их и призвали...

Славка передал нивелир Соловьеву с напутствием беречь инструмент, как зеницу ока, велел тщательно залить костер и отправляться на базу:

- Передай лейтенанту Деряжному, что мы ждем его в общежитии. И завтра к девяти, как штык, быть на мосту. Да... Там сварные обноски для оси приготовят, не забудьте загрузить. Деряжный покажет, - ответил он на вопросительный взгляд ефрейтора.

Бойцы тронулись по дороге вдоль железнодорожного полотна в сторону поселка, а они с Петром, немного отстав, пошли следом. Ветерок тянул в сторону иловых полей местного гидролизного завода, и специфическая, нестерпимая вонь от сброшенной на поля барды, была не такой резкой, как обычно.

- Ну, что, в ресторан пойдем вечером, или как? – спросил Вячеслав Панкратова.

- Не хочется что-то. Может, лучше в кино сходим?

- Что за кино-то?

- Да не знаю. Какая разница!

- А ужинать? Сам же говорил, что война – войной, а обед – по расписанию.

- В общаге можно перекусить. Тушенка есть, сало, а хлеба в магазине прикупим. Что-то не хочется тащиться в расположение через весь поселок.

Жили они с Петром в одной комнате общежития гидролизного завода, куда их временно поселило местное руководство по просьбе командования, до того пока не организуется собственное жилье. А Деряга жил со своим взводом в палатках за поселком, на другой стороне, у заброшенного карьера, куда до этого много лет подряд свозили отходы деревообработки. Здесь же организовали и полевую кухню. Задачей взвода было привести в порядок и подготовить к зиме два заброшенных и полуразрушенных барака и дом. В зданиях этих, когда-то располагались контора и еще какие-то службы нижнего склада давно пришедшего в упадок леспромхоза. В бараках планировалось разместить личный состав участвующих в строительстве рот, в доме – офицерское общежитие и штаб. Но пока ремонт их еще не был закончен, жить приходилось в палатках.

Не успели они поужинать, как нарисовался Женька:

- Ну, как вы тут живы здоровы? В кабак идем?

- Садись, сало пробуй, - Петр быстро соорудил бутерброд и протянул его Женьке.

- Да я только что поужинал на базе, - начал было отказываться лейтенант, но Панкратов приказал ему:

- Ты попробуй сначала. Меня Лошакс угостил перед отъездом, а ему это сало жена прямо из Латвии доставила.

Лошакс, старший лейтенант и замполит второй роты в настоящее время был в Советском, как и большинство офицеров батальона. Старлей был чистокровным латышом и даже говорил с присущим всем прибалтам акцентом. Жена у него тоже была латышкой. Славка видел ее однажды мельком и был сражен наповал красотой этой женщины. Да и сам Лошакс был молодцеватым, холеным мужиком, ростом под метр девяносто. Когда они вместе с женой проходили по улице, люди невольно оборачивались и провожали взглядом эту пару, настолько они были под стать друг другу.

- Мы тут с Петром решили в кино сходить. С нами не желаешь? – спросил Славка.

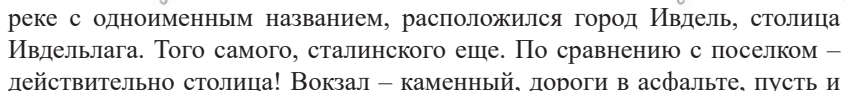
- А что за картина?

- Что-то о Питере. Панкратова тоска по родине и семье заела, очень хочет насладиться видами родных пенатов и нытьем столичной интеллигенции. Ну и нас приглашает компанию ему составить.

- А что! Можно и сходить, а то, как дикари, кроме танцев да ресторана, ничего не видим.

- Вот тут ты, Женечка, абсолютно прав, - резюмировал Панкратов и, поднявшись, начал надевать шинель. – Собирайтесь, уже половина седьмого. А то опоздаем по вашей милости...

Першино – небольшой поселок с населением не более трех тысяч человек. А сколько еще народу сидит в многочисленных лагерных зонах вокруг поселка... Километрах в десяти по щебеночному шоссе, на

реке с одноименным названием, расположился город Ивдель, столица Ивдельлага. Того самого, сталинского еще. По сравнению с поселком – действительно столица! Вокзал – каменный, дороги в асфальте, пусть и растрескавшемся. Имелась неплохая пельменная возле речки, куда они компанией ездили однажды полакомиться после надоевшей армейской пицци настоящими сибирскими пельменями. Вполне приличный Дом культуры с гипсовым Лениным при входе принимал иногда известных артистов из области, а то и центра. Надо же горожан, не видевших ничего, кроме глухих заборов с колючкой поверху, чем-то еще потчевать. А здесь? Хиреющий леспромхоз и гидролизный завод – вот и все, чем жил поселок. Ну, если не считать ресторана, почерневшего от времени бревенчатого кинотеатра и неказистого клуба.

Гидролизный завод среди местного населения, в основном бывших зеков, пользовался особым уважением и почетом. Спирт он выпускал для промышленных нужд из древесных опилок, отходов тех самых лагерных бирж. Но при соответствующей, несложной очистке спирт годился и для внутреннего потребления. Славка сам убедился в этом, угощаясь у новых местных знакомых Деряги. Правда, спирт, налитый в стакан, издавал точно такой же запах, как открытая баночка свежей сапожной ваксы. После того, как Славка выпил содержимое, ему показалось, что он проглотил горсть мелких гвоздей, а когда они с царапаньем прошлись по пищеводу и попали в желудок, мгновенно зашумело в голове, как после приличной дозы.

- Не подохнем? - спросил он тогда, отдышавшись.

- Еще никто не помер, - спокойно ответил Виктор, новый знакомец Деряжного, мастер леспромхоза. – А вот очищенный, из лаборатории, вообще, от медицинского не отличишь. Жестковат, конечно, но на безрыбье, как говорится, и рак – рыба!

Когда на заводе проводились регламентные работы по чистке перегонных аппаратов, и содержимое их сливалось, завод становился похожим на муравейник. Туда и обратно через многочисленные щели в заборе сновали люди. Кто волок за собой канистру, кто тащил флягу, а кто-то нес на вытянутых руках, соблюдая осторожность, обыкновенную ведерную кастрюлю. Руководство предприятия пыталось бороться с несунями. Дыры в заборе латались, обтягивались колючей проволокой, но перед следующим регламентным обслуживанием, как по волшебству, возникали вновь. И вновь алчущий люд тащил по домам опасное пойло. Да и какого страждущего испугаешь возможными последствиями.

...После просмотра кинофильма, когда они вышли на улицу, Славку охватили сложные чувства. Убогость и серость окружающей их действительности, к которым они уже привыкли и с которыми как-то смирились, проступили вокруг воочию и осязаемо. Великолепие и изысканность дворцов и каналов Ленинграда начала шестидесятых годов, промель-

кнущих на экране, разбудили в душе желание вновь пройтись по асфальту городских площадей, услышать знакомые звуки трамвайных звонков, увидеть гирлянды фонарей вдоль улиц. Панкратов с Женькой шли рядом и тоже молчали. Каждый думал о чем-то, о своем, навеянном нехитрым сюжетом. Как недоступно далеко остались их родные города, в каком-то нереальном прошлом.

- Хорошо в городе, - мечтательно подытожил Деряга.

Сам он был из Новосибирска и попал сюда месяца три назад после окончания железнодорожного института. В институте он успел жениться, но жена осталась в городе с мамой, так как ей оставалась учиться еще год до получения диплома.

- Чего приуныли, касатики? – вновь нарушил молчание Женька.

- Хорошо, - вместо ответа поддержал приятеля Панкратов. – А знаете, мужики, пошли в магазин, коньячку прикупим и посидим у нас культурно. О жизни поговорим, а то тоска какая-то непонятная после этого долбаного фильма. Вы как?

- Я со всем нашим удовольствием! – поддержал Панкратова Женька. – Вот только с грошами не очень. До получки, как до Москвы пешком. Может, за спиртом слетать?

- Да ну его к черту! – сплюнул под ноги Петр. – Пьем, черти что, здоровье гробим! Витя Абрамян тут в лаборатории на заводе был, говорил с девушками. Так в этом самом спирте – и муравьиная кислота, и скипидар, и альдегиды какие-то! А мы лопаем, желудки обжигаем.

- А мастер говорил, что из лаборатории – как медицинский!

- А где ты его из лаборатории-то возьмешь? Не, ребята, хочется чего-то такого, возвышенного! Приличную жизнь, короче, вспомнить.

Славка пошарил по карманам:

- Шесть рублей. На, держи, - он протянул деньги Петру.

- А у меня рубль с небольшим, - сокрушенно вздохнул Женька.

- Не гоните волну, господа! – Петр извлек из внутреннего кармана шинели портмоне, а оттуда – несколько новеньких десяток. – Я угощаю, голодранцы, можете не суетиться!

- Откуда такие деньги, мистер Дюпон? – спросил удивленный Славка.

Он прекрасно помнил, что до зарплаты еще почти неделя, да и разгуляться на лейтенантский оклад семейному человеку, такому, как Петя, трудно.

- Любовь нечаянно нагрянет, - пропел баском Петр. – Премии за прошлые дела из КБ прислали. Не забыли, мазурики, помнят.

- Да ты что!

- Вот тебе и что! Год назад должны были получить, да все начальство тянуло, ждало каких-то заключений. Но, скорее всего, – свою долю.

- Это очень кстати, что начальство подсуенилось, - мгновенно повесе-

лел, не умеющий грустить долго, Женька, - давайте тогда быстрее, мужики, а то магазин точно закроется.

Через полчаса они сидели за столом в комнате общежития и весело болтали, вспоминая интересные случаи из своей прошлой, уже такой далекой жизни и обсуждая текущие проблемы, возникающие как всегда не вовремя. Часам к двенадцати коньяк закончился, и Деряга засобирился на базу:

- Пойду я, мужики, поздно уже. Пора домой топать, а то мои бойцы потеряют меня. Да и начальство может хватиться.

- Какое начальство, Женя? – зевнул Петр. – Двенадцать часов ночи, спят все. Ложись, вон койка свободная.

- Не, мужики, не могу. Все равно с ранья бежать придется.

- Ну, как знаешь, - вновь зевнул Панкратов.

- Да что с ними будет, с бойцами твоими? – Славка накинул шинель на плечи. – Пошли, раз уж топать решил, я тебя провожу.

Когда они распрощались с Женькой, и он растворился в темноте ночи, Славка закурил и с удовольствием затянулся. Стоял легкий морозец, но ветер стих, пахло опавшей листвой. Яркие звезды, мерцающая на небе, подмигивали Славке, дескать, не дрейфь, пацан, все в жизни будет тип-топ. Вячеслав глубоко вдохнул, улыбнулся неизвестно чему, придавил окурочку каблуком.

Закончился день. Что-то принесет завтрашний?

Глава 2

Закинув неподъемный мешок с форменной одеждой, обувь и прочей белибердой на плечо, подхватив свободной рукой чемодан, Славка вышел из вагона в промозглую темень. Еще несколько дней назад он в это же самое время гулял с приятной девчонкой по нагретому солнцем асфальту родного города, а сейчас стоял почти в крошечной темноте, под морозящим дождем на покрытой щебнем привокзальной площади станции Верхнекондинская. Той самой, до которой ему вручили билет в отделе кадров корпуса. Несколько дней, что он провел весело и беззаботно в Хабаровске после получения повестки в военкомате и до самого отлета в Свердловск, канули в вечность, как искры погасшего костра. Сейчас только свет одинокого фонаря на столбе поодаль, да тусклые окна деревянного вокзала отражались сквозь кисею мелкого, надоедливого, осеннего дождя в многочисленных лужах. Выбрав тропинку посуше, Славка козликотом допрыгал от перрона до здания вокзала, толкнул взвизгнувшую дверь зала ожидания и вошел внутрь. Маленькое, зарешеченное окошко кассы, круглая, обтянутая черной жестию печь в углу, несколько скамеек из гнутой фанеры – вот и все, на чем задержался взгляд. В полумраке, на одной из скамеек, подобрав под себя ноги в грязных резиновых сапогах, храпел с посвистом маленький мужичонка в телогрейке.

Крепкий запах свежего перегара шибал в нос даже за три метра. Славка уже было направился к освещенному окошку кассы, чтобы узнать, в какую сторону ему примерно топать, как входная дверь, взвизгнув, вновь отворилась, и в проеме возник военный в звании лейтенанта, яркой такой кавказской внешности. Огромный, как клюв, нос занимал большую часть его лица, но при этом оно было вовсе не лишено приятности. Оглядев зал, вошедший остановился взглядом на Славке:

- Вы лейтенант Решетников?

Вячеслав молча кивнул.

- Извините, что немного опоздали встретить. Лейтенант Абрамян! – кавказец протянул ладонь для рукопожатия, и Славка заметил на петлицах лейтенанта чашу со змеей, знак медицинской службы. – А вы один?

Вячеслав пожал лейтенанту руку и тоже представился:

- Решетников. Вячеслав. А что, еще кто-то должен приехать?

- Сказали, что вы с семьей будете.

- Я? С семьей? – удивился Славка. – Кто-то напугал...

Абрамян вновь открыл входную дверь и крикнул в темноту:

- Богович, давай сюда! Меня, кстати, Виктором зовут, - повернулся он к Славке.

- Очень приятно!

- Давай, бери вещи и – в кузов! – скомандовал доктор возникшему в помещении низкорослому солдату. – Ну что, пойдём? – спросил он, обращаясь к Славке. - Тут недалеко ехать, минут десять. Погода вот только подкачала. Но завтра, вроде, ясно обещают.

Они вышли вслед за солдатом под непрекращающийся дождь, сели в кабину стоящего у вокзала «зилка» и тронулись куда-то вдоль по темной улице.

- Ничего, что воин под дождем мокнет? – спросил Вячеслав. - Как бы не простыл.

- У него плащ-палатка с собой. И, потом – это ведь Богович, вестовой наш! Он в общаге в котельной спит, на сушилке, так что ни черта с ним не случится, отогреется и просохнет.

- Вестовой?

- Типа того. При общежитии состоит, полы моет, постельное белье меняет и всякое такое.

Свет фар выхватывал из кромешной темноты за лобовым стеклом намокшие деревянные заборы вдоль улицы, одноэтажные постройки, какие-то сараи и две бесконечные, глубокие дорожные колеи, наполненные водой.

- Как улица называется? – спросил Славка у Абрамяна.

- Советская, - хохотнул лейтенант, - как и вся наша героическая действительность.

- И поселок тоже – Советский.

- И даже район – Советский. Так, что, все мы здесь – исключительно советские люди.

Пока они ехали, Абрамян рассказал, что в поселке тысяч пять жителей и есть даже Дом культуры, где по субботам и воскресеньям бывают танцы. Еще есть кинотеатр, а в паре километров от поселка строится деревообрабатывающий комбинат.

- Ну и наши доблестные батальоны квартируют. Сам скоро все увидишь, тут весь колхоз в поперечнике километра два, не более.

- А чем батальон занимается?

- А всем подряд. В депо местном – несколько объектов строим, мосты на северной ветке заканчиваем, трубы водопропускные. Комбат объявил, что скоро начнем большой мост шабашить через какую-то речку под Ивделем. Здесь, в поселке, кстати, чтобы ты знал, три батальона стоят, кроме нашего: еще мехбат и путевой.

- Ты сам-то откуда, из Армении?

- А что, здорово заметно? – улыбнулся Абрамян.

- Да есть, - смутился Славка.

- Из Москвы. Коренной москвич. Бабушка, правда, под Ереваном живет, ну и родня кой-какая там же. А мать с отцом уже лет как тридцать в столице.

- А тут давно?

- В этом году, в июле призвали.

- Тоже на два года?

- А тут больше половины офицеров – двухгодичники. У желдорбата нет училища с высшим образованием, вот и гребут вчерашних студентов с военных кафедр, пополняют офицерский состав. Ты сам-то откуда?

- С Дальнего Востока.

Машина выбралась из колеи и притормозила возле длинного, выбеленного одноэтажного барака с тускло освещенными окнами.

- Приехали! – объявил новый Славкин знакомый.

Они вылезли из кабины, приняли от солдата вещи из кузова и через освещенную лампочкой входную дверь попали в длинный коридор общежития.

- Богович! – Абрамян повернулся к солдатику, стряхивающему воду с плащ-палатки, – Ты куда лейтенанта разместил?

- Во вторую комнату, товарищ лейтенант.

- А какого дьявола ждешь? Ну-ка, живо тащи туда вещи. А где весь народ-то, кстати? – бросил взгляд в пустой коридор Абрамян.

- У Матвеева в преферанс играют, - вестовой подхватил баул с чемоданом и втащил их в маленькую комнатку.

- А ты устраивайся и подходи, - повернулся Виктор к Вячеславу, разглядывающему свое новое жилище. – Что, не нравится?

- Ничего, жить можно.

- Зато тебе повезло, отдельная комната досталась, остальные по двое живут. Ну, пока, я не прощаюсь, - Абрамян закрыл за собой дверь.

Славка осмотрелся. В комнате у стены стояла металлическая кровать, накрытая серым солдатским одеялом, возле окна – маленький столик с табуреткой, а сразу при входе, у двери – плательный шкаф. Переодеваться он не стал, скинув шинель, сразу отправился в восьмую комнату.

Когда Славка вошел, игра прекратилась, и все с интересом усталились на него. Вошедший следом за ним Абрамян, представил:

- Лейтенант Решетников! Прошу любить и жаловать. Вячеславом зовут.

- Капитан Матвеев, Виктор Иванович, - приподнявшись из-за стола, протянул Славке руку светловолосый, лет тридцати пяти, мужчина.

- Наш финансовый бог, главный бухгалтер, - прокомментировал Виктор. – Если захочешь внеочередной аванс получить, это – к нему.

- Ты, Витя в этом месяце уже дважды получал. Смотри, на зарплату не останется.

- Лейтенант Гомянин, - коротко кивнул из-за противоположного угла стола высокий, сухопарый, черноволосый парень, по всей видимости, ровесник Славки. – Юрий! Присаживайся, - он махнул рукой в сторону свободного табурета.

Вячеслав прошел на указанное место, по пути знакомясь с остальными офицерами.

- Лев. Шварцер, - улыбнулся, протянув ладонь для рукопожатия, ладный, русоволосый, с ямочками на щеках, как у девушки, лейтенант. – Замполит первой роты.

- Садись, садись лейтенант! С остальными по ходу познакомишься! – вновь взялся за карты капитан. - В преферанс играешь?

- Так, в общих чертах представляю, - ответил Решетников.

- А в «тыщу» играл?

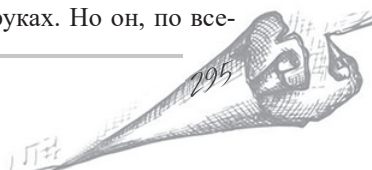
- Приходилось. Давно, правда, в институте еще.

- Ну, значит, быстро научишься. Пододвигайся поближе.

Игроки продолжили, а Славка с интересом начал изучать присутствующих. Назвавший себя Юрием, был ростом под два метра, и, как впоследствии выяснилось, мастером спорта по баскетболу, членом сборной института. Сам он был из Москвы, где закончил МИИТ, и служил в батальоне уже больше двух месяцев. Представившийся Александром, комвзводом первой роты, белобрысый, небольшого росточка лейтенант Иванов азартно хлестал картами по столу, каждый раз приговаривая:

- А мы ваших с нашим преобладающим удовольствием прихлопнем! Туз – он и в Африке туз!

Матвеев играл с видом профессионала, ни мимикой, ни жестами не давая противникам угадать расклад своих карт на руках. Но он, по все-

му, и был самым старшим и опытным в этой дружной компании, судя по тому, что почти все время выигрывал.

- Ну, давай, рассказывай, кто ты и откуда, - присел рядом с Вячеславом Абрамян.

- Из Хабаровска. Железнодорожный закончил, уехал под Магадан подзаработать, а тут повестка.

- Не женат?

- Да нет, не успел пока.

- И правильно. А то у нас женатики страдают: жилья приличного нет, жены далеко, полный дискомфорт ... Вон Деряга каждый день благоверной домой письма строчит, - Виктор показал глазами на сидящего с книгой на кровати парня в вязаном свитере.

- Женя, - кивнул головой парень, услышав, что говорят про него.

В двери появился Богович с огромной сковородой, в которой шипела тушенка с разбитой прямо в нее парой яиц.

- Садись вон туда, за тумбочку, - показал Абрамян, - ешь, не обращай на нас внимания.

- Может, кто-то за компанию? А то мне тут многовато будет, - предложил Славка.

- Мы уже поужинали. В столовке. Так что жуй, с дороги ведь, - сказал, не отрывая глаз от карт, Матвеев

Славка присел у тумбочки и принялся за яичницу. В разгар игры раздался неожиданный стук в дверь, и в комнату вошел лохотенный, поджарый капитан в шинели, перетянутой блестящей портупеей, в начищенных до такого же блеска хромовых сапогах. «Как он по грязи-то сюда дотопал, не запачкав сапог? Летел что ли?», - первое, что мелькнуло у Славки в голове.

- Товарищи офицеры! – встал, подав команду, капитан Матвеев.

Слегка замешкавшись, Вячеслав поднялся вслед за остальными.

- Добрый вечер! Садитесь, - махнул рукою капитан. Он остановил взгляд на Славке. – Так это вы – вновь прибывший?

- Так точно! Лейтенант Решетников, - представился Славка, вновь привстав с табурета.

- Капитан Бугрим, замполит багальона. Садитесь, товарищ лейтенант. Вижу, уже познакомились, - замполит вновь оглядел присутствующих. – Капитан! – обратился он к Матвееву, - неужели нечем больше заняться, кроме этих карт?

- Владимир Николаевич, - Матвеев, не обращая ни малейшего внимания на замполита, вновь начал сдавать карты, - а чем прикажете заняться? Клуб наш три недели, как вам известно, на ремонте, и когда он закончится - одному богу известно. А шашки, извините, порядком поднадоели. Да и не на деньги мы, товарищ капитан, а так, на интерес.

Было видно, что Бугрим внутренне возмущен поведением Матвеева, но крыть слова главбуха было, по всей видимости, нечем. Да и по званию они были равны.

- Виктор Иванович, давайте-ка лучше завтра об этом побеседуем, - резко сменил замполит тему разговора. - А вы, лейтенант, - повернулся он к Решетникову, - завтра в девять ноль-ноль – в штаб с документами, форма одежды – полевая. Товарищи покажут, что у нас где. Да, чуть не забыл. Деряжный, - обратился он к парню в свитере, - завтра вечером со взводом в командировку! Начинаем строить мост через Лозьву. Вот так то. А то совсем разболтались от безделья, господа офицеры!

Он сделал короткую паузу, чтобы до всех дошел смысл и значение сказанных слов.

- До свидания, товарищи офицеры! – Бугрим повернулся, как на строевом плацу, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

- Товарищи офицеры! – запоздало скомандовал главбух, но никто уже не поднялся. – Ну, и как тебе, Слава, наш замполит? – спросил он Вячеслава.

Славка неопределенно пожал плечами.

- Ходячий устав и зануда, - высказался, поморщившись, Гомянин. – Чего ему только дома по ночам не сидится?

- Меня вот что удивило: как он попал в общежитие, не замарав сапог? – спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Вячеслав.

- Заметил, - усмехнулся Матвеев. – Он специально в кармане тряпочку носит, а здесь Богович для него щетку сапожную держит. Аккуратист. Только вот слишком правильный, аж через край захлестывает! Но на то он и замполит!

- Нормальный мужик! – возразил Абрамян. – Требовательный.

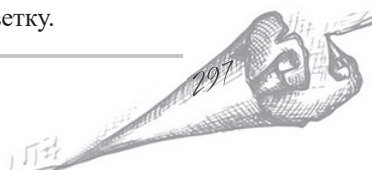
- Ты, Витя, его потому любишь, что сам такой же приглаженный и напудренный всегда, - засмеялся Гомянин, - Ну-ну, не закипай! Я понимаю, медицина и должна быть такой аккуратной.

- Все, ребята, лафа кончилась! - высказался вдруг не по теме Матвеев, - Начинаются, блин, трудовые будни! Что глядите, соколики? Не поняли дядю? Для особо тупых поясню: скоро весь батальон загонят к чертовой матери в тартарары. Ты, Жень, расслабься, не расстраивайся особо, звони оттуда, что да как, - повернулся он к парню в свитере. – Господа, а у меня опять мизер! – так же неожиданно сменил тему капитан.

- А чего? Подумаешь. Что здесь сидеть, что там – какая разница?- Деряжный отложил книгу и по - дружески подмигнул Славке.

- Это тебе без разницы, - бросил карты на стол Гомянин. – А вот Юрию Семеновичу, то есть мне любимому, например, не все равно.

- Это точно, - ухмыльнулся Иванов. – Пока ты, Юрка, будешь там дела наши скорбные налаживать, уведет доктор у тебя Светку.

- Не бойсь, не уведет! – хмуро буркнул Гомянин. – Кишка тонка.

- Это у тебя кишка тонка, - мгновенноотреагировал Абрамян.

- О, картина Репина маслом! Смотри, Слава, классика: как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, - заржал Иванов. - Сцепились, дон жуаны хреновы! Никак барышню поделить не могут! Давайте, подеритесь еще, а мы посмотрим!

Абрамян резко поднялся и вышел из комнаты.

- Зря ты так, Сань, - заметил Деряжный. – Чужие чувства уважать нужно.

- Да какие там чувства! – махнул рукой Иванов.

- Ну, на сегодня хорош, мужики! Давайте закругляться, спать пора, - поднялся из-за стола Матвеев.

...Славка долго не мог заснуть, перебирая в памяти события сегодняшнего вечера. Еще вчера он думал: как-то его встретит эта новая, незнакомая жизнь. Да ничего особенного: обыкновенные люди, как и везде. Уже проваливаясь в сон, он вспомнил, что толком и не знает, как выглядит полевая форма, о которой напомнил замполит...

Батальон располагался за железнодорожными путями, почти напротив вокзала. Дорога от общежития до части занимала не больше пятнадцати минут.

Дождь закончился. Утреннее солнце сквозь легкий туманец щедро поливало лучами продрогшую землю, отражаясь в многочисленных лужах.

- Хорошо, что здесь песок почти везде, грязи долго не бывает, - заметил, обращаясь к шедшему рядом Вячеславу, Юра Гомянин. – Обрати, кстати, внимание! – он указал глазами в сторону перрона, по которому навстречу им шла девчонка в железнодорожной форме. Парни, как по команде, повернули головы в ее сторону и заулыбались.

- Привет, Настя! – сбавив шаг, ласково проворковал, почти пропел, возглавляющий компанию Матвеев.

- Здравствуйте, мальчики! – помахала рукой в ответ девчонка, обдав их ароматом заграничного парфюма, и остолбеневшему от увиденного Вячеславу вдруг показалось, что утро стало еще ярче: такую красоту, пусть даже и упакованную в недостойный черный форменный китель, он видел впервые.

Девчонка, чувствуя внимание молодых офицеров, горделиво пронесла мимо них свою аккуратно причесанную головку и удалилась в сторону диспетчерской.

- Что, забрало? – ухмыльнулся Гомянин.

- Да! - только и смог произнести онемевший Вячеслав.

- Не разевай рот, Слава, - посоветовал Деряжный. – У Настюхи муж, поболее нашего Зубкова будет. И кулаки у него по пуду! Так, что, глядеть – гляди, и то осторожно, а трогать – ни-ни!

- Хороша девка! – подмигнул Вячеславу Матвеев. – Встретил бы раньше, ни за что не упустил бы!

- У тебя и так, Витя, этого добра хватает, - усмехнулся Гомянин.

- Ну, это, как посмотреть.

- В чужой тарелке – всегда слаще, - высказался молчаливо шагавший до этого Абрамян.

- Это – точно! – подтвердил Матвеев, перепрыгивая через очередную лужу.

Еще долго, пока они гуськом шли по тропинке, перед глазами у Славки стояло чистое и прекрасное, как на иконе, лицо встреченной девушки с улыбкой, от которой было тепло и радостно на душе. Это ж надо, какую красоту создал бог! Были и у Славки красивые девчонки. Одна Фатима чего стояла! Но такое! Да...

- О чем задумался, детина? – хлопнул Вячеслава, как старого приятеля, по плечу Женя Деряжный. – Какие твои годы? Еще лучше раз в сто встретишь!

- Это точно! – подтвердил Матвеев, прибавляя шаг. – Подтянись, мужики, опаздываем!

В части ребята разошлись по своим ротам и службам, а Слава направился вместе с Матвеевым в штаб. Одноэтажное щитовое здание штаба находилось практически рядом с КПП, и уже через минуту он отдавал командировочное предписание и остальные документы дежурному. Тот почитал, куда-то позвонил и вернул документы обратно:

- Вам сначала к командиру части надо, товарищ лейтенант! Третья дверь направо по коридору, - указал он рукой.

Славка пошел в указанном направлении, по дороге, как и положено, отдав честь знамени части с застывшим рядом часовым. Не все забыл, чему учили на военной кафедре, кое-что сохранилось. Постучал в дверь с табличкой «Командир части» и вошел.

- Разрешите?

Сидевший во главе стола смуглолицый, сухощавый майор вопросительно поднял голову. Рядом с комбатом, за столом совещаний, сидел вчерашний знакомый по общежитию – замполит Бугрим.

- Лейтенант Решетников прибыл для дальнейшего прохождения службы! – отрапортовал Славка.

- Ну, прибыл, так прибыл, - приятным баском сказал майор, вставая и протягивая руку. Ладонь была сухой и крепкой. – Вот, Владимир Николаевич, новое пополнение прошу любить и жаловать.

- А мы уже знакомы с лейтенантом.

- И когда ты только все успеваешь, замполит? – удивленно спросил комбат. – Не спишь что ли по ночам, или с женой поссорился? – пошутил он.

- Еще вчера в общежитии познакомились, - ответил замполит, явно не принимая шуточного тона командира. - Как спалось, лейтенант?

- Нормально, товарищ капитан.

- Тебя как зовут-то, лейтенант? - спросил комбат.

- Вячеслав. Вячеслав Георгиевич, товарищ майор, - поправился Славка.

- А меня – Александр Александрович, и фамилия моя – Гук. И откуда же ты к нам прибыл, Вячеслав Георгиевич?

- Из Хабаровска.

- Ишь, ты, откуда тебя занесло! Отовсюду ребята есть, со всех концов, а вот с Дальнего Востока никого пока еще не было. Ты вот что, лейтенант,

- комбат посмотрел переданные Славкой бумаги, - топай в спецчасть, сдай бумаги и жди меня у выхода. Через десять минут построение, вот там мы тебя и представим батальону. Ты, кстати, завтракал?

- Никак нет, товарищ майор, не успел.

- Ладно, после развода позавтракаешь. Ты, Владимир Николаевич, проследи, чтобы лейтенанта накормили, а то эти архаровцы ничего не оставят. Завтрак-то у нас до развода, - пояснил он.

- Разрешите идти?

- Давай-давай лейтенант, а то опоздаешь в спецчасть, на развод все уйдут.

Побывав в спецчасти и заодно познакомившись с ее начальником, старшим лейтенантом Суровцевым, Вячеслав вышел на улицу. Батальон строился на плацу для утреннего развода. Из штаба вышли командир и замполит.

- Ну что, пошли, лейтенант, - майор с капитаном двинулись в сторону плаца, а Славка, испытывая некоторое душевное волнение, пошел следом вдоль шеренг, откуда за ним с интересом следили сотни молодых глаз.

- Батальон! – исказив лицо, неожиданно зычным голосом прокричал низкорослый майор, до этого совершенно бесстрастно взиравший на возню в ротных шеренгах. – Смирна-а-а! Равнение на середину!

Повернувшись, он приложил руку к тулье фуражки и четким строевым шагом двинулся навстречу комбату. Комбат и шедшие за ним следом замполит со Славкой остановились, отдавая честь.

- Товарищ майор! – рявкнул коротышка. - Батальон для утреннего развода построен! Начальник штаба майор Стешенков!

Командир, не отрывая ладони от головного убора, вышел на середину плаца и звонко поздоровался:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здрав...жла...тов...йор! – рявкнули в ответ четыре сотни молодых глоток.

- Вольно! – повернулся комбат к начштаба.

- Батальон! Вольно!

- Товарищи! – громко объявил комбат. - К нам в батальон прибыл новый офицер, лейтенант Решетников. Он будет исполнять должность старшего инженера-мостовика техчасти и по совместительству инженера по технике безопасности. Так что прошу принять молодого офицера в наш коллектив и оказать ему всяческую помощь и поддержку по службе и вообще, - он повернулся к Вячеславу: - Лейтенант, встаньте в строй!

- Есть! – козырнул Славка, чеканя шаг по бетону, он встал сзади в каре офицеров штаба, среди которых узнал некоторых своих вчерашних знакомых.

Оказавшийся рядом Абрамян ободряюще подмигнул ему: не робей, мол, парень! Комбат с замполитом, начальник штаба, и еще какой-то толстый и круглый, на коротких, подогнувшихся от давившего на них веса ножках, майор, которого только сейчас заметил Вячеслав, отошли к краю плаца. Вновь раздалась зычная команда начальника штаба:

- Батальон! Смирна-а-а! К торжественному маршу! Поротно! Одного линейного дистанция! Первый взвод прямо, остальные направо! Шагом ар-р-рш!

... В конце плаца, перед штабом, офицерское каре распалось.

- Здорово! – улыбающийся незнакомый старший лейтенант протянул Вячеславу руку. – Фоминых, Владимир, начальник техчасти. С сегодняшнего дня, как понимаешь, твой непосредственный босс. А это Понюшенко Виталий Михайлович, наш главный инженер, - представил он худощавого в очках старлея. Тот рассеянно скользнул по Славке взглядом, молча, кивнул и направился в сторону подходящего к штабу начальства.

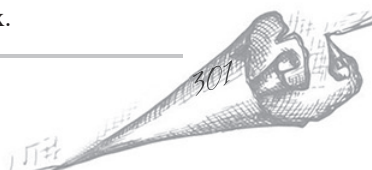
- Не обращай внимания! У Виталика нашего свои проблемы, - сказал Фоминых. - К нам в техчасть, значит? Это хорошо! Даже здорово, – Фоминых хлопнул Славку по плечу. – Ну, пошли, что ли в нашу конуру. Мы тут без людей зашились: объекты мелкие, но много. Сейчас я тебя с остальными познакомлю. Виталий, ты зайди, выбери время, - крикнул он вслед главному инженеру.

- Зайду, попозже - главный подошел к начштаба и что-то начал говорить, горячо жестикулируя.

- Нам, вроде, большой мост дают строить, - пояснил старший лейтенант. – В Ивделе. Понюшенко узнает точно, что к чему, сообщит. Входи, - толкнул он дверь.

В довольно большой комнате с пошарканной мебелью за стол, стоящий у самого окна, устраивался незнакомый, крупный, с залысынами в рыжих волосах лейтенант, вошедший за минуту до них. Ростом под метр восемьдесят, с плотной, даже полноватой фигурой, и розовощеким, веснушчатым, почти детским лицом.

- Знакомьтесь! – подтолкнул Вячеслава Фоминых.

- Петр! – представился лейтенант, с интересом приглядываясь к Славке, - Панкратов.

- Вячеслав Решетников.

- Ты, Петр, введи Вячеслава в курс всех наших грешных дел. А я на тридцатый километр слетаю, что-то там наши чудики напортачили. Комбат матерился, аж стекла дрожали! Опять Ворошнин отличился.

Фоминых собрал со своего стола какие-то бумаги, сунул их в черную кожаную папку с металлической молнией и исчез за дверь.

- Присаживайся, - Панкратов широким жестом указал на стол в углу, - тут до тебя лейтенант Пангаев сидел, месяц, как дембельнулся. Так что располагайся, буду тебя в курс дела вводить.

- А кто это – Ворошнин? – поинтересовался Вячеслав.

- Сашка. Командир взвода из первой роты. Москвич. Второй месяц ишачит.

- А за что на него комбат полкана спустил?

- Да у него все не как у людей. Парень – хороший, но неорганизованный. Что-то там с облицовкой откоса случилось, съехала, что ли. Мостик мы там небольшой соорудили, скоро сдавать. Вот комбат и нервничает.

- А где этот тридцатый километр?

- Северная ветка в сторону Акрыша. Да я тебе сейчас все расскажу.

В следующие полчаса Вячеслав узнал, что в батальоне четыре роты, две – мостовых, одна путевая и одна механизированная. Батальон на Северной ветке строит три моста и прокладывает несметное количество водопропускных труб. Кроме этого ему поручено возведение здания вокзала на пятьдесят четвертом километре и несколько объектов местного локомотивного депо.

- Кроме прочего – один кирпичный трехэтажный дом. Да ты, наверное, видел, когда мимо вокзала проходил.

Вячеслав смутно припомнил какие-то кирпичные строения.

- На третьем этаже кладку ведем. К зиме сдать нужно, но вряд ли. То одного нет, то – другого. Кроме Фоминых и нас с тобой, в.techасти еще два человека: сержант Перминов и Верочка Семенова, сметчица. Верочка сейчас в отпуске, а Перминов в наряде по роте. У него тоже, кстати, высшее образование.

- А чего же он – сержантом?

- У него в институте военной кафедры не было. Но и служить ему всего год, а не как нам, дуракам, – два. Парень не глупый, но, правда, и лишнего рвения не проявляет.

- Ну, а Верочка, что из себя представляет?

- А, чтобы она собой ни представляла, нам до этого не должно быть никакого дела. Верочка – жена командира первой роты, капитана Семёнова. Ясно?

- Ясно.

- Ну, вот и хорошо. Остальное – выяснишь по ходу. Блин, совсем забыл! Пошли скорее! Я тебя в столовую отведу. Ты ведь не завтракал сегодня?

- Нет, не завтракал.

- Тогда пошли быстрее, а то ничего не останется. Мы-то с парнями еще до развода поели.

По дороге они нос к носу вновь столкнулись с майором, так похожим на надутый резиновый шарик. Он катился им навстречу по асфальтовой дорожке, занимая своим телом всю ее ширину. Лейтенанты отступили с асфальта на траву, козырнули, пропуская, как и положено, старшего по званию.

- А, инженера! – задыхающийся от быстрой ходьбы майор приостановился. – Куда путь держите?

- Вот, - Петр указал на Вячеслава, - лейтенанта в столовую веду. Позавтракать человеку надо, товарищ майор.

- А что так поздно-то?

- Так человек первый день на службе! Откуда он наши порядки и расписание знает? С утра, тем более, командиру докладывался.

- Тогда поторопитесь инженера, может, что и осталось. Ты Панкратов передай там от меня, если все уже подмели: пусть яичницу с колбасой лейтенанту пожарят да капусты на салат нашинкуют.

- Кто это? – спросил Вячеслав Панкратова, когда майор, как колобок, укатился по дорожке в сторону штаба.

- Майор Пашков, зам по тылу! Хороший мужик, но, говорят, скоро от нас уходит. Переводят его куда-то, в корпус, кажется.

После завтрака Вячеслава вызвал начальник штаба. Наслышанный к этому моменту от Петра, что начштаба до мозга костей служака и не переносит разгильдяев, Славка потуже подтянул ремень португеи, оправил полевую форму и только после этого вошел в кабинет майора.

- Майор Стешенков, - коротко представился начштаба в ответ на звонкий доклад лейтенанта о прибытии.

Выяснив, кто он и откуда, и какими судьбами попал в армию, начштаба с дотошностью расспросил о родителях, об учебе в институте, и, видимо, оставшись удовлетворенным ответами, отпустил Славку, выдав на прощание ряд пожеланий:

- На вашей должности, Решетников, служил лейтенант Пангаев. Дисциплинированный офицер, скажу я вам, службу нес исправно, никаких серьезных нареканий. Демобилизовался старшим лейтенантом. Смею надеяться, что и вы не уроните высокой чести советского офицера. Вот что я вам посоветую для начала. Поменьше болтайте в поселке, особенно по ночам, и не берите пример с наших некоторых отвязанных товарищей.

Да и этой, как ее, карточной игрой особо не увлекайтесь. Вы, наверное, уже заметили, что некоторые по вечерам только этим и занимаются. Нет, чтобы книжку лишний раз почитать.

Заверив начштаба, что он приложит старание, чтобы быть во всем примером для подчиненных, Славка вывалился за дверь и перевел дух. «Зануда ты, майор, однако!» - мысленно подвел он итог первой встречи с начальником штаба.

До обеда он успел побывать в ротах, ремонтных мастерских и на складах, где познакомился с массой новых и порою весьма интересных людей. Прапорщик Нигматулин, например, начальник продовольственного склада, где Славка, не отходя от кассы, получил положенный ему на ближайший месяц доппаек, выяснив, что еще в Свердловске лейтенанту выдали отрезы на парадный китель и шинель, посоветовал, как вещи в дальнейшей службе бесполезные, сразу загнать их:

- Тебе они здесь, в тайге, ни к чему, а бабы детишкам одежду из такого материала отличную шьют. Качество – распрекрасное, диагональ все-таки! Я узнаю, кому надо, и подскажу, - предложил он.

- Как это, парадку продать? – удивился Вячеслав. - А вдруг где понадобится? Начштаба шкуру сдерет.

- Нигде она тебе здесь не понадобится. У нас не столицы и парадов не бывает. Не ты - первый, не ты - последний. А начштаба особенно не опасайся, он так, с вида грозный, а вообще-то нормальный мужик, внятный. По мелочам гнобить не будет. Короче, если надумаешь продавать – сообщи. Может, я даже для своих архаровцев возьму.

Когда Славка вернулся в штаб и рассказал Панкратову о предложении Нигматулина, последний тут же проинструктировал его:

- Меньше чем за двести рублей не отдавай! А то Нигматулин – жук тертый, будет предлагать меньше – не продавай! Найдем и без него клиентов. А парадная форма здесь действительно ни к чему, тут он прав. На работе полевая в самый раз, а в штабе, или там, в командировке, повседневная сойдет. Я свои отрезы тоже в первые же дни загнал. Кстати, получи гроши для пошива в бухгалтерии.

Они уже было собрались отправиться в столовую обедать, как дверь кабинета внезапно распахнулась, и на пороге возник здоровый, почти квадратный парень в защитного цвета замызанной телогрейке без погон и знаков различия и старого еще образца офицерской фуражке набекрень.

- Здоровы были, станичники! Это ты что ли новенький? – спросил бесцеремонно парень, направляясь в сторону Славки.

- Здорово, Санек! Прошу любить и жаловать! Лейтенант Ворошин собственной персоной, - представил парня Панкратов. – Ты откуда взялся? Тебя тут комбат с утра недобрый словом поминал. И даже обещал тебе кое- что оторвать, когда встретит!

- А! – легкомысленно махнул рукой Ворошнин. – Сашка! – протянул он руку Вячеславу.

- Вячеслав. Решетников.

- Ты что, взвод оставил, что ли на трассе? – вновь поинтересовался Панкратов.

- Не пускай пар, Петя, я у комроты отпросился. Да и Фоминых на пару дней согласился подзаменить. Пусть рыбку половит немного, отдохнет, а то его тут в штабе задолбали, поди. А потом Дубов его кем-нибудь подменит. Ты откуда приехал-то? – спросил он Славку.

- Из Хабаровска, - в который раз за сегодняшний день сообщил Вячеслав.

- Ни фиги, откуда тебя черт занес? А я - из Москвы. Ты, Петя, видно, перетрудился и забыл, что у лейтенанта Ворошнина послезавтра свадьба, - повернулся он к Панкратову. – Так что все по закону: три дня отпуска – святое дело! Ты, Вячеслав, кстати, тоже в числе приглашенных. Форма одежды – свободная, подарков можно не приносить! Ладно, пошли на камбуз, а то мужики все слопают, по дороге поговорим.

По дороге выяснилось, что весь кипиш в батальоне возник оттого, что в болоте, рядом с мостом на тридцать третьем километре трассы чуть не утонул бульдозер. Его чуть не утопили, потому что под непосредственным руководством Ворошнина бойцы пытались запрудить речушку, вытекающую из болотца, раскинувшегося рядом с насыпью. Ладно бы – для дела, но как оказалось, чтобы собирать налимов и прочую мелкую рыбешку из луж, остающихся в русле речушки после того, как из неё окончательно сойдет вода. Пока толкали песок, бульдозер правой гусеницей завяз в грязи. Пытались подвезти, но засадили механизм еще глубже. Чуть не до кабины, короче. Пришлось обращаться к путейцам, просить железнодорожный кран. Бульдозер-то, в конце концов, вытащили, но прежде чем он снова заработал, повозились с ним еще пару дней. Как-то об этом узнало начальство, и, естественно, поднялся шум. А вот какой гад об этом стукнул, Сашка обещал выяснить обязательно! И, как он выразился, выжечь заразу каленым железом. Глядя на его комплекцию и рельефную мускулатуру, заметную даже под телогрейкой, нетрудно было представить, как это будет происходить...

- Давай, Вячеслав, знакомься с документацией, - Панкратов махнул рукой в сторону приоткрытого шкафа, набитого папками с чертежами, - а я тут график работ доделаю. На днях главный инженер бригады, полковник Кривякин должен нагреть, так что мотай на ус, пока я жив. Во-первых, график производства работ по любому, даже самому маленькому объекту должен быть обязательно, ну и выполнен, естественно, как положено: на ватмане и желательно в цвете. Во-вторых, каждая бумажка должна лежать в своей папочке, а каждая папочка иметь свой номер. И

чтобы перечень папочек - на дверце шкафа. И не дай бог долго искать будешь, если Кривякину какая-нибудь бумажка понадобится – сожрет и не подавится! Грозный дядечка. А, впрочем, сам увидишь.

- Разберемся! – Славка вытащил первую охапку чертежей и устроился поудобнее за своим столом.

Ближе к пяти часам позвонил Ворошнин:

- Бросай свою лабуду и дуй в общагу! К Алине в гости пойдем. Подружка ее будет. Посидим, поговорим, с Алиной познакомимся.

- А кто это, Алина?

- Невеста моя. Я не говорил тебе, как ее зовут? Забыл, наверное. Собирайся и топай! А на Петьку Панкрата не обращай внимания: ему торопиться некуда, он жене своей ненаглядной верность блюдет. Пусть работает, бедолага, может, орден Сутулова дадут! А тебе какого рожна там сидеть допоздна? Думаешь, благодарности объявят? Как же. Догонят и еще дадут! Собирай манатки и – вперед!

- А ужин?

- В гостях поужинаем.

- Да я на мели, неудобно как-то.

- А ты разве подъемные не получил?

- Какие подъемные?

- Два оклада – вот какие! Шуруй быстрее в бухгалтерию, а то все разбежится, и Матвеева бери за горло да покрепче.

- Сашка пьянствовать зовет? – поинтересовался корпевший над графиком Панкратов.

- В гости к невесте. А где у нас бухгалтерия? Ворошнин сказал, какие-то подъемные можно получить.

- В конец коридора, мимо знамени. Ты там, в гостях у Алины, не особенно расслабляйся, - как-то странно усмехнулся Петр, - а то махом стреножат да и обезжирят...

Славка не придал особого значения последней фразе Панкратова: что он, телок какой-то, чтобы его стреножили! Отыскав в конце коридора нужную дверь, он вошел и чуть не сшиб с ног капитана Матвеева, выговаривающего что-то стоящему перед ним на вытяжку рядовому.

- Осторожнее, лейтенант! – Матвеев потер ушибленное плечо и продолжил воспитательный процесс. - Я тебе, Крюков, уже сто раз объяснял: главное в нашей работе – точность и аккуратность. Что мне тебе – кол на голове тесать?

- Товарищ капитан! – перебил его Вячеслав. – Разрешите обратиться!

Матвеев повернулся к Славке и недовольно изрек:

- Нехорошо перебивать старших по званию, лейтенант. Ладно, топай с глаз моих долой, Крюков! – приказал он рядовому. – Завтра поговорим. Чего тебе, Решетников?

- Подъемные бы, Виктор Иванович.

- Ты бы еще ночью подъемные получать пришел. Видишь, рабочий день уже закончился.

- Так я не знал, что их вообще получить надо. А тут еще и в гости пригласили.

- Это куда?

- Ворошнин к невесте позвал.

- А-а-а, - протянул капитан, - ну тогда другое дело... Ты еще не исчез? – недовольно повернулся он к стоящему у сейфа рядовому. – Выдай лейтенанту подъемные. Мухой. И дуи в роту!

Крюков быстро сверился с какими-то бумагами, заставил расписаться в ведомости и выдал Славке приличную сумму, около трехсот рублей, которая приятно его удивила.

- Ты только все деньги с собой не бери, - мудро посоветовал Матвеев, - а то профукаешь за один день, и проставиться будет не на что.

- Все будет тип-топ, товарищ капитан! – повеселевший Славка быстро выскочил из штаба. На плацу шел развод очередного наряда по части.

- Ну что, пошли домой? – хлопнул его по плечу невесть откуда возникший лейтенант Иванов.

- Пошли. Ты уже отслужил, что ли?

- А то! В нашем деле самое главное – вовремя смыться! Пока никто из начальства ничем не озадачил.

И они, дружно откозыряв встретившемуся им на дорожке Бугриму, торопливо проскочили КПП и направились знакомой дорогой в сторону поселка.

В общезитии Славку уже подждал выбритый и надушенный Ворошнин. Он переоделся в штатское, и его не сразу можно было признать: в телогрейке и замызганной фуражке Сашка выглядел не так импозантно.

- Ты куда пропал, Слава? Давай, быстро собирайся и пошли. Люди ждут.

- Мне тоже в штатское переодеться?

- А зачем? Ты же и так, как новенький пятак, блестящий. Это мы все промаслились и креозотом провоняли, а ты как с плаката, что у нас в штабе у дежурки висит. Давай, чисти перышки, а я у себя жду.

- А я ведь даже и не знаю, в какой комнате ты живешь.

- В двенадцатой, вместе с Гомяниным.

- Вдвоем?

- Вдвоем. Это тебе повезло в одноместную поселиться. Кто-то из бригады сообщил, что ты не один едешь, а с женой, вот тебе с испуга временно и приготовили апартаменты, а то бы фиг ты их получил. Ну, а теперь, даже если и будут пытаться, кого подселить – не соглашайся...

Минут через пятнадцать они бойко шагали по центральной улице

к ближайшему магазину. Еще через двадцать минут, прикупив на полученные Славкой подъемные пару бутылок водки и бутылку сухого, они подходили к двухэтажному кирпичному зданию неподалеку от коптящей поселковой бани, где в общежитии железнодорожников и проживала Сашкина невеста.

- Ты, главное, не тушуйся! Что нам терять, кроме своих цепей? – посоветовал Александр, открывая дверь в комнату на втором этаже, куда они поднялись мимо старушки-вахтера, сладко спавшей, уронив голову на стол.

Комната была площадью метров двенадцать, чистенькая, с большим количеством цветочных горшков на подоконнике.

- Ой! – отпрянула за занавеску рядом с дверью русоволосая девушка. – Александр, ты опять без стука врываешься, как разбойник?

- А вдруг что-нибудь интересное увижу! – захохотал вместо приветствия Ворошнин.

- Алина! – представилась крепко сбитая, с полными, яркими губами татарочка. – Опять хулиганишь, охальник! – она шутливо хлопнула Ворошнина по макушке и поцеловала его прямо в губы.

- Галина! – протянула Славке руку вторая девушка, успевшая привести себя в порядок. – Очень приятно! Проходите, пожалуйста.

Сашка уже скинул плащ и выставил на стол купленное спиртное:

- Снимай, Вячеслав, шинель. А вы, бабоньки, быстренько на стол собрали. Отметим знакомство! Вот это - моя Алина! – обнял он татарочку.

- Перестань, Саша! - отпихнула его девушка. – Садитесь, Слава в кресло, тут удобнее.

- Кончайте вы выкать! – хохотнул Ворошнин. – Не на приеме в шведском посольстве. Давай лучше, Слава, по стопарю намахнем, а то их не дождешься.

- Саша! – с укоризною в голосе остановила Ворошнина невеста. - Подождите вы пить! Галя, сходи на кухню, картошка уже, наверное, готова, - Алина начала выставлять из холодильника тарелки с едой. – Саша, возьми-ка лучше нож, нарежь колбасу.

Через минуту в дверях появилась Галина с кастрюлей дымящейся картошки. Славка вскочил с кресла и закрыл за девушкой дверь.

Они устроились на стульях вокруг стола, и Ворошнин, открыв бутылки, разлил водку и вино.

- Гости дорогие, - поднялся он, - первый тост, как полагается, за знакомство! И чтобы с этой минуты все были на ты. Не исправившимся – штраф!

- Какой такой еще штраф? – поинтересовалась Галина.

- Поцелуй, родная. И не в щечку, а, как положено.

Славка, стараясь не выдавать своего любопытства, разглядывал сидящих перед ним девчат. Алина показалась ему полноватой для своих лет

и не очень симпатичной. Но шальные, азиатского разреза, черные, как уголь, глаза... Что-то в них было такое, что заставляло гулко биться сердце. Что-то волнующее мужское естество, прекрасное, но и одновременно порочное, скрытое и не всем сразу заметное. Галина, наоборот, русоволосая, хрупкая, казалась полной противоположностью подруги. Тонкие, спокойные черты ее белокожего лица, не предполагали страстной натуры. Да и фигурой она была куда, как стройнее Алины. Лет им обоим было не более двадцати двух - двадцати трех.

Девчата к их приходу приоделись в яркие, легкие платья, и Славка чувствовал себя не совсем в своей тарелке в своей дурацкой армейской форме. Да еще и в носках – не в сапогах же топать по комнате! Хорошо еще, что португую оставил на вешалке вместе с шинелью.

Они чокнулись и выпили.

- А теперь, за последние деньки моей холостяцкой жизни! – Ворошин вновь разлил спиртное. – Послезавтра регистрация, - пояснил он приятелю, – Алина, поухаживай за Вячеславом, а то он совершенно не закусывает.

- Кушай, Слава, - Алина подложила ему на тарелку картошки, - не смотри на этого охламона! Ему ведро надо выпить, чтобы опьянеть.

- Откуда вы, Слава? – поинтересовалась Галина.

- Стоп! – вмешался в разговор Сашка. – Штраф. Я же всех предупреждал. Давай, давай, Галочка, договор дороже денег!

Под натиском громогласного Сашки упиравшаяся вначале и разом розовевшая девушка вынуждена была наклониться к Славке и поцеловать его. Губы у нее оказались мягкими, прохладными и пахли какой-то травой. На секунду он почувствовал во рту ее язык, и хотя в голове уже слегка шумело от выпитого, внезапно смутился, ощутив прокатившуюся по телу горячую волну от этого поцелуя. А глаза Галины просто издевались над ним, искрясь смехом.

- Ба! – заржал во весь голос Сашка. – Ты у нас прямо, как красная девица, Слав! А ты, Галина, чего его в краску-то так вогнала? Алиночка, - повернулся он к невесте, - давай, заводи-ка пластинку, танцевать будем.

Под музыку старенького проигрывателя они веселились и танцевали часов до двенадцати. Славка постепенно освоился. В танцах он уже осторожно прижимал к себе Галину, но так, чтобы не обидеть и не вызвать протеста, с удовольствием ощущая при этом, какое у нее на удивление гибкое и упругое тело. Но вот поцеловать девушку еще раз так и не решился, хотя замечал в ее серых глазах пляшущие смешинки. В двенадцать Галина засобиралась домой:

- Завтра на работу! – объяснила. – Это у вас выходные и свадьба впереди, а у нас – трудовые будни, - Галина украдкой бросила взгляд на Вя-

челслова, и он снова почувствовал, как по телу прокатилась горячая волна, а во рту стало сухо.

- Только завтра обязательно подходи! – Алина чмокнула подругу в щеку. – Платье принесут, помотришь. Может, что подправить надо будет.

- Конечно, приду.

Славка помог девушке надеть пальто и вызвался проводить ее. Он и сам немного устал от всех этих новых впечатлений, свалившихся на него в первый день на службе.

- А ты дорогу-то найдешь? – спросил Ворошнин. – Ночь на дворе. Хотя от Галкиного дома до нашей общаги рукой подать.

- Не беспокойся, Сань, не украдут твоего приятеля! – засмеялась Галина...

Уже почти морозный воздух, пахнувший лесной хвоей и одновременно креозотом от железнодорожных шпал, освежал и бодрил. Хмель выветрился мгновенно. Галина жила на краю поселка в половинке аккуратного, недавно возведенного бревенчатого домика. Рядом стояло еще несколько таких же, поставленных прямо около высоченных сосен. Кое-где в окнах горел свет. По дощатому тротуару, проложенному вдоль дороги, они подошли к темному крыльцу.

- Ну что, до послезавтра? – Галина поправила Славке выбившийся из-под воротника шарф.

- До послезавтра! – Решетников, наконец, решил, что пора, и попытался притянуть девушку к себе, но та мягко уклонилась от поцелуя.

- Не надо, Слава, поздно уже! Тебе вон туда, - махнула она рукой в сторону общежития и, выскользнув из Славкиных объятий, скрылась за дверью.

Славка постоял еще несколько секунд, соображая, как ему лучше добираться до общаги, чтобы не зарюхаться в грязь, закурил и бодро зашагал в сторону горящих огней, куда указала девушка.

Первая суббота на службе у него прошла без приключений. К пяти часам часть фактически опустела, в штабе остался только дежурный. Все офицеры были приглашены на свадьбу Ворошнина и Алины. Гуляли в клубе части, под который был приспособлен двухквартирный щитовой дом на улице Титова. Накрытый в зале стол не отличался большим разнообразием блюд, но был сервирован и украшен со знанием дела. В части имелись вполне приличные повара, а сержант Фахреев и вовсе до службы работал шеф-поваром в Казани. Гостей было так много, что помещение едва вместило всех. Разнаряженные в пестрые платья женщины сбились в стайку у стены и о чем-то оживленно болтали, мужчины терпеливо ожидали у входа начала торжества. Славка с трудом узнавал новых товарищей в гражданских костюмах. В ожидании жениха и невесты молодежь вышла покурить на свежий воздух.

- Ну, как ты, освоился уже? – спросил Славку не курящий, но вышедший за компанию с остальными Юра Гомянин.

- Нормально.

- Привыкнешь. Я первое время себя тоже не в своей тарелке чувствовал.

- Главное в нашем деле – не проявлять чрезмерного рвения, - заметил стоящий рядом Иванов. – Не зря старая истина гласит: солдат спит, а служба

идет! У нас ведь как, если проявил инициативу, то сам ее и будешь в жизнь претворять. А потом еще и спросят: почему эту самую инициативу вовремя не претворил в жизнь. Поэтому дуракам – всегда у нас дорога, а почет – умным!

- Вячеслав, ты в технике разбираешься, - обратился к Решетникову Петя Панкратов, тоже вышедший на крыльцо.

- Не, в технике я – полный профан! Техника в руках дикаря мертва! А, что случилось?

- Магнитофон что-то барахлит.

- Найди Лошакса, - посоветовал Петру Гомянин, - он даже в телевизорах сечет, а с магнитофоном ему разобраться – раз плюнуть!

- Точно! – Петр вновь скрылся за дверью.

- А это кто? – поинтересовался у Иванова Вячеслав, показывая глазами на широченного, как шкаф, мужчину, стоящего чуть поодаль.

- Командир четвертой роты, Зубков Николай. Старлей и вообще просто хороший парень. Мастер спорта по вольной борьбе, между прочим. А рядом с ним Дубов, командир первой роты.

В эту минуту возле клуба остановился «уазик» командира части и оттуда вышли новобрачные и свидетели. Ворошнин был в темном костюме и белой рубашке с ярким галстуком. Из нагрудного кармана выглядывал платок такого же цвета, как и галстук. Костюм жениху был слегка не по размеру, тесноват, и было заметно, что он чувствует себя в этой одежде не слишком удобно. Алина в белом, расшитом бисером платье с длинной фатой выглядела просто шикарно.

- Ура новобрачным! – крикнул Иванов, и все, стоявшие на улице, подхватили этот призыв.

На минуту Славка встретился взглядом с Галиной, и та широко и открыто улыбнулась ему как старому и доброму знакомому. Вслед за Александром и Алиной гости потянулись внутрь помещения устраиваться за длинным столом, выставленным буквой «п». Славке досталось место между Гомяниным и Фоминых. С другой стороны, справа от Фоминых сидели сразу две дамы. Одна постарше, видимо, жена, решил Славка, а другая явно моложе, с приятной, веселенькой мордашкой.

- Сестра Фоминых. Младшая. – пояснил вполголоса сидевший рядом Юрий, заметив, что Вячеслав заинтересовался молоденькой.

С бокалом шампанского в руке поднялся комбат, усаженный вместе с супругой во главе стола, недалеко от молодых.

- Прошу тишины! – постучал он вилок по фужеру и несколько секунд подождал, пока стихнут разговоры. – Дорогие друзья! Сегодня офицер нашей части и товарищ по службе Александр Ворошнин становится семейным человеком. Это очень ответственный шаг в его жизни и жизни Алины. Так давайте пожелаем молодым крепкого семейного счастья на долгие годы!

- Горько! – завопил Иванов.

- Постой ты, лейтенант! – осадил его комбат. – Не перебивай старших по званию. Так вот, пожелаем счастья, любви и главное – здоровых детишек! Да побольше, чтобы в доме было веселей. Берегите друг друга, ребята, и уважайте, а остальное – приложится! А от командования части разрешите преподнести вам вот эти ключи. Местное руководство и партийный комитет района вошли в положение и по нашей просьбе пошли нам навстречу: выделили однокомнатную квартиру в кирпичной трехэтажке!

Гул удивления пронесся по притихшему залу. Подарок был настоящему царским. Семьи офицеров всех частей в основном жили в щитовых, как их называли, сборно-целевых домах, наскоро установленных вдоль двух улиц поселка. Да, собственно, улицы-то и образовались, как таковые, после их постройки. Туалет – во дворе. Дров, слава богу, хватает: лес вокруг. И привозная вода из бочки, которую приходилось ждать столько, сколько потребуется, если не хочешь остаться вовсе без воды. И ночью – вездесущие тараканы, да в таком количестве, что по нужде пробираться к ведру приходилось с веником. Ну и тщетные попытки сохранить нормальное тепло в доме, где сквозило из каждого угла и стыка. А тут сразу квартира со всеми удобствами, причем в кирпичном доме!

- Спасибо, товарищ майор! – поднялся ошарашенный таким подарком и растроганный почти до слез Сашка, тряся комбату руку. – Не ожидал! Как же это так...

- Ну, вот так, а теперь – горько! – скомандовал Гук – Все пьют до дна!

Зазвенели фужеры и стаканы. Гости загомонили, обсуждая новость, кто - радуясь за новобрачных, а кто и завидуя. После первых двух тостов застолье расслабилось, и свадьба покатилась дальше так, как и было положено свадьбе. Славка попытался пригласить на очередной танец Галину, но ту успел перехватить свидетель со стороны жениха, щеголеватый лейтенант из соседней части, видимо, знакомый Сашки и Алины.

Обиженный таким неожиданным поворотом дел, Вячеслав устремил свои усилия в сторону младшей сестры Фоминых Татьяны.

- Танечка, вы так очаровательны! – ворковал он в розовое ушко девушки, прижимая ее в танце поплотнее. – Почему мы с вами раньше не встретились?

Раскрасневшаяся от вина Фомина-младшая весело хохотала, отмахивалась от Славкиных комплиментов и что-то щебетала в ответ, не особенно вникая в смысл сказанного кавалером.

- Пойдем, покурим, - шепнула она ему на ухо, как только очередное танго начало стихать. - Только потихоньку, чтобы никто не видел. А то брат ругается, - она заговорщицки заглянула в глаза лейтенанта. - Пойдем после следующего танца? Только ты вперед, а я следом.

Лейтенант согласно кивнул в ответ и, как только очередной танец закончился, выскочил во двор. Было уже совсем темно, на улице не горело ни единого фонаря, и только яркие звезды мерцали на небе, будто подмигивая Славке – не робей! Ветер стих, и легкий морозец осенней ночи почти не ощущался. Не успел он пару раз затянуться, как из двери бесшумно, будто привидение, выскользнула младшая сестра и сразу повисла у него на шее, болтая ногами. Она принялась нацеловывать Славку, да так, что он в первое мгновение просто ошалел. Но быстро пришел в себя и покрепче прижал девушку к себе, закрыв ее хохочущий рот долгим, взасос, поцелуем. Кое-какой опыт в этих делах у него имелся. От девчушки пахло уже не только шампанским, а чем-то покрепче. Девчонка на мгновение покорно обмякла у него на руках, но почти сразу же заколотила кулачками по плечам, вырываясь из объятий.

- Фу ты, оглашенный! Чуть не задушил! Дай, я докурю, - выхватила она у Славки дымящуюся сигарету и тут же глубоко затянулась.

Как раз в этот момент дверь распахнулась вновь, и в проеме возник силуэт старшего лейтенанта Фоминых.

- Опять! – заорал он. - А ну, прекрати немедленно это безобразие! Ты, Вячеслав, зачем ей сигарету дал, этой соплячке?

Славка, не ожидавший такой бурной, неопределенно пожал плечами.

- Я уже взрослая и никакая не соплячка. Мне уже скоро двадцать лет стукнет, - вяло попыталась огрызнуться Татьяна, но сигарету выбросила.

- Взрослая, а ума нет. Давай, быстро собирайся и домой!

- Не хочу я домой, - закапризничала девушка.

- Что ты на девчонку навалился? – вмешался, вышедший следом за Фоминых Гомянин. – Сам что ли таким не был? Свадьба все-таки!

- Правда, Володя, что ты так раскипятился? – заступился за девчонку оправившийся от неожиданности Вячеслав. – Ну, не хочешь, чтобы курила, так мы больше давать не будем.

- Не лезь! – отмахнулся старлей.

- Вот. Правильно дядя Слава сказал, - подала голос Татьяна, почувствовав защиту.

- Домой, я сказал, и быстро! Пить меньше надо и вести себя прилично. А от тебя я, Вячеслав, никак не ожидал, девчонка же совсем.

- Да, я... - попытался оправдаться Славка, но Фоминых не стал слу-

шать его оправданий, крепко взял упирающуюся Татьяну за руку и увел одеваться.

Славке ничего другого не оставалось, как вернуться за стол. Народ, как и полагается на свадьбе, уже разгулялся: кто пил, кто танцевал, кто флиртовал с соседкой. Шум от разговоров стал таким, что уже с трудом можно было расслышать соседа. Сашка у окна беседовал о чем-то с комбатом и замполитом, Алина вальсировала с Петром. А вот Галина сидела за столом одна, подперев кулачком подбородок, и явно скучала, глядя на танцующих. Щеголеватый лейтенант-свидетель почему-то сидел в дальнем конце стола и пил водку с совершенно не пьянеющим Ивановым. К этому времени он, видимо, уже настолько поднабрался, что окончательно забыл оставленную им в одиночестве девушку. Не раздумывая долго, Славка поправил галстук и решительно направился в сторону Галины.

- Разрешите?

Галина подняла глаза, улыбнулась в ответ, и, кивнув в знак согласия, последовала с Вячеславом к середине зала.

- А куда ты Танюшку свою дел? – первым делом спросила она, как только они закружились в танце.

- Какую Танюшку? – сделал удивленный вид Вячеслав. – Ах, эту! Домой ушла. И почему это ты решила, что она – моя?

- Как же. Она ведь от тебя почти весь вечер не отходила. Так и светились вся.

- Да и у тебя кавалер, вроде бы, имелся. Или как? – парировал Вячеслав. – Неужели сдулся?

- Или как! - сердито ответила Галина. – Водка ему, как всегда, дорожке оказалась. Венечке водку даже нюхать нельзя, а тут его Иванов пригрел – придется домой на себе тащить!

- Да пусть его Иванов и тащит, раз напоил! Тем более их общага от нашей – метров сто!

- Нехорошо. Вместе свидетелями были, как бросить?

- Хорошенькое дело, а кто девушку домой потом проводит?

- А вот ты и проводишь! – веселые искорки заиграли в глазах Галины. – Или побоишься, кавалер?

- Вот еще, чего бояться? Ты что, кусаешься что ли?

- А вдруг?

- Ну, тогда, видимо, придется силу применить, - улыбнулся Славка, - чтобы в живых остаться. Провожу, конечно, без вопросов!

Часа через полтора, когда веселье пошло на убыль, и окончательно словавшегося Венечку благополучно спровадили домой в комбатовском «уазике», они с Галиной потихоньку оделись и вышли на улицу. Подморозило. На обочинах дорог, где еще днем блестели лужицы, сейчас хрустел под каблуками звонкий ледок. Всю дорогу они в основном молчали:

пара, тройка ничего не значащих фраз и вновь тишина. Вячеслав ощущал легкое волнение от близости шедшей с ним под руку красивой девушки, но мысли его витали далеко. Всего несколько дней назад он по-летнему теплым вечером прогуливался с девушками вдоль высокой набережной Амура, а сейчас вот шагает по темной улице заштатного поселка, затерянного в глубокой тайге. Да еще и с девушкой под ручку! Странная штука – судьба! Никогда не угадаешь, какой еще сюрприз она приготовит. Хотя тот, что она ему преподнесла сейчас, Славку вполне устраивал.

Незаметно они добрались до дома Галины. Решетников, припомнив последнюю встречу, уже хотел, было, проститься, но его остановило неожиданно прозвучавшее приглашение:

- Может, зайдешь?

Не долго раздумывая, он зашел и... остался. А утром, когда возвратился в общежитие, посыльный из штаба сообщил, что вечером ему приказано выехать в Першино, и что деньги и командировочные предписания лейтенант Панкратов уже получил на них обоих.

Глава 3

С четверга, как и предрекал закат, два дня лил проливной дождь. Хорошо, что накануне они с Петром успели разбить главную ось моста и закрепить обноски так, что сдвинуть их с места теперь можно было только бульдозером. Возились они с осью до вечера, и все же, как сказал Панкратов, развернули ее секунд на десять от проектного варианта.

- Теодолит, сволочь, баракхлит! Износился под корень: никакие поверки не помогают.

- Да и бог с ней, с этой осью, - сказал уже порядочно уставший за этот долгий день Славка.

- Ну, не скажи, - пробурчал недовольный этим обстоятельством Петр, - еще неизвестно, как и где это аукнется. Мосты не лохи проектируют!

- Да брось ты! Эти десять секунд погоду что ли сделают? Не вдоль же реки мост ставим, в конце концов.

- Не вдоль. Но, проживем – увидим!

И вот уже вторые сутки они с Панкратовым томились от безделья в общежитии. По оконным отливам монотонно барабанили дождевые капли, навевая сон, а в водосточных трубах ворчали бесконечные потоки. Даже к Деряге на базу ни разу не навевывались. Благо магазин был под боком, так что с голода не умирали. Женя тоже не появлялся, видимо, своих дел было по горло. Уже завтра прибывали первые люди и техника. Петр с обеда подался на почту звонить жене в Питер, а Вячеслав с самого утра просто валялся на кровати, пытаясь забыться, и никак не мог. В голову лезла всякая мура. Да и то сказать: нельзя же круглые сутки спать.

Почему-то вспомнилось, как они с мамой, когда ему было года три

четыре, гуляли по крутому берегу речки Иргиз, что в городе Пугачеве под Оренбургом. Отца тогда перевели в этот степной, пыльный городок переучиваться летать на вертолетах, а Славка только-только пошел в детский садик. Так вот, не успела мать отлучиться куда-то на минуту, как к Славке, считавшему в это время ворон, сзади подобрался откуда-то взявшийся бородатый козел. Не издав ни звука, он разогнался и боднул ребенка. С воем и ревом, до смерти перепугав уже возвращавшуюся назад мать, Славка катился по откосу почти до самой воды. Как потом рассказывала ему, каждый раз удивляясь, мама, у которой в тот момент, естественно, едва не случился сердечный приступ, когда она подхватила его на руки и осмотрела, на сыне не оказалось ни одной, даже маленькой царапины. Бог уберет,- говорила потом бабушка Полина, крестившая Славку тайком от родителей в Твери. ..

А еще через пару дней на него прямо во дворе дома, в котором Славка, мама и папа ютились в десятиметровой комнатенке, напал злющий петух по прозвищу Янычар, и, сбив с ног, так наклевал его в лицо, что едва заметный шрам в уголке губ остался на всю жизнь. Но глаза уцелели, что бабушка тоже считала небесным чудом. Позже он, правда, научился справляться с Янычаром. Отец срезал для Славки метровый хлыстик из прибрежного тальника, и через неделю уже сам Янычар, заметив идущего по дороге парнишку, спешил скрыться куда-нибудь, в самый глухой угол двора. Хорошее было время, беззаботное.

В памяти почему-то всплыл тот день пятьдесят третьего года, когда умер Сталин. И, хотя Славке тогда было всего пять лет, день этот он помнил так отчетливо, как будто все происходило вчера. По всему маленькому городку на стенах домов тогда висели в черных лентах портреты вождя, отец ходил мрачным, а мать вместе с соседками плакала целый день. И все люди плакали. Да и Славка, не слишком понимая, что, собственно, произошло-то, пару раз поревел за компанию...

Он повернулся на бок, и пружины панцирной сетки жалобно скрипнули в ответ. А все равно, прекрасное тогда было время. Счастливое. У отца в каком-то году появился мотоцикл с коляской, кажется, «ижак», который он ласково называл ишаком. На нем они всем семейством исколесили прилегающие к городку окрестности. Он вспомнил, как звонко смеялась сидевшая на заднем сиденье мать, красивая и молодая, когда мотоцикл подбрасывало на кочке, а отец, обернувшись, весело подмигивал вцепившемуся от страха в коляску Славке. Набивали коляску с верхом арбузами, купленными за бесценок прямо на бахче у колхозных сторожей, и после этого Славке приходилось ехать на бензобаке. Отцовская кожаная куртка пахла чем-то родным и знакомым, спине было тепло, встречный ветер ласкова трепал белесые, выгоревшие кудри на макушке. Широкая степь летела навстречу, и сердце замирало от счастья. А потом они дома

ели эти самые арбузы, нарезав их огромными ломтями, вместе с черным, вкуснячим хлебом. Пожалуй, с той далекой поры Славке больше ни разу не пришлось, есть арбуз с хлебом.

Он попытался вспомнить тот забытый вкус детства и сглотнул слюну. Там, в оренбургской степи, в маленьких озерках, поросших по берегам камышом и редкими кустами тальника, вместе с отцом они ловили жирных голянов да еще мелких, с ладошку, карасиков, варили из них на кизяке вкуснейшую, пахнущую дымом уху. А еще отец учил его плавать на Иргизе, маленькой речушке, метров пятнадцати шириной, пересыхающей к концу лета. Славка боялся воды, и чтобы ребенок поборол страх, отец переносил его на середину речки, где была отмель, а сам уходил на берег. Воды, как сейчас понимал Славка, было-то всего по колено. Но тогда ему казалось, что далекий берег был, чуть ли не у самого горизонта, а течение так и норовило стащить его, стоящего по пояс в воде, вниз. И он орал, что было сил. Мама ругалась с хохочущим отцом, но тот оставался непреклонным. Мужчина должен ничего не бояться.

... Неожиданный стук в дверь прервал Славкины воспоминания. В дверях нарисовался ефрейтор Соловьев в выцветшей плащ-палатке, с которой ручьями стекала дождевая вода:

- Здравия желаю, товарищ лейтенант!
- Привет! Тебя, какой черт по такой погоде принес?
- Майор Стешенков срочно вызывает, товарищ лейтенант.
- А он что, приехал что ли?

- Так точно! На путеизмерительной дрезине прибыл. Час назад. Требуется вас вместе с лейтенантом Панкратовым.

- Ну, блин, только его и не хватало! Ты давай-ка, Соловьев, шуруй на почту, Панкратов там сейчас, предупреди. А я соберусь и за ним заскочу по дороге. Предупреди, чтобы подождал!

- Так точно! – Соловьев, не мешкая, вылетел из комнаты.

Уже через двадцать минут они вместе с Петром месили под дождем грязь на дороге в сторону базы.

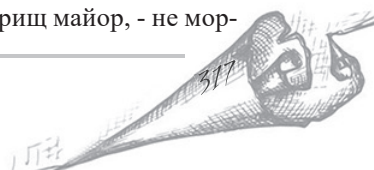
- На кой дьявол мы ему понадобились? – недовольно ворчал Панкратов, так и не успевший толком переговорить с женой.

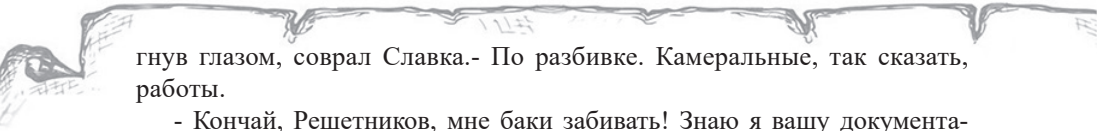
... Начальник штаба прохаживался по свежевыбеленной комнате, поджидая их.

- Товарищ майор, лейтенанты Панкратов и Решетников по вашему распоряжению явились! – отрапортовал Петр.

- Явились, значит! – бросив на них хмурый взгляд, Стешенков устроился за столом, недовольно пожевал губами. – К начальству не являются, Панкратов, а прибывают. Явление, понимаешь, Христа народу! Вы где, голубчики, болтаетесь, что мне вас искать приходится?

- Исполнительную документацию готовим, товарищ майор, - не мор-

гнув глазом, соврал Славка.- По разбивке. Камеральные, так сказать, работы.

- Кончай, Решетников, мне баки забивать! Знаю я вашу документацию. Спите, как сурки, целыми днями!

- Так ведь дождь идет, товарищ майор, - Панкратов тяжело вздохнул, - какая на улице работа?

- Что вы мне все, как один, заладили: дождь да дождь! У этого – тоже дождь! – майор, как понял Вячеслав, намекал на Деряжного. – А помещение для личного состава не готово. Полы не покрашены, люди болтаются без дела, на ходу спят. Разгильдяи вы, короче!

- А мы-то тут при чем? У нас здесь личного состава в подчинении нет, товарищ майор, - начал, было, Петр, но Стешенков тут же оборвал его:

- Вы всегда ни при чем, инженеры хреновы! Хватит бока в общежитии отлеживать. Давайте-ка, засучивайте рукава, берите у Деряжного людей, сколько надо, и чтобы к послезавтра помещение для офицерского состава было готово. Вам все ясно, господа лейтенанты? Или еще что-то нужно растолковывать?

- Да, ясно все, товарищ майор, - уныло протянул Панкратов.

- Вот и прекрасно, что дошло! Кстати, свяжитесь с главным инженером и отчитайтесь перед ним за проделанную работу. А то он комбату толком не может объяснить, что тут на мосту делается. Это и к вам относится, товарищ лейтенант, - Стешенков повернулся к Вячеславу. – Что, сами догадаться не можете, что нужно звонить, или вам каждый раз напоминать нужно? А? – майор сделал паузу. – Идите-ка с глаз моих от греха подальше!

Лейтенанты по-строевому развернулись и один за другим покинули пахнущий свежей краской кабинет. На улице Решетников достал папиросы и закурил:

- Недоволен старик, пыхтит!

- Это у него от погоды, наверное, - Петр поправил промокшую насквозь фуражку. – Ладно, я пошел Поноушенко звонить. Хотя, на кой черт ему этот мой доклад? Тоже спит, поди?

- Докладывай. А я к Деряге – за людьми.

Они разошлись, и Славка направился в сторону будущей казармы, за окнами которой слабо угадывалось некое людское движение.

- Привет! – встретил его Женька. – У Стешенкова уже побывали?

- Побывали.

- Брызжет старик слюной! На говно исходит! А чего брызгать? Я неделю назад докладывал, что людей не хватает. Думаешь, дошло? Он с собой всего пять человек привез, а надо бы, как минимум, – двадцать! Ты за людьми, что ли? Бери человека четыре. Потолок побелите да обои наклейте, и – сгодится! Пол там вроде бы крашенный, да и красить поздно уже сейчас, до послезавтра не высохнет. Краска дерьмовая. А казарму я

сегодня покрасить успею, за два дня высохнет.

- Давай людей, Женя, кончай базззть! Пойду работать! – вздохнул Вячеслав. – Как сказал товарищ Стешенков, засучив рукава! Понял?

Два дня прошли во всяких полезных, с точки зрения майора Стешенкова делах: красили, клеили, перетаскивали мебель. К концу пятницы помещения приобрели вполне сносный вид.

- Ну вот! А говорили, что не успеем! – прохаживался по отремонтированной казарме довольный майор. – Могли бы и без пинков все сделать!

- Это дело надо бы отметить, товарищ майор, - вконец обнаглел довольный похвалой начальства Деряга.

- Отставить! И чтобы среди личного состава ни-ни! Вчера сивухой от кого-то несло, черти что, понимаешь! Я вечером лично проверю. Вы меня правильно поняли, товарищи лейтенанты?

- Все ясно, товарищ майор, - вздохнул поскучневший Женька. – Но не по-людски как-то.

- Вот и хорошо, что ясно! – не стал развивать тему Стешенков. - Отдыхайте, товарищи лейтенанты. И людям своим дайте команду, чтобы отдыхали, а не спирт лопали!

- Ну, уж шиш! - показал Деряга фигу в сторону двери, захлопнувшейся за начштабом. – Щас, я спать пойду, как же! У меня, мужики, кое-что есть, - понизил голос Женька, - пошли-ка ко мне в палатку.

Часть палатки, где проживал взвод Деряжного, была отгорожена дощатой перегородкой, оклеенной по приказу Деряги голубыми в цветочках обоями. Славка, когда первый раз увидел их, долго хохотал, чем обидел жаждущего уюта Женьку.

- Ни хрена ты не понимаешь, Решетников! – огрызнулся тогда Деряга. – Живете, понимаешь, как бирюки: серо и грязно! И невдомек вам, убогим, что жить нужно светло и красиво!

- Чего это тебя на философию-то растащило? – спросил тогда Дерягу Панкратов, но Женька только отмахнулся:

- Да чего с вами толковать, бесполезно!

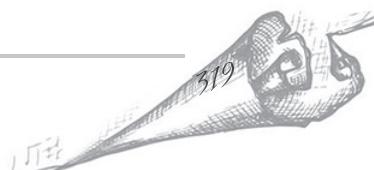
За голубой перегородкой стояла кровать лейтенанта, две табуретки и тумбочка, из которой хозяин вытащил литровую банку, наполненную прозрачной жидкостью.

- Спирт? – догадался Вячеслав.

- Он, родимый! Местные подкатали за пару мешков цемента. Присаживайтесь, мужики, кто куда. Снимай, Петя, шинель.

- Опять спирт! – поморщился Панкратов. - А закусь-то хоть есть?

- А как же! Тушенка имеется, и сайра в собственном соку. Сейчас я на кухню слетаю, картошечки горячей принесу. Думал вместе с начштаба, как люди, посидим, приказал отварить. Ан нет, не получилось. Ладно, я побежал.

Пока Женька отсутствовал, Вячеслав рассказал Петру, как однажды ему пришлось пить спирт прямо из горлышка:

- Да еще без заливона! На Сахалине в студотряде мастером работал, на практике. Поехали на день ССО в Тымовское, а это километров за сто от того места, где трудились. Мы там будущую станцию железной дороги на Ноглики строили. Ну, целый день в этот самый райцентре соревнования всякие, концерты. А вечером, когда собрались домой, выяснилось – нет шофера автобуса. Смылился! Отыскали, а он – никакой! Налопался до риз! Пришлось ночлег искать. Нашли в местной школе. Договорились с директором, дал нам класс. Ночуйте, говорит, если устроит, на партах. Выбирать не приходится, не на улице же ночевать. Ну и, естественно, в магазин, пока тот не закрылся. А там после семи только спирт продают, местный поссовет такое дурацкое постановление издал. Хотя и вина всякие, и шампанское на полках стоит. Пришлось спирт брать. Вернулись в эту самую школу – ни воды, ни закуски! Хорошо, что девчата пирог с брусникой еще днем купили, здоровый такой, в полметра диаметром. Вот и пришлось этим самым пирогом на сухую закусывать.

- А что, воды-то найти не могли, что ли? Не в глухом же лесу.

- Так ночь на дворе. Где тот колодец искать? А людей тревожить – уже поздно! Пришлось прямо из горла.

- Ну и как?

- Нормально. Главное: сначала вдох поглубже сделать, а потом не дышать. А когда выпил, выдыхай потихоньку...

Через пять минут появился Женька с кастрюлей горячей картошки. И компания, глубоко убежденная в том, что после работы должен быть у людей отдых, с чистой совестью отметила трудовые подвиги этих двух суматошных дней.

А утром прибыл первый эшелон с техникой и людьми...

- Подъем, мужики! – в комнату ввалился, как медведь, раскрасневшийся на утреннем морозце Сашка Ворошнин.

Славка взглянул на часы: без пятнадцати шесть.

- Не ори, блин! Всю общагу поднимешь!

- Ха. Да тут кроме вас никого! Я ни в вестибюле, ни в коридоре ни одной живой души не встретил.

- Тем более, не ори! Ты откуда такой красивый и в такую рань?

- От верблюда! Из Советского, конечно. Кстати, тебе горячий, ну прямо пламенный привет от Галины. Чего разлежся, поднимайся.

Славка рывком сел, покрутил головой и окончательно проснулся.

- Брейся по-быстрому, и полетели, - Петр уже прихорашивался у зеркала, висевшего на стене рядом с входной дверью. – А то Стешенков печень прогрызет за опоздание, да и так просто – для собственного удовольствия!

Через двадцать минут они почти бегом летели в сторону расположенной части, а уже в восемь стояли в строю, на разводе, устроенном начальником штаба. В столовой Сашка сообщил: он со своим взводом начинает собирать копровые установки, а с завтрашнего дня, помолясь, бить сваи первой береговой опоры.

- Так что с вас - оси опоры, господа инженера! Обноску я сегодня поставлю, а уже завтра с утра прошу с вашими приборами на мост. Комбат самолично хочет поприсутствовать при забивке первой сваи.

- Не гони пургу, Саша! За нами не заржавеет: все будет в срок! - Вячеслав допил чай. - «Сучий глаз» всегда наготове.

«Сучьим глазом» строители частенько меж собой называли оптические приборы: теодолит и нивелир. Прижилось словцо и в батальоне.

В начале ноября лег снег. Над темной рекой круглые сутки раздавались гулкие удары копров, вколачивающих в галечник железобетонные сваи, и сизый, вонючий дым перегоревшей солярки низко стелился над руслом. Прибывший неделей позже их части мехбат начал отсыпку подходов к мосту. МАЗы сновали между карьером, расположенным километрах в трех от реки, и строящимся мостом с трудолюбием муравьев, высыпая желтый, чистый песок под ножи ползающих вдоль насыпи бульдозеров. На станцию начали поступать вагонами сваи и бетонные облицовочные блоки будущих опор. Бойцы перегружали их из вагонов в машины и вывозили на берег, складировав в штабеля.

Славку, прыгающего с нивелиром возле первой береговой опоры, вызвали в штаб.

- Женя, я поехал, - предупредил Деряжного Вячеслав, заскочивший на секунду в вагончик прорабки, - главный зачем-то вызывает. Смотри, чтобы

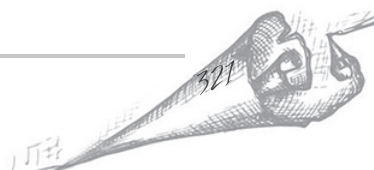
нивелир не угробили! И Зубкова обязательно вызови, а то один компрессор, похоже, гавкнулся! По крайней мере, у Соловьева ни хрена не получается его запустить. До пенсии сваи рубить будем!

В кабинете у главного уже находился лейтенант Иванов.

- Вот, что, мужики! - начал, поздоровавшись, Понюшенко. - С понедельника начинаем выставлять опалубку ростверка, а с десятого - принимать бетон. Руководство договорилось с гидролизным заводом насчет бетона с их РБУ, чтобы свой вручную не месить. Нужно сгонять на гидролизный, конкретно согласовать сроки, ну и все прочее. Цемент мы им поставим.

- А снабженцев нет, что ли? - недовольно спросил Вячеслав. - На кой черт мы за них горбатиться будем? Шишкина вызови, пусть занимается.

- Нет снабженцев. Пока все в Советском отираются. Давайте, ребята, не упирайтесь, нужно сделать! Сроки-то нам никто не отменял. Да, доверенность не забудьте взять.

- Ну, тогда пошли, что ли? - повернулся Вячеслав к Иванову. Может, спирту раздобудем заодно?

- Со спиртом только поосторожнее, мужики! Травится народец и частенько, - предупредил, не удивившись Славкиным словам, Понюшенко.

- Почистим, не впервой! - направился к двери Вячеслав. - Пошли, Саша!

На проходной гидролизного их задержали на несколько минут, пока звонили в управление и выясняли, пускать лейтенантов, или нет.

- Надо было напрямую, - сказал Иванов. - Вон забор-то весь в дырах. Держат кучу охраны, а что толку. Как тащили, все, что под руку попадет, так и тащат. Лучше бы забор залатали.

Вскоре они уже входили в здание заводоуправления. По скрипучей деревянной лестнице лейтенанты поднялись на второй этаж и постучали в дверь с табличкой «Заместитель директора».

- Ты, Слава, давай к заму, а я тут знакомых наведу в лаборатории, - Иванов неожиданно указал в сторону приоткрытой двери в конце коридора, - насчет спиртика попробую договориться.

- Ну, ты даешь! Я, что, один париться буду.

- Да, все нормально! Ты потом зайди в лабораторию-то, я тебя с девчатами познакомлю.

- Ладно, - подумав секунду, согласился Славка, и толкнул дверь в кабинет.

Мужиком заместитель оказался еще не старым, лет под сорок, простым и приветливым, совсем не таким, каким себе представлял лейтенант заместителя директора завода. Переговорив с ним и подписав соответствующее письмо, Вячеслав отправился в бухгалтерию, где передал главному бухгалтеру это самое письмо с визой заместителя, и дождался, пока миловидная женщина, сидевшая за столом в углу комнаты, оформит накладные. Выйдя из бухгалтерии, он аккуратно сложил накладные в нагрудный карман гимнастерки и прошел в конец коридора, где находилась лаборатория.

- Разрешите?

- Входи, входи! - помахал рукой Иванов, вальяжно развалившийся за столом у окна с чашкой чая в руке, напротив него сидела симпатичная, небольшого росточка девчонка, с восхищением смотревшая на своего бравого визави. - Проходи, присаживайся! - Иванов кивнул на стоящий рядом свободный стул.

Славка присел и огляделся. В комнате, уставленной стеллажами с пробирками, какими-то ретортами, было три одетых в белые халатики девушки. Одна у стола смотрела на заливающегося соловьем непонятно о чем Сашку, вторая, рыженькая суешила возле закипающего чайника, а третья переливала какую-то розовую жидкость из колбы в неизвестный Славке никелированный агрегат.

- Товарищ лейтенант, чаю хотите? – улыбнулась, повернувшись к Славке, рыженькая.

- Хочет, хочет, - вмешался в разговор не в меру разболтавшийся Иванов. – Познакомься, Вячеслав! Это – Лена, - он указал на рыженькую, - а это – Ольга, - представил он сидевшую за столом. Ну, а это – Наташа, наша царевна Несмеяна.

Высокая брюнетка, производящая какие-то манипуляции с аппаратом, не прекращая своего занятия и не меняя серьезного выражения лица, повернулась и молча кивнула Славке.

- Мы с девчатами в прошлую субботу на танцах познакомились, - пояснил Вячеславу Иванов. – И подружились. Правда? - он улыбнулся Ольге, ожидая подтверждения сказанного.

- Конечно! – засияла та.

Невооруженным взглядом было заметно, что девчонка по уши втрескалась в бравого лейтенанта. «Вот, сивый мерин, - подумал про себя Славка, - морочит девчонке голову». Он-то видел его жену на свадьбе у Ворошнина. Она как раз накануне приехала в Советский к мужу. Маленькая, привлекательная блондинка, почти так же, как эта девчонка, как маленького, говаривала его идти домой. «Ладно, не мое это дело, - решил Вячеслав, - сами пусть разбираются!»

- Накладные я оформил, - сообщил он Иванову, - Может, пойдем? А то потеряют нас.

- Куда торопиться? Успеем!

- Слава, согрейтесь, – рыженькая Лена налила лейтенанту в стакан крепкого чаю, - Успеете.

- Да я не замерз, спасибо! – ответил Славка, и решил, что торопиться действительно некуда, да и незачем, а посидеть в приятной обстановке, поболтать с симпатичными девчонками куда как приятнее, чем снова топтать на мост по раскисшей к обеду каше из снега и грязи.

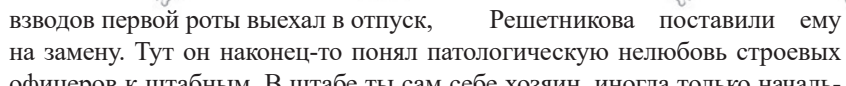
- Нас девчонки в субботу к себе в гости приглашают, - сообщил Иванов, - Посидим. У них пластинки свежие из «Горизонта» есть. Ты как?

- Я? Я с удовольствием! – Славка взглянул на часы: половина двенадцатого. – Александр, собирайся, пора нам! Обед скоро, да и Понюшенко уже, поди, икру мечет. Спасибо за чай!

- Не за что! – улыбнулась в ответ Елена.

- Пора, так пора, - Иванов оторвался, наконец-то, от своей влюбленной пассии. – Давайте, девочки, не скушайте! А в субботу мы обязательно будем! Встречаемся на танцах!

Но в субботу Славке не пришлось попасть в местный дом культуры. Накануне он получил приказ собирать вещички и дуть в Советский. Там намечалась бригадная проверка батальона по технике безопасности. Думал, что дня на два, три, а оказалось, что до конца года. Один из командиров

взводов первой роты выехал в отпуск, Решетникова поставили ему на замену. Тут он наконец-то понял патологическую нелюбовь строевых офицеров к штабным. В штабе ты сам себе хозяин, иногда только начальство потревожит, а во взводе нужно было находиться и день, и ночь, и в выходной, и в проходной. Да еще и отвечать за людей. Он хорошо запомнил фотографии, что хранились у него в делах по несчастным случаям за прошлые годы. Там были изображены замерзшие, скрюченные тела, занесенные снегом. Особенно запомнились черные полусогнутые пальцы руки одного из бойцов, торчащие из сугроба. Напились ребята в увольнительной и не дошли до части из поселка. И не дошли-то всего метров сто. Комбату тогда вlepили выговор, а взводного понизили в звании, отобрали звездочку со старлейских погонов. Так что нужен был глаз да глаз, чтобы подобное не повторилось. Приходилось делать еще кучу всяких бесполезных дел, начиная от ежедневной политинформации и заканчивая вечерней поверкой. А люди попадались разные. Русские, да еще после учебки, были вполне самостоятельными, смышленными бойцами, как правило, уже имевшими на погонах лычки, а вот контингент из южных, окраинных республик нашей необъятной Родины – не того! Образование – три, четыре класса, едва читать, писать умели. По-русски – почти ни бельмеса. Короче, глаз да глаз за ними. И скучать лейтенанту не приходилось. Даже к Галине за все это время вырвался только раз. Она встретила его без особой радости, но не выгнала, оставила. Как он себя ни успокаивал, а нехорошее такое ощущение от этой встречи осталось в глубине души...

В декабре ударили морозы под пятьдесят. Взвод колотил отбойными молотками отверстия в стеновых бетонных блоках подвала под трубы отопления и прочие коммуникации. Какой-то мерин забыл их оставить, когда закладывал фундамент. Водяной конденсат, скапливающийся в отбойных

молотках, постоянно замерзал, и через каждые двадцать минут их приходилось отогревать тут же, на костре. Да и самим отогреваться тоже. Начальство не удосужилось выделить бытовку, дескать, часть рядом, дома отогреются. Выданный на зиму новый полушубок лейтенанта почернел от копоти и бетонной пыли. А в первое время перетянутый ремнями, в белом полушубке, Славка представлял себя таким красавцем-офицером из кинофильмов о войне, и очень себе нравился. Так и хотелось покрасоваться где-нибудь на людях. Сейчас он постоянно шмыгал простуженным носом и сдирал шелушинки кожи с отмороженных ушей. Собственный вид его уже совершенно не тревожил. Главное – не обморозить людей, и передать их в целостности и сохранности вернувшемуся из отпуска командиру. Выходные выпадали редко, то и дело приходилось дежурить по части.

Почти весь офицерский состав находился в Першино, на мосту, и людей не хватало. Единственное, что скрашивало однообразие жизни в

общежитии и время постоянных дежурств по «хате», - он начал переучиваться играть с семиструнки на шестиструнную гитару. И поспособствовал ему в этом сержант Владимир Перминов, писарь их техчасти, свердловчанин. Вообще-то Славка еще со школы играл на семиструнке. В те годы пошла мода на бардовские песни, и отец подарил ему отличную гитару ручной работы, купленную за восемьдесят рублей, бешенные деньги по тем временам. Отец одного из одноклассников Славки показал тогда им три аккорда и уже через неделю они вовсю горланили во дворе: «Не гляди назад, не гляди, лучше имена переставь...». Имена Галича, Клячкина, Городницкого произносились вполголоса, с почтением!

А тут как-то вечером он зашел в каптерку второй роты, к которой был приписан Перминов, хотя и служил при штабе, так как имел высшее образование, и увидел: играет боец что-то шемающее и неувовимо знакомое. И играл он не хуже, чем участники модных тогда вокально-инструментальных ансамблей.

- Что это за вещь? – спросил он сержанта.

- Джон Леннон, товарищ лейтенант. А вещь называется «Моя золотая гитара по-джентельменски рыдает».

- Битлы?

- Так точно.

- Научить сможешь? Только я на семиструнке играю.

- Это уже хорошо, товарищ лейтенант, а на шестиструнной даже легче играть.

Он показал Вячеславу аккорды. И теперь, когда выпадало дежурство, Славка все свободное время проводил во второй роте, брал уроки у Владимира. Они сдружились. Оказалось, что тот до армии действительно играл в какой-то группе.

- Красивая жизнь была! – вспоминал сержант. – Девочки, рестораны, все, как полагается.

- Какие наши годы, Володя, отслужим – и все вернется! Ну, давай, еще разок пробежимся, - вновь брал гитару Вячеслав.

В один прекрасный день, когда Славка, вернувшись из части, уже собирался ложиться спать, но тут на пороге его комнаты возник невесть откуда взявшийся, Ворошнин. Вид он имел угрюмый, взъерошенный и какой-то отрешенный.

- Здорово! – невесело поздоровался он. - Не спишь еще? Я у тебя посижу тут?

- Привет, Саша! – Решетников обрадовался приятелю. – Ты откуда взялся?

- Оттуда, - Сашка мрачно махнул рукой куда-то в сторону.

- А что такой пришибленный? Случилось что-нибудь? – вылез из-под одеяла Славка и начал натягивать брюки. – Да ты садись, в ногах правды

нет. Я сейчас Боговичу скомантую насчет чайка. Выпить, правда, ничего нет, извини.

- Не суетись, - Ворошнин тяжело опустился на табурет. - Я к тебе вот по какому делу: помощь твоя требуется.

- Без вопросов! Чем можем – поможем!

Сашка помолчал несколько мгновений, будто взвешивая, стоит ли об этом говорить, но затем, видимо, решил:

- У меня Алина загуляла. Вот что.

- Да с чего ты взял? – неподдельно удивился такой неожиданной новости Славка.

- А с того! Сегодня в четыре приехал, а ее дома нет. Ну, думаю, на работе. Позвонил, а там говорят, что отгул взяла. Я соседке позвонил, ну, может, она знает, где Алина. А та, змеюка, так ехидненько мне: ты, дескать, ее у Галины поищи. Видели их с какими-то геологами днем. А машина этих геологов и сейчас рядом с Галининым домом стоит. Ну, я туда. Действительно, стоит «уазик» чей-то. Я в дом сунулся, а там закрыто, хотя дым из трубы идет. Я побарабанил, побарабанил, ну и вернулся домой. На сердце кошки скребут, сам понимаешь. Пошел в магазин, а там Галина водку покупает. Я ее спрашиваю: где Алина, а она – не знаю! А у самой глазки бегают, у курвы. Я, когда стемнело, опять к ее хате пошел. Машина стоит, свет в окнах горит, внутри музыка слышится, а на стук никто не отвечает. Хотел, было, окно высадить, но потом передумал, и вот к тебе зашел.

Он достал из кармана полушубка бутылку водки:

- Давай вмажем!

Ошарашенный услышанным Славка выставил из тумбочки на стол стаканы, банку тушенки, и присел рядом:

- А, может, ерунда все это? – вновь начал он, но Сашка резко перебил:

- Кончай! Не держи меня за дурака, Слава! Давай лучше выпьем и вместе сходим до этой сучки. Не возражаешь?

- Не возражаю. Сходим, давай.

Ворошнин разлил водку почти по полному стакану, они залпом выпили, и Славка набросил на плечи полушубок.

- Ну что, потопали?

- Пошли! – поднялся Сашка.

- Богович! – крикнул Вячеслав в котельную. – Прикрой двери за нами, да не дрыхни, я скоро вернусь!

- Я не сплю, товарищ лейтенант, - из двери котельной высунулось чужеземное лицо вестового.

- Ладно, дверь на ключ закрой! Не хватало, чтобы нас обворовали!

В морозной темноте снег звонко скрипел под валенками. Еще метров за сто до цели они разглядели, точнее, почувствовали, что рядом с домом

Галины раздавались чьи-то голоса, женский смех. А потом неожиданно вспыхнули фары, заревел мотор и от дома в противоположную от них сторону стал удаляться «уазик». В темноте высветился квадрат двери, и две женские фигуры в накинутых на плечи пальто проскользнули внутрь помещения. Сашка внезапно остановился на месте, как будто натолкнулся на стену, и сжал кулаки, да так, что заскрипели суставы. «Да, не повезло тебе дружище, - мелькнуло в голове у Славки, - не позавидуешь! Не зря соседка болтает! Нет, видимо, дыма без огня».

- Я, пожалуй, пойду, - повернулся он к Ворошнину, - сам теперь разберешься.

- Подожди, - глухо произнес Ворошнин, - я с тобой.

- Ну, пошли! – удивился Вячеслав.

Внезапное решение приятеля его обрадовало. Действительно, утро вечера мудренее. Вячеслав подтолкнул Сашку вперед, но в этот момент знакомая дверь со скрипом распахнулась, и на улицу выскочила Алина, застегивая пуговицы пальто. Прямо на пороге она чмокнула в щеку провожавшую ее Галину и побежала по тропинке, едва не налетев на Сашку. Увидев перед собой мужа, Алина застыла, как вкопанная.

- Вот, значит, как, - выдал из себя с хрипом Сашка. – Так, значит, получается. Сука ты! – он внезапно развернулся и ударил Алину по лицу.

Та взвизгнула и бросилась назад, к дому, где из освещенного проема двери наблюдала за всем происходящим подруга. Дверь за ними захлопнулась, и Галина прокричала в приоткрытую щель:

- Дурак! Я сейчас милицию вызову!

Сгорбившийся Сашка отрешенно махнул рукой, резко, как в строю, развернулся и пошел прочь. Славка последовал за ним. Шли они молча, говорить было не о чем. Да, и, что тут скажешь. «Сроду не женюсь, - подумал расстроенный за друга Славка, - на кой мне фиг такие фортели в жизни?»

- Я здесь заночую, - сказал Ворошнин, когда они подошли к общежитию, - ты не ложись, я сейчас!

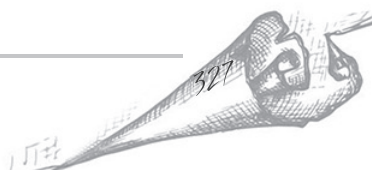
Он исчез в темноте, а Славка попинал ногой входную дверь, поднимая, как всегда дрыхнувшего Боговича, и, сняв полушубок, отправился на кухню греть чайник. Едва тот закипел, как появился Сашка с бутылкой спирта. Они допили оставшуюся водку и принялись за спирт.

- Что я ей такого сделал? – растерянно спрашивал Сашка приятеля. – Чем не угодил?

- Да все они такие! – поддакивал ему уже порядком захмелевший Вячеслав. – Брось ты, все перемелется – мука будет! Не бери в голову!

- Ну нет, никогда ей не прощу, суке! – вскипал Ворошнин. – На коленях ползать будет – не прощу!

- Зря ты ей по морде-то. Женщина все-таки.

- Сам не знаю, как получилось. Потемнело в глазах, ни хрена не соображал. Наливай помаленьку, Славка, за холостую жизнь.

- Еще помирись.

- А ты бы вот простил?

- Не знаю, - минуту подумав, ответил Славка.

- Ну, то-то же.

Часам к двум ночи спирт закончился, они надрались так, что Решетников утром не мог вспомнить, как ложился спать. Приведя себя в порядок, он отправился в часть, а Сашка дотопал до вокзала, чтобы словить попутную дрезину до Першино. Славка, удрученный его хмурым видом, про себя пожалел товарища, но ничего говорить не стал. Выкарабкается мужик. Время лечит! Они распрощались на перроне.

А двадцать восьмого декабря Вячеслав передал взвод прибывшему из отпуска законному командиру и поехал в отпуск к родителям в Куйбышев, куда его почти силком отправил начштаба.

- Набежало десять дней отпуска в текущем году, - пояснил заместитель начштаба Николай Суровцев, - положено отгулять. Хоть тридцать первого декабря, а положено. Езжай, не ерепенься, родителей повидашь, в городе погуляешь. Новый год в домашней обстановке встретишь, а не в общаге. Я бы сейчас с превеликим удовольствием маманиной стряпни отведал! - мечтательно произнес он, выдавая Вячеславу отпускное предписание.

Вечером Славка погрузился в промороженный, полупустой вагон, в котором измученная проводница постоянно носилась туда-сюда с грелкой, наполненной кипятком, пытаясь отогреть то замерзшие трубы отопления, то туалет. Дубак был такой, что он завалился спать, не снимая шинели и сапог, натянув поверх три одеяла. Благо, купейный вагон шел почти пустым. А тридцать первого он был уже в Куйбышеве.

Глава 4

Во второй половине января, сразу после возвращения из отпуска, Славку вновь направили в Першино. Первый, кого он встретил на территории базы, был Иванов, с красной повязкой дежурного по части.

- Ба, кого я вижу! Что там, в Советском новенького? Ты когда из отпуска?

- Да я в Советском-то толком и не был: только приехал, сразу же откомандировали сюда.

- Вот и прекрасненько! Не фиг тебе при штабе отираться, штаны просяживать! Нам с Гомянинным как раз компаньон нужен. Девчат из лаборатории помнишь?

- Помню.

- У Ольги родичи отбыли в родные, так сказать, пенаты, и она те-

перь в квартире одна живет. Вечерком заглянуть на огонек – пожалуйста, никаких проблем! Спирт, сам понимаешь, – высший сорт, лабораторная очистка. Только к Ольге кроме Ленки еще соседка пристала, в том же доме живет. Так что девчонок три, а нас с Гомяниным – двое. Некомплект. Надо это дело поправлять!

- Дерягу бы прихватили, или Сашку Ворошнина.

- Деряга жене верность блюдет, не уговоришь, а Сашка, кажись, со своей Алиной помирился. Я ему тут попытался внушить, что горбатого могила исправит, а он мне чуть морду за это не набил!

- И правильно сделал! Не фиг в чужие дела соваться, в своих разбирайся, советчик. Сегодня поссорились, завтра – помирились! Милые бранятся – только тешатся! Или, как там еще: чужая семья – потемки! Где, кстати, Понюшенко найти можно?

- А, где ему быть. В штабе сидит наш Виталик. На мосту грязно, сам знаешь да и холодно шибко. А главный наш холода не переносит! Он все спит и видит, что его в Москву перевели, к дорожному тесню под крыло.

Главный инженер действительно, страсть как не любил бывать на объектах. Попал он в армию случайно. После окончания института женился на дочке какого-то большого начальника в министерстве обороны. И жили бы себе молодые, не тужили в столице, да тут, как снег на голову – повестка! А папаша где-то в это время, как на грех, в командировке был. Ну, конечно, позвонил кому надо: нужно же зятя спасти. Но какой-то винтик во всех этих самых папашиних связях не сработал, и загремел Виталий Понюшенко в желдорбат, да еще и на Север. Вот и отбывал потихоньку номер, дожидаясь, когда его, как он говорил в минуты откровенности, то ли в ракетные войска переведут, поближе к столице, а то и в саму первопрестольную. Совсем из войск он уйти не мог, можно было папаше навредить. А это все равно, что самому себе в карман нагадить. Даже самый последний кретин такого не сделает..

Славка отправился в штаб, где и нашел Понюшенко, восседающего в кабинете за столом, заваленным кучей бумаг. Вячеславу он искренне обрадовался:

- Вот и хорошо, что ты появился, а то мне срочно в Советский надо. А оставить, сам понимаешь, за себя некого.

- А Панкратов где?

- К нему жена приехала, три дня в счет отпуска у комбата выпросил. Отдыхает. Ты, Вячеслав, устраивайся да слетай-ка на мост. Надо посмотреть, что да как. А то я сегодня там еще не был: бумажные дела заели.

Славка понимающе ухмыльнулся, молча кивнул в ответ и вышел. Он бросил сумку с вещами в общежитии, поймал на дороге попутный самосвал с песком и отправился на мост, по которому уже успел соскучиться. Копровые установки к этому времени с берега перетащили на лед.

Два ПКК, передвижных крана-копра, долбили металлический шпунт под вторую и третью русловые опоры, а на первой, уже почти собранной, устанавливали опалубку под опорные части ферм. Шпунт с трудом лез в каменистое дно реки, звеня на всю округу и осыпаясь застарелой ржавчиной из замковых соединений. Шпунт – профильные сваи из гнутого, с замками по краям толстеного металлического листа. Его забивали сплошным забором вокруг места будущей опоры прямо через лед в дно реки, а потом, когда забор горючить заканчивали, начинали из огороженного пространства откачивать воду насосами. Дно обнажалось, и можно было работать: забивать железобетонные сваи, бетонировать ростверк и монтировать блоки тела опоры. Конечно, вода дырочки в замках шпунта все-таки находила. Поэтому насосы «андижанцы» молотили круглосуточно, сжигая тонны солярки, а по гальке обнажившегося дна реки бежали нескончаемые ручейки парящей на морозе воды.

Работы по устройству мостовых опор проводились, как правило, зимой.

Во-первых, не нужно было наводить понтонную переправу под необходимую для работы технику, - это сильно сокращало сроки возведения объекта да и средства тоже. То ли дело: бросил рельсы прямо на лед, приморозил их и гоняй копры-краны вдоль фронта строительства! Мало одного крана – поставь рядом второй. Во-вторых, весной, когда наступало половодье, и батальон отбывал на ежегодную боевую учебу в Советский, не нужно было ничего капитального с реки демонтировать. Перегнал кран на берег, снял десяток рельсовых звеньев – и привет! И хотя зимой условия труда куда как суровей, чем летом, основные работы по опорам проводились именно в зимний период. А люди выдержат! Не подвела бы техника.

Тут и там, на берегу и прямо на льду горели костры, сновали бойцы, поблескивая глазами сквозь прорези шерстяных масок, грохотала техника. Над рекой стоял сизый дым от сгоревшей солярки и пар от огромной, промытой рекой выше по течению полыньи. В вагончике, где хранилась документация, и любило во время инспекций посиживать начальство, за облезлым столом азартно сражались в домино Гомянин с Ворошнинным.

- О, какие люди и без охраны! – Ворошнин обнял Славку. - Приехал, значит. Как там Большая земля поживает?

- А что ей делается, стоит!

- С прибытием, Решетников! Садись, третьим будешь, - предложил Юрка, пожимая приятельно руку.

- Не, не хочу. И как вам только эта лабуда не надоела? А где Деряга?

- За доской в зону уехал. Присаживайся. Что там, в Советском, новенького?

- Да не был я в Советском практически. Вы - то тут как?

- А что мы. План идет, контора пишет. Обычно все.

- Гляжу, береговая почти готова.

- А ты думал, мы тут спим что ли? – хмыкнул Ворошнин.

- Да ничего я не думал.

- Ну, тогда садись и пей чай!

Доску для опалубки, лесов и прочих нужд батальон получал на бирже номер два. Вячеславу тоже как-то пришлось там побывать, осенью, в прошлом году. Когда их машину наконец-то проверила бдительная охрана на въезде в зону, он с накладными отправился в сторону пилорамы, к указанному начальником караула вагончику, над которым вился легкий дымок. В вагончике находились двое: опрятно одетый зек, лысый, как бильярдный шар, лет сорока, и понуро стоящий перед ним доходяга в телогрейке с вырванным клоком на боку.

- О, гражданин начальник! – лысый зек радостно заулыбался и выскокил из-за стола навстречу. – Что нужно, дорогой? А... доски! Эй, ты, стой! – остановил он, уже было собравшегося уходить, доходягу. – Лети мухой, найди Черепа! Пусть восемь кубиков сороковки отгрузит армейцам. Топай, чего встал! – он отвернулся от доходяги, словно, забыл про него, как будто того тут никогда и не было.

- Чайком побалуемся, лейтенант? Присаживайся, в ногах правды нет. Да не беспокойся ты, все будет в порядке. Полчаса мои хмыри все равно провозятся.

За чаем, если так можно было назвать налитый в эмалированные кружки крепчайший, как деготь, чифир, они познакомились. Из уважения к гостю, Федор Иванович, так звали зека, разбавил ему напиток кипятком:

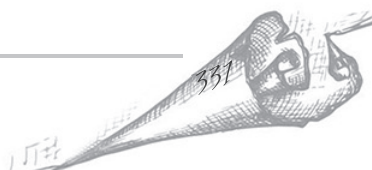
- Пей, лейтенант, чай – вещь полезная!

И все время, пока грузилась доска, они мирно беседовали. Выяснилось, что Федор Иванович, сидел уже лет семь. До лагеря он работал шофером на пассажирском автобусе и однажды, где-то на трассе случайно уснул за рулем.

- Пятнадцать лет за баранкой, лейтенант, и сроду такого не случилось. А тут бес попугал!

Неуправляемый автобус перевернулся, погибли люди. Вот ему и впяли четырнадцать лет. Но он на суд не в обиде, сам понимает – виноват! В лагере он в авторитете, так что жить можно. И если все дальше пойдет нормально, то через пару - тройку лет можно выйти на волю досрочно за примерное поведение:

- Только вот на воле-то мне податься уже некуда. Жена замуж за другого выскочила, и года не прошло, как посадили. Детей нам бог не дал, и хорошо, что не дал, а родители мои еще до лагеря прибрались. Так что мне отсюда особенно и спешить некуда. Ты, Вячеслав, в следующий раз водченки с собой прихвати. Ты не думай, расплачусь: хочешь деньгами, а нет – товаром. А то тут иной раз такая тоска прихватит, что хоть вешайся! А тяпнешь граммов двести, и на душе полегче.

- А как ее сюда пронести-то?

- Да обыкновенно, под шинелью. Вас охрана обыскивать не станет. Если чего кому из мужиков ваших надо, скажи, смастерим в лучшем виде – умельцев всяких здесь не меряно. Только закажите заранее, через шнырей, что у моста лес пихают. А те уже передадут. Скажете: Федору Ивановичу, вмиг исполнят, меня тут все знают.

Прибежал давешний доходяга и доложил, что доска погружена. Они сердечно распрощались с Федором Ивановичем, довольные друг другом. С того дня заказать в лагере какой-нибудь подарок: охотничий нож, кухонную утварь, женские сапоги качеством, кстати, не хуже, чем в столичном магазине «Прага», стало плевым делом. Валютой служили в основном водка да чай...

- Ладно, мужики! Я пойду, пройдусь, посмотрю, что делается: полтора месяца на объекте не был, - объявил напившийся чаю Вячеслав.

- Понюшенко, что ли с инспекцией прислал? – спросил, не отрывая взгляда от костяшек домино, Сашка и сам себе ответил: – точно, Понюшенко, больше некому! Он сам-то сюда – ни ногой. Как черт ладана боится грязи и копоты!

- Да нет, не Понюшенко, - не стал объясняться перед приятелями, чтобы не ставить лишний раз главного в неудобное положение, Вячеслав. - Сам давно не был. Интересно все-таки, что вы здесь за это время, пока я отсутствовал, наварганили? Или только баклуши били?

- Подожди, я с тобой, - поднялся Гомянин, в завершение игры, со всего размаха треснув по столу последней косточкой, – рыба!

- Топайте. Я попозже, – взялся за телефон Сашка. – Мне тут позвонить нужно кое-куда. Да, будь другом, передай там Соловьеву, чтобы он четырех человек после обеда на разгрузку свай отправил, - попросил он Решетникова.

- Передам.

- Алине все названивает, - пояснил Юрий, когда они вышли из вагончика.

Славка кивнул, чего тут было удивительного. Почему-то, совершенно не к месту, вспомнилась Галина. Тоже, мать ее, – не подарочек! Он сплунул под ноги, чертыхнулся и поспешил за Гомяниным вниз по откосу, на лед реки. Многочисленные тропинки, натопанные по грязному снегу сотнями солдатских валенок и сапог, пересекали реку от берега до берега.

- Через неделю шпунт на этих опорах закончим! – прокричал, перекрывая грохот молотов, Гомянин прямо в ухо Славке, и махнул рукой в сторону копровых установок. Шпунт ударам двухтонных молотов поддавался плохо из-за того, что грунт под илистым дном реки был галечным, попадались и камни.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – прокричал Вячеславу боец в

засаленной телогрейке без знаков различия, методично дергающий пеньковую веревку, которая приводила в действие кран топливного насоса на молоте.

Славка не сразу признал в улыбающемся, с прокопченным, как у негра, лицом солдате ефрейтора Соловьева.

- Здорово, Соловьев! – обрадовался он старому знакомому. – Давненько тебя не видел. Ну, как тут у вас?

- Нормально, товарищ лейтенант, работаем.

- Ты что, с самой осени все тут ишачишь?

- Да нет, отправляли на месяц в учебный центр на сварщика учиться.

- Ну и как, выучился?

- Так точно!

- А чего же тогда на копре мантулишь?

- Пока варить нечего. Вот в смену и поставили.

- Ты вот что лучше скажи, сколько еще шпунтин планируешь до конца смены заколотить? – вмешался в разговор Гомянин.

- Ну, штуки три, не больше, товарищ лейтенант. Грунт попался долбаный, не лезут проклятые никак до отметок.

- Это за всю смену будет восемь. Не густо, - подсчитал Юрий, растирая ладонью замерзшее на ветру ухо. – У Иванова уже сейчас восьмую выставляют. Опять Гук будет скрипеть, что хреново пашем!

- Ну, может, у них камней поменьше попадается? – сказал Вячеслав. – Наверстаете еще!

- Это ты комбату скажи.

- А что, и скажу, если надо.

- До фантиков ему твои соображения. Командованию план подавай, а все остальное – чмо!

- Ладно, не ной! В прошлом месяце премию получили?

- Ну, получили.

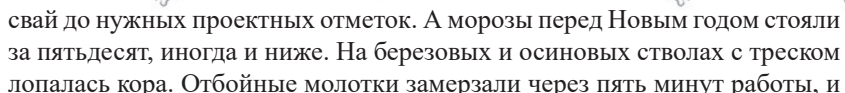
- И в этом получите. Радуйся, что морозов пока больших нет, а то и восемь шпунтин в смену фиг бы заколотил. Ну, бывай, Соловьев, не хворавай! Еще увидимся! Да, вот что, Ворошнин передал, чтобы ты четырех человек на разгрузку свай после обеда отправил.

- Конечно, увидимся, товарищ лейтенант! - сверкнул зубами в ответ ефрейтор. – Тут не потеряешься!

- Это точно! Кстати, - поинтересовался Вячеслав у Гомянина, когда они повернули назад к берегу, - слышал, что вы тут, как-то решили проблему обрубки свай. Да так, что и компрессоров не надо.

- Было дело. Коля Суровцев помог. Компрессора, конечно, все равно нужны, как без них, но способ Колька придумал преотличный!

В декабре на береговой опоре для заливки ростверка бетоном необходимо было обрубить оголовки почти полутора сотен железобетонных

свай до нужных проектных отметок. А морозы перед Новым годом стояли за пятьдесят, иногда и ниже. На березовых и осиновых стволах с треском лопалась кора. Отбойные молотки замерзли через пять минут работы, и бойцы их больше грели на кострах, чем долбили бетон. Техника выходила из строя, а ремонтировать ее при таких низких температурах не было никакой возможности, пальцы пристывали к металлу. Да и сами люди долго не выдерживали без огня, хотя по приказу комбата всех переодели вместо телогреек в полушубки, а на лица заставили натянуть шерстяные маски, полностью закрывавшие все лицо, кроме глаз. План горел. Из бригады летели отборные матюки, но дело от этого быстрее не двигалось.

И тогда заместитель начштаба Николай Суровцев предложил для отбойки бетона использовать кумулятивные заряды, по пятьдесят граммов тротила. Вообще-то эти заряды прежде в мирных целях никогда не использовались, а применялись только в военное время для пробивки отверстий во всевозможных препятствиях под прокладку коммуникаций и тому подобного. Их сразу штуки по три начали закреплять на торчащих из дна реки оголовках свай, соединять проводами, и, убрав людей подальше от шпунта, подрывать. Бах! И бетон вылетал за мгновение сразу на десятке свай. Оставалось только обрезать бензорезом арматуру да слегка почистить сваю отбойным молотком. Со всеми сваями, а их было больше ста пятидесяти, справились за три дня, и бетонирование начали в срок. А главное, людей не поморозили. Повеселевший комбат тут же выписал всем, причастным к этому грандиозному делу, кое-какие деньги, как он выразился: «детюшкам – на молочишко». Да и роты за перевыполнение плана тоже не остались без премиальных. А премиальные в жизни солдата, пусть это была всего лишь десятка, дорогого стоили. Денежное довольствие рядового составляло три рубля восемьдесят копеек, на такие деньги не разгуляешься. На дешевые сигареты тем, кто не переносил махру, выдаваемую Нигматулиным ротным старшинам бесплатно, конечно, хватало. Но все они, и рядовые, и сержанты были вчерашними школьниками, мальчишками. Хотелось и конфет, и пряников. Так что десять рублей – это было десять рублей! Сумма!

- Ты Иванова уже видел, когда приехал? – спросил Гомянин.
- Видел.
- К девочкам вечером пойдем?
- До вечера еще дожить надо.
- А, ерунда! Доживем! Куда нам деваться, молодым и красивым. Так ты пойдешь или нет, чего молчишь-то?
- Ладно, привет Ворошнину! – Решетников, не отвечая на вопрос приятеля, протянул Гомянину руку. – Я в батальон поехал.
- А что так рано-то?
- Да бумаги кое-какие в штабе надо перешерстить. А то опять какие-

нибудь козлы из бригады с проверкой нагрянут! И к семинару по ТБ подготовиться не мешало бы.

- Что, и чаю не попьешь? А если есть желание и спиртик имеется для сугреву? Сдался тебе этот семинар, один черт никто слушать не станет.

- Нет, я все-таки поеду. Если что – вечером причастимся, не горит! Ну, прощай! До вечера! – Славка хлопнул приятеля по плечу и побежал к съезжавшему с насыпи самосвалу.

В части он доложил Понюшенко, что на мосту все в порядке, а тот, вместо благодарности, усадил его срочно корректировать календарный график строительства.

- Да у меня своих дел по горло! – попытался отбиться от задания Вячеслав, но обычно покладистый Понюшенко на этот раз не сдавался:

- Кривякин из бригады должен на неделе нагрянуть, может быть, и завтра. Так что ты уж постарайся. Тем более - с твоими-то способностями к рисованию, - польстил он Славке. - А Кривякину что главное – чтобы красиво было и в соответствии с утвержденным планом!

- А техника безопасности как же? У меня же семинар в ротах завтра!

- Подождет твоя техника безопасности! После графика ею займешься. Кстати, пора переобучение стропалей организовывать, срок подходит.

- Во! А ты ко мне со своим графиком привязался!

- Давай, давай, работай, не гунди!

И Вячеславу до самого ужина пришлось корпеть над этим долбаным графиком. Закончить он его так и не успел. Прибыли с моста ребята и все гурьбой направились в столовую. А сразу после ужина они втроем: Славка, Иванов и Гомянин, прихватив мясных консервов, селедки и кое-чего еще по мелочи, как и договаривались днем, отправились в гости к Ольге, той самой лаборанточке с гидролизного, где, по словам Иванова, их с терпением ожидали.

- Только, если соседка страшная, я сразу сваливаю, - предупредил приятелей Славка.

- Очень даже ничего девочка, - успокоил его Гомянин, - и ум, и образование – все при ней! – он выразительно руками обрисовал фигуру предполагаемой Славкиной партнерши.

- Симпатичная девчонка, - подтвердил Иванов.

Ольга жила почти в самом центре поселка. Квартира ей осталась от родителей, уехавших куда-то, не то в Орловскую, не то в Белгородскую область, а, может быть, и на Украину. Иванов, давно крутивший роман с этой девчонкой, и тот точно не знал, куда. Да и не очень этим интересовался. Короче, надоело местное захолустье людям, вот они и подались к себе на историческую родину, где, как говорится, и воздух сладок. Хотели и дочь с собой забрать, но та заупрямилась, дескать, уже не маленькая, да и работа чистая, женская в лаборатории. Порешили, что до весны она

поживет одна, а там видно будет. Настоящей причиной отказа, конечно, были ее затянувшиеся и далеко не детские отношения с Ивановым. Она попросту втрескалась по уши в нахального и развеселого лейтенанта. Ну, а тот и рад стараться. И ведь помалкивал, как партизан, что в Советском жена законная имеется. А когда та приезжала вместе с другими женами офицеров в Першино по выходным на побывку к мужу, забивал девчонке баки, что дежурит по части. Пока все до поры до времени проходило гладко...

- Обманываешь девочку, скотина! – пенял приятелю Сашка Ворошнин. – Вот погоди, родители ее прознают, оборвут тебе всё, что в штанах! И правильно сделают.

- Ой, какие мы правильные! – парировал Иванов. – Сами будто не рысачили!

- Кончайте вы собачиться! – вмешивался, как обычно, успокаивая петухов, Гомянин. – Оба хороши! Но ты смотри, Иванов, будь поосторожнее, а то действительно влипнешь!

- А сам-то чего, не боишься?!

- А чего я? Ленке уже двадцать два, а не как твоей Ольге – только-только восемнадцать исполнилось!

Особенно неодобрительно к этой связи относился доктор:

- А вдруг забеременеет, что делать будешь? Испортишь жизнь девушке да и себе тоже.

- Не забеременеет, - легкомысленно отвечал Иванов.

- Все так думают, но только получается наоборот, - назидательно выговаривал приятелю Абрамян, но слова его отлетали от Сашки, как от стенки горох.

- Смотри, будешь потом локти кусать! – хмуро завершал Ворошнин, и разговор на этом заканчивался...

Дверь им открыла хозяйка квартиры:

- Ой, мальчики, здравствуйте! Проходите, пожалуйста, раздевайтесь. Вот сюда, на вешалку шинели вешайте.

- Не, Ольга, ты лучше стул вынеси, а то мы тебе своим обмундированием вешалку напрочь оторвем, - пробасил в ответ Юрий. – Две шинели твоя вешалка еще выдерживает, а три – вряд ли. А Славка вон в кожане тем более.

- Проходите, Слава, в комнату, не стесняйтесь! – пригласила Вячеслава Ольга, признав в нем того самого лейтенанта, которого видела только однажды на заводе два месяца назад.

- Давайте, давайте, мужики, проходите! А я на кухню, помогу банки вспороть, - Иванов прихватил принесенную поклажу и пошел вслед за Ольгой на кухню.

В комнате сидели две принаряженные девушки и рассматривали

какой-то журнал. В одной Вячеслав сразу узнал рыжеволосую Лену из лаборатории, а вторая, совсем молоденькая, была ему незнакома.

- Договариваемся на берегу, - шепнул ему на ухо Гомянин, - Ленка, чур, - моя! - И уже вслух: - Знакомьтесь, девочки, это - Вячеслав, а это - Лена и Катя.

- Да мы со Славой уже знакомы, - сказала Елена. - Помните, Слава, вы у нас в лаборатории с Сашей осенью были? Мы вас тогда еще чаем поили. Помните?

- Помню, конечно. И даже чай ваш помню, душистый такой, с травами всякими.

- Точно. А Слава из Хабаровска, - сообщила Лена тоненькой, черноглазой, лет шестнадцати на вид, но уже с достойными формами девчужке.

- Давайте, что ли, радиолу заведем? - засмушалась та, заметив оценивающий взгляд Вячеслава, и бросилась ставить пластинку.

- Понравилась наша Катюша? - открыто и просто улыбнулась Елена, - не краснейте, как деревенская девица, Слава. На Катерину все мужчины с первого раза, как только увидят, западают.

- Прекрати, Лена, - вовсе смутилась Катя, - что ты такое говоришь? Нельзя же вот так, да еще при незнакомых...

В этот момент из кухни появились Иванов и Ольга с тарелками в руках.

- Ну, давайте все за стол! - солидно, на правах хозяина пригласил приятелей Иванов. - Слава, садись рядом с Катериной. А ты, Юра, доставай посуду из серванта. Ну, и остальное - тоже.

Юрий вытащил из застекленного шкафчика трехлитровую, почти полную банку, как сразу догадался Вячеслав, спирта и водрузил ее на стол:

- Прямо из банки будем? - ухмыльнулся он, встряхнув ее содержимое. - Или как?

- Прекрати, Юра! Возьми на полочке графин. Да водой разведите, а то все внутренности сожжете, - вмешалась Ольга. - Я сейчас сироп вишневый принесу.

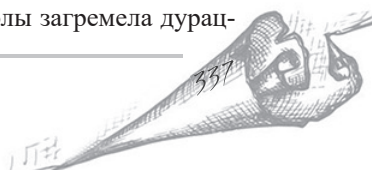
- И, правда, мальчики - с сиропом вкуснее! - подтвердила, пристраиваясь на стуле рядом с Гомяниным и смахивая со лба выбившуюся из прически рыжую прядь, Лена.

- Это вы, девочки, разводите, а мы лучше чистый будем. Как, мужики, поддерживаете?

- Давай чистый, ты Вячеслав не против? - спросил Иванов.

- Каждый пьет, как хочет. А девчатам мы разбавим с вишневым соком и послабже. Будет, как домашняя наливка. У меня бабушка в Москве всегда вишневую наливку ставила, - вспомнил Гомянин. - Саша, поставь-ка музыку позабористей, создай настроение!

Иванов поднялся, сменил пластинку, и из радиолы загремела дурац-

кая, но вполне веселенькая песенка: «Остался у меня на память от тебя портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо!».

- За прекрасных дам! – поднял рюмку Гомянин.

- И за хозяйку этого замечательного дома! – поддержал его Иванов, чокаясь с Ольгой.

Весь дальнейший вечер выпивали, танцевали,. Славка освоился, первая скованность быстро прошла, и чувствовал он себя вполне непринужденно. Почти весь вечер Вячеслав протанцевал с черноглазой Катериной, так как все его попытки пригласить на очередной танец рыженькую Лену встречали безмолвный, но яростный отпор Юрки Гомянина. Пришлось смириться. Ну, а Ольга, та сама не отпускала Александра от себя ни на шаг.

- А что вы, когда службу закончите, делать будете? – спросила Катерина Вячеслава, когда они в очередной раз устроились за столом. – Здесь останетесь, или куда поедете?

- Не думал еще.

- Зря, - вмешался в разговор Гомянин, - Я уже почву в Москве прошупываю через друзей.

- Не знаю, надо еще дослужить.

- Дослужишь, - сказал Сашка, произнося очередной тост.

К двенадцати Лена засобиралась домой, она жила на другом краю поселка, и Гомянин пошел ее провожать. Славка тоже решил, что пора отваливать, к тому же он изрядно захмелел.

- Спасибо за угощение, дорогая хозяйюшка! – поблагодарил он Ольгу. – Пора и честь знать. Ты идешь? – спросил он Иванова.

- Я чуть позже подгребу. Помогу Оленьке прибраться, да воды с колонки подтащить надо. Ты вон Катерину до дому проводи.

- Да, что меня провожать! Я ведь в соседнем подъезде живу, - начала было отказываться девушка.

- Проводи, проводи, мало ли что! А вдруг на улице хулиганы подкарауливают, - заржал Александр. – Нет, ты ее обязательно проводи, Слава, - подмигнул он товарищу, - а то, не дай бог, что по дороге случится! Оступится барышня, или еще что...

Вячеслав показал приятелю кулак, еще раз поблагодарил Ольгу, помог Катерине надеть пальто, затянул на полушубке потуже португеею, и они с девушкой наконец-то покинули гостеприимную квартиру.

- Мне сюда, - остановилась возле соседнего подъезда девушка.

Славка посмотрел сверху вниз на едва различимое под светом звезд лицо Кати. Выражения глаз ее он не видел, но даже кожей чувствовал, как девушка напряглась в ожидании. Он, было, хотел облапить ее, такую тоненькую и беззащитную, но что-то его останавливало. Девчонка едва во взрослую жизнь окунулась, а он-то что? Совсем ведь соплячка, сама

еще не знает, чего хочет. Он еще раз глубоко вдохнул, достал сигареты и, чиркнув спичкой, закурил. Пора прощаться!

- До свидания, Катюша! Спасибо за вечер! Было очень приятно познакомиться! – Вячеслав чмокнул девушку в щеку и, резко развернувшись, зашагал по громко заскрипевшему снегу в сторону дороги.

- До свидания! – прощально донеслось ему вслед.

Он повернулся, коротко помахал рукой, и одинокий женский силуэт растаял в крошечном мраке двора.

Как и предполагалось, в начале февраля из бригады с проверкой состояния грешных дел батальона нагрянула делегация во главе с главным инженером бригады полковником Кривякиным. Громогласный, краснолицый, двухметрового роста полковник ворвался в штаб батальона, как смерч. Во-первых, он сразу же, без промедления отправился на мост, чтобы лично убедиться в том, что все, о чем ему докладывают, существует на этом свете, а не является досужим вымыслом ловких штабистов. И первое, что он предпринял на объекте, проверил ведение текущей исполнительной документации.

- А где у тебя, Решетников, график производства работ? – рычал он, оглядывая прорабку.

- Так, вот он, товарищ полковник, на стенке.

- А где акты скрытых работ?

- Папка номер семь, товарищ полковник, - доставал Славка из застеленного шкафа соответствующий грессбух.

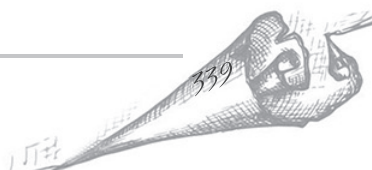
Судя по тому, как кипение полковника потихоньку стихало, он остался доволен тем порядком, который увидел.

- Ладно, пошли к личному составу, поговорим с народом, - отвязался он от Вячеслава. - Ворошнин, веди!

На крутом берегу полковник поскользнулся и чуть не скатился на известном месте прямо на лед, к дымящейся паром полынье. Вот тут-то Славке и досталось по первое число. Ему вспомнили, что он, кроме всего прочего, еще и инженер по технике безопасности, и что нужно быть без мозгов, чтобы не потребовать с ротных соорудить для спуска, как положено, трапы с перилами. Славка попытался оправдаться, но тут же узнал о себе так много нового, что дальше огрызаться расхотелось совершенно.

- Ложка дегтя всегда бочку меда испортит! – бушевал Кривякин. – Не было бы у тебя порядка в техчасти, я бы тебе суток пять нарисовал, разгильдяй! А ты, Ворошнин, что молчишь? Тебя это не касается? Чьи люди здесь, в конце концов, работают? Мои, что ли? – и полковник переключился на Сашку. – А где этот мудозвон Дубов? – повернулся он к Гуку. – Где у вас ротные болтаются, товарищ майор?

- Дубов на РБУ, товарищ полковник! – отрапортовал комбат. – Скоро будет.

- Ишь ты, королева английская – скоро будет! Начальство, значит, пождет, пока он своими делами занимается. А мы все здесь груши околачиваем, так что ли?

Славка исхитрялся не попадаться лишний раз Кривякину на глаза, пока тот вел беседу с Дубовым и бойцами возле сваебойной установки.

Перед ужином собрали совещание в штабе, куда пригласили не только своих, но и командование соседних батальонов, и Кривякин в своей обычной манере еще раз подтвердил, что сроки строительства никто пока не собирался отменять:

- До весны, господа офицеры, опоры должны стоять, а сразу после паводка и окончания учебного периода необходимо приступить к их отделке и монтажу пролетов. Работы – не в проворот, а что я вижу? Из четырех копровых установок работает почему-то только две. Что за бардак? Ты, Гук, что, со своего Зубкова спросить, что ли не можешь? Ну, тогда мне придется с тебя спросить! Теперь о подходах к мосту. Вы что там возитесь? - обратился Кривякин к капитану, командиру роты механизированного батальона. - Когда, наконец, закончите отсыпку?

- Да по нашим расчетам и по замеру карьеров должны были еще на той недели закончить, а сняли исполнительную схему насыпи – еще тысячи три кубов сыпать, – услышал Славка. - Похоже, проектанты напортачили, товарищ полковник.

Славка мгновенно вспомнил прошедшую осень и бросил короткий взгляд на сидящего рядом Панкратова. Тот ухитрился увильнуть от встречи на объекте и сейчас сидел, втянув голову в плечи, стараясь не дышать. Вот где он вылез, тот самый десяток секунд отклонения оси моста от проектной, которые им с Петью лень было перепроверить еще раз. Славка представил, что будет, если все это сейчас откроется, и прямо-таки вспотел.

- Как так – проектанты напортачили? Не может быть! – прорычал полковник. - Развели тут базар, понимаешь! Напортачили проектанты, составьте акт, как положено. Но чтобы к середине февраля насыпь была закончена! Ясно? Или меня кто-то не понял? Не слышу ответа.

- Все ясно, товарищ полковник! – хмуро ответил капитан и уселся на свое место.

Славка судорожно вздохнул. Кажись, пронесло! Тыльной стороной ладони он смахнул испарину со лба. Панкратов вновь выпрямил спину и порозовел, горделиво поглядывая на окружающих. Повернувшись, он встретился с испуганным взглядом Вячеслава и нахально подмигнул ему: знай, мол, наших! Ну, блин, Петя, вытер влажные ладони о брюки Славка: ни хрена не будет, ни хрена не будет! Чуть не подвел под монастырь. Ладно, что еще мехбатовцы не дотумкали сразу, откуда эти лишние кубы взялись. Надо их в «Лозьву» пригласить, угостить, как следует, чтобы не рылись в этом деле...

- Командиров и их заместителей прошу со мною! Остальные свободны! – закончил совещание Кривякин. – И еще раз напоминаю всем: за срыв плановых сроков строительства никакие оправдания приниматься не будут!

- Ты, главное, помалкивай в тряпочку, - предупредил Вячеслава после совещания Панкратов. – А то узнают – мало не покажется!

- Что они, идиоты что ли? Снимут исполнительную схему, разберутся с длиной подходов, и все станет ясно.

- Не станет. Черные отметки не удосужились перед началом работ снять, я точно знаю. А сейчас под насыпью их не снять, - предупредил Петр. – Но все-таки не трекни кому-нибудь случайно!

- Не маленький, соображаю!

Славка и так понял, что надо держать язык за зубами. И еще он на всю жизнь зарубил себе на носу, что всякое дело нужно делать аккуратно и по возможности точно. А не можешь, или не хочешь – не берись!

Во второй декаде февраля вновь ударили лютые морозы. Не выдерживал металл, лопался и летел осколками под ударами молотов двухсантиметровой толщины шпунт «Ларсен-5», да и сами молоты то и дело

выходили из строя, и приходилось ремонтировать их прямо здесь, на трескучем морозе, прикипая руками к металлическим деталям. Мелкие травмы посыпались, как из рога изобилия, а медсанбат был забит простудившимися и обмороженными. Слава богу, ничего особенно серьезного. Славка рьяно следил за ведением соответствующей документации по технике безопасности в ротах. Не хватало еще, чтобы случилось что-нибудь непоправимое. До сих пор проносило, но ведь когда-то везение могло и закончиться.

Страшно было смотреть, как едва различимые в поднимающемся от сочащейся воды тумане бойцы в резиновых сапогах ползали по журчащим ручьям на дне реки и устанавливали подвешенные на чалках сваи в точки забивки. «Каюк ногам, - думал лейтенант, - ревматизм ребятам обеспечен». Он поделился этими мыслями с парнями в вагончике, где они отогревали промерзшие до озноба тела.

- Ну, во-первых, им выдано теплое белье и по второй паре портянок, а сапоги – утепленные, - рассудительно сказал ротный Дубов. - А, во-вторых, ты в школе учился?

- Причем здесь школа?

- А притом! Температура пресной воды в жидком состоянии не бывает ниже плюс четырех градусов. Так что в воде теплее, чем наверху. Ну, а в-третьих, план и приказы еще никто не отменял, - закончил Дубов и отвернулся, протянув руки к буржуйке, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать этот никчемный разговор.

Действительно, чего воздух сотрясать попусту, работать нужно! Но

если со второй русловой опорой все было в порядке, и на ней уже начали обрубку свай, то из законченного шпунта опоры номер три уже дня два никак не удавалось откачать воду. Установили шесть насосов, но уровень воды, как ни старались, не понизился даже на сантиметр. Лица людей все больше и больше мрачнели.

- Похоже, речку перекачиваем, - резюмировал покрытый инеем с головы до ног Ворошнин, сплевывая на лед.

- Похоже, - уныло соглашался с ним командир роты, старший лейтенант Дубов. – Что делать-то, мужики, будем?

Все уныло глядели на дымящуюся от мороза, едва колеблющуюся черную поверхность воды, которая никак не желала понижаться.

- А знаете, мужики, - встрепенулся не принимавший до этого участия в разговорах Панкратов, - есть идея!

- Выкладывай, коли есть!

- Нужно туда слазить и посмотреть, в чем там дело.

Все молча, как на психа, уставились на него.

- Чего вытарашились? – Панкратов прокашлялся, растер рукавицей замерзшую щеку и продолжил: – Нужно водолазное оборудование и всего-то. Зря оно, что ли, на складах в Советском валяется? А так мы здесь до бабкиного заговенья корячиться будем.

Дубов, не снимая шапки, яростно почесал затылок, и крепко матюкнулся:

- В одном ты прав, Панкратов, чтобы лечить больного, нужно поставить диагноз. Пойду, доложу Понюшенко, пусть звонит в Советский. Начальству виднее, вот пускай оно и решает.

- Ну, ты молоток, Петька! – одобрительно похвалил товарища Ворошнин, когда они вновь вернулись в прорабку, и тут же его ошарашил. – Вот ты сам туда и полезешь!

- А почему я? – испуганно спросил Панкратов.

- Как, почему? Ты же знаешь закон: проявил инициативу – сам ее и воплощай в жизнь! Или забыл?

- Да не пугай ты его, - Вячеслав разлил по кружкам кипятков. – Не слушай ты его, Петя, никто тебя в воду не погонит.

- Тогда ты сам вместо него и полезешь! – усмехнулся Дубов. – Надо же кому-то нырять.

- Нужно будет, нырну! – огрызнулся Славка. – Тебя спрашивать не стану.

- Ну как же, ты у нас – герой! – протянул Дубов.

- Да пошел ты! – начал вскипать Вячеслав, но тут в назревающую ссору вмешался Ворошнин:

- Кончайте, петухи! Комбат прикажет, и в сортир нырнем!

Идея Петьки начальству понравилась, тем более, что деваться было

некуда. Уже на следующий день в Першино прибыл лично сам комбат вместе с парой водолазных костюмов, всякими шлангами, прибаббасами и компрессором для подачи воздуха, снабжённым огромным колесом, которое вращалось вручную. К счастью, день выдался не такой холодный, как накануне: градусов пятнадцать мороза, не больше. После сорока – именины сердца, майский день. Возле третьей опоры собралась внушительная толпа причастных к делу и просто так – любопытных. Подвезли и разгрузили оборудование. Под руководством старшего лейтенанта Зубкова, командира роты механизации, прибывшего вместе с комбатом, бойцы собрали его в рабочее положение. К десяти, когда стало совсем светло, подкатил «уазик», из которого вылез Гук, а следом за ним Коля Суровцев, получивший к этому времени гордое прозвище Подрывник - за кардинальное решение вопроса по обрубке свай. Зачем комбат притащил с собой Колю, было непонятно. Вместо Стешенкова, что ли? Или без компании скучно? А, может, решил, что тут тоже что-нибудь взрывать придется?

- Ба, кого я вижу! Привет, Суровцев! – ехидно ухмыльнулся Ворошнин старлею. – Что, выдернули тебя наконец-то из кабинета, крыса ты штабная!

- Че ты, Ворошнин, орешь? Не проспался, что ли? – засеменил вслед за комбатом замначштаба.

- Кто, я? – начал, было, Сашка, но Вячеслав одернул его:

- Кончай! Пошли лучше поближе, посмотрим.

- Ну что, орлы, есть добровольцы? – зычным голосом спросил комбат и, прищутив глаза, обвел взглядом окружающих. – Кто желает погрузиться, так сказать? – он махнул рукой в сторону черной, дымящей паром полыньи.

В воздухе повисла такая тишина, что стал слышен звук лесопилки на бирже номер два, до которой было не меньше полутора километров. Не дождавшись ни от кого ответа, Гук крикнул с досады и повернулся к Суровцеву:

- Тащи!

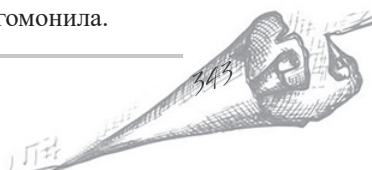
Тот сбегал к «уазу» и притащил двадцатилитровую алюминиевую канистру. По тому, как тяжело он ее нес, стало понятно, что канистра наполнена до краев. Комбат веселым, хитрым взглядом окинул притихших офицеров, достал сигареты, закурил и продолжил:

- Что же вы, господа офицеры, обкакались, что ли, а? Родина ждет! Нет добровольцев? – вновь спросил он, сделав паузу. – Стыдно, товарищи офицеры! Не бойцам же приказывать. Стыдно!

Комбат энергично рубанул рукой воздух:

- Ладно. За каждое погружение – стакан спирта!

Замершая вокруг шпунта публика оживленно загомонила.

- Разрешите мне, товарищ майор! – выскочил вперед Ворошнин, всем своим видом показывая, что за стакан он и на амбразуру бросится.

- Давай, Ворошнин, ты парень здоровый, кровь с молоком! – повеселел комбат, - А так, как первый и самый смелый, - он обернулся к Суровцеву, – два дня отпуска в Советский! Подготовь приказ!

Толпа загомонила еще громче. Если бы комбат сразу пообещал отпуск, желающих было бы куда как больше. Люди соскучились по семьям и домашнему уюту, который не видели месяцами. За возможность лишний раз побывать дома многие были готовы нырнуть в полынью и без водолазного костюма.

Бойцы к этому времени уже установили прямо на льду четырехместную, легкую палатку и растопили в ней буржуйку. В палатке на Сашку натянули водолазное шерстяное белье, засунули Ворошнина в резиновый скафандр, и он вышел на лед, сверкая улыбкой:

- Ну, как впечатляет? – похлопал он себя по обтянутой резиной груди.

- Ты в этом костюме, Саня, здорово на Франкенштейна смахиваешь! – подколол его Панкратов. – Особенно в профиль!

- Да, плевать на кого я смахиваю! – отмахнулся Сашка и повернул к полынье.

Коля Суровцев как знаток всего и вся, особенно секретного, проинструктировал его:

- Ты, главное, на клапан затылком не забывай нажимать, а то всплывешь.

- Не учи ученого! – отмахнулся Сашка.

Притащили металлическую лестницу, сваренную из арматуры, и спустили ее в черную, уже прихваченную местами тонким ледком воду. Насосы заглушили, шланги вытащили, и Сашка, которому уже привернули к скафандру медный шлем, начал спускаться вниз. Два бойца равномерно вращали колесо компрессора. Все затихли, с интересом наблюдая за происходящим. Слышался только шипящий свист воздуха из-под клапана, как будто дышал больной астмой человек. Наконец Сашка, прощально помахав рукой, погрузился в воду, и на поверхности остались только лопающиеся пузырьки воздуха. Минуты три все шло спокойно. Но в какой-то момент пузырьков этих самых не стало, что сразу же насторожило и обеспокоило наблюдающих.

- Что случилось? – крикнул Гук Суровцеву суеяземуся у компрессора.

- Да вроде все в порядке, товарищ майор! Воздух поступает нормально.

В ту же минуту раздался шумный всплеск и на поверхность дымящейся воды всплыл раздутый воздухом водолазный костюм с глухо матерящимся внутри Сашкой.

- Кончай качать воздух! – заорал комбат. – Лопнет сейчас! Тащите его за веревку скорее!

Сашку выволокли на лед, стравили воздух и быстрехонько отвинтили шлем. Глаза у Ворошнина были вытарашены, как у карася, пойманного на крючок и не соображающего, что с ним случилось. Он жадно глотал ртом морозный воздух.

- Ты как? – проорал ему Славка, поддерживая мокрого Ворошнина за плечи.

- Чего орешь? – оттолкнул его от себя начавший, наконец, что-то соображать Сашка. – Нормально все.

- Говорил я тебе: клапан нужно нажимать! – запричитал подскочивший Суровцев.

- Да пошел ты! Учитель, понимаешь, выискался! Сам бы и лез, коли такой умный.

- Действие второе: те же и утопленник! – прокомментировал проходящее Гомянин. – Как там, Саша, русалку не встретил?

- А ты сам сползай да посмотри.

- Хорошо лаяться, господа! – подошедший к ним комбат держал в руках стакан, доверху наполненный прозрачной жидкостью. – Заслужил, лейтенант! За храбрость! – и он протянул стакан Сашке, с которого уже стянули резиновые рукавицы.

Около Ворошнина засуетился Суровцев с раскупоренной банкой тушенки.

- Вот за это спасибо, товарищ майор! – засиял Ворошнин, осторожно приняв стакан из рук комбата. – За здоровье окружающих! – он медленно выцедил тягучий спирт и шумно выдохнул.

- На, закусывай! – старлей протянул Ворошнину банку с тушенкой.

- Первый опыт не удался, а жаль! – подвел итог комбат. – Еще желающие имеются?

- Почему не удался? – возмутился слегка захмелевший от спирта Ворошнин, стягивая с себя резину. – Дыра там, в шпунтине, моя рука пролазит.

- А в каком месте?

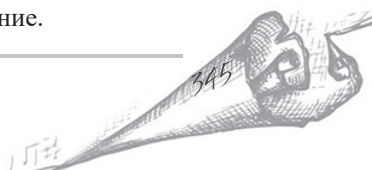
Но места потерявший в последний момент ориентацию Сашка указать так и не сумел, нужно было нырять снова.

- Так имеются еще желающие? – обратился к офицерам Гук.

Желающих оказалось так много, что комбат приказал всем лишним зевакам убираться к черту и не болтаться под ногами. У полыньи остались только офицеры и два бойца, обслуживающие компрессор.

- Давай, Зубков, ты, – выбрал комбат, и Николай с помощью Суровцева залез во второй, приготовленный в палатке водолазный костюм.

На этот раз все обошлось благополучно. Вынырнувший комроты доложил, что нашел отверстие в одной из шпунтин, видимо, образовавшееся при забивке, и указал его точное месторасположение.

- В полшпунтины шириной, - товарищ майор, - доложил Зубков, - и высотой метра полтора.

- Ну, вот теперь все ясно, - подвел итог комбат. – Пить будешь?

- А кто же ее ест, товарищ майор! Конечно, буду, холодно ведь.

- А можно мне повторить? – вновь вылез вперед появившийся из палатки высушенный и отогретый Ворошнин.

- Хватит с тебя, лейтенант! Хорошего помаленьку! Иди, отдыхай! Сворачивай всю эту богадельню! – приказал он Дубову. - А теперь ваши соображения, товарищи инженеры? – повернулся он к Вячеславу и Панкратову. – Что будем делать?

- Разрешите подумать Александр Александрович, - подал голос Панкратов.

- Ну, подумайте. Только недолго, - Гук повернулся к остальным. – Нужно поточнее определить размеры и место откола. Кто еще пойдет?

- Можно мне? - внезапно для самого себя спросил Славка.

Петька изумленно вытаращился на приятеля.

- Ты, лейтенант, иди, думай лучше. Ты мне с трезвыми мозгами нужен. А в воду лезть – других полно, - обвел рукой вокруг себя комбат.

В следующие полчаса совершили еще три погружения, два последних так, для интереса. Как высказался комбат, для тренировки не помешает...

- Ну, что, надумали что-нибудь? – уже в вагончике вновь спросил командир батальона, обращаясь почему-то к Решетникову.

- Есть кой-какие соображения, товарищ майор! Я тут вот что подумал. Предлагаю с внешней стороны шпунта, у пробоины, забить новую стенку, думаю, штук восемь шпунтин хватит и в полость запрессовать мешки с цементом. А чтобы создать необходимую плотность, цемент из бумажных мешков перетарить в матерчатые.

Комбат с интересом взглянул на Славку и одобрительно кивнул головой:

- У кого еще есть, какие предложения?

Других предложений не оказалось.

- Ну, значит, так и порешим! – подвел черту комбат. – Два дня тебе, Дубов, хватит?

- За глаза, Александр Александрович.

На следующий день взвод Ворошнина выполнил ремонтные работы, а еще через два дня, когда цемент схватился, вода в шпунте под напором работающих насосов упала, обнажив дно реки. Можно было приступать к забивке свай.

Глава 5

Вот уже почти неделю Вячеслав находился в Советском. В конце февраля его откомандировали готовить к сдаче исполнительную документацию по некоторым объектам железнодорожного депо, в строительстве которого

участвовал и их батальон. Вместе с ним на базу откомандировали взвод Гомянина, устранять имеющиеся, как и на любых сдаваемых объектах, многочисленные недоделки и замечания заказчика. Вячеслав был доволен. Еще бы, спать в чистой постели, ходить на работу наглаженным и наодеколоненным, обедать за белой скатертью, кому это не понравится. В Першино порой приходилось ложиться в кровать, не снимая полушубка и валенок, так дуло от кое-как восстановленных, щитовых стен, что согреться не было никакой возможности. А тут – красота! Стало в комнате прохладно, проехался Боговичу по ушам, и – полный порядок! Дров хватало. У Решетникова появился новый приятель, прораб местного СМП Виктор Ягодкин. Розовощекий и почти всегда неунывающий Ягодкин был компанейским парнем и в первый же вечер они вместе sprysнули знакомство привезенным из Першино спиртом. Разомлев в тепле прорабки, Славка разоткровенничался и рассказал Виктору о житее бытие на трассе, о девчатах из лаборатории и о том, как в один из вечеров он, уходя из гостей в часть, все-таки не выдержал и прижал в темном подъезде Катерину.

- Смотрит, понимаешь, своими глазищами, молчит, как будто ждет чего-то. Ну, а я ведь тоже мужик! Вот и не выдержал. А девчонке-то всего семнадцать.

- Ты что с ней, по - серьезному?

- Ты о чем? А, об этом. Да нет, потискались только.

- Смотри, влипнешь! У вас в армии с этим строго, да и на гражданке за малолетку по головке не поглядят.

- Да я и сам понимаю.

- Забудь ты про эту девчонку от греха подальше. Вон на танцах их взрослых пруд пруди, из бюстгальтеров выпрыгивают, только погладь по шерстке. Найдешь и получше!

- Ладно, понял я все, замнем для ясности! А ты сам-то часто бываешь на танцульках?

- Нет, не часто. У меня же жена на сносях. А раньше почти каждую субботу бегали. В поселке-то, вообще, податься больше некуда, в кино, разве что. Ну и заезжие артисты в клубе пару раз в год бывают.

- И то – хлеб! Ну что, еще по одной? – предложил Славка.

- Давай, за приятное знакомство!

- Так за знакомство уже пили.

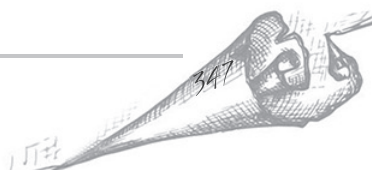
- Ну, тогда – за дружбу!

Ближе к концу недели, в субботу, Матвеев с Гомяниным на обеде сказали Славке, чтобы тот вечером не задерживался на службе и к пяти был в общаге:

- Верти педалями, лейтенант!

- А, что случилось-то?

- Там узнаешь, - не стал разяснять главбух.

Заинтригованный Славка добросовестно выполнил эту просьбу, опоздав, правда, минут на пять. Едва сумел открутиться от замполита, который пристал к нему с какой-то ерундой, насчет самостоятельности.

- Давай чисти перышки! Часа на все хватит? – спросил Матвеев, гладивший у себя в комнате брюки.

- Вполне. А куда это вы собрались-то? Да еще так скоропалительно.

- Будем тебе местные достопримечательности показывать. А потом – на танцы...

- Себя показать, на других посмотреть! – присоединился к Матвееву подошедший Гомянин.

- А форма одежды?

- Да в чем хочешь, в том и иди, - ответил Виктор, и Вячеслав решил, что в офицерском мундире он будет выглядеть солидней.

Через час с небольшим они вышагивали по деревянному тротуару к ближайшему продовольственному магазину на улице Ленина.

- Как всегда?- спросил Гомянин Матвеева.

Тот утвердительно кивнул. Винные полки, к удивлению Вячеслава, ломились от изобилия всяких вин. Здесь были и болгарские, и румынские, и венгерские, никак не менее двадцати - тридцати сортов. А в углу на одной из полок с напитками покрепче пристроилась невзрачная бутылка с бледной этикеткой, на которой зеленоватыми буквами было нанесено: «Питьевой спирт». В свободной продаже спирт Вячеслав видел только в Аяне и на Сахалине, где проходил в свое время мастерскую практику.

- С тебя пятерик, Славик!

Гомянин собрал деньги, и не успели они с Матвеевым, выйдя на улицу, выкурить по сигарете, как он появился из дверей с тремя бутылками водки.

- Спрячьте по карманам! – протянул он по бутылке приятелям.

- Ну, раз затарились, потопали в пельменную! – сказал повеселевший Матвеев.

- А где это? – спросил Вячеслав.

- Тут недалеко, в гостинице «Тайга». Хотя тут почти все заведения «Тайгой» или «Тажными» называются. Ресторан, кстати, тоже «Тайга». Модно, видно. Даже поселок с таким названием в районе есть. Но пельмени в этой богадельне отменные, девочки вручную лепят, не то, что в ваших столицах – из-под автомата, - заметил Матвеев.

- Ну почему? – возразил Вячеслав. – У нас в Хабаре тоже можно найти место, где нормальные пельмени имеются. Мы с парнями всегда в техникум потребкооперации обедать бегали. Там на поваров учили. Так они в своей столовке не только пельмени отменные делали, но и бараньи отбивные на косточке. Пальчики оближешь! Старались! Видимо, зачеты так по специальности сдавали.

Они прошли по центральной улице два квартала и взобрались на крыльцо двухэтажной гостиницы, на первом этаже которой и располагалась единственная в поселке пельменная.

– Присаживайтесь за стол, я сейчас закажу, – скомандовал Матвеев. – Маша! Шесть порций, пожалуйста! – прокричал он в сторону окошка, за которым находилась кухня. – Три по две!

Из окошка высунулась голова русоволосой, молодой женщины.

– Привет, Витя! – она кокетливо поправила выбившийся из-под косынки локон. – Давненько что-то тебя не было, сокол ты наш! Уезжал что ли куда?

– Дела все, Машенька, дела! Мотаемся по трассе, покоя нет. Как там в песне: комсомольцы-добровольцы!

– Да знаем мы твою трассу, Витенька! Возле арифмометра, в бухгалтерии она, где ты стул свой любимый просиживаешь! И староват ты уже для комсомола.

– Ну, ты даешь, Марья! – сделал обиженный вид Матвеев. Что я уж такой дряхлый.

– Дряхлый, конечно не дряхлый, но песчаный след имеется! – засмеялась женщина.

– Ты нам, Машенька, еще компотика по стаканчику сваргань, да пустых дай три штуки, – попросил Матвеев, нисколько не обижаясь, и чмокнул поварику в щеку.

– Опять водку принесли! Спрячьте от греха подальше, а то начальство ругает. Прошлый месяц из-за таких же алкашей без премии остались!

– Не бузи, дорогая! Взяли самую малость, для сугреву. Все нормально будет, не маленькие. Порежь нам селедочку, пока пельмени варятся, а то слюной захлебнемся!

Пельмени действительно оказались вкусными. Такие Славка в последний раз ел только дома, у матери. Да еще и под водочку, которая после надоевшего, вечно обжигающего гортань спирта, текла, как вода, поднимая настроение. Они, растягивая удовольствие, поужинали, запили все компотом, поблагодарив за гостеприимство девчат, начали одеваться.

– Ну, пока Машенька, на танцах увидимся! – попрощался с хозяйкой Матвеев. – Не опаздывайте только, а то ведь уведут кавалеров. «Я и сам парень – хват, на расхват, у меня ли не рыжие волосы, ну, взять, к примеру, хоть наших девчат: так и липнут, как зернышки к колосу!» – пропел он в сторону раздаточного окна.

– Да кому ты нужен, Витенька, кроме нас! – раздалось в ответ. – Твои молоденькие приятели, эти еще – да! А ты в зеркало-то давно смотрелся?

– Ну, блин, бабы! Им только палец в рот положи! – чертыхнулся Матвеев, выходя на улицу. – Пошли, мужики, быстрее, в кино опоздаем!

– Куда тебя черт несет? – притормозил Матвеева Юрка. – Еще десять минут до начала. Все пельмени разстрясем, если так бегать будем.

- А ты не беги, шагу только прибавь.
- Чего его прибавлять, две минуты идти?

Кинотеатр, куда они направлялись, действительно находился в двух шагах от гостиницы. И клуб, в который они собрались идти после сеанса, в двух шагах от кинотеатра.

- А здесь все рядом, - пояснил Юрий. - Если поднапрячься, за полчаса весь поселок оббежишь!

Вышли они из кинотеатра уже в начале десятого. Из Дома культуры всюю гремела музыка. Зал ДК, где проводились танцевальные вечера, с трудом размещал всех желающих. Оркестр сидел у входа в зрительный зал на невысоком подиуме, не отделённым от танцующих никакими преградами. В барабаншике, ловко управлявшемся с ударными, Славка сразу признал Костю Воронцова, мастера из депо, с которым он тоже познакомился совсем недавно. Тот его, конечно, не заметил, да и где в такой толкучке можно было разглядеть знакомое лицо.

- Идите сюда! – донеслось из дальнего угла, как только музыка на секунду смолкла, и Славка почувствовал, как Гомянин за рукав потянул его за собой.

В полумраке он с трудом разглядел смеющиеся лица уже прорвавшегося сквозь толпу Матвеева и русоголовой женщины из пельменной, Маши, и двинулся, разрезая плечом людской водоворот, вслед за Гомяниным. А еще через мгновение, приложив последнее усилие, он уже стоял в относительной свободе рядом с Матвеевым.

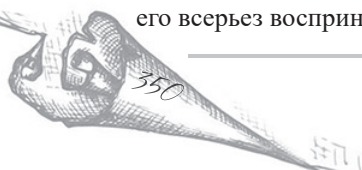
- Еще раз здравствуйте! – улыбнулась Витькина подружка.
- Ну, и как тебе? – спросил капитан.

Славка только пожал плечами, повернул голову и начал осматривать зал. Публика в основном была рабочая, одета просто, но симпатичных девчат и вправду было полно, а, может быть, ему просто показалось с голодухи, после надоевших, небритых мужских физиономий, окружавших его в последние месяцы. Гомянин внезапно вновь врезался в толпу и вынырнул на другой стороне площадки около яркой блондинки, явно выделявшейся из общей массы. Славка, насколько было возможно с этого расстояния, пригляделся к ней внимательнее. Глаза у блондинки были глубокого синего цвета, а вот брови, почему-то – темными. О таких говорят – соболю. Гомянин, когда зазвучала музыка, судя по поклону, пригласил девушку на танец. Но, видимо, получил от нее отказ, потому что резко развернулся и выскочил куда-то в фойе.

- Что смотришь? Хороша девка? – ухмыльнулся Матвеев, проследивший, куда смотрит Решетников.

- Да, ничего! Приятная внешность, - как можно равнодушнее ответил Вячеслав.

- Опять Гомяша с маникюршей полаялся, – пояснила Маша. - Никак его всерьез воспринимать не хочет. Пошли танцевать, Витя.

Матвеев подхватил женщину под руку, и они сразу исчезли между кружащимися в вальсе парами, а Славка остался стоять в углу и наблюдать за девушкой, которую, как он узнал только что от главбуха, звали Светой. Он видел, как, оставшись в одиночестве, девушка отошла к стенке и прижалась к ней спиной, высоко подняв голову. К удивлению Вячеслава, никто из стоявших рядом парней не пытался пригласить ее на танец. Видимо, стовориться с этой красавицей удавалось не каждому.

- Пригласи Светку, может, тебе не откажет! – прокричал ему промелькнувший мимо в танце со своей партнершей Матвеев.

И без особой надежды на успех лейтенант двинулся сквозь вальсирующий зал к девушке.

- Разрешите вас пригласить?

Но в этот момент музыка смолкла, и Славка растерянно замер, не зная, что и предпринять. Видимо, у него был достаточно дурацкий вид, потому что, девушка внезапно широко улыбнулась, а затем и вовсе рассмеялась. Эта улыбка и серебристый, негромкий смех внезапно придали Вячеславу уверенности, и он, словно очнувшись ото сна, бросился, как в омут с головой:

- Меня Вячеславом зовут, - представился он. – А вас?

Девушка подняла на него глаза, в которых еще играли веселые смешинки, и ответила неожиданно глубоким, грудным голосом:

- Светлана. Можно просто Света.

- Можно вас пригласить на следующий танец, Света?

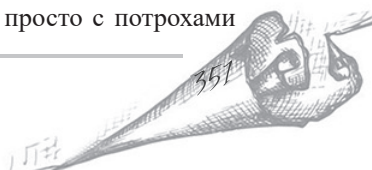
- Конечно, - в уголках губ девушки вновь промелькнула улыбка, и Славка окончательно почувствовал себя в своей тарелке. - Только я вас предупреждаю, что этот самый дурацкий шейк я не танцую.

Но в следующий момент, к счастью, зазвучало танго. Танец пролетел, как в тумане, в одно мгновение. Славка даже не понял, когда он закончился, так толком и не успев ни о чем поговорить с девушкой. Его целиком поглотило пьянящее ощущение полета. Светлана непринужденно кружилась с ним, положив на плечи кавалера обе руки. А танцевала она хорошо, изредка, невзначай прикасаясь к партнеру то грудью, то бедром, отчего Славку бросало то в жар, то в холод. Но все прекрасное рано или поздно кончается. Закончился и этот восхитительный танец. Проводив девушку на место, он поблагодарил ее и направился в свой угол.

- Ба, да ты пользуешься успехом, парень! – приветствовал его Матвеев. – Гомянин полгода пороги обивает, а толку нет! Кстати, и Абрамян на Светку тоже глаз положил. А ты, гляди-ка, раз - и в дамки!

- Да ну тебя! – отмахнулся возбужденный танцем Славка. - А где, кстати, Юрий?

- Домой ушел наш Юрий. В расстроенных чувствах. Колочий, как еж, не подступиться. И лучше, что ушел, а то он тебя просто с потрохами

съел бы, если бы увидел, как ты со Светкой танго отплясываешь! Это же надо, наша Снежная Королева и не отказала с первого раза! Куй Слава железо, пока горячо! Девка она ядреная, со всех сторон без изъянов! И поговаривают, что не скромница!

- Матвеев, ты, что так о девушке! – резко вмешалась в разговор Мария. – Она же не лошадь, которую продают. Ну, не нравится ей Юрка, так что из того? С кем хочет, с тем и танцует. А парафинить ее не надо, Светка – девчонка мировая! Мало ли кто, что треплет! Болтунов на этом свете хоть отбавляй! Ты на него, Слава, поменьше внимания обращай!

- Ладно, не кипятись! – примирительно погладил подругу по плечу Матвеев. – Я же не со зла!

- Это понятно, что не со зла, а с дури! Ты, Слава, поменьше слушай этих, они наговорят три короба.

- А я и не слушаю.

Славка посмотрел на другую половину зала. Светлана весело болтала с подошедшими подружками, не обращая никакого внимания на пристальные взгляды окружающих их парней. А те, наученные, видимо, горьким опытом, все так же не торопились приглашать девушку. Пропустив для приличия пару танцев, Вячеслав, наконец-то, решился вновь подойти к Светлане, но, когда он был уже почти возле нее, с подиума загремел шейк, да так, что задрожали оконные стекла.

- Извините, - виновато произнес Вячеслав, остановившись рядом с девушкой, - хотел вас пригласить, а тут! – он развел руками.

- Ничего, - улыбнулась Светлана. - А вы, кстати, хорошо танцуете, Слава. Где так научились? И почему мы с вами раньше тут ни разу не встречались?

- А я тут впервые. С осени все на трассе да на трассе. Некогда было. А танцевать я не учился. В городе на танцплощадках школу проходил.

- И где же этот город?

- Далеко, на другом краю земли. А вы, Света, давно здесь живете?

- Давно. Второй год уже.

- Ого!

- Я многих ваших ребят знаю: Витю Матвеева, Ворошнина, Абрамяна. Хорошие парни, веселые. Вы сами-то все-таки откуда?

- А давайте, Света, на – ты! Что мы все выкаем, да выкаем Неудобно как-то, словно на приеме у начальства. Не возражаете?

- Не возражаю, - вновь улыбнулась девушка, показав приятные ямочки на щеках.

- Издалека я, Светлана, с Дальнего Востока, из Хабаровска. А перед призывом еще дальше был, под Магаданом. Но тут, похоже, все приезжие. Местные здесь только медведи, видимо. Да еще глухари. Ты-то, сама, откуда приехала?

- Из Перми. Брат сюда на заработки поехал, а в позапрошлом году женился, полдома от лесспромхоза получил. Я к нему и приехала посмотреть, что да как. Летом здесь хорошо: лес, птички по утрам поют, воздух такой сладкий, прямо пить хочется. Не то, что в городе. Еще бы комаров проклятых не было.

- Да, этого добра я еще осенью захватить успел.

- Ну, осенью-то, особенно после первых заморозков, по лесу погулять одно удовольствие! Гнус весь уже пропадает. А грибов здесь сколько! Прямо хоть косой коси.

- А ты где, Света, работаешь?

- В парикмахерской.

- Где это?

- В гостинице.

- Это, где пельменная?

- Да. Только на втором этаже.

В этот момент зазвучала более-менее спокойная мелодия, и они протиснулись между танцующими парами поближе к середине зала. И вновь Славка ощутил волнующее чувство полета. Волновала его эта девчонка, так, как никто и никогда до этого не волновал.

К полуночи танцы закончились, и лейтенант вызвался проводить Светлану до дома.

- Да мне с девушками по дороге, - отнекивалась поначалу девушка, но он был настойчив.

- Хорошо. Но девочки пусть пойдут с нами. Им и нам все равно в одну сторону. Будешь всех охранять! – Светлана лукаво стрельнула глазами в сторону Славки, отчего у того сладко замерло сердце.

- Смотри, не заблудись! – напутствовал его Матвеев. – И поосторожнее там! Братан у Светки – мужик здоровый, и ухажеров ее не слишком привечает.

- Нахалов он не привечает! – одернула Матвеева Маша. – Нормальный у нее брат, Слава, - повернулась она к лейтенанту, - не дурнее вашего глаббуха!

Светланиных подружек звали Галей и Валей. Всю дорогу они наперебой трещали, рассказывая Вячеславу самые последние новости из жизни поселка, а он только поддакивал в ответ. Потом подружки попрощались и свернули в темный проулок, они с девушкой пошли дальше.

- Вот он, мой дом, - сказала Света, указывая на одноэтажный, рубленый двухквартирник, стоящий в ряду таких же домов-близнецов.

Местный лесспромхоз на окраине поселка построил для своих работников целую улицу. Прямо за домами начиналась тайга. Да и улица называлась Таежной.

Они простояли у крыльца ее дома еще с полчаса, а когда девушка

уже собралась уходить, Славка, наконец, предпринял отчаянную попытку поцеловать ее. Но Светлана ловко уклонилась, погрозив ему пальчиком и пожелав спокойной ночи, скрылась за дверь. Счастливый и окрыленный уже тем, что она не обиделась, Вячеслав вприпрыжку полетел в общежитие...

Как и предсказывал многоумудрый Матвеев, отношения Вячеслава с Юркой испортились вдрызг. Узнав о том, что Славка увел у него девушку, Гомянин перестал с ним здороваться и избегал всяческих случайных контактов, кроме самых необходимых по службе.

- Не обращай внимания, Слав, - успокаивал лейтенанта Ворошнин, - я Юрку знаю, покипит - и отойдет! Не хватает еще того, что вы из-за какой-то девчонки раздеретесь.

- Ну, во-первых, не какой-то! Ты это кончай, Сань! Да и что я дорогу ему перешел. Я же его с танцулек не гнал тогда, он сам ушел. И, потом, ей в конечном итоге самой выбирать. Хотя она мне тоже, вроде бы, особых надежд не подавала.

- Тем более. Все перемелется - мука будет! А друг - он и есть друг! Нечего путать хрен с редькой! Я Юрку, конечно, понимаю! Как же, полгода к девчонке подходы бил, а ты взял - и раз! Ему обидно! А ты потерпи, не реагируй!

- Я стараюсь!

- Вот и старайся, тем более, что Юрку через неделю на мост зашлют. А время, как известно, лечит!

Уже несколько раз Славка, когда был свободен от службы, вечерами провожал Светлану, встречая ее после работы у гостиницы. Заканчивала она в семь, и он сразу после ужина летел в поселок, выслушивая в свой адрес шуточки сослуживцев:

- Смотри, Слава, оженят тебя! Оглянуться не успеешь? Светка, конечно, девчонка красивая и не глупая, но в тихом омуте, сам понимаешь, черти водятся. А назад из ЗАГСа уже возврата нет!

- До ЗАГСа еще дожить нужно, - многозначительно говорил Матвеев. - С братом Светкиным не познакомился еще?

- Что, завидно, что ли? - огрызнулся в ответ Вячеслав.

... Накануне одной из встреч, в штабе он узнал, что его опять отправляют в Першино. Вечером, когда они со Светланой шли по деревянному тротуару с рано протаявшим кое-где на темных досках под февральскими лучами солнца снегом, он, между прочим, сообщил ей об этом. Она, как-то странно посмотрела на него, но ничего не ответила, неожиданно переводя разговор на другую тему. Он насторожился, но возле дома Светлана неожиданно сама обняла его и прижалась теплыми, пахнущими жасмином губами к его губам. Они простояли почти час возле ее крыльца, целуясь и не замечая ничего вокруг, пока окончательно не замерзли. Сердце

Вячеслава ликовало. Он почти насильно отправил озябшую вконец девушку домой, а сам, гордый и счастливый тем, что его наконец-то оценили по заслугам, побежал в общежитие собираться в командировку. Поезд уходил ночью, и времени оставалось не так много.

На реке кипела работа. Бойцы принимали бетон в опалубку ростверка опоры номер два. Трещали, как пулеметы, вибраторы, уплотняя бетонную смесь, бухали молоты копров, забивающих шпунт на опоре номер четыре, а во влажном воздухе уже всюду пахло весной. И это заставляло людей торопиться, ведь, когда начнется ледоход, все придется остановиться на неопределенное время. Работа велась круглосуточно. Лица офицеров и бойцов обострились от вечного недосыпания и потемнели от дыма костров и гари из выхлопных труб. Но настроение было приподнятым, весна все-таки. Тем более, по всем подсчетам с основными работами по русловым опорам успевали вылезти со льда до паводка. А это означало и премию, и внеочередные отпуска, да и постоянно откладывающиеся до лета отгулы.

На мосту Первым, кого встретил Вячеслава на мосту, был Ворошнин:

- Здорово, служивый! – радостно облапил он приятеля. – Как жизнь? Давненько тебя здесь не было.

- Прислали, чтобы не забывал. Ну, как вы тут? Дела идут, гляжу!

- А куда им деваться! Да, кстати, ты слышал новость, Понюшенко от нас переводят.

- Дождался, наконец-то, наш Витек! Поди, цветет и пахнет! А кого на его место прочат?

- Зама по общим вопросам. Хотя он, как я слышал, сначала в отказ пошел. Согласился, говорят, но временно.

- Вот это – правильно, что его назначили. А то пришлют какого-нибудь варяга. Карев все-таки соображает кое-что во всей этой кухне!

- Тут ты прав! Владимир Иванович – мужик грамотный и самостоятельный. Этот в рот начальству заглядывать не станет.

- Жалко, что ненадолго.

- Это еще почему?

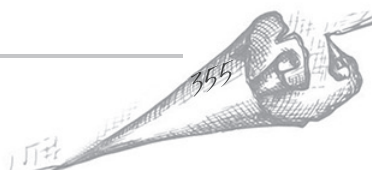
- В академию собирается наш Владимир Иванович, так что к осени тоже отбудет.

- Привет! – буркнул в их сторону проскочивший мимо, не останавливаясь, Гомянин.

- Здорово! – поприветствовал его уже в удаляющуюся спину Славка. – Чего, не отойдет никак? – спросил он Ворошнина.

- Не обращай внимания, отойдет! Его тут комбат наемни за что-то оттягивал, может, поэтому такой смурной. Кстати, как там у тебя со Светкой амуры развиваются? Жениться не собираетесь?

- Нормально все, - коротко ответил приятелю Вячеслав, не желая вдаваться в подробности.

Из своих отношений с девушкой он секретов не делал, но пускать в эти отношения посторонних не собирался. Не хватало еще того, чтобы весь батальон перемывал им кости.

- А ты в курсе, что она собралась уезжать?

- Кто? – не сразу врубился Славка.

- Да Светка твоя.

- С чего это ты взял?

- Сорока на хвосте принесла, - ответил Сашка оторопевшему от такой новости приятелю. – Алина рассказала. Они ведь со Светкой пересекаются. Вот так-то!

Вячеслав просто остолбенел, оглушенный этим известием. Как же так, только вчера он виделся с девушкой, а она ему даже намеком не сообщила о предстоящем отъезде. Хотя он тут же припомнил то странное выражение, промелькнувшее на ее лице, когда он сообщил ей о своем отбытии в командировку. Но не сказать ему ни слова. Или решила «уйти по-английски», не прощаясь? А целовала его просто так, чтобы мальчик не обиделся?

К стоящим в стороне от натоптанной тропинки офицерам подбежал запыхавшийся боец и вернул Славку к действительности. Он сообщил, что лейтенанта Решетникова вызывают к телефону. Ворошнин, ничего не говоря больше, сочувственно похлопал Вячеслава по плечу и ушел к своему взводу. А Славка, расстроенный новостью, оглушившей его так внезапно, медленно побрел к вагончику. Звонил начальник штаба:

- На следующей неделе представители из корпуса должны прибыть, так что ты, Решетников, подготовься.

- Не беспокойтесь, товарищ майор!

Весь день у Вячеслава прошел, как в тумане. Почему она ему ничего не сказала? Что все это значит? Мрачные мысли о возможной разлуке со ставшим ему за этот короткий период бесконечно дорогим человеком, постоянно лезли в голову, мешая думать о чем-то другом. Вечером, зайдя в штаб, Вячеслав на крыльце почти нос в нос столкнулся с Виталием Поношенко, но погруженный в свои невеселые мысли даже не заметил того.

- Слава! – окликнул его главный. – Проснись! Ты чего, ошалел что ли? Летишь, как зомби, никого не видя!

- А! – очнулся Вячеслав. – Прости, Виталий, не заметил! Здорово!

- Здорово! Я и гляжу, что ты какой-то не такой. Что случилось-то?

- Да так, ничего, - отмахнулся, окончательно пришедший в себя Вячеслав, - все нормально!

- Ну, не хочешь говорить, как хочешь! Кстати, сообщаю последнюю новость: меня через неделю в главное управление отправляют, похоже, покидаю я вас, - не сдерживая счастливой улыбки на лице, выпалил Поношенко.

- Слышал уже, Сашка проинформировал. Поздравляю!

- Так ты вечером никуда не исчезай! Отметить это дело надо! Может, в «Лозьеве»? – к удивлению Славки предложил Виталик, который обычно не посещал местного ресторана.

И вечером они всем коллективом отправились в «Лозьеву», где прилично набрались. Славка пил, не пропуская, чтобы тревожные мысли, мучившие его целый день, выветрились из головы хотя бы на время. Ближе к завершению этого прощального банкета, они помирились и с Юркой Гомяниным, и дальше продолжили уже за дружбу, на брудершафт. А еще позже, когда ресторан закрывался, подхватив двух подвыпивших девиц из местного контингента, Славка вместе с замполитом второй роты Лошаксом завалились в пятиэтажную малосемейную общагу, выстроенную специально для спецпоселенцев. У девиц, как, впрочем, и у всех уважающих себя жителей Першино, оказался в зачатке спирт. Остальное Славка помнил смутно. Запомнил только иконостас и неприличные картинки, профессионально выколотые ниже груди, почти до самых коленей у девицы по имени Наташа, с которой ему выпало спать. А утром он хмуро выслушивал от Бугрима нотации, стараясь не дышать в его сторону:

- Пить нужно меньше, товарищ лейтенант! Вы бы лучше к работе так рьяно относились. Почему на развод опоздали?

- Часы подвели, товарищ капитан!

- А Лошакса? Его тоже часы внезапно подвели?

- А я почему знаю.

- Вы, разве, вечером не вместе были?

- Я его со вчерашнего дня не видел, товарищ капитан. Может, и у него часы встали?

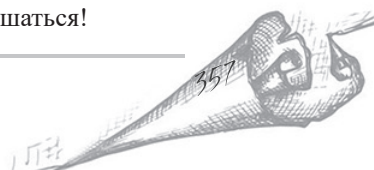
- Мне вам что, новые часы, что ли купить, товарищ лейтенант? Вынужден буду сообщить командиру о вашем поведении! Вместо того, чтобы пить, займитесь-ка лучше наведением порядка в своих делах!

- А у меня в техчасти все в полном порядке, товарищ капитан, - огрызнулся в ответ Славка, и отправился на мост выдыхать вчерашнее.

Почему-то у начальства считалось, что, если ты находишься на объекте, то, значит, работаешь. Хотя работа технического отдела, как отдела инженерного обеспечения, заключалась вовсе не в этом. Или, точнее, не только в этом.

На душе у Славки было паскудно, словно его вывалили в дерьме. Какого черта он послушался Лошакса и поперся в эту самую общагу? Ну, кинула его девчонка, так что? Другие найдутся. А вошкаться с местными – распоследнее дело! Пить, короче, меньше надо!

Встреченный им на мосту Иванов опять пригласил его вечером прогуляться в гости, к Ольге на огонек. Но Славка, хотя и не совсем еще четко соображал, благоразумно отказался, памятуя о своем недавнем разговоре с Ягодкиным. Прав мужик: нечего с подростками якшаться!

К обеду в голове у Славки прояснилась, а после того, как он плотно поел, здоровье и вовсе восстановилось.

- Где это вас черти вчера с Лошаксом носили? – поинтересовался Ворошнин, когда они к концу смены сидели и пили чай в прорабке. – Не успел я оглянуться, как вы с этими двумя профурами испарились! Бургим, здорово взбрыкивал?

- Да как обычно! Обещал комбату доложить!

- А, наплевать! Так, где же вы все-таки были? А то пока мы вчера расплачивались с Клавкой, вас словно ветром сдуло. Повернулись – нет уже голубчиков!

- Лучше и не вспоминать! – отхлебнул чаю Вячеслав. – Занесло в такую дыру, что и вспоминать противно.

- Ну, не хочешь поделиться с товарищем, как хочешь, - отвернулся обиженный Сашка.

И Славка был вынужден рассказать приятелю все, что помнил, подчеркнув особый колорит надписей и изображений, увиденных им на девичьем животе в процессе неформального общения с противоположным полом.

- Ну вы, блин, даете! – удивился Ворошнин. – Хорошо хоть, что с целыми мордами вернулись! Как это вас зеки у своих телок не засекали?

- Пить меньше надо! – подводя итог разговору, уже заявил вслух Вячеслав.

- Нашему бы теляти...

Двадцать второго февраля, накануне праздника, Вячеслав вновь спустился из вагона на перрон вокзала в Советском. Прямо отсюда, не откладывая дела в долгий ящик, он направился в парикмахерскую. Нужно было выяснить, наконец, правда ли все то, о чем ему поведал Ворошнин, и прекратить это томительное, неопределенное состояние, терзавшее его всю неделю.

- А Света уволилась. Уже, неделю почти. Она не сказала тебе, что собралась уезжать? – искренне удивилась Вера, напарница Светланы, подстригавшая в это время белобрысого мальчонку лет десяти.

Сердце у Славки рухнуло в пропасть, но он постарался не подать виду. Не хватало еще, чтобы посторонние увидели его слабость.

- Когда она уезжает?

- Завтра, кажется. Ты сходи к ней, а то она тут три дня сама не своя ходила, переживала очень. Интересно, почему тебе-то ничего не сказала? С наступающим праздником тебя, кстати!

- Спасибо!

Забросив вещи в общежитие и приказав Боговичу прибраться у него в комнате, он отправился к Светлане. Дверь в дом ему открыла незнакомая молодая женщина, видимо, жена брата.

- Вам кого?

Появившаяся из-за ее спины Светлана поздоровалась с лейтенантом, и, пояснив, что это к ней, попросила Славку подождать на улице, пока она оденется.

- Может, пригласишь молодого человека в дом? – спросила Светлану женщина, с интересом разглядывая лейтенанта. – Чего человек будет на улице мерзнуть?

Но девушка, коротко взглянув на Решетникова, отрицательно покачала головой. Минут пятнадцать он курил, пока не вышла одетая в пальто и вязаную шапочку Светлана. Глаза у нее были печальными. Она подошла к Вячеславу, поцеловала его, едва прикоснувшись губами, и на секунду замерла, прижавшись теплой щекой к щеке лейтенанта.

- Ну, здравствуй!

- Прогуляемся? – вместо приветствия предложил Вячеслав.

Светлана кивнула в ответ, и они, больше не говоря друг другу ни слова, двинулись рядом вдоль дороги.

- Ты извини меня, - нарушила, наконец, молчание Светлана, виновато улыбнувшись Славке.

- За что? – прокашлявшись, хрипло спросил он.

- За все! – голос ее дрогнул, она остановилась и взглянула на Славку снизу вверх глазами полными слез. – Ты же уже все знаешь. За все! За то, что ничего тебе не сказала. Побоялась, дура! Уезжаю я, - она сделала паузу. - У меня мама тяжело заболела, понимаешь?

Славка почувствовал, как к горлу подкатился ком, не давая нормально дышать. Он ничего не ответил, а просто обнял Светлану за плечи и, не обращая внимания на прохожих, прижал девчонку к себе.

- Я тебе сказать не решалась, - вновь виновато повторила девушка, высвободившись из его объятий и вытерев рукавичкой скатившиеся по щеке слезинки. – Брат поехать не может, у него семья, сам понимаешь. Да и аврал у них в леспромхозе, распутица скоро.

- Дурочка! – поцеловал ее в покрасневший нос Славка, у которого только сейчас свалился давивший на сердце камень. – Какая же ты дурочка! Что я не человек, что ли, или тупой совсем?

Светлана наконец-то улыбнулась, облегченно вздохнула и вновь поцеловала Вячеслава припухшими, солоноватыми губами. Они прогуляли по поселку еще около часа, взахлеб рассказывая друг другу обо всем, что пережили за эту неделю, пока окончательно не замерзли. Светлана взяла с него слово, что он обязательно проводит ее завтра на ночной поезд, хотя Славка и безо всяких просьб сделал бы это. Ему казалось, что все это не всерьез. Ну, съездит она к матери и вернется, не навечно же это.

- Ты приходи завтра часов в восемь ко мне, - предложила девушка, -

посидим, День Советской Армии отметим. У тебя же все-таки праздник, я тебе подарок приготовила. Придешь?

- Спасибо. Только неудобно как-то. Твои сами, наверное, гулять будут? Да и не знаком я ни с кем.

- А со мной? Все, как раз, очень даже удобно. Приходи и не опаздывай! Заодно и познакомишься с родственниками поближе, – счастливо улыбнулась ему на прощание окончательно повеселевшая Светлана.

В общежитии дым стоял коромыслом. Весь присутствующий на данный момент в Советском личный состав общежития сидел у Матвеева в комнате и отмечал знаменательную дату: пятьдесят четвертую годовщину создания Советской Красной Армии.

- Ба! Мужики, смотрите, кто нарисовался! Проходи к столу Слава – загадаю компания, радуясь появлению нового человека. - Как там, в Першино - жизнь продолжается? Бугрим, печень не прогрыз еще? Как мост?

- Стоит! Куда ему деваться! – ответил, устраиваясь за столом, лейтенант, у которого отлегло от сердца, после разговора с подругой, хотя где-то, в глубине души скребло. Точил червячок: уезжает ведь!

На следующий день, почти с самого утра, после завершения торжественного развода в части, на котором выступил с пламенной речью сам комбат, они вновь собрались у Матвеева и гуляли там до семи вечера.

Славка только один раз за все это время покинул приятелей часа на три после обеда, чтобы поспать. Потом мужики собрались на танцы, а он нагладил, умылся, побрился и, купив в ближайшем магазине бутылку шампанского и коробку конфет, отправился к Светлане. Она встретила его радостно, повиснув на шее прямо у порога:

- Раздевайся! Проходи!

К удивлению Вячеслава дома никого, кроме девушки, не оказалось.

- А где родные-то? – спросил он, сбрасывая шинель.

- Марина неожиданно в ночную ушла. Она дежурной по станции работает, - пояснила Светлана. - У нее сменщица внезапно заболела. А брат? У них бригада в ресторане отмечает, вот он туда и подался, в родной коллектив. Чего я тут, как сыч, говорит, один сидеть буду. Ты проходи, не стесняйся!

- Так они тебя и не проводят даже?

- Почему не проводят? К Марине перед поездом забегу, а брат, если не накушается, подойти обещался.

Славка прошел в гостиную, ощущая легкое волнение: первый раз он оказался в ее доме, да еще один на один. Круглый стол в гостиной был накрыт белой скатертью и уставлен тарелками.

- Присаживайся! – пододвинула ему стул Светлана. – Открывай шампанское!

Вячеслав открыл бутылку и наполнил хрустальные бокалы, пододви-

нутые девушкой.

- Давай, Слава, за нас с тобой! – подняла она наполненный искрящейся жидкостью бокал. – Пусть у нас с тобою все в жизни сложится!

Они чокнулись и выпили.

- Ты давай, не стесняйся! – Светлана пододвинула Вячеславу тарелку с салатом. – А вот грузди соленые. Сама осенью собирала. Попробуй!

Славка попробовал и грузди, и салат.

- Ну, как? – спросила Светлана.

- Вкусно! – ответил набитым ртом Славка.

Потом, когда он отведал почти все, что стояло на праздничном столе, девушка поставила на диск радиолы пластинку. «На тебе сошелся клином белый свет, - пела Майя Кристалинская, и Славка чувствовал, как сладко замирает у него сердце и как тяжелеют, обмякнув на его плечах, девичьи руки. – Но пропал за поворотом санный след...». Светлана откинула голову и закрыла глаза, подставляя для очередного поцелуя полуоткрытые, жаркие губы. Славка внезапно ощутил, как слабеют у него ноги, а голова погружается в туман. Легкая дрожь пробежала по телу, и он почувствовал, что этот внезапно возникший озноб передался и Светлане. Славка чуть плотнее обнял слабеющую девушку, и она всхлипнула, почти застонав. Тогда, теряя последние остатки рассудка, он подхватил невесомое, гибкое тело на руки, и оглянулся вокруг, пытаясь определиться, в какую сторону идти.

- Туда, - едва слышно прошептала Светлана, указывая глазами на темный проем двери, и еще крепче прижалась к Славке, обхватив его руками за шею...

В два часа ночи он проводил ее на поезд. Брат так и не появился, видимо, крепко загулял и забыл, что сестра уезжает. Вместе с Мариной они посадили Светлану в вагон, и Вячеслав стоял на перроне до тех пор, пока были видны огоньки отходящего состава. А потом он еще долго лежал в кровати, не смыкая глаз, и вспоминал все произошедшее с ним в этот вечер. Каждой клеточкой своего тела он ощущал тепло ее упругой груди, бедер. Ладони помнили легкий пушок на пояснице, бархатистость нежной кожи плеч и округлость коленей. Она была ненасытной в ласках:

- Милый! Еще! – и он чувствовал, что вновь хочет ее. – Не торопись, дурачок! У нас еще целых два часа.

- Всего два часа! – и Вячеслав вновь проваливался в сладкий дурман, теряя ощущение реальности...

Наконец, под утро, усталость сморила Славку, и он уснул счастливым, безмятежным, коротким сном. Он спал, как спят младенцы, пока его не разбудил стук в дверь Богович и не сообщил, что уже половина восьмого и пора идти в часть.

Двадцать пятого его снова отправили на мост, сменить Панкратова: тот уходил в отпуск. Ростверк второй опоры уже заканчивали бетониро-

вать. Дубов находился в Советском, но, вспомнив еще раз его слова, что, во-первых, вода имеет плюсовую температуру, а, во-вторых, чтобы не городить электропрогрев и зря не жечь солярку в электростанциях, Сашка с Вячеславом приказали просто выключить насосы. Вода в шпунте поднялась до уровня льда, и бетон оказался защищенным от мороза ее толщиной, медленно твердея в идеальной для него среде. Вода, естественно, ежедневно покрывалась льдом, и бойцы ломиками и лопатами каждое утро снимали этот тонкий еще ледок, чтобы он не нарастал, и впоследствии не пришлось долбить его уже отбойными молотками.

Сашка Ворошнин рассказал Славке последние местные новости.

- Тут к Лошаку жена на побывку приехала, - ржал он, делясь с другом, - ну и пошли они с утраца в местный магазин, что у ресторана. Посмотреть, значит, чем там торгуют. А тут его приبلуда, ну, та, из малосемейки, где вы гулеванили в прошлый раз, кривая в драбадан по улице топает. Увидела кавалера и давай орать: Витя, да Витя! Бежит, пузырем размахивает. Хорошо, что Лошак ее издалека усек, а жена толком ничего не поняла, когда он ее в магазин резко так заволок. Нырнули, значит, в магазин, и быстренько вышли через служебный выход. Жена спрашивает: ты что, муж дорогой? А тот ей какую-то лабуду наплел про карточные долги, да про местных бандитов. Не дай бог, дескать, попадетя: убьют! Да так наплел, что бедная женщина до самого отъезда в себя прийти не могла. Хотела к Стешенкову в штаб топать, жаловаться, что ее Витасика убить хотят! Едва отговорили.

Славка представил себе лицо Лошака, в момент, когда тот увидел, бегущую в его сторону поселенку.

- Картина! Что и говорить. А что еще новенького-то?

- У Иванова его бабенка местная, ну, ты ее знаешь, на третьем месяце. Вот так-то! Влип очкарик по самое не хочу!

- Да ты, что!

- Я-то ничего. А у Санька, баламута, и жена в Советском на четвертом. Вот в чем, брат, вся изюминка! Сашка черный ходит, не знает, куда кинуться и что предпринять. Уговаривал эту Ольгу аборт сделать, но та - ни в какую! Да и правильно, наверное: девчонка молодая, вся жизнь впереди, зачем ее ломать. А дело это, сам понимаешь, опасное - можно и вовсе без детей остаться.

- Вот, блин, завяз Санек, не позавидуешь! Но в принципе, его же предупреждали! И не раз.

- Чего теперь, после драки кулаками махать!

- Да, махать, конечно, поздно. Раньше надо было думать головой.

- Это точно! Если еще до командования дойдет, замполит с комбатом всю плешь проедят. И не только плешь, все кости обглодают и выплюнут. У нас не любят очередные звания давать с аморалкой в личном деле. А, может, еще и пронесет, если бабы его меж собой базара не устроят?

- Кто его знает? Но, сдаётся мне, что шила в мешке не утаишь, как ни крути. Все равно до Советского весть дойдет. Раз мы с тобой об этом знаем, значит и другие тоже. Так, что, жалко мне Сашку.

Они закурили. Мимо грохотали самосвалы с бетоном на третью опору, и над дорогой стоял сизый туман от выхлопных газов, сквозь который пробивались яркие лучи уже слегка пригревающего солнца.

- Весна, - зажмурил глаза Сашка. – Скоро в Советский переберемся, надоело это Першино до оскомины.

- Не спеши. До ледохода – два месяца, а то и все три.

- Два месяца – не полгода, пролетят – не заметишь! Поехали на обед, - предложил Сашка, и махнул рукой возвращающемуся с моста самосвалу, приказывая остановиться.

- Ты езжай, а я чуть позже, - поднялся вслед за товарищем Вячеслав. – Нужно еще документацию последнюю просмотреть, а то опять Кривякин нагрянет, бухтеть будет.

- Успеешь еще.

- Не, я, все-таки, задержусь. Скажи там, в столовке, чтобы поесть оставили.

Документацией в его отсутствие, конечно, никто не занимался: не хватало кучи актов на скрытые работы, исполнительных схем и разных других бумаг, и Решетников с полчаса составлял список документов, которые надлежало напечатать.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – в вагончик ввалился розовощекий от свежего воздуха сержант Перминов, которого отправили сюда в помощь командирам взводов еще до праздника. – С прибытием, Вячеслав Георгиевич!

- Здорово! Что это вы тут, господа, бардак развели? – Вячеслав показал список Перминову. – Тебя сюда, зачем посылали?

- Я не виноват, товарищ лейтенант! Меня капитан Бугрим во взвод спровадил, говорит: людей не хватает. Так что я на бетоне сейчас пашу вместе с ребятами.

- Вот засранец! – прошелся по замполиту Славка. – Ну, ничего, мы это мигом поправим! – Вячеслав передал список Владимиру. - Бросай к дьяволу свою лопату и садись акты печатать. Не дай бог, кого-нибудь черт из бригады принесет.

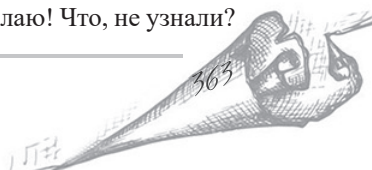
- Да я с удовольствием, товарищ лейтенант! Но, только, как же с приказом капитана?

- Молча.

Вячеслав поднял трубку телефона и попросил связиста, ответившего ему, разыскать замполита. Через минуту голос Бугрима раздался в трубке:

- Я слушаю.

- Товарищ капитан, это – Решетников. Здравия желаю! Что, не узнали?

Счастливым буду! Да, сегодня прибыл. Я тут вас вот по какому вопросу беспокою. У меня Перминова на бетон забрали, говорят, что по вашему приказанию, а послезавтра комиссия из бригады подъезжает, мне Суровцев перед отъездом сказал, - соврал, не моргнув глазом, Славка, сославшись на замначштаба.

Он точно знал, что Суровцев сегодня перед обедом отбудет в Серов, в командировку, и спросить с него правда это, или нет, не получится.

- Ну и что, что комиссия?

- Документация, товарищ капитан не оформлена. Полнейший раздрай! Комвзвода бумагами не занимались, срочно нужно готовить!

- А сам не можешь, что ли?

- Могу и сам, конечно, товарищ капитан, только боюсь, что не успею. Я доложу Понюшенко, пусть решает! – закончил Вячеслав.

Удар пришелся точно в яблочко. Замполит знал, что как только главный узнает такую новость, грозящую ему неприятностями, он тут же, незамедлительно побежит докладывать комбату. Тем более, что собрался уезжать, и лишние подзатыльники из бригады ему совершенно не нужны.

- Ну, раз так срочно нужно, забирай своего работника, - сделав паузу, недовольно разрешил Бугрим.

- А что, товарищ лейтенант, действительно комиссия едет? – спросил Вячеслава Перминов.

- А я откуда знаю, - нахально ухмыльнулся Славка. – Тебе снова на бетон хочется? Нет? Ну, тогда садись и печатай! Чтобы завтра к обеду все было закончено. Ясно?

- Ясно, - обрадовался сержант. - Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, все будет в шоколаде. Приходите сразу после ужина в красный уголок, - неожиданно пригласил Вячеслава Перминов, - одну мелодию тут разучил, покажу.

- Лады, зайду!

Славка выскочил из вагончика, сел в проходящий транспорт и вышел из него уже в поселке, недалеко от почты. На почте он купил конверт, лист писчей бумаги с оттиснутым типографским цветочком в углу и принялся наскоро писать письмо Светлане. Ему не хотелось заниматься этим в общежитии, где любопытные попусту интересовались бы, кому он пишет и куда, задавали бы всякие дурацкие вопросы. Это было только его дело, и делиться, а тем более откровенничать с кем-либо о личном и дорогом ему совершенно не хотелось. Опустив конверт в ящик, он, наконец-то, отправился в столовую, где еще успел пообедать. Впрочем, как и прежде, Сашка, уже порядком остывшим супом, но вполне съедобными котлетами. Правда, чай был горячим, с огня.

А через день, действительно, прибыли проверяющие из управления бригады. Вот уж точно говорят: не болтай попусту, не накликивай беду.

Правда, приехал не сам Кривякин, а майор, его заместитель. И документация, а это святое, была уже в полном порядке, поэтому от Вячеслава быстро отстали. Бугрим его потом даже похвалил.

Работа на мосту, согласно срокам в графике и ценным указаниям начальства, продвигалась вперед. Начали забивку свай на восточной береговой опоре, а на опоре номер два – монтаж облицовочных блоков быка. Получалось, что если не случится ничего сверхординарного, то две русловые опоры будут завершены до ледохода. А это значило, что после того, как вода спадет, можно будет продолжить работы на четвертой опоре, так как она находилась в низкой пойме реки, почти рядом с берегом. Когда проверяющие, наконец-то, убралась восвояси, делать лейтенанту Решетникову стало практически нечего. Вспомнив, что по совместительству он еще и инженер по технике безопасности, Вячеслав провел семинар по охране труда с бойцами первой и второй рот, выписал пару предписаний командирам взводов для порядка, вот, пожалуй, и все. Попытался, сам не зная для чего, отпроситься у Бугрима в Советский, но тот без разрешения комбата сделать этого не решился. А комбат выехал в Свердловск, в корпус, и когда будет назад, никто точно не знал.

Вячеслав убивал время в прорабке, играя с парнями в домино, да перебирая в памяти все их короткие встречи со Светланой, когда оставался один. И почти каждый день таскался на почту, отправляя ей короткие письма, наполненные словами о любви, о том, как он скучает без нее. Но ответа ни на одно письмо пока так и не пришло. Напрасно он каждый раз подавал свое удостоверение девице за стойкой. Та старательно перебирала толстенные пачки корреспонденции, полученной до востребования, разводила руками и с сочувствием глядела на лейтенанта:

- Пишут!

Хорошо еще, что вечера были заняты. Они с ребятами дулись в преферанс, а проигравшие бегали в поселок за дешевым яблочным вином. Славка надолго запомнил его специфический запах, не то бражки, не то прокисшего сула. Единственное, чем не пахло вино, так это яблоками. Но спирт надоел до чертиков, и бочковая бормотуха пришлось как раз к месту. Можно было купить вино и подороже, но с деньгами было туговато, а тут – рубль с небольшим за литр. Красота! На закуску почти всегда присутствовала отменная тихоокеанская селедка с луком, завезенная капитаном Шишкиным, новым замом по тылу, в Першино в неимоверном количестве.

Славка помнил, как уходил из части майор Пашков. Его вместо повышения отправили на пенсию, чем обидели чуть не до смерти. Трудно человеку расставаться навсегда с привычным делом. В тот день на развод вынесли расчеленное знамя части, что делалось только по особым случаям. Впервые Решетников прочел на развернутом полотнище, что

у них не просто войсковая часть номер такой-то, а двести двадцать четвертый мостовой батальон Краснознаменных железнодорожных войск. Бугрим как-то, на одной из политинформаций сообщил им, что орденом Красного Знамена войска были награждены за то, что приняли участие в битве за Москву и сумели задержать на какое-то время танковые клинья Гудериана.

- Это, каким же образом? – спросил замполита Гомянин.

- Простым, товарищ лейтенант! Загрузили имеющиеся грузовики противотанковыми минами и ездили вдоль фронта наступающих немцев, сбрасывая их по привязанным к задним бортам доскам прямо на траву.

- И что толку, их же видно, товарищ капитан? – не унимался Юрка.

- А вы попробуйте, Гомянин, снять эти мины под огнем. То-то же! На несколько часов удалось танки задержать, а там резервы подтянули.

На том памятном разводе комбат объявил им, что майор Пашков уходит на заслуженный отдых, и что он от лица командования и от лица всех его сослуживцев благодарит майора за долголетнюю и добросовестную службу на благо нашей Родины. Пашков, несмотря на свою чрезмерную полноту, четким строевым шагом подошел к знамени части и, опустившись на колено, прикоснулся губами к краю полотнища. В глазах его блеснули слезы. Батальон безмолвно застыл в строю. Тишина стояла такая, что до слуха долетал только легкий шелест листьев на березах и далекие звуки локомотивного депо. В тот момент Славка почувствовал что-то такое, от чего в его горле образовался твердый комок, который он с трудом проглотил. Эта картина торжественного прощания ветерана с родным батальоном запомнилась ему на всю жизнь...

Частенько, особенно в те дни, когда Вячеслав дежурил по части, они вместе с Перминовым в красном уголке, оборудованном замполитом, брэнчали на гитаре, совершенствуя мастерство. Лейтенант пел Володе любимого им Клячкина, а тот делился секретами игры на шестиструнке. Дни летели, наступил март. А пятого числа появился комбат, и отправил их в Советский:

- Нечего тут баклуши бить! Там на дежурство ходить некому, а они, понимаешь, прохлаждаются тут, бездельники. Мухой чтобы на базе были!

Глава 6

Наступил Международный женский день. Вячеславу повезло: он отдежурил по батальону с шестого на седьмое марта, и в праздничный день был свободен, как ветер. Вчера вечером, после дежурства, Гомянин, с которым до этого они практически не общались, к удивлению Вячеслава, неожиданно пригласил его в гости к каким-то поселковым знакомым Матвеева:

- Пошли. Девчонки будут, да и, вообще, праздник ведь. Нам с Ивановичем третий нужен.

Вячеслав, конечно, обрадовался, что их затянувшаяся ссора из-за девчушки наконец-то закончилась, но сперва начал было отнекиваться. Он только что вернулся с почты и был расстроен: Светланы так до сих пор и не ответила. Но Юрий, почувствовав, что приятель колеблется, неожиданно проявил завидную настойчивость.

- Кончай киснуть из-за бабы! Посмотри, весна на улице! Солнышко пригревает. Да, кстати, - он как-то хитро улыбнулся, - там одна девчонка будет, так мы с Матвеевым тебе ее по акту должны передать.

- Это как так – по акту? – вяло поинтересовался Славка, расстроенный молчанием Светланы. – Она вещь что ли? И, потом, не лезьте вы ко мне с этими бабами, надоело!

- Ба, а ты чего психуешь? Шучу я, конечно. Валера Пангаев, что на твоём месте в штабе до тебя служил, почти два года за ней ухлестывал, и все без толку. Правда, она тогда только школу заканчивала, маленькой еще была, вот он с нее пылинки и сдувал. Ухаживал. А она на него – ноль внимания! Характер – не сахар! Красивая – это да! Вот нос и задирает. Так что, Славик, тебе по должности положено продолжать отношения с, если так можно выразиться, дочкой полка. Не посрами, мой друг, гусарской чести. Кстати, там еще и две ее подружки будут. Если не понравится, никто настаивать не будет.

- Это точно! – поддержал Юрку вошедший к Славке в комнату Матвеев. – Но сдаётся мне, что с Людмилкой Славке не справиться.

- Да уж! – с сомнением посмотрел на Вячеслава с высоты своего роста Гомяша. – Я как-то об этом и не подумал.

- Куда ему: она ведь самая красивая девочка Ивдель-Оби. А он? Кто такой? Лейтенант задрипанный! Нет, сдаётся мне – не справится!

- Да отвяжитесь вы от меня! Прилепились, как банный лист. Ерунду какую-то порете! И девка мне ваша не нужна! – огрызнулся Вячеслав, но, трезво поразмыслив, идти в гости все же согласился, не сидеть же одному в общежитии, да еще в такой день.

- Вот и прекрасенько! – обрадовался Матвеев. – А то, когда в компании некомплект, возникают разброд и шатания. А это не есть хорошо!

Утро выдалось тихое и ясное. Солнечные лучи уже часов в десять стали пригревать так, что с южной стороны под окнами протаял снег. Торопиться было особенно некуда, поэтому Решетников понежился в постели с книгой, а потом, наскоро позавтракав яичницей с тушенкой, приготовленной на огромной сковороде Боговичем, начал гладить единственный имевшийся у него серый штатский костюм.

Офицерам не так давно начштаба зачитал приказ командира гарнизона подполковника Еременко, запрещающий командному составу посещать всяческие увеселительные мероприятия, клубы и тому подобное, в форменной одежде. Нечего, дескать, позорить погоны. Случалось, конеч-

но, всякое, чего греха таить: и разборки с местными парнями из-за девчат, и пьяные дебоши. А поскольку милиция не имела права в большинстве случаев просто так задержать армейского офицера, многие этим пользовались и борзели. Вот партийные власти и обратились к командованию с просьбой навести порядок среди подчиненных. Командование тут же издало вышеупомянутый приказ, а в поселке в выходные дни появились патрули, и даже был назначен комендант, тот самый лощеный лейтенантик, что был свидетелем у Ворошнина на свадьбе. Офицерской гауптвахты в Советском, конечно же, не было. И если кто и получал пять, десять суток за «подвиги», то отбывать наказание приходилось аж в Свердловске. А там всегда был аншлаг, то есть мест на всех не хватало. Еще бы: этой единственной «губой» пользовался весь округ. Торчать и пьянствовать в городской гостинице, дожидаясь своей очереди, было, конечно, не худо, но денег на такие мероприятия, особенно у младшего офицерского состава, как обычно, не водилось. Прибывающие на отсидку давно смекнули, что к чему, и как с этим бороться. Поступали просто: покупали начальнику «губы» пузырь коньяка и ехали дальше, кому куда надо. К маме, например, в гости. Риск, конечно, определенный был. Но зато в городе не болтались, и у коменданта лишний раз на глазах не маячили, не раздражали, и маме приятное делали. А на обратном пути ставили в командировочном предписании отметочку, дескать, отбыли наказание, и – с чистой совестью в часть! Красота! Начальник «губы» имел свой интерес, а отправленные отбывать арест – свой. Но длилось все это не слишком долго. Начальство в батальонах, на местах, быстро раскумекало, что к чему, и направлять наказанных в Свердловск перестало, ограничиваясь записями в личном деле и воспитательными разборками. Для кадровых служак получить пять суток было все-таки серьезным наказанием, так как задерживало карьерный рост, получение очередных званий и должностей. Старались избегать таких неприятностей и те, кто решил связать свою судьбу с войсками и после двух лет службы. А такие тоже были. Например, Фоминых, который тоже начинал двухгодичником. Так что начальство все больше предпочитало воспитательную работу в виде отправки провинившихся подальше от поселка, на трассу, и это действовало куда как безотказней. Кому охота сидеть безвылазно в Тмутаракани какой-то, где цивилизацией даже и не пахнет, и видеть одни и те же опостылевшие физиономии да дремучую тайгу за окошком жилого вагончика. С месяц побыл на передовой и никакой «губы» не надо!

- Привет! – поздоровался со Славкой заспанный, пробирающийся по коридору к умывальнику Гомянин. – Уже перья начищаешь?

- Да, решил брючата подглядить.

- Ты только никуда не исчезай, - зевнул так, что скулы затрещали, Юрка. - В двенадцать потопаем. А Матвеев тоже дрыхнет?

- Нет, - сообщил появившийся из котельной Богович. – Товарищ капитан еще в восемь часов ушли.

Юрка с жалостью, как на младенца, посмотрел на опухшего от сна Боговича, махнул рукой, отпуская ефрейтора, еще раз смачно зевнул и отправился умываться. Славка посмотрел на часы, было около десяти. Он быстро оделся и в который раз сбегал на почту. Письмо было, но не то, которого он ждал, а от матери.

Она писала, что у них с отцом все в порядке, что в городе уже весна, снег почти стаял, и что она послала ему джемпер: когда получишь, сынок, не забудь сообщить! И пиши, родной, почаще! Папа тебе передает большой привет. Он снова устроился на работу. По субботам ходим в гости к бабушке или к тете Кате. Отец с Василием, Катиным мужем, напиваются самогонки, конечно, но, что поделаешь, приходится раз в неделю с этим мириться. А в остальном – все хорошо!

Славка, конечно, соскучился по родным, но сейчас его мысли были заняты совсем другим. Светлана до сих пор молчала, и он просто не знал, что и подумать. Может быть, с ней случилось что-то? Черные мысли лезли в голову. Узнать было не у кого, а сходить домой к брату он не решался. Да и кто он такой? Какой-то очередной ухажер сестры и не больше. Тем более, с братом он так и не успел познакомиться. До похода в гости было еще больше часа, и он, без особой надежды на успех, решил зайти к Вере, подруге Светланы в парикмахерскую: вдруг есть какие новости. Но, как сообщила ему Вера, занятая очередным клиентом, никаких новостей, к сожалению, не было, и Вячеслав вернулся в общежитие.

- Понюшенко забегал, - сообщил ему Юрий, - просил извиниться, что не дождался. Сегодня вечером отбывает с семейством. Вон, две бутылки коньяка выставил. Будешь?

Расстроенный Решетников отрицательно покачал головой.

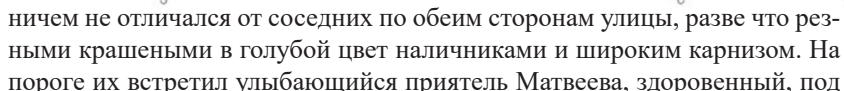
- Тогда с собой возьмем. Не мог Виталик, как человек, до праздника подскочить. Проводили бы, как положено. Матвеев, кстати, звонил, сейчас подойдет. Его в часть вызвали: кого-то в командировку срочно отправляют, деньги надо было выдать.

Славка пошел к себе в комнату и прилег на кровать. Мысли у него были невеселые. Он гнал их от себя, но на сердце было неспокойно. Адреса Светы он не знал, как не знала и Вера. Когда прощались, договорились, что Светлана напишет, как только доберется до дома, и – на тебе, тишина!

Через полчаса появился запыхавшийся Матвеев:

- Ну что, орлы, готовы? Я мигом, только переоденусь.

Забжав в магазин и прикупив, что нужно для стола, они, подставляя лица лучам пригревающего светила, уже через десять минут подошли к одноэтажному дому за штакетным забором, почти в центре поселка. Дом

ничем не отличался от соседних по обеим сторонам улицы, разве что резными крашеными в голубой цвет наличниками и широким карнизом. На пороге их встретил улыбающийся приятель Матвеева, здоровенный, под два метра ростом парень, хозяин дома, как понял Вячеслав.

- Здорово, мужики! Где вас черти носят? Я вас уже заждался..

- Начальство задержало, - пояснил Виктор. - Знакомься, это – Вячеслав!

- Владимир! – протянул огромную ладонь хозяин. – Привет, Юра! – хлопнул он по плечу Гомяшу как старого, доброго знакомого.

- На, отдай хозяйке, - протянул хозяину авоську со снедью и спиртным Матвеев. – Пошли, мужики!

Он толкнул дверь, и лейтенанты, миновав сени, оказались в просторной прихожей. На полу лежали простые домотканые дорожки, точно такие же, какие плела в Калинине из старых лоскутков Славкина бабушка по матери, Пелагея Дмитриевна. Стены были оклеены яркими обоями.

- Раздевайтесь, - указал хозяин на вешалку. – Нина, встречай гостей!

Вышла хозяйка, уже полнеющая женщина с ясными голубыми глазами и застенчивой улыбкой. На ней был такой же яркий, как обои, передник, а через плечо перекинута полотенце:

- Гости дорогие, извините, что в таком виде. Проходите, пожалуйста, в гостиную, через пять минут – за стол!

Славка вслед за Гомяниным прошел в просторную с двумя, почти во всю стену окнами комнату, где сидело на диване и в креслах человек пять. Парень в светлом пиджаке привстал с кресла, и Славка с удивлением признал в нем сержанта Перминова.

- Ба, кого я вижу!

- Здравствуйте, товарищ лейтенант!

- Здорово! А ты как здесь оказался?

- В гости пригласили, товарищ лейтенант. Увольнительная у меня, сами же подписывали.

Славка вспомнил, что вчера Перминов действительно подписывал у него увольнительную. Как он пояснил тогда лейтенанту: навестить любимую девушку.

- Привет, красавицы! - Гомянин плюхнулся на диван между двумя девушками. – Знакомьтесь, мой друг, Вячеслав!

- А мы знакомы. Помните, Слава, вы нас со Светой провожали после танцев? Вспомнили?

Точно. Славка вспомнил даже, как зовут девушек: Валя и Галя.

- А это – Людмила! – представил Юрий небольшого росточка, изящную шатенку, сидящую в кресле по другую сторону столика от Перминова, и хитро подмигнул Славке.

Девушка, не откладывая журнала, который листала, с показным равнодушием на лице, кивнула Славке. Вячеслав понял, что это та самая

девчонка, которую Гомянин предполагал, как он выразился накануне, передать ему по акту. Четвертой девушкой, находившейся в комнате, была младшая сестра хозяйки, которую звали Наташа. Стройная, полногрудая, как понял Вячеслав, она и была той самой симпатией сержанта, к которой он и собирался в увольнение. В это самое время в комнате появился Матвеев с дымящимся на огромном блюде жарким, а вслед за ним шел хозяин со стопкой тарелок:

- Девочки, помогайте!

Все девчата, кроме Людмилы, бросились накрывать на стол, а Вячеслав с Юрием, получив от хозяйки штопор, принялись откупоривать бутылки с вином и сколачивать с горлышек водки сургуч.

Через десять минут суеты и веселой перебранки все угнездились за столом. Гала и Валя оказались между Гомяниным и Вячеславом, и те наперебой начали ухаживать за девчатами, подкладывая им в тарелки еду. Наталья и Людмила уселись напротив. Как понял Вячеслав по их оживленному разговору, они были старыми подружками. Перминов устроился рядом с Натальей. Наконец-то разлили по фужерам и рюмкам вино и водку, и с тостом, на правах друга семьи, поднялся Матвеев:

- Ну что, дамы и господа, у всех налито? Прекрасно. Тогда первый тост прошу выпить за хозяйку этого гостеприимного дома, где все мы собрались, за этот прекрасный стол, собранный ею и за то дружелюбие, с которым она нас всегда принимает. Тем более что сегодня женский праздник. Всех остальных представительниц прекрасной половины человечества прошу не обижаться! Тосты будут и для них, я надеюсь, что присутствующие здесь мужчины никого не забудут. За тебя, Нина! - он чокнулся с порозовевшей от услышанных слов, привставшей со стула хозяйкой и выпил.

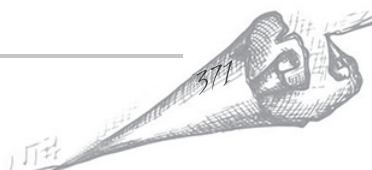
Все последовали за ним, и уже через пять минут стол зашумел, как и полагается при застолье, когда скованность впервые повстречавшихся людей проходит, и спиртное начинает развязывать языки даже у самых молчаливых. Вскоре мужчины вышли покурить на крыльцо. Снег на крыше дома начал сползать с шифера, свисая вниз длинными изогнутыми языками почти по метру длиной.

- Хорошо! - чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету, Гомяша. - Весна!

- Как не хорошо! - Решетников вспомнил декабрьские морозы и забко поежился.

- Ты не слишком обольщайся, - вмешался в разговор Матвеев, - тут и в апреле по утрам под двадцать бывает.

- Так это по утрам, - затыкнул сигаретой Гомянин, пуская дым колечками, - а к обеду все равно отпускает. Так что, крути - не крути, а лето, как и старость - неизбежны! Кстати, Слав, как тебе понравилась наша принцесса?

- Это которая?

- Людмила, конечно.

- Да я ее еще толком и не разглядел.

- И зря! – вновь влез в разговор Матвеев. – Вполне симпатичная девочка! Я тут где-то слышал: русские женщины красивы до безобразия. А так же во время безобразия и после него. Это точно про Людку. Усек?

- Ну, так и пробуй, флаг тебе в руки! – отпарировал Славка.

- Не, староват я для нее! – с сожалением произнес Матвеев. – А тебе, Слав, аккурат подходит!

- Ладно, пошли в дом, - вмешался дылда Володя. – Девоч одних оставили, обидятся еще. Перминов там один за всех отдувается.

В гостиной Перминов играл на гитаре, пытаясь музыкой заполнить возникшую за столом пустоту, а девчонки, слушая его, о чем-то в полголоса оживленно переговаривались между собой. Мужчины заняли свои места. Произнесли новый тост, выпили, и хозяин запустил магнитофон. Начались танцы. Славка станцевал с Галиной, потом с Валентиной, и, наконец, когда зазвучала очередная мелодия, подошел к Людмиле.

- Разрешите?

Та поднялась со стула, молча кивнула и, вновь не выразив никаких эмоций, положила руки ему на плечи. «Ну, и ледышка! - мелькнуло у Славки в голове. – Мымра какая-то!» Когда в танце он, как бы невзначай, попытался покрепче прижать ее к груди, то с удивлением почувствовал мягкое, но решительное сопротивление девушки. Не пытаясь больше повторять таких попыток, он докружил девчонку до конца танца и, поблагодарив, отвел на место.

- Слишком гордая, Людмила эта ваша, - шепнул он Гомянину на ухо, пока разливали вино. – На кривой кобыле не подъедешь!

- Не наша, а ваша, - в полголоса ответил Юрий. – Подписывай акт, и – вперед! Поработать, конечно, придется, но девчонка того стоит! Кроме того, папаша у нее большой начальник. Ты же здесь после дембеля остаться думаешь?

- Посмотрим, - неопределенно ответил Славка.

К этому моменту он хорошо разглядел ее. Смазливая мордашка с серыми, выразительными глазами, легкий пушок на матовых щечках, алые, пухлые губы и вполне приличная фигура. Да и одета аккуратно. Но вот какое-то явственно проступающее высокомерие в поведении... А, может быть, ему это все просто показалось? Или она так только к нему относится? Не понравился, наверное? Другие вон - или привыкли, или не замечали этого, и болтали с Людмилой запросто, а та даже улыбалась в ответ и тоже что-то весело чирикала. Ладно, насильно мил не будешь! Он сделал несколько неуклюжих попыток, чтобы привлечь ее внимание. Но как только он начинал зубоскалить и проявлять актив-

ность, она тут же замыкалась в себе, и в глазах ее появлялась какая-то скука и безразличие.

- Товарищ лейтенант, Вячеслав Георгиевич, спойте-ка что-нибудь! – протянул ему гитару Перминов.

- Ой, Слав, а ты тоже на гитаре играешь? – защебетали Галя с Валею.

Славка не стал упираться, перестроил гитару на семь струн и, попробовав несколько аккордов, запел:

- Крошатся в лужах фонари, знакомый адрес повтори, застонут доски под ногой, к другой идешь, совсем к другой...

К концу песни, которую все присутствующие выслушали в молчании, оценивая его игру, Славка заметил легкий интерес, промелькнувший в глазах Людмилы. Галя и Валя захлопали в ладоши, так им понравилось, а Матвеев одобрительно похлопал Вячеслава по плечу:

- Молодец, Слава! Знай наших! Ну, господа и дамы, продолжим веселье, а то я вижу, некоторые после песни загрузтели. Наливай, Володя!

- А что это за песня, первый раз слышу? – спросил Юрка.

- Сам не знаю. Услышал у приятеля на магнитофоне и запомнил. А кто автор - да какая разница?

К вечеру праздник начал стихать, и девочки засобирались по домам.

- Мы с Гомяниным Валою с Галей провожаем, - категоричноскомандовал Матвеев, - а ты, Слава, – Людмилу! Ей в другую сторону, на Кошевого. Ты, Люда, не возражаешь?

Девушка сделала неопределенный жест, который Вячеслав принял за согласие. По дороге Вячеслав безрезультатно пытался разговорить Людмилу, но та отвечала коротко и неохотно. Поэтому, когда она, попрощавшись, скрылась в подъезде двухэтажной каменной коробки, Славка, освободившись от напряжения, выдохнул с облегчением и почти вприпрыжку полетел в сторону родной общаги. На улице начало подмораживать, редкие прохожие спешили по домам, за занавешенными окнами которых не смолкала громкая музыка, да мелькали темные силуэты танцующих. Праздник, на то он и праздник. Тем более, что завтра было воскресенье: не нужно вставать рано и спешить на работу. В общегитии уже кипели карточные страсти. Матвеев, Гомянин и зашедший на огонек Деряга расписывали преферанс.

- Садись на прикуп, - поздоровавшись, пригласил Вячеслава Евгений.

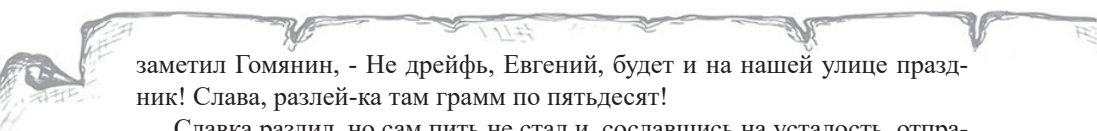
- Что-то неохота. А ты-то, какими судьбами здесь?

- Жена на недельку к матери отъехала. Дома скучно. Выпили с соседом грамм по двести, но того супруга быстро обнаружила и домой загнала. Вот и подался сюда, вечер скоротать.

- Везет же тебе, Витя! – чертыхнулся Деряга, в очередной раз сдававший карты. – Опять мизер! Это же надо!

- Кому в карты везет, тому в любви фартить не будет! – философски

заметил Гомянин, - Не дрейфь, Евгений, будет и на нашей улице праздник! Слава, разлей-ка там грамм по пятьдесят!

Славка разлил, но сам пить не стал и, сославшись на усталость, отправился восвояси, хотелось спать: было начало первого. Ему приснилось, что он снова приехал к родителям в Куйбышев, и уже не один, а с невестой, и как он понял, невестой этой была Светлана. Вот только лица невесты он никак не мог разглядеть, будто кто-то мешал повернуть ему голову и убедиться в том, что это действительно его Светлана, а не кто-то другой.

Проснулся он рано и, лежа в кровати, вспоминал этот странный сон, не открывая глаз. Но содержание сна ускользало от него, не давалось. Так и не разобравшись, что к чему, он снова заснул и проснулся опять почти к обеду, когда его поднял Юрка:

- Богович знатную яичницу с колбасой состряпал и картошки нажарил. Поднимайся, а то не достанется!

...Апрель и правда выдался морозным. Вода, уже появившаяся на льду, вновь замерзла, поэтому все задачи, поставленные командованием по строительству моста, шли даже с опережением графика. Была закончена облицовка и бетонирование опор номер два и три, и вторая рота продолжила работы по облицовке четвертой русловой опоры. Дневные температуры, как ни старалась зима, приблизились к нулю, и работать стало веселее. Люди почувствовали приближающийся сезонный отдых. А на станцию начали прибывать металлические конструкции моста. После разгрузки их сортировали и перевозили на площадку, отсыпанную и спланированную непосредственно около объекта. Здесь их раскладывали на деревянные лежни в полном соответствии с очередностью будущего монтажа. Стешенков приказал Вячеславу лично присутствовать при складировании:

- Эти вахлаки разложат кое-как, - кивал он в сторону командиров рот, - придется заново перетаривать. А это почти тысяча двести тонн железа! Так что секи, иначе монтажники потом с тебя шкуру спустят! Понял?

- Так точно! - и Решетников целыми днями усердно следил, чтобы ничего не перепутали.

По вечерам они, как и прежде заглядывали в «Лозьву». Иванов от их компании отбилсь окончательно, и все вечера пропадал у Ольги. Живот у нее стал здорово заметен, как, впрочем, и у жены Иванова, которая как-то попалась навстречу Славке на улице в Советском. До сих пор она оставалась в счастливом неведении относительно мужниных тайн. А кто знал - помалкивали в тряпочку. Даже начальство было не в курсе, а то бы Иванову пришлось не сладко...

Ближе к маю лед на реке стал совсем тонким и рыхлым, если по утрам еще можно было без опаски передвигаться по нему, то к вечеру запросто можно было ухнуться в подмытую под притоптаным снегом полынью. Вячеслава Бог миловал, а вот Сашка Ворошнин пару раз искупался.

Командование отдало приказ убрать со льда все, что там находилось, и свернуть производство работ до окончания половодья, которое должно было начаться со дня на день. Весь личный состав отбывал в Советский на плановую боевую учебу, а в Першино оставался только взвод охраны и взвод для разгрузки прибывающих на станцию вагонов. Лейтенанта Решетникова оставили до майских праздников на объекте проконтролировать его временную консервацию и окончательно подбить исполнительную документацию.

Ледоход начался двадцать восьмого апреля. Река, до этого еще белая, внезапно потемнела. Лед и слежавшийся на нем снег набухли, напитались водой, стали похожими на сыр в дырках. Во множестве появившихся проталин забурлила почуявшая свободу вода. Потом она поднялась выше льда, а ночью разорвала ледяной покров. Река загуляла, затапливая берега и бросая плывущие льдины на бетон опор, словно проверяя их на прочность. Первой отпраздновали в Першино, а третьего числа Вячеслав приехал ночным поездом в Советский.

Май выдался солнечным и ласковым. Отоспавшиеся в тепле и привычном уюте казарм роты занялись плановой учебой, стрельбами на полигоне, а штаб - подготовкой к приему нового пополнения, которое ожидалось к середине месяца. На почту Вячеслав заглядывал все реже и реже, уже не надеясь ни на что. Вера, как-то встретив его, сказала, что получила весточку от Светланы, но, к сожалению, та ему в этом письме ничего не передавала.

- Это жизнь, Слава! – сказала женщина помрачневшему лейтенанту. – Не знаю, что там со Светкой приключилось, но так поступать – свинство! – подвела она черту в конце разговора.

Славка впал в хандру, но навалившиеся текущие дела как-то сгладили боль, сделали ее не такой острой, и он потихоньку пришел в себя. Никто из ребят и не заметил этих его переживаний, кроме, разве, Ворошнина:

- Кончай хандрить, Слава! Сколько еще этих баб у тебя будет?

- Она не баба! – возмутился Вячеслав.

- А кто тогда, если так поступает? Забудь и – точка! С глаз долой – из сердца вон!

- Ладно, - оборвал Вячеслав разговорившегося приятеля, - закончим этот пустой разговор.

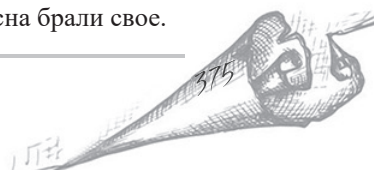
- Нет, не закончим. Противно смотреть, как взрослый мужик сопли распускает!

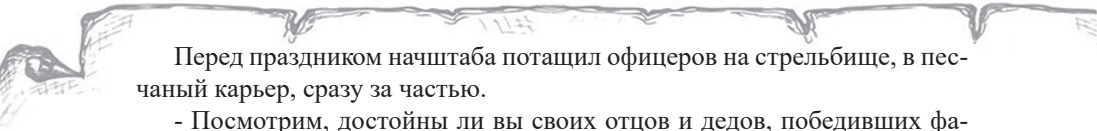
- А сам-то не так же распускал с Алиной?

- Это совсем другое дело!

- Ну, и у меня – другое!

На том и расстались тогда, не слишком довольные друг другом. Но тоска все же потихоньку отступила: молодость и весна брали свое.

Перед праздником начштаба потащил офицеров на стрельбище, в песчаный карьер, сразу за частью.

- Посмотрим, достойны ли вы своих отцов и дедов, победивших фашизм! – примерно так, с пафосом, высказался он на разводе.

Славка до этих пор не удосужился получить личное оружие, хотя Коля Суровцев напоминал ему об этом уже раз пять. Для чего? После стрельб нужно пистолет чистить, каждый раз тащиться сдавать его в оружейку. А так взял у товарища, отстрелялся и – свободен! Но чужой пистолет – он и есть чужой. Каждый раз он – разный. К руке не приспособлен, лично тобою не пристрелян. Поэтому результат у Славки всегда получался не очень: так, на твердую тройку, в лучшем случае, что давало повод Степенкову постоянно подкалывать лейтенанта:

- Решетников, опять одна пуля в молоко, - тыкал он пальцем, разглядывая Славкину мишень. – Это, конечно, не ручкой по бумажкам чиркать. Смотрите, как надо.

Они возвращались на огневой рубеж, и начштаба, картинно расправив плечи, всаживал без пауз все три пули в десятку. Что-что, а стрелял Степенков отменно.

- Вот так, товарищ лейтенант, стрелять нужно! Суровцев, выдай-ка Решетникову еще патронов. Посмотрим, что он из всего этого понял.

Так продолжалось довольно долго, пока начштаба, проверяя канцелярию, не обнаружил, что Славка не имеет личного оружия:

- Что за бардак? – наорал он на Суровцева. – Немедленно вызвать Решетникова...

Пистолет пришлось получить. И с этого момента результаты на стрельбище пошли в гору.

Девятого мая, в День Победы, Вячеслав с приятелями вновь договорились пойти в гости к Володе.

- Приглашают хозяева, - сказал Матвеев, - надо только подготовиться, как следует.

Заранее купили водки, слили ее в трехлитровую банку и нарежали туда пару свежих лимонов.

- Ликер «шасси», - сглотнул в предвкушении слюну Матвеев, - постоит пару дней, в самый раз будет.

Девятое выдалось почти по-летнему жарким. Талые ручьи журчали по дорогам, воробьи шумно дрались возле разлившихся луж, все вокруг ожило, зашевелилось, затрепетало. Солнце с чистых голубых небес пригревало вытаявшую кое-где на косогорах прошлогоднюю и уже начинающую зеленеть траву.

У Володи собрались все те же люди, только добавилась одна молодая, в очках женщина. Она и встретила их в прихожей вместо хозяйки, как обычно занятой на кухне.

- Фаина! Матвеева симпатия. В райкоме инструктором служит, - пояснил потихоньку Славке Гомянин. - В прошлый раз ее не было, куда-то на учебу уезжала.

- Привет, Слава! – выпорхнула в прихожую Галя и чмокнула Вячеслава в щеку. – Проходите мальчики, только все вместе. Мы вам подарок приготовили.

Она вновь проскользнула в дверь, и когда они вошли в гостиную, раздалось пение молодых девичьих голосов. Пели две неразлучных подружки, им подпевала Наташа, и только Людмила, по своему обыкновению, сидела в сторонке, молча наблюдая за всем происходящим. «Вы служите, мы вас подождем», - закончили куплет девчата и перецеловали всех подряд.

- Сегодня, вроде, не двадцать третье, - удивился Славка. – Чего это вы нас поздравлять вздумали? Мы же не ветераны.

- Все равно почти военный праздник! – отмахнулась от непонятливого лейтенанта Галя. – Тебе, что, не нравится?

- Да нет, - ответил обескураженный Славка.

- Вот и прекрасненько! Дай-ка я тебя еще раз поцелую!

- Хорош, лизаться! – прервал это проявление лучших человеческих чувств появившийся в дверном проеме Володя. – Фаина, усаживай всех за стол, водка стынет. Мать, ты где? – крикнул он на кухню.

- Иду! – раздался голос хозяйки, и вскоре гости вместе с хозяевами, притихнув после приветствий и поздравлений, уселись за стол, и Матвеев произнес первый тост:

- За ветеранов! За тех, кто на службе! За Победу! – все дружно поднялись и, чокнувшись, выпили.

Действительно, вот они собрались за столом, празднуют, а кто-то ведь и в наряде лямку тянет. Так, что, тост был вполне к случаю. А потом, начали поднимать за отцов и старших братьев, за сорок пятый год, петь военные песни и вспоминать, что рассказывали родители о той далекой, оставившей глубокий шрам в памяти народной, войне.

Людмила от выпитого раскраснелась, разговорилась и начала изредка улыбаться в ответ на реплики Вячеслава, чем немало удивила лейтенанта, видевшего ее в прошлый раз совершенно другой, почти каменной. По просьбе Матвеева и девчат, он снова взял в руки гитару и спел песню Окуджавы: «Вы слышите, грохочут сапоги...», заслужив горячие аплодисменты. Потом танцевали, и Людмила уже не отталкивала Вячеслава, как в прошлый раз, отвечая легкой улыбкой, а то и смехом на все его глупости, которые он, красноречиво жестикулируя, рассказывал ей за танцами и продолжал рассказывать за столом. А потом он вышел в кухню, где Людмила разливала чай, развернул девушку за плечи лицом к себе и поцеловал прямо в губы, ожидая немедленного отпора. Но Людмила, хотя и не ответила на его поцелуй, похоже, и не обиделась: спокойно поставила чашки на

поднос и, улыбнувшись Славке едва заметно, понесла их в гостиную, не подавая вида, что между ними что-то произошло. Сердце у Решетникова пело. Но этому душевному подъему что-то все-таки мешало. В памяти беспричинно возникал образ Светланы, хотя он тут же старался отогнать его. Еще через пару минут он окончательно выбросил тревожные, надоедливые мысли из головы и вновь пошел танцевать с Людмилой.

- Я гляжу, у тебя все в полном порядке! – подмигнул ему Юрий, танцующий с Галиной рядом. – Так держать!

Славка незаметно показал приятелю кулак, и тот картинно сжал губы: молчу мол.

- О чем это он? – не поняла Людмила, но Вячеслав постарался перевести разговор на другую тему.

Он начал рассказывать о Дальнем Востоке, о том, как осенью кета стеной поднимается по рекам на нерест, какое пронзительно холодное даже в июле Охотское море, и при этом какое оно прекрасное. К тому же самое изобильное из всех наших морей и рыбой, и зверем.

- Нерпа в воде почти у берега плещется, - воодушевленно говорил он. - А голову из воды выставит, ну собака и собака!

- Она и людей не боится?

- Да нет, боится, наверное. Но любопытство верх берет. А лебеди какие на озерах! Красота! И вокруг горы, все в кедре-стланнике. Я вот до сих пор не могу привыкнуть к местному пейзажу, однообразие угнетает, и горизонта из-за сосен не увидишь.

- Нет, здесь летом хорошо! – возразила Людмила. - Особенно на озерах, а озер по району тьма. Правда, дороги такие, что не дай бог. Но при желании добраться можно. Особенно красиво на Арантуре, да и на Светлом прекрасно. Там у леспромхоза нашего пионерский лагерь. Мы всей семьей часто летом на выходные туда купаться ездим.

- А я еще и не видел, какое оно здесь, лето?

- Лето, оно и есть лето! Солнышко греет, воздух пахнет смолой! – мечтательно произнесла Людмила. - Еще бы комаров поменьше было. Но от комаров мазь есть. У вас на востоке тоже ведь не без них?

- Комариков везде хватает, это точно!

- А что такое «стланник»?

- Ну, кедр такой, северный. Подрастет с метр от земли и начинает над ней стелиться. Сплошным ковром сопки покрывает, не проредешься.

- И шишки у него есть?

- Шишки такие же, как здесь. Чуток, может быть, поменьше, но орех точно такой же. У нас под Хабаровском, на Хихцыре, кедры конечно выше местных, да и шишки втрое больше. Но орех – не разгрызешь. Мать моя их щипцами раскалывала, а по-другому – все десны обдерешь! И ваш орех вкуснее, масла, видимо, больше.

- Ну вот, хоть что-то у нас лучше! Тут, правда, кета не водится, но карасей в озерах предостаточно. Ближе к лету рыбаки в поселок постоянно живых завозят. Жареные, да еще в сметане – просто объедение!

Славка почти совсем освоился с Людмилой, и свободно болтал с ней на всевозможные темы. А ночью пошел провожать ее домой и минут пятнадцать целовался с ней в темном подъезде. Со странным, смешанным чувством одержанной победы, счастливый и возбужденный, он вернулся домой. Парни еще не возвратились, но он не стал ждать их, а сразу лег в постель и мгновенно заснул. Светлана ему в этот раз так и не приснилась.

А утром началась новая жизнь со своими вопросами, которые требовали немедленного разрешения, со своими загадками, маленькими поражениями и победами. И не зря же говорится – время лечит! Вот и Славку, видимо, время вылечило окончательно и бесповоротно. Тем более что, скучать и предаваться философским размышлениям над бестолковыми вопросами типа: быть или не быть, стало некогда.

Новый главный инженер, капитан, который заменил Понюшенко, но с приставкой «ио», однажды появился в техчасти с сообщением о начале строительства еще одного моста через какую-то речку Пелым и приказал собираться в бригаду за проектной документацией:

- Прихвати с собой Перминова, а то одному эту макулатуру не унести. Получайте деньги, командировочные удостоверения и – вперед! Когда вернешься, съездим в этот самый Пелым на рекогносцировку, посмотрим, что да как. Мост там чуть меньше, чем на Лозьеве, но тоже метров около двухсот. Давай, исполняй.

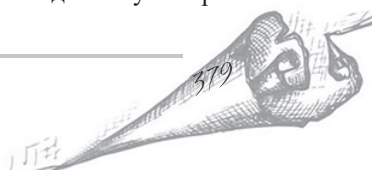
Май пролетел незаметно.

Глава 7

В июне провожали на дембель Петю Панкратова. Закончились его два года службы. Накануне, оставив дочку на время у бабушки, к нему приехала супруга, такая же, как он, крупная женщина с полными губами на круглом лице и с очаровательными ямочками на щеках. Прямо из Советского они собрались отправиться на отдых в Крым. Петька бегал по части, оформляя какие-то бумаги, и улыбка не сходила с его веснушчатого лица. Еще бы, все это: и морозы, и гнус, и надоевшие кривые сосенки на бескрайних северных болотах оставались здесь навсегда, а впереди ждал жаркий полуостров, море, и, в конце концов, вымытый асфальт Питера.

- Все равно скучать будешь, - сказал ему Решетников, - два года – не два дня.

- Конечно, ребята! – ответил с какой-то грустинкой в голосе Петр. – Но, сами понимаете, жизнь как-то устраивать нужно. У меня в Питере квартира, и родственники все там. Да и вам тоже не так долго тут батрачить осталось, не успеете оглянуться.

- Ладно, не бери в голову, всем нам когда-то придется решать, что делать дальше, - успокоил его Сашка Ворошнин. - Вон у тебя и жена - красавица, и дочка имеется! А много ли человеку для счастья надо?

Разговор о будущем частенько возникал в разговорах. А когда находились в Першино, как правило, перед сном. Приходилось долго согреваться под наброшенными поверх одеял полушубками в холодном, продуваемом офицерском общежитии.

- У меня дядя управляющим трестом в городе, - рассказывал Деряга. - Пойду, наверное, в трест работать, приглашали после службы.

- А я бы на твоём месте года два на линии попахал, - советовал Деряга Панкратов. - Опыт, как-никак!

- На кой ему этот опыт? Он его и здесь по самое нехочу хлебнет! Иди, Жень, в контору: чисто, тепло. А на производстве дураков пахнуть и без тебя найдется! - советовал Ворошнин.

- Вот то-то и оно, что дураков! - сердился Петр. - К тому же на линии поработал год, другой прорабом, а там гляди - уже начальник управления. А с начальника в трест, никак не меньше, чем на должность главного инженера возьмут. А попробуй-ка с клерка в руководство пробиться!

- Пробьется, раз дядя - управляющий! - не унимался Сашка.

Вячеслав тоже задумывался, что ему предстоит, когда служба закончится. Ехать было особенно некуда. Отец вскоре собирался на пенсию, и мать усиленно тащила его к себе на родину, в Тверь. Там жила и бабушка Полина, мамина мама. Но Вячеславу возвращаться под родительское крыло совершенно не светило. Тем более в город, где у него ни друзей, ни приятелей. Можно было, конечно, вернуться в Хабаровск, но и с ним все связи были уже почти утеряны. Друзья разлетелись по стране и уже завели семьи, и им не было никакого дела до старого школьного приятеля. Своих забот по горло. Здесь, в Советском, развернулось строительство крупного деревообрабатывающего комбината, и Решетников как-то однажды побывал на строительной площадке. Стройка его впечатлила: металлоконструкции цехов с многометровыми пролетами, эстакады труб над проездами и ревушая на морозе в клубах пара техника. В крайнем случае, можно будет устроиться и сюда. Но когда это еще будет? И он старался не особенно загружать свою голову подобными мыслями...

Проводины устроили в субботу прямо в общежитии, так как клуб пришлось отдать временно под жилье вновь прибывшим накануне в часть семьям закончивших училища офицеров. Разгородили помещение фанерными перегородками, и - пожалуйста! Общежитие к этому времени снова наполнилось народом. Из постоянно проживающих отсутствовал только Евгений Деряжный. Он снова поселился в общежитии, только на время, уступив свою квартиру кому-то из прибывших, так как в конце мая жена его уехала к маме, в Новосибирск. Она была беременна и, не до-

веряя местным докторам, отправилась рожать к родителям. Впрочем, и правильно сделала, как говаривал Деряга. Ну и что из того, что придется поскучать друг без друга с полгода, зато ребенку и матери куда как лучше. Вот Женя и переехал в первых числах июня в общежитие, поближе к народу, но как раз накануне Петькиных проводов его отправили подменить Иванова в Першино, где тот уже месяц сидел с бойцами, охраняя имущество и разгружая прибывающие вагоны. У Иванова тоже вот-вот должна была родить жена, и начальство, войдя в положение, подменило его временно холостым Деряжным. На проводины заглянуло все руководство, так как Петя пользовался уважением за солидность и неторопливость в решении и технических, и жизненных вопросов. Потому и ошибок при строительстве случалось куда меньше, чем можно было ожидать от молодых и неопытных инженеров. Если, конечно, не считать сдвинутой на несколько секунд продольной оси моста. Но, кто об этом знал, кроме узкого, особо приближенного круга друзей. Да и землерои, так называли мехбатовцев, так в тот раз и не разобрались, почему насыпь увеличилась в объеме. Комбат вручил Петру от части подарок на память: корабельный хронометр, оформленный в лакированном березовом капе. Похоже, подарок делали в той же першинской зоне, где и остальные подобного рода сувениры. Еще комбат поздравил Петра с присвоением очередного звания старшего лейтенанта:

- Спасибо Вам, Петр Вениаминович, за службу! Желаем от всего личного состава успехов в гражданской жизни, ну и не забывайте старых друзей.

Растроганный Панкратов долго обнимался с комбатом, и даже замполиту, которого не слишком жаловал, улыбнулся на прощание. Жена у Петра вся так и светилась от торжественности момента: как ее Петеньку уважают! А ночью всей гурьбой пошли провожать супружескую пару на поезд. У вагона Славка обнял Петра, и в горле у него запершило от волнения: столько вместе пережито, а вот приходится расставаться, и, возможно, навсегда.

- Ну, давай! Пиши, что ли?

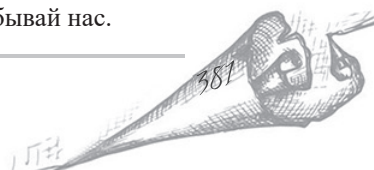
- Давай! Деряге поклон передавай. Жалко, что его не вовремя отослали.

- Передам. Счастливого пути!

- Давай, Слава, отваливай! Другие тоже хотят попрощаться! – оттянул Вячеслава от приятеля Матвеев. – Вот, держи, Петя, на память! – и Матвеев протянул Панкратову великолепно выполненный охотничий нож, которым всегда хвастался перед ребятами. – Немецкий, трофейный. Дядька с войны привез.

- Спасибо, Виктор! – растрогался Петя, он-то знал, как дорог этот нож Матвееву.

- Не за что! – обнял Панкратова главбух. – Не забывай нас.

- Давай, старик! Счастливо! – похлопал Петю по плечу Гомянин. – На вот, лимонада в дорогу! – он торопливо протянул две бутылки Петру, уже взобравшемуся под ругань проводницы на ступеньку вагона.

Поезд отошел от перрона, и все, кто остался, внезапно притихли. Возвращались в общагу, каждый думая о своем. День оказался слишком длинным, а завтра было воскресенье, и намечалась игра в волейбол с командой местного леспромхоза. Нужно было выспаться, как следует.

К середине июня начало прибывать пополнение из нового призыва. В основном это были уроженцы многочисленных южных республик нашей необъятной державы. Покинувшие совсем недавно родные аулы и кишлаки, они чувствовали себя явно не в своей тарелке, стараясь быть как меньше заметнее и как можно реже попадаться на глаза командиров. Передвигались новобранцы по территории части, в основном, стайками, испуганно озираясь по сторонам, и вид имели довольно убогий. Форма болталась на нескладных фигурах, как на пугалах, пузырилась на локтях и коленях, что вызывало постоянные насмешки старослужащих и недовольство командиров. Особенно негодовал начштаба Стешенков. На всех совещаниях и планерках он требовал от ротных привести, наконец, всю эту орду, как он выражался, в надлежащий вид:

- Когда они у вас, наконец, на людей походить будут? Болтаются по части, как пьяные! Честь и ту толком отдавать не научили, командиры, мать вашу! Не расслабляйтесь, господа офицеры: через неделю присягу принимать!

- Так многие, товарищ майор, и говорить-то по-русски не умеют, - пытались оправдаться ротные. – Им толком ничего и не объяснить, шарахаются, как стадо баранов, от каждого скрипа.

- Ничего, коллектив научит. Не все же, в конце концов, безмозглые и безграмотные, есть и сообразительные. Пусть сержанты таких, кто пошустрее, выделяют и работают с остальными через них. Да и самим нужно почаще с подчиненными заниматься, нечего всё на замполитов валить! Не может быть, чтобы все были такими затюканными!

- Да почти все, товарищ майор! Если на взвод человек пять в школе до конца проучились, то уже хорошо.

- Короче, все эти ваши оправдания не принимаются! Через неделю – присяга, а через две – учения, вот и будьте добры, до этого срока сделать из этого стада нормальных военнослужащих. А выводы, кто как работал, сделаем на июльском партсобрании! Берите пример со Шварцера. У него почему-то получается.

Лева даже зарделся от удовольствия.

- Ну, Лев, с тебя причитается! – бесцеремонно заявил Ворошнин, когда они вышли с совещания.

- За что? – удивился лейтенант.
- Орден скоро дадут! – заржал Сашка.
- Учись, учись, Ворошнин, с людьми работать! – поддел Сашку Дубов, довольный, что его роту отметил комбат.
- Нам это – раз плюнуть! – Сашка потряс перед собой своими здоровущими кулаками. – Как шелковые будут!
- Смотри, совсем не зашугай! – спокойно притормозил Ворошнина Коля Зубков. – Людей учить надо, а не пугать. Прав комбат.

Каким-то образом узнав, что в санчасти работает добрый доктор Абрамян, который какой - никакой, а восточный человек, почти земляк, и который никогда не отказывается выслушать жалобы любого, весь этот многонациональный контингент внезапно и одновременно заболел. К санчасти, в которой редко и два-то человека лежали, потянулась очередь пациентов. У одного болела голова, у другого – еще что-нибудь, и конца края этой очереди не предвиделось. Виктор практически не вылезал из санчасти, безуспешно пытаясь остановить волну стремительно возникшей, странной эпидемии. Но, как он ни старался, число занедуживших не снижалось, пока за дело не взялся сам майор Стешенков. Он лично явился в санчасть, надел белый халат и устроился за столом в Витькином кабинете:

- Давай следующего!
Грозно взглянув на тщедушного солдатика, появившегося из-за двери, он не произнес, а почти прорычал:
- Фамилия?
- Моя? – вздрогнул от испуга, не ожидавший такого приема воин.
- Твоя, твоя! Тебя что, не научили старшим по званию представляться?
- снова рыкнул майор, забыв, что на нем халат, и погонов не видно.
- Рядовой Каков! – вытянулся в струнку солдатик.
- Ну, вот так-то лучше! А говорили, что по-русски никто не понимает, - удовлетворенно усмехнулся начштаба. - На что жалуешься, Каков?
- Живот болит, доктор, - скорчил тот на лице скорбную мину.
- И давно это у тебя?
- Вчера схватило, доктор, - еще жалобнее выдал из себя рядовой.
- Давай, раздевайся быстро! Лейтенант, веди его в операционную! – повернулся Стешенков к Абрамяну.
- Зачем, товарищ майор? – не понял Виктор.
- Как зачем? Лечить будем! А ты чего стоишь, как столб? - повернулся начштаба к бойцу. – Я кому сказал раздеваться!

Стешенков прошел в соседнее помещение, где располагалась операционная, а Виктор, начавший потихоньку кое-что соображать, вместе с оголившимся до пояса пациентом проследовали за ним.

- Где у тебя тут инструменты? – спросил начштаба Абрамяна.

Тот достал из стерилизатора сверкающую нержавеющей сталью кювету с операционным инструментом, открыл ее и поставил на столик.

- Ложись! – приказал начштаба полуголому, покрывшемуся мурашками солдатику.

- Зачем, доктор? – испуганно вытарашил глаза рядовой Какоев.

- Резать будем! – Стешенков достал из кюветы хищно блеснувший на свету скальпель, и зачем-то попробовал указательным пальцем, как он заточен. – Давай, быстрехонько – на стол! Кстати, лейтенант, у тебя шприц для наркоза покрупнее есть?

- Так точно, товарищ майор! – до Виктора, наконец, окончательно дошло, что Стешенков затеял какой-то спектакль, и он решил подыграть. – Вот, держите! – он протянул майору громадный, на пол-литра шприц, применяемый для удаления из ушей серных пробок.

Стешенков взял шприц, повертел его, разглядывая на свету, и вновь повернулся к бойцу:

- Ты, что, еще не лег? Быстро на стол, кому сказал!

Солдатик побледнел, как полотно, и, почти теряя сознание от ужаса, пулей вылетел за дверь. Стешенков положил шприц на место и повернулся к Виктору. Вид он имел грозный, но глаза смеялись:

- Все понял, лейтенант? А то чикаешься тут с ними!

- Так точно, товарищ майор! – ответил еще не отошедший от всего увиденного Абрамян. – А вдруг он все-таки болен?

- Если человек болен, доктор, то снова придет. Или его принесут.

Они вернулись в Витькин кабинет, и через двадцать минут прием закончился: очередь болящих растаяла, как утренний туман под лучами солнца.

- Следующий! – в очередной раз рыкнул начштаба, но вошедший сержант, санитар санчасти, доложил, что больше посетителей нет. – Ну, вот и все. Учись у старших, лейтенант! – снял халат майор. – А то скоро тебе все эти землячки на шею сядут.

- Я, вообще-то, из Москвы, товарищ майор! Они мне не землячки вовсе!

- Да, ты не обижайся, лейтенант! Это ты так считаешь, а для них всякий одиноковец – земляк! Не подпускай к себе шибко близко, а то оседлают! Больных, конечно, – в лазарет, а симулянтов гони! Ладно, я пошел, – Стешенков повесил халат на крючок и вышел за дверь.

История эта быстро стала широко известной в части, и в соседних батальонах тоже, обрастая со временем новыми поворотами и подробностями.

- Ну как, научил тебя Стешенков врачевать? – шутили офицеры, а Виктор только отмахивался от надоевших вопросов.

Притом, при всём, больных в части сразу стало на порядок меньше, и Виктор был благодарен начальнику штаба. Показатели по санчасти

стали гораздо лучше, а тревожные звонки начмеда бригады раздавались гораздо реже... В общем, новобранцы начали привыкать к службе.

Пятнадцатого июня, утром, в общежитие, где все уже собирались на службу, ввалился радостный Иванов с авоськой спиртного.

- Мужики, у меня сын родился! – восторженно сообщил он.

- Поздравляем! – от имени всех присутствующих и как старший по званию первым отреагировал Матвеев. – Только, Саша, застолье переносим на субботу. Сегодня ночью тревога будет, учения начинаются, так что извини.

- Ну, как же так, мужики? Ведь сын же родился? – растерянно спросил огорошенный таким приемом Иванов.

- А что делать? – ответил вопросом на вопрос Матвеев, но, увидев огорченное лицо лейтенанта, махнул рукой: – Ладно, наливай! Товарищи офицеры, из уважения по пять грамм за новорожденного! Но только по пять грамм!

Иванов радостно заулыбался, и крикнул Боговичу, чтобы тот тащил стаканы.

- Поздравляю! – чокнулся с Ивановым Вячеслав. – Сколько весит?

- Четыре сто.

- Здоровый парень! – удивился Матвеев. – Ну, дай ему бог, всего на этом свете! – главбух опрокинул стакан. – Подарок с нас, Саша!

- Спасибо, мужики! Давайте, вам пора, а я побежал в больницу. Узнаю, может, что нужно!

Обсуждая новость, все дружно оделись и вышли из общежития. День обещал быть теплым и солнечным. Во все стороны на небе не было ни облачка.

- Это правда – про тревогу-то? – спросил Матвеева Славка.

- Все точно, как в аптеке, мой юный друг! Сведения, как говорится, из первых рук. Сегодня начштаба бригады прибывает и твой Кривякин тоже. Тактико-специальные учения: будем Северную ветку к сдаче долизывать.

- Понятно.

- А что тебе понятно, Слав? Засунут на трассу комаров кормить, вот и вся недолга. Попрощайся с Людочкой минимум на месяц! – проинформировал товарища Гомянин.

- Да я ее и так недели две почти не видел.

- Что ж так? Взбрыкивает опять? А ты понастойчивее будь! Бабы они напор любят!

- Не пойму я ее что-то. То, вроде, нормально все, а то, будто кошка пробежит.

- Ну, это-то, допустим, понятно! – высказался Матвеев. - Как настоящая, умная и хитрая женщина, она тебя на коротком поводке держит. Это

у них тактика такая: сначала – подпустить, а потом – помурьжить! А ты не обращай внимания на ее капризы, гни свою линию. А еще лучше – брось на некоторое время! Вот увидишь: сама прибежит!

- Ладно, разберемся помаленьку!

- Конечно, разберешься. Мужики, давай прибавим ходу, а то на развод опоздаем! – крикнул Матвеев отставшим ребятам. - Смирно! – скомандовал он, когда проходили мимо вокзала. – Равнение налево!

По перрону шла Настя, и Славка в который раз удивился, какими красивыми могут быть женщины.

- Вольно! – не останавливаясь, Настя одарила ребят очаровательной улыбкой.

- Как жизнь, Настя? – прокричал ей вслед Матвеев, но она, не оборачиваясь, только помахала в ответ поднятой над головой рукой и скрылась за дверью диспетчерской.

- Да, - произнес в наступившем молчании Лева. – Одарил же бог кого-то!

- Кого надо, того и одарил, - подытожил Матвеев. – Прибавили шагу, опаздываем!

Вечером, после ужина, Вячеслав, вопреки советам Матвеева, все-таки позвонил Людмиле и пригласил в кино. В последний раз они виделись на танцах в клубе и расстались довольно прохладно. А вот по какой причине, Вячеслав тогда так и не понял.

- Придешь? – спросил он в трубку и, получив после томительного ожидания согласие, отправился в общежитие чистить перья, как выразился Матвеев. Еще через час он стоял и курил в ожидании возле кинотеатра «Луч». Людмила появилась не одна, ее, как верные телохранители, сопровождали две неразлучных подружки Валя и Галя. «Вас тут только и не хватало!» - не слишком обрадовался им Славка, но вслух ничего не сказал, изобразив на лице неподдельную радость.

- Привет, Славик! – защебетали подружки. – Давно не виделись.

- Здравствуйте! - поздоровался Вячеслав и, подошел к Людмиле. – Здравствуй!

- Привет! – откликнулась на приветствие Славки девушка и, не оказав лейтенанту никаких заметных знаков внимания, повернулась к неразлучной парочке. – Пошли за билетами.

- Пойдите! Я сейчас куплю, - остановил подруг Вячеслав. – Проходите в фойе, я мигом!

Фильм был новый, про любовь, с участием популярных исполнителей, и аншлаг был полным. Не имея никаких особых развлечений, жители поселка с удовольствием ходили в кино. А кроме всего прочего - себя показать и на людей посмотреть.

- А где Юра? – спросила Вячеслава Валентина. – Его уже почти месяц не видно. Может, заболел?

- Нет! Взвод Гомянина на Пельым забросили. Готовить площадку под разгрузку материалов. Новый мост будем начинать. Должен, вроде, к концу недели появиться.

- Пошли в зал, уже пускают, - потащила Валентину за собой Галина.

Славка вместе с Людмилой, слегка приотстав, двинулись за подругами. Продвигаясь к своим местам следом за девочками, Вячеслав успел ответить на приветствия нескольких знакомых, тоже пришедших посмотреть картину. В соседнем ряду, чуть сбоку, сидел Ягодкин с женой.

- Здорово, Вячеслав, сто лет тебя не видел! Где пропадаешь?

- На Пельиме неделю отирался, а до этого в Серов ездил по делам.

- Ну и как там Серов?

- А куда ему деться? Стоит.

- Заходи ко мне в контору, а то давно вместе не сидели.

- Вам бы все сидеть! – заворчала жена Виктора. – Когда только напьетесь?

- Брось, мать, ворчать! – начал Ягодкин, но тут раздался последний звонок, и свет в зале погас.

Начался киножурнал, и Славка тоже расслабился, откинувшись на спинку кресла. Он исподволь поглядывал на курносый профиль Людмилы, подсвеченный дрожащим светом от полотна экрана. Но та, видимо, почувствовала его взгляд и, не поворачивая головы, шепнула так тихо, почти не разжимая губ, что он скорее понял, чем услышал:

- Смотри на экран.

Славка подчинился и минут десять внимательно взирал на то, как в Запорожье заканчивают сбор урожая, а в Анголе продолжается война. Но вскоре ему это надоело, и он вновь скосил глаза на девушку. Она, почувствовав на себе Славкин взгляд, дернула его за руку, но он поймал ее теплую ладонь и зажал в своей пятерне. К его удивлению она не выдернула свою руку из его ладони, а только слегка повернула лицо и прижала палец к губам. Потом потихоньку высвободила свою руку и поправила упавшую на глаза прядь волос. После чего вновь принялась внимательно и сосредоточенно смотреть на экран, где уже появились первые титры фильма. Вячеслав постепенно заинтересовался сюжетом и жизненными коллизиями, в которые попадали киногерои. Когда он вновь попытался взять Людмилу за руку, та опять не оказала никакого заметного сопротивления, а только вновь приложила указательный палец второй руки к пухлым губам. Тихо, мол! Люди смотрят! Так они и просидели: рука в руке до конца сеанса, ощущая тепло друг друга. Славка не знал, что сейчас творится на душе у девушки, но сам чувствовал какое-то необычное и одновременно знакомое, охватившее все его существо, волнение. Сердце

билось горячо и часто. Ему даже жарко стало, и он едва дотерпел до того момента, когда закончилась картина, и в зале зажегся свет. Людмила торопливо отдернула руку, но он понял, что в этом жесте девушки не было давешнего недовольства. Зрители между тем потянулись к выходу.

- Забегай! – попрощался Ягодкин, и жена, подхватив его под локоть, потащила за собой.

- Ну, и как фильм? – спросила Валентина, обращаясь сразу ко всем. – Мне – как-то не очень!

- А мне понравился! – возразила Галина. – Конечно, героиня стерва приличная, но это – перебор, а в остальном – все правильно!

- А мне жених её больше всего понравился. Настоящий мужик, без придури, не то, что наши! – Людмила бросила из-под бровей незаметный взгляд на Славку.

- Сказки все это! – коротко выразил он свое мнение, не вполне четко уже припоминая сюжет, так как все его мысли во время киносеанса были заняты совершенно другим.

- И пусть сказки! – вмешалась Галина. – Зато смотрится красиво, гла-зам приятно, и душа отдыхает. И подумать есть о чем. Радуйтесь, что такие фильмы завозят! Тебе что - на нашу серость смотреть не надоело?

- Ты о чем? – не понял Решетников, поглощенный своими мыслями.

- О том! – надулась от такого невнимания девушка. – Пошли, Валь, видишь, эти красавцы от нас поскорее избавиться хотят.

- Никто ни от кого не хочет избавиться, - возразила Людмила. – Чего ты взбрыкиваешь, как лошадь необъезженная? Пойдемте лучше, прогуляемся, воздухом подышим.

- Сама ты лошадь! – обиделась на Людмилу Галя, но Валентина одернула ее и потянула за собой по тротуару вдоль центральной улицы.

- Куда вы? – окликнула их Людмила. – Пойдите.

Девушки остановились. Набывчившаяся Галка вопросительно посмотре-ла на Валентину.

- Не дуйтесь, - подошла к девочкам Людмила, а следом за ней и Славка.

Было около десяти вечера, солнце висело над горизонтом. Белые ночи – как-никак! Славка, как ни старался, до сих пор не мог привыкнуть к этому с мая негаснущему небу, даже сон у него испортился, стал тревож-ным и неглубоким. Правда, он все-таки нашел выход: взял у Боговича еще одно байковое одеяло и прибил его на окно комнаты. Спать стало комфортнее: солнце не лезло в глаза круглые сутки.

- А нас завтра, похоже, по точкам разбросают, - неожиданно для само-го себя сообщил девочкам Вячеслав. – Тревога намечается.

- Какая такая тревога? – спросила Валентина.

- Учения начинаются, тактико-специальные. А если проще: пахать бу-дем день и ночь на трассе.

- И куда вас отправляют?

- На север, куда-то. Я там ни разу не был, так что не знаю.

- Что-то комарье донимать начинает, - Людмила сломала ветку с ближайшей березы и начала отмахиваться от надоевших насекомых. - Ладно, девочки, мне пора, - она по очереди чмокнула Галину и Валентину. - Ты, Галка, на меня не обижайся! Прости, сорвалось. Слава, проводи девочек, поздно уже.

- Ну, уж нет! - запротестовала Валентина. - Проводи-ка, Слава, Людмилу лучше! Нас двое, и народу еще на улицах полно, а она одна. Да и нам тут рядом к тому же.

Тут она слукавила: топтать было довольно далеко.

- Конечно! - сделал небольшую паузу, ответил Вячеслав, которому совершенно не хотелось расставаться с Людмилой, тем более, что в их отношениях наметилось некоторое потепление.

- Ладно, мы побежали! - и Валентина за руку потянула Галину за собой. - Не забудь Юрке привет передать, когда увидишь!

- Не забуду, - Славка повернулся к Людмиле. - Ну что, пойдём?

- Пошли.

Они тронулись назад по бетонному тротуару в сторону Людмилиного дома, отмахиваясь от обнаглевших вконец комаров. Славка нет-нет да украдкой бросал на девушку косые взгляды, пытаясь понять, о чем это она думает, но Людмила шла, не поворачивая головы, как будто его рядом и вовсе не было. Так они и прошагали до знакомого подъезда. Расстроенный внезапной сменой настроения подруги Славка безо всякой надежды на успех попытался обнять девушку, уже понимая, что это ему вряд ли удастся. Людмила, как и в прошлую их встречу, снова натянула на лицо маску безразличия, и от нее вновь ощутимо веяло холодом равнодушия и скуки.

- Не надо! - передернула она плечами, отбивая у Славки всякое желание продолжать. - Мне пора!

Людмила решительно повернулась и скрылась за дверями подъезда. Славка остался стоять, проклиная свою слабохарактерность. Ну, что это такое? Давно эту девушку надо послать куда подальше! Он, конечно, помнил слова Матвеева, что не надо обращать внимания на бабские капризы, но такое отношение кого хочешь, выбьет из равновесия. И чего ей надо? Ну не желаешь продолжать отношения, так и скажи прямо, а то - ни туда, ни обратно. Сначала погладит, а потом холодной водой окатит. Бред какой-то! Он сплюнул под ноги, достал сигарету и чиркнул спичкой.

- Дяденька, а дяденька, дайте закурить! - раздалось внезапно откуда-то снизу.

Перед Вячеславом, словно чертенята из табакерки, возникли два павана лет по десять. Их хитрые глазенки настороженно следили за тем, что

предпримет в ответ на их просьбу дяденька, а ноги готовы были сорваться с места, если в воздухе вдруг запахнет тревогой. Видимо, не раз получали по ушам за свои вредные привычки. Славка сначала хотел шугануть этих малолетних нахалов, но потом подумал и вытащил из пачки две сигареты:

- А не рано ли курить начинаете, господа хорошие?

- Вы с Людкой гуляете? – ответил вопросом на вопрос розовощекий крепыш, затягиваясь дымом.

- Ишь ты! А ты кто такой, чтобы об этом спрашивать, оголец?

- А мы здесь с Петькой живем, - вместо ответа кивнул в сторону приятеля мальчишка. – Меня Юрка зовут, а вас как?

- Дядя Слава. Значит, вы тут живете? Родители не гоняют, что так поздно по улице шарахаетесь? Да еще и курите.

- Не, сейчас светло. А потом мы перед тем, как домой идти, из колонки водой рты прополощем.

- Думаешь, поможет?

- Я уже сколько раз курил, а мать так ни разу и не унюхала.

- А унюхает, что тогда?

- Выпорет! – спокойно, как о само собой разумеющемся, немного подумав, ответил малолетка.

Славка затаился в последний раз, затушил каблуком сигарету и кивнул пацанам на прощание:

- Я бы на вашем месте, молодые люди, курить-то бросил. Вредно.

- Да мы просто так. Интересно, - розовощекий Юрка отбросил окурочок. – Вообще-то мы не курим.

- Вот и не начинайте лучше! Ничего в этом хорошего нет. Ну, бывайте здоровы, орлы! Пора мне.

- А вы еще придете сюда? – поинтересовался неугомонный парнишка.

- Не знаю! – раздраженно ответил Вячеслав, вспомнив их недавнее прощание с Людмилой.

- Придете, - безапелляционно заявил пацан. – Людка красивая, за ней всегда кто-то бегаёт. Но дура. Вечно нос задирает. Прошлый год ее тоже офицер провожал. Высокий такой. Валерой звали. Так она его так же, как вас каждый раз отшивала.

- Не понял! – просто остолбенел от такой наглости Вячеслав. – Это ты о чем?

- Что, я не видел что ли? – Юрка отскочил на всякий случай в сторону. – Да вон и Петька видел.

- Что видел?

- А как вы ее хотели поцеловать, а она вас отшила!

Славка вначале хотел поймать пацана и наподдавать ему, как следует, но потом раздумал и махнул рукой:

- Ладно, акселераты, шибко вы много знаете. Топайте-ка домой луч-

ше, философы драные, первый час ночи! И поменьше в чужие дела нос суйте! А то, знаете: любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

- Вот еще! Мы и не лезем. Дядя Слава, а вы, когда увольняться будете, мне свою португею подарите? – неожиданно огорошил Вячеслава своим вопросом неугомонный Юрка. - Если не жалко, конечно? И Петьке, если можно, достаньте.

- Португею? – удивился Славка. – Да на что она тебе?

- Так подарите? – не унимался новый знакомый. – Мы у Людкиного ухажера еще в прошлом году просили. Но он так и не подарил. Забыл, может быть?

- До увольнения еще дожить надо.

- Доживем, - уверенно произнес Юрка, чем окончательно рассмешил Вячеслава.

- Ну, раз говоришь – доживем, значит – подарю!

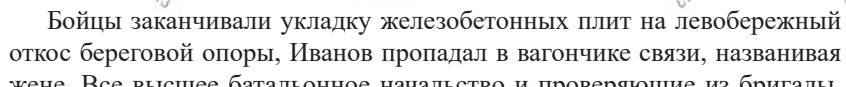
- Ура! – запрыгал от радости пацан. – Ты ее только береги, не попорти! – уже серьезно продолжил он.

- Ладно, не беспокойся! Давайте, парни, по домам, поздно уже совсем!

Славка, как взрослым, пожал руки своим новым приятелям и вышел со двора на улицу. Настроение у него после разговора с мальчишками слегка приподнялось. И, правда, чего это он так раскис? Все перемелется, мука будет. Подумаешь, девчонка капризничает! Покапризничает, покапризничает да и сдастся, куда она денется! Не таких видали! От этой мысли ему стало совсем легко, и он с шага перешел на поросячий галопчик, пытаясь уйти от комаров, противно воющих над головой.

А под утро сыграли тревогу...

Вместе с взводом Иванова они третьи сутки воевали на облицовке откосов береговых опор моста на пятьдесят втором километре Северной ветки. В палатке стояла невыносимая жара, и Славка, как штабник и наблюдатель, не слишком обремененный заботами о подчиненных, сидел чуть в стороне от объекта, в лодке с наскоро налаженной удочкой и азартно вытаскивал из воды жирных, пузатых ершей. Воздух над речкой был прохладнее, и пекло, стоявшее уже неделю, переносилась легче. Речка с хантыйским названием Эсс вытекала из довольно обширного, но заполненного почти доверху илом озера, с заболоченными берегами, заросшими мелкими, корявыми соснами и торчащими из воды останками стволов отгнивших деревьев. Сначала он сплавал по реке на само озеро, но глубина там была не больше полуметра, дальше бездонный ил, и рыба практически не клевала. А в речке водилась вполне приличная плотва, по-местному – чебак, и в неопишемом количестве вездесущие и наглые ерши. У них был жор, что ли, и они хватали любую наживку почти мгновенно, как только крючок оказывался в воде.

Бойцы заканчивали укладку железобетонных плит на левобережный откос береговой опоры, Иванов пропадал в вагончике связи, названивая жене. Все высшее батальонное начальство и проверяющие из бригады, объехав разок ветку, окопались в Советском, и не слишком их тревожили, удовлетворяясь ежевечерними докладами. Учения, которые начались, как боевые, со стрельб на полигоне и рытья укрытий, плавно перешли к рутине, а попросту к обыкновенной работе на объектах недостроенных батальоном в предыдущем сезоне. Разница была лишь в том, что приходилось повсюду таскать с собой автоматы, натирая ремнями плечи, и изображать, что вокруг не дремлет вездесущий враг. Для отражения возможного нападения возле объектов оборудовали окопы, пулеметные гнезда, где круглосуточно дежурили пикеты, поедаемые гнусом, от которого единственным спасением служила мазь с резким запахом дегтя. Новый зам по тылу капитан Шишкин забросил на каждую точку по целой бочке этого зелья. Правда, было неясно, какому идиотскому врагу придет на ум отираться в разгар июля глубоко в тайге и кормить комаров ради сомнительной перспективы подорвать пятнадцатиметровый мосточек на железнодорожной ветке к отдаленному леспромхозу. Тем более что батальон имел возможность восстановить его в первоизданном виде за пару суток. Слава богу, что патроны не выдавали, а то бы еще кто кого ненароком подстрелил. И комвзводы, и ротные неровно дышали: а ну, кто из новобранцев посеет оружие. Вот тогда будут учения – всех на уши поставят!

Северная ветка, как Вячеслав слышал однажды в бригаде, была частью или скорее началом дороги, которую планировали протянуть до Лабитнангов, чтобы соединиться с железкой, уже функционирующей через Воркуту до самого Ленинграда. Первоначально хотели протащить дорогу от Ивделя по восточному склону Уральского хребта и даже построили кусочек до станции Полуночное. Но позднее где-то наверху решили, что болотный вариант дешевле, и два года бригада ковырялась на ветке длиной в семьдесят с небольшим километров. Ковырялась, не торопясь, поскольку на самой Ивдель-Оби недоделок тоже хватало: расширяли станционные пути, строили очистные сооружения, энергетические узлы. Но в этом году кто-то из корпусного руководства решил, что ветку нужно, наконец-то, закончить, и так называемые учения обещали затянуться.

Славка собрал ершей, которых бросал прямо на дно лодки, в ведро, смотал удочку, и, выбравшись на берег, понес рыбу на кухню. К обеду будет уха, а то все эти борщи из консервных банок уже порядком поднадоели. Отдав ершей повару и проинструктировав его, что с ними делать, он сходил на мост и посмотрел, чем занимаются люди. Решив для себя, что все идет нормально, Вячеслав отправился в вагончик связи. В вагончике, кроме сержанта-связиста, сидел мрачный Иванов и безучастно смотрел в пыльное, сто лет не мытое оконце.

- Что случилось, Саш? – спросил Вячеслав, встревоженный видом товарища.

Иванов только, молча, отмахнулся, продолжая неотрывно смотреть куда-то в сторону.

- Да, что с тобой, наконец?

- Иди-ка, сержант, погуляй немного! – вместо ответа сказал связисту комвзвода, а когда тот вышел из вагончика, повернулся к Славке. – Каюк мне, Слава!

- Какой каюк? Что случилось-то? Расскажи внятно.

- Ольгу помнишь?

- Это какую, из Першино, что ли? Ну и что?

- А то! Родила она, вот что!

- Ну, - успокоился Славка, - этого следовало ожидать, как я понимаю. А то – каюк... Думал, что помер кто-то, а оказывается – родился. Да и для тебя это, сдастся мне, не новость. Можешь принимать поздравления. Кстати, сын или дочь?

- Пошел бы ты со своими поздравлениями подальше! – буркнул Иванов. - Сын.

- Поздравляю! Только вот почему тебя это так расстроило совершенно не понятно? Радоваться надо, да и назад, как понимаешь, уже ничего не повернуть. Назад туда никто не возвращается. Пошли девчонке телеграмму, поблагодари за сына.

- Да уже послал, – Иванов достал сигарету и закурил. - Комбат звонил, злой, как черт! – продолжил он через паузу.

- А причем здесь комбат? – вновь удивился Вячеслав. – Что, крестным не хочет быть?

- А притом! Ольга же, помнишь, уезжала, куда-то к родным. А теперь, когда родила, вернулась вместе с этой самой чертовой родней в Першино, как я понимаю, права качать.

- И что?

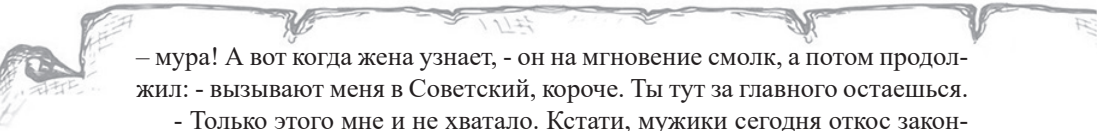
- Обратились к нашему начальству. Просят, чтобы я сына признал, а то, дескать, как-то неудобно, что отца в документах не значится. Дескать, девочке стыдно, что сын незаконнорожденный, пересуды по деревне идут. Не знаю, что и делать.

- А жена-то твоя в курсе?

- Нет еще, – окончательно помрачнел Иванов.

- Нн - да! – почесал затылок Славка. – Ситуация! А как они до начальства-то добрались?

- Нашли в Першино Дерягу, спросили, где я нахожусь, и позвонили прямо в часть. Деряга, тот не сразу врубился, что да почему. А то бы, говорит, сбрехнул что-нибудь, дескать, уехал наш Саша далеко и надолго. Ищите ветра в поле. А замполит теперь, зараза, рвет и мечет. Но это все

– мура! А вот когда жена узнает, - он на мгновение смолк, а потом продолжил: - вызывают меня в Советский, короче. Ты тут за главного остаешься.

- Только этого мне и не хватало. Кстати, мужики сегодня откос закончат, куда дальше-то?

- На сорок третий. Облицовку туда уже завезли и бульдозер забросили.

Телефон затрезвонил вновь и Иванов поднял трубку. Выслушав звонившего, он передал трубку Вячеславу.

- Решетников, ты? – услышал Вячеслав.

- Так точно, товарищ майор! – ответил Славка, услышав в трубке голос комбата.

- Значит, так: Иванов сегодня по служебной надобности в Советский отбудет, хозяйство на тебя оставляем. Через денек я Ворошнина к тебе на смену подошло, ты ему дела сдашь и в Першино собирайся. Туда представитель монтажников уже подъехал, начинают поступать конструкции пролетов. Дай-ка мне еще Иванова.

Славка передал трубку лейтенанту и вышел из вагончика. Новости не слишком радовали, но на фоне того, что произошло с Ивановым, все это казалось несерьезной шелухой. Вот тому действительно не позавидуешь. Попал парень, как петух в ошип: с одной стороны начальство, с другой жена, а с третьей – Ольга эта самая, черт бы ее побрал! Правильно говорил Ягодкин, что это дело может закончиться неважно. Так оно и вышло.

Из вагончика появился Иванов и крикнул сержанту-связисту, курившему с бойцами, чтобы тот шел назад к аппаратуре.

- Чем до Советского добираться думаешь? – спросил Вячеслав.

- Через час путейцы с Яныгьи дрезину подошлют. Пошли, пообедаем, что ли?

- Пошли. Я там уху заказал, пошвыркаем.

Подошло время обеда, и они устроились прямо у палатки, на открытом воздухе, так как в столовой, устроенной в десятиместной палатке, стояла невыносимая духота. Закончившие работу бойцы тоже расположились прямо на траве рядом с кухней.

- Хорошая уха, товарищ лейтенант! – польстил Славке замкомвзвода сержант Сидоров. – В каком месте таких ершей дергали?

- В истоке, у озера.

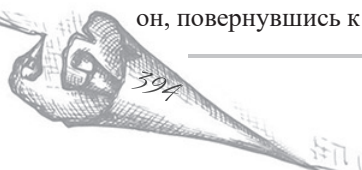
- А пониже моста пацаны из Агириша чебаков таскают.

- Вот после обеда и я попробую. Может, на ужин жареху сварганим?

Чем черт не шутит.

- Хорошо бы! Свежей жареной рыбки давненько не пробовали, товарищ лейтенант.

- Ладно, не причитай, если будет клевать, постараюсь! – закончил разговор с Сидоровым Вячеслав. - Ты, главное, не мечи икру! – посоветовал он, повернувшись к своему мрачному приятелю. – Тебя, наверное, разби-

ратся к твоей Ольге отправят, я так думаю. В общем-то, это – самое логичное, что начальство придумать может. Ты только не суепись там попусту и голову свою дурную, куда не надо, не суй. Сам знаешь, в Першино Деряга сейчас командует, если что – подсобит! А главное – не торопись с решениями! Торопливость, как понимаешь, нужна только при ловле блох. Десять раз подумай, прежде чем что-нибудь предпринимать.

- Постараюсь, - совсем помрачнел Иванов.

- Я Деряге вечером перезвоню, что бы он тебя обязательно встретил. Да не расстраивайся ты так! Как там, в поговорке: пережили голод, переживем и изобилие! Все пройдет, как с белых яблонь дым!

- Да ладно, я сам Деряге, если будет нужно, позвоню!

- И морду лица сделай повеселее, а то жена сразу все усечет.

- Все равно узнает.

- Это конечно. Но, сам понимаешь: чем позднее, тем лучше. А, впрочем, лучше будет, если она от тебя это узнает, а не от кого-то особо озабоченного. Сердце у баб отходчивое, повинисься – простит! Так, что, готовься, репетируй аргументы!

- Ладно, не учи, Спиноза хренов! Вон дрезина подкатила, - кивнул в сторону пути Иванов, где со стороны Советского, гремя по стыкам, подъехала к мосту чихающая соляркой платформа с сидящим на ней незнакомым бойцом из соседнего, видимо, батальона.

Иванов сбегал в палатку, собрал рюкзак, и вышел, направляясь к шестиместной, открытой дрезине. Боец-водитель в ожидании сидел на откосе насыпи и курил.

- Пока, - попрощался Иванов со Славкой. - Сидоров! Я убываю, – крикнул он замкомвзвода, - за командира лейтенант Решетников! Понятно?

- Понятно, товарищ лейтенант, чего тут не понять, - приподнялся с травы сержант.

Иванов бросил рюкзак на тележку, прицепленную к дрезине, водрузился на сиденье рядом с водителем, и дрезина, громко чихнув и выпустив в воздух черное облако несгоревшей солярки, бодро запрыгала по стыкам рельсов назад, теперь уже в сторону Советского. Через минуту она исчезла за поворотом, и Славка поднялся, предлагая сделать то же самое оставшимся в его подчинении людям.

- Короче, Сидоров, сегодня откос нужно закончить кровью из носа. Закончите раньше, честь вам и хвала! Можете потом отдыхать. Только смотри, чтобы люди далеко не разбегались. Я, если что, на речке, за мостом. Может, и правда на жареху чебачков надергаю?

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, все будет в полном порядке. – заверил сержант. Если что, или из батальона кто позвонит, я тут же за вами пришло.

- Давай, командуй! Чем быстрее закончите, тем раньше отдыхать бу-

дете, стимулируй народ! – Славка вновь взял удочку, банку с короедами, и отправился к реке, на другую сторону моста, а бойцы неторопливо попались к месту работы.

Утро следующего дня выдалось пасмурным. В воздухе висел не то чтобы дождь, а скорее туман, наполненный мелкими, как пыль, каплями воды практически неподвижный воздух. Наскоро позавтракав гречневой кашей с тушенкой и дождавшись, когда закончат завтрак бойцы, Вячеслав построил оставшийся в его подчинении взвод. Накануне работу завершили часа на полтора раньше конца смены и Решетников, как и обещал, отпустил людей отдыхать. Кто подался в лес за грибами, кто присоединился к лейтенанту и тоже начал удить рыбу, а кто просто сидел у костра на берегу, глядя, как колеблющиеся языки пламени отражаются в застывшей, начинающей темнеть воде. Часов в десять поужинали нажаренной поваром рыбой и завалились спать. Люди отдохнули, как следует, и, хотя погода с утра не настраивала на лирический лад, как всякие молодые люди, и Вячеслав, и бойцы были рады начавшемуся новому дню.

Славка сразу после завтрака позвонил в часть и выяснил, что транспорта, который ожидался, с утра не будет. Как пояснил ему дежуривший по части Фоминых, с вечера не успели отремонтировать их машину. А сейчас появившийся в части с ранья Зубков готовит другую. Так что он советует не ждать, а вести людей на объект пешим порядком.

- Шел бы ты со своими советами! – бросил в сердцах телефонную трубку Вячеслав.

Славка сообщил личному составу эту «приятную» новость:

- Так, что, товарищи военнослужащие, рекомендую проверить портянки и, если нужно, перемотать. Потертости ног причиной освобождения от работы признаваться не будут. Сидоров, раздай инструмент, а через пять минут построиться у вагончика связи. Топать девять километров, так что ничего лишнего с собой не тащить. На всякий случай получи сухой паек в столовой, а то, если машина вовремя не придет, обед придется на месте готовить. Все ясно? Ну тогда разойдись!

Через пять минут он осмотрел построившихся с ломami и лопатами бойцов, предупредил вышедшего проводить их связиста, что отбывает с личным составом на сорок третий километр, и двинулся по шпалам вперед, нахлобучив фуражку и спрятав руки под плащ-палатку. Взвод с шутками и анекдотами последовал за командиром. Идти по шпалам оказалось не слишком удобно. Расстояние между этими чертовыми брусьями, пропитанными креозотом, не совпадало с длиной шага нормального, среднестатистического человека. Поэтому, намучившись, минут через пятнадцать люди сошли с пути и двигались рядом, по бровке насыпи, хрустя осыпавшейся под ногами галькой. Смех и прибаутки

стихли уже через полчаса этой однообразной и вовсе не радующей людей прогулки.

По обеим сторонам еще не заросшей иван-чаем свежей железнодорожной насыпи тянулись темные ельники с редкими куртинами березняка. То и дело попадались мелкие болотца с торчащими из воды прутиками какого-то растения с кусочками белой ваты на стеблях и кочкастыми берегами, густо покрытыми кустами уже отцветшего багульника. Блестевшие у подножия насыпи зеркала темных луж отражали серые нависшие облака, двигавшиеся с востока. Дождь то усиливался, то исчезал вовсе. Но когда они через полтора часа наконец-то дошли до цели своего похода, моста через речку со странным, видимо тоже хантыйским, названием Бол-Вой, из прорех в тучах выглянуло солнце, и на душе стало немного веселей.

- Привал! – скомандовал бойцам Вячеслав. - Отдыхаем пятнадцать минут и начинаем работать! Можно попить и оправиться! – он спустился к уже тархтящему внизу у моста бульдозеру.

Бульдозериста привезли с Янгьги дрезиной еще с утра, и сейчас он спал в кабине, сморенный теплом и монотонным звуком работающего двигателя. А что еще остается делать, если никого нет и командовать некому. Солдат спит, а служба идет. Славка залез на гусеницу бульдозера и дернул дверь:

- Хорош дрыхнуть, боец! – заорал он что было силы, пытаясь перекричать машину. – Подъем!

- А! Что? – испуганно дернулся, вытаращив глаза, внезапно разбуженный ефрейтор.

- Просыпайся, ефрейтор, команда прибыла, - Решетников соскочил с гусеницы на землю. – Сидоров! – крикнул он сержанту. – Бульдозер в твоём распоряжении. Плитка рядом с откосами выгружена, цемент там же, так что – вперед!

- Подъем, станичники! – скомандовал сержант, и люди начали подниматься, разбирая брошенный инструмент.

Вячеслав поднялся по насыпи, перешел на другую сторону полотна и обнаружил, что речка, а точнее обычный ручей, вытекала из небольшого, метров сто в поперечнике болота, с маленьким озерцом посередине, в котором нахально, не обращая никакого внимания на прибывших людей, полоскалась одинокая ондатра.

- Сейчас бы пару патрончиков, - мечтательно произнес тихо подошедший сзади сержант. - А то таскаем только зря автоматы.

- А чтоб ты с ней, с этой крысой делал?

- Как что, товарищ лейтенант? Пять таких крыс и первоклассная шапка выйдет. Этим самым крыс у нас в озере на пятьдесят втором с десятком плавает. Да и здесь эта не единственная наверняка.

- Люди работают? – спросил Славка, переменяв тему разговора.

- Так точно.

- Разверни рацию, нужно с батальоном связаться, узнать насчет машины.

Через десять минут он связался с базой и узнал, что машина так и не вышла из поселка по причине того, что не смогли с утра найти лейтенанта Ворошнина, которого направляли ему на смену.

- Что-то у него там с женой случилось, - пояснил связист, - но точно не знаю, товарищ лейтенант.

- Соедини с комбатом, - прервал болтуна Вячеслав, и через пару секунд услышал в трубке голос Гука. - Здравия желаю, товарищ майор! – прокричал Славка сквозь треск помех.

- Здравствуй, Решетников! Ну, как там у тебя дела?

- Нормально, товарищ майор! Я сейчас на сорок третьем. Вчера на Эске облицовку закончили. Все, вроде, живы-здоровы, никаких происшествий не случилось.

- Это хорошо! Машина к тебе часам к трем подойдет, не раньше. Пока еще только грузится. Так что ты людей назад пешком после смены не гони, доедете на транспорте. Понял.

- Так точно.

За весь разговор комбат так ни разу и не обмолвился об истинной причине задержки транспорта и о том, что же там приключилось с Сашкой, которого не смогли найти вовремя.

- Вечером Ворошнину дела передашь, и дуй ночным мотовозом в Советский!

- Есть! – Вячеслав выключил рацию. - Сидоров, иди сюда! – позвал он сержанта. – Тут вот какое дело: машина только часа в три, четыре будет, поэтому организуй-ка приготовление пищи. Пару человек отправь за дровами в лес, и что-нибудь из концентратов сварганьте. Да чаю вскипятите, не в сухоматку же жить. Половина двенадцатого уже, так что давай, пошевеливайся!

Потом он пошел дать указание бульдозеристу, как лучше подправить откос, по дороге отругав солдат, уложивших сикось-накось опорную перемычку:

- Мать вашу! Вы потом как плитку на это убожище уложите, вахлаки! Ни себе, ни людям! Руки бы вам поотрывать!

- Да вы не ругайтесь, товарищ лейтенант, они мигом исправят! – показал кулак провинившимся, да так, чтобы не видел Славка, сержант. – Они у нас все мигом на место поставят. Что смотрите? Мухой у меня!

Пообедали супом из пачек с гороховым концентратом, а на второе разогрели прямо в банках выданную на сухой паек фасоль с мясом. В двух котелках заварили крепкий чай.

- Тридцать минут перекура! – объявил Вячеслав после обеда и, при-

сев на высохший ствол сосны, лежавший под откосом у самого болотца, вытащил сигареты.

Ондатра все так же занималась какими-то своими делами, нисколько не пугаясь присутствия человека. Похоже, до этих мест еще не добрались местные охотнички. Затягиваясь сигаретным дымком, Вячеслав подставлял лицо вновь выглянувшему из прорехи в разошедшейся дымке солнцу. Он неожиданно для себя вспомнил их последнее свидание с Людмилой, все яснее понимая, что толк в их отношениях, видимо, никогда не наступит. Три месяца как знакомы, а она до сих пор взбрыкивает, как скаковая лошадь. И что ей надо? Красавцем Славка себя не считал, но и уродом не был. Ростом, вроде, Господь не обидел и здоровьем тоже. Мать всегда говорила, что если мужчина не страшнее обезьяны, то уже красавец! А этой все не так; то погладит по шерстке, а то – отлуп! Заканчивать, наверно, нужно? А то скоро мужики ржать начнут. И так Гомяша при каждом удобном случае под шкуру лезет. Вячеслав докурил, бросил окурочек в воду и поднялся. Хорош разлагаться! Как говаривал великий комбинатор Остап Ибрагимович Бендер, не надо киснуть, Киса!

- Бойцы, кончай перекур! Подъем!

Часа в четыре на лежневке со стороны Советского показался грузовик. Бодро подскакивая на горбах вымытых водой из песка стволов деревьев, он подлетел к мосту и, лихо развернувшись, остановился около ручья. Из кабины на галечник вывалилась грузное тело Сашки Ворошнина.

- Здорово, станичники! – поздоровался он с бойцами, а потом облапил Решетникова: – Здорово, Слав!

- Привет! Отпусти, черт, раздавишь! Ты чего так поздно-то?

- Да, блин, делишки всякие! – уклонился от прямого ответа Сашка. – А потом, с утра мы все равно бы не приехали: только на складах грузились часа три. Груза с гулькин нос, а бумаг переписали – ворох! Хотел уже Нигматулину морду набить и Шишкину заодно. Да ты же не хуже меня этих снабженцев знаешь, чего я тебе рассказываю. Кстати, ты не можешь объяснить, почему они на этих своих должностях сразу толстеть начинают? Шишкин полгода назад нормальным человеком был, а как Пашкова сменил, так и поперло во все стороны. Голенища на сапогах и то вот-вот лопнут.

- Не знаю. А что привез-то?

- Жратва в основном и жеска новая.

Жеска – небольшая железнодорожная электростанция, работающая на бензине. Своя, установленная на пятьдесят втором километре, действительно барахла, неожиданно заходясь кашлем, а могла и просто встать ни с того ни с сего. Чего ей было надо – никто не знал. Механик мехроты раз десять перебирал зловредный агрегат, и, не обнаружив причин поломки, вновь собирал, матерясь от души. После ремонта

электростанция некоторое время работала бесперебойно, а потом все начиналось сначала.

Сашка вместе с Вячеславом поднялся на насыпь, огляделся по сторонам и с хрустом потянулся, оставшись, видимо, вполне довольным окружающим их пейзажем. Увидев работающий на откосе бульдозер, он толкнул приятеля в плечо:

- Слышь, Слав, давай рыбки половим!

- Какой рыбки? – не понял Вячеслав.

- Какой, какой! – отмахнулся Сашка. – Обыкновенной. Сейчас ручей запрудим, и будет полный порядок. Ты, что, не понял, что ли? Давай, командуй, лейтенант!

Вячеслав тут же вспомнил, как еще в прошлом году комбат костерил Сашку, когда тот утопил бульдозер, заваливая исток какой-то речушки грунтом, с такой же целью – порыбачить. Обуреваемый сомнением, он бросил взгляд на тарахтящий механизм. Конечно, ниже моста не болото и дно у речки галечное, но кто мог дать гарантию от всяких случайных неожиданностей. Да и бульдозер не свой, а от соседей. Случись что – греха не оберешься!

- Ну, ты дрейфишь что ли? – поднял брови Сашка. – Давай я у тебя прямо сейчас дела приму.

- А вдруг тоже утопим?

- С чего бы это – утопим! Здесь же галечник, твердо. Это на тридцать втором болоте, на Канане. Давай, не мандражи, решайся. Я бутылочку, кстати, прихватил из поселка, посидим вечерком под уху. У тебя все равно мотовоз только ночью будет.

Последние Сашкины доводы окончательно сломили нерешительность Вячеслава, и он направился к бульдозеристу отдать соответствующие распоряжения. Через десять минут ручей ниже моста, между насыпью и дорогой, был завален песком, и вода в русле ниже запруды начала падать прямо на глазах. Питаемый родниками из болотца ручей, лишенный этой подпитки, обезводел практически мгновенно, и только отдельные лужицы блестели на обнажившемся дне.

- Мешок какой-нибудь есть? – спросил Сашка.

- Найдем, - Решетников повернулся к наблюдающим за ними с нескрываемым интересом солдатам. – Сержант, найди какую-нибудь тару!

Через минуту они, вооруженные картонным ящиком из-под консервов двинулись вниз по обнажившемуся руслу речки. То тут, то там, у закоряженных берегов, а то и прямо посередине русла, в оставшихся ямках с водой шевелилась мелкая рыбешка, не успевшая скатиться вниз. Небольшие, скользкие налимы так и норовили вывернуться между пальцев, когда они с Сашкой вытаскивали их из этих ямок. Другой рыбы не попадалось вовсе. Видимо, более шустрые ерши и плотвички скатилась вместе с водой вниз.

Они с Сашкой прошли метров сто по реке, терявшей где-то в лесу, и через тридцать минут десятка полтора налимов бодро шевелились в ящике.

- Хватит! – сказал Сашка. – Пошли назад, а то ноги уже промокли. Ну как, понравилось?

- Нормально! – ответил довольный такой рыбалкой Вячеслав. – Сроду не знал, что так можно рыбачить.

- Ну вот, я же говорил, что все будет о,кей! Вечерком ушницу сварим, по стопарю примем. Что еще нужно человеку для счастья?

Вскоре они сидели у костра, предусмотрительно разведенного сержантом, босые, но довольные. Озерцо на болоте, откуда вытекала река, на этот момент запруженное песком, заметно выросло по площади, а траву у берегов почти накрыло поднявшейся водой. По поверхности озера беспокойно металась ошалевшая от такого поворота дел ондатра.

- Ишь ты, как суетится, - сказал Сашка, переворачивая портянки, развешанные на воткнутых в землю рядом с костром палках, - нору, видно, заливаешь. Сержант, скажи-ка бульдозеристу, пусть запруду столкнет!

Бульдозер разворотил насыпь, и вода из болота тут же потоком устремилась в русло речушки, унося с собой оставшийся на ее пути песок. Через час муть в воде осела, обнажился и засверкал на дне всеми красками радуги, заваленный до этого грунтом галечник. Ручей вновь набрал силу и, как ни в чем не бывало, весело зажурчал на перекатах, исчезая где-то в темноте ельника. Вода в озере упала до обычного уровня, и ондатра исчезла, занимаясь, наверное, ревизией и ремонтом подмоченного водой жилища. Портянки с сапогами высохли окончательно, и офицеры, приведя себя в порядок, скомандовали бойцам, чтобы те заканчивали работу. Радостно галдящие подчиненные, погрузили инструмент в кузов «ЗИЛа» и погрузились сами. Путь до базы на Эске занял минут двадцать, а еще через час в командирской палатке они с Сашкой хлебали налимью уху, сдобренную чесноком и перцем.

- Ну, давай еще по одной! – плеснул в кружки Ворошнин. – Красота! Когда еще так посидеть придется? А самое главное: никто над душой не стоит. Ни начальство, ни жена. Никакого беспокойства.

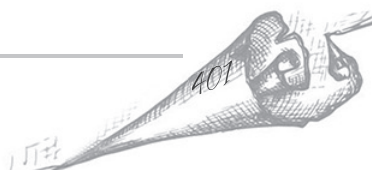
- Посидим еще, какие наши годы. Не вечно же эти учения будут продолжаться.

- Не вечно, но достаточно долго, как говорит Стешенков. Давай, поднимай кружку!

- А что у тебя в Советском-то произошло? – спросил приятеля Вячеслав. – Чего тебя с утра найти не смогли? Мне связист сказал, что с Алиной что-то случилось.

- Да это я начштаба с утра позвонил, сказал, что у жены сердце прихватило. Задержусь, говорю, на часик, дождусь скорой.

- Seriously?

- Нет, конечно. Лапшу на уши вешал. Мы вечером с Ягодкиным схлестнулись ну и просидели часов до двух у него на участке. Утром едва проснулся, чувствую, головы не поднять. На службу все равно опаздываю. Вот и наплел, что первое на ум пришло.

- Ну, ты даешь!

- А чего такого! Я за эти два часа себя в порядок привел так, что даже Бугрим ничего не унюхал.

- А проверят?

- Каким это образом? Да и кому это нужно?

Они выпили, доели уху и отнесли тарелки на кухню. На северо-западе все так же горело малиновое, практически не исчезающее за горизонтом солнце. Над рекой поползли редкие полосы зарождающегося тумана, а в посвежевшем воздухе запели свои нудные песни наглые и безжалостные комары. Хорошо хоть не было гнуса, а то выданная со склада бочка с мазью от жары выдохлась и уже слабо помогала даже отпугивать простых комаров. Бойцы угомонились, и Сашка тоже собрался идти спать в командирскую палатку.

- Пошли, покемарим, время уже позднее!

- Я еще посижу немного, - сказал Вячеслав. - Спать что-то не хочется, да и через полтора часа ехать уже. Ты иди, отдыхай.

Сашка попрощался и исчез в палатке, а Славка уселся на сколоченную из оструганных с одной стороны досок скамейку. Он поправил угли в догорающем костерке, и стал, неторопливо покуривая, слушать, как где-то за речкой, в лесу скрипит старая, подточенная временем и морозом сосна, а в воде плещется неугомонная щука, гоняющая мальков.

Ему вспомнилась бухта такого далекого и почти нереального теперь Охотского моря, где перед самым призывом в армию они с приятелями батрачили в какой-то строительной конторе, зарабатывая неплохие по тем временам деньги. В бухту впадала такая же по размерам, как и Эсска, речка, правда каменистая, в журчащих перекатах и с чистойей родниковой водой. И водились в ней не ерши, а хариусы, наглые ленки и пятнистая, как леопард, форель. Рыба была настолько быстрой, что увидеть ее даже в этой, совершенно прозрачной воде, случалось не часто. А поймать и того реже. Капризный хариус на прихлопнутых и насаженных на крючок паутов брать, ну, никак не желал. Даже на живых, гоняющих с крючком в брюшке по дрожащей поверхности воды. Хозяин бухты, а по совместительству обходчик линии связи, якут Василий однажды долго и с интересом наблюдал за их безуспешными попытками выловить что-нибудь из капризной реки. Потом, видимо, сжалившись, подошел к воде, и, выворотив на мелководе у берега камень, набрал в стеклянную банку из-под какого-то борща сереньких трубочек с желтыми, червеобразными личинками ручейника внутри.

- Попробуй-ка на это, - отдал он банку Славке.

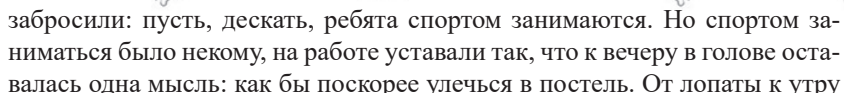
Не успел крючок с насаженным лакомством закрутиться на воде переката, как рядом тут же возник бурун и через секунду полукилограммовый хариус бился на каменистом берегу. Но вот осторожная форель не желала клевать и на ручейника.

- Не сезон для нее, - пояснил Василий, - ближе к осени и она брать станет.

А в конце июля на реке начался ход лосося. Косяки горбуши и полутора-метровый кунжи, гоня мелкую рыбу, носились по бухте вдоль берега и дожидались прилива. А когда вода в реке, подпертая морем, поднималась, и камень на перекатах скрывался под ней, вся эта многомиллионная, стремящаяся к заповедным местам нереста масса, бросалась на приступ. Сначала на спокойной глади плесов появлялись отдельные круги от ударов хвостовых плавников, потом этих кругов становилось все больше, и, наконец, вода вскипала. Тысячи рыбьих спин покрывали сплошным живым ковром стремительную воду перекатов. Рыба бок обок терлась в широких уловах, спеша в этот короткий промежуток времени переползти мелкие места, а ошалевшие, горбатые самцы в азарте даже выскакивали на берег, где бились о камни, подлетая в воздух на полметра и пытаясь вновь вернуться в воду. Вот тут никакая снасть была не нужна. Чтобы принести на обед рыбы, надо было просто сходить к реке и руками взять столько, сколько нужно. Икру ели ложками, подсолив в тузлуке минут пять. Правда все это изобилие быстро надоело, и утомленный однообразием пищи организм опять требовал чего-нибудь новенького. Хотя бы простого борща из банки. Рыба жареная, рыба пареная, уха, опять из той же рыбы! Кто бы мог это долго вынести? После рыбной и икряной обжираловки их повар время от времени варил всему коллективу постный супчик из собранных в лесу грибов, чтобы восстановить подорванное состояние бунтующего от однообразия желудка и облегчить организм.

По субботам, по договоренности, вторая половина дня была выходным, Вернее, сначала, сразу после столовки ходили к Василию в баню «по-черному». Почему печка, сложенная из обломков гранита, топились не через трубу, а через отверстие в кровле, Славка так и не понял. Жена Василия перед помывкой, конечно же, мыла и скребла пол и полки, но передвигаться по бане нужно было с особой осторожностью. Чуть отклонился от маршрута, коснулся бревенчатой стены, и ты уже в аспидной, жирной саже, которую отмыть было проблематично.

Ну, а после бани – отдых! А где отдыхать в бухте? Естественно, у моря. На берегу всегда ветерок, и гнус не так одолевает. Грелись на солнышке, пили чай с костра и опять ловили рыбу. Но в море ловили просто так, для интереса, волейбольными сетками, которые появилась у них в хозяйстве неизвестно откуда. Видимо, снабженцы из благих намерений

забросили: пусть, дескать, ребята спортом занимаются. Но спортом заниматься было некому, на работе уставали так, что к вечеру в голове оставалась одна мысль: как бы поскорее улечься в постель. От лопаты к утру пальцы рук так скрючивало, что их приходилось разминать о матрас минут десять, пока они не начинали что-то чувствовать.

Рыбу ловили просто. Сколотили из плинтусов длинный шест, метров двадцать, и на конце выпилили «ласточкин хвост». Две волейбольные сетки связали в длину, приладили поплавки, и на конце, который должен был быть в море, соорудили веревочную петлю. Вот эту петлю одевали в прорезь шеста и вытаскивали сеть в море перпендикулярно берегу. А потом садились пить чай. Через некоторое время вода у сети закипала, она начинала дергаться и скручиваться. От ударов хвостов воткнувшихся в сеть и запутавшихся рыб летели брызги во все стороны. Когда сеть вытаскивали на берег, там обычно сидело две, три по десять, пятнадцать килограммов весом кунжи.

Славкин приятель по институту и по школе Петька Петров, обуреваемый мечтой пошить себе жилет из шкуры нерпы, как-то выпросил у Василия мелкашку и начал стрелять по нерпичьим головам, торчащим в отдалении на качающихся волнах. К всеобщему удивлению, в одну он все же попал. Когда через пару часов накат выкатил тело нерпы на берег, Петька попытался ножом снять с нее шкуру. Вот тут-то и началось кино. Как только он вспорол нерпе живот, поднялась такая вонь, что молча наблюдавшие за происходящим парни, предпочли перейти в надветренную сторону. Петька крутился возле нерпы и так, и сяк, пока мог терпеть этот смрад, а потом бросил нож и ушел к костру. После прилива растерзанных останков нерпы на берегу не стало. Море прибирало все мертвое, а берег вновь становился приглаженным и умытым.

- Ну и как насчет жилета? – смеясь, спросил тогда Петьку Вячеслав, но тот только сокрушенно махнул рукой.

Надо сказать, что к отъезду Василий все же подарил Петрову уже выделанную и совсем ничем не пахнущую шкуру пятнистой морской собаки, как называли нерпу местные охотники. А тот пошил-таки из нее позже, уже в Хабаровске, шикарный, переливающийся на свету приглаженной, жесткой шерстью жилет. Славка этот жилет видел лично, так как Петька в настоящее время служил рядом, в городе Серове, где Решетникову приходилось частенько бывать. Петров там жил на съемной квартирке вместе с женой, их бывшей одноклассницей и однокурсницей Наташкой Смирновой...

Однажды, когда рыба обрыдла окончательно, им крупно повезло. Собаки Василия, а их него было штук пять, считая полугодовалого щенка и старую, облезлую суку, постоянно дремавшую на крыльце хозяйского дома, выгнали из тайги лося. Сука, еще не потерявшая слух, первая услы-

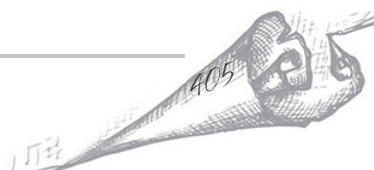

шала своих отпрысков и тут же начала беспокойно скулить и лаять, видимо, как-то по-особенному, потому что хозяин появился на крыльце уже с винтовкой на плече. Уходя от обложивших его псов, лось бросился прямо в морскую воду и поплыл в сторону противоположного берега к скалам, пересекая бухту наискось. Была суббота, и мужики после обеда, закончив трудовую неделю и сходяв в баньку, как обычно, отдыхали на берегу, где не надоедал гнус, сносимый ветерком с моря. На костерке пыхтел чайник, а в кружках булькала брага, которую в начале недели ставил повар бригады Слава Ким именно для таких суббот. За неделю она как раз дозревала. Выскочивший на берег якут всполошил всех, показывая рукой на море, где среди собачьих головок любопытных нерп рассекала воду рогатая голова зверя.

- К рифам плывет, - утвердительно заявил он. - Раньше ему на берег не выйти, нас боится. Давайте-ка, мужики, через час с мешками подберите туда, - он указал пальцем в сторону птичьего базара на дальнем берегу бухты, - с мясом будем, однако! Спички и курево прихватите, а то, может, заночевать придется.

Забросив винтовку на плечо, Василий подхватил полупустой рюкзак и бодрой рысью, почти бегом, двинулся вдоль берега по скрипевшей под ногами гальке. На следовавших за ним псов он прикрикнул что-то на своем языке, и те, понуро повесив головы, повернули назад, к дому. Через десять минут, не более, Василий исчез за прибрежными камнями. Ветер и волны отшлифовали эти обломки суши почти да блеска, и когда припекало солнце, полежать и понежиться на них было одно удовольствие.

Славка Ким быстрехонько слетал на кухню и вернулся на берег с десятком мешков из-под сахара и тремя булками хлеба. Мужики сложили кружки и тару с брагой в один мешок, хлеб – в другой, и, оставив в лагере человека три, подтопить буржуйки в палатках и помочь повару, гурьбой тронулись по берегу вслед за якутом. Шли, стараясь придерживаться кромки воды. Здесь галька была помельче, а идти было полегче, несмотря на то, что сапоги заливало то и дело накатывающейся на берег невысокой волной. Но через полтора километра пути черные валуны обнаженных рифов практически полностью покрыли берег, и остаток дороги пришлось прыгать козликом с камня на камень, рискуя поскользнуться и сломать шею. Однако, изрядно попотев, через полтора часа они все же вышли под каменный козырек скального среза, на котором и гнезвился шумный, будящий по утрам всю бухту птичий базар. Но ссолнце уже село, и птицы угомонились, а иначе было бы худо, так как весь галечник под скалой был покрыт птичьими экскрементами, кроме узкой полосы вдоль уреза воды, омываемой волнами да небольшой выемки в каменной стене, прикрывающей берег сверху. Рядом с водой на берегу лежала туша лоса, над которой возился якут.

- Давайте помогать, однако, мужики, а то прилив начинается, испогтим мясо.

Все бросились помогать Василию, который ловко, всего-то за десять минут снял с лося шкуру, а за следующие десять разделал тяжелую тушу, которая тут же исчезла в приготовленных мешках. Когда они закончили, вода плескалась у самых ног. Шкуру и голову с рогами якут забросил в воду, несмотря на просьбы ребят оставить трофеи на память.

- Крабы скушают, - сказал он, ополаскивая в воде руки, - а проблем с егерями и охотинспектором мне не надо!

- Да какой в этой дыре инспектор? - пытался возражать кое-кто, но Василий остался непреклонен.

- Это, когда ждешь, не дожидаться. А он, Викентий Трофимыч, как раз и появляется, когда его не ждешь. Не первый раз, знаем.

Закончив мыть руки, Василий поднялся по косогору выше, под самые скалы, уходя от набегающих волн, и развел костер из разбросанного в огромном количестве по берегу плавника. Тут же, на валуне, нарезал лосиную печень и прочий ливер, и начал насаживать куски на более-менее прямые прутья, выброшенные волнами на берег.

- Давайте, мужики, ужинать будем, - пригласил он остальных к огню, - я тут чайник с заваркой прихватил, а вода вон, сама со скал течет, - указал он на журчащий в стороне родник.

Вячеслав не в первый раз удивился предусмотрительности аборигена. Они вот тоже знали, что ночь, возможно, придется коротать под скалой, так как прилив отрезал их от жилья, и камни, по которым они прыгали сюда, скрылись под водой, но вот никакой подходящей посуды, чтобы что-нибудь приготовить, не прихватили. Ни под чай, ни под мясо. Да и соли не взяли. Хорошо еще, что повар хлеба сунул, Славка и его не хотел брать. Зачем, дескать, тащить лишнюю тяжесть? Дурак, короче! Так они и просидели до утра, пока не начался отлив, поедая запечённую, как шашлык, лосятину. И так ее, в конце концов, накушались, что еще дня два на мясо смотреть без содрогания не могли. Доставленную в лагерь добычу, чтобы не пропала, засолили и сложили в дубовую бочку, зарыв ее предварительно в гальку на берегу ручья, пониже палаток. Вода в ручье была всегда ледяной, и подсолненное мясо могло храниться неделями. Так как никто больше пока лосятины не хотел, о ней забыли. А дня через три, возле устья речки, где грузили буттовый камень для возведения бетонных стен, Славку окликнули моряки с сейнера. Те самые, что двухсотметровым неводом вторые сутки подряд цедили из бухты лосося:

- Начальник! Это не ваша бочка по бухте плавает?

Славка глянул на зеркальную гладь воды и обомлел. Та самая дубовая бочка с мясом, которую они закопали у ручья, плавала, слегка на-

кренившись метрах в ста от берега. Бочку, конечно, выловили, но мясо, вывалившееся из нее, уже было окончательно испорчено морской водой. Как выяснилось позднее, забредший чем-нибудь пожить возле лагеря косолапый наткнулся на бочку и выворотил ее из гальки. Кое-что он, конечно, съел, но основная масса лосятины вместе с бочкой была снесена ручьем к морю и бездарно пропала. Так и не удалось в тот раз мужикам поесть нормальных отбивных из дичи, пришлось снова грызть кету с горбушей во всех возможных видах и икру, а поротую рыбу закапывать в ямы на берегу речки.

- Ничего, к осени запахнет, мишка придет, - пояснял им Василий. - И мясо будет, и жир...

Несколько раз, правда, якут приносил им на кухню, подстреленную во время обходов линии связи дичь, из нее, вымоченной в уксусе, варили вкуснейший до обалдения супчик. Может быть, потом мужики разжились и медвежатиной, но Вячеслав всего этого знать уже не мог, так как отбыл на попутной барже в Аян. По радиции передали, что ему пришла повестка из военкомата...

Вячеслав прервал воспоминания, пригасил тлеющий окурок и взглянул на часы. Было около двенадцати. Издали доносился шум приближающегося мотовоза из Акрыша. Еще через пять минут лейтенант загрузился в душную теплушку, битком набитую людьми, кое-как устроившись в углу на чьих-то мешках, привалился к стенке вагона и задремал. Стук колес на стыках убаюкал его окончательно. И проснулся он уже в Советском, когда его бесцеремонно растолкали попутчики.

Глава 8

Батальон трудился на сдаточном объекте - локомотивном депо. Непосредственной задачей первой роты, к которой Решетникова прикрепили ответственным от штаба, было завершение работ по бетонированию подземных противопожарных резервуаров. Дело было, в общем-то, нехитрое и знакомое: отрыть котлован, установить опалубку, напичкать ее арматурой и уложить бетон. Котлован отрыли махом, дня за три поставили опалубку и сварили арматурные каркасы. Бетон, а его нужно было непрерывно принять кубов по шестьдесят в каждый из резервуаров, решили взять на заводе ЖБИ, принадлежащем местной ПМК-2, возводившей на северной окраине поселка лесопильный комбинат. Чтобы обеспечить круглосуточную и бесперебойную работу бетонного узла, комбат выделил из командирского фонда рублей двести.

- Купите все, что полагается, и пошлите на ЖБИ кого-нибудь пошустрее к девушкам. Делайте, что хотите, подбросьте им бойцов в помощь, но бетон должен идти столько, сколько нужно! - приказал он капитану

Дубову. – А ты, Решетников, следи за качеством работ! Потекут резервуары, шею сверну! Ясно?

- Ясно, товарищ майор! Да вы не беспокойтесь, все будет в порядке.

- Надеюсь. Ну, давайте, вперед! Смотрите, сколько нужно людей, столько и берите. Я дам команду дежурному по батальону: если понадобится - сыграйте тревогу, поднимите всех. Топайте!

Славка вот уже неделю находился в поселке после того, как вернулся с Северной ветки. Один раз даже был на танцах. Но Людмилу так и не встретил по той простой причине, что она уехала в отпуск куда-то к бабушке., как сообщили ему неразлучные подружки Валя и Галя.

- Она тебе привет передавала!

- Да бросьте вы, какой еще привет? От нее и так-то слова живого не добиться, а тут еще привет какой-то!

- Вот тебе крест! – в шутку перекрестилась Валентина. – Еще говорила, что соскучилась.

- Не божись, а то боженька языка лишит! Пошли лучше танцевать.

Конечно, Славка почти постоянно вспоминал свою новую симпатию, но показывать это всем посторонним, а тем более выворачивать перед кем-то душу наизнанку не входило в его планы. Светлана все реже посещала его сны. Все произошедшее между ними уже казалось ему чем-то бесконечно далеким и нереальным.

Весь вечер, поочередно протанцевав с подругами, он часам к одиннадцати незаметно смылся, мужики в общаге разрисовали преферанс и там было повеселее. А потом начались рабочие будни, и разные банальные глупости мгновенно выветрились из головы, работа, она, как говорится, от любой хандры лечит. К тому же он написал заявление на отпуск и ждал, какое решение примет батальонное начальство.

Остальные работники техчасти уже побывали в отпусках, а вместо Пети Панкратова в часть должен был прибыть на днях новый человек. Поэтому Славка очень надеялся на положительное решение. Он поделился своими ожиданиями с Ворошниним.

- Ха! Отпуск, конечно, дело святое, но это же – армия! Тут, если даже тебе выдали проездные документы и деньги, ты еще не в отпуске. Вот, когда самолет уже взлетит, тогда можешь дышать спокойно. А так, в любой момент все может накрыться медным тазом. Отзовут – чихнуть не успеешь...

Славка ушел с головой в дела, полагая, что выполнение задач, поставленных командованием, как ничто другое, может послужить аргументом в положительном решении вопроса об отпуске. Вот и сейчас судьба давала ему еще один шанс отличиться.

- Короче, отправляем молодяк с десятком бойцов на растворный узел, пусть баб охмуряют, но чтобы бетон – был! Заодно и проверим

новеньких на вшивость. Я – на резервуарах, а ты – обеспечиваешь объект людьми! – сказал он Дубову.

Под молодыком Вячеслав подразумевал вновь прибывших в роту из училища двух командиров взводов. Ребята, на вид крепкие и симпатичные, на деле пока робели принимать необходимые в возникающих жизненных ситуациях решения. Заставить людей беспрекословно подчиняться и выполнять поставленные задачи пока получалось неважно. Но - лиха беда начало!

И с обеда, после личной проверки Решетниковым крепления опалубки, попёр бетон. Подвизавшие его самосвалы сваливали массу в металлические калоши, которые кранами подавали внутрь выставленной опалубки стен сразу обоих резервуаров. Здесь бетонная смесь вытряхивалась из калош на днище и вибраторами загонялась между прутьями арматурных каркасов. Но это были пока цветочки! Закончив за три часа днища, бойцы подняли первый ярус наружной опалубки стен. Толщина их была всего лишь пятнадцать сантиметров, и применять для подачи бетона калоши стало практически невозможно, бетон просто-напросто вываливался мимо, и никак не хотел попадать туда, куда нужно.

- Что делать будем? – спросил Славку помрачневший комроты.

- Что, что! Народу маловато. Ты дуй-ка в батальон и поднимай роту Кряклина. Тем более комбат дежурного по хате предупредил. А кто, кстати, дежурит?

- Гомяша.

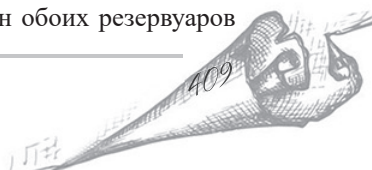
- Ну, так Юрка мигом всех построит!

Через час на стройку прибыло дополнительно человек пятьдесят, и дело пошло веселее. По возведенным вокруг будущих резервуаров лесам бойцы носилками разносили бетонную смесь, вытряхивали ее в опалубку, а бетонщики вибраторами уплотняли бетон, пока он не начинал просачиваться сквозь щели между досками. Плотники следом за бетонщиками поднимали новый ярус, и все начиналось сначала. Молотила без продыха, плюющая в ночной воздух выхлопами сгоревшей солярки электростанция, звенели, как бормашина, вибраторы, ревели, поднимая кузова, самосвалы. Решетников сгонял на РБУ посмотреть, как там обстоят дела. Там все было в полном порядке. Бригадирша с молодыми офицерами сидела за столом в кабинете мастера, а бойцы, освоив технику, трудились на бетономешалке.

- Вячеслав Георгиевич, давайте с нами! – предложил один из лейтенантиков, пододвигая стул, но Славка благоразумно отказался.

- Смотрите, парни, не подведите! – предупредил он компанию и отбыл на объект с груженым бетоном самосвалом.

В половине третьего ночи на северо-востоке взошло едва спустившееся на пару часов за горизонт солнце. Опалубка стен обоих резервуаров

поднялась в котловане метра на три. Еще три-четыре часа, и дело будет сделано! К трем привезли с кухни горячий обед: вермишелевый суп с тушенкой и горячую картошку с жареным луком. Под картошку прислали консервированную скумбрию в собственном соку. Ну и чай, разумеется. Они с Дубовым тоже перекусили, а потом тот тоже поехал проверить, как обстоят дела на бетонном узле. А заодно отвезти обед работающим там воинам. Славка едва успел допить чай и выкурить сигарету, как прибыл очередной самосвал с бетоном.

- Подъем, станичники! – скомандовал он отдыхающим солдатам. – Последний рывок!

Бетонирование продолжилось, и когда был установлен последний ярус опалубки, а на часах было около пяти, утомленный длинным, бесконечным днем и бессонной ночью Вячеслав прилег немного отдохнуть на подпрыгивающий, металлический пол передвижной электростанции. От работающего двигателя тянуло прогорклым теплом, приятно согревающим озябшее под гимнастеркой тело. Ночью было все-таки прохладно, хоть и лето. Глаза слипались. Решетников подоткнул под голову чей-то оставленный тут ватник и незаметно для себя провалился в глубокий сон. Он проспал без отрыва часа три, не почувствовав даже, как прибывший в половине седьмого с проверкой комбат дергал его за усы. Укладку бетона к этому времени уже закончили, и бойцы складывали инструмент на машину для отправки в часть.

- Разбудить? – спросил комбата Дубов.

- Не надо, пусть поспит! – махнул рукой комбат, довольный выполненной работой, и укатил в батальон...

Славка так и не понял, когда же наступил день. Солнце припекало уже, как следует. На грузовике они вместе с Дубовым доехали до части, позавтракали, и Вячеслав зашел в штаб. Там была тишина. Никого. Помощник дежурного, подменивший на день Гомянина, сообщил, что все разбежались по объектам:

- Старший лейтенант Фоминых, правда, в техчасти, и Вера Васильевна, кажется.

Когда Славка пошел по коридору, навстречу ему попался вездесущий прапорщик Нигматулин. Роба у него сияла, как надраенный пятак:

- Слав, с тебя причитается!

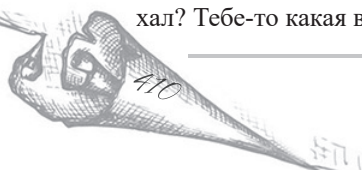
- Это с какого такого счастья?

- Тебе же отпуск дали.

- Да ну?

- Сам видел. Комбат заявление подмахнул. Не веришь? Сходи к Суворовцеву, спроси.

- А ты - то чего радуешься, пес смердящий? Будто сам в отпуск поехал? Тебе-то какая выгода?

- А как же, - нисколько не обиделся на Славкины слова Нигматулин, - проставляться-то тебе придется.

- Надоел ты со своими проставками! И когда только вы напьетесь? Ну, не бойсь, не бойсь, вечером отметим, - отмахнулся прапора лейтенант и прошел в техчасть.

Фоминых корпел за столом над какими-то чертежами, Верочка красила

лаком ногти, а Перминов нагло спал, уронив голову на сложенные руки. Ночью его на резервуарах не было, и где он так уханькался, было совершенно непонятно. Хотя, чего тут непонятного: гонял, наверное, в самоволку к Наталье.

- Здравствуй, Славочка, - улыбнулась, оторвавшись от своего занятия, Вера, - чаю хочешь?

- Не, Вер, спасибо. Только что позавтракал.

- Здорово, Вячеслав! – поднял голову от чертежей Фоминых. – Ну, что там у вас в депо?

- Порядок, - коротко ответил Славка.

- Так чего ты сюда припёрся? Иди, отдыхай!

- Конечно, иди, Слава! – поддержала Фоминых Вера. – Вон, глаза-то как провалились!

- А чего этот спит? – указал на Перминова Вячеслав.

- А, поди, тоже под утро в часть появился! Тебе лучше знать, где он время проводит, вместе по праздникам гуляете. Да пусть спит. Дел особых нет, - Фоминых вновь склонился над чертежами.

Решив, что тут ему больше делать нечего, Вячеслав потопал в секретку к Суровцеву.

- Дуй в бухгалтерию, получай гроши, - сказал ему Николай. – Пока комбат не раздумал!

- Так я еще через два дня хотел в отпуск-то.

- Получай деньги, а потом видно будет. Самое главное перед отпуском – затихнуть и на глаза начальству не попадаться! И тихонько, тихонько так отбыть в аэропорт. Не забудь пузырь прихватить.

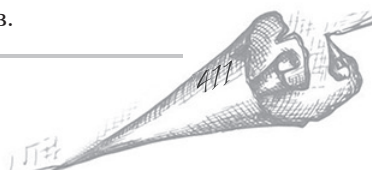
- Зачем?

- А уже когда взлетишь, можешь тяпнуть! Пока не взлетел – ты еще на службе! Это, как с бабой, пока в постели не побывал, можно сказать, ничего и не было. Понял?

- Да пошел ты! – не проспавшийся Славка был не склонен воспринимать грубоватый юмор старлея.

В бухгалтерии Матвеев выдал ему проездные документы и сумму, какую Славка не держал в руках с той давней поры, когда пахал на Охотском море, - целых пятьсот пятьдесят целковых.

- Смотри, не потеряй! – предупредил его Матвеев.

- Я что, ребенок?

- А то кто? Дитя! Вон, Суровцев, тот, вроде, тоже не младенец, а в прошлом году телеграмму на второй день отпуска прислал, денег на обратную дорогу просил.

- А, что случилось?

- Сел в такси, когда в Сочи прилетел, а с ним еще двое. Ну, и сыграли в «очко». Хорошо еще, что не без штанов из машины вылез! Хорошие люди попались: на телеграмму оставили!

- Так я не в Сочи, я – в Хабаровск.

- Какая, к черту, разница! Поедешь, деньги лучше в трусы зашей, не поленись. Оставь, сколько нужно, на дорогу, а остальные зашей. А то потом будешь репу чесать, да поздно!

- Ладно, зашью.

- Шагай, давай. Найди-ка лучше машину и сгоняй в аэропорт насчет билетов, а то еще и тут закавыка может быть, лето все-таки.

Вячеслав выскочил из штаба в приподнятом настроении, и сразу направился к Коле Зубкову, командиру роты механизации. Нашел он его в гараже, где тот разносил своего ротного старшину за что-то. А разносить Коля мог! Не слишком высокий, но коренастый и здоровый, как шкаф, старший лейтенант Николай Зубков производил неизгладимое впечатление на подчиненных. Зычный его голос заставлял непроизвольно вздрагивать не только виноватых в каких-то нарушениях в работе или в дисциплине, но и случайно оказавшихся рядом людей. А лентяев и сачков Коля ненавидел органически. Мастер спорта по вольной борьбе, кулаки он имел размером со Славкину голову и, когда размахивал ими перед строем роты, давая задание, или подводя итоги дня, никто в строю не шевелился. Себе дороже.

- Я к тебе, Николай, - перебил очередную длинную и заковыристую тираду Зубкова Вячеслав, - дело есть.

- Здорово, Слав! Что за дело? Чем помочь?

- Отпуск дали!

- Да ну, поздравляю!

- Надо бы в аэропорт сгонять за билетиком. Машиной не поможешь? Зубков кивнул утвердительно и рявкнул в спину удалявшегося после разноса в сторону боксов старшины:

- Свиридов!

Старшина, услышав командира, мгновенно развернулся и бегом подлетел к офицерам:

- Слушаю, товарищ старший лейтенант!

- Вот что, Свиридов! – спокойным тоном, как будто между ними ничего и не было до этого, скомандовал Зубков. - Лейтенанту, - он показал глазами на Славку, - нужно в аэропорт попасть! Организуй-ка машину!

- Все в разгоне, товарищ старший лейтенант, - заныл, было, старшина, но, заметив вспыхнувшее неудовольствие в глазах командира роты, тут же поправился. – Можно самосвал завести, если товарища лейтенанта устроит?

- Какая разница, старшина! – кивнул Вячеслав, соглашаясь в ответ на вопросительный взгляд Зубкова.

Тот вновь повернулся к старшине:

- Мухой, Свиридов! Пять минут! А мы тут с лейтенантом покурим пока, - и он потащил Славку под грибок, где в землю рядом со скамейкой была зарыта разрезанная пополам железная бочка, наполненная водой с плавающими в ней окурками. Они присели на лавочку, и Славка достал сигареты.

- И куда, говоришь, собрался? – спросил комроты.

- В Хабаровск.

- Эж, куда! А что так далеко-то?

- Да решил старых приятелей навестить. Сейчас многие там должны отдыхать: лето. Тем более, у родителей на Новый год был, думаю, не обидятся. Вот и решил прошвырнуться на восток, посетить свои пенаты. Все равно за билеты платить не нужно.

В это момент рядом затормозил, подняв пыль, кашляющий соляркой МАЗ.

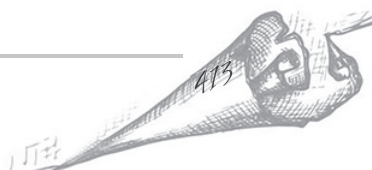
- Карета подана, товарищ лейтенант! – прокричал из кабины улыбающийся во весь рот старшина, довольный тем, что за пять отведенных ему минут выполнил-таки приказ командира.

Он выскочил из машины и принялся осматривать ее, заглядывая под днище и пробуя сапогом накачку шин.

- Ну, давай! – поднялся Зубков, придавив окурочек подошвой сапога. – Дождешься лейтенанта в аэропорту, - приказал он старшине, - и отвезешь куда надо. Понял?

- Так точно, товарищ командир! - козырнул водитель и резво забрался в кабину.

Зубков махнул Славке на прощание рукой и направился куда-то решать многочисленные и неотложные ротные дела, а старшина, громко газанув, развернул машину в сторону ворот, и МАЗ тихонько тронулся по дороге мимо плаца в сторону КПП. Еще через пять минут машина, натужно ревя, ползла вдоль леса в сторону аэропорта по раскисшей и почти непроходимой после недавних дождей дороге. Освещенные солнцем желтые стволы высоченных сосен за стеклом кабины медленно уползали назад. Спустя полчаса непрерывной тряски и чертыханий старшины, почти переплыв последнюю громадную лужу, машина, наконец, остановилась рядом с небольшим деревянным зданием аэровокзала на более-менее сухом пятачке.

Ожидающие вертолета вахтовики устроились под соснами, разложив прямо на мху между пеньками нехитрую закуску и выпивку.

Решетников сбежал в кассу и к своему удивлению совершенно без очереди приобрел билет на завтрашний рейс до Тюмени. Потом старшина отвез его до общежития и попрощался, пожелав лейтенанту счастливого пути. Славка только сейчас почувствовал, как он устал. Лейтенант прилег на кровать, прикрыл глаза и начал размышлять, что ему нужно взять с собой в отпуск и что одеть. Парадной формы у него не было, так как отрез ткани, выданный для ее пошива, он загнал Нигматулину еще в начале службы. Можно было, конечно, надеть повседневную форму, но китель уже был изрядно заношен, а обшлаг левого рукава, поврежденный где-то на стройке, был неумело заштопан самим Вячеславом. В таком затрапезном виде появиться перед друзьями, а особенно перед подругами в Хабаровске он, конечно, не мог. Надо было что-то предпринимать. Приличной штатской одежды не было тоже, но можно было, в общем-то, попросить что-нибудь у ребят. С мира по нитке – нищему рубаха! Глядишь, и выйдем из положения. И с этой, окончательно успокоившей его мыслью, Славка незаметно для себя уснул.

Проснулся он часов в шесть вечера, разбуженный шумом и топотом. Вернулись со службы друзья. Вячеслав решительно сбросил одеяло, поднялся и с хрустом потянулся. Захотелось поесть. К тому же пора было решать вопрос отпускной экипировки. Славка вышел в коридор и нос к носу столкнулся слевой Шварцером.

- Здорово, Слав! – поздоровался Лев. – Слышал, тебе отпуск комбат подписал.

- Подписал.

- Поздравляю.

- Спасибо, - поблагодарил приятеля Вячеслав. - Лева, ты не знаешь, у кого можно одежонки призанять, не в чем даже поехать, блин.

- А чего у кого-то искать, возьми вон у меня парадную форму. Все равно ничего приличного из штатского у парней не найдешь. Да и размер не подобрать. А форма, она и есть форма! Парадка у меня почти новая, раза три всего надевал.

- Вот спасибо-то, а то полный абзац, понимаешь. Но ты, вроде, повыше меня, боюсь, не подойдет.

- А что мы стоим, пошли, прикинешь.

Китель на Решетникове сидел, как влитой, а подтянутые повыше брюки аккуратно, не морщась, прикрывали туфли, купленные Славкой с месяц назад в местном сельпо.

- Красавец! – оглядел его Лева. – От баб отбоя не будет.

- С меня литр, дружище. Выручил! – покрутился перед зеркалом довольный Вячеслав.

- Литром не отделаешься. Красной рыбки привези лучше, у вас ведь там, на Дальнем Востоке, она должна еще быть.

- Как не быть, есть. Привезу обязательно. Может, и икры удастся достать.

- Ну, - протянул Лева, - если еще и икры добудешь...

Основная отпускная проблема была чудесным образом решена, и Славка пошел умываться и бриться: в половине восьмого у него было назначено свидание с возвратившейся накануне от бабушки Людмилой. Как только Вячеслав узнал, что она приехала, он, проклиная себя за слабохарактерность, позвонил ей. Разговор состоялся коротким, так как начиналось очередное заседание суда, и с каким настроением вернулась девчонка, Вячеслав так и не понял. Он пригласил ее в кино, а она согласилась.

В назначенное время Славка стоял возле кинотеатра и курил. Как и положено, девушка опаздывала минут на десять, но времени до сеанса еще было предостаточно, и Славка не беспокоился. Наконец, в конце аллеи появилась знакомая фигурка.

- Привет! – как ни в чем не бывало, поздоровалась со Славкой девушка. - Извини, что опоздала?

- Ничего, как раз вовремя. Пошли, а то без нас начнут.

- Не хочется в кино что-то. Может, прогуляемся просто.

- Как хочешь. Я еще билеты не покупал, можно и погулять.

- Как дела? – спросила Людмила, взяв Славку под руку.

Славка помолчал, раздумывая, как бы поделикатней сообщить девушке, что он завтра отбывает в отпуск. Но ничего путного в голову не приходило.

- Нормально. Учения закончились. Скоро всех на трассу загонят. А ты как?

- У бабушки гостила, в деревне.

- Ну, и как?

- Хорошо. Огород, огурчики с грядки, салат всякий. Озеро почти рядом с домом. Каждое утро купаться бегала.

- А мне отпуск дали, - внезапно сообщил Вячеслав.

В глазах у девушки от неожиданности промелькнуло выражение удивления.

- И когда?

- С завтрашнего дня.

- Надолго?

- Как и положено: сорок пять календарных дней.

- Куда-то едешь? – спросила она после короткой паузы.

- Хочу в Хабаровск слетать. У меня друг решил жениться. Пригласил меня свидетелем, если, конечно, смогу приехать. Да и так хочется однокашников навестить. Двенадцать лет все-таки в городе прожил.

- И когда едешь?

- Завтра и лечу. Билет уже купил, - Славка на несколько мгновений смолк. - К сентябрю вернусь.

Он взглянул на Людмилу, пытаясь угадать, как девушка реагирует на это известие. Но по ее спокойному лицу ничего нельзя было определить. Повисшее в воздухе напряженное молчание слегка его встревожило. Однако Славка почувствовал, что девушка была расстроена этим сообщением и ожидала от кавалера чего-то совершенно иного. Они, наконец, дошли до места, где тротуар обрывался, и повернули назад. Молчание затягивалось, и он решился заговорить первым.

- Люда.

- Что? - Людмила взглянула на Вячеслава.

- А пошли в ресторан сходим? Я сегодня отпускные получил, - неожиданно для самого себя предложил Вячеслав.

- Богатый, значит! - девушка снова сделала паузу. - Ну, пошли, если хочется, только там мест, наверняка, нет. Восемь часов уже.

- С местами порешаем, - отмахнулся обрадованный ее согласием Вячеслав. - Там же Женька на ударных калымит. Ну, тот самый, что на танцах барабанит, мастер с дороги.

Мимо кинотеатра они с Людмилой прошли к «Тайге», так назывался единственный в поселке ресторан, и поднялись на крыльцо. Через пять минут, что ушли на переговоры с Женькой и официантами, они устроились за столиком у окна, где уже сидела пара: парень с девушкой. Славке они показались знакомыми, видимо, где-то раньше встречались. Поселок - небольшой, так что почти все местные друг друга знали, хотя армейцы и жили своей, обособленной от гражданских жизнью. Заказали официантке вина и что-то на закуску.

Оркестр играл мелодии из «Трех мушкетеров», и солист пел, старательно подражая Боярскому: «Есть в графском парке черный пруд, там лилии цветут...» Славка, слегка прижимая в танце девушку к себе, ощущал, как бьется ее сердце. Ребята за столом - Екатерина и Александр - оказались людьми компанейскими, и время за разговорами и шутками пролетело, как одно мгновение. К концу вечера Людмила все же слегка повеселела и бойко щебетала с новыми знакомыми. Около двенадцати Вячеслав с Людмилой распрощались с новыми приятелями и вышли на улицу под темное, звездное небо. Девушка, как показалось Славке, оттаяла окончательно. Болтая о какой-то ерунде, они дошли до подъезда знакомого дома и присели на лавочку. Внезапно возникшее неловкое молчание поселило в душе Славки какую-то необъяснимую тревогу. Ему показалось, что его бездействие может представиться ей смешным, и он попытался обнять девушку за плечи и даже поцеловать. Но та, хоть и мягко, но уклонилась от его ищущих губ и сразу же торопливо засобиралась домой.

- Поздно уже. Завтра вставать рано, на работу.

- Давай посидим, когда еще увидимся, - обиделся Славка, расстроенный таким неожиданным поворотом, но девушка осталась непреклонной. Лицо ее вновь стало непроницаемым.

- Пора мне. Я пошла. А тебе желаю хорошо отпуск провести.

Славка встал вслед за Людмилой и вновь попытался поцеловать ее, но та выскользнула из его объятий:

- Не надо! До свидания!

Дверь в подъезд захлопнулась, и Славка обиделся на девушку, и даже обозлился. Как же так: он к ней со всей душой, а она нос воротит? Что она о себе думает? Принцесса, блин! Лейтенант достал сигареты и направился к калитке, прикуривая на ходу. Ладно, он тоже гордый и подкаблучником быть не желает. Не хочет отношений, как хочет! Перебьемся!

- Дядя Слава! – мальчишечий голос остановил его.

Славка обернулся. Давешние его знакомые Юрка и Петька стояли в тени у палисадника.

- Здорово, огольцы! – поприветствовал их лейтенант. - А вы что не спите до сих пор? Ночь уже глухая, час почти!

- Да все нормально, дядя Слава, - подошли к нему мальчишки. – А спать не хочется почему-то.

- Родители-то не выпорют?

- Не. У меня только сеструха дома, а у Петьки – бабушка.

- А куда остальных родственников подевали?

- На курорт уехали, в Адлер. А у Петьки мать на работе.

- А отец, как на это дело смотрит?

- А отца у них нет, он их бросил.

- Вон оно что.

- Дядя Слава, а сигареткой не угостите? – нахально протянул руку Юрка.

- Ага, сейчас, разбежался! Курить пора бросать.

- Ну, угостите, дядя Слава. Что вам, жалко? – заныли уже хором парнишки.

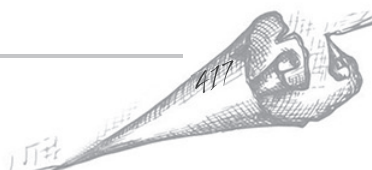
- Ладно, черт с вами, берите, - протянул пачку с сигаретами Вячеслав, - там как раз пара штук осталась. Я пошел, пожалуй, еще чемодан собрать нужно. А вы по улице не болтайте, топайте по домам.

- Тоже в отпуск едите? – спросил Юрка, видимо, имея в виду своих родичей.

- Тоже.

- А Людка - дура, - вдруг сочувственным тоном произнес мальчуган, - вы не обращайтесь на нее внимание. А лучше бросьте!

- Ну, ты, блин, даешь, молодой человек! Нос еще не дорос до таких дел! Сами разберемся. Ясно?

- А чего тут неясного? Прошлый год за ней офицер один ходил, помните я вам рассказывал, так она им тоже вертела, как хотела.

- Ты где слов-то таких нахватался?

- А об этом говорят. Вот и мать моя тоже. Не любит она Людку. Больно нос задирает.

- Так, то – мать! Она взрослая, а вам рано еще о таких делах рассуждать! Поменьше нос свой, куда не надо, суйте. А то, знаете такую поговорку: любопытной Варваре на базаре нос оторвали! Поняли? Вот, так-то! Ну, бывайте, орлы! До встречи!

- А вы про португею не забыли, дядь Слав?

- Не забыл, Юрка, не забыл. Получишь ты свою португею.

- Смотрите, не забудьте.

- Я же говорил тебе, что он опять к Людке придет, - услышал, выходя за калитку, Славка.

- Не, не придет больше, обиделся он на нее.

- Придет. Любовь у них, никуда он не денется! Придумают же взрослые себе. По мне, ни к чему она, эта самая любовь, баловство одно. Девчонки все одинаковые: задаваки, дуры и плаксы.

Славка улыбнулся про себя: ишь ты, философ доморощенный! Он глубоко вдохнул посвежевший ночной воздух и, почувствовав после слов мальчишек внезапно наступившее облегчение, бодро зашагал в сторону общежития. Мысли его постепенно переключились на предстоящий отпуск. Вячеслав вспомнил, что Матвеев обещал ему приличную импортную сумку под отпускное барахло. Лишь бы не спал, а то будить не хочется...

Самолет вылетел точно по расписанию. Старенький ЛИ-2, старательно тарахтя моторами, за два с половиной часа донес пассажиров, а вместе с ними и Вячеслава, до Тюмени. Начальство накануне, к счастью, так и не вспомнило о лейтенанте. В Тюмени Славке тоже повезло: он без особого труда купил билет до Хабаровска на транзитный рейс из Москвы. Тут же, в ресторанчике аэропорта, он познакомился с группой таких же молодых лейтенантов, только что выпущенных из училища, которые тоже ждали посадки на этот рейс. Они направлялись на Дальний Восток к местам службы. Вместе с ними за столом сидели симпатичные, улыбчивые девчата, как позже выяснилось, тоже летевшие в Хабаровск. Славка траванул несколько свежих анекдотов, подаренных ему Колей Суровцевым, выпил предложенный стаканчик сухого вина и стал своим в этой веселой и жизнерадостной компании. Вместе они зарегистрировались, прошли на посадку и загрузились в самолет, а через три часа благополучно приземлились в Новосибирске. И вот тут начались неожиданные неприятности. Относительные, конечно, но неприятности. По неизвестным причинам рейс начали откладывать то на час, то на два, пока окончательно не за-

держали до утра.

Решетников не особенно расстроился: впереди еще целый отпуск, время девать некуда, да и новые приятели и подружки скучать не давали. Снова пошли в ресторан, благо он здесь работал круглосуточно, и просидели за столиком до самого утра. Кое-кто из компании, утомленный дорогой и вином, здесь, прямо за столом и подремал. Славке тоже удалось забыться часа на два, и утром он чувствовал себя вполне свежим. Но рейс все никак не хотел отправляться, и к обеду, когда объявили посадку, все уже снова устали. Когда, наконец, самолет взлетел, пассажиры дружно улеглись спать, и то – почти сутки проторчали в аэропорту Новосибирска.

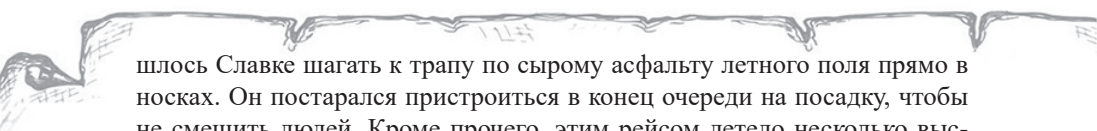
Проснулся Славка, когда почувствовал, что самолет снижается. Под самолетом тянулась широкая лента реки, с маленькими белыми бурунчиками на поверхности от плавсредств, передвигающихся вниз и вверх по течению. Что-то его насторожило. То, что это – Амур, он не сомневался, но в Хабаровске самолет пересекал реку поперек в сторону севера, а здесь шел под углом, да и горной гряды Хихцира не было видно на горизонте.

- Граждане пассажиры! – раздалось в этот момент из динамиков. – По причине грозových фронтов на подлете к Хабаровску наш самолет совершает посадку в аэропорту Благовещенска. Просим пристегнуть ремни и поднять спинки кресел!

Салон недовольно зашумел, но, куда было деваться, самолет уже заходил на бетонную полосу. Аэропорт Благовещенска оказался маленьким, а бортов, скопившихся тут в результате непогоды, – немало. Народу по этой причине в здание набилось битком, некуда приткнуться. Удалось, правда, отстояв огромную очередь, попасть в кафешку, рядом, на площади, где они купили хорошего полусладкого венгерского вина и какой-то закуски. А у торгующих на маленькой площади старушек приобрели зелени. Вокруг аэропорта расстилалась слегка холмистая степь, покрытая, как ковром, цветущими травами. Погода была изумительной: тепло, тихо, над цветами в траве трудились пчелы, а воздух пах медом. Едва заметный, ласковый ветерок обдувал разгоряченные лица. Вот и решили не потеть в аэропорту, а пойти посидеть на ближайший холм, полюбоваться природой. Рейс к этому моменту уже окончательно отложили до утра. К ночи посвежело, и пришлось перебираться в тесный, но уже слегка опустевший зал ожидания: несколькими рейсам, улетавшим на запад, удалось отбыть. Славке под ночлег досталась одна из опустевших к этому времени стоек буфета. Он постелил на нее пару предложенных кем-то из новых приятелей газет, снял ботинки, пристроил под голову аккуратно сложенный китель и заснул мертвым сном. Еще бы: почти двое суток на ногах!

Утром его ждала еще одна неожиданная и совсем уже серьезная неприятность, пока он спал: кто-то спер его башмаки. А тут еще и посадку объявили, искать пропажу и жаловаться было некогда и некому, и при-

шлось Славке шагать к трапу по сырому асфальту летного поля прямо в носках. Он постарался пристроиться в конец очереди на посадку, чтобы не смешить людей. Кроме прочего, этим рейсом летело несколько высших офицерских чинов, и лейтенанту вовсе не хотелось смущать их своим нелепым видом. Девчонки - стюардессы помогли найти в багаже его сумку, где у него лежала вторая пара обуви, которую посоветовал захватить с собой мудрый и опытный в таких делах Матвеев:

- Возьми. Мало ли что. В дождь попадешь, или каблук отвалится. Что тогда делать-то будешь?

Хорошо, что он его послушался, а то бы, просто – беда! В Хабаровск прибыли к обеду, и, распрощавшись с ребятами, Решетников поехал прямо к Володке Иванову, другу по школе, с которым списался заранее. Тот отправил жену, которая готовилась стать мамой, в деревню, к бабке на витамины, а сам должен был уехать в экспедицию. Так что их однокомнатная квартира оставалась в полном распоряжении Вячеслава. Иванов окончил политех, получил диплом геолога, и почти каждое лето мотался по северам, разыскивая, черте что и черте где, чего и сам не знал. Но вот в прошлом году, где-то в зачуханной глубинке, отыскал себе жену-красавицу. Славка видел ее на фотографии, которую прислал вместе с письмом однокашник. На этой фотографии приятель с женой были изображены в день их бракосочетания. Черноволосая и черноглазая смуглянка эффектно смотрелась в белом подвенечном платье.

Ключ от квартиры Володька обещал оставить у соседки, в дверь которой и позвонил подъехавший из аэропорта на такси лейтенант.

- Ой, Слава, какой ты стал! – заохала, едва узнавшая его в парадной армейской форме женщина. – Красивый такой и взрослый! Офицер, это надо же!

- Ну что вы, Альбина Викторовна! – засмущался от такого повышенного внимания к своей персоне Вячеслав. – Как вы-то тут поживаете?

- Да у нас все хорошо! Тебя тут вчера Володя Акулов разыскивал, откуда-то знает, что ты появишься. Из Владивостока приехал. Шикарный такой, в белой форме и с кортиком на поясе. Прямо, как в кино! Женишься собрался. А ты-то еще не женился?

- Нет, не сподобился! А Володке я телеграмму давал, когда приеду. Но у меня рейс задержали на сутки. А когда у Акулова свадьба?

- Не сказал. Ты давай, отдыхай, а то, поди, в дороге-то намаялся! А, если он снова появится, я ему скажу, что ты приехал. Может, тебе что-нибудь покушать сообразить?

- Спасибо, Альбина Викторовна! Не надо. Я и вправду, что-то устал, глаза слипаются.

- Вот и поспи, а друзья никуда не денутся. Володя говорил, что Генка Новиков тоже в отпуск откуда-то, вроде, из Молдавии прибыл.

- Да, ну! Увидимся, значит.

- Увидитесь, конечно. Иди, иди, отдыхай! Если что срочное случится, разбужу.

Славка оставил в прихожей сумку, прочитал оставленную на зеркале записку друга и прошел в комнату. Сбросив китель, он прилег на тахту и закрыл глаза. Темнота, пронизанная нитями света, закрутилась перед ним волчком, и, не успев ни о чем подумать, он начал падать куда-то в пропасть, пока не забылся крепким сном.

Проснулся он внезапно, разбуженный надрывающимся звонком. Открыв дверь, Славка сразу попал в объятия высокого морского офицера, в котором не сразу признал Владимира Акулова, учившегося когда-то с ним в одной школе классом младше.

- Здорово, бродяга! – затискал еще не вполне проснувшегося друга Володя. – Ну, как ты? Рассказывай!

- Да погоди ты! – едва отбилась от Володьки Решетников. – Ты скажи, что сейчас? Вечер?

- Какой вечер! Десять утра.

- Не шути! Так это я со вчерашнего дня дрых, что ли! То-то, думаю, жрать так хочется!

- Еще бы! Я вчера к тебе приходил, но будить не стал. Альбина сказала, что ты только что прилетел, да еще сутки до этого почти не спал. Я и решил отложить визит до утра.

- Ну, не совсем не спал. Маленько дремал, когда возможность случалась.

Славка коротко поведал о дороге, о спертых в Благовещенске ботинках, чем привел того в веселое расположение духа:

- Я представляю, как ты в носках и парадной форме по полю маршировал! Ладно, давай чисти перья, потом разговаривать будем. И ко мне пойдем, мать завтрак готовит. Сказала, чтобы я тебя на аркане приволок, если упираться будешь!

- А жена твоя тоже там?

- Не жена, а невеста! Нет. Она на пару дней во Владивосток уехала, в институт.

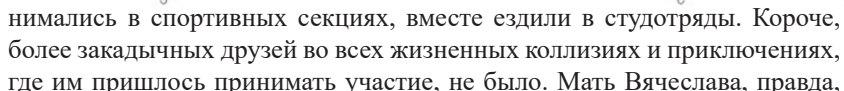
- Так она еще учится?

- На пятый перешла. Хватит трепаться! Давай топай бриться, да брюки погладь, а то измялся здорово.

Через пятнадцать-двадцать минут они с Акуловым уже бодро шагали по залитому солнцем асфальту родного города к дому, где жили родители Володи. А потом закрутилось...

К вечеру появился Генка, бывший одноклассник и однокурсник Вячеслава. С ним Славка просидел за одной партой шесть лет в школе, а потом проучился еще пять в институте. Вместе они сбегали с уроков, за-

нимались в спортивных секциях, вместе ездили в студотряды. Короче, более закадычных друзей во всех жизненных коллизиях и приключениях, где им пришлось принимать участие, не было. Мать Вячеслава, правда, их дружбу не слишком одобряла.

- Хитрый он, Генка, - говорила она, - всегда себе на уме! А ты, как телок, тащишься у него на поводу!

Но Славка на слова матери особого внимания не обращал. Он, конечно, замечал за приятелем некоторые странности, но не придавал им большого значения. Была у Генки какая-то нездоровая зависть к успехам друзей. Одно время Решетников ходил в секцию бокса, куда звал и Генку. Но тот долго отказывался, считая, что только дураки свою морду под кулаки подставляют. Но когда на ринге городского дома офицеров Славка выиграл первенство округа среди школьников и завоевал огромный авторитет среди одноклассников, особенно их девичьей половины, Генка тут же нарисовался в спортзале. Правда, ненадолго. Получив пару раз по носу, он быстро забросил на антресоли купленные отчимом боксерские перчатки. Потом Вячеслав с Витей Греком, когда появилась мода на бардовские песни, позвали Генку учиться играть на гитаре. Тот опять отказался. К этому времени он уже во всю гулял со своей будущей женой и их одноклассницей Ларисой Новиковой, чью фамилию после регистрации и возьмет.

Настоящая фамилия Генки была Хариль, австрийских корней. Отец его, военный летчик, служил здесь же, на Дальнем Востоке. И однажды на танцах, по пьяне, нечаянно столкнул и разбил бюст Сталина. За что и загремел на восемь лет, когда Генке было года четыре. Мать Генки ждать не стала и вышла замуж снова. А импортная фамилия у сына осталась. Она ему не нравилась. Особенно он злился, когда новые преподаватели, читая ее в классном журнале, переставляли ударение на первый слог.

Так, вот, как только они с Греком, подучившись, начали играть и петь в компаниях, у Генки тут же возникла ревность. Он, не мешкая, приобрел где-то с рук инструмент, самостоятельно взялся обучаться игре, а вскоре лихо лабал блатные песни на трех аккордах. Но, одно дело учиться у профессионалов, посещать занятия, разучивать гаммы, а другое – просто брякать незатейливые песенки. В компании это хорошо понимали, что особенно и злило Генку. Все это, однако, не мешало им быть хорошими, добрыми приятелями. Казалось, что жизнь никогда не разведет их в разные стороны.

Но, когда в одно и то же время обоих призвали в армию, Генку забросили в первый корпус железнодорожных войск, а Вячеслава – в четвертый. Так Новиков оказался в цветущей Молдавии, а Славка Решетников – в заснеженном Ханты-Мансийском округе...

- Привет, пацаны! – с шумом в квартиру Володи, где они пили чай, ворвался Генка. – Славка! Тысячу лет тебя не видел! – обнял он Вячеслава. – Здорово, Володя! Поужинали уже? Вот и хорошо! Кончайте тут чай

гонять! Лебедев-Косов в «Даурию» к семи приглашал, обещал девочек симпатичных с собой прихватить.

Генка, хотя и женился на их однокласснице Ларисе еще на четвертом курсе института и фамилию ее взял, а ходок был еще тот. Но Лариса, которая его любила без ума и прощала ему все эти мужские шалости. Тем более, что Генка умел выдавить из женщины слезу и запудрить мозги, каясь и вымаливая прощение. А сейчас он приехал в Хабаровск один, оставив жену с родившимся еще до армии сыном в Григориополе.

Лебедев-Косов, тоже их одноклассник, остался учиться в аспирантуре мединститута. Каким-то образом, видимо, папа помог, а папа был большим военным начальником, он откосил от неминуемого армейского призыва, залез в аспирантуру и сейчас тискал лаборанток и студенток тоже в стенах родной альма-матер. «Даурия» - их любимое, еще со времен студенчества кафе в центре города, на Карл-Маркс броде, как прозвала эту улицу молодежь.

- Опять ты, Генка, парней с толку сбиваешь! – возмущенно вмешалась в их разговор Володина мама, Валентина Ивановна. – У Володи через четыре дня свадьба, какие еще кафе?

- Здравствуйте, тетя Валя! – вместо ответа чмокнул женщину в щеку Генка.

- Здравствуй, здравствуй! Ничему тебя, Гена, жизнь не учит, - с укоризной произнесла, вытирая руки о передник, Валентина Ивановна. – Вон, уже скоро седые волосы в шевелюре заведутся, а ты все туда же!

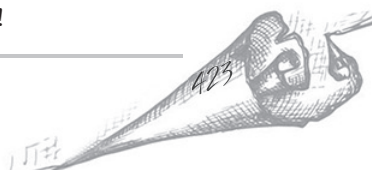
- А причем тут свадьба, тетя Валя? – засмеялся в ответ Генка. – Я же их не жениться зову, а с приятелями на встречу. Ну, а если и приголубит какая, то, поди, ничего! У мужиков не смылятся! Всем хватит!

- Тьфу на тебя, жеребец ты стоялый! Как только тебя такого жена терпит? – вновь закипела тетя Валя и, махнув с досады рукой, скрылась на кухне, где у нее что-то начало пригорать.

- Давайте, собирайтесь мухами, мужики, пока не арестовали! – вполголоса, чтобы не услышала Володькина мать, продолжил Новиков. – Уже шесть, пока до центра доберемся, как раз семь будет.

Они собрались, как можно тише, и выскользнули из квартиры. Еще через пятнадцать минут им удалось перехватить такси возле КПП авиационного гарнизона, в котором и располагался жилой микрорайон, и в котором они и выросли. А без пятнадцати семь нарядные, наглаженные, в парадных мундирах, три офицера уже подходили к «Даурии». Лебедев-Косов появился ровно в семь, окруженный стайкой весело щебечущих симпатичных девушек.

- Вот и наш бонвиван, - вполголоса прокомментировал Геннадий и тут же изобразил на лице неподдельную радость. – Здравствуй, Витя! – протянул он руку приятелю. – Здравствуйте, красавицы!

- О, здорово, парни! Сколько лет, сколько зим? А тебя, блин, Вова, и вовсе не признать! Красавец, правда, девочки! Привет, Слава! Знакомьтесь! – представил он трех весьма симпатичных молодых особ. – Это – Галя, это – Вера, а это – Лидочка! А это мои старые школьные друзья.

- Вовсе и не такие старые! – кокетливо прошептала девчонка, которую Витька представил Верой.

Последний раз в «Даурии» Славка был года два назад. Когда-то здесь играл прекрасный гитарист, поэтому пробиться сюда просто так, чтобы послушать его игру, было непросто. Сейчас сцена пустовала. В остальных кафе осталось таким же, как и раньше.

После первого тоста за дружбу скованность, возникшая между молодыми людьми на первых порах, исчезла, и вечер продолжился так, как обычно и протекают такие дружеские вечеринки. Вспоминали, кого и куда из одноклассников разбросала жизнь, смеялись над забавными случаями, произошедшими много лет назад, танцевали с девочками под музыку появившегося чуть позже вокально-инструментального ансамбля. А потом, замерев, слушали того самого гитариста, бывшего летчика, который исполнял фламенко.

Славка положил глаз на волоокую блондинку Веру и заливал той, наклоняясь к розовому ушку, про трескучие морозы и прочие ужасы северных широт:

- Вы знаете, Вера, медведи у нас, конечно, по улицам не гуляют, но глухаря можно подстрелить прямо из форточки! А караси в озерах какие! Как раз на всю сковородку! Темные такие, цвета старой бронзы. А грибов столько, прямо косой коси!

Генка с Володей охмуряли подружек Галю и Лиду, что ничуть не волновало развалившегося на стуле Виктора. Он-то в своем институте был по горло избалован вниманием слабого пола и уже через полчаса отыскал за соседними столиками какую-то свою предыдущую пассию из родного учреждения, с которой и танцевал весь вечер. В двенадцать кафе начали закрывать, и вся компания, прикупив с собой спиртного, отправилась в центральный парк, к берегу Амура, где и продолжила гуляние. Смотрели на мерцающие под лунным светом волны реки, бросали со скалистого утеса камешки, кто дальше, вспоминали молодые годы.

Потом Геннадий с Володей отправились провожать девчат, Виктор со своей подругой смылся еще раньше, и Славке ничего другого не оставалось, как набраться нахальства и пригласить к себе в гости на чашку кофе смешливую Веру. Та согласилась с условием, что Славка ее обязательно проводит домой после того, как они допьют предложенный кавалером кофе. На такси они доехали до гарнизона, дома под кофе выпили еще, и девушка никуда больше ни пошла, тем более что Вячеслав и не собирался ее никуда отпускать...

Часам к десяти утра, посадив Веру в такси и клятвенно пообещав ей обязательно позвонить, Славка отправился к Володе, где застал не на шутку встревоженную тетю Валю.

- Что случилось, Славик! Где Володя? Я уже Генкиным родителям звонила, но того тоже дома со вчерашнего дня нет. Леночка из Владивостока позвонила утром, пришлось соврать, что вы на рыбалку уехали.стыд-то, какой!

- Да не беспокойтесь вы так, тетя Валя! Куда они денутся? Видно у Витьки застряли. Я-то устал, дорога сказывается, так что рано домой уехал, - соврал Вячеслав, - а они, видно, продолжили. Ну, и не рассчитали.

- А как ему позвонить, Виктору?

- Да у него сейчас телефона нет, - вновь соврал на всякий случай Славка. - Вы, тетя Валя, не беспокойтесь, я знаю, где он живет, сгоняю туда мигом. А потом вам позвоню.

- Сгоняй, Славик, а то тревожно мне как-то. Вот вернется, разберусь я с ним, стервецом! Почувствовал свободу, ишь ты! Жалко, отец в командировке, только к свадьбе и вернется.

- Давайте, тетя Валя, договоримся так: никого мы попусту тревожить не будем. Я через час поеду к Витьке и оттуда вам обязательно позвоню. А вы не волнуйтесь попусту. Хорошо?

- Хорошо. Но я на тебя надеюсь, Слава!

Через пару часов он уже сидел за столиком в кафе, и в ожидании Витьки потихоньку потягивал из бокала «Агдам». Не прошло и получаса, как входная дверь с грохотом распахнулась, и в зал ввалились слегка помятые и поддатые Володька с Генкой и как всегда с игопочки – Виктор. Они пересекли зал и брякнулись за стол к Вячеславу, на ходу заказав официантке коньяка и закуски:

- Здорово, Слава! – ощерился Новиков. – Вижу, вижу, что у тебя все в полном порядке, земля! Прямо, как огурчик, выглядишь! Правда, зеленый такой и в прыщиках.

- Где ты этих засранцев отскреб? - вместо ответа спросил Вячеслав у Виктора.

- Это что за встреча лучших друзей? Сразу и засранцы! Давайте, мальчики, не будем ссориться, – начал Акулов, но Славка был настроен не так лирично, как приятель:

- Мать твоя с ума сходит, пень ты бесчувственный, - прервал он Володьку. – Хочешь, чтобы с милицией разыскивали, да? Или, чтобы невеста о ваших с Генкой фортелях узнала? Вот будет потеха! А отец завтра вернется, что скажет? Хватит коньяк-то жрать! Иди-ка, пока не поздно, матери позвони. А от тебя, Гена, я просто не ожидал! Бабы бабами, но можно же было с утра дома появиться. Тем более, у этого остолопа через два дня свадьба!

- Ладно, чего разошелся, как чайник на плите! – Генка разлил принесенный официанткой коньяк. – Давай лучше – по маленькой! А ты иди, иди, - отобрал он рюмку у Акулова. – Тебе же сказали: иди и звони!

- Этому больше не наливать! – прошипел Решетников, как только Володька отошел к телефону. – Где ты их, Витя, надыбал, красавцев наших?

- А где же им быть, как не у подружек, - ухмыльнулся Виктор, - едва из гостей вытащил.

- Хорошие девочки! – подтвердил вновь захмелевший после принятой на старые дрожжи рюмки Генка.

- Ладно, мужики, допиваем, и все по домам! - решительно заявил Вячеслав, когда вернувшийся от телефона Акулов доложил, что все в порядке. – Тебя, Виктор, это не касается, ты хочешь, так оставайся.

- Не, у меня тоже дела, - первым поднялся Лебедев, - я пойду. Бывайте, парни! До пятницы!

- Давай, Витя, до встречи! – протянул руку Славка. – А вы закругляйтесь и поехали!

Закругляться пришлось битый час, пока был допит весь коньяк. Потом долго ловили такси, так как никто пьяных брать не хотел. Славка едва уломал одного, и то за двойную плату. А уже у себя дома, в квартире, передав Володьку из рук в руки матери, Вячеслав оказался только к десяти. Он еще успел посмотреть по телеку новости, но на большее его уже не хватило. Сон навалился внезапно. Утром он с удивлением увидел, что даже не выключил телевизор. Вот как умаялся...

Невеста приехала в четверг, а в пятницу состоялась свадьба. Жених в морской парадной форме с позолоченным кортиком на боку выглядел блистательно. Ну, прямо адмирал, не меньше! Не менее эффектно смотрелась и невеста, стройная девчонка с длинными белокурыми волосами, в фате почти до пят. Решетников в своей, цвета морской ботвы, армейской форме, выглядел на их фоне бледновато. Но, что поделать, другой одежды не было. Генка, тот оказался похитрее, и в строгом сером костюме с бабочкой на шее явно выделялся из толпы. Славка на правах старого приятеля выступал свидетелем со стороны жениха, а со стороны невесты Володя попросил быть свидетелем свою одноклассницу Свету, так как знакомых у невесты в этом городе просто не было.

После регистрации автобус, организованный отцом Володи, отвез всех приглашенных в ресторан, где уже томились в ожидании остальные гости. Невеста с женихом, а теперь уже жена и муж, вместе со свидетелями подкатили на принаряженном такси чуть позже. На украшенной лентами и шарами машине они еще съездили по старой, укоренившейся в городе традиции на утес к Амуру и возложили цветы к памятнику погибшим за освобождение Хабаровска героям Гражданской войны. Среди гостей Славка заметил и Наталью. Его старая подружка явилась на вечер в фиолетовом

с блестками платье и серебристых туфлях на высоченных шпильках. Она о чем-то оживленно беседовала с какой-то женщиной, но, заметив Вячеслава, улыбнулась и приветственно помахала ему рукой. Ну, а дальше все пошло, как обычно, говорились высокопарные тосты, пили за родителей, за молодых. Папа Володи, а для Вячеслава дядя Коля, в ответном слове прочитал стихи собственного сочинения, чем растрогал почти до слез невесту. Ее старенькая бабушка, приехавшая с ней из Владивостока, то и дело промокала платочком глаза. Родители невесты, а, как выяснилось, отец ее был чистокровный поляк, уже лет пять почти постоянно жили в Польше. Генка, узнав, что невеста полячка, не преминул подлезть Володьке под шкуру:

- Ну, теперь от тебя особый отдел не отцепится: жена-то иностранка!

- Сам ты иностранец, Гена! У нее же наше гражданство, - отпарировал приятно вышедший с ними покурить на крыльцо ресторана разгоряченный Володя.

- А папа-то поляк! - не унимался Генка.

- Ну, и хрен с ним! - оборвал этот пустой разговор Вячеслав. - У меня дед тоже поляк, и - ничего! Ни один козел пока не напоминал!

Потом начались танцы, и Славка для приличия первый танец станцевал со свидетельницей, а второй - с невестой. Но долго флиртовать с незнакомыми девушками ему не пришлось, Наталья решительно пригласила его на дамский танец и уже больше не отпускала до конца праздника, приземлив за стол с собою рядом.

После закрытия ресторана все, кому не хватило, поехали к Акуловым домой, и Славка даже не понял, как после всего он оказался один на один с Наташкой в ее подъезде. Оторвав губы от его губ и тяжело дыша, она бессвязным шепотом пыталась его успокоить:

- Славочка, ну погоди, платье порвешь! Ну что же ты такой нетерпеливай!

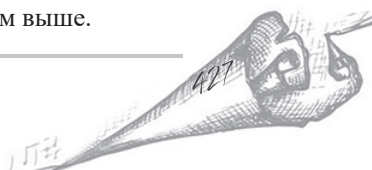
А он безуспешно пытался через узкий, расстегнутый ворот платья добраться до ее тела, волнуяще пахнувшего ароматом неведомых трав.

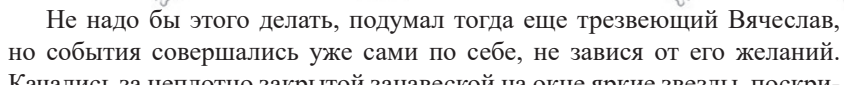
- Ну, не надо, милый! Ничего не получится. Пошли ко мне! - она решительно освободилась из его объятий и потянула за руку за собой. - Тихо только, пожалуйста!

Только тут Славка начал потихоньку соображать, что к чему. На цыпочках, стараясь не шуметь, они начали подниматься по лестничному маршу, но, как только миновали площадку между первым и вторым этажом, дверь в одну из квартир приоткрылась, и Вячеслав разглядел в темном провале щели любопытные глаза. Наталья резко выпрямилась, оправила платье и ядовито поздоровалась с соседкой:

- Не спится, Серафима Владимировна?

Дверь захлопнулась, и Наталья удовлетворенно хмыкнула, показав в ее сторону язык и увлекая Вячеслава за собой этажом выше.

Не надо бы этого делать, подумал тогда еще трезвеющий Вячеслав, но события совершались уже сами по себе, не завися от его желаний. Качались за неплотно закрытой занавеской на окне яркие звезды, поскрипывала кровать и постанывала Наталья, жарко дыша ему в ухо:

- Вот так, вот так, вот так!

А потом он провалился в тяжелый, похмельный сон, а, проснувшись, потихоньку собрался, стараясь не разбудить девушку. Не дыша, крадучись, он добрался до двери, оделся и вышел из дома. Уже высоко поднялось над домами умытое летней росой солнце, но на улицах было безлюдно и тихо. Суббота.

Дни в отпуске летели, как мгновенья. Володя с женой через неделю после свадьбы отправился в Балаклаву, на Черное море, к его новому месту службы. Направили его служить, кстати, по его же просьбе на подводную лодку, начальником БЧ-2. Что это такое Славка толком так тогда и не узнал. А Володька не успел рассказать, замотанный хлопотами перед отъездом. Генка где-то крутился самостоятельно, и Решетников, заскучав в одиночестве, засобирился назад, в Советский. Правда, еще разок они успели всей компанией выбраться на левобережье, порыбачить. Как всегда Косов прихватил с собой своих подружек, но начавшийся вечером дождь спутал все их планы. Пришлось сидеть безвылазно в палатке и дожидаться до утра, когда подойдет речной трамвайчик. Вера пыталась напроситься к Вячеславу в гости, но он решительно отверг ее желание, соврав, что уезжает к приятелю в Биробиджан. А от Натальи, которая никак не хотела понять, что два раза в одну реку не войдешь, он возвращался вечерами домой темными окольными тропинками.

Правда, удалось еще встретиться с Вовой Греком, старым приятелем по школе. Посидели, вспоминая, как в каком-то затертом году дрались с пацанами с улицы Гаражной, как вытащили однажды на рыбалке сома весом под десять килограммов.

- Помнишь, как мы Рыжей в портфель лягушку засунули? – хохотал Грек. – Визжала, как поросенок.

- Хорошие были времена! – вздыхал Вячеслав. – Ни тебе забот, ни тебе тревог!

А десятого августа Вячеслав поднялся по трапу самолета, и ни о чем, не сожалея, улетел в Москву, а оттуда - на электричке в Калинин, навестить родителей, переехавших в этот город из Куйбышева.

Глава 9

Вячеслав жадно всматривался в пролетающие за окном купе обширные болота с редкими, корявыми стволами умирающих сосенок среди клюквенных кочек. Вчера вечером он сел на поезд в Свердловске, и вот

уже через одну остановку состав прибудет в Советский. Стоял конец августа, золотая пора ранней осени, когда гнус уже убит первыми утренними заморозками, но солнце днем все еще пригревает по-летнему. В такую погоду приятно посидеть в лесу, на берегу реки с удочкой. А если еще и клюет! Берега болот и белый мох вокруг пней на вырубках краснеют поспевшей брусникой, а в мелком подлеске носятся, ничего и никого не пугаясь, выводки уже потемневших до черноты глухарят.

Славка за долгий отпуск здорово соскучился по этим, ставшим для него уже почти родными, таежным местам, да и по службе тоже. У родителей было, конечно, хорошо, но постоянная опека тоже надоедает. Мать никак не могла понять, что он уже вырос и стал взрослым. Отец советовал не обращать внимания:

- Мать, она и есть – мать! Пошли-ка лучше руки мыть, на ужин вон зовут.

В ванной комнате он доставал откуда-то из-под ванны бутылку с сагоном собственной выделки и наливал в кружку:

- Ну, давай, давай, посуду не задерживай! На-ка вот огурчик соленый, закуси.

Потом они садились к столу, стараясь не дышать в сторону матери, но она, как всегда, сразу замечала, что они выпили, и начинала бранить отца за то, что тот спаивает ребенка. Сын заступался за отца, а потом они все вместе смотрели телевизор и курили с отцом на балконе. Так и пролетали дни. Пару раз, правда, ездили по грибы. Ехать нужно было часа полтора на электричке, а потом еще шагать от платформы километров пять, семь. Как говорил отец, разминать организм.

- Шевелиться надо, - учил он Славку. – А то сидим по квартирам, разлагаемся, вот и нет здоровья у людей.

Местные леса были исхожены многочисленными грибниками, утренние электрички подходили к платформам заполненными битком. Грибы попадались редко, но при известном упорстве и старании они с отцом все равно набирали по корзинке.

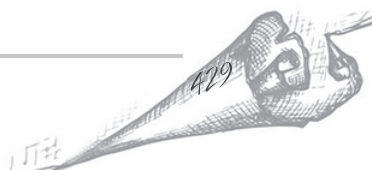
Редко, пару раз в неделю их навещала бабушка Поля, которую Славка очень любил за ее спокойный, уравновешенный характер. Вместе с мамой они чистили принесенные грибы и готовили ужин. И тогда маманя сама выставляла на стол спиртное:

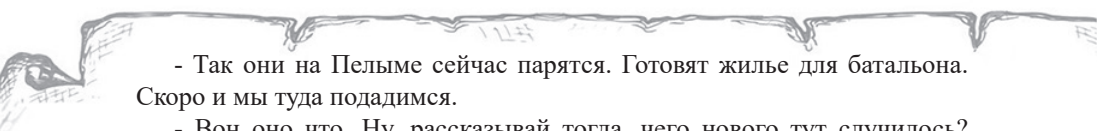
- Теперь можно! – разрешала она. – Все, как у людей, за столом, культурно! А то пьете по- за углами!

Первым, кого Вячеслав встретил, пройдя через КПП, после, оказался капитан Дубов, дежуривший по части.

- О, Слава, здорово! Из отпуска, что ли, вернулся?

- Только что с поезда. Ты Ворошнина или Гомянина не видел нигде случайно?

- Так они на Пелыме сейчас парятся. Готовят жилье для батальона. Скоро и мы туда подадимся.

- Вон оно что. Ну, рассказывай тогда, чего нового тут случилось? Депо, кстати, сдали?

- Сдали. Через месяц, как ты улетел. Не без приключений, конечно! – Дубов как-то загадочно взглянул на Вячеслава и ухмыльнулся. – Ты в техчасть сейчас сходи, Фоминых, вроде, там. Он тебе все подробненько расскажет.

- А что случилось-то? – спросил Решетников, заинтригованный этой ухмылочкой капитана. - Давай, колись!

- Иди к себе в штаб. Тебе Фоминых складнее расскажет, - отмахнулся от ответа Дубов. – Давай, а я к начштаба полетел. Вызывает в караулку зачем-то.

Слегка встревоженный загадочным поведением сослуживца Славка поспешил в техчасть.

- Привет, господа инженеры! Здравствуй, Вера! На, это для сына, - протянул он женщине плюшевую игрушку, купленную на вокзале в Свердловске.

- Ой, Славочка приехал! – радостно всплеснула руками, сидящая за бумагами женщина. – Спасибо!

- Здравствуй, Вячеслав! – поднялся навстречу капитан Фоминых. – Ну, как ты?

- Да, вроде, все нормально! Ты, Володя, мне лучше скажи, что тут у вас случилось, пока меня не было? Ну, когда депо сдавали. А то Дубов послал к тебе, темнила! Сам ничего не рассказал.

- А ты никого из начальства еще не встречал? – вместо ответа спросил Фоминых.

- Нет!

- Это хорошо!

- А чего хорошего-то? – начал злиться Славка. – Причём тут начальство?

- Да не томи ты его, Володя! – вмешалась в разговор Вера. – Видишь, как человек разволновался!

- Начальство всегда причём! - назидательно произнес старший лейтенант. - Тут вот какое дело получилось. Помнишь, перед отпуском, в депо пахали? Так вот, только ты отбыл, мужики закончили бетонить резервуары.

- Ну и что?

- Да ничего. Забетонили. Даже водой испытали. А когда обваловывать песком начали, они возьми и рухни... И это за неделю до сдачи объекта. Представляешь, как комбат среагировал? Я думал, его кондрат хватит, так орал, что за километр слышно было.

- Ну, можно представить. А я-то тут причём?

- Так, когда начали искать виноватых, Дубов дурачком прикинулся, а комвзвода на тебя телегу покатали. Дескать, арматура в крышках не та, что по проекту, меньшего диаметра.

- Ну и что? Я же ее в сечении пересчитал. Другой на базе не было.

- Это я тебя понимаю. А начальству нужен кто? Козел отпущения ему нужен. С этих полудурков, что взять, Ваньки взводные, а ты – инженер! Вот комбат тогда сгоряча и пообещал с тебя по возвращению шкуру содрать!

- Ага, сейчас! Уже подмылся!

- Вот это ты правильно, Слава! – вновь вмешалась в разговор Вера. – Себя защищать нужно, если прав!

- Вот и доказывай, что прав, – возвратился за свой стол капитан. – Садись и пиши докладную на имя командира. Да поподробнее, с расчетами. Тебе еще повезло, что комбат в бригаду уехал, а то бы ты сходу попал под раздачу! А так у тебя еще время есть. Садись, пиши!

- Успею. У меня еще отпуск сегодня. А где Перминов?

- В наряде. А на кой он тебе понадобился?

- Я ему наказывал, когда уезжал, посмотреть, что да как. Как будто чувствовал.

- А. Ну, дуй тогда в караулку, там, наверно, дрыхнет.

Славка отправился в караульное помещение, на пороге которого появился заспанный сержант.

- Здорово! – протянул ему руку Вячеслав.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – радостно заулыбался Перминов. – С возвращением вас!

- Спасибо! Давай-ка, присядем, покурим! Расскажи-ка мне поподробнее, что там, в депо-то произошло?

- Когда? – не понял Перминов.

- Когда, когда! Когда крышки на резервуарах хлопнулись! Или ты там после меня не бывал?

- Обижаете, товарищ лейтенант!

Они присели на лавочку, и сержант рассказал, что когда сняли опалубку внутри резервуаров, центральные, поддерживающие крышки колонны оказались не пробетоненными до конца:

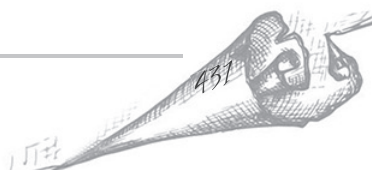
- Арматура голая торчала, товарищ лейтенант, с кусками налипшего бетона!

- Ну, и что дальше?

- Да замазали мужики раствором, чтобы не было видно, и все.

- Не могли окошки для вибраторов в опалубке оставить? – возмутился Вячеслав. – Кому это в голову пришло, арматуру раствором замазать?

- Да меня тогда срочно в Першино на день отправили, вот и не досмотрел, – виновато понурил голову Перминов.

- А чего Фоминых не доложил?

- Так я же говорю, что в Першино уехал. А когда назад возвратился, было уже поздно, - снова начал подчиненный.

- Я ему про Фому, а он мне – про Ерему! Почему не доложил, когда пустоты в колоннах увидел? Маленький что ли? Хорошо еще, что никого не придавило этими самыми крышками, когда опалубку снимали. Повезло засранцам! Ладно, иди, отдыхай, а я пойду комбату объяснение готовить.

- Тут вот еще что случилось, товарищ лейтенант! Почему, собственно, командир и рассвирепел так, - поднялся вслед за лейтенантом Перминов.

- Что еще такое? – заинтересовался Вячеслав.

- Да за день до этого, ну, как крышки обрушились, ЧП случилось.

- Что за ЧП? Ну-ка, садись, рассказывай, - Вячеслав вернулся на скамейку.

- Старший лейтенант Суровцев решил остатки толовых шашек, которые от учений остались, ликвидировать. Ну, те, пятидесятиграммовые, что под ноги молодым бросают, чтобы к взрывам приучить. Помните, на полигоне?

- Ну, и?

- Так их после учений почти полный ящик осталось, килограммов десять.

- Не тяни, что дальше-то?

- Сдавать их на склад муторно; кучу бумаг оформить нужно. Ну, он что-то там посчитал, сволок ящик за бугор, приказал всем в укрытия спрятаться и бабахнул!

- И что?

- А то! Все стекла с этой стороны в депо и высыпались! Перед сдачей самой, почитай! Комбат, когда приехал на объект и весь этот бардак увидел, думали, что он от злости лопнет: такой малиновый стал! А на следующий день крышки эти самые вдобавок брякнулись.

Славка воочию представил лицо комбата, когда тот увидел пустые глазницы окон в депо, и заржал:

- Представляю себе картину! Прямо классика – «Гибель Помпеев»! Не хватило только окровавленных жертв! Коля – молодец, как всегда в своем ампула! Подрывник, он и есть – подрывник!

- Дубов его предупреждал, что лучше сдать тол на склад, но он сказал, что взрывная волна уйдет от бугра в другую сторону, к лесу.

- А она, блин, не ушла! – вновь захохотал Вячеслав. – Представляю его физиономию, когда звон раздался! Ладно, развеселил ты меня, Перминов. Иди, отдыхай!

Он вернулся в штаб и два часа готовил рапорт для комбата, стараясь как можно больше приложить к объяснению математических расчетов, благо закончил факультет по специальности конструктора-расчетчика. Чем больше мути, тем солидней будет выглядеть! О том, что он узнал от Перминова, в рапорте не было ни слова. Чего толку подставлять мо-

лодых, и некрасиво это. С Дубовым, конечно, нужно бы разобраться: не мальчик все - таки.

Потом они с Фоминых сходили в столовую, пообедали, и Славка отправился отдыхать в общагу, тем более что отпуск у него действительно заканчивался только послезавтра, а сегодня вечером он решил сходить к Ворошнину, который по последним, свежим слухам уже вернулся из Пельма. Удивительно, что они не встретились на вокзале, ехали-то, оказывается, одним поездом. Наверняка, Сашка, чтобы не покупать билет, кантовался в общем вагоне. Это он, как отпускник, мог себе позволить ехать в купейном. Вячеслав хотел еще позвонить Людмиле, но потом передумал, вспомнив, как они расстались. Соскучилась, сама позвонит.

Но вечером в общежитие, как всегда неожиданно, заявился замполит, и события потекли совсем не так, как планировал Славка.

- Давай-ка, лейтенант, срочно собирайся в Першино! Выезжаешь ночью, приказ командира!

- А что случилось, товарищ капитан?

- Не знаю, Решетников, но приказы, как ты понимаешь, не обсуждаются! Раз комбат приказал, значит, надо!

- А он, что, уже вернулся?

- Нет, из Серова позвонил.

- Так у меня сегодня еще отпуск.

- Что ты мне голову морочишь! Зайди к Матвееву, он тебе должен был деньги принести. Ясно?

- Так точно!

Вячеслав в полнейшем недоумении подался к главбуху и, получив на руки командировочные, попытался выяснить, что же такое произошло, что ему так экстренно приказано выехать. Но Матвеев и сам толком ничего не знал.

- Гомяшу тоже из Пельма в Першино затребовали! Вспоминай сам, что там натворили.

Но Славка, как ни ломал голову, ничего вразумительного не вспомнил. А рано утром он уже топал по перрону в Першино. Его никто не встретил, и пришлось шагать пешком по разбитой дороге, перепрыгивая через лужи. Первым на территории части ему повстречался Лева, сосланный сюда, как поведал ему вчера Матвеев, почти месяц назад в помощь Иванову, заканчивающему с двумя взводами отделку опор моста.

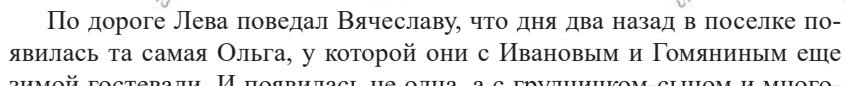
- Здорово, Лев! Рад тебя видеть!

- Привет, Слава! Вернулся, значит. Давно?

- Вчера только приехал, и сразу сюда заслали. Не знаешь, что тут случилось-то? Прибегает вчера Бугрим, взъерошенный такой, собирайся, говорит, в Першино! Даже отпуск не дал догулять.

- Знаю. Пошли пока в столовую, поедим. Я тебе по дороге все расскажу.

По дороге Лева поведал Вячеславу, что дня два назад в поселке появилась та самая Ольга, у которой они с Ивановым и Гомяниным еще зимой гостевали. И появилась не одна, а с грудничком-сыном и многочисленной родней.

- Да ты же знаешь, что она почти в одно время с Сашкиной женой родила.

Славка кивнул головой, а Лева продолжил дальше. Родня эта самая разыскала-таки Иванова, хотя тот из части носа старался не показывать. Поймали где-то в поселке и стали уговаривать записать сына на себя. Понимаешь, дескать, парень, девушка замужем не была, а ребенок есть. Непорядок. А так они там, на Украине, куда ее тут же увезут, скажут, что погиб отец на Севере геройской смертью. И всем будет хорошо.

- Так его сюда уже отправляли в начале лета, когда у нас учения шли? По этому же вопросу.

- Тогда он отбился. Да и Ольги тогда не было. А сейчас заявили всей родней права качать. Сашка, конечно, не дурак! Это сперва все так хорошо и пушисто, а потом? Потом еще и алименты платить придется. Вот он в части и скрылся снова. Появится на мосту и назад, под охрану. А я им лапшу на уши вешаю, что уехал родимый, и далеко уехал. Дескать, срочно отправили по приказу командования в длительную командировку. Ну и Дерягу предупредил, чтобы присматривал за Сашкой, да этих хмырей ни под каким соусом на территорию не пускал.

- А они?

- Они в бригаду позвонили! А там комбата за задницу взяли, непорядок, мол. Дуй-ка, разберись с морально-политическим климатом среди твоего офицерского состава. Вот они час назад с замполитом бригады и прикатили на разборки. Сейчас с Ивановым встречаются, с Ольгой и родней ее. Иванова, значит, в чувство приводят, ну а вас, я думаю, как свидетелей притащили.

- Да... дела! А Гомяша где?

- Здесь, где ему быть!

- Пошли тогда скорее. Надо с Юркой перетолковать, что комбату с замполитом втирать. А то и сами по уши влипнем, и Сашку подставим ненароком.

После завтрака из штаба прибежал посыльный и сообщил, что Вячеслава и лейтенанта Гомянина срочно вызывают в штаб к командиру батальона. На крыльце они столкнулись нос к носу с выскочившим из штаба красным и взъерошенным Ивановым.

- Что? – спросил коротко Гомянин, но Иванов, не поднимая глаз, только безнадежно махнул рукой и зашагал в сторону поселка.

- Стой! – попытался остановить его Вячеслав. – Ты куда полетел, оглашенный?

- На кудыкину гору! Пацана в ЗАГСе регистрировать...

- Пошли, что ли? – подал голос Юрий, и они, загасив окурки, вошли в штаб, ощущая себя хоть и не слишком комфортно, но вполне уверенно. Не они же дитя, в конце концов, сделали этой самой Ольге.

- Что говорить-то будем теперь? – спросил Славка Гомяшу, понимая, что обстановка круто поменялась. – Если этот папаша пошел пацана регистрировать, мы, вроде, как бы ни к чему здесь.

- А я почему знаю! По мне так тут, как не кинь, везде – клин! Мне, как и тебе, кажется, что мы тут уже лишние, раз все так повернулось. Но начальству, как говорится, виднее!

- Это точно, начальству всегда виднее. Только, если будут рыться в грязном белье, лишнего, все-таки, не болтай!

Действительно, если разобраться, кому пристала охота копаться во всех этих чужих амурных делах. Что там начальство черепками своими думает? Тем более они-то с Гомяниным, по существу, вовсе ни причем. Однако чуть позднее Славка понял, что дело, с точки зрения бригадного подполковника, обстоит не совсем так.

- Лейтенант Решетников по вашему приказанию прибыл! – доложил он комбату, предварительно получив разрешение обратиться к командиру от седого подполковника, восседавшего рядом с Гуком за столом.

- Присаживайся, Решетников! – майор указал на стоящий рядом со столом стул. – Из отпуска прибыл? Ну и хорошо. Тут вот какое дело...

- Разрешите, майор, мне сказать, – вмешался подполковник, почувствовав, что в голосе комбата нет обычной твердости. – Вот что, лейтенант, расскажите-ка нам, чем вы тут занимались?

- Не понимаю вас, товарищ подполковник, – состроил выражение искреннего удивления на собственной физиономии Славка. – Вы про мост, что ли? Не знаю, что вам и сказать, я только сегодня прибыл. Там, вроде, все в порядке.

- Он у тебя издеваться надо мной вздумал? – повысил голос подполковник, адресуясь к комбату. – Все вы прекрасно понимаете, товарищ лейтенант! К девкам в гости ходили в поселок? – спросил он Вячеслава прямо в лоб.

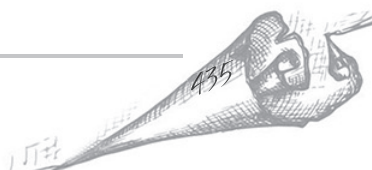
- Так точно, товарищ подполковник, ходили! – поднялся и вытянулся в струнку Славка.

- Сядьте, лейтенант, не клоуничайте! Ну, вот и расскажите нам, чем вы там занимались? Может, что интересное услышим.

- Танцами занимались, товарищ подполковник! – стараясь быть как можно простодушнее, ответил Вячеслав.

- Одними танцами? Что вы мне голову морочите, лейтенант. Танцами они, видишь ты, занимались! Спирт жрали?

- Так точно, товарищ подполковник, жрали!

- Что вы заладили: так точно, так точно! Ну и что?

- Ничего, товарищ подполковник.

- Как так, ничего? А лейтенант Иванов оставался там в гостях ночевать?

- Не могу знать, товарищ подполковник! Я, обычно, к ночи в часть возвращался, а за других сказать не могу.

- Не можете, значит, товарищ лейтенант! – набылчился подполковник.

- А вести себя, как не подобает советскому офицеру, значит, можете? С девками болтаться и спирт жрать можете? Ложное у вас чувство офицерского братства. Вы бы вместо того, чтоб спирт с девками кушать, напомнили своему товарищу об офицерской чести и порядочности. Да и о том, что он женат, тоже. Да и сами бы вели себя, как подобает. Сегодня не стояли бы тут, перед вашими командирами и не краснели бы.

- А мне стеснятся нечего, товарищ подполковник, - огрызнулся Вячеслав. – Да и краснеть тоже не за что.

- Вы посмотрите-ка на него, прямо ангел небесный! Будто бы это я, а не он, по бабам шлындра и пил!

- Не могу знать, товарищ подполковник, я вас за ноги не держал! – отчаянно ляпнул Славка и сам испугался вылетевших слов.

- Молчать! – заорал побагровевший подполковник. – Это что такое, товарищ майор, - обратился он к хмурому комбату, - как это понимать? У вас в батальоне субординации не учат? Объявляю вам пять суток ареста, товарищ лейтенант! – резко повернулся он к Славке.

- За что? – возмутился Вячеслав.

- А за то, что позорите честь советского офицера! И за все хорошее, что натворили!

- А чего я такого натворил, товарищ подполковник?

- Ну, если не понимаете, то вам бесполезно объяснять, - подполковник повернулся к комбату. - Придется мне с вашим замполитом побеседовать, Александр Александрович, а то, я гляжу, у вас все слишком далеко зашло. Надо меры принимать! Вы ничего не хотите добавить, товарищ майор?

- Тебе все понятно, Решетников? – зыркнул недобрый взглядом в сторону Славки комбат. - Вижу, что понятно, - оценил он молчание Вячеслава. – Доложи про пять суток начштаба, пусть в личное дело запишет. Гомянин здесь?

- Так точно, в коридоре ожидает!

- Ну что, пусть идет, товарищ подполковник? – спросил комбат бригадного замполита, но тот только брезгливо поджал губы и, достав огромный портсигар, вытащил сигарету:

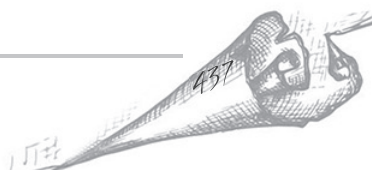
- Пусть топает! Да другого позовет!

- Иди, Решетников, и Гомянина сюда зови.

Славка, выскочив из кабинета, глубоко и шумно выдохнул воздух.

- Ну, как? – испуганно спросил его Юрка.
- Терпимо. Пять суток схлопотал.
- За что? – удивился Гомянин.
- Вот и я спросил, за что? А меня за это к едрене-фене послали!
- Ни фига себе! Не было у бабы заботы, так она купила порося! Подставил нас Иванов, пес смердящий!
- А, мелочи! Подумаешь: пять суток! Плевать я хотел на этого подполковника! Не ему мне указывать, с кем гулять и когда пить. Не робей, мальчик! В нашем деле главное - не признаваться. Я никому свечку не держал, поэтому спокоен. Понял? Топай уже, ждуть!
- А, что говорить-то?
- Да что хочешь. Только аккуратнее, а то тоже пять суток запишут.
- Юрка перекрестился, подтянул под ремень потуже гимнастерку и шагнул к дверям командирского кабинета, а Вячеслав вышел на улицу.
- Ну, цел? – спросил его куривший на крыльце Лева. – Или по частям растащили?
- Цел. Пять суток только получил.
- А за что?
- Что вы все заладили: за что, за что! За все хорошее. А Иванов, кстати, куда делся? Неужели и вправду подался ребенка на себя записывать, олух царя небесного?
- Пошел взаимоотношения с новой родней утрясать. Мы его с Дерягой пытались удержать, но куда там! Даже выслушать не пожелал.
- На какого хрена вы его одного отпустили? Наломает дров, потом жалеть будет.
- Так он, как с цепи, сорвался! Слова не дал вставить. К Сашке сейчас и на кривой кобыле не подъедешь
- Действительно – не подъедешь! – сокрушенно произнес Славка. - Ты сейчас куда собрался-то?
- На мост.
- А на кой это тебе? Что там - взводных не хватает?
- Люди-то мои там работают. Вон и машина подошла, - указал Лева на подъехавший к штабу самосвал.
- А я думал: перед подполковником выслужиться хочешь: круглосуточно на боевом посту, дескать.
- Ага, как же! Комбат приказал дела у Деряжного принять. Женьке пообещал, что на побывку в Советский отпустит. Должен же кто-то Дерягу подменить. Он жену уже месяц не видел, поди, забыла, как муж выглядит.
- А, где он сейчас, кстати?
- В магазин полетел.
- А на кой?

- Папану малому игрушку купить. Не с пустыми же руками домой возвращаться. Ну, ладно, я поехал.

- Давай-ка, и я с тобой, подальше от всех этих приключений и от начальства тоже. Тем более, месяца три уже не был на объекте.

- Поехали.

Они быстро загрузились в кабину и приказали водителю гнать побыстрее. Тот, не долго думая, лихо развернул самосвал и помчался по дороге, не считая ухабов, да так, что местами у лейтенантов цокали зубы.

На мосту за время отпуска Решетникова ничего особенно и не изменилось. Правда, все опоры были закончены, и взвода укладывали облицовочную плитку на береговых устоях. Славка просмотрел исполнительную документацию в прорабке, слазил на ближайший бык и осмотрел только что залитую опорную часть под пролет.

- Кубики для испытаний забивали? – спросил он Леву.

- Обижашь!

Они помолчали с минуту.

- Красота-то какая! – произнес неожиданно Шварцер, оглядывая с высоты мостовой опоры левый берег Лозьвы.

Славка глянул в ту сторону, куда смотрел его приятель и увидел тропную осень, многоцветную тайгу. Она уходила по гривам далеко за горизонт, растворяясь в легкой дымке нагретых солнцем болот. Он вспомнил, что примерно в это же время, ну, может быть, чуть позже, год назад ему впервые пришлось увидеть эти берега. Тогда здесь ничего еще не было, а сейчас стояли стройные и высокие, светло-серого цвета опоры, и уже можно было представить себе, как будет выглядеть мост, когда эти опоры соединят парящие фермы пролетов. Внизу, у основания быка, как и раньше, суетились зеки, проталкивая застрявшие на мелководье стволы. Привычная картина. Но на душе стало как-то теплее.

- Товарищ лейтенант, вас в балок, к телефону! – сообщил подбежавший солдатик.

- Кого, меня или Шварцера?

- Вас.

Звонил комбат. Решетников получил команду возвращаться в Советский, поскольку тут и без него, как выразился майор, бездельников хватает.

- По дороге заедешь с Гомяниным в Пелым, посмотришь, что к чему, а потом доложишь, как там дела. Да долго не задерживайся, в батальоне дел по горло.

Странно, но, видимо, последние события вытеснили все остальное, и комбат так и не вспомнил те злополучные крышки резервуаров, а Славка постарался и впредь в разговорах с начальством, как можно дольше не вспоминать вообще, что существует такой объект, как локомотивное депо. Объяснительная, как оказалось впоследствии, так и не понадобилась.

Вечером они втроем, Гомянин, Деряжный и Вячеслав, прихватив с собой пару бутылок, погрузились в поезд и отбыли - кто в Пелым, а кто в Советский, оставив на мосту Леву. Надежды на то, что Иванов скоро придет в себя от потрясений последних дней у комбата, видимо, не было. Выпив пару рюмок, Деряга забрался на верхнюю полку спать, готовясь к встрече с женой, а они с Юркой до самого Пельма просидели молча, глядя в окно. Каждый ехал исполнять то, что ему было предписано судьбой и отцами-командирами, естественно.

Погода испортилась вконец. И не мудрено: заканчивался сентябрь. Холодный воздух со стороны Карского моря пахнул первыми, выпавшими на севере, снегами. Весь этот месяц Вячеслава носило по трассам, как окаянного. То Северная ветка, где пускали рабочее движение, то Пелым, то Першино. Проводницы вагонов встречали его уже, как родного. На коротких перегонах он даже билеты перестал покупать, предпочитая пить чай с девушками в дежурном купе. Да и то, если покупать билеты на все эти переезды, на материальные отчеты больше бумаги потратишь, и без копейки в кармане жить придется. Контролеры закрывали глаза на безбилетников в офицерских кителях: кому охота нервы портить.

Пару раз пришлось съездить в Серов на какие-то бригадные совещания. За все это время он оторвался от дел только однажды, да и то не в Советском, а в Пельме вместе с Сашкой Ворошниним. Батальон еще не перебрався в этот поселок, где планировалось строительство нового моста через речку, в честь которой и была названа станция. Начальство сидело в батальоне, а здесь пока царила относительная свобода. Взвод солдат охранял возведенный палаточный городок и переброшенную с Лозьвы сваебойную технику. Особых задач никому не ставили, и по вечерам они с Сашкой попивали дешевое и вонючее яблочное вино из бочек по рубль тридцать за литр. А в один из выходных дней, как-то выбрались в местный клуб, где под радиолу целый вечер отплясывали с какими-то маломерками - восьмиклассниками. Все приличные, взрослые девочки давно покинули эти, увязшие в непролазных грязях, места...

Грязным оврагом улица.

Восемь часов.

Ни зги.

Сосны стоят, сутулятся.

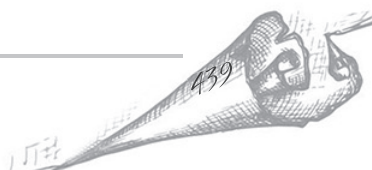
Дождь моросит.

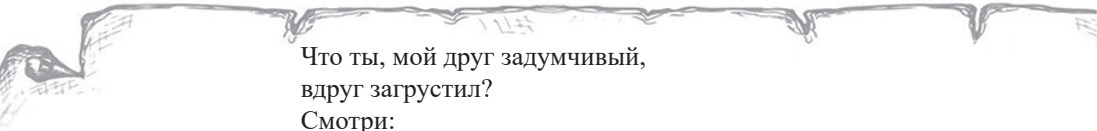
Мозги

крутят мотив заученный:

раз, два, три,

раз, два три.

Что ты, мой друг задумчивый,
вдруг загрустил?
Смотри:
над горизонтом полосы –
значит погоде быть.
Нам ли с тобою голосом
хриплым по волчьей выть?

Вот такие стихи появились тогда у Вячеслава в записной книжке. Тоска зеленая. Почти вся местная молодежь подалась осваивать недра в Комсомольский, Нягань и далее: там и платили куда больше, да и народ был повеселее. Благо, ехать было недалеко. Кроме прочего, туда, на новостройки приезжали люди со всей страны, кто за длинным рублем, кто за романтикой, а кто делать карьеру. Можно было как-то устроить личную жизнь: выбор богатый.

Людмилу за все это время Славка видел всего пару раз. Они как-то даже успели сходить в клуб, вместе с девушками поглазели на какую-то заезжую знаменитость, но дальше короткого и прохладного прощания в нетопленном, темном подъезде дело не пошло. Людмила хоть и проявила некоторый интерес к рассказам Вячеслава о Хабаровске, но долго слушать не пожелала, сославшись на усталость. Когда они расстались, Славка дал себе слово: больше в этот дом ни ногой! Хватит, надоело!

В Першино к этому времени уже поступили конструкции двух мостовых пролетов, и часть роты механизации готовилась туда выехать. Нужно было устанавливать и настраивать пескоструйные агрегаты и технику прибывших из Тюмени монтажников обслуживать. Коля Зубков носился по своему хозяйству и зычно материл подчиненных, стараясь привести в стройный порядок весь этот, возникший в связи с передислокацией, кавардак. А Вячеслав вместе с Фоминых разбирался в документации. Собирать пролеты, да еще «в навес», без поддерживающих лесов, ему, конечно, не только не приходилось, он даже представить себе не мог, что это такое. В институте Вячеслав о таком не слыхивал.

- Это просто, – тыкал в чертежи пальцем более опытный старлей. – От береговой опоры до опоры номер один обычным железнодорожным или стреловым краном монтируется балочный пролет, который специальными хомутами намертво крепится к закладным деталям опорных частей, Правда, кран, который этот пролет будет монтировать, армейский, специальный. Первая секция пролетной фермы своей мертвой опорой на нижнем поясе устанавливается на первую русловую опору. Верхний пояс секции тяжами крепится к балке на береговой, - для наглядности Фоминых начертил схему на листке бумаги. - Получается висячая консоль. Потом на верхние поперечные связи секции кладется рельсовый путь и уста-

навливается деррик-кран. Что-то вроде «Пионера», только на колесах. А потом по рельсам, уложенным на связи нижнего пояса, подаются детали ферм, и - поехали. Ферма собирается в воздухе, пока вторым концом не ляжет на опору номер два. Понятно?

- Понятно-то, понятно. Только это, ведь, надо угадать, чтобы второй конец попал точно на закладуху.

- Попадет. Фермы изготовлены на заводе, в цехе. Это тебе не наши сварщики. Да и контрольная сборка производилась. Это не домишки какие-то ляпать, где можно угол завалить сантиметров на пять, и – ничего. Здесь точность нужна до миллиметра. Поэтому и гарантия. И не на два года, а на сто лет. И потом, монтажники опыт имеют, не первый мост собирают. Наше дело за качеством следить. Ну, там затяжку болтов иногда проверять, очистку поверхности косынок. Правда, косынки нам самим драить придется, монтажники отказались.

В пятницу Вячеслава поставили дежурным по хате, а в субботу его сменил прибывший в Советский Лева.

- Снова не повезло, блин! – причитал он, принимая от Славки дежурство. - Вы, конечно, на танцульки рванете, а мне тут париться.

- Не с кем на танцульки-то. Да и надоело.

- Как не с кем! Гомяша со мной приехал, да и Матвеев, вроде, на месте. Или я ошибаюсь?

- Куда он денется! А вот что Юрка приехал, это хорошо! – искренне обрадовался Решетников. - А то, думал, снова будем у Матвеева в дурацкий преферанс дуться и водку кушать.

- Не, Юрка уже перья чистил, когда я тебя менять потопал. Заставил Боговича за банку тушенки штаны ему гладить.

- Ну, ладно, дежурь, а я домой подался.

- Счастливо!

Славка сдал пистолет в оружейку, заскочил в бухгалтерию к Матвееву договориться насчет вечера и подался готовить праздничный ужин, как выразился главбух:

- Держи, Вячеслав, бабки! Купите яиц и колбасы, пару лимончиков не забудьте.

Когда к шести вечера Матвеев появился в общаге, они с Гомяшей уже накрывали стол у Славки в комнате, а на огромной сковороде скворчала яичница с колбасой. Отметив возвращение Юрки, и переодевшись в штатское, приятели к девяти часам подались в клуб, куда уже подтягивалась поселковая молодежь. В зале их приветствовал барабанной дробью Евгений, уже тоже изрядно накативший, так как физиономия у него была красной, как помидор.

- Здорово, служивые! Что-то давно вас не было!

- Привет, Женя! – протянул руку приятелю Вячеслав. – Соскучился? А мы все по трассам! Страна своих героев не забывает.

- Это в смысле, что по разным дырам гоняет?

- Точно! – оглядел зал с высоты своего роста Гомянин. – Ну, и что тут у нас новенького?

- Да все по - старому! Ваших девах тут пару раз видел. Но они же у вас из графьёв, с поселковыми не шибко контактат! Потусуются мало-мало и – по домам.

- Что-то и, правда, не видать наших красавиц! – заметил Матвеев, но тут из дальнего угла ему помахали.

Там скучковалась стайка девчат, среди которых Славка признал матвеевских поварих из пельменной.

- Пойдем, потанцуем, – предложил Юрий, но Вячеслав отрицательно мотнул головой:

- Идите с Виктором. Я покурю и подойду попозже.

- Ну, как знаешь!

Вячеслав вышел на улицу. По ночам уже крепко подмораживало, и в одном пиджаке было зябко.

- Здравствуй, Слава! – кто-то тронул его за рукав, и он оглянулся.

Перед ним стояла Людмила, а у нее за спиной, как всегда вместе, улыбались неразлучные подруги Валя и Галя.

- Что в одиночестве, Славик, маешься? – выскочила вперед Галина. – Что-то тебя давненько в поселке видно не было. Чего молчишь-то, как глухонемой.

- Привет, девушки! – поздоровался со старыми подругами Славка. – Все хорошеете!

- А что нам, молодым и красивым, сделается! – подбоченилась Галина. – Один пришел, или с приятелями?

Славка в ответ кивнул головой, не особо обращая внимания на трещавшую без умолку девчонку. Он с интересом смотрел на Людмилу и как будто не узнавал девушку. Что-то в ней изменилось с тех пор, как он видел ее в последний раз. То ли ярче горел румянец на щеках, то ли взгляд стал каким-то туманным и загадочным. Может быть, он просто давно с ней не встречался и отвык? Все давешние обиды мгновенно испарились, как утренний туман на солнышке. А девушка смотрела ему прямо в глаза с едва заметной, загадочной улыбкой на ярких, слегка оттененных помадой губах.

- Ну, Вячеслав, ты что молчишь-то, в самом деле? – затрясла лейтенанта за плечи Галя. – Онемел, может быть, оглох? А, вот оно что! – наконец поняла девчонка, проследив за взглядом Славки. – Все понятно!

- Чего тебе понятно? – вышел из оцепенения Вячеслав. – Да не тряси ты меня так, голова отскочит! На Пельме я был. Успокоилась?

- Ты что такой грубый! – обиделась Галина. – Не хочешь разговаривать и не надо!

- Здравствуй! – поздоровалась стоявшая до сих пор в отдалении Валя.
- Ты, что, Слава, действительно в одиночестве здесь гарцуешь?
- Нет! Виктор с Юрой в зале остались, пляшут.
- С кем это еще? – мгновенно возмутилась Галина. – А ну, девки, пошли, разберемся, кто наших кавалеров умыкнуть пытается!
- Пошли, - потянула лейтенанта за рукав Валентина, - а то ты уже посинел от холода. Пошли, Люда! – позвала она подругу.

Странно, но обычно неуступчивая Людмила на этот раз, послушно последовала за подругами в вестибюль. Обычно она не позволяла собой командовать и поступала всегда по-своему. Что-то странное и непонятное за то время, пока Славка путешествовал по стройкам, случилось с девушкой. Может, влюбилась в кого-то? Или решила, что пришла пора менять поведение, а то без жениха останешься, на бобах? Или, наконец-то, повзрослела? Вопросы роились в голове лейтенанта, но ответа он не находил. Он помог девочкам снять пальто, дождался, когда они переоденут обувь, и проводил в зал. Народ уже веселился во всю: гремела музыка, кружились пары.

- Разрешите? – пригласил Галину внезапно возникший из веселой толпы Юрий и потянул девушку за собой.

- Отстань! Ты где это был? – закапризничала подружка, но через мгновение, удовлетворенная виноватым выражением лица кавалера, смягчилась и последовала за Юркой в гущу танцующих.

- Пойдем, потанцуем? – с некоторой опаской спросил Вячеслав, приглашая Людмилу.

Он боялся, что своим обычным ответом она разрушит тот новый, хрупкий и пленительный образ, что он впервые заметил сегодня в ней. И та радость, которую он ощутил от этой перемены, исчезнет бесследно. Но оказалось, что опасался он зря.

- Пойдем! – на удивление просто ответила она, протянув лейтенанту руку, и последовала за ним в центр зала между танцующими парами.

Первую минуту они кружились, не разговаривая, и лейтенант чувствовал, что пауза слишком затягивается. Какая-то незримая недосказанность витала вокруг них, нужно было что-то делать, и он, наконец, решился заговорить:

- Ну, и как вы тут жили все это время?

- Нормально. Да и что в нашем поселке случиться может? Скукота сплошная!

- Ну, это ты зря! Вот в Пельме действительно скукота. Аж страшно делается! Все рушится и сыплется, да еще и грязь по уши. И податься некуда: кино пару раз в неделю, и танцульки убогие по субботам. Одни школьники. Жалко народ. А тут, в Советском, – цивилизация, все-таки. Какие-никакие гастролеры заезжают, мероприятия разные, и народ хоть

и по деревянным, а всё же тротуарам ходить может. А там после девяти – ни одной живой души на улице не встретишь. Только лесовозы грязь месят. Да пьяные мужики, которых жены не выбрали, по обочинам валяются. Участковый и тот единственный на весь поселок.

- А тебя каким ветром в Пелым-то занесло?

- По службе, естественно. Новый мост строить начинаем!

- А на Лозьве уже закончили строительство?

- Да нет. Просто зима скоро наступит. Нужно опоры нового моста успеть поставить. А на Лозьве, в лучшем случае, к следующему июлю, или к осени закончим, если, конечно, с монтажом все нормально сложится.

- Понятно.

Славка чувствовал, что нужно менять тему разговора. Кого интересуют эти подробности? Танец закончился, но они не пошли в свой угол, а остались стоять на месте. Девушка как будто-то бы внезапно оттаяла, а когда объявили белый танец, сама пригласила Вячеслава. Окрыленный этими переменами, он крепче, чем обычно, прижимал к себе девушку, вдыхая пьянящий запах ее волос, ощущая прикосновения упругих бедер и чувствуя на своей щеке ее горячее дыхание. Она не сопротивлялась, как обычно, а просто и радостно отдавалась танцу, время от времени, улыбаясь чему-то своему. И изредка, откинув голову, внимательно заглядывала Славке в глаза, как будто пыталась что-то в них прочесть. Ему хотелось, чтобы этот вечер длился, как можно дольше. После очередного танца он уже, не опасаясь отпора, стоял рядом с ней, обнимая за талию, и горделиво бросал взгляды на остальных. Еще бы: самая красивая девушка Ивдель-Оби – его девушка! Но все, как это ни печально, имеет свой конец. В двенадцать всех попросили на улицу. Когда они вместе с Людмилой шли до ее дома, откуда-то из невидимого в кромешной темноте поднебесья начали пролетать первые крупные, пушистые хлопья.

- Вот и первый снег пошел, - негромко, с неожиданной печалью в голосе произнесла девушка, когда они остановились у дверей подъезда. – Скоро все белым вокруг станет.

Они еще с минуту постояли, не произнося ни звука, касаясь друг друга плечами и вглядываясь в темный небосвод, пока, наконец, понимая, что дальнейшее его бездействие может быть просто неверно истолковано, Славка не решился и не обнял Людмилу. Та, не сопротивляясь, обмякла, откинула голову назад и закрыла глаза. И он прижался своими губами к ее губам, пахнущим мятой. А потом еще два часа они целовались в темном подъезде под лестницей, горячо шепча друг другу какие-то ласковые слова, не особенно вникая в их смысл. Время остановилось, была только она, его любимая, ее дыхание, ее грудь, обтянутая тонким свитером, безропотно принимающая ласки его грубых ладоней, ее руки, отяжелевшие у него на плечах. Впервые он понял: все, что происходило с ним рань-

ше, до этого момента, не имеет абсолютно никакого значения. События и имена растворились и исчезли без остатка в том половодье чувств, что несли их, и только их двоих, сквозь эту сказочную, удивительную ночь. Он никак не мог заставить себя оторваться от нее, несмотря на предпринятые девушкой слабые попытки отправить его домой.

- Поздно уже, Славик, мама ругаться будет! – горячо шептала она ему в ухо, пытаясь высвободиться, а он только крепче прижимал ее невесомое тело к себе.

Вернувшись в общежитие, Вячеслав еще долго не мог заснуть, перебирая в памяти моменты этого взволновавшего его до глубины души свидания. Сейчас он уже не смог бы себе сказать, как раньше: ну, не любит и бог с ней. Новое чувство, возникшее в нем, разрасталось, становилось глубже. И в нем тонули остатки прошлых обид и переживаний. Вспоминалось только хорошее, светлое.

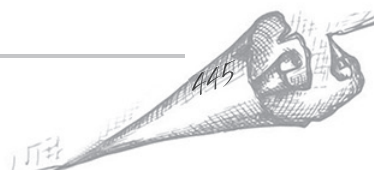
За окном качался одинокий фонарь, свет которого уже всерьез, позимнему рассекала наискосок начавшаяся нешуточная метель. Снег струился в этом свете, как вода в реке, подрагивая, вспениваясь, вращаясь в водоворотях. И последнее, что увидел Славка, прежде чем провалиться в темноту, широко раскрытые глаза любимой...

В ноябре окончательно окреп лед, и на реке Пелым взвод лейтенанта Ворошниина, как и положено копровому взводу, приступил к забивке шпунта под опоры нового моста. А Вячеслава вместе с отдохнувшим в лоне семьи Женей Деряжным забросили на Лозьву. И приковали там намертво. На все просьбы Славки побывать по каким-то, придуманным им, неотложным делам в Советском комбат твердо отвечал одно:

- Тут и своих бездельников хватает!

Для поддержания в личном составе боевого духа и надлежащей политической грамотности сюда же сослали и Леву. Командиром всего гарнизона, расположенного в Першино, назначили заместителя командира батальона капитана Карева Владимира Ивановича, которому этой осенью так и не удалось вырваться в академию, впрочем, как не удалось перевестись в столицы и главному инженеру Виталику Понюшенко. Не сработали какие-то шестеренки в бюрократическом механизме министерства, и через месяц отсутствия он вновь появился в части. Исполнявшего обязанности главного в его отсутствие капитана забрали в бригаду, а расстроенного таким оборотом дел Виталика опять приземлили в Советском. Смотреть на него было жалко: поехал человек туда, куда мечтал, и – на тебе! Случаются обстоятельства, что поделаешь, но жизнь-то на этом не кончается. Особенно для людей с характером.

- Ничего, на следующий год поступим! – говорил Вячеславу твердо веривший в свою звезду капитан Карев, и Славка почему-то этим словам доверял безоговорочно.

Как он уже успел убедиться, Карев был человеком целеустремленным, а главное - грамотным в вопросах организации строительства. И с опытом. К тому же он не был, как, например, Стешенков, служаккой до мозга костей и на всякие уставные штучки смотрел сквозь пальцы. Главное – работа, а вся эта дисциплинарная мишура могла и подождать. Такое отношение к службе не слишком радовало начальника штаба, но вполне устраивало комбата, с которого в первую очередь спрашивали не за то, как его солдатики маршируют и стреляют, а за план.

- Хорошо, что нам Карева сюда поставили! – говорил Женя Деряжный, а Лева, слушая товарища, молча, кивал головой в знак согласия. – Вон, к Сашке на Пельм Бугрима заслали! Тот Ворошнину плешь проел уже, наверное, насквозь, это точно!

- Зато Саня в политике станет разбираться лучше, чем свинья в желудях! – смеялся встретивший их троих на станции Иванов.

- Насчет политики – не знаю, но спать Сашке стоя придется! А нам, мужики, крупно повезло, - высказался Лева, забрасывая рюкзак на плечо.

Кто-кто, а Лев досконально изучил своего непосредственного начальника.

- Ты–то как тут? – спросил старлея Вячеслав, и вопрос на минуту повис в воздухе.

- Давайте, мужики, замнем для ясности! – едва заметная тень промелькнула по лицу Иванова. – Все в полном порядке.

- Ладно, не обижайся! Чего надулся, как мышь на крупу? Не хочешь говорить – не говори!

- Да я и не обижаюсь! С чего ты взял? Кто старое помянет, тому – глаз вон! – вновь повеселел Сашка. – Хорошо, что приехали, а то я тут один с тоски пропадал.

Славка слышал по секрету от Коли Суровцева, что Иванову задержали присвоение очередного звания. Хотя это и был секрет полишинеля, но распространяться о нем лишний раз не следовало, можно было сдурить, обидеть и потерять товарища. Мужик, он и есть – мужик. Сам все пережить и переоценить должен, никто не поможет. Жена родная вон тоже к маме сбежала, но думается, что ненадолго. Простит. Женщины – они отходчивые. Тем более – сын подрастает. Подумает головой, как сын без отца расти будет, и вернется...

- А Стешенков сообщил, что к тебе тут монтажники приехали, двое, капитан и лейтенант. Какого дьявола ты тогда в одиночестве скучаешь? – спросил Сашку Деряга. - Сели вечером, в картишки скинулись, ну, в крайнем случае, до «Лозьвы» прогулялись. Кстати, как она там, не развалилась?

- Куда она денется? Стоит родная, как стояла! А насчет монтажников: у них своя компания, а у нас – своя! Грузите барахло в кузов, да поехали.

- Чего-то я не понял, - почесал затылок Деряжный, - скучает он! А Зубков Коля где? – спросил он Иванова.

- Вы же Колю знаете. Установил пескоструи, дал пендюлей своему старшине, и – на охоту! Благо, у него тут приятель живет, такой же любитель пострелять и по тайге пошастать. Так что Колю только днем и то редко увидеть можно, а днем и у самого дел по горло: конструкции разгружать надо, за людьми следить, чтобы спирту где-нибудь не стрельнули и не нажрались. Да и девки местные обнаглели: днем прямо в расположение прутся, а то и на мост.

- Это хорошо, что девки не забывают! – подколол Сашку Вячеслав, но тут же понял, что ляпнул лишнее.

- А Владимир Иванович уже здесь? – спросил Иванова Лева, пытаюсь сгладить Славкину бестактность.

- Кто это? – не сразу понял Иванов.

- Ну, Карев, - пояснил Шварцер.

- Нет еще. Передали: завтра поездом приедет. Ну, поехали, что ли? А то торчим тут, как три тополя на Плющихе.

- Тогда уж, как четыре, - уточнил Женька.

- Да, хоть сколько! – отмахнулся Иванов и повернулся к машине. – Поехали быстрее, а то я уже задубел тут, вас дожидаясь.

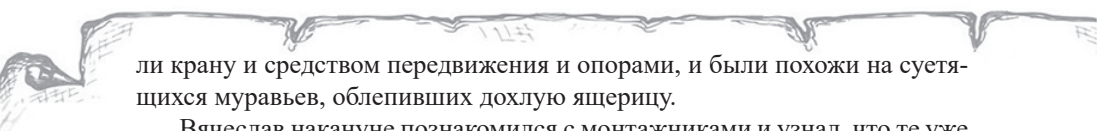
- Поехали, Санек, поехали! – Славка забросил рюкзак в кузов «зилка» и сам полез туда же.

Товарищи последовали за ним.

Глава 10

На станцию прибыл консольный мостовой кран для надвигки на опоры первого, берегового балочного пролета моста. Его загнали на запасной путь, так как работу по монтажу предполагали осуществить только завтра. Сам пролет, как убедился Решетников, был уже собран и лежал на рельсах временного подхода почти у самого берега. Он представлял собой сборку из четырех огромных, сварных двутавровых балок, связанных между собой многочисленными металлическими конструкциями связей.

Поверх пролета уже были прикручены болтами шпалы двух двенадцатиметровых рельсовых звеньев. Не было только пешеходного перехода и ограждений. Кран, похожий на огромную, длинную рыбину, с крюками величиной с кузов самосвала, должен был приподнять пролет на передней консоли, и, двигаясь по уже проложенным на насыпи рельсовым путям, надвинуть его, и положить на опорные части берегового устоя и быка. Пролет весил около восьмидесяти тонн, но и кран такой Вячеслав видел впервые. В институте на военке, конечно, рассказывали. Но одно дело – десять раз услышать, а другое – увидеть собственными глазами. Технари, обслуживающие кран, сновали по платформам, которые служи-

ли крану и средством передвижения и опорами, и были похожи на суetyщихся муравьев, облепивших дохлую ящерицу.

Вячеслав накануне познакомился с монтажниками и узнал, что те уже имели опыт сборки подобных конструкций. В частности, первый мост железной дороги Тюмень – Сургут через Туру собирало это же подразделение. Славка вспомнил это серебристое, летящее над серыми водами реки сооружение. С месяц назад его посылали в командировку в воинскую часть, которая была расположена прямо около моста, на левом берегу Туры. Нужно было получить и отгрузить стальные монтажные пробки, что он и сделал, сдав в багаж пять деревянных, сколоченных из горбыля ящиков, набитых железяками, похожими по форме на веретено. Как еще раньше пояснил ему Фоминых, пробки эти предназначались для сборки элементов ферм.

- На конструкции, например раскосе, или стойке, уже на заводе приварена косынка и просверлены отверстия под болты. Заметь, не простые болты, а высокопрочные, из легированной стали. Да к тому же с оцеменированной поверхностью. А на другой конструкции, на нижнем или верхнем поясе фермы, приварена подобная косынка, к которой и должен крепится этот самый раскос. Но вот дырки, которые просверлены во второй косынке на миллиметр, полтора смещены по отношению к отверстиям первой. Когда идет монтаж, косынки прихватывают на пару болтов в тех отверстиях, которые совпадают, а в остальные забивают монтажные пробки. Поскольку они конусные, металл косынок растягиваются, а отверстия – совмещаются. Понял?

- Понять-то, примерно понял! Но не совсем. Растянуть двадцатимиллиметровый металл, забивая какие-то пробки кувалдой?! С трудом могу себе представить.

- А зря! Сам увидишь: ни одна пробка не согнется. Металл в них – о-го-го! Да и материал косынок не хуже. Вроде, должны остаться вмятины или дырки станут эллипсовидными, ан нет! Проверено. Ну, а дальше выбивают по одной пробке и вместо них вставляют болты. Потом динамометрическими ключами затягивают до положенных нагрузок и все. Ничего особенно сложного. Единственное: поверхность косынок должна быть очищена от ржавчины и грязи до матового блеска, и нагрузки на болтах выдержаны согласно проекту.

Теоретически все было понятно, оставалось все это увидеть и пощупать на практике. Монтаж пролета назначили на вторник. А сегодня Славка слевой ползали по подготовленным к монтажу конструкциям балочного пролета, и сержант-монтажник с двумя бойцами показывал динамометрическим ключом нагрузки на головках болтов, указанных лейтенантами. Капитан, командир монтажного подразделения, даже не удосужился прийти на сдачу узлов, а прислал вместо себя молоденького лейтенанта.

- Митрофанов! – коротко представился тот.

Он передал Славке акт для подписи, а сам утопал в балок пить чай. Нахалы, подумал Вячеслав, но все соединения были выполнены четко, и ему ничего не оставалось, как только подписать акт приемки и передать его сержанту.

- Хорошо работают парни, ничего не скажешь! – похвалил он бойцов монтажной бригады. – Вот только начальство какое-то странное. Не хотят с нами дружить, что ли?

- Опыт! – многозначительно поднял палец Лева. – А опыт – его ни пропить, ни потерять! А насчет дружбы – насильно мил не будешь! Пошли в расположение...

Утром кран перегнали со станции на подход к мосту и установили консоль так, чтобы главный грузовой крюк оказался посередине пролетного строения. После этого на крюк грузоподъемностью сто тонн подвесили автокраном траверсу метров двенадцати длиной и уже ее стропами зачалили пролет. К удивлению Вячеслава, был приведен в действие и второй, дополнительный крюк. Пролет застропили и во второй точке. Только тут Решетникову стало понятно назначение дополнительного крюка грузоподъемностью втрое меньше основного: он поддерживал балку строго по оси консоли, а, стало быть, и пути. Попробуйте удержать восьмидесятитонную, да еще и тридцатидвухметровую махину обычными веревочными чалками. А если еще и ветерок налетит?

- Сейчас поднимать начнут, - сообщил Женя, подбежавший со стороны путей к Вячеславу и Лева, стоящим около береговой опоры.

Было видно, как капитан монтажников отогнал всех от крана, и, взяв в обе руки флажки, отошел в сторону сам и подал сигнал крановщику. Заревели дизели стоящей на платформе электростанции, загудели с воим электродвигатели крана так, что было слышно и за эти сто метров, что отделяли офицеров от места подъема до места монтажа, около которого они и находились. Троса со скрипом натянулись, и пролет медленно пополз вверх. Подняли его не больше чем на полметра от головок рельс. Потом монтажники вновь облепили конструкцию, видимо, проверили подвеску пролета, и привязали-таки длинные веревочные чалки по две с каждой стороны пути. Капитан сделал знак флажками машинисту, и кран медленно и осторожно пополз по рельсам к береговой опоре. Дальше пролет поплыл над опорой и пойменным берегом в сторону реки, пока консоль, на которой он был подвешен, не вынесла его строго между береговой и первой русловой опорой. Бойцы проверили совпадение опорных частей пролета и закладных деталей на бетонных подушках, и кран так же, не торопясь, поставил железяку на предназначенное для нее место. Вся операция, включая перегон крана со станции, к великому удивлению Вячеслава заняла не более двух часов.

- Красиво! – шумно выдохнул Деряга.

- Да-а! – только и смог произнести потрясенный увиденным действием Вячеслав.

- Вот это мощь! – подвел итог восхищенный Лева. – Восемьдесят тонн, как пушинку поставил, даже не брякнуло.

Монтажники, не торопясь, собрали на платформу крана оснастку, погрузили стропы, и стоящий чуть поодаль маневровый тепловоз, зацепив кран, оттащил его на станцию. К закурившим офицерам подошли капитан и лейтенант, руководившие монтажом.

- Ну, знакомиться будем? – протянул Вячеславу руку, видимо, приняв его за старшего, капитан. – Игорь. А это Митрофанов Слава, помощник мой, - он кивнул в сторону того самого лейтенантика, что накануне принес акт.

- О, да он тезка твой, Вячеслав! А я – Евгений, - пожал по очереди руки и капитану, и лейтенанту Деряжный. – Лева! – представил он Шварцера, и тот широко улыбнулся новым знакомым.

- Ну, что, мужики, пойдем, отметим это событие по маленькой. Как вы, не возражаете? А банкет уже вечером сообразим, как-никак почти праздник первой борозды! Или первого пролета! - предложил Женя, и вся компания, оживленно переговариваясь и делясь впечатлениями, двинулась в сторону штабного вагона, где у Деряги была спрятана в каптерке заначка в виде пары банок тушенки и литровой банки спирта.

Ближе к обеду на мосту появился капитан Карев, сопровождаемый Николаем Зубковым. Они уже осмотрели хозяйство старшего лейтенанта: пескоструйные агрегаты, передвижную мастерскую и прочую механическую лабуду. А после этого нарисовались в прорабке.

- Здорово, орлы! Ну, как вы тут!

- Нормально, Владимир Иванович, - радостно ответил капитану изрядно захмелевший от спирта Лева. – С приездом вас!

- Здравствуйте, товарищ капитан! – приподнялся с табуретки Вячеслав. – Привет, Николай! – кивнул он Зубкову.

- Спасибо, - поблагодарил Славку капитан. - Вижу, Лев Борисович, что все нормально! Только чего это вы пить-то с утра надумали? – Карев выглянул в окошко вагончика. – Ба! – поразился капитан. - Уже балочный пролет смонтировали! Когда успели-то? А это что за товарищи? – заметил он присутствие в прорабке двух незнакомых офицеров.

- Знакомьтесь, Владимир Иванович! – представил монтажников Вячеслав. – Капитан Васильев и лейтенант Митрофанов, тезка мой, кстати! Они сегодня герои. За пару часов все состряпали! Смотрите, пролет-то, как вкопанный, стоит!

Карев снова выглянул в окошко, удовлетворенно хмыкнул и присел к столу:

- Комбату, Слава, доложили?

- Нет, не успели еще.

- Тогда сам доложу. Ну, раз такой праздник, плесни что ли и мне, Деряжный, пару капель. Присаживайся, Николай Васильевич! – пригласил он Зубкова. – Составь компанию.

- С превеликим удовольствием, товарищ капитан!

- Садись, Николай! – поднялся Лева. – Я на улицу выйду, мужики, а то меня что-то совсем развезло.

- Ну, ребята, с почином вас! – поднял стакан Карев, чокаясь с каждым из присутствующих. – Пусть все получится так и дальше!

Он залпом выпил неразведенный спирт, запил водой из банки, сунул в рот кусок тушенки, протянутый Женькой и, прожевав закуску, поднялся:

- Ладно, мне пора! Норму только держите! А то нехорошо как-то перед подчиненными шататься.

- Я за ними послезу, - пробасил Коля Зубков, - можете не волноваться, Владимир Иванович.

- И людей не растеряйте и не поморозьте, самое главное. Завтра полшубки Шишкин обещал привезти и валенки, переоденем бойцов. Ну, до вечера! – попрощался капитан и вышел из вагончика.

- Полетел комбату докладывать! – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Зубков. – Ну, давайте еще по одной, раз такое дело! За почин, и закончим.

- Ты где на Карева-то наткнулся? – спросил Вячеслав Николая.

- Да перед обедом в расположение пришел, а он там с Ивановым по территории бродит. Меня увидел: поехали, мол, на мост, смотреть, как дела обстоят. А я только что с охоты нарисовался.

- И как успехи? – поинтересовался командир монтажников.

- Не шибко. Пару рябчиков добыли да пару глухарей. Правда, еще лису видели, но ушла, зараза. Ладно, мужики, давайте закругляться, сейчас обед привезут. Пойду, посмотрю, что там мои архаровцы делают.

Зубков поднялся и вышел из вагончика. Следом засобирались монтажники.

- До вечера, господа строители! - попрощался капитан. – Может, кого нужно до поселка подбросить?

- Спасибо! Мы здесь обедаем. А если что, своей тачкой доберемся, - поблагодарил капитана Деряжный.

- Ну, тогда бывайте!

- Неплохие ребята на поверку оказались! – высказался о новых знакомых Женька. – Не заносчивые.

Карева подгонял комбат, а он подгонял подчиненных. Почти неделю Иванов с Женькой, собрав из всех взводов людей, имеющих хоть какое-то понятие о плотницких работах и умеющих держать в руках молоток

и пилу, возводили леса под первый блок фермы, который и предстояло заанкерить к балочному переходу. Монтажники уже на выстроенных плотниками лесах за неделю закончили все, даже мелкие работы на береговом пролете, включая ограждение пешеходных мостиков. Собрали и первую смотровую корзину. Предназначались эти самые корзины для осмотра опорных шарниров и ползунов пролетных строений и располагались по проекту на каждой русловой опоре. Зубков за неделю до этого обкатал и запустил в работу пескоструйные агрегаты. К месту, где они были установлены, подвозили на тележках по рельсам конструкцию, разворачивали ее той стороной косынки, которую нужно было чистить, к соплу, и начинали. Струя мелкого, просеянного и прожаренного песка из сопла, разгоняемая воздухом компрессоров, с громадной скоростью била в металл. Ржавая поверхность пластины начинала очищаться, становилась все светлее и светлее. Вскоре на всей прилегающей территории снег практически исчез под слоем не то пепла, не то мелкого шлака. Аппараты то и дело заедало. С почерневшим от копоти костров лицом, на огне которых тут же рядом, в огромных металлических противнях сушились новые порции песка, перемешивая валенками остатки снега вместе с отработанной грязью, носился от одного агрегата к другому Зубков.

– Почему подшипники сразу не прошприцевали? Что значит, я не приказывал? - орал он на старшину. - Своих мозгов, что ли нет? Лично проследить нужно было! Не фиг на этих оглоедов надеяться! Получите вы у меня премию: от дохлого осла уши! Тащи ключи! Да пошевеливайся, что ползаешь, как беременная муха по стеклу! Холодно? А на кой черт вам полушубки выданы?

Агрегат, наконец, запускали вновь, и когда заканчивали очистку детали, поверхность ее становилась бархатно - матовой. Смысл такой тщательной обработки состоял в том, чтобы после сбалчивания косынок при сборке в пролет, между их плоскостями не оставалось никакого зазора. Вследствие достигнутой таким образом плотности стыка происходила холодная диффузия металла, и косынки становились единым целым без всякой сварки. Кстати, как и обещал Карев, полушубки и валенки для личного состава Шишкин действительно доставил уже на следующий день после приезда заместителя. Правда, бойцы берегли их, стараясь, лишний раз не надевать, чтобы было в чем покрасоваться перед местными барышнями в увольнительных. На работе полушубки моментом превращались в серые, грязные кожухи, а так белели первозданным цветом. А морозы между тем крепчали.

К середине ноября на лесах, возведенных людьми Иванова и Деряги, монтажники собрали первый блок фермы. Металлическими тяжами из швеллера его верхний пояс закрепили к закладным деталям, специально для этого вбетоненными при заливке в береговую опору. На верхний пояс

блока уложили звено узкоколейки, по которой должен был передвигаться деррик-кран.

Двадцатого ноября в Першино нагрянул Гук собственной персоной. Приехал он со Стешенковым. И если Гука, прежде всего, интересовал мост, где он сразу и нарисовался с Каревым, то начальника штаба – несение караульной службы, дежурства по части и прочая подобная белиберда, на которую здесь, на трассе, никто особенно и не обращал серьезного внимания.

- Ну, как дела, Решетников? – ввалился в вагончик вместе с заместителем комбат, после того, как они с Дерягой обошли стройку. – Сидишь, баклуши бьешь?

- Здравия желаю, товарищ майор! – приподнялся со стула Славка. – Так точно, баклуши бью! С приездом вас, Александр Александрович!

- А ты чего веселый такой? Все хорошо, что ли?

- А то, товарищ майор! – бодро ответил комбату Вячеслав.

- Ну, ну! Давай, хоть чаем напои командиров.

- Вам с сахаром, товарищ майор? – спросил Гука Женька, доставая из тумбочки кружки.

- А чего его пустой-то пить? – вопросом на вопрос ответил комбат, снимая шинель.

...Неотложных дел у Славки и вправду не было. Монтаж фермы шел точно по графику. Документацию по сборке пролетов вели монтажники, акты на подготовку крепежных узлов подписывали либо Зубков, либо Деряжный, а он лишь изредка подменял кого-нибудь из товарищей, если тем надо было куда-либо отлучиться. Втихую гоняли даже в Советский. Вечерним поездом, после того, когда никто из руководства уже не стал бы искать, уезжали в райцентр, а рано утром, часов около восьми, прибывали обратно.

По обводному, на деревянных опорах, мосту состав шел со скоростью пешехода, поэтому, особо хитрые просто выходили из вагона прямо на ходу и сразу оказывались на объекте. Проводницы ругались нещадно, но ничего не могли поделать с такой практикой. И когда начальство пыталось разобраться, где подчиненный, ответ был одним и тем же: на мосту! А, может, и ночевал здесь, лень было в часть возвращаться! Не пойман – не вор! Да и работа шла круглосуточно, несложно затеряться, даже перепутать смену. Пару раз за это время в Советский съездил Иванов, к которому все-таки вернулась простившая блудного мужа жена, разок в самоволку сгонял Деряга, соскучившийся по семье, а Зубкова, как заслуженного ветерана, и так отпускали почти на каждые выходные. Карев, конечно, обо всех этих отлучках догадывался, не дурак, но спускал все на тормозах. Пашут ребята, дела идут неплохо, чего еще надо. Жены месяцами мужиков не видят, того гляди загуляют, что уже и случилось неоднократно. А кому в части эти скандалы и разборки нужны? Никому.

Славке, правда, за все полтора месяца, что он пробыл здесь, так и не удалось ни разу вырваться на базу. Но почти ежедневно он звонил по вечерам Людмиле и рассказывал ей о своем житье-бытье, упуская, конечно, сомнительные, с женской точки зрения, моменты...

- Сидишь в вагончике, значит, мух считаешь? – комбат повесил шинель на один из гвоздей, вбитых в стенку, приглашая Карева последовать его примеру. – Могли бы у зеков и вешалку заказать.

- Какие мухи, товарищ майор? Зима на дворе, - улыбнулся Вячеслав. – А вешалку закажем, как-то не догадались.

- А ты не ухмыляйся, не ухмыляйся! Вижу, что работой не измучен. Докладывай обстановку.

- Решетников исполняет все, что положено, командир, - вступился за Вячеслава Карев.

- А ты чего его защищаешь, Владимир Иванович? – буркнул комбат, но и по голосу, и по лицу было видно, что он доволен увиденным на объекте. – Ну, чай-то наливать будешь?

- Момент, товарищ майор! – Славка мигом сгонял за кипятком в солдатский балок и заварил начальству чай покрепче. – Сахар вот только кончился, – виновато пояснил он. – Но есть, правда, варенье, даже два вида: абрикосовое и из айвы. Акопян ребят угостил.

- Давай варенье, попробуем. А это что у тебя? – заинтересовался раскрашенной диаграммой, висящей на стене, майор.

- График монтажа ферм.

- Интересно, интересно, - приподнялся со стула Гук. – Сам придумал?

- Так точно.

- И как идет монтаж?

- А вы сами посмотрите, товарищ майор. Там красным цветом возле каждого узла проставлено фактическое число окончания сборки, а черным -плановое.

- Вижу, вижу. На два дня вперед идете. Молодец, интересно придумал! – взялся за кружку с чаем майор. – Надо будет Кривякину показать, - повернулся он к Кареву.

Комбат с заместителем допили чай и поднялись, надевая шинели.

- Он тебе здорово здесь нужен? – спросил заместителя Гук, кивнув в сторону лейтенанта. – А то у Фоминых жена заболела, пришлось отпустить на две недели, чтобы к матери отвез.

- Да не очень, ответил Карев. – Дела, вроде, идут без срывов, и, дай бог, чтобы и дальше так шли. Если нужен в батальоне, пусть едет.

- Ну, вот и хорошо! Тогда подчищайте бумажные дела, и пусть дует на Пельм.

У Славки от этих слов просто отвисла челюсть. Он - то думал, что его в Советский отправляют, а тут – Пельм! Из огня – да в полымя! Вячеслав

попытался что-то объяснить комбату, дескать, полтора месяца уже в Советском не был, но тот только отмахнулся и не стал слушать ошарашенного лейтенанта:

- Сказано - на Пелым и баста! Нечего мне тут демагогию разводить и сопли распускать. У тебя жены нет?

- Нет.

- Вот и не гундось! Я еще мужиков понимаю – семья, дело святое! А тебе-то какая разница, где служить! Баб что ли в поселках не хватает? Или тоже жениться надумал? – получив от Славки отрицательный ответ, комбат похлопал его по плечу и вышел из прорабки, оставив лейтенанта наедине со своими невеселыми мыслями...

Но в Пелым Вячеслав прибыл только после Нового года. В батальон внезапно нагрянула с проверкой какая-то очередная комиссия из корпуса. И он срочно понадобился руководству в Советском, так как в techасти никого из офицеров, в силу сложившихся обстоятельств, не оказалось. Решетников был несказанно обрадован этой неожиданно возникшей проверке, потому что появлялась возможность новогодний праздник отметить с любимой девушкой, а не в двухэтажной развалюхе на станции Пелым, которую приспособили под офицерское общежитие.

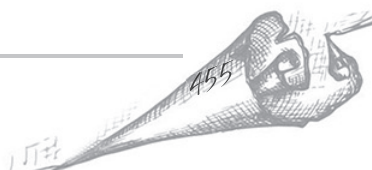
Их встреча на этот раз разительно отличалась от тех, к которым он уже привык за год знакомства с девушкой. Было сразу видно, что она соскучилась и не собиралась этого ни от кого скрывать. Радость так и струилась из ее глаз, а на губах то и дело вспыхивала счастливая улыбка. Он и сам, вроде, слегка очумел в первые мгновения свидания, как только увидел Людмилу, и долгое время боялся отпустить ее теплую ладонь, которая доверчиво угнездилась в его огрубевших от мороза и ветра пальцах. Они долго бродили по поселку, вечерние улицы которого были полны спешащими и озабоченными прохожими. Еще бы: Новый год на носу. Кто тащил на плече елку, кто сгибался под грузом авосек, набитых нехитрой снедью, купленной в ближайших магазинах, а кое-кто уже был готов и песни петь. Русский человек всегда рад празднику.

Основательно замерзнув, они два моментально промелькнувших, восхитительных часа провели у Людмилы дома, целуясь у окна и погасив в комнате свет, благо родители ее с младшим братом улетели на праздник к друзьям в Ханты-Мансийск, а старший брат на радостях от полученной свободы до полуночи гонял где-то по поселку. Она, уже не стесняясь, доверчиво прижималась к Вячеславу всем своим гибким телом, а он млея оттого, что у него под рукой трепетало сердце самого дорогого и любимого им человека.

- Ты меня любишь?

- Да. А ты?

- А я тебя очень сильно.

Они не вдумывались в смысл заданных друг другу вопросов и полученных ответов, а просто говорили обо всем подряд, испытывая наслаждение, что после долгой разлуки могут общаться, прикасаться друг к другу, не опасаясь быть не понятыми...

Бал в Доме культуры был в самом разгаре. Гремящий барабанами и тарелками ударник Женя, заметив их, приветливо кивнул, как старым, добрым знакомым. Галина, как и положено, висла у окна в дальнем углу зала на Гомянине, а Валентина вальсировала с каким-то незнакомым пареньком. Людмила потянула Славку в гущу танцующих, и уже через мгновение, прижавшись к любимой, ощущая ее легкое волнение и вдыхая чудный запах девичьих волос, он забыл обо всех и вся.

Они, то кружились под музыку по залу, то стояли и разговаривали с приятелями на любимом месте у окна, то участвовали в каких-то дурацких конкурсах, придуманных организаторами бала. Но, расставаясь с Людмилой даже на секунду, Вячеслав каждой клеткой своего тела ощущал ее незримое присутствие, и отдавался всецело тому необъяснимому, почти мистическому состоянию души, охватившему его, когда мысли и чувства партнера понятны, осязаемы и до боли дороги даже на расстоянии.

- Познакомься, Слава, это – Валера, а это – Анна! – представила его Людмила своим старым знакомым после одного из танцев.

- В ноль тридцать два сорок шесть служишь? – спросил Вячеслава высокий, чрезмерно, правда, худощавый муж Людмилиной приятельницы, и, получив положительный ответ, широко улыбнулся. – Я тоже в ней, родимой, два года баграчил, у майора Пашкова продслужбой командовал, а завскладом – старшина Нигматулин.

Глядя на худобу нового знакомого трудно было поверить, что он служил, командуя продовольственными складами и столовой. Все, кого знал Славка на этих должностях, имели вполне солидный, более того, чересчур упитанный вид.

- А Пашков от нас ушел, - сообщил он Валерию. – Сейчас Шишкин командует.

- Я знаю. Нигматулина тут наемни встретил, он мне все новости преподнес. А ты, значит, с Людмилой дружишь? – вполголоса, так, чтобы не слышали девчата, спросил, а скорее сам себе ответил на вопрос Валерий. – А при мне за ней Пангаев ухлестывал. Правда, без толку.

Валерий Славке понравился: простой, веселый парень, к тому же тоже бывший офицер. Работать, как выяснилось, он устроился мастером в ту же контору, СМП, где прорабил Ягодкин.

- Передавай привет начальнику своему! – пожал Славка на прощание руку своему новому приятелю.

- А вы к нам с Людмилой в следующие выходные в гости приходите. Мы сейчас, правда, у тещи живем, но дом у нее приличный, места хватает.

- Ладно, посмотрим. А за приглашение спасибо.

Когда они с Людмилой наконец-то вернулись к Гомянину с подружками, та в очередном танце спросила его, как ему понравились ее подруга с мужем.

- А она что, татарка? – спросил Людмилу Славка, намекая на внешность Анны. – А муж ее – ничего парень, компанейский! Только худой больно.

- С чего ты взял, что она татарка? – удивилась Людмила.

- Да разрез глаз татарский и скулы азиатские.

- Слушай, а я и не замечала как-то. Русская она, конечно.

- Удивляться тут, конечно нечему, – глубокомысленно изрёк Славка, – во мне вон сразу четыре нации смешались.

- Это, какие же?

- Одна бабушка – русская, другая – бурятка, один дедушка – поляк чистокровный, а другой – хохол, сосланный в Забайкалье. Не сам дедушка, конечно, а предки, еще при Екатерине. Вот такая петрушка получается. А я в итоге – русский, хотя и родился в Кривом Рогу, когда отец там службу проходил. Да и у тебя, кстати, тоже в глазах что-то африканское, погляди в зеркало повнимательнее.

- Да ну тебя! – шутливо хлопнула его ладонью по лбу девушка.

Ближе к полуночи, когда бал закончился, они всей компанией вывалились из душевного клуба на улицу. Первой пошли провожать Валентину, так как она почему-то отказалась от предложения проводить ее домой того самого, незнакомого Вячеславу паренька, который приглашал ее танцевать почти весь вечер. Да и Витя Матвеев, по которому девушка тайно вздыхала, и который обычно брал эту обязанность на себя, сегодня был захвачен в плен решительной Фаиной из райкома. Когда Валентина скрылась за калиткой своего дома, Юрий с Галиной пошли в свою сторону, а Вячеслав и Людмила – в свою. Ночь была на удивление тихой, такой, что было слышно, как где-то в поднебесье, на огромной высоте гудят реактивные двигатели самолетов, летящих с востока на запад. Не было слышно даже обычных гудков маневровых локомотивов на станции.

Мысль пригласить Людмилу к себе в гости созрела у Вячеслава внезапно. Ему очень хотелось показать ее портрет, нарисованный им во время дежурства по части. Рисовал он его с подаренной еще осенью фотографии.

- Люда. Пойдем, зайдем ко мне, минут на пять заскочим. Я тебе портрет твой покажу.

- Какой такой еще портрет?

- Обыкновенный, на ватмане. Нам ведь все равно по дороге.

- Ну, уж нет! – неожиданно для Славки, который и сам немного испугался собственного смелого предложения, резко ответила Людмила.

Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Приглашаешь девушку в мужское общежитие!

- Не в женском же мне жить! – попытался отшутиться Вячеслав, уловив нотки неподдельного возмущения в ее голосе. – А потом, там сейчас практически никого нет: все по трассам. Лева один, да и тот спит уже, наверное. Пойдем, - начал он уговаривать Людмилу, - погреемся маленько.

- Я же сказала – нет! – вновь возразила она, но в голосе девушки уже не было прошлой твердости.

- Ну что тут такого? Зайдем на пять минут, согреемся, и я тебя домой провожу. Боговича, чтобы он тебя не видел, я в котельную загоню. Ну, не упрямясь!

Девушка с минуту не отвечала, а потом к его радости согласилась, видимо, любопытство взяло верх над опасениями:

- Только, если, на пять минут!

Когда они подошли к знакомому крыльцу, Вячеслав, открыв входную дверь, заглянул в пустой коридор общаги. Он-то знал, что в это время там никого нет. Матвеев с Юркой еще не вернулись, а Богович дрыхнет, как обычно, в своей котельной. Его и днем-то порой не дозовешься. Людмила обняла Славку за шею и шепнула:

- Пошли.

В комнате у Вячеслава был полный порядок. Уходя на танцы, он приказал Боговичу прибраться, подсознательно планируя этот визит:

- Найду где пыль – прибью! – пообещал он вестовому. – И белье постельное смени.

- Сделаем, - ухмыльнулся в ответ понятливый Богович, несколько не испугавшись.

Славка помог девушке снять пальто и выскочил на кухню поставить на плитку чайник. Когда он вернулся, Людмила все еще сидела на табурете в той же позе, в которой он ее оставил. Во всей ее хрупкой фигурке чувствовалось внутреннее напряжение.

- Ну, и где портрет?

- Так вот он, - Вячеслав указал на стену за спиной девушки, где над кроватью вместо ковра висело прибитое гвоздями байковое одеяло, а на нем канцелярскими кнопками был пришпилен портрет Людмилы.

Она начала с интересом разглядывать Славкино творение. Он вновь сбегал на кухню, принес чайник и заварил чай.

- Нравится? – спросил лейтенант Людмилу, все еще рассматривающую рисунок. – Жалко, угля нет настоящего, а карандаш – уже не то!

Людмила, не отвечая, вновь присела на табурет, и он пододвинул ей наполненный стакан:

- Извини, к чаю ничего нет! Бери сахар.

- А я и не знала, что ты так хорошо рисуешь, - внезапно улыбнулась

девушка, и Вячеславу показалось, что в комнате стало как-то светлее от этой искренней улыбки, а напряжение, висевшее в воздухе, растворилось без следа. – Портрет-то подаришь? – лукаво спросила она.

- Конечно, какой разговор! Я себе новый нарисую, если ты мне еще какую-нибудь свою фотографию дашь. Как тебе моя келья?

Девушка окинула комнату внимательным взглядом и вновь улыбнулась:

- Ничего, жить можно. Мрачновато только.

- Почему мрачновато? – удивился Вячеслав, привыкший к своему жилищу.

- Все серое, а потому – унылое! - указала девушка на одеяло, висящее на стене, - занавески серые, - она перевела взгляд на окно. – Нет ничего яркого, разве ты не замечаешь?

Вячеслав огляделся и понял, что девчонка совершенно права. Ярким и светлым пятном в этой маленькой комнатухе была только она сама в своем нарядном платье. Славка почесал затылок, отхлебнул чаю и пообещал, что в следующий раз такого безобразия не будет:

- Постараюсь что-нибудь сообразить насчет занавесок.

Он присел на кровать и потянул возлюбленную. Некоторое время она сопротивлялась, но быстро сдалась. Он обнял ее, а она спокойно повернула к нему порозовевшее лицо и доверчиво подставила для поцелуя теплые губы. Славка прижал девушку к себе, повалил ее на подушку, и крепко поцеловал, заглушив своими губами, уже готовый сорваться с ее уст возглас протеста. Внезапно сопротивление Людмилы ослабло, она обняла его за шею, и притянула к себе, тяжело дыша. Кровь ударила Славке в голову. Почти задыхаясь от нетерпения, он начал расстегивать пуговички на платье девушки, осыпая беспорядочными поцелуями ее шею, глаза и белую, пахнущую чем-то пряным и волнующим бархатную кожу плеча. Дрожь охватила тело девушки. Что было силы, она прижала голову Вячеслава к своей груди, пытаясь защититься от его поцелуев, а он, окончательно теряя голову, скользнул рукой вниз.

- Не надо, Слава! – горячим шепотом скорее выдохнула, чем произнесла Людмила.

Бедро девушки под его ладонью напряглось, и внезапно он почувствовал, что она отталкивает его, стараясь освободиться.

- Прекрати! – прозвучавший неожиданно громко и твердо голос Людмилы мгновенно отрезвил Вячеслава.

Девушка, изогнувшись всем телом, выскользнула из-под него и, присев на табурет, начала быстро застегивать платье. Славка медленно приходил в себя, пытаясь разобраться, что же он сделал не так.

- Ты, что, обиделась?

Славка понял, что сглупил, но тут она повернулась, лукаво взглянула на него, кокетливо поведя плечом, и улыбнулась. От этой улыбки у Славки отлегло от сердца.

- Собирайся, мне пора! Ну, давай, давай! – подтолкнула она Славку, видя, что тот колеблется. – Хорошего помаленьку!

Славка остыл, подчинился и оделся. Вместе с девушкой они вышли из общежития в хрустящую подмерзшим после оттепели снегом ночь и тут столкнулись с Юркой Гомяниным.

- Ба, знакомые все лица! Посетили наши пенаты, Людочка?

- Посетили, - ответил вместо девушки Вячеслав. – А ты откуда такой взьерошенный?

- Володю Кудряшова с Галкой случайно встретили, ну и зашли на огонек.

- Что-то долгим огонек оказался.

- А куда торопиться? Посидели культурно, поговорили.

- Галину-то проводил? – спросила Людмила Юрку, поправляя на Вячеславе шарф.

- Не, она у Натальи осталась ночевать.

- Ну, ладно, бывай, Юрок! Поздно уже беседы вести, – Славка подхватил подругу под руку и почти силой потащил ее за собой.

После всего, что случилось с ними за последние два часа, продолжать ничемные разговоры даже с лучшим другом не хотелось.

- Счастливо! – донеслось вслед.

Почти всю дорогу до ее дома они прошли, думая каждый о своем. Людмила быстро выпроводила пытавшегося остаться у нее еще на какое-то время Вячеслава, сославшись на то, что завтра рабочий день. Уже на подходе к общежитию Славку обложила свора собак, у которых начались в это время свадьбы. Чем-то он кобелям не понравился, и они, бросив на время предмет своего соперничества, маленькую, рыжую сучку, напустились на лейтенанта. То ли почували в нем такого же кобеля, то ли еще чего. Рычащая стая прижала его к забору, из которого он, пошарив за спиной рукой, махом выдрал доску для защиты от собачьих зубов. Но доска помогала плохо, а лающие и брызгающие слюной псы подступали. «Плохо дело! - подумал Славка, отмахиваясь бесполезным предметом. – Надо что-то предпринимать». И неожиданно для самого себя он вдруг встал на четвереньки и заревел, что было сил, протяжно, с надрывом. Как тигр, что однажды пугнул их с пацанами, когда они еще школьниками собирали кедровые шишки на Хихцире под Хабаровском. Тогда со страха они чуть не обкакались. Побросав вещи, всей гурьбой понеслись через бурелом прочь и, не заметив, перемахнули пятиметровый ручей, протекавший поперек их пути, практически не замочив ног. Тигр просто почувал дым костра и выразил зевком недовольство, что на его территорию забрались какие-то чужаки, но Славка до сих пор помнил, как у него тогда зашевелились на затылке волосы.

Псы просто остолбенели от такой неожиданной выходки противни-

ка и сначала попятнулись, а потом, видимо, решив, что лучше отступить, припустили вслед за удалившейся уже на приличное расстояние сучкой.

- Тыфу ты, чуть не разорвали! - Вячеслав поднялся с колен, отряхнул снег и, успокоив дыхание, двинулся дальше. На перекрестке возле общежития он встретил возвращавшегося с гулянки Матвеева.

- Ты слышал? – спросил тот.

- Что? – не понял Вячеслав.

- Да, ревел кто-то недалече! Аж мороз по коже пробрал!

Славка нервно захохотал: выходило наружу пережитое волнение и испуг. Он, не жалея красок, рассказал Виктору, как сражался на соседней улице с дворовыми псами.

- Чуть, заразы, не порвали! – закончил он.

Виктор, представив нарисованную Славкой картину, тоже ухмыльнулся, хотя радоваться-то было особенно нечему.

- Ладно, раз все благополучно закончилось. А я уж думал, что мишка или еще какая зверюга в поселок пожаловали. Пошли спать, - он подтолкнул Вячеслава в спину по направлению к дверям, - поздно уже, почти три. Кому расскажешь – не поверят!

Глава 11

Дела на Пелыме шли неважно. Дизель-молоты то и дело выходили из строя, срывая план забивки шпунта и свай. Комбат костерил почему зря Ворошнина, а заодно и Понюшенко, отправленного на объект ответственным от командования. Попадался под руку и Зубков:

- Баламуты, механики дрюченые! Когда, наконец, порядок наведете? Бестолковками вашими, что ли, сваи заколачивать?

Николай пытался огрызаться, но крыть было нечем: аварии случались почти каждый день. Для усиления работ и организации круглосуточной забивки с Першино сняли Дерягу, направив его в распоряжение главного, а из Советского – Гомянина. На Лозье остались только Иванов и Карев.

- Ничего, справятся с двумя взводами! – заявил Гук.

Коля Зубков мотался, как челнок, между двумя станциями, пытаясь обеспечить исправную работу вверенных ему механизмов, матеря в свою очередь комбата и все остальное начальство, не обеспечившее его нормальной подменой и запчастями. К несчастью, в январе опять похолодало до сорока, и все это, вместе взятое, делало эфемерным и призрачным получение ежемесячной премии за выполнение плана. После очередного разбора полетов у комбата Вячеслав тоже отбыл на Пелым.

Общежитие для офицеров было устроено в заброшенном восьмиквартирном доме прямо у станции. Вставили новые рамы, отремонтировали печи, кое-как побелили стены, покрасили полы и – готово. А чего особенно стараться, если через год придется все это хозяйство снова бросить.

Для солдат, на другой стороне путей, прямо напротив вокзала, разбили палаточный городок. Двадцатиместные палатки утеплили завалинками, настелили дощатые полы, сварили из труб длинные металлические печи. Даже некоторое подобие плаца для общих построений соорудили, приспособив для этого пустырь, где местные мальчишки летом гоняли в футбол.

В доме было холодно, изо всех щелей дуло. И сколько ни кочегарили потрескавшиеся печи истопники, толку было мало. В палатках наоборот было тепло, а временами даже жарко. И если бойцы, спавшие на нижних ярусах установленных в два этажа кроватей, чувствовали легкую такую прохладу, которую можно было и потерпеть, укрывшись потеплее, то на верхних этажах была Африка. Спать там можно было только в трусах и не иначе. Но все равно это было конечно лучше, чем чувствовать каждую ночь, как по комнате гуляет пахнущий морозцем ветерок, а окна превращаются в сплошные куски льда, покрытые пушистым инеем. Ворошнин, например, возвратившись со смены, вовсе перестал снимать и гимнастерку, и бриджи, а потом, глядя на него, это стали делать и другие.

- А зачем? – спрашивал Сашка. – Во-первых, так теплее, во-вторых, утром из-под одеяла выползть приятнее, в-третьих – всегда готов к труду и обороне! Как юный пионер.

- Скоро завшивеем тут, - ворчал акуратист Гомянин.

- А по мне так лучше завшиветь, чем промерзнуть до костей по ночам! – легкомысленно возражал Ворошнин, залезая под одеяла с наброшенным поверх них полушубком.

Славка раздобыл через местного заместителя директора леспромхоза по снабжению, с которым познакомился, выписывая доску для нужд стройки, ватное одеяло, ставшее предметом зависти всех обитателей дома. Укладываясь спать, можно было все-таки снять пропахшую соляром одежду, и, подоткнув под себя края одеяла, почувствовать некоторый уют. И выспаться, как положено, не дрожа от холода. Офицеры материли за неповоротливость нового зама по тылу Витю Шишкина:

- Нажрал живот, а снабдить контингент спальными мешками, ну, на худой конец, такими же одеялами, как у Решетникова, тяму нет! – возмущался Гомянин.

- Одеяла-то одеялами, мужики, но только одним этим вопроса не решить, - высказался Славка, залезая в кровать и поправляя в ногах полушубок. – Надо утеплять жилище, вся зима еще впереди.

- Это точно, - поддержал приятеля Гомянин. – Давай-ка, Вячеслав, напруги все-таки Виталика, пусть порадеет за общество!

- Попробую.

Видимо, эти разговоры достигли, наконец, чьих-то начальственных ушей, и вожделенные стеганные одеяла прибыли из Советского. Славка

узнал позже от Коли Суровцева, что уши эти принадлежали начальнику штаба, майору Стешенкову. Тот вызвал Шишкина и, пообещав отправить старлея туда, где у того яйца будут звенеть, как ледяные колокольчики, добился немедленного результата. Витя подсуетился и тут же раздобыл не только одеяла. Из батальона прислали куба три ДСП, которым бойцы обили разошедшиеся брусчатые стены в комнатах. А когда их еще и оклеили обоями, дом сразу повеселел. Даже окна, проложенные и заткнутые ватой, почти оттаяли.

- Молодец Стешенков, хоть и зануда порядочная! – раздобылся на похвалу начальнику штаба Ворошнин, несмотря на то, что, как и все, не особенно жаловал майора. Ведь если подумать, кто-то же должен следить за дисциплиной и выполнением уставов. Иначе, что же это за армия?

На новом мосту все шло тем же порядком, что и на Лозьве, только русловых опор было три, а не четыре. Так же крошился от мороза металл шпунта, так же день и ночь горели костры, у которых согревались бойцы, и тархтели, чадя соляжкой, электростанции. Но, к счастью, шпунт ни на одной из опор подо льдом не скололо, и надевать водолазные костюмы не пришлось ни разу. Если бы еще нормально работали сваебойные агрегаты...

Как ни старался Зубков, а техника подводила. Наконец, видя, что дела никак не выправляются, в поселок прибыло высшее руководство батальона: сам комбат, а с ним замполит. Всех офицеров собрали на совещание.

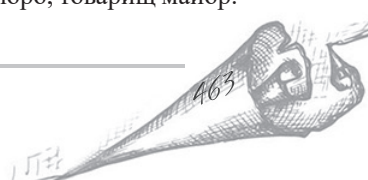
- Ну, что, господа офицеры, не можем работать! – с высоких нот начал Гук. – К концу февраля должны забить все сваи, а сегодня уже пятое число, и что мы в итоге имеем? Фиг с маслом! На первой Ворошнин кое-как закончил забивку, а на двух других только приступили. Доложите, товарищ главный инженер, что думаете делать?

Понюшенко поднялся и начал докладывать:

- Неисправны четыре молота, товарищ майор, и Зубков говорит, - он кивнул на Николая, - что они пришли в полную негодность. Если количество дизель-молотов не будет увеличено, с забивкой провалимся. Нужно брать с технооружения новые.

- Да? Ну и как вы это себе представляете? Вы же знаете, что снять агрегаты из резерва можно только по разрешению комбрига. Вы где раньше-то были, товарищ старший лейтенант? Спали? Почему заранее не просчитали такого поворота дел? И почему до сих пор не готовы кружала под первый ростверк? Я вас спрашиваю! – разозлился майор. – Что вам тут помешало? Доски, хоть задницей ешь, гвозди есть, нет только пинка хорошего, насколько я понимаю! Что молчите, товарищ старший лейтенант? Владимир Николаевич, - обратился он к Бугриму, - что делать-то будем?

- Я думаю, что надо рассмотреть этот вопрос на бюро, товарищ майор. Надо дела как-то поправлять.

- Ну, так рассматривайте, товарищ замполит! Вот это-то как раз по вашей части! Что надо-то? Горчицы в штаны, что ли?

Комбат замолчал, и в комнате повисла тягостная тишина. Слышно было только, как потрескивает огонь в печи.

- Разрешите, товарищ майор? – замполит поднялся из-за стола. - Может, кто еще высказаться по этому поводу желает?

- А чего тут высказываться? – раздраженно бросил комбат. – Работать надо, а не высказываться!

- Разрешите мне, - решительно поднялся Ворошнин. – Я думаю, что без двух, трех новых молотов мы действительно не уложимся в график, товарищ майор. Не кувалдами же сваи заколачивать? А товарищ капитан пусть со своим бюро катится куда подальше. Тем более у нас здесь никого партийных

нет. И необходимо из Советского перекинуть еще одну бригаду плотников. Но не как в прошлый раз: без инструмента. Это вы, кстати, людей отправляли, товарищ капитан! – зыркнул на побагровевшего от такой наглости замполита Сашка. - Иначе Гомянин просто не успеет к концу месяца выставить две опалубки под ростверки. И все наши с вами разговоры окажутся пустой болтовней!

- А вы сядьте, товарищ лейтенант! – взвился Гук. - Вас, по-моему, никто не уполномочивал быть здесь адвокатом. И как вы с замполитом разговариваете? Бюро его, видишь, не устраивает. Я вам тут без бюро навтыкаю по самое не хочу! Каждый отвечает за свое дело!

- Это точно! – тихонько поддакнул Вячеслав, и сразу понял, что зря.

- А ты, Решетников, помалкивай, у самого грехов полная торба. Я думаю, что ваше непосредственное дело – это контроль над ходом строительства и качеством работ на объекте. Как, впрочем, и главного инженера тоже, – он повернулся к Понюшенко. - А вы тут сидите, штаны протираете за картами! – начал вскипать, как чайник на плите, комбат. – Нечего вам тут вместе с Понюшенко отираться! На мосту ваше место, там надо находиться, где люди работают!

- Да мы и так по два раза на день там бываем, - огрызнулся обиженный Вячеслав.

- Мало, значит! Вы хоть раз в ночную смену на мосту были? Нет. Вот собирайтесь и дуйте оба! А вы, товарищ замполит, немедленно соберите бюро и по выговору всем особо отличившимся вклатите.

- Так у нас здесь партийный только Виталий Михайлович, - тихонько заметил притаившийся в углу от праведного гнева начальства Деряжный. – И тот кандидат только.

- А ты, вообще, помолчи! Разговорился, понимаешь, голос прорезался! Ничего, разберемся как-нибудь и с беспартийными, найдем на вас управу! – окончательно побагровел Гук. – Не обольщайтесь слишком, что

скоро дембель. Я вас еще заставлю кровью блевать! Почему у вас, товарищ лейтенант, в смену меньше свай забивается, чем даже у Ворошнина? Молчите? Нечем крыть? Вот я и думаю, что все работают абы как, вразвалку. Да и куда торопиться, проще все свои грехи на технику списать. Зубков!

- Да, товарищ майор, - поднялся Николай.

- Что, действительно, молота сдохли?

- Ну, один, может, еще восстановим, а два выработались на нет. Лозьва их доконала, целую зиму молотили.

- Ладно, - уже немного спокойнее продолжил комбат, - с молотами будем что-то решать. Но предупреждаю всех, что никаких скидок за невыполнение графиков строительства не будет. Каждый будет отвечать за свои грехи персонально. Я сегодня уезжаю, а вас, Владимир Николаевич, попрошу еще задержаться и посмотреть, кто как свои обязанности выполняет. А Понюшенко вместе с Решетниковым в ночь – на мост! Кто там сегодня в смене?

- Я товарищ майор! – пробасил из угла Ворошнин.

- Вот и посмотрим, сколько вы сегодня свай заколотите. А потом сделаем выводы!

Гук поднялся со стула:

- Пойдемте, Владимир Николаевич, посмотрим, как люди живут. Командиры взводов – со мной, остальные – свободны!

Вячеслав пошел вслед за главным инженером в комнатку, где хранилась документация, и которая использовалась, как техчасть в миниатюре.

- Ну, что? – спросил он Понюшенко.

- А что, что? – махнул рукой Виталий. – Дурная голова ногам покоя не дает, вот что! – намекнул он на странное распоряжение комбата. - Наше дело маленькое: приказы выполнять. Собирайся, на мост потопаем.

- Сашке, мешать?

- А куда деваться? Комбат Бугрима специально еще на сутки оставил, чтобы доложил, как тут его приказы исполняются. А этот доложит обязательно.

- Слушай, Виталий Михайлович, давай-ка я в магазин слетаю, прикуплю кое-чего. А ты тут пошустри с закусью. Я мигом!

- А стоит ли? – вяло запротестовал главный, но Вячеслав сделал успокаивающий жест, дескать, не дрейфь, и начал одеваться.

- Целую ночь кантоваться придется, что делать-то будем? – задал он риторический вопрос.

- Только мне – шампанское, - протянул Славке деньги главный.

- Ну, ты, Виталий Михайлович, извращенец! – хмыкнул Вячеслав. – На улице под сорок, а ты – шампанское! Ладно, ладно, возьму, не суетись.

На крыльце он застал там курящего Сашку.

- А ты чего с Гуком не пошел? Он же командиров взводов с собой позвал?

- Мне на смену топать – отпустили! Да там и без меня обойдутся. По палаткам ползать и базлать – большого ума не надо! Ну, найдут пустую бутылку, ну, влепят еще один выговор, подумаешь. Что нам молодым и красивым доспееется? – хмыкнул Сашка.

- Мы с Понюшенко к тебе на мост, так, что, без нас не смывайся.

- Ладно, подожду. А ты-то сейчас куда намылился?

- В сельпо. Гони, кстати, трёшку!

- Нет у меня, кончились.

- Совсем нет?

- Рубля полтора наскребу.

- И то хлеб. Ты пожрать что-нибудь сообрази, а то у меня на Понюшенко большой надежды нет. Он, видишь ты, шампанское пить будет, гурман хренов! Ну и пусть пьет. А мы с тобой, что покрепче.

- Ладно, на деньги, лети, а я пойду, взвод отправлю на работу и за вами вернусь. Заодно разведую, что там комбат еще надумал.

- Я мигом!

Еще через полчаса они втроем уже шагали по проторенной от палаточного городка к реке дороге, загруженные купленным Славкой горючим и собранным Ворошниним съестным. Понюшенко, как и предполагал Вячеслав, взял только хлеба и невесть откуда у него здесь появившуюся коробку шоколадных конфет.

На мосту они оставили припасы в будке, где сидела охрана действующего временного моста, и пошли все вместе принимать смену у закончившего работу Юрки Гомянина.

- Заодно поглядим, что тут на самом деле делается, а то сегодня с этими бестолковыми разборками и побывать-то здесь не пришлось, - вздохнул главный.

- Да сиди ты в будке, - попытался остановить Понюшенко Ворошнин, - что мы со Славкой не справимся? Сопли морозить охота?

Но главный потащился вместе с ними. Когда они спустились на лед, взвод Ворошнина уже возился у агрегатов, бойцы предыдущей смены убыли в расположение, а Юра Гомянин объяснял что-то Сашкиному замкомвзвода возле работающей электростанции.

- Здорово, мужики! – повернулся он к подошедшим сослуживцам, отправив сержанта заниматься своими делами. – А чего это вас сегодня так много? Сашку что ли контролировать надумали?

- А ты не знаешь, что комбат с Бугримом прикатили? – спросил Вячеслав.

- Почему не знаю? Они у меня сразу после обеда побывали.

- Как дела Юра? – вмешался в разговор главный.

- Да нормально, Виталий Михайлович, почти норму отбухали. Хорошо, что Зубков один молот подшаманил, а то бы опять полноремы заколотили. Принимай, Саша, хозяйство, а я потопал: жрать хочется, сил нет!

- Да мы тут с собой кой-чего прихватили, - предложил приятелю перекусить Ворошнин, но Гомянин отказался.

- Спасибо, Саша, но я – в часть! Горяченького похлебать, да и устал, как собака.

- Ну, тогда счастливо! Начальству на глаза только не попадайся, а то они с проверкой по палаткам поползли, нарыли чего-нибудь, как пить дать, пилить и строгать с удовольствием будут, это точно. А к ночи Гук в Советский отвалит.

- А Бугрим?

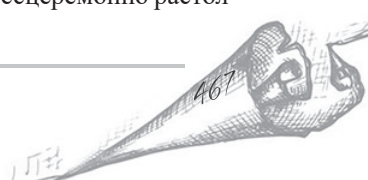
- Замполита комбат оставил тут, в ссылку на пару дней, порядки наводить. Чтобы караси, короче, не дремали, пока шука плавает!

- Ну, ладно, я пошел, - Юрка похлопал Ворошнина по плечу, пожелав удачи, попрощался с Понюшенко и Вячеславом и зашагал по дороге в сторону поселка.

Вскоре его высокая, нескладная в бесформенном полушубке и валенках фигура, скрылась в синеющем сумраке. Вячеслав вместе с Ворошнинным и Понюшенко обошли агрегаты и поднялись по косогору к будке охраны.

- Только людям мешать работать, - пробурчал Ворошнин, когда главный предложил по очереди дежурить на льду, - им без начальства сподручнее. Не сломаются машины, норму сделаем, а, может, и побольше. Но это все от железа зависит. Зубков после ужина обещал ремонтников подослать. А от вас тут, мужики, все равно толку никакого. Это у командиров от испуга мозги набекрень, а вы-то чего? Ну, не дадут премии и что? Плохо, конечно, но куда деваться! Я бы на твоём месте не раздумывал, Виталий: пока не стемнело, свалил бы в поселок.

Решетников с разумным предложением приятеля согласился сразу же, да и главного, который уже порядочно промерз в своей шинельке, убедил в том же. Согревшись в тепле помещения, они поужинали, выпили. А часа через два, когда Сашка пошел на лед проверить людей, расположились, кто, как сумел, на лавках, и уснули, да так, что даже не слышали грохота проходивших по перегону поездов. К утру избушка выстыла, и Славка, принеся охапку дров, растопил печь. Когда огонь весело загудел в топке, он не стал будить сладко спящего Понюшенко, а попил вместе с железнодорожником чайку и отправился вниз, на лед реки, где звонко бухали копровые установки и жарко горели не потухающие всю зиму костры. Сашку он нашел спящим в будке электростанции, где было относительно тепло от работающего двигателя. Он бесцеремонно растолкал приятеля:

- Подъем, земля, утро уже!

- Отвали, - замахал руками неспросавшийся лейтенант, но через секунду поднялся, протирая глаза. – А который час?

- Без четверти шесть. Давай, поднимайся, скоро подъем сыграют, замполит пожаловать может.

Он вернулся в будку, разбудил Понюшенку и, долив, поставил на печку чайник. Подошел Ворошнин, и они снова сели пить чай, заедая остатками вчерашнего ужина.

- Прохладно сегодня, - заметил Сашка, - за тридцать.

- А мне что-то не показалось, - возразил главный.

- Откуда тебе покажется, - хмыкнул Вячеслав, - ты же только на минуту за угол выскакивал.

- Не, точно за тридцать. Я по звуку определяю. – Сашка отхлебнул кипятка из кружки, и пояснил. – Когда мороз, шпунт под молотком звенит тонко, подвывая, а когда потеплее – просто звенит.

- Ладно, - видимо, вспомнив, что он какой-никакой начальник, scomандовал Понюшенку, - ты, Саша, заканчивай смену, а мы с Решетниковым пойдем в часть.

- Слушай, Виталий, - возразил Вячеслав. - Я вчера, конечно, не все понял, но нас, вроде, в ночную смену отправили, а она еще не кончилась. Вот подойдет Юркин взвод, тогда и можно топать.

- А сколько свай забили? – поинтересовался главный.

- Почти три десятка, - с гордостью ответил Сашка. – Потому что ни один молоток не отказал нынче.

- Нормалек. Почти полторы нормы, - снова налил себе в стакан кипятку Вячеслав. – Сушняк! - ответил он на удивленный взгляд Ворошнина. – Пить хочется. Так что, Виталий Михайлович, - повернулся Славка к главному, - дуйте смело в часть, докладывайте. А мы с Сашей вместе с бойцами придем попозже.

Чистое, слегка подернутое дымкой от булькающей в пробитых полынях воды небо уже порозовело на востоке. Бойцы на льду сворачивали работу, готовя агрегаты для дневной смены. Подошедший к офицерам сержант с довольной улыбкой на обветренном и закопченном лице доложил Сашке, что взвод забил за смену ровно тридцать одну сваю.

- Молодцы, архаровцы! – похвалил подчиненных лейтенант. – Давай, закруляйся! – приказал он сержанту. – Чая горячего людям организуй, пусть погреться, заслужили. Минут через тридцать смена подойдет.

Они со Славкой подошли к костру, у которого начал собираться взвод. Согревшиеся у огня люди шутили, пили кипяток из прокопченного чайника. Кое-кто приплясывал на льду, разминая застывшие ноги, а двое самых резвых даже затеяли борьбу. Настроение у бойцов было приподнятое. Как же, наконец-то, смена прошла без сбоев и простоев, что сразу

сказалось на результате. Не пришлось морозить пальцы и обдирать их до крови гаечными ключами, разбирая и собирая капризные дизеля.

- А что, товарищ лейтенант, премия в этом месяце будет? – спросил Ворошнина кто-то из бойцов.

- Будет, если ты, Сидоров, поменьше болтать будешь, - бросил окурок в огонь Сашка. – Конечно, если как сегодня забивка пойдет, то будет! А если опять копры сыпаться станут, то – не знаю.

- Обещал комбат решить этот вопрос, - пояснил Славка. – С техвооружения снимут молота.

- Вот это дело, товарищ лейтенант! – заулыбался сержант. – А то долбала проклятая техника! Ее еще после Лозьвы надо было списать.

- Ладно, Матвеев, начальство само знает, что делать! – прикрикнул на сержанта Сашка. – Строй людей, вон смена топаёт, - указал на дорогу, по которой со стороны леса, уже освещенного восходящим солнцем, спускался к реке взвод Гомянина.

Еще через полчаса они сидели в комнате, отведенной под столовую, и слушали Деряжного. Тот сообщил последние новости, которые прошли мимо них по причине отсутствия вечером в расположении части:

- Комбат Бугрима с собой забрал, передумал оставлять.

- Да ты что? – удивился Сашка. – Зря ты, значит, Слава, на мосту ночь ошивался! – захохотал он. – Виталик-то, когда узнает, от злости лопнет! А где он сейчас кстати? – спросил он Женьку.

- Появился после подъема, а как только узнал, что Бугрима нет, сразу к крале своей смылся.

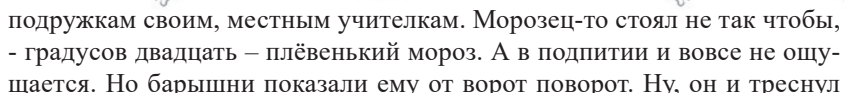
- Ну и славненько! – сказал Вячеслав. – Поменьше начальников – воздух чище!

- Пошли что ли, подремлем? – предложил Славке разомлевший от еды и тепла Сашка.

- И, правда, идите! – поднялся со стула Деряжный. – А я пойду в расположение схожу.

В этот день он дежурил по части.

А через неделю случилась страшная, непоправимая, потрясшая всех, кто находился в Пельме, беда. Дело было так. Во взводе у Ворошнина одному из бойцов исполнилось двадцать лет, круглая дата. Ну и отпустили его в увольнение, вроде, как поощрили. А куда в Пельме податься? Некуда. Сначала он в клуб подался, но там почти с самого Нового года висел амбарный замок. Местное начальство так и не удосужилось закончить ремонт отопления. Ну, потоптался парень около клуба и подался в магазин, благо вино дешевое лилось рекой. Там наткнулся на каких-то аборигенов, а деньжата у ефрейтора, видать, водились. Ну и набралась компания, как положено, где-то в баньке. А потом, когда растались, вместо того, чтобы топтать в часть спать, подался именинник к

подружкам своим, местным учителькам. Морозец-то стоял не так чтобы, - градусов двадцать – плёвенький мороз. А в подпитии и вовсе не ощущается. Но барышни показали ему от ворот поворот. Ну, он и треснул им кулаком в окно от обиды. Стекло в раме разбилось, а осколком парню вену на руке перерезало. Он, конечно, в таком состоянии ничего не почувствовал, и пошел дальше по поселку мотаться. А кровь-то текла и текла, пока парнишка не потерял сознание и где-то на краю поселка не упал. Время было позднее, все уже по домам сидели, никто и не наткнулся на служивого...

В части его тоже не сразу хватились. Но к полуночи помощник дежурного по части забил тревогу, а дежурный разбудил Сашку. Подняли взвод, пошли искать бойца и по кровавому следу на снегу нашли. Поднялся шум неимоверный. Понаехали комиссии и из бригады, и из корпуса, да и все начальство батальонное, кроме Стешенкова, слетелось. Сашку прямо истрепали. А чего он недосмотрел? Ну, отпустили парня в увольнение, так не ходить же за ним хвостом по всему поселку. Да начальству, чтобы зад прикрыть, нужно среди подчиненных стрелочника сыскать! Здесь все понятно, и обижаться особенно не на что. Но когда за сыном приехала почерневшая от горя мать, стало тошно и стыдно.

Командиры волчком крутились вокруг опухшей от слез женщины. Вячеслав представил, что бы было с его матерью, случись с ним то же. И женщину можно было понять: отдала мать на службу Отчизне здорового и неглупого парня, а получила назад труп. И никакие слова не могли ничего ни пояснить, ни исправить. А вот такой противный, тошнотный осадок от брошенного ей в лицо офицерам слова «убийцы!» остался надолго. Эдакой вязкой горечью во рту, как с похмелья.

После этого случая, дежурить по части пришлось в полный рост. Прилечь стало некогда, в любой момент мог появиться неожиданный проверяющий, только на мосту, подальше от поселка и отдохали. В общаге выпить винца стало невозможно, замполит лютовал. Преферанс запретили, и комбат пообещал, что если еще раз в расположении части он увидит карты, то не поздоровится всем.

- Ишь, ты, поручики сопливые, господа офицера, мать вашу! – орал он. - Понасмотрелись фильмов всяких. Это в прошлом веке можно было в три листа дуться, состояния проматывать, а вы у меня, как положено, служить станете! По струночке теперь ходить будете! А кому не нравится, с тем отдельно разберемся! Короче, Владимир Николаевич, - приказал он Бугриму, - вводи строевые занятия для офицерского состава! Расхлябались до невозможности! А если кто кочевряжится будет, докладывайте незамедлительно! Быстро глаз на одно место натяну! Что касается командира первой роты Дубова, то его судьбу будут решать в бригаде. Ну а с Ворошина взять нечего, поэтому объявляю ему пять суток ареста.

- Слушаюсь, пять суток ареста! – сделав глуповатый вид, подскокил с места Ворошнин.

И понеслось. После завтрака все свободные от смен часа по два занимались на плацу строевой подготовкой, матеря про себя и замполита, и комбата. В общежитии делать стало совершенно нечего. Славка с удовольствием подменял товарищей на дежурстве по части. Во-первых, целый день чем-то занят. Во-вторых, ночью, в спокойной обстановке, когда все уже спали, можно было в ленинском уголке поиграть на гитаре, а не то - посидеть, подумать в одиночестве. К тому же ночью можно было легко дозвониться до Советского, линии были свободны. А звонил он Людмиле часто. Ну, а к тому же – дежурный не долбил, как дятел, каблуками лед плаца. Не положено отвлекаться по службе!

И такое напряжение в батальоне продержалось почти до мартовских праздников. Февральский план, кстати, не без труда, но выполнили. Помогли новые молота, присланные на объект в самые кратчайшие сроки. Но вот премию выдали только солдатам, а из всего офицерского состава деньги получили как раз те, кто постоянно сидел в Советском, и о строительстве мостов имел самое отдаленное представление.

- А это всегда так! – возмущался Ворошнин. – Кто пашет, тому фига с маслом под нос, а кто в штабе штаны протирает – тому премия! На кой ляд мы жилы рвали?

- Ну, ты прямо надорвался! – останавливал Сашку Гомянин. – Люди - это да, пахали, но они и получили. А нам, сам знаешь, почему сняли. С тобой-то, конечно, все ясно и с Дубовым тоже. Еще хорошо отделались.

Дубову всего лишь выговор припаяли, а могли и звание снять. Вот мы-то, бедолаги, почему пострадали? А, Слав?

Но Решетников только отмахивался от таких пустых и порядком надоевших вопросов. Чего воздух сотрясать, если ничего не изменишь? Пусть собачатся, пар лишний спустят, поутихнут! А шестого марта его перебрали в Советский, где сразу же поставили дежурным по хате...

Что же подарить на женский праздник Людмиле? С этой засевшим, как заноза, в голове вопросом он пошел проверять караул. Интересно, а что она любит? Ведь, по сути, за год знакомства он так толком и не узнал всех ее привычек и привязанностей. Может, духи купить? Мелковато как-то и пошло. Цветов тут, конечно, не достать, а как бы было хорошо: и просто, и девушке приятно! Торт и шампанское? Тоже не фонтан. Торт съестся, а шампанское выпьется. Что на память останется? Так Славка и промучился почти всю ночь, не прейдя ни к какому решению. Под утро он надумал, что надо посоветоваться с Матвеевым, все-таки тот постарше и поопытнее в такого рода делах.

В шесть часов дневальные сыграли подъем, и в батальоне начался новый день. К семи роты отправились на завтрак. А Вячеслав, доложив первым прибывшему в часть начштабу, что во время его дежурства, слава богу, часть не сгорела и не провалилась в тартарары, тоже решил сходить в столовую. Комбат обычно подъезжал без десяти восемь, ни минутой раньше. Да и правильно делал, а то карауль его здесь, у КПП. В столовке еще никого из офицеров не было, и, позавтракав в полном одиночестве, Вячеслав отправился на КПП. Навстречу ему стали попадаться спешащие не опоздать к разводу, сослуживцы.

- Здорово, Слава! Как дежурство? Хозвзвод, как прошлый раз не пересагал?

А момент такой в биографии Вячеслава случился. Вот так же, на дежурстве, у него сперли пачку «Беломора». Наглость совершенного поступка не могла остаться безнаказанной. Недолго думая лейтенант поднял батальон для проверки и обнаружил, что половина хозвзвода отсутствует в казарме. Вот тут он и оторвался по полной! Выловил всех отсутствующих по разным гадюшникам и балкам и пересагал на губу. Правда, чуть завтрак в батальоне не сорвал...

Вячеслав охотно со всеми здоровался, отшучивался, отвечал на вопросы, но зловредная мысль о подарке то и дело всплывала из подсознания, мешая адекватно реагировать на все происходящее вокруг. Он чуть не прозевал подъехавшего на «уазике» комбата, хорошо, что дневальный не сплеховал: выскочил из КПП и просигналил.

- Батальон, смир-р-на! – проорал что было мочи Вячеслав и, чеканя, как учили, шаг, двинулся по бетонному тротуару навстречу майору. – Товарищ майор, за время моего дежурства в батальоне никаких происшествий не случилось! Дежурный по части лейтенант Решетников!

- Здорово, Решетников! – комбат пожал Вячеславу руку. – Так, говоришь, никаких происшествий не случилось?

- Так точно, товарищ майор!

- Кончай горланить, как кочет! Начштаба здесь?

- У себя.

- Ну, ладно тогда, иди, отдыхай! – командир пошел в штаб, а Вячеслав решил все-таки навестить Матвеева.

- Надо помараковать, - задумался капитан в ответ на вопрос Вячеслава о подарке. – А ты подари, что ей нравится. Ну, помаду какую, косметический набор.

- В том-то и дело, что я не знаю, что ей нравится.

- Слушай, Слав, а подари ей пеньюар, - заржал Матвеев в ответ на вопросительный взгляд Вячеслава, - со смыслом подарочек будет! Пришел в гости, а тебя уже ждут!

- Да пошел ты! Я к тебе серьезно, а ты!

- Ладно, не обижайся. Да, кстати, гони червонец.

- Это еще зачем?

- Подарок Володькиной жене на восьмое марта купить надо, да поприличнее. А то ходим к ним в гости, пьем, жрем, а женщину отблагодарить некогда! Гони, гони, не жмотничай!

- А я, что, против, - Вячеслав протянул Матвееву десятку. – Значит, не поможешь мне?

- Сам-то что, не способен шариками поворочать? Подарок – он что?

- Что, что?

- В подарке не стоимость, а оригинальность ценится. Чтобы память осталась, ну и прочее. Подари ей собрание сочинений Ленина, благо у нас в клубе их комплектов пять на полках пылится. Один возьмешь, никто и не заметит. А девушке приятно будет! - вновь захохотал капитан.

- А пошел бы ты! - не на шутку обиделся Вячеслав.

- Ладно, не дуйся, - капитан перестал смеяться и сделался серьезным.

- Постой. Ты же стихами балуешься? Вот и сочини девушке что-нибудь на память! Да на открытке красивой напиши. Они это любят. Ну, а для приличия купи книгу о вкусной и здоровой пище. Вещь хорошая, в хозяйстве сгодится.

Вячеслав выскочил из бухгалтерии, хлопнув дверью. Но слова Матвеева показались не лишними здравого смысла. А, действительно, надо попробовать, может, выйдет что путное. Он отправился в караульное помещение, расположился на трубах сушилки, где смекалистые ребята из комendantского взвода устроили из досок настил и, бросив под себя полушубок, улегся отдыхать. Первые строчки пришли на ум, едва он закрыл глаза:

Напиши мне пару строчек

О тайге, о синей ночи,

Напиши мне, если хочешь,

Для кого в невесты прочат.

Он открыл глаза, достал записную книжку и записал четверостишие на чистом листке. Дальше дело застопорилось, но Вячеслав особенно не расстроился. Надо поспать. Как говорится: утро вечера мудренее. Допишется. И он провалился в глубокий сон, успокоенный этой мыслью.

Проснулся Славка оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо.

- Просыпайтесь, товарищ лейтенант!

Вячеслав открыл тяжелые веки и, словно в тумане, увидел лицо начальника караула.

- Обед уже, товарищ лейтенант. Второй час, – продолжил старший сержант.

Славка помассировал ладонями виски, протер глаза и резко сел на импровизированной кровати. Махнув рукой сержанту, что тот свободен, он натянул сапоги, умылся из рукомойника, подвешенного на стене в ко-

ридоре, и, затянув на шинели португую, вышел из караулки. На улице совсем потеплело, даже с крыш кое-где начало капать. Остальной день прошел на удивление спокойно. Про него как будто забыли, чему он был особенно рад, так как его внезапно одолел поэтический зуд. Часам к пяти, когда нужно было сдавать дежурство, он, закончил этот свой опус:

Напиши про запах моря,
Цену радости и горя,
Отчего глупеют в споре
И заискивают в ссоре?
Отчего грустить – напрасно,
А смеяться – неуместно?
Отчего твердят – неясно! –
Если все давно известно,
Ищут бурь в воде стакана
И пасуют перед силой?
Отчего не хочет мама,
Чтобы ты меня любила?

Переписав все начисто и перечитав еще раз, Вячеслав остался вполне доволен собой. Прилично написано, и рифма, вроде, не хромает. Настроение у него приподнялось, и после сдачи дежурства он, не дожидаясь ужина, отправился в поселок. В книжном магазине на Кирова приобрел подарочный томик стихов Лермонтова и красочную поздравительную открытку, большой ассортимент которых завезли, видимо, накануне. Тут же, на прилавке, Вячеслав печатными буквами перенес стихотворение на открытку, вложил ее в книжку и попросил продавщицу упаковать все это как-нибудь по красивее. Получив упакованный и перевязанный серебряной ленточкой сверток, он с легким сердцем отправился в общежитие, где к своему немалому удивлению встретил Гомянина.

- А ты откуда тут взялся? Сбежал что ли?

- Ну, типа того. Попросил Понюшенко подменить на денек, начальства на объекте все равно на праздники не предвидится. Ты в курсе, что завтра мы приглашены на банкет?

- В курсе. А ты откуда узнал про банкет?

- Сорока на хвосте принесла. А, если серьезно, Галина позвонила в Пельым. Кстати, ты подарок приобрел уже?

- Я? Приобрел.

- Ну, а я еще в Пельиме духи купил. «Если» называются. Дурацкое название, но продавщица рекомендовала. Ты, я вижу, тоже сегодня без ужина?

- Боялся, что магазины прикроют, день-то предпраздничный.

- Ну, тогда пошли ко мне, я только что яичницу с тушенкой пожарил. Да и принять есть что.

- Момент, только шкуру сброшу.

Вячеслав пошел к себе, переоделся, захватил с собой банку маринованных огурцов, полученных днем на складе в доппайке, и отправился в комнату к Юрию. После ужина они покурили в котельной у Боговича, а потом часов до двенадцати, несмотря на строжайший запрет комбата, дулись в карты у Матвеева, который к этому времени вернулся со службы.

- Смотри у меня! - перед тем, как запереться в комнате, наставлял Боговича капитан, - Прокараулишь начальство – ноги вырву и спички вставлю!

- Не прокараулю, товарищ капитан, - зевая, отвечал вестовой.

Глава 12

Утро восьмого марта выдалось солнечным и тихим. Часам к десяти вовсю зазвенела по оконным сливам капель, а грязный снег на обочинах дорог стал ноздреватым, похожим на пчелиные соты. Улицы были пустынные. Да и кто в выходной день до обеда выбегает из дома, только ненормальные, и те, кто вчера не запасся продуктами. Добропорядочные жители уже давно сидели за праздничными столами и поздравляли своих женщин. Девчата, приглашая офицеров на праздник, сообщили, что покупать ничего не надо, но Матвеев настоял, и в ближайшем на пути магазине затарились шпротами, коньяком и лимонами.

- А ты хозяйке-то подарок приобрел? – спросил Вячеслав Матвеева.

- Не беспокойся, все в лучшем виде, - ответил тот и достал из внутреннего кармана коробочку. - На, посмотри!

Вячеслав открыл футляр и увидел на белом шелке серебряную с золотой брошь, в которую были инкрустированы яркие, разноцветные камешки.

- Ух ты! – восхитился Гомянин. – И сколько же такая красота стоит?

- Почти пятьдесят, - забрал коробочку Матвеев. – Володька двадцатку сам добавил. Приглянулась, говорит, вещичка жене, давайте скинемся. Вот я и приобрел. Ладно, пошли быстрее, двенадцать скоро.

Они ускорили шаг и через десять минут уже стучались в дверь знакомого дома. Встречать их вышел сам хозяин:

- Где вы запропалились? Водка стынет, и невесты копытами стучат. Проходите, раздевайтесь!

- Да в магазин на всякий случай заскочили, - пропустил вперед Володю Матвеев и сам вошел следом.

Вячеслав подтолкнул вперед Гомянина и плотно закрыл за собой входную дверь.

- Ой, мальчики пришли! – обрадовалась проносившая что-то из кухни Галина. – Девочки, встречайте гостей! – донесся ее голос из гостиной, куда она упорхнула с тарелками.

Из комнаты появились Людмила и Наталья. Людмила подошла к Вячеславу и, улынувшись, поцеловала в щеку.

- Ба! – протянул Гомянин. – Чего я вижу! Наша царевна-несмеяна смешила гнев на милость! Спелась, значит.

- А тебе, что, завидно? – отпарировала в ответ Людмила, и обняла Вячеслава, прижавшись щекой к его груди. – Соскучилась! – сказала она, не обращая внимания на присутствующих. – Какой ты сегодня красивый! И костюм я такой у тебя не видела.

- Это он специально, чтобы тебя охмурять, приобрел! – заметил мимоходом Матвеев.

- Здравствуйте, мальчики! – проворковала, улыбаясь гостям, вышедшая в прихожую Наташа.

- Здравствуй, Наталья! – ответил за всех Матвеев.

- А Перминов уже здесь? – спросил Вячеслав, оторвавшись от Людмилы.

- Нет. Он позвонил, сказал, что через часик будет. Дела какие-то на службе появились.

- Какие дела могут быть у Перминова, когда начальник здесь? – указал на Славку Гомянин. – Темнит что-то.

- Ну, не знаю, - спокойно ответила Наталья. – Появится, сам расскажет. Пошли, Люда! Приглашай ребят за стол.

Вячеслав прошел в комнату вслед за девушками. Здесь уже находились неразлучные Галя и Валя. Галя расставляла на столе посуду, а Валентина сидела в кресле и смотрела телевизор.

- С праздником! – приветствовал всех Юрий. - Что там ты такого интересного увидела? – пристроился он рядом с девушкой и попытался обнять ее за плечи.

- Тебе, Юра, это не интересно, - встряхнула плечами Валентина, сбрасывая ладони лейтенанта. – Смотри, а то Галка обидится, не порти девушке праздник.

- Прощу всех к столу, - пропела хозяйка, появившаяся из кухни вместе с Володей и Матвеевым.

На блузке у нее была приколоты та самая брошь, которую приобрел Матвеев. По лицу хозяйки блуждала довольная улыбка, видимо Витькин подарок пришелся ей по душе. Произнесли первый тост за женщин, а дальше все пошло, как обычно. Через час появился запыхавшийся Перминов, и расцвела приунывшая Наталья.

Вячеслав не отходил от Людмилы до самого вечера, ощущая, как замирает в предчувствии чего-то дыхание, а сердце начинает биться быстрее от счастливой улыбки, вспыхивающей на ее лице каждый раз, когда их взгляды встречались. На улице еще горела закатная полоса, когда они, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, вышли с девушкой на

улицу. Они пошли по хрустящему снежному насту, образовавшемуся на деревянном тротуаре, держась за руки и не думая ни о чем, а просто купаясь в незримо разлитом вокруг них ощущении безграничного счастья.

- Ты по мне сучала?

- Конечно, глупенький!

Он нежно прижимал к себе Людмилу, а губы их в который раз становились единым целым.

- Ой, медведь, опять чуть не задушил! – Людмила едва переводила дыхание. – Ну, Славка, отпусти! У меня уже губы опухли! Прекрати, противный! – пыталась сопротивляться девушка, но он понимал и чувствовал, что все это понарошку.

Сами того не заметив, они оказались на окраине поселка, где уже начинался лес и лежали глубокие, девственно белые сугробы, ни разу за всю зиму не потревоженные ножом грейдера или бульдозера. Пахло хвоей и начинающим просыпаться болотом с пряным привкусом багульника. Только сейчас Славка очнулся и, глубоко вздохнув, заметил, наконец, что Людмила замерзла в легком своем пальтеце.

- Как красиво! – задумчиво произнесла она. – Интересно, а что там, где эта просека заканчивается?

Вячеслав оглянулся, определяя стороны света, и уверенно ответил:

- Комсомольский. Если пойти по этой просеке, как раз туда попадешь. Слушай, ты ведь замерзла, я вижу! Пошли-ка скорее домой, а то еще простынешь! – он подхватил Людмилу под руку, и они почти бегом двинулись назад, в сторону центра. – Ты на меня не обижайся, но все-таки заскочим ко мне на минуту, - предложил он девушке, когда они поравнялись с любимой общагой. – До тебя еще минут десять топать, а ты уже вся синяя!

И девушка на этот раз безо всякого сопротивления согласно кивнула в ответ.

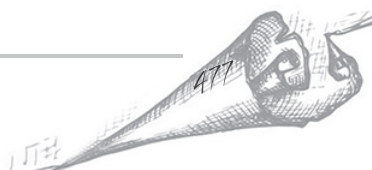
В комнате он помог ей снять пальто и разуться, посадил на кровать, закутав ноги в одеяло, а сам побежал на кухню греть чайник. Отогревшись, Людмила порозовела, и Вячеслав облегченно вздохнул.

- Спасибо, Славик! – пропела она, проведя теплой, мягкой ладонью по его щеке. – Ой, да ты колючий какой! А я-то думаю, отчего это у меня щеки горят всю дорогу после наших встреч? А это вон от чего! – лукаво погрозила она пальчиком.

Вячеслав сконфузился и попытался что-то сказать в свое оправдание, но она закрыла ему ладошкой рот, а потом и вовсе прижала его голову к своей груди. Славка почувствовал волнующий, уже почти родной запах девичьего тела и крепко обнял ее. Теплые, припухшие от поцелуев губы подались навстречу его губам, и время для них остановилось.

- Ты меня любишь?

- Конечно, мой хороший!

- Нет, ты ответь, любишь?

- Люблю, дурачок!

Она не сопротивлялась, покорно отдаваясь его ласкам. Но, когда его рука скользнула ниже и попыталась проникнуть под юбку, то встретила твердое и энергичное сопротивление ее рук.

- Не надо, Слава! Не обижай меня, ну, пожалуйста!

От этих простых слов пыл Славки мгновенно остыл. Он попытался все обратить в шутку, но любимая, погладив его по голове, покоящейся у нее на груди, и поцеловав в щеку, решительно засобиралась домой.

- Поздно уже, Слава! Родители будут беспокоиться!

Вячеслав сделал обиженный вид и начал молча собираться. Девушка тоже молчала, но когда они вышли, постаралась как-то рассеять возникшую между ними неловкость:

- Ну что ты? Я же тебя люблю. Не будь таким букой, - заглянула девушка в глаза лейтенанта. - Ну, Слава!

- Да я ничего, - мгновенно оттаял Вячеслав, и настроение у него снова поднялось.

Пошел легкий снежок. В свете фонарей он падал невесомой кисеей, превращая силуэты зданий и деревьев в размытые образы, как на картинах французских импрессионистов. Уже в подъезде они снова начали целоваться, стараясь вложить в эти поцелуи всю переполнявшую их юные души нежность.

- Приходи завтра ко мне вечером, часов в пять, я тебя с мамой познакомлю.

- А удобно?

- Конечно, удобно, дурачок!

- Страшновато что-то. И к пяти я не успею.

- Эх ты! А еще офицер. Офицеры же ничего не боятся, сами все время повторяете. А когда сможешь?

- К половине седьмого, не раньше. А отец тоже будет?

- Нет, он в Ханты на партийную конференцию улетает. Только мама и братья дома будут.

- Надо что-то, наверное, с собой принести...

- Ничего не надо. И в столовую не ходи. Я ужин приготовлю, посидим, поговорим. Да, кстати, а ты мне что подарил, книгу какую-то? - Людмила повертела в руках сверток, который он вручил ей еще днем.

- Это - Лермонтов, - ответил Вячеслав, - мой любимый поэт. Я думал, что тебе подарить, но так и не придумал. Ты уж извини! Я еще тебе стихи написал.

- Правда?

- Правда. Не знаю, какие уж получились, но написал.

- Так ты еще и стихи пишешь? Вот здорово!

- Так, балуюсь со школьной скамьи.
- Так уж и балуешься? Скромничаешь, наверное? А можно я прямо сейчас прочту?

- А почему нельзя? Читай! Для тебя написано.

Людмила распечатала сверток и достала книгу, из которой выпала открытка. Девушка подхватила ее и поднялась по лестнице выше, на площадку, где тускло светила лампочка. Пару минут она внимательно читала написанные им вирши, а потом, вставив открытку назад между страницами книги, спустилась назад к Славке, который молча, внутренне волнуясь, ожидал ее суда внизу у батареи. Глаза у Людмилы стали задумчивыми и серьезными. Она, как-то совсем по-новому, взглянула на Вячеслава снизу вверх:

- Очень красиво! Правда. И смысл глубокий. Спасибо тебе, Слава! – она поцеловала его, и он облегченно вздохнул про себя.

- Рад, что тебе понравилось.

- Очень. Ой, да уже полтретьего! – она взглянула на часы. – Ну, я пошла? Хорошо? Так я тебя жду завтра, - донесся до него шепот девушки, когда она, стараясь не шуметь, входила в дверь квартиры, - приходи обязательно!

Домой Славка летел, как на крыльях. Еще бы, ведь его пригласили домой к любимой и еще обещали познакомить с мамой, а это накладывало на их отношения совершенно другой оттенок. Надо приодеться поаккуратнее и побриться вечером, а то еще подумают, что он неряха какой-то. Встречают-то, как ни крути, по одежке. Да и торт все-таки перед тем, как в гости идти, нужно купить,...

А следующий день принес неожиданное известие. Перед обедом ему позвонил Суровцев и попросил зайти в секретку.

- Знаешь, - произнес он в полголоса, почему-то оглядываясь по сторонам, - начальство тебя хочет в Питер послать.

- Это еще зачем? – удивленно спросил Вячеслав.

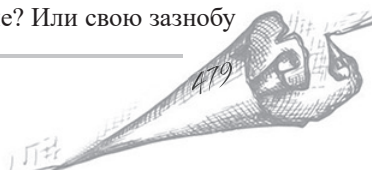
- Учиться. На офицерские курсы.

- А мне это надо? Я же не кадровый, мне до дембеля чуть больше полгода осталось.

- А некого больше послать. Иванов, сам знаешь, проштрафился. А другие: у кого детей не с кем оставить, жена болеет, у кого понос, у кого золотуха. Короче, начштаба твою кандидатуру комбату предложил. Так что будь готов.

- Вот блин! Не было печали. Чего-чего, а тащиться куда-то к черту на кулички никакого желания нет. И надолго это самое повышение квалификации?

- Курсы рассчитаны на два месяца, ну, может, сократят маленько. А, потом, это же все-таки – Питер! Что, здесь гнить лучше? Или свою зазнобу

оставить одну боишься? Так, если сбежит, тебе же лучше! Короче, готовь проставу.

- А когда ехать-то?

- Не ехать, а лететь. Завтра. Бумага из бригады поздно пришла. Уже и так на день задержались, все никак не могли человека подобрать.

- А тут я под горячую руку и попался! Вон, послали бы Дерягу, Володьку Фоминых.

- Ну, во-первых, Фоминых пару лет назад там уже был, а у Деряги жена с маленьким ребенком на руках. Печку топить надо, воду таскать. А ты у нас

человек холостой, свободный, тебе собраться – только подпоясаться! Так что собирайся!

- Ладно, я пошел, - покинул секретку в подавленном настроении Вячеслав, в тайне все еще надеясь, что в последний момент начальство передумает.

Только-только у него с любимой девушкой все как будто бы наладилось, и – на тебе! Снова на два месяца разлука! После обеда его вызвал Стешенков и вручил приказ, подписанный Гуком, где Вячеславу предписывалось десятого марта отбыть в город Ленинград, на центральные учебные курсы железнодорожных войск. Славка безуспешно попытался возразить, приводя майору вполне, на его взгляд, разумные аргументы и доводы, но тот мгновенно осадил красноречие лейтенанта, посоветовав не обсуждать, а исполнять полученный приказ. Настроение у Славки упало в конец.

- А, как насчет билетов, товарищ майор? – задал он вопрос начштаба, надеясь, что их отсутствие отдалит неминуемый срок отъезда, но расчет его не оправдался.

- Билеты заказаны, товарищ лейтенант! Прямо до Ленинграда. Поэтому отправляйтесь в бухгалтерию, получайте зарплату и командировочные, а потом зайдите ко мне. Завтра организуем вам машину до аэропорта. А сейчас возьмите «уазик» командира, я с ним договорился. Съездите в аэропорт, приобретете билеты по броне. Все ясно, надеюсь?

- Так точно!

- Вот и прекрасно! Поторопитесь, авиакасса работает до пяти.

В бухгалтерии его с распростертыми объятиями встретил Матвеев.

- Наслышан, наслышан! Повезло тебе, Славик! А чего вид такой угрюмый? Из нашей дыры да в Питер, что может быть лучше?

- Сам бы и ехал.

- Я бы с удовольствием! Но не посылают. И потом там инженеров в этот раз собирают, а не бухгалтеров. И чего ты расстроился? Подумай только: Эрмитаж, музей восковых фигур! Пива приличного, наконец, попьешь с вяленой корюшкой, - мечтательно закатил он глаза. – Хочешь пива с корюшкой?

- Мне бы твои заботы, - ответил Вячеслав, расписываясь в ведомости.
- И что это у тебя за заботы такие, которые нельзя отложить? Людмила, что ли? Так подождет девушка, куда ей деваться, если замуж хочет, - Матвеев внимательно взглянул Славке в глаза, и, видимо, что-то там увидев, прыснул в ладонь. - Ба, да у нас любовь! Мальчик не хочет уезжать от сладкого.

- А вот это не твое дело!

- Как это не мое? Мое. Самым непосредственным образом - мое! Я, как старший товарищ, должен вмешаться и помочь молодому офицеру в эту трудную, можно сказать, решающую для него минуту. Вот поэтому я и не могу молчать!

- Да пошел ты!

- Фу, как грубо, товарищ лейтенант! Во-первых, старшим по званию грубить не полагается, а, во-вторых, молодой человек, пора бы вам знать непреложную народную мудрость, что разлука только закаляет чувства. Если

они, конечно, настоящие. Не на сто же лет уезжаете, а на каких-то два паршивых месяца. Так что советую не кукситься, а все доходчиво объяснить девушке. Так, мол, и так! Жди меня и я вернусь, только очень жди, - Матвеев, подмигнув наблюдающему за ними с нескрываемым интересом бойцу, своему помощнику. - Думаю, что никакой такой трагедии не случится. Выше нос, товарищ лейтенант! - он подтолкнул Вячеслава к двери и тоже напомнил о проставе.

Славка ответил капитану, что готов проставиться без разговоров, но пить придется без него, так как он приглашен сегодня в гости, а завтра в десять утра уже должен взлетать. Матвеев что-то попытался возразить, но Славка закрыл за собой дверь, и отправился к начальнику штаба поинтересоваться, чего еще тому надо.

- Получите, Решетников, на складе новые хромовые сапоги, - приказал майор, - на ваши смотреть больно.

Потом он еще с полчаса инструктировал лейтенанта. Получив от майора наставление, как себя вести в столицах, чтобы достойно представить их часть, Вячеслав отправился в аэропорт за билетом. Времени было в обрез. До семи еще надо бы забежать в магазин за тортом.

Ровно в половине седьмого наглаженный и наодеколоненный он нажал кнопку звонка знакомых дверей. Моложавая, слегка полноватая женщина с легкой проседью в темных волосах, появившаяся в проеме, внимательным взглядом окинула Вячеслава. В ответ на ее немой вопрос Вячеслав, мгновенно сообразивший, что перед ним мать Людмилы, изобразил на лице приветливую улыбку:

- Здравствуйте! А Люда дома?

- Здравствуйте! Нет, она в магазине, но скоро будет. А вам она зачем?

- Извините, я тогда подожду на улице, когда она придет, - смешался Вячеслав, неловко пряча за спину купленный торт и пытаясь ретироваться.

- Чего же на улице ждать? Заходите в дом. Вы ведь Вячеслав? – слегка улыбнулась женщина, сообразив, наконец, кто перед ней, и отступая в сторону. – Проходите, пожалуйста! А я Людина мама, - продолжила она, закрывая за Славкой дверь, - Елена Владимировна. Можно просто тетя Лена.

- Очень приятно! – смутившийся вконец Славка не знал, куда деть проклятый торт. – А я – Вячеслав!

- Давайте торт и раздевайтесь, - вновь улыбнулась женщина. – Да не стесняйтесь вы так, никто вас здесь не съест!

В этот момент входная дверь распахнулась, и на пороге появилась слегка растрепанная и запыхавшаяся от быстрой ходьбы Людмила:

- Ты уже тут! – обрадовалась девушка, увидев Славку. – Мама, возьми, пожалуйста, - она протянула сумку Елене Владимировне, сбрасывая пальто. – А что это вы в прихожей стоите? Познакомились? Мам, ты его тут не обижала? А то он какой-то замороженный, - Людмила подошла к Вячеславу и чмокнула его в щеку, смутив лейтенанта окончательно. – Проходи в комнату. Мама, тебе помочь?

- Уже почти все готово. Ты лучше гостем займись. Проходите, Слава! Можно я вас так буду звать?

- Конечно, Елена Владимировна, - Вячеслав наконец-то успокоился и послушно пошел за Людмилой, потянувшей его за руку в сторону распахнутой двери, провожаемый оценивающим взглядом Елены Владимировны.

Как только они с Людмилой оказались за дверью, она повисла у него на шее:

- Ой, как я рада, что ты пришел! – прошептала она, целуя Славку в губы.

- Я же обещал! – Вячеслав нежно прижал любимую к себе, вдыхая знакомый и такой родной запах ее волос.

- Мало ли что обещал. А вдруг по службе что случилось бы? – девушка откинула голову и взглянула Славке в глаза. – Ну, как тебе моя мама?

- Нормально, - Вячеслав неопределенно пожал плечами, - приветливая женщина.

- Кто это – приветливая женщина? – в комнату плавно вплыла с тарелками в руках Елена Владимировна. – Я, что ли?

Славка мгновенно расслабил объятия и отпрянул от Людмилы, а та только рассмеялась:

- Ты, мама, ты!

- Нет, Слава, я очень строгая! – Елена Владимировна поставила тарелки на стол, накрытый бежевой скатертью, и повернулась в сторону влюбленной парочки. – Да к тому же еще и привередливая!

- Да ну тебя, мама! Что ты его пугаешь? Подумает, что и правда. А где Юрка с Володей?

- Где же им быть? Юрка с друзьями. Я ему, правда, наказала, чтобы к ужину был. Проголодается, примчится! А Вовчик у себя в комнате, уроки делает. Пошли-ка, сорока, поможешь мне.

- Может быть, и я чем-нибудь смогу быть полезным? - вызвался Вячеслав, но женщины приказали ему включить телевизор и сидеть смирно.

- Не беспокойтесь, Слава, сами справимся!

- Потерпи пять минут, - поцеловала его Людмила, исчезая вслед за матерью.

Через минуту после их ухода дверь распахнулась вновь, и в комнату вошел мальчишка лет десяти от роду. Как сразу понял Вячеслав, это был младший брат Людмилы, Владимир.

- Здравствуйте! - поздоровался он со Славкой.

- Здравствуй! - поднялся и протянул ему руку Вячеслав. - А ты, значит, Владимир?

- Да. А вас как зовут?

- Вячеслав. Можно просто - дядя Слава! Как дела? Чем занимаешься?

- Задание по математике делал.

- Так сейчас, вроде, каникулы в школе? Да и поздно уже.

- Ну и что. У меня за четверть тройка по математике, мать и попросила классную подтянуть меня. Вот она и подтягивает.

- А старший брат не поможет?

- Юрка, что ли? Не. Ему, как мать говорит, не до меня.

- Понятно. Ты в каком классе-то учишься?

- В третьем. А вы в армии служите?

- Служу.

- В желдорбате?

- А ты откуда знаешь?

- Так это все знают. У нас здесь кроме желдорбата других военных нет.

- Ну, почему же, а военкомат, например. Там и из других родов войск люди работают.

- Так они там работают, а не служат.

- Ну, у некоторых служба такая.

В этот момент в комнате появились принаряженные женщины.

- Уже познакомились? - увидев рядом с Вячеславом своего младшенького, поинтересовалась хозяйка.

- Познакомились! - ответил вместо Вячеслава мальчишка.

Когда, наконец, стол был накрыт, Елена Владимировна достала бутылку шампанского и попросила Славку открыть ее:

- Папа у нас в командировке, а мы не умеем, - пояснила она, улыбнувшись. - А, может, вам, Слава, что покрепче?

- Да нет, - вновь смутился Вячеслав.

- Что нет! – вмешалась Людмила. – Как будто они у себя на трассе шампанское пьют? Сам же рассказывал, как неразведенный спирт с парнями употребляли!

Славка, открывая шампанское, попытался откреститься от собственных рассказов и перевести все в шутку, но только раззадорил Людмилу.

- Что ты, Слава, стесняешься, как красна девица? Достань, мама, свое-го, фирменного. Ну, того самого, что папа любит.

- Да не надо, - начал было отнекиваться Вячеслав, но Елена Владимировна уже принесла бутылку с коричневатой жидкостью.

- Наливайте, Слава! Нам – шампанского, а себе – вот этого.

- А что это?

- Настойка, на зверобое и прополисе. Да не бойтесь так, Слава, я вас не отравлю! Это полезная настойка, еще моя мама меня делать научила. Анатолий Иванович наш, тот перед ужином обязательно стопочку принимает для здоровья.

- И не только для здоровья, - влез в разговор младший брат, за что тут же получил выговор от матери.

- Не обращайтесь на него внимания, Слава!

- Наливай, наливай! – улыбнулась Славке девушка, а младший брат хихикнул.

- А ну-ка давай, быстро ешь и к себе в комнату заниматься! – прикрикнула на пацана Елена Владимировна.

- Да пусть сидит, мама! – попросила рассердившуюся мать девушка. – А то каникулы скоро кончатся, а он все над своей математикой корпееет. Надо же когда-то и отдохнуть.

Пацан бросил благодарный взгляд на старшую сестру, а Вячеслав, наполнил два фужера и рюмку, предупредительно выставленную на стол.

- Ну что, молодежь, - подняла свой фужер Елена Владимировна, - давайте за знакомство!

- А мне? – спросил младший брат.

- А тебе морс! Наливай и присоединяйся! – усмехнулась старшая сестра.

Они чокнулись и выпили. Напиток из рюмки оказался самогоном, но вполне приличного качества. Он действительно был настоян на каких-то травах с медовым привкусом и пился мягко, не обжигая.

- Ну, и как? – поинтересовалась Людмила, когда все выпили. – Как напиток? Это у нас мама специалист по изготовлению всяких настоек.

- Угощайтесь Слава, - Елена Владимировна подложила ему в тарелку еще одну котлету, - А вы, значит, в армии служите?

- Да, в мостовом батальоне.

- Предполагаете и дальше продолжить службу?

- Мам, ну что ты его допрашиваешь? – вмешалась Людмила.

- А мне интересно. И потом, что это, секрет что ли?

- Ну что вы, Елена Владимировна, конечно, не секрет, - Вячеслав отложил вилку. - Через полгода служба заканчивается. Остаться в армии особого желания нет. Не мое это! Я с детства, вообще-то, летчиком хотел стать, как отец, но не получилось. Хотя и здесь, в желдорбате, есть своя романтика.

- А какая у вас гражданская специальность?

- Инженер-строитель. В Хабаровске институт закончил.

- А родители ваши, где живут?

- Сейчас в Калинин перебрались, на родину к маме. Отец вышел на пенсию.

- После службы к ним поедете?

- Нет, что мне там делать, в незнакомом городе. Хочу здесь на некоторое время остаться, денег подзаработать, а там видно будет. Тем более, что строители здесь сейчас нужны позарез, я интересовался. Вон, какой комбинат строится.

- А где жить собираетесь?

- Да как-то не задумывался. Есть, наверное, и в организациях общежития, без крыши над головой не оставят.

- Послушайте, товарищи, - вмешалась в разговор Людмила, - а вы про меня-то не забыли? Разговаривают друг с другом, будто меня тут и нет! Мам, неси рябиновую! А ты, Слава, кушай, а не болтай, - она погладила Вячеслава по щеке, - вон какой худой стал, щеки и те ввалились. Володька и тот больше тебя съел!

Елена Владимировна тем временем принесла графинчик с напитком рубинового цвета, и по ее настоятельной просьбе Вячеслав налил себе в рюмку.

- Ну, и как вам? - спросила она, когда они все вместе выпили за здоровье Славкиных родителей.

- Приятный вкус, свежей рябиной отдает. И чем-то еще, не пойму!

- Это шиповник. Но не плоды, а цветки.

От всех этих возлияний Вячеславу стало жарко. С разрешения дам, он ослабил галстук и растянул верхнюю пуговицу рубашки. Елена Владимировна предложила всем выпить чаю, и в этот момент раздался звонок в дверь. Людмила пошла открывать, и через пару секунд в комнату влетел розовощекий подросток в джинсовой курточке, с торчащими в разные стороны волосами. Он с разбега шлепнулся за стол и, не обращая никакого внимания на присутствующих, сразу принялся что-то жевать. Как понял Вячеслав, это и был неуловимый Людин брат.

- Юра, поздоровайся с гостем! - укоризненно произнесла Елена Владимировна, с нескрываемой любовью оглядывая подростка.

- Здравсте! - оторвался от тарелки розовощекий пацан, бросая на Вя-

чеслава оценивающий взгляд. - А вы Людкин жених? - бесцеремонно спросил он.

- Прекрати! – прикрикнула на брата ставшая пунцовой Людмила.

- Юра, веди себя прилично! – одернула сына Елена Владимировна. – Познакомься, это – дядя Слава, знакомый нашей Людочки! Где тебя черти весь вечер носили? Ты рисунки для выставки закончил, кстати?

- Не все, - ответил набитым ртом подросток, - сейчас пойду, доделаю.

- Одиннадцатый час уже! Доедайте, и марш с Володькой спать! И не возражайте!

Пока пили чай, Елена Владимировна успела рассказать, что ее Юрик прекрасно рисует, и не раз занимал призовые места в каких-то конкурсах.

- Жалко, нет у нас художественной школы, - пожаловалась она. – Занимается с ребятами в доме культуры один молодой человек, но это все, конечно, не то. Я у Людмилы портрет видела, это вы нарисовали?

- Я, - ответил Вячеслав.

- И где же вы учились?

- Да нигде. Отец у меня хорошо рисует, и месяца два в кружок рисования ходил, как и ваш сын сейчас.

- А нарисовано хорошо, - похвалила Славку Елена Владимировна, - профессионально.

- Куда там! Просто руку набил. Со временем и ваш Юрий не хуже будет. А чтобы профессионально карандашом или кистью владеть, нужно, все-таки, школу иметь.

После чая Людмила утащила Вячеслава к себе в комнату, где они целый час, пока мать возилась с посудой на кухне, рассматривали фотографии из семейных альбомов, то и дело прерываясь на поцелуи. Славка помнил, что завтра ему лететь, но все никак не мог найти подходящего момента, чтобы сообщить об этом Людмиле. Наконец, в очередной раз оторвавшись от ее губ, он решил:

- Люда!

- Что, любимый?

- Я завтра уезжаю.

- Что? – встрепенулась Людмила. – Куда уезжаешь? В Першино?

- Нет, - обнял Вячеслав девушку, - надолго и далеко.

- Куда это? И почему завтра? – уперлась она ему кулачками в грудь, тревожно заглядывая в глаза. – Рассказывай! Куда тебя опять послали? И что такое – надолго?

- В Ленинград отправляют, учиться, - Славка сделал паузу, - на два месяца.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. На лицо Людмилы набежала тень. Было видно, что она огорчена и обижена неожиданным известием, хотя уже достаточно притерпелась ко всем этим армейским фортелям и

ясно понимала, что в данной ситуации ничего нельзя ни изменить, ни исправить. Армия – есть армия!

Чтобы как-то загладить свою невольную вину, Вячеслав нежно обнял любимую и зарылся носом в ее волосы, ощущая каждой клеточкой своего тела, как до боли дорога ему эта хрупкая, нежная девчонка. Она сидела, будто оцепенев. Славка потихоньку гладил девушку по спине, стараясь изо всех сил как-то ее успокоить, шептал на ухо всякую ерунду, не переставая целовать то в глаза, то в губы, то в шею. Наконец, она глубоко вздохнула, приходя в себя.

- Уезжаешь, значит?

- Уезжаю.

- Завтра?

- Завтра.

- Ладно, - наконец-то улыбка вновь промелькнула на лице девушки, - не подлизывайся! Сам, небось, до смерти рад: Ленинград – не наш Советский, цивилизация! Я тебе даже завидую немножко; в музеях побываешь, в Маринку можно сходить, настоящий балет посмотреть, да и просто на город полюбоваться.

- На кой он мне сдался, если тебя рядом целых два месяца не будет.

- Не ври, бессовестный! – Попробуй только не писать! Не прощу ни в жизнь! И на девушек столичных не слишком заглядывайся!

- Ну, что ты, какие еще девушки!

- Да, знаем мы вас, парней! – отмахнулась Людмила. – Ни одной юбки мимо не пропустите!

- Молодые люди, половина первого уже, завтра на работу! – раздался из-за двери голос Елены Владимировны.

Людмила неохотно поднялась и открыла.

- Заходи, мама! Слава уже собирается. Он, кстати, завтра на два месяца в Ленинград уезжает.

- Да что вы! – заинтересовалась Елена Владимировна. – И зачем?

- На учебу, - ответил Вячеслав.

- Как я вам завидую! – мечтательно произнесла женщина. – После нашей глухомани, и – Питер! Ну, счастливого вам пути, Слава! Вам еще, наверное, собратиться надо?

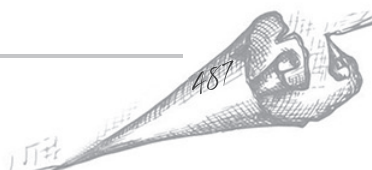
Вячеслав кивнул головой и направился в прихожую одеваться. Людмила вышла вслед за ним.

- Слава у нас на два месяца уезжает, - сообщила она высунувшемуся из спальни Юрке.

- Правда? – не то удивился, не то обрадовался брат. – Вот повезло-то!

- Это еще почему? – недовольно спросила сестра.

- Тебя два месяца видеть не будет! – хихикнул мальчишка и показал сестре язык.

- Служба, - коротко пояснил мальцу Вячеслав, застегивая пальто.
- Спасибо за ужин, Елена Владимировна! Все было очень вкусно. Ну, я пошел, до свидания! Еще раз спасибо!

- До свидания, Слава! Было очень приятно познакомиться, - Елена Владимировна уже переодетая в домашний халат слегка кивнула головой, прощаясь с Вячеславом, и, повернувшись кругом, отправляясь, видимо, спать.

- Постой, я тебя провожу, - накинула на плечи пальто Людмила и вышла вслед за Вячеславом на лестничную площадку.

Обняв Людмилу, он уткнулся носом в ее лицо, и вдруг почувствовал, что щека у нее мокрая. Невыносимая, щемящая жалость к ней охватила все его существо, да так, что он и сам чуть не расплакался.

- Не плачь, родная! - Славка смахнул губами слезы с ресниц девушки.
- Время пролетит незаметно.- Он еще несколько мгновений прижимал девушку к груди под распахнутым пальто, пытаясь оставить в памяти все изгибы ее горячего, податливого тела. - Иди, любимая, а то простынешь, холодно здесь.

Он слегка подтолкнул Людмилу к двери, и, резко повернувшись, скатился по ступеням вниз...

Ленинград встретил Вячеслава оттепелью. Грязный, мокрый снег скользил под ногами, превращаясь в кашу на тротуарах, и летел брызгами во все стороны из-под колес проезжающих машин. До Нового Петергофа, где были расположены центральные курсы железнодорожных войск, Славка добрался на электричке. На КПП военного городка, обнесенного глухим трехметровым забором, ему объяснили, куда обращаться дальше, и уже через час он поселился в пятиэтажном общежитии офицерского состава. Позже, уже обедая в столовой, он познакомился с двумя лейтенантами-близнецами, братьями Вагиными, которые, как выяснилось, тоже со вчерашнего дня приступили к учебе в его группе. Оба были под метр девяносто, красивыми и компанейскими парнями.

- Тут, в общем-то, все нормально, - сообщили они Вячеславу о распорядке и условиях учебы. - Учишься до пяти, а потом свободен, как птица. В субботу учеба - до обеда, потом офицерское собрание, подведение итогов недели, ну, и всякая другая ерунда часов до трех, четырех. А вечер субботы и воскресенье - выходной. Можно в город съездить, в музей там, в театр.

- Сами-то откуда?

- Москвичи. А служим в Кирове, обходы вокруг города строим. А ребята из мостового батальона через Вятку второй мост возводят. Нормальная служба, и город хороший. Но хочется чего-то такого! Чтобы себя проверить, что ли? Написали рапорта начальству, попросились куда-нибудь

на Север. Обещали рассмотреть в кратчайшие сроки. Может, к вам в часть и попадем.

- Было бы здорово! У нас мужики нормальные, да и комбат с понятием: служить можно. Но, боюсь, что вас, если и переведут, то, скорее всего, на Тюмень-Сургут. Там сейчас горячо, к сдаче дороги готовятся. А после Сургута собираются ветку до Уренгоя тянуть, к нефтегазовым промыслам. А там, может, и еще куда, - куда партия прикажет.

- Вот и нам так же сказали. А мать наша выступать начала: куда, дескать, вас черт несет. Служите, мол, как люди в городе, так нет! Папашу нашего даже подключила.

- А он что у вас, большой начальник?

- Ну, большой - не большой, а вес в войсках имеет. Вот она его и наюкивает, чтобы это дело сломать.

- Мать, она на то и мать! А он-то как?

- Да никак! Матери, конечно, лапшу на уши вешает, что старается, а нам сказал потихоньку: сами решайте. Слушай, там у вас в батальоне командиром взвода Саша Иванов служить должен?

- Есть такой.

- Ну, как он там, не женился? Мы вместе с ним в одно время училище здесь заканчивали.

- Как не женился, женился. И сын у него родился, даже не один.

- Вот здорово! Ну и Сашка! Тоже близнецы сыновья-то, или двойняшки?

- Не совсем, - усмехнулся Вячеслав, и рассказал им историю, приключившуюся с Ивановым. - Но сейчас, вроде, все утряслось, - успокоил он братьев...

Вячеслав, уже освоившийся на курсах, совершенно неожиданно для себя столкнулся в учебном корпусе со своим приятелем по институту Виктором Черновым. Удивительного в этом было, конечно, мало: военную кафедру прошли все полноценные особи мужского пола. Но встретить сокурсника почти через два года разлуки особенно приятно. Служил Виктор в Молдавии, а призвали его на полгода позже Вячеслава.

- Почти всех ребят с курса в армию прибрали, - рассказал он Вячеславу. - Кстати, Генка Новиков, приятель твой закадычный, тоже недалеко от меня служит, в Григориополе.

- Да, я знаю. Летом в Хабаровске был, видел его.

- Во, блин, повезло вам! А я уже полтора года дома не был. Никак отпуск не хотят дать. Ну, а ты-то как хоть?

- Обыкновенно. Через полгода - дембель! А так, все нормально: трудимся потихоньку.

Учеба шла своим чередом. На следующий день после прибытия Вячеслав закупил на почте конвертов и написал Людмиле первое письмо. Писал, что любит, скучает, пока еще ничего толком не видел, но в выход-

ные хочет проехаться с ребятами куда-нибудь в город, до которого почти час хода. Закончив письмо, он запечатал конверт и снес его в почтовый ящик, благо он висел на заборе, почти у самого КПП.

В субботу, после еженедельного собрания офицеров, они вместе с Черновым и Вагиными пошли в баню, тут же, в Новом Петергофе. Баня Славку удивила, прямо, как в кино: скамьи с высокими спинками накрыты белыми простынями, банщики по первому зову готовы принести пивка или еще чего покрепче. А, самое главное, пока ты моешься, твое белье постирают и погладят. После бани, посвежевшие и умиротворенные, они зашли в «Стекляшку». Так здесь офицеры прозвали кафе по дороге к общежитию, где обычно и собирался в свободное от занятий время офицерский состав курсов.

Скинувшись по пятерке, в этом заведении можно было распить на двоих бутылку, закусив заливной осетриной и даже съесть что-нибудь горячее. Оставалось еще и на пару бутылок минеральной, так что цены были вполне приемлемыми. Тут же крутились местные девчонки, пытаясь захомутать себе кавалеров.

- Один и тот же контингент, - пояснил один из братьев Вагиных. - Не меняется много лет.

- А вы откуда знаете?

- Из уст в уста передается, как фольклор.

- Хочешь, познакомлю с кралей, - предложил Чернов, уже успевший здесь побывать. - Вижу на горизонте кое-какие знакомые лица.

Но Вячеслав вежливо отказался от предложения приятеля. У него еще зримо стоял перед глазами тот вечер, что он провел в гостях у Людмилы, и крутить шарики-ролики незнакомым девицам не было никакой охоты.

- Ну, как знаешь! - и Чернов бросился в атаку, приглашая братьев последовать его примеру.

В воскресенье, расспросив у старожилов общежития, как удобнее добираться до центра, Вячеслав, не дождавшись приятелей, отбыл в город. Впрочем, Вячеславу так было даже удобнее: он собирался в Эрмитаж, в котором никогда не был, а посмотреть выставленные там шедевры мечтал всю жизнь. В Эрмитаже Вячеслав пошел по залам наобум, без сопровождения экскурсовода. Ему хотелось спокойно, не спеша, рассмотреть картины старых мастеров, которые здесь находились. А экскурсоводы водили народ толпами, почти бегом, скороговоркой рассказывая о том или ином раритете. Чтобы охватить, как можно большее число залов, ног тут не жалели.

Славка поднялся на второй этаж, спросил у сидящей на стуле восемнадцатого века дежурной, куда ему идти, и, минуя длинный коридор и стенды с коллекцией старинных монет, сразу попал в галерею портретов героев Отечественной войны двенадцатого года. Он долго бродил по

галерее, внимательно рассматривая работы художников того времени и вглядываясь в лица генералов. Юные и седые генералы смотрели на Вячеслава с полотен и в их суровых и одновременно сияющих глазах, как будто бы читался вопрос: а ты кто такой, и что ты сделал для своего Отечества? «Практически ничего», - сделал для себя неутешительный вывод Вячеслав и пошел дальше по музею.

В одном из залов он наткнулся на картину Леонардо да Винчи «Мадонна с цветком». Вот тут он и понял, что все его собственные художественные изыски - просто мазня. Экскурсовод, подошедшей к портрету с группой посетителей, пояснил, что художник писал эту картину почти тридцать лет. Ошеломленный Вячеслав, рассматривая полотно, был потрясен тем, как был выписан каждый волосок в прическе, а белокурая прядь почти осязаемо колыхалась под ласковым ветром Италии. Поразил Вячеслава и саркофаг князя Александра Невского. Громадный, покрытый червлёным серебром, позолотой и многочисленными барельефами с видами битв и мифических зверей, он производил неизгладимое впечатление на неискушенного зрителя из провинции.

Часам к трем уставший, но довольный Вячеслав покинул музей и к половине шестого уже был в расположении курсов. Чернов дрых без задних ног в своей комнате, утомленный ночным походом. Славка поднял его в семь вечера.

- Что? Где? Куда? – подпрыгнул на кровати Чернов. – А, это ты, Слав, – в глазах приятеля не сразу, но появилось осмысленное выражение. – Что, уже на ужин пора?

- Пора. Семь уже.

- Айн момент! А где Вагины?

- Не знаю. Заходил к ним, никого нет. Не приехали из гостей еще, видимо.

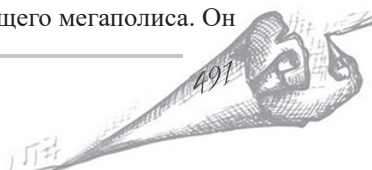
- А они в гости куда-то напросились?

- У них отец в Луге у сестры проездом. Вот и прислал за ними машину. Поехали к тетке на дачу.

- А, тогда ясно! Ну, я сейчас! Подожди минутку.

Они сходили в столовую, потом посмотрели в вестибюле хоккей по телевизору. Шло первенство мира, поболели за наших, и Вячеслав, уставший от целого дня мотаний и массы впечатлений, отправился спать. Последней мыслью, мелькнувшей у него перед тем, как он провалился в сон, было то, что теперь в письмах Людмиле можно о чем-то и написать: в Эрмитаже не каждый день бываешь, и картины Леонардо не каждый день видишь.

Дни летели стремительно, как пули. Вячеслав постепенно привык к ритму занятий и к большому городу, посещая по выходным то музей восковых фигур, то художественный музей, то какой-нибудь концерт. Он уже не так уставал от суеты вечно куда-то спешащего мегаполиса. Он

получил от Людмилы два письма, из которых узнал, что ничего особенного выдающегося за месяц в их большой деревне не произошло. Погода, правда, вновь стала морозной, но так как ходить особенно некогда и некуда, то на погоду-то можно было и не обращать внимания. «Сижу дома, думаю о тебе, - писала Людмила. – Скучно без тебя, любимый!» Сердце у Славки от этих слов сладко замирало...

Несколько раз курсантов возили на лекции в Академию тыла и транспорта, где учили воздушной разведке и минному делу. Моложавый подполковник рассказывал слушателям, как нейтрализовать заложенный противником под насыпь, в принципе, не обезвреживаемый и неизвлекаемый ядерный фугас.

- Беремкумулятивные заряды и направленным взрывам раскалываем фугас. Тем самым, исключая полноценную цепную реакцию.

- А полноценную? – спросил у подполковника Чернов.

- Часть заряда, конечно, может среагировать, но сами понимаете, взрыв будет гораздо меньшей мощности, или его вовсе не будет.

- Хрен редьки не слаще! – почесал затылок Виктор. – Местность-то все равно станет зараженной.

- Не без этого, - продолжил преподаватель. – Но для того мы вас здесь и учим, чтобы в любых условиях обеспечить прохождение подвижного состава по вверенному вам участку пути.

- Ха! – потихоньку хмыкнул Чернов, обращаясь к Вячеславу. – Разминировать-то, вроде, разминируешь, но потом обязательно сдохнешь. Красота!

- Ладно, не гунди, дай послушать! – отмахнулся от приятеля Вячеслав.

Лекции ему в академии нравились: много полезного узнал. Особенно, когда тренировались на тренажерах, имитирующих самолет-разведчик. На экране, устроенном под вид лобового стекла, где-то внизу проплывали пейзажи незнакомой местности. Ощущение полета было вполне реальным: гудели двигатели, кабина самолета дрожала, иногда проваливаясь в воздушные ямы, в воздухе, за стеклом рвались снаряды несуществующих зениток. Полное ощущение полета над линией фронта.

Когда они, возвращаясь на автобусе в Петергоф, то останавливались у пивного ларька и всей компанией выпивали по кружке свежего и на удивление вкусного пива. Пиво наливалось из металлических танков, при этом можно было взять, как холодного, так и подогретого. Не то, что в Советском. Там пиво всегда было в дефиците и почиталось любителями, как редкость..

Погода в Питере весь месяц стояла слякотная, не то зима, не то – весна.

- Никакой обуви не напасешься! – ворчал Чернов, надраивая ваксой побелевшие от соли, которой щедро посыпали дороги и тротуары, сапо-

ги. – Вечно ноги мокрые. И как они тут только с этим живут? Гниют на корню, бедолаги!

- А никак! – бурчал в ответ Вячеслав. – Видел, все ходят, носами шмыгают! У нас хоть и мороз, но сухо и тихо! А тут еще и всю дорогу ветерок, и ноги сырые. Вот, сопли постоянно кулаком и размазывают.

- Ну, у нас в Молдове тоже не холодно, но как-то поприятнее. Посуше, что ли? Да и ветров таких не бывает.

Но к середине апреля в Ленинграде неожиданно ударили морозы, удивляя даже старожилков. Не такие, конечно, как в Советском, но градусник опустился почти до минус двадцати, а при такой влажности морозец переносился хуже, чем при сорока. Привыкшим всю зиму ходить в фуражках офицерам пришлось надеть шапки. И это в в разгар весны!

В воскресенье местные власти праздновали проводы зимы, и в парке с фонтанами развернули народные гулянья с блинами, шашлыками и катанием на тройках. Они с Черновым и братьями тоже отправились в Старый Петергоф. Славка даже не заметил, как отморозил одно ухо, но все равно было весело и радостно. Дворцы Петра сияли куполами, народ распевал песни, и ощущение праздника долго не покидало Вячеслава. Через пару недель предстоял путь домой, к товарищам, знакомой службе и любимой девушке.

Глава 13

Май на севере начался с жары. Резко потеплело еще в конце апреля. И за несколько дней после возвращения Вячеслава из Ленинграда снег с открытых мест сошел, обнажив пожухлую траву, а земля на косогорах кое-где даже подсохла. Сердце у Вячеслава ликовало, встреча с любимой после долгой разлуки окрылила его, вселив надежду на счастливое и безоблачное будущее. Счастье переполняло его. Если бы не дежурства по части, которыми его щедро потчевал начштаба почти через день, потому что все люди находились в Першино, то он бы вечерами не вылезал от Людмилы.

Первая встреча произошла в тот же день после Славкиного возвращения в Советский и была бурной и горячей. Он рассказывал ей о Ленинграде, она делилась новостями поселка, но после каждой фразы они вновь и вновь не могли удержаться от того, чтобы не обняться и не прильнуть губами к губам любимого человека.

- А ты здорово скучала?

- Конечно, глупенький! Тошно тут без тебя было. С девушками практически не виделась, сходили один раз на танцульки и все. А ты скучал? Или с питерскими девицами любовь крутил? А ну-ка, рассказывай! – тормошила она Славку.

- Ну, какие такие девицы, Люда! – возмущался Вячеслав. – Скучал, как и ты. Особенно вечерами. Днем как-то все время заняты были: то

лекции, то полигон. А вечером – один телевизор, по субботам – баня. В кафешку, правда, с ребятами несколько раз ходили, в кино. Кинотеатр только в Старом Петергофе, остановки три на автобусе. Правда, в Старом Петергофе пивбар расположен, шикарный такой. Петровским называется. В подвале. Скамьи дубовые. Впечатляет, короче. Да, мы там с парнями Юрия Кукина видели. Ну, того самого, барда, что песни сочиняет. Помнишь: «А в тайге по утрам туман, дым твоих сигарет. Если хочешь сойти с ума, лучше способа нет...»

Вячеслав охотно делился с девушкой всем, что ему пришлось испытать и увидеть за это время. Отца, Анатолия Васильевича, дома снова не оказалось, а мать, Елена Владимировна, к удивлению Вячеслава в этот раз не стала их тревожить, и они просидели, не отрываясь друг от друга в Людмилиной комнате, почти до самого утра.

Перед самым праздником Решетникова вызвал появившийся с трассы Бугрим и приказал собираться в Пелым, подменить сидевшего там со взводом охраны Деряжного. В связи с предстоящим разливом реки, да и лед уже толком не держал ни технику, ни людей, основные силы освободившихся рот были переброшены, кто на Першино, кто в Советский.

Славка тотчас же позвонил на работу Людмиле и сообщил ей, что все планы, которые они строили на первомайский праздник, летят ко всем чертям.

- Вечером еду поездом. Если сможешь, подходи.

- Подойду, конечно, - ответила ему упавшим голосом девушка. – Неужели совсем ничего нельзя сделать?

- А что тут сделаешь, служба! Да ты не грусти больно-то, я все равно что-нибудь придумаю, не первый раз.

- Только смотри, Славочка, чтобы ничего плохого не случилось?

- А что может случиться? Меньше взвода – не дадут, дальше Кушки не пошлют!

С досады Вячеслав наорал на дежурного по КПП за беспорядок в помещении, на который ему мимоходом указал замполит. Ну, прямо напасть какая-то! И надо же было Бугриму нарисоваться в части как раз сейчас. Хотя чего тут удивительного: к семье человек приехал на праздники, отдохнуть.

- Ты чего такой взъерошенный? – спросил Вячеслава появившийся со стороны первой роты Лева.

- А, лучше и не спрашивай! На Пелым погнали, Дерягу подменить. Не было печали, так черти накачали! Жалко, конечно! Хотели с Людмилой на природу вместе с компанией сходить и тебя пригласить.

- Что, помолвку отпраздновать? – заулыбался Шварцер. – Поздравляю!

- Какую еще помолвку? – не сразу понял Вячеслав.

- Как какую? С Людмилкой, естественно!

- Не знаю, Лева. Рано, наверное, об этом думать. Да и Людмила никогда не намекала насчет таких дел.

- Так она же девушка! Что она тебе, сама, что ли будет предлагать взять ее замуж? И что значит рано? Тебе сколько до демобилизации осталось, гусь ты лапчатый?

- Четыре с половиной месяца.

- Ну, вот, а ты говоришь – рано! Пора и определяться, Людмиле-то уже двадцать почти. Подросла девочка. Это, когда Пангаев за ней ухлестывал, да

нос ей подтирал, было рано, а теперь в самый раз. Девчонка она неплохая. Я лично не задумывался бы.

- Ладно, замнем пока для ясности! – перевел разговор Вячеслав. – Пойду дежурство сдавать. Кстати, а не ты у меня его принимаешь?

-Я, конечно. Ты же вчера у Суровцева принимал, а позавчера Николай Зубков ишачил. А насчет праздника – не расстраивайся! – хлопнул Лева Славку по плечу. – Не впервой. Оставишь хозяйство на замкомвзвода, и через три часа – дома!

- Не впервой, оно, конечно, не впервой, но после того случая зимой, когда паренек замерз, страшновато. Вдруг, что случится! Хотя сейчас уже не замерзнешь, лето почти. Ладно, подумаю на досуге, когда в поезд сяду. А то мне еще собраться нужно.

- Да брось ты! Чего тебе собирать? Цыгану собраться – только подпоясаться.

- Надо еще с Людмилой повстречаться, переговорить, что да как. А в принципе, предложение твое принимается: переносим пикник на второе и баста!

Минут за сорок до отправления поезда к курившему на перроне вместе с Ягодкиным Вячеславу присоединился капитан Дубов, которого тоже направили в командировку, только на Лозьву.

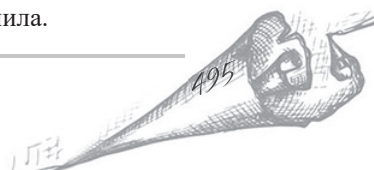
- Здорово, Вова! – пожал он руку Ягодкину, отмахнувшись от протянувшего было руку Вячеслава. – С тобой раза два нос к носу в части встречались, забыл что ли?

- Тоже в ссылку? – поинтересовался у Дубова Ягодкин.

- И не говори, оборзело начальство! Праздник через день, а нас – подалее от дома! Гляди-ка, - толкнул он Славку в плечо, - твоя, кажись, летит! Точно! Давай, шагай, шагай, в вагоне встретимся, товарищ жених. А мы тут с Володей потолкуем пока о жизни нашей грешной. Вон, кстати, Ворошнин топают, сто лет его не видел. Привет, Саша!

Славка повернулся, увидел пересекающую улицу перед вокзалом знакомую хрупкую фигурку и поспешил навстречу. Не стесняясь прохожих, они обнялись.

- Опять уезжаешь, - с грустью произнесла Людмила.

- Приказ, - вздохнул Славка.

- Каждый раз, как выходные, так приказ.

- Не расстраивайся, - Вячеслав рассказал девушке про идею приятеля. – Так, что, готовься, второго идем на природу! Махнем куда-нибудь подальше от поселка.

- Слушай, может, не надо? – не на шутку встревожилась Людмила, представив, видимо, возможные последствия. – Вдруг поймают, что тогда будет! Не последний праздник ведь.

- Не так страшен черт, как его малюют! – изобразив на лице бесшабашность, парировал Вячеслав. – Я же тебе говорил: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Тем более мне уже скоро не служить, пять месяцев осталось. Выговором больше, выговором меньше. Какая разница. Не бойсь, все будет хорошо!

- Дурачок ты у меня! – девушка улыбнулась и прижалась щекой к его груди.

- Значит, второго встречаемся, - Славка уткнулся носом в волосы Людмилы и глубоко вдохнул их знакомый запах.

В этот момент диктор объявила, что до отправления поезда номер сто тридцать восемь осталось пять минут. Замершие влюбленные встрепенулись и пошли к вагону...

В Пелым прибыли к полуночи. На перроне Вячеслава встречал Женька. Дубов, который ехал в Першино, тоже выскочил из вагона: поезд стоял минут десять, и можно было покурить на свежем воздухе, благо, погода позволяла.

- Здорово, Деряга! – облапил капитан лейтенанта. – Ну, как ты тут? Не сгнил в этой дыре?

- Здорово, мужики! – приветствовал их радостный от мысли, что скоро увидит жену и сына, Деряжный. – Вы оба сюда что ли?

- Нет. Николай в Першино катит. Ты когда в Советский-то собираешься? – спросил Вячеслав.

- Ночным экспрессом.

- А дела передавать не будешь?

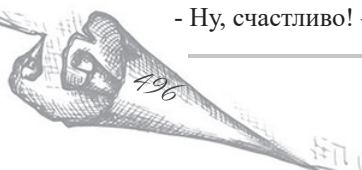
- А какие тут дела? Спим целыми днями, кто не в карауле. У меня тем более замкомвзвода грамотный. Да ты его знаешь – старший сержант Соловьев.

- Это тот, который в Першино еще ефрейтором был? Ну, когда мы с Петькой мост разбивали?

- Эко вспомнил! Когда это было! Полтора года почти прошло. Тот самый, конечно.

- Ладно, парни, вы тут гутарьте, а я поехал дальше, - вмешался в разговор Дубов, - отправление уже объявили.

- Ну, счастливо! – пожал протянутую руку приятеля Вячеслав.

- До встречи! – Женька помахал вслед тронувшемуся вагону, - Пошли, - повернулся он к Вячеславу, - на ночлег тебя устрою.

В комнате, куда он привел Вячеслава, стояли две кровати, одна из которых была застелена свежим бельем.

- А народ-то где ночует?

- В палатках. Так надежнее. Технику и все остальное сторожат. А то пацаны местные одолели, так и норовят что-нибудь стащить. А тут, в доме, только повар ночует, да Соловьев иногда остается спать. Но редко. И если кто приедет ненароком, тоже здесь устраиваем: места полно. Да ты ложись, ложись! Тебе-то чего дожидаться? А я пока потихоньку соберусь.

Славка не заставил себя долго ждать, разделся и тут же уснул. Он даже не услышал, как ушел Женька. Видимо, сказалась усталость от всех треволений и неприятностей, свалившихся ему на голову за один день. Хотя, по существу, разве это были неприятности? Так – мелочь!

Разбудил его энергичный стук в дверь:

- Разрешите?

- Входите! – Вячеслав поднялся, натягивая брюки и рубашку.

В дверях появился сияющий, как начищенный пятак, Соловьев.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! Сто лет с вами не виделись! Извините, что потревожил, половина десятого уже.

- Здорово, Соловьев! Я гляжу, лычка-то у тебя на погонах шире стала, не то, что на Лозье, - польстил Славка сержанту. – Слышал, ты уже замкомвзвода стал?

- Так сколько лет прошло, товарищ лейтенант. А сейчас уже приказа жду.

- Майского что ли?

- Ну да! Бугрим, вот предложил аккорд, чтобы в конце мая в первых рядах на дембель.

- А что за аккорд?

- Клуб в части отремонтировать. Не знаю только, отпустит ли меня Деряжный в Советский? Может, поспособствуете.

- Почему не отпустит-то? Отпустит. Он ведь тоже в июле демобилизуется, понимать должен.

- Хорошо бы. Завтракать будете, товарищ лейтенант?

- Обязательно, умоюсь только.

- Ну, тогда подходите в столовую, а я пойду, повара предупрежу.

После завтрака они с Соловьевым обошли территорию городка, проверили выставленные около техники посты, побывали у бойцов в палатках, а потом отправились на мост. Вячеславу было интересно посмотреть, что там изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Два месяца прошло, не шутка.

- Три опоры закончили, товарищ лейтенант. На дальней, береговой, правда, только ростверк успели залить, а третью русловую выше уреза льда вытащили, - докладывал Соловьев, пока они шли по дороге к реке, выбирая места посуше.

Лед с Пельма уже сошел. Темная, поднявшаяся метра на два вода, билась о бетонные блоки облицовки, возведенных до половодья опор и о высокий правый берег. Левобережье ниже по течению было залито водой. Старый мост на своих деревянных сваях и решетчатых рамах дрожал и скрипел от напора разгулявшейся реки. На вновь возведенной насыпи, около будки охраны, где они когда-то ночевали с Понюшенко, был со-складирован не использованный железобетон, остатки опалубки и всякая прочая ерунда.

- Да, забыл сказать, мехбат еще с этой стороны успел подход отсыпать, - заметил Соловьев, - метров триста.

- Правильно сделал. А что пути-то не положили?

- Не знаю, товарищ лейтенант. Может, путевигов куда в другое место перебросили? Или Еременко проспал. Хотя, не думаю. Слышал, что две роты из их батальона в Нягань перебросили станционные пути достраивать. Точнее сказать не могу.

- Ладно, пошли. Охранять тут действительно нечего, - подвел итог Вячеслав.

Они вернулись на станцию, и Славка отправился в штабную комнату, чтобы позвонить в батальон. Доложив Стешенкову, что на вверенном ему объекте все в порядке, он позвонил Людмиле в суд, где она работала секретарем. Но в суде шло заседание, и Славке пришлось перезвонить через час.

- Ну, как ты там? – обрадовалась звонку девушка.

- Освоился. Здесь уже тепло совсем, почти лето. Прогулялся на мост, посмотрел, что да как. Хорошо ребята поработали. Да и обстановка окружающая в полном порядке. А остальное все, как мы договорились. Ну, ты понимаешь?

- Понимаю, конечно! Ладно. Спасибо, что позвонил! Я тебя целую. У меня сейчас опять процесс начинается, так что, извини, Славочка, я заканчиваю. Не скучай, я тебя люблю.

- И я тебя целую.

Довольный разговором Славка вышел на улицу и прогулялся по вытаявшему из-под снега поселку. В магазине, у знакомой продавщицы он купил ручку и блокнот, решив, что раз нечего делать, нужно написать к празднику стихи. Тем более, что настроение было по-весеннему восторженным, а накопившаяся энергия требовала какого-то выхода. Он вернулся в дом и засел за сочинительство. Но в голову, как назло, ничего не приходило. Настроив, забытую здесь кем-то из сослуживцев старенькую, дребезжащую гитару, Славка попытался изобразить на ней какую-нибудь

подходящую мелодию. Получился немудреный вальс. Под эти ноты у него и родились первые строки:

На обоях цветы голубы,
А глаза у тебя глупы, глупы,
Я от ласки твоей отвек, я – старик,
Ну, а ты еще любишь цветы.

Он тщательно переписал первое четверостишие в блокнот, перечитал, и остался вполне доволен. Не фонтан, конечно, но сойдет. Смущало слово «глупы», но другой рифмы на ум не приходило, и он решил оставить все, как есть.

В этот момент его позвали на обед, а после обеда он завалился спать, благо никто не тревожил ни из батальона, ни из переданных ему в подчинение людей. Проснулся он в полтретьего и, сполоснув лицо под ручкой, пошел в расположение палаточного городка, посмотреть, что там делается. Но там, как и ожидалось, ничего интересного за это время не случилось. Встретивший его Соловьев доложил, что служба идет по расписанию, а все отдыхающие – отдыхают.

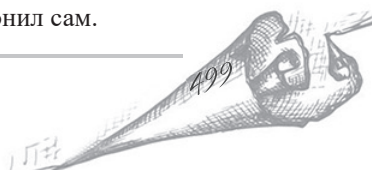
От скуки Славка подался на местный вокзальчик, где почти до вечера проболтал со знакомым мастером путевого околотка. Они даже выпили, когда у железнодорожников закончился рабочий день. А еще позже к ним присоединилась подруга мастера, дежурная по станции, вернувшаяся со смены. Она предложила Вячеславу познакомиться его со своей замечательной, как она сказала, во всех отношениях приятельницей, но лейтенант вежливо уклонился от такого предложения и к десяти вернулся к себе в комнату. На табуретке возле кровати стоял остывший ужин, заботливо принесенный поваром, но есть не хотелось, и Славка, слегка охмелевший и уставший за день, просто разделся и заснул. Когда он на следующее утро проснулся, первое, что пришло ему в голову, были строки четверостишья, написанные им накануне: «на обоях цветы голубы». Тьфу, подумал Славка, какая гадость! Потом он вспомнил, что наступил первый день мая. Праздник, черт возьми! И первое, что он сделал, приказал повару сварганить к обеду что-нибудь эдакое:

- Праздник, все-таки, или ты по-другому думаешь, Ахмет?

- А как же! – заулыбался повар. - Нэ, беспокойтэсь, товариш лейтенант! Все будет, как в прыличном рэсторане, можетэ не сомнэваться. Я у сэбэ дома такой шашлык-башлык готовил, палчики облыжешь!

- Кончай баззать! Изготовь, что-нибудь вкусненькое и попроче. Без этих самых шашлыков-башлыков. Я на тебя надеюсь, - сказал Вячеслав и подался в расположение пересчитывать подчиненных.

Как и предсказывал Лева, с утра начались звонки с поздравлениями и наставлениями от старших товарищей по службе и друзей. Первым позвонил комбат и пожурил за то, что Славка не позвонил сам.

- А чего звонить, Александр Александрович? У нас тут тихо, как в гробу. На мосту уже побывал, опоры не сперли. Ох, извините! С Первым Мая вас, товарищ майор!

- Вот-вот, дошло, наконец! Это у тебя от пересыпа в голове тихо и пусто! Шутник. Смотри, чтобы бойцы у тебя в какую историю не влипли и не нажрались. Понял? Ну, бывай! С праздником тебя, Решетников!

- Спасибо, товарищ майор! И вам всего наилучшего.

- Спасибо. Позванивай дежурному изредка.

Потом звонили и замполит, и начальник штаба, и просто ребята, кому было нечего делать. До обеда телефон просто раскалится от звонков, а после обеда смолк намертво. Народ после демонстрации подался за столы. В Пельме тоже состоялось некое подобие праздничного шествия. Парторг леспромхоза произнес с дощатой трибуны, обитой красной материей, речь, выступило несколько увешанных медалями ветеранов. Потом народ покричал «ура», потряс флагами и надутыми разноцветными шариками, и спокойно разошелся по домам пить водку. Между звонками Вячеслав посетил это действо, напомнимшее ему, что сегодня действительно Международный День Солидарности Трудящихся.

После обеда он вызвал Соловьева и проинструктировал:

- Если кто налопаётся, чтобы в палатке дрых, в поселок – ни шагу! Ты меня понял, сержант?

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант! Мне залеты тоже не нужны! Дембель на носу.

- Ладно. Я до завтрашнего вечера исчезну. Приятели тут местные пригласили. Если кто позвонит, знаешь что сказать.

- Да не беспокойтесь вы, товарищ лейтенант, - состроил лицо кающегося монаха Соловьев, - сделаем все, как нужно! Без базара и ненужных подробностей.

- Ты это на что намекаешь? – нахмурился Вячеслав.

- Да ни на что, товарищ лейтенант, - по стойке смирно вытянулся сержант. – Не волнуйтесь, все будет в полном ажуре! Я с этих архаровцев глаз не спущу, будьте уверены!

- Топай, - закончил беседу Вячеслав и улегся на кровать, где и проспал до самого вечера не потревоженный никем.

Выспавшийся от души и посвежевший он еще раз, на всякий случай, побывал в палаточном городке. А после отбоя позвонил в Советский дежурному по части, где таковым опять-таки оказался Лева.

- Сюда-то собираешься? – спросил его Шварцер.

- Лев, ты что? Это же не телефонный разговор.

- Да, кончай ты! Нет никого в части!

- Найдется какой-нибудь гадёныш, чтобы настучать, не заржавеет!

- Найдется, яйца открутим!

- Открутить-то открутим, а толку? Мы же обо всем, вроде, договорились.
- Ладно, я все понял, бывай!
- До встречи, - закончил разговор Вячеслав и пошел еще раз, на всякий случай, проверить личный состав.

Дневальный был на месте. Он доложил, что личный состав отдыхает, а Соловьев находится в клубной палатке, готовит дембельский альбом. Старший сержант действительно находился там и старательно, высунув кончик языка, что-то рисовал цветными карандашами.

- Чего не спишь, Соловьев?

Сержант оторвался от своей работы и привстал, приветствуя лейтенанта:

- Не хочется, товарищ лейтенант! Чаю не хотите?

- Давай, - присел за стол Вячеслав.

- А, может, чего покрепче? – хитро улыбнулся Соловьев и достал из тумбочки бутылку с прозрачной жидкостью. – Ребята из Першино к празднику прислали.

- Спирт?

- Он самый! Чистейший!

- Не, не буду, на ночь, глядя, и тебе не советую. А вот чаю наливаи и погуще.

- Как хотите, товарищ лейтенант, но пятьдесят граммов никому еще не повредили!

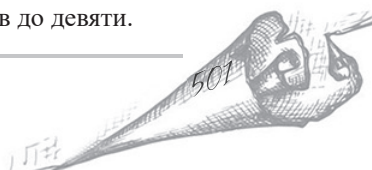
Но Вячеслав решительно отказался. Ему предстояла бессонная ночь в дороге, а чтобы завтра быть свежим, стоило побереечь здоровье. Попив чаю, он распрощался с Соловьевым, напомнив тому, чтобы завтра его не искали, и ушел к себе. Глубокой ночью он сел на поезд и уехал в Советский.

- Вы же, вроде, в Пельме, - удивился, увидев ранним утром Вячеслава, новый вестовой, появившийся в общаге недавно и прозванный офицерами привычно, по фамилии предыдущего, Боговичем. Милый сердцу, смешной и почти любимый Богович закончил службу и благополучно отбыл домой. Провожали его с почетом, искренне желая всего хорошего. Человек он был бесконфликтный и полезный. Парни насовали ему в дорогу целый сидор консервов и соленой горбуши...

Новый вестовой вначале попытался не отзываться на эту, ставшую именем нарицательным среди жителей общаги фамилию, но Матвеев быстро привел в чувство новобранца:

- Еще раз услышу скулеж, по стенке размажу! Да и глухоту заодно вылечу!

- Поменьше болтай, рядовой, спокойнее жить будешь! – вместо объяснений буркнул удивленному его появлением солдатику Вячеслав и отправился к себе в комнату поспать еще хотя бы часов до девяти.

Утром в поселке стояла оглушительная тишина, ни дуновения ветерка, ни звука. Народ спал после вчерашнего веселья. Солнце уже катилось высоко по небосклону, пригревая истосковавшуюся по теплу землю. «Градусов под двадцать, не меньше», - подумал Вячеслав, подставляя лицо ласковым лучам. Он несколько раз глубоко вдохнул, ощущая аромат нагретой солнцем хвои и слушая треск лопающихся на тополях смолистых почек. Постояв с минуту, направился будить Гомянина с Матвеевым, а заодно поднял и Лева, крепко спавшего после дежурства. Рандеву на природу, как ему вчера сообщила по телефону Людмила, было назначено на десять.

- Ну, как там у тебя в Пельме? – спросил приятеля Лева.

- Пока нормально все было. Думаю, и дальше все будет нормально. Соловьев парень опытный.

Ровно через час они вчетвером сидели за поселком, на поваленной сосне у обочины дороги, ведущей в сторону Комсомольского, и дожидались девчат.

- Я предлагаю до Уха прошвырнуться, - продолжил настаивать на своем Гомянин. – На реке все-таки, поинтереснее.

- Не, - возражал ему Матвеев. – Во-первых, топтать почти четыре версты, а, во-вторых, у воды, как ни крути, прохладно еще, простынут девки. Да и ты тоже.

Вячеслав в разговор не вмешивался, перебирая струны старенькой общежитской гитары, захваченной с собой. Наконец со стороны поселка на дороге появились три знакомых фигурки, а рядом незнакомая пара: мужчина с авоськами и женщина в ярком летнем платье. Через пару минут девчата и примкнувшие к ним Валера Крапивин с женой были рядом.

- Здравствуйте, мальчики! – вальяжно поздоровалась с сидящими на обочине Анна.

- Привет, мужики! – поздоровался со всеми Валера. – Давно на солнышке паритесь?

- Минут пятнадцать, - ответил Матвеев. – А ты, Валера, когда в Советском-то нарисовался? – спросил он бывшего сослуживца.

- Уже месяц почти.

- А чего у нас не появился?

- Да дела все. То работу искал, то пристрой у тещи отделявали.

- Понятно.

- Фу, запарилась тащить, - отдышавшись, заявила Галина, вручая авоську со снедью Матвееву. - Несите, красавцы, дальше! Куда, кстати, идем-то?

- На Швейцарию, - ответил Гомянин, забирая вторую авоську у Валентины.

- А чего?

- Спроси Матвеева, он настаивает.
- Матвеев, а почему в Швейцарию? – повернулась к капитану Галина.
- Потому, - не стал вдаваться в объяснения капитан, подхватил Валентину под руку и тронулся по дороге.

- Холодно у воды, - начал растолковывать Галке Юрий, но та, видимо, обидевшись на капитана, только отмахнулась от объяснений и последовала вслед за о чем-то оживленно болтающей парочкой. Юрка пожал плечами и потянулся за разгневанной девицей. Лев, как всегда, не стал вмешиваться в перепалку: себе дороже и тоже подался следом, подхватив под ручку Анну.

За все это время Вячеслав и Людмила не промолвили не слова. Они держали друг друга за руки, боясь разжать пальцы. Он внимательно рассматривал ее лицо с сияющими от счастья влажными глазами и находил в нем все новые и новые, дорогие сердцу черточки, которые не замечал до сих пор. Наконец, очнувшись от оцепенения, Людмила нежно поцеловала Вячеслава в ответ на его легкое прикосновение губами к ее щеке, и широко улыбнулась:

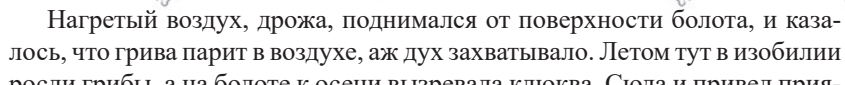
- Ну, пошли, что ли? А то ребята вон уже куда утопали.
- Пошли! – подхватил гитару и пакет с бутылками Вячеслав. Второй рукой он обнял девушку за талию, не желая расставаться с ней ни на секунду.

- Не искали тебя еще? – поинтересовалась Людмила, заглядывая ему в глаза.

- Бог миловал! Я Соловьеву позвонил из общаги, там все в порядке. Жалко, конечно, что вечером уезжать нужно, - он вновь поцеловал, подставленные Людмилой податливые и такие желанные, уже припухшие от поцелуев губы. – А ты-то хоть сучала? Или не успела соскучиться?

- Дурачок! Сучала, конечно.
- А откуда этот Валерка со своей бабой взялись?
- Вчера с Анной случайно встретились, поболтали, я и сказала, что в лес пойдем отдыхать. Она с нами напросилась, а я и не возражала, подруга все-таки. Валера тоже в вашей части служил, только раньше.

Они, наконец, догнали оторвавшуюся вперед группу, и, весело болтая, продолжили путь в местную Швейцарию. «Швейцарией» молодежь Советского прозвала высокие, с крутыми склонами песчаные гривы, нависшие над огромным болотом. Окаймленное по берегу густым березняком со стороны дороги на Комсомольский и столетними соснами на вершинах грив с другой стороны, оно располагалось километрах в двух на запад от поселка в сторону реки Ух. Склон самой высокой и протяженной, изогнутой луком гривы смотрел на юг, и солнце припекало здесь особенно сильно. С вершины склона открывался живописный вид на кочковатое, рыжее болото, поросшее редкими, кривыми и полусохшими сосенками.

Нагретый воздух, дрожа, поднимался от поверхности болота, и казалось, что грива парит в воздухе, аж дух захватывало. Летом тут в изобилии росли грибы, а на болоте к осени вызревала клюква. Сюда и привел приятелей и подружек Матвеев. Южный склон был уже без снега и практически сух. Кое-где на кустиках брусничника висели красные прошлогодние ягоды, которые не успела съесть местная живность. Девчата расстелили на хрустящий беломошник старые одеяла, прихваченные кавалерами из каптерки Боговича, и тут же, на куске полиэтиленовой пленки разложили еду. Вячеслав с Юркой притащили пару обломков сваленных когда-то ветром стволов, на которые и угнездилась вся компания. На правах старшего первый тост поднял капитан, Виктор Иванович Матвеев:

- Ну что, господа и дамы? Как говорится, весна неизбежна, что мы и наблюдаем, - Матвеев поднял голову и зажмурился, подставляя лицо уже не на шутку припекающему светилу. - Поэтому, - продолжил он, поднимая алюминиевую кружку, - за весну! Ну, и за Международный день трудящихся, разумеется. Будем!

- Мудёр ты, Иваныч! - восхитился Лева. - Цицерон. Я предлагаю первый тост поднять за присутствующих дам. Они накрыли такой прекрасный стол и скрасили нашу угрюмую мужскую компанию. А за трудящихся - попозже!

- Это еще почему? - поинтересовался Гомянин.

- А потому, что Лева - джентльмен, - оборвала Юрку Галина, - в отличии от тебя!

- Кончайте, граждане! - вмешалась в разговор Валентина, почувствовав, что он может закончиться перепалкой.

- Правильно, Лева, давайте за - дам, господа офицеры, - поддержал друга Вячеслав и ласково поглядел на Людмилу.

- За - дам, так за - дам! - не стал возражать Матвеев.

Все дружно выпили, закусили и вскоре наперебой заговорили, кто о чем, толком не слушая собеседников. Просто хотелось говорить друг с другом, смеяться в ответ на простенькие анекдоты и слышать знакомые голоса, возвращающие к жизни всю зиму молчавший в оцепенении бор. Что тут было все эти долгие и томительные зимние месяцы? Только шуршание падающего с сосновых ветвей снега, плотно укрывшего метровым слоем землю под стволами, да вой нередких, злых метелей. А сейчас девичий звонкий смех разносился по всей округе, привлекая любопытных синиц и поползней.

Нахальные синицы садились, никого не боясь, прямо на импровизированный стол и таскали хлебные крошки чуть ли не из-под рук. К двенадцати стало совсем жарко, и все разделись до купальников, подставляя белые, истосковавшиеся по солнечному свету тела под ласковые лучи весеннего солнца. Расположившись на одеялах, девчата достали карты,

Матвеев с Гомяниным и Валерой присоединились к ним. Людмила с Анной вели о чем-то оживленную беседу слевой, а Славка в одиночестве поднялся на самую макушку гривы, обозревая окрестности. На противоположном, северном склоне гривы, защищенном от солнца тенью сосновых крон, еще лежал не растаявший, слипшийся в крупные зерна снег. Упавшие иглы хвои покрывали его белоснежную поверхность.

- Слава, иди к нам! – донесся до него голос Людмилы.

- Подгребай, старик, повторим! – крикнул Матвеев, и Вячеслав спустился по склону назад.

- А там за горкой снег лежит, - сообщил он приятелям. – Не растаял до сих пор.

- Вот и хорошо! – высказался Матвеев, разливая по кружкам вино. – Станет совсем жарко, пойдем в снегу купаться. Не возражаете? Как девчата, пойдем?

- Вот еще! – зябко поежилась Валентина.

- А что, и пойдем! – поддержала Матвеева слегка захмелевшая от вина, а потому расхрабрившаяся Галина. – Вот только выпьем еще и пойдем! Правда, Люд?

- Вот это я уважаю! – поднял кружку Матвеев - Ну, давайте, с богом! Чтобы хотелось и могло!

- Слава, спой что-нибудь, - попросила притулившаяся к присевшему на ствол Вячеславу Людмила.

Гомянин протянул Славке гитару, тот взял два, три аккорда и на мгновение задумался.

- Давайте все вместе «Ты у меня одна», - предложила Валентина и, не дожидаясь никого, запела .

Славка вступил с гитарой, и все хором подхватили знакомую песню. Когда допели, начали новую. Славка вспомнил, что в поезде дописал-таки слова стихотворения на мелодию вальса, пришедшие ему в голову еще в Пельме.

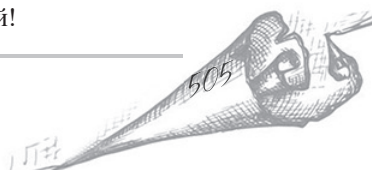
- Вальс! – объявил он, привстав и поклонившись, как со сцены, запел:

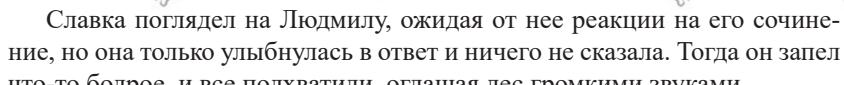
...Провела по щеке рукой,
Заглянула в глаза – покой, покой.
Сигарета погасла моя, и я,
А тебе уже снится другой.

- Сам сочинил? – спросила Галина, когда Вячеслав закончил.

- А то! - ответил вместо друга Гомянин. - У нас в части все таланты отчасти! – скалабурил он. - Прошу любить и жаловать! Поэт и композитор Вячеслав Решетников!

- Хорошая песня, - Валентина одобрительно улыбнулась Вячеславу, - только грустная. Давай, Слава, что-нибудь повеселей!

Славка поглядел на Людмилу, ожидая от нее реакции на его сочинение, но она только улыбнулась в ответ и ничего не сказала. Тогда он запел что-то бодрое, и все подхватили, оглашая лес громкими звуками.

Часам к двум солнце начало припекать не на шутку. Выпитое вино тоже разогрело организмы, и молодые люди на спор начали нырять в тающий снег. Девчата, кроме Галины, так и не рискнули броситься в белую, зернистую, ледяную массу, но с удовольствием смотрели на бесплатное представление. Снег быстро отрезвил захмелевшие головы и освежил восприятие мира. Отогревшись на солнце и обсохнув от ледяной купели, все засобирались домой и часам к шести вечера были уже в поселке, где и расстались, разбившись на пары. Вячеслав пошел провожать Людмилу, по дороге на минуту заскочив в общежитие и переодевшись в армейское. Пробирались они к ее дому, крадучись, переулками, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь знакомому. Елена Владимировна напоила их на кухне чаем с пирогами, а сама, извинившись и сославшись на какие-то неотложные дела, исчезла из дома.

- К приятельнице побежала, - пояснила Людмила, - недалеко тут, в соседний дом. Они там с отцом гуляют. Скоро придут.

- Э, тогда я, пожалуй, пойду! – засобирался Вячеслав, не имеющий особого желания встречаться с отцом девушки именно сегодня.

- Испугался? А еще офицер! – рассмеялась подруга. – Сиди. У меня папа спокойный, не съест!

- Ничего я не испугался, - попытался оправдаться Славка, но у него это плохо получилось.

Людмила присела к нему на колени, и, обняв, прижала его голову к своей груди.

- Не бойся, я тебя в обиду не дам, мой хороший!

Вячеслав притих, ощущая биение ее сердца и вдыхая пьянящий запах молодого женского тела. Он повернул голову, и губы их встретились. Так они просидели с полчаса, пока в дверь деликатно не позвонили. Вернулись родители, и Славке поневоле пришлось познакомиться с Анатолием Васильевичем, отцом его Людмилы. Мужиком он оказался компанейским, они даже выпили по рюмке водки за знакомство, но потом Люда утащила Славку в свою комнату, посоветовав изрядно принявшему на грудь отцу идти отдыхать:

- Ты уже свою норму принял, папа! Да и Славе в половине восьмого нужно на поезд.

- Ладно, ладно, дочка, не учи старших, - попытался возражать отец. – Мы еще по одной со Славой примем, и все! Правда, Слав? – спрашивал он лейтенанта, но под давлением жены и дочери отправился все же на покой.

Вячеслав до семи пробыл у возлюбленной, а потом быстрой рысью, постоянно оглядываясь по сторонам, долетел до вокзала и забрался в общий вагон. Поезд тронулся, и Славка с облегчением вздохнул: кажись, пронесло, никто его в Советском не видел. К двенадцати он уже входил в свою комнату на станции Пелым. Как он выяснил у Соловьева на следующий день, его так никто и не хватился.

Перед самым обедом позвонил Коля Суровцев, и, как человек, особо приближенный к императору, а поэтому осведомленный обо всем, сообщил неожиданную новость:

- У нас новый комбат будет, понял? Ты пока только про это помалкивай.

- Да ты что!

- Точно. Грузин. Чабрава его фамилия.

- А Гука куда?

- А Гука – на повышение, в управление бригады забирают, начальником производственного.

- Дела, - задумчиво протянул в трубку Вячеслав.

- Дела, как сажа бела! – продолжил Суровцев. – Чабрава этот командир роты где-то на Тюмень-Сургуте ишачил.

- А он уже в части появился?

- Нет. Завтра приезжает. Ты - то, как там?

- Да нормально все! Ну, бывай, не хворай! – закончил разговор с приятелем Вячеслав.

Он задумался, переваривая сообщенную приятелем новость, но потом, решив, что это его особенно не касается, занялся своими повседневными делами.

К ночи следующего дня прибыл Деряга с копией приказа по части, где Вячеславу предписывалось отправляться на Першино. В ночь Вячеслав не поехал, решив выспаться, а отбыл к новому месту назначения только на следующий день, к обеду, проспав почти двенадцать часов и плотно подкрепившись на дороге.

Глава 14

На Лозьвинском мосту заканчивалась сборка второго пролета. Вячеслав сошел прямо на объекте, соскочив с подножки вагона, когда состав полз по скрипящему и проседающему от веса поезда старому мосту. Вид огромного металлического сооружения, взметнувшегося рядом, уже вызывал уважение. На высоте примерно пятого этажа от уреза воды, по верхним поясам ферм безо всякой страховки сновали крошечные фигурки. «И как только не бояться? - подумал Вячеслав, направляясь к вагончикам. – Навернесья с такой высоты – костей не соберешь, несмотря на то, что внизу вода! Куда только Васильев смотрит? Падали, ведь, уже!». К его

немалому удивлению, первый, кого он здесь встретил, оказался доктор, Виктор Абрамян.

- Здорово, Витя! Сто лет тебя не видел! – радостно поздоровался Вячеслав. - А тебя сюда каким ветром занесло? Или тоже в ссылку загнали?

- Прислали санитарное состояние проверять. А чего тут проверять? – вздохнул доктор.

- И давно ты тут его проверяешь?

- Третьи сутки, - уныло ответил Абрамян, который страшно ненавидел всякие командировки.

- Ага! – понимающе кивнул Вячеслав. – Кстати, Иванов тут?

- Уехал с полчаса назад в поселок, но сейчас уже должен вернуться,

- Виктор посмотрел в сторону вагончиков. – Да вон «газон» стоит. Наверно, нарисовался уже.

- А чего мы тут тогда торчим?

- Пошли, - Виктор двинулся вслед за Вячеславом в сторону прорабки.

В вагончике сидели и пили чай трое: Иванов, Игорь Васильев, капитан-монтажник из Тюмени и его лейтенант.

- Привет, господа! – поздоровался, бросив сумку с вещами в угол, Вячеслав, и пожал старым знакомцам руки. – Ну, как дела тут у вас? Как живете - можете?

- Присаживайся, - пододвинул ему табурет Иванов. – Чай будешь? А ты, Витя?

Абрамян утвердительно кивнул.

- Игорь, у тебя люди с ферм не звезданутся? – спросил капитана Вячеслав. – Гляжу, носятся, как угорелые, а внизу шпунт. Навернется кто, как топором разделает!

- Пусть носятся, - спокойно ответил Васильев, - к середине июня нужно монтаж закончить. Кому суждено утонуть, тот не сгорит! Ты, Слава, кстати, не забыл, чтобы все расписались за монтажные пояса? – обратился он к Славкиному тезке.

- Не забыл, Игорь Васильевич! И инструктаж внеочередной провел, - ответил лейтенант, предваряя последующие возможные вопросы.

- Вот и все! – повернулся капитан к Вячеславу. - Навернутся, сами виноваты будут, не могу же я каждого за руку водить. Не маленькие, и не первый мост собирают!

- Тут один уже искупался, - вмешался в разговор доктор, пристроившийся на какой-то ящик в углу вагончика и шумно прихлебывающий горячий чай - Аккурат, между шпунтом и опорой угодил. Повезло мужику!

- А тут один рецепт: начал падать – толкайся в сторону, как можно сильнее. Река, она помягче, чем шпунт, будет! – философски заметил капитан. – Ну, в крайнем случае, только почки отпадут.

- Ты чай-то будешь? – вновь спросил Иванов Вячеслава.

- Наливай. Кстати, мужики, завтра или послезавтра Кривякин появиться должен.

- Только его и не хватало, - засуетился Иванов. – Надо хоть журнал работ заполнить и акты просмотреть.

- Вот-вот! А я остальные бумажки перешерстю и подготовлю! Да и вам советую, - обратился Вячеслав к капитану.

- А нам-то что? У нас своего начальства хватает.

- Ну, как знаете. Мужиков-то на время проверки к леерам пристегните на всякий случай. А то брякнет полковник вашему начальству, а вам это нужно?

- Пристегнем! Ты бригадира предупреди, когда приедут, - сказал капитан лейтенанту, и тот согласно кивнул в ответ.

- Ладно, я пойду, посмотрю, чем мои архаровцы занимаются, - поднялся из-за стола Иванов.

- Подожди, я с тобой! – поднялся вслед за ним Вячеслав. – Кстати, ребята, что вечером делать будете? Имеется предложение отметить мой приезд в «Лозье». Никто не возражает?

- Что, разбогател? – спросил Игорь.

- Ну, разбогатеть – не разбогател, но на пару пузырей найдется! А на закусь наскребете, думаю.

- Наскреем, о чем речь! – сказал Иванов, открывая дверь.

- Я тоже прогуляюсь, - поднялся доктор, - подожди, Слав!

- Жду, - ответил Вячеслав и вышел на свежий воздух.

Следом из вагончика выскочил Юрий. Они поднялись на насыпь, где работал взвод Иванова, очищая детали конструкций пролетов и готовя их к монтажу.

- Лето скоро! – мечтательно протянул Абрамян, подставляя лицо ласковому ветерку и солнечным лучам.

Хотя уже было около пяти, солнце еще стояло довольно высоко. До белых ночей оставалось не больше полмесяца. По рельсовому пути они с Виктором прошли на мост, оставив Иванова у пескоструйных аппаратов.

- Поберегись! – раздалось за спиной, и вагонетка с очередной деталью пролетного строения, которую толкали два бойца, прокатилась мимо лейтенантов. В конце повисшего над водой второго пролета ее тут же зачокеровали, и деррик-кран с удивительной легкостью установил деталь на место. Было видно, что у Васильева люди умеют работать, и опыт имеется. Застучали кувалды, забивающие временные пробки. С интересом, понаблюдав за ловкой, слаженной работой монтажников, лейтенанты решили, что нечего болтаться под ногами у занятых людей, и вернулись на берег.

- Ну что, в поселок? – спросил приятелей Вячеслав.

Они пошли пешком, не дожидаясь машины. Хотелось подышать воздухом и лишний раз не гонять «газон» туда-сюда, благо погода позволяла.

Славкину сумку с вещами оставили бойцам с наказом подвезти после работы. Прибыв в расположение, Вячеслав пошел доложить Кареву.

- Здравствуйте, Владимир Иванович! – бодро поздоровался он с заместителем, сидевшим в штабе за какими-то бумагами.

- Привет, Решетников! – поднял голову капитан. – Давно прикатил?

- Нет, только что, дневным.

- В курсе, что штабники из управления нагрянут?

- В курсе. Бугрим предупредил. Сказал, что, вроде, Кривякин прибудет, и комбат завтра тоже подъехать обещал.

- Насчет Кривякина, не знаю, но кто-то из заместителей точно прикатит. Сам понимаешь, мост к июлю сдавать надо. Иди, устраивайся, а я тут бумаги разберу, а то за целую неделю почту принесли. Отвратительно почта работает, спустя рукава, неделями корреспонденцию копят. Или работать у них некому, зарплата-то копеечная...

Вячеслав отправился в общежитие, где его уже ожидали. Зубков, которого для усиления контингента на объекте тоже накануне вышибли из Советского, гладил рубашку, Иванов просто валялся на кровати, а Виктор, как обычно, что-то читал.

- Коля, привет!

- Привет, Слава! Что, как говорится, из огня да в полымя? – намекнул старлей на затянувшуюся командировку. – Слышал, прямо из Пельма – сюда!

- Усегда готов, товарищ старший лейтенант! – вытаращив глаза и вытянувшись в струнку, прокричал в ответ Зубкову Славка. – А ты чего валяешься? – повернулся он к Иванову. – Подъем! Уже шесть, а опаздывать непорядок, тем более что горючее финансирую я. Ребята могут подумать, что зажалась мы. Коля, ты с нами?

- А вы куда собрались?

- В «Лозьев». А тебе эти вахлаки ничего не сказали?

- Не удостоили.

- Вот поганцы! Старшего товарища решили обнести, не сообщили. Так ты как?

- Можно часика два посидеть, - на секунду задумался, что-то взвешивая про себя Зубков.

- Что, опять на охоту прицелился? – понимающе спросил Вячеслав.

- А как же! – отозвался с кровати Иванов. – Утка же полетела! Мы ему, поэтому и не сказали, думали, не пойдет.

- Ты помолчи лучше, эмбрион! - цыкнул на Иванова Николай, надевая наглаженную рубашку. – Один хотел нажраться на халяву! Поднимайся, бить буду!

- Вставайте мужики, некогда уже, - начал сердиться Славка. – А то мы с Колей вдвоем уйдем.

- Видишь, встал уже! – поднялся с кровати Сашка.

- Ну, а ты? – спросил Абрамяна Вячеслав.

Тот отложил книгу, посмотрел на ожидающих его товарищей, встал и пошел к вешалке за фуражкой:

- Я тоже с вами, пожалуй.

- Вот и хорошо.

К «Лозье» лейтенанты подошли одновременно с монтажниками. Те только что возвратились в поселок.

- Даже домой не заходили, – пояснил Игорь. – А ты, Коля, какими судьбами здесь. Ты же это злачное место обычно категорически игнорируешь.

- А у него зазноба куда-то отъехала! – подколот старшего лейтенанта Иванов, но тот только отмахнулся от Сашки.

Заказав выпивку и закуску светловолосой Зое, приятели откинулись на спинки пластмассовых кресел и в ожидании заказа заговорили о предстоящей инспекции.

- Беспокоится высокое начальство, – начал Славка, – зачастило что-то.

- А как ты думал, – достал сигарету и чиркнул спичкой Игорь. – Начальству в первую очередь нужно свой зад прикрыть. Вот ты подумай: ну, влепят тебе выговор за несвоевременный ввод моста, ну даже десять суток, допустим, впарят, и что? А ничего! Как был ты Славой Решетниковым, лейтенантом техчасти, так и останешься. Нечего с тебя взять. А если главному инженеру бригады выговор объявят? Катастрофа! Ему уже на батальон идти никак нельзя, да и не пустят, поскольку не справится. И куда его после этого? На пенсию в лучшем случае. А в худшем, – в соседнем корпусе, где-нибудь в отделе штаны протирать за гроши у сопливых старлеев в подчинении. А вот, если он вперед с тебя шкуру сдерет, то ему, глядишь, за рвение и простят. Понял?

Зал ресторана был наполовину пуст, да и понятно – время еще было раннее. Через столик пировала странная компания то ли бывших эзков, то ли рабочих с гидролизного. Отличить одних от других было весьма проблематично, тем более что они то и дело перетекали из одной категории населения в другую. Наконец, из кухни появились обе официантки с подносами, на которых красовались бутылки с «Перцовой», кружки с пивом и нехитрая закуска, селедочка с луком.

- Горячее попозже принести? – спросила Зоя.

- Конечно попозже, Зочка, – подтвердил Иванов. – Тысячу лет тебя не видел. Замуж не вышла?

- А за кого? У тебя и так две жены. Гарем, что ли хочешь открыть?

- Здравствуй, Игорек! – обратилась к капитану брюнетка, накрывая стол. – Не заболел ли?

- А, привет, Клава! – с неподдельным удивлением в голосе встрепенулся капитан. – Нет, не болел. Просто работы навалилось, и на-

чальство без конца с проверками надоедает, - соврал он девушке, не моргнув глазом.

- Ну-ну! Вы все в делах, значит, - Клава закончила разгрузку подноса и выпрямилась. – Может, еще что желаете, господа офицеры? – в голосе женщины мелькнули ехидные нотки.

- Ты что, Клава? Обидел кто? – спросил Вячеслав, зная незлобивый и легкий характер давно знакомой официантки.

- Не беспокойся, Слава, никто не обидел. Они все сами знают, а бог не фраер – все видит! – сверкнула в сторону Игорька взглядом из-под бровей и круто развернулась официантка.

Она едва не задела по носу взметнувшимся подолом напустившего на лицо выражение отстраненности и безразличия капитана, сосредоточенно ковырявшегося в тарелке с закуской.

- Ишь, ты! – удивилась поведению подруги Зоя. – Какие мы, однако, нервные. Ты бы Игорь как-то объяснился с ней все-таки! - обратилась она к капитану, - А то девка невесть что намечтала, а сейчас мается, дура! Я-то все понимаю, конечно, но мои слова до нее не доходят.

- Что? – спросил Славка у официантки, переведя взгляд на капитана, и отхлебнул из кружки. – Любовь неразделенная?

- А то!

Зоя, поджав губы, сунула опустевший поднос под мышку и отправилась вслед за подругой на кухню. Славка снова вопросительно посмотрел на Игоря. Так и не получив никакого пояснения случившемуся у него на глазах недоразумению, лейтенант перевел взгляд на Зубкова.

- Не бери в голову, сами разберутся! – Зубков разлил по рюмкам «Перцовую», но Абрамян неожиданно отодвинул свою.

- Я Зое коньяка заказал, - сказал он в ответ на молчаливый вопрос сослуживцев, - сейчас принесет.

Вячеслав от такого только хрюкнул нечленораздельно. Ишь, интеллигенция проклятая, коньяк ей подавай!

- Не беспокойся, Слава, я сам заплачу, - пояснил приятелю в ответ на возмущенное хрюканье Виктор, - от «Перцовой» у меня изжога.

- Сам ты – изжога! – вымолвил, наконец, на минуту онемевший от изумления Зубков. – Не хочешь, ну и черт с тобой! Давайте, мужики! – обратился он к остальной компании.

Все дружно чокнулись, выпили и принялись закусывать. Появилась Зоя, неся в руках лафитник с коньяком для Абрамяна.

- Вот, пожалуйста, Вита!

- Спасибо, Зочка!

- Не за что. Может, еще чего принести?

- Слышь, Зой, - неожиданно встрепенулся капитан. – Ты Клаве передай, что я сегодня к ней после смены зайду. Или здесь подожду, если хочет.

- А самому сказать – язык отвалится?
- Ну я тебя прошу, передай!
- Ладно, передам.

Ресторан постепенно наполнялся. В противоположном углу устроились знакомые офицеры из батальона Еременко, которые прибыли в Першино для приемки грузов и обустройства жилья. Остальная публика была разношерстной и по-своему живописной. Женщин было мало, и, когда у гардероба появилась шумная компания девиц, мужская часть зала оживилась. Девушки устроились за столиком, на котором до этого красовалась табличка «заказано». Абрамян, узнавший в одной из барышень свою старинную приятельницу, бухгалтершу с гидролизного, тоже засуетился и тут же отплыл с полной рюмкой своего паршивого коньяка к столику девиц. Судя по бурной жестикуляции лейтенанта и доносившемуся оттуда смеху, он начал им рассказывать что-то очень смешное. Хохот компании то и дело перекрывал звучащую из магнитофона музыку.

- Гляньте, ребята! – кивнул в сторону Виктора Зубков. – Ну прямо вылитый Кирк Дуглас!

- Работает! – заметил прихлебывающий пиво Иванов. – Перья распустил!

- И правильно делает, - Вячеслав разлил перцовку по рюмкам.

В этот момент в зале возник какой-то непонятный шум. Повернув голову в сторону девиц, Решетников увидел, что рядом с их столиком топчется пара местных кавалеров, пытающихся пригласить разнаряженных красавиц на танец. Те, видимо, отказывали, но аборигены решительно и не совсем адекватно настаивали на своем.

- Вы чо, девки, совсем оборзели! – махал перед девицами пачкой денег один из них. – Видите, люди с зоны откинулись, гулять хотят! Ну, ты что, чернявая, морду-то воротишь?

Вячеслав не успел даже заметить, когда со стула поднялся Виктор, пытаясь урезонить подпивших мужичков. Боковым зрением он уловил уже тот момент, когда Абрамян начал падать, получив неожиданный и хлесткий удар в челюсть. В первый миг Вячеслав просто остолбенел от такого поворота дел. Но уже мгновение спустя с криком – наших бьют! – он летел в сторону, обнаглевших до крайности, мужиков.

Все события, произошедшие дальше, воспринимались чередой отрывков, как в замедленном кино. Ясно Вячеслав запомнил только медвежьё фигуру Зубкова, от которого, как от стены, отскакивали подоспевшие на помощь своим, уже валяющимся на полу собратьям, остальные зеки. Да еще Игоря со Славиком, стоящих посередине этой кучи малы спиной к спине. Визжали девицы, а бесстрашная, привыкшая и не к таким переделкам Зоя, колотила подносом всех, кто попадался ей под руку без разбора. Вмешавшиеся в драку путейцы склонили чашу весов в пользу армейско-

го состава, и минут через пять зал был очищен от разгулявшихся бичей. Те, кто мог передвигаться, сбежали сами, а тех, кто уже не шевелился, просто выкинули на улицу, раскачав за руки и за ноги.

- Кто мне теперь за заказы заплатит? – причитала напуганная до смерти Клава, но решительная Зоя тут же успокоила ее:

- Куда они денутся? Завтра приползут и заплатят, как миленькие! Еще и извиняться будут, скоты!

У Вячеслава огнем горело левое ухо, по которому он изрядно получил от Виткиных обидчиков, а Иванов зажал распухший нос платком, измазанным кровью. К удивлению помятых победителей, Зубков не получил ни царапины, хотя в принципе ничего удивительного в этом и не было; как - никак - мастер спорта по вольной борьбе. Да и вес за сотню килограммов. Игорь со Славиком тоже уцелели, а пострадавший Виктор уже получал первую медицинскую помощь от охающих над ним девиц, из-за которых и возникла вся эта буча. Когда все улеглось окончательно, выпили за дружбу вместе с пришедшими на выручку ребятами из путевого батальона, а потом все вместе разводили по домам напуганных девиц, опасавшихся мести со стороны побежденных.

Но в поселке было на удивление тихо и спокойно. Вячеславу припомнилось, как однажды, тут же, на танцах, местные парни точно так же пытались обидеть ребят из мехбата. Но те мгновенно охладили пыл разгоряченных спиртом юнцов, подняв роту бойцов в ружье. Мало не показалось. Местные органы попытались жаловаться, но командование, пообещавшее разобраться с подчиненными, спустило все на тормозах. Да и то: не хватало еще, чтобы какие-то синяки обижали офицеров безнаказанно. А категорически запретить молодым людям ходить в клуб, влюбляться и жить жизнью нормального человека никто приказать не мог.

Короче, вечер удался на славу, как потом рассказывал всем, кто интересовался причиной возникшего у Абрамяна лилового фингала под глазом, Иванов. Кое-что, конечно, не без участия какого-то стукача-доброхота или просто болтуна, дошло и до начальства, поскольку на объект внезапно прибыл сам Бугрим. Он долго вынюхивал, что же все-таки произошло, но не получив ни от кого из участников определенных и точных сведений, долго разглагольствовал на ужине о воинской дисциплине в батальоне и правилах поведения с местным населением. Все внимательно слушали капитана и кивали. Но на вопрос, откуда у Абрамяна синяк, тот бодро ответил, что случайно ударился о спинку кровати, когда ложился спать:

- Свет погасили, товарищ капитан, а кто-то табурет из прохода забыл убрать, вот так и вышло.

- Шел – споткнулся, очнулся – гипс! – прокомментировал слова Витки фразой из популярного фильма Иванов.

- Осторожнее надо быть, - ехидно посоветовал Виктору Бугрим и отбыл в Советский ни с чем.

А на следующий день нагрянула очередная, правда, давно ожидаемая и потому не особо опасная комиссия из бригады. Но, самое главное, ещё до комиссии из Советского подъехал новый комбат, который, и это понятно, еще ни разу не бывал в Першино. С ним прибыл и Гук.

На утреннем разводе Карев доложил Гуку, что вверенный ему личный состав здоров, никаких происшествий не случилось, а строительство моста ведется согласно графику. Гук в свою очередь представил народу нового командира батальона.

- Капитан Чабрава, Шалва Александрович. Прошу любить и жаловать. Прибыл к нам из Свердловска, из управления корпуса. А до этого служил в Пыть-Яхе, на Севере.

Сухошавый грузин, с легким акцентом в речи сразу понравился Вячеславу. Он просто, с ироничной улыбкой поведал вкратце о себе, выразив надежду, что личный состав не подведет его и себя тоже в их дальнейшей совместной службе, а также познакомился с каждым из офицеров, которых представил ему Гук.

- Теперь на мост, Шалва Александрович? Решетников, садись с нами в машину, будешь показывать, – приказал Гук. - А вы, мужики, по местам, встречать начальство из бригады! Ты проследи, Владимир Иванович, чтобы все в порядке было. Комиссия часам к одиннадцати нарисуеться, их вагон с порожняком под лес подтянут.

- Не беспокойтесь, Александр Александрович, все будет в полном порядке!

- Когда встретишь, вези всех на мост. А лучше не надо. Мы с Чабравой сами сюда к той поре подъедем.

- Александр Александрович, - задержал Гука неожиданным, но, видимо, наболевшим вопросом Карев, - как там у меня с академией, вы не в курсе?

- Извини, Владимир Иванович, не в курсе. Сам понимаешь, замотался с этой передачей дел. Но ты не беспокойся, я сегодня же перезвоню в корпус Шимановичу.

- А что, капитан в академию собирается? – поинтересовался у Гука новый комбат.

- Да вот, Шалва Александрович, в третий раз уже, - пояснил такое настроение Карева Гук. – Может, в этот раз повезет.

- Не расстраивайтесь, капитан! – подбодрил Чабрава заместителя. – В этот раз обязательно получится. Ну что, поехали? – повернулся он к Гуку.

- Поехали, Шалва Александрович. А ты, Владимир Иванович, действительно не расстраивайся раньше времени.

Минут тридцать Вячеслав водил начальство по стройке, рассказывая,

где и что расположено. Капитан оказался вполне компетентным и подкованным в инженерных вопросах человеком. Он живо интересовался подробностями строительства, с интересом просмотрел исполнительную документацию и графики и, похоже, остался доволен состоянием дел на объекте.

- Вы только, товарищ лейтенант, полы подчиненных заставьте помыть! – указал он покрасневшему от этого замечания Вячеславу на грязь в штабном вагоне.

- Есть, товарищ капитан!

- Надеюсь, что у нас с вами никакого недопонимания не будет в дальнейшем, Решетников, – пожал он Вячеславу руку. – Вижу, что в делах вы толк знаете, ну, а остальное мы выясним, когда поближе познакомимся.

- Ну, и как общее впечатление, Шалва Александрович? – спросил капитана вошедший в вагон Гук, оставшийся на улице переговорить с Виктором Абрамяном.

- Хорошее впечатление, Александр Александрович! Хозяйство у вас крепкое. Да и офицеры грамотные, – кивнул он в сторону Вячеслава.

- Грамотные – это да! Но не без закидонов. Глаз да глаз нужен! Я прав, Решетников? Ну что, Шалва Александрович, поехали на станцию встречать начальство?

- А уже пора? – взглянул на часы Чабрава. – Действительно, половина одиннадцатого. Поехали, Александр Александрович.

Он пожал Славке руку и, пожелав успехов, вышел вслед за Гуком. Вместо начальства в вагоне тут же возникли Иванов и Абрамян.

- Ну, и как тебе капитан? – спросил Вячеслава Сашка.

- Да, вроде, мужик, понимающий, – неопределенно пожал плечами Вячеслав. – Узнаем получше, понятнее будет.

- А мне понравился, – заявил Абрамян. – По разговору видно, что интеллигентный человек.

- Это ты в нем родню свою признал, вот он тебе и понравился! – заржал Иванов.

- Фу, какой вы Саша, однако же, придурок, – отмахнулся от лейтенанта Виктор. – Достань-ка лучше сахар из ящика. Давайте чаю поьем, пока есть время, а то комиссия нагрянет, некогда будет, господа.

- Не первая и не последняя, – отозвался насчет комиссии Сашка, – переживем!

- Это – точно! – подытожил Вячеслав. – Наше дело правое – мы победим, как говаривал товарищ Ленин! Или Сталин? Не помню. Наливай, Витя!

Три дня спустя Вячеслав сидел ближе к концу смены на берегу Лозьвы, чуть пониже моста, вместе с прибывшим из Советского Левоу. Они смотрели на неподвижные поплавки заброшенных в воду удочек. Багровое солнце клонилось к закату. При таком освещении не было заметно

пятен грунтовки, которой закрашивали сборочные стыки и соединения. Мост казался одноцветным: в тени – чуть сиреневым, ближе к свету – розовым, а на гранях огненным. Вячеслав достал сигарету.

- Красиво! – показал он на мост не сразу понявшему, о чем идет речь, Леве.

- Ничего, - подтвердил приятель. – Вот только эту старую развалину разобрать надо, имея в виду старый мостовой переход, - а то весь вид портит. Как карлик-горбун возле великана.

- Надо сначала по этому проехать, а старый в пять минут монтажники разберут.

- Ну, Слав, будем удочки сматывать? – предложил Шварцер. – Один черт - ни разу не клюнуло.

- Да, что-то сегодня совсем глухо. А мужики говорили, что позавчера плотва, как бешеная, брала.

- Ты побольше их слушай, и не такое расскажут. Хотя, всякое может быть. Погода, видимо, меняется, видишь, какое солнце красное.

- Пошли, - поднялся Вячеслав, - народ уже к машинам потащился, как бы не оставили.

- Где вы ошиваетесь? - встретил приятелей возле машин взъерошенный и возбужденный Сашка. – Слышали новость?

- Что случилось-то? – спросил Лева. – Война началась?

- И че ты такой запаренный? – поддержал приятеля Вячеслав, направляясь к грузовику.

- Позвонил Суровцев из Советского, говорит, что новый комбат шею свернул.

- Да ты что? Прямо так и сказал? – недоверчиво переспросил Лева.

- Вот и что!

- Коля тебе и не такого наплетет! – сплюнул под ноги Вячеслав, доставая сигареты.

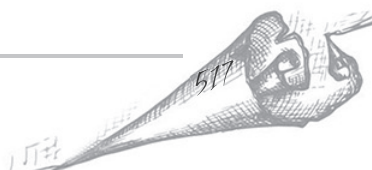
- Да правда! Говорит, были вместе с Гуком в депо, осматривали надземные резервуары, ну, эти, здоровые башни из колец, что возле главного корпуса торчат. Шалва полез на один посмотреть, что да как, а потом решил на другой перейти, там бойцы пару досок перебросили, чтобы каждый раз вниз не спускаться. А досочка-то возьми и подломись. И полетел наш новый, как горный орел. Хорошо еще, что внизу никакой арматуры не оказалось, а то бы кранты!

- Так ты же сказал, что шею свернул!

- Это я так, образно.

- Может, пойдём, позвоним Кольке, уточним? – предложил Лева.

- Он сам толком ничего не знает. Сказал, что позвонит снова, когда все разузнает.

Через двадцать минут они уже подъезжали к расположению. Капитан Карев встретил офицеров на крыльце штабного помещения.

- Отработали, мужики?

- Дела нормально, товарищ капитан, - отрапортовал за всех Сашка. - А вы в курсе, что новый комбат с резервуаров в депо свалился?

- В курсе, Саша, в курсе! Ну и что?

- Без головы, можно сказать, батальон остался! - замылся обескураженный совершенно спокойным видом капитана Иванов.

- Во-первых, Гук еще дела не сдал, Саша, а во-вторых - свято место пусто не бывает! Тебе Стешенкова мало, или замполита? А потом, Чабрава всего лишь руку в предплечье сломал. Даже не перелом у него, а трещина. Наложат гипс, и - порядок! А командовать и с загипсованной рукой можно. Так, что, не кипишись, Саша, без командиров не останемся. А вы-то, откуда про Чабраву узнали?

- Коля Суровцев, как обычно, панику развел, - чиркнул зажигалкой, прикуривая, Славка.

- Хорошего, конечно, мало! - достал сигарету и Карев. - Производственная травма. Собирайся-ка, Решетников, в Советский, ты же у нас техника безопасности. Акт составить надо. Приготовься, кстати, когда проверка придет, бумаги все подшерсти. Выговорешник тебе и так, и сяк обеспечен.

- А я-то тут причем?

- А вот тут, товарищ лейтенант, вы глубоко заблуждаетесь.

- Вот, блин, не было печали, - чертыхнулся Вячеслав, вспомнив, что за техника безопасности в батальоне отвечает он лично.

Последние полгода в батальоне не было ни одной серьезной травмы, и - на тебе!

- Пошли, мужики, ужинать, - пригласил всех Владимир Иванович, - по рюмке спиртика налью!

- По какому поводу, товарищ капитан? - оживился Иванов.

- День рождения у меня!

- Ну, вы даете, товарищ капитан! Зажигать хотели событие? - заулыбался Лев. - Поздравляем!

- Тут одной рюмочкой не обойтись, - присоединился к поздравлениям Вячеслав.

- Ну, тогда по две, - согласился Карев, - но не больше. Тебе к тому же ночью выезжать.

- А что ему делается, из вагона не выпадет, поди! - засмеялся Иванов.

Они направились в столовую, по дороге козыряя встречным бойцам. А ночью Вячеслав отбыл в Советский.

Был канун Дня Победы, и Славка посчитал, что ему здорово повезло встретить праздник с любимой девушкой, а не с приятелями в «Лозьве».

Если бы еще не этот нелепый случай с новым комбатом, то можно было бы расслабиться как следует. А тут не разгуляешься больно, сиди, жди проверки. Надо точно все бумаги просмотреть, как посоветовал Карев. Иначе к чему-нибудь да прикопаются.

К немалому удивлению Вячеслава, проверяющие до праздника не появились. То ли посчитали, что несчастный случай не заслуживает столь высокого внимания, то ли праздник помешал выехать. Тем более, что Славка накануне позвонил в бригаду инженеру по технике безопасности, капитану Железнякову, что акт по несчастному случаю составлен своевременно, расследование произведено, а материалы отправлены по назначению.

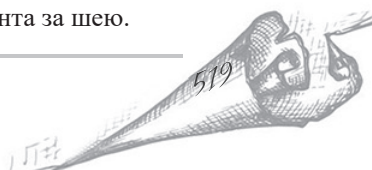
Девятого, в честь праздника, переодев часть людей, тех, кто более – менее прилично умел маршировать, в парадную форму, батальон вывели в поселок. Здесь он в составе сводной колонны военнослужащих всех трех воинских частей, базирующихся в Советском, принял участие в военном параде перед демонстрацией. Местные власти хотели, видимо, придать празднику Победы столичный шарм. Раз там проходят парады, почему и у нас не провести? Роту мостостроителей возглавил капитан Бугрим. Так посоветовал Чабрава пока так и не отбывший к новому месту службы Гук. Во-первых, замполит лучше всех умел маршировать в строю, а, во-вторых, мужик он был высокий, статный и симпатичный, тем более что Чабрава с загипсованной рукой на параде выглядел бы скорее комично, чем героически.

Они с Гуком, который к этому моменту уже передал капитану дела, и полковник Еременко, командир путевого батальона, стояли вместе с районным руководством на деревянной трибуне, установленной на площади около Дома культуры, рядом с гипсовым памятником вождю и принимали парад. Ветераны вышли на улицу в костюмах, обвешанные медалями и орденами. Они радостно здоровались друг с другом, как будто не виделись много лет. А молодежь с нескрываемым интересом рассматривала награды за ту великую войну, которую пришлось пройти этим людям. Наконец, первый секретарь райкома партии на трибуне поднял руку, и толпа стихла. После короткой речи духовой оркестр заиграл «Прощание славянки», три сводных роты браво прочеканили шаг по бетонным плитам улицы, и колонны работников местных предприятий, украшенные знаменами, транспарантами и цветными шариками, пошли мимо трибуны под несмолкающие крики «ура».

В этот момент две теплые, мягкие ладони закрыли Вячеславу глаза. Он сразу узнал запах знакомых духов и, развернувшись, подхватил счастливо улыбающуюся Людмилу, крепко прижав ее к груди.

- Отпусти, раздавишь ведь! – взмолилась девушка, но влюбленный взгляд сияющих серых глаз говорил совершенно о противоположном.

Не отпуская ее и не стесняясь окружающих, Вячеслав поцеловал Людмилу, и она ответила ему тем же, обняв лейтенанта за шею.

- Ну, хватит нацеловываться, а то просто завидки берут! – услышал Вячеслав за спиной знакомый голос и осторожно опустил Людмилу на землю.

- Привет, Слава! – рядом с Галиной стояла ее неразлучная подружка Валентина.

- Здравствуйте, девочки! – опередил Славку Матвеев. – С праздником вас, красавицы! Счастья вам и женихов богатых!

- Вот-вот! – засмеялась Валентина. – Это бы точно не помешало. А то мужиков вокруг тьма, а замуж идти никто не предлагает.

- Ну, Валечка, еще не вечер! Может, кто и предложит вдруг руку и сердце! – Виктор подхватил обеих подружек под руки. - Куда двинемся мои хорошие?

- К Володе, - вмешалась в разговор Людмила. – У Перминова и Натальи сегодня что-то вроде помолвки: подали заявление в ЗАГС, - она как-то загадочно взглянула на Вячеслава.

Славка почувствовал некоторое смущение от этого странного взгляда, но тут же постарался взять себя в руки и сделал удивленный вид.

- Да ты что? – воскликнул он. – А я и не знал даже. Правда, я и Перминова-то не видел после возвращения.

- А чему ты удивляешься, - повернулся к Славке Матвеев. – У него же через месяц дембель. Тут или пан, или пропал! Или, если выразиться точнее: либо женись, либо отваливай, не морочь девушке голову! Ты-то, Решетников, когда Людочке предложение сделаешь? – ошаршил он Вячеслава неожиданным вопросом.

- Вот еще! – пришла на помощь Славке Людмила. – Нам и так хорошо, правда, Слава? – но при этом она вновь с каким-то странным выражением на лице посмотрела на возлюбленного.

- Рассказывай кому! – отпарировал Матвеев. – Знаем мы вас, - он обнял обеих неразлучных подружек за плечи. – Это вы только с виду такие пушистые, а внутри – ух! Замуж хотите, девочки?

- Вот еще! – повторила вслед за Людмилой Галина, стряхнув руку капитана с плеча. – Обойдемся как-нибудь!

Матвеев рассмеялся, подхватил Валентину под руку и повел по тротуару вперед, что-то нашептывая на ухо. Вячеслав последовал за приятелем, не выпуская ладонь Людмилы из своей. А Галина, обиженная тем, что осталась в одиночестве, отстала немного, но все же пошла за ними следом. Метров через тридцать, пробираясь через толпящихся возле торговых лотков людей, компания столкнулась на перекрестке с Дерягой. Он вел под руку стройную, одетую в светлое демисезонное пальто женщину, с рассыпанными по плечам темными локонами, а лицо Женьки, обращенное к ней, светилось счастливой улыбкой. Взгляд ее, обращенный к Женьке, тоже лучился неподдельной любовью и нежностью. В женщине Вячеслав признал Женькину жену Наташу.

- Здорово, станичник! – распахнул объятия Матвеев и обнял Женьку. – Добрый день, Наташа! С приездом тебя и с праздником!

- Здравствуй, Наташа! – улыбнулся Вячеслав. – Знакомься, это – моя Людмила! А это Вала и Галя. Привет, Жень! – пожал он руку Деряге. – Сколько лет, сколько зим? Тысячу лет тебя не видел!

- А ко мне жена вот приехала, насовсем. Домой уже вместе поедем. – Женьк подошел к жене сзади и обнял ее.

- А сын-то ваш где? – спросил Матвеев счастливую пару.

- Дома Витя остался, - ответила Наташа, - побоялась я его в дорогу брать, и мама уперлась, ни в какую не отпускала. Погода неровная, простыть может.

- Здесь тоже еще может завернуть в приличный минус! – поддержал беседу Славка. – А вы куда собрались? Может, с нами, к Володе?

- Правда, пойдемте! – поддержала Вячеслава Людмила. – Праздник все-таки!

- Спасибо! – поблагодарила за приглашение Наталья. – Но мы не можем, нас Ворошнины к себе пригласили.

- А он же, вроде, на Пелыме торчал, - удивился Славка. – Или сбежал, как обычно?

- Отпустили на праздник, - пояснил Деряга. – Да и Наталья Алину давно не видела, хочет повстречаться. Так что извините, ребята! – виноватым тоном продолжил он. – Мы пойдем!

- Да ладно! – махнул рукой Вячеслав. – Увидимся еще!

- Конечно, увидимся, Слав! – улыбнулась Наталья, поправила Женьке шарф под плащем, и влюбленная семейная пара покинула притихшую внезапно компанию.

Чужие, неприкрытые, но такие светлые и трепетные чувства не могли не тронуть за живое, особенно женский пол. Да и мужчины задумались каждый о своем. Мимолетное прикосновение к тому великому чувству, которое исходило от этой пары, волновало и тревожило.

- Счастливые! – сказала Людмила, неподвижно глядя вслед Деряж-ным, как заметил Вячеслав, отчего-то повлажневшими глазами.

- Да-а! – протянул Матвеев, но тут же тряхнул головой, как будто сбрасывая охватившее его наваждение. – Ладно, пошли? А то сглазите еще!

- Такого не сглазишь, - произнесла в ответ Валентина. – Такое на всю жизнь! – и она, подхватив Матвеева под руку, последовала за ним.

Потом они сидели в гостях у старого приятеля и праздновали что-то, вроде, помолвки Володи Перминова и Натальи. Те накануне подали заявление в местный ЗАГС, и спустя месяц их должны были расписать. Настала пора, как пояснил Славке сержант.

- Куда после дембеля-то? – спросил Вячеслав.

- Поедем в Свердловск. Родители обещали с квартирой помочь. Да

и роддом у нас поприличней, чем здесь, - Перминов погладил Наталью по плечу...

День прошел незаметно, но когда к вечеру собрались по домам, внезапно ударила такая метель, какой не видали за всю долгую зиму. Ветер завывал за дрожащими оконными стеклами, из-за летящего стеной снега не стало видно даже освещенных окон дома на противоположной стороне улицы и одинокого фонаря на столбе.

- Во, блин, попались! – изумился Матвеев, стряхивая с себя налипший снег.

Он выскакивал всего на минуту за дверь, взглянуть, что там творится.

- Оставайтесь, - предложил Володя, - куда вы в такую замать! Места всем хватит.

- Действительно, - поддержала хозяйина Наталья. – И вы, девочки, не рпайтесь! В ваших пальтишках простыть – раз плюнуть!

- Я не могу остаться, - заявил Перминов, - мне к одиннадцати в часть надо. Там Суровцев дежурит, доложит о нарушении режима – последним на дембель пойду! Хочется тебе? – спросил он расстроенную Наташу. – Не хочется!

- Ну, ты-то в шинели, все-таки, да и фуражка у тебя есть, - сказала хозяйка. - А шарфик, какой-никакой, нос прикрыть мы тебе сейчас найдем.

- Я тоже не могу, - виноватым тоном произнес Славка, обнял сидящую рядом Людмилу и поцеловал ее в щеку. – Мне ночным экспрессом снова в Першино нужно катить. Приказ.

- Да как ты в такую погоду в своем плащике куда-то пойдешь, Слав? – выглянула в окно Валентина. – Тут и замерзнуть недолго, - забко поежилась она.

- Доберусь как-нибудь, - улыбнулся Славка и вновь поцеловал Людмилу, - не впервой!

- Э нет, так дело не пойдет! – поднялся Матвеев. – Тогда я тоже с тобой. А девчата, действительно, пусть остаются, у них завтра все равно выходной.

- Как же вы в такой одежке-то пойдете? - всплеснула руками хозяйка. – Видите, что на дворе-то творится!

- Ничего! – заявил Матвеев. – Вы нам какие-нибудь шарфики спроворьте вместо шапок, а лучше платки какие.

- Точно, у меня шаль мамина есть, пуховая, - воскликнула хозяйка. - И платок есть шерстяной. Мы под него косынку подложим – не продует!

Через десять минут Славка с Матвеевым стояли одетыми в прихожей, а девочки наматывали им на головы платки так, что видны были только глаза и рот.

Вячеслав взглянул на приятеля и захохотал.

- Чего ржешь? Ты на себя в зеркало посмотри! – толкнул приятеля Матвеев.

Славка глянул в висевшее на стене зеркало и увидел в нем голову деревенской бабы в цветастом полушалке.

- Да-а! – протянул он. – Вот бы Стешенков увидел! Его бы кондрат точно хватил!

- Да никто вас не увидит в такую погоду, - сказала Людмила, поправляя Вячеславу платок и поднимая воротник плаща.

- Готов? – спросил Матвеев.

- Готов, - Вячеслав подставил губы под прощальный поцелуй любимой, засунул руки в карманы плаща и шагнул за капитаном в распахнувшуюся дверь.

.Продираясь по колено в снегу и матерясь про себя, они замерзшие, но вполне живые, добрались до родного гнезда. Богович, увидев их, ввалившихся с улицы в коридор, вытаращил от изумления глаза, приняв за пьяных баб, спутавших адрес, и разродился отборным матом. Но когда они размотали намокшие, залепленные снегом платки, он предпочел сразу свалить к себе в котельную, так как знал крутой характер капитана Матвеева.

- Куда? – рывкнул Виктор, возвращая новоявленного Боговича на место. – А ну, быстро сооруди чайку, пень трухлявый! Видишь, замерзли, как собаки!

- Сей момент, товарищ капитан! – засуетился вестовой.

- Давай, давай, - уже более спокойным голосом скомандовал оттаявший Матвеев. – Переоденешься, приходи ко мне! – пригласил он Вячеслава. – Посидим, чаек пошвыркаем. Тебе ведь до поезда еще часа три?

- Два с половиной.

- Успеешь.

Глава 15

Лето выдалось на удивление теплым, и если еще шестого июня выпал последний в этом году снег, то с середины месяца наступил настоящий зной. Почти ежедневно, или в первой, или во второй половине, небо внезапно накрывалось тучами, сверкали молнии, гремел гром, и на разогретую землю проливались щедрые дожди. После чего снова начинало парить, и рубаха тут же прилипала к спине, хотя Чабрава ношение галстуков и кителей уже давно отменил приказом. Если на Лозье можно было в любой момент окунуться в теплую, ласковую воду, то в Советском ближайшая речка Ух протекала почти в четырех километрах от поселка. Вода в ней всегда была холодной, то ли от множества ключей, подпитывающих местные болота, по которым пролегло ее русло, то ли оттого, что кедры и ели, стоящие стеной по берегам, не давали солнечным лучам пробиться сквозь кроны.

Уже к самому концу службы, на втором году, Вячеслав выяснил, что

имя реке дали не первопроходцы, ошпаренные ее ледяной водой, а так ее называли ханты, немногочисленные отпрыски которых проживали в поселке. Друг друга они, конечно, знали, но Вячеслав вряд ли распознал бы представителя древнего народа среди, скажем, татар, которых было полно в этих краях еще с времен Ермака и хана Кучума.

По территории части, утомленные невыносимой жарой, представители личного состава, не занятые выполнением срочных заданий, ползали, как осенние мухи по стеклу. Войдя в положение, комбат разрешил офицерам во время обеда брать ГАЗ-66, чтобы ездить на речку купаться. Что, собственно, все, кто в этот момент были свободны, с удовольствием и делали. Вода в Ухе теплой не была никогда, но какое это было блаженство броситься в реку, а потом спокойно, не торопясь, нежиться на солнцепеке. Вот бы еще не вездесущие комары, которых напарило в лужах без меры.

- Почему у нас не Сочи? – спрашивал приятелей Гомянин, надоевший всем рассказами, как он еще до армии отдыхал в Лазаревском. – Вот там тоже, вроде, растительности полно и сырости хватает, но ведь нет этой гадости, – он с наслаждением давил очередное насекомое, впившееся ему куда-нибудь в нежное место.

- Ага, - лениво отзывался Матвеев. – Но там и оленей нет, одни оленихи. А они, как известно, не только кровь пьют, но и деньги кушают. Или не так, Юрик?

- Пошляк вы, товарищ капитан! Все какими-то гнусными намеками изъясняетесь, - так же лениво огрызнулся Гомянин.

- Эх, а неплохо бы, действительно, посидеть где-нибудь за шашлычком, с бутылочкой «Цинандали», послушать шум прибора, - сокрушенно вздыхал Дубов.

- Во, во! – усмехался Ворошнин. – Комбат тебе в пять минут устроит отдых на водах в Агирише. Еще и слабительное пропишет.

- Ладно, мужики, собираемся, обед кончается.

К началу июля в части появилось новое пополнение офицерского состава. Прибыло несколько молодых лейтенантов, а в их числе и братья Вагины, с которыми Решетников познакомился на курсах в Питере.

- Какими судьбами, мужики? – радостно встретил он старых знакомых.

- Попросились на Север, ты же помнишь? Вот нашу просьбу командование и удовлетворило.

- Здорово! Это хорошо, что вы к нам в часть попали. Пошли, я вас с ребятами познакомлю, а то через пару дней кой-кого уже можете и не застать!

- А что такое?

- Демобилизуются парни, домой возвращаются. Некоторые, правда, здесь, в Советском, остаются. В основном те, кто женился на местных девчатах. Хотят подзаработать, все-таки районный коэффициент семьдесят процентов, да и северных уже по двадцать накопилось.

Из офицеров уходили на дембель сразу трое: Гомяша, Деряжный и Саша Ворошнин. А в техчасть пришло пополнение в виде розовошекого, полноватого шатена, лейтенанта Семушкина.

- Тебе, Слав, замена, - представил новенького Фоминых, - натаскивай пацана.

Пацан от слов старлея заалел, как маковый цвет, но промолчал, видимо, еще не зная, как отвечать на подобное обращение.

- Да ты не смущайся! – улыбнулся лейтенанту Славка. – Садись, не обращай на Володьку внимания. Он, все равно, скоро отсюда в бригаду отвалит, так что тебе здесь одному командовать придется через пару месяцев. Кстати, тебя как зовут-то?

- Варфоломей!

- Ну, блин! И кто же тебя таким имечком наградил?

- Мама с папой, - вконец обиделся лейтенант. – Между прочим, Варфоломей - это православный святой!

- Да ты не обижайся! Нормальное имя, только необычное. А так, даже красивое. Варфоломей – аж на языке сладко!

- А как тебя в детстве звали? Варюшей, что ли? – спросил лейтенанта Фоминых.

- Варфоломеем и звали! – огрызнулся новичок.

- Отстаньте от человека! – вмешалась в разговор Верочка Семенова. – Идите сюда, Варфоломей, вот этот стол ваш!

- Ладно, давай устраивайся! – великодушно разрешил Вячеслав. – Я через полчаса вернусь – пройдемся по батальону! А пока тебе Вера расскажет, что да как.

Он сходил к комбату, потом выписал в спецчасти командировочные удостоверения на себя и на лейтенанта Семушкина.

- Ну и как тебе новое пополнение? – спросил его Суровцев.

- А кто его знает! Поживем – увидим! – отмахнулся от Николая Вячеслав, и подался к себе в кабинет, где Верочка с увлечением рассказывала этому самому Варфоломею что-то, видимо, очень интересное, судя по широко раскрытым глазам лейтенанта.

- Хорош тут Верочку охмурять! – бесцеремонно вмешался в их беседу Славка. - Пошли, лейтенант, достопримечательности смотреть.

Не меньше часа они с Варфоломеем ходили по части, знакомясь по ходу с ребятами. Побывали и в клубе, где шел ремонт. В ленинской комнате Вячеслав показал Варфоломею купленный замполитом комплект новых музыкальных инструментов; три гитары и ударные.

- Играешь на чем-нибудь? – спросил он лейтенанта.

- На аккордеоне,

- Ну, тогда ты первым человеком будешь на деревне и у замполита тоже. Готовься принимать группу. Тут до тебя Перминов всем заправлял,

но демобилизовался недели три как. Пошли, в РММ сходим, я тебя еще с Колей Зубковым познакомлю. Как там, кстати, в корпусе, Шиманович поживает, поди, полковник уже?

- Нет, подполковник до сих пор.

- Хороший мужик. Он тебе карту показывал?

- Показывал.

- Ну, значит, все в порядке, жизнь продолжается!

... Славка хорошо помнил веселого, разбитного начальника отдела кадров корпуса. Заявился он к нему после прибытия в Свердловск, даже не сбрав редкой бородки.

- Это еще что такое? – спросил подполковник.

- Что? – не сразу понял Славка.

- Да сопли вот эти на подбородке, - ткнул пальцем в сторону Славкиной физиономии Шиманович.

- Это борода, товарищ подполковник, - обиделся Славка, - а не сопли!

- Да ты что? А я-то думал! – ухмыльнулся кадровик. – Ну, раз борода, тогда дуй бриться!

Пришлось Решетникову топать в парикмахерскую и сбривать бороду. Когда он вновь появился в кабинете у Шимановича, тот, оглядев его, удовлетворенно произнес.

- Ну, вот теперь совсем другое дело! А то отрастил черте что на лице, как дьячок какой-то! Я бы на твоём месте и усы сбрил.

Усы Славка оставил, так как носил их с того самого времени, как они у него появились.

- Ладно, - завершил первую часть их знакомства подполковник, - ближе к делу. Строительный, значит, закончил?

- Так точно!

- Это хорошо, - подполковник подошел к огромной карте на стене, и, немного подумав, ткнул в нее пальцем. – Отправим-ка мы тебя вот сюда, лейтенант!

Славка подошел поближе, пытаясь разглядеть название населенного пункта рядом с пальцем Шимановича.

- Не гляди, лейтенант, ты все равно не знаешь где это, - вновь ухмыльнулся начальник отдела кадров, почувствовав Славкино напряженное ожидание. – Ивдель-Обь, Советский.

- Это не Тюмень-Сургут? – спросил Вячеслав, наслышанный о такой железной дороге и совсем не тепличных условиях, в которых велась эта стройка.

Подполковник после этих слов развеселился вовсе.

- Это не Тюмень-Сургут, лейтенант, это – Ивдель-Обь! Не бойсь, тоже мало не покажется! Давай-ка, дуй на Уралмаш, я тебе сейчас адрес напишу, и экипируйся. На, держи предписание! Поезд вечером, билеты тебе купят, смотри, не опаздывай!

- Разрешите идти, товарищ подполковник? – спросил Славка, понимая, что за него уже все решили.

- Топай! – махнул рукой кадровик. – Гуку привет передавай! Это комбат твой, - ответил он на вопросительный взгляд Вячеслава, - хороший мужик. Считай, что тебе повезло, лейтенант...

Вечером в общежитии у Матвеева отметили прибытие новых кадров, а утренним поездом, вместе с Гомяниным и Ворошниним, прихватив с собой троих молодых, поехали на трассу. В Пельме Сашка с одним из братьев Вагиных сошли.

- Ну, давайте, мужики! – помахал рукой Ворошнин. – Не забудьте, что пятнадцатого у меня отвалная.

- Не боись, не забудем, - хлопнул его по плечу Гомянин, вышедший вместе с Вячеславом на перрон. – Счастливо!

- И вам не болеть!

- Давайте в вагон, мальчики! – скомандовала проводница. – Вон, уже зеленый загорелся.

Славка с Юрием забрались в вагон и улеглись на верхние полки подремать. До Першино было еще три с половиной часа. А молодые, Варфоломей и второй Вагин, остались сидеть внизу, переговариваясь о чем-то между собой и с интересом разглядывая плывущие за окном пейзажи.

Сошли они в Першино прямо на мосту, несмотря на отчаянный протест разгневанной проводницы, пока состав, скрипя суставами деревянных опор временного строения, полз через Лозьву. Монтаж мостовых пролетов уже практически закончился, и открывшийся лейтенантам вид вызывал в душе некий восторг и чувство гордости за сопричастность к созданию такого грандиозного и значимого инженерного сооружения.

- Ну, как? – спросил у молодых Вячеслав, остановившись на насыпи.

- Впечатляет! – задрал голову Вагин, чтобы разглядеть, как по верхним связям ферм ползают люди с краскопультами.

- Пошли, - пригласил всех Гомянин, - насмотритесь еще. Через две недели сдача. Осталась практически мелочь: докрасить и контрольный состав прогнать.

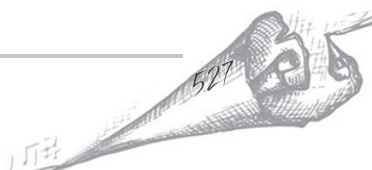
В штабном вагончике Иванов и капитан Карев пили чай, когда четверо офицеров вошли внутрь помещения.

- Здравия желаем! – плюхнулся на стул Гомянин. – Налей-ка, Саша, чайку!

- Здравия желаю, товарищ капитан! – пожал Кареvu руку Вячеслав. – Вот, знакомьтесь! – он кивнул в сторону оставшихся стоять у дверей лейтенантов. – Пополнение привезли.

- Лейтенант Вагин и лейтенант Семушкин! – представились новенькие.

- Капитан Карев! Можно просто - Владимир Иванович! Садитесь, лейтенанты, в ногах правды нет.

Лейтенанты скромно примостились около дверей.

- А моя фамилия Иванов, - кивнул головой молодым Сашка, - Александр Иванович.

- Варфоломей, вы чаю хотите? – спросил Вячеслав. – Тогда садитесь поближе.

- Так вас Варфоломеем зовут? – заинтересовался Карев. – А вас?

- Меня – Владимиром! – поднялся со стула Вагин.

- Сидите, сидите! Здесь у нас все по-простому, в Советском наказы-
ряетесь. А Варфоломей - редкое имя, - продолжил капитан, - библейское.
В честь кого это вас так называли, товарищ лейтенант?

- В честь деда, товарищ капитан! Он с Вологодчины, кержак. Там та-
кие имена не редкость.

- А сами-то откуда, ребята, будете?

- Я из – Ленинграда, - ответил Вагин, - а Семушкин – из Новосибирска.

С полчаса пили чай и знакомились. Выяснилось, что Семушкин окон-
чил тот же факультет, что и Деряга.

- Я его по институту хорошо помню, - рассказывал лейтенант. – Он в
нашей сборной по баскетболу играл.

- Ладно, бросайте здесь свои вещи, пошли с объектом знакомиться! –
поднялся из-за стола Карев.

Все вместе они вышли из вагончика и вновь направились к мосту. По-
луденное солнце отражалось от серебристой поверхности конструкций,
роняя яркие блики на рябь реки и слепя глаза. Бетонные опоры раство-
рились в этом блеске и мост, как будто бы парил в воздухе, опираясь только
на зеленеющие берега.

- Красиво! – остановился Карев. – Сколько лет уже строю, а привы-
кнуть никак не могу. Почти два года бились и все-таки добились!

- Давайте сфотографируемся на память, товарищ капитан? – предло-
жил Семушкин, доставая из футляра, висевшего у него через плечо на
тоненьком ремешке, фотоаппарат.

- А что, - оживился капитан, - пошли, сфотографируемся. На память
останется. Я ведь все-таки, ребята, уезжаю, - сообщил он.

- Приняли! – обрадовался за капитана Вячеслав.

- Приняли.

- Рад за вас, Владимир Иванович, - пожал руку Кареву Гомянин.

- Куда приняты? – спросил Вагин.

- В академию, куда еще! – пояснил Гомянин. – Поздравляем от всех
нас, товарищ капитан. Надо бы это дело спрыснуть!

- Спасибо, мужики, спасибо! Спрыснем, Юра, как не спрыснуть! Ну,
пошли, в полете прямо снимемся.

Они остановили проходившего мимо бойца, и тот пару раз щелкнул
лейтенантским «Зенитом».

- Смотри, фотографии не забудь подарить! – предупредил Семушкина Вячеслав, - Гомяша, вон, через неделю уже в свою столицу отбудет.

- Успеем, товарищ лейтенант! – Варфоломей вновь упаковал фотоаппарат в футляр и тронулся вслед за всеми к другому берегу, где Игорь, капитан монтажников, распекал своего комвзвода:

- Краска, блин, у них кончилась! Подвести, вишь, вовремя не могли, обормоты! Меня Игорь зовут, - представился он новичкам, - а это – Слава, - мотнул он головой, повернувшись в сторону расстроенного выговором лейтенанта.

- Успеешь до четырнадцатого, - спросил Владимир Иванович.

- Успеем! Я их здесь ночевать заставлю, на желез! - метнул Игорь хмурый взгляд на Митрофанова. – Или за одно место подвешу! Успеют! Да, - вспомнил он, - вы, кстати, разгон пролетов перепроверьте, а то в пятницу пробный прогонять будут.

- Перепроверим, - ответил Вячеслав. - Вот тебе и первое задание, Варфоломей. Делал когда-нибудь разгон пролетов?

- Не-а!

- Научись, ничего сложного нет, - подбодрил лейтенанта Карев, - завтра с утра с Решетниковым и начнете. Вагина, кстати, с собой прихватите, пусть тоже посмотрит. Пригодится в жизни. За день, думаю, управитесь. Ну, давайте, мужики! - попрощался он с монтажниками. - Пошли, ребята, посмотрим, что на берегу делается.

На восточной береговой опоре взвод Иванова заканчивал облицовку откосов. Бойцы на раствор укладывали бетонную плитку размерами полметра на полметра. Плитка была довольно тяжелой и гимнастерки на спинах потемнели от пота.

- Еще пару дней и закончим! – обратился к капитану Иванов. – Эй, бойцы, кончай работу, перекур! Построй-ка мне их по быстрому! – приказал он подошедшему сержанту.

Через минуту взвод построился.

- Смирно! – рявкнул Иванов.

- Вольно, - махнул рукой Карев. – Товарищи солдаты, разрешите вам представить новых офицеров, прибывших для прохождения службы к нам в батальон. Лейтенант Вагин будет работать с вашим взводом вместе с лейтенантами Ивановым и Гомяниным, пока не войдет в курс всех дел. Прошу оказать лейтенанту всяческое содействие и помощь. А это – лейтенант Семушкин, он будет служить в техчасти, вместе с Решетниковым. Все ясно? Ну, тогда разойдись! Можно перекурить полчаса.

Строй рассыпался, и бойцы, переговариваясь, начали доставать папирсы. Вячеслав вспомнил, как почти два года назад, осенью они с Петей Панкратовым вот так же сидели у притихшей реки, но на другом берегу.

А этот, болотистый, поросший редким березняком и ивами берег казался таким недостижимым и далеким.

- О чем задумался, детина? – спросил Иванов, прикуривая от Славкиной сигареты.

- Да вспомнил, как мы с Панкратовым разбивку оси делали и репера закладывали. Как все изменилось-то. На том берегу косогор с травкой был, а здесь болото. А теперь все исчезло; там срыли, а тут – засыпали.

- Но зато какого красавца отгрохали! Любо - дорого посмотреть. Потом будешь ездить и хвастаться: смотрите, мол, ребята дорогие, это я, когда служил, построил!

- Если еще ездить по нему придется.

- А куда ты денешься. Через две недели сдача, а через месяц старый мост разберут. А тебе еще два месяца до дембеля. Ты куда после службы собрался, на гражданку, как говорил, или, может, надумаешь все-таки остаться, как Фоминых. Я слышал, его тоже куда-то в корпус скоро забирают, вот и будешь начальником.

- Нет уж, спасибо! Мне Стешенков за эти два года до кости плешь проел. Так, что, извините, но, как говорится, лучше вы к нам.

- Что ты на Стешенкова-то так обиделся? Нормальный мужик.

- Да это я так...

- Домой поедешь?

- Домой бы хорошо, но где он, дом-то? Родичи переехали к матери на историческую родину. В Хабаровске ни кола, ни двора, ехать-то особенно некуда. Может, здесь останусь, денегат подзаработаю, а там видно будет.

- Правильно! Женись на Людке, папаша ее с хатой поможет, не зря же в райкоме штаны протирает. Ворошнин вон уже и с работой договорился где-то в СМП, надо бы и тебе заранее поискать.

- А чего ее искать? Комбинат в поселке строится: работай – не хочу! Успеется.

- А что за комбинат, товарищ лейтенант? – спросил молчавший все это время Семушкин.

- Деревообрабатывающий, в Советском. А, что ты все заладил: товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! Проще будь!

- Извините, товарищ лейтенант! Не привык пока.

- Привыкай! – отшвырнул окурочек Иванов. – Козырять в батальоне будешь, там это любят.

Подошли Вагин и капитан.

- Рассказывал лейтенанту, как тут все начиналось и строилось, - поделился с офицерами Карев.

- Молча строилось, - поднялся с бревна Вячеслав. – Тут, Вагин, столько спирта было выпито, что роту бойцов спокойно можно утопить! А в

остальном – все просто, как валенок! Поехали в расположение? Как вы, товарищ капитан?

- Поехали, скоро обед тем более. Ну, давай, Саша, трудись! – пожал он руку Иванову.

- А можно я тут останусь? – попросил разрешения Вагин. – Хочется все повнимательней рассмотреть!

- И мне тоже хочется, - поддержал Вагина Семушкин.

- Оставайтесь! – разрешил Карев. – Здесь пообедаете. Иванов, накормишь лейтенантов?

- О чем речь, товарищ капитан, накормим в лучшем виде.

- Ну, тогда оставайтесь, а мы с Решетниковым поедем.

- Ты, Варфоломей, часам к трем подкатывай! Мне еще тебя надо с текущей документацией познакомить, - наказал Вячеслав подчиненному.

- А с утра разгон пролетов перепроверим. Понял?

- Так точно!

- Ну, бывайте! До вечера, Саша!

Они с капитаном пошли по мосту на противоположный берег, а лодежь с Ивановым подалась вниз, к реке, осматривать опоры. Шпунт вокруг опор так и торчал из воды на полметра, ее уровень опустился до нижней отметки, а обрезали металл в начале лета. По правилам шпунт надо было извлечь из реки, но когда сломали две стрелы у экскаваторов, эту затею отбросили. Не помогал и громадный вибратор, подвешенный на тросе, так приржавели замки. Поэтому, не долго думая, шпунт обкорнали бензорезами, и вся недолга. Когда вода поднималась повыше, его и видно не было.

- Подрезать бы шпунт-то надо, - заметил Вячеслав, - пока вода низкая.

- Подрезут, - откликнулся Карев. – Я Игоря попросил, чтобы своих сварных из Советского не вызывать. Обещал сегодня - завтра сделать.

На следующий день, плотно и вкусно позавтракав, они с Варфоломеем, Вагиным и двумя солдатами, которых выделил в помощь Иванов, погрузили на «газон» четыре домкрата, кое-какой инструмент и отправились на мост.

- Маленькие какие-то домкраты, - высказался Семушкин, которому Вячеслав уже рассказал суть предстоящей работы.

Ефрейтор, сидящий рядом с ним, только усмехнулся:

- По восемьдесят тонн грузоподъемности каждый, товарищ лейтенант! Это только с виду они маленькие.

- А сразу и не скажешь, - почесал переносицу Варфоломей.

- Какие есть, такие и есть, других не держим. Поехали! – крикнул шоферу Вячеслав, решивший тоже ехать в кузове.

Погода была прекрасной, только что прошел проливной, короткий дождичек, и воздух пах травами и цветами, покрывшими сплошным ковром

пригорки вдоль дороги. Он прибил дорожную пыль, и прокатиться вот так, чувствуя, как ласковый, свежий ветер обдувает лицо, было приятно. Портила все только постоянная вонь со стороны иловых полей, куда сливали опилочную барду, оставшуюся после перегонки спирта на гидролизном заводе.

Через четверть часа они разгрузились на объекте и с помощью еще двух бойцов подняли домкраты на первую опору. Установив их рядом с каучуковыми опорами пролета, начали подъем, проложив между домкратами и металлом обрезки досок, чтобы не помять конструкцию. Пока поднимали пролет, Вячеслав, замерив текущую температуру воздуха, занялся расчетами зазора между балкой и фермой и точкой установки нижней опорной части шарнира. На первой опоре справились за час, но на второй один из домкратов закапризничал, и до обеда провозились с ним.

- На, Варфоломей, считай! – Вячеслав сунул в руки лейтенанта таблицы и тетрадь, когда они после обеда вновь забрались на вторую опору.

- Боязно, Вячеслав Георгиевич, а вдруг ошибусь.

- Не дрейфь! Перепроверим. Не боги же горшки обжигают, считай!

К трем часам перебрались на третью, последнюю опору. Расчетами новичка Вячеслав остался доволен.

- Нормально, - похвалил он Варфоломея. – Самое главное в этом деле аккуратность. И торопиться не надо. Что получится, если ошибешься в миллиметрах, знаешь?

- Сколет опорную часть, когда появятся нагрузки в пролете.

- Заумный ты, Варфоломей! Вон, тебя люди не понимают, - кивнул Вячеслав в сторону заинтересовавшихся их разговором солдата. – Нагрузки! Скажи проще: когда состав пройдет! Ладно, выползаем на берег. А вы, ребята, грузите все это барахло на машину и езжайте отдыхать, я с Ивановым договорюсь. Спасибо за помощь!

- Товарищ лейтенант, а можно в поселок заскочить, сигареты кончились? – спросил Вячеслава ефрейтор.

- Заскочите. Только быстро.

Покуривая, они с Семушкиным неторопливо двинулись по шпалам в штабной вагон.

- Сегодня ночью на Пелым покатим, - сказал Вячеслав, - здесь нам больше делать нечего.

- Как дела? - спросил сидящий в вагоне и только что закончивший телефонный разговор Карев.

- Как всегда! Порядок.

- Звонили из батальона, сказали, чтобы больше суток на Пелыме не задерживались, - сообщил капитан. – Опять какая-то персона из корпуса прикатит! Да к тебе, кроме того, еще перекрестная проверка из Нягани по технике безопасности прибудет.

- А, - отмахнулся Вячеслав, - знаем мы эти проверки. Сходи, Варфоломей, к Иванову, скажи, чтобы спирта литра два раздобыл к вечеру. У него на гидролизном связи издавна налажены, - пояснил он в ответ на удивленный взгляд Семушкина. - Передай, что я попросил, - он повернулся к Кареву. - Такие же бедолаги, как и мы, придут, Владимир Иванович. Напишем акт, треснем по маленькой и разойдемся, довольные друг другом.

- Тебе виднее, - Карев поднялся и вышел из вагона.

Ночью, собрав вещички и упаковав банку спирта, раздобытого Сашкой, они вместе с Каревым сели в поезд. Капитан ехал в Советский. По секрету он сообщил Вячеславу, что бумага с приказом о его поступлении в академию уже лежит на столе у комбата.

- С вас коньяк, товарищ капитан! - сказал Вячеслав, когда они выходили с Семушкиным в Пельме.

- О чем речь, Слава, ящик!

Ворошнин, которого они увидели только утром, был угрюм и небрит. Он хмуро поздоровался с Вячеславом и без интереса взглянул на Семушкина, как будто не узнал.

- Варфоломей! - скомандовал Решетников лейтенанту. - Дуй в столовку, скажи, пусть накрявают.

В столовой за длинным общим столом уже сидели Семушкин и Вагин.

- Пойдем, молодому мост покажем. Ему доковыривать объект, - пригласил Ворошнина после завтрака Вячеслав.

- А чего грязь месить-то? Сейчас, машину налажу!

- Да, брось ты свою машину! Пойдем, подышим воздухом, лето все-таки.

На мосту трудилось человек тридцать, доводили до ума опоры. Монтажники были заняты на Лозье, да и конструкции пролетов начали поступать только-только.

- Скоро монтаж начнется, - сказал Славка, обращаясь к Семушкину, - вот тогда тут весело станет, только успевай, поворачивайся! Скажи, Саша!

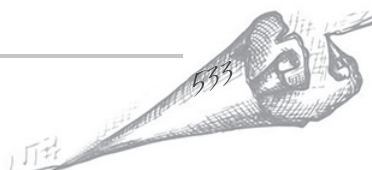
- Это уже без меня, - ответил Ворошнин, оглядывая свое хозяйство. - Через неделю - свобода!

- А не жалко, товарищ лейтенант? - спросил Семушкин. - Все-таки столько лет в батальоне.

- Сопли поморозишь, комаров покормишь по трассам, вот тогда и посмотрим: будет жалко или нет.

Втроем, по натоптанной дороге они спустились к реке. У кромки воли, рядом с береговым быком моталась на прижиме лодка, привязанная к кряжистой ветле. Рядом копошился мужик, в котором Вячеслав сразу признал своего знакомого железнодорожника, работающего на станции

- Николай! Привет!

- Здорово! – сердито ответил тот.

- Ты что такой странный? Не узнал что ли?

Мужика так колбасило с похмелья, что он бы сейчас и мать родную не признал. Поэтому он долго и тупо вглядывался в лицо Вячеслава мутным взглядом, пока он не обрел некую осмысленность. Рот мужика тут же растянулся в улыбке, и он радостно завопил:

- Ты что ль, Славка?!

- Да я, я. – Вячеслав спустился к урезу воды, и они с мужиком обнялись, топчась по гальке, как два медведя.

- Ну и несет от тебя! – поморщился Вячеслав, высвободившись, наконец, из тесных объятий. – Знакомься, это мой новый помощник! Зовут его Варфоломей! А это – Николай, мастер пелымского околотка! Гроза и ужас всей местной рыбы и живности. Может, прокатаешь по речке? Пусть молодой природой полюбуется,

- А чего не прокатить-то? Можно и прокатить! – мастер оторвался от навесного мотора «Казанки». – Помогите лодку вон к тому камню стащить! Отчего бы и не прокатиться. Бензином поможешь, надеюсь. Ну дак, куда поедем? Может, сетешки на протоках проверим? – спросил Славку мастер. - Я вчера вечером поставил, должна быть рыбка.

- Вот и славненько!

Вячеслав с Варфоломеем помогли Николаю подтянуть лодку к огромному валуну, торчащему из воды в метре от берега, и забрались вслед за ним в посудину.

- Сань, ты как, с нами? – крикнул дымившему сигаретой поодаль Ворошнину Вячеслав, но тот отрицательно махнул рукой, дескать, поезжайте без меня.

Семушкин с видимым интересом разглядывал проплывающие берега.

- Что, лейтенант, нравится?

- Красиво! – восторженно протянул Варфоломей. – Как у нас на протоках дома.

- А что у вас там за речка-то? – спросил лейтенанта оживший, видимо, уже окончательно мастер. – Ты откуда будешь, парень?

- Из Новосибирска. А река у нас – Лена!

- О, почти земляк! Я-то сам с Енисея, из-под Красноярска.

Вид берегов, поросших ивой, действительно радовал глаз. Они то и дело перемежались с цветущими полянами, окаймленными березняком, которые в свою очередь сменялись каменными срезами и осыпями.

- Далеко еще? – спросил Николая Вячеслав, когда первые впечатления от созерцания местных красот приутикли.

- Приехали! – лодка завернула в широкий рукав, поверхность которого почти полностью была покрыта крупными сердцевидными листьями кубышки.

Здесь Николай и поставил на мели сети, поплавки белели на воде, протянувшись от одного берега до другого. Мотор заглушили. Вячеслав сел на весла, а мастер начал проверять сети, бросая пойманную рыбу в захваченное с собой пластмассовое ведро. Попалось десятка два крупной плотвы, пара килограммовых шук и единственный окунь. Но окунь был, что надо! Весом килограмма полтора, он пучил огромные глаза, а расщеперился так, что пришлось резать нитки, когда его пытались достать из ячеи.

- Красавец! – констатировал Вячеслав, когда окунь был благополучно переправлен в ведро под плотву, чтобы не выпрыгнул.

- Да, экземплярчик! – подтвердил Николай. – Давненько такие не попадались.

- А чего тут еще водится? – спросил возбужденный рыбалкой Варфоломей, споласкивая водой запачканные слизью руки.

- Да вот это в основном и водится. Ну, есть еще карась по старицам, налим попадает, редко – язь, – Николай дернул за шнур, заводя мотор, и лодка вновь поплыла вдоль берегов, но уже в обратную сторону, навстречу течению.

Когда они вернулись к мосту, Ворошнина на берегу уже не было.

- Ну, что мужики, может, ушицу сварим? – предложил Вячеслав.

- Было бы здорово! – поддержал его раскрасневшийся от прогулки и впечатлений Варфоломей.

- Отчего бы и не сварить, – согласился Николай, – котелок в будке у обходчика есть. А за хлебом надо в поселок бежать.

- Давай-ка, молодой, собирайся! – распорядился Вячеслав. – На тебе денег, купи хлеба и пузырек. Что за уха без водки?

- Вот это дело! – мгновенно повеселел Николай.

- А лук-то хоть есть? – спросил Вячеслав у мастера.

- Есть. И лаврушка с перцем тоже есть.

- Ну, тогда лети! – подтолкнул Семушкина Славка. – Одна нога здесь, другая – там!

И лейтенант скрылся из вида, припустив по дороге почти бегом.

Через полчаса, когда уха уже кипела во всю, со стороны поселка появился Варфоломей с булкой хлеба и бутылкой водки.

- Молоток, быстро слетал! – похвалил лейтенанта Решетников. – Ворошнина видел?

- Нет, товарищ лейтенант! Я сразу в магазин проскочил.

- Ну, ладно, режь хлеб, ложку бери! Готова уха.

Обед удался на славу, а поздно вечером Славка с молодым отбыли в Советский, утром нужно было встречать проверяющего из Нягани.

Проверяющим оказался знакомый лейтенант, с которым Вячеслав уже неоднократно сталкивался в бригаде на всяких совещаниях и учебах. Поэтому, что бы ни терять времени, тут же, в techасти, написали акт, где

указали, как положено, всякие мелкие огрехи, которых хватало у всех, и разошлись, довольные друг другом.

Вячеслав, радостный оттого, что освободился пораньше, побежал в общагу переодеваться, предварительно позвонив Людмиле. Обрадованная его приездом девушка сообщила, что вечером в Доме культуры будет выступать какой-то бард, кажется, Клячкин, и она купит билеты.

- Ну, ты даешь, какой-то Клячкин! Ты хоть знаешь, кто это такой? Не знаешь? Когда встретимся, расскажу. Бери билеты, я тебя с работы встречу.

К пяти часам одетый в светлые брюки и кремовую рубашку Славка поджидал любимую у деревянного крыльца местного райсуда. Людмила слетела с крыльца и повисла у него на шее, болтая ногами.

- Ой, как хорошо, что ты приехал! Я так соскучилась!

Вячеслав осторожно поставил девушку на землю.

- Люди смотрят! – указал он глазами на окна суда, где маячили любопытные женские лица.

- И пусть! – беззаботно отмахнулась девчонка. – Пошли, - она взяла его под руку и прижалась щекой к плечу.

- Пошли, а то ваши женщины мне на рубашке дырки прожгут своими взглядами.

- Пусть завидуют! – рассмеялась Людмила, и, никого не стесняясь, поцеловала его в губы. – Давай только на минуту домой к нам зайдем, я переоденусь. Да и покормить тебя нужно. Хочешь кушать?

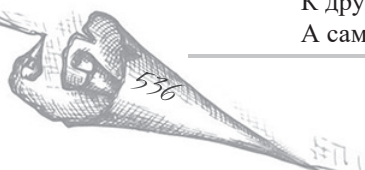
- Ну, вообще-то я не ужинал. Думал в «Тайге» после концерта посидим.

- Да ну ее, эту «Тайгу». Пошли, я тебя домашними пельменями потчую. Мы вчера с мамой стряпали.

...Зрительный зал ДК был забит до отказа. Местные жители, и особенно молодежь, с удовольствием собирались в этом кладезе культуры, когда его посещала какая-нибудь заезжая знаменитость. А Женя Клячкин, кумир всей советской молодежи шестидесятых, у которой хоть что-то было в черепной коробке, кроме приввхшихся штампов, тем более собрал почти все население поселка. Вячеслав помнил, как еще до института, когда он только-только начал брякать на гитаре, они с парнями пели: «Не гляди назад, не гляди, только имена переставь. Спят в твоих глазах, спят дожди...». Их тогдашние подружки млели, слушая щемящие душу слова.

Клячкин показался староватым, и то – под сорок! Но пел так, что слезу вышибало. Зал то и дело взрывался овациями. Эти песни трогали в душе какие-то не звучавшие доселе струны:

«Крошатся в лужах фонари,
Знакомый адрес повтори,
Застонут доски под ногой,
К другой идешь, совсем к другой.
А сам ты, разве, не другой?»

- Привет, Люда! Ну, и как вам? – спросил уже после концерта встречный под руку с супругой Ягодкин. – Понравилось?

Славка, переполненный впечатлениями, не стал слишком распространяться, пробормотав в ответ что-то неопределенное. Они с приятелем закурили, отойдя в сторону, под тополя, а женщины, давно не видевшие друг друга, затрещали о чем-то, о своем.

- Мост в Ивделе скоро сдаете? – спросил Володя.

- К концу месяца, может быть. А, вообще, не знаю. Так, вроде, готов, а когда госкомиссия соберется, начальство не информировало. Кстати, в пятницу мужиков домой провожаем, приходи.

- Кого? – заинтересовался Ягодкин.

- Да всех практически. Гомянин, Деряжный, Ворошнин, - перечислил Славка фамилии приятелей. – Сашка, правда, никуда не едет, здесь остается. Да ты не хуже меня знаешь. Гомянин – назад, в Москву, а Женька – в Новосибирск. В кабаке хотят отстреляться, милости просим! И Ольгу с собой бери, тем более, что у Деряги жена здесь, а я Людмилу с собой прихвачу.

- Володя, пошли, ребенок не кормлен! – позвала Ягодкина жена.

- Ладно, бывай! – пожал протянутую руку Владимир. – До пятницы тогда! До свидания, Люд! – попрощался он с подошедшей к ним девушкой.

Прогуливаясь по стихающему к ночи поселку, они и сами не заметили, как оказались на самой его окраине. Дальше уже начинался глухой лес, над которым горело ярким пламенем огромное, закатное солнце.

- Куда это мы забрели? – очнувшись от каких-то своих мыслей примолкнувшая на какое-то время Людмила. Как красиво, правда, Слав! И

солнце, смотри, какое громадное.

- Красиво! – согласился с подругой Славка. – Комары только здесь, возле леса. Ко мне зайдем? – спросил он девушку, как будто невзначай, после короткой паузы. – Все равно по дороге.

Она чмокнула его в губы, подхватила под руку и, ни слова не говоря в ответ, просто зашагала рядом. Минут через пятнадцать они были у общаги. Рядом, на спортивной площадке резались в волейбол с ребятами из соседнего батальона почти все обитатели общежития.

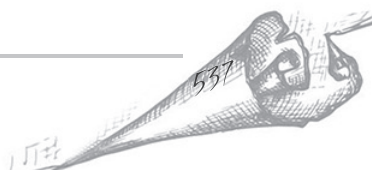
- Привет, Люд! – махнул им рукой Юрка Гомянин. – Ты когда, Слав, прикатил?

- Ночью еще. А вы чего в такое время колготитесь? Спать уже пора, а не мячик колотить.

- Договорились со студентами в четверг сыграть, а у них мужики серьезные. Вот и тренируемся помаленьку. Подавай, Николай! - крикнул Юрка Зубкову и, помахав прощально рукой, вновь включился в игру.

- Ну что, зайдем? – спросил девушку Вячеслав.

- Только на минуту, а то неудобно как-то!

- А чего неудобно? – начал Вячеслав, но Людмила осталась непреклонной.

- Это вам, мужикам, все – ничего! С вас все, как с гуся вода!

- Ну, на минуту, так на минуту! – согласился Славка, скорчив обиженную мину.

- Не обижайся! – погладила его по щеке девушка, когда они вошли в комнату. – Я же – девушка! А завтра вся деревня знать будет, что я у тебя была.

- Ну и что? Ты чего боишься? И так все знают, что мы с тобой ходим. Подумаешь, девушка к парню в гости зашла.

- Вот и подумай! Ладно, ну ее, эту тему! – поцеловала Славку Людмила и прижалась к нему.

Вячеслав обнял хрупкие плечи подруги, и сердце его наполнилось теплом и нежностью. Так они и простояли минут двадцать, непрерывно целуясь, пока она не высвободилась и не настояла на том, чтобы он тотчас же проводил ее домой.

- Мама попросила долго не задерживаться. Ты не обижайся, пожалуйста! На улице мужики все еще бегали с мячом.

- Что так рано уходите? – крикнул им Гомяша, но Людмила в ответ только прощально помахала рукой и потянула за собой Вячеслава.

- Пошли, пошли! А то мне завтра на работу.

Лейтенант покорно последовал за подругой. Когда он вышел из Людоминого подъезда на улицу, после того, как они распрощались, то на крыльце столкнулся почти нос к носу со своим старым знакомым Юркой.

- Здравствуйте, дядя Слава! – радостно приветствовал его пацан.

- Здорово, Юрка! А чего это ты снова один по ночам шляешься? Где приятель-то твой неразлучный?

- Мы только что с парнями разошлись. Дядя Слав, - внезапно переменял тему разговора мальчишка, - а вы про португею не забыли?

- Не забыл, Юрка! Через два месяца твоя будет, может, и раньше, - пообещал Вячеслав.

- Здорово! – обрадовался отрок.

- Давай, дуй домой, а то мать, поди, с ума сходит уже!

- Не. Они с батей на курорте, а дома только сеструха! Да и та где-то носится. Вы про португею только не забудьте, - напомнил вместо прощания сорванец и скрылся за подъездной дверью.

Славка улыбнулся. На душе у него было светло и радостно.

Утром его направили на Яныгью, станцию Северной ветки, где сдавался в эксплуатацию железнодорожный разъезд, и вернулся назад он уже совсем поздно.

В пятницу вечером в «Тайге» собрался почти весь офицерский состав батальона, кто находился в это время в Советском. Мужики уже получили

расчет и официально распрощались с подчиненными и командирами, а сейчас начиналась неофициальная часть. Растерянная Галина сидела за столом рядом с Юркой и теребила в руках носовой платок. Глаза у нее были явно на мокром месте. Валентина, наоборот, все время как-то натянуто улыбалась, что было ей отнюдь не свойственно. Сидевший напротив Ягодкин щедро подливал Вячеславу в рюмку, не забывая и себя, несмотря на энергичные протесты супруги. Валера Крапивин с Анной тоже были приглашенные на проводины.

Славка уже к середине вечера изрядно захмелел. Счастливый Деряга гордо восседал за столом, то и дело, с улыбкой оборачиваясь на свою очаровательную жену. Та отвечала ему такой же улыбкой. Всем окружающим было понятно: эта пара без памяти любит друг друга.

- Ну, Слава! – шептала Вячеславу на ухо Людмила. – Не пей, пожалуйста, больше, а то совсем расклеишься. Видишь, Анна над тобой смеется.

Славка поднял глаза и увидел, что жена Валерки действительно смотрит на него своими татарскими, с поволокой, глазами, в которых затаились искры смеха. Так, чтобы никто не заметил, он показал ей язык, чем вызвал новый приступ веселья у женщины.

- А и пусть смеется, - повернулся Славка к Людмиле, наклонившись к ее уху, - от меня не убудет.

Анна, видимо, почувствовав, что говорят про нее, тут же успокоилась. Отвернувшись, она занялась мужем, который, пользуясь тем, что про него на какое-то время забыли, уже накатил с Ягодкиным по паре рюмок.

Вернувшийся из Пелыма Ворошнин сидел вместе с Алиной и Зубковыми. Батальонное начальство, побыв немного, благоразумно удалилось. Часам к двенадцати все высыпали на улицу Ленина и гурьбой тронулись в сторону улицы Титова. Коля Суровцев, как всегда, сэкономив где-то на полигонах, раздал всем желающим ракеты и взрывпакеты, и началась настоящая канонада. Вспыхивали над головами огни ракет, хлопали, взрываясь, подброшенные в воздух шашки, и весь этот грохот перекрывался здоровым гоготом молодых глоток.

Случайные поздние прохожие на всякий случай обходили веселую компанию молодых офицеров стороной. Неожиданно встретившийся на перекрестке районный милицейский начальник по прозвищу Городовой, попытался урезонить разгулявшихся армейцев. Кстати, прозвище полковник получил от населения за то, что и зимой, и летом ходил по улице в одной и той же серой парадной шинели, туго перетянутой ремнями портупеи, и с кобурой на боку. Всегда гладко выбритый и слегка поддатый, он походил на оловянного солдатика. Своим суровым видом Городовой чаще вызывал не уважение и опаску окружающих, а скрытые или явные ухмылки. По существующим правилам ни он, ни его подчиненные не могли каким-то образом воздействовать на офицерский состав воинских

частей. Но в этот раз полковник почему-то решил встать на пути и сделать замечание не в меру шумевшей компании, а зря: в армии всегда не особенно почтительно относились к милицейским чинам.

- Товарищи офицеры, немедленно прекратите безобразие! – выставив грудь колесом, прокричал полковник.

Шедший впереди с Гомяшей Деряга не сразу врубился, чего от них хочет разгневанный милиционер.

- Тебе чего, мент? – недоуменно спросил он полковника в наступившей внезапно тишине.

- А, действительно, чего? – поддержал приятеля Гомянин.

- Я вам сказал: ведите себя прилично, товарищи офицеры! От вас собаки шарахаются, а не только люди! Ночь уже.

Тишина стала оглушающей. Чувствовалось, как в застывшем воздухе нарастает напряжение.

- Послушай, полковник, шел бы ты по своим делам! – обратился к Городовому вышедший из компании вперед, одетый в штатское Матвеев. –

Люди боевых товарищей на дембель провожают, никого не трогают, а ты лезешь!

- А я не к вам обращаюсь, молодой человек, – побагровел полковник, – а к ним! – ткнул он пальцем в сторону Деряги и Гомянина. – Позорят, понимаешь, погоны, сопляки!

- Это кто сопляки? – закипел Женька. – Это мы? Ах ты, тля ментовская! Тебя бы на трассу, да подальше! А то ползаешь здесь по поселку, генерала из себя корчишь! Муха ты навозная!

- Брось ты его, Жень! – попытался остановить не в меру раззадорившегося товарища Юрка, но было уже поздно.

- Погоны захотел, полковник? – рявкнул Деряга, и одним движением, содрав со своего кителя лейтенантские погоны, пришлепнул их сверху на полковничьи. – На, носи, старый хрыч!

Городовой остолбенел от такой наглости и только беззвучно, как карась, открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать в ответ. Деряга хлопал полковника по плечам с новыми погонами и ухмыльнулся, вполне довольный увиденным. Затем обогнул Городового и вместе с Гомяшей двинулся по дороге дальше. За ними, как ручей, обтекающий возникший на пути валун, тронулась, постепенно оживая, остальная компания. Али-на с Колиной супругой успокаивали напуганную жену Деряги:

- Не беспокойся, все будет в порядке!

- Я же тебя предупреждал, полковник! – укоризненно покачал головой отставший от толпы Матвеев. – А ты не внял! Ладно, - примирительным тоном продолжил он, - не обижайся, иди, отдыхай!

Вместо ответа побуревший полковник резким движением сбросил с плеч погоны Деряги и, круто развернувшись на месте, так, что с дорож-

ных плит поднялась пыль, рванул в сторону райотдела. Матвеев догнал компанию.

- Коменданту жаловаться полетел! – сообщил он приятелям. – Через полчаса весело станет.

- А нам все равно! – пропел Ворошнин. – Мы, вроде, уже не в армии.

- Чего это ты такой смелый стал? – одернула мужа Алина. – Завтра гражданским станешь, вот тут Городовой на тебе и отоспится!

- Это точно, Саш! – чиркнул зажигалкой Вячеслав. – Теперь тебя Городовой как гражданское лицо в два счета угомонить может! Зря вы его так! Человек все-таки на службе, общественный порядок блюдет!

- Это точно! – повторил за Славкой Зубков. – Пошли, Мария, спать пора! – обратился он к жене. – Да и вы, ребята, идите отдыхать. Утро вечера мудренее. А то сейчас налетит воронье, кому эти неприятности нужны? Тем более, молодым нашим, - кивнул он в сторону Семушкина, - им еще служить да служить, как медным котелкам!

- Нехорошо получилось, Женя, - погладила по щеке Деряжного жена. – Обидели пожилого человека.

- А чего он лезет! – попытался оправдать приятеля Гомяша, но Вячеслав одернул его:

- Кончай! Что случилось, то случилось! Давайте по домам, мужики! Утром на работу топтать.

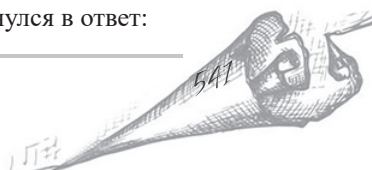
- Пошли, правда, Слав! – подхватила лейтенанта под руку Людмила. – Я тебя провожу!

- О, с превеликим удовольствием! – поцеловал подругу в щеку уже почти протрезвевший на свежем воздухе Вячеслав. – А потом я тебя. До завтра, парни! – помахал он приятелям и свернул в ближайший проулок. – Зайдешь? – спросил он девушку, когда они подошли к общежитию, и та, ни слова не говоря в ответ, внимательно посмотрела Славке в глаза и кивнула головой в знак согласия.

Почти час они в полной темноте лежали на Славкиной кровати, обнявшись, и слушали, как взволнованно и гулко колотятся их сердца от ласковых прикосновений рук и губ друг друга. Она почти не сопротивлялась, и он осыпал нежными поцелуями ее шею, плечи и грудь. А потом в общаге возник шум: прибыл комендантский патруль, вызванный милицейским начальником. Богович, конечно, доложил начальнику патруля, что в общежитии никого нет, а те, кто есть, давно и сладко спят. Прибывший вместе с патрулем Городовой пытался проверить комнаты, но начальник патруля категорически отказался.

- Не имею ни права, ни оснований, товарищ полковник, обыскивать помещения! – заявил он.

- Я завтра коменданту доложу, как вы службу несете! – попытался нажать на патрульного Городовой, но тот только улыбнулся в ответ:

- Доложите, товарищ полковник, это ваше право! Пошли, ребята, – и в общежитии стало тихо.

- Какой въедливый начальник милиции, - едва слышно прошептала Людмила, - никак не успокоится!

- Ну его! – Славка вновь зарылся носом в волосы любимой.

- Славочка, не надо! – напряглась девушка, когда он стал особенно настойчив. – Не обижайся, ладно! – погладила она его по щеке, почувствовав, что Вячеслав ослабил объятья и откинулся на спину, сдерживая тяжелое дыхание. – Я тебя понимаю, милый, но мне страшно! – прошептала она и снова прижалась к нему.

Вячеслав, ничего не ответив, осторожно снял ее руку с груди, поднялся, открыл форточку и закурил, постепенно успокаиваясь. Девушка не сказала ни слова, и он понял, что она обижена таким его поведением. С чувством раскаяния Славка вновь присел на кровать и положил руку девушке на плечо. Та прижалась щекой к его ладони и замерла. Так они и молчали, глядя на мерцающие звезды за оконным стеклом и вслушиваясь в тишину, нарушаемую только редкими паровозными гудками и лязгом колес маневрового тепловоза. Воздух из форточки пах хвоей и дымком, занесенным со стороны нижнего склада леспромхоза, где в заброшенном карьере сжигали горбыль. Славка протрезвел и успокоился окончательно, и на сердце у него вновь стало светло и спокойно.

- А у меня на той неделе день рождения, - внезапно сообщил он. – Двадцать пять уже! Старик.

- И что же ты молчал, Какой же ты старик, дурачок! Здорово! Давай отмети, позовем девчонок. Ты как?

- Я-то нормально. Жалко Юрки с Женькой не будет: они завтра уезжают.

- Ничего, - она присела на кровати и обняла его, - я же с тобой!

День рождения отмечали в «Тайге», а потом поредевшей без Матвева и Ворошиных компанией отправились в гости к Крапивиным, так как все девчата еще со школы были подружками Анны, а Славка за этот короткий отрезок времени тоже успел подружиться с Валерой. Тот так уморительно рассказывал истории из прошлой жизни батальона и тех временах, когда он сам носил военную форму.

- Хорошо, что зашли! – обрадовался Валера. – А то не с кем даже рюмку опрокинуть!

- Тебе бы все опрокинуть, - недовольно поджала губы сухощавая женщина, как позднее понял Славка, это теща Валерки.

- Шли бы вы, мама, к себе! – не слишком любезно отправил женщину зять, и та, фыркнув, удалилась в соседнюю комнату.

- Опять вы с мамой сцепились, - укорила мужа Анна, - никак вас лад не берет.

- Ничего, вот свой дом поднимем, тогда милости просим. Никто скрипеть не станет.

- А что, дом строите? – спросил Славка.

- Нет! Двухквартирник СМП для своих работников поднимает. А пахать самому приходится, чтобы квартиру выделили. Ну, как в армии – аккорд дембельский!

Посидели, вспомнили недавние проводы.

- Не телеграфировал еще Юрка, как до столицы добрался? – спросил Галину Валера.

- Вот еще! С чего-то он мне телеграфировать будет, - представилась совершенно равнодушной девушка.

- Да брось ты, - подколот ее Славка. – Так уж тебе и все равно?

- Абсолютно!

- Смотри, прокидаешься.

- Отстань ты от нее, Слава, - остановила лейтенанта Людмила. – Чего пристал к девушке? Пусть сами разбираются.

Разливая в кружки холодный домашний квас, Анна как бы невзначай наклонилась над Славкой, ненароком прижавшись к его плечу тяжелой, упругой грудью. Он слегка посторонился и взглянул на женщину. Глаза у нее снова искрились смехом, как и тогда, в ресторане. Вячеслав незаметно оглядел присутствующих, но никто, как будто, ничего не заметил. И Людмила в этот момент отвернулась, разговаривая о чем-то с Валентиной. Отношения его с Людмилой уже перешли в ту фазу, когда было необходимо принимать серьезные и взвешенные решения. Интрижки с посторонними женщинами, а тем более, чужими женами, никак не вписывались в эту схему. Да и перед новым приятелем неудобно. Славка подошел поближе к Людмиле и включился в общую беседу.

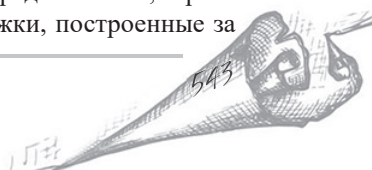
А еще через неделю проводили в академию Краева. Владимир Иванович сиял, как надраенный пятак. Чабрава на проводах разродился длинным, грузинским тостом, смысл которого сводился к тому, что Краева после окончания академии всегда ждут в родной части:

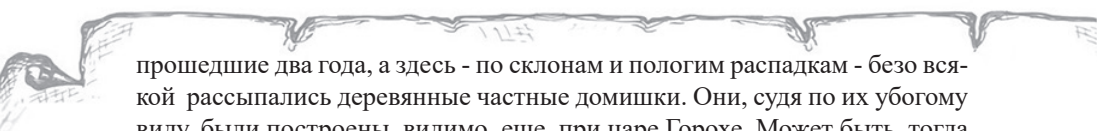
- Родное гнездо всегда остается родным для своих птенцов!

- Ну, это Чабрава хватанул! – шепнул тогда Славке сидевший рядом с ним Матвеев. – Вот помяни мое слово: мы Владимира Ивановича еще комбригом увидим. Хороший мужик, жалко, что расстаемся...

Глава 16

Состав, наконец, остановился. Проводница открыла дверь, и Вячеслав с Семушкиным сошли на щебеночную платформу станции со звучным названием Уралзолото. Деревянный, зеленого цвета вокзал был точно таким же, как и в Советском. Впрочем, там, сразу перед вокзалом, стройными квадратами возвышались кирпичные трехэтажки, построенные за

прошедшие два года, а здесь - по склонам и пологим распадкам - безо всякой рассыпались деревянные частные домишки. Они, судя по их убогому виду, были построены, видимо, еще при царе Горохе. Может быть, тогда здесь и добывалось это самое золото, которое и отпечаталось в названии поселка, а в дальнейшем - и станции.

- Куда нам, товарищ лейтенант? - спросил Варфоломей, но Вячеслав только отмахнулся от сослуживца, оглядываясь по сторонам.

Стояло раннее утро. Народу на вокзале практически не было. Те, кто встречал прибывающих пассажиров, уже исчезли, и только в конце перрона маячила пара бабулек с детскими колясками. В колясках бабульки доставляли к поездам нехитрую снедь для пассажиров: пирожки собственной выпечки и газированную воду в стеклянных бутылках из местного сельпо.

- Подожди, - сказал Вячеслав озирающемуся по сторонам Варфоломею, и направился прямо к этим самодельным пирожницам. - Здравствуйте, мамыши!

- Здравствуй, милоч! - ответила та, что была постарше. - Чего тебе? Может, пирожков хочешь?

- А не подскажете, где здесь военные стоят? - вопросом на вопрос ответил Вячеслав.

- Отчего же не подсказать. Видишь дорогу? - женщина указала рукой на грунтовый большак, пересекающий поселок и исчезающий за пологим склоном. - Вот по ней и топай, а за горой и увидишь, что тебе надо.

- Спасибо, - почесал затылок Вячеслав, прикинув на глазок, что топать придется не меньше часа.

- Не за что, милоч, - ответила женщина, - А пирожков-то горяченьких не надо?

Вячеслав подумал, что подкрепиться им с Варфоломеем не помешает, и полез в карман за деньгами. Еще через пятнадцать минут они сидели на поваленном стволе сосны за поселком и с аппетитом уплетали купленные пирожки с капустой, запивая их бутылкой «Буратино».

- Могли бы и машину прислать, - глубокомысленно произнес Семушкин, на что жующий Вячеслав ничего не ответил, а просто кивнул, соглашаясь с товарищем.

«Какой черт нас сюда занес?» - подумал Славка, вытирая руки носовым платком. Вопрос был риторическим, он точно знал имя и фамилию того самого черта, что их сюда заслал. Два дня назад его вызвал майор Стешенков, и объявил, что ему, лейтенанту Решетникову, надлежит отбыть в служебную командировку, для проведения плановой инспекции по технике безопасности в батальоне, расположенном под Серовом.

- Так мне до дембеля неделя осталась, товарищ майор! - возмутился Вячеслав. - Пусть Семушкин катит, ему дальше служить!

- И лейтенанта Семушкина с собой прихватите, - невозмутимо продолжил майор, - для ознакомления, так сказать. Пусть опыта набирается.

А накануне, в воскресенье, они компанией, выпросив у Чабравы машину, ездили отдыхать на Конду, километров за двадцать от поселка. Вячеслав поехал с Людмилой, Коля Зубков и Дубов с супругами. Семушкин тоже поехал с женой, которая к этому времени перебралась к нему в Советский. Прихватили и Крапивиных за компанию: все веселее.

Добирались что-то около часа, так как накануне прошел хороший ливень, и дорогу размолили леспромхозовские лесовозы. Остановились в чистом сосновом бору, прямо у деревянного моста через реку. Настроение было прекрасным: еще бы, в кое-то веки вырвались компанией на природу. Когда выгрузились, женщины занялись припасами, а мужчины, срубив удилища и привязав к ним снасти, приступили к ловле рыбы. Водитель с Дубовым подались в лес заготавливать дрова для костра. А Семушкин вызвался помочь женщинам.

- Ну, с богом! – сказал Зубков, забрасывая удочку в темную воду, не забыв по рыбацкой примете предварительно поплевать на червяка.

Славка, пристроившийся рядом, чуть ниже по течению последовал примеру старшего товарища. Над водой стелились легкие, прозрачные полосы утреннего тумана. Из-за сосен пробивались первые лучи солнца, отражаясь в каплях росы, густо покрывающей листья зарослей смородины и черемухи, нависших над берегами. Первые полчаса не клевало совсем, но, когда солнце поднялось повыше, неподвижный поплавок Славкиной удочки, наконец-то, дернулся и резко ушел под воду.

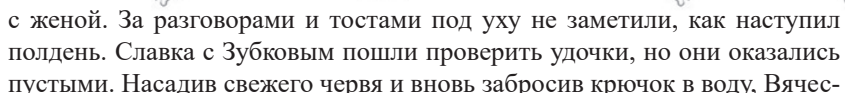
- Подсекай! – заорал Зубков.

Серебристая рыбина вылетела из воды и, сверкнув чешуей, шлепнулась на песчаный берег за спиной у Вячеслава. Он бросил удилище и кинулся к подпрыгивающей на опавшей хвое добыче, пытаясь прижать ее к земле. Сняв с крючка приличную, граммов в двести сорогу, лейтенант издал победный клич. Подбежавшие на крик девчонки тут же забрали у него добычу и вернулись к уже разгоревшемуся костру. Женщины с любопытством принялись разглядывать улов, восторгаясь ловкостью рыбаков.

- Ничего, - похвалил Вячеслава Зубков и тут же выхватил из воды примерно такую же плотвицу.

За час почти непрерывного клева наловили с полведра. Славка с Семушкиным занялись чисткой рыбы для ухи, а картошку и все прочее женщины к этому времени уже приготовили. Когда уха сварилась, расположились вокруг двух армейских одеял, расстеленных прямо на земле, покрытой толстым слоем опавшей хвои. Вячеслав с Дубовым подтащили пару упавших сосновых стволов, уже лишившихся от времени коры, а Семушкин разыскал где-то два толстых, сантиметров по сорок в диаметре спиленных чурбака, на которых, как на табуретках, устроился вместе

с женой. За разговорами и тостами под уху не заметили, как наступил полдень. Славка с Зубковым пошли проверить удочки, но они оказались пустыми. Насадив свежего червя и вновь забросив крючок в воду, Вячеслав присел на песок крутого склона, достал сигарету, и чиркнул спичкой. Рядом пристроился Николай.

- Ну, как ты, решил остаться или ехать куда надумал? – спросил он Вячеслава.

- А куда, Коль, ехать? Думаю в ПМК пристроиться, поработать года два. Заработки у них там неплохие.

- А с Людмилой что надумал?

- Если честно, не знаю, Николай. Не думал как-то.

- Вот-вот. А надо бы подумать, не маленький мальчик, - поднялся Зубков. – Пошли к костру.

- Пошли, - поднялся вслед за приятелем Вячеслав.

По его, внезапно ставшему серьезным лицу было видно, что слова товарища не прозвучали пустым звуком, а осели где-то на донышке, в глубине сознания. Действительно, служба приближалась к концу, нужно было серьезно подумать о будущем. Правда, обстановка пикника не располагала к этому, и через минуту Славка позабыл об этом разговоре. Часам к трем начали собираться домой. Николай по прибытию в поселок предложил продолжить у него дома.

- По дороге грибов наберем, нажарим. А можно и грибницу для тех, кто любит, сварить. Я-то сам не особенно ее уважаю. По мне жареные, да еще с картошечкой, куда вкуснее!

Год был на редкость урожайным, и грибы в невероятных количествах были рассыпаны по лесам. Остановились где-то на пятнадцатом километре и за десять минут, не удаляясь от дороги, набрали ведра два отборных красноголовиков.

А еще через день Валера пригласил их вечером вместе с Людмилой на дичь. С кем-то из местных охотников они добыли несколько глухарей, и Анна, или ее мать, вымочив их в уксусе, нажарили целый таз мяса. Пировали в беседке, прямо во дворе. Потом на спор Славка, вспомнив свое спортивное прошлое, подтягивался на турнике, сооруженном тут же. Людмила хлопала в ладоши, когда ему удалось подтянуться двадцать пять раз. Едва отдышавшись, он снова занял место за столом.

- А в институте пятьдесят раз подтягивался, вместо зарядки, - сообщил он.

- Загибаешь, наверное! – не поверил Валера.

- Почему загибаю? Не зря мастера спорта дали. Да и штангу восемьдесят килограммов весом еще в школе одной рукой рвал. Это, кстати, не предел, у нас кое-кто из команды и сотней баловался.

- Свежо преданьице, да верится с трудом!

- Вот тебе крест! – в шутку перекрестился обиженный недоверием лейтенант. – Не тренировался два года, а то бы и сейчас показал.

- Ладно хвастаться, - остановила его Людмила. – Пойдемте-ка лучше телевизор посмотрим, фильм начинается.

Они с Анной ушли в дом, а Славка с приятелем остались на улице, где стало уже прохладно. Идти в душный, нагретый дневным солнцем дом не хотелось.

- Вот закончишь службу, на охоту съездим, - предложил Крапивин, но Славка отказался:

- Я как-то к этому мероприятию равнодушен. Рыбалка – другое дело! Правда, дальше Конды быть не приходилось.

- Еще побываешь. На озере Арантур щука килограммов по двенадцать попадается. Крокодилы, а не щуки.

- А где этот Арантур?

- Километров семьдесят отсюда. Громадное озеро. Но добираться нужно через Комсомольский, и не на всяком транспорте доберешься.

- Вот туда бы я с превеликим удовольствием поехал, а охота – это не по мне.

- А зря, азартная эта штука – охота! Особенно, когда ей охота и тебе охота! – рассмеялся Валера.

- Говорят, еще километров через двадцать за Кондой река есть, Алымья, что ли. Так вот там рыбы – немерено! А, может, брешут?

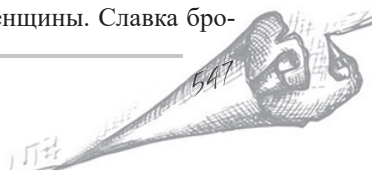
- Там еще не одна река есть, - сообщил Валера. – Правда, дороги – не дай бог! Не дороги даже, а так - визиры. Геологи прорубились, ну а наши мужики тут же и полезли. А озера там какие... Но - не добраться. Вертолетчики по точкам летают, иногда забрасывают. Караси – один на сковородке не помещается.

В этот момент его позвала из дома теща. Славка выкурил сигарету и тоже отправился в хату. В темных, неосвещенных сенях он наткнулся на кого-то, испугался, но тут же почувствовал, как мягкие женские руки обхватили его за шею. Пахнущие вином губы на секунду впились в его губы и тут же отпрянули, так как дверь в прихожую начала открываться. На пороге возник Валера, а Анна, ошеломившая Славку, как ни в чем ни бывало, проскользнула между мужем и косяком внутрь. Не подавая вида и сохраняя бесстрастное выражение лица, что далось ему нелегко, Вячеслав намерился последовать туда же.

- А у меня есть кое-что, - остановил его Крапивин, доставая из-за спины бутылку, - пошли в беседку.

- Спасибо, Валера! – отказался Вячеслав, стараясь сохранять спокойствие. – Поздно уже, а завтра на службу.

Он понял, что Валерий ничего не заметил. Когда они с приятелем вернулись в дом, где у телевизора собрались все женщины. Славка бро-

сил короткий взгляд на Анну, но выражение ее лица ни чем не выдавало произошедшего только что.

Они с Людмилой распрощались с гостеприимными хозяевами и отправились восвояси. Славка ничего не сказал любимой о странном поведении Анны, но впредь зарекся оставаться с той наедине. Не хватало еще товарища из-за дурной бабы потерять. Вылитая Алина, да и только. И чего им всем надо, как будто своих мужиков мало...

Вячеслав очнулся от воспоминаний и огляделся. Они с Семушкиным уже поднялись по склону. Под горой блестела лента реки, галечные берега которой поросли густой щетиной ивняка. Слева отсвечивали в лучах восходящего солнца кресты поселкового кладбища, а справа, чуть ниже белели щитовые, недостроенные бараки казарм и ряд аккуратных палаток, обнесенных высоким и тоже побеленным забором.

- Во, - ткнул Славка пальцем в пространство перед собой, - добрались почти!

- А красиво тут, горы! - откликнулся Варфоломей. - Не то, что у нас, одни болота.

- Сам ты болото! - хмыкнул Вячеслав. - Нахлабаешься болотной водицы - полюбишь! Я тоже в первое время тосковал по детству. Романтики хотелось, а вышло вон что. Никак не мог привыкнуть к местным ландшафтам после Дальнего Востока. А потом прошло. Пошли, чего стоять-то, время идет. Вон кто-то на плацу шевелится, седьмой час уже.

Из вагончика КПП у раскрашенных, как новогодняя елка ворот, выскочил младший сержант, отдавая честь. Славка козырнул в ответ и приказал доложить старшему, что лейтенанты Решетников и Семушкин прибыли для решения стратегических задач командования.

- Давай, сержант, мухой! А то проклятая гидра империализма просянется и выяснит, что вы тут спите, как сурки, и в ус не дуετε. Садись, Семушкин, - указал он на скамеечку у вагончика, - в ногах правды нет.

Через минуту в вагончике появился прапорщик, видимо, помощник дежурного по части.

- Здравия желаю, товарищи лейтенанты! Откуда и по какому вопросу прибыли?

- Здорово, если не шутишь! - ответил Вячеслав, протягивая прапорщику командировочное предписание и копию приказа бригады. - На, читай!

Тот быстро просмотрел переданные лейтенантом бумаги и тут же начал куда-то звонить. Через пять минут прапорщик пригласил лейтенантов проследовать за ним.

- Пойдемте, товарищи лейтенанты, завтракать. Начальник производственного отдела прибудет из поселка через полчаса, а комбат сейчас в корпусе.

- А главному неинтересно, что у него с техникой безопасности в части творится!? – ехидно поинтересовался Вячеслав.

- А главного у нас уже месяц как нет. Демобилизовался.

- Двухгодичник?

- Так точно! Из Москвы!

- Во, видишь, Семушкин, все приличные люди уже давно на дембель ушли, а я тут, как прокаженный, с вами мызгаюсь. Пошли завтракать, пока приглашают, - позвал Вячеслав Варфоломея и сам направился за прапором.

В столовой уже были накрыты столы, и их довольно прилично накормили. Потом появившийся внезапно откуда-то дежурный по части, лейтенант, проводил в штаб, где они и дождались начальника производственного отдела, знакомого Вячеславу по бригадным посиделкам, старшего лейтенанта Калинина.

- Привет, Слав! Какими судьбами к нам?

- А что, не сообщили? – удивился Вячеслав. – Инспектировать тебя, Ген, приехали. На вот копию приказа, читай! Знакомься, кстати, моя смена, - кивнул он в сторону Семушкина, - Варфоломей. С ним дальше работать будете, если нужда заставит.

- А ты-то куда денешься?

- А я, Гена, в пятницу последний день служу.

- Да ну!

- Вот тебе и ну! Дембель, Гена, дембель!

- Поздравляю! Отбарабанил, значит. Уезжаешь куда?

- Да не знаю еще. Думал здесь, то есть в Советском, поработать.

- На железке?

- Не. На комбинате, что у нас строится. Там люди требуются. Короче, видно будет.

- Что делать будем? – спросил Вячеслава, повертев перед глазами приказом, старлей.

- Как что, приказ исполнять! Ты чего, Семушкин, к стулу примерз? Поднимайся, пойдем проверять товарищей.

- Да, погоди ты, - остановил Вячеслава Калинин, - давай хоть чаю поьем. Сейчас мои инженера подтянутся, и пойдем. А, может, молодых отправим? Что нам, старикам, ноги бить-то?

- Вот тут ты, Гена, абсолютно прав: не царское это дело в дерьме разном ковыряться! Пусть топают молодые и акт рисуют, а мы о жизни с тобой погугарим.

- Вот и прекрасненько. Сейчас я тебя, лейтенант, со своими познакомлю, и приступайте. А мы с Вячеславом Георгиевичем по части прогуляемся.

Оставив Варфоломея с молодым лейтенантом, тоже, видимо, недавно призванным, и наказав им подготовить необходимые бумаги, старые

знакомые вышли на улицу, присели на скамеечку возле штаба и закурили.

- До сих пор в палатках обитаете? – спросил старлей Вячеслав.

- Приходится. Но в эту зиму, похоже, в казармы переселимся. Видишь, заканчиваем уже.

- Вижу. А, что так долго строите-то? Вы здесь уже года два, наверное, или больше?

- Три почти. А хрен его знает, почему медленно! То одного нет, то другого. Второй год корячимся. Проверять-то сам будешь что?

- Я что, умом тронулся? Накажи своим ребятам, кто пограмотнее, пусть акт напишут и – по рукам!

- Вот это дело! А мы чем-нибудь более приятным займемся. Ты пожди минуту, я начштаба доложусь, чтобы не искал.

- Давай. И моего подопечного турни сюда, а то он от усердия лоб расшибет. Нечего ему у людей под ногами болтаться.

Солнце поднялось высоко и пригревало совсем по-летнему. В воздухе, подгоняемые едва заметным ветерком, летали паутинки, но вот трава по склону сопки лишилась уже своего привычного, пестрого многоцветья, местами покрывшись бурыми пятнами. Осень. Славка закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам.

- Разрешите? – плюхнулся рядом с ним на скамейку запыхавшийся Семушкин.

- Что, закончили? – открыл глаза Вячеслав.

- Что закончили? Проверку?

- Экий ты болван, Семушкин. Я про конечный документ спрашиваю.

- Акт?

- Акт, конечно, а что еще!

- Вчерне набросали. Валерий подправит и машинистке снесет.

- Валерий, это лейтенант Генкин, что ли?

- Так точно.

- Надо будет посмотреть, что вы там сочинили.

В эту минуту к ним подошел Геннадий.

- Ну, мужики? Что делать-то будем? У вас когда поезд, кстати?

- В четыре. А что ты предлагаешь?

- А я вот что предлагаю! Пока тут бумаги печатают, пошли-ка на речку, искупаемся. Вода еще теплая, комарья уже нет, красота! Отдохнем, если хотите, порыбачим, винишка выпьем.

- Вот это дело! – оживился Вячеслав. – Семушкин, - обратился он к подчиненному, - дуй-ка в деревню, в магазин!

- Да не надо ничего! – остановил, поднявшегося было со скамейки Варфоломея старлей. – Все доставят в лучшем виде прямо на природу! Я сейчас у старшины пару плащпалаток прихвачу и потопали!

Он вскоре появился с набитым вещмешком и парой завернутых в полиэтиленовый мешок бутылок.

- Пошли. Валера тут все остальное организует.

Они вышли за КПП и направились к реке. Если на склоне сопки практически не росло ни одного дерева, кроме десятка невзрачных кустиков, то берег реки густо зарос ивняком и черемухой, обсыпанной черными, крупными, и уже перезревшими ягодами. На поляне, к которой их привела натопанная сотнями ног тропинка, росло несколько сосен с густыми кронами. Место было обжито. На краю поляны виднелось старое кострище, обложено кирпичами. Геннадий предусмотрительно прихватил с собой пару удочек, и Семушкин, обуреваемый страстью заядлого рыбака, тут же исчез за ближайшими кустами.

- Ну, а мы будем загорать, - сказал Вячеслав, расстелив на траве плащпалатку.

Раздевшись догола, благо никого поблизости не было видно, они вошли в воду, оказавшуюся на удивление теплой. Многочисленные стайки мальков тут же начали виться у ног, щекотно покусывая за волосы. Галечник на дне переливался в струях воды всеми цветами радуги.

- Красотища! – потянулся всем телом Вячеслав и с брызгами и шумом нырнул в неторопливые струи реки.

Поплавав и поныряв минут десять, они с Геннадием вылезли из воды и растянулись на плащпалатках.

- Ты, как, не женился еще? – спросил старлей.

- Не.

- А думаешь?

- Не знаю. Страшновато на себя обузу вешать.

- Дурак ты, Слава! Какая же это обуза. Домой приходишь, а тебе уже стол накрыли! Все постирано, поглажено, да и сам ухожен. И бегать никуда не нужно, все при тебе.

- Ага! Только что-то разводится многовато! Вон, мой приятель, Сашка, чуть больше года назад женился и скачет теперь, ловит свою Алину по закоулкам!

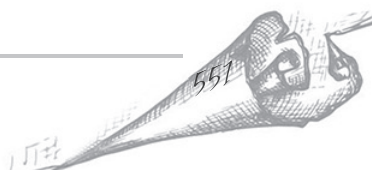
- Ну, это скорее исключение, а не правило. Бывает, конечно. Но твоя-то, я думаю, не такая?

- Все они не такие, пока не замужем! Пушистые и ласковые! – Славка вспомнил Крапивину.

- Зря ты так! На женщинах, в конце концов, мир держится. Что, мать у тебя стерва какая-то?

- Ну, так то – мать!

- А твоя жена, когда родит, тоже матерью станет! Так что, зря ты, Слава, про обузу-то. Тем более, что все равно когда-нибудь придется решиться, а чего тянуть?

- Ладно, замнем для ясности. Давай, Гена, тему сменим! Разберусь я с этим делом, не сомневайся! Где твой лейтенант-то?

Геннадий приподнялся на локтях и посмотрел в сторону дороги.

- А вон, со старшиной топают!

Вячеслав сел, надел трусы и набросил на плечи рубашку. По тропинке от дороги шли двое, груженные тяжелыми авоськами. Еще через пару минут они приземлились рядом с загорающими.

- Виктор, - протянул руку молодежавый прапорщик, - старшина батальона. Рад познакомиться!

- Ну что, все в порядке? - спросил у прибывших Геннадий. - Или, как всегда, что-нибудь да забудем!

- Обижаете, товарищ старший лейтенант! - ухмыльнулся Валера, разгружающий на траву звенящие авоськи, - Все в лучшем виде! А где Варфоломей-то? - он завертел головой, не увидев рядом с начальством коллегу.

- Рыбу ловит, - ответил Вячеслав, надевая брюки и ботинки. - Варфоломей! - закричал он в сторону ивняка. - Кончай дурью заниматься, топай сюда!

Вскоре из кустов появился лейтенант с удочкой и десятком маленьких, усатых пескарей, нанизанных на ивовый прутик.

- Во, можно уху сварить, - горделиво поднял он куку на вытянутой руке.

- Ага, - со вздохом произнес Вячеслав и вновь развалился на плащпалатке, закинув руки под голову - кошке! Да и той маловато будет.

- Ничего не маловато, - обиделся Семушкин, - вполне приличная уха получится. Котелок есть?

- Не, не захватили, - ответил Валера.

- Как не захватили? Все захватили! Бросьте вы, ребята, эту рыбу, - бодро вмешался в разговор прапорщик, - у нас тут кое-что получше есть!

- Из одного пакета он извлек котелок с завернутым в газету куском говядины килограмма на два. - Сейчас костерок разведем и такую юшку сварганим - пальчики оближете! Молодые, вы бы пока дровишек насобирали! - обратился он к лейтенантам.

Семушкин аккуратно пристроил свой улов на ветке сосны и пошел вслед за Валерой, который уже исчез за кустами.

- Может, еще окунемся? - спросил Геннадий.

- Я с удовольствием! - ответил Вячеслав. - А вы, прапорщик?

- Спасибо, товарищ лейтенант! Я тут пока столом займусь. А вы купайтесь, пока солнышко греет и погода позволяет. Что-то мне вон та тучка не нравится, - он указал на потемневшую полосу горизонта. - Как бы дождь не принесло.

- Скажешь тоже - дождь! - беззаботно отозвался Геннадий, поднимаясь и направляясь к воде. - На небе ни облачка!

Когда они с Вячеславом наплавались и вылезли на берег, там уже во всю трещал костер, над которым булькал котелок с похлебкой. На сером байковом одеяле, постеленном поверх плащпалатки, живописным натюр-мортом расположились бутылки с водкой и нехитрая закуска: открытые банки с рыбными консервами и тушенкой и нарезанные огурцы с помидорами. Отдельной кучкой лежала целая охапка свежего зеленого лука и укропа. Варфоломей и Валера жарили на костре пескарей.

- Сгорят они у вас, - сказал подошедший Геннадий. - Надо дожидаться, когда угли будут.

- Не сгорят! - уверенно возразил Варфоломей, поворачивая прутик. - Мы осторожненько, - сглотнул он слюну так громко, что услышал даже Вячеслав, одевавшийся поодаль.

- Давайте-ка к столу! - пригласил компанию Виктор, расставляя по периметру одеяла алюминиевые кружки. - Бросьте вы своих дохлых пескарей! - крикнул он лейтенантам. - Топайте сюда.

- Красота! - протянул старлей. - Давай, Слав, присаживайся! И вы падайте, господа лейтенанты! - пригласил он Семушкина с напарником. - Виктор, разливай!

- За что выпьем-то? - спросил Вячеслав, когда все подняли кружки.

- За встречу! - ответил Геннадий. - И за прекрасную погоду! Гляди, как солнце нажаривает! - он опрокинул содержимое кружки в рот и смачно крякнул, утерев тыльной стороной ладони губы. - Ты смотри, какая осень удалась; тепло, светло и главное - мухи не кусают!

- Это точно! - отозвался прапорщик, отошедший к костру помешать кипящую и аппетитно пахнущую похлебку. - Но мне все равно вон та тучка, ой как, не нравится!

- Кончай, Матвеевич, - промычал жующий Валера, - пока суд да дело, мы уже дома будем.

Разлили по второй, и беседа пошла куда живее.

- А, помнишь, Слав, как мы в Серове гулеванили? - мечтательно закатил глаза старлей. - Какое там, в ресторане было заливное из осетринки! Пальчики оближешь!

- Ага!

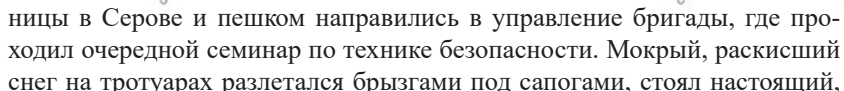
- А потом, помнишь, как у приятеля моего, Захарченко, в части скрывались? Ну, когда нас в бригаде за того мента разыскивали? Кипиш еще подняли до небес.

- А что случилось, товарищ старший лейтенант? - заинтересовался Семушкин.

- А ты вон у Вячеслав Георгиевича спроси.

- Ничего не случилось, Варфоломей, ты пей лучше! - уклонился от ответа Вячеслав, который не любил вспоминать тот случай.

А дело было вот как. Утром они вместе с Геннадием вышли из гости-

ницы в Серове и пешком направились в управление бригады, где проходил очередной семинар по технике безопасности. Мокрый, раскисший снег на тротуарах разлетался брызгами под сапогами, стоял настоящий, как ему и положено, апрель. За разговорами они не заметили милицейского полковника в папаше, шедшего им на встречу и не отдали тому честь.

- Товарищи лейтенанты! – остановил их тогда долетевший вдогонку оклик.

Они остановились и, развернувшись кругом, увидели перед собой красное от возмущения лицо полковника:

- Вас, товарищи лейтенанты, приветствовать старших по званию не учили? – грозно спросил милицейский начальник.

- Извините, товарищ полковник! – спокойно ответил Геннадий. – Не заметили.

- Как это – не заметили? – все больше распалялся милиционер, задетый спокойным и невозмутимым видом армейцев. – Я маленький такой, что меня не видно? Я вот сейчас вашему начальству доложу о вашем хамстве, пусть оно с вами разберется, как следует!

- Мы же извинились, товарищ полковник, с кем не бывает, - спокойным тоном ответил старлей.

- Слушай, полковник, шел бы ты, куда шел! – поддержал приятеля Вячеслав, задетый подобным тоном милиционера, – Извинились перед тобой, что тебе еще надо?

- Да как вы смеете со мной разговаривать в таком тоне, сопляки? – побагровел от возмущения полковник. – Распустились, понимаешь, донельзя! Дети малые, понимаешь, не видят они ничего вокруг! Армию позорите!

- А ты не маленький, полковник, ты – дурак! – спокойно ответил вскипевшему окончательно милиционеру Геннадий. - Пошли, Слав, что этого полудурка слушать.

Челюсть у полковника отвисла и из горла, вместо слов раздавался только какой-то хрип, пока они удалялись от него по тротуару. Но через пятнадцать минут, только они вошли в здание управления, их тут же остановил дежурный лейтенант:

- Мужики, вы полковника милицейского не встречали случайно?

- А что случилось-то? – спокойно спросил Вячеслав.

- Да двое наших честь ему не отдали, ну, а когда он их воспитывать стал, послали, куда подальше. Так что, если это вы, топайте отсюда быстрее. А то он комбригу обещал через полчаса сам подъехать, ну, значит, чтобы опознать.

Приятели не заставили себя ждать и от греха подальше убрались из бригады в гости к Генкиному сослуживцу в соседнюю часть, стоящую на окраине Серова. И вовремя убрались. Полковник действительно явился в бригаду.

Случай этот врезался в память и оставил в душе какое-то двойственное к нему отношение. С одной стороны, армия презирала ментов, которым и звания доставались легче, и служба проходила в населенных пунктах, а не в грязи, на трассах. А с другой стороны? Может, надо было помягче с этим полковником?

- Не переживай! Мент, он и есть – мент! – подвел тогда итог этой случайной встрече Геннадий. – Поговорку знаешь: лучший мент, это – мертвый мент! Не бери в голову, Слав, ни один милицейский полковник еще ничего хорошего не заслужил. Я тут одному в нашей деревне с дровами как-то помог, по знакомству. Привез, бойцы напилили, перекололи. А когда за помощью однажды обратился, фиг тебе. Хотя ему только пальцем пошевелить надо было...

Вячеслав вздрогнул, когда холодная капля упала ему на щеку. Он увидел, что половина ясного неба затянута серой пеленой, переходящей на горизонте в клубящуюся седым черноту. Сквозь эту черноту проблескивали всполохи далеких молний, но грома пока не было слышно.

- Сейчас начнется! – констатировал старшина, собирая в пакеты недоеденную закуску. – Валера, сними похлебку и прикрой. Да придави чем-нибудь потяжелее.

- Может, еще успеем до части добежать? – с сомнением спросил Вячеслав, еще раз взглянув на небо.

- Не успеем, товарищ лейтенант! Помогите лучше плащпалатки натянуть.

Торопясь, в восемь рук, они набросили прорезиненные плащи на нижние ветви стоящей рядом с сосной березы и привязали концы.

- А, может, под сосной лучше пристроиться? – спросил Вячеслав. – Там ветви потолще, да и ствол прикроет.

- А если молния? – хмыкнул Геннадий. – Нет уж, давайте лучше тут переждем.

Воздух внезапно застыл, и было слышно только булькающую на каменистых перекатах воду реки. Первые крупные капли дождя начали барабанить по опавшей прошлогодней хвое, да так, что отдельные иголки подпрыгивали, отрываясь от земли. А потом началось: струи дождя были такими плотными, что сосну в двадцати метрах от сбившихся в кучку под березой людей стало совершенно не видно. От грома гремел, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. А в завершение всего ударившая молния подожгла крону той самой сосны, под которой Вячеслав предлагал укрыться. Дождь тут же потушил пламя, но жуткое ощущение, что смерть прошла в нескольких метрах от них, пришло, когда ливень уже начал стихать. Как они ни старались, плащпалатки не спасли их от воды: все промокли насквозь. Дождь закончился так же внезапно, как и начался, и, разорвав остатки туч, вновь выглянуло солнце. Чертыхаясь, офицеры

выползли из-под своего укрытия. Видок у всех был, конечно, еще тот, хорошо, что никого поблизости, кто бы это мог увидеть и оценить, не было.

- Ну, что я говорил! – ткнул пальцем в сторону дымящейся сосны Геннадий.

- Да-а, - протянул Вячеслав, - молодец ты, Гена! – Он оглянулся на Семушкина, пытающегося выжать промокший насквозь китель, - Жив, Варфоломей?

- Почти, товарищ лейтенант, только сыро очень.

- Выпить бы надо, - вмешался в разговор прапорщик, - а то и простыть недолго.

- Может быть, костер разожжем? – с сомнением произнес Варфоломей, разглядывая лужу с плавающими на поверхности головешками на месте недавнего кострища.

- Бесполезно, - осадил его прапорщик.

- Давайте-ка, мужики, собираем все и – в часть, сушиться! – скомандовал старлей. – А то еще действительно простынем. Плесни, Виктор, грамм по пятьдесят, и полетели!

- Так, вроде, солнышко вышло, - возразил Вячеслав, но Геннадий остался непреклонен:

- Во-первых, – сентябрь, а во-вторых, вам, ребята, через три часа на поезд, а еще акты подписать нужно и самим подсушиться. Как вы в таком виде поедете-то?

Выпив, все дружно собрали пожитки, остатки трапезы и быстро двинулись в сторону части. Спустя несколько минут, они миновали КПП.

- Пойдемте в клуб, - предложил старлей, направляясь к палатке, стоящей чуть поодаль от остальных. – Виктор, организуй дров и бойца, чтобы печь растопил, - приказал он прапорщику.

В клубной палатке печью служила стальная труба диаметром миллиметров триста и длиной метров пять. Геннадий порывлся в шкаф, стоящем в углу, и достал несколько деревянных плечиков:

- Держите, мужики, кителя повесьте, а то их потом не разглядить будет. А ты что стоишь? - обратился старлей к Валере. – Дуй в штаб за актами, да заодно и переоденься! Хлеба в столовой захвати, а то наш весь в кашу превратился. Слав, стели брюки прямо на трубу, только стрелки разгладь, у нас все бойцы так делают.

- Да я в курсе, наши так же штаны гладят.

Появившиеся вслед за старшиной два бойца с охапками дров сноровисто растопили печь и, получив разрешение от прапорщика, исчезли. Печь загудела, труба начала потихоньку нагреваться, и от мокрых штанов Семушкина и Вячеслава пошел легкий пар.

- Давайте за стол, что ли? – позвал присутствующих Геннадий, уже разложивший закуску. – Согреемся маленько, пока одежда сохнет.

- Давай, - согласился Вячеслав, - для согрева можно! А ты, Семушкин, последи за брюками.

Лейтенант послушно кивнул головой. Время до поезда еще было, и приятели неторопливо беседовали, сидя за столом вместе со старшиной. Появился Валера с актами, которые тут же, не отходя от кассы, подписали заинтересованные стороны, вполне довольные друг другом. Молодежь, выпив по сто грамм, отошла в сторону, болтая о чем-то, о своем. Вячеслав, поднявшись, перевернул на разогревшейся трубе свои брюки на другую сторону, и пододвинул на веревке поближе к теплу кителя. Потом вновь вернулся к столу.

- Так о чем это я?

- Да ты хотел рассказать, как мост сдавали.

- Ах, да. Собралась толпа начальства из корпуса, из бригады, из управления дороги. Даже кто-то из Москвы, вроде, прикатил. И просто глазающих человек сто, не считая бойцов. Подогнали тепловоз с парой вагонов и с плакатом на морде, повесили поперек пути ленточку, ну все, как положено. Ну, а потом комкор передал ключ начальнику дороги и ленточку разрезали вместе с местным секретарем райкома.

- А из ваших кого-нибудь поощрили?

- Как же! Гуку, правда, благодарность объявили, а Чабраву на банкет с собой взяли.

- А вас не взяли даже на банкет?

- Ты что? Кто они, и кто мы! Поэтому, кто рылом не вышел, Ген, тихонечко в «Лозьев» набрались.

- Это всегда так! – заметил старшина. – Кто-то угли из костра таскает, а кто-то жареные каштаны.

- Да хрен с ними, с наградами! – Геннадий плеснул в кружки. – Главное, мост-то стоит. И поезда по нему идут. Вот, когда состаришься, будешь внукам рассказывать, как тут воевал! Кстати, вроде чем-то горелым пахнет.

Вячеслав потянул носом и бросился к трубе, кроя отборным матом болтающего с Валерой за соседним столом Семушкина. Он сдернул брюки с трубы. Особых повреждений, на первый взгляд, как будто бы, не было. Но когда он начал их надевать, подплавившаяся стрелка на правой брючине просто треснула сзади на самом интересном месте.

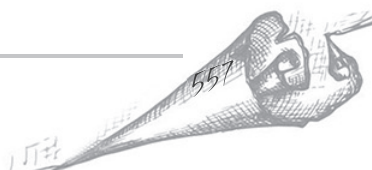
- Полный абзац! – констатировал Славка, разглядывая со всех сторон вновь снятые брюки. – Что делать-то будем, Варфоломей?

- Да, - подтвердил ухмыльнувшийся Геннадий, - штанцам копец пришел!

- Давайте брюки, товарищ лейтенант, - вмешался старшина, - что-нибудь придумаем.

Он исчез со штанами из палатки.

- Не расстраивайся ты так! – успокоил кипящего Вячеслава старлей. – Виктор – мужик смекалистый, все сделает как надо.

- Ладно, что хоть служить осталось всего три дня, - сказал Вячеслав, постепенно успокаиваясь. – Иди сюда! – позвал он Семушкина, забившегося в угол. – Собирай вещи, через полчаса выходим.

- Не торопись, старшина машину организовал, - остановил Вячеслава приятель. – До станции доставим в лучшем виде. Давай-ка еще по одной, а то вид у тебя какой-то шибко расстроенный.

- Ладно, - улыбнулся Вячеслав, - к черту эти штаны! Чего в жизни не бывает!

- Вот именно. На кой черт нервы портить! Все пройдет, как с белых яблонь дым, как говаривал поэт.

Они присели за стол, а еще через пять минут полог в палатку откинулся и появился старшина со злополучными брюками. Вячеслав осмотрел аккуратно заштопанную стрелку и остался доволен:

- Порядок в танковых войсках! Видно, конечно, если присмотреться, но доехать – сойдет! Спасибо большое!

- Да не за что, товарищ лейтенант! – прапорщик намахнул из подставленной ему кружки. – Поехали, машина ждет.

На вокзале Вячеслав и Геннадий долго прощались, хлопая друг друга по плечам:

- Когда еще увидимся? А, может, и – никогда!

- Почему никогда? В Советском-то все равно как-нибудь появишься. А там найдешь, если захочешь, не город ведь.

Поезд тронулся, и, утомленный этим долгим днем, Вячеслав завалился на верхнюю полку, приказав Семушкину разбудить его в Першино. Тот, к удивлению Вячеслава, исполнил все в точности. После станции поезд прогрохотал по стальным пролетам над Лозьвой, и в падающем из окон вагонов тусклом свете промелькнули брошенный у берега полустогревший вагончик мехбата и торчащие из воды останки деревянных опор старого моста, с которого монтажники уже сняли пролеты.

- Ну вот, Варфоломей, скоро никто и знать не будет, что все здесь когда-то было по-другому.

- Так ведь жизнь не стоит на месте, товарищ лейтенант.

- Ладно, философ задрипанный, ложись лучше, а я пойду в тамбур, покурю.

Глава 17

Поезд в Советский прибыл рано утром, и Решетников, добравшись до общежития, вновь завалился спать.

- Меня не будить, - пригрозил он встретившему его Боговичу, - даже если ядерная война начнется!

Проснулся перед самым обедом. В общаге стояла тишина; все давно разбежались по своим делам, а вестовой, как обычно, дрых у себя в су-

шилке. Эта привычка у вестовых передавалась, видимо, как оспа. Несмотря на то, что брюки у Вячеслава были зашиты добротной, оплавившаяся ткань все-таки вновь кое-где треснула. Идти на службу было совершенно не в чем. Оставшиеся в живых за эти два года яловые сапоги две недели назад Богович вот так же, из лучших побуждений, поставил сушить в котельной, и они сели размера на два, как минимум. А идти в батальон в бриджах и полуботинках Вячеславу показалось как-то слишком. Он представил себе лицо Стешенкова, появившись он в таком виде в штабе, и расхохотался. Ну, прям, Попандопула из «Свадьбы в Малиновке»! Кондратий старика хватит! Завтра у Славки был последний день службы, не хотелось снова вздорить с начштаба. Но делать было нечего, и Вячеславу пришлось одеться в штатское, хотя Стешенков категорически запретил офицерам появляться в части в гражданском. Даже в выходной день. Но идти в чем-то было надо. Красный пуловер, связанный Людмилой, под светлым кремовым пиджаком выглядел особенно ярко. Дежурный на КПП не сразу узнал его и попытался остановить. Вячеслав раздраженно рывкнул на него, и ефрейтор заулыбался, узнав лейтенанта:

- Извините, товарищ лейтенант, не признал вас!

- Ладно, не извиняйся! – буркнул он ефрейтору. - Ты вот что мне лучше скажи: Стешенков с комбатом на месте?

- Нет. Выехали куда-то. А Бугрим тут.

- Понятно. Народ в столовой?

- Так точно!

- Тогда и я пошел обедать, - Вячеслав направился напрямик в столовую.

- Ба, кто это у нас? – встретил его возглас Матвеева, сидящего за столом вместе с Семушкиным.

- Дон Карлеоне, - ответил Славка, плюхаясь на стул.

- А ты что это, Слав, в цивильном? – спросил Дубов, обедающий за соседним столом.

- Последние штаны на алтарь Отечества положил, - Вячеслав вкратце поведал приятелям о том, что произошло. – Если бы ты, Варфоломей не спал, а нес службу, как положено, брюки уцелели бы! – попенял он подчиненному.

- Так тебе, Слава, куда как лучше! - сказал, уже допивающий компот Суровцев. – Только Бугриму на глаза не попадайся. Заскочи после обеда, расписаться кое-где надо, да начштаба тебя хотел видеть.

- На кой я ему?

- А я почему знаю?

Славка закончил обедать позже всех и сразу отправился в бухгалтерию, получить расчет, так как последние гроши он истратил на билет к родителям до Калинина. У него еще оставалось дней десять отпуска, и он хотел перед тем, как устроиться на работу, навестить их. Матвеев безо

всяких разговоров выдал ему последнюю зарплату и отпускные, не забыв, однако, при этом напомнить об отходных.

- Да не беспокойся ты, Витя, все будет, как у людей!

Потом Вячеслав отправился в техчасть, где уже на полных правах всеми текущими делами ворочал Варфоломей. Вид у него стал важный и значительный. Причиной этому было и то, что после перевода Фоминых в бригаду нового начальника техчасти так до сих пор и не прислали. А начальник должен иметь соответствующий вид. Даже исполняющий обязанности. Верочка всплеснула руками, увидев Вячеслава:

- Ой, Слава, какой ты у нас красивый!

- А что нам, молодым? – чмокнул ее в щеку Вячеслав.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – приветствовал его из-за своего стола новый техник, младший сержант.

- Здорово.

- Когда уезжаешь-то? – спросила Верочка.

- Послезавтра. Так я ведь на неделю всего, еще увидимся и не раз.

- В ПМК устраиваешься?

- Да еще и сам не знаю. Приеду – посмотрим! Была бы шея, а хомут найдется! Варфоломей, организуй-ка чаю! – попросил он Семушкина.

В этот момент в комнате появился помощник дежурного по части и сообщил, что лейтенанта Решетникова приглашает к себе в кабинет майор Стешенков.

- И что я ему дался? – пожал Славка плечами. – Ладно, пойду, ребята! Ты, Варфоломей, насчет чая все-таки расстарайся. За Верочкой поухаживай.

Он направился к начштаба.

- Разрешите, товарищ майор! – Вячеслав зашел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

- Садись, Решетников, - указал начальник штаба на стул, не отрывая глаз от бумаг, лежащих перед ним на столе.

Славка присел, оглядываясь по сторонам в ожидании, когда начштаба соизволит обратить на него внимание. Наконец, тот взглянул на Вячеслава:

- А что это ты в штатском? – к удивлению Вячеслава совершенно спокойным тоном спросил Стешенков.

- Последние брюки креозотом вчера залил, товарищ майор, - соврал Вячеслав, чтобы не вдаваться в подробности происшествия.

-А-а! – протянул Стешенков. – Ты только по части в таком виде не болтайся. Я вот что тебя, Решетников, вызвал. Комбат, понимаешь, хотел тебя лично с очередным званием поздравить, а тут ничего не получается. У тебя в личном деле четыре взыскания не погашено, тем более одно из них – пятнадцать суток от начальника штаба корпуса.

Вячеслав вспомнил, как после сдачи моста они с мужиками отмечали это дело в «Лозье», а ночью в расположении части, возвращаясь в общежитие, он послал, куда подальше пытавшегося их усюветить старпера, как на грех оказавшегося этим самым начальником. Утром комбат попытался уладить это дело. Но полковник уперся, и Вячеславу объявили пятнадцать суток ареста. Сидеть он, конечно, не сидел, но вот запись в личном деле осталась.

- Так что уходишь от нас лейтенантом, а не старлеем, как все остальные, - вздохнул начштаба. - Мы, конечно, все это погасим, - он кивнул в сторону личного дела, - а вот со званием - не получится.

- Да бог с ним, со званием, товарищ майор! - махнул рукой Славка, ему в этот момент было действительно наплевать на какое-то там звание. - На гражданке звания ни к чему.

- Дурак ты, Решетников! Звание оно никогда не помешает, тем более, что жизнь - штука долгая, и неизвестно какие обстоятельства могут возникнуть, пока до пенсии доживешь.

- Ну-у, товарищ майор, - протянул Славка, - я так далеко не заглядываю!

- А надо бы! Ладно, иди!

- Завтра в «Тайге» отмечать мое окончание службы будем, так я вас приглашаю, товарищ майор.

- Спасибо! Но я слышал, что ты, вроде, не уезжаешь, а тут остаешься? Или я что-то путаю?

- Остаюсь, - утвердительно кивнул Вячеслав, - но на проводы я вас все равно жду.

- Ладно, буду. Ты комбата не забудь пригласить!

- Это обязательно, товарищ майор! Ну, я пойду?

- Топай, топай! Да по части в таком виде не болтайся без надобности, понял!

- Есть, не болтаться по части, - и Вячеслав, развернувшись, как на строевых занятиях, вышел из кабинета начштаба и зашел к Суровцеву.

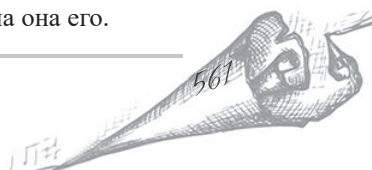
- Коль, удостоверение на военный билет менять будем? Или как?

- А зачем тебе эта канитель сейчас нужна? Ты же еще в отпуске числишься, вот и поезжай в отпуск! А вернешься, зайдешь и обменяешь прямо в военкомате. Ты же из Советского никуда не уезжаешь. Тебе все равно паспорт получать. Или все-таки уезжаешь? Куда мне тебе документы-то отсылать?

- Никуда не отсылай. Так ты не забудь: завтра в семь!

Вячеслав вновь вернулся в техчасть и почти до конца рабочего дня проболтал о том, о сём с Верочкой.

- Не забудь на свадьбу пригласить, - предупредила она его.

- Не, Вер, я жениться пока не собираюсь.

- А как же Людмила?

Вопрос вновь заставил Славку задуматься.

- Не знаю, - честно признался он Вере.

- Надо бы тебе, Слава, определиться, нехорошо так с девушкой поступать. Она же надеется.

- Да я и сам понимаю, - ответил, немного помолчав, Вячеслав и сменил тему разговора.

Вечером, около шести, Вячеслав уже дежурил возле нарсуда, поджидая любимую. Поверх пиджака он набросил легкий болоньевый плащ, так как ночами стало довольно прохладно. Ровно в шесть десять входная дверь нарсуда распахнулась, и сияющая девушка, слетев с крыльца, повисла у Вячеслава на шее, болтая ногами и целуя его, куда попало.

- Ой, Славочка, как я по тебе соскучилась! - она подхватила его под руку и потянула за собой. - Пошли скорее к нам, мама ужин сготовила, да и отец обещался быть. Пошли.

- А по какому случаю праздник? - поинтересовался Вячеслав.

- Как по какому? Окончание твоей службы отметим, ну и так! А ты что, не хочешь?

- Да нет, отчего же! Пошли. Только твой папаша все равно раньше восьми не бывает.

- Обещал сегодня к половине седьмого нарисоваться. Можно, конечно, полчаса погулять, воздухом подышать, а то у нас сегодня четыре процесса подряд слушалось, голова почти чугунная.

Славка обнял девушку за плечи и свернул в первый же проулок, направляясь в сторону центра. Воздух был действительно необыкновенный: чистый, слегка пахнувший близкими морозами, прелой листвой, опавшей с тополей, увядающими в палисадниках поздними цветами и еще чем-то таким, трогающим душу, чем пахнет всегда и во всех краях России ранняя осень. У Белого дома, так здесь жители прозвали райисполком, им навстречу попался Людмилин отец.

- Здравствуйте, Анатолий Васильевич! - поклонился, поздоровавшись, Вячеслав.

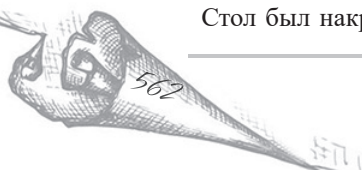
- Здорово, молодежь! А куда это вы направляетесь? Мать мне звонила, вроде, вас к ужину ждет.

- Да мы немножко решили прогуляться, пап! - чмокнула отца в щеку Людмила. - Ты иди домой, а мы через пять минут подойдем.

- Ладно, коли так! Только долго не бродите, ужин остынет. Да и горячее прокиснуть может! - подмигнул он Славке.

- Не задержимся, не прокиснет ваше горячее, - укоризненно высказалась Людмила. - Иди пап...

Стол был накрыт, как на праздник: жареный муксун, моченая мо-

рошка, соленые грузди, ну и, конечно, дымящаяся в глубоком блюде белая, рассыпчатая картошечка с припущенным репчатым луком.

- Во, явились, не запыхались! – приветствовал Вячеслава и Людмилу, сидящий за столом во всем чистом и наглаженном, что было, в общем-то, для него необычным, Юрка. – Чуть слюной не захлебнулся, вас ожидаю-чись!

- Примолкни, чадо неразумное! – хлопнул его по затылку Анатолий Васильевич. – Мать, давай садись за стол, что ты суетишься до сих пор! Да малого позови.

- Сейчас, сейчас! Только студень поставлю и все, - появилась из кухни Елена Владимировна и, сняв передник, пристроилась на стул рядом с Вячеславом.

- Ну, выпьем, что ли? – поднял рюмку Анатолий Васильевич. – За успешное окончание службы! Так, Слава? Или я неправильно понял, дочка? – повернулся он к Людмиле.

- Правильно, папа, правильно! – подтвердила девушка, накладывая Славке салат.

- Не такое уж и успешное, - попытался возразить Вячеслав, вспомнив о недавнем разговоре со Стешенковым.

- Как так – не успешное?

- Старлея не присвоили за грехи! А в остальном, вроде, ничего.

- Да брось ты! Руки, ноги целы, голова на месте – что еще надо? Главное в нашем деле - здоровье, остальное – приложится! Так что, давай, будем!

- Закусывай, Слава! – пододвинула грибочки поближе к Вячеславу Елена Владимировна. – И картошки накладывай.

- Давай, давай! – поддержал ее отец. – В вашей столовке так не готовят. Кстати, куда идти работать собираешься?

- А куда строителю податься, кроме строительной конторы? Пойду или

в ПМК, или в СМУ.

- Вот это хорошо! Если чем надо будет помочь - поможем! Поддержать молодежь всегда рады.

- Да я сам как-нибудь, Анатолий Васильевич, неудобно как-то с протекцией начинать.

- Неудобно, сам знаешь что, а тут – работа! Серьезный подход должен быть.

- Я понимаю! – послушно согласился Вячеслав, пытаясь закончить этот не совсем приятный для него разговор. – Завтра у меня проводы, - перевел он на другую тему, - так я вас с Еленой Владимировной приглашаю вечером в «Тайгу». Я вас там с комбатом нашим познакомлю.

- Завтра? Жалко, но не смогу, в Свердловск выезжаю. А с комбатом

твоим, Шалвой, мы уже знакомы, на учет-то он у нас в райкоме вставал. Вот мать возьмите с собой!

- Да ну тебя! – отмахнулась женщина. – Там молодежь соберется, куда я старуха!

- Брось ты, - засмеялся муж, - не такая ты уж и старая!

- Не наговаривай на себя, - вмешалась в разговор Людмила, - ты у нас, мама, совсем еще молодая.

- Вот это правильно, дочка! Неси-ка, мать, горячее, а мы пока еще по одной для аппетита пропустим, - разлил по рюмкам Анатолий Васильевич. – А ты сейчас к родителям? – задал он вопрос.

- Пап, я пойду, погуляю? – перебил его сидевший до этого молчком Юрка.

- А горячее?

- Да я уже наелся, аж пузо лопается, - похлопал себя по животу подросток.

- Ну, топай, раз тебе с нами неинтересно! – отпустил парня отец.

- А уроки сделал? – спросила сына появившись в комнате Елена Владимировна.

- Да сделал, - отмахнулся Юрка, - сразу после школы!

- Ну, тогда иди, да за полночь не шатайся! – отпустила его мать. – По-теплее оденься только!

- Мам, а можно я с Юркой пойду? – спросил младший, Володя.

- Иди, только недолго, - разрешила мать.

- Иди, сынок, одевайся! Так ты сейчас куда, домой едешь? – продолжил Людмилиин отец, обращаясь к Вячеславу.

- Домой он, пап, в Калинин едет! – вмешалась в разговор Людмила. – Вы закусывайте лучше, а то пьете уже по третьей, а кушать не кушаете!

- Не встрывай в мужской разговор, дочка!

- А, и правда, отец, совсем парня заболтал! – вмешалась Елена Владимировна. – Накладывай, Слава, горячего!

- Спасибо! Я мать с отцом на недельку навещать собираюсь, - ответил Вячеслав. – А потом назад, на работу устраиваться.

Неторопливо беседуя, они просидели за столом еще часа два, пока Людмилиин отец, сославшись на усталость и на то, что завтра утром рано уезжать, не отправился спать. Слава засобирался домой.

- Постираться еще надо, а то завтра, боюсь, времени не будет! – пояснил он девушке.

- Иди, а то, слышишь, мать все ходит, спать не ложится!

Распрощавшись с подругой, Вячеслав вышел из подъезда на улицу и закурил.

- Дядя Слава! – донесся до него детский голос, когда он уже открывал калитку.

Вячеслав остановился. Из темноты двора выскочил запыхавшийся от бега его старый приятель Юрка.

- Обманули, значит! – начал он, шмыгая носом, и Славке стало стыдно от этих слов пацана.

Как он мог забыть про эту несчастную португую, которую так давно обещал подарить ребенку.

- Я так и знал, все вы такие! – внезапно расплакался Юрка.

- Подожди реветь! – попытался успокоить мальчишку лейтенант, но тот отвернулся, не прекращая рыданий.

Секунду подумав, Славка решил, что надо делать.

- Я сейчас, только не уходи! – он толкнул калитку и почти бегом полетел в сторону общаги.

Полчаса ему потребовалось, чтобы добраться, взять португую, которую он припас еще тогда, когда уезжали ребята, и вернуться. Когда разгоряченный Вячеслав вбежал во двор и огляделся, на лавочке возле подъезда под единственной горевшей лампочкой сидели на скамеечке рядом Юрка и Людмила. Девушка что-то увлеченно рассказывала старинному Славкиному приятелю.

- О, дядя Слава вернулся! – искренне обрадовался Юрка, соскочив со скамейки.

- А ты, что не спишь? – спросил Вячеслав Людмилу, отдавая туго свернутую португую пацану.

- Во, Людка, видишь! – восторженно заорал ребенок, примеривая на себя ремни.

- Иди-ка домой, чудо! – Людмила встала со скамейки. – Это он мне спать не дал, - указала она на счастливого Юрку, - Видит, свет горит, ну и постучался сорванец в окно. Пришлось выйти. Он мне и начал выговаривать за тебя. Дескать, уезжаешь, а обещания не выполнил!

- Ладно тебе, Людка! – перебил девушку пацан. – Видишь, какая красота!

Перетянутый ремнями, сияющий Юрка выглядел совсем смешно, и, взглянув на него, Вячеслав от души расхохотался. Он обнял Людмилу за плечи:

- Топал бы ты, Юрка, домой, Второй час уже! Мать задницу надерет!

- А, ничего! – ответил Юрка. – Мне завтра в школу во вторую смену.

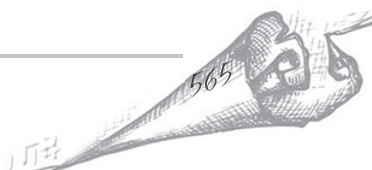
- Топай, давай, а то я тебе сама задницу надеру! – Людмила сделала движение в сторону упрямого сорванца.

Юрка резво отскочил в сторону и скорчил Людмиле рожицу:

- Дура ты, Людка! Ты, дядя Слав, замуж ее не бери, замучаешься! Мать ее правильно называет вертихвосткой!

- А ты почему, Юрка, решил, что мы жениться собрались? – спросил он.

- Так, все вокруг говорят.

- Ладно, иди домой, болтун! – Вячеслав прижал к себе озябшую девушку.

- Ага, что я говорил! – хихикнул Юрка, но Вячеслав только отмахнулся от надоедливой парнишки. – Спасибо, дядя Слава! – услышал он вместе со скрипом открываемой в подъезд двери. – А ты, Людка, все равно вертикавостка, и правильно дядя Слава сделает, если тебя замуж не возьмет!

- Вот сорванец! – снова засмеялся Вячеслав и поцеловал девушку. Иди домой, а то руки совсем ледяные.

- А ты согрей! – Людмила просунула озябшие ладони пол красного Славкин свитер. – Или не хочешь? – она игриво взглянула кавалеру в глаза.

Вместо ответа Славка прижал девушку крепче, и она обвисла у него на руках. Но в этот момент дверь в подъезд вновь закрипела, и на крыльце появилась Елена Владимировна в накинутой на плечи шали. Славка слегка ослабил объятия, но Людмила даже и не подумала отодвинуться от него.

- А, вы здесь! – словно удивившись, произнесла мать. – Я к тебе зашла, а кровать пустая! – обратилась она к дочери. – Испугалась, ночь ведь уже!

- Иди, мама, а то простынешь! – Людмила высвободилась из Славкиных объятий. – Я сейчас приду.

- Хорошо, только не задерживайся, а то я не усну.

Людмила вновь прижалась к Вячеславу, подставляя губы для поцелуя, а потом, слегка оттолкнув его, резко повернулась и скрылась в подъезде.

- Да завтра! – донеслось до лейтенанта.

Он постоял на месте несколько секунд, восстанавливая дыхание, а потом тряхнул головой, будто отгоняя какие-то надоедливые мысли, и тронулся в сторону калитки. Хрустнул под ногами ледок, уже схватившийся на луже, жалобно скрипнули петли калитки, но Вячеслав, перебирая в памяти события этого вечера, не слышал ничего. Пора что-то решать, наконец! Эта мысль засела у него в голове, как заноза, возникая вновь и вновь, пока он добирался до общежития.

Утром он по привычке поднялся рано, как обычно. День обещал быть погожим.

- Куда тебя черт в такую рань поднял? – вместо приветствия спросил, брившийся в умывалке Матвеев. – Спал бы себе да спал! Ты же, вроде, уже птица свободная.

- Дел по горло, да и выспался! – ответил Вячеслав. – Меня подожди, вместе в батальон пойдем.

- Давай! Только не задерживайся, а то на развод опоздаем. Хотя, что тебе развод, ты уже человек штатский.

Вячеслав быстренько собрался, и они с Матвеевым почти бегом отправились в часть. Стараясь не попадаться на глаза начальству, Вячеслав, оставив Матвеева у здания штаба, обогнул плац за казармами и напра-

вился прямым в столовую. Почти все офицеры уже позавтракали, за единственным занятым столом заканчивали пить чай Семушкин и один из братьев Вагиных.

- Здорово, орлы! – Вячеслав присоединился к ним.

- Мы не орлы, мы – львы! – заулыбался Семушкин, цитируя известный анекдот.

- Кстати, парни, Лева на завтраке был?

- С ранья еще! Когда мы пришли, он уже уходил комбата встречать. Он же дежурный по хате со вчерашнего дня.

- Точно. Запомню. Вы, кстати, не забыли, что сегодня в семь? Не вздумайте опаздывать!

- Как же, Вячеслав Георгиевич, как можно, - поднялся из-за стола Вагин. – Варфоломей, пошли, а то развод уже начинается!

- Ладно, валите, но чтобы вечером, как юные пионеры, вовремя были!

Славка поел и направился в караулку, чтобы увидеть Леву, пока тот не завалился спать после дежурства. Начальник караула сообщил ему, что приятель еще не появился, и Вячеслав, присев на скамеечку возле санчасти, вытащил сигареты. По плацу, грохоча сапогами, проходили коробки рот: заканчивался развод. Наконец, на дорожке со стороны штаба появился затянутый в ремни и с красной повязкой на рукаве Лева.

- Привет, Слава!

- Привет! Сто лет тебя не видел. Я тебя тут дожидаюсь вот по какому поводу, - начал Славка.

- По какому? Случилось что-то? – заволновался Лев.

- Да нет! Вечером в семь встречаемся в «Тайге». Будем товарища Решетникова на гражданку провожать.

- Мне Матвеев уже доложил.

- Вот и хорошо, - Славка поднялся со скамейки. – Топай, отдыхай, а вечером, - как штык! Меня в общаге не будет, я за Людмилой пойду, а ты всех, кого увидишь, – в кабак!

- Сделаем! Не беспокойся.

- Ну, давай, дружище! – Вячеслав слегка приобнял Леву и, подтолкнув приятеля в сторону караульного помещения, направился к штабу.

В techасти сидела одна Верочка, красившая губы. Увидев Вячеслава, она улыбнулась и помахала ему ладошкой.

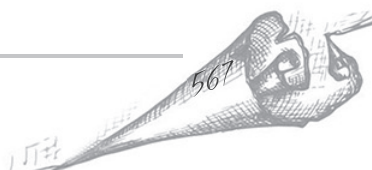
- А где Фоминых? Богович мне доложил, что вчера его видел.

- Так он же сегодня утренним поездом в Серов отправился! Жену навестил и уехал.

- Вот, блин, не вовремя!

- А ты чего не отдыхаешь, по части бегаешь? – поинтересовалась Верочка.

- Да не всех еще успел пригласить на проводы.

- Не беспокойся ты, все уже знают!
- Ну, мало ли. Положено самолично приглашать, вот я и приглашаю.
- Не дури! Иди, собирайся, ты же, вроде, завтра в отпуск отъезжаешь?
- Точно. А где Семушкин, кстати?
- Они с Вагиными в депо поехали. И комбат с ними.
- Ага! – задумался на мгновение Вячеслав. – Ладно, я пойду. Жду вас с Семеновым вечером.
- Будем обязательно, - помахала ему Верочка.

Славка вышел из штаба и двинулся к КПП. И, правда, нужно было идти в общагу, погладиться, чемодан собрать. Самолет на Тюмень улетал в половине десятого утра, и все дела нужно было закончить сегодня до вечера. Возле КПП он нос к носу столкнулся с замполитом, который о чем-то оживленно беседовал с Зубковым.

- Здравия желаю, Владимир Николаевич! – поприветствовал капитана Вячеслав. – Привет, Николай! – протянул он руку Зубкову.

- Здравствуй, Решетников! А ты почему в штатском-то?

- Отслужил, Владимир Николаевич, последний день сегодня! Вот, попрощаться зашел.

- Как последний?

- Обыкновенно, - улыбнулся Вячеслав, - вчера еще расчет получил. Приглашаю вас с супругой вечером в ресторан, и тебя, Николай. К семи часам, прошу не опаздывать.

- Как же так? – растерялся от неожиданного известия Бугрим. – Почему никто не сообщил?

- Так вы же на Пельме были, когда приказ пришел, а я на Уралзолото уезжал, вот и разминулись.

- Вы вот что, - обратился к Славке и Зубкову Бугрим, - постоите-ка здесь, покурите. Я через пять минут вернусь!

Замполит круто развернулся и скрылся за углом здания штаба.

Минут через семь замполит появился вновь, неся в руках большую, завернутую в бумагу коробку.

- Держи, Решетников, на память! – протянул он сверток Вячеславу.

- Что это, товарищ капитан!

- Потом посмотришь. Ну, давай! Пошли, Зубков, с твоими оглоедями разбираться!

- Так вы вечером будете, товарищ капитан!? – крикнул им вслед Вячеслав.

- Непременно!

Славка сунул сверток под мышку и направился через проходную КПП на выход.

В комнате он распечатал врученный замполитом сверток, в котором оказалась картонная коробка, а в ней, к удивлению Вячеслава, – макет

Лозьвинского моста, выполненный из отшлифованных алюминиевых пластинок и нержавеющей проволоки. Мост был собран четко, в масштабе, видны были даже крошечные заклепки в узлах ферм. Опоры были собраны из деревянных брусочков, окрашенных светло-серой краской, под цвет гидротехнического бетона. Даже трава на откосах зеленела. Вячеслав поставил макет на стол, и лучи солнца заиграли зайчиками на потолке, отразившись от полированного металла пролетов.

Вячеслав заворожено смотрел на эту красоту, выполненную кем-то из бойцов, видимо, не за один день. Поди, какому-нибудь начальнику готовили? Ну и Бугрим. Ай да замполит! Угодил, да еще как! Людмиле показать надо будет. А то все спрашивала, что они там строят?

- Товарищ лейтенант, - появилась в дверях голова Боговича, - вода согрелась! Давайте, я вам, что осталось, постираю. А это что? – уставился он, глядя на макет.

- А это мост, Богович! Тот самый. Через Лозьву.

- Какой красивый, товарищ лейтенант!

- Он и в натуре такой же. Наливай воду в таз, я сам постираю, - Вячеслав положил макет назад в коробку, собрал белье и отправился в котельную, где вестовой уже разводил в тазике воду.

Пообедал Вячеслав в общежитии. Богович сварил суп из тушенки и довольно приличный. Потом Вячеслав собрал с веревки высушенное белье и около часа гладил, складывая все, что нужно для поездки, в чемодан, купленный накануне. Часам к трем он освободился и опять открыл коробку с макетом. Лежа на кровати, он смотрел на сверкающий гранями ферм мост, и снова вспоминал тот далекий, осенний день, когда они с Петькой Панкратовым впервые появились вместе на высоком берегу Лозьвы. Не слишком уверенные в себе, они тогда как-то и не думали даже, что когда-нибудь увидят результаты своего труда в натуре. Задача была не из самых простых, и решать ее им пришлось впервые в жизни. Но вот, не прошло и полутора лет, как пролеты построенного ими моста загудели от колесных пар пролетающих по ним составов. Вячеслав глянул на часы. Четыре. А с Людмилой они договорились встретиться у нее дома в пять, пора подниматься.

- Богович! – что было силы, проорал Решетников, надеясь с первого раза дозваться вестового.

Но не тут-то было. Спать ефрейтор мог, где угодно, когда угодно и на чем угодно, хоть на стене, и чтобы разбудить его, нужен был пушечный залп. Хотя иногда и это не помогало. Вячеслав заглянул в сушилку, откуда раздавался богатырский храп внешне тщедушного Боговича.

- Подъем! – рывкнул прямо в ухо спящему ефрейтору лейтенант

- А! Что? – подскочил со своей лежанки, вытаращив глаза, вестовой.

- Подъем, - уже спокойно повторил Славка. – Ты, Богович, приберика у меня в хате, и как следуе! Понял?

- Так точно!

- И белье постельное поменяй.

- Так я, вроде, вчера менял.

- Ты меня понял? – сверкнул глазами на ефрейтора Славка.

- Понял, товарищ лейтенант! – подтвердил Богович, почувствовав, что спор на эту тему может закончиться печально.

- Ну, и спать кончай, а то я ухожу, а больше в общаге никого пока нет. Обворуют еще. Так что – бди!

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант.

- А я и не беспокоюсь. Но, сам понимаешь, если у мужиков из комнат, что пропадет, они с тебя шкуру живьем спустят! Ладно, ушел я! Да. У тебя от парней наших, вроде, несколько портупей осталось? Заверни-ка мне одну в газетку.

- А на что она вам, товарищ лейтенант?

- Ты исполняй, а не разглажься!

Ровно в пять он уже стучался в дверь к Людмиле. Открыла Елена Владимировна.

- Это ты, Слава, здравствуй! А Люды нет еще.

- Здравствуйте, Елена Владимировна! Мы с ней в пять договорились, - он посмотрел на часы.

- Она звонила, сказала, что минут на пятнадцать задержится в парикмахерской. Ты проходи, чего в коридоре-то стоять?

- Я лучше во двор выйду, Елена Владимировна, покурю. Ну и Люду дождусь. Погода сегодня хорошая: настоящая золотая осень!

- Ну, как знаешь. А я пока чай согрею. Чай-то будете?

- С удовольствием, - ответил Вячеслав и прикрыл за собой дверь.

Он спустился по ступенькам вниз, вышел на улицу и закурил. Как всегда, откуда не возьмись, появились его старые приятели Юрка и Петька. Юрка, как и вчера, был перетянут ремнями принесенной ночью портупей, счастливая мордочка его сияла от гордости.

- Привет, дядя Слава! Вы к Людке? А она в парикмахерской, на Лени-на прическу наводит.

- И откуда ты все знаешь, Юрка? – поинтересовался Вячеслав. Нарвешься когда-нибудь на неприятности.

- Не нарвусь! – беспечно отмахнулся мальчишка.

- Здравствуйте, дядя Слава! - поздоровался более спокойный и сдержанный, в отличие от своего приятеля, Петька.

- На-ка, Петька, держи! – протянул подростку газетный сверток Вячеслав.

- А что это?

- А ты разверни и посмотри! Будете теперь, как Чапай с Петькой, шашек только не хватает!

- Ух, ты! – только и сумел произнести изумленный Петька, доставая из газеты ремень с огромной пряжкой. – Спасибо!

Он тут же начал натягивать на себя подаренную портупею, а Юрка вертелся вокруг, помогая приятелю.

- Да, не за что, - Вячеслав затушил окурок каблуком и пошел к калитке. – Пойду-ка я, прогуляюсь.

Парикмахерская находилась метрах в ста от дома, и Славка решил встретить Людмилу там. Правда, ему пришлось выкурить еще пару сигарет, пока счастливая, сияющая девушка не выпорхнула из дверей заведения и не повисла у него на шее.

- Здравствуй, Славик! Прости меня! Устал уже ждать, любимый? Ну, не сердись.

- Да ничего, - только и ответил растроганный Вячеслав, подхватывая девушку под локоток. – Пошли, почти шесть уже, а тебе еще собираться надо. Да и мать, наверное, потеряла: пошла нам чай греть, а уже полчаса прошло.

- Успеем! – беззаботно улыбнулась в ответ девушка, заглядывая ему в глаза. – Ну, как я тебе? – повертела она перед ним прибранной головкой.

- Красиво! – ответил Вячеслав, с удовольствием глядя на Людмилу, но, видимо, ответ не слишком воодушевил девушку.

- И все? – надула она губки. – Тетя Маша полтора часа со мной возилась!

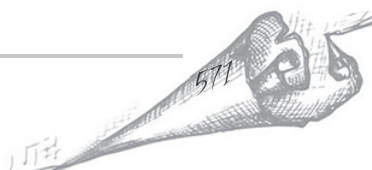
- Да красиво все! И даже очень! – начал было оправдываться Вячеслав, но возбужденная девушка, забыв обиду, уже заулыбалась вновь: – Ну, пойдем, а то в ресторан опоздаем.

К семи почти все приглашенные уже собрались за накрытыми столами в «Тайге». Минут десять пришлось ждать только комбата. Вячеслав пригласил его за стол к себе, и Чабрава тут же произнес тост, как всегда по-грузински красивый и длинный, который завершил такими словами:

- Жалко, конечно, Вячеслав Георгиевич, что вы от нас уходите, но я думаю, что в этих северных краях наши пути еще пересекутся не раз. А значит, будем сотрудничать, и помогать друг другу, как и положено однополчанам! Ура, товарищи!

В этот момент Вячеслав даже и не мог предположить, как слова комбата близки к истине. Но сейчас просто пенилось шампанское в бокалах, рядом сидела любимая девушка, такая прекрасная и доступная, только руку протяни, а за столами улыбались друзья, поднимая тосты и за него, и за их совместную службу, и просто за все хорошее. Верочка, ни на секунду, ни в чем не сомневаясь, пожелала им с Людмилой, наконец-то, создать крепкую и дружную семью:

– За вас ребята! За ваше будущее! За настоящую любовь! – она подняла бокал и выпила вино до дна.

Часам к одиннадцати гости начали расходиться, устав от выпитого и танцев. Матвеев с Галиной и Валентиной отправились проводить домой изрядно набравшегося Сашку Ворошнина, а Вячеслав с Людмилой просто отправились по центральной улице, подставляя разгоряченные лица прохладному ночному воздуху.

- А хорошо все прошло, правда! – девушка прижалась щекой к Славкиному плечу.

- Никто, вроде, не бузотерил и мордой в салат не шлепался!

- Фу, какой ты! Я не о том, а как люди тебя провожали уважительно. Комбат вон, какой кинжал подарил, настоящий, из Грузии. Да и замполит тоже красиво сказал.

- Это да! А хочешь, я тебе покажу, что мне замполит с утра в подарок преподнес.

- Что? – заинтересовалась девушка.

- Пошли ко мне! – Славка решительно подхватил Людмилу под руку и повел в сторону общежития, старательно обходя блестящие в фонарном свете лужи.

Когда они вошли в общагу, Богович, всегда спящий днем, но почему-то бодрствующий по ночам, высунул свой любопытный нос из сушилки. Вячеслав молча показал ему кулак и ефрейтор мгновенно исчез.

- Проходи, - распахнул дверь в комнату лейтенант, пропуская девушку вперед, - раздевайся.

Он первым делом принес из кухни два тонких стакана и достал из холодильника припасенную бутылку шампанского.

- Давай, выпьем за нас, - Славка наполнил стаканы доверху.

- Давай, - улыбнулась девушка, они чокнулись и отпили из стаканов. – А где же подарок? Ты же обещал меня удивить.

- Момент! – Вячеслав отставил шампанское, достал со шкафа коробку с макетом, вытащил его и поставил на стол.

Серебряный мост, поблескивая решетками ферм, как будто парил над поверхностью клеенки, как над водой. Людмила широко открытыми глазами смотрела на это маленькое чудо, сотворенное человеческими руками. Славка вспомнил, что точно так же он смотрел когда-то на серебристые пролеты Бахиревского моста через реку Туру под Тюменью. Мост, который они с парнями возвели через Лозьву, был не менее грандиозен, но он строился на глазах и такого впечатления, как тот, Тюмень-Сургутский, уже не производил. Глаза привыкли, что ли?

- Ну и как? – спросил Вячеслав, обнимая за плечи, замершую девчонку. – Впечатляет? А там, на Лозьве, он еще красивее! Ты еще увидишь.

Людмила только кивнула в ответ и, глубоко вздохнув, прижалась щекой к его груди. Он взял ее лицо в ладони и повернул к себе. Девушка

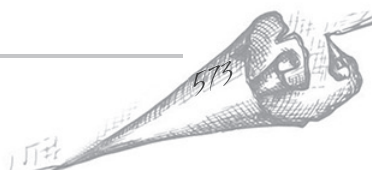

доверчиво смотрела на него, и серебряные искорки отраженного от полированного металла света таяли в бездонной глубине ее глаз. Славка решительно поднялся и погасил свет...

...Потом они долго лежали, плотно прижавшись, друг к другу. Временами она беззвучно плакала, обжигая горячими слезинками Славкину грудь, но когда он пытался как-то ее утешить, начинала тихонько смеяться, покрывая его лицо поцелуями. К утру, усталая и счастливая, Людмила уснула у него на плече. Он еще долго не засыпал, нежно прижимая к себе ее хрупкое тело и ощущая на щеке теплое дыхание любимой. Чувство ответственности за этого, уже родного человека, доверившего ему свои самые откровенные чувства и надежды, переполняло его. Прошлое уходило медленно и безвозвратно, оставляя в душе легкую грусть.

А будущее? На сердце было и тревожно, и радостно. Сколько еще придется построить мостов, чтобы оно было светлым и достойным? Но Славка, повзрослев за эти короткие мгновения подаренного ему счастья сразу на несколько лет, уже был твердо уверен, что мосты эти будут построены, и поезд, увозящий их в неизвестное будущее, не раз прогремит по исчезающим за чертой горизонта рельсам в неведомую и такую манящую даль. А металл парящих над водой серебристых пролетов отзовется вибрирующим эхом потревоженного камертона.

г. Советский, 2009 год

Васькина дача

Лето семьдесят девятого выдалось теплым и ласковым. Начало августа запомнилось короткими и обильными грозовыми дождями. Воды с неба проливалось столько, что обочины грунтовых дорог и песчаные ко-согоры заросших сосняком грив были густо изрезаны глубокими шрамами от бежавших накануне бурных потоков. Утренний воздух, напоенный знакомыми, дразнящими ароматами тайги, был свеж и прозрачен, а капли влаги, висевшие на лапах умытых дождем елей, переливались и сверкали в лучах восходящего солнца. Лес с раннего утра начинал парить, отдавая накопленную за ночь влагу и предвещая богатый урожай грибов и ягод. По широченным просекам газопроводов, рассекающим тайгу от горизонта до горизонта, буйно цвёл иван-чай, окрашивая очищенные от леса пространства густым сиреневым цветом. А на фоне темных хвойников уже начинали проявляться пурпурно-алые и жёлто-оранжевые листья одиноких осин, предвещая скорое наступление осени.

Настроение у Вячеслава было прекрасным. План июля управление, как и всегда, выполнило успешно, сдача очередной пятиэтажки прошла на удивление спокойно, так что можно было и расслабиться. С утра, подписав к исполнению служебные бумаги, он, как обычно, объехал строительные участки, заглянул на базу, а теперь сидел в кабинете, перелистывая ежедневник. Этой привычке он никогда не изменял с тех пор, как три года назад его совершенно неожиданно назначили главным инженером. Начальник по своему обычаю в середине июля отбыл в отпуск, и Славка остался полноправным хозяином самого крупного в тресте строительномонтажного управления. Дел было много, но они не утомляли, всё двигалось по накатанным рельсам, как и надлежало. Наткнувшись в блокноте на неисполненную в срок запись, он нажал кнопку селектора:

- Татьяна, вызови ко мне Хадыкова!

Через пять минут в кабинет медведем ввалился начальник производственного отдела Хадыков Василий Дмитриевич:

- Вызывал? – сдерживая одышку, задал ненужный вопрос Хадыков.

Более ста килограммов живого веса не позволяли заместителю проявлять необходимую служебную прыть, но опыт и острый ум с лихвой компенсировали этот недостаток. Время от времени Дмитрич начинал худеть, садился на жёсткую диету, и ему в такие периоды удавалось сбросить килограммов до двадцати. Но как только энтузиазм падал, возвращался аппетит, а с ним и вес. Водился за ним еще один грешок: любил Василий Дмитриевич к бутылочке приложиться. Но, как говорить: пусть

бросит в меня камень тот, кто сам без греха. Надо сказать, что друг друга они знали не один год, и с глазу на глаз, когда рядом не было подчинённых, позволяли себе обращаться на «ты».

- Слушай, Дмитрич, а ты не в курсе, почему студентов до сих пор не перебросили на отделку ремонтных мастерских? Мы, вроде, на планерке этот вопрос решили? Чего там Бурьянов копошится? – недовольным тоном задал вопрос Славка.

- Андреевич-то тут как раз ни при чём! - запротестовал Хадыков. - Ты же сам давал команду снабжению сборные леса завезти на объект.

- Ну, и?

- До сих пор везут.

- Вот оглоеды! – Славка едва сдержался, чтобы не выругаться, и снова включил селектор. – Татьяна, найди мне Боровикова! Что значит, не знаешь где? Позвони на базу, пусть найдут! И мухой чтобы ко мне! Отчеты в трест отправили? – переключился он на Хадыкова.

- Вчера еще.

- И как?

- А что как? Проверят, потом будет как. Да у нас всё нормально, чего ты волнуешься. План выполнили с значкой, себестоимость в порядке.

- Ну, ладно, иди, - отпустил Вячеслав начальника производственного отдела.

Лето – самое горячее время на стройке, особенно на Севере. Но летнее время – время отпусков, и в управлении трудилось три студенческих строительных отряда, закрывая собой образовавшуюся в связи с отпусками кадровую брешь. Один – парней из Одессы, и два дамских: будущие учителя и фармацевты. Человек сто народу. И первейшей обязанностью Вячеслава, как главного инженера, было организовать их бесперебойную и высокопроизводительную работу на вверенных управлению объектах. Ребята квартировали в недостроенном двенадцатиквартирном доме, где для этого застеклили окна и набросали черновые полы, а девчат расселили в пустующем на две трети общежитии. Дамы все-таки, какой-никакой комфорт требуется. Вот об одном из этих женских отрядов, который должны были перебросить на отделку РММ, и вёл разговор Славка. Командир отряда Наталья Иванова была ему глубоко симпатична. Тоненькая, темноволосая девушка с разноцветными глазами, один – карий, другой – зелёный, понравилась ему с первой встречи, когда ещё в мае приезжала в управление заключать договора. Понравилась не только внешностью, но и твердым, даже, надо сказать, напористым характером. Она так запальчиво требовала для отряда штукатурную станцию и загирочные машинки, что Славка поневоле запомнил ее, и, встретившись вновь в июле, когда отряд прибыл на работу, был внутренне рад этой встрече, хотя и не показал виду. В течение этого месяца он пытался при всяком удобном

случае оказывать ей какие-то знаки внимания, но ответной реакции так и не почувствовал. Отношение её к нему оставалось ровным и спокойным, как всякое отношение подчинённого к своему начальнику.

Ожил селектор и голосом секретаря сообщил, что прибыл начальник отдела снабжения Боровиков.

- Пусть заходит, - отдал команду Вячеслав.

Эдик Боровиков, детина примерно такой же комплекции, как Хадыков, вошел в кабинет.

- Ты какого рожна вчера на РММ леса не завёз? – не дал открыть ему рта Славка. – Тебе чего, два раза повторять нужно? Или ты зимой штукатурить собираешься?

- Да я, - начал, было, Боровиков, но Славка, не дослушав, оборвал его.

- Короче так! Я сейчас звоню механикам насчёт техники, а через час и доски, и леса должны быть на объекте. Ты меня понял? Сам подъеду, проверю. Чего молчишь?

- Да понял я!

- А раз понял, топай! И не обижайся потом, когда кварталку делить будем. Татьяна, свяжи меня с Бурьяновым, - нажал он кнопку аппарата, не обращая больше внимания на переминающегося с ноги на ногу Эдика.

Тот потоптался еще несколько секунд, и, махнув рукой, выкатился за дверь. Дверь даже не успела захлопнуться, как в проеме нарисовался Бурьянов собственной персоной. Это же надо, мелькнуло у Славки в голове: лёгок на помине.

Валерий Андреевич Бурьянов, начальник третьего участка, высокий и худощавый бронет с пробивающейся на висках сединой тоже был старинным приятелем Славки. Вместе, правда в разное время, они служили в одной воинской части, и Славка был знаком с ним с тех самых пор, когда еще носил португую, а Валера трудился мастером в строительномонтажном поезде у железнодорожников.

- Привет! – протянул руку Бурьянов. – Искал меня?

- Искал. Ты чего помалкиваешь, Андрейч, что тебе леса не завезли?

- Так Боровиков сегодня обещал доставить.

- А должен был еще вчера. Чем у тебя девчата занимаются? Или сидят?

- Почему сидят? Забор вокруг комбината красят. Сам же на прошлой неделе приказал все столбы и ворота выкрасить.

- Понятно. Я тут Боровикова вызывал, к обеду он леса завезёт. Ставь всех на штукатурку. Чем быстрее закончим, тем быстрее высохнет, а то сам знаешь, как зимой здание сушить.

- Поставим. Что вечером-то делать будем? Лозяк приглашал спирт пить. Они с мужиками канистру из Одессы привезли с собой, как только в самолет пронесли? Коньячный.

Вася Лозяк, мастер мужского отряда из Одессы, второе лето подряд квартировал в посёлке.

- До вечера еще дожить надо. Ты давай, наших мужиков поставь, чтобы девчатам с лесами помогли, а то мне Иванова плешь проест.

- Да не видать пока плещи-то.

- Катись отсюда, философ!

- Ладно, я поехал. Так ты подумай насчёт вечера.

- Подумаю.

Дверь за Бурьяновым захлопнулась. Вячеслав откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Вечером делать было действительно нечего. С женой они уже давно не понимали друг друга, и топать после работы под родимый кров не было никакой охоты: тоска, да и ругань без повода надоели. А ведь шесть лет уже вместе. Когда это началось, он уже и не помнил. Наверно сразу с тех далёких пор, когда он с дури женился после армии. Как же, самая красивая девочка Ивдель-Оби, и папаня – заворг райкома. Да ещё сослуживцы, такие же лейтенанты, в части подзуживали: давай, Славка, ещё твой предшественник Пангаев под неё клинья бил, а толку – ноль. Ну, он и расстарался. Но ведь любил же, не просто так. Да и шесть лет – не один день. Хорошо хоть детей не нажили. Славка открыл глаза и потянулся. Солнце било в стёкла окон так, что смотреть было больно. Надо бы сгонять к Бурьянову на участок, подумал он, а то ведь пропадут выходные, простоят студентки. И в этот момент зазвонил междугородний. Вячеслав поднял трубку.

- Здорово, Вячеслав Георгиевич!

Звонил Анатолий Балашов, начальник Няганского СМУ.

- Живой? Отчеты сдал? Бросай всё это дело на фиг, смотри, погода какая, поехали на рыбалку.

- А куда?

- Как куда, на Обь. Сырок буром прёт на сорах да и муксун попадается. У меня тут как раз на Нягани шаланда стоит, вот на ней и сплывём вниз к Оби.

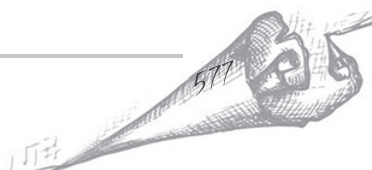
- Ну не знаю, - неопределённо протянул в трубку Славка.

- А чего, не знаю! Собирайся да поехали. Не помрут без тебя за два дня. Вечером с поезда встречу, и – вперед! Пару девчат с собой прихвати, их там у тебя вон сколько.

- Своих иметь надо.

- Не досталось. Это у тебя блат в области.

Славка действительно был лично знаком с командиром Тюменского областного штаба студенческих строительных отрядов Анатолием Юрченко, и беззастенчиво пользовался этим знакомством, когда возникала нужда в рабочей силе на летние месяцы. Да и отряды набирал, какие необходимы, а не просто – какие достанутся.

- Ладно, я подумаю.

- Чего думать-то? Погода великолепная, рыбу гарантирую. Ты на Обито хоть раз был?

- Не пришлось.

К своему стыду, прожив в Советском почти восемь лет, Вячеслав так и не удосужился выбраться на великую сибирскую реку, хотя мужики из управления регулярно ездили туда на рыбалку.

- Ну, так как? Давай, решайся!

- Заманчиво. Я тебе перезвоню через пару часиков.

- Тогда до связи, - в трубке раздались короткие гудки.

А что, мысль неплохая. Впереди выходные, чего сидеть в посёлке, париться. И потом, когда еще удастся на Оби побывать? Славка воочию представил себе красоту водных просторов и речных берегов великой во всех отношениях реки. Ещё бы, сам вырос на Амуре. Это тебе не в кинозале документальный фильм смотреть, или по телевизору «В мире животных». Вот бы еще командирша согласилась поехать. Мысль эта, внезапно возникнув, застряла в голове у Славки, как заноза. А и правда, чего он сидит, надо поехать на участок и пригласить девчонку. Ну, откажется, так откажется, чего он теряет? Не мальчик все-таки, чего бояться. Удовлетворенный принятым решением он прибрал бумаги со стола и решительно поднялся. Нечего расслаживаться, надо ехать, заодно и проверить, как там Боровиков распорядился.

- Я - на третий участок, - бросил он секретарше, покидая кабинет. - Володя, здесь?

- Внизу ждёт, Вячеслав Георгиевич.

Славка вышел из конторы и зажмурил глаза. Солнце светило так, что даже густая листва тополей не могла защитить от его пронзительных лучей. Лужи на дороге от выпавшего ночью дождя почти высохли. Славка быстро нырнул в стоящий у крыльца автобус, плюхнулся в кресло и приказал водителю трогаться.

- Куда, Вячеслав Георгиевич? - спросил Володя.

- К Бурьянову, на третий.

Автобус протяжно рыкнул и, заскрипев раскалённым металлом салона, тронулся, подпрыгивая на стыках дорожных плит. До территории лесокombината, где находился участок, было минут пятнадцать пути, и Славка приготовился париться в этой консервной банке, где даже открытые настёж окна не спасали от невыносимого зноя. «Нет, определённо надо ехать к Анатолию, - подумал он, - чего тут сидеть». Звук тормозов прервал его размышления. Автобус остановился на песчаной обочине дороги у края площади, прозванной в народе Пятаком. Задние двери распахнулись, и в салон впорхнули две девичьи фигурки в стройотрядовской униформе. Славка обернулся и узнал в девушках командира отряда из Тюмени Наталью Иванову и ее мастера Светлану.

- Добрый день, Вячеслав Георгиевич! – поздоровались девушки, устраиваясь на сиденье за ним. – Вы не к Бурьянову случайно?

Славка развернулся и утвердительно кивнул головой.

- Вы в курсе, что нам леса так и не завезли? – тут же горячо начала Иванова, но Славка в ответ промолчал, с удовольствием разглядывая раскрасневшееся от солнца и внутреннего напряжения лицо девушки. – Чего же вы молчите? – смутилась та, заметив бесцеремонный взгляд.

- Сейчас и проверим, - ответил он, отворачиваясь к окну.

«Это же надо: на ловца и зверь бежит! – мелькнула мысль. - Как вот только подступиться? Не ляпнешь же просто так: поехали, дескать, на Обь! Можно запросто и отворот получить».

- Жара, - ни к кому конкретно не обращаясь, протянул он, - дышать нечем. Чем у вас люди занимаются? – он вновь повернулся к девушкам.

- Бытовки штукатурят, - ответила Светлана, - а к цеху так и не приступили. Несколько человек на покраску забора ещё отрядили.

«А чего я, собственно, волнуюсь, как пацан? – мысленно попенял самому себе Вячеслав. – Надо напрямую спросить: так, мол, и так, поехали на экскурсию, посмотрим природу, уху поедим. Ну, откажется, так что делать». В этот момент автобус так подбросило на рытвине, что Славка чуть язык не прикусил.

- Ты бы потише Володя гнал, чуть голова не отскочила!

- Я и не гоню, - недовольно ответил водитель. – Вы бы, Вячеслав Георгиевич, лучше дали команду дорожникам, чтобы они ямы на дороге засыпали, а то весь наш автопарк тут прикончим.

- Ладно, не бурчи, сейчас доедем, позвоню Ежову, - Славка вновь отвернулся к окну.

Еще через пять минут они проехали ворота комбината и автобус затормозил у бытового корпуса ремонтно-механических мастерских.

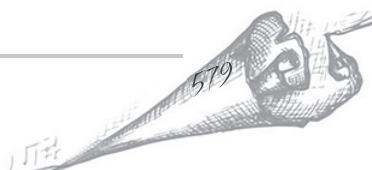
- Ну, пошли что ли, посмотрим, чем вы тут живы, - поднялся Славка, приглашая девчонок следовать за ним. – Светлана, давай веди, показывай, где у тебя люди трудятся.

Они с Наташей последовали следом за мастерицей. Откуда-то, из очередной, одной из многочисленных внутренних дверей здания внезапно, как чёрт из табакерки, возник озабоченный Бурьянов и, увидев такую приятную компанию, радостно расцвел улыбкой:

- День добрый, девочки!

- Здравствуйте, Валерий Андреевич! – первой ответила Наташа, не обращая никакого внимания на откровенные знаки приязни начальника участка. – Скажите, а козелки, что девчата вчера просили, привезли?

- А то, как же. Сам помогал с утра разгружать, так что всё в порядке, товарищ полковник. Девочки уже трудятся. А как ваше драгоценное здоровье, Наталья Алексеевна?

- У тебя чего, некому козлы грузить? – прервал его красноречие Славка. – Или, как в народе говорят: не можешь заставить работать подчинённых, сам паши!

- Нормально всё, командир! – отмахнулся Бурьянов, подхватив Наталью под локоток. – Помог просто ребятам, чтобы машину не задерживать.

- Ну-ну, - буркнул в ответ Славка, почувствовав к своему удивлению, что ему не очень-то нравится Валеркина фамильярность по отношению к Наташе. – Давай, топай вперёд! А то тут у тебя, как всегда, черт ногу сломит! Почему у маршей ограждений нет? Хочешь, чтобы кто-нибудь себе шею свернул?

- Люди уже озадачены, командир, после обеда все ограждения стоять будут. Осторожно, Наташенька, тут доски, - Валерка вновь подхватил девушку под руку, - вот сюда, правее.

Бурьянов хоть и был баламутом, но дело свое знал. Студентки действительно трудились в поте лица. Штукатурка – тяжёлая работа, чего там говорить, но лица у девчат светились улыбками, и шутки, которые они отпускали вслед начальству, были забористыми, с солью.

- Ладно, пошли отсюда, нечего людям мешать работать! – скомандовал Славка. – Пойдем, цех поглядим.

- А чего его глядеть? – хмыкнул Валерка. – Цех, он и есть цех. А тут гляди, какая красота! – он развел руками, указывая на работающих девушек. – Цветник, да и только! Жить хочется!

- Смотри, глаза испортишь, садовник ты наш! – хмыкнул в ответ Славка, направляясь к выходу в цех. – Вот если к понедельнику леса стоять не будут, тогда и посмеемся вместе! Кстати, как штукатурные станции работают? – повернулся он к Наташе.

- Пока нормально.

- Что значит пока?

- Ну, пока Игорек, слесарь наш в норме. А как сорвётся, хоть кол на голове теши, палец о палец не ударит!

- И частенько он так? – спросил Вячеслав у Бурьянова, и тут же продолжил, не дожидаясь ответа. – Давай, наводи порядок! Сорвешь работу, шкуру сдеру! Не посмотрию, что сто лет знакомы.

- Усё будет у порядке, гражданин начальник! – беспечно съёрничал Бурьянов, который не хуже Славки знал, что исправить Игорька может только могила: циклил мужик временами, и оставалось только надеяться, что цикл этот не застанет никого врасплох.

Когда они вышли в сам цех, там, у центральных ворот уже шла разгрузка лесов, которые после полученной взбучки оперативно отправил со склада начальник снабжения. Воспользовавшись тем, что Бурьянов и Светлана отошли к машине, Славка остановил Наталью и жестом отозвал ее в сторону, где никого не было. Та с интересом взглянула на главного

инженера, но последовала за ним. «С чего начать?», - растерянно подумал Славка, но раздумывать времени не было, и он, глубоко выдохнув, ринулся, как в омут головой:

- Знаешь что, Наталья?

- Что, Вячеслав Георгиевич? – в глазах девчонки, полных лукавства, угадывался неподдельный интерес к тому, что скажет собеседник, и еще что-то такое, от чего Славке стало вдруг жарко.

- Ты на Оби когда-нибудь была?

- Нет, - удивленно ответила командирша. – А что?

- А поехали сегодня вечером в Нягань? Меня приятель, начальник Няганьского СМУ, на рыбалку пригласил. У него там, на речке корабль стоит, предлагает сплыть на нем прямо до самой Оби. И Светлану давай с собой возмём для компании, - Славка вопросительно взглянул на девушку, с тревогой ожидая, что же она ответит, но та почему-то молчала. – Ну, так что? – повторил вопрос Славка, с каким-то страхом дожидаясь ответа.

Девушка молчала и Славку начало захлёстывать нехорошее предчувствие неминуемого отказа и неожиданно заполнившее пространство вокруг него чувство острого стыда за свою непростительную глупость. Вот олух! И чего он со своими предложениями сунулся? Знал же, что в ответ получит!

- А почему бы и не поехать! – неожиданно улыбнулась, бросив на Славку короткий взгляд Наталья, и у того сразу отлегло от сердца. – Девчата все равно выходные хотели, постирушки и прочее, а на Обь действительно интересно посмотреть. Оставим отряд на комиссара, за пару дней, надеюсь, ничего не случится.

- А что может, случится? - воспрянул духом, сникший было Вячеслав. – Конечно, ничего не случится.

- Я вот только не знаю, согласится Светлана ехать, или нет.

- Уговорим! – ухе вполне бодрым голосом ответил повеселевший Славка, убедившись, что все происходящее не сон. – Я и сам еще ни разу на Оби не был, - признался он девушке, - здорово побывать хочется.

Он постарался как можно быстрее свернуть свою инспекционную проверку, и, предупредив Наталью, что поезд отходит ровно в пять, радостно рванул в контору звонить Анатолию. Переговорив с Балашовым, он вызвал водителя и дал ему денег.

- Слушай, Володя, слетай по магазинам, купи пару пузырей, ну и там закуски, какой найдёшь. А потом обедай. Да, не забудь в теплицу заскочить, зелени взять.

Минут через пятнадцать Славка и сам отправился в столовую, благо она находилась тут же в подвале управления. Столовой командовала Надежда Новикова, женщина твердая и уверенная в себе, которую Славка знал еще с тех далеких времен, когда он с друзьями был совсем юным,

лет двадцати пяти, и трудился в ПМК-2 мастером. Она уже тогда руководила предприятием общепита при управлении, и уже тогда слава о добротной и вкусной кухне коллектива гремела по всему поселку. Обедать в столовую ПМК приезжали со всех предприятий округи. Свои – конечно, без очереди! А, когда ПМК в тысяча девятьсот семьдесят восьмом слили со СМУ, и начальником управления назначили Борина, он уговорил Надежду возглавить столовую в СМУ. Теперь посёлок питался здесь.

После обеда Славка съездил на РБУ, поругался с главным механиком за несвоевременный ремонт одной из бетономешалок, а уже в половине пятого был на вокзале.

- Давай, отдыхай! – наказал он Володе. – В воскресенье утренним поездом встретишь.

Автобус уехал, а Вячеслав пошел покупать билеты. Выйдя через пять минут из здания вокзала, он спрятался в тень и закурил. Оставалось минут двадцать до отправления, а девчат не было видно. Вячеслав занервничал. «Неужели обманули?» - подумал он, но в этот момент заметил вдали на тротуаре две стройные фигурки, одетые в ту же зелёную униформу. От сердца отлегло, и он поспешил к ним навстречу.

- Собрались? – спросил он подошедших студенток, чувствуя внутри какую-то непонятную, прямо щенячью радость от этой встречи.

- А что, нужно было что-то собирать? – спросила вместо ответа Наталья.

- Ну, курточки какие-нибудь теплые, - сказал Славка, - на реке-то ночью холодно может быть. А, впрочем, найдет что-нибудь Балашов, чего там. Пошли, у нас третий вагон, скоро отправление.

Они погрузились и устроились в указанном на билетах свободном отсеке плацкартного вагона. В общий Вячеслав не стал покупать, предчувствуя, что там будет битком, а в плацкартном – пусто. До Приобья, конечной станции, поезду оставалось следовать часов пять, а до Нягани и того меньше. Основная масса пассажиров вышла в Советском, поезд следовал дальше полупустым, и народ наш не любит попусту тратиться на комфорт, особенно на такие короткие расстояния. Ждать пришлось недолго. Спустя пять минут состав тронулся, и за окном медленно поплыли широколиственные кроны умытых дождем привокзальных тополей, потом заваленные кучами горбыля многочисленные лесопилки, а еще через пару минут весь этот унылый пейзаж сменился живописными видами тайги, перемежающимися открытыми пространствами бескрайних рыжих болот. Коричневые головки рогоза грациозно покачивались на тонких стеблях с длинными стрельчатыми листьями посреди многочисленных луж вдоль насыпи. Откуда здесь взялся рогоз, который никогда не рос в этих краях? Вопрос этот частенько приходил Славке в голову. Наверняка завезли вместе с семенами для посева откосов ещё при строительстве железной дороги. И с недавних пор это растение, именуемое почему-то в

народе камышом, можно было встретить почти в каждой придорожной луже даже в самой глубокой тайге. Славка поднялся и с разрешения девчат открыл окно, в вагоне было достаточно душно.

- Перекусить не хотите, девчонки? – Славка пододвинул к себе и открыл вместительную сумку, переданную ему водителем.

В сумке он обнаружил несколько полиэтиленовых пакетов с провизией, которые и начал выкладывать на стол. Здесь оказались огурцы с помидорами из собственной теплицы СМУ, пирожки, видимо из столовой, и бублик полукопченой колбасы. В отдельном пакете был нарезан кирпич белого хлеба. А на дне сумки лежали две бутылки водки. Водку Славка решил на стол не ставить.

- Давайте, я пойду, овощи помою, - предложила Светлана и, не дожидаясь ответа, поднялась и двинулась к туалету.

- Я тебе помогу, - подхватила за ней Наталья.

Славка остался один и принялся резать колбасу и выкладывать пирожки на предварительно расстеленную газету. Он снова заглянул в сумку и не обнаружил никаких признаков ни посуды, ни ложки, ни вилки. Хорошо хоть перочинный нож случайно оказался в куртке. Девчата вернулись с вымытыми овощами.

- А где соль? – спросила Наталья, оглядывая разложенные на столе припасы.

- Я сейчас, - поднялся Вячеслав и направился к проводнице. – Чай принести?

- Конечно, - откликнулась Светлана.

Через пару минут он вернулся с тремя стаканами чая, а вторым заходом принёс щепоть соли на чайном блюдечке.

- Ну, что, приступим? Держите нож, девочки, огурцы режьте, - Славка подумал и достал бутылку. – За начало путешествия? – он вопросительно посмотрел на спутниц. – По пять капель для аппетита?

На лице Натальи возникла тень раздумья, а потом она махнула рукой:

- А давайте! Только по чуть-чуть. Света, ты будешь?

- Немного можно. Только из чего пить-то будем, не из горлышка же?

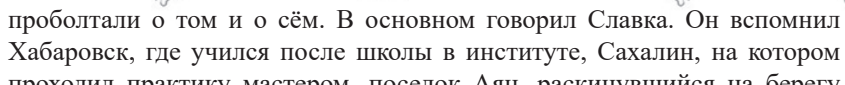
Славка поднялся и вновь отправился к проводнице. Через несколько мгновений он появился с пустым стаканом.

- Вот, дали, но только один. Придется из одного, по-братски, - он распечатал бутылку и, налив сразу полстакана, пододвинул его девчатам, сидевшим напротив.

Первой сделала глоток Наташа, потом Светлана, а все остальное залпом опрокинул Славка:

- За удачу! И чтобы погода не испортилась.

После выпитого языка у всех присутствующих развязались, неловкость в общении прошла напрочь, и все три часа дороги они наперебой

проболтали о том и о сём. В основном говорил Славка. Он вспомнил Хабаровск, где учился после школы в институте, Сахалин, на котором проходил практику мастером, поселок Аян, раскинувшийся на берегу живописной бухты далёкого Охотского моря и прочую ерунду, которая приключилась с ним за не столь уж и долгую жизнь. Девчата внимательно слушали его болтовню, а за окном вагона пролетали все те же знакомые пейзажи августовской тайги. Недолгие часы путешествия пролетели мигом, и вот уже поезд начал притормаживать у песчаного, с почерневшим от дождей деревянным тротуаром перрона посёлка Нягань. Около перрона красовался точно такой же, как в Советском, рубленный из бруса вокзал, окрашенный голубой краской.

- А почему здесь все вокзалы одинаковые? – спросила Наташа. – И в Советском, и в Комсомольском, и в Пионерском. Да и здесь точно такой же.

- Так ведь всю Ивдель-Обскую ветку армия строила, вот и вокзалы по одному проекту лепили, - ответил Славка. – Когда-нибудь новые построят, когда эти развалятся.

- Ну, когда это еще будет, - заметила Светлана.

- Не успеем оглянуться, - Славка подхватил сумку. – Ну, что девочки, пошли.

Они вышли из вагона и Славка огляделся. Народ, торопясь и толкаясь, двигался в сторону привокзальной площади, где его ожидал общественный транспорт, и где стояло несколько легковых машин, в том числе и УАЗик Балашова, который Славка сразу узнал по логотипу на передней дверце.

- Девочки, нам сюда, - он предупредительно распахнул перед студентками заднюю дверь машины и только после того, как они, поздоровавшись с водителем, устроились, сел сам. – Привет, Денис, а где Анатолий Васильевич?

- Он чуть позже подъедет.

- А мы сейчас куда?

- На катер.

- Ну, на катер так на катер, - Славка откинулся на спинку сиденья, - поехали. Кстати, - он повернулся к девочкам, продолжая прерванный разговор, - здесь и все станции имеют одно название, а поселки – другое. Поселок, например, Пионерский, а станция – Алябьево. Денис, у вас как станция называется?

- Нях.

- Ну вот, а поселок – Нягань.

- А почему так? – заинтересовалась Светлана.

- Кто бы знал, - Вячеслав повернулся и откинулся на сиденье.

Машина двигалась по улице, поднимая шлейфом густую пыль. Спустя десять минут они пересекли поселок и выехали на лесную дорогу, которая через пару километров привела их на высокий, поросший столет-

ним сосняком берег реки с тем же названием, что и поселок – Нягань. Денис подхватил сумку и пригласил пассажиров следовать за ним. Вместе с девушками они спустились по тропе, что вилась по косогору, к реке, где на воде стояло вполне приличное такое судно со сброшенным на берег трапом. По палубе двигался, что-то перенося с места на место, здоровенный детина в серой, выцветшей от времени брезентовке. Заметив живописную группу, он бросил свое занятие и поднял голову.

- Здорово, Николай! – приветствовал его Денис. – Принимай гостей.

- Милости просим! – парень спустился по трапу, и протянул руку Славке. – Николай!

- Вячеслав! – представился Славка и почувствовал, как широкая, жесткая ладонь шкипера крепко, почти до боли стиснула его пальцы.

«Здоров, однако, парень», - подумал он, но не подал виду и представил девчат:

- Это – Наташа, а это – Света!

- Проходите! – широким жестом пригласил их на судно Николай и подал руку Светлане, поддержав ее на шатких досках трапа.

Следом на палубу поднялась Наташа, а за ней и все мужчины.

- Ну, вы тут располагайтесь, а я за Анатолием Васильевичем поехал, - объявил Денис и, спустившись на гальку, вскоре исчез за высоким береговым обрезом.

- Проходите в каюту, - пригласил девчат Николай, широко распахнув дверь в палубной надстройке позади капитанской рубки. – Осторожно, здесь ступеньки!

Славка спустился следом за всеми. Каютка состояла из двух отсеков. В носовом было два спальных места и крошечный столик между ними, а во второй половине – две двухъярусных полки для пассажиров, расположенные вдоль бортов, почти, как в купе поезда. В углу красовалась буржуйка с закопчённым эмалированным чайником на ней.

- Прошу, - Николай, улыбнувшись, жестом указал девчатам на нижние места. – Туалет на корме, умывальник тоже. Располагайтесь. Если что нужно, я наверху, - он развернулся, едва не столкнув Славку, и по узенькой, крутой лестнице выбрался на палубу.

Вячеслав осмотрелся вокруг, переставил сумку на пол и присел на застеленную серым армейским одеялом полку:

- Нормально, жить можно. Чего стоите девчонки, не нравится?

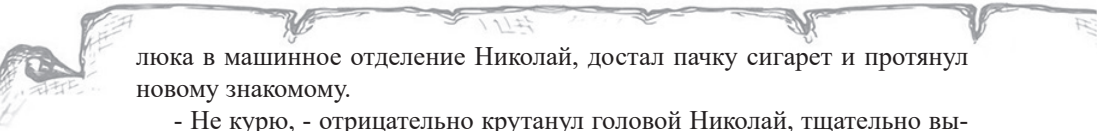
- Да нет, - Наташа присела напротив него и пригласила подругу. – Садись, Свет.

Славка подумал, что девчатам есть чем заняться и без него, и поднялся:

- Я на палубу, покурить! А вы не тушуйтесь, располагайтесь, чувствуйте себя, как дома.

Поднявшись наверх, он прошел вдоль борта на нос, где возился возле

люка в машинное отделение Николай, достал пачку сигарет и протянул новому знакомому.

- Не курю, - отрицательно крутанул головой Николай, тщательно вытирая руки ветошью.

Славка чиркнул спичкой о коробок и глубоко затянулся.

- Ты капитаном работаешь у Васильевича? – спросил он Николая.

- Нет, помощником. Капитаном – мой отец.

- А он где? – удивился Славка: вроде собрались вскоре плыть, куда же без капитана.

- А он в бане парится в поселке, скоро явится. Я тут вас сразу вот о чём предупредить хотел.

- О чем? – удивился неожиданному заявлению Славка.

- Вы ему выпить не давайте, когда вернется.

- Как это? – не понял Славка.

- Ну, будет просить, а вы не давайте. Скажите что нет ничего, - Николай широко улыбнулся. – А то, если батяне попадет за воротник, мы далеко не уедем.

- Ну, хорошо, раз так нужно, - Славка в последний раз затянулся и выбросил окурок за борт.

В этот момент на палубе появились девчонки, они с интересом разглядывали живописные берега Нягани.

- А когда мы поплывем? – спросила Славку Светлана.

- Не знаю? – пожал плечами Славка. – Думаю скоро, - он украдкой с нескрываемым удовольствием наблюдал за Натальей.

Девушка широко открытыми глазами смотрела на буйство летней природы, раскинувшейся вокруг, щёки ее покраснели, а по лицу блуждала мимолётная, светлая улыбка:

- Хорошо! – Наташа раскинула руки и закружилась по палубе, Вячеслав едва успел подхватить потерявшую равновесие девушку у самого борта.

- Осторожно! - он на минуту удержал её, чувствуя легкость и упругость юного тела. – Вода здесь холодная, - на что девушка неожиданно звонко рассмеялась, не пытаясь вырваться из его объятий.

- Ничего, не сахарная! – она кокетливо откинула волосы и только после этого осторожно освободилась из Славкиных рук.

- А вон и наши идут, - громко объявил Николай, указав в сторону косогора.

По косогору спускался Денис с картонной коробкой в руках, а следом Анатолий с двумя увесистыми сумками. Чуть сзади, осторожно выбирая дорогу, семенил старик лет шестидесяти в стеганом ватнике и шапке, что само по себе было удивительно: лето как-никак. Денис поднялся на палубу и, шумно выдохнув, поставил коробку, в которой за-

звенело стекло, на палубу. Балашов бросил сумки рядом и представился девочкам:

- Анатолий! – И сразу без паузы. – Привет, Слав, как жизнь молодая? Ты чего без гитары? Я так и знал, что забудешь. Сейчас Денис принесет из машины, я Кузьмичу не доверил нести, он после бани задумчивый какой-то. Кузьмич, иди, познакомься с гостями, - позвал он капитана. - Вас девочки как зовут?

- Наталья, - по праву старшей представилась командир отряда, протягивая руку, - а это – Светлана.

- Очень приятно! – широко улыбнулся Анатолий. – А вы, почему такие серьезные? Отставить такое настроение! Николай, ты почему гостей так плохо встречаешь, что они о нас подумают? – обратился он к сыну Кузьмича.

- Всё нормально, Анатолий Васильевич! Чай я уже вскипятил, а рыбу на уху ещё раньше почистил.

- Вот и прекрасно! Кузьмич, ты чего там застрял, стесняешься что ли? Вот, господа, прошу любить и жаловать, наш капитан, Иван Кузьмич!

Старик чопорно раскланялся и молча, прошёл в рубку.

- Не в духе, - пояснил Балашов. – Просил сто грамм после бани, а я не дал, - повернулся он к Николаю.

- И правильно сделали. Я гляжу, он и сам уже нашел. Когда отчаливать?

- А прямо сейчас и отчалим. Вон Денис гитару уже несет.

- И куда мы? – спросил Вячеслав, не без ревности наблюдая, как девочки с интересом разглядывают его не в меру говорливого друга.

- Сейчас в соры сплывем, там и переночуем, ну, а потом в Обь. Ты нас здесь же встречай, - обратился он к Денису, принимая у того из рук гитару, - послезавтра с утра. Ну что, девочки, отметим начало нашего путешествия? Поможете? – он подхватил сумки и двинулся к каюте. – Слав, прихвати коробку.

- Пойдемте, девочки, хозяин приглашает, - Славка поднял тяжелую коробку с бутылками, пропуская девочек вперед. – Куда ты столько набрал?

- А как ты рыбу ловить собрался? То-то же. В наших краях тверже этого валюты нет.

В каюте Анатолий тут же начал выкладывать на стол еду из сумок:

- Не стой, Слав, помогай.

Заработал дизель, отдаваясь громким звуком в металлические борта. Балашов быстро разлил водку в ловко расставленные рюмки и предложил выпить:

- Ну что, за знакомство по маленькой! А потом пойдем все вместе, посмотрим, как будем отчаливать.

- Что вы без закуски-то? – запротестовала Наташа. – Давайте я хоть колбасы нарежу. Вячеслав Георгиевич, хлеб достаньте. Так же нельзя.

- Ничего, мы парни крепкие! – расхохотался Анатолий. – Правда, Георгич?

Они с Вячеславом выпили, а девочки только пригубили. После этого все вместе поднялись на палубу. Николай уже поднял трап, дизель заревел еще громче, выплёвывая клубы гари, и вода у кормы вскипела, окрасившись в рыжий цвет от поднятого со дна ила. Катер развернулся перпендикулярно берегу, несколько раз дернулся из стороны в сторону и, наконец, плавно выплыл на середину реки, разворачиваясь носом вниз по течению.

- Молодец, Кузьмич! – похвалил капитана Балашов. – Мастерство не пропьешь, что ни говори.

- Мы что, с пьяным капитаном поплывем? – испуганно спросила Светлана.

- Ну, не так уж он и пьян, - успокоил ее Анатолий. – А потом, его у штурвала сейчас Николай заменит. Речка здесь не широкая, деться особо некуда, а до Оби Кузьмич в себя сто раз придет. Пошли что ли, продолжим?

- Давайте, посмотрим ещё! – Наташа повернулась к Славке. – Красота-то какая! Вы только поглядите!

Опускающееся на запад солнце ярко освещало уплывающий за корму левый берег реки, густо поросший смородиной, над которым нависали покрытые светлым мхом, наклонённые к воде стволы темнохвойных елей. Тут и там на сочной зелени отливали красной медью, а иногда и почти алой киноварью листья вытянувшихся вверх осин. Изредка проплывали слегка подернутые папиной кусты рябины с начинающими краснеть гроздьями. Вереск, обычно низкий и невзрачный в глубине тайги под покровом крон, здесь по берегам поднимался к небу мощными стволами высотой метров до пяти. Река крутилась кольцами в непроходимой, без единого разрыва зелени, открывая за каждым новым поворотом особенный, неповторимый пейзаж. Ветра почти не было, и впереди, перед катером на вязкой глади темной воды то и дело расходились круги от напуганной шумом двигателя рыбы. Волны от катера раскачивали жёлтые цветы кубышки, торчащие между листьев в заводях, и над поверхностью воды испуганно взлетали сотни стрекоз, отдыхающих в траве. Река сделала в очередной раз поворот, и за песчаным срезом берегового откоса открылось пространство довольно обширной поляны с почерневшим срубом не то низкой избы, не то землянки в самом дальнем её конце.

- Вульгашиха, - жестом указывая в сторону избы, объявил Анатолий.

- Что за Вульгашиха? – подала голос Светлана.

- Хантыйка, хозяйка местная. Ей, говорят, лет сто уже.

- Прямо сто?

- Ну, может быть чуть меньше. С первого взгляда и не понять.

- А что это за имя Вульгашиха?

- Видимо мужа Ульян звали, или кого-то из родни. Вульга с хантыйского – Ульяна.

- И что, она одна тут живёт? – заинтересовалась и Наташа.

- Одна. Охотится, рыбу ловит. Я ее один раз видел года два назад, страшная такая, чёрная, как головешка, сухая. А взгляд пронзительный, будто насквозь тебя видит.

- А вдруг что случится? Как можно одной в тайге жить? – удивленно спросила Светлана. – Не дай Бог заболеешь, или ещё чего.

- Привыкла. Попытались ее наши власти в поселок переселить, наотрез отказалась. Так и живет здесь. Мужики, вроде нас, снабжают кое-чем, чаем там, сахаром. А иногда и сама в Нягани появляется, редко правда. По берегу до нее не добраться, только по воде.

- Ужас! – поёжилась Наталья. – Я бы тут от страха ночью померла, да и днём тоже.

- А кого тут бояться? – беспечно заявил помалкивающий до сих пор Вячеслав. – Ну, медведя, может, да и то зимой, если шататься начнёт. В поселке быстрее на неприятность нарвешься.

- Это точно! – подтвердил Анатолий. – Всякого хулиганья у нас в деревне хватает. Старухе здесь и вправду спокойней. Ну, что девочки, пошли, что ли в каюту, вон Николай уху уже пронёс, - он подхватил девчонок под руки. – Сейчас нам Георгиевич на гитаре что-нибудь изобразит повеселее, правда Слав?

- Идите, я сейчас догоню, - Славка достал сигарету и двинулся на корму. Возвращаясь, он наткнулся у спуска в каюту на стоящего в одиночестве угрюмого капитана.

- А где Николай? – увидев капитана покинувшего штурвал, встревожено спросил Славка.

Капитан неопределённо махнул рукой куда-то в сторону, но по тому, как уверенно сделал очередной разворот катер, Славка понял, что помощник находится в рубке.

- А у вас сто грамм не найдется? – неожиданно задал вопрос Кузьмич и с надеждой заглянул Славке в глаза. – Зябко что-то.

«Ни чего себе, зябко! – подумал Славка. – Градусов двадцать, а то и все двадцать пять, пожалуй!». Он твёрдо помнил слова Николая насчёт отца и выпивки.

- Нет у меня, Иван Кузьмич, вы уж извините.

Кузьмич обиженно хмыкнул, но ничего не ответил. Он отошел от Славки к борту, пошарил за пазухой в телогрейке, и неожиданно, как фокусник на арене, достал оттуда флакон небезызвестного и популярного в определенных кругах одесколона «Шипр». Быстро отвинтив крышечку, капитан залпом выпил содержимое, и, повертев головой, не заметил ли его кто, быстро выбросил флакон за борт. Славку аж передернуло: во, даёт дед!

Так недолго и в воду кувырнуться вслед за флаконом. Но Кузьмич только поёжился, после чего резко крикнул и, бодро семеня, устремился в сторону рубки. Славка усмехнулся про себя и поспешил спуститься в каюту, где его уже ожидали. Анатолий поднялся за ухой на палубу, принес кастрюлю, и через некоторое время за столом стало гораздо веселей. Пели студенческие песни о таёжные кострах и романсы известных исполнителей. Потом все вместе сочиняли куплеты про Вульгашиху, что живёт, как сова, в чаше, и рассказывали разные смешные случаи из жизни. Вячеслав с удовольствием смотрел на повеселевших, забывших на время о работе девчонок, особенно на Наташу. Время летело незаметно. В какой-то момент двигатель у катера взревел громче обычного, он дернулся, замедляя ход и тормозя винтом.

- Васькина дача, наверное, - произнес, вслушиваясь в то, что делается наружи, Анатолий, - пошли наверх что ли, посмотрим.

Вся компания с удовольствием выбралась на свежий воздух. Катер тихонько сплавлялся по течению ставшей к этому времени довольно широкой реки, вдоль пологого, покрытого густой, высокой травой берега. Солнце уже почти касалось горизонта, надоевшая жара спала.

- Что за место? – спросил Славка.

- Остров. «Васькина дача» называется. Здесь наш леспромхоз летом своих коров из подсобного хозяйства пасёт. Травы много, воды тоже, знай – присматривай, да дои вовремя. А уже после острова сора начинаются, а там и Обь.

- Большой остров видно?

- Да приличный, километра три на четыре. Заливные луга в основном, поэтому и травы полно. Сейчас до стоянки доплывём, причалим. Тут наши милиционеры из Нягани должны быть.

- А почему «Васькина дача»?

- Дьявол его знает. Наверное, Васька какой-нибудь жил когда-то, а может быть коров пас. Я точно не знаю.

- Интересно, а что тут милиционеры делают, тоже коров пасут? – засмеялась Наташа.

- Нет, они их охраняют! – в тон ей подхватила Светлана.

- Это точно! – подтвердил, рассмеявшись, Славка. – Коров охранять безопаснее, чем порядок в поселке.

- Не смейтесь, - отозвался Анатолий, - люди на задании, а не просто так.

- На каком таком задании? – поинтересовался Вячеслав.

- Медведи на острове двух коров дня три назад задрали, вот и послали отстрелять.

- Откуда на таком маленьком клочке суши медведи?

- Дьявол их знает. По весне попали как-то, а потом водой, видимо, отрезало от материка. Один, говорят, матерый, да ещё медведица с пестуном. Питаться, видно, нечего стало, вот и полезли на коров.

- А грибы? – задала наивный вопрос Светлана.
- Какие грибы в траве? Ягоды тут тоже нет, вот и оголодали зверушки.
- Ну и как, отстреляли? – спросил Вячеслав.
- А вот сейчас и узнаем.

Катер слегка прибавил оборотов, развернулся против течения и начал причаливать к пологому глинистому берегу, где чуть подальше от берега, на ровном зелёном взлобке стояло две палатки, и едва дымился почти потухший костёр. Из машинного отделения на палубу выбрался заспанный Кузьмич и взглянул из-под руки в сторону берега:

- Спят, похоже, мужики.

Действительно, ни у палаток и нигде вокруг не наблюдалось никакого движения. Катер ткнулся носом в глину, двигатель взревел в последний раз и затих. Из рубки выбрался Николай.

- Слав, помогай! – Анатолий взялся за трап.

Вместе с Николаем они втроем спустили трап на берег и Балашов, ступив на него, галантно протянул руку Светлане:

- Прошу, мадмуазель! Осторожно, тут скользко!

Следом спустились Наталья и Вячеслав. Анатолий направился прямо к костру, где на вешалах висела снятая с туши приличная такая медвежья шкура. Самой туши не было видно, но над костром висело почерневшее от копоти ведро, из которого торчала крупная, белая кость с остатками мяса на ней. Возле костра, завернувшись с головой в телогрейку, спал мужик в охотничьих сапогах и милицейских бриджах. Анатолий потряс его за плечо. Мужик неохотно зашевелился, громко выругался недовольный тем, что его потревожили, а потом сел, вытаращив на гостя глаза и пытаясь понять, кто же его разбудил.

- Здорово, Виктор! – узнав, видимо, милиционера, поздоровался Анатолий. – Просыпайся, родимый, встречай гостей!

Мутный взгляд проснувшегося наконец обрел какую-то осмысленность, лицо его озарила широкая улыбка и он полез обниматься с Балашовым:

- Здорово, Толик! Какими судьбами. Пить будешь? – он потянулся к канистре, что стояла рядом, и, не удержавшись на ногах, снова плюхнулся на телогрейку.

- Будем, будем! – Анатолий огляделся вокруг. – А где народ-то?

Слегка протрезвевший Виктор наконец-то разглядел, что Балашов явился не один, а, заметив девочек, даже попытался привести себя в порядок. Покачнувшись, он встал, сделал широкий жест рукой и даже изобразил некий поклон:

- Добрый вечер, мадам! Прошу к нашему шалашу!

- Не мадам, а мадмуазели! – поправил его Анатолий. – Знакомься, мой друг Вячеслав из Советского, - он кивнул в сторону Славки, - а это Наташа и Света.

- Очень приятно! – Виктора снова мотнуло, и он благоразумно опустился на телогрейку.

- Так, где народ-то? – снова переспросил Балашов.

- Спит. Целых два дня за этим зверем гонялись, - милиционер указал рукой в сторону шкуры, - едва справились.

- А медведица?

- Ушла с пестуном накануне, почувяла видно опасность. Прямо через протоку и ушла.

- Мясо-то не сквасите?

- Так вон всё, что осталось, - указал на ведро Виктор.

- Ну, ни чего себе! Вы что, всего медведя съели? Ну, вы даете, господа!

- Пастухи кое-что себе взяли, в посёлок часть отправили, - хихикнул знакомый Анатолия, - а остальным закусили.

Он многозначительно постучал по почти пустой канистре. В этот момент у костра появился Кузьмич.

- Привет, Витя! Вижу, с добычей вас! – поздоровался с милиционером капитан.

- А то! Присаживайся, Кузьмич! – милиционер открыл канистру и наполнил почти половину стакана, услужливо подставленного капитаном. – Угощайся.

Никто из присутствующих не успел никак отреагировать на эти действия. Капитан, не долго думая, крякнул и опрокинул содержимое стакана в рот. Шумно выдохнув, он уткнулся носом в рукав куртки.

- Ну, ты даёшь, Кузьмич! – восхитился Виктор. – Спирт, все-таки. Вон мясо бери, закусывай.

Капитан только отмахнулся от предложения, достал сигареты и закурил. На лице его появилось выражение полного блаженства и всеобщей любви к окружающим. Девчата с нескрываемым интересом смотрели на всё происходящее.

- Похоже, отплавали, - высказался Славка, обращаясь к Балашову, но тот только беспечно отмахнулся.

- Проспится. Всё равно ночью не поплывешь. Пойдемте, девочки, я вам по когтю медвежьему на память отрежу. Ничего, если я пару коготков отхвачу? – повернулся он к Виктору.

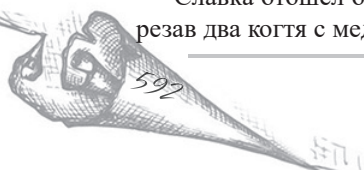
- Бога ради! – ответил милиционер, наливая себе спирт. – Пить-то будете?

- Спасибо! – ответил Славка. – Больно напиток крепкий.

- Ну, смотрите, - Виктор некоторое время рассматривал содержимое стакана, потом подумал, добавил воды из чайника и залпом выпил. – Кузьмич, поддержишь?

- С удовольствием, - отозвался капитан.

Славка отошел от костра в сторону висящей шкуры, где Балашов, отрезав два когтя с медвежьей лапы, чистил их от мездры.

- Держите, девочки! Потом дырочки просверлите и на цепочки повесите, - вручил он трофеи Наталье и Светлане. – На память!

- Пошли что ли на крейсер, - предложил Вячеслав, - темнеет уже. Да и Николая нужно предупредить, что его папая тут спиртом угощается.

- И правда, холодает уже, - поёжилась Наталья, - пойдёмте.

Они вернулись на катер, а следом, через пару минут Николай доставил на борт уже почти бездыханного капитана. Тот только мычал и пытался размахивать руками, когда его спускали вниз по лесенке.

- Ну, что же вы, Анатолий Васильевич, не досмотрели! – укоризненно сказал помощник капитана после того, как уложил отца в носовой каюте и вновь появился на палубе.

- Не успел, Николай, ты уж извини. Что делать-то будем?

- Я думаю, в сор нужно выйти, а там и заночевать. На сору просторнее, ветерок продувает и гнуса поменьше.

- Ну, тогда заводи, а то скоро совсем темно станет.

Анатолий увлёл Светлану на корму, и что-то там начал рассказывать ей, увлеченно жестикулируя. Двигатель опять взревел, выдохнул облако гари, и катер, напрягшись, соскользнул с мели и снова тронулся вниз по течению. Стало немного прохладней. Славка набросил на плечи Наталью свою куртку, и та благодарно улыбнулась ему в ответ. Над водой уже поплыли полосы прозрачного тумана, а горизонт окрасился багрянцем, отчетливо очертив тёмные вершины сосен и елей на западе. Загорелись первые звёзды. С кормы вернулись Анатолий и Светлана.

- Ну что, продолжим наши упражнения? – предложил Балашов. – Что-то стало холодать! Пошли в каюту.

- А можно мне в рубку? – неожиданно спросила Светлана.

- А почему нельзя? – вопросом на вопрос ответил Анатолий. – Желание женщины – закон! Пошли, порулём.

- Вы только в берег не зарулите! – высказался им вслед Славка, но Балашов в ответ беспечно махнул рукой:

- Не бойсь! Всё будет нормально.

Они с Натальей остались на палубе одни.

- Пойдем на корму, - пригласил молчаливую девушку Славка, - там приесть можно.

Они устроились на дюралевом носу закрепленной к палубе на корме катера моторной лодки «казанки». Славка обнял девушку за плечи, прикрывая от возникшего ветерка, и та к его удивлению не отстранилась, хотя до сих пор старалась держать дистанцию. Катер тархтел равномерно, без сбоев. Где-то во тьме проплывали покрытые тальником берега, но ясно видны были только звезды, мерцающие на небосклоне. Они так густо засеяли черный купол небосвода, что местами сливались в туманные облака, чего никогда не увидишь в городе. И даже в их поселке, где

ulichных фонарей было не слишком много, Славка никогда не видел такого количества звёзд. И сейчас он был счастлив, как только может быть счастлив человек, нашедший то, о чем давно мечтал. И эта ночь, и эти звёзды, и эта отражающая их вода вокруг, все заставляло сердце биться быстрее и громче.

- Хорошо, - негромко произнесла Наташа, глубоко вздохнув, и повторила, - хорошо! Спасибо вам, Вячеслав Георгиевич, что вытащили нас сюда.

Славка вместо ответа повернул ее лицо к себе и внимательно посмотрел в глаза. В глазах Натальи искрами отражались звезды и ходовые огни катера, и что-то такое еще, от чего у Славки закружилась голова. Помедлив секунду, он притянул девушку к себе и прижался к ее губам своими губами. Губы у Натальи были теплыми и пахли чем-то таким, неповторимым. Она на секунду ослабла в его руках, но потом напряглась и осторожно отстранилась. Славка едва не задохнулся от охватившего его чувства. Он попытался вновь поцеловать Наталью, но та уклонилась, подставив вместо губ теплую ладошку.

- Ну почему? – обиженно спросил Славка.

- А вон Кассиопея, - вместо ответа указала Наталья на знакомое созвездие и тихонько рассмеялась, откинувшись в его руках. – А это ковшик Большой Медведицы. Интересно, а почему его так называли? Он ведь на медведя нисколько не похож.

Славке вдруг почему-то сделалось хорошо и спокойно, и он легко принял её игру.

- А вон Полярная звезда.

- Где?

- Ты же мне Большую Медведицу только что показывала. По двум последним звездочкам прямую линию проведи.

- Теперь вижу.

- Что, звезды считаете? – раздалось сзади.

Появились Анатолий и Светлана.

- А я у штурвала стояла, - радостно похвасталась последняя. – Мы уже в сор выплыли.

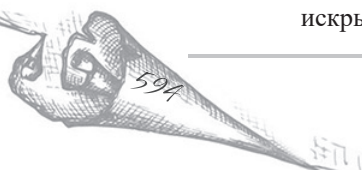
- Скоро причалим, - сообщил Анатолий, - а то на мель в темноте напороться можно. Пошли в каюту.

Вячеслав с Натальей поднялись и последовали за друзьями.

- Запевай! – предложил Славке Анатолий, разливая по рюмкам.

И Вячеслав запел. Запел от избытка нахлынувших на него чувств, как уже давно не пел. Он пел всё, что знал, начиная от Галича с Окуджавой и кончая студенческими песнями, которые едва помнил:

- Дым костра создаёт уют,
искры гаснут в тумане сами,

шесть ребят у огня поют
чуть охрипшими голосами...

Потом катер сбросил обороты, и они все вместе отправились смотреть, как он будет причаливать. Стоя на палубе, Славка вновь обнимал Наталью за плечи, ощущая тепло ее гибкого, молодого тела и жар в груди от переполнявшего его счастья. Катер привязали причальным концом прямо к тальнику, торчащему из воды, и после этого уже вместе с Николаем все отправились в каюту. Капитан крепко спал на полке в носовом отсеке, заглушая плеск воды за металлом бортов молодецким храпом. Его так и не разбудили ни громкие разговоры весёлой компании, ни залихватские песни под звон гитары. Заснули уже под утро.

Когда на рассвете Вячеслав выбрался на палубу, туман сгустился так, что с кормы катера не проглядывался его нос. Воздух был влажен и недвижим. Еле слышно плескалась о борт вода, слегка покачивая судно и торчащий из воды тальник. Чувствовалось, что где-то за этой непроницаемой пеленой над горизонтом уже поднимается огненный шар солнца, обещаая теплый и погожий день. Славка присел на «казанку» и закурил. Он вспомнил вчерашний вечер, и улыбка расплылась по его лицу. Они снова целовались с Наташей уже перед тем, как устраиваться спать, и она к его радости не отталкивала Славку от себя, как вначале. Он старался держать себя в рамках приличия, и эта сдержанность нравилась ей. По крайней мере – не досаждала, как ему казалось. Так, мечтая и улыбаясь чему-то своему, потаенному, он просидел с полчаса в полном одиночестве. Туман начал редеть. Сквозь белёсую пелену проглянуло солнце. На палубу, стараясь не шуметь, выбрался из каюты Анатолий:

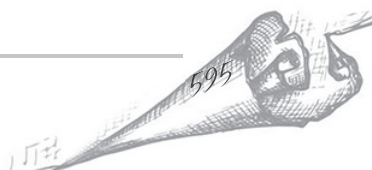
- Ты чего не спишь?
- Не хочется. День-то сегодня, смотри, какой намечается!
- Да, денёк хоть куда. Браться будешь?
- Обязательно.
- Давай, первый брейся. А я пойду, чай пока разогрею, проснуться все скоро.

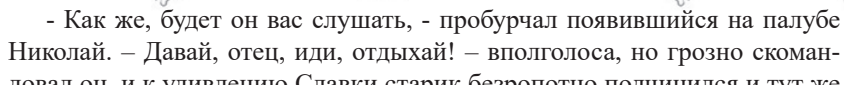
Славка отправился на корму умыться, а Анатолий спустился в носовой отсек. Когда Вячеслав вернулся, по палубе уже разгуливал капитан, невозмутимо разглядывая пейзажи, раскинувшиеся вокруг. Вид у него был хоть и помятый, но довольный и умиротворенный.

- Доброе утро! – радостно ощерился Кузьмич, заметив Вячеслава.

На Славку пахло перегаром с явным ароматом свежака. «Вот молодец, уже успел где-то», - подумал он, а вслух произнёс:

- Как самочувствие, Кузьмич?
- Вашими молитвами, гражданин начальник!
- Ты бы пореже к стакану прикладывался, старина, а то мы с тобой так далеко не уплывем.

- Как же, будет он вас слушать, - пробурчал появившийся на палубе Николай. - Давай, отец, иди, отдыхай! - вполголоса, но грозноскомандовал он, и к удивлению Славки старик безропотно подчинился и тут же скрылся в дверном проёме кубрика. - К обеду проспится, - ни к кому конкретно не обращаясь, констатировал помощник.

Почти сразу на палубе возник Анатолий с плюющимся паром чайником и двумя эмалированными кружками:

- Садитесь, чаю попейте, а я сейчас, - он скрылся на корме.

Туман почти рассеялся, останки его ползли над водой полупрозрачными извивающимися змеями. Проступили очертания далекого, до сих пор не видимого, да и сейчас едва различимого, поросшего таким же тальником с редкими стволами корявых сосен берега. Солнце тут же начало припекать. Вдалеке, над бескрайним пространством воды кружились чайки. Километрах в полутора на восток на сверкающей, как зеркало, глади воды Славка заметил несколько странных плавсредств. Одно из них было вовсе не похоже ни на корабль, ни на лодку.

- Что это? - спросил он Николая, прихлёбывая из кружки.

- Где? - не понял помощник.

- Да вон там, - Вячеслав указал рукой в сторону неподвижных объёмов на воде.

- А, это. Рыбаки, - односложно ответил Николай.

- Вот туда мы сейчас и отправимся, - появившийся Анатолий энергично тер лицо полотенцем. - Вот только чаю попьём. Николай, принеси-ка из каюты мою черную сумку. Да не брякай там, пусть девчата поспят. А мы с тобой сейчас «казанку» к спуску подготовим, - это уже к Вячеславу.

Закончив пить чай, все троём они опустили моторку на воду, стараясь производить как можно меньше шума, чтобы никого не разбудить.

- Мешок тащи! - приказал Анатолий помощнику.

Вместе со Славкой они спустились в лодку, приняв от оставшегося на корабле Николая сумку с мешком, и отвязали веревку.

- Гребите потихоньку, - произнес Анатолий, устраиваясь на кормовом сиденье и спуская в воду винт навесного мотора, - отплывём в сторонку, а там и заведёмся.

- А чего мы не на катере-то? - спросил Славка.

- Путина, - коротко ответил Анатолий.

- Ну и что, что путина?

- А то! Знаешь сколько тут таких, как мы плавают. Вот то-то же. И всем рыба нужна. А райкому план. Засекут наш крейсер возле рыбаков, мало не покажется. Так что бережёного Бог бережет!

Славка, не задавая больше вопросов, сел за вёсла и начал неторопливо выгребать в сторону большой воды, стараясь не булькать. Анатолий немного повозился с мотором, потом оставил его в покое и достал сигареты.

- Курить будешь? – спросил он Славку, протягивая пачку.
- Не хочется, - ответил тот, продолжая грести. – Гляди, какая погода отменная!

Утро и вправду было прекрасным. Ярко светило пригревающее солнце, ветра совершенно не ощущалось, на воде стоял почти абсолютный штиль. Издалека в полнейшей тишине доносились только крики чаек, приглушённые расстоянием. Анатолий выбросил окурочек:

- Ну что, с богом! – он дернул за шнур и мотор завёлся, шумно чихнув перед этим и выплюнув в воздух облачко выхлопа.

Прибавив газу, Анатолий лихо развернулся и направил посудину в сторону дебаркадера, стоящего на якорях несколько в стороне от остальных плавсредств рыболовецкой бригады. Славка блаженно откинулся на рундук, наблюдая, как вода вскипает бурунами перед носом моторки, оставляя пенный след позади. Минут через десять они подошли к низкоробортному, с перилами по всему периметру плашкоуту, и Анатолий выключил двигатель. На палубе никого не было. Причалив и закрепив лодку веревкой прямо к стойке ограждения, они поднялись на борт посудины, прихватив с собой сумку. Почти сразу же дверь палубной надстройки закрипела, и в проёме показался заспанный парень в порванной на груди майке, видимо разбуженный шумом двигателя. Он удивленно вытаращился на приятелей:

- Вы откуда, мужики?

- Доброе утро! – вместо ответа поздоровался с парнем Балашов. – Рыбкой у вас не разживемся?

Он выразительно похлопал ладонью по сумке. Парень помедлил с ответом. Невооружённым глазом было видно, как туго у него шевелятся мысли под черепной коробкой. Что-то, наконец, решив для себя, он, молча, махнул рукой, приглашая приятелей последовать за ним, и исчез в дверном проёме.

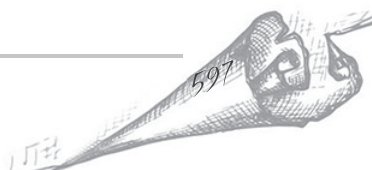
- Держи ухо востро! – предупредил Славку Анатолий. – Люди здесь непростые, могут запросто по шее накостылять!

Он вошёл в помещение вслед за парнем, Вячеслав, внутренне собравшись, последовал за ним. Длинным коридором, вслед за провожатым они дошли до последней каюты. Парень остановился и указал на дверь:

- Бригадир, - коротко сказал он и отступил в сторону.

Анатолий решительно постучал, и, не получив ответа, так же решительно распахнул дверь и шагнул в каюту. Крепкий запах вчерашнего пира ударил в нос. В свете, падающем из иллюминатора, Славка разглядел одетого мужика, спящего на рундуке прямо в сапогах, стол, накрытый газетой, с остатками недоеденной рыбы в тарелке и пепельницей полной окурочков.

- Шеф, подъем! – энергично потряс мужика за плечо Балашов. – Утро уже.

Мужик шевельнулся, произнёс что-то неперебиваемое и резко сел. Лицо его выразило неприкрытое желание послать разбудивших его наглецов куда подальше.

- Какого? – рявкнул он в сторону вошедших в каюту и забористо, с каким-то наслаждением высказался в пространство.

Балашов, несколько не огорошенный таким приемом, молча сел на рундук напротив мужика и жестом пригласил садиться Славку:

- Мы к тебе, шеф, - спокойно произнес он, - насчет рыбы не можешь?

В мутных глазах мужика мелькнул интерес.

- Витька! – обратился он к парню, стоящему в коридоре и заглядывающему в дверь. – Воды принеси! Сушняк замучил, – пояснил он, вновь поворачиваясь к Анатолию, которого сразу принял за старшего в этой прибывшей к нему паре. – С рыбкой помочь, говорите? А чего с ней помогать-то, вон она вода, – он кивнул в сторону иллюминатора, - бери снасти и лови.

- Это конечно! – спокойно согласился Балашов. – Только нам приличной рыбки надо.

В эту минуту в дверях каюты появился кряжистый, крепкий мужчина лет сорока, следом за которым протиснулся Витька с кружкой воды в руке. Вошедший присел на рундук рядом с бригадиром.

- Зам мой, - пояснил бригадир, кивнув на мужика. – Афанасий. Меня, кстати, Иваном зовут.

- Анатолий! – представился Балашов. – А это – Вячеслав.

- Мужики приличной рыбки хотят, - обратился к заместителю бригадир.

Тот задумчиво почесал переносицу и ничего не ответил.

- Ну, так как, поможем? – продолжил бригадир. – Есть у нас что?

- Ну, не знаю, не знаю, - неопределенно пожал плечами Афанасий. – Не ловится толком рыба, дьявол ее забери, вода низкая. Который день сетки пустые. А расплавиться чем будете? – неожиданно сменил он тему.

Анатолий вместо ответа приоткрыл сумку и, достав оттуда две бутылки водки, выставил на стол. Глаза у бригадира загорелись.

- Надо бы попробовать, может палёная, - слотнул он слюну, а Афанасий, приподнявшись, достал с полки стаканы.

Бригадир распечатал бутылку и разлил.

- Дуй отсюда, народ поднимай на работу! – цыкнул он на, потянувшегося было за стаканом, Витьку.

Тот обиженно пробормотал что-то и исчез. Оставшиеся, молча, подняли стаканы и выпили. Вячеслав едва пригубил, пить ему совсем не хотелось. Тем более с утра. Но Анатолий слегка толкнул его в бок, когда он по наивности хотел отказаться. И Вячеслав понял, что нельзя обижать здешних хозяев.

- Нормальная, - произнес после некоторого молчания бригадир, глядя куда-то в потолок, - забирает. Отсыпь мужикам сырка-то, - повернулся он к Афанасию.

- А что, муксуна совсем нет? – спросил Балашов.

- Ну-у, - неопределенно протянул хитрец, с вожделием поглядывая на сумку.

Анатолий вновь приоткрыл сумку и выставил еще две поллитры.

- Вот это по-нашему! – заулыбался бригадир. – Афанасий, давай, стоняй с мужиками на баржу. Может еще по пятьдесят?

- Спасибо! – поблагодарил Анатолий. – Спешим мы, мужики.

Зам, приняв с бригадиром еще по одной, поднялся, и гости последовали за ним. Пока шли по коридору, навстречу попало несколько заспанных рыбаков, народ поднимался на работу. Они втроем погрузились в моторку, завели двигатель и тронулись в сторону стоящей неподалёку баржи с ледником. Причалив к ней, поднялись на палубу, и Афанасий без труда сдвинул тяжёлый металлический люк, прикрытый кошмой. В глубине трюма Славка разглядел ящики с рыбой, пересыпанной колотым льдом, а на вершине горы из глыб льда лежал осётр килограммов на пятнадцать. У Балашова загорелись глаза.

- Слушай, Афанасий, а сколько лобарь стоить будет? Мы за ценой не постоим.

- Не, ребята, ничего не выйдет! Это в райком. Сегодня за ним придут, мы еще вчера по радию в Октябрьский сообщили. А муксуна берите, сколько нужно, только еще пару бутылочек проставьте.

Наполнив мешок рыбой, и выделив заместителю пару пузырей, они с Балашовым подбросили Афанасия на дебаркадер, а сами поспешили отплыть. Когда лодка, урча мотором, приблизилась катеру, спокойно покачивающемуся на волнах у тальника, на палубе возникли три фигуры: девочки и Николай. Капитан, по-видимому, отдыхал.

- Ну и как? – спросил Николай, помогая привязать судёнышко к корме. – Удачно?

Славка едва забросил тяжёлый мешок на палубу и поднялся сам вслед за Анатолием. Николай развязал тесёмку, а подошедшие девочки с интересом начали разглядывать содержимое. Славка с нескрываемым удовольствием рассматривал девононок. Уже умытые и причёсанные они лучились молодостью и здоровьем. Наталья искоса бросила на Славку короткий взгляд и улыбнулась. Губы у Славки непроизвольно растянулись в ответной улыбке, а на сердце стало светло и празднично.

- А как эта рыба называется? – спросила Светлана, ткнув пальцем в приличного такого щёкура.

- Чир, - пояснил Николай, - а вот это муксун. Нормально вы отоварились. А щук зачем взяли с карасями?

- Будем тройную уху готовить, - ответил Балашов. - Вы, девочки, завтракали?

- Нет еще, - ответила Светлана. - Но еды у нас и так со вчерашнего дня полно осталось, можно разогреть.

- Э, нет! - возразил Балашов. - Никакие возражения не принимаются. Свежая уха, она и в Африке - уха! А такой, я вас уверяю, вы никогда не пробовали. Вот бы еще того осетра сюда, правда, Слав?

- А что, и осётр был? - спросил Николай.

- Был, - подтвердил Вячеслав. - Только нам категорически отказали, сказали: для райкома!

- Понятно, - протянул Николай. - Это святое! С райкомом ссорится бесполезно. Что, прямо сейчас варить будем? - спросил он Балашова.

- Заводи плиту, а мы сейчас рыбу разделаем. А ту, которая останется, присолим. Соль-то у вас на шхуне есть?

- Обижаете, Анатолий Васильевич.

- Ну, вот и хорошо.

- Давайте мы вам поможем, - предложила Наташа.

- Не стоит. Уха - это дело мужское, тем более тройная. Вы же такой никогда не готовили?

- Не приходилось.

- Ну, вот и наблюдайте.

Они со Славкой быстренько вычистили рыбу и картошку и понесли все это на камбуз, в носовой отсек. Там в ведре уже закипала вода, поставленная на плиту Николаем. Первыми в воду опустили щучьи головы и карасей. Покипятив рыбу минут двадцать и сняв пену, Анатолий вытащил сварившуюся рыбу на большое, почти в полметра диаметром эмалированное блюдо, невесть откуда взявшееся на судне. Видимо не в первый раз готовили такую уху. Вторыми в сваренный бульон запустили штук пять сырков, с которыми проделали то же самое, что и с первой партией. Ну а напоследок в ведро были отправлены нарезанные крупными кусками муксуны и несколько небольших стерлядок, которые в качестве подарка отдал им расчувствовавшийся от водки и новых приятных знакомых Афанасий. Уха получилась умопомрачительная. Все ели и похваливали. Надо сказать, что позже, когда она остыла, образовавшийся студень можно было резать ножом. Но это было уже вечером, а сейчас, попив чаю, подняли наконец-то проспавшегося Кузьмича, накормили его ухой и Анатолий дал команду двигаться в Обь. Через два часа вышли из сора на большую воду. Славка всё это время старался находиться поближе к Наташе. Ему приятно было прикасаться к ней то рукой, то плечом, то придерживать при качке за талию, чтобы не оступилась. Он рассказывал ей всякую дребедень из своей недолгой жизни, а она беззаботно и открыто смеялась ему в ответ, слегка обнажая из-под губы влажные, белые зубы.

Волны на Оби были куда как серьёзней, чем в сору. Ветер гнал их поперек курса, и суденышко основательно качало, подбрасывая то нос, то корму. Попадались встречные суда, которые веселыми гудками приветствовали путешественников. Обь оправдывала звание великой сибирской реки. Нельзя было даже представить себе, какое количество воды она легко несла по своему руслу в сторону Карского моря. Мощь её течения ощущалась тонкими бортами судёнышка, когда, преодолевая его, оно медленно, но упорно двигалось к противоположному берегу. Течение старалось развернуть катер, не дать ему свободы, но он отчаянно сопротивлялся и победил. Наконец причалили к высокому и обрывистому правому берегу, где было поспокойнее, и на вершине которого чуть поодаль от остального лесного массива стояло несколько широколапых, мохнатых кедров.

- Пошли, поднимемся, - предложил Анатолий, когда нос катера воткнулся в прибрежный песок. - Сверху вид такой открывается, что дух захватывает.

Всей компанией не без труда они поднялись на вершину склона к кедрам. Вид на реку действительно открывался великолепный. В этом месте Обь делала плавный поворот, и горизонт был открыт на многие километры почти во все стороны. Синюющие дали левобережья прорезали светлые ленты многочисленных протоков и стариц. Ширина реки, главного водного пути Западной Сибири достигала километров трех, её мощь и грозное величие ощущалось даже на подсознательном уровне. Вот так же когда-то в незапамятные времена, наверное, и Ермак Тимофеевич, стоя на высоком берегу великой реки, понимал, что приобрела Россия. А может быть, просто любовался просторами, открывшимися ему.

- В шторм тут жутковато, - высказался, почувствовав общее настроение, Анатолий. - Не река - море!

- Смотрите, шишки! - неожиданно подала голос Светлана, поднимая из мха под кедром синевато-сизую колючую шишку.

- Ветром, наверное, стрясло? - предположил Славка, поднимая из под ног ещё одну и протягивая ее Наташе.

- Не, - отрицательно мотнул головой Анатолий, - рано им еще от ветра падать. Ронжа сшибла. А раз не растрепала, значит, орех пока пустой.

- А кто это - ронжа? - спросила Светлана.

- Кедровка, птица такая, - ответил Анатолий, - она чувствует, есть в шишке зерно, или нет. Попусту долбить не станет. Природа, она устроена мудро! Ну что, друзья, будем спускаться?

Через час, после того, как пообедали, катер отчалил от берега и тронулся в обратный путь. Вновь встречные суденышки гудками приветствовали его, а девочки размахивали руками в ответ, радостно, почти по-детски, отвечая на эти приветствия. Славке вместе с Наташей тоже удалось постоять у штурвала, правда, под неусыпным контролем Николая. Девушка

раскраснелась от ветра и солнца, и на вопросы Славки, понравилась ли ей прогулка, только улыбалась в ответ, без прошлой настороженности подставляя припухшие губы в ответ на его настойчивые просьбы. А он был просто счастлив, как не был счастлив давно. И от того, что пришлось увидеть вокруг, и от беззаботной, праздничной атмосферы, царившей на судне, и от той возникшей между ним и девушкой, пока еще неясной, едва заметной только им, близости. Прошлое осталось где-то позади, и Славка верил, что наступившее настоящее будет гораздо счастливее и ярче него.

В Нягань пришли только под утро. По пути, поздним вечером приехали к Васькиной даче, но ни лагеря, ни людей там, на острове уже не обнаружили. Пастухи пояснили, что милиционеры еще вчера допили спирт и доели остатки убиенного зверя, а нынче, рано утром отчалили в посёлок.

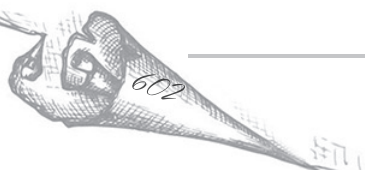
Утро наступившего воскресенья было туманным и холодным. Несмотря на то, что было около четырёх, Денис с машиной ожидал их на берегу. На привокзальной площади распрощались с гостеприимным хозяином.

- Ну, бывай! – Славка хлопнул приятеля по плечу. – Спасибо за путешествие и гостеприимство. Заезжай, если в наших краях будешь.

- Обязательно! – ответил Анатолий.

Он тепло попрощался с девушками, и узик бодро запыхнул по дороге в сторону посёлка. Билетов на поезд ни в купе, ни в плацкарт не оказалось, пришлось брать в общий. В почти пустом вагоне они, как могли, устроились на жестких полках и уставшая от бессонной ночи Светлана, свернувшись калачиком, почти сразу уснула. Славка забрался на верхнюю полку и шёпотом, чтобы не разбудить спящую подругу, позвал к себе Наташу. Наверху было чуть-чуть теплее, и хотя полка была довольно узкой, им удалось как-то устроиться вместе. Он поцеловал ее в пушистый локон за ухом, и она, улыбнувшись, закрыла глаза. Было довольно забавно, и девушка плотно прижалась к нему спиной, а он бережно обнял ее, прикрыв полой куртки. Поезд тронулся, и вскоре девушка, пригревшись, уснула тоже. Вячеслав лежал и смотрел в окно на проплывающие мимо привычные и надоевшие болота, с белым туманом, стелившимся над кочками меж кривых сосёнок, на алые шляпы мухоморов, тут и там торчащие из песчаных откосов вдоль железки, и чувство щемящей, всеохватывающей нежности переполняло его. Он вдруг почувствовал свою ответственность за судьбу этой, теперь уже не чужой ему, юной женщины. Славка ещё не догадывался, что прижимает к груди, пытаясь как-то согреть и оберечь, свою будущую жену, светлые чувства к которой пронесёт через всю оставшуюся жизнь. Он просто смотрел в окно и улыбался, пока не уснул.

28 марта – 17 апреля 2015 г.

В одном прекрасном месте на берегу реки

Состав на мгновение задержался у деревянного перрона и почти сразу же тронулся. Хриплый гудок локомотива отозвался далёким эхом в распадах окруживших станцию сопок и, дробясь, затих в предрассветных сумерках. Генка с отцом остались в одиночестве на мощёной крупной рыжей щебёнкой площадке, перед неказистым кирпичным зданием вокзала. На фасаде красовалось выцветшее от времени и непогоды название станции: Куэнга. Кусок фанеры, на котором оно было написано, топорщился расслоившимися краями.

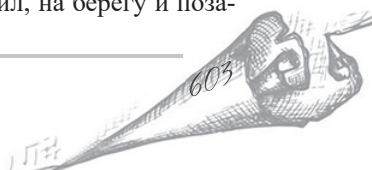
- Ты погоди, я сейчас, - сказал отец и направился в сторону высоких, филёнчатых дверей вокзала, которые распахнулись ему навстречу, вышустив на волю пару помятых, мутных мужичков.

Отец посторонился, пропуская, и вошел внутрь помещения. Дверь со скрипом скорее похожим на стон медленно затворилась следом за ним. Выпорхнувшие мужички отошли в сторонку и закурили, о чем-то оживленно переговариваясь. Генка глубоко вдохнул влажный утренний воздух, попахивающий свежим крезотом, и присел на чемодан, оглядывая окрестности. Рельсы железной дороги протянулись с востока на запад между невысоких, безлесных сопок, покрытых сочными цветущими июльскими травами. В сторону севера горы были повыше, со склонами укрытыми куртинами невысоких, кряжистых сосен вперемежку с березняками. По лежащему между гор плотному туману можно было предположить, что где-то внизу, у их подножий протекает какая-то речка. Из двери вокзального помещения под стон петель, наконец, появился отец и, подойдя к мужичкам, стал с ними о чем-то оживленно беседовать. Закончив разговор, он направился к Генке.

- Передача уже ушла, - сообщил он сыну о поезде в сторону Сретенска, который утром и вечером перевозил местное население, кого на работу, кого еще куда-то, - вторая только вечером. Но часа через два должен подойти речной трамвайчик, так что поплывём.

- Не понял, - отозвался удивлённый Генка.

- А чего тут понимать! Поплывем по реке, красотами местными полюбujemy. Куда лучше, чем в поезде париться, да и ждать до вечера не придётся. Бери рюкзак и – потопали! До Шилки километра полтора. На, кстати, - протянул он Генке бумажный сверток, который тот сразу и не приметил, - я тут в буфете пирожков с ливером купил, на берегу и позавтракаем.

Генка засунул пирожки в рюкзак, вскинул его на плечи и последовал за отцом, который, подхватив чемодан, перешел станционные пути и тронулся в сторону тумана, поднимающегося в низине под первыми робкими лучами восходящего солнца. Трава около тропинки, почти по пояс, была покрыта обильной росой и остро пахла полынью, львиным зевом и еще чем-то, отчего слегка кружилась голова, а в душе возникал неосознанный восторг замученного пыльным, душным городом организма. Хотелось броситься в эту траву плашмя, во весь рост, и, раскинув руки, просто лежать, глядя в наливающееся утренним светом и синью небо. Но, вместо этого, брюки у Генки почти до колен сразу стали мокрыми, хоть выжимай, а в сандалиях противно захлюпало. Минут через двадцать они вышли к пологому, галечному берегу реки, лениво струящей свои воды между лесистых, с крутыми склонами сопок. Чуть ниже по течению правый берег реки был прижат почти отвесным скальным срезом, с осью крупных гранитных обломков под ним. Зеркальная, тягучая гладь воды перед скалой вдруг начинала волноваться, вскипая у тёмных камней белыми, тревожными бурунами, а ниже снова успокаивалась, пропадая где-то в тумане. На берегу чуть в стороне горел одинокий костёр, вокруг которого живописно расположилось, судя по одежде, несколько местных жителей, скорее всего семья, так как добрая половина из них были дети.

- Тоже трамвайчик ждуть, - высказался негромко отец, устраиваясь с краю каменистого пляжа, у ивняка, на крупный валун, то ли скатившийся сюда с ближайшей сопки, то ли занесенный могучей силой вешнего паводка. – Искупаться нет желания? – он потянулся, распрямляя спину, всем своим видом являя истинное удовольствие от всего, что окружало их вокруг.

Солнце уже поднялось над вершинами сопок, играя и переливаясь лучами в мириадах капель хрустальной росы, покрывающей траву на прибрежной поляне, но было достаточно прохладно, и Генка отказался.

- Ну, как знаешь. А я освежусь.

Отец сбросил одежду на валун, оставшись в трусах, и, не долго думая, зашагал к воде, старательно выбирая места, куда поставить ногу. Зайдя в реку по пояс, он резко присел, потом выпрямился, приучая тело к температуре воды, и, издав громкое «ух», выражающее полный восторг, нырнул. Голова его показалась над водой вновь метра в десяти, и он энергично начал загребать саженками к середине, наискосок, борясь с довольно быстрым течением. Генка присел на валун, скинул сандалии, вылил из них воду и задумался.

В июне он закончил десятый класс, и ему исполнилось семнадцать. Будь он старше на пару лет, учёба в школе давно бы уже закончилась. Но волею руководства страны, нет-нет да подражающего загнивающему Западу, предыдущему и его году рождения выпала доля учиться полных одиннадцать лет, и первый такой выпуск состоялся как раз в начале этого

лета. Так что в последние свои каникулы, чтобы не сидеть в раскаленном городе, он вместе с отцом поехал в гости к бабушке, где уже бывал однажды, правда, в совсем уж юном возрасте. Воспоминаний с тех пор осталось мало. Но что запомнилось, так это – река с жирными, пучеглазыми пескарями, коих водилось в отгороженных косами от русла уловах в несметном количестве, и горы с солнечными полянами в березняках, на которых обильно произрастала вкуснейшая, душистая земляника. Ещё он помнил, что только здесь, в Сретенске, у него проживает многочисленная родня: тётка с мужем и его двоюродными братом и сестрой, и двое дядек, его ровесников. Звали их Вовка и Толька, и были они детьми младшей сестры бабушки, которою звали Шура. Родни со стороны матери он практически не знал, так как обитали они далеко, в Тверской области, а он с родителями – на Дальнем Востоке.

Шумно отфыркиваясь и стращивая с себя воду, подошел наплававший вволю отец:

- Зря ты не пошел купаться, вода, как парное молоко! – счастливо произнес он, вытирая лицо и тело майкой и развешивая её для просушки на ветвях тальника. – Кушать хочешь?

- Можно, - ответил Генка и полез в рюкзак за пирожками.

Отец расстелил на валуне газету и разложил на ней хлеб, вареные яйца, купленную еще в Хабаровске копчёную колбасу, и они с аппетитом вполне здоровых, проголодавшихся мужчин приступили к завтраку. Солнце, поднявшись повыше, начало пригревать уже вполне прилично. Мокрые вещи отца и носки Генки подсохли в течение нескольких минут. Закончив есть, отец оделся и, вытащив из рюкзака эмалированную кружку, отправился к замеченному им ключу, бившему прямо из-под берега метрах в ста ниже по течению.

- На, попей, - протянул он кружку Генке, когда возвратился.

Вода была кристально чистой, холодной до ломоты зубов и к полнейшему удивлению Генки кисловатой, будто в нее добавили лимонного сока. На его вопрос, почему вода кислая, отец пояснил, что здесь она такая во многих местах.

- Ну, как на Кавказе «Есентуки» - солоноватые, так местная минеральная вода – кислая. Иногда ключи прямо со дна речек бьют, видно, как песок шевелится. Перевернешь кружку, опустишь с воздухом ко дну, а потом наберёшь воды, ладонью прикроешь и достаёшь. Такой же «нарзан», как и этот, - он вынул из куртки расчёску, прибирая растрепавшиеся после купания волосы.

К этому времени народу на берегу прибавилось, а уже вскоре из-за дальнего поворота реки показался размытый силуэт дымящего трубой в небо белого речного трамвайчика. Силуэт этот, приближаясь, медленно рос, становился чётче, пока, наконец, судно не подошло к берегу и со

скрипом не наползло носом на пологий галечник. По сброшенному прямо на мелководье трапу спустились прибывшие пассажиры, и весь народ, собравшийся к этому времени на берегу, торопливо подхватив имеющиеся в наличии пожитки, приступил к погрузке на борт. Через четверть часа, после посадки и приобретения пассажирами билетов суета на корабле затихла, и, подождав еще с полчаса опаздывающих, судно, откашлявшись перегаром соляра, вновь завелось. Несколько раз дёрнув кормой из стороны в сторону, оно с содроганием и скрипом сползло с гальки и, разворачиваясь на ходу, поплыло вниз по течению, оставляя за собой и приютивший пассажиров на время ожидания пляж, и скальный срез с бушующей под ним тёмной водой, и далёкие, едва доносящиеся гудки маневрового паровоза на станции. Отец тут же перезнакомился с соседями по палубе, и уже вскоре они сидели компанией, колотя по сооруженному из фанерного ящика стола неизвестно откуда взявшимися костяшками домино и перебирая в разговоре общих знакомых. Отец был родом из Кокуя, небольшого рабочего поселка судоремонтников. Здесь же перед войной закончил аэроклуб, а в школе учился в Сретенске, поэтому было кого вспомнить и о чём поговорить. Генке все это было не особенно интересно, и он отправился на корму, где, оперевшись на перила, с интересом продолжил разглядывать проплывающие мимо такие живописные и такие непохожие друг на друга пейзажи. А посмотреть было на что. За шелушащимся каменными осыпями гольцом неожиданно открывалась сочная, зеленая долина с пасторальным видом из игрушечных домиков с огородами, и перевернутыми прямо на берегу лодками, похожими на отдыхающих тюленей. А следом из темной ельничной лощины, по дну которой струился, перескакивая с камня на камень ручей, торчали скрижалями каменные пальцы сопротивляющегося времени, ветрам и морозам гранита. Каждую минуту пейзаж менялся, ни разу не повторяясь. Солнце пригревало ласково и приятно, и расслабившийся от неторопливого движения судна по водной глади Генка едва не кувыркнулся за борт, когда возникшая на пути мель резко остановила это движение. Заскрипело днище, взвизгнув на донных камнях, грохнулись на палубу неудачно сложенные и незакрепленные вещи. Народ на палубе зашевелился и зашумел. Появившийся из рубки капитан подошёл к одному борту, потом к другому, оценил обстановку и смачно сплюнув в воду заявил:

- Сели!

Притихший, было, народ зашумел еще громче.

- Кончай горлопанить! – рявкнул капитан, и шум мгновенно стих. – Мужики – за борт! Толкать будем!

Народ зашевелился снова, кто-то рассмеялся, и уже через минуту разбрызгивая воду, с хохотом и гамом мужчины, сняв обувь и сбросив брюки, посыпались за ограждение палубы. Генка закатал штаны и тоже полез

в воду. Вода к его удивлению оказалась теплой и ласковой, как и говорил отец. Все вместе они уперлись в борт судна и, раскачивая его по команде шкипера, потихоньку столкнули засевший трамвайчик с мели. Происшествие вызвало некое оживление, в уснувших было от монотонного движения пассажирах, и остаток пути до пункта назначения прошел как-то веселее. В шесть часов вечера они с отцом наконец-то сошли на пристани города Сретенск, где и проживала бабушка Мария Ильинична...

...Утром Генку разбудил крик петуха. Сквозь дрему было слышно, как за стенкой потихоньку просыпается округа. Где-то вдалеке, едва слышно пробрехали собаки. Снова прокукарекал чем-то недовольный петух, разогнав кур, о чём красноречиво донесло громкое хлопанье крыльев и усилившееся квохтанье. Генка осторожно приоткрыл глаза и увидел над собой не привычный потолок, а деревянные стропила с дощатой обрешеткой, между которой угадывались серые листы шифера. Напротив, в щели двери пробивался утренний свет. Окончательно проснувшись, он вспомнил, что лежит на кровати в сарае, куда напросился сам, выбирая свободу и чистый воздух, вместо жаркого домашнего чрева, наполненного запахами позднего ужина и надоедливый пением сверчка за печкой. Когда они с отцом пешком по пыльной дороге вдоль Шилки наконец-то добрались до бабушки, радости ее не было предела. Худошавая, ни капли жира, почти черная от загара, с туго повязанном на голове светлым платком она легко порхала по дому, накрывая стол для дорогих гостей. Ей помогала Галина, сестра отца, жившая на другом конце города, в Затоне. Генка бестолково путался у них под ногами, пока, наконец, не забился в угол, где и находился до тех самых пор, когда появился муж Галины Михаил с двоюродным Генкиным братом Володей. Все дружно уселись за стол и часа два чокались, передавая друг другу приветы от многочисленных и вовсе уж незнакомых Генке дальних родственников и приятелей. Позже они с Володькой, который был младше его года на три, прощаясь, договорились встретиться в ближайший день и сгонять на рыбалку за хариусом, который водился в текущей откуда-то с гор и впадающей в Шилку в районе Затона неширокой, но бурной речке Куренге.

- Знаешь, как на ручейника берет! – захлёбываясь рассказывал Володя. - Не успеешь бросить на пережат, и уже – сидит!

- Так уж и сидит?

- Я тебе точно говорю!

- Поглядим – недоверчиво протянул Генка.

- А чего глядеть-то? Завтра утром будь готов, я за тобой зайду.

- А у тебя случайно гитары нет? – неожиданно спросил брата Генка.

Год назад его вместе с одноклассником Сашкой Ивановым научил брать несколько аккордов на гитаре Сашкин отец, и с тех пор, поднагорев в этом деле, Генка обожал песни полюбившихся ему на магнитофонных

кассетах бардов. Петь бардов было модно, и Генка в тайне мечтал прославиться умением играть и петь у местных пацанов.

- Не, у меня нет, - вздохнул в ответ Володя, - а вот у Тольки – есть! Ты послезавтра у него спроси. Он сегодня за Вовкой в пионерский лагерь уехал, а потом они еще деда в деревню навещать поедут. А послезавтра тут будут. Толик, кстати, тоже на гитаре играет.

- И что же он играет? – ревниво спросил брата Генка.

- Разное, - неопределённо пожал плечами Володя.

К концу застолья появилась бабушкина сестра Шура, мать Тольки и Володьки, которые, как ни крути, приходились Геннадию дядьками. Она расцеловалась с отцом, а увидев Генку, запричитала и заохала по поводу того, как он вырос и повзрослел с момента их последнего приезда. Ещё бы, три года прошло как-никак. Генка к этому времени совсем утомился и бабушка, заметив, что он клюёт носом, свела его в сарай, где он благополучно проспал без сновидений, как убитый, до самого утра. И вот теперь, лёжа под стёганым, ватным одеялом он прислушивался к звукам, доносившимся из-за закрытой на деревянную щеколду двери. Было слышно, как во дворе копошатся в пыли курицы, подгоняемые петухом, изредка доносились звуки проехавшей по улице машины. В остальном стояла такая тишина, какой никогда не бывает в городе. Генка полежал ещё немного и решил встать. Раскрыв дверь, он невольно зажмурился от ярких лучей солнца, бивших прямо в глаза из-за зубчатой кромки леса на вершине горы, у подножия которой расположился городок. Генка осмотрелся и, увидев в конце огорода выбеленное знакомое строение, не замедлил посетить его. Возвращаясь назад, он сорвал с гряды парника крепкий, запашистый, покрытый мелкими пупырышками огурец и, ополоснув его в стоящей рядом бочке с водой, с хрустом раскусил. Огурец сластил, чего никогда не ощущалось во вкусе огурцов купленных в магазине. Дверь в дом со скрипом отворилась и в проеме показалась бабушка с ведром в руке.

- Цып, цып, цып, - начала она с крыльца созывать разбредшихся по двору куриц, - идите скорей мои дорогие!

Первым, как и полагается, подлетел петух, за которым со всех сторон потянулись несущки. Бабушка из ведра насыпала в деревянное корыто зерна, и куры налетели на корыто, поднимая пыль, торопясь и отталкивая друг друга, пока петух решительно не навел порядок, треснув клювом особенно ретивых. Только тут бабушка заметила стоящего с огурцом в руках Генку.

- Проснулся? – улыбнулась она. - Кушать хочешь?

- Доброе утро, бабуля! А папка спит еще?

- Так они еще вчера к Михаилу в гости отправились, у них, видно, и заночевал. Не хватило, вишь ты, охальникам! А у того самогонка не переводится. Так кушать-то хочешь, или нет?

- Можно и поесть.

- Ну, тогда умывайся! – она указала на прибитый к столбу крыльца оцинкованный рукомойник с тазиком под ним. – Если вода нужна – в снях, в бочке. А полотенце я тебе сейчас вынесу.

На завтрак бабушка разбила пару яиц на сковородку и выставила на стол поднятую из подполья крынку молока.

- Если хочешь – в холодильнике колбаса!

Не успел Генка допить вместительную кружку молока с душистым, вкуснейшим ломтем деревенского хлеба, как нарисовался Володька. Одет он был в холщовые штаны и такую же курточку неопределенного, серого цвета. На босых ногах красовались чёрные, лаковые калоши.

- Ну что, готов?

- Куда готов?

- Как куда? Мы же с тобой на Куренгу собирались.

Генка тут же вспомнил, что они вчера с братом действительно договаривались о рыбалке.

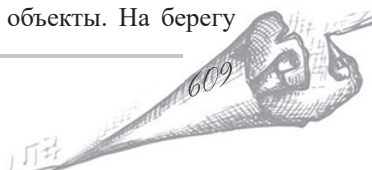
- А удочки?

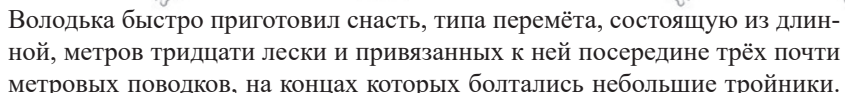
- Я всё взял: и лески, и крючки. А удилица на месте срежем. Давай, собирайся, а то весь клёв провороним.

Бабушка из чулана вытащила для Генки точь-в-точь такую же, как у Володьки куртку. Видно, в одном месте покупали или шили. Вот только от калош он решительно отказался, предпочтя остаться в сандалиях. Еще его снабдили узелком с провизией, и они с Володькой, выскочив со двора, понеслись рысью вверх, через Деревчиху, в сторону быстро поднимающегося и уже изрядно припекающего солнца. Деревчиха – лощина между ближайших к Сретенску гор, по краю заросшая белоствольными березами, по дну которой струился кристальной чистоты ручей, рожденный родником. Из этого ручья половина города брала воду для приготовления пищи и чая. Для всего остального воду таскали на коромыслах прямо из Шилки. Уже через полчаса они перевалили гору и перед ними во всю ширь открылся неповторимый пейзаж. Вниз, до самой Куренги, которая текла в долине, простирался безлесный, покрытый травостоем склон. Тут и там, по всей луговине в траве качались красные и желтые цветы полевых лилий, саранок. Стояла первозданная тишина. Кроме едва слышного шёпота легких порывов ветерка в траве и стрекотания невидимых кузнечиков ничто не тревожило струящегося вверх по нагретому солнцем склону теплого воздуха. Генка на минуту застыл, очарованный увиденным, но Володька решительно дернул его за рукав.

- Пошли быстрей! Нечего рот разевать! Еще почти полчаса топать.

Действительно, несмотря на то, что река на взгляд казалась рядом, идти пришлось не менее получаса. Чистейший горный воздух рождал иллюзию, оптический обман, приближая видимые объекты. На берегу

Володька быстро приготовил снасть, типа перемёта, состоящую из длинной, метров тридцати лески и привязанных к ней посередине трёх почти метровых поводков, на концах которых болтались небольшие тройники. Наживкой послужили скачущие здесь же, в траве под ногами, желтопузые кузнечики. К одному концу лески двоюродный брат привязал крупную гальку, смотал снасть крупными кольцами и, оставив Генку ждать, направился вверх по течению. По крупным валунам, лежащим в воде, он перебрался на другую сторону и вскоре оказался на противоположном берегу, прямо напротив Генки.

- Бросай!

Генка перебрал ему конец лески с привязанным камнем и взял в руку второй. Перебирая леску, они вывели висящие с тройниками поводки на середину речки, прямо перед кипящим пеной перекатом, и начали играть тройниками с наживкой по стеклянной, казалось застывшей поверхности воды улова. Через пару минут рядом с одним из тройников шевельнулась вода, и Володька ослабил свой конец лески, опуская тройник на глубину и давая рыбе заглотить наживку. А затем резко подсёк.

- Есть! – завопил он. - Тяни к себе!

Генка торопливо выбрал леску и через несколько секунд в траве у его ног забился довольно крупный, грамм на триста чебак.

Таких крупных чебаков он никогда не видел. Там, где ему приходилось их ловить, попадались экземпляры весом не более ста грамм.

- С почином! – радостно прокричал он Володе, но тот в ответ только махнул рукой, призывая продолжать дальше.

За полчаса им удалось вытащить десятка два таких рыбешек, среди которых оказалась и пара пятнистых, с вытянутым, круглым телом ленков. А вот хариуса не было, как ни старались.

- Вытягивай снасть, - отпустил свой конец Володька, когда очередной чебак задёргался на поводке.

Минут через пять он был уже рядом с Генкой.

- Сделай кукан, а то рыба на солнце прокиснет, - подсказал он Генке, доставая из кармана складной нож. - А я сейчас удочки смастерю. Спустимся пониже переката, попробуем там хариуса поискать.

Генка ножиком срезал тонкую ветку тальника вместе с частью более толстой, из которой она росла, и тщательно очистил кору. Получился кукан, на который он насадил через жабры всех пойманных рыбок и опустил в холодную воду реки. Конец кукана, чтобы не унесло течением, Генка прижал приличным таким камнем. Оставшись довольным сделанным, он подошел к Володьке. Тот к этому времени разыскал в кустах два легоньких тальниковых удилица, оставленных рыбаками, и привязал к их концам по куску лески с крючками. Простота снасти удивила Генку.

- А поплавки с грузилами где?

- А поплавки не нужны. Будем нахлыстом ловить, на ручейника.

- И где мы этого самого ручейника возьмем? – оглядываясь по сторонам, спросил Геннадий.

- А вон там, у камней, - брат указал на переправу, через которую он переходил на другой берег. – Поищи какую-нибудь баночку, или бутылку.

Генка походил вокруг, заглядывая под каждый куст, и обнаружил-таки пустую консервную банку из-под червей.

- Подойдет? – спросил он брата и, получив утвердительный ответ, направился вслед за ним к переправе.

У камней Володя сбросил калоши и, войдя в воду, не без усилия перевернул небольшой валун на дне. С обратной стороны валуна он собрал несколько приклеившихся к нижней поверхности камня хрупких, сереньких трубочек, которые сложил в предварительно наполненную водой банку.

- На, держи, - протянул он банку Геннадию, и принялся за второй валун. Минут через десять в банке оказалось два десятка таких трубочек.

- Хватит, - сказал Володя, выходя на берег.

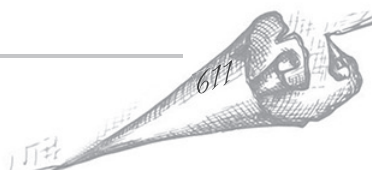
Он вытер ноги о траву и надел калоши. Прихватив удочки, они направились вниз по течению, за перекат, туда, где он заканчивался, и вода, падая с последнего уступа, сбивалась в пену. Дальше она становилась спокойной, даже ленивой и совершенно гладкой, отражая поверхностью, как зеркалом, редкие белые облака на чистейшем голубом шифоне июльского неба. Володя достал из банки серую трубочку и разломил ее. Внутри оказалась членистая желтая личинка.

- Ручейник, - пояснил Володя, деловито насаживая личинку на крючок. – Гляди!

Он забросил крючок прямо в пену ниже переката, и его понесло течением. Не проплыл крючок с наживкой и трех метров, как вода возле него вскипела, и Володя восторженно завопил, вываживая сопротивляющуюся рыбку. Леска прямо звенела, рассекая воду, но, сколько не упиралась добыча, она вскоре забилась в траве на берегу. Приличный такой хариус хлестал по траве хвостом, прыгая сбоку на бок и переливаясь на солнце радужными отблесками. Как только он успокоился, Генка осторожно приподнял его за высокий спинной плавник: красивая рыба! Парень первый раз держал в руках настоящего хариуса, хотя слышал о них от отца неоднократно, и даже знал, что лучшая наживка для этой рыбы – этот самый ручейник. На Амуре они с пацанами ловили в основном колючую, скрипящую плавниками касатку, ну и ещё карасиков в оставшихся после весеннего паводка мочажинах.

- Насаживай, - протянул ему банку двоюродный брат. – Лови здесь, а я ниже спущусь.

Рыба брала активно и в течение часа приятели вытащили штук двадцать хариусов.

- Хорош, - подошёл к Генке Володя, вываливая на траву свою добычу, - а то не дотащим.

Генка блаженно вытянулся на мягкой траве, положив руки под голову, брат устроился рядом.

- Это мы удачно порыбачили, - подвёл итог проведенному на реке времени Володя.

Генка ничего не ответил. Он безмятежно глядел в раскинувшийся над ним купол бескрайнего голубого неба и разглядывал проплывавшие по нему облака, стараясь угадать, на кого они похожи. Одно напоминало ему кудрявого барашка, другое – тигра, приготовившегося к прыжку, а третье – нежное девичье лицо. Лицо это ежесекундно меняло свои очертания и поэтому казалось живым. Ему даже почудилось, что оно улыбнулось и хитро подмигнуло одним глазом: не робей, дескать, парень. Это было так реалистично, что он даже встряхнул головой, отгоняя наваждение.

- Ну что, домой будем собираться? – поднялся Володя. – Часа два уже, наверное?

Они перекусили из бабушкиного узелка, запили всё водой из речки и, собрав улов, тронулись через сопку назад в город. Хариусы к этому времени совершенно изменили свой вид: они поблекли, потеряв радужную окраску, задеревенели и стали чем-то похожи на мороженую навагу из магазина. «Вот ведь, - подумал Генка, - какие красивые, когда из воды вытаскиваешь, и как блекнут, когда умирают». Но дорога в гору вскоре отогнала эти философские мысли. На поляне, в Деревчихе они сделали привал, заодно поклевав земляники, которая в изобилии произрастала вокруг, и часам к трем усталые, но довольные были дома. На ужин бабушка нажарила рыбы, накормила их с Володей, и, когда зной спал окончательно, они отправились на площадку возле пожарной каланчи, где уже собралась местная молодежь...

...Дом бабушки, как и несколько других, был построен на территории городской пожарной части, и отделён от улицы общим забором с широченными распашными воротами на кованых петлях. Двор пожарной части был вымощен когда-то щебенкой, которая за много лет ушла под слой песка и пыли, а поверхность двора стала укатанной почти до блеска колёсами телег с бочками и шинами пожарных машин. Здесь когда-то, еще до своей кончины, работал отчим отца, второй муж бабушки и отец тётки Галины. Генка помнил его ещё с прошлых приездов. Это был грузный, неторопливый человек, говоривший веско и продуманно, а характер имевший легкий и незлобивый. Настоящий дедушка Генки исчез еще в далёком двадцать третьем, когда отец только родился. Годы были суровые и голодные. Подался человек на заработки и пропал бесследно. В те годы это было запросто. Второго мужа бабушки звали чудно: Агафангел. Поэтому у отца отчество было Матвеевич, а у тети Гали – Агафангеловна.

Иногда дед Агафангел брал Генку в пожарную часть, показать, что да как. Дежурные мужики, от скуки забивавшие целый день «козла», потешались над Генкой:

- Хочешь пожарным быть?
- Хочу.
- Ну, тогда ложись на топчан.

Генка ложился, но вскоре ему это дело надоедало, и он начинал крутиться и спрашивать:

- А что дальше делать?
- А теперь на другой бок переворачивайся и дальше лежи, а то никогда пожарным не станешь. В нашем деле это – главное!

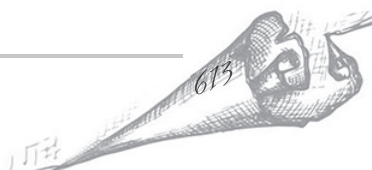
Шутили мужики над пацаном. Но в дни, когда где-то случался пожар, все начинали бегать и суетиться не на шутку, а назад на подворье возвращались усталые, черные от копоти, в прожжённых местами брезентухе. И Генка понимал, что шутки шутками, а настоящая работа этих людей – опасная и рискованная...

...Во дворе собралось человек десять ребят разного возраста: от совсем маленьких до почти ровесников Генки. С двумя, тремя их возраста Володя и познакомил Генку. Шла азартная игра в «чичу», и литая свинцовая бита, сменяя игроков, немилосердно колотила по рассыпанным в пыли пятакам и копейкам. Немного в стороне от пацанов кучковалась стайка девчонок. Генка присел на скамейку у палисадника, с интересом наблюдая за игрой. Когда-то, как ему казалось очень давно, когда они с родителями жили под Благовещенском, а он учился в пятом классе, они с одноклассниками тоже любили погонять в «чичу». А еще в «пристенок», это – когда рикошетишь монетой от стены, а потом пальцами растопыренной ладони пытаешься дотянуться до монеты противника. Дотянулся – монета твоя. Но все эти игры, когда-то увлекательные и азартные, со временем сошли на нет: появились другие интересы. Генка не на шутку увлёкся боксом, а позже – ещё и гитарой. Да и отец с матерью не одобряли эти самые игры на деньги, пусть и плёвые. Задумавшись, он и не заметил, как одна из девчонок пристроилась рядом. Парень даже отодвинулся на всякий случай.

- Ты к тётке Марии приехал? – неожиданно спросила она, болтая ногами, и, не дожидаясь ответа, продолжила. – А тебя как зовут?

Генка наконец-то осмелился повернуться к ней и первое, что увидел – широко открытые, слегка раскосые глаза на широкоскулом, обожженном солнцем лице. В темных зрачках таились едва заметные искры смеха и неподдельный интерес к новому человеку. Темная челка слегка волнистых волос падала на высокий лоб. Всё это вместе с низким, бархатным тембром голоса произвело на Генку должное впечатление.

- Геннадий, - неожиданно охрипшим голосом ответил он и, чертыхаясь про себя, прокашлялся.

- А меня Зойкой зовут! – широко улыбнулась девчонка. – Мы с твоей бабушкой через стенку живем.

Генка вспомнил, что дом у бабушки был на три семьи, впрочем, как и большинство на подворье пожарной части. Он попытался продолжить разговор, но это плохо получилось: он просто не представлял, о чем можно беседовать с девчонкой и чем её заинтересовать.

- А пошли на Шилку! – неожиданно предложила новая знакомая. – Посмотрим, как подёнка роится.

- А что это такое? – спросил Генка.

- Увидишь, - она бросила на него лукавый взгляд, встала и пошла в сторону ворот, даже не оборачиваясь.

И Генка неожиданно для себя поднялся со скамейки, и под удивленным взглядом Володи, ничего не сообщая брату о своих намерениях, направился вслед за девчонкой. Как только они с Зойкой покинули шумный двор, и заинтересованные взгляды присутствующих остались там же, оцепенение и немота Генки куда-то улетучились. Они шли по улице, ведущей к реке, и без умолку болтали, так, ни о чем. Вернее болтал в основном Генка, его словно прорвало. Он рассказывал о Хабаровске, хвастался успехами в боксе и задавал невпопад глупые вопросы. Девчонка хохотала, принимая все его несуразности, как должное, и кокетничала. Взрослеющие формы её гибкой, стройной фигуры невольно бросались Генке в глаза, заставляли его то и дело краснеть и отворачиваться в сторону, чтобы озорница не заметила его смущения. А та, видимо, всё замечала и смеялась ещё пуще. С берега они спустились к галечной косе и устроились рядышком на громадном валуне.

- Смотри! – девчонка широко повела рукой, указывая в сторону русла, где, крутясь водоворотами, спешила торопливая вода.

Там, над поверхностью, словно туман, клубилось живое облако. Миллионы легкокрылых, белых нимф возникали прямо из воды, выползая на влажные прибрежные камни и гальку. Сбросив полупрозрачную кожицу личинки, они тут же расправляли крылья и взлетали, пополняя это колеблющееся облако. Тысячи тысяч, исполнив свой танец в первый и последний раз, падали на темнеющее зеркало воды, покрывая его белым ковром, и уносились течением куда-то вниз, в надвигающийся сумрак. Но новые и новые особи вновь и вновь, безостановочно восполняли собой эту потерю. Круги на поверхности воды, возникающие то тут, то там, подсказывали, что у местной рыбы праздник, на котором ей выпало неожиданное, но обильное пиршество. Этот бесконечный танец жизни и смерти завораживал своим размером и неотвратимостью итога, заставляя задуматься, как о сути бытия, так и о его бренности. Хотя думать о какой-то бренности не очень-то и хотелось, особенно, когда рядом с тобой сидит такое прелестное, хохочущее чудо.

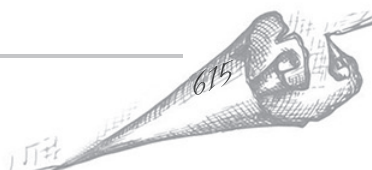
Пока они наблюдали за полётом подёнок, солнце опустилось за гору на той стороне, начало смеркаться и холодать. Зойка, Генка не заметил даже когда, прижалась к нему плечом, и он, внутренне опасаясь получить внезапный отпор, все-таки решился и осторожно обнял ее рукой за плечи. Тепло девичьего тела, которое он ощутил сквозь полотно рубахи, взволновало Генку так, что у него просто пересохло в горле. Она неожиданно перестала смеяться и смолкла. Так они и сидели, не произнося ни слова, замерев, боясь случайным звуком или движением разрушить то хрупкое и нежное чувство, что возникло как-то само собой, без особого их участия. А потом Зойка повернула к нему лицо, и он снова увидел тающие искры в глубине тёмных провалов её зрачков. Искры кружились хороводом, а вместе с ними кружилась голова Генки. Он даже не заметил, как его губы соприкоснулись с её обветренными губами, показавшимися ему в этот момент самыми желанными и восхитительными на свете. Он удивился, но они пахли земляникой почти так же, как ягоды на поляне в Деревчиче. Сколько продолжался этот поцелуй он так и не понял. Время замерло, прикрыв их своей накидкой, отгораживающей от мира. Наконец Зойка откинула голову и легонько рассмеялась своим низким грудным смехом.

- Ты что? – спросил он её, не зная обижаться или радоваться.

Та вместо ответа высвободилась из его рук и, резво соскочив с камня, побежала куда-то в темноту.

- Догоняй!

Он бросился следом в темноту, чувствуя, как громко бьётся в груди сердце и пульсирует кровь. Захлестнувшее всё его существо чувство вселенской радости несло Генку вперед, навстречу судьбе, не давая опомниться. Позже, прощаясь, они еще долго стояли возле Зойкиного крыльца, и он никак не мог оторваться от её губ, так как по большому счёту все, что происходило сейчас, происходило с ним впервые. Ну, если не считать нескольких куцых поцелуев на вечеринках с одноклассницами, которые были совершенно не обязывающими и забывались уже через несколько дней. Обнимая доверчиво прижимающуюся к его груди Зойку, он ощущал себя совершенно взрослым, мужчиной, чувство ответственности за дальнейшую судьбу этой замечательной девчонки переполняло его. Еще бы, он ведь старше ее на целый год, а это к чему-то да обязывает. Заполночь они распрощались окончательно, и Генка отправился к себе в сарай. Лёжа в постели, он еще долго не мог заснуть, перебирая в памяти все события этого долго длившегося и такого удивительного дня. Особенно – его последних часов. Ладони Генкиных рук до сих пор не утратили волнующего ощущения упругости её груди, а горячие губы никак не могли забыть обветренных и податливых Зойкиных губ. Потом всё закрутилось каруселью, и он провалился в глубокий и освежающий сон.

Утро снова началось с петухов, а потом, когда Генка еще нежился в постели, нагрянули гости. Это были сыновья сестры бабушки Толик и Володя.

- Привет, племянничек! - Анатолий, старший из братьев бесцеремонно плюхнулся на кровать рядом с Генкой. - Вставай, засоня, солнце уже поднялось. Ты когда приехал?

- Позавчера, - ответил, поднимаясь с кровати и здороваясь за руку с младшим из братьев, Генка.

Два его дядьки были характерными представителями местного населения: слегка раскосые глаза, выдающиеся скулы, смуглый цвет кожи и невысокий рост выдавали в них немалое присутствие бурятской породы. А, может быть, и китайской, коих представителей в этих забайкальских краях жило немало еще со времён дореволюционных.

- Пошли к нам, - пригласил племянника Толик, - мать на завтрак оладьи замесила.

- Пошли, - сразу согласился Генка, - нужно только бабушку с отцом предупредить.

- Предупредим. Ты иди, умывайся, а мы к вам зайдём, с Георгием поздороваемся. Да не задерживайся долго!

Отец Генки приходился Шуриным детям двоюродным братом, а, значит, его можно было звать просто Георгием. Генка быстренько умылся и направился следом за братьями в хату. Отец уже встал, а бабушка хлопотала у плиты.

- Как спалось на свежем воздухе? - спросил отец, сидевший с братьями за столом.

- Хорошо! - ответил Генка, присаживаясь рядом.

- Ну, что, пойдём? - поднялся из-за стола Толик. - И ты, Георгий приходи. Да и ты, тетя Маша. Оладий всем хватит.

- Спасибо, - отказался отец. - Мать вон уже завтрак сготовила. А ты, - он повернулся к Генке, - можешь идти, если хочешь.

- Натё-ка, вот, котлет с собой возьмите, - протянула бабушка собравшемуся за братьями Генке плоскую с десятком горячих, восхитительно пахнущих котлет.

- Не пропадай совсем! - крикнул вслед отец. - Завтра рано утром с Михаилом поедём за земляникой, так что не гоняйте до полуночи! И обедать приходи!

Время до обеда пролетело мигом. После завтрака они вместе с дядьками взяли с собой гитару и, несмотря на ворчанье дежурного по пожарке, забрались на каланчу. Толик играл на инструменте, как-то особенно, как он сказал - «по-цыгански». Генка в первый раз слышал такой строй. «В одном прекрасном месте, на берегу реки, стоял красивый домик, в нем жили рыбаки, - вытягивал дядька. - Один любил рыбачку, другой любил

вдову, а третий молодую крестьянина жену». Песня была простенькой, но Генке понравилась. Было в ней что-то такое, что трогало за душу. Не зря народные песни и называются «народными», потому что народ их любит. Он в свою очередь напел приятелям кое-что из бардов. А потом они взяли имевшиеся у Толика две пары боксерских перчаток и, собрав за сараями компанию местной молодежи, начали усердно демонстрировать все, что умели, колотя друг друга до изнеможения. Здесь их и нашел брат Володька, которого Генка не видел со вчерашнего вечера. Он то и сообщил по секрету дяде Толику, что вечером Генка гулял с Зойкой. Генка хотел тут же разобраться с ним, чтобы не болтал лишнего, но потом решил, что делать этого не нужно: чем больше внимания, тем заметнее окружающим.

- Зря ты это, - сказал Геннадию после некоторого молчания дядька Толик.

- Что зря? – изображая недоумение, спросил Генка.

- Ну, с Зойкой якшаешься.

- А тебе, собственно, какое дело! – не на шутку ощетинился Генка, полагая, что его личные дела никого не касаются.

- Да есть дело, - не отставал дядька. – У Зойки бывший ухажер имеется. Не сегодня, завтра нарисуетя. Он еще в июне должен был из армии вернуться, да чего-то задержался. Так что – смотри!

- А чего мне смотреть, - отмахнулся Генка, обрывая неприятный разговор, но червячок не то обиды, не то ущемлённого самолюбия, возникший где-то в уголке сознания, нет-нет да давал о себе знать.

После обеда, который они вместе с ребятами провели у бабушки Марии, Генка, не выспавшийся накануне, отправился спать в сарай и проснулся уже почти к ужину. Ну, а после ужина, когда уже начало смеркаться, он опять, несмотря на неодобрение приятелей, отправился вслед за Зойкой, которая вместе с девчатами пошла прогуляться в центр города, до танцплощадки. Он решил для себя, что нужно откровенно переговорить с девчонкой, а то все эти душевные терзания по поводу услышанного ни к чему хорошему не приведут. Мало ли у кого кто был до этого. Но поговорить серьёзно так и не удалось. Зойка, увидев его на танцплощадке, тут же прилипла к Генке, показывая подругам какой у нее замечательный кавалер, и ему так и не удалось задать ей мучавший его с обеда вопрос. Ну, а после танцев они вновь отправились к Шилке, где и процеловались до полуночи. Задавать какие либо вопросы в такой неподходящий момент казалось вовсе неуместным, и Генка решил отложить их до более удобного случая. А рано утром, ещё до рассвета, его разбудил отец. На улице их ожидал грузовик с крытым брезентовым тентом кузова. Забравшись под тент, Генка к искренней радости обнаружил там двоюродного брата, и, пока мужики курили на свежем воздухе, успел расспросить Володю поподробнее, куда и за чем они едут.

- Километров шестьдесят пилить надо, - пояснил двоюродный брат, - часа два, не меньше. Это вниз по Шилке. Ну, а едем за земляникой.

- А чего так долго ехать-то? Шестьдесят километров всего? И на кой так далеко, когда этой самой земляники и в Деревчихе полно.

- Во-первых, дорога – не ахти! Не асфальт. Ну, а во-вторых, в Деревчихе ягода – не та, мелочь, да и не так много её там, как кажется. Доедем, сам всё увидишь.

Дорога и впрямь была «не ахти». Когда добрались до одинокого зимовья в расщелине гор, по дну которой меж камней струился кристально-чистый ручей, бока и спина у Генки крепко побаливали от полученных не единый раз тумачков. Деревянные борта кузова так подпрыгивали и приплясывали на камнях дороги, что от них просто спасу не было. Компания из десяти мужчин, среди которых ровесником Генки был только его двоюродный брат, разгрузила машину, перетаскав вещи в зимовье, и та незамедлительно ушла назад в город. Ну а потом, слегка перекусив, компания прихватила с собой разнообразную тару и гурьбой двинулись вверх по расщелине. Где-то через полкилометра им открылась громадная поляна в котловине между гор, где они и приступили к сбору земляники. Ягода здесь была действительно не родня той, что они кушали с Володькой в Деревчихе. Крупная, почти как малина, она краснела не одиночными ягодами, а свисала гроздьями с кустиков высотой сантиметров в тридцать. Собирать её было легко и приятно. Такого изобилия Генка в жизни не встречал. К двум часам, когда компания решила, что пока хватит и пора нести добычу на базу, Генка успел набрать почти полный пятилитровый бидон, который вручил ему отец перед походом. Володька собрал еще больше: сказывалась сноровка. Усталый, но довольный, весело переговариваясь, народ вернулся к зимовью. Вскоре запылал костер, а из ведра, где заварили похлебку с тушёной, запахло так, что Генка невольно начал сглатывать слюну. После сытного обеда все улеглись отдохнуть, а через час вновь отправились за ягодой. Генка с Володькой отпросились у отцов, и те отпустили их на речку, решив, что с пацанов хватит.

- Отдыхайте, - великодушно разрешил дядя Михаил. – К вечеру вернёмся, будем перемёты ставить, может, мелочи на наживку наловите.

Взрослые снова ушли вверх по ручью, а Геннадий с Володей быстренько соорудили пару донок и отправились на берег реки. У берега, едва отделившийся от суши водой, лежал громадный, плоский валун площадью никак не меньше тридцати квадратных метров. Генка огляделся, пытаясь понять, откуда мог прикатиться в Шилку такой огромный камень. Но вокруг к реке подступали довольно пологие склоны, и даже мелких осыпей не было видно.

- Доисторический камень, - восхищенно сообщил он Вовке, - наверно еще ледником каким-нибудь притащило.

- Каким таким ледником, - не понял двоюродный брат.

Он учился только в седьмом и поэтому пока не имел понятия ни о каких ледниках. Они с комфортом устроились на камне, забросили донки и до вечера наловили с полведра пескарей, сазанчиков и прочей мелочи. А вечером, когда все вернулись назад, в нанесенном рекой прибрежном иле мужики накопили мелких вьюнов. С помощью старенькой, прилично протекающей лодки, которая нашлась тут же на берегу, завели штук пять переметов крючков по сорок, насадив на них вьюнов и мелочь, что наловили Генка с Володей. Остатки добычи брат насадил на кукан из крепкой бечевки и опустил в воду с той стороны камня, что была ниже по течению.

- Ночью раков наловим, - пояснил он вопрошительным тоном Геннадию.

- Думаешь, они здесь есть? – с большим сомнением произнёс Геннадий, всматриваясь в совершенно прозрачную воду Шилки, где на галечном дне не наблюдалось никаких признаков жизни.

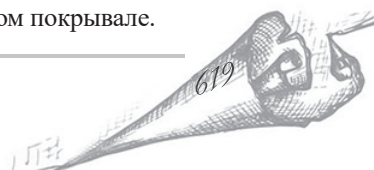
Он, конечно, ловил раков дома, в Амуре и в многочисленных карьерах, заполненных водой, но местами их обитания всегда были глинистые берега реки с многочисленными норами, или мутная вода карьеров, в которой ничего не было видно. Да и ловили этих самых раков обычно на мертвых лягушек, привязав их за лапу содранной полоской коры тальника, или чем-нибудь подходящим, что имелось в карманах. А здесь, в горах никаких лягушек не было, да и глинистых берегов тоже, если не считать редких наносов ила на мелководье.

- Не сомневайся. Давай-ка пока светло лучше дров натаскаем, а то ночью здесь зябко будет. У костра-то повеселее.

Они натаскали на середину камня приличную кучу сухого плавника и хвороста и отправились к зимовью, откуда их позвали ужинать. После ужина и выпитой водки, мужики закурили и развязали языки, готовясь к отдыху, а Генка с Володей с разрешения взрослых снова отправились на камень.

- Осторожно только! – напутствовал их дядя Михаил. – Смотрите, чтобы вас русалки не утащили.

Мужики хором заржали, разливая по новой, а Володька, не обращая внимания на это ржание, прихватил со стола жменю соли, вытащил из вещмешка трехлитровый котелок, фонарик и направился в темноту к реке. Генка, набросив на плечи телогрейку, последовал за ним. На камне они быстро разожгли небольшой костерок и уселись рядом с ним на лапник, предусмотрительно заготовленный Володей. Небо над головой потемнело, покрылось звёздами, и только где-то на западе, на том берегу, за горами мерцал, затухая, легкий отсвет заката. А вскоре и он пропал. Они лежали молча и смотрели вверх, успевая захватить взглядом росчерки падающих метеоритов, которые то и дело вспыхивали на звёздном покрывале.

- Загадывай желания – исполнятся! - зашевелился Володя.

- Как же, держи карман шире! – отозвался Генка. – Ерунда всё это! Чем метеориты-то могут помочь?

- Ну, не скажи! Я когда загадываю, у меня всё сходится.

- Что у тебя сходится? – начал, было, Генка, но поймал себя на мысли, что минуту назад сам загадал, что у них с Зойкой всё сложится.

«А вдруг и вправду сложится?» - подумал он про себя и не стал продолжать спор. Тишина повисла над камнем. Каждый думал о чем-то, о своём.

- Пошли, посмотрим, - позвал Генку через некоторое время брат, - только потихоньку, а то спугнем. Бери котелок.

Сам он взял фонарик и направился к краю камня, где был привязан кукан с рыбой. Встав на колени, он жестом, который едва разглядел в темноте Генка, подозвал того поближе и, зажав фонарь в левой руке, включил его. Тут пришло время удивиться Генке. В чистой, прозрачной воде было прекрасно видно, как штук семь раков облепили связку рыбок на бечеве. Володя быстро опустил правую руку с закатанным выше локтя рукавом рубахи в воду и пятерней захватил пару ошалевших от неожиданного яркого света раков. Бросив их в котелок, он попытался повторить тот же трюк ещё раз, но раки уже оклемались и, как маленькие торпеды вперед хвостами, рванули во все стороны, исчезая в темноте, куда не достигал свет фонаря. Чертыхнувшись, Володя встал, стряхивая воду с руки.

- В другой раз пойдем, ты тоже присоединяйся, - сказал он Генке, который простоял, как столб, всё время ловли. – Вдвоём быстрее получится, - и он направился к костру. – Минут десять ждать надо, - пояснил Володя, - снова подползут.

В течение пары часов они почти наполнили котелок, и Генка понял, зачем брату понадобилась соль. Высыпав всю жменю в котелок с раками, тот повесил его над костром, и раки, почувствовав повышение температуры, зашевелились, пытаясь выбраться на волю. Володька прутиком решительно пресёк все их попытки и вскоре вода закипела. Еще через десять минут раки стали красными и Володя снял котелок с огня. Вывалив горячих раков прямо на камень, он позвал Генку:

- Ну что, приступим.

Тот не заставил себя ждать. Они с аппетитом смололи всех добытых членистоногих, наслаждаясь нежным вкусом и ароматом находящегося в шейках и ножках мяса. К моменту завершения пира от рыбы на кукане остались только обглоданные скелетики.

- Оставь, - сказал Володя, когда Генка решил вытащить и отряхнуть кукан, - к утру чисто будет.

Он собрал шелуху от панцирей и выбросил в воду рядом с местом лова, а потом снова улегся на лапник, закинув руки под голову. Генка при-

лег рядом. В костре рубинами тлели угли, а сверху, на громадном, бездонном куполе мерцали звезды, каких никогда не увидишь ни в одном городе. Они покрывали весь купол от края до края, куда ни посмотри, и были такими яркими, как лампы фонарей. Все так же в небе периодически возникали и гасли росчерки падающих метеоритов, и Генка, несмотря на скепсис, старался при каждом таком росчерке, загадать-таки какое-нибудь желание. Веришь, не веришь, но было бы глупо при таком изобилии комет не попытаться загадать что-нибудь хорошее. Ну не сбудется, и чёрт с ним, хуже-то не станет! Усталость, тишина и терпкий запах лапника сморили его, погрузили в сон, и приснилась ему Зойка, которая беззаботно заливалась смехом. Он силился спросить, что её так рассмешило, но она только озорно подмигивала ему, а когда он пытался притянуть и поцеловать ее, отворачивала лицо, снова начиная безудержно смеяться. Проснулся он от холода, проникшего под телогрейку. Костер потух вовсе. Володя лежал, свернувшись калачиком, засунув нос в воротник фуфайки. Генка разбудил замерзшего, как и он, брата, и они отправились досыпать в теплое, натопленное с вечера зимовьё.

В город компания вернулась только после обеда следующего дня. Бабушка заохала при виде двух ведер собранной ими с отцом земляники, но быстренько пришла в себя и принялась за варенье. Генке она насыпала ягод прямо в глиняную миску, залив их молоком утреннего надоя. Ничего более вкусного ему не приходилось до сих пор пробовать. Чтобы чем-то занять себя до вечера, он натаскал полную бочку воды с ручья, по просьбе бабушки перекопал кусок целины за забором и, освободившись, наконец, переоделся, собираясь разыскать Зойку и попытаться в откровенном разговоре выяснить перспективу их сложившихся отношений. Но вечером она куда-то исчезла, и, потолкавшись во дворе с ребятами часа два, Геннадий отправился спать в свой сарай. Дальняя дорога, река, работа на свежем воздухе и природа сделали своё дело, сон Генки был глубок и безоблачен.

Утром во время завтрака нарисовался Толик. Он не дал себя долго уговаривать и сразу уселся за стол.

- А где Володя? - спросил о втором дядьке Генка.

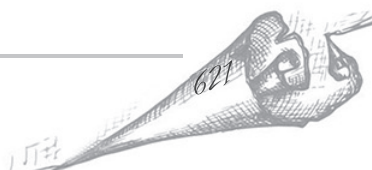
- Прощтрафился. Мать с утра наказала морковку прополоть. Пошли на Шилку купаться, погода хоть куда.

- А как же Володя?

- Закончит, догонит. Пошли?

- Ну, пошли!

Они быстренько прикончили завтрак, и, выскочив из-за стола под ворчание бабушки, которая сокрушалась, что не попили чая, покинули дом. Солнце на улице пригревало не на шутку. На берегу кучковались компании городской мелкоты, тут и там летели брызги воды и раздавался девчачий писк.

- Пошли к пристани, - позвал Толик, - там поглубже, да и народу поменьше. Я Володьку предупредил, чтобы он туда подходил.

- А не попрут нас? Там ведь купаться запрещено, - вспомнил крупную надпись на фанерном щите Геннадий.

- Не дрейфь, - беспечно отмахнулся Толик и зашагал вдоль улицы по дощатому тротуару в сторону пристани.

Генка последовал за ним. Проезжающие мимо машины поднимали клубы густой пыли, и, чтобы не глотать её, приходилось то и дело отступать подальше к берегу. Ветерок с реки сдувал пыль на другую сторону дороги, где она и оседала на покосившиеся заборы и листву покрытых созревающими ягодами черемух за ними.

- Здорово! – выразив на лице радость, приветствовал попавшегося им навстречу крепкого парня в армейской форме с кучей значков на груди Анатолий. – Когда вернулся? – он, как старый знакомый, обнял парня, похлопав того по спине. – Отслужил?

- Вчера, - ответил парень. – А тебя не загребли еще?

- Не. Осенью, наверно, обреют, - беспечно отозвался Толик. – Знакомься, Геннадий, мой племян, внук тетки Марии. Георгия помнишь?

- Летчика?

- Ну, да! Это – отец его. А это Михаил, приятель мой, - представил он парня Генке.

Парень скользнул по лицу Генки дружелюбным, но без особых эмоций взглядом, и пожал ему руку:

- На каникулы приехал? У нас летом здесь хорошо! – он повернулся к Толику. – Ты заходи к нам вечерком, выпьем, поговорим, сто лет ведь не виделись. Я побежал, вы уж извиняйте! А то меня мать за хлебом сходить попросила, а я никак вернуться не могу, всё знакомые по дороге попадают. Бывайте, мужики! – парень помахал рукой, перебежал дорогу и скрылся в ближайшем переулке, а Геннадий с Толиком продолжили путь. Через пару минут молчания, когда уже спускались к пристани, дядька вдруг заговорил:

- А ты знаешь, кто это был?

- Ты же сам сказал – приятель твой, - удивился неожиданному вопросу Генка.

- Приятель-то, конечно, приятель, - Толик сделал многозначительную паузу. – Но Мишка еще и Зойкин ухажёр, вот так-то! Они до армии почти год с Зойкой каруселились. Так что смотри, на неприятность не нарвись со своей любовью! – Толик, не задерживаясь, сбросил одежду на скамейку, установленную у самой воды, и, оставшись в одних трусах, с криком и уханьем с разбегу кинулся в Шилку.

Настроение у Генки после слов дядьки упало ниже плинтуса. Ему, несмотря на жару, даже купаться расхотелось. Вот тебе и желания сбывают-

ся! Чтобы никто не заметил, как ему тошно, особенно дядька, он быстро разделся и следом за Толиком поторопился залезть в воду. Как же так? Зачем же она тогда целовалась с ним и голову морочила? Мысли в голове перескакивали с одного на другое: полный сумбур. Разговор с выяснением отношений становился в данных обстоятельствах совершенно бессмысленным и даже смешным. Какой уж тут разговор! Пусть сама решает, что ей надо! Генка даже не заметил, что заплыл так далеко, что берег стал казаться недостижимой полоской. Все душевные переживания как-то испарились сами собой. Стало страшно, как в детстве, когда он однажды тонул по своей глупости. Хорошо, что это случилось рядом с берегом, и помощь пришла своевременно. Генка тряхнул головой, отгоняя навязчивые образы, и начал энергично грести, спеша вернуться на мелководье. Вскоре он почувствовал под ногами галечное дно и встал, переводя дыхание. Хватит, нужно эту Зойку из головы выбросить! А то действительно как-то – не по себе! Свет ведь на ней клином не сошёлся! Что он расклеился из-за какой-то девчонки? Он успокоил дыхание и перевернулся на спину. Но, несмотря на усилия, все эти вопросы непрошено лезли в голову снова и снова. Поплавав и поплескавшись ещё немного, они с Анатолием вышли на берег и подставили тела под лучи ласкового светила.

- Плюнь! – резко высказался дядька, заметив-таки смятение во взгляде племянника. – Страдать из-за бабы – последнее дело!

- Эй, станичники, наплавались уже, - раздалось сверху: вниз на берег спускался Володька, второй дядька.

Они пробыли на речке ещё часа два и отправились восвояси, так как тетка Шура приказала сыновьям после обеда прополоть картошку, а спорить с ней было бесполезно и небезопасно. Рука у тети Шуры, несмотря на её внешнюю миниатюрность, была железной, а характер – решительным.

После обеда, не зная, куда себя приткнуть, Генка целый час протренькал на гитаре. «Один любил рыбачку, другой любил вдову, а третий молодую крестьянскую жену», - слова песни, подаренной ему Толиком, как раз соответствовали его настроению. Потом одиночество стало невыносимым, и он отправился за каланчу, туда, где дядьки поднимали урожайность семейного огорода. Они уже заканчивали прополку.

- Во, - сказал ему Толик, - как раз вовремя пришёл. - Он вытер лезвие тяпки вырванным клоком травы и подал её Володьке, - На, сволоки в сарай, да не задерживайся!

Дядька присел, прислонившись спиной к забору, и, достав папироску, чиркнул спичкой. Глубоко затянувшись, он даже прикрыл глаза, выражая всем своим видом полнейшее удовольствие. Генка никогда не понимал, чего это хорошего люди находят в глотании горького дыма. Однажды он попробовал, и это занятие показалось ему не только противным, но и бесполезным. Но – каждому свое, и отговаривать Толика от вредной привычки

он не собирался. Нравится – пусть дымит. Прибежал Володька, притащив завёрнутый в газету кусок хлеба. Толик поднялся и, сходя в угол огорода, принёс пару огурцов сорванных с грядки и несколько перьев лука.

- Неси, - коротко приказал он брату.

Тот сделал несколько шагов вдоль забора и вытащил из-под зарослей крапивы зелёного стекла бутылку водки с надетой на горлышко эмалированной кружкой. Толик деловито оббил сургуч на горлышке ручкой перочинного ножа, а Володька достал из газеты ещё и банку рыбных консервов. «Сельдь в масле» прочитал на этикетке Геннадий. Водку, как и курево он, конечно, пробовал, но вот так, на троих, пить никогда не приходилось.

- Лучшее лекарство от грусти! – подмигнул ему Толик. – Все переживания, как рукой снимает. - Он плеснул в кружку и протянул её племяннику. – Давай, залпом, до дна!

Генка поглядел в кружку, где на дне колыхалась прозрачная жидкость, и, задержав дыхание, без остановки выпил. В нос ударил запах сивухи, водка была из дешёвых, так называемая «туча»: очищенный сучок пятидесяти двух градусов, но через десяток секунд по телу разлилось приятное тепло, и, как ни странно, на душе стало действительно веселее. Напряжение, державшее сознание Генки в цепких объятьях с самого утра, расслабило свои когти, показалось, что даже солнце стало светить ярче.

- Ну, как? – спросил Толик, подавая Генке на закуску половинку разрезанного огурца.

- Нормально! – переведа дух, отозвался Геннадий, хрустя огурцом.

Огурец был запашистый, твердый, но теплый, видимо лежал на солнцепёке. Братья тоже выпили, и Володька вскрыл консервную банку с селёдкой.

- Слушайте, мужики! – высказался слегка охмелевший Генка. – А родичи нас не унюхают?

- Не унюхают, - ответил Толик, насаживая на лезвие ножа кусок сельди и протягивая его Генке. – Не надо им только на глаза попадаться. Вовка, ты слетай домой, скажи матери, что мы в горсад ушли, пусть не беспокоиться. Смотри только, чтобы она не учуяла. На вот лист подорожника, пожуй.

- Помогает? – заинтересовался Генка.

- Говорят, помогает. Давай-ка, переместимся на каланчу, а то нас тут могут вычислить: не дай Бог мать на огород принесёт.

Они собрали все, и через пару минут сидели на верхней площадке пожарной каланчи, оглядывая двор и окрестности. На дворе копошилась малышня, да бегали, то и дело вступая в драку за добычу, молодые птушки. Прибежал Вовка.

- Ну, как? – спросил брата Толик.

- Нормально! – отмахнулся Володя. – Вот еще и пирожков с картош-

кой завернула, - Он протянул сверток, в котором оказалось с десяток горячих, только что пожаренных пирогов с луком и яйцом.

- Красота! - разлил остатки водки Толик. - Как раз то, что надо, а то эта селедка, да на жаре - не очень!

Солнце клонилось к закату, и жара потихоньку начинала спадать.

- Может, ещё одну сообразим? - предложил Толик.

- Гляньте-ка! - перебил его брат. - Зойка со своим хахалем куда-то пошла. Под ручку! Смехота, да и только!

Генка выглянул в проем и увидел, как его недавняя пассия с тем самым Николаем, которого они повстречали утром у берега, идут по дощатому тротуару в сторону центра. Николай вёл Зойку под ручку, а она то и дело вскидывала к нему лицо, слушая, что он ей говорит. Обида вновь полоснула по сердцу, но Генка постарался сдерживать эмоции, и вместо того чтобы высказать что либо колкое, полез в задний карман брюк, где у него лежали три рубля из тех денег, что ему дала мать на разные непредвиденные расходы. Он протянул их Толику. Тот удовлетворённо хмыкнул и пулей скатился вниз по лесенке.

Дальше все завертелось, как карусель. Допив вторую бутылку, уже впятером, раскрасневшиеся и шумные, прихватив с собой за компанию ещё несколько знакомых парней, они отправились в городской сад, где на летней танцплощадке уже всюду звучала музыка и кружились пары. Генка воспринимал всё окружающее в каком-то розовом тумане. Плывущие в этом тумане лица казались ему такими родными и близкими. Неизвестно когда и откуда рядом с ним оказалась крепко сбитая, черноглазая девчонка, которая беспрестанно хохотала в ответ на все его глупости и безо всякого стеснения прижималась к его плечу высокой, упругой грудью. Толик называл ее Натальей и был, по-видимому, знаком с ней раньше. К их веселой компании за это время присоединилось еще несколько девчонок, и они гурьбой отправились на берег Шилки, где пили прямо из горлышка неизвестно откуда взявшийся портвейн и орали что-то несуразное в звездное небо, возбужденные и радостные. Поцелуи с новой знакомой казались чем-то обыденным, само собой разумеющимся и не обязывающим ни к чему, а пошлые анекдоты - остроумными, порой даже гениальными.

Дальше Генка почти ничего не помнил из того что с ним происходило. Помнил только отрывки: как Володя тащил его по улице под руку в сторону дома, как по дороге его безудержно рвало, так что приходилось тормозить почти у каждого куста, а потом жадно глотать раскрытым ртом прохладный ночной воздух. Как он оказался в своей постели, кто его раздел? В замутнённом алкоголем сознании ничего не сохранилось. Утром он проснулся поздно с пересохшим от жажды ртом и тошнотой, подступающей к горлу. Поднявшись, он едва не упал - так затряслись ноги. По-

лежав и отдышавшись, он все-таки заставил себя встать и отправиться умываться. Потом в сених он долго и жадно пил, черпая воду ковшом из бочки и пытаясь успокоить бушующий от протеста желудок. Отца к счастью дома не было. Они с Михаилом накануне уехали в горы, где дядкина бригада занималась заготовкой леса для нужд городских строителей. Уехали – на целую неделю. В тех далеких местах, на солонцах паслись изюбри, и мужчины решили добыть свежего мяса для своих семей и родственников. Генка справедливо счёл, что ему крупно повезло. За всё, что случилось с ним накануне, отец по головке бы точно не погладил. Бабушка же только глубоко вздохнула, увидев его бледное, измученное лицо, и поставила перед ним кружку с простоквашей.

- Выпей, легче станет, - произнесла она и погладила Генку по голове. – Толька, бандит, сболомутил? – спросила она внука.

Генка промолчал, не ответив, а бабушка, еще раз горестно вздохнув, пошла накладывать ему каши, томившейся в печи. После завтрака Генка отправился назад в сарай, где и пролежал почти до обеда, приходя в себя. К обеду ему стало легче, и он пошел выяснить, как там поживают его вчерашние компаньоны.

- Во, еще один гоголь явился! – неласково встретила его на пороге тетка Шура. – Ни стыда, ни совести! Тюрьма по вас плачет!

- Кончай мать, - отозвался, вышедший навстречу Генке Толик. – С утра никак не угомонишься.

- А чего это я должна угомониться? – возвысила голос Шура. – Водку жрать, да под утро домой являться – это, значит, нормально! И я еще угомониться должна! Хоть бы тебя скорей в армию забрали, гурана! Ещё и младшего брата с толку сбиваешь!

- Пошли на улицу, - потянул за рукав опешившего от такого напора Генку дядька, - а то тут поговорить не дадут.

Они вышли во двор и отправились в сторону каланчи, где и устроились в тени на скамейке.

- А где Вовка? – спросил Геннадий.

- Мать в магазин отправила, - ответил Толик, доставая папиросы.

Генка невольно отодвинулся в сторону: одно представление о запахе табачного дыма вызывало в организме непреодолимое чувство тошноты.

- Ты вчера поплыл! – высказался в пространство Толик. – Помнишь хоть, что вечером-то было?

- Смутно, - хмуро отозвался Геннадий.

- А ты Наташке понравился!

- Какой еще Наташке? – не понял Генка.

- Ну, ты даешь! Она к тебе и так, и этак, а ты даже и не помнишь.

Генка, наконец, вспомнил вчерашнюю весёлую толстушку, но это воспоминание ничем не отозвалось в почти дремлющем сознании.

- Просила передать тебе, чтобы приходил на танцы, - продолжил Толик. В этот момент в дальнем конце двора, у веревок, где сушилось бельё, появилась Зойка с оцинкованным тазом и деловито начала собирать в него высохшие простыни. Снимая бельё с веревки, она приподнималась на цыпочках, оголяя колени и почти до половины загорелые бедра, вся такая стройная и притягательная. Генка искоса бросил взгляд в запретную сторону, отмечая эти прелести, но к немалому своему удивлению не испытал почти никакого волнения чувств. То ли состояние его было так расстроено последними невесёлыми событиями, то ли действительно правду говорят – водка лечит. Толик заметил этот его вроде бы случайный взгляд и понял все почему-то по-своему.

- Слушай, давай схожу, поговорю, - предложил он, кивнув в сторону Зойки.

- Стой! – отчаянно крикнул Генка вслед соскочившему со своего места и уже было направившемуся в ту сторону дядьке.

Толик остановился, пожал плечами и вернулся на скамейку.

- Тебя не поймешь, - сказал он Генке, - то – икру мечешь, то – не надо! А может быть и правильно! – продолжил он после короткого молчания. Слушай, может, похмелимся? Я знаю, где у матери бражка спрятана.

- Не! – энергично мотнул головой Генка, у которого от этих слов сразу выделилась слюна, и взбунтовался желудок, вспомнивший вчерашние, да и сегодняшние мучения. – Не хочу.

- Ну, как хочешь. Что делать-то будем? Пошли что ли на Шилку? А то чего тут сидеть?

К этому моменту появился, вернувшийся из магазина Вовка, и все вместе они неторопливо отправились, как выразился Толик – «отмокать», на реку, прихватив по дороге двоюродного брата, приехавшего на автобусе из Затона.

Остаток отпуска прошел без особых потрясений, если не считать выволочки, которую получил Генка от отца после его приезда. Бабушка, видимо, не сдержалась и рассказала тому, как сын оторвался в его отсутствие, почуввав свободу. Генка с малолетства не помнил, чтобы отец хоть раз напился, хотя спирт в доме имелся всегда: летчик как-никак. Поэтому все претензии родителя он выслушал, молча, не поднимая глаз, проклиная себя за допущенную слабость. Ну, а в остальном жизнь была прекрасна и удивительна. С двоюродным братом они съездили на попутных машинах в деревню, километров за сто от города. Там жил Володькин дедушка, отец Михаила. По дороге, там, где их высадил попутный грузовик, брат показал Генке родник, бьющий из-под горы, склон которой срезало дорожное полотно. Родник бил из скалы с огромной силой, струёй толщиной почти в руку взрослого мужика, и с урчанием исчезал в металлической трубе, проложенной под шоссе.

- Лет десять уже течет! – похвастался Володя, заметив удивление на лице брата. – Воду попробуй, самая вкусная вода в наших краях.

Вода была действительно на удивление вкусной и такой холодной, что ломило зубы. От тракта, по которому самосвалы возили руду, и до деревни пришлось идти пешком, благо, что было недалеко, всего-то километра два, два с половиной. Дорога шла полями засеянными гречей и уже почти созревшим горохом. Сразу столько гороха, да еще под ногами, Генка тоже не видел никогда, поэтому наелись они его «от пуза». А в деревне, где их встретил дед, тот зарезал на обед барашка из отары, которую сам и пас. Из этого барашка он сварил такой суп, что когда они его ели, казалось, что бульон состоял из одного мяса, только жидкого: так было вкусно! На другой день Генке удалось поездить на настоящей лошади. Сначала она напрочь отказывалась подчиняться каким либо командам седока, но потом Генка приспособился, и через час уже вполне прилично держался в седле.

- Казацкая посадка, - похвалил Генку Вовкин дед.

Вместе с братом они еще несколько раз ходили на Куренгу за хариусом, но ни одного так и не поймали: то ли он ушел куда-то, то ли еще что. Ловился один чебак, изредка попадался ленок. По дороге от реки в город, на гольце копали луковицы саранок, похожие на чесночные головки, только сочные и сладковатые на вкус. Короче, приятно проводили время. Дядьки пересекались с ними редко. Толика мать заставила работать на мясобоине.

- Нечего болтаться без дела, надо деньги зарабатывать! – заявила она. – Да, глядишь, какой раз мяса свежего по дешёвке добудешь.

Второй малолетний дядька Володя уехал в Читу. Там у Шуры жил кто-то из родни, решивший подсобить пацану поступить в техникум. Вот и парился дядька на подготовительных курсах, куда ему помог устроиться этот самый родственник. Поэтому кроме двоюродного брата у Генки по большому счёту никого из близких приятелей не осталось. Пару раз они с братом ходили на танцы в городской сад, и однажды Генка даже видел издали ту самую толстушку, что приклеилась к нему в прошлый раз, когда они гулевали развесёлой своей компанией. Но он сделал вид, что не узнал её, и постарался смешаться с толпой, чтобы больше не встречаться. Зойку он видел за все это время только однажды, когда носил воду из пруда в бочки для полива на бабушкин огород. Она была занята какими-то своими делами и тоже не обратила никакого внимания на своего бывшего ухажёра. Он постарался показаться абсолютно равнодушным, хотя она даже и не взглянула ни разу в его сторону, и все же почувствовал: что-то в душе ёкнуло. Володька сообщил ему по секрету, что Зойка рассорилась со своим, так называемым женихом. Причину он не знал, но высказался вполне определенно, со знанием дела:

- Стерва она! Так ей и надо.

Генка в душе не был согласен с таким резким определением, но предпочел промолчать, чтобы не продолжать разговор на эту тему. А через не-

делю они с отцом распрощались со всей роднёй и отправились восвояси. На этот раз через речку их переправил паром, а до станции доставила так называемая «передача»: три вагона прицепленные к маневровому паровозу. Путь оказался куда как быстрее, чем на речном трамвайчике. Генка сидел на нижней полке и смотрел в замызганное окно. За окном проплывали знакомые силуэты сопок с каменными осыпями и небольшие полустанки, с покосившимися от времени избами, окруженными заборами из необрезного тёса. На душе было не то чтобы грустно, но, покидать всё, к чему привык за долгий, насыщенный яркими событиями месяц, было всё же грустно и даже навевало некую лёгкую печаль. Впереди ждали другие заботы: подготовка к учёбе в выпускном классе, государственные экзамены, а там уже стремительно и неумолимо приближалась пора принимать настоящие взрослые решения. И тут уже никто, кроме тебя самого, не выберет единственной верной дороги, и отвечать за этот выбор придется только самому...

...Много лет спустя Генке пришлось побывать в этих краях снова. Он уже работал инженером в Сибири, а отец, закончив службу, после смерти матери не смог терпеть одиночество в чужой ему Твери и перебрался жить в Кокуй, тот самый рабочий поселок километрах в десяти от Сретенска выше по течению Шилки, где он и родился. Вот к нему-то и пришлось ездить через всю страну, когда он сам уже не смог навещать Генку. Сопки были такими же: в конце мая розово-белыми от цветущих в изобилии пионов «мать-и-мачехи», а в июле красно-жёлтыми от саранок. К этому времени здорово обмелела Шилка, да еще в ней пропали раки, так как в одно из весенних половодий смыло химикаты с полей на Ингоде. С отцом они навещали могилу бабушки на горе под Сретенском, а потом ездили в Затон, где так и проживал уже женившийся и наплодивший детей Вовка, их брат и племянник. Проезжая как-то на автобусе мимо места, где раньше находилась пожарная часть, Генка увидел только большой пустырь с остатками фундаментов от строений, и буйно жирующие на этих развалинах заросли польны с коноплей. Грустно. Грустно и больно! Позже, вспоминая эту невесёлую картину, Генка невольно ёжился: правы философы – всё тленно! А память, вопреки всему, упорно возвращала ему те далёкие годы, когда на этом пустыре звучали звонкие ребячьи голоса, играли гармошки и гитары, а ещё живая и энергичная бабушка звала ужинать в самый неподходящий для этого момент. В эти редкие минуты душевного трепета он вспоминал те робкие, неумелые поцелуи и бессвязный девичий лепет в ночи, а еще бесстыжие, искристые глаза Зойки, и ее грудной смех, не то над ним, не то над чем-то ещё. Смех этот теперь уже не обижал вовсе, а казался чем-то нереальным, потусторонним, но все же слегка волнующим и приятным. И нет-нет да звучала в ушах мелодия песни, которой его научил Толик: «Один любил рыбачку, другой любил вдову, а третий – молодую крестьянина жену». Хорошо!

Самоволка

Алексей проснулся оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Не открывая глаз, он сел на кровати, пытаясь сообразить, что происходит.

- Какого!?! – хрипло прокашлялся он, собираясь примерно наказать нахала не дающего спать.

- Такого! – раздался знакомый голос. – Подъем! Чего разлѣгся, как у мамани в гостях?

Услышав команду, Алексей сразу всё понял и проснулся окончательно. Рядом, между двухъярусными металлическими кроватями прыгал на одной ноге, пытаясь продеть вторую в штанину армейских брюк, давнишний приятель и однокурсник Генка Новиков. Двадцатиместная с дощатым, не строганным полом палатка уже наполнялась голосами и движением проснувшихся людей.

- Чего сидишь? – спросил Геннадий, справившись, наконец, с брюками и облегчѐнно присев на край соседней койки. – Граф ждѣт горячую воду и нагретые салфетки?

Он неторопливо начал наматывать портянку, старательно разглаживая складки на фланели. Алексей сделал несколько резких движений руками, подхватил со стоящей рядом с кроватью табуретки брюки и, повалившись на спину, одним движением протиснул ноги сразу в обе штанины. Он представил, как через минуту придѣтся полоскаться в общем умывальнике ледяной водой, и зябко поѣжился.

- Тепленькой водички неплохо бы!

- Ты еще про горячий душ вспомни! – отозвался приятель. – Хорошо хоть дождя нет, а то вчера надоел до чертиков. Вон гимнастѣрка до сих пор влажная.

- Ничего, побегаешь – просохнет, - Алексей быстро натянул кирзачи, и, взяв полотенце с мылом, последовал за товарищем к выходу.

На улице было прохладно, стоял легкий туманец после ночного дождика. Сквозь него, с востока уже угадывалось восходящее солнце, и день обещал быть погожим не в пример вчерашнему. Возле умывальника звенели голоса, слышалось металлическое бряцанье сосков, а временами на фоне хохота раздавался визг очередного счастливица облитого холодной, обжигающей тело водой.

- Ну-ка, давай! – Алексей низко нагнулся над травой немного в стороне от умывальни, предварительно повесив полотенце на ветку единственного сохранившегося на территории лагеря куста бузины.

Геннадий снял красное конусное ведро с пожарного щита, зачерпнул

из бочки и медленно вылил воду на Алексея, начав с поясницы и закончив головой. Алексей, молча, снёс эту процедуру и только в конце ухнул, ополоснув лицо и ладонями стряхнув воду с волос. Растёршись полотенцем, он почувствовал, как загорелась кожа на плечах и груди, а настроение до этого не слишком бодрое тут же приподнялось.

- Давайте быстро на построение! – скомандовал пробежавший мимо них замкомвзвода Паша Иванов. – Какого вы тут возитесь?

И этот, – какого! Алексей хотел послать его подальше, но сдержался: чего зря воздух сотрясать? Паша закончил вместе с ними четвертый курс, но еще до института ему пришлось отслужить срочную. Поэтому всяческие тонкости армейской службы были ему хорошо известны, привычны, а еще, подозревал Алексей, – и приятны. Паша имел заслуженное ещё до вуза звание старшины, и по прибытию курса на сборы сразу же был назначен заместителем командира взвода. Увидев такое безобразие, Алексей в первый же день пребывания на сборах беззастенчиво пришил себе на погоны по три лычки и стал сержантом. Была бы лента для лычек пошире, стал бы – старшим. Но и так – хорошо. Сержанты картошку на кухне не чистят, да и гальюны не драят. Хотя, чего тут драить в деревянном сарае на двадцать очков?

- Смотри, узнают, неудобно будет, – попенял ему тогда Генка, на что Алексей в ответ только махнул рукой.

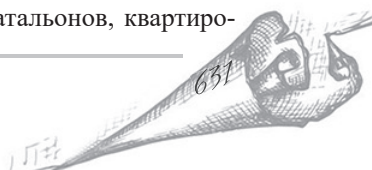
- Охота тебе в наряд таскаться – сиди! А я лучше так этот месяц отбатрачу. Ты только помалкивай!

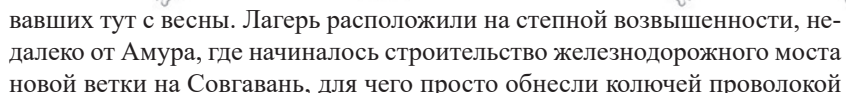
И действительно, за всю прошедшую неделю никто на лычки Алексея не обратил никакого внимания. Даже командир взвода, двухгодичник, лейтенант Савушкин никак на них не отреагировал. Да ему по большому счету и так все было до барабана. Прислали командовать студентами – и ладно, начальству виднее. И служба идет потихоньку, и к дембелю – ближе. Главное, как он объявил в первый же день встречи с подчинёнными, чтобы никаких чрезвычайных происшествий не произошло, и никто себе от усердия шею не свернул.

- Если вы ко мне по-человечески, то и я – к вам! – объявил он, и с тех пор каждый вечер, ещё до отбоя исчезал в неизвестном направлении, а точнее – в ближайшем поселке строителей.

Взвод это вполне устраивало: делай что хочешь, главное – не шебути и не подводи командира. Паша, хоть и оставался за Савушкина, тоже не особенно усердствовал, так как понимал, что вскоре вся эта военная лабуда закончится, и осенью снова наступит время учёбы. А кто даст курсовую слизать, если вдруг обидится? Никто. Так что – делай выводы, товарищ!

Наконец утренняя суматоха закончилась, и роты построились на импровизированном плацу, посредине палаточного городка. Вместе с ротой студентов в строю стояли и кадровые роты трёх батальонов, квартиро-

вавших тут с весны. Лагерь расположили на степной возвышенности, недалеко от Амура, где начиналось строительство железнодорожного моста новой ветки на Совгавань, для чего просто обнесли колючей проволокой территорию, поставили палатки, соорудили шлагбаум. Возле шлагбаума приткнули вагончик для дежурного наряда по лагерю и – готово дело. Единственным более-менее капитальным строением возвышалась щитовая столовая на высоком свайном фундаменте с огромной лужей на подходе и вонью, ощущаемой уже метров за сто. Отчего так воняло, никто не мог понять. Отходы увозились регулярно, мусорных куч не наблюдалось, но пахло всё равно. Может цветущая вода лужи с плавающими в ней здоровыми, в палец толщиной пиявками рождала подобный аромат, а может ещё что. Но лужу, как на грех, некуда было спустить, так как столовую ухитрились посадить в единственную низину на выделенной территории. Поэтому взвода и роты пробирались к крыльцу учреждения общепита по дощатым мосткам, хлюпая по поверхности лужи прогибающимися досками и разгоняя плавающих пиявок.

- Роты смирно! Равнение на середину! – раздалась зычная команда дежурного офицера.

Подполковник, командир путевого батальона в полевой форме, перетянутой портупеей, и начищенных до блеска хромочах оторвал ладонь от фуражки:

- Вольно!

- Вольно!!! – повторил за ним, как эхо, дежурный лейтенант.

- Товарищи! – начал подполковник. – Командованием принято решение о проведении тактико-специальных учений наших частей. Срок начала учений будет уточнён позже. Сразу после развода командиров рот и взводов прошу прибыть в штабную палатку на совещание. Командуйте, лейтенант!

Он махнул рукой и отступил назад к группе, в которой стояли командиры батальонов и начальники штабов.

- Батальоны! Порожно! Одного линейного дистанция! Первый взвод – прямо! Остальные – напра-во!!! Равнение на право! – разнеслось по плацу.

Роты лихо отмаршировали мимо взявшего под козырёк начальства и в порядке установленной очереди направились в столовую. Тут уже стояли, переминаясь с ноги на ногу, и зубоскалили остальные.

- Сейчас «фуагру» подадут! – сплюнул под ноги рядовой Новиков и подмигнул Алексею.

«Фуагрой» называли невероятную смесь, которую на гарнир, а то и отдельным блюдом, готовили местные повара. Представьте себе сухую картошку, которая при варке превращалась в клейстер. Так вот в эту картошку зачем-то добавляли квашеную капусту и крупу перловки, в просторечии – кирзу. Получалось убойное блюдо не для изнеженных домашней

пищей носа и желудка. За день набегаясь, есть хочется, а в глотку не лезет. Выловит студент из тарелки кусок жареного минтая, попьёт чайку и – на боковую. Добирали пряниками из магазинчика, что находился в километре от лагеря, в вагон-городке строителей.

- Ага! – отозвался Витя Нерсисян, армянин, неизвестно какими судьбами и историческими вывертами заброшенный на Дальний Восток в пены железнодорожного института. – Будет вам и белка, будет и свисток!

- Вы глядите! – съехидничал Алексей. – Товарищ грамотный, господин Плещеева цитирует.

- А то! – задрал нос Виктор. – Не то, что некоторые.

- Я тут вот что надумал, - неожиданно перебил товарищей Геннадий. – Помните, взводный просил строевую какую-нибудь выучить.

- Ну и что? – отозвался удивлённый Алексей. – Чего это ты вдруг про строевую песню вспомнил?

- В голову пришло. А давайте под народную шагать! «За окном черемуха колышется, распуская лепестки свои!» - в темпе марша пропел он. Все знают, и учить ничего не надо.

- Лезет же тебе Генка в голову всякая чушь! Хотя, если подумать, можно и под черемуху шагать, чем плоха песня! – вмешался в разговор кто-то из ребят.

- И морально-идеологически выдержана! – захихикал Виктор.

- А что, идея хорошая! – поддержал Генку Алексей, уже поднимаясь по ступеням столовой.

На этот раз «фуагры» не было, подавали гуляш с горошницей. А горошница, она и есть горошница, и ничем кроме гороха не пахнет, да и вкус сносный. Поэтому, когда закончили завтрак и попили чаю со сливочным маслом, намазанным на хлеб, взвод повеселел и оживился.

- Выходи строиться! – прокричал Паша, увидев, что все уже поели. – Не задерживайтесь! Через пятнадцать минут занятия.

Взвод гурьбой высыпал на улицу, быстро построился и потопал в сторону палаток.

- Запевай! – скомандовал старшина, уже оповещённый друзьями о Генкиной идее. – Давай, Новиков!

- За окном черемуха колышется, - звонко запел Геннадий, - распуская лепестки свои!

И взвод в двадцать пять молодых и зычных глоток подхватил:

- Над рекой знакомый голос слышится, и поют всю ночь со-ло-вьи!

Под эту бравую мелодию, старательно выдерживая темп, взвод и подошел к своей палатке, где его уже ожидал взводный с незнакомым капитаном.

- Взвод! Стой! – рявкнул Паша и строевым подошел к Савушкину с капитаном. – Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту!

- Разрешаю, - спокойно ответил капитан.
- Товарищ лейтенант! Взвод курсантов прибыл для прохождения учебных занятий! – отпартовал старшина. – Больных и отсутствующих нет!
- Вольно! – совсем не по-строевому ответил Савушкин. – Расслабьтесь.
- Вольно! – гаркнул Паша и взвод расслабился.
- Где это вы такую строевую раздобыли? – поинтересовался взводный.
- Да, так! – неопределённо ответил Паша. – Народная песня.
- А ничего, оригинально! – слегка улыбнулся капитан. – Давай лейтенант, командуй, занятия пора начинать.
- Сегодня у нас занятия по тактике! – объявил Савушкин. – Вести их будет капитан Савельев. Старшина, ведите взвод в клуб!

Клуб находился рядом и располагался в двух спаренных двадцатиместных палатках. Внутри были расставлены столы и стулья, а в торце стояла черная ученическая доска. Взвод расселся по местам и приготовился слушать.

- Темой нашего занятия будет устав по тактике, - объявил капитан Савельев, - и начнём мы с наступления, где рассмотрим следующие вопросы: цель наступления, способы перехода в наступление, боевой порядок, содержание боевых задач. Тетради и карандаши на столах, прошу записывать. Приготовились? Итак: наступление производится в целях разгрома, либо уничтожения противника, и овладения важными районами или рубежами местности.

Алексей прикрыл глаза и постарался думать о чём-нибудь приятном. Монотонный голос капитана убаюкивал. Алексей подёр голову ладонями и начал вспоминать...

Все произошло в июне прошлого года, когда Алексей окончил третий курс, а отца перевели служить в Архангельскую область. Квартиру родителей пришлось сдать новому командованию части и прописаться в институтской общаге. Было лето, общежитие пустовало, и все свое свободное время Алексей проводил по прежнему месту жительства, где у него были друзья, подруги и всё остальное. Сначала они вместе с Новиковым и Витькой Подлесных, бывшим одноклассником, квартировали у того, так как родители Витьки уехали на курорт. Ну, а позже Алексей перебрался в оборудованный сарай, принадлежащий семье одной из знакомых девчат, благо стояло тепло, июль как-никак. Жизнь текла весело и беззаботно. С утра – на стройке, где шла практика, а по вечерам – танцы и застолье у кого-нибудь в гостях. Здесь-то в один из вечеров он и встретил Татьяну. Оказалось, что она тоже окончила их четырнадцатую школу, только двумя годами позже, чем Алексей. Как он ни силился вспомнить ее по школе, ничего не получалось. Видимо тогда его мысли были заняты другими проблемами, а их школьные дела не пересекались. Сейчас это была красивая, статная девушка девятнадцати лет. Предыдущая симпатия Алексея безжа-

лостно рассталась с ним, предпочтя молодого лейтенанта, и он, абсолютно свободный от малейших обязательств по отношению к кому-либо, незамедлительно ринулся в атаку. Татьяна работала продавцом в гастрономе, и с открытым ртом слушала рассказы бывалого студента, отвечая заразительным смехом на все его дурацкие шутки и ужимки. Ей льстило внимание парня на пару лет старше её, к тому же уже четверокурсника и известного еще по школе спортсмена. Он рассказывал ей о поездках на соревнования в другие города, пытался читать свои не совсем складные стихи, короче, всеми силами старался произвести впечатление. После того, как компания устала и начала расходиться, он пошёл проводить её до дому. Дом, кстати, располагался неподалёку, на соседней улице. Здесь они долго целовались в темном, уснувшем подъезде двухэтажки, в которой она жила, но и только. Когда он попытался проявить настойчивость, Татьяна тут же, он почувствовал это даже кожей, сделалась отстранённой и замкнутой. Он понял, что поспешил, а она тут же заторопилась домой, и ему пришлось проявить немало усилий, чтобы расставание не превратилось в бегство. Они договорились встретиться завтра у кинотеатра, и с этого дня начались их долгие и довольно непростые отношения, которые продолжались по сей день. Полгода ему пришлось завоёвывать девчонку, а потом он с удивлением заметил, что не может прожить без Татьяны и дня. И вот, спустя почти год, они, не посвящая родителей в свои планы, решили подать заявление в ЗАГС.

- Все равно ждать три месяца, - сказала Татьяна, - чего родителей раньше времени волновать. К тому же у тебя летом сборы, а потом – практика. Куда торопиться?

И он подумал, что она совершенно права...

- Сержант Семёнов! – раздалось рядом. – Так что должно предшествовать наступлению? – голос капитана звучал ровно, но требовательно.

Алексей вскочил, открывая глаза и возвращаясь в реальность, и, не задумываясь, выпалил:

- Бомбёжка, товарищ капитан!

- Да ну? – хмыкнул капитан. – А вы, рядовой Новиков, что об этом думаете? – обратился он к сидящему рядом Генке.

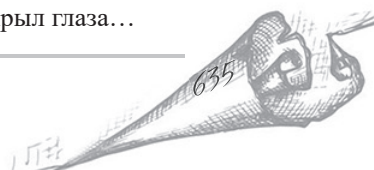
Тот встал и бодро отрапортовал:

- Наступлению предшествует огневая подготовка средствами соединения, организующего наступление подразделений.

- А я что говорю! – нахально подал голос Алексей. – Отбомбились, и – вперед!

- Спать меньше надо, бомбометатель вы наш! – хмыкнул капитан. – Ладно, садитесь! Следующий вопрос: боевой порядок взвода.

Капитан отошел к доске и принялся рисовать на ней схему боевого порядка, изображая бойцов по методу детского рисунка: палка, палка, огурчик – вот и вышел человечек. Алексей вновь прикрыл глаза...

... Татьяна, как и другие подружки убывающих на сборы ребят, провожала его на перроне со слезами в глазах, как будто он уезжал не на месяц, а, по меньшей мере, на год.

- Ты пиши! – напутствовала она Алексея. – Не ленись! И как я тут без тебя буду? – запрочитала она, когда последовала команда грузиться в вагоны.

- Напишу! - крикнул он ей, поднимаясь в тамбур. – Обязательно напишу!

Но писать писем он не любил, и был вовсе не уверен, что решится на такой подвиг. Тем более что расставались-то они всего на месяц, и, в крайнем случае, можно было просто позвонить.

- Ты куда: наверх или вниз? – спросил его Генка, когда они разместились и поезд тронулся.

- Без разницы.

- Ну, тогда давай, присаживайся! – Генка вытащил из рюкзака бутылку «Московской». – За удачную службу, так сказать! Нерсисян, ты будешь?

- А то, - Виктор выглянул в проход и, не увидев там сопровождающего офицера от военной кафедры, повернулся к Новикову. – Давай, только по быстрому, пока майор где-то гуляет.

Ехали они ночь, а рано утром выгрузились на полустанке недалеко от Комсомольска-на-Амуре, где их ожидали грузовики с кузовами, крытыми брезентовыми тентами. А уже к завтраку прибыли в лагерь. Здесь их покормили, обмундировали и строем сводили в баню поселка строителей. Потом начались занятия: учили текст присяги, занимались минно-подрывным делом, изучали механизмы и инвентарь, необходимые для быстрого восстановления разрушенных противником железных дорог. А через три дня они получили на складе новенькие автоматы и торжественно, как и полагается, перед строем приняли присягу. Момент был волнующий, как ни гоношился Алексей: не каждый день присягу принимаешь...

... Ощутимый толчок в бок заставил снова открыть глаза.

- Ты что? – шепотом спросил он приятеля, но тот только, молча, указал глазами в сторону входа в палатку, где слышались какие-то голоса.

Полог распахнулся и в палатку протиснулся подполковник, командир лагеря.

- Товарищи курсанты! – подал команду капитан и все вскочили со своих мест. – Смирно! Товарищ подполковник, рота курсантов проводит занятия по тактической подготовке. Руководитель занятий капитан Савельев.

- Вольно! – махнул рукой подполковник. – А где взводный?

- К одиннадцати будет, - отрапортовал капитан.

- Ладно, без него поговорим. Сынки, - обратился к курсантам подполковник, - садитесь. Вы, конечно, слышали о тактико-специальных учени-

ях. Так вот, я прошу ваших преподавателей и командиров поподробнее объяснить вам, что это такое. Учения – вещь тяжелая! Но вы люди молодые, сильные, а к тому же и образованные, так что думаю – справитесь! Прошу со всей ответственностью отнестись к этой воинской работе и надеюсь, что вы меня не подведёте. Продолжайте! – после некоторой паузы разрешил он и, не дожидаясь команды капитана, развернулся и вышел наружу. Все сидели в тишине, переваривая сказанное. Капитан захлопнул папку с конспектами, и постучал по столу карандашом, привлекая внимание слушателей. Он вкратце рассказал, что тактико-специальные учения это – по существу, работа на вверенных подразделениям участках строящейся железной дороги, но с боевыми вводными проверяющих.

- Вы работаете, а тут, например, поступает команда: нападение с востока! Рота или взвод должны занять рубежи обороны, ну, и отбить это самое нападение.

- А боеприпасы выдадут? – спросил Нерсиян. – Чем отбиваться-то будем?

- Чтобы вы друг друга перестреляли? – ухмыльнулся капитан. – На стрельбище настреляетесь. Стрельбы тоже входят в состав учений. Вот там и посмотрим, Нерсиян, можно ли вам вообще автомат доверять.

- Ну, вы тоже скажете, товарищ капитан! Мы же присягу принимали.

- Вот и хорошо. А теперь все свободны. Старшина, ведите курсантов в расположение роты.

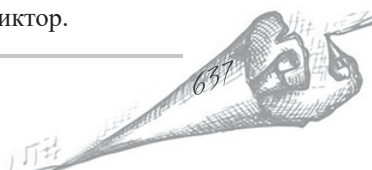
Остаток дня после обеда прошел в изучении домкратов и шпалоподбоек, которые, как понял Алексей, и будут их основным оружием во время учений. А рано утром, за час до подъёма, прозвучала сирена тревоги...

Уже два дня они всей ротой студентов поднимали на балласт и подбивали щёбнем двухкилометровый отрезок рельсового подхода к строящемуся где-то впереди и не видимому отсюда железнодорожному мосту через Амур. Погода установилась жаркая, работать в гимнастерках было просто невыносимо. И, несмотря на запрет комвзвода снимать верхнюю одежду, трудились курсанты в основном по пояс голыми. Алексей с самого начала ворочал тяжелой электрической шпалоподбойкой, изредка заглядывая в нивелир, чтобы дать отметки ребятам, обслуживающим подъемные домкраты. Работа была не из лёгких, но, в конце концов, приносила какое-никакое удовлетворение, как и всякий спорт: мускулы на руках и ногах крепили, а кожа покрывалась ровным, золотистым загаром.

- Мужики, я знаете, что по дороге обнаружил? – сообщил на перекуре, вернувшийся из части с обедом и питьевой водой в армейских термосах, Нерсиян.

- Что? – спросил отдыхающий, лёжа на травке, в тени стрелочной будки Новиков.

- Бассейн купальный! – торжественно объявил Виктор.

- Какой еще бассейн? – удивлённо спросил старшина Паша. – В этой степи даже лужи приличной и той нет.

- А вот и есть! – засмеялся Нерсисян. – Вы ручеёк, что за частью течет, знаете?

- Ну, знаем! – отозвался Алексей. – Только там даже курам и то ниже колена будет.

За колючей проволокой, ограждающей лагерь, метрах в трехстах действительно бежал по галечнику прозрачный ручеёк. Но он был так мал и мелководен, что в лучшем случае водой из него можно было ополоснуть лицо и руки.

- А вот и нет! – хлопнул Алексея по плечу Виктор. – Мужики из мехбата экскаватор подогнали и выкопали приличную такую яму метров десять на двадцать. Это отсюда недалеко, по дороге в лагерь. Теперь после работы и искупнуться можно.

- А глубоко копнули? – спросил Генка.

- Да с метр, я думаю. Она еще не совсем полная была, яма эта, когда я проезжал, но к вечеру точно наполнится.

Остаток рабочего дня прошел как-то быстрее: все ждали, когда же можно будет окунуться в прохладную воду. Пот и пыль сделали всех похожими друг на друга. И, когда подошла машина за инструментом, никто не полез в кузов, чтобы доехать до лагеря. С разрешения комвзвода, усевшегося в кабину, все пошли пешком.

- Только без сбоев чтобы! – напутствовал старшину лейтенант. – И к ужину явиться без опозданий.

Студенты, а ныне курсанты, «гуся», как их называли кадровые, бистренёк построились и под знакомую, бравую мелодию зашагали к месту, указанному Нерсисяном. Действительно, через пятнадцать минут они прибыли на травянистый пригорок, у основания которого мехбатовцы соорудили рукотворное озеро, с протекающим через него тем самым невзрачным ручейком. Вода в яме к этой поре отстоялась, сделалась такой же прозрачной, как в ручье, так что даже через метровую толщу было видно галечное дно. Ребята загалдели, радостно сбрасывая с себя сапоги и остальную амуницию.

- Красота! – Алексей стянул с себя гимнастерку в белёсых разводах соли. – Старшина, а мыла случайно не найдётся?

Паша, молча, развязал тесёмки на вещмешке, с которым почти не расставался, и достал оттуда два куска хозяйственного мыла.

- Только стираться вон там, ниже по течению. Поняли?

- Не совсем идиоты, кое-что понимаем, - незлобиво откликнулся Генка Новиков, принимая мыло. – Сразу видно бывалого человека, - похвалил он Пашу, - я бы с собой таскать мыло никогда не догадался.

- Потому ты и не старшина, - хмыкнул Алексей, отбирая один из кусков. – Пошли, а то и искупаться некогда будет.

К этому времени рукотворный бассейн наполнился орущими и плескающимися что было силы телами сокурсников. Приятели быстренько, как могли, выстирали гимнастерки, штаны и пропахшие потом портянки, и, разложив их на траве для просушки, присоединились к остальным. Истинным наслаждением было сесть на дно, так чтобы над поверхностью оставалась одна голова, и чувствовать, как ласковая вода омывает и бодрит усталые члены, возвращая им упругость и силу. Не каждый день случалось такое удовольствие, разве что в бане.

- Молодцы мехбатовцы! – подал голос Нерсисян, когда приятели выбрались на берег и расположились на травке, рядом с сохнущим обмундированием. – Прямо душа распахнулась!

- Сейчас бы еще перед ужином грамм по сто, и было бы полное счастье, - Генка протянул руку, пробуя пальцами на ощупь почти просохшую на ветерке одежду.

- Неплохо бы, - отозвался Алексей, - но перед ужином нельзя.

- Это ещё почему? – удивился Новиков.

- А потому. Унюхает кто-нибудь – Савушкина подведём. Да к тому же: где их взять эти сто грамм.

- Элементарно! – отозвался Нерсисян. – Скинемся, я мухой в магазин слетаю.

- Момент, господа! Это что такое? – приподнялся на локте Генка, вглядываясь в сторону ведущей в поселок строителей дороги.

- Где? – завертел головой Нерсисян.

Со стороны строящейся на разъезде станции двигалась живописная группа девчат-отделочниц из местного СМП. Сине-серый фон роб оживляли только разноцветные косынки у кого на плечах, у кого на голове. Время от времени взрывы девичьего хохота даже издали долетали до ушей курсантов. Девчата, судя по всему, тоже заметили полощущихся в котловане армейцев.

- Господа! – завертелся Новиков, натягивая на себя еще не совсем просохшие брюки. – Айн момент! – он вскочил и, не надевая сапог, бодро направился наперерез девичьей стайке.

- Кирк Дуглас работает! – хмыкнул Паша, намекая на знаменитого американского артиста, сыгравшего главную роль в фильме «Спартак». – Сейчас крепости падут!

- Надо бы поддержать товарища! – отозвался Нерсисян, тоже набрасывая гимнастёрку со штанами. – Ты как, Алексей? Давай, поднимайся! Тебе, Паша, как женатому человеку, я не предлагаю.

- Кобели вы! – отмахнулся старшина. – Шуруйте, только недолго.

К этому моменту Генка уже поравнялся с девчатами и завязал разговор, так как хохот стал раздаваться чаще прежнего. Витька ускорил шаги, и Алексей постарался от него не отстать. Через мгновенья они присоединились к группе.

- Знакомьтесь, господа курсанты! – сделал широкий жест Новиков. – Девочки из соседнего поселка. Это – Катя, бригадир представленной здесь в почти полном составе бригады ударного труда. Я правильно выразился? – Генка поклонился в сторону крепенькой такой, розовощекой девушки.

- Всё правильно! – отозвалась она. – А вы мальчишки надолго здесь?

- До полной победы коммунизма! – ухмыльнулся Генка. – Пока не сохнет проклятая гидра капитализма! Давайте лучше знакомиться. Это – Алексей, а это – Виктор, мои лучшие друзья!

Бригадирша по очереди назвала имена столпившихся возле парней девушек. Одна, по имени Даша, особенно приглянулась Алексею. Глаза её чем-то напоминали глаза Татьяны, только ростом она была чуть выше. И даже под мешковатой робой угадывалось гибкое, стройное женское тело. На шутки и солёные прибаутки Генки она, в отличие от остальных, только едва улыбалась уголками полных, на вид влажных губ. Алексей даже смутился и отвёл глаза, когда она, почувствовав, что произвела на парня впечатление, бросила взгляд в его сторону. В этот момент до них долетел голос Паши, призывающий всех на построение. Они тепло попрощались с новыми знакомыми, и только Генка задержался на минуту, подхватив бригадиршу под локоток и отведя её в сторону. Но вскоре и он догнал приятелей. Через пять минут взвод построился и строевым шагом двинулся в сторону части под бравый народный напев. Девчата даже задержались, чтобы послушать, как двадцать пять крепких, мужских глоток с упоением выводят: «Над рекой знакомый голос слышится, и поют всю ночь со-ло-вьи!».

- А я с бригадиршей договорился, - сообщил за ужином на ухо Алексею Новиков.

- О чём? – так же шёпотом спросил приятеля Алексей.

- Как о чём? Встретиться завтра договорился, после отбоя.

- А я тут причём?

- Как причём? – удивился Генка бестолковости приятеля. – Я же о нас двоих договорился. Думаешь, я не видел как ты на ту чернявую, что Дашей зовут, пялился.

- Ни на кого я не пялился! – возмутился, было, Алексей, но на Генку это не произвело никакого впечатления.

- Пялился, да ещё как! Не только я, но и бригадирша заметила. Так вот я и договорился, что мы завтра вечером, часикам к десяти к ним в гости и нагрянем. Надо только бутылочку раздобыть, для разговора так сказать. У тебя деньги ещё остались, а то я совсем высох.

На этом разговор и закончился, так как к ним подошел Нерсисян, и продолжать дальше было бы, по меньшей мере, бестактно: насчёт Витьки Генка ни с кем не договаривался.

Следующий день, как и предыдущий, прошёл в трудах и заботах. Бутылку Алексей приобрел во время обеденного перерыва, слетав в поселковый магазин. Продавщица долго не хотела ему её отпускать: было негласное табу командования на отпуск спиртного военнослужащим срочной службы, но, в конце концов, сдалась, выслушав многочисленные комплименты от покупателя. Бутылку, завёрнутую в газету, Алексей оставил на хранение стрелочнице, пояснив, что ближе к вечеру её заберет. Не тащить же спиртное в расположение взвода, там могут понять неправильно. Принёс – так делись с товарищами, не будь жлобом! После ужина, дождавшись, когда лейтенант оставит их взвод в покое, Генка с Алексеем погладились, вылили на себя полфлакона одеколona и собрались на свидание. Проведавший каким-то внутренним чутьем об их планах вездусущий Паша поймал их за палаткой.

- А вдруг тревогу объявят? – начал, было, он. – Где вас тогда искать?

- Кончай, Паша! – оборвал старшину Генка. – Кто её, эту тревогу объявит? Она уже давно объявлена. А мы ночью потихоньку вернёмся, ты только прикрой, чтобы любопытные не шибко нос совали. Придумай что-нибудь. Скажи, например, что нас в караул назначили.

- Ну, смотрите!

- Смотрим, смотрим, - хлопнул старшину по плечу Генка. – Не бойсь, Паша, всё будет нормально!

С этим они и покинули озабоченного старшину, а затем, нырнув под колючку в известном им месте, заросшем полынью, направились в сторону поселка.

- Ты хоть знаешь, где искать-то их? – спросил Алексей.

- Примерно. Сейчас самое главное не соваться на восток: там две улицы, где офицеры живут. А девочки с другой стороны поселка: улица Блюхера, дом два. Ну, и смотри в оба, чтобы патруль невзначай не прихватил. Хотя патруль – только по воскресеньям и в праздники ходит, я в караулке разведаль.

- Когда только успел?

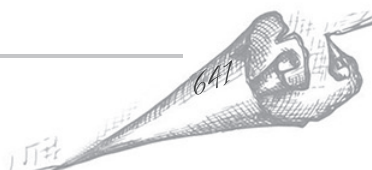
- Успевать надо.

Начало темнеть, когда они подошли к щитовым домикам на окраине. Только оранжевая полоса скрывшегося за горизонтом светила указывала, в какой стороне запад. Попавшийся им навстречу хмельной мужичок охотно показал, где находится улица Блюхера, и через пару минут они стояли у порога домика номер два. В занавешенных окнах горел свет.

- Ну, что, с Богом! – Генка решительно шагнул на крыльцо и постучал.

Облака к этому часу окончательно затянули небосвод, и вокруг было так темно, хоть глаз коли. Наконец за дверью раздалась шага, и она распахнулась, осветив крыльцо.

- Ну, наконец-то! – улыбающаяся бригадирша отступила в сторону. – А мы вас заждались. Заходите. Вы чего так долго?

- Служба, - солидно ответил Генка и шагнул внутрь, - дела всякие. Алексей последовал за приятелем.

- Снимайте ваши кирзачи, я полы вымыла! – объявила хозяйка, и парни разулись в малюсенькой прихожей, где и вдвоём-то было трудно развернуться.

В одних носках они последовали за хозяйкой и оказались в довольно просторной комнате, где возле накрытого нехитрой закуской стола сидела та самая Даша, которую ещё вчера у карьера заприметил Алексей. В сером платье с вырезом на груди и оголёнными до плеч руками она выглядела еще привлекательней, чем вчера.

- Добрый вечер! – голос девушки показался Алексею так похожим на голос Татьяны, что он просто диву дался: бывают же такие совпадения.

- Здравствуйте! – бодро отозвался Новиков, ставя на стол бутылку. – Скучаем?

- А то! – улыбнулась Екатерина, пододвигая Генке табуретку. – Присаживайтесь, а то мы с Дарьей скучаем тут в одиночестве, все глазоньки проглядели. Думали уже, что не придёте.

Алексей огляделся. В комнате, кроме стола, у торцевой стены стоял диван-кровать, накрытый пестрым пледом, а напротив – что-то вроде мебельной стенки такого же цвета и из того же материала, что и дверь. Как догадался по инвентарному номеру на боковой стенке Алексей, мебель изначально находилась в комплекте домика, собранного из щитовых блоков. И только женские руки смогли придать этому временному жилью достойный вид.

- Ну, что? За то, чтобы дети грома не боялись! – произнес тост Генка, уже успевший разлить водку по рюмкам.

- А что, у вас дети есть? – спросила Дарья. – Много?

Генка чуть не поперхнулся.

- Нет. А с чего это ты взяла?

- Ну, так тост-то за детей.

- Да так все говорят, - пожал плечами Генка.

Алексей в разговоре не участвовал, он сидел и разглядывал Дашу, стараясь, чтобы никто не заметил его нескромного интереса. Девушка и вправду была симпатичной, складненькой такой. Темные её волосы, в первую встречу скрытые косынкой, рассыпались по плечам волнистыми локонами, а на мраморной коже между плечом и шеей билась тонкая голубоватая жилка.

- А вот у Дарьи дочке уже три года с половиной, - объявила Екатерина, подкладывая Генке в тарелку винегрет. – Кушай, Алексей, а то опьянешь, - она пододвинула ему тарелку с колбасой.

- Спасибо! А где она сейчас? – спросил Алексей, отжавшись, наконец, обратиться к Дарье.

- У соседки. У нас девочки одногодки, вот она с подружкой и играет. А сейчас уже, наверное, спит.

- Во! Давайте выпьем за то, чтобы дети спокойно спали! – зашебутился Генка, но Екатерина придержала его руку.

- Чего ты частишь? Расскажите лучше что-нибудь. А то у нас тут скучно, одна работа.

- А что рассказывать? Вы же сами на станции работаете, всё и так знаете.

- Ну, тогда про Хабаровск что-нибудь поведайте. Я вот, например, ни разу там не была. А ты была, Даша?

Девушка отрицательно покачала головой, не говоря ни слова.

- Ну, что Хабаровск? Красивый город! – Генка развел руки, не зная, что и сказать.

- Это я понимаю, что красивый, – отозвалась Екатерина. – А мы всё больше – по новостройкам. Давайте потанцуем что ли! – она поднялась и поставила пластинку на диск радиолы.

«А у нас во дворе, есть девчонка одна», - голос певца заставил Алексея подняться и шагнуть в сторону Дарьи. В носках было как-то неудобно, но он переборол себя и решительно взял девушку под локоть.

- Разрешите?

Она неожиданно улыбнулась, поднялась и положила руки ему на плечи. Звуки танго убаюкивали, а слова навевали неясную грусть. Алексей чувствовал под ладонями движение упругого и жаркого женского тела, а запах ее духов кружил ему голову. Но всё когда-то заканчивается: музыка смолкла, и Дарья, слегка помедлив, сняла ладони с его плеч и отступила назад.

- Мне пора, - просто сказала она. – Дочка, наверно, заждалась.

- Куда ты торопишься? – запротестовала, было, подруга, но Дарья осталась непреклонной.

- Пора мне, Катя. Я в двенадцать обещала Машеньку забрать, - она повернулась и вышла в прихожую.

- Давай, шуруй, провожай! – зашептал Алексею на ухо, пока рядом не было девчат Генка. – Да не тормози ты, а то упустишь!

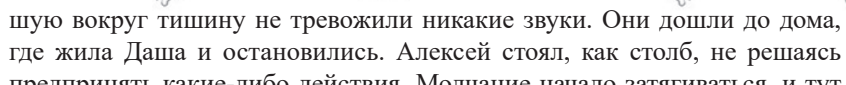
И Алексей, решившись окончательно, вышел вслед за подругами.

- Я тебя провожу, Даша, - сказал он, наматывая портянки и натягивая сапоги, - ночь на дворе.

- Вот это правильно! – высказалась бригадирша, оглянувшись на высунившегося из комнаты Генку. – Ты не ересься, Дарья, пусть тебя парень проводит, - осадил она начавшую было отказываться подругу, - вдвоем – оно сподручнее, мало ли что.

Ночной, не успевший толком остыть воздух, пах цветущими травами и приближающейся грозой. На востоке уже отражались от облаков сполохи далёких молний. Раскаты грома пока не достигали ушей, и навис-

шую вокруг тишину не тревожили никакие звуки. Они дошли до дома, где жила Даша и остановились. Алексей стоял, как столб, не решаясь предпринять какие-либо действия. Молчание начало затягиваться, и тут Алексей решил: будь что будет! Он осторожно обнял Дарью за плечи и притянул к себе. К его удивлению девушка безропотно подчинилась и доверчиво подставила губы для поцелуя.

- Подожди, - легонько оттолкнула она его, когда дышать уже стало нечем, - постой тут, мне надо дочку у соседки забрать.

Она поправила прическу и скрылась в темноте. Алексей остался на месте, жадно глотая воздух и переосмысливая все происходящее. Через минуту Даша возникла вновь, но уже с ребёнком на руках.

- Держи ключ, открывай! – едва слышно прошептала она.

Они вошли в дверь. Алексей остался стоять в прихожей, пытаясь разглядеть в темноте, где он находится. Дарья уложила девочку и, вернувшись назад, зажгла свет. В первое мгновение яркая лампочка ослепила Алексея, но уже через несколько секунд он разглядел лицо Даши, которая смотрела на него широко открытыми глазами.

- Ты что? – спросил он неожиданно осевшим голосом.

- Ничего, - просто ответила она и, взяв его за руку, потянула за собой в вязкую темноту комнаты. – Осторожно, здесь стол, не ударься.

Но он уже ничего не опасался. Жаркие руки женщины замкнулись на его шее, и Алексей провалился в сладкое небытие, прерываемое горячим дыханием и бессвязными звуками проснувшихся чувств. Сколько продолжался этот полусон-полуявь он не запомнил. В себя его привели слова Дарьи, вернувшие реальность:

- Тебе не пора? А то ведь хватиться могут.

Он снова попытался обнять девушку, но она, едва слышно смеясь, начала шутливо отбиваться от Алексея:

- Какой ты ненасытный! Не торопись, ну не надо! – она вновь обмякла, поддаваясь ласкам. – Глупый, у нас впереди полно времени! – но он уже ничего не хотел понимать и слышать.

В часть Алексей вернулся часа в два ночи, беззвучно преодолев забор из колючки. Взвод спокойно спал в палатке. Сладко спал и дневальный у тумбочки, уронив голову на руки. Стараясь не шуметь, Алексей пробрался к своей кровати. Генки на месте не оказалось. «Разгулялся!» - последнее, что подумал Алексей, проваливаясь в глубокий, без сновидений сон.

Первое, что он увидел, проснувшись утром от громкого голоса дневального, была улыбающаяся физиономия Генки Новикова.

- Живой? Вижу, что живой! Вставай, минут пять, как подъём сыграли.

Алексей влез в брюки, натянул сапоги и двинулся вслед за приятелем. Хотя он толком не выспался, на душе пели соловьи, а сердце билось бодро и весело.

- Ну как? – спросил Генка, когда они умывались.
- Нормально, - ответил Алексей, не собираясь вдаваться в подробности, но Генка не унимался.
- Так что: было или нет?
- Вы о чём? – заинтересовался неожиданно подошедший Нерсисян. – Как караул?
- Какой караул? – не понял Алексей.
- Нормально все в карауле, как положено! – выручил приятеля Генка.
- Ты, Витя, шагай, нам поговорить нужно.
- Ну и говорите! – обиделся Нерсисян.
- Чего человека обидел? – недовольно спросил Алексей.
- А ты чего лопухаешься? Забыл что ли, где мы с тобой официально находились? – он тоже демонстративно развернулся и пошел в палатку одеваться.

Настроение у Алексея не испортилось ничуть: душа пела. Вспоминая вчерашнюю ночь, он то и дело улыбался и непонятно для окружающих то хмыкал, то напевал. Ему думалось, что ссориться с товарищами нет никакого резона, и, быстро закончив туалет, Алексей последовал за друзьями с твёрдым намерением устаканить ситуацию. На разводе старшина только подозрительно покосился в их сторону, но ничего не сказал. А чего говорить, когда все в порядке? Учения продолжались, солнце светило все жарче, а загар становился все темнее. Отдыхая в тени звеноукладочной машины, Алексей закрывал глаза, пытаясь вновь и вновь пережить те восхитительные минуты, которые ему подарила судьба. Иногда в воспоминания вторгались назойливые, как мухи, мысли о Татьяне, но он старался их тут же решительно и бесповоротно отгонять. Когда и где это было? Работа окончательно стирала из памяти прошлое, оставляя в голове только яркое настоящее.

- Ну что? – спросил его перед ужином Генка. – Махнем в деревню?

Он так и не добился, сколько не старался, откровенности от Алексея. Тому вовсе не хотелось, чтобы чужой человек, пусть даже лучший друг, копался в его чувствах.

- Надо бы со старшиной переговорить, - выразил согласие с предложением товарища Алексей. – Я-то с удовольствием.

- Вот и ладненько! – обрадовался Генка. – А я уже подумал, что тебе отлуп дали!

Но вечером всё изменилось: на этот раз Генку по-настоящему отправили в караул. Он сидел в палатке, угрюмо пришивая себе чистый подворотничок.

- Не обломилось, - тоскливо произнёс он, сочувственно глядящему на него Алексею.

- А я тебе говорил, пришей лычки! – попенял ему Алексей, ткнув пальцем в собственный погон. – Не было бы никакого наряда.

- А я уже и со старшиной договорился, - с сожалением поднялся Генка, натягивая гимнастёрку. - Зря выходит?

- Выходит зря!

- Ну ладно, мне на развод пора, - Новиков одел пилотку, и потопал на плац, где проходил развод суточного наряда.

- А куда это вы с Генкой намыливались? - снова поинтересовался Нерсиян, расставляя на доске шахматы и приглашая Алексея на партию.

- Да хотели за пузырьём в деревню сгонять, а вот - не вышло.

- Зачем гонять? - ухмыльнулся Витька. - Есть у меня пузырь!

- И когда только ты его успел приобрести? - удивился Алексей.

- А когда за обедом ездил. Давай, ходи. Закончим, сходим за умывалку, попробуем. Пусть лагерь маленько утихомирится. Я как раз пару огурцов бочковых припас.

- Ну, ты - молодец!

- А то!

Перед самым отбоем они с Нерсияном отправились к кусту за умывальником, где не торопясь оприходовали драгоценный напиток. В голове у Алексея слегка кружилось, когда они вернулись в палатку. Дождавшись, когда Витька захрапел, Алексей поднялся и направился к выходу.

- Ты куда? - поднял голову дремавший дневальный.

- На кудыкину гору! В сортир, куда ещё! - ответил вполголоса Алексей, задергивая за собой полог.

Он уже решил для себя, что, во что бы то ни стало, дойдёт до Даши. Покинув территорию лагеря, в кромешной тьме он осторожно добрался до ее дома и постучал в дверь. Вскоре за дверью раздались шаги, и слышался голос Дарьи:

- Кто там?

- Это - я, - волнуясь, ответил Алексей.

Дверь отворилась, и в проёме появилось удивленное лицо девушки.

- Ты?

- Я. А ты что, не рада?

- Дурачок! Конечно, рада! Проходи скорей! - она посторонилась, пропуская Алексея. - Не пугайся только, у меня дочка ещё не спит.

- Да я, вроде, не из пугливых! - хорохорясь, ответил Алексей, но в душе его тут же поселилось незнакомое волнение: а как его встретят?

Он снял обувь и прошел в комнату. За столом, на котором лежала книга с цветными картинками на страницах, сидела девчужка лет четырёх и с интересом смотрела на вошедшего. Алексей потоптался на месте, не зная, что предпринять, а потом присел на пустующий рядом стул. Девчужка всё так же, молча, смотрела на него.

- Ну, что, будем знакомиться? - Алексей протянул девочке руку. - Меня Алексей зовут. Можно - дядя Алеша.

- Давай, - ответила, ничуть не смущаясь, девчонка и протянула руку.

Он почувствовал, как мягкие и тёплые ребячьи пальцы попытались сжать его огрубевшую ладонь.

- А меня Катя зовут! – улыбнулась девчонка. – Ты сказки Андерсена читал?

- Давно когда-то.

- А мы с мамой сейчас читаем, - девчонка кивком указала на книгу. – Ты мне считаешь?

- Обязательно, - ответил Алексей и взял книгу.

- Спать пора! – вмешалась в разговор Даша. – Завтра читаем.

- Ну, мама! – закапризничала девчушка. – Пусть почитает!

- И, правда, Даша, давай читаю, - вмешался в перепалку Алексей, с удовольствием разглядывая свою вмиг покрасневшуюся подругу.

- Ну, почитай! – нехотя согласилась Дарья. – Только я Катерину уложу, а то поздно уже.

- Ура! – соскочила со стула дочка, и, схватив Алексея за палец, потянула за собой. – Пошли ко мне в детскую!

Детской оказалась маленькая каморка с узким окном с другой стороны коридора, которую в прошлый раз Алексей даже не рассмотрел. Девчушка быстро разделась и юркнула под одеяло.

- Читай.

- «Огниво», - прочёл заголовок Алексей и продолжил. – «Шёл солдат по дороге: раз – два! Раз – Два!»

Не успел он дочитать второй страницы, как глаза у ребёнка затуманились, а потом и вовсе закрылись. Дыхание её стало ровным, и Алексей, тихонько закрыв книгу, потушил свет и вышел из комнатки.

- Уснула, - сообщил он Дарье, суетившейся у стола.

Та, вместо ответа, повернулась к нему, обхватила за шею и прижалась губами к губам Алексея.

- Я по тебе уже соскучиться успела. Кушать будешь?

Он вместо ответа отрицательно покачал головой, а потом подхватил девушку на руки. Она счастливо засмеялась, склонив голову ему на плечо. Уже плохо соображая, что происходит вокруг, Алексей понес её на диван. Полная луна меж занавесок, как уличный фонарь, освещала призрачным светом, смятые простыни и переплетённые страстью, обнаженные тела.

В этот раз Алексей едва успел к подъёму. Он ухитрился заснуть вместе с любимой, и проснулся не от звука будильника, а от ощущения беспокойства, возникшего где-то в глубине сознания.

- Тебя где носило? – зашипел на него старшина. – Оборзел совсем! Комвзвода перед подъемом нарисовался, ничего не сказал, но койку твою пустую заметил.

- Прорвемся! – беспечно отмахнулся от Паши Алексей. – У меня понос перед рассветом нарисовался!

- Ну-ну! – только и высказал старшина. – Тебе виднее. Только смотри, если что – я тебя предупредил!

- Чего это к тебе Паша прицепился? – поинтересовался Виктор, заметив как шепчутся однокурсники, выражая неудовольствие друг другом.

- Так. Не бери в голову! – ответил Алексей и отправился умываться.

В конце рабочего дня Паша сообщил Алексею, что его вызывает взводный.

- Допрыгался! – объявил он. – Говорил я вам: не егозите!

- Шёл бы ты Паша! – огрызнулся Алексей. – Без советчиков как-нибудь разберёмся!

- Ну-ну, разбирайся, - отошел обиженный таким тоном старшина.

Алексей быстренько привёл себя в порядок и отправился в штаб искать взводного. Тот сидел в техчасти и курил, листая какой-то старый технический журнал. Техчасть пустовала, все куда-то разбежались.

- Товарищ лейтенант, сержант Семёнов по вашему приказанию прибыл!

- Садись, Семенов, - Савушкин кивнул на соседний стол. – Ты мне скажи, дорогой, где ты сегодня утром был?

- Когда? – сделал глупые глаза, спросил Алексей.

Лейтенант внимательно взглянул на Алексея и, едва улыбнувшись, хмыкнул:

- Перед подъёмом.

- В туалете, товарищ лейтенант! – четко, глядя лейтенанту в глаза и не моргая, ответил Алексей.

- Живот что ли прихватило? – снова усмехнулся комвзвода.

- Так точно!

- В пилотке и ремне побежали?

Алексей промолчал, сразу не сообразив, что и ответить.

- Вот что, - продолжил, нахмурившись и переменив тон, Савушкин. – До конца сборов осталась неделя, и ни мне, ни вам никакие неприятности не нужны. Ясно?

Алексей, не произнося ни звука, кивнул, соглашаясь с командиром и выразив на лице полнейшее раскаяние. Однако раскаяние это не произвело на Савушкина ни малейшего впечатления. Он встал, заканчивая разговор:

- Объявляю вам выговор! – и через паузу. – Пока только устный. Как говорится: не пойман – не вор! Но надеюсь, что больше таких разговоров у нас не будет. Можете быть свободны.

Не дожидаясь реакции Алексея, лейтенант развернулся и вышел из техчасти, прикрыв за собой дверь. Алексей снова сел и глубоко выдохнул. «Кажется, легко отделался», - подумал он.

После пяти появился освободившийся из наряда Новиков. Видимо ему уже кто-то настучал, что Савушкин только что снимал стружку с приятеля.

- Ну, ты даешь! – восхитился он. – Никого не предупредил даже! Что, друг, любовь – не морковь?

- Отвяжись! – отмахнулся Алексей, но Генка не унимался.

- Ты, Витя, посмотри на этого Ромео! – повернулся он к Нерсисяну. – Гормоны играют, кровь бурлит!

Но обиженный тем, что товарищи его попросту кинули, Нерсисян не поддержал Генку:

- Засранцы вы, вот и всё! Могли бы и пригласить товарища.

- Ну, у тебя же Светлана есть, - попытался образумить Виктора Генка. – Зачем тебе лишние приключения на одно место?

- А вы, значит, кристально чистые? Алёха вон даже в ЗАГС заявление отнёс, да и твоя Лариска тоже не обрадуется, если донесут.

- Ты, что ли донесёшь?

- Пошел ты! – обиделся на Генку Нерсисян. – Найдётся, кому донести!

Разговор, участия в котором Алексей предпочел не принимать, на этом и закончился. Недовольные друг другом приятели разошлись в разные стороны. Но дружба – дороже, и уже после ужина они мирно беседовали, сидя на скамеечке у входа в палатку. До отбоя Алексей с Витькой даже успели сыграть пару партий в шахматы. Алексей был рассеян и продул обе.

- Не везёт мне в карты, повезёт в любви! – ухмыляясь, пропел, складывая фигуры в коробку, Нерсисян.

Алексей решил не отвечать и, закрывшись одеялом с головой, почти мгновенно уснул. Предыдущая бессонная ночь давала о себе знать.

Следующим днём была суббота, и к тому же это был последний день учений. К обеду на путях появился радостный Паша и объявил, что рабочий день сегодня только до обеда. А в три часа всех поведут в баню.

- Ну, а потом свободное время. А там – еще два дня, и – домой! – мечтательно закончил он.

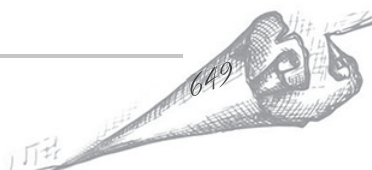
Все радостно загомонили, собирая и складывая инструмент в кузов грузовика. И после обеда степь вздрогнула от мерного топота марширующих напоследок по необжитой, пустынной местности солдатских сапог, и звенящей над всеми браво́й песни первого взвода: «За окном черемуха колышется...» Потом была баня, а после ужина прямо между палаток натянули белую простыню и, прибывшая по случаю, кинопередвижка прокрутила новую кинокомедию с песнями популярных, любимых народом певцов. Ближе к отбою Генка отозвал Алексея в сторону.

- Ну, что, слетаем к нашим красавицам? А то, боюсь, потом и времени не будет.

- А откуда ты знаешь: ждет тебя твоя Катерина, или не ждет? Ты же ее уже давненько не видел.

- Знаю. Я в обед от стрелочника к ним в прорабку звонил.

- И что, дозвонился?

- Конечно.

- И как представился?

- Братом. Мол, проездом, прошу позвать к телефону.

- Ну, ты – молодец! Наш пострел везде поспел!

- Так как, пойдешь?

- А, куда деваться! – махнул рукой Алексей. – Один раз живём! Как тут у армейцев говорят: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют!

- Вот и ладненько. Тогда собирайся и потопали.

Через полчаса они уже подходили к поселку. Погода была замечательной: безветренно, тепло, улицы залиты лунным светом, что вполне компенсировало отсутствие фонарей. У перекрёстка пути их расходились, но не успел Генка скрыться за углом, а Алексей направиться к дому Даши, как ушей его достигли какие-то посторонние звуки и крики с той самой улицы, на которую свернул Новиков. Крики нарастали, и уже через мгновение он увидел выскочившего из-за угла Генку.

- Патруль! – прокричал тот на бегу. – Драпай!

Алексей, не долго думая, бросился вслед за приятелем, стараясь не отстать. Следом слышался тяжелый топот солдатских сапог, и крики преследователей: «Обходи слева! Отрезай им путь к части!» «Ага, сейчас! – мелькнуло в голове у Алексея. – Попробуйте, догоните!» Не зря они с Новиковым много лет серьёзно занимались легкой атлетикой. Он прибавил ходу и вскоре поравнялся с бегущим впереди Генкой. Шум преследования начал стихать в отдалении и через несколько минут они нырнули в лаз под колючую проволоку.

- Давай быстро в палатку! – прохрипел запыхавшийся Генка. – Сейчас шмонать начнут!

Они пролетели мимо дневального, успев проинструктировать последнего, чтобы не болтал лишнего, быстро скинули одежду и улеглись на свои койки. А еще через несколько минут полог палатки откинулся вновь и в нем возникли фигуры дежурного по части и второго офицера с повязкой на рукаве, видимо начальника ловившего их патруля. Алексей прикрыл глаза и, сдерживая дыхание, прислушался.

- Сюда вроде побежали, - говорил вполголоса офицер, - мои бойцы ошибиться не могли.

- Все на месте? – грозно спросил дежурный по части вытянувшегося у тумбочки дневального.

- Так точно! – отрапортовал тот.

- Ну, не могли мои бойцы ошибиться, сюда они подались, - начал настаивать начальник патруля, но дежурный прервал его:

- А что ты хочешь? Этот, - он кивнул в сторону дневального, - всё равно ничего не скажет. Не поднимать же людей по тревоге. Тем более что по мордам вы их все равно не опознаете: ночь на дворе.

- Одного-то я вроде запомнил: луна хорошо светит.
- Вот именно – вроде! Давай оставим всё до утра, а на разводе разберёмся. Пошли.

Они покинули помещение, и Алексей шумно выдохнул, откинув одеяло с груди.

- Пронесло, вроде! – на соседней кровати зашевелился Генка.

- Вот именно – вроде! – отозвался Алексей словами дежурного по части. – Кажись, тебя начальник патруля срисовал! Слышал, на разводе разбираться будут, как бы ни опознали.

- Не опознают, - беспечно отмахнулся Новиков, но в голосе его прозвучало беспокойство. – Надо бы что-то придумать для верности.

- Спать давай! Утро вечера мудренее! Час уже почти, - Алексей перевернулся на другой бок и замолчал.

«А придумать что-то надо бы», - подумал он перед тем, как заснуть.

Утром они поднялись первыми и первыми закончили туалет. Генка был хмур, видимо помнил слова Алексея, произнесенные ночью, что его срисовали. Волновался перед разводом.

- Пошли-ка в сторонку, - позвал расстроенного приятеля Алексей, который уже всё придумал. – На-ка, держи! – он протянул Генке несколько ватных тампонов, которые уже с утра успел стянуть в лазарете.

- Это ещё зачем? – удивился Генка.

- За щеку суй! И пошли в палатку, я тебе физиономию подретуширую.

В палатке Алексей достал из кармана кусочек мела, завернутого в обрывок газеты, который прихватил в учебном классе по пути из лазарета в расположение. Он нанес мел на скулы и нос Генки и растер его, чтобы было не особенно заметно. Затем отступил немного в сторону и с удовольствием рассмотрел свою работу.

- Глянь-ка в зеркало.

Из зеркала на Генку глядела его бледная карикатура с раздутой щекой, совершенно не схожая с оригиналом.

- Красота! – подытожил довольный Алексей. – Пошли строиться, старшина уже обозвался!

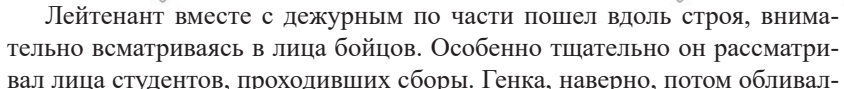
- Чего это с тобой? – испуганно покосился на Генку, занявшего место в строю, Витька, но тот, молча, отмахнулся.

- Зуб, - пояснил Нерсисяну Алексей и взвод по команде старшины двинулся на плац.

Когда батальоны выстроились на плацу, и появился командир гарнизона, рядом с которым семенил вчерашний командир патруля, сердце у Алексея невольно забилось быстрее. А вдруг узнают? Он покосился на Генку и не сразу узнал того. Нет, не узнают! Хорошо замаскировал, ничего не скажешь.

- Иди, осматривай! – сказал лейтенанту подполковник. - Только быстрее.

Лейтенант вместе с дежурным по части пошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица бойцов. Особенно тщательно он рассматривал лица студентов, проходивших сборы. Генка, наверно, потом обливался, когда проверяющий топтался возле их коробки, но пронесло. То ли лейтенант в лунном свете не слишком хорошо рассмотрел Генкино лицо, то ли старания Алексея произвели такой результат.

- Ну, что? – спросил подполковник подошедших к нему офицеров, но те только пожали плечами. – Тогда всё! – махнул рукой командир гарнизона и повернулся к строю. – Товарищи солдаты и офицеры! Поздравляю вас с успешным окончанием тактико-специальных учений и выражаю вам благодарность от лица командования за достигнутые результаты. Нами в течение этих двух недель построено более пяти километров подъездных путей, развернута путесборочная база бригады, отсыпано более пяти тысяч кубометров грунта. За время учений не произошло ни одного ЧП, не считая мелочей, - он бросил взгляд на, стоящих слегка в стороне, дежурного по части и лейтенанта патруля. – Благодарю вас за всё, сынки! Командуй! – он отступил слегка назад, предоставляя место начальнику штаба.

Роты по команде развернулись и, лихо протопав по плацу, разошлись по местам своего расположения. Генка с облегчением вытащил из-за щеки надоевшие тампоны и пошел к умывальнику умываться, немало удивив всем происходящим Нерсисяна.

- Я чего-то пропустил? – спросил он у Алексея.

Тот, смеясь, рассказал Витьке обо всём, старательно приукрашивая произошедшие накануне события.

- Вам бы в театральном, а не в железке учиться! – только и сумел сказать Нерсисян. – Кобелей могила исправит!

- Не брюзжи! Послезавтра домой! – мечтательно потянулся Алексей. – Надоело всё уже до чёртиков!

- А по мне, так всё – не зря! – включился в беседу, услышавший последнюю фразу старшина.

- Это ещё почему? – повернулся к Паше Алексей.

- Ну, как почему? Во-первых: загорели, сам видишь. Во-вторых: окрепли, мышечный тонус приобрели. А в-третьих: опыта набрались, вдруг после окончания института служить придётся.

- Не, только не служить! – сделал брезгливую мину Нерсисян. – Мне эти фуагра вот где сидят! – он сморщил физиономию и сделал энергичный жест рукой, проведя ладонью поперек шеи.

- Тебя же не солдатом служить призовут, а офицером, - рассудительно парировал Паша. – А в офицерской столовой такие фуагра не подают.

- Ладно, мужики, - оборвал их Алексей, - на завтрак пора. Вон уже весь взвод собрался.

- Пошли.

Они встали в строй и двинулись в сторону столовой. Уже на крыльце, возле двери кто-то задержал Алексея за плечо и вытянул из толпы. Сперва Алексей хотел дать отпор нахалу, но, подняв глаза, увидел перед собой командира взвода товарища лейтенанта Савушкина. Рядом с ним стоял вчерашний лейтенант, начальник патруля.

- Может этот? – спросил лейтенанта Савушкин.

Тот внимательно осмотрел Алексея и отрицательно покачал головой.

- Не. Тот коренастее был и лицо пошире.

- Ладно, Савельев, иди, - подтолкнул Алексея Савушкин, - завтракай.

Он отвернулся, всматриваясь в лица бойцов, проходящих в двери, и Алексей поторопился исчезнуть.

- Повезло тебе, Геныч! – сказал он Новикову, уже сидевшему за столом. – Пропустил тебя Савушкин.

- Что делать-то? – испуганно спросил Генка.

- Через кухню исчезай, там тебя никто ждать не станет. Ну а потом сиди в палатке, не высовывайся. Не будет же этот фраер из патруля тебя целый день искать.

- А занятия?

- Какие занятия? Савушкин приказал лишнее имущество на склад сдавать, - вмешался в разговор Паша, - вот и займёшься с Нерсисяном. И дело сделаете, и на глазах болтаться не будете.

А еще через день прибыл начальник военной кафедры института, и, сдав последнее обмундирование, студенты погрузились в состав, отбывающий в Хабаровск. На перроне они тепло попрощались с Савушкинам, к которому уже привыкли.

- Хороший вы человек, товарищ лейтенант! – полез обниматься с командиром взвода Новиков. – Даже расставаться жалко.

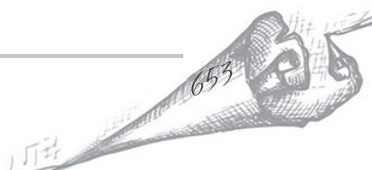
- Может, ещё встретимся, - внезапно смутился Савушкин, слегка покрасневшись от такого повышенного внимания к своей особе. – Призовут, просись в нашу часть.

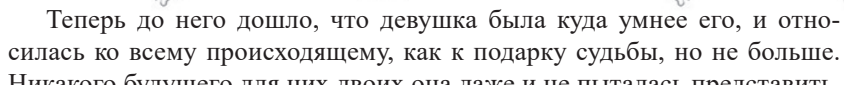
- Боже упаси! – перекрестился Генка. – Да и вы, товарищ лейтенант, к тому времени уже на дембель уйдёте. Нам ведь еще целый год в институте баграчить.

Поезд тронулся, и Алексей, устроившись на верхней полке, прикрыл глаза. Перебирая в памяти прошедший месяц, он вольно, или невольно наткнулся на надоевшую в последние два дня мысль, как ему вести себя с Татьяной. По большому счёту, крути не крути, он ей изменил. Пусть ее не было рядом, но ведь это не оправдание. Ему вспомнились последние слова Дарьи, сказанные тем самым утром после их последней ночи:

- Ты хороший, Лёша, но маленький ещё.

- Какой такой маленький? – не понял он тогда, но Дарья не ответила, заперев за ним дверь.

Теперь до него дошло, что девушка была куда умнее его, и относилась ко всему происходящему, как к подарку судьбы, но не больше. Никакого будущего для них двоих она даже и не пыталась представить. Хотя, чего греха таить, он-то думал по-другому: может быть в меру юношеского максимализма, а, может быть, тому причиной было воспитание. Теперь надо было решать, что делать: честно рассказать обо всём Татьяне и забрать заявление, или промолчать, тем самым, как он полагал, предавая ее лучшие чувства. Он решил посоветоваться с Генкой, как-никак лучший друг.

- Ты что, дурак? – отмахнулся от него Генка. – Если обо всех интрижках совершенных в этом мире станет известно, что случится, как ты думаешь? То-то же! Кончай сопли распускать! Да и Татьяну обижать не стоит, ты же на ней жениться собрался. Вот и женись, сделай одолжение! А мы на свадьбе погуляем, правда, Вить?

- А то! – хозяйственный Нерсисян, как фокусник из цилиндра, достал откуда-то бутылку. – Вот прямо сейчас и начнём. Слазьте вниз, а то не достанется.

А к следующему обеду состав подошёл к Хабаровскому вокзалу. На перроне толпились многочисленные встречающие. Толпа радостно бросилась к вагонам.

- Прямо, как с фронта встречают! – заметил Нерсисян, уткнув нос в стекло. – А вон и твоя Татьяна! – указал он Алексею на тоненькую фигурку с букетом цветов в руке, стоящую у ограды.

При виде любимого лица на душе у Алексея сделалось тепло и как-то спокойно. Струящаяся откуда-то с небес всепоглощающая нежность защемила сердце. Все его терзания и сомнения унеслись прочь, как легкие облака под летним солнцем, гонимые южным ветерком. Он подхватил рюкзак и резвой трусцой направился к тамбуру, уже зная, что скажет в первое мгновение этой долгожданной встречи.

25 января 2016 г.

Короткое лето Семёна Саблина

- Ты о чём думаешь, Семён? – недовольным тоном задал вопрос Владимир Сергеевич, тренер молодёжной сборной края по легкой атлетике. – Ребята давно на дорожке. Что с тобой, не выспался?

- Я сейчас, - очнулся Семён, заканчивая завязывать шнурки на кроссовках. – Пять секунд, Сергеевич.

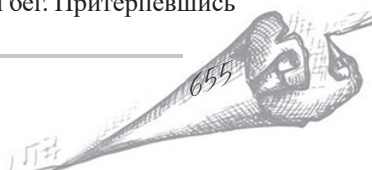
- Давай, не задерживайся, догоняй! Никто тебя ждать не будет, - тренер вышел из раздевалки, громко хлопнув дверью.

Семён поднялся и последовал за ним. Тренер почти угадал: Семён действительно не выспался, и причин этому было несколько. Первая – слишком долгий вечер в кафе «Даурия», почти до самого закрытия, ну, и вторая – проводы Екатерины через весь город с длительными остановками в темных, уже затихших подъездах домов, попадавших по пути. Их жаркие, каменные объятия прикрывали парочку от начинавшего то и дело сыпать с темного неба мелкого, надоедливого дождика, и позволяли на время забыться в бессвязном шепоте воспаленных губ, прерываемом долгими, почти лишавшими дыхания поцелуями.

Когда Семен появился на стадионе, вся команда уже столпилась вокруг тренера. Погода со вчерашнего дня наладилась, и, хотя солнца не было видно из-за нависших низко туч, дождь не накапывал, и ветер не завывал. Самая хорошая погода для тренировки: не жарко.

- Часовой бег! – объявил Владимир Сергеевич. – По короткой трассе. Саблин ведущим. На круг – пятнадцать минут! И не сачковать! Спать дома будем, - продолжил он, выразительно взглянув на Семёна. – Пошли! – тренер шагнул в сторону, освобождая дорожку, и нажал кнопку секундомера.

Семён поднял лицо к небу, как будто проверяя, капает или нет, потом круто развернулся и, постепенно ускоряясь, начал бег в сторону ворот стадиона. За ним потянулись все двадцать парней, составляющих ядро сборной. Трасса проходила по парку на берегу Амура и была знакома им каждым поворотом и последней кочкой на ней. Часовой бег – самое бессмысленное упражнение с точки зрения приятеля Семёна Володи Грека, прыгуна в высоту, тем не менее развивало у спортсменов скоростную выносливость, и включало в себя бег по пересеченной местности с переменной скоростью в течение часа. Потому так и называлось. Семён же в отличие от приятеля даже любил этот самый часовой бег. Притерпевшись

к ритму бега и выровняв дыхание, на какое-то время можно было отрешиться от действительности, и механически переставлять ноги, думая о чём-нибудь постороннем и приятном. Единственное правило – соблюдать время на круге, чтобы на следующем не нагонять. За этим строго следил недремлющий Сергеевич. И сегодня после первых пяти минут Семён отключился, продолжая бег на автомате, и погрузился в свои мысли. А мысли его были о Екатерине...

...Всё началось в конце мая. Листва на тополях шумела во всю, а над улицами плыл восхитительный запах цветущей в палисадниках сирени. Возвращаясь из института, он на автобусной стоянке столкнулся с Сашкой Ивановым, одноклассником, которого не видел года два. Слышал от знакомых, что тот после школы устроился работать на авиаремонтный завод и даже женился, а больше – ничего. Армия Сашку почему-то миновала, но это не особенно интересовало Семёна, вся его сегодняшняя жизнь проходила в стенах института, да на тренировках: мало ли у кого и как сложилось.

- Здорово, Семён! – обрадовался встрече Сашка. - Сто лет не виделись, старик! Как ты?

- Нормально! – улыбнулся в ответ Семён, ощущая беспечно-радостное настроение случайной встречи: как-никак не каждый день однокашника встречаешь.

В школе они не особенно контактировали, потому что жили в разных районах. Но в мероприятиях класса, то и дело организуемых неутомной старостой Ленкой Соловьёвой, всё же участвовали вместе, а это чего-то да стоит. Пять лет – не пять дней, тут не один пуд соли скушаешь!

- Всё в институте горбатишься?

- На третий курс перешёл.

- Молодец! А где Володя Акулов сейчас? Тоже давненько на глаза не попадался! Вы же приятелями закадычными в школе были, не разлей вода.

- А он в прошлом году в Тихоокеанское военно-морское поступил во Владивостоке. Теперь только на каникулах осенью бывает.

- Добился-таки своего. Молодец! Он еще с шестого класса, как я помню, о мореходке мечтал. У него ведь отец как-то с морем связан был?

- В молодости. Срочную, кажется, на флоте тянул. Но любовь к морю, видимо, на всю жизнь сохранил. Он и Вовку этой любовью заразил. Помнишь, у них все стенки в квартире копиями Айвазовского были увешаны: отец увлекался.

- Помню, как не помнить.

- А ты чем занимаешься? Слышал от парней, что на нашем авиаремонтном трудишься.

- Там.

- И как, нравится?

- Работа, как работа, - неопределённо мотнул головой Сашка. - А классная наша как себя чувствует, не встречал?

- Рыжую-то? Встречал пару раз.

- Ну и как она?

- А что ей сделается? Какая была, такая и осталась. Расспрашивала обо всех наших: что да как.

- Серьезная женщина, - ухмыльнулся Сашка, - с такой – не забалуешь! Помнишь, как она нас гоняла, когда мы английский всем классом по весне прогуляли?

- А то!

- А Володьку Перминова давно видел?

- Давно. Он же в политехе учится, а я – в железнодорожном: не по пути. Кстати, они с Помпой весной поженились.

- Да ты что! Молодец Наталья, добилась своего!

- Это точно! Не зря она за Володькой с восьмого класса бегала.

- Хорошие были времена, - мечтательно протянул Александр, - ни о чем не думаешь, всё за тебя решают. Вот встретились с тобой и на душе светлее стало. Слушай, а не отметить ли нам это событие?

- Сегодня не могу, - выразив на лице сожаление, ответил приятелю Семен, - тренировка вечером.

- А ты всё ещё бегаешь? Не надоело?

- Пока нет.

- Ну, давай тогда завтра, часов в семь. Посидим, поговорим, старое вспомним. К тому же – суббота. Ты же помнишь, где я живу?

Семен подумал и согласился.

На следующий день вечером, около семи он бодро шагал по переулку в поселке рабочих авиаремонтного завода с кожаным, подаренным матерью ещё в связи с поступлением в институт портфелем в руке, где покоилась скрытая от любопытных глаз бутылка портвейна номер тринадцать. Любимый школьный напиток. Амброзия. На всех вечеринках в старших классах употреблялся, как-никак. Классная, которой Ленка Соловьева втихаря докладывала, что да как, ворчала, но уже ничего поделать не могла: выросли дети. Отыскав в конце проулка одноэтажный деревянный дом, подходящий под описание Иванова, Семён решительно толкнул протяжно скрипнувшую калитку в заборе из потемневшего штакетника. Собаки, которая могла оказаться во дворе, он не опасался, так как Александр предупредил друга, что пса его по кличке Рябой днем с огнём не сыщешь:

- Гоняет целый день где-то по помойкам, зараза! Только ночевать и является. А утром подхарчится и опять – в бега!

Семен поднялся на крыльцо, позвонил и, не дожидаясь появления хозяев, открыл дверь на веранду. Не успел он вытереть туфли о лежащий на

дощатом, крашеном полу мохнатый половичок, как внутренняя дверь в дом распахнулась и в проеме возникла стройная и гибкая фигура женщины в светлом, длинном халате. Она сделала шаг ему навстречу.

- Вам кого?

Приятный, низкого тембра голос прозвучал неожиданно строго, никак не соответствуя юному, улыбающемуся лицу и легкомысленным темным кудряшкам обрамляющим его. Бросились в глаза яркие и сочные, будто влажные, губы и легкий румянец на смуглых, резко очерченных скулах. Что-то неуловимо цыганское угадывалось в этом лице. Семён к немалому своему удивлению вдруг почувствовал, что никак не может оторвать взгляда от этих самых губ, и уже совершенно неожиданно для себя покрылся краской смущения, хотя до этого при виде слабого пола особой застенчивостью не страдал. Ему вдруг сделалось невыносимо жарко и неудобно, будто его внезапно застали за чем-то нехорошим. И, тем не менее, он продолжал смотреть на женщину, ощущая себя в эти короткие мгновенья повисшего в воздухе молчания полнейшим идиотом. А лиловые, как сливы, искрящиеся смехом, глаза красавицы лучились нескрываемым интересом. В шальных этих глазах мерцало что-то такое, от чего у Семена ноги сделались ватными. Она же, дожидаясь ответа на свой вполне безобидный вопрос, бесцеремонно разглядывала его с ног до головы, повергая в полнейший ступор. Наконец он очнулся и обрёл дар речи:

- Я к Александру, - Семён сделал паузу и уточнил, - Иванову. - Он глубоко вздохнул, окончательно приходя в себя. - Я туда попал?

- Так вы, наверное, Семён, - кокетливо улыбнулось прекрасное создание, повея оголённым плечом, отчего у Семена сразу стало сухо во рту. - Мы вас ждем давно, проходите, пожалуйста!

Она сделала широкий приглашающий пройти в дом жест, и пола халата распахнулась, явив миру стройную женскую ножку, формой соответствующую всему остальному. Семен на секунду даже зажмурился.

- Меня Катей зовут, - продолжила озорница, чувствуя какое впечатление она произвела на гостя, - я - Сашина жена. Да вы проходите, не стесняйтесь! - женщина бесцеремонно потянула застывшего на месте Семена за рукав.

- Катя, кто там? - раздалось из-за приоткрытой двери, и на веранде появился сам Александр. - Ба, какие люди и без охраны! Привет, Сеня! - он гостеприимно обнял приятеля. - Чего стоишь, как истукан? Давай, проходи, заждались уже. Это моя жена Екатерина. Вы уже познакомились? Ну и прекрасно! Катя, провожай гостя!

Семён окончательно очнулся от энергичного голоса и объятий школьного товарища, пожал протянутую руку и вошёл вслед за хозяйкой в дом.

- Знакомься, это - батя мой, Сергей Иванович, - представил Александр появившегося в прихожей сухощавого, слегка согнутого в спине, но еще

вполне крепкого старика. – А это Семён Саблин, со мной в одном классе учился, - указал он на гостя.

Старик что-то пробормотал в ответ, кивнул головой и вновь исчез за дверью в боковушку.

- Не обращай внимания, это он после смерти матери такой стал, - вполголоса пояснил Александр, - разувайся и проходи в гостиную.

- А что, у тебя мама умерла? – так же вполголоса спросил Семён.

- Полгода уже как. Рак. Но не будем – о грустном. Да ты не топчись тут, шагай за мной.

Семён достал из портфеля бутылку, бросил его под вешалку и последовал вслед за Александром. В большой, с двумя окнами комнате возле круглого, накрытого белой скатертью стола сустились Катерина и еще одна совсем юная особа. Когда она повернула лицо, чтобы поздороваться, Семён узнал в ней сестру Иванова Ларису, которая училась в их же школе двумя классами младше. Сестра к этому времени повзрослела, приобрела формы, и превратилась в юную, симпатичную девушку с такими же, как у Александра, светлыми, пушистыми волосами.

- Совсем взрослая девица, - хохотнул Александр, заметив, как приятель разглядывает его сестру, - в этом году школу закончила. Лариска, ты Семена узнаешь? Ты же в него в каком-то классе даже влюблена была.

- Скажешь тоже! – смутилась девушка. – Болтаешь, как помело. Проходите, Семён, садитесь! – пригласила она к столу.

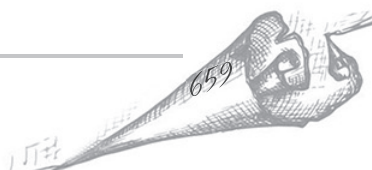
- А и, правда, чего мы попусту время теряем? Я сейчас, - Александр исчез за дверь в кухню.

Семён присел к столу, бросая короткие взгляды на Екатерину, к этому времени переодевшуюся в бардовое платье с широким вырезом на груди. Ему стало интересно, что же такое и так неожиданно поразило его в этой молодой женщине при первой встрече: может быть темные, бездонные, как пропасти, слегка раскосые глаза, а может быть прямой нос с широкими, едва заметно вздрагивающими, как у породистой лошади, крыльями ноздрей. А может быть и то и другое вместе с откровенно притягивающими взгляд, припухлыми губами. «Ладно, нужно бросать это дело, - подумал он и решительно отвел глаза в сторону, - а то еще Сашка заметит. Нехорошо!». В эту минуту из кухни появился Александр с бутылкой водки в руках.

- Хватит крутиться, женщины! Садимся.

- Я сейчас картошки принесу, - возразила, было, Екатерина, но Александр жестом остановил её.

- Потом, - он разлил водку в рюмки, а из принесенной Семёном бутылки налил девушкам. – Предлагаю тост. Помнишь, Семен, как на левом берегу, у костра? Хорошие были времена! – мечтательно добавил он, и продолжил, очнувшись. - Быть добру! Друзья вспоминают прошедшие дни и битвы, в которых сражались они!

- И с кем это вы там сражались? - со смехом поинтересовалась Екатерина. - Наверное, с девушками? Расскажите, Семён, - обратилась она, повернувшись к Саблину и вновь ошпарив его взглядом.

- Рюмка – не микрофон! – остановил ее Александр. - Сначала выпьем, а потом будем разговоры разговаривать.

- Мы на рыбалку туда частенько ездили, - пояснил Семён, после того, как все выпили. - Еще в десятом классе.

- И осенью в одиннадцатом, - добавил Александр. - Осенью даже лучше: ни комара, ни мошек.

- Ну и как, ловилась рыба? – продолжила Екатерина, изобразив на лице неподдельный интерес.

Глаза ее откровенно смеялись, а голос оставался ровным и бесстрастным.

- Как когда, - почему-то снова смутившись ответил Семён, переведя взгляд на Александра, словно ища у того поддержки.

- Перестань, Катя, гостя в краску вгонять! – попытался урезонить жену Иванов. - Неси-ка лучше горячее, угощай!

За разговорами, воспоминаниями и тостами вечер прошёл на удивление легко и беззаботно. Александр частенько выходил покурить, и Семён в эти короткие минуты, кляня себя, вновь и вновь бросал затаённые взгляды в сторону Екатерины. Она женским чутьем понимала, что произвела на Семёна достойное впечатление, и вела себя, как на подиуме, свободно и естественно демонстрируя все свои многочисленные прелести. Иногда взгляд ее бездонных глаз просто обжигал его, и ему вновь становилось не по себе. Чего он пялится на чужую жену? Не хватало еще только наделать чего-нибудь такого, от чего потом будет стыдно перед Сашкой. Поэтому танцевать под очередную пластинку он выходил исключительно с Ларисой. От сестры приятеля он узнал, что работает она вместе с Екатериной на центральном телеграфе и работой вполне довольна.

- Коллектив хороший, девочки все молодые, да и работа чистая. Далековато, правда, почти час на автобусе. Ну и ночью добираться сложно, особенно если дежурный автобус сломался.

Лариса рассказала ему, что Екатерина ничего не боится, ни днем, ни ночью, даже когда возвращается домой одна.

- Да и то, Екатерина у нас наполовину цыганка, у нее отец из табора. Она его правда никогда не видела, он еще до её рождения куда-то исчез. А я – трусиха. Она даже ворожить умеет, - напустив в голос таинственности, сообщила она Семёну вполголоса.

Вот, видимо, почему изначально лицо Екатерины и его привлекательность сразу показали Семёну какими-то особенными, необычными. Кто же знал, что она наполовину цыганка.

Часам к одиннадцати Александра начало штормить. Семён распро-

шался с приятелем, договорившись о встрече в следующую субботу, но в глубине души решив для себя, что все это не серьезно. Нечего ноги зря топтать, да и режим соблюдать надо: последнее время тренер саганеть начал. Вышедшая проводить его к порогу Екатерина низким своим голосом выразила ту же надежду, что и муж, на секунду, как бы невзначай прижавшись тугой грудью к его плечу и опалив очередным многозначительным взглядом, от которого Семёну вновь стало невыносимо жарко, хотя в дверь с улицы тянуло приличным таким сквознячком. Решение насчет следующей встречи были основательно поколеблено, но вскоре прохладный ночной воздух окончательно отрезвил его, и он убедил себя, что со всеми этими странными играми закончено раз и навсегда. С этой, успокоившей его разгоряченную голову мыслью он вернулся домой и лёг спать, не думая уже ни о чём...

- Вы чего ползёте, как сонные мухи! – громкий, недовольный голос тренера вывел Семёна из тупого оцепенения. – Полторы минуты отстаивания. Догоняйте, а то ещё круг добавлю!

Солнце начало робко выбираться из-за туч и сразу же стало жарко. Группа во главе с Семёном прибавила ходу, так как мотать еще один круг да по жару не было никакой охоты. Семен на бегу выдернул длинный стебель пырея с колосом на конце и сунул его сладким концом в рот. Когда что-нибудь жуешь, бежать легче. Когда дыхание восстановилось, сделалось ровным относительно нового темпа бега, Семен вновь отключился от действительности до следующего свидания с тренером...

...После того вечера у Иванова жизнь Семёна вошла в обычную колею. И если бы не случайная встреча на автобусной остановке, всё бы так и оставалось. Он опаздывал на тренировку, и прибежал за минуту до прихода автобуса, едва переводя дыхание. Но автобус в этот раз почему-то сам опаздывал, и Семен поспешил спрятаться от палящих лучей июньского солнца под навес строения из прессованной фанеры. После яркого света он не сразу разглядел знакомые лица среди ожидающих пассажиров.

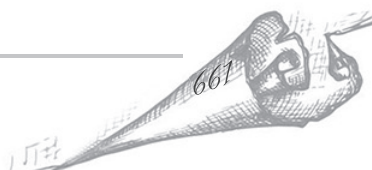
- Привет, Семён! – напротив него стояла улыбающаяся Лариса, а рядом с ней Екатерина. – Куда так торопишься?

- Здравствуйте! – отозвался на приветствие Семен, чувствуя какое-то внутреннее неудобство и смущение от этой неожиданной встречи с Екатериной.

- Так куда мы так спешим? – вновь спросила умолкнувшего Семена Лариса.

- На тренировку, - коротко ответил он, пытаясь закончить этот никому не нужный, по его мнению, диалог.

Екатерина же так бесцеремонно рассматривала его, что Семену стало и вовсе не по себе.

- А почему вы к нам больше не заходите? – вдруг спросила она.

- Дела разные, - немного помедлив, неопределенно протянул Семен, понимая, что не этого ответа ждала от него женщина, - как-то случай не представился.

В этот момент подошла «пятёрка», и пассажиры бросились к дверям автобуса, уже прилично набитого народом в связи с опозданием. В автобусе Семен оказался прижатым к задней стенке салона вместе с девушками. Он чувствовал плечом упругость то и дело касавшейся его при качке груди Екатерины и, молча, краснел, тщетно стараясь отодвинуться от девушки. Сделать этого не позволяла стальная стенка автобуса и заднее стекло, куда он, отвернувшись, усердно смотрел, ничего толком не видя. А она специально, как бы ни нарочно, прижималась к нему то бедром, то ещё какой-нибудь частью тела, в то время как её цыганские глаза откровенно смеялись над ним.

- Семён! – дернула его за рукав Лариса, спасительно отвлекая от откровенных и волнующих картин, то и дело мелькающих в его голове. – Приходи сегодня вечером к нам на телеграф.

- А и правда, Сеня, приходите! – повторила просьбу золовки уставшая насмеяться над парнем Екатерина.

- На телеграф? – переспросил Семен.

- Ну да! У нас юбилей предприятия, сорок лет. Банкет не обещаем, но буфет будет работать, и танцы под инструментальный ансамбль в обязательном порядке. Приходите, не пожалеете!

- А Саша будет? – спросил первое, что пришло в голову, Семён.

- Ну конечно, - ответила Лариса. – Так ты придёшь?

- Ну, не знаю, - неопределённо ответил Семен, уже понимая, что не откажется. – А во сколько?

- В семь. На проходной скажешь к кому, а они нас вызовут.

- Что, у вас так строго?

- А ты как думал, режимный объект все-таки.

В этот момент объявили остановку Семена, и он, распрощавшись с девчонками, облегченно вывалился из автобуса на свежий воздух. «Вот ведь ведьма! - подумал он о Екатерине. – Совсем в краску вогнала! И так дышать нечем, а тут еще она!» Он тряхнул головой и решительным шагом направился в сторону стадиона, не переставая при этом вспоминать подробности поездки. Уже перед самым входом в раздевалку усилием воли он заставил себя думать о чём-то другом, и вездесущий и всё замечающий Володька Грек ничего необычного в состоянии друга не обнаружил.

День пролетел, как обычно, и вечером в половине восьмого принарядившийся Семён подошел к служебному подъезду центрального телеграфа и решительно открыл дверь. На проходной он объяснил сторожившей турникет бабушке кто такой и к кому, и присел на скамью, стоящую тут

же рядом, терпеливо ожидая. Мимо, через турникет то и дело пролетали веселые и нарядные стайки девушек, бросая на него заинтересованные взгляды: кто, мол, такой? Они беззаботно болтали меж собой, то и дело, взрываясь хохотом, и совершенно не обращали внимания на вахтершу. Как понял Семён, она, то ли всех знала в лицо, то ли задерживала исключительно лица мужского пола. Из чего следовал вывод: основной контингент работающих на телеграфе состоял из молодых и весьма привлекательных особ. Наконец его окликнули, и он двинулся через распахнутую границу навстречу улыбающимся Ларисе и Екатерине.

- Ой, как хорошо, что ты пришёл! – зашебетали обрадованные его приходом девушки. – Пошли, - они потянули Семена за собой, - там, в кабинете завхоза девчонки из нашей бригады уже стол накрыли.

- А Саша где? – первое, что спросил Семён, следуя за девушками.

- А у него вторая смена на заводе, - ответила Екатерина и как-то странно глянула на Семёна.

От этого взгляда Семёну тут же стало неловко и тревожно.

- Товарища подменил, - беззаботно подтвердила Лариса, не заметив изменившегося настроения Семена.

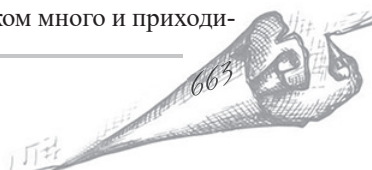
«Вот ведь кретин! – мелькнуло в голове у того. – И дернул же меня чёрт прийти сюда!» Он механически продолжал переставлять ноги вслед за девушками, понимая, что деваться уже некуда, а уйти без каких-либо особо веских причин было бы верхом хамства. Но все эти мрачные мысли потихоньку улетучились, когда через несколько мгновений они оказались за дверью большой комнаты, где на сдвинутых вместе столах красовались тарелки с немудрёной закуской, стаканы и бутылки с вином. В комнате суетилось с десятков молодых, нарядно одетых девчонок, среди которых одиноко стоял, прижавшись спиной к стене, парень примерно тех же лет, что и Семён.

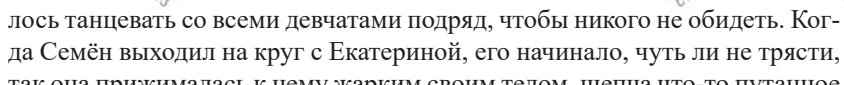
- А это – Семен! – представила его собравшимся Екатерина. – Прошу любить и жаловать! Только не шибко жаловать, а то и обидеться могу, - закончила она, громко рассмеялась и повернула голову в сторону Семёна, вздернув подбородок.

Семен, внутренне собравшись, постарался не заметить при посторонних таких явных знаков внимания, подошел к парню и протянул руку.

- Николай! – представился тот, и уже вполголоса, наклонившись к собеседнику, продолжил. – Я думал, что мне конец пришел одному-то! Хорошо хоть ты появился в этом цветнике.

В это время их позвали к столу, где пришлось знакомиться с каждой девицей отдельно, наливать вино в стаканы и произносить тосты. Вечер покатился весело и стремительно. Примерно через час в актовом зале начались танцы, заиграл, как и было обещано, вокально-инструментальный ансамбль, закружились пары. Парней было не слишком много и приходи-

лось танцевать со всеми девчатами подряд, чтобы никого не обидеть. Когда Семён выходил на круг с Екатериной, его начинало, чуть ли не трясти, так она прижималась к нему жарким своим телом, шепча что-то путанное на ухо. Ему казалось, что все смотрят только на них, хотя, по сути, в вихре танцующих пар вряд ли что можно было разглядеть.

- Что, Аллочка понравилась? – спрашивала вдруг, откинув голову и вглядываясь в его лицо, Екатерина.

И продолжала, не дожидаясь ответа:

- Смотри, я ей зенки повыцарапаю!

Семён не знал, как реагировать на такие монологи, и танцевал, молча, чувствуя кожей все выпуклости и изгибы её подвижного тела. А она, ощущая его волнение, только загадочно улыбалась, прижимаясь к нему плотнее, как будто хотела превратиться вместе с ним в единое целое. Смущённый Семен искал в толпе взглядом Ларису: а вдруг та видит всё это, но девушка была занята своими делами, усиленно кокетничая со слегка опьяневшим от вина и внимания Николаем. Чуть позже компания вновь собралась за столом, и Семён даже что-то исполнил на неизвестно откуда взявшейся гитаре, чем вызвал искреннее одобрение окружающих.

- Ну, спой еще, Семен! – упрашивала его подвыпившая Аллочка, и он пел что-то из популярных среди молодежи исполнителей.

Все это время он ощущал на себе цепкий, внимательный взгляд Екатерины, и нисколько не удивился, когда к концу вечера явно симпатизирующая ему Аллочка неожиданно куда-то исчезла. Он внутренне был готов к этому. От предчувствия чего-то необычного, запретного мысли его перескакивали с одного на другое, а в груди то и дело появлялась и тут же исчезала какая-то странная дрожь, после которой горели щеки и потели ладони. К половине первого веселье пошло на убыль и народ начал расходиться. Лариса отправилась куда-то вместе с Николаем, и Семен с нарастающим волнением осознал, что сейчас ему, хочет он того или не хочет, придется провожать Екатерину.

- Пошли! – коротко позвала она, внимательно посмотрев ему в глаза, отчего голова у Семёна снова пошла кругом, а ноги сделались ватными.

На улице было хоть глаз коли, звёзд и тех не видно, пахло цветущими на клумбах вдоль проспекта цветами и приближающейся грозой, предвестниками которой были далёкие всполохи на западе и доносившиеся отголоски грома. Они шли по тротуару и молчали, стараясь не разрушить что-то хрупкое и невесомое, возникшее между ними в эти мгновения. Чёткий звук её каблучков по асфальту, как метроном, отсчитывал тягучие минуты. В голове у Семёна было абсолютно пусто, все мысли куда-то отлетели, но всей своей сутью он чувствовал нарастающее в этом молчании внутреннее напряжение. Рядом с визгом затормозило такси, и водитель спросил, куда их подвезти.

- Спасибо, нам недалеко, - ответила Екатерина и потянула Семена за рукав в сторону.

- Нам же, вроде, прямо? – недоумённо спросил очнувшийся Семен и тут же понял, что сморозил глупость.

Первые капли дождя упали на асфальт, поднялся ветер, и они едва успели укрыться в каком-то подъезде ближайшего дома. Он был тих и непроницаемо тёмн. Гроза налетела, как ей и надлежало: стремительно и грозно. С неба обрушились потоки воды, мгновенно превращаясь в ручейки, которые в свою очередь, сливаясь в единое целое, образовывали бурные потоки кипящих речек спешащих по асфальту вдоль дорожных бордюров. Гремел, раскатываясь сотрясающей здание дрожью, гром, и сполохи молний, проникая сквозь мутное стекло входной двери, то и дело отражались неясными миражами на стене лестничной клетки.

- Иди сюда, - шепотом позвала Екатерина и настойчиво потянула Семена за собой в густой мрак угла под лестничной площадкой. – Ну что же ты, боишься?

Как слепой, опасаясь удариться обо что-нибудь, он шагнул следом, и почувствовал, как кольцо ее рук сомкнулось вокруг его шеи, а жаркие и жадные губы закрыли его пересохший рот, лишив возможности дышать. Тело Екатерины сотрясала мелкая дрожь, тут же передавшаяся Семену. Руки ее скользнули ниже и начали неловко тереть пряжку брючного ремня.

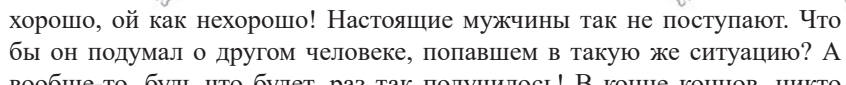
- Ну что же ты? – она на мгновение оторвалась от его губ, и тут же снова начала целовать его в шею, в глаза, во всё, что попадалось ей на пути. – Скорей! Ну, скорей же! Я не могу!

И едва он справился с пряжкой, как она повалила его на себя, обхватив ногами и помогая свободной рукой справиться со всем остальным. Протяжный стон желания потревожил текучую и вязкую тишину подъезда и горячее, частое дыхание обожгло щеку Семена. После этого он мало что ощущал, кроме всепоглощающей страсти обладания этой женщиной, нетерпеливой и чувственной. Время незримо скользило над ними, прерываясь лишь бессвязным шёпотом и новыми ударами грома уходящей от города грозы. Еще один короткий стон облегчения легким эхом отразился от стен в его ушах, и ему пришлось подчиниться ее попыткам освободиться из душного плена. Они поднялись, приводя себя в порядок. Дождь к этому времени прекратился совсем, и Екатерина, как ни в чём не бывало, чмокнула его в щеку и вновь потянула за собой, на этот раз на улицу.

- Пошли, четвертый час уже, - она взглянула на часы, и на мгновение прижалась к Семёну, обхватив его за талию. – Понравилось? – едва слышал он.

Екатерина тихонько рассмеялась чему-то своему, а Семен после всего случившегося сразу же почувствовал невыносимую тяжесть терзающих, возникших в нём, как только прояснились мысли, угрызений совести. Не-

хорошо, ой как нехорошо! Настоящие мужчины так не поступают. Что бы он подумал о другом человеке, попавшем в такую же ситуацию? А вообще-то, будь что будет, раз так получилось! В конце концов, никто и никого ни к чему не принуждал. Но смутное, надсадное беспокойство все же осталось сидеть занозой где-то в глубине его души. Они поймали попутное такси и уже через двадцать минут были в своем районе. Взяв с него обещание, что в субботу он обязательно придет к ним в гости домой, Екатерина чмокнула его на прощание и растворилась в предутреннем полумраке. А он направился домой, где, стараясь не разбудить родителей, пробрался к себе в комнату и улёгся под одеяло. В утомленном событиями сознании, как в темном, пустом кинозале, мелькали кадры прошедшего вечера и ночи, пока их не закрутило в карусель.

После всего, что с ним случилось накануне, он едва дождался следующей субботы. Еще бы. Как ни крути, а Екатерина была его первой в жизни женщиной, а считать поцелуи и свидания с девчонками из параллельной группы чем-то по-настоящему серьезным, было бы после всего произошедшего попросту смешно. Кляня себя, на чём свет стоит, он спустя неделю снова подался в знакомый переулок. Стараясь ничем не выдать свои грешные мысли, Семён весь вечер не поднимал глаз на Екатерину. Ему было стыдно перед приятелем, но он продолжал сидеть, малодушно оправдывая себя какими-то несуществующими обстоятельствами. Опять выпивали, перебирали старых знакомых и весёлые случаи из прошлой и, как казалось, далекой жизни. Лариса ещё в начале застолья собралась и отправилась на свидание к Николаю, с которым, как понял Семён, у них все закрутилось серьезно. Она ни разу не припомнила даже намёком, что Семён присутствовал на том вечере, где они познакомились с Николаем. Уменьшая девочка. Да и Екатерина в разговорах весь вечер тоже помалкивала, не касаясь этой темы. Потом Семен засобирался домой, а Сашка, как и прошлый раз, отправился на боковую. Пока Семён возился на веранде с ботинками, туда выскользнула Екатерина.

- Приходи через полчаса, когда все заснут. Вон видишь сарайчик у забора, вот туда и приходи, он не заперт, - горячо прошептала она ему, куснула за ухо и скрылась за дверь.

Ошарашенный последними словами Екатерины, он покинул гостеприимный дом, и все эти отведённые ему полчаса бесцельно бродил по окрестным улицам, стараясь далеко не отдаляться, чтобы не опоздать. Потом, проклиная свое малодушие и бесхарактерность, возвратился и крадучись пробрался в сарайчик, где на его удивление стоял старый диван и даже какой-то столик. Хорошо, хоть пес снова где-то гулял, а то бы было кино. Он сидел в темноте и бездумно смотрел на полоски лунного света на дощатом полу, пробивавшиеся сквозь щели в дверях. Мелькнула тень и через секунду горячие губы Екатерины привели его в чувство.

- Иди скорее ко мне. Не бойся, все спят уже, - она нетерпеливо поторопила его, и через минуту они слились воедино, отгородившись от окружающего мира шелестом обжигающего дыхания и ощущениями, которые заставляли позабыть обо всем.

Очнулись они от тихого скулежа и легкого царапанья о дверь.

- Рябой, - едва слышно грудным смехом отозвалась Екатерина, почувствовав, как напрягся Семён, - домой вернулся, гулёна. Не бойся, он не залает. Пора тебе, одевайся. Пошли, я тебя до калитки провожу, - она впустила собаку. - Ну, ну, не балуй, чёрт патлатый. Да не бойся ты его, Семен, он кусаться не умеет. А ты, Рябой, молчи, не подвывай, кому я сказала. Давай скорее Сеня, а то, не дай Бог, поднимем кого!

Потом в течение всего лета они встречались раз в два три дня то где-нибудь в парке у стадиона, то в гостях у какой-нибудь из ее многочисленных подруг, то еще где-нибудь. Подругам, как правило, в эти моменты было всегда куда-то срочно нужно, и они имели пару другую часов уединения. Свидания эти, кроме опьяняющей страсти и наслаждения, оставляли после себя какую-то недосказанность и ощущение неловкости. А когда дома перед сном в постели Семен начинал вспоминать их, чувство стыда перед Сашкой холодной змеёй вползало в душу и начинало саднить в груди, как перед болезнью. Только сон и текущие дневные дела отгоняли его...

- Ну вот, другое дело! - Владимир Сергеевич удовлетворённо нажал головку секундомера. - Час десять ровно. Можно было, конечно, и побыстрее. Давайте-ка, мужики, пять минут отдыха и в тренажёрный зал. Что, Семен, голову-то проветрило?

- Проветрило.

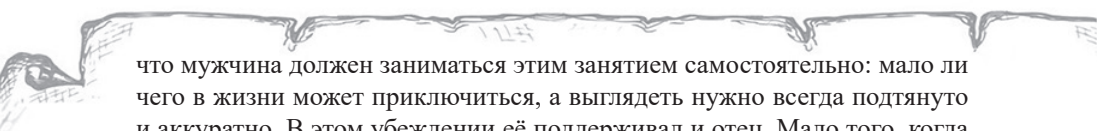
- Он, Владимир Сергеевич, сейчас, как дитя чист! - заржал Володя Грек. - Штангу еще часик потаскает, и можно смело в монастырь подаваться, сил все равно не будет на другие дела.

- У тебя тоже не будет, Грек, - не поддержал шутку тренер. - Хорош граждане спортсмены разлагаться, поднялись и пошли.

Семён любил таскать штангу, но в этот день филонил, как мог: вечером он собирался в гости к Ивановым и не хотел выглядеть перед Екатериной сонной мухой...

...Приближалась осень. На дворе заканчивался август. Жара была уже не такой изнуряющей, как в июле, а приятной и ласковой. На приусадебных участках частного жилого фонда и открытых лотках уличных торговцев краснели мясистые помидоры нового урожая, а созревающие в палисадниках яблоки розовели глянцевыми боками. Была суббота, и Семен ближе к вечеру усердно гладил рубашку и брюки, что всегда делал, сколько себя помнил, только сам, с самого раннего детства. Мама считала,

что мужчина должен заниматься этим занятием самостоятельно: мало ли чего в жизни может приключиться, а выглядеть нужно всегда подтянуто и аккуратно. В этом убеждении её поддерживал и отец. Мало того, когда она ложилась в больницу на очередное обследование по поводу хронического заболевания, уборка по дому тоже ложилась на плечи Семена, особенно когда отец отсутствовал в своих постоянных командировках. Сегодня мама, что само по себе удивило Семёна, неожиданно предложила погладить ему эту самую рубашку, но он наотрез отказался. Семён давно уже стал примечать, что она как-то по-женски, оценивающе стала поглядывать в его сторону, и старался, как умел, уходить от этих взглядов и безмолвных вопросов повисающих в воздухе. Ну не расскажешь же, что встречаешься с несвободной женщиной, да и ещё и женой своего бывшего одноклассника. За это точно по головке не погладят. Но, видимо, что-то в его поведении маму беспокоило, раз она так смотрела. Он понимал, что совершает что-то не совсем достойное, но остановиться не мог, да по сути, если вдуматься, ему этого и не позволяли. Хотя, надо признаться, все эти скоротечные, торопливые свидания с постоянной опаской быть внезапно раскрытым уже начинали его тяготить. Но, как только раздавался очередной телефонный звонок, или наступал выходной, он не мог совладать с тем необъяснимым притяжением, которое оказывала на него Екатерина. Вот и сегодня он торопился в дом Ивановых, хотя Александр уже был не так приветлив, как раньше, да и Лариса нередко бросала на Семена косые взгляды.

Наконец он собрался, и, пробормотав что-то невнятное в ответ на вопрос матери, когда он вернётся, выскочил за дверь. Прохладный, уже по осеннему пахнувший прелой листвой воздух хлынул в лёгкие. На тополях к великому удивлению Семена уже начали желтеть листья, а трава у придорожных кюветов местами стала бурой и жёсткой. Да и чему удивляться: сентябрь скоро. Семён энергично махнул рукой, будто отбрасывая от себя всё, что его тревожило и напрягало, и бодрым шагом направился в сторону посёлка авиаремонтников. Уже через четверть часа он подошёл к знакомой калитке и, поднявшись на крыльцо, решительно постучал в дверь. Она распахнулась почти в то же мгновение, как будто его специально ждали. За дверью, загородив проём, стоял отец Иванова Сергей Иванович и, молча, смотрел на Семёна.

- Здравствуйте! А Саша дома? – задал вопрос Семен и отступил на шаг, так как взгляд старика не сулил ничего хорошего.

Он почувствовал всю ту неприязнь и брезгливость к собственной персоне, что сквозила в этом взгляде умудрённого долгой и трудной жизнью человека.

- Они все в кино ушли, - коротко ответил старик, продолжая неотрывно глядеть Семёну в глаза.

Семен еще с секунду потоптался на крыльце и, круто развернувшись, шагнул вниз по ступеням:

- Извините, я в другой раз зайду.

Он зашагал в сторону калитки.

- Постой, парень! – раздался голос старика, заставивший Семёна остановиться. – Ты не ходи сюда больше! Нехорошо это. Семья у них. Не пакости!

Его словно ударили по лицу. Застывший у калитки Семён услышал, как за спиной громко захлопнулась входная дверь. От прозвучавших только что слов и сидящего в нём подспудно и уже давным-давно разъедающего совесть чувства стыда он был готов провалиться сквозь землю. Щёки и уши вспыхнули огнём, и почти бегом он бросился прочь по улице, едва затворив калитку. «Так тебе и надо! – звенело в ушах. – Не пакости! Стыд-то, какой! Доигрался! Как только теперь Сашке в глаза смотреть?» Да темноты он бродил по аллеям городского сада, стараясь выбирать места темнее и глуше. В душе его никак не исчезало острое чувство отвращения к себе и неосознанного страха перед совершённым преступлением. Как в детстве, когда где-то набедокуришь и ждешь неотвратимого родительского наказания. Потом Семён натолкнулся на компанию своих уже изрядно весёлых однокурсников и присоединился к ним, так как быть в одиночестве стало вовсе невыносимым. Они подались в кафе, потом еще куда-то, и дома Семён появился далеко за полночь в таком состоянии, что мать только всплеснула руками. Она почти до самого утра поила его водой и выносила тазик, пока, наконец, под утро он не забылся тяжёлым, глухим сном. Когда он очнулся, мать силком отправила его в магазин за молоком, где он едва смог выстоять очередь к прилавку, то и дело, покрываясь с ног до макушки внезапным, холодным потом. Это состояние на какое-то время начисто выбило у него из сознания подробности вчерашнего дня, и уже в понедельник, отправляясь на тренировку, он был полностью сосредоточен и спокоен.

- Как выходные прошли? – спросил его в раздевалке Грек.

- Нормально, - коротко ответил Семён.

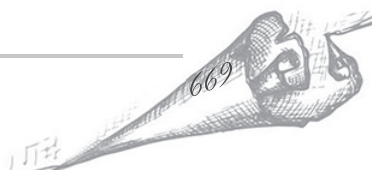
- Оно и видно! Пить-то поменьше надо, а то Сергеевич шкуру сдерёт, а то и еще чего хуже: из сборной турнёт.

- А ты помалкивай лучше, - огрызнулся Семён, чувствуя, что зря он так ни за что обидел человека. – Извини, неприятности всякие.

- Бывает, - ответил Владимир, решив, что не стоит обижаться на больного. – Всё пройдет, как с белых яблонь дым. Не дрейфь!

- Все пройдет, - эхом повторил Семен слова Грека, и больше они к этой теме не возвращались.

Позже он не утерпел и рассказал приятелю обо всём, что с ним приключилось.

- Да, - только и сумел произнести Грек, выслушав Семёна. – Хорошо, что хоть так закончилось.

Теперь Семён ходил с оглядкой, стараясь не попасть на глаза Иванову даже на автобусной остановке. Завидев знакомые силуэты старых друзей на тротуаре или еще где-то, он старался обойти их по другой стороне улицы, а то и вовсе скрыться в какой-нибудь подворотне. Но Екатерина все же нашла его. Это же надо: не постеснялась и дождалась его у ворот стадиона, когда они с Володькой возвращались с тренировки. Грек только хмыкнул, завидев такую картину маслом.

- Привет! – как ни в чем не бывало, поздоровалась с ними девушка. – Можно тебя Семён на минуточку?

- До завтра! – деликатно попрощался Грек, сославшись на то, что у него какие-то срочные дела.

Уходя он подмигнул Семену, но у того по душе только кошки заскребли. Чего это она, не понимает ничего что ли?

- Куда это ты пропал?

- А то ты не знаешь? – Семён сделал паузу. - Меня ведь Сашкин отец за порог выставил. Сказал, что нечего в гости ходить, молодую советскую семью разрушать.

- Да ты что? – искренне удивилась Екатерина, своим тоном убеждая Семёна в том, что ничего не знала. - И когда же это случилось?

- А когда я две недели назад к вам в субботу приходил. Сказал, что вы все в кино подались. Ну, а потом и воспитал.

- Вот старый хрыч! И помалкивает, сопит в две дырочки. А Сашка спрашивает: куда это Семён провалился, носа не жает?

После этих слов Екатерины Семёну стало как-то легче. Молодец дед, не стал информировать общественность о предпринятых мерах.

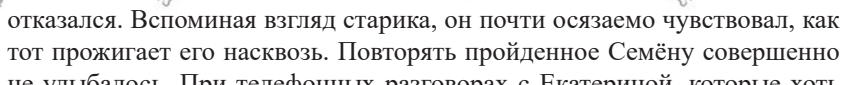
- А что он, должен был на всю ивановскую трубить, что у него сноха с приятелем мужа путается?

- А и фиг с ним! – беззаботно высказалась Екатерина, подхватив Семёна под руку. – Лезет не в свои дела! Пошли, что ли?

- Куда? – удивился Семён.

- А куда глаза глядят, - как ни в чем не бывало она начала рассказывать ему какие-то новости, то и дело, прерывая болтовню беззаботным смехом и пытаясь вывести своего визави из мрачной задумчивости.

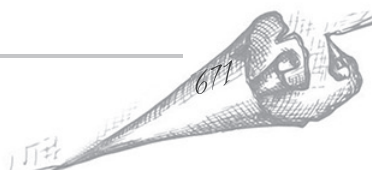
Семён уже понял, что путь их лежит в квартиру одной из подружек, но вместо того чтобы воспротивиться происходящему, покорно поплёлся следом. «Вот дурак! И зачем тебе это надо? - думал он, вышагивая по асфальту. – Где твоя сила воли?» Но решительно шагающая рядом женщина фактически парализовала его волю. Спустя несколько дней они встретились еще раз, но встреча эта оставила на сердце такой же пресный осадок, что и предыдущая. Ходить к Ивановым в гости он решительно

отказался. Вспоминая взгляд старика, он почти осязаемо чувствовал, как тот прожигает его насквозь. Повторять пройденное Семёну совершенно не улыбалось. При телефонных разговорах с Екатериной, которые хоть и редко, но случались, он всячески старался уклониться от встреч, ссылаясь на всякую ерунду, какую мог придумать. И однажды телефонные звонки прекратились.

Начались занятия в институте, и повседневные дела почти стёрли память о коротком, дождливом лете в опустевшем городе. Однокурсники при встречах спешили поделиться своими славными победами на любовном фронте, то ли действительно случившимися, то ли придуманными. Семен на вопросы о летних приключениях старался увести разговор в сторону. Воспоминания о Екатерине и, особенно о том разговоре с отцом Иванова, вызывали у него только жгучее чувство стыда и больше ничего. Это назойливое чувство преследовало его еще несколько лет, тускнея со временем и становясь чем-то зыбким и нереальным, как мираж. Новые заботы и выпавшие на его долю жизненные дороги северных широт заслонили от него прошлое, которое, однако, нет-нет, да и напоминало о себе в редко выпадавшие минуты одиночества простым русским именем Екатерина.

22 июля – 19 октября 2015 г.

На глазок

- Короче так, Подолинский, вышка к утру должна стоять! – рубанул рукой воздух начальник управления. – И вон возьми с собой Марченко, - кивнул он в сторону стоящего у двери Николая. – Геодезист в отпуске, берите в лаборатории теодолит, и – вперёд!

- А где второй кран брат? – заныл было Подолинский, но начальник коротким жестом прервал его.

- К механику! Команда ему дана. А если что не будет получаться, сразу же ко мне! – он поднял трубку селектора, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Николай с Валерием понуро выкатились в приёмную. Секретарь Наталья, яркая, фигуристая шатенка, в которую были влюблены поголовно все управленческие мужики репродуктивного возраста, увидев их расстроенные физиономии, заметила:

- Не повезло вам, мальчики!

- Это точно! – отозвался Валера и потянул Николая в коридор. – Пошли что ли к механику.

В другой раз они не преминули бы задержаться в приемной на несколько минут, чтобы перекинуться с секретаршей парой двусмысленных острот, но сейчас время поджимало, и болтать было особо некогда. На кой чёрт так срочно понадобилась начальству эта самая осветительная вышка на нижнем складе комбината, приятели понять не могли. Три часа дня, суббота, нельзя, что ли до понедельника потерпеть?

- Слышал я, начальство из треста в понедельник приезжает, - бросил в пространство Николай, пытаясь как-то оправдать действия руководства, но Подолинский промолчал, целеустремлённо продолжая путь в сторону гаража.

Мысли в его голове перескакивали с одного на другое. Это надо же случиться такой неприятности! Вечером они с Николаем собрались в посёлок, в гости к знакомым девчатам, и на тебе – такой облом! До семи им точно не справиться, даже если все пойдёт, как по маслу. Общая задача, поставленная перед ними, и пути ее решения были вполне понятны, теперь всё зависело от главного механика. Будет второй кран – будет работа, а не будет крана – это уже не их вина. Форс-мажор, так сказать, и взятки гладки! Но к полному неудовольствию в диспетчерской их уже ожидал крановщик вместе с ехидно ухмыляющимся в усы главным механиком.

- Чего скалишься? – буркнул ему Подолинский. – Устроили людям субботу, дьявол их задери, а он радуется!

- А чего мне горевать? – отозвался в ответ механик. – Я свою задачу

выполнил. Вася, - обратился он к крановому, - командиры прибыли, так что я пошёл.

Механик пробормотал что-то на прощание и торопливо исчез за дверь.

- В «Три мухи» полетел, - поглядел ему вслед Подолинский, и, уже обращаясь к крановому, скомандовал. – Дуй Вася на участок! Мы с Николаем минут через тридцать подъедем.

Здесь надо заметить, что «Тремя мухами» в мужской половине младшего и среднего управленческого аппарата прозывалась прорабка четвёртого участка, расположенная на окраине вагон-городка ПМК, в которой по субботам после работы частенько собиралась тёплая компания мастеров и прорабов управления отдохнуть от трудов праведных. Начальство про эти собрания знало и изредка предпринимало попытки прикрыть лавочку. После очередного рейда профсоюзного актива народ на время перемещался в другое место, а затем все становилось на свои места. Ну а когда профсоюзом избрали руководить бывшего начальника первого участка Лёву Солнышкина, набег и вовсе прекратились.

- Слышь, Николай, давай-ка за теодолитом, а я попробую Наташке дозвониться.

- Хочешь извиниться? – поинтересовался у приятеля Николай.

- Ещё чего! – подмигнул Славка. – Хочу в гости пригласить.

- Куда? – искренне удивился Николай.

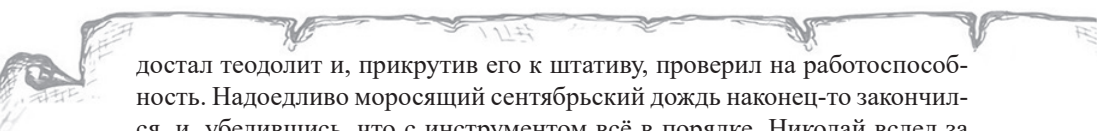
- Куда, куда! На участок разумеется. Сам подумай: раньше десяти никак не закончим, а так хоть с девчатами на перекурах посидим. Да и чего нам вдвоём у вышки отираться, подменим друг друга, если что. Ну а потом и в гости поедем.

- Здорово ты это придумал, - подивился в ответ на сообразительность товарища Николай и бодрячком полетел в строительную лабораторию за инструментом.

С Подолинским Николай был знаком почти год и даже проживал с ним вместе в одной комнате щитового общежития. Валера трудился прорабом на третьем участке, а Николаю по воле начальства выпала судьба трудиться в строительной лаборатории, приданной заводу ЖБИ. Николай не любил своей работы, считая ее недостойной настоящего мужчины. Женская работа, бумажная. Отобрал пробы бетона, заполнил паспорта и сиди у муфельной печи, запекай картошку на обед. Коллектив женский, поговорить не с кем, да и не о чем. Поэтому он и старался проводить побольше времени на стройучастках, где кипела настоящая жизнь.

Спустя полчаса они выгрузились из дежурного автобуса у прорабки третьего участка, начальника которого на время отпуска и замещал Подолинский. После короткой постановки задачи, Валерий вместе со сварщиками и крановщиками отправился к фундаменту под вышку, а Николай

достал теодолит и, прикрутив его к штативу, проверил на работоспособность. Надоедливо морозящий сентябрьский дождь наконец-то закончился, и, убедившись, что с инструментом всё в порядке, Николай вслед за остальными отправился посмотреть, что там твориться на объекте.

- Отстреляй с мужиками основание, - бросил Николаю Подолинский, осматривая с крановщиками, как лучше и быстрее закончить сборку секций вышки.

Николай установил инструмент и вместе с бригадиром монтажников Олегом Обыденновым быстренько дал отметки на анкерные болты, торчащие из фундамента.

- Нарезьте сейчас прокладок, чтобы потом в темноте не возиться, - посоветовал он бригадиру.

- Не беспокойся, Иваныч, - успокоил его имеющий немалый опыт монтажа бригадир, - все будет в порядке!

Николай отнес теодолит подальше в сторону, чтобы случайно не зацепили, наказал мужикам смотреть за инструментом и отправился назад в прорабку. Минут через десять туда же явился и Подолинский.

- Думаю, что до сумерек сборку закончим, - объявил он Николаю. - Мужикам тоже мало радости сидеть тут в субботу. Давай, что ли чайник поставим, а то продрог я что-то.

- Погода не ахти! - подтвердил Николай, занявшись чайником.

Примерно через полчаса, когда они уже пили чай, к прорабке подлетел самосвал, и Подолинский, отставив стакан, выскочил на улицу. Еще через мгновение он возвратился с объёмистым пакетом в руках.

- Что это? - спросил Николай, повернув голову в сторону Подолинского и с интересом разглядывая, что тот принёс.

- Что, что? Дед Пихто! - рассмеялся Валера, выставляя из пакета на стол бутылку водки, вино и всякую разную закуску. - Девчат пригласили, а угощать чем будем?

- И когда ты только успел? - удивился Николай.

- А пока ты к себе в лабораторию бегал, я Юрке Черепкову заказал что почём и сколько. Вот он и доставил.

Юра Черепков, водитель самосвала, прикрепленного к участку, человек был обстоятельный и исполнительный, поэтому просьбу начальства выполнил добросовестно.

- С тебя, кстати, пятерка, - продолжил Подолинский, и Николай, порылся в кармане пиджака, тут же вернул товарищу пять рублей.

- А когда, кстати, девчата подъедут?

- Отправим им к половине восьмого автобус. Я с Наташкой договорился, да и с водителем тоже. Ну а потом, как закончим, автобусом и уедем, а мужики с крановщиками доберутся. Давай, что ли по пять грамм, - плеснул он в освободившиеся стаканы.

- Не, не хочу я пока, - отказался Николай, - да и с теодолитом еще работать.

- А что с ним, с теодолитом случиться может?

- Ничего с ним не случится, не хочу и всё!

- Ну, как знаешь! А я приму! - отозвался Подолинский и, выпив, покинул прорабку, закусывая куском колбасы.

Переждав с полчаса и пролистав какой-то технический журнал, валявшийся на полке, Николай тоже покинул жарко нагретый вагончик, предварительно выключив самодельную электрическую печку. «Наделают козлов, - ворчливо подумал он, - потому и горят без конца!» Монтажники к этому времени практически закончили сборку вышки. Тридцатиметровая решётчатая железяка лежала на деревянных прокладках, готовясь встать вертикально, а двое сварщиков проваривали последние монтажные стыки. На улице начинало смеркаться.

- Скоро? - спросил Николай Подолинского.

- Минут сорок я думаю, - ответил тот. - Пошли в прорабку, сейчас автобус придет, гостей встретить надо. Ну, а потом и поднимать начнем.

Автобус и приятели оказались у вагончика почти одновременно. Двери автобуса, лязгнув, распахнулись.

- Прошу, мадмуазель! - галантно протянул руку появившейся в двери крупной блондинке Подолинский, предлагая пройти в вагончик ей и ее тоненькой подруге. - Семен, - повернулся он к водителю, - кати в диспетчерскую, чего тебе тут торчать неизвестно сколько! Когда закончим, перезвоним. Веди девчат! - это уже к Николаю. - Я на пару минут до мужиков слетаю.

Николай помог девочкам подняться по дощатой лестнице в прорабку и вошел следом. Наталья, девушка Подолинского с интересом оглядела помещение и, увидев накрытый стол, присела рядом на обтянутую черной изоляционной плёнкой скамью. Вторая девушка, Инна, учительница русского языка местной средней школы, осталась стоять, нерешительно оглядываясь по сторонам, пока Николай не подхватил ее под локоть и не усадил на стул.

- Располагайтесь! - широким жестом обвёл он внутреннее пространство времянки и включил обогреватель, так как вагончик к этому времени начал остывать.

- Приветствую вас, красавицы! - ворвался с улицы улыбающийся Валерий. - Никола, ты чего гостей не угощаешь? Как добрались? - задал он вопрос.

- Нормально! - улыбнулась ему в ответ Наталья. - А вы чего это вдруг на работе пить решили?

- А чего сразу пить! - запротестовал Подолинский. - Мы вас пригласили культурно время провести. Ну, а заодно, так сказать, познакомить

поближе со строительством комбината. Что бы вы, так сказать, наглядно и непосредственно в деле оценили труд скромных героев ударных пятилеток. Когда ещё такой случай представится?

- Кого это ты имеешь в виду? – засмеялась Наталья.

- Ты о чем? – изобразил на лице искреннее удивление Подолинский.

- Да о героях пятилеток.

- Себя, разумеется! – ухмыльнулся Валера. – Ну и Николая, естественно! Правда, Николай?

- Соловья баснями не кормят! – вместо ответа отозвался Николай, усаживаясь за стол рядом с Инной. – Пододвигайтесь, девочки! Этого балабала, - кивнул он в сторону Подолинского, - до утра не переслушать!

Валерий, не теряя времени, плюхнулся на скамейку рядом с Натальей и начал разливать.

- Мне, пожалуйста, вина, - попросила Инна, и Николай налил половину стакана появившегося недавно в магазинах «Агдама».

Винцо было так себе, но всё же лучше вермута и прочей бурды, а сухарь у местного населения был не в почёте.

- За успех нашего предприятия! – провозгласил Подолинский и залпом выпил водку.

Остальные присутствующие последовали за ним. Не успели закусить, как в дверь постучали.

- Иваныч, пора поднимать! Устанавливай прибор! – раздался из-за двери голос бригадира.

- Минуту, - крикнул, отозвавшись Подолинский, - идём! Пошли, что ли! – повернулся он к Николаю. – Поскучайте без нас, девочки, а нас ждут великие дела. Если захотите посмотреть, выйдите на крылечко, только от вагончика ни на шаг! Техника безопасности превыше всего. Пошли, Иваныч! Быстрее начнем – быстрее закончим!

Они вышли из прорабки и направились к монтажной площадке, где рабочие уже установили краны на опоры и зачекерили вышку с двух сторон за конструкции верхней площадки под прожектора. Подолинский вместе с бригадиром ещё раз осмотрел всю оснастку и, оставшись довольным увиденным, дал команду на подъём.

- С Богом, помолясь! – прокричал он, перекрывая шум двигателей, крановщикам. – Майна помалу!

Вышка дрогнула, верхняя часть её приподнялась, а нижняя поползла в сторону фундамента по продольным бревенчатым плахам, собирая по пути дощатые прокладки, уложенные поперех плах.

- Тихонечко! – проорал во всю глотку Подолинский, призывая всех быть на чеку, а потом повернулся к Николаю. – Чего стоишь? Топай, инструмент устанавливай!

Николай, наблюдающий за подъёмом, согласно кивнул, и подался в

сторону стоящего метра в пятидесяти от фундамента теодолита. Установив инструмент на треноге в более-менее горизонтальное положение, юстировочными винтами он загнал пузырек уровня в центр стеклянной трубочки, и проверил его устойчивость, несколько раз повернув инструмент вокруг оси. «Порядок», - подумал он. К этому времени верхняя часть вышки преодолела метров пятнадцать от земли и вот-вот должна была повиснуть на крановых крюках. Николай задрал голову вверх, и, внезапно поскользнувшись на мокрой глине, сделал шаг назад. Звук падающего на землю теодолита поверг его на секунду в ступор, но тут же заставил повернуться и броситься поднимать упавший инструмент. На объективе заляпанного грязью теодолита зияло белёсое пятно от удара обо что-то с расходящимися во все стороны лучиками трещин. «Конец! Кранты инструменту! – промелькнуло первое, что пришло на ум, и второе. – Что теперь делать-то?» Мысли крутились в голове, перескакивая с одного на другое, пока он шел в сторону Подолинского. Тот, не обращая внимания на подошедшего Николая, продолжал руководить подъемом. Николай тронул приятеля за рукав.

- Что? – повернувшись, недовольно спросил Валерий.

Николай накоротке поведал ему, что теодолит приказал долго жить.

- Что теперь делать-то будем? – задал бестолковый вопрос выругавшемуся в сердцах Подолинскому Николай.

- Я откуда знаю?

- А по старинке надо, - отозвался стоящий рядом с ними бригадир. – Как всегда делали.

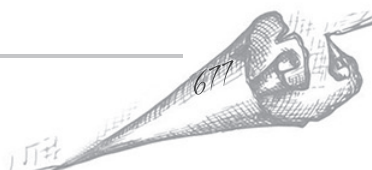
- Это как? – спросил Обыденного Валерий.

- По отвесу. Отвес сделать пять минут: гайки с бечёвкой имеются. Только отойти подальше надо, чтобы поточнее было.

- Давай, Олег, делай. А ты Никола бері корректировку на себя, видишь, уже подняли почти.

Еще через минуту вышка повисла в вертикальном положении, удерживаемая двумя стоящими друг против друга кранами. Она слегка покачивалась, как маятник, пока не застыла неподвижно. Хорошо, что ветра не было. Провозившись под ней какое-то время, монтажники насадили опорные части вышки на выступающие из поверхности фундамента анкера. Николай отошел от вышки метров на сто и, подняв отвес на вытянутой руке, начал командовать, куда двигать верх, чтобы конструкция стала перпендикулярно земле. Перебежав с восточной стороны на северную, он проделал то же самое. И так несколько раз. Хорошо, что к этой поре совсем не стемнело, и было можно что-то разглядеть, да и вышка не качалась: старались ребята.

- Вроде нормально! – наконец прокричал он Подолинскому. – Пусть прихватаывают, а ты иди, посмотри тоже.

Им всем крупно повезло, что тучи рассеялись. А, окрасившийся розовым, запад позволил видеть и нить отвеса, и грани поднятой вышки.

- Нормально! – резюмировал Подолинский, побегав с отвесом вокруг объекта. – Приваривай, Олег! – крикнул он бригадиру.

- Намертво?

- Намертво, конечно! Чтобы никаким ураганом не сдуло! – ответил довольный Подолинский, и подошел к рассматриваемому поврежденный инструмент Николаю. – Ну, как?

- А никак! Списывать надо.

- Да и фиг с ним! Зато вышку смонтировали. Бери свою бандуру и пошли в прорабку, а то девчата заждались, поди.

Наблюдавшие с крыльца вагончика за происходящим девчата поздравили их с успешным окончанием дела.

- Здорово это у вас получилось, - похвалила Наталья.

- Даже страшно стало, - поддержала ее Инна, - особенно когда она качалась, когда повисла.

- Вот за это и выпьем, - предложил Валера, разливая спиртное. – Сейчас мужики закончат, и поедем домой. Ты чего такой задумчивый, Никола?

- Первый раз на глазок монтаж провел, - отозвался Николай, пододвигая Инне немудрёную закуску, - кому скажи – не поверят!

- И не вздумай говорить! За такое главный по головке не погладит. Сделали дело и – ладно! Куда девчата рванем?

- Половина десятого, - посмотрела на часы Наталья, - может, на танцы успеем?

- А чего не успеем? Успеем, конечно! – заявил Валерий. – Звони, Никола, насчёт автобуса, а я пойду, посмотрю, что там у мужиков...

...Первое, что почувал и увидел Николай, возвратившись часа в три ночи в родную общагу, резкий запах гари и дымный туман в коридоре уже затихшего, спящего здания. Открыв дверь в комнату, он отшатнулся от хлынувшего навстречу из проема густого дыма. Николай протянул руку, щёлкнул выключателем и, войдя внутрь, едва разглядел спящего на кровати Подолинского. Тлеющий от упавшего окурка ватный матрац под ним зловеще мерцал алым по краям огромной дыры. Не долго раздумывая, Николай взял стоящий на плитке чайник и невозмутимо залил тлеющую в матраце дыру водой. Затем открыл форточку и тщательно проветрил комнату, прежде чем лечь. Мирно храпевший Подолинский даже не шелохнулся. «Надо завтра с Валерки пузырь стясти, за спасение от пожара, - подумал, засыпая, Николай. – Вот комендантша орать-то будет за прожженный матрац!»

Понедельник начался, как всегда, не предвещая ничего необычного. Из треста действительно прилетел главный инженер Саркисов со свитой. До обеда они вместе с руководством управления ползали по объектам

строительства, а, пообедав, отбыли на поезде в Няганское СМУ. Часа в два позвонила секретарша и сообщила Николаю, что его вызывает главный инженер управления.

- А в чем дело? – задал, было, вопрос Николай, но секретарь уже положила трубку.

Он собрался и отправился в контору, перебирая в уме: зачем бы он мог понадобиться главному? Кто-то настучал, что баб на объект привозили? Или что пировали на работе? А, может быть, раньше где-то проштрафился? Не придя ни к какому заключению, Николай добрался до конторы, открыл дверь приёмной и вопросительно уставился на Наташу, наводящую красоту перед зеркалом.

- Садись, - кивнула она, не поворачивая головы, в сторону стула, - пожди. Сейчас Виктор Иванович выйдет, и поедете на комбинат.

- А зачем, не знаешь?

- Почём мне знать, сам скажет, - продолжила подводить глаза секретарша.

- Все хорошеешь, Наталья! – присел Николай, с удовольствием разглядывая прелести девушки.

- А что нам холостым, не замужним! – отозвалась секретарша, закончив красить губы, и, повернувшись, улыбнулась Николаю.

Дверь в кабинет главного распахнулась и оттуда вышли он сам и гонимый о чём-то на ходу начальник четвёртого участка Вася Мальков.

- Давай, Василий Зиновьевич, не подведи! – закончил начатый в кабинете разговор главный, отпуская Малькова. – Ты уже здесь, - продолжил он, заметив Николая, и, повернувшись к секретарше, – Подолинского предупредила?

- Предупредила, Виктор Иванович, - отозвалась та.

- Ну, тогда поехали! - не предвещающим ничего хорошего голосом произнёс главный и распахнул дверь в коридор.

Николай последовал за ним. Через минуту они загрузились в автобус и тронулись в сторону комбината. Всю дорогу главный молчал, а Николай мучился догадками: что же такое случилось, где он умудрился накосячить? Наконец автобус остановился возле прорабки третьего участка.

- Семен Петрович, не сочти за труд, позови, пожалуйста, Подолинского! – попросил главный водителя, и через минуту Валера сидел в автобусе, вопросительно переводя взгляд с главного на Николая.

Николай в ответ пожал плечами и скорчил приятно рожицу, выражая тем самым свое искреннее недоумение по поводу поведения руководства. Главный тем временем приказал водителю трогаться назад, чем поверг в полнейшее изумление и Николая и Валеру, которые уже приготовились выслушать претензии ожидаемой разборки. Автобус снова тронулся, но через полкилометра по приказу начальства остановился у

обочины дороги в сторону поселка, недалеко от возведенного каркаса ремонтно-механических мастерских.

- Пошли, - коротко приказал главный, приглашая на выход. - Ну, и что это? - спросил он, указывая выползшим следом на обочину приятелям в глубину территории за забором.

А что? - недоуменно переспросил Подолинский, вертя шеей.

И только тут Николай обратил внимание на смонтированную накануне вышку. Чуть заметно её вертикально стоящие конструкции своей вершиной с площадкой под лампу наклонились на север. Едва заметно, но все-таки наклонились. На площадке копошились два человека: видимо электрики четвертого участка монтировали осветительное оборудование. Николай ткнул Подолинского в плечо и, молча, указал рукой на вышку.

- И как это понимать? - рявкнул главный. - С пьяных глаз, что ли?

Он повернулся к приятелям, сверля их взглядом из-под нахмуренных бровей.

- И что мне с вами прикажете делать, засранцы? На глазок и то ровнее смонтировать можно. Вы думаете, что приятно от Саркисова выслушивать, откуда у нас всех руки растут?

- Так чуть-чуть, Виктор Иванович, - попытался оправдаться Подолинский, - почти незаметно.

- Да! - взъярился главный. - Вы мне объясните, как такое может получиться у вменяемых людей?

- Темнело уже, - поддержал приятеля Николай, понимая, что оправдание звучит не слишком убедительно. - Да и на глазок пришлось делать.

- Это еще почему? - искренне заинтересовался главный. - Вы что, теодолитом пользоваться разучились?

- Уронили теодолит, - хмуро пояснил Николай, - пришлось отвесом пользоваться.

- Ещё и теодолит угробили!

- Ничего с ним не станется, - возразил, прокашлявшись, Николай, - я его с утра уже перебрал, осталось поверить.

- Слава Богу, хоть тут чем-то похвастаться можете! - съязвил Виктор Иванович. - А с вышкой-то, что делать будем?

- А что с ней сделаешь, анкера уже обварили, не отодрать, - хмуро отозвался Подолинский.

- Вас бы в одно место отодрать! - плюнул под ноги главный. - Пошли с глаз моих!

Он влез в автобус и приказал водителю трогаться. Автобус откашлялся дымом из выхлопной трубы и тронулся по дороге, ускоряя движение, в сторону поселка. Приятели остались на обочине.

- И как это получилось? - спросил после некоторого молчания Подолинский, ни к кому конкретно не обращаясь.

- А что тут думать? – отозвался Николай. – На глазок – оно и есть на глазок! Пошли что ли?

Они прошли в ближайшие ворота и тронулись в сторону прорабки, то и дело, оглядываясь на злополучную вышку.

На следующий день Николаю позвонил из производственного отдела его начальник Вячеслав Иванов.

- Поздравляю, Коля! – бодрым голосом известил он Николая после короткого приветствия.

- Это ещё с чем? – насторожился Николай.

- А с третью оклада! – хохотнул в трубку Вячеслав. – Тебя и Подолинского наградили, за брак в работе и нарушение технологии строительства. Вы чего там накосячили?

- Да так, ничего, - не стал вдаваться в подробности Николай. – Ты Подолинскому уже позвонил?

- А то! Тоже, как партизан, молчит. Так что же вы все-таки натворили, мужики, признавайся? Чего это главный на вас так взъелся?

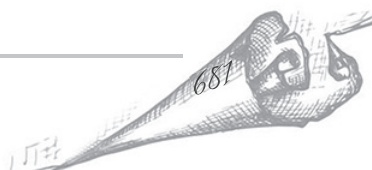
- Ерунда, - поспешил закончить разговор Николай, так и не рассказав изнывавшему от интереса Иванову, за что их с Подолинским взрели.

Секрет оказался секретом полишинеля, и уже через час всё управление знало подробности этой истории. Разумеется, кроме того, что они были на площадке не совсем одни, да ещё и пировали. Никто из мужиков не проболтался. Но даже через полгода, проезжая на автобусе этот участок ограды комбината по пути на работу или обратно, нет-нет да кто-то показывал рукой на предательски покосившуюся вышку, уже радостно освещающую окрестности установленной на вершине ксеноновой лампой:

- На глазок говорите, мужики!

И все пассажиры автобуса дружно ржали. Смеялись и наши герои. А что тут поделаешь, раз – «на глазок».

20 октября – 16 ноября 2015 г.

Командировка

Командировка вовсе некстати, но делать нечего: нужно собираться. Чёрт дёрнул Виктора лезть на заседании комитета со своими предложениями.

- Тебе и карты в руки! – подвёл черту начальник. – Бери с собой Степанова и – вперёд! У него, кажется, там дядька живёт, заодно и с родственником повидается.

Там – это в Голованово, за триста километров от города, куда даже дороги нормальной нет. Летом, как сейчас, «аннушка» или вертолёт, а зимой – вездеход по зимнику. И кому пришло в голову хозяйство по выращиванию черно-бурых лис засунуть в такую дыру. Хотя, с другой стороны – места здесь рыбные. А рыба, как-никак, самый дешёвый белок в кормах. От сои мех блеснуть не станет, как ни старайся. Степанов в отличие от Виктора обрадовался.

- На рыбалку сгоняем. Дядька на берегу реки живет, и моторка у него имеется и сети. Да и дом большой, можно гостиницу не заказывать. Сам знаешь, какая там гостиница: сарай! Еще и деньги сэкономим.

- А удобно?

- Конечно. Он ещё и рад будет.

На следующий день они загрузили в старенький АН-2 вместительный ящик с мобильной лабораторией и вакциной, разместились сами и полетели. Самолёт был почти пуст, только пара пассажиров- старичков до Сивухино, где предстояло произвести посадку. Александр Степанов, сослуживец Виктора, был возбуждён и весел. Он уже не раз бывал в Голованово на звероферме, поэтому с удовольствием информировал приятеля обо всём, что им предстояло увидеть.

- Директор там, мужик нормальный, Носов Зиновий Тихонович. С ним никаких проблем не будет. Разберемся, что к чему, проведём вакцинацию, а время останется, попросим дядьку свозить нас на язя. Ты таких язей никогда не видел! А повезёт, вяленых карасиков домой притащим под пиво. Дядька умеет их вялить, летят махом, как семечки!

Настроение у Виктора от рассказов приятеля улучшилось и, когда самолет садился на песчаную полосу аэропорта Голованово, всё вокруг не казалось таким уж мрачным, как вначале. Их встречала машина зверофермы, куда они погрузили свой багаж и сели сами. Посёлок больше походил на большую деревню: почерневшие от времени рубленые дома и грунтовые улицы тончайшего белого песка, текучего, как вода, с редкими клочками растительности у заборов. Директор встретил их радушно:

- Давно ждём! Беда у нас, лисы стали дохнуть, а от чего не совсем ясно. Чума какая-то, что ли?

Переговорили о дальнейших совместных действиях, наметили план мероприятий, а потом отправились в столовую, где гостеприимные хозяева до отвала накормили прибывших настоящим обедом, какого ни в одном городском ресторане не попробуешь. Если борщ с мясом, то он – с мясом, а поджарка – просто язык проглотить! Да вечера они с Александром и лаборанткой Зиночкой, молоденькой девчушкой из местных, провозились с анализами, а потом отправились устраиваться с жильём. Дом дядьки Степанова оказался добротной, довольно обширной избой с широким подворьем, одна сторона которого была просто берегом широченного, километра в два разлива, а противоположная выходила на улицу с деревянным тротуаром вдоль песчаной дорожной колеи. Дядька жил в доме с младшей дочерью и внучкой, но сейчас их не было: уехали погостить в Тюмень к старшей дочери. Гостей хозяин встретил радушно, Александр ещё до отлёта позвонил ему, сообщил, что прибудет с товарищем.

- Знакомьтесь! Это – коллега мой, Виктор, а это – дядя мой, Иван Матвеевич!

Виктор пожал сухую, мозолистую ладонь старика. Ростом Иван Матвеевич был выше среднего, но годы работы и суровый климат этих мест сделали свое дело. Лицо дядьки прорезали такие глубокие морщины, что непонятно было, где естественный изгиб кожи, а где нажитый. Сухопарую фигуру согнуло, даже как-то скособочило земное притяжение, и только ясный взгляд любопытных, живых глаз говорил о том, что хозяин ещё крепок и вполне может постоять за себя.

- Проходите, гости дорогие! - Иван Матвеевич подождал, пока они снимут обувь, и провел их в большую, светлую комнату со столом у окна и двумя аккуратно застеленными металлическими кроватями с никелированными шарами на спинках. – Располагайтесь! – он сделал широкий жест рукой. – Я пойду на стол накрою.

Дядька вышел, а приятели быстро разобрали привезенные с собой вещи.

- Ну, как тебе? – спросил Виктора Александр.

- Нормально! – отозвался Виктор. Я бы даже сказал, что очень неплохо. По крайней мере, лучше, чем в местном клоповнике жить.

Под «клоповником» он подразумевал заезжий домик, который держала для гостей и таких, как они, командировочных местная власть.

- Пошли ужинать! – позвал Виктор, доставая из сумки бутылку армянского коньяка.

Когда они явились на кухню, дядька уже накрыл стол. Посередине красовалась импортная бутылка из-под вина, однако содержимое её было явно не родным, на что указывала пробка, закрывавшая горлышко.

- Давай сначала нашего! – предложил дяде племянник, открывая коньяк. – А ты самогонку-то принимаешь, или как? – спросил он Виктора, устроившегося на табурет у окна, разливая в рюмки пахучую жидкость.

- А почему бы и нет, - откликнулся приятель. – Самая безопасная вещь, по крайней мере, знаешь, из чего изготовлена. Сахар и дрожжи – больше ничего нет.

- Вот это верно! – подтвердил Иван Матвеевич, нюхая содержимое рюмки.

- Ну что, со свиданьем! – поднял свою Александр.

Они чокнулись и выпили. Закусывали жареными карасями и свежей, только что с грядки редиской. Малосольные огурцы пахли укропом и чесноком и так аппетитно хрустели, что просто грех было не попробовать. Само собой завязался разговор. Говорили о звероферме, о местном житье-бытье, о рыбалке, ну, и как водится – о погоде.

- Как Николай живет? – спрашивал дядька, имея в виду отца Александра и своего старшего сына. Всё мается радикулитом-то?

- В санатории с матерью были в прошлом году, подлечился. А ты нас на рыбалку-то свозишь?

- Это обязательно. Только с четверга на пятницу поедем, а то у меня сменщик заболел.

Дядька уже был на пенсии, но подрабатывал сторожем в местной поликлинике.

- В пятницу, так в пятницу, - согласился Александр. - Сегодня вторник, анализы будут готовы к четвергу, значит, к вечеру и мы будем свободны. Пару телогреек-то найдёшь?

- Слава Богу, этого добра хватает, - дядька разлил остатки самогона. – Ну, что, по последней.

Попив свежесваренного чая и прибрав посуду, все отправились отдыхать, довольные проведенным вечером и друг другом. В доме воцарилась первозданная тишина: ни тебе гула проезжающих машин, ни тебе голосов соседей за стеной, благодать. Виктор еще несколько минут перебирал в памяти события прошедшего дня, пока не уснул крепким, здоровым сном.

Следующие два дня Виктор и Александр занимались тем, для чего они и приехали. Утром в четверг получили результаты анализов, вместе с руководством зверофермы выработали стратегию борьбы с напастью и приступили к вакцинации. Особо срочных дел в ближайшей перспективе не наблюдалось, и они договорились с милейшим Зиновием Тихоновичем, что в пятницу сгоняют на рыбалку.

- В понедельник возьмём анализы, посмотрим, - сообщил Виктор директору. – Если все будет нормально, во вторник полетим домой. Вы уж, Зиновий Тихонович, помогите с билетами.

- Если всё будет в порядке, я вас на себе увезу, - откликнулся обрадованный тем, что эпидемию взяли под контроль, директор. – Конечно, поможем.

Друзья вышли на улицу, и Александр отправился сначала в магазин, купить кое-какие продукты, а потом домой – готовиться к рыбалке. Выезжать, а вернее выплывать, надо было до рассвета: путь неблизкий – километров шестьдесят водой. Виктор же направился в местное отделение почты, позвонить в город и сообщить начальству о текущем положении дел. Почта располагалась примерно в таком же старом доме, как у дядьки Александра. Здесь пахло разогретым сургучом, застаревшим запахом золы из печи и мышами. За стойкой сидела и скучала темно-волосая, молоденькая девчонка со смешными, торчащими в разные стороны косичками. Виктор заказал переговоры и, чтобы скоротать время ожидания, завёл с девчонкой шутивную беседу. Во-первых, он выяснил, что её зовут Клава и ей уже восемнадцать. Во-вторых, что она является директором почты и одновременно почтальоном.

- Поэтому до обеда почта закрыта, нужно разносить корреспонденцию, - с достоинством сообщила она Виктору.

- А, что у вас тут ещё есть интересного? – поинтересовался он у девчонки.

- А ещё у нас по субботам и воскресеньям – танцы! – ответила та. – На танцплощадке у поселкового совета.

- И много народу приходит?

- Да почти всё. Даже пожилые, такие, как вы.

- А что, я очень старый? – рассмеялся от души Виктор, чем поверг девчонку в полное смущение.

Ему только месяц назад исполнилось двадцать девять. Но, видимо, для такой молоденькой девчонки он казался достаточно пожившим, замшелым мухомором. Покрывшись пунцовой краской, его новая знакомая начала бесцельно переключать с места на место бумаги, лежащие перед ней. И в это время открылась входная дверь. В помещение вошла молодая женщина и направилась прямо к стойке. Виктор отступил в сторону, чтобы не мешать.

- Здравствуйте! – поздоровалась вошедшая, не обращая внимания на незнакомца. - Клава, мне тут книги должны были прийти, - обратилась женщина к почтовой начальнице, и голос её показался Виктору таким знакомым, что он невольно повернул голову в её сторону.

- Пришли Виктория Павловна, - соскочила с места Клавдия и бросилась в подсобку, - сейчас принесу.

В помещении стоял полумрак, но Виктор пригляделся и сразу узнал свою одноклассницу Вику Мельникову, которую не видел больше десяти лет. Когда-то, в далёкую пору окончания школы он был страстно,

но безответно влюблён в неё, а все его неловкие ухаживания обычно заканчивались лишь застенчивой улыбкой и вежливым отказом предмета обожания. На выпускном она танцевала с молодым лейтенантом, за которого, как он впоследствии узнал от кого-то, и вышла замуж.

- Вика!

- Разве мы знакомы? – повернулась к Виктору женщина, не признавая в незнакомце своего бывшего одноклассника.

- Ты что, не узнаёшь меня? – Виктор приблизился на пару шагов. – Четырнадцатая школа, десятый «а». Неужели я так здорово изменился?

- Виктор! – наконец-то узнала его женщина. – Завьялов! Откуда ты здесь? – она радостно затрясла его за плечи. – Чего ты молчишь?

- Ты же мне рта открыть не даешь! – обнял одноклассницу Виктор. – Я здесь в командировке, а вот что ты тут делаешь?

- Как что? Живу я здесь, Витенька! Уже семь лет.

В этот момент появилась Клавдия с посылкой в руках, она с нескрываемым интересом смотрела на улыбающихся друг другу посетителей, не вполне понимая, что происходит.

- Одноклассница моя! – пояснил девчонке Виктор.

В этот момент зазвонил телефон и Клавдия, подняв трубку, кивнула вместо ответа, а затем подняла глаза на Виктора.

- Свердловск. Возьмите трубку, - она кивнула Виктору в сторону единственной кабинки с телефоном.

- Ты не уходи никуда! – обратился Виктор к Вике, прежде чем отойти. - Я сейчас быстро!

Начальства на месте не оказалось, и Виктор накоротке переговорил с секретаршей, взяв с нее слово, что та все передаст по инстанции и ничего не перепутает. Закончив разговор, он повесил трубку, подхватил Викторию под руку и под ревнивым взглядом девчонки вывел старую знакомую на свежий воздух.

- Пошли, поговорим! Столько лет ведь не виделись! – он потащил её за собой к скамейке в скверике на другой стороне улицы. – Кого-нибудь из наших ещё видела?

- Давно очень, ещё, когда в городе жила. А ты?

- Сашку Иванова недавно встретил, солидный такой, пижонистый. Уже двух детишек воспитывает.

- Ну да, он же сразу после школы женился. Невеста у него такая симпатичная блондинка была, не из наших. А с кем из девчонок не пересекался?

- В последнее время нет.

- Жалко.

- А сюда-то как попала?

- Распределили после техникума.

- Ты что, техникум закончила, что ли?
- Педагогический. Литература и русский язык.
- Так у тебя же вроде муж военный, а замужних, кажется, не распределяют.

- Был муж, да весь вышел.

- Что так?

- Да, вот так! Жизнь – она сложная штука. А ты-то женился, или всё один болтаешься?

- Болтаюсь. После тебя ни одна женщина не понравилась, вот и не женился.

- Не преувеличивай! – Виктория слегка улыбнулась. – А ты-то здесь, какими судьбами?

- Да вот, с приятелем пытаемся в вашем зверохозяйстве эпидемию среди чернобурок приостановить. Я же биологический факультет закончил в нашем университете. А теперь в областной санитарной службе тружусь. Командировали – куда деваться! Ты лучше о себе расскажи.

- А что рассказывать. Работаю в местной школе завучем, детишкам преподаю литературу. Живём вместе с дочкой, она уже второй класс закончила. Её сейчас, правда, здесь нет, к бабушке на каникулы уехала. Пошли, проводишь меня, здесь недалеко.

Они поднялись и пошли по улице, оживлённо переговариваясь и вспоминая общих знакомых. Встречные жители уважительно раскланивались с Викторией, как со старой знакомой, и с интересом оглядывали Виктора. Видимо в этом небольшом поселке все всех знали, и новые лица вызывали неподдельный интерес. Тем более, когда эти самые лица мужского пола шагали рядом с уважаемым заместителем директора школы по педагогической работе, да ещё и разведённой. Метров через пятьсот Виктория остановилась возле двухквартирного жилого дома, крытого зелёным профнастилом.

- Вот здесь я и живу. Зайдёшь? – она открыла калитку.

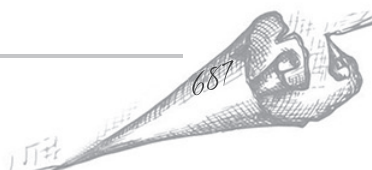
- Я бы с удовольствием, но нас сегодня дядька приятеля на рыбалку везёт, - сделав огорченное лицо, ответил Виктор. – Мы только в субботу во второй половине дня вернёмся. Давай, перенесем встречу.

- Перенесём, так перенесём, - спокойно проговорила Виктория, но он почувствовал, как дрогнул её голос.

- погоди, - он остановил её и взял за плечи. – Ты не обижайся, так уж получилось!

- А я и не обижаюсь! – успокоившись окончательно, ответила девушка. – Беги, я же вижу, что ты торопишься. Ну, беги же! – она слегка оттолкнула его. – До свидания! Рада была с тобой повидаться!

- Я тоже. До субботы! – Он чмокнул Викторю в щёку. – Не скучай! Ещё поговорим.

Уже сделал несколько шагов по дороге, он оглянулся и помахал Викторией рукой. Она все ещё стояла у калитки и смотрела в его сторону. «Вот я дурак! – мелькнуло в голове у Виктора. – Нужна мне эта рыбалка?» Но делать было нечего: уговор дорожке денег.

В доме у Сашкиного дядьки царил полный раскардаш, как и всегда во время сборов в дальнюю дорогу. Прямо на полу лежала куча теплой одежды, которую Иван Матвеевич вытащил из чулана. Александр уже примерял ее, выбирая по размеру.

- Давай, выбирай, что подходит! – встретил он Виктора, предлагая заняться делом. – Палатку и сапоги мы уже в лодку погрузили.

- А где сам Иван Матвеевич? – спросил приятеля Виктор.

- А он к соседу пошел, бензина в канистру нацедить. Ты давай, шевелись, скоро ехать надо.

- А я тут старую знакомую на почте встретил, - сообщил Александру Виктор. – В гости, между прочим, приглашала!

- Да ты что! И кто же такая?

- Бывшая одноклассница. Завучем в школе работает.

- Наверно ещё и бывшая большая любовь? А большая любовь, как говорится, не ржавеет!

- Ну, большая, не большая, а все же.

В этот момент дверь открылась, и появился Иван Матвеевич.

- Готовы?

- Вроде, - отозвался Александр.

- Вы полушубки-то возьмите, ночами холодно. Не на себе же везти, - посоветовал дядька.

И хотя на улице стояло лето, приятели последовали совету пожившего, опытного человека. К тому же, кто лучше местного жителя, всю жизнь занимающегося рыбалкой, может знать, что пригодится, а что нет в эти два дня. Спустя двадцать минут они столкнули алюминиевую «казанку» на воду, загрузили вещи и припасы, и дядька дернул за шнур стартера. Двигатель чихнул, выплюнул облачко выхлопных газов и завелся. Под ровное тарыхтение мотора берег начал быстро удаляться. Дома на берегу вскоре превратились в тёмные точки, и по ближайшему берегу разлива, вдоль которого они двигались, стоял только местами притопленный лес да блестели, отражая заходящее солнце, зеркала мелководных заливов. Виктор с наслаждением откинулся спиной на сложенные в кучу вещи и прикрыл глаза. Легкий ветерок гладил его по щекам, а он вспоминал нечаянную встречу с Викторией. Чем-то эта встреча его взволновала. То ли тем, что он когда-то был влюблен в ту ещё, молоденькую девочку-десятиклассницу, то ли зрелой красотой встреченной уже сегодня женщины.

- Смотри! – толкнул его в плечо Александр.

Виктор приподнялся и поглядел в ту сторону, куда указывал рукой приятель. В разливе впадала какая-то речушка, и на темнеющей воде, покрытой листьями кувшинок, беззвучно скользили два белых силуэта. Лебеди. Они с приятелем некоторое время, молча, наблюдали, как две грациозные белые птицы, не обращая никакого внимания на людей, плавают, занимаясь своими повседневными делами, пока эта пасторальная картина не исчезла за очередным изгибом берега.

- Красиво! – только и смог выдохнуть Виктор.

Утки всех сортов, с выводками и без, встречались на протяжении всей дороги в огромном количестве, а вот лебедей попалась только пара.

- Не любят они, когда их тревожат! – пояснил Иван Матвеевич. – Всё больше на озёрах обретаются, там, куда дорог нет. А здесь всё время моторки тарыхтят, вроде нашей.

- А долго ещё до места плыть? – спросил Виктор.

- Минут сорок, - отозвался Александр, доставая сигареты. – Курить будешь? – он протянул пачку приятелю.

- Не хочется, что-то. Воздух такой чистый – портить нет смысла. Когда ещё вот так подышать удастся?

Часа через полтора они добрались до намеченного места, где в разливе впадала не широкая, метров пятидесяти, но полноводная река. На берегу горел костер, а около него грелись двое мужчин в резиновых броднях и камуфляже. Выйдя на берег, Иван Матвеевич поздоровался с мужчинами, которые оказались старыми знакомыми дядьки из Голованово.

- Ну, как улов?

- А вон, смотрите, - один из мужчин указал рукой на привязанный к кустам садок, в котором серебрилась рыба. – Хорошо язь шёл! Вы-то долго сюда?

- Сейчас сети поставим, и я назад двинусь, - ответил дядька. – А ребята до субботы.

- Ой, как удачно! – обрадовались мужики. – Ты, Матвеевич, нас с собой прихвати. Рыбы наловили, чего тут до завтра сидеть?

- Тогда уху грейте, а мы пока палатку установим да с сетями разберёмся. Пошли, парни!

Они быстро установили палатку, где посуше, и выплыли на плёс в деревянной лодке, столкнув её в воду. Лодка была давно не смолена и протекала, но на дне лежала консервная банка, которой и приходилось то и дело вычерпывать накопившуюся влагу. Установив десятка полтора сетей, проверили первую. В сети трепыхались два приличных, килограмма по два зяя и среднего размера щука. Вода упала, плёс обмелел, и проверять сетки стало плёвым делом: верхняя тетива их крыльев, привязанных к тычкам, была выше воды сантиметров на сорок. На всё про всё ушёл час. Когда они вернулись, мужики уже собрались. Дядька достал самогон, разлили

уху и пару раз приняли за удачу. Солнце скрылось за горизонтом, начало темнеть.

- Ну, что, парни! – поднялся дядька. – Ждите меня утром в субботу. Мужики, грузитесь, нам еще два, а то и три часа тарыхтеть, ночью не разгонишься.

«Казанка» отчалила, и Виктор с Александром остались одни. Ветер стих. Искры от подбрасываемых в огонь сучьев взлетали строго вертикально. Слышно было только бульканье речной струи, вырывающейся на простор разлива.

- Далековато от посёлка, - прервал молчание Виктор.

- Зато самое уловистое место. Да и народу поменьше.

- А сколько до сюда?

- Думаю, километров шестьдесят водой.

Они снова смолкли, думая каждый о своем. Виктор мысленно перебирал подробности их разговора с Викторией, а о чем мечтал Александр, было одному Богу известно. Просидев с полчаса и выпив еще по одной, они отправились в палатку: утро вечера, как говорится, мудренее.

Проснулся Виктор от ощущения, что по руке, прижатой к брезенту палатки, струится, стекая, вода. Сначала он подумал, что это ему снится, но холод, поднимающийся к плечу, заставил его открыть глаза. Рукав тужурки действительно был мокрым, а по крыльям палатки барабанил мелкий моросящий дождик. Этого только не хватало. Виктор сел, окончательно приходя в себя. Рядом безмятежно похрапывал Александр. Часы показывали половину восьмого. Он потрепал за плечо спящего приятеля. Александр недовольно заворочался, чмокая губами, но настойчивость Виктора возымела своё действие.

- Что такое? – спросил, открыв глаза и отыскав Виктора взглядом, Александр.

- Половина восьмого.

- А куда нам торопиться? Да, похоже, и дождь идёт.

- Идёт. У меня вон рукав промок. Что делать-то будем?

- Что делать, что делать? Рыбу ловить будем. Дед плащи в мешок положил, как чувствовал. Полежим еще минут десять и подниматься будем.

- Чай бы вскипятить, да дождь проклятый льёт.

- Вскипятим, костёр-то для чего.

- Попробуй его разожги теперь.

- Разожжём, - спокойно ответил Александр, - не впервой.

И действительно, спустя полчаса, несмотря на то, что дождик так и не прекратился, он реанимировал кострище, а вскоре над пляшущими языками огня забулькал, плюясь паром, закопченный чайник. Опыт – есть опыт, что ни говори!

- Уху позже сварим, - сказал Александр. – Сейчас поедем, сетки проверим.

В брезентовых серых плащах с островерхими капюшонами они походили на куклуксклановцев из американской хроники. В лодке противно хлопала вода, но горячий чай сделал своё дело, парни повеселели. А тут ещё проснулся интерес, что там в сетях? В первой торчали черными поленьями с десятков двухкилограммовых щук. Пока их выпутывали из сетей, Виктор несколько раз поранился об острые, как иголки, щучьи зубы. Кроме этого полы его плаща покрылись рыбьей слизью с прилипшей к ней мелкой чешуёй. Аналогичный улов был и в остальных сетках. К берегу они причалили, когда на дне лодки находилось килограммов пятьдесят, не меньше, ровной, как по стандарту, щуки.

- Ты бери пару штук, чисти! – предложил Виктору Александр. – А я остальную подсолю да в мешок упакую.

- А зачем её подсаливать? Опустить в садок и вся недолга!

- Это тебе не язь! Щука в садке жить не будет, ей простор нужен. А за два дня вымокнет, пропадет. Так что иди, чисти, а я своим делом займусь.

Спустя полчаса они с аппетитом позавтракали приготовленной ароматной ухой и совсем повеселели. Дождь почти прекратился, только иногда из медленно плывущих по небу туч сыпалась влага, скорее похожая на туман. Весь день они, как окаянные, таскали из сетей надоевших щук. Руки парней распухли от постоянных уколов рыбьими костями.

- Что за черт? Ни одного язя! – сокрушался Александр. – Вчера ведь попались. Откуда этой щуки столько, гон у неё что ли?

К концу дня они выловили никак не меньше ста пятидесяти килограммов. Уха порядком надоела, и, когда к вечеру дождь вовсе закончился, попытались готовить щуку на вертелах из тальниковых веток, запекая её над углями. Всё разнообразие. Но и в таком виде рыба уже не лезла в глотку.

- Утром супчик сварим, - подмигнул приятелю Александр, показывая вынутую из рюкзака стеклянную банку с консервированным борщом.

- Откуда? – удивился Виктор.

- Оттуда! – горделиво ответил Александр. – Не первый раз живём! В магазине приобрёл, знал, что рыба надоест. Утром похлебаем, а там и Матвеевич прибудет.

Утром они действительно сварили замечательный борщ на бульоне из чирка, который запутался в одной из сеток. Вещи были упакованы, рыба уложена в мешки, но Ивана Матвеевича на горизонте не наблюдалось. К тому же снова начался мелкий, надоедливый дождь. Они сидели в палатке, тоскуя от вынужденного безделья и матерясь про себя. Суббота пролетала бесполезно и тоскливо.

- Куда старый провалился? – раздраженно бурчал Александр, закуривая очередную сигарету. – Торчим тут, как три тополя на Плющихе!

- Как два тополя, - поправил его Александр. – А, вдруг, вовсе не приедет?

- Будем сидеть, ждать, куда деваться!

- А пешком здесь нельзя добраться? – поинтересовался Виктор.

Александр посмотрел на друга, как на тронутого.

- Это как пешком? По болотам, что ли? Или ты, как Христос, по воде ходить научился? Да если и научился: шестьдесят километров не шутка! Так что сиди, думай о хорошем и воздухом дыши. Надо было карты прихватить, как это я обмишулился!

Часам к двенадцати дождик утих, выглянуло солнце, и парни вылезли из палатки. Развесив у огня отсыревшую одежду, они доедали остатки борща, когда издалека донёсся звук работающего лодочного мотора. А еще минут через двадцать в берег ткнулась «казанка» Ивана Матвеевича.

- Ну, ты, дядя, даёшь! – попенял старику Александр. – Мы тебя к девяти ждём, а ты к часу являешься.

- Так получилось, - сокрушённо ответил дядька. – Сменщик, зараза, не вышел на работу! Внук у него намедни родился, вот и загулял! Я пока замену не нашёл, никак выехать не мог. Зато я баню затопил, да с соседкой договорился, чтобы подбрасывала. Вернёмся, попаримся!

Когда они добрались до Голованово погода совсем разгулялась. Солнце палило почти как в июле, а растения на дядькином огороде после обильного полива тучно зеленели и благоухали. Пойманную щуку опустили в ледник, а сами после бани легли отдыхать: сон в мокрой палатке – не слишком приятное занятие. Проснулись к вечеру.

- Ну, что делать будем? – спросил Александр Виктора после ужина. – Может, на танцы сходим?

- Я хотел знакомую свою навестить.

- Успеешь, навестишь. Составь компанию, заодно и с местной публикой познакомишься, а то всё работа да работа. Одному идти как-то неудобно. А не понравится, пойдёшь к своей знакомой.

- Ну, на танцы, так на танцы! Надо тогда хоть рубашку погладить.

- Пошли на кухню, я там утюг видел.

В девять вечера, наглаженные и наодеколоненные, друзья вышли из дому. После утреннего дождя песок на дорогах не успел высохнуть, и дышалось легко и приятно. В обычные дни мельчайшая взвесь постоянно висела в воздухе, оседала на потное тело и противно скрипела на зубах. А в этот вечер всем, кто явился на танцплощадку, крупно повезло: было свежо и комфортно. Деревянная танцплощадка, обнесённая легким, но довольно высоким ограждением, находилась рядом с небольшой, выложенной дорожными плитами площадкой, прямо перед двухэтажным зданием местной поселковой власти. Народ уже веселился вовсю, судя по громкой музыке, разносимой по округе усилителями. Друзья приобрели билеты, и вошли внутрь ограждения, проталкиваясь сквозь плотные ряды стоящих по сторонам вокруг танцующих пар зрителей. Над ракушкой сцены был

повешен мощный прожектор, бивший прямо в глаза, да так, что ничего вокруг толком нельзя было разглядеть. Потоптавшись пару минут, друзья решили переместиться ближе к сцене, под прожектор.

- Тут не только партнёршу не выберешь, но и ослепнешь к тому же! – высказался по поводу светильника Александр.

Со стороны сцены все присутствующие на мероприятии были видны, как на ладони.

- Глянь, вон наши стоят! – толкнул Виктора в бок Александр, глазами указывая на парочку девушек, стоящих возле ограждения. – И по возрасту подходят.

Виктор пригляделся к предполагаемым партнёршам по танцам и в одной из них к своему удивлению узнал Викторию.

- Да это же Вика!

- Которая?

- Та, что в сером платье.

- А ничего у тебя одноклассница! – похвалил Александр. – Ну, так пошли, чего мы ждём?

Прятели решительно направились в сторону девчат.

- Разрешите скрасить ваше одиночество? – с ходу начал Александр. – Не возражаете? Давайте знакомиться. Меня Александром зовут, а это – Виктор.

- Добрый вечер, Вика! – поздоровался Виктор, прерывая красноречие Александра.

- А вы что, знакомы? – повернулась к подруге вторая девушка, с круглым, смешливым лицом, обрамленным копной рыжих, почти медного цвета волос.

- Знакомься, Рита. Мы с Виктором в одном классе почти шесть лет проучились. А это его коллега, как я понимаю.

- Ой, как интересно! И какими судьбами вы в наши края попали? – взгляд рыжей хохотушки прямо светился неподдельным интересом.

- Да вот, начальство направило ваше предприятие из беды выручать.

- Это, какое предприятие?

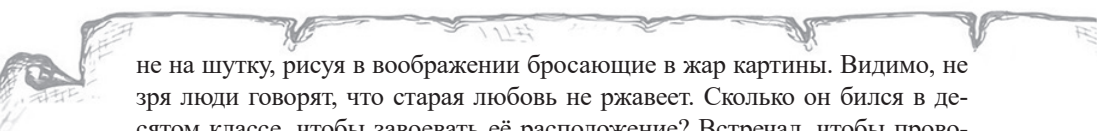
- Звероферму.

- Так вы по поводу чумки у лис приехали? – поняла, наконец, Рита.

- Биологи они! – пояснила Вика.

- Кончайте ребята про работу! – вмешался в разговор Виктор. – Пойдете танцевать! – он подхватил Викторию под руку.

В это время ансамбль гитаристов как раз заиграл мелодию похожую на танго. Танцуя с Викторией, Виктор ловил себя на мысли, что ему приятно вести по кругу танцующих эту девушку, ловить каждое, невзначай брошенное и предназначенное только ему слово, каждую подаренную улыбку. Даже запах духов смешивающийся с запахом женского тела возбуждал его

не на шутку, рисуя в воображении бросающие в жар картины. Видимо, не зря люди говорят, что старая любовь не ржавеет. Сколько он бился в десятом классе, чтобы завоевать её расположение? Встречал, чтобы проводить в школу, приглашал в кино, старался быть рядом в любых делах класса – всё бестолку. А сейчас она, уже взрослая и похорошевшая женщина, без тени смущения прижималась к нему своим горячим телом, отзываясь улыбкой на все его глупости и заставляя вздрагивать от случайного прикосновения высокой, упругой груди. Душу его охватило волнение, какого он не испытывал давным-давно, с тех самых пор, как однажды, на какой-то вечеринке у одного из друзей его не познакомили с удивительно похожей на Вика девчонкой. Испытав друг к другу внезапно вспыхнувшую симпатию, они до полуночи целовались с ней на кухне, не обращая внимания на остальных. Тогда ему показалось, что он, наконец-то, встретил ту, которую искал всё это время и что она вытеснит из его снов старую школьную любовь. Увы, всё оказалось пустым и слишком банальным. Через месяц они разошлись, не испытав при этом ни обиды друг на друга, ни разочарования, а при случайных встречах только вежливо кивали друг другу.

- А ты почему до сих пор не женился? – заглядывая ему в глаза, спросила Виктория. – Тридцать скоро, не мальчик уже.

- Не знаю, - очнулся он от воспоминаний. – Не встретил, видимо, единственной и неповторимой. А, может быть, как говорит мой приятель, не созрел для такого ответственного шага. И, вообще, женщинам я не интересен.

- Это ещё почему?

- Нет во мне brutality, или как это там у вас называется?

- Не говори ерунды! Вполне симпатичная, мужественная личность.

- Вот именно – личность! А женщине не личность нужна, а мужчина, защитник, который, взяв её за руку, поведёт по жизни.

- Дурачок! – она прильнула к нему, прижавшись щекой к плечу. – Какой ты ещё дурачок! Много ты понимаешь, чего женщине нужно.

Танец закончился, и они вернулись на место, не выпуская рук друг друга.

- Хорошо тут у вас, - высказался вернувшийся с рыжей подружкой, слегка взъерошенный и запыхавшийся Александр.

- Это ещё почему? – спросила, глядя на него с нескрываемым обожанием, Рита.

- Ну, природа, рыбалка отменная! Далеко ходить не надо, всё рядом, не то, что в городе: позавтракал и через десять минут на работе. Да и девчата хоть куда! – он чмокнул в щёку медноволосую подругу, от чего та зарделась, как мак.

- И всё, - возразила Вика. – А зимой скука, хоть вой. Клуб уже второй год не работает, развалился. Хорошо хоть телевизор есть. А о театре

только мечтать можно. Рад до смерти, если раз в год на большую землю выберешься.

- Не будем о грустном! – перебил однокласснику Виктор. – Пошли лучше потанцуем.

До конца вечера они больше не возвращались к личному, болтая о всякой всячине. А когда закончился последний танец и народ подался к выходу, там образовался затор, организованный группой молодых парней.

- Готовься, Вить, - загадочно высказался Александр.

- К чему? – не понял Виктор.

- Местная традиция. Что за танцы без мордобоя! Тем более, что мы на местных барышень покусились.

- Никаких мордобоев! – возмутилась Виктория. – Я сейчас, – она решительно ринулась к выходу, раздвигая толпу, - подождите меня.

Через минуту девушка возвратилась, поправляя растрёпанную прическу.

- Ты куда это бегала? – поинтересовался Виктор.

- Да так. Пойдемте, проводите нас по домам, если не возражаете?

- Мы, да возражаем! – в шутку возмутился Александр. – Такие красивые девушки одни ходить не должны, тем более по ночам!

Компания двинулась к выходу, и уже через минуту оказалась в самом узком месте. Виктор уже приготовился дать достойный отпор местным бойцам, но к его удивлению парни расступились, пропуская их на площадь.

- Этих не трогать! – расслышал он. – Специалисты из Москвы по лицам.

Уже когда они пересекли площадь и углубились в улицу, он, наконец, решил задать Виктории вопрос:

- Это ты им сказала, что мы спецы из столицы?

- Я. А что – неправда? Не всё ли равно, откуда вы приехали.

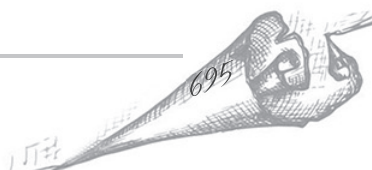
Виктор ничего не ответил и только пожал плечами.

- О чём это вы? – спросил заболтавшийся с Ритой и не расслышавший последних фраз Александр.

- Так, о своём, о девичьем! – откликнулся Виктор, и, повернувшись к Виктории, прижал палец к губам.

- Нам здесь направо, - придержала Виктора девушка. – А вам – прямо! – обратилась она к Александру. – Рита, ты мне позвони завтра перед обедом.

Они распрощались друг с другом, и разошлись. Дальнейшая дорога до дома Виктории прошла в молчании. Слышался только шелест листвы в вершинах берез, да нестройный звук баяна, доносившийся издалека. Виктор чутко прислушивался к тому, что творилось в его душе. Забытые чувства к Виктории разгорелись с новой силой, и он уже ничего не мог с этим поделать.

Зайдешь? – просто спросила она, когда они подошли к калитке.

Он, молча, сжал её ладонь и шагнул следом. Баян надрывался в ночной тишине, выводя фальшивые рулады. «Руки бы тебе оторвать!» - последнее, что подумал Виктор о баянисте, переступая порог.

Огромное, желтое блюдо луны заглядывало в темную комнату, освещая смятые простыни на кровати, дробясь и отражаясь в хрустале бокалов на столе. Мягкая женская рука лежала на груди у Виктора, а лёгкое дыхание щекотало мочку правого уха.

- Тебе хорошо? – спросила Виктория, прижимаясь щекой к его плечу.

Он не ответил, а просто приподнялся на локте и поцеловал ее со всей той нежностью, какая неожиданно проснулась в нём, захлестнув, как половодье. Годы разлуки и неведения только обострили дремавшие чувства.

- А помнишь, как мы ходили в поход в девятом классе?

- Это когда? – спросил он.

- Весной.

- Помню.

Той весной рано сошёл снег, и зацвели на солнечных взгорках желтые, как цыплята, прострелы. В лесу пахло прошлогодней прелой листвой, терпким запахом сосновой смолы и тем особенным ароматом, который нам каждый год дарит просыпающаяся к жизни природа. Он даже вспомнил, во что Виктория была одета: синяя болоньевая курточка и полосатый вязанный берет.

- А ты мне тогда нравился! Правда. Но Наташка Краснова сказала всем девчонкам, чтобы к тебе не клеились.

- Да ты что? – он с трудом припомнил те знаки внимания, что выказывала ему первая спортсменка школы и круглая отличница Наташка. – Я и не заметил ничего. Мне-то ты нравилась, а не Наташка.

- А почему ты мне об этом не сказал тогда?

- Постеснялся. К тому же ты тогда была такой недотрогой, что к тебе, и приблизиться страшно было.

- Глупый! Ничего бы тебе не было, - она тихонько рассмеялась, крепко прижимаясь к нему всем телом. – Какие мы были маленькие и смешные!

- Думаешь, сейчас поумнели? – он обнял её второй рукой, вдыхая волнующий запах женских волос.

- Не знаю. Но, может быть, всё было бы совсем по-другому.

- Что всё?

- Всё. – Она глубоко вздохнула. – Иди ко мне, мужчина мой.

- Я и так с тобой.

- Не торопись! Как же мне хорошо!

Диск луны сместился в угол окна, и Виктору показалось, что тёмное пятно на светлом фоне светила, похожее на глаз, нахально подмигнуло ему.

...Когда рано утром он явился в дом Ивана Матвеевича, Александр крепко спал, закрывшись с головой простынёй. Стараясь не шуметь, Виктор разделся и тоже юркнул в постель: может быть, удастся поспать хотя бы часок. Разбудил их в половине десятого дядька.

- Подъем, парни! Солнце уже в зените. Быстренько умывайтесь и – за стол, чай я уже вскипятил!

- Тебя где носило? – спросил Александр, когда они брились. – Я уже было волноваться начал. Не дай Бог, думаю, местные прижмут.

- Всё нормально.

- Я вижу, что нормально, - ухмыльнулся Александр. – То-то у тебя физиономия, как надраенный пятак, сверкает.

- Сам-то во сколько вернулся? Кстати, как рыженькую проводил? Не укусила?

- Не укусила, - засмеялся Александр. – Поленницу дров во дворе, правда, рассыпали.

- Как так?

- Да вот так! Навалились, а она возьми и рухни!

- Ну, вы даёте! Не сломали ничего?

- Не сломали. Сменили место и вся недолга! Собаки, правда, побрежали, но родня не всполошилась. Пошли завтракать, Дон Жуан!

- От такого и слышу. Вечером, кстати, в кино сходить не желашь? А то мы с Викой в семь у кинотеатра встретиться договорились.

- А почему бы и не сходить, выходной ведь.

До вечера они помогли Матвеевичу перекопать освободившиеся от урожая гряды, и отремонтировать шиферную кровлю над стайкой, где весело хрюкала здоровенная свинья с черными пятнами на светлых боках. Поужинав и прибравшись, приятели отправились к кинотеатру, где и обнаружили обеих девушек, ожидающих кавалеров.

- Добрый вечер всем! – приветствовал девчонок Александр. – Рита, золото моё, вы с каждым днём всё прекраснее! А вы, Виктория, ну, прямо совершенство, аж смотреть больно!

- А вы, Александр, всё такой же галантный! – Вика взяла Виктора под руку. – Не вводите девушек в краску. Видите, как Рита смущается.

- Вот ещё! – дернула плечом рыженькая. – Пойдемте, а то сеанс скоро начнётся.

Они двинулись в сторону входа в кинотеатр.

- А что за картину крутить будут? – поинтересовался Виктор.

- Да какая разница, - отозвался Александр, обнимая Риту за плечи, - когда рядом такие красавицы! Вперед и с песней!

Уже ночью, когда усталая Виктория на несколько минут уснула, Виктор попытался вспомнить сюжет серенькой, безликой кинокартины. Это ему удалось не вполне. Запомнилась только банальная фраза главного героя, сказанная героине в финале:

- Всё у нас впереди!

Может быть, и у них с Вероникой всё впереди? Кто об этом знает наверняка?

В понедельник пришли результаты анализов, и стало ясно, что эпидемия пошла на спад. Об этом красноречиво говорило поведение лис, ставших гораздо активнее, и настроение повеселевших работников фермы. Зиновий Тихонович, директор, обычно скупой на похвалы, в этот раз не смог скрыть радости:

- Молодцы, мужики! Выручили вы нас, чего и говорить! Думали, всё поголовье придётся уничтожать. Если бы не вы, большая беда приключилась бы!

- Ну, что вы, Зиновий Тихонович! Это не только наша заслуга, но и ваших работников, - скромно ответил на тираду директора Виктор. - Надо бы отличившихся поощрить. Вон Зиночка и дневала и ночевала в лаборатории. Да и девчата старались, помогали, как могли.

- Поощрим! Это – обязательно. Вы-то как, завтра летите?

- Мы своё дело сделали, Зиновий Тихонович, - вступил в разговор Александр. - Чего нам тут сидеть, государственные деньги проедать? Остальное ваши люди завершат.

- Добро. Билеты на самолёт вам будут, я с начальником аэропорта договорился. Так что можете завтра лететь. А часам к пяти прошу ко мне, отметим это событие и проводим вас, как следует.

- Спасибо, Зиновий Тихонович! – ответил за обеих Александр.

А Виктор не знал, радоваться ему, что командировка заканчивается, или нет. Эти две ночи, проведённые с Викторией, дали ему понять, что до этой нечаянной встречи жизнь его холостая и свободная, как он считал, вполне достойная, по сути, оставалась пустой и пресной. Шумные вечеринки по выходным и случайные красавицы, делившие с ним постель, а по утрам исчезающие бесследно, уже не казались чем-то нормальным и обыденным. Хотелось, чтобы тебя понимали и ценили, а женщина рядом была не только предметом страсти, но и подругой, идущей с тобой по жизни, плечом к плечу. Чтобы вернувшись, домой, тебя встречала любимая и единственная, без которой всё вокруг теряло и цели, и смысл. Чувства, которые он испытывал к Веронике в школе, разгорелись с новой силой и заполнили его без остатка, захлестнув остальные, казавшиеся теперь второстепенными и ненужными дела и заботы. Надо было на что-то решаться, а он не знал, как поступить. Ему не хотелось вновь потерять ее, но и резко менять привычный порядок жизни тоже было страшновато. К тому же у нее дочери пять лет, и неизвестно, как посмотрят на это его родители, особенно мать. Хотя, если подумать, он уже давно отрезанный ломоть, да и живут они теперь далеко за Уралом. Так что решать придётся самому.

- Ты о чём это так задумался? – спросил, когда они вернулись в лабораторию, Александр.

- Да так, - ответил, не вдаваясь в подробности того, что у него творится на душе, Валентин. – Уезжать даже не хочется.

- Что, одноклассница прикипела? – ухмыльнулся Александр. – Ты кончай это дело, нам лететь завтра. Вернёшься в город, дурь выветрится.

- А тебе вот Риту не жалко?

- А чего её жалеть? Ну, погуляли, повеселились, пора и честь знать. Мы же друг другу ничего не обещали, в долг не давали, да и на крови не клялись. Хорошая девчонка, и дай ей Бог счастья!

- А всё равно, нехорошо как-то.

- Ты чего, моралистом вдруг стал? Не похоже на тебя.

- Сам удивляюсь.

Виктор едва дождался окончания дня. В пять у директора они скромно отметили завершение командировки, и, несмотря на уговоры Александра продолжить это дело дома, Виктор категорически отказался. Он подумал, что будет большим свинством не попрощаться с Викторией и что этого он себе никогда не простит. Расставшись с товарищем, через десять минут стучался в знакомую дверь.

- Вот, проститься пришел, - первое, что сказал, войдя в прихожую.

Переступая с ноги на ногу, он не представлял, как продолжить. Она смотрела, молча, не отрывая глаз от его лица, и в них чувствовалось внутреннее напряжение и тревожное ожидание того, что произойдет дальше.

- Командировка закончилась, завтра улетаем.

Виктория понимающе кивнула головой, и глаза ее начали наполняться влагой. Вот уже и слезинка соскользнула по щеке. Виктор шагнул ближе и обнял девушку, понимая, что нет у него таких слов, что смогут ее успокоить. Он гладил ее по спине, проклиная себя за то, что не может ничего изменить. Слегка успокоившись, она подняла к нему заплаканное лицо.

- Останешься?

Он кивнул, не выпуская Викторию из объятий, и выдавил из себя:

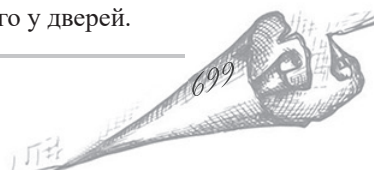
- Не плачь!

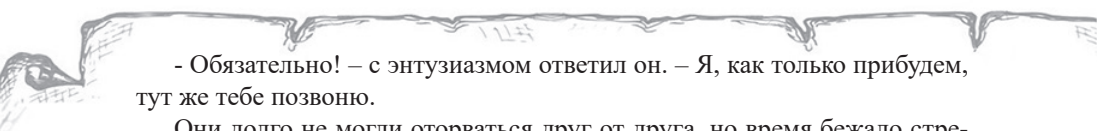
- Не буду, - девушка попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какой-то вымученной. – Пошли, я тебя покормлю.

- Спасибо! Мы уже на работе поужинали.

Ночь пролетела в жарком шёпоте, сменяющемся периодами внезапного молчания. В эти минуты тишины он понимал, что она ждет от него таких слов, от которых весь мир становится светлее и добрее, но произнести их не мог, так как до конца не был уверен в их правдивости, да и в себе тоже. А обманывать не хотел. Утро пришло неожиданно и неизбежно.

- Мы еще увидимся? – спросила она, провожая его у дверей.

- Обязательно! – с энтузиазмом ответил он. – Я, как только прибудем, тут же тебе позвоню.

Они долго не могли оторваться друг от друга, но время бежало стремительно. Наконец, он взял себя в руки.

- Я пошёл, а то опоздаю.

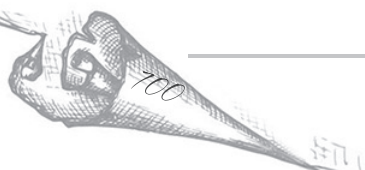
- Ты обязательно позвони, - сказала она, отпуская его.

Дверь закрылась, а через полтора часа «аннушка» подняла их с Александром и остальными пассажирами в воздух, укачивая на упругих волнах встречного ветра. Дядька, как и обещал, выделил им почти полный мешок вяленых карасей и сейчас этот мешок лежал между ними у ног, источая запах, от которого рот наполнялся слюной. Виктор отвернулся, прижав лицо к иллюминатору, и смотрел вниз на проплывающие под самолётом болота и перелески. Что же он сделал не так?

...Много лет пройдёт, пролетит незаметно, а иногда и вскачь, прежде чем Валентин поймет, что настоящую любовь жизнь человеку дарит только раз. И только она, великая, всепоглощающая любовь к женщине, детям, семье и родной земле наполняет эту самую жизнь смыслом. Нужно только ее не проглядеть.

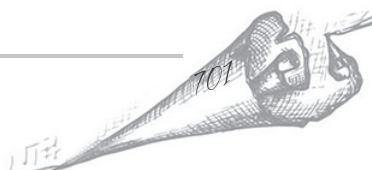
А в тот раз он так и не позвонил.

9 марта 2016 г.

Содержание

Сука. Рассказ	4
Невезуха. Рассказ	8
Яшка. Рассказ	13
Один день. Рассказ	22
Деревня. Рассказ	31
Затмение. Рассказ	44
Пальто. Рассказ	54
Махнём не глядя. Рассказ	64
Рикошет. Рассказ	70
Зинаида. Рассказ	91
Баня. Повесть	105
Свадьба. Рассказ	162
Турист. Рассказ	169
Рита. Рассказ	187
Четыре дня прораба Паши Овечкина. Повесть	193
Практика. Повесть	249
Мост. Повесть (под редакцией Г.Беловол)	278
Васькина дача. Рассказ	574
В одном прекрасном месте на берегу реки. Рассказ	603
Самоволка. Рассказ	630
Короткое лето Семёна Саблина. Рассказ	655
На глазок. Рассказ	672
Командировка. Рассказ	682

Станислав Юрченко

Литературно-художественное издание

ЮРЧЕНКО
Станислав Георгиевич

Собрание сочинений в четырех томах

Том 3

Верстка и дизайн Александра Шамова

Подписано в печать
Формат Печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Контраст»,
192171, Санкт-Петербург,
Железнодорожный пр. дом 20,
Тел. 8(921) 917-17-85
e-mail:oocontrast@yandex.ru

